

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

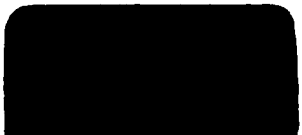
We also ask that you:

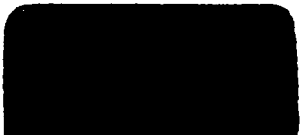
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190620 2

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1878

І Ю Л Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПОЛЬ-ДЖОНСЪ. Разказъ изъ исторіи XVIII вѣка (1736—1792). Н. Воева.
- II. ВЪ СЕРБІИ 1876—1877. Записки добровольца. Окончаніе. В. В. Яшперова.
- III. ВОСПИТАНІЕ СЛАВЯНЪ ВЪ АВСТРІЙСКИХЪ ШКОЛАХЪ. Изъ личныхъ воспоминаній. Л. М. Д.
- IV. ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Гл. LXVI—LXVIII. А. Л. Зиссермана.
- V. АНГЛІЯ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Р.
- VI. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. VIII. (1806—1809).
- VII. ИЗЪ ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА. Н. А. Любимова.
- VIII. РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА. (Ut de Franzosentid.) Франца Райтера. Переводъ съ нижне-нѣмецкаго. Гл. XI—XV.
- IX. ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ. Гл. XXIX—XLI. В. М. Маркевича.
- X. КАМЕНЬ СИЗИФА. Гл. XVI—XIX. К. Н. Леонтьева.
- XI. ЗАМѢТКА ЧИТАТЕЛЯ НА СТАТЬЮ А. М. БУТЛЕРОВА „ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ И МЕДИУМИЗМЪ“. Н. А. Головкинскаго.
- XII. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.
- XIII. ИСПЫТАНІЕ. Д. В. Аверкіева.
- XIV. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. Л. Зиссермана.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

47
издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

11
МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1878

U. I. . .

**THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY**
660061
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

ПОЛЬ-ДЖОНСЪ

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ИСТОРИИ XVIII ВѢКА

(1736—1792)

Въ обществѣ и печати возбужденъ живой интересъ по вопросу о *добровольномъ флотѣ*, крейсерахъ, канерахъ и пр. Пожертвованія идутъ со всехъ сторонъ. Любопытнѣе всего то, что объ этомъ вопросѣ уже думала императрица Екатерина и именно такіа цѣли имѣла въ виду, вызывая къ себѣ знаменитаго „лѣвителя морей“ Поля-Джонса, разказъ о которомъ будетъ предметомъ настоящаго очерка.

„Посмотримъ чего онъ потребуетъ, писала государыня Гримму (отъ 2го мая) и каковъ его планъ. Я думаю лучше всего было бы, если Англія осмѣлится объявить войну, намъ, съ нашими канерскими свидѣтельствами забирать сколько можно болѣе ихъ кораблей; тогда она какъ разъ прекратила бы войну“. А въ началѣ сентября того же (1788) года императрица писала: „Англія обѣщаетъ остаться нейтральною, но она уже столько разъ противорѣчила самой себѣ что трудно тому вѣрить“...

I.

Царствованіе полное славныхъ дѣлъ, мова о которыхъ ходила по Европѣ; какая-то усиленная жизнь, невольно увлекавшая всякаго кто къ ней приближался; время выдвигнувшее у насъ сильныя и крупныя личности,—все это естественно привлекало въ Россію людей не усиживавшихся дома, безлокобно искавшихъ подвиговъ, славы, наживы, приключеній, которыми такъ богатъ XVIII вѣкъ.

У насъ принято относиться къ этимъ лицамъ какъ бы враждебно, ибо образъ „авантюриста“, особенно въ чужомъ обществѣ, возбуждаетъ несочувствіе. Однако многія изъ этихъ лицъ имѣютъ за собою несомнѣнныя заслуги, даже подвиги, и стоять внимательнаго разсмотрѣнія, хотя могутъ быть названы собственно „искателями приключеній“. Къ этому же разряду людей однако должно отнести и знаменитаго завоевателя Мексики, и братьевъ Пизарро, и нашего Ермака, изъ которыхъ послѣдніе по обыкновенному смыслу вещей должны быть рассматриваемы какъ государственныя преступники.

Мы не намѣрены дѣлать сравненій, но хотимъ сказать только что человекъ такъ исполдившій долгъ и храбро послужившій интересамъ Россіи заслуживаетъ упоминанія не говоря уже о типичности такого лица какъ Поль-Джонсъ.

Поль-Джонсъ, знаменитый корсаръ, прозванный „лѣвителиемъ моря“, устроитель Северо-Американскаго флота, наводившій именовъ своимъ ужасъ на Англичанъ, вождь эскадры Лудовика XVI, человекъ жизнь котораго служила темой для романистовъ, боецъ за свободу Америки, гдѣ была выбита въ честь его золотая медаль—такой человекъ выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ авантюристовъ. Имя Джонса однако мало извѣстно у насъ; о пребываніи его въ Россію сохранились лишь отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы и постараемся свести здѣсь въ одно цѣлое.

Джонсъ пріѣхалъ въ Россію въ 1788 году. По однимъ источникамъ онъ былъ приглашенъ императрицей насамъ-шавшейся о его необыкновенныхъ дарованіяхъ, а по другимъ—явился безо всякаго свѣщенія съ нашимъ дворомъ; во всякомъ случаѣ онъ былъ уже тогда значительномъ извѣстностью.

Секюръ, * самъ ратовавшій некогда за свободу Америки, знался его представить ко двору и имя его очевидно было таково что императрица не затруднилась принять его въ русскую службу прямо въ званіи контръ-адмирала.

Джонсъ былъ небольшого роста, смуглый, плотный человекъ, характера рѣзкаго, грубаго и повелительнаго. Портретъ писанный съ него въ Парижѣ изображаетъ его въ шлѣпѣ съ кокардой, гордо подбоченившимся лѣвою рукой, а правую опирающимся на морской палашъ. Камзолъ, раскрытый сверху груди, широко подпоясанъ шалью, за которой видны приклады пяти пистолетовъ. Взглядъ упорный, носъ вздернутый, губы тонки и сжаты съ насмѣшливою улыбкой. Личная храбрость его доходила до бѣшенства. Славъ камзолъ, съ засученными рукавами, съ топоромъ въ рукѣ, онъ появлялся на лаубѣ, угрожая смертью всѣмъ уклоняющимся отъ боя. „Подвиги его были достойны удивленія, говоритъ знаменитый романистъ Куперъ, но честолюбіе и корыстолюбіе помрачали его славу, которой онъ несомнѣнно былъ бы достоинъ въ отдаленномъ потомствѣ“..

Таковъ былъ человекъ въ 1788 году явившійся въ Россію и поступившій въ русскую службу въ званіи контръ-адмирала Черноморскаго флота.

II

Поль Джонсъ родился въ Шотландіи, по однимъ свидѣніямъ въ 1736 **, а по другимъ въ 1737 году, *** близъ Киркудбрайта, въ помѣстьи графа Селькиркъ, у котораго отецъ его былъ садовникомъ. Джонсъ съ раннихъ лѣтъ свыкъся съ моремъ. Мальчикомъ тринадцати лѣтъ онъ уже ходилъ въ Америку на кораблѣ какого-то купца юнгой. Поэтому свидѣніе что онъ бѣжалъ изъ Англіи отъ вистлицы, грозившей ему за какое-то преступленіе, **** едва ли заслуживаетъ

* *Biogr. Univers.* Michaud. 135—137 „D'une taille petite et ramassée и проч. Также *Дневникъ Храповицкаго* изд. Н. Барсукова 1874 года стр. 497—499. Примѣчаніе.

** *Biogr. Univ.* p. 37.

*** *Библ. для Чт.* 1844. № 7. Ст. „Берега Нижн. Дун.“ стр. 27.— *Война Россіи съ Турціей.* Богдановича стр. 134.

**** *Зап. Храпов.* Примѣчаніе стр. 499.

вѣроятія. Во всѣхъ источникахъ, которыми мы пользуемся, очень мало свидѣній о первыхъ годахъ его молодости. Говорятъ что ужасъ внушенный ему жестокостію Англичанъ въ отношеніи плѣнныхъ Американцевъ отвратилъ его отъ отечества. * Какъ бы то ни было, съ нимъ случилось какое-то преисшествіе бывшее причиною сильнаго перелома въ его жизни и глубокой ненависти къ соотечественникамъ, которымъ онъ за что-то метилъ упорно всю жизнь, и между которыми има его скоро стало возбуждать ужасъ. Онъ поступилъ на службу въ грозные годы, когда Американскія колоніи объявили себя независимыми. Здѣсь его дарованія и ненависть къ Англичанамъ нашли себѣ примѣненіе.

Онъ былъ замѣченъ, и уже въ 1775 году мы видимъ его лейтенантомъ колониальнаго флота. При открытіи военныхъ дѣйствій противъ Англичанъ, конгрессъ поручилъ ему вооружить небольшую эскадру и усилить ею флотъ адмирала Голкинса, главнаго начальника американскихъ морскихъ силъ. Исполнивъ это съ большимъ успѣхомъ, Джонсъ былъ назначенъ командиромъ судна *Провидансъ*, съ которымъ охранялъ и благополучно привелъ въ Нью-Йоркъ огромный транспортъ артиллеріи и купеческія суда. ** Вслѣдъ затѣмъ посланный конгрессомъ для принятія строившагося въ Голландіи, по заказу Американскаго правительства, 36пушечнаго фрегата *Индіана*, Джонсъ отплылъ въ Европу въ 1777 году на небольшомъ 16пушечномъ корветѣ. Горя желаніемъ мести, онъ съ отчаянною смѣлостію, не имѣя даже, кажется, на то полномочія конгресса, вдругъ появился у береговъ Англіи, высадился въ Кумберландѣ и только съ 30 человекъ матросовъ овладѣлъ фортомъ, заклепалъ пушки и сжегъ стоявшія здѣсь суда. Благодаря удачнымъ и смѣлымъ маневрамъ и превосходству хода своего фрегата, онъ благополучно ускользнулъ отъ англійскихъ крейсеровъ, посланныхъ противъ смѣлаго моряка и присталъ къ берегамъ Шотландіи. Здѣсь онъ наложилъ контрибуцію на родное графство Селькиркъ, принудилъ англійскій фрегатъ спустить флагъ и, наведя ужасъ на всѣхъ, торжественно явился въ Брестъ, морской портъ Франціи, которая тогда приняла сторону Американцевъ и объявила войну Англіи.

* *Biogr. Univ.* стр. 37.

** *Biogr. Univ.; Морск. Сб.* 1851, стр. 355.

Но самымъ славнымъ дѣломъ въ жизни Джонса была битва, въ августѣ 1779 года, съ двумя англійскими фрегатами. Выйдя изъ Бреста на купленномъ конгрессомъ у Остъ-Индской компаніи старомъ суднѣ *Дюрасъ* онъ встрѣтилъ около береговъ Ирландіи англійскій кулеческій флотъшедшій изъ Балтійскаго моря подъ охраной двухъ большихъ фрегатовъ. *

Несмотря на неравенство силъ и невѣжество своего корабля, Джонсъ тотчасъ всталъ на непріятеля и послѣ отчаянной борьбы принудилъ оба фрегата сдаться. Битва эта считается одною изъ самыхъ достопамятныхъ, по храбрости и искусству дѣйствиі сражавшихся **. Побѣдитель потомъ долгое время бороздилъ Сѣверное море на своемъ поврежденномъ кораблѣ, подвергаясь всякимъ лишеніямъ и опасностямъ, пока въ концѣ октября 1779 года не достигъ одного изъ портовъ Франціи, гдѣ сдалъ до 600 человекъ лѣтвыхъ.

Этотъ блистательный подвигъ сдѣлалъ имя Джонса извѣстнымъ всей Европѣ. Лудовикъ XVI пригласилъ его въ Парижъ, лично выразилъ ему свое удивленіе, принялъ его вообще съ большимъ почетомъ и наградилъ орденомъ и золотою шпалой съ надписью. Высшее парижское общество такъ же оказывало ему вниманіе и осыпало любезностями. Здѣсь его бурная жизнь освѣтилась эпизодомъ вѣрной страсти къ прелестной, остроумной графинѣ Лёвендалъ, оцѣнившей суроваго морскаго героя. Когда онъ появлялся въ театрѣ или на гуляньѣ, народъ, страстный къ славѣ, встрѣчалъ его кликами и рукоплесканіями. Къ этому же времени относятся его дружескія сношенія и постоянная переписка съ Лафайетомъ и Франклиномъ.

Предъ отъѣздомъ изъ Франціи съ нимъ произошелъ случай весьма характеристичный. Французскіе морскіе офицеры, несмотря на уваженіе къ его заслугамъ, не могли побѣдить въ себѣ антипатію къ этому грубому, высокомерному человѣку, и успѣхи его при дворѣ и въ обществѣ многимъ стали казаться незаслуженными ***. Наканунѣ

* *Сравненіе и Графиня Скарборо* Biogr. Univ. Дневн. Храповицкаго.—*Война съ Турціей*. 315.

** *Морск. Сб.* 315—400.

*** *Biogr. Univ.*; *Морск. Сб.* 1851.

отпавтія изъ Бреста, Джонсъ былъ умышленно оскорбленъ въ одной кофейной молодой французскимъ лейтенантомъ, и на сдѣланный послѣднимъ вызовъ отвѣчалъ что не стрѣлится, ибо у его отечества слишкомъ мало рукъ чтобы рисковать жизнью въ поединкахъ. Такой неожиданный отвѣтъ возбудилъ ролотъ присутствовавшихъ. Но Джонсъ, не обращая на это вниманія, съ необыкновенною сдержанностью, объявилъ оскорбившему его лейтенанту что завтра выступаетъ изъ Бреста и будетъ имѣть, по полученнымъ свѣдѣніямъ, жаркое дѣло съ гораздо сильнѣйшимъ непріателемъ, а потому вмѣсто дуэли предлагаетъ своему противнику сдѣлать честь ему солутствовать. „Мною рѣшено заранее, — прибавилъ онъ, — не сдаваться живымъ, и мы увидимъ, кто изъ насъ двухъ первый побѣдитъ.“ Эти слова вызвали взрывъ удивленія и восторга между Французами, а молодой лейтенантъ бросился въ объятія мужественнаго воина, сдѣлавшись изъ врага другомъ Джона. На пути въ Америку Джонсъ въ первой же отчаянной схваткѣ заставилъ англійскій фрегатъ *Триумфъ* слустить флагъ и только за темнотою ночи фрегатъ этотъ успѣлъ скрыться.

По прибытіи Джона въ Соединенные Штаты конгрессъ торжественно выразилъ ему благодарность за услуги оказанныя дѣлу освобожденія и приказалъ выбить въ честь его золотую медаль; этой высокой почести онъ удостоился наравнѣ съ Вашингтономъ и еще только тремя людьми. При этомъ конгрессъ изъявлялъ что, кромѣ многихъ блестящихъ побѣдъ надъ непріателемъ, республика обязана ему устройствомъ и можно сказать созданіемъ значительной части своего флота. Джонсъ былъ назначенъ командиромъ строившагося тогда шестидесятипушечнаго корабля *Америка*. Когда корабль былъ готовъ, его присоединили къ эскадрѣ адмирала д'Этена, собиравшагося въ экспедицію противъ Ямайки.

Но вскорѣ заключенъ былъ миръ и военныя дѣйствія прекратились.

Считая свою десятилѣтнюю службу республикѣ не достаточно вознагражденною, самолюбивый Джонсъ сталъ добиваться главнаго начальства надъ всеми морскими силами новой республики. Онъ не имѣлъ способности возбуждать къ себѣ расположеніе, и конгрессъ отвѣтилъ на его требованіе рѣзкимъ отказомъ. Весьма вѣроятно что конгрессъ

былъ того мнѣнія (выраженнаго также въ послѣдствіи и Потемкинымъ) что знаменитый корсаръ не будетъ на мѣстѣ во главѣ цѣлаго флота.

До глубины души оскорбленный, Джонсъ оставилъ сѣверо-американскую службу и полагалъ, помня вниманіе и милости къ нему Людовика XVI, что во Франціи его оцѣнять лучше. Но тогда во Франціи обстоятельства совершенно перемѣнились: съ Англіею былъ заключенъ миръ и между обѣими державами возобновились дружескія отношенія. Неприязнь Англичанъ къ грозному имени Джонса заставила короля быть осторожнымъ. Одни говорятъ что онъ принялъ Джонса очень любезно; другіе же утвѣряютъ напротивъ что король, опасаясь ласковымъ приемомъ возбудить неудовольствіе островитянъ, встрѣтилъ его крайне сухо. Такъ или иначе, но ему не рѣшились дать никакого назначенія во французскомъ флотѣ.

Въ это именно время въ немъ и возникло намѣреніе отправиться въ новую неизвѣстную страну, ко двору могущественной государыни, слава которой не могла не возбуждать интереса въ безлокойной душѣ отважнаго искателя приключеній.

III.

„Получено извѣстіе, заноситъ подъ 24е апрѣля 1788 года, въ свой *Дневникъ* Храповицкій, что 20го числа выѣхалъ изъ Ревеля Павелъ Ионесъ. Онъ поступаетъ въ нашу службу. Онъ проберется въ Константинополь“...

И далѣе на другой же день, 25го апрѣля: „представлялася Павелъ Ионесъ, пожалованъ въ генералъ-майоры“...

Эти двѣ коротенькія помѣтки единственныя у Храповицкаго о вступленіи Джонса въ русскую службу. Онъ былъ рекомендованъ государынѣ Французскимъ правительствомъ. Желалъ ли король * этою рекомендаціей смягчить отказъ свой въ принятіи его на службу къ себѣ, но другое свидѣніе что онъ явился безо всякихъ рекомендательныхъ писемъ и безъ предварительныхъ сношеній, полагая свое имя слишкомъ извѣстнымъ — недостоверно.

* *Военныя дѣйствія на Черномъ Морѣ*. Висковатова. 10. *Жизнь адмирала Ушакова*. 58.

Вторая замѣтка Храповицкаго, о его производствѣ на другой же день, послѣ перваго извѣстія и слова императрицы: „Онъ проберется въ Константинополь“ — показываютъ что въ Петербургѣ ждали его пріѣзда и возлагали на него большія надежды. Какія были эти надежды видно изъ письма императрицы къ Гримму, выдержку изъ котораго мы привели въ началѣ очерка.

Въ то время французскимъ посланникомъ при Русскомъ дворѣ былъ графъ Сегюръ, служившій вмѣстѣ съ Джонсомъ въ войну за освобожденіе Америки волонтеромъ въ американокихъ войскахъ. Сегюръ вѣлся представить императрицѣ своего бывшаго товарища по оружію, о которомъ могъ лучше чѣмъ кто-нибудь предстательствовать. Вотъ слова Сегюра: „Джонсъ напривезъ рекомендательныхъ писемъ (?). Северо-Американскіе Штаты, не признанные еще Россією, не имѣли въ ней резидента. Но всякій Американецъ казался мнѣ товарищемъ. Притомъ Джонсъ подобно мнѣ былъ членомъ Общества Цивилизата: поэтому я считалъ себя въ правѣ представить его государынѣ. Она позволила мнѣ пріѣхать къ ея столу. Джонсъ объявилъ что не будетъ сражаться съ Французами *“...

Принятъ былъ Джонсъ очень милостиво, произведенъ въ генералъ-майоры, и назначенъ контръ-адмираломъ Черноморскаго флота.

Назначеніе это вызвало цѣлую бурю. Кастера ** говорить что Джонсу хотѣли дать команду въ Балтійскомъ флотѣ, но Англичане служившіе у насъ отказались ему подчиняться и рѣшились подать всѣ въ отставку.

На это есть довольно ясный намекъ у Храповицкаго: „9 мая. Встали (то-есть императрица) рано. Примѣтно, безпокойство. Въ совѣтѣ все останавливаютъ. Сбили было Поль Жювеса, насили поправила. Теперь набиваютъ голову Грейгу. Не знаю кто дѣлаетъ каверзы, но могу назвать канальею, ибо вредятъ пользѣ государства“...

Такъ понимала дѣло императрица и настояла на своемъ, не желая удалять человека котораго считала полезнымъ. Кромѣ морскихъ офицеровъ, англійскіе негодяи собирались выхвать изъ Петербурга, если Джонсу будетъ дано

* *Zanucki* Сегюра, стр. 290.

** *Hist. de Russie*. Casthera. Т. 3. 265.

назначеніе въ русскомъ флотѣ. Эти негодяи, по словамъ Сегюра *, составляли въ столицѣ цѣлую грозную колонію и такъ размножили свои заведенія и дома что имъ принадлежала цѣлая Англійская ливія (мысль Англійская набережная).

Дѣло было затруднительное и неприятное. Виновникъ же всей этой исторіи показал себя при этомъ, какъ неоднократно въ своей жизни,—рыцаремъ. Онъ рѣшился примирить обѣ стороны и вдругъ отказался отъ всякаго командованія. Онъ принялъ только званіе контръ-адмирала и пошелъ служить волонтеромъ на Черное Море, гдѣ уже кипѣла война.

Потемкинъ осаждалъ Очаковъ. Онъ принялъ новаго контръ-адмирала весьма сухо, и чрезъ нѣсколько дней писалъ императрицѣ что „у Поля Жонеса офицеры не хотѣли быть въ командѣ, шли въ отставку, но бригадиръ Рибасъ всѣхъ уговорилъ и больной былъ въ сраженіи“...

Нерасположеніе Потемкина къ Джонсу объясняется отчасти тѣмъ что въ это время сильно измѣнились отношенія къ Англіи, и что князь не хотѣлъ досаждать англійскимъ офицерамъ служившимъ въ нашемъ флотѣ (которыхъ было много) оказывая особенное вниманіе человѣку имъ ненавистному. Кромѣ того, авторъ книги *Жизнь адмирала Ушакова* говоритъ что у Потемкина была какія-то личныя неприятности съ Джонсомъ. Какія именно—осталось неизвѣстнымъ.

Джонсъ получилъ приказаніе состоять въ гребной флотиліи принца Нассау, расположенной въ Днѣпровскомъ лиманѣ. Принцъ былъ искатель приключеній, конечно еще болѣе замѣчательный чѣмъ Джонсъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бурныхъ людей того времени которые жили „только любовью, славой и опасностями“ **. Новый контръ-адмиралъ получилъ въ командованіе пять линейныхъ ларусскихъ кораблей и восемь фрегатозъ. Капитанъ Алексіано состоялъ при немъ въ качествѣ „совѣтника“ или собственно говоря переводчика, чѣмъ былъ очень недоволенъ ***.

* Записки Сегюра, стр. 81.

** *Войны Россіи на Черномъ Морѣ, 1831.*

*** *Историч. очерки и разказы.* Ст. принцъ Нассау-Зигенъ.

Нассау готовился тогда къ такому дѣлу о которомъ довольно сказать что самъ Джонсъ находилъ его отчаяннымъ и рискованнымъ. Принцъ собирался сжечь турецкій флотъ, состоявшій изъ многихъ линейныхъ кораблей, между которыми были 74 и 80 пушечные, тогда какъ почти вся наша флотилія состояла изъ потѣшныхъ галеръ, на которыхъ императрица плавала по Днѣстру, нѣсколькихъ грѣбныхъ судовъ, тяжелыхъ дубель-шаюпокъ, да каюварскихъ лодокъ и залорожскихъ дубовъ *. Нужно было подмѣтить слабую сторону турецкаго флота, высмотрѣть его расположеніе и составить планъ дѣйствія.

При этомъ, замѣчательно, принцъ оласался больше всего что неприятель ускользнетъ и ему не придется встрѣтиться съ нимъ.

Джонсъ, желая показать что сомнѣвается въ успѣхѣ не изъ трусости, вызвался сдѣлать этотъ осмотръ самъ.

Есть интересный разказъ, слышанный авторомъ книги *На берегахъ Нижняго Дуная* отъ Запорожца, который лично участвовалъ въ этой экспедиціи и получалъ на память отъ Джонса кивжалъ съ грубо вырѣзанною надписью „Отъ Павла Джонса Запорожцу Иваку“.

Къ сожалѣнію, разказъ этотъ передавъ такимъ фальшивымъ „народнымъ“ языкомъ, что это вынуждаетъ изложить здѣсь только его содержаніе.

Тогда уже не было славной Запорожской Сѣчи. Екатерина причислила ее къ Новороссіи, „чтобъ она не существовала въ ея политическомъ уродствѣ“ по знаменательному выраженію манифеста **.

Но казаки продолжали зваться Запорожцами и нѣкоторые изъ нихъ перешли въ турецкое войско, сражались противъ своихъ же, намъ оставшихся вѣрными. Случаевъ измѣны, по словамъ автора книги *Жизнь Ушакова*, не было ни съ одной стороны и билась храбро.

Переодѣтый казакомъ, втроемъ съ переводчикомъ (капитанъ Алексіано) и Запорожцемъ Ивакомъ, осмотрѣвъ какъ

* *Берега Нижняго Дуная*. 39. *Жизнь адм. Ушакова*. 115.

** Вотъ выраженіе манифеста: „Нѣтъ болѣе Сѣчи Запорожской въ ея политическомъ уродствѣ, а будетъ мѣсто и жилище постоянныхъ и отечеству наравнѣ съ другими полезныхъ жителей. *Полн. Собр. Зак.*

затокъ всё сласти и смаряды, обернувъ тряльемъ весла, Джонсъ приготовился. Съезъ уживать съ казаками онъ угощамъ ихъ водкой и когда они залѣли какую-то заунывную пѣсню, онъ задумался, омрачился и слезы выступили на его глазахъ. Онъ сказалъ Алексѣю что вспомнилъ родину.

Давъ глѣвцамъ кошелекъ съ золотомъ, онъ сѣлъ въ лодку, и путники въ ночи отчалили отъ берега. Джонсъ самъ сталъ у руля и пошелъ прямо, не задумываясь, на 60пушечный непріятельскій корабль.

Предъ разсвѣтомъ ихъ нагнали турецкіе Залерожцы и окаликнули. Имъ отвѣчали что лодка везетъ соль на турецкій корабль. Тѣ повѣрили, сказали даже свой откликъ (пароль), вышли съ ними и, не полагая конечно что кто-нибудь можетъ рѣшиться на такое дѣло, отпустили ихъ далѣе. Все было Джонсомъ подробно осмотрѣно и записано.

Не довольствуясь этимъ, Джонсъ, какъ бы въ удостовѣреніе совершеннаго имъ подвига, собственноручно написалъ по-англійски мѣломъ на одномъ изъ турецкихъ кораблей: „сечь. *Поль-Джонсъ*.“ По странной случайности ему дѣйствительно пришлось на другой день зажечь именно этотъ корабль, имъ помѣченный. *

Извѣстно какой успѣхъ имѣлъ смѣлый планъ принца Нассау. Шесть непріятельскихъ кораблей были взорваны на воздухъ, два взяты, почти весь флотъ былъ истребленъ и самъ Калуданъ-лаша едва сплсся въ рыбачьей лодкѣ. Четыре тысячи взяты въ плѣнъ. Суворовъ много способствовалъ побѣдѣ дѣйствіемъ своихъ береговыхъ батарей. Сакенъ, чтобъ не сдаваться, взорвалъ на воздухъ свою дубель-шаюлку и погибъ... Это была битва 7го іюня при Лиманѣ. Принцъ Нассау получалъ орденъ Св. Георгія 2й степени, а Поль-Джонсъ Св. Анны 1й степени.

Дѣятельность Джонса кипѣла, онъ жаждалъ новыхъ схватокъ, принцъ также. Но дѣла шли не по ихъ желанію, и Нассау пылко жаловался на медленность Потемкина. Въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ нашего флота Джонсъ участвуетъ уже какъ лицо подчиненное и вѣроятно не имѣетъ случаевъ къ отдѣльнымъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ, ибо мы уже не встрѣчаемъ упоминанія о немъ до конца года,

* Бер. *Визн. Дунай*. 45.

когда находимъ у Храповицкаго (подъ 26е октября) неожиданую выписку, опять-таки изъ письма Потемкина: *

„Пріѣхалъ къ обѣду курьеръ отъ князя Григорія Александровича Потемкина съ извѣщеніемъ о побѣдѣ Текелія и съ планомъ Очакова, гдѣ назначена осада. Въ своеручномъ письмѣ пишетъ что *сонный* контръ-адмиралъ Джонсъ прозѣвалъ подвозъ къ Очакову и не могъ сжечь судовъ, кои сожгли Дояскіе казаки. Овъ *храбръ изъ корысти*, бывъ пиратомъ, никогда многими судами не командовалъ, *труситъ Турокъ*, (?) никто подъ начальствомъ его служить не желаетъ и овъ самъ ни къ кому въ команду не идетъ. Князь пишетъ что рѣшился отправить его въ Петербургъ, подъ видомъ особой экспедиціи на Сѣверъ...“

Странное письмо Потемкина гдѣ Джонсъ въ одно и то же время именуется храбрымъ и трусомъ, корыстолюбивымъ и совымъ, было очевидно внушено ему раздраженіемъ, настоящая причина котораго остается неизвѣстной. Такъ пошла это и императрица, не могшая, разумѣется, повѣрить трусости Джонса. Она не возразила ничего противъ удаленія его изъ Черноморскаго флота, но по пріѣздѣ храбраго морска въ Петербургъ приняла его, попрежнему, весьма милостиво и разрѣшила ему свободный доступъ къ своему двору.

Однако ненависть Англичавъ къ Джонсу и боязнь ихъ чтобъ ему не поручили командованіе въ Балтійскомъ флотѣ дѣлали свое дѣло. Зависть и нерасположеніе, которыя овъ имѣлъ несчастіе возбуждать къ себѣ повсюду, усилились. Его за глаза называли бродягой, бунтовщикомъ, корсаромъ, и рѣшились погубить.

У Храповицкаго за это время (подъ 7е марта) есть неопытная помѣтка о *журналь* Джонса, который велѣно *отыскать и послать къ нему*, (?) и далѣе о томъ же журналѣ уже въ октябрѣ:

„Поль-Джонсъ весьма недоволенъ. Приказали его *журналь* *запечатать*, чтобы другіе не имѣли злобы...“

Что это былъ за журналъ и куда овъ дѣвался—осталось неизвѣстнымъ.

Противъ Джонса составили цѣлый заговоръ, во главѣ котораго стали агліійскіе офицеры, бывшіе въ нашей службѣ, и негодяи-Англичане, жившіе въ Петербургѣ.

* Зап. Храповицкаго. 105.

Они начали заводить съ нимъ всевозможныя ссоры. На него подали доносъ въ преступномъ обращеніи съ одною 14-лѣтнею дѣвушкой. Интрига была ведена искусно. Государыня повѣрила и гнѣвъ ея разразился надъ обвиняемымъ. Ему запрещено было являться во дворецъ, и по дѣлу этому наряжена была слѣдственная коммиссія, состоящая изъ англійскихъ офицеровъ нашей службы. Джонсъ видѣлъ что положеніе его ужасно. Онъ бросился къ друзьямъ, но за него никто не рѣшался ходатайствовать и разяснять дѣло императрицѣ.

Одинъ Сегюръ принялъ въ немъ искреннее участіе. Зналъ отчасти нити этой интриги, онъ послѣшилъ посѣтить Джонса и оставилъ въ своихъ *Запискахъ* подробный разказъ объ этомъ происшествіи. *

„Положеніе Джонса, говоритъ Сегюръ, было дѣйствительно ужасно. Заряженный пистолетъ лежавшій около него показывалъ на что онъ рѣшился.

„Джонсъ до глубины души былъ тронуть моимъ участіемъ. Клянусь честью, я невиненъ, говорилъ онъ, я жертва самой гнусной клеветы. Нѣсколько дней назадъ пришла ко мнѣ дѣвушка и спрашивала нѣтъ ли у меня какой работы, между тѣмъ обнаруживая цѣль своего посѣщенія. Я совѣтовалъ ей оставить ея ремесло, далъ ей нѣсколько денегъ и приказалъ уйти, но она дерзко отказывалась. Разсерженный ея дерзостью, я вывелъ ее за руку изъ комнаты. Въ это время она стала рвать свои рукава и косынку, подняла крикъ и кинулась на руки къ старухѣ которую называла матерью и которая откуда-то появилась, конечно нарочно. Мать и дочь вышли на улицу и вопили громко. Потомъ подали жалобу. Вотъ и все“...

Сегюръ, наведя справки чрезъ своихъ агентовъ, удостовѣрился что эта исторія есть не что иное какъ подстроенная умыленно сцена и изложилъ все подробно въ письмѣ на имя государыни которое далъ Джонсу подписать. Не рѣшаясь однако подать лично это письмо разгнѣванной государынѣ, онъ послалъ его по почтѣ изъ ближайшаго города, зная что такіа письма никогда не могли быть распе-

* *Записки Сегюра* Спб. 1855, стр. 367.

чатаны. Государыня прочла письмо, приказала переслѣдовать дѣло и вскорѣ убѣдилась въ невинности Джонса.

Чуждая мелочности, Екатерина открыто, по-царски, сознала свою ошибку и тотчасъ озаботилась ее исправить. Джонсъ олять появился при дворѣ, осыпанный милостями государыни.

Но несмотря на восстановленіе добраго имени, Джонса какъ бы надломило это возмутительное происшествіе. Онъ видѣлъ что ему невозможно оставаться въ Петербургѣ среди интригъ и ненависти Англичанъ и нерасположенія Русскихъ, ему завидовавшихъ. Онъ испросилъ себѣ отпущъ и уѣхалъ изъ Россіи, въ которую не суждено было уже ему возвращаться.

Джонсъ поселился въ Парижѣ, въ полной неизвѣстности и почти въ бѣдности, недовольный правительствами которыми слѣжилъ храбро мечомъ своимъ. Вся эта тревожная боевая жизнь не оставила за все что онъ сдѣлалъ никакого утѣшенія и успокоенія. Какую-то странную насмѣшкой казались ему многочисленныя ордена пріобрѣтенныя имъ цѣною крови. Энергія была сломлена, и его не могли расшевелить даже буйныя сцены жизни, кипѣвшей вокругъ него во Франціи, вся эта горячка и пылъ кроваваго 1792 года. Парижу было не до него...

Въ этомъ году онъ и умеръ. Законодательное собраніе, согласно предложенію одного изъ своихъ членовъ, наложило по случаю его кончины, трауръ. * Изъ этого можно догадываться что онъ находился въ сношеніяхъ съ вождями тогдашнихъ революціонныхъ движеній во Франціи.

Странно что оказавъ такое уваженіе умершему, собраніе не озаботилось даже узнать о мѣстѣ его погребенія, которое остается неизвѣстнымъ. Одинъ англійскій капитанъ въ письмѣ напечатанномъ въ газетѣ *Times* утверждаетъ даже что прахъ Поль-Джонса не во Франціи, а въ Кронштадтѣ, гдѣ знаменитый морякъ будто бы провелъ послѣдніе дни своей жизни, пользуясь пенсіей, пожалованною ему Русскимъ правительствомъ за службу въ флотѣ. Это показаніе однако совершенно невѣрно. Есть другое что онъ отве-

* Biogr. Universelle.

земь въ Америку и тамъ похороненъ торжественно въ Пантеонъ.

Но вотъ самое вѣрное свидѣтельство, сообщеніе газеты *La Marine*, во время всемірной выставки въ Лондонъ.

„Извѣстно что судно *Сенъ-Доренсъ* получило отъ Американскаго правительства приказаніе отыскать и привезти въ Соединенные Штаты прахъ знаменитаго американскаго адмирала (?) Поль-Джонса, о которомъ предполагають что онъ находится въ Парижѣ. Отыскиваніе славнаго праха производится на всѣхъ кладбищахъ Парижа, но совершенно безуспѣшно“...

Н. БОЕВЪ.

ВЪ СЕРБІИ

1876—1877

ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА *

IV. Отъ перемирія 20го октября 1876 до возвращенія въ Бѣаградъ.

Съ ранняго утра 21го октября толпа офицеровъ наполнила приемную и дворъ „конака“, гдѣ помѣщался генераль Черняевъ. Вотъ онъ вышелъ, раскланялся и заговорилъ. Не стану передавать его рѣчь: она въ свое время была передана газетами... Всѣ съ восторгомъ дали слово не покидать Сербіи пока вождь будетъ съ нами.

Еще наканунѣ вечеромъ была предложена мысль замѣнить внутренній солдатскій караулъ при главнокомандующемъ офицерскимъ. Это было исполнено и видимо его тронуло.

Послѣ приѣма я отправился въ лазаретъ. Когда я проходилъ съ докторомъ по палатамъ, мнѣ бросился въ глаза

* См. *Русск. Вѣсти*. № 1.

одинъ раненый доброволецъ. Несчастный лежалъ безъ сознанія; все лицо его было изорвано осколками гранаты, такъ что собственно лица у него не было, а была какая-то масса, въ которой еще блистали чудомъ-удѣлявшіе глаза: „Скоро кончится“, шепнулъ мнѣ докторъ...

Бѣдный! умирать такъ, да еще въ чужой землѣ!

Послѣдній вечеръ нашего пребыванія въ Параचинѣ памятенъ мнѣ усиленною дѣятельностью по приведенію въ порядокъ роты и забавнымъ приключеніемъ. Послѣ вечерней перекачки, когда люди уже ложились спать, Г—скій поручилъ мнѣ выбрать изъ обѣихъ ротъ солдатъ умѣющихъ владѣть топоромъ. Я немедленно отобралъ 20 человекъ и привелъ ихъ на дворъ нашей гостиницы. Вскорѣ явился инженеръ-майоръ съ которымъ Г—скій меня и познакомилъ, поручивъ мнѣ руководствоваться его указаніями. Я спросилъ, для какой работы понадобились люди? Майоръ отвѣчалъ что сейчасъ объяснить и просилъ подождать нѣсколько минутъ. Люди стояли на открытомъ дворѣ; дождь пололаемъ съ мокрымъ свѣгомъ шелъ не переставая. Майорскія минуты растянулись на цѣлый часъ. Я доложилъ Г—скому что люди продрогли; онъ выдалъ мнѣ нѣсколько динаровъ чтобы поднести имъ вина и самъ вышелъ во дворъ. Тутъ явился майоръ и просилъ разобрать прежде всего деревянный заборъ, раздѣлявшій нашъ дворъ съ сосѣднимъ. Въ двѣ минуты заборъ лежалъ на землѣ, майоръ опять куда-то исчезъ. Опять ждемъ часъ. Наконецъ онъ вновь является. Я попросилъ его не держать людей на холодѣ безъ дѣла, а если нужно работать, то распорядиться поскорѣе.

— Надо сдѣлать мостки черезъ нашъ дворъ и разрушенный заборъ до крыльца сосѣдняго дома.

— Будетъ исполнено; потрудитесь лишь объяснить, для какой это цѣли?

— А вамъ зачѣмъ знать?

— Зачѣмъ что если мостки для проѣзда, то нужно дѣлать шире, для прохода—уже.

Оказалось что мостки назначались для того чтобы господу штабаме не марали въ грязи своихъ ногъ! И для этого не давать спать людямъ и морить ихъ по цѣлымъ часамъ! Я пожалъ плечами.

— Когда же начать работу?

— Сейчасъ же!

— Но вѣдь ни зги не видно и у насъ нѣтъ ни матеріала, ни инструментовъ.

— Что же вамъ нужно?

— Вы, г. майоръ инженеръ? Неужели сами вы не видите что нужны фонари, тесины, топоры и гвозди!

— Сейчасъ распоряжусь.

Майоръ повернулся, исчезъ и черезъ десять минутъ опять явился.

— Чортъ знаетъ что! Тутъ ничего не добьешься!

— Такъ до свиданія! Когда будетъ нужно мы въ пять минутъ къ вашимъ услугамъ. Направо! Правое плечо впередъ, шагомъ маршъ!

Я былъ не въ духѣ и улегся спать.

Вдругъ раздалась три пушечные выстрѣла. Я живо вскочилъ, одѣлся и кинулся въ кафану, гдѣ надъ галдящею безпорядочною толпою еще носились облака порохового дыма. Одна часть толпы разглядывала потолокъ, гдѣ видѣлись латна обвалившейся штукатурки съ черными дырочками посрединѣ, другая возилась съ какимъ-то добровольцомъ, вырывая у него дымящійся револьверъ. Предо мною разогрѣвалась одна изъ безобразныхъ сценъ. Я подалъ помощь схватившимъ бѣсновавшагося и вырвалъ револьверъ изъ его рукъ; явилась веревка. „Пустите! Всѣхъ люблю! Какъ смѣете вязать русскаго офицера!“ волилъ онъ благимъ матомъ. Выговоръ такъ отдавалъ Варшавой что сомнѣнья не было, „русскій бунтъ“ былъ кровавѣншій Полякъ.

— Не смѣйте называться Русскимъ! крикнулъ кто-то зажимая ему ротъ.

Возвращаюсь въ свою комнату. Смотрю: на моей кровати растянулась невѣдомая личность, ругая всѣхъ напрамаую... Проснувшіеся товарищи стараются унять крикуна, просятъ его убраться, но онъ оретъ еще громче. Разумѣется скрутивъ бунта препроводили въ полицію; но вотъ игра случая: субъектъ оказался такимъ же Русскимъ какъ и первый.

Въ 8 часовъ утра 22го октября нашъ баталіонъ (5й баталіонъ русскихъ добровольцевъ) былъ выстроены развернутымъ фронтомъ. Подѣхали Г—скій на плохенькой лошади: „Сейчасъ пройдетъ Черняевъ.“

Ружья составили въ козлы. Въ десять часовъ знакомый колокольчикъ возвѣстилъ о приближеніи коляска главно-

командующаго. Подѣхавъ къ намъ Чернаевъ поздоровался и сказавъ нѣсколько словъ Г—скому простился съ нами: „до свиданья!.. Въ Бѣлоградѣ!“ Задушевное ура! проводило удалявшаго Чернаева и мы тронулись въ обратный походъ.

Къ вечеру мы пришли въ Ягодинъ и остановились противъ большаго двухъэтажнаго дома, оказавшагося госпиталемъ, ожидая пока намъ отведутъ квартиры для ночлега. Дождь моросилъ не переставая; люди лѣпились около стѣнъ чтобы хоть немного отъ него прикритыя. Смеркало. Вдругъ подходитъ фельдфебель: „Ваше благородіе! Гончаровъ что-то шибко разнемогся!“

Я подхожу къ рядовому Гончарову: на немъ лица нѣтъ, и трясется какъ листъ. Я самъ отвелъ больнаго въ лазаретъ, который поразилъ меня своею чистотой и порядкомъ. Пока ломѣщали больнаго въ палату, дежурный врачъ предложилъ чаю. Въ дежурной комнатѣ за родимымъ самоваромъ, шипѣвшимъ такъ усердно что вотъ казалось скажетъ: „здорово, землякъ!“ сидѣла группа сестеръ милосердія и фельдшеровъ, привѣтливо встрѣтившихъ меня. Я раскоро проглотилъ стаканъ чаю. Давно ужъ не пилъ его и сильно гавуло вылить другой, но люди мокли голодные на дождѣ, а потому я отказался и распростившись съ радушнымъ обществомъ вернулся къ своимъ. Никто не являлся за нами; я рѣшилъ самъ размѣстить людей и повелъ баталіонъ дальше. Пришли на какую-то площадь, стали разыскивать мѣста по кафанамъ и поиски увѣнчались успѣхомъ: чрезъ десять минутъ солдаты уже снимали аммуницію, расположившись въ двухъ кафанахъ, правда какъ сельди въ бочечкахъ, но за то въ теплѣ. Доставъ затѣмъ объявы, получивъ хлѣбъ и вино для людей, сдѣлавъ переключку, я отправилась искать и себѣ уголь. Шлепая по лужамъ, натыкаюсь на черную фигуру въ резиновомъ плащѣ, которая видимо стремилась къ той же цѣли; оказалось что это доброволецъ Зайцевъ. Мы тутъ же посреди лужъ заключили наступательный и оборонительный союзъ и пошли искать счастья. Не находя ничего, съ отчаянія зашли мы въ одинъ изъ трехъ Ягодинскихъ лазаретовъ. На встрѣчу докторъ. „Дайте пожалуйста приютъ на ночь!“

— Господа, ей Богу нѣтъ верхка мѣста: и на койкахъ, и на полу больные.

Смотримъ—докторъ правъ. Ну, думаю себѣ, все лучше на улицѣ провести ночь здоровому чѣмъ быть на мѣстѣ этихъ страдальцевъ. Ушли. Вотъ наткнулись на кафану; она полна поселянъ. Хозяйка-Сербка—спрашиваетъ, что вамъ нужно? „Славать“! Должно-быть наши фигуры были очень жалки. Она умилосердилась и ввела насъ въ большую комнату съ нарами, на которыхъ прежде лежали раненые. Мы чуть не разцѣловали благодѣтельницу. Старушка хозяйка замѣтивъ что мы хлопочемъ около покрывавшаго нары войлока, тотчасъ улетучилась и черезъ минуту наше ложе украсилось двумя подушками, простыней и широчайшимъ одеяломъ: ну можно ли было не благодарить добрую женщину?

Въ восемь часовъ утра я навѣстилъ Александру Николаевну Ж—ну, находившуюся здѣсь сестрою милосердія въ третьемъ госпиталѣ. Въ 9 ч. баталіонъ пошелъ далѣе. День былъ ни то ни се; дождь пересталъ; минутой даже солнышко проглядывало; мѣстами, на возвышенныхъ пунктахъ дороги начинало просыхать, за то на низинахъ къ морю жидкой грязи примѣшивалась еще глина, и мы еле-еле вытаскивали ноги. Дорога перестѣкала склонъ большой довольно крутой горы, и шла по веселой долинѣ, прорѣзанной затѣйливо извивавшимся ручьемъ; вся вершина была покрыта густымъ и рослымъ дубомъ и грабиной; за узкою долиной, кое-гдѣ испещренной отдѣльными „кучами“ прятавшимися въ грунлахъ фруктовыхъ деревьевъ, олять подымались горы возносившія къ облакамъ свои убитыя сѣгомъ верхушки; въ прогалинахъ покрывавшихъ ихъ лѣсковъ пестрѣли стада овецъ. Мѣстами дорога шла такимъ косогорамъ что приходилось поддерживать обгонявшіе насъ фургоны раненыхъ, потому что колеса раскатывааясь по окользкой глинѣ тащили ихъ въ пропасть. Людямъ разрѣшено было идти какъ кому удобнѣе, и наши скоро смѣшались съ четвертымъ Черняевскимъ баталіономъ Русскихъ добровольцевъ, которымъ командовалъ Фришеръ и который мы нагнали вскорѣ по выступленіи изъ Ягодина. Такъ мы добрались до какой-то маленькой деревушки. Привалъ вышелъ неудачный: грязь выше колѣнъ занимала всю ширину улицы по обѣ стороны моста перекинутого черезъ ручей, и солдаты должны были жаться къ самой изгороди. Отъ чего бы не попроситься въ „кучи,“ противъ которыхъ

мы стояли? Фельдфебель стѣвчалъ что все залерто кругомъ, и всѣ поселяне попрятались. Это меня покоробило. Приказавъ людямъ, если ихъ пустятъ на дворы, быть ласковыми со всѣми, до послѣдней индѣйки, и даромъ ничего не требовать, я перескочилъ черезъ рѣшетчатый заборъ одной „кучи“, гдѣ видѣлся на дворѣ колодець. За угломъ на галлерей видѣлась фигура молоденькой Сербки лѣтъ шестнадцати, съ выглядывавшею изъ-подъ ея фартука кудрявою смуглою дѣтскою головкой, а за ней силуэты мужчиамъ и женщины, должно-быть родителей; на ихъ лицахъ было какое-то лугливое ожиданіе. При моемъ появленіи дверь моментально захлопнулась.... Я прошелъ за другой уголъ: на открывшемся моимъ глазамъ дворѣ сосѣдней кучи то же самое: ожиданіе чего-то и захлопнувшаяся дверь. Я вернулся къ галлерей: въ крошечномъ окнѣ почти скрытомъ мажновыми листьями какого-то ползучаго растенія свѣтились чьи-то быстрые черные глазки.

— Молимъ чашу воды! попросилъ я съ видомъ самой угнетенной невѣжности—Богомъ молимъ!

Раздалось быстрое шушуканье. Я между тѣмъ думалъ: неужели добровольцы на самомъ дѣлѣ пугаютъ мирныхъ поселянь? Эта мысль побудила меня во что бы то ни стало разсвѣять ихъ опасенія.

Наконецъ дверь отворилась, дѣвушка довольно смѣло, исходя поглядывая въ мою сторону, спустилась со ступеней съ ведромъ въ рукѣ.... Я снялъ капу, поклонился ласково, и прыгнулъ къ колодцу который стоялъ посреди двора и былъ виденъ съ нѣсколькихъ сосѣднихъ кучъ. Когда дѣвушка подошла ко мнѣ, всѣ двери отворились и поселяне любопытно выглядывая посмотрѣть что будетъ далѣе. Я взялъ ведро съ любовною улыбкой, зацѣпилъ за крюкъ, и отправилъ его въ колодець.

— Войникъ Руссъ? вдругъ спросила меня дѣвушка, тотчасъ потупивъ глаза въ испугѣ отъ своей смѣлости.

— Руссъ! отвѣтилъ я.

Ведро подыалось до уровня колодца, Сербка его подыала, но я не далъ ей времени налить воду въ стаканъ, а наклонился и наполнилъ черезъ край ведра, прибавивъ громко: „фаа моя краля!“ и доставъ серебряный полудинаръ подалъ ей со словами „на моисты“. Пока она переминалась покрасѣвшая, сконфуженная и довольная, домашніе уже

окружили насъ и „фалы!“ сыпались со всѣхъ сторонъ; даже кудравый мальчишка тыкалъ храбро пальцемъ въ блестящія ножны моей сабли; группа вскорѣ увеличилась сосѣдями. Съ десятокъ головъ моихъ солдатъ видѣлось черезъ воротца. Не давая оломиться добрымъ поселянамъ; я тотчасъ воскликнулъ: „Добре, братушки, молимъ дать воды войникамъ! то таки добры войники!

— „Садъ! садъ! братушка!“ — отвѣтилъ должно-быть глава семейства и пошелъ отворить воротца. Люди поклонились по-русски и вешли на дворъ; салюги были у всѣхъ разгрязнѣнныя.

— Блатно! сказалъ я, указывая на остальныхъ, стоявшихъ въ самой непроходимой грязи.

— Ай те, братушки! Ай те! позвалъ ихъ крестьянныя.

Солдаты поблагодарили и войдя во дворъ присѣли, кто у колодца, кто на обрубкахъ или травѣ, пока дѣвушка разносила имъ воду.

— Молимъ, газда (хозяинъ), то Русски дуванъ! — сказалъ я Сербу, открывая предъ нимъ мой кошель съ табакомъ.

— Русски?

— Русски! подтвердилъ я, отсылая ему хорошую пригоршню.

Дружба была заключена. Въ это время подоспѣлъ завтракъ. Поселяне, видя что нечего бояться гостей, отворили ворота своихъ кучъ; черезъ минуту веселый говоръ, хохотъ и лѣсни слышались по дворамъ кучъ; мѣнялись дуваномъ; солдаты подчивали хозяевъ своей ракіей, тѣ отвѣчали сыромъ и виномъ; сербскіе ребятишки карабкались на шею Ефиму Ильченкѣ, который шамкалъ на нихъ сквозь свои три зуба, и тѣ съ хохотомъ разсыпались во всѣ стороны. Идиллія!...

Но вотъ дробь барабана.... „Въ ружье!“ скомандовалъ я. Ряды выстроились: улица пустынная при нашемъ приходѣ, лестрѣла народомъ; „братушки“ совали въ карманы и за лазуху солдатамъ маленькія „фляши“ изъ фигурныхъ тыквъ съ виномъ, куски сыру, хлѣба, фрукты и дуванъ; молодецкія черноглазкія привѣтливо улыбались.

— Налра — во! Ружья воль — но! Пѣсенники впередъ! Маршъ!

Весело хватили солдаты „Черная галка, бѣлая полякка!“ стройно ступая по самой срединѣ грязной улицы, провожаемые дѣвучками и дѣтьми.

Между тѣмъ, давно уже пересиливая болѣзнь, я окончательно разнемогся: главнымъ образомъ ноги отказывались служить. Кое-какъ добравшись вечеромъ до Лалова, мѣстечка гдѣ назначенъ былъ ночлегъ, я почувствовалъ что далѣе идти не могу. Сдавъ на время роту капитану Гальвишу я остался ожидать нашихъ. На мое счастье, въ кафанѣ, гдѣ я пріютился, имѣлъ жительство комендантъ Лавовскій, а напротивъ находился этапный госпиталь и при немъ русскій врачъ, если не ошибаюсь, г. Миллеръ, веселый, старичокъ съ черными бѣгающими глазками; онъ осудилъ мои больныя ноги туфлями и составилъ мнѣ какую-то примочку. На слѣдующее утро хотѣлъ надѣть сапоги,—невозможно: подошва вся отстала, и шлепала какъ турецкая туфля—лальцы изранные мелкими камешками, набившимися во время ходьбы, сильно распухли. Пришлось цѣлый день просидѣть въ кафанѣ.

Вечеромъ я побрелъ со скуки въ сосѣднюю кафану, домовъ черезъ пять отъ моей. Перескакивая по грязи съ досокъ на чурбаны и обратно, я добрался до крыльца и вступилъ въ залу, биткомъ набитую разнымъ сбродомъ; въ углу—полковникъ, съ нимъ человекъ лять незнакомыхъ мнѣ офицеровъ, все молодежь и всѣ, какъ оказалось, вмѣстѣ пришли лѣшкомъ.

— Переселяйтесь въ мою кафану, господа! Будетъ комната и уживь.

— Вотъ это недурно, отозвался Федоровъ—ни у кого гроша нѣтъ въ карманѣ! Я первѣйшій между насъ богачъ, но и мои капиталы къ концу приходятъ; всего нѣсколько диваровъ.

— Ну, господа, у меня тоже въ карманѣ пусто, за то въ портфель имѣется талисманъ который доставитъ вамъ и квартиру, и столъ, и даже лошадей, хотя послѣднее и трудновато.

— Объява? сказалъ Черкесовъ:—ихъ у насъ цѣлый альбомъ, а толку нѣтъ!

— Нѣтъ, не объява. Увидите.

Черезъ пять минутъ я представилъ полковнику моего ставичнаго коменданта который тотчасъ пригласилъ его со всеми слугами на уживь, оказался хлѣбосоломъ въ чисто славянскомъ духѣ.

— Какой же у васъ талисманъ? Покажите, обратилась ко

мнѣ Ѳедоровъ, когда мы собрались затѣмъ въ мою комнату.

Я вынулъ изъ портфеля печать, простую, маленькую, стальную, съ черною деревянною ручкой съ двумя славянскими буквами В. Я. лодъ корошкой,—мою печать. Ей пришлось играть въ Сербіи видную роль: Г—скій забылъ вынуть баталіонную печать изъ чемодана, и я прикладывалъ свою на всѣхъ требованіяхъ, вытискивая ее накрестъ въ четыре стороны: это загадочное крестообразное изображеніе ставило въ тулики сербскія власти и, производя безотчетный эффектъ, вело къ быстрому исполненію всѣхъ требованій.

Ѳедоровъ, не знавшій ея магической силы, расхохотался. Но я взялъ доскутокъ бумаги и написалъ на немъ: „Требованіе. Для одного луковника, одного капетана, пяти поручиковъ треба ручекъ (обѣдъ) на 26е октября 1877 года. Комендантъ 1й чѣты, 5го баталіона Русскихъ воиников, капитанъ *Яшеревъ*.“ На другомъ доскуткѣ черкнулъ требованіе на ракію и вино; приложилъ къ обоимъ крестообразную печать и подавая Ѳедорову, сказалъ:

— Вручите коменданту сію кабастику. Онъ тотчасъ отправился и вскорѣ вернулся съ удивленною физиономіей и письменнымъ приказомъ хозяину кафаны приготовить на завтра обѣдъ на семь человекъ, по нашему заказу, съ надлежащимъ количествомъ вина...

На слѣдующій день, 26го, предъ обѣдомъ, пришли наконецъ наши кони. Всѣ отправились далѣе; мою лошадь нужно было еще подковать и я остался до утра. Когда я готовилъ къ отъѣзду свой чемоданчикъ, комендантъ внимательно разсматривалъ перебираемые вещи и особенно поглядывалъ на пару совершенно новыхъ личныхъ салогъ съ лакированными отворотами. Сметнувъ что они пришлись ему по сердцу, я предложилъ ихъ на память. Добрякъ пришелъ въ восторгъ. Салогі были шумахеровскіе, такихъ онъ и не видывалъ.

Утромъ 27го октября я сѣлъ на коня и повесся по Смедеревской дорогѣ. Погода стала хмуриться, заморосилъ дождь. Къ двумъ часамъ я добрался до небольшой деревни: грязь была по колѣно лошади. Направо и налево двѣ кафаны, залы которыхъ были во второмъ этажѣ. Я выбралъ правую, зданіе пониже и, не видя возможности слѣзть съ лошади въ грязь, далъ шпоры: добрый конь внесъ меня по лѣстницѣ

наверхъ... На галлерей я сѣлъ, извилился предъ ошалѣвшимъ хозяиномъ за такое оригинальное появленіе, попросилъ тутъ же задать моей лошади „зобъ“ (ячмень) и присѣлъ къ очагу закусить. Отдохнувъ часа полтора, я опять выѣхъ на сѣдао и спустился тѣмъ же путемъ. Дорогой я догналъ двухъ всадниковъ: бывшаго Гродненскаго гусара В. и его вѣстового, добровольца изъ Риги. Мы рѣшили продолжать путь вмѣстѣ.

Безъ особыхъ приключеній къ вечеру 28го пріѣхали мы въ Палавку, гдѣ встрѣтили Смолина съ дельщикомъ-поваромъ Павломъ В. разнемогся. Переночевавъ, я уѣхалъ далѣе со Смолинымъ. Съ утра подморозило; сѣрыя тучи заволокли все небо. За шесть верстъ до Смедерева яастъ застигла буря; пошелъ хлопьями снѣгъ, и закурила такая пурга что хоть бы въ Саратовскихъ стеляхъ! Мы были буквально засыпаны снѣгомъ. Приударивъ коней, мы галопомъ помчались на встрѣчу свирѣлтововавшему вѣтру. По мѣрѣ сгущенія облаковъ становилось темнѣе, и снѣгъ сталъ мокрый; мы мчались положительно какъ слѣпые: такъ заплпало глаза. Наконецъ вотъ Смедерево. Проплутавъ съ полчаса по незнакомымъ улицамъ, добрались мы съ помощью какого-то Серба до пристави и заняли комнату въ кафанѣ. Лошадей убрали въ сарай, мы привалились раздѣваться. Полушубки отдали подмытъ и высушить; за отсутствіемъ вещей, пришлось сидѣть босикомъ, поджавъ ноги, пока полоскали наши салюги... Обсушившись приступили къ стряпнѣ. Въ сербскихъ кафанахъ можно пріобрѣсть обѣдъ только до 2 часовъ, а тамъ ужъ ни за что его не добьетесь: „Не можно!“ отвѣтитъ стралуха, „не можно!“ подтвердитъ хозяинъ. Мы какъ голодные воики ворвались въ кухню, гдѣ увидѣли свѣжую говядину, овинину, капусту, коренья, цѣлую корвину съ рѣпой, лукомъ. Въ очагѣ огонь. Мы рѣшили стрелять съ помощью Павла. При видѣ новенькихъ дикаровъ хозяинъ позволилъ распорядиться продуктами, и скоро мы улетаемъ чисто русской обѣдъ: недоставало лишь хорошаго пирога, да гречневой каши.

Послѣ обѣда мы командировали Павла на пристань—узнать когда завтра пойдетъ пароходъ и разыскать полковника. Онъ вернулся ни съ чѣмъ: ни въ томъ, ни въ другомъ толку не добился.

Утро 30го октября было довольно ясное, вчерашній снѣгъ

исчезъ. На пристани намъ сказали что пароходъ отходить въ часъ; отправились скорѣе размокивать полковника. На встрѣчу поладается одинъ изъ конвойныхъ при нашемъ обозѣ. „Калитанъ, мы васъ ищемъ! Полковникъ Черкасовъ сказалъ что вы должны быть здѣсь; наши воды измучились, а ло объявѣ не даютъ, хотя на площади много порожнихъ колъ; сдѣлайте милость сдолочите!“

Пока Смоленскъ ходилъ къ полковнику, я пошелъ къ старичному начальнику и потребовалъ немедленно двѣ колы до Бѣлграда. Тотъ отвѣчалъ что колы всѣ имѣютъ назначеніе, что ло объявѣ онъ ихъ не отпуститъ, а надо особое предписаніе.

„А! вамъ надо особое предписаніе?“ Я тотчасъ послалъ конвойнаго за своимъ портфелемъ. Когда онъ явился, я вытащилъ листъ печатнаго бланка, зеленого цвѣта, которымъ подѣлился со мной еще въ Парачинѣ Киселевскій, получившій ихъ цѣлую кучу изъ главнаго штаба, вписалъ въ графы количество требуемыхъ колъ и воловъ, подписалъ одну только мою фамилію, какъ-будто она была настолько важна что каждый обяванъ знать ее и, потребовавъ свѣчу, приложилъ по обыкновенію печать.

— Вотъ вамъ и особое предписаніе! Потрудитесь сейчасъ же отобрать колы и ваблести за перекладкой вещей, а мы надо торопиться на пароходъ.

Оторолѣвшій чиновникъ накинулъ шубу и вышелъ. Вещи тотчасъ же начали переключивать.

Вернувшись домой, я нашелъ Черкасова у насъ. Закусивъ остатками вчерашняго обѣда, мы пошли на пристань, взяли билеты и отправились на пароходъ.

Между тѣмъ нашъ баталіонъ пришелъ въ Смедерево 26го вечеромъ. Первоначально приказано было здѣсь остановиться, разнесся слухъ будто министерство настаиваетъ на недопущеніи русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградъ, по двумъ причинамъ: вопервыхъ, чтобы Черняевъ не имѣлъ матеріальной опоры своему вліянію, которое претило всѣмъ тянувшимъ въ сторону Австріи и ея протѣже Карегеоргіевича; вовторыхъ, слегка поговаривали будто замышляется изверженіе князя Милана за котораго разумѣется олодчались бы Черняевъ и русскіе добровольцы, — олодчались бы вотъ почему: мы конечно пришли въ Сербію только для того чтобы драться за нее и не наше дѣло вмѣши-

ваться во внутреннія ея дѣла, но мы вѣдь Русскіе. Чувство любви и преданности къ Монарху нигдѣ такъ не сильно какъ у насъ и въ насъ. Въ Россіи Государь и народъ вѣчно единое. Давъ обѣтъ Сербіи и ея князю, младшему брату нашего Царя, не оставлять его знамени до окончанія войны, могли ли добровольцы не окружить въ случаѣ надобности этого младшаго Царскаго брата сплошною стѣной, противъ всякихъ враговъ его?

Не могу поручиться вѣрны ли были слухи. Какъ бы то ни было, Сербское правительство не напало ничего неудобнаго въ помѣщеніи добровольцевъ въ столицѣ княжества, и 29го октября утромъ бригада полковника Демидова (4й и 5й Русскіе батальоны, Арнаутскій и Черногорскій) выступила изъ Смедерева въ Бѣлградъ, куда и прибыла 30го.

Забывъ сказать что во время моего путешествія верхомъ, мнѣ не случилось нагнать ни одного отсталаго нашего батальона, но попадались многіе изъ другихъ частей. Въ мизерной кафанѣ, между Паланкой и Смедеревомъ, я наткнулся на групу челоѣкъ въ 18 Сербовъ и Русскихъ, которые сидѣли тутъ оборванные и босые. Окровавленные ноги, изодранныя камнями, сивѣли отъ холода; были и раненые.

— Чтѣ вы? Зачѣмъ остались?

— И сюда-то еле добрались. Не ѣвши вторыя сутки.

У меня сердце ныло. Еще наши туда-сюда (взялся нести крестъ Господень, такъ носи безъ рюкзачка), но бѣдные Сербы,—большею частію молодежь,—были окончательво жалки.

— Ужь вотъ братушекъ-то больно жалко, говорили добрые солдаты: одинъ отсталъ на дорогѣ; пожалуй помретъ, коли никто не подберетъ; мѣнялись,—если, да силъ не хватало!

Ну, печать моя, вотъ гдѣ покажи свое могущество, подумалъ я и написалъ требованіе на шесть колѣ подъ большыхъ и раненыхъ. У кафаны стояли четыре однообразныя колы; воламъ кормились; я крикнулъ каморжіевъ, приказалъ встать въ колы побольше соломы, и свезти въ нихъ болѣе слабыхъ Сербовъ и добровольцевъ, объявивъ что они должны доставить ихъ въ Смедерево. Извозчики воспротивились было, однако кончили тѣмъ что повиновались. Шестерыми не хватило мѣста; солдаты наши и тутъ нашлись: нѣкоторые, пободриѣ, взяли у имѣвшихъ оляки и пошли лѣшкомъ,

укрывъ ноги лежавшихъ лохмотьями своихъ шинелей и оставшись на двухградусномъ морозѣ въ однихъ ситцевыхъ, когда-то имѣвшихъ цвѣтъ, рубашкахъ. Нашелся еще седьмой, который самъ отказался отъ мѣста и, желая развеселить товарищей, началъ изображать прыжками, какъ ворона подбирается къ брошенной кости... Это прыганье вороной при такихъ обстоятельствахъ не стѣбитъ ли доброй атаки на непріятельскій редутъ?

Я отдалъ солдатамъ написанное мною требованіе для представленія его въ Смедеревъ. Потомъ оказалось что туда прибыли 23 человека: пятерыхъ подобрали дорогой.

Пріѣхавъ въ Бѣлградъ, мы пошли прямо къ Ристичу: ни одной постели, ни одного номера; къ Ристичу, въ Круну, въ Ангела — то же самое. Мы прошлялись часовъ до 11ти, — мѣста нигдѣ нѣтъ! Все занято, добровольцами, штабными и начальствомъ. Вдругъ у меня явилась мысль: неужели Ильичъ надъ нами не сжадется? Отправились къ нему и не обманулись. Добрѣйшій Ильичъ сжачился, да еще какъ! — напоилъ, накормилъ, согрѣлъ и предложилъ переночевать.

V. Сояъ или дѣйствительность?

Пороховой дымъ клубами стелется по горамъ и долинамъ вокругъ Алексимца; громовыми раскатами бѣшеной грозы перекатываются пушечные выстрѣлы вдоль необозримой позиціи вражескихъ полчищъ. Зло шипя рвутся гранаты, жужжать пули.... Надъ бѣднымъ Сѣмкой, равно какъ и надъ блестящими офицерами, одинаково носится смерть, подкашивая одного, щадя другаго. Шестой день дается битва; шестыя сутки сила ломить солону.

Добровольцы прибываютъ, новыя партіи замѣщаютъ павшихъ, ложась въ свою очередь костями; но сама Сербія не можетъ уже дать ничего кромѣ втораго и третьаго класса воиновъ. И что это за воиновъ! Оторванные отъ семьи, не умѣющие взять ружья въ руки, — могутъ ли они выдерживать бойню?... Видя предъ собой „брата Русса“, увлекаясь его отвагой, они на минуту одушевляются, въ нихъ пробуждается древній воинственный духъ Сербовъ, но это — мимолетная вспышка. „Брата Русса“ укладываетъ пуля, и робкій земледѣлецъ, бросивъ оружіе, бѣжитъ.

Много битвъ оросили кровью сербскія поля; каждый шагъ уступленъ съ борьбою; за каждую версту сербской земли платитъ врагъ дорогомъ цѣной; но ряды защитниковъ Славянства рѣдѣютъ, а сила вражья множится. Кривецъ, Шляговацъ, Дюкишъ!... Врагъ торжествуетъ, вознамя Московское съ честью отражаетъ враговъ, гордо отступая, когда и самое отступленіе въ данныхъ обстоятельствахъ—геройство; но ни разу не склонившись предъ врагомъ, не^а дозволивъ вражеской рукѣ коснуться святыхъ.

Площадка на Алексинацкихъ позиціяхъ. Грозно смотрятъ мѣстами изъ обитыхъ амбразуръ два стальныхъ нарѣзныхъ орудія; на батарее и кругомъ все изрыто тысячами неприятельскихъ гранатъ; нѣтъ вершка, гдѣ бы не видѣлись ямы и борозды; но батарея держится, хотя отвѣчаетъ вяло, рѣдко. Начальникъ ея—герой Рудневъ.

А почему герой?

Вотъ почему. Заряды и снаряды выданы ему счетомъ; онъ знаетъ что терять ихъ на воздухъ нельзя: онъ стрѣляетъ съ выдержкой подъ адскимъ неприятельскимъ огнемъ. Не дрожитъ его рука подъ смертоноснымъ дождемъ, рѣдкіе выстрѣлы дѣлаютъ свое. Сосѣднія батареи отступаютъ, выбираютъ другія мѣста, а Рудневская грозно стоитъ на своемъ мѣстѣ, смѣясь двумя изрыгающими пламя и смерть ртами надъ противникомъ и исполняя свое дѣло до конца...

Другая площадка, другая батарея изъ шести орудій. Утро. Проснувшійся командиръ, сербскій капитанъ, * плещетъ себя на руки и лицо скопившеюся въ канавкѣ вырытой вражескою гранатой дождевою водою. Орудія заряжены. Командиръ обходитъ ихъ, провѣряетъ прицѣлы, одобрительно кивая головой или измѣняя высоту и направленіе. Затѣмъ онъ становится на молитву. Сербь-артиллеристы знаютъ какъ молится ихъ начальникъ: каждый уже занялъ свое мѣсто у орудія „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!“ громко произноситъ командиръ: гудитъ первое орудіе.

„Да святится имя Твое“: изъ жерла втораго съ оглушительнымъ громомъ вылетаетъ яркое пламя съ густыми клубами бѣлаго дыма.

* Къ несчастью забылъ его фамилію; читающіе изъ очевидцевъ могутъ-быть вспомнать.

„Яко же и мы оставляемъ должника нашихъ“: граната изъ шестаго орудія.

„И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“, кончаетъ командиръ уже подъ градомъ отвѣтныхъ снарядовъ: и оглушительный заалъ всѣхъ шести орудій заставляетъ замолчать на время непріятельскіе громы.

„Добрый день, братушки!“ здоровается начальникъ съ артиллеристами, одинъ изъ которыхъ уже тащитъ ему кастрюльку съ „дрва кава“, и никакія гранаты, никакіе страхи не оторвутъ его отъ этой кастрюльки пока онъ не найдетъ нужнымъ самъ оборвать расходившагося противника....

Свистъ и жужжа летятъ невидимыя пули: съ громомъ и трескомъ доплются въ воздухъ шипяція гранаты, оставая дымовыя пятна на сѣромъ фонѣ облачнаго неба, да свѣжіе окровавленные трупы на землѣ. Въ грозномъ молчаніи стройными рядами идутъ добровольцы на штурмъ турецкихъ шанцевъ; огонь вѣтерлѣнія виденъ въ воспаленныхъ глазахъ, твердая рѣшимость одушевляетъ суровыя, истомленные лица. Падаютъ десятки дорогихъ товарищей: они идутъ впередъ, смыкая рѣдѣющіе ряды. Тридцать шаговъ остается до непріятеля; смерть гладитъ прямо въ глаза съ окутаннаго дымомъ валика, гребель кстораго, какъ полоса раскаленнаго желѣза, горитъ огнями ружейныхъ выстрѣловъ, слышныхъ уже не отдѣльными звуками, а какимъ-то непрерывнымъ шипѣніемъ какъ бы брошенной въ воду раскаленной добѣла чугуинной массы. Нѣтъ колебанія въ атакующихъ, нѣтъ и выстрѣловъ: ружья на перевѣсъ приближаются они къ огненной полосѣ.

„Руссы! Руссы!“ раздается отчаянный крикъ въ шанцахъ, и Турки бѣгутъ въ безпорядкѣ, не дождавшись враговъ, бросая оружіе.

Непріятель направляется во вторую линію шанцевъ; добровольцы на плечахъ бѣгущихъ бросаются на свѣжія втрое сильнѣйшія массы враговъ. Побѣдное ура! гремитъ уже на второй линіи, и Турки отступаютъ къ третьимъ шанцамъ.

Но есть невозможное и для сверхъестественнаго мужества: враги прибываютъ толпами; у героевъ нѣтъ подкрѣпленій... Не слыша, спокойно отстрѣливаясь, отходятъ назадъ остальные храбрецы. Вотъ ладаетъ тяжело раненый молодой товарищъ Кутузовъ, отступавшій почти послѣд-

нимъ. Вотъ онъ различаетъ страдальческимъ взоромъ звѣрскія лица за сотню шаговъ, и вѣтъ силы поднять руку съ пистолетомъ чтобы лустить себѣ пулю въ високъ...

Но товарищи замѣчаютъ его распростертаго въ лужѣ дымящейся крови: два солдата бросаются къ юмшѣ, подымаютъ его, прикрываемые выстрѣлами рванувшагося за нимъ остатка добровольцевъ, и сраженные десяткомъ вражескихъ пуль падаютъ около несчастнаго. Кидаются еще явое: одинъ падаетъ еще не дойдя до цѣли, другой валится какъ сволъ на холодющія два тѣла, сраженные еще ранѣе... Толпы изверговъ набрасываются на Кутузова, кинжалы блестятъ предъ потухающимъ взоромъ злополучнаго: секунда... и вмѣсто этихъ глазъ недавно полныхъ отваги на блѣдномъ лицѣ остаются безобразныя впадины, полныя льющейся по щекамъ горячей крови... Другая секунда,—и вырванное злодѣйскою рукой, трелещущее, еще полное жизни сердце судорожно сжимается въ лыли!.. Что чувствовали видѣвшіе издали это звѣрство отступавшіе добровольцы, безсильные прелотвратить его? Не дай Богъ никому испытать это чувство!

Такое же поле сраженіе устлавное трулами, осколками гранатъ, оружіемъ; дымъ какъ туманъ надъ водою стелется по лужамъ не остывшей крови. Человѣкъ десять добровольцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые ранены, толются у полуразрушенной амбразуры недавно взятаго турецкаго шанца. Въ нихъ, какъ въ живую мишень, падаютъ сотни четыре приближающихся Турокъ.

— Посмотри ребята, не видать ли кого отъ насъ? говорить удѣлѣвшій единственный офицеръ.

Трое добровольцевъ вскакиваютъ въ амбразуру, приоткрывъ огадываютъ поляну...

— Ничего не видать, ваше благородіе!

— Ну, ребята! Значитъ какъ ни верти, а перебыютъ подлещы. Хуже если въ сливу ловалятъ; до кустовъ не успѣемъ добраться; не подождать ли ужъ лучше здѣсь?

— Точно такъ ваше благородіе!

— Ладно! Патроны есть еще?

— Штукъ по пяти наберется.

— Цѣлься новѣрше!

Раздалось послѣдовательно десятка четыре сухихъ, отрывистыхъ звуковъ; человѣкъ восемнадцать въ непріятель-

скихъ рядахъ повалились, сотня луль яросвистала надъ головами обрешшихъ себя на смерть, но никого не зацѣпила. Последніе заряды вылучены добровольцами; осталось по одному въ ружьѣ. „Подождемъ гостей!“ говоритъ офицеръ, прислоняя къ стѣнкѣ ненужное пока ружье и закуривая папироску. Солдаты, сѣдую его примѣру, набиваютъ трубочки. Непріятель, прекративъ стрѣльбу, приостанавливается... Такое хладнокровіе озадачиваетъ его. Онъ видѣлъ какъ трое осматривали окрестности, какъ затѣмъ открылась энергичная стрѣльба, и какъ вдругъ прекративъ ее добровольцы расположились точно въ своей казармѣ. Ужь не подкрѣпленые ли идетъ что они такъ покойны? А если подкрѣпленые, то не лучше ли самимъ поотступить...

Проходитъ минутъ пять „Что они, очумѣли что ли?“ — ворчитъ офицеръ, бросая окурокъ папироски. „Не мочевать же тутъ“. Перекрестясь горсть людей скорымъ шагомъ направляется къ видѣвшимся на полянѣ кустикамъ... Когда Турки рѣшаются подобратся къ покинутымъ шанцамъ, одурчившая ихъ горсть Русокахъ издали раскалывается съ ними и скрывается за кустами отъ глазъ изумленныхъ враговъ...

Въ дикой мѣстасти, суровость которой еще болѣе омрачается свѣжими сѣдлами борьбы, подъ защитою гребня громоздящихся холмовъ колошится небольшая группа мушкетъ и жевщанъ съ краснымъ крестомъ на бѣлой повязкѣ лѣвой руки. Руки врачей устали отъ усиленной непрерывной работы надъ лочинкою тѣлъ человѣческихъ; сестры милосердія замучились перевязками. Нѣсколько часовъ сряду килить энергичная работа въ этой ужасной мастерской. Перелачканные, утомленные санитары едва въ силахъ тащить носилки, на которыхъ распростерты тяжело раненые. Вся кучка такъ углублена въ свою работу что и не замѣчаетъ пролетающія надъ ихъ головами или лопающіяся съ визгомъ вблизи грядаты. Веревцы перевязанныхъ направляются въ перелопленные лазареты. Но вотъ гулъ битвы затихъ; выстрѣлы смолкаютъ; приливъ раненыхъ прекращается, кровавая работа кончена. Братскій кружокъ садится наконецъ, гдѣ и на чемъ полало, подкрѣпить свои силы. Переходъ отъ напряженной дѣятельности ко временному покою сказывается въ слабомъ организмѣ молодыхъ жевщанъ. Нечаянно натывается на санитаровъ какой-то адъютантъ:

— Спасайтесь! Что вы дѣлаете! Армія отступила! Вѣдь вы почти отрѣзаны! Турки у васъ въ тылу!

Отрядикъ быстро собирается и лодъ прикрытіемъ опускающейся ночи, по скаламъ и тролцкамъ, трудными обходами, добирается до своихъ линій, чудомъ какимъ-то минуя вражескіе таборы.

Безмолвно глядятъ на встрѣчу врагу черныя заколоченыя порохоми жерла дюжины орудій брошенной батареи. Врагъ силенъ! Врагъ давитъ! Огонь и смерть летятъ въ Дюнишскія высоты. Въ грозномъ порядкѣ отступаютъ дружины добровольцевъ, щедро платящихъ врагу за свои потери. Въ общемъ хаосѣ звуковъ, въ этомъ адскомъ смѣшеніи грома орудій, стоновъ раненыхъ, трескотни ружей, воплей и проклятій, въ клубкахъ и туманѣ дыма, лодъ рокотъ барабановъ и звуки сигнальныхъ рожковъ, удѣлѣвшая горсть Русскихъ тѣснѣе сплывается около начальниковъ... Звукъ рожка слышится рѣзче, сильнѣе... Все какъ бы застилается мглой, закрывается завѣсой... Что-то какъ бы обрывается въ учащенно бьющемся сердцѣ..

VI. Стоявка въ Бѣлградѣ.

Прохладное утро глядѣло въ окно нашей комнаты 31го октября; рѣзкій звукъ сигнальнаго рожка звонкою струей ливался въ открытую форточку. Въ соседней казармѣ призывали къ завтраку сербскихъ воиновъ, а наши люди горько жаловались что провизіи все еще нѣтъ. Я далъ имъ отъ имени Г—скаго два дуката, сказавъ что это отъ баталіоннаго командира на покулку вина и мяса, такъ какъ объявы на баталіонъ изъ министерства еще не получены. Солдаты накупили себѣ печенаго мяса и „заморили червячка“, тѣмъ не менѣе ролоть между ними усиливался; одного жаренаго куска недостаточно для изголодавшихся; а Г—скій не показывался въ казармы, и его отсутствіе ухудшало дѣло: „Что это за командиръ которому до солдата дѣла нѣтъ! Хоть тутъ околѣй съ голоду, а онъ и глазъ не кажетъ!“ доносилось изъ разныхъ группъ. Вторая рота ролтала довольно громко. Ворча улеглись спать. Утромъ—та же исторія. Не успѣвъ я открыть глаза, являются

ко мнѣ оба фельдфебеля: мой, Забродинъ, и 2й роты, Федосѣевъ, съ докладомъ что люди шумятъ.

Приказавъ выстроить обѣ роты въ корридорѣ, я вышелъ къ нимъ. Обычное „здравія желаемъ!“ прогремѣло на мое привѣтствіе.

— Что у васъ такое творится? Отвѣчайте, да говорить кому-нибудь одному!

— Да вотъ, ваше благородіе, народъ ужъ больно обижается: ни толку, ни порядку не видимъ; пришли измученные, голодные; третьи сутки въ городѣ, и помѣщенья нѣтъ, валяемся на голой землѣ безъ подстилки, и ѣсть не даютъ! Здѣсь здѣсь—не позиція! Тамъ другое дѣло. Да и командиръ глазъ не кажетъ...

— Какъ смѣть говорить такъ! строго остановилъ я.—Начальникъ хлопочетъ о васъ; должно-быть въ министерствѣ задержка.

Роты отправились по палатамъ; отрывочно доносились до меня фразы: „коли баталіонный не пріѣдетъ, и обѣда не привезутъ, казарму разнесемъ! Черяеву жалобу подадимъ!“ Офицеровъ не было налицо никого, кромѣ дежурнаго по баталіону; я просилъ его стараться поуслокоить роты.

Пріѣхавшій наконецъ полковникъ сказалъ солдатамъ нѣсколько словъ о своихъ хлопотахъ, разъяснилъ что въ министерствѣ тоже хлопотъ по-горло, но что скоро онъ всего добьется, и подозвавъ фельдфебелей далъ имъ по два дуката на роту, приказавъ, разбѣжавъ ихъ, выдать каждому солдату на руки или сообща купить провизіи...

Однако баталіонъ далеко не былъ услокоенъ дукатами полковника, „мы не вищіе!“ говорили между собой солдаты, „намъ пусть даютъ по положенью провіантъ.“

Утромъ, на другой день, я замѣтилъ что солдаты сходятся въ кучки и шелчутся. Ждали Г—скаго.

Вдругъ на дворъ рысью вѣхалъ офицеръ, штабный адъютантъ.

— Здѣсь 5й баталіонъ?

— Здѣсь.

— Генералъ приказалъ вывести людей безъ оружія къ театру; онъ будетъ смотрѣть ихъ.

Я въ нѣсколько прыжковъ вѣхалъ по лѣстницѣ. Въ корридорѣ шумъ былъ ужасный; все орадо... „Смирно!“ гаркнулъ я сколько хватало силы. Говоръ смолкъ, и всѣ обернулись

въ мою сторону. „Генералу угодно смотрѣть баталіонъ на Театральной площади!“

Мигомъ, какъ по волшебству, картина перемѣнилась: всѣ лица сразу повесѣли. Въ 10 минутъ баталіонъ былъ готовъ и съ пѣснями шелъ къ театру. Куда дѣвался холодъ и голодъ. Одно имя Черняева оживило людей!

Въ 10¼ часовъ показались нѣсколько экипажей. Черняевъ былъ въ мундирѣ съ золотыми жгутами на плечахъ; въ красномъ, шитомъ золотомъ кели, въ красныхъ съ лампазами рейтузахъ и высокихъ лакированныхъ сапогахъ; на шеѣ бѣлѣлъ крестъ Св. Георгія. Сдѣлавъ общій поклонъ офицерамъ, онъ не останавливаясь прошелъ ко фронту.

— Здравствуйте, земляки!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! *Ура* Черняеву! *Ура* отцу нашему!

— Радъ васъ видѣть, друзья! Надѣюсь что вы оправдаете мои ожиданія! Всѣмъ ли вы довольны?

— Всѣмъ довольны, ваше превосходительство! Умремъ за тебя всѣ до единого!

Черняевъ былъ видимо тронутъ. Онъ любезно поговорилъ съ каждымъ изъ офицеровъ, затѣмъ остановился предъ серединой фронта. Адъютантъ подаль ему въ чехлѣ какое-то оружіе; чехолъ былъ снятъ; оказалось что это сабля, и сабля замѣчательная: круто искривленный, великолѣпный клинокъ былъ утверждёнъ въ золоченомъ эфесѣ, который имѣлъ форму рукоятки атагана; ножны свѣтлосіяныя бархатныя окованы плоскими широкими золочеными кольцами, съ такимъ же наконечникомъ; на кольцахъ, по наружной сторонѣ ноженъ, вычеканены медальоны съ изображеніемъ знаменитыхъ королей Сербскихъ; на эфесѣ темлакъ — шелковый шнуръ, свитый, изъ національныхъ славянскихъ цвѣтовъ—сизаго, бѣлаго и краснаго, съ трехцвѣтною же кистью.

— Его свѣтаость князь Миланъ, началъ Черняевъ, обращаясь ко всѣмъ,—поручилъ мнѣ передать отъ имени призвательнаго Сербскаго народа эту почетную саблю достойному! Такихъ я знаю многихъ; увѣренъ что всѣ согласятся съ моимъ выборомъ изъ нихъ.

Имя Межеланова какъ молнія промчалось въ мысляхъ присутствовавшихъ.

— Полковникъ Меженниковъ, продолжалъ главнокомандующій,—вручаю ее вамъ!

Ура!... прогремѣло по площади.

— Полковникъ Меженниковъ назначенъ мною начальникомъ дивизіи добровольцевъ: увѣренъ что вы покажете себя вполне достойными его, закончилъ Черняевъ, и обратился къ Г—скому.—Я вамъ дамъ другое назначеніе; потрудитесь слать баталіонъ капитану П—ву.

Потомъ Черняевъ, подаривъ бывшимъ въ строю солдатамъ по 1 рублю, унтеръ-офицерамъ и юнкерамъ по 3 руб. и приказавъ выдать всѣмъ офицерамъ по 10 дукатовъ въ видъ вспомошествованія, распростиася и уѣхалъ, провожаемый оглушительными восклицаніями.

Личность новаго командира пришлась всѣмъ по душѣ: это былъ молодой человекъ лѣтъ 23—25, средняго роста, плотный, въ очкахъ, изъ гвардейскихъ офицеровъ; его тонъ движенія, открытый взглядъ, заставляли предполагать въ немъ энергію—и мы не ошиблись.

Одновременно получено было приказаніе Черняева занять казармы въ крѣпости въ томъ же зданіи гдѣ помѣщался Черняевскій баталіонъ. П—въ и я отправились туда. Черезъ ворота, надъ которыми возвышалась башня съ турецкими часами, мы выѣхали на площадь: направо—бѣлое двухэтажное зданіе, съ высокимъ минаретомъ, прямо—однэтажный бѣлый домъ коменданта и коюшви, раздѣленные воротами, подъ сводомъ которыхъ лѣстница внизъ, въ „дольній градъ“; лѣвѣе, отдѣлаясь отъ дома коменданта небольшимъ прогаломъ, съ цвѣтниками, крѣпостной конакъ, что-то въ родѣ дворца; еще лѣвѣе—патронная мастерская, за нею хорошеякій садикъ, круто сбѣгающій внизъ по скалистому обрыву. Комендантъ сидѣлъ съ дочерью на террасѣ. Онъ встрѣтилъ насъ и приветливо раскланялся. Это былъ почтенныхъ уже лѣтъ Сербъ, полковникъ, невысокаго роста, довольно полный, съ серьезнымъ и добродушнымъ лицомъ. Пока П—въ передавалъ ему приказъ Черняева, я съ любопытствомъ оглядывалъ головной уборъ и нарядъ его дочери: черные съ синимъ отливомъ волосы въ двѣ роскошныя косы со влдетенною въ нихъ розовою лентой обвивались вокругъ покрывавшей маковку красной, съ черною кистью фески; темнолиловая юбка, отдѣланная черными шнурами и поверхъ бѣлой съ прошивами на груди

и рукавахъ съ кружевнымъ воротничкомъ рубашки, черная бархатная, расшитая шнурами, короткая безрукавка, округленная спереди въ обѣ стороны къ сплнкѣ. Это національный нарядъ высшаго общества: двѣтъ юбки, узоръ и отдѣлка безрукавки могли мѣняться, по фантазіи, но феска и реземы ленты не мѣняются цвѣта никогда; только въ парадныхъ случаяхъ надѣвается феска серебряная, золотая или визанная изъ крупаго жемчуга. Впрочемъ бѣградскіа дамы и дѣвицы носятъ и европейскій костюмъ.

Выбравъ помѣщеніе, П—въ приказалъ мнѣ ѣхать около въ казармы, собирать баталіонъ и вести его сейчасъ же въ крѣпость; „надо ковать желѣзо пока горячо“, прибавилъ онъ, обѣщая тотчасъ похлопотать объ ужинѣ людямъ. Я поспекалъ.... Весело, съ лѣсками, шелъ въ тотъ же день баталіонъ по улицамъ Бѣграда; толпы мальчишекъ окружали насъ, забѣгали впередъ и какъ только кончалась лѣска, принимались махать палками и кричать ура. Въ особенности занималъ ихъ одинъ изъ лѣскариковъ, который впередъ хора откалывалъ въ присядку подъ лѣску: „Во лузяхъ!“ Онъ то плавно выступалъ избоченясь, то съ ревомъ бросался впередъ прямо на толпу крикуновъ, которые съ хохотомъ и визгомъ рассыпались въ разныя стороны и снова собирались кучами....

Намъ отвели три комнаты со сводчатыми потолками. П—въ встрѣтилъ насъ при входѣ. Баталіонъ размѣстился и немедленно устроился; въ углахъ повѣшены ротные образа, имущество помѣщено подъ мары, оружіе въ головахъ. Подводы съ хлѣбомъ и провизіей уже ожидали насъ....

Обходя на другой день крѣпость, мы осмотрѣли, между прочимъ, расположеніе сербскихъ ротъ и были поражены представившеюся намъ картиной: въ большихъ, чистыхъ и свѣтлыхъ палатахъ поставлены для каждаго воина желѣзные койки съ двумя подушками, матрацомъ, простыней и одеяломъ. Порядокъ отличный. И Сербы держали себя очень хорошо; все народъ молодой. Замѣчательно что сперва они были въ штиблетахъ, а къ концу ноября всѣ обмелели салогами и притомъ русскими.

П—въ подлисалъ требованія коменданту о немедленной выдачѣ и нашему баталіону надлежащаго количества матрацовъ, чашекъ и ложекъ, лампъ для освѣщенія казармъ, керасину, столовъ и студевъ для ротныхъ канцелярій,

котловъ для варки пищи, кадокъ для воды; швабръ и метелъ для очистки половъ, а такъ какъ у людей бѣлье, платья и салогн износились за время похода, то были приготовлены списки всего необходимаго для представленія членамъ уполномоченнымъ Славянскихъ комитетовъ, отъ которыхъ добровольцы должны были получить эти предметы. Главный складъ всѣхъ вещей Славянскихъ комитетовъ находился въ „велькой казармѣ“. Я отправился туда. Прежде всего мнѣ кинулись въ глаза громадные полки, заваленныя отъ пола до потолка связками полушубковъ и шинелей русскаго солдатскаго сукна; вся передняя стѣна и весь правый уголъ заняты были громадами салогн. У окна, предъ столикомъ, заваленнымъ книгами, списками и разными бумагами, сидѣлъ офицеръ за вѣдывавшій складомъ, въ русской военной фуражкѣ и полушубкѣ; около него толпилось человекъ 16 добровольцевъ съ бланками на получение вещей. Онъ предложилъ мнѣ выбрать салогн которые оказались прекраснаго качества и всѣ со штемпелемъ внутри голенищъ: „для арміи генерала Черняева“.

Къ несчастію нашъ энергичный П—въ недолго командовалъ баталіономъ: въ тотъ же вечеръ онъ получилъ важную для него телеграмму изъ Россіи, и долженъ былъ немедленно ѣхать въ Петербургъ.

По желанію баталіона, новымъ командиромъ его былъ назначенъ Ч—въ. Между тѣмъ мы повсюду устраивались и заведи у себя для офицеровъ нѣчто въ родѣ общаго стола. Въ Бѣлградѣ пища и въ гостиницахъ не дорога, домашней же столъ дешевизны изумительной. Мы имѣли три блюда за обѣдомъ и два за ужиномъ; блюда эти слѣдующія: супы: уха, люре, бульоны, щи, великолѣпный борщъ, лапша; жареныя: чурка (индейка), гусь, лавка (утка), ростбифъ, битки, свинско печенье, плавъ, котлеты рубленныя и отбивныя, иногда даже фазанъ или дикая коза; десертъ: фрукты, виноградъ, сладкія печенья. И все это обходилось кругомъ по 2¹/₂ гроша съ человека въ день, то-есть по 12 съ половиною копѣекъ. Рыба очень дешева; мелкая стерлядь въ 5—6 вершковъ продается цѣлымъ пруткомъ: она называется на тонкую, длинную, камышевую тростянку, на ней сидитъ ихъ лотко штукъ до 50, и всѣ онѣ стоятъ 1¹/₂ динара; ивѣйка, хотя не особенно крупная, но откорм-

левая виноградомъ, ягодами и кукурузой, поэтому необыкновенно вкусная, стоить отъ 3 до 5 грошей то-есть отъ 15 до 25 коп.; поросенокъ и на позиціи не превышалъ 2 динаровъ, а въ Бѣлградѣ 1 динаръ—красная цѣна, и т. д.

7го ноября прибыла въ Бѣлградъ Орловская дружина изъ 126 человекъ въ полной ополченской обмундировкѣ, съ крестами на шапкахъ съ надписью: „за Вѣру и братьевъ Славянъ“, и со знаменемъ которое прислалъ городъ Орель. Она цѣликомъ была зачислена въ нашъ баталіонъ; къ нему уже прибавилось много вновь прибывшихъ добровольцевъ, вслѣдствіе чего онъ состоялъ такимъ образомъ изъ пяти ротъ. Дружина была снабжена Орловцами рѣшительно всѣмъ до послѣдняго гвоздя, и народъ былъ молодецъ къ молодцу. Большая ошибка что другіе города, а также и комитеты, не слѣдовали примѣру Орла: еслибъ изъ добровольцевъ на мѣстѣ въ Россіи образовывались дружины человекъ въ полтораста или двѣсти, тамъ же обмундировывались и получали хозяйственную организацію, то было бы порядка больше и не случилось бы многого изъ того о чемъ скажу даѣе.

Вечеромъ мы получили увѣдомленіе что на завтра по случаю именинъ главнокомандующаго его свѣтлость князь Миланъ приказалъ устроить для него экспромтомъ парадъ въ видѣ сюрприза; парадировать долженъ былъ 4й его имени баталіонъ, а изъ нашего — присутствовать всѣмъ офицерамъ, фельдфебелямъ и по одному унтеръ-офицеру и рядовому отъ каждой роты. Въ 8 часовъ утра, въ Михайловъ день, всѣ выстроились предъ окнами главнокомандующаго, ничего не подозревавшего: на правомъ флагѣ музыка, затѣмъ $\frac{1}{2}$ баталіона сербскихъ войскъ, 4й баталіонъ, офицеры нашего баталіона, имѣя за собой команду, Дюцы на коняхъ съ ликами и эскадронъ Кузьминскаго. Ровно въ 9 часовъ князь Миланъ, въ сопровожденіи министровъ, адъютантовъ, Меженникова, Деллерадовича и другихъ, лоздорозавшись съ войсками, направился къ Черняеву, и оба вмѣстѣ сдѣлали смотръ, носѣ котораго уѣхали въ соборъ, куда за ними, конвоируемая гвардейскими гусарами въ темнозеленыхъ домавахъ съ желтыми шнурами, кирлично-малиновыхъ чакчирахъ съ желтымъ лампасомъ, лакированныхъ ботикахъ и шапкахъ со шнурами и султанами, отправилась и княгиня Наталія. Обѣдаю служилъ

митрополитъ Михаилъ; пѣли Чудовскіе пѣвчіе, въ числѣ 8 человекъ. Народу, въ особенности Сербокъ, было очень много.

У правой стѣны храма возвышалось княжеское мѣсто подъ балдахиномъ. Молодой князь Миланъ — высокаго роста, довольно полный, статный и красивый мужчина съ темнорусыми волосами; лицо его, съ небольшими усами и всплывающей свѣтлѣе волосъ, очень симпатично и носить явные слѣды горькихъ и тяжелыхъ заботъ, выпавшихъ на долю его молодости. Княгиня Наталія, урожденная Кешко, родная нашему отечеству по мѣсту рожденія и воспитанія, кумиръ всехъ добровольцевъ — высокаго роста брюетка, со стальнымъ отливомъ роскошныхъ волосъ, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, стройная, вполнѣ красавица; чудное, грустно-доброе и вмѣстѣ привѣтливое выраженіе ея прекрасныхъ черныхъ глазъ невольно привлекаетъ къ ней cadaго.

Толпа народа, хотя очень интересовалась княземъ, княгиней, Черняевымъ и блестящею свитой, но при каждомъ пѣніи Чудовскихъ, вмигъ обращала глаза къ кайросу; хорошенькія глазки Сербокъ увлажнялись, возводились къ иконамъ, и чудное пѣніе извлекало горячія мольбы изъ растроганныхъ сердець.

При выходѣ изъ церкви, какой-то Сербъ сталъ перебираться черезъ улицу, не обращая вниманія на экипажи, на него налетѣла коляска: кучера и извозчики никогда не кричатъ здѣсь „берегись“. Солдаты и публака кричали переходившему, но вѣрно часть его пробилъ: онъ шелъ не оборачиваясь; кучеръ сдержалъ лошадей тогда когда спшибленный дышломъ въ затылокъ несчастный лежалъ уже мертво. Я оцѣмъ при этомъ зрѣлищѣ которое продолжалось нѣсколько мгновеній и показалось мнѣ точно сномъ; какое то нехорошее чувство закралось мнѣ въ душу: солнечный свѣтъ показался блѣднѣе, и праздникъ не въ праздникъ!

12го ноября мы осытали и набили на древно знамя при-славское городомъ Орломъ, которое главнокомандующій назначилъ нашему баталіону, такъ какъ въ составъ его вошла Орловская дружина. Оно изображало съ лицевой стороны по голубому шелковому полю, окаймленному золотомъ бахромой съ такими же кистями по угламъ, осмиконечный,

шитый золотомъ крестъ, съ надписью: „за Вѣру и братьевъ Славянъ“; на оборотѣ, въ кругломъ медальонѣ—гербъ города Орла, шитый шелками.

Къ намъ безпрестанно прибывали новые добровольцы, солдаты и офицеры; въ самую церемонію освященія знамени явился подпоручикъ Ш—въ и передалъ мнѣ распятіе съ брилліантовыми украшеніями, присланное кружкомъ его знакомыхъ изъ Москвы въ ту часть войскъ куда онъ будетъ назначенъ. Мы хотѣли водрузить его на яблоко знамени: невозможно, ибо крестъ дорогою оломался и хотя былъ скрѣпленъ, но не прочно; поэтому мы передали его баталіонному командиру, и онъ хранился въ послѣдствіи въ церкви которую отвели баталіону.

14го ноября прибыла къ намъ первая партія Нижегородской дружины. Ее цѣликомъ зачислили въ мою роту. Начальникъ ея былъ мой хорошій знакомый и сосѣдъ по имѣнью. Онъ очень жаловался на безпорядки, вслѣдствіе которыхъ его людей продержали зря въ Кладовѣ, когда они могли еще послѣть къ Дювишскому бою; разказалъ какъ ихъ прогоняли лѣшкомъ, неизвѣстно для чего, изъ Кладова черезъ Неготинъ и Бани къ Делиграду, хотя уже было заключено перемиріе,—какъ они, безъ проводниковъ, лутали по покинутымъ селамъ вдоль турецкой границы, и чуть не попали въ окрестности Виддина ночью едва выведенные на путь какимъ-то Сербомъ. На другой день прибыли двѣ остальные части Нижегородской дружины. 16го ноября, приказомъ по дивизіи, вся Нижегородская дружина зачислена въ 5й Русскій баталіонъ подъ названіемъ 1й Нижегородской роты и я, какъ Нижегородецъ, назначенъ ея командиромъ.

16е ноября выпровождена изъ Сербіи на родину партія безобразниковъ. Ихъ подвиги обратили на себя вниманіе главнокомандующаго и не могли не огорчить его, потому что исходили изъ среды которою гордился онъ самъ, которою гордилась вся Россія, на которую наконецъ устремлены были взоры Европы. Участниками въ нихъ являлись къ несчастію и Русскіе. Въ семьѣ не безъ урода.

По приказанію Черяева имъ были составлены списки и ихъ отправили съ незавидными аттестаціями.

Считаю долгомъ прибавить что къ прискорбію героями башн-бузукства были добровольцы изъ офицеровъ: рѣдко важкіе чины. Напротивъ, солдаты сами сознавали необ-

ходимость дисциплины, охотно покорялись наказанію и даже нерѣдко сами просили разрѣшить имъ поучить провинившагося товарища „чтобы, значитъ, баталіона не маралъ“. Воровства въ Сербіи почти не бываетъ: прохода мимо магазиновъ, можно на каждомъ шагѣ видѣть лучшіе образцы товара, вывѣшенные на самой улицѣ, на дверяхъ магазиновъ. Двое нашихъ солдатъ халвауи что-то. На рынкѣ, гдѣ они вздумали было продавать лохищенное, ихъ сейчасъ же остановила полиція, вѣжливо спросила, какого они баталіона, гдѣ купили вещи и почему продаютъ ихъ.... Простулокъ открылся, ихъ заставили отвести вещи туда гдѣ они взяли. Хозяинъ и не думалъ просить о наказаніи, и пристыженныхъ воровъ отвели въ баталіонъ; тѣмъ дѣло полиціи и кончилось, но не такъ взглянули на него товарищи. „Ваше благородіе, позвольте поучить, вся рота просить!“ сказалъ мнѣ фельдфебель послѣ вечерняго рапорта.

— За что?

— Осрамили подлецы всю роту! привели съ полиціимъ, скрали съ вывѣски платки.

— Хорошо, только немного!

На другой день узнаю что виновнымъ отпустили сотню горячихъ; я сталъ выговаривать, но сами наказанные говорили что рота правильно поступила, и что они много довольны и благодарны.

Сербскія власти не пресѣдовали Русскихъ по простой причинѣ: зная какъ Русскіе умирали за нихъ, они снисходительно смотрѣли на исключенія.

VII. Послѣдніе дни въ Сербіи.

Съ прибытіемъ Нижегородской дружины, численность нашего баталіона возрасла свыше 400 человекъ, и помѣщеніе наше оказалось крайне недостаточнымъ. Въ палатѣ 16ти аршинъ длины, 9ти ширины, тѣснилось 148 человекъ: часть людей спала на голыхъ нарахъ, часть на кирпичномъ полу безо всякой подстилки; дворовой собакѣ удобнѣе, у нея есть хоть солома въ конурѣ! Керасину въ лампы отпущалось въ такомъ ограниченномъ количествѣ что его хватало на 2 часа не болѣе, и съ 7 вечера казармы уже погру-

жились во мракъ, ночью же приходилось шагать по цѣлой мостовой изъ слящихъ. Швабръ и вѣнциковъ мы не могли добиться, и грязь натаскивалось ежедневно не мало благодаря 148 ларамъ ногъ. Нечистота накоплялась страшная, чуть не ежедневно отправляли людей въ лазаретъ съ чистотой. Ихъ лѣчили одними ваннами, и послѣ трехъ они были уже здоровы. Положеніе было невыносимое, сѣдло-вамо удивляться терпѣнію солдатъ. Они жаловались, правда, но не роптали.

Черняева въ это время уже не было въ Бѣградѣ, онъ уѣхалъ за границу. На бѣду, не было и нашего генеральнаго консула, г. Карцева, который уѣзжалъ въ Петербургъ: отсюда и проволочки въ исполненіи нашихъ требованій.

Какъ-то разъ вечеромъ, навѣстивъ дружину, я застаю кучку людей за пѣніемъ. Я вообще любитель хорошаго пѣнія, а мнѣ тотчасъ пришла мысль завести хорошій хоръ. Къ моему великому удовольствію, въ дружину оказалось нѣсколько человѣкъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ; я тутъ же рѣшилъ устроить хоръ для нашей церкви. Набралось 26тъ пѣвцовъ изъ нихъ я отдалъ 14тъ для церковнаго пѣнія. Командиръ баталіона поощрилъ почти нѣкоторыми льготами; напримѣръ освобожденіемъ пѣвчихъ отъ дворянства, а по праздникамъ и отъ караула. Нерѣдко въ хорошій день, а такихъ много въ бѣградскомъ ноябрѣ и декабрѣ, мои пѣсenniки собирались на крѣпостномъ гласисѣ, на высшей точкѣ бульвара, откуда открывался чудный видъ на низменный луговой берегъ Дуная, на Землянъ и на весь Бѣградъ. Тамъ на свѣжей травѣ разстилались пальто и шинели, я укладывался по срединѣ, окруженный офицерами и вакерами дружины, кругомъ располагались пѣвчіе, и то грустные, то веселые напѣвы далекой родины звонко разносились въ тепловатомъ прозрачномъ воздухѣ, привлекая массы Сербовъ и Сербокъ... По цѣлому часу стояли около насъ толпы гуляющихъ прислушиваясь и видимо наслаждались незнакомыми, но какъ будто родными напѣвами. Особенно аккуратно являлся нашъ крѣпостной сербскій священникъ; его черная скуфейка съ мохватою шишечкой на верхушкѣ постоянно видѣлась въ первыхъ рядахъ слушателей. Сербамъ болѣе всего любилась: „Я вечеръ въ дугахъ гуляю“. „Ванъ по Волгѣ рѣкѣ“, „Было дѣло подъ Полтавой“, „Ахъ въ снѣгѣ“.

Солдаты очень любили это мирное музыкальное времяпровожденіе. Многие сами просидись въ хоръ.

Поведеніе добровольцевъ было почти безукоризненное рѣдко прорывались случаи пьянства несмотря на двѣ кафаны въ самой крѣпости подлѣ казармъ, которыя не запирались круглыя сутки и гдѣ днемъ и ночью шла пьянство и азартныя игры. Къ дверямъ этихъ кабачковъ мы поставили дежурныхъ чтобы не пускать туда солдатъ послѣ вечерней зари. Солдаты и безъ того почти туда не заглядывали даже днемъ, съ пріятіемъ же этой мѣры кафаны окончателно опустѣли. Вообще дисциплина добровольцевъ была на такомъ счету что комендантъ Бѣлградской крѣпости, полковникъ Жабаричъ, счелъ возможнымъ вѣрить русскимъ баталіонамъ караулъ крѣпости у всѣхъ пяти крѣпостныхъ воротъ. Наши не замедлили оправдать довѣріе сербскаго начальства. На третій же день этого распоряженія нашъ караулъ у малыхъ воротъ неподалеку отъ крѣпостной церкви замѣтилъ во рву двухъ по одеждѣ Сербовъ, которые какъ-то ужъ слишкомъ осторожно пробирались вдоль контръ-эскарпа средняго рва: немедленно два солдата спрыгнули внизъ чуть не на ихъ плечи: оказались два турецкіе шпіона.

Наши рапорты о помѣщеніи вызвали назначеніе санитарной комиссіи изъ двухъ врачей которые положительно возмущились при видѣ нашего хлѣва, составили актъ и дали слово настоятельно требовать улучшенія. Они осмотрѣли также кухню и провизію. Въ продовольственномъ отношеніи мы не могли жаловаться: люди получали по 1¼ фунта мяса на человѣка ежедневно, и мяса прекраснаго, баранины, говядины или свинины; соответствующее количество овощей, калусты, турецкихъ бобовъ, рису, кореньевъ, луку, палприки и соли; хлѣба отлускалось по 2 ф. — 2¼ ф. на каждыяго; кромѣ того три раза въ недѣлю полагалась винная порція, и сверхъ всего, выдавалось жалованья по 1 дукату въ мѣсяцъ, считая время службы со дня вступленія на сербскую территорію.

Погода стояла прекрасная; холодъ и снѣгъ какъ бы сговорившіеся доканать насъ вмѣсто Турокъ во время отступленія, съ 1го ноября оставили насъ въ покоѣ; небо прояснилось, пахло весной, солнышко поддерживало днемъ до 12 градусовъ тепла, цвѣли левкои, и молодая травка яркимъ зеленымъ ковромъ устилала крѣпостной гласисъ и куртины сада.

23го ноября, въ день Св. Александра Невскаго, былъ ротный праздникъ Орловской дружины. Послѣ богослуженія, смотра и завтрака явился мой хоръ, и Нижегородцы пропѣли Орловцамъ слѣдующее привѣтствіе:

Прими, Орловская дружина,
Нижегородцевъ ты привѣтъ!
Вдали отъ родины любимой
Для насъ милѣе братьевъ нѣтъ!

Съ тобою насъ соединяетъ
Рѣка,—родимая Ока,
И какъ ея родныя воды—
Любовь къ вамъ наша глубока!

Въ 4 часа стали разѣзжаться. Предъ отъѣздомъ захлопали пробки, пошла тосты; Меженникова и Деллерадовича подхватили на руки, покачали и съ триумфомъ понесли въ коляску. Лошадей мигомъ отпрягли, и толпа офицеровъ и солдатъ помчали растроганныхъ до слезъ любимыхъ начальниковъ за ворота крѣпости. Сербы оочувственно снимали шляпы, дѣти бѣжали за коляской махая шалками и оглашая воздухъ своими визгливыми голосами. Жизнь въ Бѣградѣ скроена на европейскій образецъ и можетъ назваться вполне уличною, не въ ущербъ и врожденному славянскому гостеприимству. Часто увидишь въ кафанѣ цѣлое семейство, жившееся сюда обѣдать хотя въ собственномъ домѣ полная чаша, готовая къ услугамъ каждаго гостя. Мы, офицеры, употребляли всевозможныя усилія чтобы заставить жителей забыть объ изгнанныхъ безобразникахъ. И къ великой чести Сербовъ это было не трудно: добрые братушки вовсе не сердились на скандалистовъ, помня одно что они призвали для защиты Сербіи и многіе изъ нихъ оросили сербскія поля своею кровью.

Одважды нѣсколько насъ офицеровъ, зашли въ кафану *Сербской Круны* пообѣдать и засѣли за первымъ столомъ нѣтъ отъ стеклянной двери, отдѣлявшей обѣденную залу отъ биллиардной. Не успѣли поставить намъ приборы, какъ въ ту же дверь вошелъ почтенный наружности, еще красивый свѣдой Сербъ, за нимъ жена и двѣ очень хорошенькія дочери, лѣтъ 17ти и 10ти. Семейство заняло сосѣдній небольшой столикъ. Наше сосѣдство кажется безпокойло старика, и онъ все оглядывалъ залу, вѣроятно разыскивая, нѣтъ ли другихъ

свободныхъ столовъ; въ это время старшая дочь уронила шляпку; я мигомъ подъялъ ее. Въ награду я получилъ милое: фѣла господине капетанъ!“ и благодарность отца. Завязался разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, знакомомъ почти всѣмъ Сербамъ благодаря близости Австріи. Сербъ предложилъ намъ пересѣсть за ихъ столъ и, наливъ по стакану венгерскаго, представилъ насъ дамамъ. Барышни, по требованію отца, отвѣтили на нашу здравицу въ ихъ честь и зарумянились. Всѣ Сербки большею частію хороши собой, а глаза ихъ положительно восхитительны! Они точно глядятъ мягкою бархатною лалкой и вмѣстѣ жгутъ, столько огня въ нихъ. Мы и не замѣтили какъ пролетѣло слишкомъ два часа, а при прощаніи получили приглашеніе продолжать знакомство. Скоро мы перезнакомились такимъ образомъ со многими семействами и вездѣ встрѣчали чисто славянское радушіе; на насъ смотрѣли просто какъ на родныхъ, посвящали насъ въ домашнія дѣла, совѣтовались съ нами.

Кромѣ Русскихъ въ Бѣлградѣ было много добровольцевъ изъ западной Европы. Первѣйшіе пріатели наши (конечно послѣ Черногорцевъ нашей бригады) были Италіяны. Они носили сербскую форму съ лѣтушиными перьями на капѣ; бѣлая часть ихъ были Гарибальдійцы. Мы самымъ дружельбынымъ образомъ встрѣчались въ кафанахъ и тутъ-то устраивалась нами цѣлая опера! И соло, и хоры сыновъ Италіи, верѣдко погружали меня въ мечтаніе; мысль дѣлала скачокъ изъ Бѣлградской ливницы въ партеръ Бѣлаго театра. Со вниманіемъ вслушивались Италіяны и въ наши русскіе напѣвы, и вскорѣ разучили полюбившуюся имъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“.

Затѣмъ друзья были Прусаки; два офицера находившіеся въ Арнаутскомъ баталіонѣ вполнѣ поддерживали честь прусской арміи. Ихъ очень любили. На америкавскихъ и англійскихъ добровольцевъ мы смотрѣли какъ на достойныхъ уваженія боевыхъ товарищей, но не сближались съ ними; Австрійцы престо вѣдушали къ себѣ автілатію и офицеровъ и рядовыхъ: „Поди жь ты!“ говаривали солдаты, сравнивая ихъ съ Прусаками: „кажись все Нѣмцы, а точно скроевы врозь“!

— Знамо! отвѣчалъ какой-нибудь старый резонёръ.—Тѣ наши русскіе Нѣмцы! значитъ по Фридрику сродственники; а эти чтѣ? венгерскіе прихвосты!

25го ноября началась постройка русской бани крайне необходимой, хотя въ крѣпости и была одна частная, не удовлетворявшая солдатъ; брали не дорого, грошъ съ десяти человѣкъ, но тепла было мало. Вѣлградскія бани устроены по-восточному. Та которую я обыкновенно посѣщалъ, одна изъ лучшихъ, находится въ нижнемъ городѣ, на берегу Дуная. Прямо съ улицы вступаешь чрезъ стеклянныя двери въ большую комнату, уставленную вдоль правой и лѣвой стѣнъ четырьмя рядами скамеечекъ. Каждый входящій платитъ 5 паръ, занимаетъ мѣсто на скамейкѣ, раздѣвается, поручаетъ пласть прислужницѣ, получаетъ отъ нея очень широкое полосатое, бѣлое съ краснымъ или голубымъ, меховатое полотенце и навозники; полотенце обматываютъ кругомъ талии, для приличія, навозники въ родѣ полотерной щетки съ ремнемъ надѣваютъ на ноги, и затѣмъ отправляются чрезъ небольшую дверь въ баню. Во кругъ бани отдѣленія отгороженныя рѣшетками, куда ведетъ винтовая лѣстница,—это отдѣльные нумера; цѣна 1 динаръ. Я взобрался на верхъ; въ нумерѣ оказались мягкій диванчикъ, столикъ и софа; внутренняя стѣна сплошная, боковыя рѣшетчатая въ переплетѣ, передней вовсе нѣтъ, только перильца, точь-въ-точь какъ въ ложѣ; видъ оттуда на толпу обнаженныхъ до пояса мужчинъ и женщинъ очень оригиналенъ: забылъ сказать что раздѣвальные обща для женщинъ (лѣвая половина) и для мужчинъ (правая), что нисколько не стѣсняетъ ни прекрасный, ни непрекрасный полъ. Правда, легкій полумракъ обуздываетъ любопытные взоры.

Прислужница привнесла мнѣ полосатую обивку и навозники и стала ожидать пласть. Блузу, панталоны и салогги я снялъ, но далѣе разоблачаться рѣшительно было неловко: вопервыхъ, меня стѣсняла эта прислужница, а черезъ два нумера какія-то Сербки. Потомъ я попривыкъ, во въ первый разъ ничего не придумалъ умнѣе какъ подать динаръ банной феѣ и „помолить едву фляшу биръ“, за которымъ та и полетѣла, а я тѣмъ временемъ разоблачился и граціозно закутался въ поясное полотенце.

Пиво было принесено; я выпивъ бутылку, попросилъ приготовить еще одну и вложилъ ноги подъ ремни своихъ сандалій. Тутъ началась просто каторга: съ непривычки къ подобной обуви, я безпрестанно слотыкался на рѣзвыхъ чугунныхъ ступенькахъ лѣстницы; отъ безпрестаннаго

блывшированія и хватанья руками за перила немудрой туалеты началъ, къ моему ужасу, разбитываться; я остановилса, чувствуя что еще шагъ и „падутъ реваивыя одежды“ на лѣстницѣ бѣградскихъ бань. Но прислужница съ участіемъ наблюдавшая за неопытннмъ братушкой Руссомъ послѣшила на помощь, быстро подтанула мою пелену по-своему, и я могъ сползти внизъ.

Пройдя маленькую дверь, я очутилса въ банѣ очень высокой температуры; баньщикъ провелъ меня въ отдѣленіе, гдѣ слѣва подъ краями была мраморная ванна, а по срединѣ возвышалса какой-то сплошной чуть не катафалкъ на аршинъ отъ земли. Полъ и катафалкъ, оказавшійся поломъ, были каменные. Я снялъ съ себя пелену и присѣлъ на полокъ, но въ ту же секунду вскочилъ. Баньщики указали что мохнатую пелену нужно сначала разостлать и лечь на нее. Я растянулся сообразно съ ихъ требованіемъ. Немедленно закатало дѣло. Одинъ баньщикъ готовилъ мыло, избивая его удивительно ловко, другой началъ тереть меня какими-то шерстяными варежками вывертывая мнѣ руки и ноги такъ что кости хрустѣли; ощущеніе было чрезвычайно пріятное. Живо намылили меня горячимъ мыломъ, изготовили ванну. Сходя въ нее съ полка я не очелъ нужнымъ надѣть сандалии—чуть не закричалъ отъ боли: полъ былъ такъ горячъ что только его влажность избавила меня отъ обжога; сербскія бани толятся снзву. Затѣмъ меня окутали простыней и препроводили въ мою ложу.

Между дѣломъ и бездѣльемъ съѣздили мы на австрійскую сторону, въ Землинъ. Возвращались на пароходѣ, на которомъ переправлялась въ Бѣградъ пестрая ватага продавцовъ, отправляющихся на рынокъ со своими продуктами. Ихъ набралось столько что по ладубѣ просто не гдѣ было шагнуть. Я подошелъ къ одной старушкѣ съ голубами, и выбралъ себѣ пару, бѣлаго и краснаго за 10 ларъ, разрѣзалъ шнурокъ связывавшій ихъ ноги и крылья, и пустилъ на волю. Это страшно поразило старушку; она больше ничего не хотѣла мнѣ продать, ворча что голуби назначены для стола, и что на вѣтеръ бросать деньги не позволительно....

Подробности о нашей бѣградской стоянкѣ будутъ не лишны если я не упомяну о почтѣ и о рускомъ справочномъ бюро. Сербскій почтамтъ отличалса своею аккурат-

востью, чего нельзя сказать ни о русскомъ бюро, ни о канцеляріяхъ представителей русскихъ комитетовъ.

Русское справочное бюро помѣщалось въ зданіи „Велькой школы“. Тамъ записаны были адреса всѣхъ добровольцевъ, получались газеты и журналы русскіе и сербскіе; на имя бюро адресовались письма Русскихъ. И тутъ были безпорядки. Чего бы кажется проще—посылать каждый день въ почтамтъ, который стоялъ наискосокъ на той же улицѣ, и получивъ письма и посылки, разсортировать по алфавиту да и разослать съ разсылнымъ по адресамъ? Такъ вѣтъ, перейти черезъ улицу нельзя, ибо почтамтъ въ двѣнадцать часовъ дня, по сербскому обыкновению, уже заперался, а бюро еще не открывалось въ это время; поэтому письма попадали въ него лишь когда почтальонъ заставалъ бюро открытымъ, иначе они возвращались въ почтамтъ и лежали тамъ пока получатель самъ догадается зайти за ними. Мнѣ лично пришлось распорядиться чтобы письма адресовали мнѣ помимо бюро, просто: „такому-то, въ Сербію, въ городъ Вѣлградъ“, и все получалось мною аккуратно, благодаря любезности чиновниковъ почтамта, особенно г. Яковича.

30-го ноября я былъ разбуженъ пушечными выстрѣлами: день особенно торжественно празднуемаго въ земляхъ славянскихъ апостола Андрея Первозваннаго. Былъ парадъ войскамъ, и собралось насъ двѣ роты 4го баталіона, 2 роты 5-го, Нижегородская и Орловская дружины, Сербскія 2 роты, лейбъ-гусарскій эскадронъ княжескаго конвоя, полу-баталіонъ Сербовъ, рота Черняевского баталіона, эскадронъ Черняевскихъ гусаръ на караковыхъ коняхъ, въ синихъ съ красными шнурами долманахъ, красныхъ чакчирахъ и мерлушечьихъ шалкахъ съ краснымъ верхомъ, золотымъ крестомъ и надписью: „за Вѣру и Славянь“, линейные казаки, Довцы съ лаками, наконецъ эскадронъ Кузьминскаго. Князь и княгиня выѣхали къ войскамъ при звукахъ сербскаго гимна.

Княгиня Наталія была въ бѣломъ атласномъ національномъ костюмѣ, олушечномъ гагачьимъ лукомъ; на прелестной головкѣ ея красовалась бѣлая жемчужная феска, необыкновенно гармонировавшая съ ея роскошными, воронеными волосами и чуть-чуть смугловатымъ лицомъ.

Въ послѣднихъ числахъ ноября однимъ Болгаринкомъ былъ открытъ въ Вѣлградѣ трактиръ *Москва*. Болгаринъ нарочно ѣзжалъ въ Москву за чайниками, чаемъ и прочими принад-

лежностями. Это было совершенно московское „заведеніе“: століки покрыты чистыми скатертями съ опрокинутыми вверхъ дномъ полоскательными чашками; буфетный открытый шкафъ съ полсотней паръ чайниковъ, стойка съ винами, водками и закусками, и рыжиками, и рѣдькою, и пирожками, и икрой. Чистая Москва! Только за буфетомъ, вмѣсто прилизанной фигуры толстаго прикащика, хорошеенькая прикащица-Сербка. Въ этомъ Болгаринъ далъ маху: черезъ три дня Сербка уже бѣжала съ моимъ юнкеромъ; вторая хорошеенькая Венгерка подверглась той же участи; и Болгаринъ, въ отчаяніи, посадилъ наконецъ прикащика; послѣдняго, конечно, никто не похитилъ.

Русскіе разумѣется повадились въ *Москва* и не одни они: явилось сюда и четверо Сербовъ. Спросили чаю; имъ подали лару; они рѣшительно не знали что дѣлать съ двумя чайниками: изъ маленькаго слили весь чай въ одинъ стаканъ, а другіе должны были наполнять кипяткомъ. Я сжался надъ ними и научилъ ихъ. Они пришли въ восторгъ, спросили новую лару, разлили сами подъ моимъ руководствомъ и въ тотъ же вечеръ съ гордостью проявляли свои познанія предъ другими. Сербы дотолъ не пившіе чаю положительно влюбались въ него. Удержалась ли *Москва* въ Бѣлградѣ по отъѣздѣ добровольцевъ, не знаю.

1-го декабря намъ выдали полушубки и шивели, но что за полушубки! что за шивели! Безъ крючковъ, изъ мерзѣвшихъ овчинъ; кожа шершавилась, шерсть лѣзла лучками... Невольна вспомнились мнѣ великолѣпные черные и коричневые, расшитые шелками полушубки, присланные изъ Англии въ распоряженіе англійскаго консула и англійскаго лазарета въ Бѣлградѣ; я видѣлъ когда ихъ выгружали. А намъ дали шивели короткія, выше колѣна, безъ луговицъ; одновременно выдали и салоги, изъ которыхъ лѣзли двутесные гвозди; чрезъ недѣлю они уже никуда не годились. Впрочемъ шивели вскорѣ перемѣнили, по нашему требованію, на лучшія.

Не прекращавшаяся болѣзнь ногъ привудила меня въ некоторое время лѣчиться въ Бѣлградскомъ военномъ госпиталѣ. Порядокъ въ немъ былъ прекраснѣйшій: палаты и комнаты чистыя, свѣтлыя; доктора аккуратно навѣщали больныхъ отъ 9ти до 11ти утра и отъ 4 до 6ти вечера; кромѣ того, постоянно находилась дежурный врачъ. Всѣхъ докторовъ было трое, и

четвертая русская „докторантка“, какъ мы ее звали, высокая полная блондинка, очень дѣлательная; сестеръ милосердія не было, но прислужники, больничары, все молодые Сербы, исполняли свои обязанности превосходно. Узнавъ что въ госпиталь много Русскихъ, я тотчасъ по поступленіи обошелъ всѣхъ и спросилъ какъ съ ними обращаются и не нуждаются ли они въ чемъ? Отзвѣвы больныхъ о сербскомъ начальствѣ были вполне хороши; жаловались только немного на грубость одного изъ врачей, (съ которымъ пришлось въ послѣдствіи и мнѣ имѣть столкновение); чай, сахаръ и табакъ получали отъ генерала Давдевича. Въ настоящее время все пришло къ концу и больные не знали какъ просить. Я тотчасъ написалъ генералу, который былъ такъ заботливъ что на другой же день самъ пріѣхалъ въ госпиталь и привезъ всего, благодаря за уведомленіе.

Кормили въ лазаретѣ не дурно: утромъ завтракъ въ 8мь часовъ—бульионъ съ булкой, въ 11—кофе, въ 2 часа обѣдъ изъ четырехъ блюдъ: супъ—бульионъ, пюре или щи съ говяжьей, соусъ изъ гороха или фасоли, жареное: котлеты, телятина или курица, и пирожное; „церковно вино,“ обязательно для каждаго больного; въ 6ть часовъ ужинъ.

Русскій лазаретъ помѣщался въ большомъ трехъэтажномъ домѣ съ двумя подъездами и большимъ проѣздомъ по срединѣ, лицомъ на „Велькую льяцу“. При домѣ былъ обширный дворъ, на половину заставленный каретами Краснаго Креста и экипажами. Лазаретъ занималъ правую половину зданія; удобствѣ его внутренней отдѣлки и приспособленій вельзя было и желать! Постельное бѣлье, халаты, бѣлье больныхъ были превосходны; мебельровка и комнаты комфортабельны; подобный лазаретъ сдѣлалъ бы честь любой столицѣ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщалась церковь, въ которой каждое воскресенье пѣли Чудовскіе пѣвчіе, и которая во время службы ломилась отъ множества богомольцевъ, преимущественно Сербскъ. Столовая находилась внизу. Уходъ за больными и ранеными былъ самый заботливый, благодаря вниманію сестеръ милосердія. Кстаті объ этихъ посѣднихъ. Сколько камней было брошено въ этихъ достойныхъ женщннъ, великодушно посвятившихъ себя облегченію страданій ближняго! Сколько клеветали на нихъ, какъ старались очернить ихъ! Видитъ, напримѣръ, какой-нибудь отпѣтый прощальга что хорошенькая сестра милосердія

сердця въ дружескихъ отношеніяхъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, можетъ съ родственникомъ; онъ этого не разбираетъ; въ его душевкѣ начинаютъ шевелиться грязные инстинкты, онъ начинаетъ „пріударять“ самымъ нахальнымъ образомъ и конечно получаетъ приличный отпоръ. Довъ-Жуваншка бѣсится и начинаетъ плести небывлицы, выдумывая всякій вздоръ или извращая по своему дѣйствительность.

Въ этомъ лазаретѣ скончался одинъ изъ людей моей дружины, унтеръ-офицеръ Дмитрій Королевъ. Мы рѣшили похоронить его сколько можно торжественнѣе, для чего дружина и сдѣлала складчину. Я написалъ записку къ командиру, прося отпустить хоръ музыки; командиръ съ удовольствіемъ исполнилъ мою просьбу и, кромѣ того, отпустилъ въ мое распоряженіе, вмѣсто обычнаго полувзвода, цѣлый взводъ войсковыхъ. Дружинѣ я приказалъ быть тридцать рядовъ во взводѣ подъ начальствомъ портулей-юнкера Сельвестровича, а хоръ пѣвчихъ прибыть къ выносу тѣла.

Утромъ 9го, въ девять часовъ, я уже сидѣлъ въ кафанѣ *Златнего Креста*, въ ожиданіи моей дружины. Кафана была какъ разъ на площадкѣ, гдѣ соединялись улицы Михаила и Милана. Вскорѣ показался хоръ музыки, за нимъ взводъ Сербовъ, и наконецъ взводъ Нижегородцевъ. Турецкій барабанъ былъ обтянутъ трауромъ; онъ возился всегда въ жестяной колясочкѣ, запряженной собакой: этихъ возницъ было двѣ, и онѣ были очень дружны съ офицерами нашего баталіона, и цѣлые дни проводили въ нашихъ комнатахъ; но при похоронахъ мы потребовали исключенія собакъ изъ печальной процессіи, и барабанъ возилъ мальчики. Сербы прошли въ порядкѣ; но какими дѣтьми показали они въ сравненіи съ бородатыми, мужественными и рослыми людьми нашими!

Проходя мимо дворца Милана, я командовалъ на плечо, и Нижегородцы молодцами, какъ на церемоніальномъ парадѣ, прошли мимо. Тутъ я сѣлъ въ коляску и отправился впередъ въ лазаретъ. Пока подходила команда, я успѣлъ позавтракать и вышелъ во дворъ, окруженный бельными и люболытными. Въ глубинѣ его, у часовни, построились оба взвода; пѣвчіе вошли въ часовню. Въ ней кромѣ насъ было нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ изъ казачьяго отряда, стоявшаго въ конюшняхъ сербскаго гусарскаго эска-

дрона, и два-три сербскіе офицера пришедшіе взглянуть на церемонію. У воротъ больницы собралась толпа народа. Когда простой тесовый гробъ, поднятый людьми дружины и предшествуемый лѣвчими, показался въ дверяхъ часовни, взводы взяли на караулъ и музыка заиграла погребальный маршъ. Гробъ приостановился пока шествіе выстроилось. Впереди шелъ солдатъ съ могильнымъ крестомъ, окутаннымъ трауромъ и увѣчаннымъ вѣнкомъ; за нимъ хоръ музыки съ двумя барабанщиками впереди; ямъе взводъ Сербовъ, затѣмъ крышка гроба съ дружиною шайкой наверху, и хоръ лѣвчихъ; непосредственно за нимъ несли гробъ, предшествуемый священникомъ и діакономъ, окруженный нами, то-есть всѣми провожавшими; наконецъ взводъ Нижегородцевъ. Пѣвчіе, музыканты и барабанщики чередовались. День былъ ясный, теплый. Всѣ окна домовъ были открыты настежъ и усыпаны любопытными: зрѣлище было ново и всѣ со вниманіемъ прислушивались ко стройному, торжественному лѣвью „Святый Боже!“ которое было въ диковинку Сербамъ. Когда мы приблизились къ кладбищенской церкви, откуда доносился къ намъ встрѣчный звонъ во всѣ колокола, по обѣ стороны аллеи, которая вела отъ воротъ ограды къ лалерти, толпилось множество народа, и церковь была полна. Тамъ встрѣтили гробъ еще два священника.

„Со святыми упокой“ было слѣто такъ недурно что въ церкви водворилась мертвая тишина и всѣ слушали съ напряженными вниманіемъ хватающій за сердце, грандіозный напѣвъ. По окончаніи отпѣванья присутствовавшіе офицеры и юнкера изъ казачьяго отряда просили разрѣшенія подвять гробъ и нести до могилы. Я и мои люди съ душевною признательностью поблагодарили ихъ за сочувствіе къ умершему земляку и приняли ихъ предложеніе: и тѣло бѣднаго унтеръ-офицера руками офицеровъ было доведено до могилы и олущено въ нее съ послѣдними военными почестями. Горсточка родной русской земли, найденная завернутою бережно въ тряпичку на шауркѣ его креста, благоговѣнно была выслана на крышку гроба.

Надо замѣтить что въ Сербіи могилу желаютъ не отъ востока къ западу, а съ сѣвера на югъ, что поставило было въ недоумѣнье нашихъ солдатъ, и многіе заговорили что это не по-христіански и что надо копать новую могилу; но я, не

зная какъ объяснить этотъ обмачъ, успокоилъ ихъ тѣмъ что умершій будетъ обращенъ лицомъ къ далекой родинѣ.

Около этого времени сталъ извѣстенъ приказъ по военному министерству и сербской арміи, въ которомъ значилось что Черняевъ остается главнокомандующимъ; но именъ Меженникова, Депрерадовича, Черкасова и нѣкоторыхъ другихъ не упоминалось. Начальникомъ дивизіей добровольцевъ назначался Георгіевичъ, а командиромъ нашей бригады — майоръ Влайковичъ. Я объявилъ новость ротнымъ командирамъ. Вчерашній дежурный по баталіону извѣстилъ насъ что наканунѣ вечеромъ прѣвѣжалъ майоръ Влайковичъ съ какими-то распоряженіями. Майоръ Влайковичъ былъ Сербъ, служившій прежде въ русской службѣ и ородившійся съ Россіей; онъ потерялъ ногу подъ Севастополемъ, слѣдовательно имѣлъ подлѣйшее право на наше уваженіе; но мы его вовсе не знали лично, хотя и слышали что онъ лихо ходилъ со своими на Турокъ, причемъ его оторванная нога прикрѣплялась къ сѣдлу ремнемъ, и ординарецъ вонзилъ за нимъ кость.

Мы приготовили адресъ Меженникову и Депрерадовичу. Въ адресѣ было сказано что хотя мы вполне уважаемъ назначенныхъ сербскихъ командировъ, въ особенности Влайковича, подъ начальствомъ котораго служить считаемъ за большую честь, но, вѣроятно, сербскіе начальники сами поймутъ и оцѣнятъ нашу привязанность къ прежнимъ начальникамъ русскимъ, съ которыми мы свыкались и душой и сердцемъ, и безъ которыхъ едва ли можемъ остаться въ Сербіи. Черняевскій баталіонъ присоединился къ намъ. Адресъ подписали и послали съ депутаціей, а копію съ него передали г. Карцеву.

Г. Карцевъ успокоилъ всѣхъ, обѣщавъ свое содѣйствіе. Былъ слухъ что онъ возвратился изъ Петербурга съ большими полномочіями, и что скоро долженъ прибыть изъ Россіи генералъ Никитинъ съ полномочіями еще болѣе обширными; говорили также о тридцатитысячномъ русскомъ корпусѣ, долженствующемъ придти на помощь Сербіи.

Между тѣмъ нашъ адресъ привелъ къ слѣдующему результату: присутствуя на совѣтѣ министровъ, Карцевъ спросилъ министра Груича, отчего приказомъ 1го декабря исключены изъ списковъ Меженниковъ и Депрерадовичъ? Груичъ сконфузился и извинился забывчивостью. Тогда

Карцевъ объяснилъ князю Милану что эта забывчивость грозитъ отъѣздомъ добровольцевъ. Князь немедленно взялъ перо и собственноручно вписалъ имена Меженникова и Де-прерадовича. Мы торжествовали.

Вскорѣ прибылъ и генералъ Никитинъ. По прибытіи онъ сѣлъ намъ смотрѣть и остался видимо доволенъ молодецкими добровольческими строемъ. Собравъ офицеровъ, генералъ передалъ намъ что отнынѣ мы будемъ считаться какъ бы на действительной службѣ въ Россіи, что жалованье будетъ выдаваться уже не отъ комитетовъ, а отъ него, изъ особыхъ суммъ, по русскому окладу; что онъ займется безотлагательно улучшеніемъ положенія добровольцевъ и радъ чести быть ихъ сослуживцемъ. Мы были очень довольны; но скоро дѣло приняло другой оборотъ.

18го декабря между добровольцами стало замѣтно какое-то волненіе: собираются партіями, о чемъ-то толкуютъ, лица у всѣхъ серьезны, натянуты. Чтò бы это значило? Въ этотъ же самый день я зашелъ въ канцелярію комитета за справкой насчетъ одной претензіи. Когда я вошелъ въ канцелярію, мнѣ бросилось въ глаза объявленіе что съ 20 декабря выдача денегъ и вещей добровольцамъ прекращается, за передачей всего комитетами администраціи генерала Никитина. Въ то же время объявленъ приказъ генерала что съ 20го декабря жалованье будетъ выдавать онъ; но кто получить его, тотъ лишается права возвратиться въ Россію, иначе будетъ судимъ полевымъ судомъ какъ дезертиръ. Доброволецъ и дезертиръ, эти два слова какъ-то не вязались; если кто пріѣхалъ добровольно, то казалось намъ и уѣхать воленъ когда вздумается, никто же вѣдь не гналъ добровольцевъ въ Сербію: всѣ пріѣхали по собственному побужденію. Да и короткій срокъ смущалъ: поразмыслить некогда: 20е было послѣзавтра!

На другой день сборъ баталіону. Для чего?

Депрерадовичъ пріѣдетъ прощаться.

Это чтò за новость?

Депрерадовичъ, поздоровавшись съ баталіонами, сказалъ что перемиріе продолжимо на два мѣсяца, поэтому онъ уѣзжаетъ въ Россію и врядъ ли вернется. Въ квартирахъ офицеровъ 4го баталіона онъ пояснилъ что находитъ существеннымъ приказъ Никитина и уѣзжаетъ въ Россію на поступленія въ русскія войска.

По отъѣздѣ Деллерадовича всѣ рѣшили также вернуться на родину.

Такое рѣшеніе было очень непріятно генералу Никитину и шло въ разрѣзъ съ его миссіей. Онъ вошелъ въ соглашенія, результатомъ которыхъ было предписаніе получить жалованье безъ стѣсненія; желающимъ предоставлялось остаться или уѣхать, какъ захотятъ, сверхъ того разрѣшался отлускъ остающимся на время перемірія. Генералъ скоро самъ уѣхалъ въ Россію. Преемникомъ его остался полковникъ Снесаревъ, человѣкъ очень дѣльный, достойный всякаго уваженія. Онъ добросовѣстно занялся нами, но отъѣздъ нашъ былъ уже рѣшенъ окончательно. Отставки пошли въ ходъ, и съ этой минуты всѣ отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ нравственно прекратились, но дисциплина была настолько утверждена что хотя каждый доброволецъ считалъ себя съ этой минуты простымъ путешественникомъ, обязаннымъ повиновеніемъ только законамъ страны, да голосу своей чести, баталіонамъ и эскадронамъ не расформировывались: попрежнему отправлялись караулы, соблюдался порядокъ, даже сажались подъ арестъ виновные въ несвоевременномъ возвращеніи въ казармы или въ льянетьѣ.

Погода все это время стояла великолѣпная. Во все наше пребываніе въ Бѣлградѣ въ ноябрѣ и декабрѣ было только три намека на что-то зимнее: 5го декабря 4° мороза, 6го до 7, и 7го 3 градуса. На второй день Рождества было 12 градусовъ тепла въ тѣни; все наломивало нашу Пасху... Нерѣдко мы затѣвали катанья на лодкахъ по Савѣ и Дунаю съ лѣсенниками. Съ половины декабря начала прибывать вода въ обѣихъ рѣкахъ; къ 1му января весь горизонтъ верстъ на сорокъ представлялъ сплошное море, перерѣзанное мѣстами шоссевыми деревьями, показывавшими изъ желтой воды свои верхушки; кое-гдѣ, какъ лестрые островки, видѣлись залитыя кругомъ селенія. Земаицъ казался выходящимъ изъ воды конусомъ. Видъ оригинальный. Но картина разлива, несмотря на свою грандіозность, поражала чѣмъ-то мертвеннымъ. Чего-то не доставало необозримой водяной равнины: паруса на ея поверхности.

Вдругъ въ одно прекрасное утро отъ Земаина показался одинъ дымокъ, другой, и вскорѣ въ виду Бѣлграда явились

два австрійскіе монитора. Одинъ изъ нихъ остановился на водораздѣлѣ граничной линіи Савы и бросилъ якорь, другой вошелъ въ сербскія воды и медленно пошелъ, вѣроятно дѣлая промѣры. Сербскій часовой ошкварилъ его три раза; мониторъ, не отвѣчая, продолжалъ двигаться... Солдатъ выстрѣлилъ и сбилъ флагъ. Мониторъ повернулъ и отошелъ къ товарищу. Сбѣжались любопытные. Вдругъ изъ башни монитора вырвалось круглое дымовое облачко, громовый выстрѣлъ прокатился по водѣ, рассыпавшись вдали сотнями эхо,—граната съ шиломъ и свистомъ звонко треснулася въ каменную обшивку внутренняго бруствера крѣпости и разорвалася въ 20 шагахъ отъ часоваго Орловской дружины, стоявшаго у Малыхъ Дунайскихъ воротъ. Черезъ нѣсколько времени выстрѣлъ вновь повторился, граната подвела цѣлый столбъ пыли, врывшись въ подвожіе обрыва, надъ которымъ стоялъ нашъ конакъ. Еще нѣсколько минутъ, и новый звукъ выстрѣла, уже глухой, затѣмъ крикъ, стонъ и смятеніе на мониторѣ: оказалось что, зарядивъ орудіе, Австрійцы не закрѣпили камору; при выстрѣлѣ она отлетѣла, граната разорвалася обратно, и результатомъ были трое убитыхъ и восемь тяжело раненыхъ изъ команды монитора. Послѣ того оба монитора, при крикахъ ура съ берега, послѣдствіемъ удалились къ Землаву.

Газеты въ свое время писали объ этой исторіи. Начались переговоры да ноты, и слабая Сербія должна была сама еще извивиться. Въ одинъ прекрасный день мониторы явились вновь, вошли въ Саву, вытравулись по водораздѣлу, бортами къ стѣнкѣ, на которой стоялъ уже баталіонъ Сербовъ въ ружьяхъ при знамени, съ хоромъ музыки; весь главный брустверь былъ усыпанъ добровольцами и Сербами. Съ одного монитора спустился катеръ, который отправился къ пристави и, принявъ австрійскаго консула съ кѣмъ-то изъ сербскихъ министровъ, вернулся обратно. Тогда на обоихъ мониторахъ подняли флаги, сербская музыка грянула австрійскій гимнъ, войска взяли на караулъ; всѣ взобрались на рубку, гдѣ произошло извѣщеніе; тамъ прокричали: *hoch!* Затѣмъ министръ и консулъ явились на приставь... Когда на рубкѣ видѣлась толпа, одинъ изъ Русскихъ подошелъ къ сербскому часовому у орудія: „А польси-ка, братушка, ихъ гранаткой!“ Сербъ вѣроятно самъ мечталъ о томъ же, и видно было что онъ съ удовольствіемъ исполнилъ бы такой приказъ отданный серьезно.

Новый Годъ предположено было встрѣтить въ Итальянской кафанѣ. Она была биткомъ набита: случилось такъ что и сербское военное общество для встрѣчи Нового Года собралось сюда же. Оно заняло одну половину длиннаго стола, мы—другую; ихъ было человекъ двадцать, насъ столько же. Ужинъ начался довольно тихо, и разговоры съ Сербами не завязывались. Съ нами сидѣло вѣсколько Черногорцевъ, Итальянцевъ и два Пруссака.

Когда откупили шампанское, я всталъ и со стаканомъ въ рукѣ сказалъ:

— Господа Сербы, господа Русскіе! Мы братски дѣлили трудныя минуты боевой жизни; мнѣ кажется что и минуты веселья также должны быть братски подѣлены, тѣмъ болѣе при встрѣчѣ Нового Года, — года, который будетъ зарею Славянской свободы. Не тѣснѣе ли должны мы сплотиться, не искреннѣе ли подать другъ другу руки? Братья Сербы! Увѣренъ что вы не откажетесь ни отъ руки нашей, ни отъ братскаго стакана который она предлагаетъ!

Съ этимъ словомъ я подавъ свой шипящій лѣвой стаканъ сербскому подполковнику, председателю общества Сербовъ; кельнеры подошли съ бутылками и стали разливать шампанское Сербамъ. Подполковникъ, окинувъ взглядомъ свихъ офицеровъ, подвинулся съ мѣста. Онъ началъ рѣчь по-сербски; поблагодарилъ за наше расположеніе, сказалъ что онъ и его товарищи также искренно принимаютъ мое предложеніе какъ оно сдѣлано и, высоко поднявъ бокаль, провозгласилъ здоревье Государя Императора.

Музыка грянула нашъ гимнъ, выслушавъ стоя и покрытый оглушительнымъ ура! Графъ Тизенгаузенъ отвѣтилъ тостомъ за здоревье князя Милана и княгини Наталіи; Сербы наполнили наши стаканы, и подполковникъ въ одушевленной рѣчи выставилъ высокое значеніе которое имѣло и будетъ имѣть добровольчество для всего Славянства; горячо упомянулъ о Черняевѣ и закончилъ тостомъ за него и всѣхъ добровольцевъ. Ему отвѣчали, затѣмъ послѣдовалъ тостъ за товарищей-хозяевъ; ура гремѣло не умолкая. Подполковникъ отозвался новою рѣчью въ которой выразилъ радость всѣхъ присутствующихъ тому что все это произошло въ присутствіи лицъ хотя и не славянскаго происхожденія, но также протанувшихъ руку помощи Сербіи и оросившихъ поля ея своею кровью. Послѣдовалъ тостъ

за императора Вильгельма и короля Виктора - Эммануила. Отъѣзжали и Пруссаки, и Италианцы. Былъ еще гость за князя Николая Черногорскаго. Орловцы пѣли разудалыя пѣсни; музыка гремѣла, веселье росло.

Вечеръ Нового Года я провелъ въ театрѣ. Онъ былъ открытъ въ первый разъ и конечно биткомъ набитъ, больше Русскими. Цѣны были возвышены, но я все-таки ахнулъ предъ афишей: ложи белъ-этажа 60 грошей (3 р.), кресла 1го ряда 12 грошей (60 к.). Самый театръ очень не дурно отдѣланъ. Давались сцены изъ Турецко-Сербскихъ войнъ.

По окончаніи спектакля я съ однимъ товарищемъ пошелъ домой пѣшкомъ. Проходя мимо одной кафаны мы увидали въ большой залѣ, залитой свѣтомъ, проласть народу, мужчинъ и женщинъ. Мы зашли изъ любопытства и узнали что это свадьба. Сконфузившись мы хотѣли уйти, но насъ не выпустили, пригласивъ быть почетными гостями. Молодая поднесла намъ вино и уговорила танцевать. Я уже навострился болтать на изобрѣтенномъ мною русско-нѣмецко-сербскомъ языкѣ и провелъ очень не скучно часа полтора.

8го января былъ послѣдній парадъ и напутственный молебенъ. Прибыли митрополитъ Михаилъ и князь Миланъ. Короткимъ галопомъ объѣхавъ войска, поздоровавшись съ добровольцами, онъ повернулъ на встрѣчу къ княгинѣ Наталіи. Она была печальна и вся въ черномъ: ея добровольцы уѣзжали. Послѣ молебна князь, выѣхавъ на средину, съ большимъ одушевленіемъ сказалъ прощальное слово. Рѣчь его была полата нами почти отъ слова до слова: онъ благодарилъ добровольцевъ отъ имени своего, отъ имени Сербіи, за ихъ помощь, за ихъ храбрость и самоотверженіе; сокрушался что долженъ разлучиться съ вами, и въ концѣ выразился что если Сербіи олять понадобится помощь, то старшіе братья Руссы, онъ убѣжденъ, не откажутся вновь подать свою руку младшимъ братьямъ, и что они будутъ встрѣчены какъ самые дорогіе родные. Громовое: „ради стараться“ и ура! растроганныхъ добровольцевъ далеко огласило площадь усыпанную народомъ.

10 января, въ день нашего отъѣзда, болѣе половиною Бѣлграда собралось на наши проводы; десятки тысячъ головъ унизывали окна, усыпали берега, крыши, залпужали улицы; всѣ знакомыя дамы были налицо, и каждая привезла что-нибудь на память, и милыя „посестримочки“, раздавая глас-

тучки, лавочки, бавтики къ медалямъ и „таковскимъ“ крестамъ, отъ всего сердца проливали слезы, желая добраго пути отъѣзжающимъ лобратимамъ Руссамъ. Да, насъ провожали какъ родныхъ, какъ близкихъ сердцу людей, и манута была настолько трогательна что многихъ изъ добровольцевъ прошибла слеза.

Мостки еще соединявшіе насъ съ сербскимъ берегомъ наконецъ, отброшены; со свистомъ вырвався бѣлою струей ларь, подъ падубой захлхтело, вода зашумѣла, музыка на берегу грянула Русскій гимнъ *, и пароходъ плавно отделился отъ пристави, провожаемый торжественными звуками нашего гимна, салютомъ изъ орудій и нескончаемымъ ура! и *ура!* съ берега. Десятки тысячъ лавочекъ и шляпъ замахали вслѣдъ отъѣзжающимъ; изъ общаго гула вырывались, и долетали порой до слуха отдѣльныя фразы и опять терялись въ общемъ крикѣ. На пароходѣ берданки и револьверы добровольцевъ затрепещали отвѣтнымъ салютомъ: „ура! *ура!* князь Милакъ! *ура!* княгиня Натааліа! *ура!* братья Сербы!“ повеселось дружно къ привѣтливому берегу....

Привѣтъ тебѣ, Сербія! Твои гости умчались, но не безплодно лилась ихъ кровь на твоихъ поляхъ! Не безсадно мелькнули они: они проложили путь по которому двинулись уже не востроймыя кучки и партіи, а грозная армія со своимъ Царемъ-Освободителемъ во главѣ.

В. ЯШЕРОВЪ.

* Она явилась на берегъ по особому распоряженію князя Милана, который прислалъ съ прощальнымъ привѣтомъ добровольцамъ своего адъютанта.

ВОСПИТАНІЕ СЛАВЯНЪ

ВЪ АВСТРІЙСКИХЪ ШКОЛАХЪ

ИЗЪ ЛИЧНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Австрійское побережье Адриатическаго, или по-славяноски Симаго моря, моя родина, какъ извѣстно, заселено: 1) исконными Славянами, потерявшими свою самостоятельность во время Карла Великаго, въ теченіе одиннадцати столѣтій сугубшими отстоять отъ Нѣмцевъ свою народность. 2) Славянами выходцами изъ покоренныхъ и угнетаемыхъ Турками юго-славянскихъ странъ.

По преданію сохранившемуся въ семействахъ моего отца и моихъ близкихъ родныхъ, предки мои бѣжали изъ Турціи во время австро-турецкой войны, происходившей въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Бѣжали они по тѣмъ же причинамъ по которымъ бѣгутъ въ наше время сотни тысячъ несчастныхъ страдальцевъ. Тѣ же пришельцы, постоянно освѣжавшіе туземный славянский элементъ, назывались въ Австріи всегда *ускоками*. Австрія въ прошломъ столѣтіи считала своею задачей освобожденіе южныхъ Славянъ отъ турецкаго ига. Она давала ускокамъ земли, узкою полосой вдоль сѣверныхъ предѣловъ

Турція, формироваала изъ нихъ военную противъ Турціи границу (нѣчто въ родѣ казацкой области), простиравшуюся отъ Румыніи до Адриатическаго моря, и давала имъ право даже безъ особеннаго свыше приказанія бить Турокъ и наносить имъ вредъ гдѣ только можно. Когда Австрія перемѣнила къ началу нынѣшняго столѣтія свою восточную политику, наслала нѣмецкихъ офицеровъ и администраторовъ на Военную Границу и превратила ее въ постоянный лагерь, откуда брала страшную военную силу для расширения своей власти въ Италію, гдѣ матери пугали дѣтей граничарами, и въ Германію, то сколько-нибудь достаточные люди изъ граничаръ стали выкупаться изъ военно-крѣпостнаго состоянія и заниматься большею частью мелкою, бродячею, разносною торговлей. Это явленіе еще боѣе усилилось вслѣдствіе того что въ Австрію въ прошломъ столѣтіи между православными южными Славянами было произведено уніатское движеніе распространяемое съ автославянскими цѣлями тѣми же средствами какъ польская унія между западными Русскими. Въ граничарской казармѣ жилось свободаѣе, а правительство, нуждавшееся постоянно въ деньгахъ, не прелятствовало выкулу граничаръ. Однимъ изъ такихъ выкупившихся былъ и мой дѣдъ, который, какъ мой отецъ, занимался торговлей въ разныхъ мѣстностяхъ австрійскаго побережья. Люди вырывавшіе себя такимъ образомъ изъ родной среды, жившіе продолжительное время между иновѣрцами, сталкивавшіеся постоянно съ Нѣмцами, легко подпадали подъ чужеземное вліяніе и яодъ германизацию въ обширномъ смыслѣ этого слова. Мой отецъ видѣлъ ослабленіе своихъ дѣтей изъ униженнаго положенія славянскаго торговца единственно въ нѣмецкой культурѣ, въ нѣмецкой школѣ. Научивъ меня славянской грамотѣ, единственною ему знакомой, отецъ отдалъ меня въ нормальную школу въ уѣздномъ городкѣ Идріи, лежащемъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ Триеста и славящемся своимъ обильнымъ производствомъ ртути. Этотъ уѣздный городокъ — древнее поселеніе нѣмецкихъ штрафованныхъ солдатъ, съ прибавкой горнозаводскихъ чиновниковъ изъ Нѣмцевъ, служить германизаторскимъ видамъ Вѣнскаго правительства точкой опоры, форпостомъ между славянскими населеніемъ окружающей его страны. Тутъ я долженъ былъ

учиться нѣмецкому языку, и начать вкушать нѣмецкую культуру. Поступилъ я въ эту нѣмецкую реторту семилѣтъ; отдавъ былъ на квартиру въ нѣмецкое семейство. Учителями въ школѣ были отставные офицеры, наведенные изъ многочисленныхъ въ славянскихъ земляхъ разбланныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, которые всегда знаютъ немного по-славянски, или изъ овнѣченныхъ Славянъ; начальникомъ былъ ксендзъ изъ Славянъ, но конечно вполнѣ понимавшій вѣнскій камертонъ. Начало моего школьнаго обученія падаетъ на 1848—1849 годы. Тогда только-что былъ подавленъ бунтъ въ принадлежавшемъ въ то время къ Австріи Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, желавшемъ объединиться съ остальною Италіею, былъ подавленъ бунтъ въ Венгріи, стремившейся къ полной самостоятельности, былъ наконецъ подавленъ бунтъ въ Вѣнѣ, хотѣвшей стать членомъ единой Германіи. Нѣмецкое правительство въ Вѣнѣ, годомъ раньше бѣжавшее изъ столицы и пріютившееся между чешскими Славянами, гордо подымало голову. Германизация пошла на всѣхъ нагъхъ. Въ училищахъ на первомъ урокѣ, слѣдовавшемъ за изученіемъ нѣмецкаго чтенія, первый вопросъ задавался былъ по-нѣмецки: Was ist die Sprachlehre? Семилѣтнее славянское дитя, не понимавшее ни слова по-нѣмецки, должно было отвѣчать заученный имъ наизусть отвѣтъ учебника: die Sprachlehre ist, и т. д. Учебникъ былъ оставленъ по известной въ педагогическомъ и дидактическомъ отношеніяхъ грамматикѣ одного учителя въ Базелѣ нашимъ старшимъ учителемъ Бутре. Учебникъ былъ хорошъ, и учителя умѣли продавать своей товаръ—объясненія, даваемые съ начала на доманомъ, но для смѣтаивыхъ дѣтей понятномъ славянскомъ языкѣ, были дозволено свѣтлы. Но отношенія въ намъ преподавателей были самыя жестокія. Скажешь фразу нѣмецкую невѣрно, рветъ учитель ученика немилосердно за уши, за волосы; удары кулакомъ по лицу, по головѣ, тычки и ливки по бокамъ и оливѣ, и порка тяжелою линейкой (которой овъ графилъ тетради, дорого и монопольно продаваемыя учебникамъ) по ладонямъ и по пальцамъ сыпались не дождемъ, но ливнемъ; а те увидить овъ ученика невнимательнаго, схватить огромную губку въ стоящей съ водою возлѣ доски ласки, прицѣпляется съ видимымъ наслажденіемъ въ свою

добычу и шарахнет губку съ мастерскою ловкостью прямо въ лицо своей мишени. Совершивъ подвигъ, самодовольно смѣется, и требуетъ чтобы классъ вторилъ ему; но дай Богъ не смѣяться—отомстить. Слѣченіе производилось часто въ присутствіи начальника, послѣ долгаго безуспѣшнаго ваянія ученика на козлахъ предъ неумолимыми экзакуторами, за доской. Слѣкъ служитель, старшій съ жѣткою рукою унтеръ, или самъ учитель. Всѣ эти маневры производились большею частію надъ мальчиками, но били по рукамъ и пальцамъ и дѣвочекъ. Классъ состоялъ приблизительно изъ 50 учениковъ мужскаго и 50 женскаго пола. Учебныхъ часовъ было четыре въ день. Утренняя два часа употреблялись на „Sprachlehre“, то-есть на изученіе нѣмецкаго языка; пополудни первый урокъ на ариметику, и второй, три раза въ недѣлю, на чистолисаніе, три раза на Законъ Божій. Для не-католиковъ уроковъ Закона Божія съ начала моего школьнаго обученія не было, но замѣнялись они письменными упражненіями по Sprachlehre, за которыми въ дисциплинарномъ отношеніи наблюдалъ вышеупомянутый унтеръ. Лишнее упомянуть что даже преподаваніе Закона Божія шло на нѣмецкомъ языкѣ. Не удивительно что при такихъ усиленныхъ, почти трехчасовыхъ ежедневныхъ занятіяхъ по нѣмецкому языку, при страшныхъ на домъ задаваемыхъ урокахъ, письменныхъ и устныхъ, успѣхъ былъ громадный. При этомъ нужно имѣть еще въ виду что въ классѣ и на улицѣ строго запрещалось говорить по-славянски, что центромъ всѣхъ игръ происходившихъ въ присутствіи учителей составляло нѣмецкое меньшинство учениковъ, что малѣйшее нарушеніе этого правила относительно разговорнаго языка, малѣйшее оскорбленіе нѣмецкихъ соучениковъ представлявшихъ высшій, такъ-сказать, элементъ и занимавшихъ поочередно въ классѣ и на улицахъ должность такъ-называемыхъ фискусовъ или надзирателей, наказывалось еще строже чѣмъ незнаніе уроковъ. Жаловаться Славянину на соученика-Нѣмца не полагалось. Я помню что меня нѣкто Альтенбургеръ, въ послѣдствіи погибшій со злополучнымъ Максимилианомъ Австрійскимъ въ Мексикѣ, такъ толкнулъ сверху лѣстницы что я шаромъ покотился внизъ по стульямъ. Я пожаловался на обидчика, но сказалъ что-то не

ладно, и учитель отдѣлялся какимъ-то насмѣшливымъ словомъ, возбуждавшимъ хохотъ между нѣмецкими соучениками, набравшими изъ такихъ сценъ еще болѣе задора.

Взысканія, между прочимъ, состояли въ слѣдующемъ. Сначала учитель обругаетъ ученика (конечно Славянина) „wendischer Esel“ (славянской; то-есть мужицкій оселъ), потомъ навяжетъ на шею одну изъ назначенныхъ для этой цѣли черныхъ деревянныхъ бутылочекъ, или черныхъ деревянныхъ дощечекъ съ надписью: „wendischer Esel“. Съ этимъ украшеніемъ мальчикъ или дѣвочка должны были идти послѣ уроковъ черезъ весь городъ до своей квартиры, сдать его дома родителямъ или квартиросодержателямъ и возвратиться съ нимъ тѣмъ же порядкомъ на другой день въ классъ. При той униженности до которой доведены были въ то время совсѣмъ разъединенные между собою Славяне Австріи, при томъ желаніи выйти изъ этого положенія единственнымъ возможнымъ путемъ, именно посредствомъ нѣмецкаго образованія, ропота со стороны родителей, сколько мнѣ помнится, противъ этого официального посрамленія Славянскаго народа въ то время не было. Въ послѣдствіи, когда открылся (въ 1861 году) въ Вѣнѣ парламентъ, и въ немъ явилось между сотнями Нѣмцевъ нѣсколько славянскихъ депутатовъ, были заявлены протесты; но я сомнѣваюсь чтобы черная дощечка и до сихъ поръ повсемѣстно вышла изъ употребленія. Въ 1867 году, во время министерства Бейста, въ одной изъ школъ былъ подобнымъ образомъ наказанъ какой-то мальчикъ, которому пришлось въ классѣ перевести предложеніе: „собака кусаетъ“ — der Hund beisst (то-есть по созвучію—лестъ Бейстъ), и этимъ невольнымъ каламбуромъ вызвать смѣхъ между соучениками, слышавшими дома недобрыхъ отзывовъ о Бейстѣ со стороны родителей, хотя въ этой игрѣ словъ было виновато только начальство, которое не смекнуло что эта сама по себѣ невинная фраза можетъ дать поводъ къ оскорбленію всемогущаго министра, и что нужно ее изъ учебника вычеркнуть.

Успѣхи принятой системы, какъ я выше сказалъ, были громадамъ, но только по отношенію къ качеству знанія, а не къ количеству успѣвающихъ. Успѣвали только очень немногіе, можетъ быть десять процентовъ. Слабые ученики выбывались изъ силъ и поступали въ ремесленники,

торговцы, или въ деревни, гдѣ ихъ, какъ вкусившихъ хоть нѣсколько нѣмецкой культуры и гордящихся ею, ожидали почетныя должности старосты, писаря, и т. д. Хорошіе ученики, послѣ четырехлѣтняго курса въ этомъ училищѣ, поступали въ гимназію по приемному экзамену. На этомъ испытаніи требовалось не только полное удовольствіе въ томъ что экзаменующійся владѣетъ разговорнымъ нѣмецкимъ языкомъ, но и въ томъ что онъ вполнѣ знакомъ со всеми хитрослуденіями нѣмецкой грамматики, сокращеніями, растяженіями, переложеніями и другими синтаксическими фокусами, съ разными предложеніями и періодами которыми такъ богатъ именно нѣмецкій языкъ. Въ этомъ отношеніи, я помню, мы (то-есть я и мои соученики) были дѣйствительно великолѣпно выдрессированы. Изъ 200 почти кандидатовъ было принято въ первый классъ гимназіи въ губернскомъ городѣ Люблинахъ (Лайбахъ) около 90, то-есть приблизительно одна треть. Провалившіеся поступали обыкновенно по болѣе легкому экзамену въ реальное губернское училище. За каждаго принятаго въ гимназію ученика учителя уѣздныхъ училищъ получали денежныя награды, и лучшіе переводились въ большіе губернскіе города, гдѣ было болѣе частыхъ заработковъ, которые состояли въ томъ что для желающихъ учреждался пятый урокъ съ релетиціями по нѣмецкому языку. Всѣ состоятельные родители пользовались этимъ средствомъ для задобренія учителя; платили, кажется, одинъ или два гульдена въ мѣсяцъ за ученика, и такъ какъ на этомъ дополнителномъ урокѣ учениковъ бывало въ маленькихъ городахъ 15—20, а въ большихъ 30—50, переводъ изъ уѣзднаго въ губернскій городъ считался значительною наградой.

Изъ предыдущаго видно что австрійскій четырехлѣтній приготовительный къ гимназіи курсъ имѣетъ главнѣйшую цѣль отмѣтить славянскую молодежь. Вѣрность этого взгляда подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ что въ чисто нѣмецкихъ странахъ приготовительный классъ только двухгодичный. Вышедшіе изъ уѣздныхъ приготовительныхъ училищъ юности славянскаго происхожденія считаются уже Нѣмцами, вслѣдствіе чего официальная статистика Чернига (Szögny) и набрала въ Австріи вмѣсто настоящихъ 5.000.000 болѣе чѣмъ 8 милліоновъ Нѣмцевъ. Это дѣлается съ тою

цѣлью чтобы выставить нѣмецкое племя самымъ многочисленнымъ въ имперіи, и слѣдовательно по праву большинства господствующимъ.

Ту же цѣль, то-есть приобрести изъ славянскихъ элементовъ свѣжія силы для довольно чахлаго австро-нѣмецкаго организма, преслѣдуетъ Вѣнское правительство и посредствомъ гимназій. Это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго очерка моего гимназическаго воспитанія. Оно въ то время было во всѣхъ славянскихъ земляхъ Австріи приблизительно те же самое какое я описываю. Но прежде чѣмъ перейти къ главной, то-есть учебной части, скажу нѣсколько словъ объ административной и воспитательной сторонахъ. Штатъ учителей, или какъ ученики ихъ называли профессоровъ, считалъ 20 слѣшкомъ человекъ; самое большое число уроковъ въ рукахъ одного преподавателя было 24. Обыкновенно же учителя имѣли отъ 10—18 уроковъ въ недѣлю. Параллельныхъ классовъ не было. И когда они въ концѣ моего пребыванія въ гимназій открылись до лѣтаге класса, и число учениковъ возвысилось до восьми сотъ, то прислали особенныхъ учителей-Supplent'овъ, то есть лицъ не имѣющихъ, безъ особеннаго еще экзамена, права преподавать въ высшихъ классахъ. Они получали около 400 гульденовъ жалованья въ годъ. Инспектора и надзирателей не было. Швейцара было два для всего зданія, въ которомъ, кромѣ гимназій, помѣщалось еще реальное шестиклассное училище, уѣздное училище съ четырьмя нормальными и четырьмя параллельными классами, большой археологическій музей и богатый натуральный кабинетъ гимназій, библиотека съ 30 тысячами книгъ, въ которой отъ 8 до 4 часовъ двѣ залы были отведены для читающихъ учениковъ. Это зданіе образовало огромнѣйшій трехъэтажный квадратъ—старинный монастырь. Директоръ былъ и преподавателемъ. Классные наставники были de facto директорами своихъ классовъ. Учителя пользовались относительно отнѣтокъ совершенною свободой и самостоятельностью. Экзаменовъ въ комиссіяхъ при переходѣ изъ класса въ классъ не было: выдавались полугодовая и годовыя свидѣтельства. Засѣданіе педагогическаго совѣта было ежемѣсячно одно и окончивалось въ одинъ часъ; время это бралось изъ учебнаго,—обыкновенно послѣдній урокъ. Классные журналы замѣнялись личными лампачными книжками учителей. Но за то

велся строго „классенбухъ“, штрафная книга, лежавшая въ столѣ запиравшемся общимъ у всѣхъ учителей ключомъ. Попастся въ штрафную книгу считалось величайшимъ наказаніемъ. Были ли настоящіе аресты или нѣтъ, не помню; но должно-быть не было. Но помню что практиковались фиктивные аресты, то-есть за такой-то проступокъ классный наставникъ объявляетъ провинившемуся ученику что онъ заслужилъ быть арестованнымъ и что онъ долженъ считать себя арестованнымъ. На самомъ же дѣлѣ ученикъ не арестовывался, но за троекратнымъ фиктивнымъ арестомъ слѣдовало неизбежное исключеніе, что было всѣмъ извѣстно и на всѣхъ сильно дѣйствовало. За мелкія шалости, за драку и тому подобное, никто не взыскивалъ спеціальнымъ образомъ. Классный наставникъ выругаетъ или наградитъ оплеухой на мѣстѣ, тѣмъ и оканчивалось. При такихъ обстоятельствахъ шумъ на переменахъ былъ по классамъ адскій, драка шла кровавая; классы стояли гуломъ и стономъ, когда учителя входили. Ихъ, пока пылъ удеглась, почти не было и видно. Звонка учительскаго не было. Шалуновъ учителя захватывали врасплохъ. Классная мебель изъ дуба была столѣтная, изрѣзанная четырьмя поколѣніями. Часто внуки сидѣли на томъ мѣстѣ гдѣ дѣдушка вѣшалъ въ скамью свое имя. Учительской комнаты не было, преподаватели на переменахъ гуляли по корридорамъ, и тѣ классы вели себя лучше которые помѣщались въ корридорѣ гдѣ находилось начальство. Но за то чего, Боже ты мой, не творилось въ отдаленныхъ! Число уроковъ было въ низшихъ классахъ пять: три утромъ, два пополудни. Въ седьмомъ и восьмомъ классѣ уроковъ было тогда семь: пять утромъ, два пополудни. Число учениковъ въ I классѣ было 108, изъ нихъ кончило вмѣстѣ со мною 14. Оканчивавшихъ со мною курсъ было 32; но 18 человекъ мы по дорогѣ съ собой забрали изъ второгодниковъ разныхъ классовъ. Изъ насъ четырнадцать поступило въ университетъ, одинъ въ войско (онъ провалился на выпускномъ экзаменѣ, но отащился въ Австро-Италіянскую кампанію 1866 года тѣмъ что ночью какимъ-то чудеснымъ образомъ спасъ лѣваго товарища изъ непріятельскаго лагеря), остальные 17 человекъ поступили въ семинарію, то-есть теологическій факультетъ, находящійся во дворцѣ мѣстнаго епископа. На одинъ миллионъ населенія приходится прибли-

вительно пять гимназій. Слѣдовательно ежегодный выпускъ въ итогѣ 150 человекъ, изъ коихъ половина переходила въ университетъ. И дѣйствительно, однимъ миліонъ южныхъ Славянъ постоянно насчитываетъ до 600 студентовъ въ университетѣ и техническомъ училищѣ. Жили гимназисты огромнымъ большинствомъ по общимъ квартирамъ. Съ однимъ ученикомъ старшаго класса живетъ дюжина малютокъ. Родители послѣднихъ, крестьяне одной волости, сгруппированы между собой, снимаютъ въ городѣ мизерную квартиру, нанимаютъ къ ней хозяйку-кухарку, навезутъ цѣлыя горы съѣстныхъ припасовъ, и живетъ себѣ молодежь довольно сносно. Ученикъ старшихъ классовъ живетъ даромъ и получаетъ за каждаго своего питомца по одному флорину (копѣекъ 70) въ мѣсяцъ деньгами. За учениками со стороны классовыхъ наставниковъ былъ строжайшій надзоръ. Они посѣщали ихъ днемъ, ночью, въ полночь, рылись по сундукамъ, и т. д. Былъ также пансіонъ, содержимый мѣстнымъ епископомъ, куда принимали только перворазрядныхъ учениковъ, начиная со втораго класса. Тамъ были два корректора съ университетскимъ образованіемъ. Одинъ изъ нихъ запечатѣлся въ моей памяти тѣмъ что въ Крымскую кампанію читалъ ученикамъ ежедневно газеты, въ день смерти Николая Павловича сильно плакалъ, и никогда больше ничего пансіонерамъ не читалъ. По успѣхамъ пансіонеровъ были первыми. Но рѣдко кто выдерживалъ въ пансіонѣ до конца подъ страшнымъ гнетомъ ксендзовской дисциплины. Дисциплина и въ гимназій была очень строгая: за умышленное нарушеніе правилъ или приказаній взыскивалось немилосердно. Приведу примѣръ: праздновали Славяне столѣтній день рожденія перваго ихъ поэта въ той мѣстной гостиницѣ гдѣ онъ родился, и которая еще теперь содержится его потомками. Я за участіе на этомъ праздникѣ получилъ три поведенію и лишился 60 гульденовъ изъ казенной стипендіи. Вышелъ я разъ въ VIII классъ съ урока безъ позволенія учителя, который насъ держалъ въ классѣ во время засѣданія совѣта, то-есть когда по закону ученія не было; за этотъ мой проступокъ поставили мнѣ три поведенію въ выпускномъ свидѣтельствѣ; и изъ-за этого я лишился освобожденія отъ платы за ученіе на первомъ университетскомъ курсѣ, то-есть 70 гульденовъ, ибо отличные гимназисты, переходя въ университетъ, пользуются

бесплатнымъ слушаніемъ лекцій на первомъ курсѣ. Вслѣдствіе такихъ рѣдкихъ да мѣткихъ наказаній мы страшно боялись учителей; отношеній гуманности между учителями и учениками, какъ въ Россіи, и слѣда нѣтъ въ Австріи. Сказать учителю что бы ни было, кромѣ урока, было чрезвычайно трудно. Они были недоступны. Эта боязливость учениковъ объясняется и тѣмъ что огромное большинство учащихся было изъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ—народъ скромный, рабочій, налугавный, угнетенный, съ дѣтства приученный слушаться Нѣмца безъ отговорки. Товарищество было сильно развито между соучениками, никто не говорилъ другому иначе какъ ты; за то между отдѣльными классами, или между гимназіей и реальнымъ училищемъ, не было никакихъ дружественныхъ отношеній. Ученики младшихъ классовъ боялись старшихъ гимназистовъ, не менѣе чѣмъ учителей. Такое чинъ чина почитай воспитывалось, между прочимъ, тѣмъ что въ приготовительныхъ классахъ учитель говорилъ ученику *онъ*, въ младшихъ классахъ гимназіи *ты*, въ старшихъ *вы*, въ седьмомъ и восьмомъ классахъ *господинъ*. Съ реалистами гимназисты дрались за городомъ, иногда поголовно: драка доходила до разбитія головъ, глазъ, и т. д. Курсъ оканчивался актомъ, на которомъ всегда самъ губернаторъ, подъ громъ военной музыки, въ присутствіи такъ-сказать всего города, собравшагося въ обширныхъ залахъ клуба, раздавалъ награды ученикамъ одѣтымъ по-бальному. Награжденные восьмага класса произносили на актѣ рѣчи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Кто поступилъ въ гимназію, будетъ по выраженію туземнаго простолюдина или *господинъ*, то-есть священникъ, или *солкъ*, то-есть чиновникъ-притѣснитель; если кто выбывалъ изъ гимназіи, жалобъ обыкновенно не было. Переходить онъ въ реальное училище и тамъ процвѣтаетъ, или займется частною дѣятельностію: какъ знающій нѣмецкій языкъ онъ всегда найдетъ хлѣбъ.

Главнымъ столбомъ гимназическаго образованія были древніе языки съ идеальнымъ направленіемъ. Когда я въ 1851 году поступилъ въ гимназію, оканчивалъ свое существованіе іезуитскій методъ преподаванія этихъ языковъ. Латинскій учебникъ имѣлъ видъ катихизиса. Первый вопросъ: „*Quid est grammatica latina?*“ Въ послѣдствіи былъ приглашенъ для реформы австрійскихъ гимназій

изъ Пруссіи знаменитый филологъ Боницъ, и мнѣ пришлось проходить гимназическій курсъ этихъ предметовъ во время отчаянной борьбы между отсуаляющими доморощенными маститыми мастерами прежняго закала и побѣдоноснымъ наступленіемъ современныхъ филологовъ, въ огромномъ количествѣ выписанныхъ Боницомъ изъ Германіи. Въ Люблявской гимназіи были два профессора изъ Прусаковъ. По латинскому языку при десяти ежедѣльныхъ урокахъ, въ первомъ классѣ прошли всю правильную, во второмъ всю неправильную этимологию, въ третьемъ и четвертомъ весь синтаксисъ. Въ вышнихъ классахъ шло только чтеніе авторовъ по программѣ сходной съ вышшею русской. Теорію преподавали старые мастера, практику молодые. Результаты были очень хорошіе. Синтаксическихъ или этимологическихъ ошибокъ въ очень многочисленныхъ письменныхъ работахъ большинствѣ учениковъ старшихъ классовъ не было. Разница между учениками одного класса обнаруживалась въ лексическомъ запасѣ, *coria verborum et conjunctionum*, за который ставилась отдѣльная отмѣтка. Демосеева читали хорошіе ученики *ex abrupto* въ VI классѣ безъ затрудненія, также *Германію* Тацита въ VII, или Горація — *Epistolae* въ VIII. Учитель изъ Прусаковъ Вейхельманъ объяснялъ Оды Горація и метрику въ VIII классѣ ужъ такимъ высокимъ университетскимъ тономъ по запискамъ что ученики этого автора въ концѣ-концовъ совѣмъ разубили, что видимо очень огорчало учителя, такъ что онъ насъ часто упрекалъ что мы въ сравненіи съ Прусаками нигуда не годимся. Греческая этимологія по Курціусу проходилась вѣдъ въ III классѣ, синтаксисъ весь въ IV классѣ. Греческій и латинскій языки преподавались сравнительно, почти какъ одинъ предметъ, и шли всегда параллельно. Въ методѣ старые учителя отличались отъ молодыхъ тѣмъ что первые одушевлялись и одушевляли древнимъ міромъ учениковъ, молодые же налегали на матеріальныя свѣдѣнія оъ холодною научностью. Помню я свѣдѣнія учителей Погорѣльца и Петруція, прослужившихъ въ совмѣстномъ итогѣ 84 года, какъ они оживлялись до дрожащаго голоса, первый — при объясненіи миеологии во II классѣ, другой — при чтеніи *Илиады* въ IV классѣ, невольно повторяя: „вотъ какъ предество, вотъ что для современниковъ недостижимо“. Они имѣли сильное вліяніе

на молодыя сердца. Вополь знакомые, напимръ, со свѣтлою греческою миеологiей, ученики другъ другу надавали миеологическія имена которыя намъ оставались какъ клѣтка до окончанiя гимназическаго курса, и которую вѣроятно еще теперь каждый изъ насъ помнитъ. Меся называли Аѳиной, вѣроятно за то что я былъ первымъ знатокомъ греческаго языка въ своемъ классѣ. Общество безусловно поддерживало классическія науки. Жалобъ или ропоту не было слышно ни съ чьей стороны. Получить ученикъ по-гречески и по-латыни два, отецъ выбравитъ, говоря: я тому же учился, и мы всѣ тому же учились. Разнощикъ у котораго мы на перемянахъ покупали булки или печеные каштаны, именемъ Странарь, вышедшій когда-то изъ V класса, торговался съ нами по-латыни и любилъ щеголять знаніемъ неправильныхъ глаголовъ. Губернаторъ, графъ Корвицкій, настолько интересовался успѣхами по древнимъ языкамъ, что учителямъ приказывалъ представлять ему лично лучшихъ знатоковъ изъ гимназистовъ. Я помню что когда я въ I классѣ первыя шесть экстемпорале написалъ безъ одной ошибки, учитель Школяръ взялъ меня послѣ уроковъ къ губернатору на обѣдъ. Сначала я страшно конфузился и не хотѣлъ войти въ столовую; но когда меня насильно посадили между графиней и ее дочерью и хорошо накормили, я распахнулся, и общество сильно потѣшалось надъ моими мѣщанскими разказами. Я такъ въсколькo разъ лировалъ что на седьмомъ экстемпорале написалъ пестарі вмѣсто пестоге, губернаторъ не зналъ, а не то выбравилъ бы. Губернаторша мнѣ всякій разъ навязывала въ надушенныхъ латкахъ кучу пирожнаго, а губернаторъ, разъ встрѣтившись съ моимъ отцемъ, сказалъ ему: еслибъ у меня былъ такой сынъ, я бъ его въ золотую окладку вставилъ. Какъ по-латыни и по-гречески, такъ и по всѣмъ другимъ наукамъ курсъ изученiя новаго матеріала оканчивался въ IV классѣ. При шести еженедѣльныхъ урокахъ ариеметики въ IV годичномъ приготовительномъ классѣ успѣхи учениковъ по этому предмету частныхъ въ гимназію равнялись познаніямъ русскихъ гимназистовъ перешедшихъ въ III классъ. Въ I и II классѣ ариеметика повторалась. Въ III и IV шло преподаваніе алгебры. Съ I же класса начиналась и геометрія. Въ пятомъ классѣ брались за тригонометрію и за логарисмы. Въ высшихъ классахъ преподаваніе математики шло механически по разнымъ

формуламъ, безъ вразумѣнія ихъ значенія. Преподаваніе въ этомъ отношеніи было много ниже современнаго обученія математики въ русскихъ гимназіяхъ. Въ высшихъ же классахъ докторъ математики Митейсъ, въ послѣдствіи директоръ Терезіанума въ Вѣнѣ, преподавалъ этотъ предметъ по-университетски, такъ что только меньшинство дѣйствительно кое-что знало, то-есть понимало. Физика преподавалась уже въ первомъ полугодіи въ III и IV классѣ, но только демонстративная, опытная, то-есть безъ приложенія математическихъ доказательствъ. Въ VII и VIII она повторалась съ послѣдними. Услѣхи были очень хорошіе. Мы любили предметъ. Митейсъ превосходно его преподавалъ. Естественная исторія начиналась съ I класса (зоологія), продолжалась во II (ботаника) и оканчивалась въ первомъ полугодіи въ III классѣ (минералогія) и повторалась въ болѣе научномъ видѣ въ V и VI классахъ, но въ обратномъ порядкѣ (минералогія, ботаника, зоологія). Изученіе естественной исторіи состояло изъ бесполезнѣйшаго зазубриванія описанія нѣсколькихъ тысячъ камней, растеній и животныхъ. Кромѣ одного ученика, спеціальнаго любителя, по имени Смерекаръ, рѣшительно никто ничего не зналъ. Преподавалъ въ высшихъ классахъ, учитель Кольшекъ, былъ въ классѣ или дѣлалъ видъ что тотъ найскихъ жуковъ. Спрашиваетъ онъ бывало такъ. Вызоветь сразу 30—40 учениковъ, поставить въ обширной классной комнатѣ въ шеренгу, задать какой-нибудь мелочной вопросъ о какомъ-нибудь ничтожнѣйшемъ признакѣ изъ описаній заданныхъ на урокъ, и не дожидаясь отвѣта, кричить, такая поочередно учениковъ пальцемъ въ грудь, sequens, sequens, sequens. Кто скажетъ тому лаять, всѣмъ остальнымъ единицу. Потомъ садеть на свой стулъ и давай разказывать грязные анекдоты про славянскихъ мужиковъ. Въ низшихъ же классахъ обучалъ насъ естественнѣйшую какой-то оцѣмеченный Французъ, abbé Cousin, составитель отличныхъ учебниковъ, но до того слабый человѣкъ что напримѣръ на урокахъ ботаники, ученики прикосновеніе по его же приказанію огромные луки растеній, его буквально ими засыпали. Онъ для восстановленія порядка на каждомъ почти урокъ бѣгалъ за директоромъ. Урокъ, конечно, пропадалъ. Еще прежде чѣмъ я кончилъ курсъ, преподаваніе естественной исторіи было, кажется, совсѣмъ

отмѣнено. Французскій, итааліанскій и англійскій языки преподавались желающимъ по два часа въ недѣлю, имело въ свободный отъ учения четвергъ, но только ученикамъ высшихъ четырехъ классовъ, учителями другихъ предметовъ за особенную плату въ 300 гульденовъ въ годъ. Услѣжи были очень хорошия. Обучались почти только лучшіе ученики, превозмогшіе ужъ вполне грамматику трехъ или четырехъ языковъ. Уроки рисованія и чистописанія помѣщались тоже по четвергамъ. Первые для любителей, вторые только для дурно-пишущихъ какого бы то ни было класса.

Другимъ столбомъ гимназическаго образованія былъ нѣмецкій языкъ; онъ шелъ великолѣпно. Не говоря ужъ объ образованныхъ учебникахъ и хрестоматіяхъ, известныхъ въ педагогической литературѣ, какъ Wurst, Cholewina, Tister, Mozart, и т. д., учителя были самыя опытные и самыя серьезныя, обыкновенно вѣсто съ тѣмъ и классики или особенныя специальности, доктора нѣмецкой филологіи, сотрудники разныхъ извѣстныхъ педагогическихъ журналовъ. Если имѣть въ виду съ какою подготовкой мы поступили въ гимназію, то не будетъ казаться невѣроятнымъ что, какъ мнѣ помнится, въ третьемъ классѣ на праздничные каникулы задавались темы, которыя нѣкоторые ученики написали въ нѣмецкихъ стихахъ, какъ на примѣръ нѣкто Кошаръ, крестьянскій сынъ, котораго сочиненіе было потомъ напечатано въ мѣстныхъ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ. Кромѣ многихъ сочиненій на дому, писались и классныя, и для послѣднихъ, чтобъ они вышли зрѣлѣе, уступались два-три урока другихъ предметовъ. Лучшія сочиненія читались учителямъ не только въ своемъ классѣ, но и въ нѣкоторыхъ остальныхъ, которымъ темы могли быть полезны. Я удостоился этой чести, написалъ на Рождественскихъ праздникахъ въ седьмомъ классѣ сочиненіе на девяти листахъ на вопросъ: какое изобрѣтеніе болѣе важно, изобрѣтеніе пороха или книгопечатанія? За лучшія сочиненія давались и не большія денежныя награды. Я, помнится, получилъ въ восьмомъ классѣ разъ отъ директора пять гульденовъ за сочиненіе представленное на тему: какое искусство должно быть предпочтительно другимъ? Кромѣ того, практиковались въ классѣ декламация и представленіе драматическихъ сценъ — однимъ ученикомъ

или цѣлыми группами. Наконецъ, поддерживалось всеми средствами обученіе пѣнію нѣмецкихъ патристическихъ пѣсень. Начальству лучшаго удовольствія нельзя было доставить какъ пѣніемъ на перемѣнахъ нѣмецкихъ мелодій, хотя цѣлымъ классомъ. Этими и пользовались ученики для заглаживанія какихъ-нибудь общихъ проступковъ. Что на всѣ эти упражненія доставало времени, будетъ понятно если имѣть въ виду что было по три по четыре ежедневныхъ нѣмецкихъ уроковъ во всѣхъ восьми классахъ, и если обратить вниманіе на то что поступали въ гимназію только тѣ которые ужъ совсѣмъ одолѣли грамматику. Направленіе преподаванія, какъ я помню, было идеально-поэтическое и служило главнымъ образомъ къ постоянному восхваленію нѣмецкой литературы и культуры. Чтеніе нѣмецкихъ классиковъ во всемъ объемѣ начиналось ужъ въ третьемъ классѣ; первымъ читался Шиллеръ. Вслаждствіе этого не удивительно о что были въ высшихъ классахъ ученики изъ славянскихъ крестьянъ и мѣщанъ которые гордо восклицали: „Ich bin ein deutscher Jüngling!“ (Я нѣмецкій юноша). Этому настроенію много способствовало преподаваніе географіи и исторіи. Ученику, начитавшемуся на урокахъ нѣмецкаго языка въ Гердеръ о томъ что Венды (то-есть Славяне, входящіе въ составъ Нѣмецкаго Союза) суть одно изъ нѣмецкихъ племенъ, не трудно было втолковать что и онъ принадлежитъ къ Нѣмецкой націи, такъ какъ во всѣхъ классахъ висѣли карты Нѣмецкаго Союза, на которыхъ Адриатическое море представлялось входящимъ въ границы Германіи, и такъ какъ въ исторіи говорилось что со временъ Кара Великаго Адриатическое побережье входило въ составъ святой Римско-Нѣмецкой имперіи. Географія преподавалась miserably. Обращалось вниманіе единственно на топографію, то-есть на значеніе терминовъ и на умѣнье показывать ихъ на картѣ. На этнографію, культуру, торговлю, промышленность, климатъ, и т. д. учебникъ даже не намекалъ. Это была маленькая книжка въ которой находились только перечни названій. Я помню что я въ первомъ классѣ разъ ступилъ на обломки стекла и сильно обрѣзалъ себѣ ногу. Остался я дома, потому что ходить не могъ. Дядя, чтобы меня утѣшить, купилъ мнѣ Штилеровъ атласъ. Съ нимъ я возился цѣлымъ мѣсяцъ, разсматривалъ его да разсматривалъ, и дошелъ при своей

порядочной памяти до того что дѣйствительно умѣлъ указывать на картѣ почти каждое названіе о которомъ меня спрашивали. Учитель Мельцеръ считалъ меня за это чуть не гениемъ и ставилъ мнѣ съ тѣхъ поръ высшій баллъ во время всего гимназическаго курса, не спрашивая меня никогда. Исторія преподавалась по Веберу и Пютцу толково и обширно, съ указаніемъ причинъ и ближайшихъ поводовъ всякаго историческаго событія, поэтически восторженнымъ учителемъ Мельцеромъ. Пютцъ представляетъ, нужно прибавить, всю исторію, начиная со вторженія Кимбровъ и Тевтоновъ въ Италію, такъ какъ будто одна Германія и одинъ Нѣмецкій народъ дѣлаютъ исторію. На урокахъ исторіи читались кромѣ учебниковъ и другія историческія сочиненія и вызывались ученики обработать отдѣльный историческій вопросъ самостоятельно и читать такіа сочиненія съ кафедръ въ классѣ. Я, кажется въ шестомъ классѣ, разъ представилъ такую работу. Мельцеръ былъ въ восторгѣ и началъ мнѣ ставить высшій баллъ, не спрашивая меня никогда болѣе; и страшно обжегся. Я просто пересталъ готовить уроки; приходять, когда я былъ въ VIII классѣ, разъ попечитель. Мельцеръ, указываетъ ему на меня чуть-чуть не какъ на генія. Вызвали раба Божія. Мельцеръ задаетъ какой-то отвлеченный вопросъ. Попечитель требуетъ урокъ, а ни гу-гу. Скандалъ страшный. Мельцеръ въ тискахъ обвиняетъ меня; попечитель, очень умный человекъ, только глазами разводитъ: онъ сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Рисованіе картъ задавалось только на рождественскіе, пасхальныя, масляничныя и троицкіе каникулы; но за то рисовались карты мастерака. Лѣтніе каникулы продолжались два съ половиною мѣсяца, то-есть съ 1го августа по 15е октября. Рождественскіе и пасхальныя каникулы были двухнедѣльные, на масляницу и на Троицу — недѣльные. Курсъ исторіи, начинавшійся въ первомъ классѣ, заканчивался уже вполне въ четвертомъ классѣ. Въ пятомъ и шестомъ классахъ онъ повторялся съ прибавленіемъ научныхъ приемовъ. Въ седьмомъ классѣ изучалась специальная исторія Австріи или точнѣе Габсбургскаго дома. Въ восьмомъ классѣ преподавалась и статистика Австрійской имперіи, посвященная единственною цѣлю показать какъ высоко въ умственномъ и финансовомъ отношеніи стоятъ австрійскіе Нѣмцы надъ всѣми другими народностями Австріи.

Но, къ счастью, нашъ преподаватель исторіи Мельцеръ былъ слишкомъ идеалистъ чтобы заниматься такою сухою наукою какъ статистика. Русская исторія въ самыхъ краткихъ очеркахъ начиналась съ Полтавской битвы.

Еще пару словъ о Мельцерѣ. Это былъ въ своемъ родѣ перипатетикъ. На бульварѣ, въ клубѣ его постоянно окружала толпа любителей науки или охотниковъ подтрунить надъ его идеальностью. Человѣкъ онъ былъ ученый, даръ слова имѣлъ великолѣпный. Начинаетъ онъ въ классѣ вѣдять на своемъ конькѣ, Северо-Американской республики, или на великой Французской республикѣ, рассказываетъ, рассказываетъ съ возрастающимъ одушевленіемъ, вдругъ звонокъ. „Нѣтъ, не уходите пожалуйста, пока доскажу“, проситъ онъ. Сидимъ, сидимъ—конца нѣтъ. „Никогда не кончу“, говорилъ Мельцеръ и гонитъ насъ изъ класса вонъ. Онъ былъ сильно обиженъ тѣмъ что правительство екойфисковало конституцію 1849 года и сдѣлало это на другой день послѣ того какъ онъ, будучи редакторомъ губернскихъ вѣдомостей, наканунѣ кончилъ печатать цѣлую серію похвальныхъ статей, завершеніе которыхъ гласило: живи и процвѣтай на вѣки вѣковъ. Аминь.

Курсъ гимназическаго обученія оканчивался логикой въ VII и VIII классахъ и педагогикой въ VIII классѣ: первая преподавалась методом схоластическою, вторая зубрильнымъ манеромъ. Педагогика подъ руками учителя-ксендза превратилась въ какую-то науку о должностяхъ человѣка и главнымъ образомъ подданнаго. Излишне прибавить что преподаваніе шло исключительно на вѣмедкомъ языкѣ.

Славянскій языкъ вовсе не преподавался во время первыхъ лѣтъ моего пребыванія въ Люблянской гимназій, потому преподавался, *quis tenetis amici*, по вѣмедкому учебнику составленному какимъ-то деревенскимъ ксендзомъ, какъ необязательный предметъ. Уроки по этому предмету служили только для того чтобъ увижать Славянъ и внашать ученикамъ презрѣніе къ народу изъ котораго вышли. Въ мое время по этой части отличался также учитель естественныхъ наукъ Ковшекъ. Сядетъ бывало онъ на свой стулъ и начинаетъ, передразнивая крестьянскій разговоръ и кривляясь, рассказывать самые глупые анекдоты о Славянахъ, то-есть крестьянахъ. А онъ самъ крестьянскій сынъ. Такъ проходили всѣ уроки. И не дай Богъ не смѣяться;

ученикъ, не апплодирующій Ковышку, считаеся строптивымъ, получалъ по поведенію три, ашадся изъ-за этого стипендіи, и т. д. И г. Ковышекъ съ братіей достигали цѣли; между учениками и родителями, съ рѣдкими исключеніями, изученіе роднаго языка считалось совершенно непродуцибельною тратой времени. И когда нѣкоторые изъ насъ, то есть четыре изъ тридцати двухъ, пробудились въ VII классѣ изъ-подъ этого кошмара, и когда въ послѣдствіи еще другіе въ Вѣнѣ, въ университетѣ, начали изучать славянскую грамматику, то насъ въ Люблянѣ даже въ домахъ ремесленниковъ не принимали и по-славянски съ нами говорить не хотѣли, потому что мы дескать опять омужичились. Въ виду приближавшейся Италианской войны (я оканчивалъ тогда гимназическій курсъ), когда правительстве нуждалось въ Славянахъ, вышелъ законъ что въ гимназіяхъ Славянскихъ земель можно преподавать по-славянски, но какъ только чрезъ полгода кончилась война, былъ разосланъ циркуляръ что преподавать можно по-славянски, но экзаменовать непременно нужно по-нѣмецки. Конечно, все осталось по-старому. Только нѣсколько молодыхъ преподавателей лишились мѣстъ за то что они въ то полугодіе выказали своимъ славянскимъ преподаваніемъ слишкомъ сильныя славянскія симпатіи....

И. М. Л.

ОТРЫВКИ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ *

LXVI

Съ прибытіемъ въ Грезнуу началась для меня совершенно новая жизнь—жизнь „штабнаго“. Попасть изъ фронтныхъ офицеровъ въ штабные все равно что изъ чернорабочаго въ барина. Вся тяжесть службы, все лихое и весело походной жизни, вся оборотная сторона медали разом снимаются и заменяются разными удобствами, льготами, почетомъ, конечно относительными. Поручикъ во фронтѣ весьма малая сошка, которую никто не замѣчаетъ, которую все помыкаютъ, предъ которыми баталіонный командиръ величина весьма значительная, полковой—недосегаемая, о генералахъ и говорить нечего. Тотъ же поручикъ, командиръ въ „штабные“, сразу превращается въ другаго человека: и баталіонные, и полковые командиры, и даже генералы становятся его *малыми*; его поощряютъ, вступаютъ съ нимъ въ любезные неслужебные разговоры, въ немъ многие даже просто заискиваютъ, хотя въ сущности онъ по своему положенію, ничему никому, ни удружить, ни похвалить не въ состояніи... Такъ ужъ искони велось, а можетъ-быть и теперь ведется.

* См. *Русск. Вѣсти*. №№ 3 и 4.

Занятія мои ограничивались ежедневнымъ пребываніемъ у начальника лѣваго фланга Кавказской линіи генерала барона А. Е. Врангеля въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, причемъ приходилось или написать какое-нибудь полуофициальное письмо, или исполнить какое-нибудь приказаніе: послать за кѣмъ-нибудь, навести въ штабъ какую-нибудь справку, и т. п., что вообще исполняется личными адъютантами. Затѣмъ оставалось много свободнаго времени, уходившаго преимущественно на посѣщенія знакомыхъ семействъ, котоорыхъ въ Грозной было не мало.

Крѣпость Грозная построена А. И. Ермоловымъ въ 1818 году на лѣвомъ берегу рѣки Суэжи. Она была основаніемъ прочнаго подчиненія намъ всей Чечни; въ ней сосредоточивалась военно-административная сила, удерживавшая впереди лежащій край въ покорности. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, если не считать мелкихъ хищническихъ дѣйствій, да нѣсколькихъ частныхъ полытокъ возстаній, довольно легко усмирившихъ, Чеченцы не выказывали особой враждебности и жили смирно. Еслибы мы воспользовались этимъ продолжительнымъ періодомъ для бѣльшаго упроченія нашей власти, еслибы устроили сколько нибудь путей сообщенія, обезпечили себѣ переправы черезъ Терекъ и Суэжу, ввели бы болѣе дѣйствительный административный надзоръ въ главнѣйшихъ аулахъ, позаботились бы хоть о кой-какомъ развитіи промышленности, завели бы хоть одну школу, привлекая въ нее сколько болѣе вѣстныхъ туземцевъ для изученія русскаго языка и ознакомленія съ основами благоустроенныхъ обществъ, да сами старались бы знакомиться со страной и ея населеніемъ, то, быть-можетъ, въ описываемое мною время Грозная имѣла бы совсѣмъ другой характеръ, болѣе мирный, гражданскій. Но ничего этого сдѣлано не было, вѣрнѣе сказать многое и не могло быть сдѣлано по совершенному недостатку средствъ, отсутствію правильной обдуманной системы и частой перемѣнѣ главныхъ начальствующихъ лицъ, дѣйствовавшихъ каждый по своему усмотрѣнію и, какъ водителъ, чаще всего наперекоръ своему предшественнику. Къ этому присоединились еще нѣкоторыя ошибки и даже злоупотребленія, вызвавшія въ населеніи Чечни крайнее раздраженіе. Этимъ воспользовался Шамиль, и въ 1840 году вспыхнуло здѣсь общее возстаніе, котораго подавить въ началѣ мѣстными еред-

ствами не было возможности; а двинутый через несколько мѣсяцевъ съ этою цѣлью болѣе значительный отрядъ потерпѣлъ въ мѣсныхъ чащахъ поражение, доставивъ возставшимъ Чеченцамъ и ихъ новому предводителю Шамилю случай полнаго торжества надъ нами. Возгорѣлась упорная война, оконченная лишь черезъ двадцать лѣтъ на Гунибѣ лѣвнѣемъ Шамиля.

Подробности этихъ событій не относятся къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ и я коснулся ихъ только вскользь чтобы читатель могъ уяснить себѣ значеніе Грозной, какъ центра всѣхъ военныхъ операций, совершавшихся два десятка лѣтъ съ цѣлью покоренія Чечни. Изъ небольшой крѣпостцы времямъ Ермолова, она въ мое время превратилась въ обширный военный городъ, кишящій войсками всѣхъ родовъ оружія, съ большими магазинами, складами, госпиталами и довольно значительнымъ числомъ торговыхъ заведеній.

Жизнь въ крѣпости Грозной была довольно шумная и веселая; по всякому поводу давали обѣды, затѣвали кутежи; танцевальныя вечера были очень часты, а азартная картежная игра, и довольно крупнымъ размѣровъ, процвѣтала; дамское общество было очень милое, вполнѣ соответствовавшее военно-походному тону и сопряженнымъ съ нимъ нравамъ, не имѣющимъ, само собою и тѣмъ чего-нибудь пуританскаго... Жили, однимъ словомъ, легко, безъ особыхъ заботъ о матеріяхъ важныхъ. Если отъ текущихъ мелкихъ дневныхъ приключеній и развлеченій случалось отвѣчаться, то развѣ для разговоровъ о минувшихъ и будущихъ экспедиціяхъ, о томъ кто будетъ назначенъ новымъ главнокомандующимъ на мѣсто князя Воронцова, уже годъ тому назадъ выѣхавшаго изъ края, и о разныхъ неизбежныхъ перемѣнахъ въ составѣ высшихъ начальствующихъ лицъ, перемѣнахъ такъ или иначе отъмывавшихся и на насъ, мелкихъ сопричастникахъ дѣятельности; гораздо рѣже говорилось о ходѣ дѣлъ подъ Севастополемъ, вообще е тогдшнемъ положеніи Россіи: отсутствіе гласности, газетъ, представительныхъ однихъ *Русскихъ Инвалидовъ*, отсутствіе въ большинствѣ общества, особенно военного, всякаго интереса къ дѣламъ общественнымъ, выходящимъ изъ ближайшаго тѣснаго круга его служебной дѣятельности, дѣлало насъ невольно индифферентными ко всему, даже къ такой великой злобѣ дня какова

была тогда борьба съ коалиціей, сопровождавшаяся неудачами. Мы, какъ и подобаетъ военнымъ людямъ, постоянно пребывавшимъ на боевомъ положеніи, закаленнымъ въ опасностяхъ, впрочемъ, ни чуть не унывали и вѣрили въ силу Россіи: одолѣли же мы Европу въ 1812 году, не взирая на геніи Наполеона, на такихъ генераловъ какъ Даву, Ней, Сень-Сиръ, одолѣемъ и теперь. Всѣ разсужденія сводились у насъ къ такому заключенію. Мы тѣмъ болѣе вѣровали въ нашу необходимость что предъ глазами у насъ были ближайшіе примѣры: пораженіе Турокъ княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыкъ-Даръ и Кюрюкъ-Дара, когда горсти кавказскихъ героевъ разбивали на голову въ четверо сильнѣйшаго непріятеля. 1855 годъ былъ еще въ началѣ: скорбные дни Севастополя, Феофиловыхъ высотъ и кровавой неудачи подъ Карсомъ были еще впереди; увѣренности нашей еще ничто не колебало...

Время проходило безъ особыхъ приключеній и лично для меня весьма пріятно, благодаря главнѣйше неисчерпаемой добротѣ и любезности нашего главнаго начальника барона А. Е. Врангеля. Наконецъ получены извѣстія что главнокомандующимъ назначенъ генералъ Муравьевъ, старый Кавказецъ временъ Ермолова и Паскевича. Извѣстіе это произвело впечатлѣніе непріятное: почему, на чемъ основывалось оно—я объяснить не могу; я никого не помню изъ находившихся тогда среди насъ который бы лично зналъ Н. Н. Муравьева и какими-нибудь отъѣздами не въ его пользу могъ возбудить неудовольствіе; не было и какихъ-нибудь особыхъ ходячихъ слуховъ не въ его пользу; а между тѣмъ, почти инстинктивно, никто не только не радовался, но даже не относился равнодушно къ этому назначенію: „ду, начнется ремешковая служба, ламку тавуть будемъ“, былъ общій говоръ. Когда же стали доходить слухи что главнокомандующій уже пріѣхалъ въ Ставрополь, носѣтивъ въкоторыя укрѣпленія и штабъ-квартиры, вездѣ распекая, повѣряя расходы людей, входя въ разныя мелочи, наговоря однимъ словомъ страхъ великій, до такой степени что этому даже приписывали смерти начальника резервной дивизіи генералъ-лейтенанта Варпаховскаго, (это впрочемъ оказалось басней), общее смущеніе и неудовольствіе распространились еще болѣе.

Путешествіе генерала Муравьева по Кавказской линіи продолжалось довольно долго, такъ что во Владикавказѣ

око прибылъ, кажется, черезъ мѣсяць послѣ прїезда въ Ставрополь. Баронъ Врангель отправился туда на встрѣчу главнокомандующему, и оттуда уже вмѣстѣ съ нимъ по Сунженской линіи, черезъ крѣпость Воздвиженскую, прибыли въ Грозную. Впереди уже несся слухи о различныхъ неудовольствіяхъ, вслѣдствіе дѣлаемыхъ барону замѣчаній, которыя тотъ не оставлялъ безъ возраженій, къ крайнему огорченію временно-командовавшаго тогда на Кавказской линіи генерала Викентія Михайловича Козловскаго, тоже стараго ветерана временъ Ермоловскихъ, храбраго и добраго человѣка, но недостаточно самостоятельнаго. Почтеннѣйшій Викентій Михайловичъ разными знаками и держаніемъ за полы сюртука старался удерживать барона Врангеля отъ возраженій, но напрасно... Все предвѣщало мелочный исходъ этихъ недоразумѣній и мы, болѣе близкіе къ барону люди, стали предчувствовать возможность перемиръ.

Къ прїезду главнокомандующаго, по обыкновенію, былъ выстроенъ почетный караулъ, ординарцы и длинный рядъ офицеровъ не во фронтѣ состоящихъ. Покончивъ съ первыми, выразивъ легкое неудовольствіе генералу Бакланову за то что ординарцы-казаки не умѣли исполнить какой-то мудреной кавалерійской команды „вольтъ направо“ (странное требованіе отъ Донскихъ казаковъ на Кавказѣ! этого, безъ сомнѣнія, и Нижегородскіе драгуны не сумѣли бы сдѣлать, хоть и ходили героями въ атаку на турецкія каре), Н. Н. Муравьевъ подошелъ къ офицерамъ, которыхъ баронъ называлъ ему по имени. По наружности, по голосу, я уже замѣтилъ что баронъ Врангель не въ духѣ, око даже ошибался въ фамиліяхъ или тотчасъ вспоминалъ иного офицера. Дошла очередь до меня.

— Поручикъ Дагестанскаго полка... Но фамилія не давалась сразу, и я послѣдилъ сказать.

— Этотъ же зачѣмъ здѣсь у васъ? обратился главнокомандующій къ барону Врангелю.

— Жалонерный офицеръ, ваше высокопревосходительство.

— Ну, лежимъ ли, какой вамъ здѣсь жалонерный офицеръ нуженъ! Развѣ вы дивизионныя ученія производите?

Понятно что подобное замѣчаніе, въ присутствіи всѣхъ подчиненныхъ, не могло не оскорбить генерала, главнаго мѣстнаго начальника. Хотя, положимъ, въ жалонерномъ офицерѣ дѣйствительно никакой надобности не предстояло и

это званіе было мнѣ присвоено формальности ради, но какая особенная бѣда или какое злоупотребленіе заключалось въ томъ что начальникъ дивизіи прикомандировалъ къ своему штабу офицера изъ подчиненнаго ему полка? И развѣ подобное замѣчаніе нельзя было сдѣлать послѣ, наединѣ, безъ оскорбленія самолюбія начальника предъ подчиненными? Тогда баронъ Врангель, не будучи подъ впечатлѣніемъ раздражительности, могъ бы объяснить что не можетъ обходиться двумя штатными адъютантами и встрѣчаетъ недостатокъ въ довѣренныхъ офицерахъ для исполненія массы разнородныхъ порученій на пространствѣ обширнаго района, и т. д.

Съ своей стороны я при сказанныхъ словахъ главнокомандующаго жестоко струсилъ. Конечно, думаю себѣ, велитъ молчать, отправить обратно въ полкъ; а самая мысль о такой отправкѣ приводила меня въ отчаяніе. О, Господи, неужели опять въ Ишкарты или Чиръ-юртъ, въ лапы какого-нибудь Б.!

Якорь спасенія нашелъ я только въ пріѣхавшемъ съ новымъ главнокомандующимъ П. Н. Броневскомъ, бывшемъ моимъ полковымъ командиромъ, а теперь опять полковникомъ генеральнаго штаба и корпуснымъ оберъ-квартирмейстеромъ, который во время возникшаго по моему поводу эпизода, стоя позади Муравьева, улыбался. Помяя его вниманіе къ моей службѣ въ полку, я надѣялся на его помощь, и я не ошибся. Послѣ осмотра я послѣдшилъ ему представиться, разказалъ какимъ образомъ попалъ въ Грозную, разказалъ и о всѣхъ невзгодахъ вынесенныхъ въ полку послѣ его отъѣзда, и просилъ содѣйствія въ случаѣ главнокомандующій приказалъ бы отправить меня въ полкъ. П. Н. обѣщаль мнѣ это, присовокуливъ, впрочемъ, что едва ли въ немъ представится надобность. И дѣйствительно, я былъ забытъ къ большому моему удовольствію.

Дальнѣйшее пребываніе Н. Н. Муравьева въ Грозной, въ теченіе двухъ-трехъ дней, было рядомъ однородныхъ дѣйствій, носившихъ на себѣ характеръ большой мелочности, возводимой въ нѣчто имѣющее государственный важность. Прибывъ на Кавказъ въ началѣ 1855 года, въ такое критическое время, послѣ цѣлаго года междуначалія (иначе нельзя назвать временнаго завѣдыванія Кавказомъ генерала Реада), генералъ Муравьевъ не слѣдшилъ въ Тифлисъ, гдѣ

его ожидали самовужайшія военныя и гражданскія дѣла и гдѣ онъ могъ почерпнуть подробяйшія свѣдѣнія о положеніи всѣхъ отраслей обширнаго, незнакомаго ему управленія. Въ теченіе пяти-шести недѣль, употребленныхъ на переездъ отъ Ставрополя до Тифлиса, онъ заѣзжалъ, какъ уже сказано, въ разныя мелкія укрѣпленія и занимался, между прочимъ, повѣркою списочнаго состоянія людей въ ротахъ, входилъ въ изслѣдованія зачѣмъ допускаются такіе расходы людей какъ воловщика, огородника, угольщика, и т. п., находилъ все это не только лишнимъ, но противузаконнымъ, между тѣмъ какъ на Кавказѣ, по мѣстнымъ условіямъ, войска не могли существовать безъ собственнаго полнаго хозяйства, а слѣдовательно должны были отражать для этого нужныхъ людей. Не довольствуясь списками, главнокомандующій приказывалъ выводить роты, повѣрялъ людей, входилъ въ словесныя разъясненія съ ротными и баталіонными командирами, вгонялъ ихъ въ лихорадочное состояніе, при которомъ эти господа, вообще не одаренные большимъ даромъ слова и смѣлостью говорить съ начальствомъ, совершенно терпелись, не могли дать нужныхъ объясненій и какъ бы оправдывали подозрѣнія и обвиненія генерала.

Трудно теперь вспомнить всѣ различныя случаи вызывавшіе и общее неудовольствіе, и недоумѣніе. Я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ сохранившихся въ моей памяти, по которымъ всякій легко можетъ видѣть что Н. Н. Муравьевъ въ эту эпоху поступалъ какъ бы въ разладъ со своимъ умомъ, образованіемъ и характеромъ. Не должно забывать что рѣчь идетъ не объ обыкновенномъ какомъ-нибудь генералѣ, бригадномъ или дивизионномъ начальникѣ, или даже корпусномъ командирѣ, внутри Россіи, въ мирное время инспектирующемъ свои части; говорится о намѣстникѣ Кавказскомъ, облеченномъ почти царскою властью въ огромномъ краѣ, съ четырехъ съ половиною миллионнымъ разнороднымъ населеніемъ, треть коего была не покорна и стояла противъ насъ съ оружіемъ въ рукахъ; въ краѣ граничащемъ съ двумя главнѣйшими мусульманскими государствами, съ однимъ изъ коихъ мы были въ войнѣ; говорится о главнокомандующемъ большой полуторастатисичной арміи, разбросанной на громадныхъ тысячеверстныхъ разстояніяхъ, среди исключительныхъ мѣстныхъ условій. Это большая разница, и Н. Н. очевидно не сразу овладѣлъ

своею ролью, не сразу сталъ на высоту взглядовъ соотвѣтствовавшихъ его новому званію; онъ все еще оставался въ роли командира корпуса внутри Россіи, гдѣ кругъ дѣятельности ограничивался чисто фронтовыми задачами и гдѣ, въ тѣ времена въ особенности, считалось великою заслугой за мелочами забывать о важнѣйшемъ. Не должно забывать также что Кавказъ, его политическія и военныя условія, вырабатывалъ изъ войскъ своеобразныя типы, далеко не подходившіе къ типамъ гренадерскаго корпуса, расположеннаго въ Новгородской губерніи, гдѣ Н. Н. Муравьевъ до назначенія на Кавказъ могъ быть увѣреннымъ не встрѣтить критической оцѣнки своимъ дѣйствіямъ. Принципъ слѣпого повиновенія войскъ тутъ ни при чемъ, и тѣ же кавказскія войска, смѣвшія свое сужденіе имѣть, по приказанію Муравьева, шли на штурмъ Карса—разбивать толстые брустверы укрѣпленій своими руками, ложились тысячами и отступали только по приказанію его же. Способность и навыкъ критически относиться къ разнымъ распоряженіямъ не мѣшали исполнять приказанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигали много людей оказавшихся способными для самостоятельной дѣятельности, и доказывали присутствіе жизненнаго элемента тамъ гдѣ въ прочихъ частяхъ арміи господствовала тулая оцѣненность. Н. Н. Муравьевъ, какъ образованный, ученый человѣкъ, долженъ бы сочувствовать подобному направленію, его должно бы радовать что онъ найдетъ среди подчиненныхъ людей не исключительно лѣшекъ, а мыслящихъ, способныхъ къ обсужденіямъ, что войска его не просто стѣнорбитная машина, механически двигающаяся по данному толчку, а живые люди, воодушевленные энтузіазмомъ, честолюбіемъ, умѣющіе примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, къ характеру противника, и т. п. Казалось бы такъ, а между тѣмъ во всемъ что онъ ни дѣлалъ обнаруживалось совсѣмъ иное.

Молчать, дрожать, не разсуждать, ни о чемъ не думать кромѣ службы (въ ограниченномъ смыслѣ слова),—жить чуть не аскетами, на награды и повышенія не рассчитывать; однимъ словомъ—превратиться въ какой-то суровый легионъ Спартакцевъ, окруженный мрачнымъ, сѣрымъ міромъ, безъ малѣйшей улыбающейся надежды впереди,—вотъ казалось что желалъ генералъ Муравьевъ сдѣлать изъ Кавказской арміи, этой веселой, ловческой, беззаботной,

полювой одушевленія, жаждавшей сильныхъ ощущеній арміи, окруженной прекрасною, южною солнечною природою, шумными потоками, живописными ущельями! Стыющийся Кавказъ превратитъ въ угрюмую Новгородскую губернію!

Напримѣръ, во Владикавказѣ главнокомандующій смотрѣлъ какой-то резервный баталіонъ; всѣ ружейные приемы, построенія и маршировка были сдѣланы отлично; смотръ кончился, скомандовали „къ ногѣ“, что всегда уже означало лережку, отдыхъ, хотя по уставу сдѣловало еще скомандовать: „стоять вольно“; но одинъ или двое изъ солдатъ, не дождавшись этой команды, кашлянули или чихнули. За это Н. Н. Муравьевъ приказалъ всему баталіону взять на плечо и продержалъ его такимъ образомъ цѣлѣй часъ, что крайне мучительно для людей. Обратясь къ присутствовавшему тутъ же барону Врангелю, Муравьевъ спросилъ его:

— Ну, какъ вы находите баталіонъ?

— Послѣ того какъ вы остались имъ недовольны, отвѣтилъ баронъ Александръ Евстафьевичъ, — мнѣ уже не приходится высказывать свое мнѣніе.

— Нѣтъ, прошу васъ сказать откровенно ваше мнѣніе.

— По-моему, баталіонъ отличный.

— Да, но шевелится во фронтѣ; тогда какъ баталіонъ долженъ быть какъ „мертвый“.

Подѣзжая изъ Владикавказа, по дорогѣ въ Воздвиженскую, къ станицѣ Самашкинской, Муравьевъ спросилъ у барона, какія войска тамъ расположены, и получивъ въ отвѣтъ что 1й баталіонъ Кабардинскаго полка, предложилъ вопросъ:

— Что, это хорошій баталіонъ?

— Отличный.

— А во фронтѣ стоитъ какъ мертвый?

— Если прикажете, будетъ мертвый, отвѣтилъ баронъ Врангель. Тотчасъ послали впередъ верховаго предупредить баталіоннаго командира.

И дѣйствительно, баталіонъ представился „какъ мертвый“... Между тѣмъ нужно знать что Кабардинскій полкъ, представитель частаго типа Кавказскихъ войскъ, извѣстный своимъ героизмомъ въ дѣлахъ, щеголялъ своею старою боевою славою, своимъ увлекательнымъ воинственнымъ духомъ и какою-то особою, нѣкоторыми лишь старыми Кавказскими полками овеиваемою выправкой, заключающеюся

именно въ томъ что онъ не былъ мертвымъ, а дышалъ отъ жагой, силой, былъ исполненъ воодушевленія написаннаго на всѣхъ лицахъ, выражавшагося и въ особенной манерѣ встрѣтить начальника привѣтственными кауками не сухими, форменными, а радостно оглашавшими воздухъ и возбуждавшими во всѣхъ удовольствіе. Полкъ привыкъ встрѣчать князя Воронцова, князя Барятинскаго, генераловъ Козловскаго, Врангеля и другихъ водившихъ ихъ въ горячій бой, съ одушевленіемъ, увѣренный въ привѣтъ, въ благодарности, въ поощреніи, а не съ требованіемъ быть мертвымъ. Понятно что впечатлѣніе произведенное новымъ главнокомандующимъ не могло быть особенно пріятнымъ...

Въ крѣпости Воздвиженской встрѣтили главнокомандующаго жителя ближайшихъ покорныхъ чеченскихъ ауловъ со своимъ наибоиъ (старшиной). вмѣстѣ привѣтствій или какого-нибудь вопроса о ихъ житьѣ-бытьѣ, Муравьевъ обратился прямо къ набою съ словами: „я не князь Воронцовъ, прѣзжавшій къ вамъ съ подарками; я отъ васъ службы потребую“.

— Мы не за подарками явились, отвѣтилъ ему не смущавшійся набою, — по приказанію генерала (указывая на барона Врангеля). Подарковъ отъ васъ не требуемъ, а князю Воронцову очень благодарны.

Отвернувшись съ неудовольствіемъ, Муравьевъ ушелъ ничего не сказавъ...

Въ Воздвиженской первымъ дѣломъ начались повѣрки расходовъ людей въ расположенномъ тамъ Куриновомъ полку. Зная вѣроятно по разказамъ генерала Козловскаго что баронъ Врангель недоволенъ командиромъ этого полка, полковникомъ Ляшенко, за неисполненіе нѣкоторыхъ его приказаній, главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Ляшенко для личныхъ объясненій, которыя тотъ и далъ конечно въ свою пользу. Тогда генералъ Муравьевъ пригласилъ барона Врангеля и говорить ему:

— Вы совершенно напрасно нападаете на полковника Ляшенко; я его подробно разспрашивалъ и нахожу что онъ совершенно правъ.

Само собою это не могло не оскорбить барона, генерал-лейтенанта, начальника дивизіи, котораго, по словамъ подчиненныхъ, какъ будто упрекала въ неправдѣ, и Александръ Евстафьевичъ вынужденъ былъ подробно разъяснить главнокомандующему все дѣло. Власть этого Н. Н. Муравьева

опять вѣшалъ что виновать Ляшенко и приказалъ его арестовать, хотя вѣсколько часовъ тому казандъ отлустилъ его съ полнымъ благоволеніемъ и торжествующимъ побѣду надъ бесціемъ своего ближайшаго начальника. Вскорѣ послѣ этого у Ляшенко взяли полкъ, и онъ уѣхалъ въ Россію.

Все это, если хотите, мелочи, но одно съ другимъ и выставляло именно мелочность главнокомандующаго, вѣдущагося въ занятія не свойственныя его званію и положенію.

Я уже выше разказалъ кое-что о пріѣздѣ Н. Н. Муравьева въ Грозную и прибавлю еще вѣсколько ламятныхъ мѣлъ эпизодовъ.

Обратясь къ представлявшемуся ему извѣстному доволку витязю генералу Бакалову съ замѣчаніемъ за то что его казакъ-ординарецъ не умѣлъ сдѣлать „вольтъ навѣво“, главнокомандующій прибавилъ: „извольте собраться для немедленной отправки въ Азіатскую Турцію, гдѣ вы нужны для командованія казаками.

— Я готовъ отправиться куда ваше высокопревосходительство прикажете, только буду просить денегъ на подѣсь, а то мнѣ не съ чѣмъ въ дорогу собраться.

— А верховой конь у васъ есть?

— Какъ же, даже два.

— Ну, такъ садитесь верхомъ и поѣжайте; казакъ никакихъ подѣсовъ не полагается.

Конечно, Бакаловъ жестоко оскорбился, а на всѣхъ присутствовавшихъ такое обращеніе съ заслуженнымъ боевымъ человекомъ произвело непріятное впечатлѣніе.

Но оригинальнѣе всего что послѣ такого отвѣта самъ же Н. Н. Муравьевъ сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ, выставилъ въ лучшемъ свѣтѣ заслуги Бакалова и ходатайствовалъ о награжденіи его единовременнымъ пособіемъ въ пять тысячъ рублей, что и было исполнено. Къ чему же этотъ столь рѣзкій и неумѣстный въ отношеніи къ генералу отвѣтъ, въ присутствіи множества постороннихъ лицъ и вѣсколькихъ конныхъ офицеровъ и даже казаковъ?...

Войдя въ домъ занятый главнымъ мѣстнымъ начальникомъ и увидавъ въ одной комнатѣ вѣсколько персидскихъ ковровъ, Николай Николаевичъ обратился къ генералу Врангелю съ вопросами:

— Что это ковры казенные?

— Да-съ, казенные.

— Ну и вѣрно особый смотритель для нихъ полагается!

— Нѣтъ-съ, не полагается.

Вопросы были съ ироніей, а отвѣты съ раздраженіемъ тѣмъ болѣе естественнымъ что ковры были заведены еще предвѣстникомъ барона и онъ не могъ отвѣчать за дѣйствія другаго, еслибы дѣйствія были даже и самыя противозаконныя, чего уже никакъ нельзя было сказать о нѣсколькихъ коврахъ приобретенныхъ на деньги отпущенныя для мебелировки казеннаго дома.

Должно-быть эти злополучныя ковры и десятокъ горшковъ съ красивыми комнатными растеніями особенно возмутили спартавскія наклонности генерала Муравьева, ибо на другое утро адъютантъ его, Клавдій Ермоловъ, показалъ намъ письмо Муравьева къ его отцу, Алексѣю Петровичу, въ Москву, надѣлавшее въ свое время столько шума и вызвавшее рѣзкій отвѣтъ одного изъ кавказскихъ офицеровъ. Письмо это и отвѣтъ на него были въ послѣдствіи напечатаны въ *Русской Старинѣ*. Главное содержаніе письма было упрекъ Кавказской арміи за изысканность, за роскошь, за уладокъ ея духа, крайнія заботы о своихъ удобствахъ, причемъ проводилась параллель временамъ командованія Ермоловымъ, когда онъ въ 1818 году, при постройкѣ Грозной, жилъ въ землянкѣ, до сихъ поръ скромно стоящей во дворѣ *дворца*, „какъ упрекъ нынѣшнему времени“.

Я уже имѣлъ случай по поводу этого письма говорить на страницахъ *Русскаго Вѣстника*. (см. октябрь 1874 г.) и считаю не лишнимъ повторить здѣсь нѣсколько строкъ изъ этой статьи. Все это относится къ событіямъ которыхъ я былъ очевидцемъ и участникомъ, а слѣдовательно не имѣю повода выбрасывать ихъ изъ моихъ воспоминаній, тѣмъ болѣе когда они касаются такого выдающаго историческаго лица какимъ во всякомъ случаѣ останется Н. Н. Муравьевъ-Кавскій.

Нѣтъ сомнѣнія что знаменитое письмо было набросано подъ минутнымъ впечатлѣніемъ неудовольствія, а еще вѣроятнѣе — подъ вліяніемъ сильнаго предубѣжденія противъ управленія князя Воронцова, къ которому, какъ извѣстно, генералъ Муравьевъ питалъ личное нерасположеніе еще со временъ своего командованія 5мъ пѣхотнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ Новороссійскомъ генералъ-губернаторствѣ, гдѣ между Воронцовымъ и Муравьевымъ возникли

какія-то неудовольствія, кончившіяся двѣнадцатилѣтнею опалой послѣднего. Несомнѣнно также что въ послѣдствіи онъ долженъ былъ сожалѣть о злополучномъ письмѣ этомъ и особенно о его разглашеніи. Какъ человекъ умный, не могъ же онъ не созвать всей ошибочности выраженнаго въ немъ взгляда и, прямо говоря, всей безтактности хулить и увидать армію, во главѣ коей ему предстояло вести войну въ Турціи и покорить Кавказъ. Не помню, гдѣ и отъ кого слышался я что и самъ покойный Алексѣй Петровичъ Ермоловъ не одобрилъ письма Муравьева. Въ чемъ обвинялась Кавказская армія? Въ извѣженности, въ стремленіи къ удобствамъ, къ роскоши, въ упадкѣ духа и дисциплины. Никакихъ основаній къ подобному порицанію, брошенному въ лицо цѣлой арміи, не было. Развѣ съ такими извѣженными войсками можно было при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ или Кюрюкъ-Дара разбиты въ пять разъ сильнѣйшаго непріятеля? Развѣ такой походъ, какой совершилъ княземъ Аргутинскимъ въ 1853 году (о чемъ разказано мною выше) или такое пораженіе какое нанесено за три мѣсяца до пріѣзда генерала Муравьева при Исти-су Шамцлю шестью ротами Кабардинскаго полка, въ умнѣніи концы быть жертвами во фронтѣ Н. Н. сомнѣваюсь, могли быть совершены *изнѣженными, упавшими духомъ войсками*? Развѣ не баталіоны Кавказскихъ гренадеръ вынесли на своихъ плечахъ главнѣйшіе удары Карскаго штурма на глазахъ самого же Муравьева? Развѣ послѣ этой кровавой неудачи, не отъ нихъ зависѣвшей, они упали духомъ и не исполняли той замѣчательной блокады которая заставила Карсъ сдать на капитуляцію? Въ чемъ же новый главнокомандующій нашелъ источники для своихъ неблагопріятныхъ заключеній.

А этотъ указъ дворцамъ (въ сущности порядочнымъ домамъ) быть землянками, указъ прогрессивному движенію въ благоустройствѣ завоеваннаго края и въ бытѣ войскъ? Неужели генералъ Муравьевъ желалъ чтобы послѣ 37 лѣтъ истекшихъ со времени заложенія А. П. Ермоловымъ крѣпости Грозной (1818—1855) оставались землянки для командующихъ генераловъ и шалаши для офицеровъ и солдатъ? Не правильнѣ ли бы радоваться что въ дикомъ завоеванномъ краѣ возникло наконецъ прочное поселеніе съ удобными помѣщеніями, рядами лавокъ, значительнымъ числомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, что крѣпость обратилась въ городъ, а

сношенія съ туземцами уже не ограничивались одними перестрѣлками, но началось сближеніе торговое, мирное, привлекавшее многихъ Чеченцевъ селиться между Русскими и строить себѣ дома на европейскій образецъ. Если можно было сдѣлать справедливый упрекъ, то развѣ въ томъ что при такой массѣ построекъ и разныхъ заведеній никто не подумалъ устроить хоть одну школу, въ которой и русскіе и туземные мальчики могли бы получать начальное элементарное образованіе. Это былъ бы вполнѣ заслуженный нами упрекъ, и генералу Муравьеву представлялся прекрасный случай выказать на первыхъ же порахъ свой просвѣщенный взглядъ, распорядившись устройствомъ школы. Объ этомъ однако онъ и не подумалъ.

И почему, указывая на землянку Ермолова, генералъ Муравьевъ полагалъ выставить въ этомъ какую-то спартанскую черту въ бытѣ войскъ тѣхъ старыхъ временъ? При первомъ занятіи дикаго края, въ родѣ Чечни, войскамъ приходится невольно бивуакировать и жить въ землянкахъ и шалашахъ, что намъ приходилось испытывать и въ 1855 году, и послѣ этого. Занимая по мѣрѣ движенія впередъ въ непокорный край новые мѣста, мы также какъ и во времена Ермолова жили въ лалаткахъ-землянкахъ, мокли и забли въ отвратительной слякоти, или въ 15—20° морозы терпѣли всяческія лишения, изо дня въ день вели бой съ непріателемъ, сдѣлавшимся въ теченіе тридцати семи лѣтъ и дерзче, и опытнѣе, и слаченнѣе; мы вырубали громадныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ, строили крѣпости, станицы, на себѣ вытаскивали всякія тяжести, *голыми руками* сгребали грязь съ новопроложенныхъ дорогъ, безъ чего не было возможности провести не только артиллерию, но даже арбу съ сѣломъ... И когда казалось онымъ людямъ достигли уже крайняго сверхестественнаго напряженія (въ чемъ особенно даже старые Кавказцы бывало упрекали генерала Евдокимова), тѣ же изнуренные, вѣрѣдко полуголодные люди лѣзли по колѣно въ снѣгу или липкой грязи, переправлялись зимою въ бродъ черезъ Аргунъ и Суажу, и подъ выстрѣлами мѣткихъ винтовокъ взбирались на крутыя лѣсистыя высоты, овладѣвая ими съ бою! И все это дѣлалось просто, какъ вѣчто обыкновенное, безропотно. Говорю это какъ долголѣтній очевидецъ и участникъ этихъ подвиговъ мужества, терпѣнія и выносливости. Гдѣ же тутъ признаки изнѣжен-

ности, уладка духа и славныхъ преданій? Въ чемъ зло, которое генералъ Муравьевъ считалъ своимъ первымъ долгомъ искоренить и казнить? Въ томъ что вмѣсто землянокъ явились удобные дома, вмѣсто шалашей или деревянныхъ палатокъ—казармы, госпитали, вмѣсто однихъ сухарей и крулъ—огороды и заласы улучшенной пищи для войскъ? Что же бы оказалъ Муравьевъ теперь, когда въ отрасли устройства матеріальнаго быта войскъ дошли до отпуска ежедневно винной и мясной порцій, до консервовъ, чаю, морса, лимоновъ, и пр.? Но помѣшали ли всѣ эти „вѣжности“ войскамъ совершить такой походъ какъ въ 1873 году въ Хиву, или теперь черезъ Балканы?

Проведя въ Грозной сутки, главнокомандующій собрался выѣзжать на Терекъ чтобы почтовымъ трактомъ черезъ Владикавказъ ѣхать наконецъ въ Тифлисъ. Предъ выѣздомъ, въ залѣ „дворца“, выстроились всѣ начальники разныхъ частей войскъ, и Н. Н. Муравьевъ на прощаніи, послѣ нѣсколькихъ наставленій, все относительно расхода людей, сказалъ слѣдующее: „такъ вотъ, господа, мои требованія; *быть-можетъ я и ошибаюсь, но уже вы меня не разубьрите*; извольте подчиняться и исполнять“. Въ числѣ слушателей находился и я. Признаюсь, я былъ крайне удивленъ такимъ словомъ. Вмѣсто того чтобы сказать: „если я ошибаюсь, то разъясните мнѣ, разубѣдите меня“, такой умный человекъ вдругъ говорить: „я такъ хочу—и basta“! А не прошло нѣсколько дней и онъ же во Владикавказѣ, выслушавъ докладъ о расходахъ людей въ Навагинскомъ и Тевгинскомъ полкахъ, совершенно тождественныхъ съ тѣми противъ которыхъ онъ возставалъ, сказалъ докладывавшему: „еслибы мнѣ всѣ такъ правдиво докладывали дѣла, то я, конечно, былъ бы избавленъ отъ многихъ ошибокъ“. Прекрасно: и это вполнѣ обнаруживаетъ и умъ, и благородство взглядовъ. Но кто же виноватъ что Н. Н. Муравьевъ въ десяти мѣстахъ не давалъ никому возможности откровенно, безъ трепета предъ грознымъ начальникомъ, высказать сущность дѣла, а только во Владикавказѣ удостоилъ спокойно, безъ предубѣжденій, выслушать адъютанта генерала Козловскаго, подполковника Клингера, тогда какъ до того времени не хотѣлъ спокойно выслушивать начальника дивизіи, да еще такой безукоризненной правдивости человека [какъ баронъ Врангель, который и самъ былъ изъ числа тѣхъ начальниковъ что весьма строго относились къ неправильнымъ расходамъ людей?

Въ двадцати верстахъ отъ Грозной, въ укрѣпленіи Горячеводскомъ, занятомъ ливейнымъ баталіономъ, главнокомандующій приказалъ ударить тревогу, желая удостовѣриться всѣ ли люди явятся на сборное мѣсто. Когда роты построились, Муравьевъ послалъ своихъ адъютантовъ по всемъ хатамъ и казармамъ осмотрѣть не остался ли кто дома. Бывшій тутъ же полковникъ Мейеръ, начальникъ штаба казачьяго войска, совсѣмъ лостороннее лицо, изъ желанія прислужиться тоже поскакалъ и чрезъ нѣсколько минутъ съ торжествомъ притащилъ найденнаго въ какой-то лачугѣ солдата, помертвѣвшаго отъ страха. По собраннымъ тотчасъ справкамъ оказалось что солдатъ только на двѣхъ выписавъ изъ госпиталѣ послѣ тяжелой болѣзни и по требованію медика освобожденъ на нѣкоторое время отъ служебныхъ обязанностей для укрѣпленія въ силахъ. Объ этомъ баронъ Врангель тутъ же доложилъ главнокомандующему, не принявшему однако этого въ разсудъ и приказавшему наказать солдата. Подобало ли это главнокомандующему, и какое впечатлѣніе должно было произвести на войска такая жестокость, да еще несправедливая?...

Изъ Тифлиса главнокомандующій послалъ военному министру подробное извѣщеніе о своей поѣздкѣ и ея результатахъ. Бумага эта произвела въ Петербургѣ необычайный эффектъ, все въ ней изложенное было признано весьма дѣльнымъ, многія высшія военныя лица добивались въ Военномъ Министерствѣ достать копию, и проч. Чрезъ много лѣтъ послѣ случилось и мнѣ прочитать этотъ документъ, изъ котораго, оставивъ въ сторонѣ всѣ подробности, главнѣйшій выводъ былъ тотъ что генералъ Муравьевъ нашелъ на Кавказской линіи несоразмѣрно большое число войскъ, тогда какъ за Кавказомъ въ нихъ чувствовался значительный недостатокъ. Поэтому онъ нашелъ нужнымъ скомбинировать такія распоряженія вслѣдствіе коихъ оказалась возможность двинуть за Кавказъ 8 баталіоновъ; 3 Донскіе казачьи полка и двѣ артиллерійскія батареи. Результатъ, положимъ, немаловажный, но для достиженія его вовсе не требовалось никакихъ особенныхъ соображеній, которыя поражали бы необычайностью и доказывали что предвѣстникъ Муравьева, князь Воронцовъ, или даже временно послѣ него завѣдывавшій краемъ Реадъ не могли додуматься до того же. Дѣло въ томъ что въ 1854 году, для сближенія съ

дѣйствовавшими на Кавказѣ войсками ихъ резервовъ, составившихъ при тогдашней организаціи арміи совершенно отдѣльныя, кавказскому начальству не подчиненныя части, была придвинута изъ Таганрога и его окрестностей Кавказская резервная дивизія, состоявшая изъ шестыхъ баталіоновъ каждаго полка, имѣвшихъ свое прямое назначеніе въ образованіи рекрутъ и отсылкѣ ихъ подготовленными въ полки. Затѣмъ, въ виду коалиціи грозившей Россіи, были сформированы еще и седьмые, запасные баталіоны, образовавшіе особую запасную дивизію съ тою же цѣлью подготовленія рекрутъ и пополненія убыли въ дѣйствующихъ войскахъ. И резервная, и запасная дивизіи были расположены на Кавказской линіи какъ для болѣе удобнаго размѣщенія по русскимъ деревнямъ и казачьимъ станицамъ, что давало имъ возможность спокойно заниматься своею спеціальностью, фронтовыми ученіями, такъ, и это еще важнѣе, для болѣе легкаго и дешеваго ихъ продовольствія, ибо провіантъ, обходившій на Кавказѣ въ 7—8 руб. четверть, за Кавказомъ на театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ доходилъ до 25—30 руб. за четверть! Вмѣстѣ съ тѣмъ резервные баталіоны, какъ уже болѣе подученные, расположены были ближе къ мѣстамъ, входившимъ въ сферу дѣйствій непокорныхъ горцевъ за Кубанью и Терекомъ, служили некоторымъ образомъ и усиленіемъ средствъ обороны противъ нихъ, средствъ ослабленныхъ движеніемъ отсюда нѣсколькихъ баталіоновъ въ Турцію. Такимъ образомъ, обѣ эти дивизіи, изъ коихъ первая, резервная, не могла считаться достаточно боевою, а вторая и вовсе къ тому неспособная, имѣли свое спеціальное назначеніе, измѣнить которое могъ только главнокомандующій, облеченный обширною властью и могущій брать на свою отвѣтственность рѣшительныя распоряженія, сопряженныя къ тому же съ весьма значительными затратами казны. Князь Воронцовъ, оставившій край въ мартѣ 1851 года, до прибытія резервной и сформированія запасной дивизіи, само-собою ничего въ отношеніи ихъ и не могъ сдѣлать, а мало знакомый съ краемъ генералъ Реадъ, какъ калифъ на часъ, не могъ рѣшиться на такого рода распоряженія, тѣмъ болѣе что обезпеченіе сѣвернаго Кавказа и свободнаго по всемъ пути сообщенія съ Россіей не могло не считаться даже важнѣе лишней побѣды надъ Турками въ Азіи, гдѣ и съ

бывшими уже тамъ войсками Андрониковъ и Бебутовъ одержали четыре блистательныя побѣды. А весь 1854 годъ попытки Шамиля перейти въ серьезное наступленіе, хотя и терпѣвшія неудачи, давали однако поводъ допускать что онъ будетъ улотреблять дальше большія усилія, и при малѣйшемъ успѣхѣ можетъ поставить насъ въ крайне критическое положеніе.

Новый главнокомандующій, пріѣхавъ въ началѣ 1855 года и убѣдившись что опасенія относительно Шамиля преувеличены, нашелъ возможнымъ взять восемь резервныхъ баталіоновъ за Кавказъ, прибавивъ къ нимъ и три Донскіе полка съ частію артиллеріи прибывшихъ на Кавказскую линію тоже лишь въ 1854 году, со спеціальнымъ назначеніемъ усилить оборону противъ горцевъ, такъ какъ мѣстные казаки выслали много людей на театръ войны въ Турцію. Эти восемь баталіоновъ простояли впрочемъ все время кампаніи въ окрестностяхъ Тифлиса въ видѣ резерва, и на слѣдующій годъ возвратились опять на линію; продовольствіе ихъ обошлось тамъ втрое дороже.

Кромѣ того генераль Муравьевъ приказалъ сдѣлать еще нѣкоторыя измѣненія дислокаціи мѣстныхъ войскъ, то-есть линейныхъ баталіоновъ, передвинувъ въ одномъ мѣстѣ двѣ роты, въ другомъ одну изъ ихъ постоянныхъ квартиръ на передовыя линіи. Подобныя передвиженія опять-таки могъ совершить своею властью лишь главнокомандующій, да и особое значеніе, въ случаѣ наступленія серьезныхъ обстоятельствъ, они едва ли могли имѣть.

Въ той же бумагѣ главнокомандующій указалъ на два обстоятельства, по его мнѣнію, весьма вредно вліявшія на положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Во первыхъ, на слободки женатыхъ солдатъ при разныхъ крѣпостяхъ и штабъ-квартирахъ, принужденныхъ расходовать лишнихъ людей для ихъ прикрытія, для разныхъ построекъ, и проч.; во вторыхъ, на переводъ драгунскаго полка изъ его прежней квартиры Караагачъ въ Дагестанъ, переводъ который, лишивъ Лезгинскую линію кавалеріи, усилить тамъ набѣги горцевъ и поставилъ эту часть края въ постоянно опасное положеніе.

Въ обоихъ этихъ взглядахъ Н. Н. Муравьева очевидно недостаточное знакомство съ мѣстными условіями края. Постараюсь показать это въ самыхъ краткихъ общихъ чертахъ, достаточныхъ однако для всякаго хорошо знако-

наго съ Кавказомъ чтобъ убѣдиться что я не наобумъ рискую обсуживать взгляды такого авторитетнаго дѣятеля.

Что касается слободокъ женатыхъ солдатъ, то достаточно сказать что мы на Кавказѣ воевали не для того чтобъ *разбить непріятеля* и уйти затѣмъ восволси; мы *завоевывали* край населенный дикими воинственными горами-мусульманами, и колонизація его русскими поселеніями была единственная мѣра, дававшая возможность и прочно въ немъ утвердиться, и превратить его не въ постоянный военный лагерь, а въ часть Имперіи подлежащей полной ассимиляціи съ нею. Главными поселеніями были казачьи станицы; но онѣ, по особымъ условіямъ казачьихъ войскъ, не вездѣ могли быть размѣщаемы; для нихъ нужны были большія пространства удобныхъ земель, которыя давали бы имъ средства жить и служить вполнѣ на свой счетъ. Слободки же семейныхъ солдатъ ютились на ограниченныхъ пространствахъ и были вполнѣ довольны, имѣя огороды и возможность прокормить нѣсколько коровъ. А между тѣмъ пользу они приносили и ближайшимъ къ нимъ частямъ войскъ, обреченнымъ на вѣчное бивуакированіе среди враждебнаго азіатскаго населенія. Изъ нихъ выдѣлялась также часть людей въ образовавшіяся исподоволь новыя казачьи станицы, для чего однихъ коренныхъ казаковъ оказывалось недостаточно. Были даже такія станицы гдѣ большинство казаковъ состояло изъ перечисленныхъ женатыхъ солдатъ; въ самой Грозной, напримѣръ, вся слободка была обращена въ казаковъ, и составляла такую лихую сотню что ни предъ какою старою прославленною казачьею дружиною краснѣть ей не приходилась. Эта сотня послужила ядромъ, изъ котораго образовался послѣ цѣлый второй Сузженскій казачій полкъ, съ честью солерничавшій и съ первымъ Сузженскимъ (Слѣпцовскимъ), и съ Гребенскимъ полками. Князь Воронцовъ, не держась исключительво точекъ зрѣнія корпуснаго командира, а руководствуясь болѣе широкими взглядами государственнаго человѣка, на противъ, покровительствовалъ и образованію слободокъ, и всякимъ постройкамъ торговыхъ, промышленныхъ заведеній, основательно считая упроченіе этимъ путемъ нашего обладанія краемъ болѣе прочнымъ чѣмъ однимъ оружіемъ. Вызывавшіяся этимъ нѣкоторыя неудобства для фронтовыхъ цѣлей, или нѣкоторыя лишнія затраты окупались

выгодами, плоды коихъ должны были выказаться въ будущемъ; и онъ не ошибся: безъ подобныхъ мѣръ мы и теперь еще стояли бы лагеремъ на Кавказѣ. Что при этихъ случаяхъ бывали и злоупотребленія — несомнѣнно, но гдѣ же и когда совершали люди что-нибудь безъ этой язвы, присущей большинству, и при томъ не въ одной только Россіи? Нельзя же, какъ Нѣмцы говорятъ, *das Kind mit dem Bade ausschütten*, то-есть вмѣстѣ съ грязною водою выбрасывать то что въ ней мылось.

Перехожу ко второму пункту — лишенію Лезгинской линіи кавалеріи вслѣдствіе перевода отсюда драгунскаго полка и возникшей отъ этого опасности. Тутъ незнакомство съ мѣстными событіями и условіями выступаетъ еще рѣзче. На такъ-называемой Лезгинской линіи, то-есть на Алазанской долианѣ, опасности отъ набѣговъ горцевъ усилились съ 1844 года вслѣдствіе измѣны и бѣгства къ Шамилю Элисуйскаго султана Даниель-Бека. Кавалерія для предотвращенія этихъ набѣговъ, расположенная въ урочищѣ Караагачъ или Царскихъ Колѣдцахъ, никогда никакой пользы принести не могла, потому что отсюда до мѣста гдѣ можно было ожидать нападений отъ пятидесяти и до ста и болѣе верстъ, за неимѣніемъ тогда телеграфа, извѣщать кавалерію приходилось чрезъ нарочныхъ, и при возможнѣйшей быстротѣ она могла бы послѣть къ угрожаемому пункту въ двое, трое, даже четверо сутокъ; но горцы никогда не были такъ глупы чтобы ждать прибытія нашихъ войскъ. Они напали внезапно на слабо или вовсе не защищенныя мѣстности и съ быстротой исчезали въ горныя трущобы, гдѣ кавалерія преслѣдовать ихъ не могла, еслибы даже и послѣла вовремя. Расположить же кавалерію на самой линіи предгорій хребта не представлялось возможности, потому что тамъ нигдѣ нѣтъ покосныхъ мѣстъ, а таковыхъ для десятиэскадроннаго драгунскаго полка требовалось не мало. Покупкой же фуражъ доставался съ трудомъ въ небольшихъ количествахъ для нѣсколькихъ сотенъ казаковъ разбросанныхъ по линіи и обходилась отъ пятидесяти до семидесяти рублей за пудъ—для сороковыхъ годовъ цѣна неимовѣрная. До какой степени вся эта мѣстность не составляла поля кавалерійской дѣятельности, видно изъ того что если иногда и требовали часть драгунъ для участія въ военныхъ

дѣйствіяхъ, то *плѣнными*,—такъ было въ 1845 году въ отрядѣ генерала Шварца,—а въ 1844 году при возмущеніи султана драгуны хотя и прибыли конные, но вся ихъ работа ограничилась тѣмъ что ихъ *спѣшили* и послали на штурмъ главнаго завала.... Такимъ образомъ князь Воронцовъ совершенно правильно оцѣнилъ бесполезность присутствія въ этой мѣстности единственнаго на Кавказѣ регулярнаго кавалерійскаго полка, и перевелъ его въ Чиръ-юртъ, откуда онъ могъ удобно передвигаться и въ Дагестанъ, и на лѣвый флангъ Кавказской линіи, главнаго театра тогдашнихъ военныхъ наступательныхъ дѣйствій. Это и было въ началѣ 1846 года.

Еще лучше. Въ 1854 году, когда Шамиль самъ предпринялъ съ громаднымъ полчищемъ движеніе къ Кахетіи, въ распоряженіи начальника Лезгинской линіи былъ дивизионъ драгунъ, нѣсколько сотень казаковъ и конная артиллерія: слѣдовательно, по взгляду генерала Муравьева, линія была обезпечена. И что же? Именно въ это время горцы и совершили одинъ изъ самыхъ небывалыхъ въ дѣтописяхъ Кахетіи дерзкихъ набѣговъ, рискуя переправиться за Алазанъ на Тифлисскую почтовую дорогу и напастъ на селеніе Цивондалы, уведя въ плѣнъ семейство князя Чавчавадзе и много жителей! Кавалерія была въ это время расположена около крѣпости Закаталь, гдѣ начальникъ линіи держалъ ее въ убѣжденіи что непріятель вѣрнѣе всего сдѣлаетъ нападеніе къ сторонѣ Элисуійскаго владѣнія и Нухиискаго уѣзда, какъ населенныхъ мусульманами. Разчетъ, хоть и вполнѣ основательный, оказался однако невѣрнымъ: непріятель двинулся въ противоположный конецъ линіи, и пока до Закаталь дошло объ этомъ донесеніе съ нарочнымъ, полка кавалерія прошла верстъ восемьдесятъ по 40° жарѣ, непріятели со всею добычей и плѣнными слѣдъ исчезъ.... Вотъ и кавалерія на самомъ мѣстѣ, а не въ Караагачѣ, о которомъ упоминалъ Н. Н. Муравьевъ, а дѣло отъ этого ни чуть не выиграло, и дорогое ея содержаніе оказалось безплоднымъ.

Вообще во взглядахъ генерала Муравьева нельзя не замѣтить странной двойственности: все что касалось войны въ Малой Азіи носило слѣды обдуманности; видна была опытная рука военачальника; но гдѣ затрогивался собственно Кавказъ, тамъ положительно оказывались узкость взгляда и весьма слабое знакомство съ дѣломъ и мѣстными обстоятельствами. Ему слѣдовало бы съ пріѣздомъ на Кавказъ

всецѣло отдаться заботамъ о предстоявшей ему задачѣ подъ Карсомъ и вообще противъ Турокъ, оставивъ остальное все пока *in statu quo*, а ужъ послѣ войны, ознакомившись предварительно съ дѣлами и личнымъ осмотромъ съ краемъ, начать составленіе соображеній собственно по кавказскимъ дѣламъ. Тогда онъ едва ли владалъ бы въ тѣ противорѣчія и ошибки которыя вызвали къ нему почти всеобщее нерасположеніе и даже были поводомъ его отозванія. Должно думать что именно предубѣжденіе противъ своего предмѣстника, заранѣе составленное понятіе о крайнихъ беспорядкахъ и злоупотребленіяхъ, будто бы царствовавшихъ на Кавказѣ, были поводомъ избраннаго новымъ намѣстникомъ образа дѣйствій, въ ошибочности коего, нѣтъ сомнѣнія, онъ и самъ въ послѣдствіи долженъ былъ сознаться.

Возвращаясь къ прерванному разказу, прошу у свископительныхъ читателей извиненія за давнинее отступленіе, за которое меня тѣмъ болѣе могутъ упрекать что оно не относится къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ. Совершенно справедливо. И еслибы читатель зналъ, какъ при воспоминавіяхъ о Кавказѣ, объ этомъ дорогомъ намъ, всѣмъ Кавказцамъ, краѣ, дорогомъ по картинамъ чудной природы, по прожитой лучшей порѣ жизни, по поэтической, увлекательной эпохѣ войны, какъ трудно удержаться отъ того чтобы не говорить обо всемъ Кавказа, его исторіи, его дѣятелей касающемся!... Вѣдь время бѣжить и

Каждый малюшка взмахъ

Часы минутной жизни косить....

Ну и торопиться высказать что знаешь: а зось пригодится матеріаломъ для грядущаго историка, который мастерскою кистью набросаетъ грандіозную картину семидесятилѣтняго періода (1794—1864) борьбы для завоеванія Кавказа.

Проводивъ наконецъ главнокомандующаго изъ района лѣваго флага линіи, нашъ генераль возвратился домой. Баронъ былъ очевидно крайне раздраженъ и недоволенъ. Мы, состояшіе при немъ, предчувствовали что онъ уже не хочетъ оставаться долѣе на Кавказѣ, и само собою были крайне опечалены такою перспективой. Какъ извѣстно, рѣдкій новый начальникъ оставляетъ при себѣ свиту своего предмѣстника, а привозитъ своихъ приближенныхъ людей. Тѣмъ болѣе мнѣ, какъ не занимавшему опредѣленнаго штатнаго

вѣста, притомъ числившагося въ Дагестанскомъ полку, расположенномъ въ при-Каспійскомъ краѣ, подчиненномъ другому начальству, скорѣе всего слѣдовало ожидать остракизма. Повеваѣ умыиіе стало закрадываться въ душу и опять началась забота о будущемъ. Но пока на просьбу барона Врангеля объ увольненіи въ отпускъ съ отчисленіемъ отъ должности долго не получалось разрѣшенія, мы стали по-прежнему успокоиваться, надѣясь авось гроза пройдетъ мимо.

Потекла опять наша жизнь своимъ порядкомъ въ легкихъ служебныхъ занятіяхъ, въ разныхъ спеціально кавказскимъ военнымъ требамъ тогда свойственныхъ удовольствіяхъ и въ мечтахъ о наградахъ за зимнюю экспедицію. Въ этомъ, впрочемъ, намъ пришлось скоро разочароваться: генералъ Муравьевъ оказался также врагомъ щедрого награжденія войскъ и, вмѣсто щедрости, доводилъ свою систему почти до совершеннаго отказа въ наградахъ.

Вскорѣ мы узнали о кончинѣ императора Николая Павловича и присягали царствующему нынѣ Государю. Затянувшаяся дѣла подѣ Севастополемъ, вмѣстѣ съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, производила какое-то неопредѣленное, тоскливое впечатлѣніе; но какъ я уже говорилъ, мы, тогдашніе молодые офицеры, какъ-то не очень задумывались надъ дѣлами не близко насъ касавшимися и вообще не унывали, утверждая что Россія въ концѣ-концовъ выйдетъ изъ борьбы съ торжествомъ...

Прошелъ весь мартъ мѣсяцъ, насталъ и апрѣль, но вопросъ объ увольненіи барона Врангеля оставался неразрѣшеннымъ, и мы еще болѣе успокоились, какъ вдругъ въ одно утро я былъ потребованъ къ барону. Прихожу, и онъ передаетъ мнѣ письмо къ нему изъ Тифлиса отъ начальника артиллеріи, генерала Бриммера, съ приказаніемъ прочесть и написать *отрицательный* отвѣтъ. Письмо писанное по порученію главнокомандующаго заключало въ себѣ убѣдительную просьбу забыть неудовольствіе вызванное замѣчаніями, быть-можетъ и неосновательными, но вполнѣ извинительными новому начальнику, не услѣвшему ознакомиться со своими подчиненными, и взять назадъ прощеніе объ увольненіи отъ должности, пожертвовавъ личнымъ самолюбіемъ пользѣ службы. Грустно было мнѣ исполнить полученное приказаніе, тѣмъ болѣе что письмо дышало искреннѣйшимъ расположеніемъ генерала Бриммера, извѣст-

наго своею честною прямою, и доказывало желаніе Н. Н. Муравьева загладить несправедливость въ отношеніи барона, — черта во всякомъ случаѣ прекрасная и смягчавшая установившееся къ нему нерасположеніе. Баронъ Врангель не убѣдился однако доводомъ Бриммера, и вмѣстѣ съ самою душевною признательностью за его дружеское расположеніе отъ намѣренія оставить Кавказъ не отказался... Всѣ надежды наши окончательно рушились, и мы стали ждать новаго начальства.

Между тѣмъ свѣдѣнія получаемыя съ непріятельской стороны извѣщали что Шамиль настойчиво увѣряетъ горцевъ что дѣла наши въ Турціи идутъ скверно, что почти всѣ войска двинулись туда, а въ Чечнѣ никого не осталось за исключеніемъ гарнизоновъ, что скоро наступитъ часъ ихъ торжества; и такъ далѣе. А пока онъ приказывалъ всемъ бѣжавшимъ зимою съ мѣстъ своего жительства чеченскимъ семействамъ опять возвращаться на старыя пелелища по Джалкъ и Шавдону.

Чтобы разоблачить ложныя увѣренія и обнадеживанія имама, а главное не допустить Чеченцевъ вновь поселиться въ разоренныхъ нами зимою аулахъ, баронъ Врангель собралъ небольшой отрядъ изъ десяти ротъ пѣхоты, двадцати сотенъ казаковъ при 8ми орудіяхъ, и 16го апрѣля мы двинулись знакомымъ путемъ черезъ Аргунъ на Элыдырханъ и расположились на обширной полянѣ бивуакомъ. Ночью чеченскій наибъ Талтъ вывезъ два орудія и поставилъ ихъ за ближайшимъ мѣстомъ, открывъ по намъ лагерь, послѣдствіемъ коей была потеря двухъ-трехъ человекъ и нѣсколькихъ лошадей. Приказано было кавалеріи, подъ начальствомъ командира Моздокскаго казачьяго полка подполковника Едлинскаго, скрытно обойти лѣсъ и внезапною атакой постараться захватить непріятеля съ его орудіями. Дѣло однако не удалось, кавалерія наткнулась на предусмотрительнаго непріятеля, завязалась довольно жарка перестрѣлка, стоившая намъ убитыми одного офицера и двухъ казаковъ, да нѣсколько человекъ ранеными.

На другой день, убѣдившись въ совершенномъ отсутствіи кругомъ травы или какихъ-нибудь зайасовъ фуража, отрядъ вынужденъ былъ отступитъ, избравъ для этого другой путь къ Дахинъ-Ирзадской переправѣ черезъ Сунжу. Горцы получившіе вѣдѣствіе распространившейся тревогъ

значительныя подкрѣпленія съ двумя пушками пресѣдывали насъ, и довольно настойчиво, при переправѣ; но атакованные нашими казаками были прогнаны, и затѣмъ мы 18го числа благополучно возвратились въ Грозную. Это незначительное движеніе достигло однако главной цѣли, показавъ неприятелю что мы довольно сильны для борьбы съ нимъ, и во всякомъ случаѣ поселеніе на старыхъ мѣстахъ не удастся ему совершить безнаказанно. Съ домыслиями объ этомъ въ Тифлисъ былъ посланъ адъютантъ барона Врангеля, Зазулевскій, а въ Ставрополь къ командирующему войсками на всей Кавказской линіи а.

Живо помню я поѣздки эту со всеми малѣйшими ея подробностями, хотя уже и прошло съ тѣхъ поръ болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Удивительно, въ чемъ въ молодости можно находить удовольствіе! Я чуть не съ восторгомъ принялъ командировку, отъ которой никакого другаго удовольствія и результата нельзя было ожидать кромѣ убійственной скачки на перекладныхъ, на разстояніи 850 верстъ до Ставрополя и обратно, по самой отвратительной грунтовой дорогѣ, кромѣ неизбежной боли въ спинѣ, сотрясенія всего организма, бессонницы и разныхъ вредныхъ послѣдствій для здоровья. И вѣдь сколько разъ совершалъ я такіа скачки, сколько разъ подвергалъ себя такой добровольной пытке! Какъ вспомнишь теперь, никакъ не удержишься сказать себе: фу, какой же я былъ дуракъ.

Первыя тридцать верстъ до переправы черезъ Терекъ пришлось ѣхать тихо, съ лѣйшимъ конвоемъ; но за то, перѣѣхавъ рѣку и усѣвшись на курьерскую тройку, я повесился сумашедшимъ образомъ и остальные около четырехъ сотъ верстъ сдѣлалъ съ небольшимъ въ сутки. Погода стояла великолѣпная, весенняя, все кругомъ въ степи зеленѣло, все кругомъ гладѣло какъ-то такъ мирно, такъ рѣзко не походило на Дагестанъ и Чечню! Даже какъ-то странно казалось что въ Крыму лилась кровь героическихъ защитниковъ Севастополя, въ Азіатской Турціи уже сдвигались къ Карсу войска въ ожиданіи новыхъ битвъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, наконецъ, въ Чечнѣ не дальше какъ вчера еще шла стрѣльба, падали люди, а тутъ какая-то невозмутимая тишь: лаетутся десятками богомолки съ котомками къ Митрофанію въ Воронежъ, тянется обозъ чумаковъ, ѣдетъ какой-то деревенскій кулчикъ на сытомъ

конѣ въ долгушѣ, еле передвигая ноги движется обратная почтовая тройка со слящимъ въ телѣгѣ ямщикомъ. А моя тройка несется, колокольчики монотонно гудятъ въ ухахъ, толчки безжалостно колотятъ, спина воетъ отъ невозможности облокотиться, и при всемъ томъ воспаленные глаза смыкаются, какой-то неестественный тяжелый сонъ тянетъ голову квису, совершается какой-то болѣзненный процессъ галлюцинацій... Послѣ минутной дремоты откроются глаза, все окружающее представится смутно, какъ бы въ туманѣ, и опять заснешь, и опять взглянешь, какъ-то машинально скажешь „ну, валяй, валяй“, и опять уже слышь. Окончательное пробужденіе происходило у крыльца почтовой станціи, когда телѣга вдругъ остановится и раздастся громкій голосъ ямщика: „курьерскихъ!“

Въ Ставрополь я пріѣхалъ утромъ и прямо къ начальнику штаба генераль-майору Калгеру. Принялъ онъ меня весьма любезно, расспросилъ о подробностяхъ нашего движенія въ Чечнѣ, пригласилъ выпить у него чаю, послѣ чего вмѣстѣ отправиться къ командиру войсками. Чай былъ поданъ въ саду; молодая супруга недавно женившегося генерала въ роли хозяйки была очаровательна; сервировка, и леченія, и весь ensemble, при великолѣпномъ солнечномъ весеннемъ утрѣ, были такъ блестяще хороши что я, втянувшійся въ жизнь лагерную съ ея неказистой обстановкой, не могъ не любоваться и не подумать: вѣдь есть же такіе счастливыя на свѣтѣ!...

Пріѣхали къ командиру войсками. Генералъ Козловскій попросилъ начальника штаба прочитать домесеніе; затѣмъ расспросилъ у меня нѣкоторые подробности, выразилъ сожалѣніе объ оставленіи барономъ Браунгелемъ службы на Кавказѣ, вспомнилъ нѣсколько эпизодовъ проѣзда новаго главнокомандующаго по лѣвому флангу линіи, послужившихъ поводомъ неудовольствій и прибавилъ: „А вѣдь я, какъ, старался удержать барона отъ возраженій Николаю Николаевичу; вѣдь нельзя же, такъ, раздражать главнокомандующаго еслибъ онъ даже былъ и не совсѣмъ правъ, какъ. Теперь отдохните, какъ, отъ дороги, а въ три часа приходите къ намъ пообѣдать, какъ, а тамъ уже Александръ Христіановичъ (Калгеръ), какъ, распорядится насчетъ вашего обратнаго отправленія какъ, какъ“.

Я откланялся и отправился въ *Большой Лебедь* чтобы

скорѣе повалиться на сквернѣйшую койку и заснуть, а то я уже у командующаго войсками едва держался на ногахъ.

Къ тремъ часамъ явился я къ обѣду и былъ представленъ Аннѣ Васильевнѣ Козловской. И самъ Викентій Михайловичъ, и его супруга, были добрейшіе гостепріимные люди; его, стараго кавказскаго ветерана времени Ермоловскихъ, зналъ весь Кавказъ, послѣ женитьбы въ Москвѣ узнала не малая часть Москвы, а въ послѣдніе годы жизни въ Петербургѣ узналъ чуть не весь военный Петербургъ. Почтенный заслуженный былъ локобійный Викентій Михайловичъ, лихой боевой офицеръ, тилъ стараго кавказскаго офицера безъ страха и упрека, но съ ограниченнѣмъ образованіемъ. Командовалъ онъ Кабардинскимъ полкомъ, съ которымъ совершилъ знаменитую экспедицію въ 1845 году въ Дарго, и вынесъ на своихъ плечахъ ужасное отступленіе черезъ Ичкеринскій лѣсъ къ Шамхаль-Берды. Въ свое время любилъ покушать при военно-походной обстановкѣ, то-есть съ музыкой, лѣсенниками, выстрѣлами, качаніемъ, гамомъ и трескомъ. Вспоминаю по этому поводу даже анекдотъ. Участвовавшій въ 1845 году въ экспедиціи принцъ Александръ Гессенскій вздумалъ учиться по-русски и завелъ себѣ походный словарь. Услыхавъ однажды ночью въ лагерѣ лѣски, крики *ура*, гамъ, шумъ, онъ спросилъ у ординарца что это значитъ:

— Полковникъ Козловскій, гуляютъ-сь, ваше высочество. „Гуляютъ?“, принцъ бросился ко своему словарю. Каково же его изумленіе, когда онъ находитъ что гулять значитъ *se promener, s'razieren*. Какой страшный обычай гулять, то-есть прогуливаться при какихъ-то неистовыхъ крикахъ, лѣсяхъ, и пр.! Захотѣлось ему непремѣнно взглянуть на такое прогуливаніе и отправился онъ съ ординарцемъ къ палаткѣ Козловскаго, а тамъ его замѣтили и уже не выпустили пока принцъ не принялъ участія въ лиршествѣ, пока не осушилъ достаточнаго количества стакаловъ, пока не подвергся качаніямъ, вскидываніямъ, лобзаніямъ. Съ тѣхъ поръ онъ узналъ истинное значеніе слова „гуляеть“, и какъ только гдѣ-нибудь въ лагерѣ раздавались лѣски, шумъ, принцъ восклицалъ: „а, гуляйтъ, гуляйтъ!“, что доставляло ему большое удовольствіе.

Да, Викентій Михайловичъ Козловскій былъ таковъ, но само собою только до женитьбы, то-есть кажется до 1849—50 года; съ тѣхъ поръ, какъ семейный человекъ,

накомецъ дивизионный генералъ, онъ уже бросилъ традиціи стараго Кабардинца; остались при немъ однако всѣ его оригинальности, дававшія обильнѣйшій матеріалъ для самыхъ забавныхъ остротъ и анекдотовъ, главнымъ спеціальнымъ мастеромъ коихъ на Кавказѣ былъ упомянутый мною выше подполковникъ Іедлицскій.

Кромѣ забавной привычки безпрерывно вставлять въ свою рѣчь „такъ“ и „какъ“, я въ бытность въ Ставрополѣ не могъ не замѣтить не менѣе забавной черты какого-то идолопоклонства предъ всѣмъ аристократическимъ. Съ какимъ-то особымъ удовольствіемъ и даже гордостью указывалъ генералъ на своихъ двухъ адъютантовъ: графа Потоцкаго и графа Ржевускаго. (Какъ католикъ, генералъ Козловскій вѣроятно считалъ нужнымъ дать преимущество польской аристократіи, хотя самъ до мозга костей былъ обрусѣвшій человекъ и женатъ на Русской.)

На слѣдующій день обѣдалъ я у генерала Калгера, тоже одного изъ старыхъ кавказскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, о которомъ еще придется мнѣ болѣе подробно говорить въ послѣдствіи, а на третій, получивъ нѣсколько бумагъ, я откланялся ставропольскому начальству и поскакалъ назадъ въ Грозную. Здѣсь я засталъ уже извѣстіе что временно завѣдывать лѣвнымъ флангомъ назначается начальникъ Владикавказскаго военнаго округа генералъ-майоръ баронъ Вревскій. Это меня очень обрадовало потому что, какъ я уже разказывалъ въ началѣ моихъ воспоминаній, еще въ 1845 году баронъ Вревскій, будучи подполковникомъ генеральнаго штаба, пріѣзжалъ въ Тіонеты и тамъ узналъ меня въ качествѣ орудователя всѣхъ дѣлъ мѣстнаго окружнаго управленія. Вспомнивъ объ этомъ знакомствѣ, едва ли захочетъ гнать меня назадъ въ Дагестанъ, противъ желанія.

Вслѣдъ за мною возвратился изъ Тифлиса и адъютантъ Заулевскій съ весьма неодобрительными извѣстіями о встрѣченномъ тамъ пріемѣ. Въ прежнее время подобныя вѣстники хорошихъ военныхъ дѣлъ принимались весьма привѣтливо, объ удачной экспедиціи тотчасъ отдавался приказъ по арміи; кромѣ письменной благодарности главнокомандующаго начальнику отряда, высылались ему нѣсколько ескадронныхъ Георгіевскихъ крестовъ для раздачи наиболѣе заслуживающимъ и равнымъ, разрѣшалось войти съ представленіемъ объ отличившихся, и т. л. На этотъ

разъ ничего подобнаго не оказалось; напротивъ, замѣчавшій уѣхавшаго изъ края князя Бяратинскаго въ званіи начальника штаба генералъ-майоръ Индреніусъ отправилъ Заулевскаго назадъ съ какими-то замѣчаніями о напрасныхъ командировкахъ, или что-то въ этомъ родѣ, хорошенько не помню. Это была еще одна лишняя неприятность для барона Врангеля, еще одинъ лишній поводъ для крайняго всеобщаго неудовольствія противъ новаго режима. Мы узнали также что и за всю нашу зимнюю экспедицію ни на какія награды разчитывать нечего.

Конечно служить слѣдуетъ не изъ-за награды, а изъ-за обязанности исполнять свой долгъ, и проч. Все это очень хорошо въ теоріи, но плохо примѣнимо на практикѣ; а борьба съ установившимися въ войскахъ обычаями, къ тому же обычаями въ сущности безвредными, а государственныя пользы, а нравственности не нарушающими, безцѣльно и напрасно раздражаетъ. Было бы очень хорошо еслибы, напримѣръ, генералъ Муравьевъ обратилъ вниманіе на то чтобы награды не доставались преимущественно и всегда гораздо скорѣе и легче разнымъ протече, адъютантамъ назначаемымъ изъ Тифлиса „для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ“, и т. л., тогда какъ представленія о дѣйствительныхъ работникахъ, фронтовыхъ офицерахъ, сокращались до шівішши и хаживали по разнымъ мытарствамъ цѣлый годъ, пока наконецъ получалось разрѣшеніе; но совсѣмъ отказать въ наградахъ за цѣлый рядъ опасностей, трудовъ и лишеній похода въ суровую зиму, похода увѣчавшагося несомнѣннымъ полезнымъ результатомъ, — это было совершенно напрасное и несправедливое невниманіе къ войскамъ.

Въ первыхъ числахъ мая пріѣхалъ баронъ Вревскій, а черезъ нѣсколько дней, сдавъ ему управленіе и отказавшись отъ всякихъ торжественныхъ проводовъ, выѣхалъ изъ Грозной баронъ А. Е. Врангель, котораго я съ Заулевскимъ проводили до Терека. Съ грустью расстались мы съ начальникомъ рѣдкой доброты и деликатности, безо всякой надежды увидѣть его когда-либо опять на Кавказѣ.

Баронъ Вревскій объявилъ всѣмъ представившимся ему что онъ никакихъ перемѣнъ производить не намѣренъ, проситъ оставаться всѣхъ на своихъ мѣстахъ и продолжать служить при немъ также какъ и при баронѣ Врангелѣ. О

знакомствѣ со мною онъ вспомнилъ, и узнавъ что я занимаюсь у барона его перепиской не входившею въ прямую обязанность штаба, такъ-сказать полуофициальною, заявилъ желаніе чтобъ я дѣлалъ то же у него и оставался по возможности каждый день у него въ домѣ. А такъ какъ вмѣстѣ съ командоваемъ лѣвнымъ флангомъ за нимъ осталось и начальствованіе обширнымъ Владикавказскимъ округомъ, то дѣла оказалось вдвое, и мнѣ приходилось работать такъ порядочно, а еще болѣе развѣивать изъ Грозной во Владикавказъ и обратно, то съ нимъ, то одному. Вообще служба началась для меня весьма дѣятельная и разнообразная; я былъ ей чрезвычайно радъ потому что она давала мнѣ обильный запасъ всякихъ свѣдѣній, расширяла кругъ моихъ познаній въ военныхъ и административныхъ дѣлахъ края, наталкивала на много новыхъ знакомствъ съ разными частными начальниками и туземцами; однимъ словомъ была мнѣ очень полезна.

Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ человѣкъ образованный, умный, чрезвычайно энергическій, неутомимо дѣятельный, притомъ же достаточно знакомый съ Кавказомъ и мѣстными условіями. Но рядомъ съ этимъ обладалъ и крупными недостатками: фантазія его не знала предѣловъ; увлекаясь ею онъ никакъ не могъ отдѣлать ее отъ практической возможности исполненія; рѣшаясь безъ достаточно зрѣлаго обсужденія и совѣта съ опытыми людьми на дѣло, часто испытывалъ неудачи, въ которыхъ однако ни за что не хотѣлъ сознаться. Къ такъ-называемымъ вліятельнымъ туземцамъ былъ слишкомъ довѣрчивъ, а вообще къ подчиненнымъ относился какъ-то совершенно безучастно, даже съ отбѣнкомъ презрительности; онъ ни съ кѣмъ не былъ грубъ, не шумѣлъ, не ругался, замѣчанія дѣлалъ вовсе не въ какой-нибудь оскорбительной формѣ, а между тѣмъ не возбуждалъ къ себѣ симпатіи ни отдѣльных лицъ, ни еще болѣе войскъ, къ которымъ онъ обращался развѣ съ рѣдкимъ форменнымъ привѣтствіемъ, не выказывая заботливости или участія, что солдатами тотчасъ подмѣчается и весьма основательно оцѣнивается. Былъ умъ, были познанія, было достаточно энергіи и силы воли, но не проявлялось чувства; вызывалось невольное подозрѣніе въ крайнемъ эгоизмѣ. Такимъ по крайней мѣрѣ онъ казался мнѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ постоянныхъ близкихъ

къ нему отношеній. Я пользовался все это время его расположеніемъ и довѣріемъ, исполняя множество его разнообразныхъ порученій, кромѣ благодарности и преувеличенно лестныхъ похвалъ ничего отъ него не слышалъ, и не имѣю ни малѣйшаго повода набрасывать тѣнь на чело-вѣка павшаго геройскою смертію въ бою съ кавказскими дикарями. Я воздаю ему должное, но не считаю нужнымъ писать панегирики, скрывая недостатки свойственные каждому смертному. Заслуги барона Вревскаго въ теченіе пятнадцати лѣтъ на Кавказѣ несомнѣныя; имя его не исчезаетъ изъ лѣтописей Кавказской войны, а нѣсколько словъ, быть-можетъ впрочемъ и ошибочныхъ (я вѣдь ни нелогичности, ни авторитетности за собою не признаю), о его недостаткахъ, ни умаить его значенія не могутъ, ниже оскорбить его память.

Въ промежуткахъ письменныхъ замѣтій и разсѣздовъ между Грозной и Владикавказомъ, баронъ Вревскій производилъ экспромптомъ довольно рискованныя движенія въ Чечню чтобы тревожить непокорное населеніе, навесить ему возможный вредъ и не допускать укореняться убѣжденію въ нашемъ безсиліи, о чемъ Шамиль не переставалъ итъ твердить.

20го мая мы съ барономъ Вревскимъ изъ Грозной, а полковникъ Мищенко (командиръ Куринскаго полка) изъ Воздвиженской одновременно сдѣлали набѣгъ на аулъ Мискеръ-портъ, откуда, по свѣдѣніямъ лавутчиковъ, многіе Чеченцы желали переселиться къ намъ. При этомъ произошла довольно жаркая перестрѣлка, стоившая намъ двухъ убитыхъ и 39 раненыхъ, а переселилось подъ нашимъ прикрытіемъ 40 семействъ.

Вторая экспедиція была уже серьезнѣе, продолжительнѣе и памятна мнѣ особенно по неимовернымъ трудамъ съ которыми она была сопряжена для всѣхъ, но еще болѣе для насъ, двухъ-трехъ состоявшихъ при баронѣ Вревскомъ и безжалостно гоняемыхъ во всѣ стороны съ приказаніями.

10го іюля баронъ что-то особенно долго и внимательно изучалъ карту при помощи циркуля. Затѣмъ, поздно ночью, былъ призванъ жившій въ Грозной старшій Чеченецъ Саидъ, саужившій, намъ всегда проводникомъ, и переводчикъ офицеръ милиціи изъ Чеченцевъ же, Арцу Чермоевъ. Послѣ долгихъ разспросовъ и справокъ съ картой, рѣшено

было движеніе на слѣдующую ночь, и посланы приказанія войскамъ.

11го числа мы выступили, когда уже совсѣмъ смерклося, къ Аргуноу; параллельно съ нами другою дорогою должна была идти колонна подполковника Едлинскаго и сойдясь у рѣки вмѣстѣ переправиться. Отрядъ состоялъ исключительно изъ одной кавалеріи съ конными орудіями и предполагалось до прибытія другихъ колоннъ съ лѣхотой изъ крѣпости Воздвиженской, предъ разсвѣтомъ, врасплохъ, захватить часть чеченскаго населенія, рискнувшую таки послѣ апрѣльскаго движенія нашего съ барономъ Врангелемъ, прикочевать на старая лелелица, скосить траву и вывезти съю къ новымъ мѣстамъ, гдѣ въ лѣсныхъ чащахъ не было возможности заготовить кормъ для скота. Затѣмъ идти на встрѣчу лѣхотѣ и по соединеніи всему отряду двинуться на рѣку Басъ для истребленія ауловъ и сплошныхъ посѣвовъ кукурузы—главнаго продукта продовольствія въ Чечнѣ.

Мнѣ уже случалось какъ-то говорить о неудобствахъ и рискованности ночныхъ движеній. Никогда я такъ не убѣждался въ этомъ какъ именно въ этотъ разъ. До Аргуна мы доѣхали безъ особыхъ приключеній; ночь была хоть и безлунная, но не особенно темная. Прибывъ къ переправѣ мы прождали напрасно около часу колонну Едлинскаго. Съ коней не слѣзали, дремота одолевала сильно и подъ шумъ быстрого потока большинство клевало носомъ. Баронъ Вревскій вдругъ обращается ко мнѣ: „Поручикъ Зиссерманъ, поѣзжайте разыщите куда дѣвался Едлинскій“.—Слушаюсь.—Поворотилъ я коня назадъ и въ сопровожденіи своего вѣстового казака пускаюсь влѣтъмахъ въ неизвѣстное пространство. Положеніе самое неудобное какое только себѣ представить можно: куда ѣхать, когда даже дорогу видѣть нельзя и въ странѣ гдѣ за каждымъ камнемъ, за каждымъ кустомъ, могутъ преспокойно сидѣть нѣсколько Чеченцевъ, скрытно слѣдящихъ за движеніемъ отряда?.. Проѣхалъ я версты двѣ; ничего не видно и за все еще раздающимся шумомъ рѣки ничего другаго не слышно. Постояли мы съ казакомъ минутъ съ десять, ставовится жутко... Рѣшились проѣхать еще съ полверсты, боясь не попасть послѣ и къ рѣкѣ назадъ. Вслушиваемся—какіе-то звуки, ближе, слава Богу, грохотъ орудійныхъ колесъ! Наконецъ

подъѣзжаетъ наша кавалерія, я вглядываюсь и узнаю по бѣлой палахъ Геддицкаго.

— Албертъ Артуровичъ, ради Бога скорѣе; баронъ ужасно сердится что васъ вѣтъ и послалъ меня размокать васъ.

— О то, пусть себѣ сердится, а мы по вѣчамъ безъ проводника дорогу находимъ съ трудомъ.

Нужно слышать тояъ, выговоръ и ударенія рѣчи Геддицкаго чтобы понять весь юморъ и сарказмъ его словъ; на бумагѣ передать это почти невозможно.

Какъ только мы подъѣхали къ переправѣ, баронъ Вревскій уже отправился впередъ, и мнѣ стоило большаго труда пробраться среди тысячи полусонныхъ казаковъ, толкавшихъ и ругавшихъ меня безжалостно, не видя влечь офицера и сердясь на производящаго беспорядокъ и лѣзущаго впередъ. Наконецъ я таки добрался впередъ и доложилъ что Геддицскій присоединился и идетъ въ аррьергардъ, а опоздалъ потому что съ трудомъ нашли дорогу.

Пройдя нѣсколько верстъ рѣдкокошьею мнѣ втянулись въ чащу; тропинка позволяла идти только въ одинъ конь, темень одѣлалась такая что не по пословицѣ „*ломъ глаза выколѣи*“, а буквально „*выкалывай глаза*“, ибо вѣтви хлестали въ лицо, царапали до крови; всякъ старался закрывать глаза рукой отъ невидимой опасности, палахъ и фуражекъ было потеряно не мало... Наконецъ всѣ сошли съ коней, двигаться уже не было никакой возможности, отрядъ очутился какъ бы въ *жалницѣ*. Баронъ Вревскій сердился, выходилъ изъ себя, грозилъ проводнику висѣлицей, но все это конечно ни къ чему не вело; пробовали зажигать спички, но направо и налево и впереди оказывалась непролазная чаща орѣшника, спички тухли и становилось еще мрачнѣе... Пришлось рѣшиться стоять и ждать разсвѣта, до котораго оставалось менѣе двухъ часовъ.

Проводникъ нашъ, пріятель мой Саидъ, былъ не только вѣтъ всякихъ подозрѣній въ измѣнѣ или умысленномъ выборѣ безпротѣзнаго пути, но даже скорбѣлъ и безлокоиса за неудачу не менѣе насъ: вѣдь всякому было понятно что лавись теперь какихъ-нибудь три-четыре десятка чеченскихъ джигитовъ и гикаи съ двухъ сторонъ на сонныхъ казаковъ растамувшихся въ одинъ конь, на разстоянн трехъ-четырехъ верстъ, произошедъ бы неминуемая лавица, суматоха и кровавая катастрофа съ немалыми безплодными жертвами....

А появленія можно было ожидать весьма легко: у Чеченцевъ были тоже свои лазутчики и повѣрты нашихъ, да и безъ того имъ съ вечера могли быть случайно замѣчены и открыто наблюдаемы двумя-тремя людьми, которые послѣдними бы дать знать своимъ о ловушкѣ въ какую мы попались, благодаря непреодолимому мраку и вполнѣ лояльной ошибкѣ проводника. Признаюсь, мы таки не безъ тревоги ожидали разсвѣта и не безъ желчи критиковали ночныя движенія, совершаемыя на основаніи расчетовъ по циркульному измѣренію карты. Такія соображенія и расчеты могутъ оказаться ошибочными даже на шоссеыхъ дорогахъ, не говоря о грунтовыхъ, гдѣ неожиданное препятствіе ночью отниметъ времени больше чѣмъ требовалось на переходъ; въ такихъ же мѣстахъ какія представляютъ азіатскіе военные театры, вблизи такого предприимчиваго, рожденнаго и воспитаннаго партизана каковы азіатскія племена, они могутъ повести къ крайне плачевнымъ результатамъ. Баронъ Ипполитъ Александровичъ, измѣряя циркулемъ на картѣ разстояніе, при мнѣ говорилъ Арцу и Саиду: „Выходитъ никакъ не болѣе 20—25 верстъ; для кавалеріи, какъ бы тихо не двигаться, лять часовъ за глаза довольно; значитъ мы выступивъ въ восемь подойдемъ къ мѣсту часу во второмъ и будемъ имѣть еще до разсвѣта часа два въ запасъ для отдыха, для другихъ распорядженій. А“? Но вопросъ предлагался въ такомъ тоиѣ что милѣйшій Арцу если и не раздѣлялъ взгляда, оспаривать не рѣшался, а какъ-то не выражалъ вполнѣ ни да, ни нѣтъ, да пожалуй и не сумѣлъ бы вполнѣ убѣдительно доказать противное.

Послѣ этого совѣщанія былъ еще приглашенъ управлявшій локорнами Чеченцами подполковникъ Бѣликъ и опять Саидъ и Арцу. Повторилась та же сцена. Бѣликъ сталъ что-то приводить не въ пользу вѣрности расчета барона, но въ тоиѣ съ какимъ онъ говорилъ и въ самой формѣ его рѣчи было всегда нѣсколько грубости или грубой откровенности, что не могло нравиться генералу мало еще знавшему Бѣлика; и потому его возраженія вызвали раздраженіе и не убѣдили, а какъ бы еще болѣе утвердили барона въ его предположеніяхъ. Все это происходило поздно ночью, и когда Бѣликъ съ Чеченцами ушелъ, я получилъ окончателно приказаніе сейчасъ писать бумагу начальникамъ коловъ о предстоявшемъ на другой день движеніи; и только залеча-

тавъ и отправивъ ихъ съ нарочнымъ, баронъ ушелъ спать и отпустилъ меня.

Возвращаясь однако къ нашему критическому положенію въ дѣсу. Держа въ поводу лошадей, сидѣли мы на землѣ, покуривая папироски, вполголоса занимались критикой распорядкѣй начальства. Мы, то-есть кружокъ людей служившихъ при баронѣ Браунгау и все еще остававшихся подъ грустными впечатлѣніемъ разлуки съ нимъ: адъютантъ Зазулевскій, Палибинъ, инженерный офицеръ Мѣшковъ и я; съ барономъ же Вревскимъ изъ Владикавказа прибылъ одинъ только адъютантъ его Нуридъ, добрыйшій, безхитростный малый, отличный товарищъ, съ которымъ я весьма скоро вполнѣ облизился. На насъ двухъ баронъ почти исключительно налегалъ, не давая намъ отдыха: поѣжайте, передайте, посмотрите, и т. д.

Стало свѣтать. Саидъ сейчасъ же пошелъ на рекогносцировку. И что же оказалось? Не больше какихъ-нибудь пятнадцати или двадцати сажень правѣе шаа дорога, по которой мы должны были идти, а ползли мы на какую-то едва замѣтную дѣсную тропинку лѣвѣе; да и на этой тропинкѣ стоило пробраться еще только съ попероты и мы были бы на частой обширной полянѣ, съ которой Саидъ уже и вплотмхъ нашелъ бы дорогу! И досадно, и смѣшно. Однако нечего дѣлать, нужно торопиться; до мѣста гдѣ предполагалось застать Чеченцевъ, прїѣхавшихъ съ арбами для сбора сѣна, оставалось еще верстъ десять или часа полтора ходу. Но тутъ встрѣтилось вдругъ новое препятствіе: баронъ Ипполитъ Александровичъ заснулъ, и бѣдный Нуридъ напрасно употреблялъ всѣ усилія разбудить и поднять его. Мы приласывали такой крѣпкій сонъ крайнему утомленію: толчки при подниманіи, крика надъ самымъ ухомъ ничего не помогало. Бились не меньше часа, пока наконецъ баронъ окончательно поднялся, и мы тронулись.

Солнце уже взошло, и день предвидѣлся весьма жаркій, какъ и наканунѣ. Двигались мы торопливымъ шагомъ, почти рысью, однако движенія своего уже скрыть не могли, и когда выѣхали на ту обширную поляну на которой надѣялись застать сотни занятыхъ уборкой сѣна Чеченцевъ, мы нашли ее пустою, кое-гдѣ видѣлись брешенныя арбы безъ быковъ, едва успѣли захватить человекъ двухъ, уже

особенно беспечныхъ. За то въ ближайшемъ къ полямъ орѣшникѣ уже мелькали и конные и пѣшіе люди, приготовившіеся ко дракѣ. Весь отрядъ нашъ состоялъ изъ двадцати шести сотень кавалеріи при шести конныхъ орудіяхъ и десяти ракетамъ станкаха — всего менѣе трехъ тысячъ человекъ казаковъ Донскихъ и Кавказскихъ, да Осетинскихъ милиціонеровъ изъ Владикавказскаго округа. Баронъ Вревскій остановилъ отрядъ на поляхъ и раздѣлялъ его на три колонны: правую съ командиромъ первого Сунженскаго полка подполковникомъ Балугьянскимъ, при которомъ три сотни Осетинъ съ приставомъ майоромъ Симоновичемъ для обхода орѣшника съ одной стороны, лѣвую подъ начальствомъ командира втораго Сунженскаго полка подполковника Федюшкина для дѣйствія съ другой стороны, съ тѣмъ чтобъ обхватить лѣсъ, истребить или парализовать сосредоточившагося тамъ непріятеля и проникнуть на слѣдующую поляну, куда Чеченцы вѣроятно успѣли перегнать свой скотъ и рабочихъ. Центральная же колонна, при которой оставался генералъ, должна была демонстрировать, подвигаясь медленно къ лѣсу и служа резервомъ для двухъ другихъ.

Не успѣли колонны отъѣхать и скрыться изъ вида, какъ съ правой стороны послышалась сильная учащенная перестрѣлка и громкіе, прозвительные гикъ. Баронъ приказываетъ мнѣ скакать туда узнать что тамъ происходитъ. Скачу версты двѣ и вижу печальную картину: неопытный начальникъ колонны, и вѣломощный осетинскій приставъ, вмѣсто обхвата лѣса, подымаюсь прямо къ нему безо всякихъ предосторожностей и были встрѣчены почти въ упоръ залпомъ вѣсколькихъ сотъ Чеченцевъ. Цѣлая куча лошадей убитыхъ и искалѣченныхъ повалились, раздались стоны раненыхъ, и Осетинъ совсѣмъ не привыкшіе къ такимъ исторіямъ, потерявъ голову, давали возможность Чеченцамъ жарить ихъ почти на выборъ.... Насилу удалось ихъ отвести подальше отъ лѣса и разсылать казачью цѣль для удержанія Чеченцевъ. Небольшое пространство въ какую-нибудь версту было устлано отличными лошадьми; у многихъ не успѣли снять сѣделъ, многія тяжело ранены стояли покуривъ головы среди лужъ крови; олтѣшанные Осетинъ все такой видный, прекрасно одѣтый народъ, очевидно старавшійся двинуться на первомъ дебютѣ въ Чечнѣ щеголами, танутся кучками, везутъ убитыхъ и раненыхъ, а Балугьянскій съ

Симоничемъ препираются, обвиняя другъ друга въ печальномъ приключеніи....

Я поспекалъ назадъ доложить генералу о происшедшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣченномъ передвиженіи непріятеля ближе, противъ центральной колонны. Баронъ былъ крайне недоволенъ и огорченъ, потребовалъ къ себѣ Бааугьянского съ Симоничемъ и жестоко вымылилъ имъ голову. Мы не могли безъ смѣха и даже нѣкотораго заорадства выслушивать все продолжавшихся между этими двумя господами пререканій и упрековъ. Оба они были не наши, то есть принадлежали не къ лѣвому флагу, а къ Владикавказскому округу, и мы какъ бы находили подтвержденіе своему уже признанному преимуществу въ умѣніи воевать, а гдѣ же молъ вамъ, господа, соваться въ Чечню; не ваше это дѣло!...

Между тѣмъ нашъ опытный, бравый Федюшкинъ, не взирая на неудачу правой колонны, отачно исполнилъ свое дѣло захвативъ нѣсколько лѣвняныхъ, порядочное количество скота и съ незначительною потерей отступилъ, не встрѣчая ожидавшейся съ другой стороны колонны. Къ сожалѣнію, самъ Федюшкинъ былъ при этомъ раненъ въ ногу, впрочемъ неопасно.

Пока все это происходило, перевалило уже за полдень; жара стала невыносима, на свицовомъ небѣ какимъ-то желтымъ пятномъ, въ видѣ мѣднаго таза, стояло солнце, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія. Безсонная ночь, утомленіе, жажда, все соединилось чтобы лишить и людей и лошадей возможности двигаться. При всей моей выносливости и привычкѣ, я едва держался на сѣдлѣ и казалось ежеминутно готовъ былъ свалиться. Но баронъ Вревскій оказался неутомимымъ. Послѣ короткаго привала и завтрака, раздалась команда „садись“, и мы елать потянулись сначала нѣсколько верстъ въ одномъ направленіи, послѣ въ другомъ. Непріятель издали слѣдилъ за нами, пуская изрѣдко выстрѣлы. Наконецъ повернули мы на торную дорогу, и часовъ въ шесть вечера достигли мы поляны, гдѣ нашли прибывшую изъ Воздвиженской колонны домскаго подполковника Ежова изъ шести ротъ Куринцевъ, при трехъ орудіяхъ, и трехъ сотенъ казаковъ, и тутъ только расположились на ночлегъ. Такимъ образомъ пришлось почти безъ отдыха пробыть двадцать два часа на конѣ, въ невыносимой зной. Казаки долго помнили этотъ походъ.

Поздно ночью присоединилась къ намъ съ колонной еще полковникъ Мищенко, и составила отрядъ изъ $5\frac{1}{4}$ бат., $29\frac{1}{2}$ сотень конницы, при 14 орудіяхъ и 14 ракетныхъ станкахъ. Сила достаточная для серьезныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, не вдаваясь конечно въ дѣсныя чащи.

13го числа двумя колоннами двинулся отрядъ къ большому аулу Кыбсымъ-Ирзау, сжигая по дорогѣ всѣ отдѣльные хутора и поселки. Ауль послѣ жаркой перестрѣлки былъ занятъ и истребленъ до тла. 14го числа, весь день, кавалерія занималась истребленіемъ по теченію рѣки Басса обширныхъ посѣвовъ почти дозрѣвавшей уже кукурузы. Косили ее и косами и шашками. Самъ баронъ преусердно работалъ шашкой, заставляя и всѣхъ насъ дѣлать то же, а замѣтивъ что мы съ Зазулевскимъ перестали, серьезно разсердился и называлъ насъ „бѣлоручками“. Въ это время лѣхотная цѣль разсыпанная кругомъ вела довольно оживленную перестрѣлку, и мнѣ безпрестанно приходилось скакать съ приказаніями и вопросами.

15го числа отрядъ отступилъ къ Аргуну и войска разошлись по своимъ мѣстамъ. Экспедиція обошлась довольно дорого: мы потеряли убитыми 7 человекъ, ранеными 6 штабъ-и оберъ-офицеровъ и 63 человека нижнихъ чиновъ. Лошадей потеряли болѣе ста...

По возвращеніи въ Грозную началось опять дѣятельными занятіями письменными дѣлами, а какъ только являлось что-нибудь болѣе нужное по управленію Владикавказскимъ округомъ, дѣла коего не были подъ рукой, я тотчасъ долженъ былъ скакать во Владикавказъ (100 верстъ по Сунженскимъ станицамъ) и на третій-четвертый день возвращаться обратно. Иной разъ становилось уже невозможно и тяжело и хотѣлось бы отдохнуть, но баронъ какъ-то налегъ на меня одного.

LXVIII.

24го апрѣля получилъ я еще особую командировку въ укрѣпленіе Куринское, для преслѣдованія злоупотребленій по выдачѣ жителямъ аула Иста-су денегъ, Высочайше пожалованныхъ имъ за отличіе при пораженіи скопищъ Шамилла 2го октября 1854 года и вмѣсто провіанта назначеннаго имъ въ пособіе при поселеніи въ нашихъ предѣлахъ. Объ этихъ злоупотребленіяхъ до барона Вревскаго дошли

свѣдѣній частнымъ путемъ и оны строго приказалъ намъ открыть виновныхъ, донося ему почаще о ходѣ дѣла.

Чтобы добраться до Куринскаго и Исти-су, пришлось совершать кружной луть по Тереку чрезъ Хасавъ-юртъ. Выѣхавъ 25го августа съ оказіей до станицы Николаевской, я оттуда на почтовыхъ чрезъ Червленную и Щедрикъ пріѣхалъ въ Шелковую, а на другой день съ оказіей цѣлымъ днемъ тащился 30 верстъ до Хасавъ-юрта. Явился я здѣсь къ командиру Кабардинскаго полка, свиты Его Величества генералъ-майору барону Николаи, командовавшему вообще войсками на Кумыкской плоскости, и доложилъ ему о своемъ порученіи, прося содѣйствія добраться до Куринскаго. Хотя я уже во время зимней экспедиціи и имѣлъ случай видѣть барона Николаи, но узналъ его собственно ближе только въ этотъ разъ. Молодой, чрезвычайно пріятный, симпатичный, вѣжливый, Леонтій Павловичъ Николаи располагалъ къ себѣ всѣхъ знавшихъ его; какъ военный человѣкъ оны былъ съ большимъ запасомъ спеціальныхъ познаній, лицомъ очень храбръ и, что еще важнѣе въ дѣлѣ, совершенно хладнокровенъ; не горячился, не выходилъ изъ себя, держалъ себя чрезвычайно ровно, не мѣнялся и въ минуты самаго жаркаго боя. При этомъ идеально безкорыстный, честный человѣкъ. Казалось такимъ образомъ въ немъ соединились всѣ достоинства и какъ частнаго лица, и какъ военного дѣятеля, а между тѣмъ странное явленіе—сколько я не зналъ вышшихъ начальниковъ къ коимъ въ служебныхъ отношеніяхъ находился баронъ Николаи, всѣ они вполнѣ его уважали какъ человѣка, но не совсѣмъ цѣнили какъ дѣятеля. Что было этому причиною, я не могу себѣ вполнѣ объяснить; можетъ-быть свойственныя большинству офицеровъ генеральнаго штаба увѣренность въ своей нелогрѣшимости и какъ бы нѣкоторое оспариваніе способностей и качествъ всѣхъ не изъ генеральнаго штаба: вслѣдствіе чего баронъ Николаи не всегда буквально исполнялъ то что ему предписывалось, а дѣлалъ какъ самъ находилъ за лучшее. Повторяю, „можетъ-быть“, это мое личное предположеніе только. * Хотя оны не могъ пожаловаться чтобы

* Впрочемъ баронъ Николаи, что довольно странно, хотъ и самъ офицеръ генеральнаго штаба, но особаго расположенія къ этой спеціальности не оказывалъ и никогда у него въ отрядѣ не было офицеровъ генеральнаго штаба.

его обходили наградами, хотя онъ еще относительно весьма молодымъ человѣкомъ былъ уже и генералъ-лейтенантъ, и генералъ-адъютантъ, и начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи, но удовлетворить его это не могло, потому что все же ему не давали самостоятельнаго назначенія командующаго войсками съ обширнымъ райономъ дѣйствій, гдѣ бы онъ могъ проявить свои высшія военныя и административныя способности; между тѣмъ назначались даже и молодые его чинами на такія должности. Въ послѣдствіи онъ вдругъ отдался весь религіозному мистицизму, перешелъ изъ лютеранскаго въ католическое исповѣданіе, сдѣлался ревностнымъ почитателемъ католической въ Тифлисѣ церкви, наконецъ вышелъ въ отставку, отрѣшился отъ міра и вступилъ въ южной Франціи въ одинъ изъ самыхъ суровыхъ, аскетическихъ монашескихъ орденовъ... Но это относится уже къ шестидесятымъ годамъ, а когда я пріѣхалъ въ Хасавъ-юртъ баронъ Николай былъ еще полонъ надеждъ и боевыхъ стремленій.

Принявъ меня весьма любезно, много спрашивалъ о грозненскихъ дѣлахъ, о нашей июльской экспедиціи, о причинахъ столь значительной потери. Въ словахъ его проглядывала едва-едва замѣтная иронія... Поговорили и о дѣлѣ за которымъ я ѣхалъ въ Курииское, причемъ баронъ Николай сомнѣвался чтобы тутъ были злоупотребленія, которыми онъ по своей безукоризненной честности вообще мало вѣрилъ, а полагалъ что скорѣе допущены какія-нибудь недоразумѣнія или безпорядки. На другой день, приказавъ дать мнѣ полковыхъ лошадей и конвой, Леонтій Павловичъ, послѣ обѣда у него, за которымъ я познакомился съ нѣсколькими прикомандированными къ Кабардинскому полку прусскими офицерами (о нихъ еще буду говорить послѣ) отпустилъ меня, приглашая на обратномъ пути олатъ захватить и сообщить о результатѣ слѣдствія.

Небольшое укрѣпленіе Курииское, построенное у подножія Качкамыковскаго хребта, занималось однимъ батальономъ Кабардинскаго полка съ двумя полевыми друдіями и Донскимъ казачьимъ полкомъ; этотъ гарнизонъ вмѣстѣ съ тѣмъ назывался „подвижнымъ резервомъ“, подчинялся старшему штабъ-офицеру, и на обязанности его лежало охранять ближайшій районъ отъ непріятельскихъ партій, служить прикрытіемъ поселившимся вблизи выходцамъ изъ

Чаще, содѣйствуютъ новымъ желающимъ выселиться къ намъ, дѣлать иногда внезапные набѣги на ближайшіе непріятельскіе аулы, находившіеся въ весьма недалекомъ разстояніи за лѣсопоясъ хребтомъ въ долинѣ рѣки Мичика. Въ мой пріездъ туда начальникомъ резерва былъ командиръ Довскаго полка подполковникъ Поляковъ, а баталіономъ командовалъ майоръ Г. К. Властовъ, о которомъ я уже упоминалъ. Военныя знакомства сводятся весьма легко и скоро; особенно на Кавказѣ мѣстными условіями были таковы что широкое гостепріимство и легкость сближенія совершались совершенно естественно. Въ такомъ мѣстѣ какъ напримѣръ укрѣпленіе Куринское, изображавшее собою нѣчто въ родѣ монастыря брошеннаго среди безбрежнаго моря на островъ, изрѣдка посѣщаемый судами, появленіе новаго свѣжаго человѣка было пріятнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе если человѣкъ былъ „штабной“, слѣдовательно обладающій запасомъ всякихъ свѣдѣній. Рядомъ съ дѣломъ, которымъ я весьма энергично занялся, я не терялъ времени и на новыя знакомства, и на собраніе нѣкоторыхъ свѣдѣній о мѣстности и ближайшихъ непріятельскихъ аулахъ, въ чемъ помогъ мнѣ качкамыковскій наибъ Чеченедъ Бата, имѣвшій чинъ штабсъ-капитана милиціи. Этотъ Бата былъ въ своемъ родѣ замѣчательный типъ кавказскаго горца: хитрый, лукавый, во всемъ и вездѣ лгавшій, съ постоянно заискивающей улыбкой на устахъ. Молодымъ человѣкомъ, въ разгаръ войны съ нами, бѣгалъ онъ отъ своихъ къ Русскимъ, заявляя желаніе служить *спрой и правдой*; его приими, онъ сумѣлъ поддѣлаться къ начальству, произвели его въ милиціонныя офицеры, награждали, баловали; но въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ, явился къ Шамилю съ раскаяніемъ, обѣщаніемъ служить *спрой и правдой*, заглавить вину и привести пользу пріобрѣтенными среди Русскихъ свѣдѣніями. Имамъ его принялъ, обласкалъ, а черезъ нѣсколько времени до того довелъ свое благоволеніе что назначилъ его наибомъ, приглашалъ на совѣщанія, бралъ съ собою въ серьезнѣйшія движенія противъ Русскихъ, и т. д. Въ 1850—51 кажется годахъ, Шамиль зная о готовящейся противъ него въ Чечнѣ значительной русской экспедиціи сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ изъ дальнихъ дагеставскихъ и лезгинскихъ горныхъ обществъ, а для продовольствія ихъ поручилъ набу

Бата заготовить покулкою хлѣба, и отпустилъ ему на это изрядную сумку серебряныхъ рублей. Купъ на глаза Чеченца показался слишкомъ заманчиво-соблазнительнымъ, и Бата, вмѣсто покупки хлѣба, счелъ за лучшее спрятать деньги въ карманъ, а свою особу поручить покровительству великодушныхъ Урусовъ, имѣющихъ слабость говорить: „кто старое помядетъ, тому глазъ вонъ“. Явившись къ нашему начальству, онъ обѣщавъ служить *отрой в правдой* и, какъ бывшій наубъ и приближенный къ Шамилю чело-вѣкъ, привести намъ великую пользу своими свѣдѣніями о непріятелѣ. Его приняли; и повелъ онъ свои дѣла такъ что въ 1855 году я застаю его штабъ-капитаномъ и нашимъ наубомъ надъ всеми аулами покорныхъ Чеченцевъ, поселенныхъ вдоль Качкалыковского хребта, пользующимся расположеніемъ и довѣріемъ всѣхъ начальниковъ. Хитрый Бата тогда уже видѣлъ ясно что дѣло Шамиля потеряно, что борьба утратила всякіе шансы на успѣхъ, и что не взирая на войну съ Турціей, на вражду Ингалзовъ, на разные интриги комиссаровъ распропагандировавшихъ воззваніе не только къ туземцамъ, но и къ офицерамъ и солдатамъ изъ Поляковъ въ рядахъ нашей арміи, не далеко время когда непокорному Кавказу вообще, а Чечнѣ въ особенности, придется склонить буйную голову и изъявить покорность. Поэтому только, конечно, онъ уже и не помышлялъ о новой измѣнѣ и старался угождать всѣмъ и вездѣ сколько можно.

Со мною, какъ со знающимъ татарскій языкъ, да еще пріѣхавшимъ съ порученіемъ касающемся его подчиненныхъ Чеченцевъ, онъ сошелся весьма скоро и былъ весьма обязательнымъ отвѣтчикомъ на всѣ мои вопросы за исключеніемъ конечно щекотливыхъ — лично его касавшихся. Объяснялся онъ довольно изрядно по-русски, и нужно отдать ему справедливость: умѣлъ держать себя съ замѣчательнымъ тактомъ.

Прибывъ вмѣстѣ съ Бата въ Иста-су и собравъ общество тамошнихъ переселенцевъ, я спросилъ у нихъ имѣютъ ли какія нибудь претензіи, въ чемъ именно и на кого. Оказалось претензій не мало, все о неложченіи денегъ, и хотя прямо не жаловались на подполковника Полякова, но очевидно было что они или подозрѣвали его, или вслѣдствіе какой-нибудь интриги намеками старались набросить на него тѣнь. Записавъ все выказанное жителями, я возвра-

глася въ Куринское и самымъ тщательнымъ образомъ загляла просмотромъ всѣхъ бумагъ и счетовъ по отпуску переселенцамъ пособій. Разыски мои привели къ положительному убѣжденію что никакихъ злоупотребленій не было, а было наше халатное отношеніе къ дѣлу, крайній беспорядокъ въ веденіи перелиски и отчетности, и неумѣніе или, вѣрнѣе, нежеланіе разъяснить толкомъ и своевременно жителямъ положеніе дѣла и причины, вслѣдствіе коихъ они получали не слова или вовсе не получали имъ саждаемаго. Одною изъ главныхъ причинъ была просто невмыслка въ провинтскій магазинъ денегъ, иногда вымыслка бумажками вмѣсто серебра, коимъ именно приказано было удовлетворять Чеченцевъ, и т. п.

Удовлетворивъ лично всякаго разъясненіями по ихъ претензіямъ а въ которыхъ и деньгами, задержанными просяго по канцелярской безалаберности, и получивъ отъ нихъ засвидѣтельствованную наибоиъ Бата подписку что болѣе никакихъ претензій не имѣютъ, я послѣ двухъ недѣль пребыванія въ Куринскомъ уѣхалъ въ Хасавъ-юртъ, гдѣ и прожилъ сутки. Барокъ Николаи былъ очень доволенъ что слова его объ отсутствіи злоупотребленій оправдались.

Въ этотъ разъ я немного ближе узналъ тѣхъ четырехъ прусскихъ офицеровъ о коихъ упоминалъ выше. Въ разгаръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ изъ Пруссіи и Австріи прибыло нѣсколько офицеровъ для поступления въ наши полки. Изъ нихъ четверо Прусаконъ поступили въ Кабардинскій полкъ, именно: Бютицагъ, фонъ-Шакъ, фонъ-Буденброкъ и Бросе. Первые двое пользовались особымъ расположеніемъ барона Николаи, какъ увѣряли наши офицеры, потому что владѣли французскимъ языкомъ и вообще были аристократичѣе манерами; другіе же двое, особенно Бросе, пользовались больше расположеніемъ въ полку потому что держали себя вполнѣ товарищами, несли наравнѣ со всѣми службу, не выказывая ни малѣйшимъ образомъ своего превосходства. Впрочемъ, всѣ четверо были хорошіе офицеры, образованные люди и безупречно храбрые: чинами въ Кабардинскомъ полку и быть не приходилось. Судьба ихъ была далеко не одинакова. Бросе, командуя ротой въ небольшомъ укрѣпленіи въ Аухѣ, при какой-то пустой ночной перестрѣлкѣ убитъ, къ крайнему сожалѣнію всего полка. Буденброкъ возвратился въ Пруссію,

отличился въ войну противъ Австріи въ 1866 году, и если не ошибаюсь въ послѣднюю войну съ Французами, команду баталіономъ, былъ раненъ. Фовъ-Шакъ, будучи штабъ-капитаномъ, принялъ участіе въ дуэли между княземъ Горчаковымъ и барономъ Фитингофомъ въ Пятигорскѣ въ 1859 году, и разжалованъ въ солдаты. По ходатайству покойнаго князя Мих. Дм. Горчакова ему возвращенъ чинъ, затѣмъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты, а съ производствомъ въ полковника онъ получалъ въ команду Ставропольскій пѣхотный полкъ, съ которыми и выступилъ въ кавказскую войну въ Малую Азію. Здѣсь оказалъ много отличій, произведенъ въ генерала, награжденъ Георгіемъ 3й степени, и теперь командуетъ 2ю бригадой Кавказской гренадерской дивизіи. Бютингъ же, попавшій въ 1859 году, по рекомендаціи барона Николая, въ адъютанты ко князю Барятинскому, сдѣлалъ быструю карьеру, командовалъ стрѣлковымъ баталіономъ, Эриванскимъ гренадерскимъ полкомъ, назначенъ флигель-адъютантомъ и, съ производствомъ въ генерала, командиромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Года два тому назадъ, послѣ краткой болѣзни, умеръ въ Петербургѣ.

Изъ Хасавъ-юрта тѣмъ же путемъ по Тереку вернулся я 18го сентября въ Грозную. Въ мое отсутствіе съ барономъ Вревскимъ приключилась бѣда: онъ заболѣлъ сильною горячкою, въ безпамятствѣ ночью выскочилъ во дворъ и чуть не бросился въ колодець, у котораго былъ удержанъ людьми и опять уложенъ въ постель, а затѣмъ отвезенъ во Владикавказъ. На время его болѣзни, для завѣдыванія флангомъ былъ командированъ изъ Ставрополя начальникъ штаба генералъ Калгеръ. Къ нему-то я на другой день и явился, объяснилъ дѣло по которому былъ командированъ и представилъ подробное донесеніе съ изложеніемъ моихъ предположеній насчетъ порядка какой долженъ быть введенъ для избѣжанія на будущее время ролота Чеченцевъ и неправомерностей въ удовлетвореніи ихъ казенными пособіями.

Кратковременное завѣдываніе генерала Калгера не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ. Мы очень весело проводили у него время, дѣлами занимались безо всякой ревности, ибо и самъ Александръ Христіановичъ вообще не любилъ особенно углубляться въ дѣла, и другихъ не застав-

залъ, теперь же тѣмъ болѣе можно было не усердствовать что считалъ себя кааифомъ на часъ. Любимѣйшее развлеченіе былъ преферансъ, въ которомъ онъ былъ мастеромъ. Около половины октября выздоровѣвшій баронъ Вревскій уже возвратился въ Грозную и тотчасъ же самъ занялся со своимъ всегдашнимъ усердіемъ дѣлами, и меня запрегъ еще лучше прежняго, а поѣздки мои во Владикавказъ и обратно до того участились что я улодобился какому-нибудь кондуктору совершающему чуть не изо дня въ день свои опредѣленные рейсы. Что тутъ доставалось моимъ бокамъ отъ толчковъ и глазамъ отъ пыли, вспомнить страшно! Было очевидно что баронъ желалъ превратить свое временное начальствованіе дѣвнымъ флагомъ въ постоянное и притомъ съ присоединеніемъ Владикавказскаго округа, что вполне соответствовало бы его честолюбивымъ мечтамъ. Но пока длилась война, главнокомандующій былъ подъ Карсомъ, озабоченный неудачнымъ кровавымъ штурмомъ и устройствомъ тѣсной блокады. О хлопотахъ по исполненію своихъ желаній барону Вревскому не приходилось и думать: все откладывалось до болѣе удобнаго времени.

Въ числѣ постоянныхъ порученій, бывшихъ поводомъ моихъ разѣздовъ по Сунженской линіи между Грозной и Владикавказомъ, какъ-то особенно сохранилось въ моей памяти одно ничего особенно важнаго въ себѣ не заключавшее, но имѣвшее печальныя послѣдствія для командира 1го Сунженскаго казачьяго полка подполковника Б. Однажды изъ Грозной былъ отправленъ во Владикавказъ пакетъ съ надписью: „весьма экстренно, отправлять отъ поста до поста безъ малѣйшаго задержанія“. Такимъ образомъ бумага должна была получиться на мѣстѣ назначенія самое большое въ сутки (100 верстъ), и столько же времени требовалось для отвѣта. Однако прошло трое, четверо сутокъ, отвѣта нѣтъ; а между тѣмъ это было, кажется, экстренное распоряженіе о какомъ-то передвиженіи части войскъ по поводу предстоявшаго набѣга Чеченцевъ, о чемъ были получены въ Грозной чрезъ лазутчиковъ положительныя извѣстія. Послали особаго расторопнаго казака нарочнымъ во Владикавказъ, съ тѣмъ чтобы на другой день былъ доставленъ отвѣтъ, почему не получено донесенія на первое экстренное предписаніе? Каково же было изумленіе барона Вревскаго когда нарочный вернулся изъ Владикавказа и привезъ

извѣстіе что тамъ никакого экстреннаго пакета не получали и впервые слышатъ о такомъ-то распоряженіи! Гнѣвъ его еще болѣе усилился, когда дали знать что дѣйствительно Чеченцы сдѣлали набѣгъ гдѣ-то на Сунженской линіи, угнали скотъ, захватили пѣвннхъ и ушли совершенно благополучно.

Для разслѣдованія причинъ медленности и розыска виновныхъ, баронъ приказалъ мнѣ немедленно ѣхать отъ поста до поста и во что бы ни стало открыть гдѣ и кто держалъ пакетъ и ожидать затѣмъ во Владикавказѣ его пріѣзда. Исполняя это порученіе, я по слѣдамъ, то-есть по постовымъ книгамъ, гдѣ записывались прибытіе и отправленіе пакетовъ и нарочныхъ, добрался на слѣдующее утро до станціи Салцовской, резиденціи командира полка и начальника Сунженской линіи, и тутъ-то именно нашелъ въ кучѣ другихъ, запыленныхъ и пожелтѣвшихъ отъ долгаго пребыванія въ грязной, наполненной мухами канцеляріи оsteenаго командира и запечатанный пакетъ съ его внушительною надписью! Книга для записки пакетовъ и нарочныхъ была въ самомъ безобразномъ видѣ, съ разными помарками и пропущками за цѣлые мѣсяцы...

Порученіе было исполнено, и я рѣшился остаться въ Салцовской до пріѣзда барона Вревскаго чтобы здѣсь же доложить ему о результатахъ и, если захочетъ, представить, *сoprus delicti* въ видѣ пакета и постовой книги. вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ обязанностью явиться къ старшему военному лицу, и отправился къ подполковнику Б., имѣя при этомъ эгоистическій расчетъ воспользоваться гостепріимствомъ, пообѣдать, поболтать и вообще провести сутки не одному въ казачьей хатѣ на сухоѣденіи, а пріятно и съ комфортомъ. Все знакомство мое съ Б. ограничивалось конечно только единственною встрѣчей во время описаннаго выше дѣла въ Чечнѣ, гдѣ онъ такъ неудачно дебютировалъ и подвергъ Осетинскую милицію большимъ потерямъ, но на Кавказѣ искони гостепріимство было такъ широко, особенно для штабныхъ что можно было и вовсе незнакомому явиться, разчитывая на ласковый пріемъ. Оказалось однако что вѣтъ правила безъ исключенія: сидѣвшій за обѣдомъ съ вѣсколькими офицерами Б., когда ему доложили что пріѣхалъ изъ Грозной офицеръ, приказалъ ввести меня въ

каблеть, куда черезъ нѣсколько минутъ и вышелъ, встрѣтивъ меня вопросомъ: что вамъ угодно?

— Честъ шлю явиться, поручикъ такой-то, прибылъ сюда по службѣ и остаюсь здѣсь ожидать пріѣзда генерала барона Вревскаго.

— Очень хорошо; обратитесь къ станичному начальнику, онъ вамъ отведетъ квартиру. — Легкій, величественный кивокъ головой, и подполковникъ удалился назадъ въ столовую, откуда неслись веселые голоса обѣдавшихъ. Не скрываю что я былъ и озадаченъ, и оскорбленъ такимъ пріемомъ; вѣсть о тѣхъ однако не могъ я не разсмѣяться надъ оригинальною фигурою, которую сей Олимпіецъ изображалъ собою: въ какомъ-то кургузомъ жидакѣ, бѣломъ жилетѣ, съ задоженными за него большими пальцами обѣихъ рукъ, точь-въ-точь какъ актеръ Максимовъ въ роли Коломенскаго монашера.

Вернулся я въ станицу въ отведенную квартиру разочарованный насчетъ пріятныхъ надеждъ, удовольствовался кое-какою дрянью вмѣсто обѣда, и проскучалъ до вечера. На другой день пріѣхалъ баронъ Вревскій и остановился въ домѣ полковаго командира на нѣсколько минутъ пока веревѣвали лошадей. Я тотчасъ же явился и спросилъ: не угодно ли выслушать докладъ по исполненію мною порученію?

— Что же, открыли виновныхъ?

— Да, открылъ, ваше превосходительство, и имеемъ здѣсь въ штабѣ 1го Сувженскаго полка.

— А, вотъ какъ! разкажите подробности.

Вчерашній жидакъ стоялъ тутъ же, но уже конечно одѣтый по формѣ, и силится придавать своей фигурѣ отблескъ фамильярности, даже нѣкоторой пренебрежительности въ отношеніи къ барону Вревокому. Б. вовсе не зналъ о чемъ идетъ рѣчь, о какихъ виновныхъ, и совершенно равнодушно взглянулъ на меня, когда я началъ свой докладъ. Но когда я дошелъ до описанія открытыхъ въ ближайшемъ присутствіи его безобразій, въ видѣ кучи валяющихся на столѣ и подъ столомъ пакетовъ, въ томъ числѣ и такого на коемъ была надписъ „весьма экстремно“, когда тутъ же представилъ и пакетъ, и книгу, прибавивъ что г. сотенный командиръ не удостоилъ зайти въ канцелярію когда я оттуда послалъ просить его, а писарь былъ съ *пожлѣль*, тогда г. Б.

раздраженнымъ тономъ сказалъ: Это не можетъ быть; это какая-то фантазія.

Баронъ Вревскій весьма рѣзко замѣтилъ ему что соотвѣщій при немъ довѣренный офицеръ не станетъ докладывать ему фантазіямъ, а тутъ и доказательство налицо въ видѣ пакета и книги; лучше ему заняться устраненіемъ такихъ безпорядковъ и строже наблюдать за линіей.

Послѣ этого мы уѣхали въ Тарантъсъ и уѣхали во Владикавказъ. Я былъ очень доволенъ что надутому Б. намылила голову и думалъ что на этомъ дѣло окончилось. Вышло иначе. Баронъ приказалъ мнѣ написать ему письмо, смыслъ коего былъ тотъ что ему на Сунженской линіи очевидно *не везетъ* (это самъ баронъ вставилъ), и потому для него гораздо лучше будетъ лошапотать о другомъ назначеніи. Б., какъ командиръ казачьяго полка, имѣлъ свое непосредственное начальство въ лицѣ наказнаго атамана, и смотрѣлъ на подчиненіе начальнику Владикавказскаго округа слегка, какъ на номинальное, касающееся неважнаго, по его мнѣнію, завѣдыванія линіей, къ тому же сильно опираясь на поддержку начальника штаба въ Ставрополѣ, женатаго на племянницѣ Б., и въ полномъ убѣжденіи что баронъ Вревскій ему ничего сдѣлать не можетъ, рѣшился отвѣтить на письмо весьма рѣзко, позволимъ себѣ прибавить что не ему *не везетъ, а тьбому флангу*, намекъ на самого генерала Вревскаго...

Я ничего не зналъ о полученіи барономъ этого письма и потому былъ не мало удивленъ когда онъ приказалъ мнѣ приготовить предписаніе командиру Владикавказскаго казачьяго полка, полковнику Шоостаку, тотчасъ вступить въ командованіе Сунженскою линіей, а въ Ставрополѣ, къ атаману, къ командующему войсками, и въ Тифлисъ, къ начальнику штаба полетѣли письма съ изложеніями дѣла и настойчивымъ требованіемъ немедленнаго устраненія Б. со всѣмъ изъ-подъ его вѣдѣнія.

Кончилось тѣмъ что у подполковника Б. взяли полкъ, всѣ дальнѣйшія хлопоты получить другое назначеніе не удавались, онъ вышелъ въ отставку, исчезъ куда-то за границу и, какъ разказывали, уже много лѣтъ спустя очутился въ По, въ Южной Франціи, содержателемъ ресторана. Человѣкъ онъ былъ съ хорошимъ салоннымъ образованіемъ, вертѣвшійся въ Петербургъ и въ аристократическихъ,

и въ литературно-художественныхъ кружкахъ, привыкшіи къ роскоши и мотовству, одна изъ тѣхъ продуктозъ стеглиной ирландской жави для которыхъ пикники, обѣды съ шампанскимъ, ужины съ Цыганками, и т. д. не только желаніе но и конечная цѣль бытія.

Послѣ этого порученія имѣлъ я еще одно, въ Малую Кабарду для улаженія нѣсколькихъ претензій между жителями разныхъ ауловъ другъ къ другу и къ кабардинскимъ князьямъ. Пришлось мнѣ отъ извѣстнаго воиномъ проѣзжавшимъ по почтовой дорогѣ на Кавказъ минарета переправиться въ бродъ черезъ Терекъ, въ томъ самомъ мѣстѣ гдѣ въ 1846 году совершилъ свою знаменитую переправу Шамиль съ 12 тысячами человекъ, подъ носомъ отряда барона Меллера-Закомельскаго. Тутъ я узналъ подробности этого выдающагося въ Кавказскихъ лѣтописяхъ военнаго эпизода по разказамъ жителей-очевидцевъ и участниковъ, девять лѣтъ спустя все еще недоумѣвавшихъ какъ это выпустили тогда Шамиля изъ рукъ... Для три провелъ я въ Малокабардинскихъ аулахъ; сколько помню, успѣлъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшить задачу моего порученія, ибо согласилъ спорщиковъ къ миролюбивому окончанію, тутъ же возвратилъ и удовлетворилъ за неправильно-отнятое, и т. д. Выѣхалъ я изъ Кабарды въ Екатериноградъ и почевалъ у весьма хорошаго моего знакомаго и вообще прекраснаго человека, командира Горскаго казачьяго полка полковника Товбича, у котораго засталъ флигель-адъютанта полковника Д. разѣзжавшаго цѣлымъ годъ по сѣверному Кавказу для наблюденія за формированіемъ запасныхъ баталіоновъ. Вотъ былъ типъ ремешковаго офицера былыхъ временъ! Вся военная наука, до стратегіи и фортификаціи включительно, въ глазахъ его заключалась въ маршировкѣ и ружейныхъ пріемахъ. Будучи ярымъ поклонникомъ Н. Н. Муравьева и всѣхъ его *антикавказскихъ* взглядовъ, г. Д. чрезвычайно былъ огорченъ неудачнымъ штурмомъ Карса, могущимъ повредить славѣ главнокомандующаго, и доказывалъ что неудача произошла оттого что „въ войскахъ не было шагу!“ Мы съ Товбичемъ старались дѣлать самыя серьезныя мишны чтобы не обидѣть флигель-адъютанта-оратора; а послѣ, при встрѣчахъ, вспоминали всякій разъ этотъ вечеръ. Въ 1859 году мой милѣйшій пріятель Товбичъ, въ какомъ-то припадкѣ меланхоліи, кончилъ самоубійствомъ...

Прибывъ казакъ во Владикавказъ, я уже не засталъ тамъ барона Вревскаго, который уѣхалъ въ Грозную, куда послѣдовалъ и я. Это было уже во второй половинѣ ноября (1855). Не успѣвъ я отдохнуть нѣсколько часовъ отъ поѣздки по ужасной слякоти, какъ уже опять приходилось садиться на коня: отрядъ выступилъ въ Чечню для расчистки и расширенія прошлагоднихъ просѣкъ.

19го ноября, отрядъ изъ 8 баталіоновъ, 10 сотень казаконъ, при 10 орудіяхъ, переправился у Толли, съ тѣмъ чтобы идти на встрѣчу имѣвшему двигаться съ Кумыкской плоскости отряду генералъ-майора барона Николаи: послѣдній однако встрѣтилъ на своемъ пути такіа значительныя партіи неприятеля, заявшаго дѣла, что не могъ пройти, и соединеніе наше не состоялось. Мы занялись расчисткой просѣки и при этомъ ходили въ ближайшія окрестности разорять чеченскіе аулы по рѣкѣ Багудо-Тавдону. Перестрѣлка все время почти не умолкала. 23 числа, получивъ свѣдѣніе о прибытіи въ Чечню старшаго сына, Шамиля, Кази-Магомы съ нѣсколькими тысячь человекъ, баронъ Вревскій отвелъ отрядъ казакъ за Аргуль. Потеря наша за четыре дня ограничилась 7 убитыми и 23 ранеными, въ томъ числѣ одинъ офицеръ.

Въ томъ же 1855 году пришлось мнѣ еще разъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Отрядъ изъ 6 баталіоновъ, 9 сотень и 8 орудій, подъ начальствомъ генералъ-майора Пулао, былъ двинутъ въ Малую Чечню. Не помню теперь почему баронъ Вревскій въ этотъ разъ не самъ начальствовалъ, а поручилъ отрядъ генералу Пулао (бригадный командиръ), и приказалъ мнѣ состоять на время дѣйствій отряда при этомъ генералѣ, тогда какъ до того я постоянно находился при самомъ баронѣ, или въ командировкахъ по разнымъ особымъ порученіямъ. Кромѣ меня, очутились въ качествѣ адъютантовъ начальника отряда капитаны: П. П. Варфлаховскій (братъ баронессы Вревской) и Михайловъ, старшій адъютантъ штаба войскъ въ Ставрополѣ.

Дѣйствія продолжались всего пять дней. Рубили просѣки и жгли ближайшіе аулы. Все дѣлалось очень хорошо, безъ особенной суеты, благодаря присутствію и фактическому командованію полковника Мищенка, которому генералъ Пулао благоразумно предоставилъ распоряжаться, оставивъ на

свою долю только лестную роль главного начальника, раз-
казывающего съ большою свитой отъ одной части войскъ къ
другой, для привѣтствій, благодарности, и проч. Для лучшей
важности, посылался кто-нибудь изъ адъютантовъ узнать и
доставить какъ идетъ рубка, или даже усилить артиллерійскій
огонь противъ какой-нибудь опушки, въ чемъ никакой на-
добности не предстояло... Ну и скачетъ изъ насъ кто-либо
передать приказаніе. Съ особымъ рвениемъ и какою-то тор-
жественною важностью дѣлалъ это Михайловъ, до того
усердствовавшій что даже охрипъ бѣднаго.

Потерявъ одного офицера и одного солдата убитыми, трехъ
офицеровъ и двадцать солдатъ ранеными, отрядъ 16го де-
кабря возвратился въ Грозную. Всѣ дни стояли порадочные
морозы, отъ 10 до 15°, и пробить часовъ 8—10 въ такой
день на конѣ не легко, да спать въ простой парусинной
заячкѣ не совсѣмъ пріятно. Поэтому я весьма обрадовался
краткости экспедиціи, и вѣзжалъ въ Грозную въ намучен-
номъ расположеніи духа, усилившемся еще совершенно не-
обходимымъ пріятнымъ извѣстіемъ что я произведенъ въ
штабъ-капитанъ *по вакансіи*. Не взирая на постоянное уча-
стіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, на исполненіе по мѣрѣ силъ
и умъя своихъ обязанностей, наконецъ состояніе въ те-
ченіе года при главныхъ мѣстныхъ начальникахъ, я съ
1852 года никакой награды не получалъ и дождался произ-
водства по вакансіи, что на Кавказѣ, гдѣ въ полкахъ вездѣ
были офицеры сверхъ комплекта, было большою рѣдкостью.
Такъ или иначе, я былъ чрезвычайно доволенъ. Отдохнувъ
три дня въ Грозной, отрядъ опять выступилъ къ Воздвижен-
ской, и въ теченіе четырехъ дней мы расчищали и расши-
ряли просѣки, уже подъ непосредственнымъ начальствомъ
полковника Мищенко, при которомъ я безотлучно и нахо-
дился; генералъ же Пулао оставался дома въ крѣпости. 24го
войска разошлись къ праздникамъ Рождества по своимъ
станкамъ. Всѣ эти движенія и дѣйствія отрядовъ сопро-
вождались обыкновенными аксессуарами мелкой чеченской
войны: перестрѣлка то слабѣла, то усиливалась, раздавались
гаки и ура, стукъ топоровъ, скрилъ валющихся деревьевъ,
шумъ, говоръ, крики „берегись“ когда валлася какой-нибудь
чиварше въ четыре обхвата, вдругъ проносился гулъ
душечныхъ выстрѣловъ, или свистъ непріятельскаго ядра,

вотрѣчаемаго разными солдатскими прибаутками, омышались звуки сигнальных рожковъ, громко передаваемое отъ части къ части „подать посланки на лѣвый *шланокъ*“ (флагъ), топотъ нѣсколькихъ сотъ копытъ по мерзлой землѣ несущихся вскачь казачьихъ сотень, и особенное грохотаніе скачущей коммою артиллеріи. Отъ разсвѣта до сумерекъ килѣла эта дико-воинственная, своеобразная, полная великихъ неудобствъ и лишеній жизнь, тѣмъ не менѣе увлекающая въ область той поэзіи исключительно на Кавказѣ зараждавшейся которую такъ мѣтко изобразилъ графъ Л. Толстой въ своихъ разказахъ. Въ его *Набѣгъ*, выведенъ поручикъ Розенкранцъ; до какой степени изображеніе вѣрно, можно судить по тому что когда я въ первый разъ въ Чечнѣ выступилъ съ отрядомъ и увидѣлъ штабъ капитана П—са развѣзжающаго въ шикозномъ черкесскомъ костюмѣ, со всеми ухватками чистокровнаго джигита, я не могъ не подумать: да это Розенкранцъ, какъ есть, на чистоту, безъ прикрасъ. И нѣкоторые изъ грозненскихъ старожиловъ просто мнѣ даже объявили что Розенкранцъ Толстаго и есть онъ, П—съ; что съ него-то портреты и писалъ. А такихъ П—совъ было не мало, и увлекались нѣкоторые до того что готовы были чуть не перейти въ мусульманство и совсѣмъ очечениться.. Были такіе что въ товариществѣ съ двумя-тремя Чеченцами ближайшаго велокорнаго аула пробирались ночью въ свое же укрѣпленіе или станицу чтобъ увести лошадь, или вообще что-нибудь утащить, лишь бы испытать сильное ощущеніе опасности, наткнуться на секретъ, на засаду... Тутъ дѣло шло, конечно, не о лошади или баранѣ, а обо всемъ процессѣ его увода, объ этомъ ползаніи ночью, о разныхъ хитрыхъ, увертливыхъ движеніяхъ для введенія въ заблужденіе часовыхъ, объ удали и восторженныхъ похвалахъ, когда удавалось къ разсвѣту возвратиться въ аулъ съ добычей... Былъ такой случай даже что свой же офицеръ въ такой ночной экспедиціи съ кунаками-Чеченцами нашимъ же секретомъ былъ раненъ!... О чемъ и разказывали съ хохотомъ, да и самъ онъ смѣялся, радуясь что глупая выходка окончилась относительно благополучно, и кога уцѣлѣла. Это фактъ, и очеченившійся господинъ былъ мой хорошій знакомый, саужившій послѣ по управленію Чеченцами, нѣкто капитанъ А..

Уже нѣсколько разъ упоминалъ я о полковникѣ Мищенко. Это былъ одинъ изъ тѣхъ типовъ ютаго стараго Кавказца, личность настолько въ дѣломъ край известная что я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе что я былъ хорошо съ нимъ знакомъ и часто бывалъ у него въ домѣ, въ Воздвиженской.

Василій Кузьмичъ Мищенко, тоже какъ и описанный мною выше другой „Кузьмичъ“, Асѣевъ, началъ тянуть служебную ланку на Кавказѣ юнкеромъ и дотянулъ до генеральскаго чина, пройдя все ступени и побывавъ во всехъ роляхъ. Въ Мингрельскомъ егерскомъ полку былъ онъ и адъютантомъ, и казначеемъ, и ротнымъ, и баталіоннымъ командиромъ, и вездѣ *сполня* на своемъ мѣстѣ. Умный, сметливый, хорошо пишущій, знающій и фронтовую службу, и хозяйственную часть въ войскахъ, ко всему этому храбрый офицеръ, онъ не могъ наконецъ не обратить на себя вниманія. Въ 1847 году, при осадѣ Салты, онъ, въ чинѣ подполковника, командовалъ баталіономъ Мингрельцевъ, и въ трагическѣхъ былъ смертельно раненъ пулей въ грудь. Пироговъ, котораго князь Воронцовъ просилъ особенно позаботиться о Мищенкѣ, осмотрѣвъ рану призналъ ее смертельною и на выздоровленіе никакой надежды не имѣлъ. (Такъ мнѣ разказывали люди бывшіе въ Салтахъ въ то время.) Однако призванный лѣкарь изъ туземцевъ принялся за дѣло такъ удачно что раненый былъ исцѣленъ, и прожилъ послѣ того еще двадцать пять лѣтъ въ постоянной дѣятельности, хотя страдалъ хроническимъ кашлемъ—послѣдствіемъ раны.

Сначала полагали что рана помѣшаетъ Мищенкѣ продолжать военную службу и потому, князь Воронцовъ назначилъ его начальникомъ Кубинскаго уѣзда, гдѣ мусульманское населеніе вблизи Дагестана, въ которомъ велась тогда упорнѣйшая борьба наша съ главою мюридизма, требовало строгаго наблюденія, особенно для прекращенія разбоевъ и обезопасенія почтоваго сообщенія съ Тифлисомъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько лѣтъ и произведенный между тѣмъ въ полковника, Василій Кузьмичъ былъ назначенъ начальникомъ штаба войскъ въ Прикаспійскомъ край. Назначеніе можно сказать исключительное, потому что начальниками штабовъ уже искони назначались офицеры генеральнаго штаба. Однако Мищенко, хоть и прошедшій академическій курсъ въ

Мингрельскомъ егерскомъ, оказалась и здѣсь на своемъ мѣстѣ, я, по крайней мѣрѣ, ни отъ кого не слышалъ чего-нибудь опровергающаго такое заключеніе. Между тѣмъ бывали другіе начальники штабовъ, изъ спеціалитетовъ генеральнаго штаба, дѣлавшіеся притчею во языцѣхъ. Въ этомъ родѣ на лѣвомъ флангѣ былъ при баронахъ Врангелѣ и Вревскомъ полковникъ Ф.; даже теперь еще смѣхъ разбираетъ какъ вспомнилъ объ этой почтенной, но крайне негнѣшной особѣ. И не одинъ онъ, были и другіе, да не только смѣхъ, но и досаду вызывавшіе... Вспоминая о полковникѣ Ф., мнѣ нѣволью припоминается стихъ изъ *Гере отъ Ула*

„Халать, персть указательный, всѣ признаки ученія“.

Этотъ тоже все силится изображать изъ себя ученаго и занятаго важными государственными дѣлами.

Пробывъ, кажется, около двухъ лѣтъ начальникомъ штаба въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Мищенко былъ назначенъ командиромъ Куринскаго полка, и во всѣхъ отрядахъ, какъ я уже и говорилъ, оказывался отличнымъ колоннымъ начальникомъ, хладнокровно распорядительнымъ, не вуждавшимся въ подробныхъ и повторительныхъ разрѣшеніяхъ и приказаніяхъ. Такихъ колонныхъ начальниковъ (чрезвычайно важная въ горной малой войнѣ обязанность) какъ В. К. Мищенко было еще два-три, не больше. Затѣмъ, произведенный въ генералы, онъ начальствовалъ Владикавказскимъ округомъ и оказалъ важную услугу, нанеся Шамилю въ 1858 году пораженіе, при послѣдней его попыткѣ еще разъ ворваться вблизи нашихъ сообщеній съ Россіей, поднять Кабарду, Ингушей и разныя мелкія племена. Это было послѣднее наступательное дѣйствіе со стороны Шамиля, послѣднее судорожное усиліе ко спасенію погибавшихъ двадцатипятилѣтнихъ жертвъ ради удержанія въ своихъ рукахъ власти надъ горами Восточнаго Кавказа. Скопище было у него не малое, отъ пяти до шести тысячъ человекъ, тогда какъ Мищенко имѣлъ подъ рукой, если не ошибаюсь, два баталіона и 4—5 сотень казаковъ, съ 3—4 орудіями, тѣмъ не менѣе пораженіе было полное, и бѣгство непріятеля самое послѣднее. Звѣзда имама очевидно меркла безвозвратно, подчиненные его уже потеряли и энергію, и одушевленіе, а встрѣтивъ горсть русскихъ войскъ хорошо направленную и смѣло, не считая непріятеля, вступающую въ бой, не выдерживали натиска и спѣшили убраться по добру по здоровью.

Затѣмъ, уже не знаю что тому была причиною, Мищенко, этотъ старѣйшій Кавказецъ, почти выросшій тутъ, былъ переведенъ *ex Russia* (это и до сихъ поръ такъ говорится на Кавказѣ), въ Херсонъ комендантомъ, гдѣ пробылъ довольно долго до упрядненія этой должности. Послѣ онъ возвратился въ Тифлисъ состоять при арміи безъ опредѣленнаго назначенія, и тутъ, года три тому назадъ, умеръ. Какъ частный человѣкъ, Василий Кузьмичъ, отецъ многочленного семейства, былъ очень радушимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, умнымъ собесѣдникомъ, простымъ, безъ всякихъ начальническихъ выходовъ и задаванія тона.

Укажу черту характерную для описываемаго времени. Крайне заботливый о подчиненныхъ, В. К. Мищенко не оставлялъ заботиться и о своихъ личныхъ интересахъ, изыскавъ гдѣ могъ пользу, одними словомъ, дѣлалъ то что дѣлалъ *semбезопасно исключеніемъ* командиры отдѣльных частей, по установившемуся издавна, почти *узаконенному* въ тѣ времена порядку, когда хозяйство лежало всецѣло и обязательно на командирѣ. Я нарочито подчеркивалъ *semбезисключеніемъ*, потому что весьма немногіе командиры не извлекавшіе выгоды для себя или смотрѣли сквозь пальцы, или не умѣли усмотрѣть за казначеями, квартирмейстерами и т. л. господами, извлекавшими выгоды въ свою пользу. Да такихъ было на Кавказѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ можетъ-быть три-четыре человѣка изъ богатой аристократіи. Большинство было изъ протянувшихъ трудную, долгую службу до вождѣльнаго чина, дающаго право на командованіе отдѣльною частью, и знавшихъ что первый капралъ начальства, первый надсмотръ, или недостаточное угодивая встрѣча могутъ отправить „по запаснымъ войскамъ“, на четверть жалованья и почти безъ надеждъ опять получить назначеніе. Даже и въ лучшемъ случаѣ, хоть и не попалъ человѣкъ въ запасные, а по болячки и утомленію отъ долгой службы пришлось выйти въ отставку—что же ожидаетъ полковника за 35 лѣтъ ламки? Полная пенсія съ меритурой—710 р. въ годъ! А у него семья изъ 6—8 душъ, а самъ онъ уже ни для какого дѣла не способенъ, да и не приготавливается. Какъ тутъ было бросить камень въ человѣка за работу пріобрѣсти какое-нибудь обезлеченіе, особенно при такихъ тѣхъ условіяхъ о которыхъ я говорилъ выше, то-есть что это *узаконилось*, не преслѣдовалось, хотя было извѣстно

наивысшимъ властямъ, совершалась повсемѣстно, отъ гвардіи до низшей долевой конюшни въ качествѣ, людьми съ первыми блестящими именами и до Пафлутьевыхъ включительно, во многихъ случаяхъ было даже *обязательно* для поддержанія некоторыхъ отраслей хозяйства, на которыхъ казна ничего не отпускала? Но въ то же время образовался во многихъ высшихъ сферахъ преобладавшій взглядъ на тѣхъ которые такъ-называемыми экономіями распорядились широко, расстранивъ ихъ на шампанское, баамъ и ликюки, угощеніе и приемы, карты, и проч. смотрѣли дружелюбно, ибо это болѣею частью были разныя скороспѣлыя карьеристы изъ гвардейцевъ protégés, изъ адъютантовъ и маремькинскихъ сынковъ. На тѣхъ же которые экономіями пользовались для экономіи, то-есть для составленія себѣ обезпеченія, смотрѣли свысока, съ нѣкоторою презрительностью, готовы были повѣрить всякому о нихъ сауху, всякой нечистой сплетнѣ, и безъ дальнихъ церемоній стереть съ лица земли. Самыми яркими порицателями являлись именно господа прокутившіе и проигравшіе полковныя экономіи. Ну, не странный ли этотъ взглядъ? Какъ будто принципы нравственности, если такъ строго ихъ принимали, или денежный интересъ казны, если о немъ когда-либо заботились, тѣми не нарушались потому что они все размотали, не рѣдко даже до того все что и въ полковомъ сундукѣ, и въ полковомъ цейхгаузѣ ничего не оставалось, а тѣми что откладывали себѣ „на черный день“ нарушались? Въ чемъ разница? Напротивъ, послѣдніе всегда были лучшіе хозяева, лучше понимали дѣло и увеличивали свою экономію, благодаря практичности распоряженій, да имѣли за собою по крайней мѣрѣ десятки лѣтъ трудовой службы; первые же, не смысла ничего въ хозяйствѣ, вовсе и не распорядились ничѣмъ, предоставивъ все казначействъ или квартирмейстерамъ, просто брали деньги и транжирили ихъ зря, обогащая маркизантовъ и шулеровъ. Послѣдніе, безъ протекцій и связей, вполнѣ зависимые отъ перваго самодура-начальника, семейные, не молодые уже люди, имѣли хоть оправданіе въ необходимости позаботиться о будущемъ; первые же, молодые, болѣею частью холостые, связями обезпеченные въ дальнейшемъ движеніи по службѣ до степеней извѣстныхъ, до большихъ содержаній, до женитьбы съ огромными приданымъ, не имѣли этого оправданія, хоть бы предъ собственною совѣстью.

Теперь полковой командиръ получаетъ вдвое больше содержания и уже не хозяинъ; въ полкахъ есть комитеты и какихъ-либо употребленій экономій въ свою пользу не бываетъ. Спасло ли это армию отъ холода, голода и нужды, спасло ли больныхъ и раненыхъ отъ страданій, ужасной перевозки и всякихъ лишений? Въ ужасную стужу, безъ полушубковъ и сапогъ, въ сраженіяхъ безъ патроновъ и снарядовъ, сухари сгнившіе, мука съ червями, и проч. и проч.,— вотъ явленія послѣдней войны. Но всякъ знавшій старыя времена на Кавказѣ и старыхъ командировъ-хозяевъ въ полкахъ можетъ смѣло сказать что не допустили бы они своихъ солдатъ мерзнуть безъ полушубковъ, ходить въ обернутыхъ тряпками ногахъ, или довольствоваться больныхъ мукою съ червями. Эти командиры дѣйствительно старались увеличить экономію и брали ее себѣ: но за то и входили же во всякую подробность солдатскаго житья-бытья, заботились о немъ и въ сущности рѣдкій (исключенія бываютъ вездѣ и во всемъ) наживался такъ чтобъ обирать солдата: все вертелось на томъ чтобы съ цѣлымъ назначеніемъ отъ казны какъ можно больше выгадать, не понижая качества и количества приобретаемаго продукта; и хороший хозяинъ этого достигалъ. Нигдѣ лучше нельзя было производить подобныхъ наблюденій какъ въ значительныхъ отрядахъ, куда сходились баталіоны разныхъ полковъ. Идетъ, напримеръ, баталіонъ: люди отлично одѣты, полковой обозъ исправный, лошади сытыя, сбруя прочная, движется безъ остановки, солдатамъ не приходится вытаскивать изъ грязи или болота на рукахъ повозокъ; разобьютъ лагерь—палатки хорошия, не дырявыя, не почернѣвшія отъ гнили, не съ залатами со всѣхъ сторонъ, и т. д. Это баталіонъ полка которымъ командуетъ старый, опытный хозяинъ, самъ во все вникающій и, по общему отзыву, составляющій себѣ 15—20 тысячъ экономіи въ годъ.... Рядомъ идетъ другой баталіонъ: люди скверно одѣты, много оборванныхъ, полковыя клячи едва передвигаютъ ноги, къ каждой повозкѣ изъ фронта назначается пять-шесть человекъ чтобы ломануто вытаскивать ее; въ этомъ баталіонѣ и больныхъ людей больше, и шанцеваго инструмента меньше, и плоше оны во всѣхъ отношеніяхъ. Это баталіонъ полка которымъ командуетъ одинъ изъ тѣхъ что періодъ командованія считаютъ періодомъ разгульной жизни, якобы связанной съ военнымъ молодечествомъ, съ духомъ отваги и

удали, что прокучиваютъ на этомъ основаніи почти полностью деньги отлускаемыя на надобности съ молодечествомъ ничего общаго неимѣющія; при сдачѣ полка новому командиру попадаютъ они въ крайнее затрудненіе, дѣлаютъ долги, и проч.; а затѣмъ и сами они, и многіе наивные люди высшихъ сферъ пресерьіозно говорятъ: „N. N. командовалъ полкомъ и, кромѣ долговъ, ничего не нажилъ“. Это ставится какъ бы въ заслугу, какъ бы рекомендаціей безкорыстія!... Очевидно, дѣло сводится къ тому что и тотъ и другой пользовались тѣмъ что имъ не слѣдовало, съ тою разницей что одни въ большинствѣ не наносили особаго ущерба дѣлу, и имѣли за себя не мало вѣскихъ, смягчающихъ обстоятельствъ, другіе же, совершая то же пожалуй въ бѣльшихъ размѣрахъ и съ очевиднымъ вредомъ для своихъ частей, не имѣли никакого оправданія, и вдобавомъ не только не подвергались никакому порицанію, но выставлялись рыцарями чести!...

Вообще много было и есть теперь престранныхъ взглядовъ, основанныхъ на крайне ошибочныхъ, наивныхъ понятіяхъ о нравственности, объ интересахъ казны. Есть высокопоставленныя лица, безо всякаго лицемерія, совершенно искренно, съ полнымъ убѣжденіемъ считающія себя выше даже всякаго малѣйшаго подозрѣнія, а между тѣмъ и допускающія, и сами дѣлающія такія волющія, крупныя злоупотребленія что предъ ними ступеньваются мелкіе извлекатели выгодъ. Ихъ дѣйствія тѣмъ вреднѣе еще что они весьма заразительны, имѣютъ свойство *ободряющее*, и рѣшительно развращаютъ понятія большинства служащихъ насчетъ законности и предѣловъ власти въ распоряженіи казеннымъ достояніемъ. По этому поводу можно бы разказать не мало поучительнаго, но это не относится пока до моихъ воспоминаній, — и я тоже опять уже далеко увлекся въ сторону...

А. ЗИССЕРМАНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНГЛІЯ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ *

IV.

Мы уже имѣли случай замѣтить что тѣ главы въ которыхъ г. Лекки изобразилъ состояніе Ирландіи составляютъ капитальную часть его книги. Кажется уже достаточно было писано объ этой несчастной странѣ, а между тѣмъ ему удалось выставить многіе эпизоды изъ ея прошлой жизни въ совершенно новомъ свѣтѣ. Картина вышла по истинѣ потрясающая, далеко не такая какъ у другихъ англійскихъ историковъ, которые по весьма понятнымъ причинамъ старались улоупотреблять какъ можно менѣе мрачныя краски. Пыле изъ нихъ, чтобъ облегчить тяжкую отвѣтственность лежащую на Англійской націи, считали даже долгомъ взыскать вину на самихъ Ирландцевъ, или, по крайней мѣрѣ, останавливаться преимущественно на тѣхъ неблагоприятныхъ свойствахъ характера какія обнаружены были побѣжденными въ вѣковой борьбѣ съ ихъ побѣдителями. Отъ упрека въ этомъ не свободенъ, между прочимъ, и Маколей; а въ послѣднее время, другой извѣстный писатель Фрудъ въ своей

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

книгъ *The English Ireland* тщательно собралъ все что только можетъ возбудить противъ Ирландіи недоброжелательное чувство. Послѣ превосходнаго, основаннаго на тщательномъ изученіи источниковъ разказа г. Лекки, едва ли можно отрицать что до сихъ поръ Ирландія еще не имѣла влодѣй правдиваго историка.

Говоря о состояніи этой страны въ XVIII вѣкѣ, г. Лекки долженъ былъ коснуться конечно, и даже весьма подробно, прошлыхъ ея судебъ. Онъ указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ что въ отдаленную эпоху Ирландія имѣла уже случай оказать важныя услуги обществу съ ней острову: монахи ея явились проповѣдниками христіанской вѣры въ средѣ народонаселенія Англіи, а Шотландія отъ конца V до IX столѣтія была также много обязана ирландскимъ эмигрантамъ. Положеніе самой Ирландіи представлялось однако далеко незавиднымъ: г. Лекки считаетъ большимъ несчастіемъ для этой страны что она не подпала подъ владычество Римлянъ и что Римляне не могли вмѣстѣ со своею цивилизаціей распространить въ ней начала прочнаго гражданскаго устройства. Другое несчастіе ея заключалось въ томъ что завоеваніе Норманами, которое совершилось въ Англіи разомъ, вслѣдствіе одной битвы, затянулось въ Ирландіи на огромный періодъ времени. Норманы проникли въ ея предѣлы, но не подчинили ее себѣ совсѣмъ, разселились группами въ различныхъ ея мѣстностяхъ, смѣшались съ туземцами и усвоивали себѣ иногда даже ихъ обычаи и образъ жизни. „Враждебный элементъ“, говоритъ г. Лекки, „укоренившись въ странѣ, сдѣлалъ невозможнымъ какое бы то ни было центральное правительство, хотя самъ не былъ способенъ исполнять ея обязанности; подобно острію колыя, воткнутому въ живое тѣло, онъ производилъ вокругъ только воспаленіе и нарушалъ правильное дѣйствіе всѣхъ жизненныхъ органовъ. Въ сущности въ Ирландіи очутились двѣ націи между которыми не произошло настоящаго слиянія, и именно это обстоятельство отразилось гибельнымъ образомъ на ея послѣдующей судьбѣ.“

Англійское правительство вознамѣрилось всецѣло и окончательно наложить свою руку на Ирландію лишь при Генрихѣ VIII, и не столько даже при немъ, сколько при Елизаветѣ. Тогда возникли войны окончившіяся совершеннымъ

порабощеніемъ туземнаго населенія и безусловнымъ утвержденіемъ англійскаго владѣнства. Войны эти сопровождалась со стороны Англичанъ тѣми жестокостями подобія которымъ нужно искать развѣ лишь въ цотріи Турокъ, и въ сравненіи съ которыми не значатъ ровно ничего подвиги герцога Альбы въ Нидерландахъ. Войска средотва считались доволнительными чтобы сломить упорство непокорнаго племена. Отъ одного изъ его вождей, О'Нейла, Англичане пытались отдѣлаться, во время переговоровъ съ нимъ, отравленнымъ виномъ; другой вождь имѣлъ неосторожность оказать гостепріимство главнокомандующему, графу Эссексу, который въ благодарность за это перерѣзалъ находившихся въ домѣ его родственниковъ и друзей, а его самого вмѣстѣ съ его женой отправилъ въ Дублинъ, приказавъ отрубить имъ тамъ головы. То была не война, говорятъ современники, а какъ бы охота за дикими звѣрями; англійскія войска не давали лошады никому, ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Не надѣясь, повидимому, однимъ оружіемъ достигнуть своей цѣли, они прибѣгали еще къ другому средству — опустошали цѣлыя области, выжигали жатву, такъ что народъ былъ буквально обреченъ на голодную смерть. Авторъ разбираемой нами книги приводитъ изъ современныхъ источниковъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о страшныхъ бѣдствіяхъ постигшихъ населеніе. Авторъ одной хроники разказываетъ что когда онъ проѣзжалъ въ провинціи Мунстеръ, то ему приходилось нерѣдко видѣть какъ „люди на четверенькахъ вылезали изъ лѣсовъ, ибо отъ слабости не могли стоять на ногахъ; они походили скорѣе на скелеты чѣмъ на живыя существа, литались трупами лошадей и собакъ“; по словамъ его, жители деревень бѣжали въ болота и лѣса, и хотя страна была въ прежнее время „очень многолюдна, изобиловала хлѣбомъ и скотомъ, но война такъ опустошила ее что можно было проѣхать весь Мунстеръ вдоль и поперекъ, не встрѣтивъ—за исключеніемъ городовъ — почти ни одного мушны или женщины; волки, лисицы и другіе хищные звѣри расхаживали напротивъ стадами“. По словамъ сэръ-Артура Чичестера, онъ наткнулся однажды въ полѣ на трехъ маленькихъ дѣтей, литавшихся мясомъ своей умершей матери; одинъ изъ англійскихъ начальниковъ сэръ-Ричардъ Перси хвалился тѣмъ что его солдаты вънахи

женщины на деревьяхъ, а дѣтей удавлявшими ихъ волосами. Въ Ульстерѣ война велась была точно такимъ же образомъ. Она породила тутъ, разказываютъ дѣтописцы, совершенно новый родъ преступленія: доведенные голодомъ до изступленія скитальцы разводили на поляхъ или на олушкѣ дѣсовъ огни чтобы заманить къ себѣ дѣтей, которыхъ умерщвляли и питались ихъ трупами. Цѣль была вполне достигнута этими ужасными орудіями. Англійское владѣтельство, весьма непрочное до тѣхъ поръ, пустило теперь глубокіе корни въ Ирландіи. Завоеваніе Ирландіи привело къ тѣмъ важнымъ послѣдствіямъ что, впервые, оно нанесло ударъ католической религіи, а во вторыхъ,—и это самое главное,—повлекло за собою въ огромныхъ размѣрахъ конфискацію поземельной собственности.

Войну о которой упоминали мы сейчасъ считаютъ прежде всего войной религіозною, войной протестантской Англійи съ католическою Ирландіей. Г. Лекки утверждаетъ что это мнѣніе справедливо только отчасти. Ирландскіе вожди, и даже главный между ними, Тиронъ, обнаруживали очень мало религіознаго энтузіазма, а Англичане съ своей стороны тоже не думали выступать въ роли распространителей протестантизма. Конечно, они отвѣсались отъ ненависти къ католицизму, но не сдѣлали ровно ничего чтобы распространить въ Ирландіи новое исповѣданіе. Библія не была переведена на ирландскій языкъ; жителямъ приказывали приеутствовать при англиканскомъ богослуженіи, но богослуженіе это совершалось на языкѣ англійскомъ, или даже на латинскомъ; католическіе храмы перешли къ протестантамъ, но пасторами назначаемы были люди недостойные, въ полномъ смыслѣ слова искатели приключеній, жаждашіе лишь наживы. Англійское правительство обнаружило бы конечно большую разборчивость еслибы религіонія соображенія стояли у него на первомъ планѣ. Война не была вызвана также и племенною враждою: многіе изъ туземныхъ вождей были чистаго норманскаго происхожденія, многіе изъ владѣльцевъ земель, подвергнувшихся конфискаціи, были природные Англичане, переселившіеся въ Ирландію съ давнихъ временъ. Какія же побужденія руководили войной, и что придавало ей такой ожесточенный характеръ? Г. Лекки отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ

образомъ: „Громадное движеніе, вызванное открытіемъ Нового Свѣта и релігіозною борьбой XVI столѣтія, породило въ Англіи привычку самой разносторонней дѣятельности, съ которою ничто не можетъ сравниться въ предшествовавшей ея исторіи. Между различными ея послѣдствіями слѣдуетъ указать на необычайное развитіе предприимчивости и на ненасытное желаніе открыть новыя и скорѣе пути къ обогащенію. Это обнаружилось между прочимъ въ отважныхъ морскихъ экспедиціяхъ имѣвшихъ цѣлю или открытіе новыхъ земель, или просто захватъ богатой добычи,—обнаружилось также и въ стремленіи приобретать земли въ Ирландіи. Мысль что въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ англійскихъ береговъ можно завладѣть большими участками плодородной земли и лажить большое состояніе производила на умы Англичанъ такое же чарующее впечатлѣніе какое во времена Клейва и Гастингса порождала басня о неисчерпаемыхъ богатствахъ Остъ-Индіи. Правительство ревностно потворствовало этому настроенію общества. Оно было убѣждено что лучший способъ упрочить его господство въ Ирландіи состоитъ въ томъ чтобъ обезземелить Ирландцевъ, содѣйствовать какими бы то ни было мѣрами къ переходу ихъ собственности въ руки Англичанъ.“ Вотъ что главнымъ образомъ руководило завоевателями когда съ такимъ неслыханнымъ ожесточеніемъ набросались они на несчастную страну.

Они оставались неизмѣнно вѣрными этой политикѣ и въ послѣдствіи. Конфискація при Маріи и при Елисаветѣ достигла огромныхъ размѣровъ,—такъ, напримѣръ, въ одномъ только Мулстерѣ послѣ возстанія Десмонда конфисковано было болѣе 574.000 акровъ земли—но несмотря на то Ирландія могла бы еще оправиться отъ постигшаго ея разгрома. „Въ гражданскомъ обществѣ, точно также какъ въ чело-вѣческомъ организмѣ“, говоритъ г. Лекки, „изнеможеніе отъ тяжкой болѣзни очень часто и съ необыкновенною быстротою замѣляется приливомъ жизненныхъ силъ. Когда нація доведена до крайней степени отчаянія, когда почти всѣ старыя, хилыя, большыя свесены въ могилу, когда огромная масса собственности перешла изъ однихъ рукъ въ другія, и когда уцѣлѣли только сильныя и здоровыя натуры, то отнюдь не рѣдкость что тамъ, гдѣ еще недавно свирѣпствовали страшныя бѣдствія, начинается развиваться лора-

зительное благосостояніе. Такой именно переворотъ наступилъ послѣ того какъ въ XIV вѣкѣ „черная смерть“ унесла съ лица земли четвертую часть народонаселенія Европы и признаки того же самага обнаруживались въ Ирландіи.“ Но значность Англичанъ была возбуждена уже слѣшкомъ сильно. Послѣ Елисаветы, при преемникѣ ея Яковѣ I, конфискація продолжается другимъ путемъ, а именно положено было прибѣгнуть къ измысливію въ какой мѣрѣ закономъ права владѣльцевъ на землю, не пользуются ли они тѣмъ что должно принадлежать королю; дознаніе это производилось не агентами только правительства, но вообще частными лицами, такъ-называемыми *discoverers*, которые за услуги свои въ этомъ отношеніи получали болѣе или менѣе значительные участки. Появляю къ какимъ послѣдствіямъ должна была привести подобная процедура въ странѣ только-что вышедшей изъ состоянія варварства, гдѣ все держалось главнымъ образомъ на обычаяхъ и преданіи, и гдѣ очень мало заботились о письменныхъ документахъ. Англіійскіе юристы обнаруживали при этомъ самую безсовѣстную юридичность; они доказали Ирландцамъ, говоритъ г. Декки, что „при господствѣ глубокаго мира, безо всякаго повода и причинъ, законъ можетъ сдѣлаться не менѣе страшнымъ орудіемъ чѣмъ мечъ для угнетенія гражданъ“. Отъ владѣльцевъ требовали точныхъ доказательствъ принадлежности имъ земли перешедшей въ ихъ руки еще при Платегенетахъ; многіе изъ нихъ считали себя счастливыми что отказавшись отъ своихъ помѣстій въ пользу короны получили ихъ обратно съ условіемъ выплачивать ей огромную ренту.

Не удивительно послѣ всего этого что при вступленіи на престолъ Карла I сильное броженіе распространилось въ Ирландіи. Не только релігіозныя вѣрованія огромнаго большинства народонаселенія подвергались жестокимъ пресѣдованіямъ, но и собственность не ограждена была ничѣмъ; можно было въ теченіе столѣтій владѣть землею и все-таки завтра лишиться ея вслѣдствіе грубаго насилія оботавленнаго какъ бы въ насмѣшку законами фермами. Зловѣщіе признаки указывали на готовившееся возстаніе. Впрочемъ, въ эту критическую минуту Ирландцы попытались еще разъ уладить дѣло мирнымъ образомъ. Такъ какъ правительство оправдывало упомянутыя выше мѣры скудоуны

своихъ средствъ, то они обязались добровольно выплатить ему въ три срека 120.000 фунтовъ стерлинговъ, лишь бы только король далъ положительное обязательство что землевладельцы не будутъ подвергаемы дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ, что шестидесятилѣтнее беспорочное обладаніе землей будетъ служить достаточнымъ огражденіемъ отъ притязаній казны. Карлъ I торжественно согласился на это, и предложенная ему сумма была уже почти выплачена. Но то что происходило за симъ, говоритъ г. Лекки, составляетъ одну изъ послѣднѣйшихъ страницъ въ исторіи англійскаго владѣнства въ Ирландіи. Обязательство принятое на себя королемъ было нарушено самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Произошло это потому что Страффордъ, стоявшій во главѣ управленія, уже готовился осуществить свой планъ, который былъ направленъ противъ конституціонной свободы Англій, что предвидя упорную борьбу онъ нуждался въ средствахъ, и что среди такихъ обстоятельствъ ему было весьма годно упасть въ Ирландію. Онъ самъ прибылъ туда и подъ личнымъ своимъ надзоромъ водворилъ прежнюю систему. На этотъ разъ она коснулась преимущественно провинціи Коннаутъ, процессы по разбору документовъ на владѣніа слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ и всегда оказывались въ пользу казны, ибо судьями назначены были люди стоявшіе въ этомъ случаѣ явно на сторонѣ правительства, а на присяжныхъ дѣйствовали угрозами. Только однажды какъ-то дерзнули они вынести не такой приговоръ какого отъ нихъ ожидали; за это шерифъ созвавшій ихъ подвергся штрафу въ 1.000 фунтовъ стерлинговъ и они сами были приговорены къ 4.000 фунтовъ пени съ заключеніемъ ихъ въ тюрьму до тѣхъ поръ пока не была ими выплачена эта сумма. Страффордъ возвратился въ Англію оставивъ позади себя ярость и отчаяніе. Ирландцы убѣдились что нечего ожидать имъ въ будущемъ, что существуетъ твердое намѣреніе стереть ихъ съ лица земли, и что позволаѣ приходится имъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое существованіе.

Очевидно изъ этого какъ были разнообразны причины вызвавшія возстаніе въ Ирландіи. „Вліяніе на народъ“, говоритъ г. Лекки, „изгнанныхъ владѣльцевъ, которые изъ зажиточныхъ людей превратились въ нищихъ; вражда между туземцами и англійскими колонистами, поселившимися на

конфискованныхъ земляхъ; религіозныя преслѣдованія не прекращавшіяся съ времянъ Елисаветы—все это вмѣстѣ, въ связи съ тѣмъ тревожнымъ положеніемъ дѣлъ которое возникло въ самой Англіи, должно было породить страшную смуту. Народъ не забылъ прежнихъ страшныхъ войнъ когда кровь лилась потоками, когда были вырѣзываемы беззащитные старики, женщины, дѣти, когда умышленно не даваемо было пощады лѣтнимъ. Онъ не видалъ предъ собою ничего кромѣ тяжкой необходимости покинуть землю, еще остававшуюся въ его рукахъ, кромѣ поруганій для религіи служившей единственнымъ его утѣшеніемъ среди бѣдствій, кромѣ смертныхъ приговоровъ для священниковъ, имѣвшихъ мужество, не взирая ни на какія опасности, совершать церковные обряды. Даже люди съ флегматическимъ темпераментомъ могли бы смутиться отъ этихъ бѣдъ, а Ирландцы были вовсе не таковы. Воздухъ былъ разгоряченъ, пропитанъ чѣмъ-то лихорадочнымъ, тревожнымъ. Нигдѣ нельзя было искать опоры. Королевская власть причинила уже не мало несчастій Ирландіи и сама готовилась теперь выдержать отчаянную борьбу; настроеніе англійскаго парламента было въ высшей степени враждебно. По мѣрѣ того какъ приближалась минута взрыва, страшные слухи о какихъ-то сверхъестественныхъ явленіяхъ распространились въ народъ: говорили будто окровавленный мечъ лежалъ на небѣ, что по полямъ бродило привидѣніе потрясаа огромнымъ кольемъ.“ Возстаніе прежде всего велыкнуло въ Ульстерѣ 22го октября 1641 года. Съ самаго начала обнаружилась два характеристическія явленія: во первыхъ, значительная часть католическаго дворянства не присоединилась къ нему, вѣроятно не разчитывая на его успѣхъ и содрагаясь при мысли о страшномъ возмездіи, а, во вторыхъ, мѣстные власти вмѣсто того чтобы воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ не предпринимали ровно ничего для подавленія беспорядковъ. Г. Лекки доказываетъ даже, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ, что онѣ радовались возникшимъ смутамъ. Имъ хотѣлось чтобы какъ можно большее число землевладѣльцевъ приняло участіе въ возстаніи, ибо это послужило бы самымъ удобнымъ средствомъ лишить ихъ собственности. Въ мемуарахъ того времени, между прочимъ въ *Мемуарахъ* лорда Кестльавена, говорится что должностныя лица и постоянно окружавшіе

изъ искателя приключеній повторяли во всеусмысленіе: „пусть разрастется возстаніе,—чѣмъ болѣе окажется виновныхъ, тѣмъ богаче будетъ добыча“.

Г. Лекки остановился особенно подробно на возстаніи 1641 года по той причинѣ что до сихъ поръ англійскіе историки, какъ утверждаетъ онъ, изображали его въ ложномъ свѣтѣ. Желая приискать оправданіе для всего того что послѣдовало за упомянутымъ событіемъ, они приписывали несмысленныя жестокости Ирландцамъ. Такъ, между прочимъ, вошло въ обычай повторять будто возстаніе вспыхнуло совершенно неожиданно и застало Англичанъ врасплохъ; ничего не подозревая проживали они мирно и спокойно на своихъ земляхъ какъ вдругъ началась рѣзня, съ которою можно сравнить только рѣзню Сицилійскихъ вечерней или Варезанской ночи. Одинъ изъ писателей, говорившихъ нѣсколько позднее объ этомъ событіи, лордъ Кларендонъ, высчитывалъ будто не менѣе 40.000 протестантовъ погибли отъ разъяренной черни, у другихъ это число доходитъ даже до 150.000 или до 200.000, и показанія такого рода принимались почти безъ повѣрки. Между прочимъ такой серьезный историкъ какъ Фроудъ нисколько не усомнился въ нихъ, но авторъ разбираемой нами книги убѣдительно доказалъ что они не выдерживаютъ критики. Возстаніе отличалось не столько убійствами сколько грабежомъ; инсургенты главнымъ образомъ старались согнать Англичанъ съ занятыхъ ими земель, разоряли ихъ дома, расхищали ихъ имущество, и если при этомъ дѣло не обходилось конечно безъ убійствъ, то далеко не въ такихъ размѣрахъ какъ утвѣряютъ до сихъ поръ. Слухи о поголовномъ истребленіи Англичанъ не основаны ни на какихъ положительныхъ данныхъ, да ничего подобнаго и не могло произойти уже потому что ополченія инсургентовъ представляли безпорядочную, плохо вооруженную толпу, которая расхищалась каждый разъ при встрѣчѣ съ регулярными войсками. Г. Лекки указываетъ на тотъ фактъ что разказы о кровавыхъ подвигахъ Ирландцевъ сохранились преимущественно въ мемуарахъ различныхъ частныхъ лицъ, но что въ официальныхъ документахъ не упоминается о нихъ почти вовсе. Правительственные лица должны были конечно знать что происходило тогда въ Ирландіи, но они постоянно писали въ Лондонъ только о страшномъ расхищеніи собственности, а

отнюдь не объ истязаніяхъ, которыми будто бы подвергались протестанты безъ различія пола и возраста. „Мятежники“, читаемъ мы въ одномъ изъ такихъ документовъ, „захватили дома и земли во многихъ графствахъ, причемъ нѣкоторые владѣльцы были умерщвлены, а цѣлыя тысячи ихъ ограблены самымъ безжалостнымъ образомъ; никогда еще не совершаемо было столько безчинствъ въ этой странѣ, никогда еще столько вѣрныхъ подданныхъ короля не теряло своего имущества отъ грубаго насилія, причемъ имъ говорили прямо чтобъ они уходили прочь, угрожая въ противномъ случаѣ лишить ихъ жизни.“ Многие историки, и въ томъ числѣ Фроудъ, смылаются между прочимъ на сэръ-Джона Темпла, который въ описываемое время занималъ въ Ирландіи довольно видную должность, могъ получать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, и который въ своей *History of the Rebellion* изобразилъ события 1641 года въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Онъ-то между прочимъ рассказываетъ будто 300.000 протестантовъ погибли отъ руки инсургентовъ, но по наиболее вѣрнымъ свѣдѣніямъ численность всего тогдашняго протестантскаго народонаселенія въ Ирландіи была на цѣлую треть меньше означенной цифры: изъ одного этого видно какъ мало можно полагаться на сообщаемыя имъ свѣдѣнія, но есть основаніе предполагать что сэръ-Джонъ Темплъ старался умышленно исказить истину. Онъ много потерпѣлъ отъ мятежа; имущество его было расхищено, но въ послѣдствіи онъ былъ сторицею вознагражденъ за это изъ конфискованныхъ земель. Уже въ то время удивлялись необычайной щедрости какую обнаружило относительно его правительство. Къ весьма естественному чувству озлобленія по поводу того что было испытано имъ прежде присоединилось у него еще другое—страхъ что онъ можетъ утратить часть новыхъ своихъ помѣстій если установится прочный миръ и соглашеніе между Англіей и Ирландіей, а о возможности такого соглашенія говорили очень много въ первые годы реставраціи. Въ интересъ Темпла было слѣдовательно возбуждать общественное мнѣніе противъ Ирландцевъ, и онъ старался достигнуть этой цѣли своею книгой, на которую нельзя смотрѣть иначе какъ на ламфлетъ.

Мы остановились на жестокостяхъ которыя были приписываемы Ирландцамъ, но справедливость требуетъ уломать

какимъ образомъ вѣдѣна была война со стороны Англичанъ. Въ то время уже началась отчаянная распря между королемъ и парламентомъ. Ирландцы связали свое дѣло съ дѣломъ Карла I, англійскій парламентъ спѣшилъ подавить этихъ союзниковъ его, и мѣры приняты имъ должны были придать борьбѣ аграрный характеръ. Онъ постановилъ именно что 2.500.000 акровъ удобной для обработки земли въ Ирландіи будутъ конфискованы въ пользу всѣхъ тѣхъ кто или личными своими услугами, или денежными пожертвованіями, окажетъ содѣйствіе подавленію востанія. Понятно какая это была приманка для людей желавшихъ обогатиться: отъ нихъ нельзя было ожидать никакой помощи, а для Ирландцевъ вопросъ шелъ о томъ что наиболѣе дорого каждому человѣку—о средствахъ существованія. Другая мѣра парламента состояла въ томъ что повстанцы являвшіеся въ Англію чтобы поступить на службу къ королю, если они попадались въ плѣнъ, обречены были на жестокія казни. Нерѣдко связывали ихъ спиною другъ къ другу и бросали въ воду. Однажды въ Шотландіи погибли такимъ образомъ болѣе восьмидесяти женщинъ и дѣтей за то только что ихъ отцы и мужья находились въ рядахъ королевскихъ войскъ.

Г. Декки никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Если онъ утверждаетъ что-нибудь, то не иначе какъ на основаніи множества тщательно проверенныхъ имъ фактовъ. Не его садовательно вина что событія того времени представляются далеко не въ такомъ свѣтѣ въ какомъ изображаютъ ихъ англійскіе историки, что если дѣло идетъ о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, то отвѣтственность за нихъ падаетъ на Англичанъ, а не на Ирландцевъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ не письма частныхъ лицъ, не мемуары, недобросовѣстность коихъ обнаруживается съ перваго взгляда, а официальные документы въ родѣ напечатаннаго приказа, полученнаго войсками парламента въ Левастерѣ „не только умерщвлять и разорять мятежниковъ и ихъ сообщниковъ, но сжигать и разрушать всѣ города, мѣстечки и дома, гдѣ эти мятежники находятъ приютъ, со всеми собранными тамъ припасами, причемъ не слѣдуетъ щадить и тѣхъ изъ обитателей противъ которыхъ вѣтъ явныхъ уликъ, но которые способны носить оружіе“. Начальники военныхъ отрядовъ старались въ

точности исполнять эти приказанія. „Сэръ-Артуръ Лофтусъ“, говоритъ хроника объ одномъ изъ нихъ, „пробылъ въ Наасъ съ конными драгунами, умерщвляя на пути столько Ирландцевъ сколько могъ; въ Наасѣ жители соседнихъ деревень укрылись въ обширномъ зданіи на горѣ, но сэръ-Артуръ Лофтусъ окружилъ ихъ тамъ и зажегъ зданіе; множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей погибло отъ огня.“ Въ записной книжкѣ сэръ-Уильяма Кола сохранилась такая замѣтка: „Умороено голоромъ и другими оредотвами 7.000 человекъ, имущество коихъ досталось оодателямъ моего лодка.“ Такихъ краснорѣчивыхъ примѣровъ собрано не мало въ книгѣ г. Декки. „Я ограничился, впрочемъ“, говоритъ онъ, „только такими которме находятся въ самыхъ достоырныхъ источникахъ; на основаніи оказаннаго мною, читатели могутъ составить себѣ лонатіе объ историкахъ, рѣшавшихся утверждать, вопреки несомнѣннымъ фактамъ, будто бы въ возстаніи 1641 года выразилась лишь ничѣмъ невызванная врожденная жестокость ирландскаго народа.“ Упрекъ этотъ направленъ между прочимъ прямо противъ Фроуда. „Онъ умышленно скрылъ“, говоритъ г. Декки, „всѣ показанія о дикомъ изступленіи которое обнаружилъ англійскія войска при подавленіи матажа, хотя ужасы совершенные ими были главною причиною того что борьба приняла съ самаго начала такой свирѣлый характеръ; онъ не счелъ нужнымъ изслѣдовать въ какой мѣрѣ можно полагаться на свидѣтельство Темпла; онъ старается придать какъ можно менѣе предобудительный характеръ политикѣ вызвавшей революцію, и увѣряетъ что она была лишь слѣдствіемъ излишней терлимости со стороны протестантовъ; онъ выбралъ изъ Темпла и изъ другихъ подобныхъ писателей разказы о самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ, разказы которме по ихъ собственному признанію они передаютъ со словъ другихъ, и заставляетъ читателей думать будто бы всѣ эти ужасы не поддаются ни малѣйшему сомнѣнію, будто бы не было для нихъ ни ловада, ни примѣра. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду изобразить Ирландцевъ въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ, а летому тщательно отстранилъ все что могло бы смягчить это впечатлѣніе. Конечно подобный способъ обращаться съ историческими фактами—особенно когда прибѣгается къ нему въ высшей степени талантливыи писатель—весьма пригоденъ для предположенной имъ цѣли, но другой

вопросъ: насколько историкъ преслѣдующій эту цѣль заслуживаетъ уваженія и довѣрія.“

Г. Фроудъ повторяетъ, какъ дѣлали это многіе и до него, что Ирландцы были одушевлены преимущественно религиознымъ фанатизмомъ; конечно, религиозныя страсти играли большую роль въ ихъ возстаніи, но далеко не такую какую хотѣтъ имъ приписать. Многіе убѣдительные факты доказываютъ напротивъ что инсургенты умѣли обуздывать свои порывы въ этомъ отношеніи и даже обнаруживали иногда рѣдкую терпимость. Вотъ, между прочимъ, одинъ изъ прихвостевъ этаго: мы уже упоминали выше что представители англиканскаго духовенства въ Ирландіи не отличались своими нравственными качествами, но въ описываемое время явился среди нихъ человекъ, рѣзко отличившійся отъ нихъ. То былъ епископъ Беделль. Всѣ заботы его обращены были не на достиженіе какихъ-либо корыстныхъ цѣлей, а на распространеніе протестантской религіи въ странѣ и уже по этому самому онъ долженъ былъ возбуждать особую ненависть къ себѣ католиковъ. Резиденція его находилась въ одномъ изъ графствъ Ульстера, гдѣ возстаніе отличалось наиболее ожесточеннымъ характеромъ. Никто однако не нанесилъ ему оскорбленій, никто не посягалъ на его свободу, онъ продолжалъ безпрепятственно совершать богослуженіе въ своей церкви, а когда онъ умеръ, то его сопровождала до могилы почетная стража отъ временнаго правительства, учрежденнаго инсургентами. Все это показываетъ что какъ ни сильна была религиозная вражда, но она главнымъ образомъ раздѣляла страну на два непримиримые лагера, и таково было, между прочимъ, мнѣніе многихъ современниковъ внимательно слѣдившихъ за ходомъ событій. „Ненависть Ирландцевъ“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „была направлена скорѣе противъ самихъ Англичанъ чѣмъ противъ ихъ религіи; когда дѣло шло объ Англичанахъ, то они не дѣлали различія между протестантами и католиками.“

Конецъ войны положенъ былъ Кромвелемъ, который даже послѣ всего того что было попытано ирландскимъ народонаселеніемъ навелъ на него ужасъ своими безпощадными мѣрами. Осада имъ Дрогеда и участь мужественныхъ защитниковъ этого города составляетъ одинъ изъ наиболее кровавыхъ эпизодовъ разсказываемыхъ нами событій. „Имя

Кромвелъ“, говоритъ г. Лекки, „дѣйствуетъ еще и до сихъ поръ какъ страшный призракъ на умы Ирландцевъ; никто въ такой мѣрѣ какъ онъ не способствовалъ тому чтобъ увѣковѣчить вражду ихъ къ Англіи и къ протестантизму.“ Въ теченіе одиннадцатилѣтней борьбы, изъ 1.466.000 народонаселенія погибло отъ меча, голода и заразительныхъ болѣзней 616.000; страна повергнута была въ глубокую нищету, приходилось подвозить все что было необходимо для ея прожитка, даже скотъ, которымъ она изобилуетъ до того времени“. „Жителямъ“, говоритъ г. Лекки, „предоставлено было право покидать родину, поступать въ ряды чужеземныхъ войскъ“ и отъ 30.000 до 40.000 воспользовались этимъ позволеніемъ. Торговцы невольниками набросились на Ирландію, и множество мальчиковъ и взрослыхъ дѣвочекъ рѣшительно невольныхъ и въ чемъ были отерваны отъ своихъ семействъ чтобы быть продаваемы плантаторамъ на островѣ Барбадосѣ. Особенно бристольскіе купцы отличались этимъ промысломъ. Невозможно сказать сколько изъ этихъ несчастныхъ во время переезда по океану сдѣлались жертвами акулъ, сколько изъ нихъ привезено было въ жертву чувствительности плантаторовъ. Католическая религія—религія почти всего туземнаго народонаселенія—подверглась большому чѣмъ когда-нибудь преслѣдованіямъ. Священники продолжали попрежнему съ замѣчательнымъ мужествомъ посвящать грязныя хижины бѣдняковъ и напутствовать ихъ молитвами на смертномъ одрѣ, но домощики поощряемые огромными наградами зорко слѣдили за ними. Во всякомъ случаѣ завѣтная цѣль къ которой неуклонно стремились англійскіе покатели приключеній со временъ Кларенета была достигнута: вся поземельная собственность въ трехъ обширѣйшихъ и плодосвѣйшихъ провинціяхъ была конфискована и раздѣлена между тѣми кто снабжалъ денежными средствами парламентъ, а также офицерами и даже солдатами пуританской арміи, долгое время не получавшими жалованья. Оставались такъ-называемые „невинныя лалисты“ (innocent Papists), которыхъ парламентъ обѣщалъ пощадить если будетъ доказано что они не принимали ни малѣйшаго участія въ возстаніи: ихъ заставили переселиться изъ уломянутыхъ трехъ провинцій въ Коннаутъ, и эта область которую болота и голая скалы обрекли на вѣчное безплодіе, область разоренная, кромѣ того,

голодомъ и убійствами, должна была отнынѣ служить ихъ истопребываніемъ. Только черноработнымъ и хлѣбопашцамъ дозволено было остаться на прежнихъ мѣстахъ, ибо нельзя было обойтись безъ нихъ для обработки земли; что же касается землевладѣльцевъ, то всѣ они—и между ними находилось не мало носившихъ извѣстныя имена—отправились искать счастья или въ Колоніи, или за моремъ, въ чужихъ странахъ“....

Лучъ надеждъ блеснулъ для Ирландцевъ въ самомъ началѣ реставраціи. Карлъ II въ прокламаціи, изданной имъ когда онъ еще находился въ Вредѣ, обѣщалъ несчастнымъ жителямъ широкую амнистію и облегченіе ихъ судьбы, но исполнить это дѣло было рѣшительно не въ его средствахъ. Земля уже находилась въ рукахъ новыхъ владѣльцевъ, и еслибы король, какою бы ни пользовался онъ популярностію при воцареніи своемъ, вздумалъ коснуться ея, то вызвалъ бы противъ себя страшную и опасную оппозицію. Тѣмъ не менѣ существовало нѣсколько проектовъ поправить дѣло, и послѣ долгихъ колебаній остановились наконецъ на одномъ изъ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, самомъ неудовлетворительномъ. Рѣшено было тѣми землями которыя подверглись конфискаціи, не еще не были розданы протестантамъ, надѣлать невольничьихъ въ возстаніи католиковъ, переселившихся въ Колоніи, а также тѣхъ католиковъ которые вскорѣ послѣ того какъ началось возстаніе заявили безусловную покорность парламенту. Конечно, это еще подходило бы на милость еслибы можно было осуществить подобную мѣру, но въ примѣненіи своемъ она встрѣтила громадныя затрудненія. Свободной земли, которою могло бы располагать правительство, оказалось гораздо менѣ чѣмъ оно предполагало, да и не вся она была предназначена для удовлетворенія пострадавшихъ; лица близкія къ королю, какъ на примѣръ герцогъ Йоркскій, должны были получить изъ нея значительныя участки, и, кромѣ того, этою же землею предполагалось надѣлать офицеровъ арміи, еще не получившихъ, подобно своимъ товарищамъ, вознагражденія. Общественное мнѣніе въ Англіи сильно возставало противъ образа дѣйствій парламента; открытъ былъ обширный разговоръ; опасались что протестантское населеніе Ирландіи возьмется за оружіе—все это не могло не подѣйствовать на Карла II, вообще не отличавшагося, какъ извѣстно,

твердостью характера, и не удивительно что лишь немногіе изъ католиковъ воспользовались обѣщанною имъ милостью.

Такимъ образомъ положеніе Ирландіи при Стюартахъ не улучшилось, что не препятствовало однако католическому ея народонаселенію питать безусловную преданность къ этой династіи. Она все ожидала чего-то отъ нея до тѣхъ поръ пока низверженіе Якова II не положило конецъ этимъ надеждамъ. Впрочемъ, и послѣ того она осталась неизмѣнно вѣрна своимъ симпатіямъ. Когда Яковъ явился въ Ирландію съ цѣлью возвратитъ себѣ престолъ, католики единодушно откликнулись на его призывъ. Снова возгорѣлась борьба которая ко всемъ бѣдствіямъ испытаннымъ страню должна была присоединить еще новую и болѣе тяжкія. Въ первое время успѣхъ склонялся на сторону королевской партіи; Яковъ созвалъ парламентъ состоявшій, какъ и слѣдовало ожидать, почти исключительно изъ католиковъ, и парламентъ этотъ съ лихорадочною поспѣшностью принялся отнимать и исправлять все то отъ чего страдала Ирландія въ теченіе долгаго ряда лѣтъ. Одна изъ первыхъ его мѣръ была направлена противъ протестантскихъ землевладѣльцевъ: онъ постановилъ что лица служившія въ арміи Кромвеля и которымъ онъ роздалъ земли, или же потомки этихъ лицъ должны быть лишены своихъ помѣстій безо всякаго вознагражденія; если земли ихъ перешли въ другія руки, то онѣ могутъ быть отняты не иначе какъ съ уплатой известной суммы, но и эта льгота не имѣла серьезнаго значенія, ибо другимъ своимъ постановленіемъ католическій парламентъ объявилъ государственными измѣнниками всѣхъ тѣхъ кто находился въ отношеніяхъ съ правительствомъ Вильгельма III. Очевидно что вслѣдствіе того протестанты огуломъ были обречены на совершенное разореніе. Маклей съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ клеймитъ эти насильственные мѣры, забывая что существуетъ для нихъ важное оправданіе, а именно то что ирландскій парламентъ подражалъ лишь тѣмъ примѣрамъ которые представляла англійская политика начиная со времени Елисаветы. Разница заключалась лишь въ томъ что дѣйствія Ирландцевъ были далеко не такъ успѣшны: послѣ эфемерной удачи счастье повернулось противъ нихъ, и всѣ ихъ надежды произвести коренной переворотъ въ свою пользу рушились съ отъѣздомъ Якова II.

Мы уже упоминали прежде какимъ образомъ удалось Вильгельму III подавить возстаніе, какъ обязався онъ по Лимерикскому договору оградить свободу католическаго исповѣданія въ Ирландіи, и какъ обязательство это не было исполнено. Ирландія окончательно проиграла свое дѣло. „Вожди ея“, говоритъ г. Лекки, „обречены были на нищету или разсѣялись изгнанниками по Европѣ; въ народѣ замерла мысль о возможности дальнѣйшаго сопротивленія, и наступаетъ періодъ ничѣмъ несмущаемаго господства протестантизма.“

V.

Посмотримъ, что же это господство принесло для Ирландіи, въ какомъ положеніи находилась она въ XVIII вѣкѣ.

Страна эта обладала такими естественными условіями что могла бы достигнуть прочнаго благосостоянія хотя конечно не въ такой степени чтобы какимъ бы то ни было образомъ соперничать съ Англіей. Въ ней вовсе нѣтъ тѣхъ залежей каменнаго угля которыми обезличивается мануфактурное пресобладаніе Англійской націи: вслѣдствіе чрезмѣрныхъ дождей, поражаемыхъ близостью ея къ Атлантическому Океану, почва ея очень болотиста и требуетъ большихъ усилій и большихъ расходовъ для дренажа. Важное неудобство для Ирландіи заключается еще въ томъ что она изолирована отъ Европы, что между нею и континентомъ лежитъ такая производительная и богатая страна какъ Англія. Не прежде чѣмъ въ концѣ XVI столѣтія, при Елисаветѣ, начинаетъ она воспринимать цивилизацію, но тутъ наступаютъ внутреннія смуты и войны до крайности ее истощившія; при такихъ условіяхъ ея промышленность и торговля не могли пріобрѣсти значительныхъ размѣровъ. Другое дѣло Англія, промышленная дѣятельность коей развивалась безпрепятственно въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, ибо за исключеніемъ междоусобій при Карлѣ I не происходило со временъ войны Бѣлой и Черной Розы ничего такого что препятствовало бы ея успѣхамъ на этомъ поприщѣ. Впрочемъ, хотя Ирландія отнюдь не стояла на одномъ уровнѣ съ Англіей, она могла бы при благоприятныхъ обстоятельствахъ достигнуть прочнаго благосостоянія; если почва ея была не пригодна для произ-

водства хлѣба, то все-таки нельзя было считать ее совершенно безплодною; страна эта славилась своими пастбищами; скотъ ея считался лучшимъ въ западной Европѣ. На приморскихъ ея берегахъ находилось много удобныхъ гаваней, и не было у нея недостатка въ судоходныхъ рѣкахъ. Географическое положеніе какъ бы предназначало ее служить однимъ изъ важныхъ средоточій торговыхъ сношеній.

Суждено ли было ей достигнуть всего этого послѣ того какъ утвердилось въ ней англійское владычество? Кровавыми войнами смѣнились наконецъ глубокимъ миромъ, и воспользовалось ли правительство Англіи наступившимъ теперь продолжительнымъ періодомъ тишины и спокойствія чтобы залѣчить раны нанесенныя Ирландіи? Какъ сказали мы сейчасъ, оно ничего не могло страшиться отъ нея, и должно было бы направить всѣ свои усилія къ тому чтобы извлечь ее изъ улака. Случилось однако иначе. Несомнѣнные факты доказываютъ что Англія не только не озабочилась открыть новые пути для обогащенія Ирландіи, но систематически подавляла даже тѣ отрасли производительности которыя развились въ ней въ прежнее время.

Такъ, напримѣръ, Англія служила однимъ изъ главныхъ рынковъ для сбыта ирландскаго скота. Англійскіе землевладѣльцы не переставали повторять что это въ высшей степени невыгодно для ихъ интересовъ, и имъ удалось наконецъ добиться что ввозъ изъ Ирландіи въ Англію какого бы то ни было скота подвергся безусловному запрещенію. Этою мѣрой нанесенъ былъ тяжкій ударъ одному изъ главнѣйшихъ источниковъ доходовъ страны, но одновременно съ нею были привалы другія мѣры отличавшіяся не менѣе гибельными послѣдствіями. Хотя Ирландцы были слишкомъ бѣдны для того чтобы производить обширную торговлю, но все-таки у нихъ уже находилось не мало торговыхъ судовъ, посредствомъ которыхъ они производили довольно дѣятельныя сношенія съ колоніями: новый предметъ осласеній для Англичанъ! Они боялись что этотъ торговый флотъ можетъ разростись, что Ирландія, стоявшая на пути ихъ къ Америкѣ, будетъ въ состояніи современемъ успѣшно соперничать съ ними. Хотя Навигационнымъ актомъ 1660 года Ирландія относительно морской своей торговли была совершенно уравнена съ Англіей, въ послѣдствіи она подверглась

однако существеннымъ ограниченіямъ; еврейскіе товары могли быть доставляемы въ Колоніи не иначе какъ изъ Англіи, на англійскихъ судахъ, управляемыхъ англійскими капитанами, а что касается товаровъ привозимыхъ изъ Колоній, то выгрузка ихъ должна была производиться непременно на англійскихъ берегахъ. Легко понять какими послѣдствіями должно было отразиться подобное распоряженіе на Ирландію. Справедливо говоритъ Свифтъ: „Обиліе портовъ и гаваней, которыми такъ щедро надѣлена моя родина природа, приноситъ ей столько же пользы, сколько прекрасный садъ человѣку запертому въ тюрьмѣ.“

Такъ какъ ввозъ скота въ Англію былъ воспрещенъ ирландскимъ землевладѣльцамъ, то они держали на своихъ латифундіяхъ преимущественно стада овецъ и занимались торговлею шерсти. Еще въ 1636 году Страффордъ утверждалъ что это можетъ причинить серьезный ущербъ Англіи. „Слѣдуетъ опасаться“, говоритъ онъ, „что Ирландцы отодвинутъ насъ на второй планъ, продавая шерсть по болѣе дешевой цѣнѣ, а они на это очень способны.“ Впрочемъ, въ которое время не принималось было ничего чтобы етѣснить упомянутую отрасль производства; только при Карлѣ II послѣдовало запрещеніе вывозить шерсть сырымъ въ другія государства, но такъ какъ запрещеніе это касалось одинаково и Англіи и Ирландіи, то еще можно было мириться съ нимъ. Торговля шерстью приняла обширные размѣры, тысячи рукъ были заняты ею, и все предвѣщало ей блестящее развитіе. „Англійское правительство“, говоритъ г. Лекки, „могло бы достигнуть важнѣхъ результатовъ, авившись тутъ на помощь ирландскимъ землевладѣльцамъ, оно содѣйствовало бы распространенію зажиточности въ народонаселеніи Ирландіи, упроченію въ немъ привычки къ труду и порядку“, но у правительства были другія цѣли. Именно въ это самое время шерстяная мануфактура начинаютъ распространяться въ Англіи, и англійскіе торговцы поднимаютъ вопль о томъ чтобъ оградить ихъ отъ состязанія съ Ирландцами. Требования ихъ не остались тщетными. Палата лордовъ обратилась къ королю съ адресомъ, въ которомъ говорила о необходимости „принять строгія мѣры противъ ввоза шерсти изъ Ирландіи въ видахъ огражденія интересовъ національной индустріи“. Такъ и было поступлено. По прежнимъ постановленіямъ для ирландской шерсти прегражденъ былъ

доставилъ въ колонію, а теперь закрылся для нас и англійскій рынокъ: разореніе было полное, разореніе доказавшее Ирландцамъ что они безжалостно прилеплены въ жертву корыстолюбію Англичанъ. Несчастливая страна бросалась на разные пути съ цѣлью улучшить свое благосостояніе, и повсюду терпѣла неудачи нисколько не по собственной винѣ. Англійское правительство, затормозивъ въ ней развитіе морской торговли, скотоводство и торговлю шерстью, обѣщало оказать поддержку полотнянымъ и льняковымъ фабрикамъ, но не говоря уже о томъ что переходъ отъ одного производства къ другому сопряженъ съ большими трудностями, оно вслѣдствіе объ этомъ обѣщаніи лишь когда нищета въ Ирландіи достигла ужасоужасныхъ размѣровъ. Голодъ сдѣлался почти хроническимъ явленіемъ въ этой странѣ. Особенно мрачныя воспоминанія сохранились о голодѣ 1740—41 годовъ. Одинъ изъ современниковъ утверждалъ что при этомъ погибло не менѣе 400.000 человекъ, цифра очевидно крайне преувеличенная, но съ другой стороны въ относящихся къ тому времени письмахъ лицъ, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи, встрѣчаются жоразительныя свѣдѣнія о бѣдствіяхъ испытанныхъ ирландскимъ народонаселеніемъ. Еписколъ Беркъ сообщалъ между прочимъ слѣдующее своему другу, извѣстному писателю Приору: „Страданія бѣдныхъ и больныхъ безконечны; народъ въ графствахъ Коркъ и Лимерикъ умираетъ въ такихъ размѣрахъ что трудно этому и повѣрить. Едва ли въ цѣлое столѣтіе страна оправится отъ этого несчастія. Въ Лимерикскомъ графствѣ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, совершенно не осталось жителей; сэръ-Ричардъ Кокъ разказывалъ мнѣ недавно что въ одномъ его приходѣ, весьма мало населенномъ, умерло не менѣе пятисотъ человекъ.“ Къ этому-то времени относится пропитанный желчью и горькою ироніей памфлетъ Свифта: *Скропное предложеніе о томъ какъ предупредить чтобы въ Ирландіи бѣдные не были съ тлѣнныя своими родными и странн.*

Нѣкоторые историки приводятъ въ оправданіе Англій то обстоятельство что политика, породившая уломянутыя бѣдствія, вовсе не была вызвана какою-либо жестокостію и злоизвономъ, что ее свѣдуетъ приписать исключительно ложнымъ экономическимъ понятіямъ той эпохи. Въ описываемое время господствовало непоколебимое убѣжденіе что

интересы колоній и другихъ подвассальныхъ областей должны быть всецѣло приносимы въ жертву интересамъ метрополіи. Люди, пользовавшіеся тогда большимъ авторитетомъ въ наукѣ, развивали этотъ взглядъ въ своихъ сочиненіяхъ, и не удивительно что англійское общество усвоило его себѣ. Такъ поступало оно относительно Шотландіи, относительно американскихъ колоній, почему же обвинять его что именно къ Ирландіи не былъ примѣненъ иной образъ дѣйствій? Г. Лекки отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: „Особенность заключалась не столько въ коммерческомъ законодательствѣ Англіи, сколько въ положеніи Ирландіи. Шотландія, напримѣръ, обладала независимымъ парламентомъ, опиравшимся на поддержку всей націи, и она имѣла поэтому возможность причинять не мало тревогъ Англійскому правительству, которое вынуждено было установить съ нею унію не иначе какъ посредствомъ уступки въ ея пользу значительныхъ торговыхъ привилегій. Американскія колоніи обладали въ своихъ собственныхъ предѣлахъ почти неисчерпаемыми источниками богатства. Никакими стѣснительными мѣрами нельзя было совершенно подавить ихъ матеріальное преуслѣваніе; къ тому же онѣ находились на такомъ дальнемъ разстояніи отъ метрополіи что оказывалось практически невозможнымъ причинить ущербъ ихъ торговлѣ. Не таково было положеніе Ирландіи. Парламентъ ея вполнѣ зависѣлъ отъ парламента англійскаго; она находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Англіей; огромное большинство ея народонаселенія было подавлено и гражданскимъ, и церковнымъ законодательствами; всѣ сколько-нибудь энергическіе и проникнутые благороднымъ честолюбіемъ ея вожди находились въ изгнаніи. Такимъ образомъ она находилась безусловно во власти Англіи, и власть эта какъ бы постановила себѣ задачей уничтожить всѣ элементы ея благосостоянія.“

Въ образѣ дѣйствій Англійскаго правительства и англійскаго общества не можетъ не поражать одна странность: всѣ усилія ихъ были направлены къ тому чтобы подавить туземное народонаселеніе въ Ирландіи и обезлечить господство въ этой странѣ Англичанъ исповѣдывавшихъ протестантскую религію, а между тѣмъ и этотъ классъ общества долженъ былъ сильно страдать отъ постановленій направленныхъ противъ ирландской промышленности и

торговли. Въ обладаніи его сосредоточилось большое количество земли, но онъ не могъ извлекать изъ нея всю желаемую пользу. А между тѣмъ очевидно въ интересахъ Англіи было чтобъ этотъ классъ отащался и значеніемъ, и богатствомъ—чѣмъ же объяснить что она такъ упорно дѣйствовала противъ его интересовъ? Тутъ, кажется, дѣйствительно играли видную роль тѣ ложныя экономическія понятія о которыхъ мы упоминали выше и отъ которыхъ Англія не въ состояніи была отказаться даже когда государственныя соображенія первостепенной важности должны были бы побуждать ее къ этому. Во всякомъ случаѣ англійскіе землевладѣльцы въ Ирландіи легко мирились со своею участью, по крайней мѣрѣ это слѣдуетъ сказать о наиболѣе вліятельныхъ и богатыхъ. Все-таки они получали болѣе или менѣе значительные доходы и довольствовались тѣмъ что проживали ихъ въ Англіи, посѣщая очень рѣдко и на короткое время свои помѣстья. По разчету Пріора въ 1729 году и по разчету Готчинсона въ 1770 году тѣ суммы, получаемыя землевладѣльцами съ ирландскихъ ихъ помѣстій, изъ которыхъ собственно въ Ирландіи не оставляемо было ровно ничего, простирались ежегодно до 1.200.000 ф. ст. Абсентеизмъ помѣщиковъ сдѣлался одною изъ главныхъ явъ несчастной страны. Сколько-нибудь богатый человѣкъ посѣщалъ ее лишь въ случаѣ крайней необходимости, его несколько не обольщала мысль прожить года два или три сряду въ своемъ имѣніи или даже въ Дублинѣ, ибо что могло бы тянуть его туда: уровень образованія общества былъ еще очень низокъ, развлеченій представлялось очень мало, заниматься серіозно хозяйствомъ было не легко вслѣдствіе уломянутыхъ нами выше причинъ, которыя препятствовали развитію народнаго хозяйства въ Ирландіи. Къ тому же эти помѣщики вообще чувствовали тамъ себя какъ-то не ловко. „Они не могли забыть“, говоритъ г. Лекки, „что земли перешли къ нимъ вслѣдствіе конфискаціи, и что прежніе владѣльцы или, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти были еще живы, что народъ помнилъ ихъ и окружалъ ихъ своимъ уваженіемъ. Страхъ что обстоятельства дозволятъ имъ когда-нибудь заявить о своихъ правахъ не давалъ покоя ихъ преемникамъ, и вотъ почему эти люди готовы были отказаться отъ многаго что послужило бы въ ихъ же пользу лишь бы не воспользовалось этимъ и ненавистное католическое

народонаселеніе. Они предпочитали держаться въ сторонѣ отъ Ирландіи получая однако оттуда свои доходы. Но при этомъ условіи нечего было и ожидать чтобы возникли когда-нибудь симпатіи между ними и массою народа, чтобы народъ пріучился видѣть въ нихъ своихъ естественныхъ представителей и вождей. Нравственное значеніе этого факта обнаружилось влоднѣ лишь гораздо позднѣе, когда политическая жизнь начала пробуждаться въ Ирландіи. Въ этотъ позднѣйшій періодъ одѣлалось какъ нельзя болѣе ясно что въ странѣ этой была подорвана основа на которой зиждется правильная общественная іерархія. Какъ скоро въ арміи солдаты теряютъ довѣріе къ офицерамъ, это тотчасъ же отражается самыми губительными послѣдствіями на всей ея организаци, дисциплина исчезаетъ, и войско, которое при другихъ обстоятельствахъ было исполнено воодушевленія, мужества и огня, превращается въ безпорядочную толпу. То же самое бываетъ и съ цѣлыми націями. Въ Ирландіи не существовало взаимнаго довѣрія между высшими и высшими классами общества, а потому когда народъ пробудился къ политической жизни, онъ смотрѣлъ на людей которые должны были бы руководить имъ какъ на своихъ враговъ; онъ искалъ другихъ вождей, и не рѣдко находилъ ихъ въ людяхъ не отличавшихся ни образованіемъ, ни общественнымъ положеніемъ, ни личными своими качествами, которые злоупотребили его довѣріемъ для корыстныхъ цѣлей, старались пріобрѣсти это довѣріе низкою лестью, выспренними фразами и дикою крайностью своихъ мнѣній.“

А между тѣмъ помѣщики не жившіе на своихъ земляхъ и почти никогда не покидавшіе Англію принадлежали еще далеко не къ числу худшихъ. Настоящими бичами народа были тѣ которые сами завѣдывали своимъ хозяйствомъ. Грубость ихъ нравовъ, алчность и своеволие превосходили всякое вѣроятіе. Лордъ Честерфильдъ, завимавшій должность намѣстника Ирландіи, говорилъ что они „привыкли обращаться съ бѣднымъ народомъ совершенно такъ какъ плантаторы обращаются съ неграми“; по словамъ другаго столь же достовѣрнаго писателя, знатаме помѣщики „имѣли въ своихъ домахъ настояція тюрьмы для провинившихся простолюдиновъ, и если возбуждаемы были по этому поводу судебныя пресѣдованія противъ нихъ, то присяжные всегда выносили оправдательные приговоры“.

писалъ объ Ирландіи въ концѣ XVIII вѣка, когда воспоминаія о конфискаціяхъ время Кромвеля отчасти уже изгладились; онъ говоритъ что въ положеніи страны обнаружилась замѣтная перемена къ лучшему, но тѣмъ не менѣе мы находимъ въ его книгѣ (*Tour in Ireland*) слѣдующія строки: „Владѣлецъ помѣстья населеннаго католиками обращается съ ними какъ деспотъ, соображающійся только со своими прихотями. Эти несчастные говорятъ языкомъ къ которому господствующій классъ относится съ презрѣніемъ, исповѣдуютъ религію не пользующуюся покровительствомъ законовъ, они совершенно беззащитны и среди свободы предоставленной другимъ, остаются совершенными рабами. Нѣтъ такого велѣлаго приказанія, придуманнаго землевладѣльцемъ, которое слуга или работникъ дерзнулъ бы не исполнить. Онъ требуетъ безусловнаго повиновенія. Противъ строптивыхъ онъ безнаказанно прибѣгаетъ къ палкѣ или ко хлысту, а если, бѣднякъ вздумаетъ защищаться, то онъ переломаетъ ему ребра. Побой вошли здѣсь въ такой обычай что это не можетъ не удивлять Англичанина. Многіе изъ землевладѣльцевъ увѣряли меня что ихъ рабочіе считаютъ для себя счастьемъ когда они обращаются съ извѣстнаго рода предложеніями къ ихъ женамъ и дочерямъ. Нѣсколько разъ съ изумленіемъ смотрѣлъ я какъ прислуга какого-нибудь джентльмена сгоняла въ ровъ цѣлые обозы чтобъ очистить путь экипажу своего господина. Если при этомъ телѣги ломаются, кладь опрокидывается, никто не думаетъ жаловаться на это, да и что за охота жаловаться когда отвѣтомъ на это послужатъ лишь удары хлыста. Миротворная юстиція находится въ рукахъ людей крайне невѣжественнаго образа мыслей, и если кто-нибудь изъ такихъ людей вздумалъ бы потребовать къ отвѣту джентльмена или личность претендующую на званіе джентльмена, то онъ можетъ быть увѣренъ что не долго придется ему исполнять свои обязанности....“

Если таковы были землевладѣльцы, проживавшіе въ своихъ помѣстьяхъ, то нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ г. Лекки что сравнительно были лучше тѣ которые почти никогда не посѣщали помѣстій. Впрочемъ, отсутствіе ѣтихъ крупныхъ собственниковъ отзывалось на народѣ не менѣе тяжкими послѣдствіями. Отстранившись вовсе отъ завѣдыванія хозяйствомъ, они отдавали на откупъ сборъ платы со

своихъ мелкихъ фермеровъ кому-нибудь изъ фермеровъ же болѣе зажиточныхъ, и требовали лишь правильнаго поступленія доходовъ. Такимъ образомъ возникъ особый разрядъ людей, такъ-называемые middlemen, настоящіе кроволійцы, извлекавшіе всѣ соки изъ несчастныхъ съ которыми приходилось имъ имѣть дѣло. Они были избираемы непремѣнно изъ протестантовъ, и потому относились съ ненавистью къ католическому народонаселенію; они не обладали даже въ зародышѣ какимъ-либо образованіемъ, а потому ихъ обращеніе съ подчиненными отличалось особою грубостью и жестокостью; они имѣли въ виду только одну цѣль—угодить своему господину и не останавливались для нея ни предъ какими средствами. Не рѣдко middlemen слѣдовали въ свою очередь примѣру подавнему землевладѣльцамъ, то есть не проживали сами въ помѣстьѣ, и уже отъ себя, и конечно не безъ малой выгоды, сдавали на откупъ сборъ правдой платы другимъ столь же недостойнымъ и алчнымъ людямъ.

Взглянемъ теперь на положеніе англиканской церкви въ Ирландіи. Число лицъ принадлежавшихъ къ ней составляло только одну седьмую часть всего народонаселенія страны; то были люди отличавшіеся отъ всѣхъ другихъ своею зажиточностью; они съ избыткомъ обладали средствами содержать свое духовенство, а между тѣмъ бремя содержанія его падало главнымъ образомъ на массу народа, погрязавшую въ нищетѣ и исповѣдывавшую католицизмъ, къ которому господствующая церковь относилась съ ненавистью и презрѣніемъ. На основаніи закона 1735 года многія изъ помѣстій принадлежавшихъ протестантамъ были даже освобождены отъ взноса десятины въ пользу этой церкви, но никакія льготы не коснулись бѣднаго класса народонаселенія; изъ скудныхъ своихъ средствъ, не хватавшихъ для обезпеченія его жалкаго существованія, онъ долженъ былъ неуклонно уплачивать десятину, сборъ которой, по примѣру землевладѣльцевъ, духовенство отдавало очень часто на откупъ. Эти сборщики, такъ-называемые tithe collectors, славились репутаціей отнюдь не болѣе завидною чѣмъ тѣ которые служили посредниками между землевладѣльцами и ихъ фермерами. Противъ нихъ главнымъ образомъ направлены были бунты въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Вся дѣятельность англиканскаго духовенства въ Ирландіи какъ бы умышленно была разчитана на то чтобы не только поддерживать, но усиливать ненависть къ нему. Такъ, напримеръ, подъ его руководствомъ возникло общество, поставившее себѣ цѣлю учреждать школы, такъ называемыя *charter schools* для дѣтей бѣдныхъ католиковъ. Чтѣ могло бы повидимому быть великодушнѣе этого? Огромное большинство католическаго народонаселенія погрязало въ нищетѣ; не существовало никакого учрежденія для облегченія участи неимущихъ, и когда случался неурожай, то взрослые и малолѣтніе буквально погибали отъ голода сотнями и даже тысячами: какъ же было не радоваться что общество, о которомъ мы упомянули, обѣщало принимать на свое попеченіе дѣтей обоюго пола въ возрастѣ начиная отъ шести до десяти лѣтъ, кормить и одѣвать ихъ, заботиться объ ихъ образованіи, приучать ихъ къ разнымъ ремесламъ, а когда они достигаютъ совершеннолѣтія, то дѣвушкамъ давать приданое, а юношамъ приискывать мѣста. Но поставлялось одно непремѣнное условіе чтобы воспользоваться всеми этими благами—дѣти должны были воспитываться въ правилахъ протестантской вѣры. Бѣднѣйшіе изъ католиковъ вынуждены были нерѣдко соглашаться и на это тяжкое условіе. Обнаружилось однако что они помещали своихъ дѣтей въ эти *charter schools* лишь въ то время когда свирѣлствовалъ голодъ; какъ скоро оправлялись они отъ этого несчастія, то слѣшали брать ихъ оттуда. Англійское законодательство не замедлило придти въ этомъ отношеніи на помощь благотворительному обществу; парламентъ, который всячески покровительствовалъ ему и даровалъ ему даже субсидію во 112.000 ф. ст., постановилъ что какъ скоро дѣти поступили въ школу, то родители уже теряютъ на нихъ права, не могутъ требовать ихъ къ себѣ обратно; почти одновременно съ тѣмъ обществу было разрѣшено безъ согласія родителей или родственниковъ привлекать въ *charter schools* всѣхъ малолѣтнихъ католическаго вѣроисповѣданія, которые въ городахъ и селахъ занимались сборомъ милостыни. Вообще же всякія сношенія были прерываемы между учащимися и ихъ родными: этимъ послѣднимъ воспрещено было посѣщать школы или даже переписываться съ воспитанниками.

Таковы были *charter schools*, о которыхъ многіе англійскіе историки отзываются съ необыкновенными похвалами; еще недавно г. Фроудъ выразился о нихъ что они принадлежали къ лучшимъ воспитательнымъ учрежденіямъ когда-либо существовавшимъ въ мірѣ (*the best educational institutions which existed in the world*). Нельзя не удивиться этому отзыву, если вспомнить какое условіе связано было съ поступленіемъ въ нихъ. „*Charter schools*“, говоритъ г. Лекки, „подносили людямъ жаждавшимъ образованія кубокъ наполненный, по мнѣнію этихъ людей, ядомъ, ибо подъ видомъ благотворительности онѣ посягали на то что наиболѣе дорого человѣку—на религіозныя его вѣрованія.“ Несмотря на всѣ свои усилія, общество само сознавалось что оно рѣшительно не достигаетъ своей цѣли. Въ 1757 году въ просьбѣ поданной имъ парламенту было прямо сказано что *charter schools* почти пусты, что во всѣхъ ихъ число воспитанниковъ едва достигаетъ 2.000. „Такъ сильное изувѣрство католиковъ“, гласилъ этотъ отчетъ, „что только настоятельная нужда заставляетъ ихъ разставаться съ дѣтьми, которыхъ они страшатся лишиться спасенія въ будущей жизни если отдадутъ ихъ на наше поличеніе.“ Парламентъ не щадилъ пособій обществу, но ничто не помогало. Дѣло въ томъ что не говоря уже о цѣли которая сопряжена была съ учрежденіемъ *charter schools*, самое устройство ихъ представляло въ высшей степени печальную картину, несмотря на возгласы г. Фроуда что ничего лучшаго нельзя было бы отыскать во всемъ мірѣ. Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ этимъ заведеніямъ извѣстнымъ филантропомъ Говардомъ, который посѣтилъ въ 1788 году Ирландію главнымъ образомъ для того чтобъ ознакомиться съ состояніемъ тамошнихъ тюремъ. Онъ осмотрѣлъ, между прочимъ, и упомянутыя школы, и результаты своихъ наблюденій изложилъ въ сочиненіи своемъ *The state of prisons*. Этотъ почтенный человѣкъ имѣлъ мужество разоблачить истину; положеніе школъ оказалось до такой степени плачевно, до такой степени постыдно для протестантскаго духовенства что скорѣе онѣ способны были усиливать въ народонаселеніи привязанность къ католицизму чѣмъ ослаблять ее. Чрезвычайно сильное впечатлѣніе было произведено этимъ разоблаченіемъ; ирландскій парламентъ назначилъ сабдественную комиссію; въ числѣ лицъ дававшихъ пока-

завія явлася предъ нею и Говардъ. По слѣдствію открылись ужасныя вещи. Было дозволено что учредители общества расходовали на собственныя потребности часть суммъ ассигнованныхъ имъ парламентомъ, что дѣти ходили въ рубищахъ, были покрыты насѣкомми, и что кормили ихъ очень плохо; о воспитаніи этихъ дѣтей почти вовсе не заботились, а съ равнаго возраста заставляли ихъ по восьми часовъ въ день работать въ поляхъ и домахъ принадлежавшихъ учредителямъ, такъ что школы превращались для нихъ нѣкоторымъ образомъ въ арестантскія роты. Какъ мало заботились объ обученіи этихъ несчастныхъ, видно изъ того что мальчики и дѣвочки, оставшіеся по десяти и по двѣнадцати лѣтъ въ этихъ заведеніяхъ, не умѣли читать даже по складамъ. Многіе изъ свидѣтелей показали что крестьяне, проходя мимо ragged schools, имѣли въ обычаѣ посылать имъ проклятiя.

Мы остановились нѣсколько подробно на этихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ, ибо защитники англиканской церкви въ Ирландіи ссылаются преимущественно на нихъ въ доказательство что ея благотворительность простиралась даже на лицъ другаго исповѣданія. Читатели могутъ теперь судить что это была за благотворительность! Ничего лучшаго нельзя было однако ожидать если обратить вниманіе на нравственный уровень тогдашняго англиканскаго духовенства. При замѣщеніи епископскихъ кафедръ обращалось вниманіе не на нравственныя качества, не на богословское образованіе, а главнымъ образомъ на политическій образъ мыслей и на пригодность извѣстнаго лица служить послушнымъ орудіемъ господствовавшей системы. Свифтъ говорилъ что „въ теченіе цѣлаго столѣтія во всей Ирландіи не было даже десятка духовныхъ лицъ, которыя получили бы мѣста за что-либо кромѣ безусловной преданности интересамъ Ганноверскаго дома.“ По словамъ г. Лекки, почти всѣ епископы принадлежали къ разряду такъ-называемыхъ „политиковъ“ (politicians) въ худшемъ смыслѣ слова; почти всѣ они отличались неважнымъ значеніемъ, поглощаемъ были заботой о томъ чтобы важить состояніе самимъ себѣ и пристроить многочисленную толпу своихъ родственниковъ. Рѣдкими исключеніями являлись такія личности какъ Беркли и Кингъ, особенно послѣдній, который, какъ видно изъ описанныхъ

въ послѣдствіи его писемъ, жестоко клеймили своихъ собратій. Абсентеизмъ въ средѣ этихъ протестантскихъ епископовъ, жившихъ насчетъ католическаго народонаселенія, былъ такимъ же обычнымъ явленіемъ какъ абсентеизмъ крутныхъ землевладѣльцевъ. Они получали доходы и не хотѣли знать своей паствы. Епископъ Гаккетъ въ теченіе двадцати лѣтъ орляду ни разу не посетилъ своей епархіи; примѣру его слѣдовалъ Дигби, который, по словамъ современниковъ, обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ тому что многія вліятельныя лица и знатныя дамы очень цѣнили его талантъ рисовать акварелью; епископъ Фацджеральдъ точно также постоянно проживалъ въ Англіи, подъ конецъ совершенно отупѣлъ отъ старости, и всѣми дѣлами завѣдывала его жена. „Вообще“, говоритъ г. Лекки, „то были лица принадлежавшія къ аристократическому классу общества, сильныя своими связями и славившіяся умѣньемъ хорошо жить. Гжа Делани рассказываетъ въ своихъ *Мемуарахъ* что когда въ 1732 году проѣзжала она черезъ городъ Киллау (Killala), то наша всѣхъ жителей въ необычайно веселомъ настроеніи духа по поводу конскихъ скачекъ, устроенныхъ епископомъ Клейтономъ. По словамъ ея все назначеніе настоящаго ирландскаго епископа въ томъ чтобъ ѣсть, пить, толстѣть, обогащаться и затѣмъ умереть (to eat, drink, grow fat, rich and die).“

Если таковы были епископы, то нечего было ожидать и отъ низшаго духовенства. Лица принадлежавшія къ нему точно также получали мѣста по протекціи и отнюдь не больше заботились о своей паствѣ. И между ними очень многіе предпочитали удобства англійской жизни скучному пребыванію въ Ирландіи. Начальники войскъ, располоченныхъ въ этой странѣ, жаловались что полковные священники смотрятъ на свои должности какъ на сивекуру, и что никто не видитъ ихъ въ глаза.

Страшное безправіе, воцарившееся въ Ирландіи, и развратъ господствовавшаго класса общества не могли не отразиться губительными послѣдствіями на католическомъ населеніи. Менѣе всего коснулись они массы народа. Народъ былъ подавленъ, страдалъ отъ нищеты, посреди невмощныхъ гонемій сохранилъ привязанность и къ своей вѣрѣ, и къ своимъ обычаямъ. Не таково было положеніе зажиточныхъ, хотя ихъ осталось очень немного, и болѣе или

меньше образованныхъ лицъ католическаго вѣроисповѣданія. Лучшіе изъ нихъ слѣдили эмигрировать изъ своего отечества, и, поступивъ на службу въ различныхъ европейскихъ государствахъ, они и ихъ потомки доказали что Ирландія извлекала бы большую пользу изъ ихъ услугъ еслибы ихъ дѣятельность могла развиваться тамъ безпрепятственно. Лордъ Клеръ сдѣлался маршаломъ Франціи; Ласи, Броуиъ составили себѣ видное положеніе въ Россіи; Диллоны прославились въ рядахъ французскихъ войскъ, а одинъ изъ нихъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа тулузскаго; Лаали-Толлевадь отличившійся при Деттингенѣ и Фонтенуа явился опаснымъ соперникомъ Англичанъ въ Остѣ-Индіи; Турковель занималъ должность французскаго посла при Берлинскомъ дворѣ; въ австрійской арміи было не мало отличныхъ офицеровъ изъ ирландскихъ выходцевъ; Испанія открыла широкое поприще дѣятельности для О'Доннеллей и О'Рейлли. Но тѣ изъ ирландскихъ католиковъ, принадлежавшихъ къ высшему классу общества, которые предпочли остаться на родинѣ, очень часто не имѣли мужества устоять противъ испытываемаго давленія. Они отрекались отъ своей вѣры и — что еще хуже — отрекались отъ нея иногда лишь по вѣншности, продолжая оставаться католиками. Они посѣщали протестантскія церкви, а между тѣмъ католическіе священники служили у нихъ дома обѣдню, и они, конечно, тщательнo скрывая это, воспитывали своихъ дѣтей въ правилахъ католицизма. По словамъ одного современника, число такихъ лицъ доходило въ началѣ XVIII вѣка почти до 5.000. Въ оправданіе свое они могли бы привести лишь тотъ невыносимый гнетъ который тяготѣлъ надъ католическою церковью. Гнетъ этотъ и въ XVIII столѣтіи, долго послѣ религіозныхъ войнъ, превосходилъ всякое вѣроятіе. Чтобы составить себѣ понятіе о немъ нужно прочесть въ книгѣ г. Лекки страницы озаглавленныя имъ „травля священниковъ“ (Priest-hunting). То была дѣйствительно травля въ настоящемъ смыслѣ слова: охотниками являлись агенты правительства, которые въ лоробныхъ допросахъ своихъ разказываютъ съ какими трудностями преслѣдовали они священниковъ укрывавшихся въ дѣсахъ и болотахъ, гнались за ними по слѣдамъ, отбивались отъ крестьянъ и, захвативъ наконецъ свои жертвы, влекли ихъ связавшихъ по рукамъ и ногамъ въ темницу.

Не мало было говорено о преступленіяхъ совершавшихся въ Ирландіи, объ обширныхъ разбойничьихъ организаціяхъ, возникавшихъ въ этой странѣ, но при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ она находилась, явленіе это не представляетъ ничего страннаго. Прежнія междоусобія, крайняя нищета, бродяжничество, антагонизмъ двухъ религій, эгоизмъ и жестокости землевладѣльцевъ поселившихся въ конфискованныхъ помѣстьяхъ—все это вызывало дурныя страсти которыми пользовались отважные люди; предводителями голоднаго и нищаго сброда являлись по большей части прежніе мелкіе владѣльцы, выжужденные теперь пробавляться милостыней; они-то подъ названіемъ *togies* и *garraiges*, во главѣ цѣлыхъ шакъ, вели непримиримую войну съ тѣми кому удалось занять ихъ мѣсто. Преступленія отличались самымъ разнообразнымъ характеромъ: то были поджоги, убійства, истребленіе скота въ огромныхъ размѣрахъ, и т. п. Впрочемъ, г. Лекки убѣдительно доказываетъ что они смущали спокойствіе страны особенно въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, тотчасъ послѣ пережитыхъ ею смуть, и затѣмъ возобновились въ концѣ этого столѣтія, когда Ирландія начала уже менѣе терпѣливо чѣмъ прежде переносить свое иго: въ среднѣй же этого періода народъ былъ такъ поработченъ и подавленъ что у него какъ бы исчезла всякая надежда на улучшеніе своей судьбы, и онъ выказывалъ тулую покорность. Во всякомъ случаѣ въ высшей степени несправедливо говорить, какъ это дѣлаютъ многіе историки, основываясь на упомянутыхъ явленіяхъ, о глубокой испорченности ирландскаго народонаселенія, точно такъ же какъ несправедливо упрекать его въ праздности, въ нерасположеніи къ труду. Если дѣйствительно обнаруживались въ немъ эти мрачныя стороны, то можно безошибочно утверждать что онѣ условивались несчастными обстоятельствами, независящими отъ его воли. „Конечно“, замѣчаетъ по этому поводу г. Лекки, „и другіе народы подвергались тяжкимъ бѣдствіямъ, но во всей исторіи трудно приискать примѣръ чтобы столько разнообразныхъ и могущественныхъ вліяній соединилось съ цѣлю извратить характеръ націи и подорвать ея благосостояніе. Главная отвѣтственность въ этомъ лежитъ, конечно, на англійскомъ обществѣ и на развращенномъ и эгоистическомъ Англійскомъ правительствѣ. Ни одна страна не располагала судьбами другой въ такой

отелепи какъ Англія располагала судьбами Ирландіи въ теченіе трехъ четвертей вѣка послѣ революціи 1688 года. Она не встрѣчала ни откуда ни малѣйшаго сопротивленія. Ирландія въ ея рукахъ была ганной, изъ которой она могла дѣлать что угодно. Торговое законодательство, погубившее ирландскую промышленность, конфискація ирландскихъ земель, потрясая всѣ основы соціальнаго устройства страны, возмутительныя преслѣдованія католической церкви, приверженцевъ коей заставляли обезпечивать содержаніе протестантскаго духовенства, не заботившагося даже о собственной паствѣ—все это было дѣломъ Англійскаго правительства и англійскаго парламента. Конечно, значительная часть вины падаетъ и на парламентъ ирландскій, но не забываетъ забывать что онъ находился вполнѣ подъ англійскимъ вліяніемъ, а такъ какъ съ 1691 года католики не могли засѣдать въ немъ, то онъ отличался исключительно сектаторскимъ характеромъ. Словомъ, вся исторія Ирландіи со времени королевы Маріи подтверждаетъ уже высказанную нами мысль что страна эта предназначена была служить добычею англійскихъ искателей приключеній, которые считали стоить же позволительнымъ пользоваться ея землями какъ и тѣми по которымъ бродятъ въ Америкѣ краснокожіе.“

Еслибъ Англичане смотрѣли на Ирландію иначе, то они имѣли средства въ XVIII вѣкѣ заставить ее забыть прошлое, загладить свои волюціи несправедливости относительно ея. Конечно, было въ этой странѣ не мало недовольныхъ, съ которыми примиреніе оказывалось невозможнымъ, но никакъ нельзя было сказать того же самаго объ огромномъ большинствѣ народа. Замѣтная перемена произошла въ немъ. Легкомысленный образъ дѣйствій Карла II относительно Ирландцевъ, безсердечіе обнаруженное Яковомъ II, жестокія преслѣдованія католиковъ при Аннѣ, дочери этого Якова II за котораго Ирландцы проливали свою кровь, все это сильно охладило ихъ къ Стюартамъ. Они знали что государи новой династіи, воцарившейся въ 1714 году, славились въ своемъ Ганноверскомъ курфиршествѣ рѣдкою вѣротерпимостью; они ожидали того же самаго и для себя. Не мало католиковъ принадлежавшихъ къ высшему классу общества старались выставить себя вѣрными слугами правительства — sometimes even extra-

gantly loyal, какъ говоритъ г. Лекки; что касается народа, то онъ былъ слишкомъ поглощенъ матеріальными своими нуждами чтобъ откликаться на какіе-нибудь политическіе замыслы. Словомъ, мудрая и менѣе жестокая политика могла бы какъ нельзя лучше воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, но Англія продолжала упорно держаться прежняго пути. Несмотря на то въ теченіе шестидесяти лѣтъ орду спокойствіе ни разу не было нарушено въ Ирландіи, хотя въ самой Англіи происходила одно за другимъ два возстанія и хотя Франгузы неоднократно угрожали высадкой. Базалось бы сѣдовало непремѣнно ожидать возмущенія со стороны Ирландцевъ, когда въ 1745 году претендентъ вознамѣрился отстаивать свои права, но они не тронулись, и въ захваченныхъ бумагахъ претендента не найдено было даже намека на отношенія его съ ними. Все это нисколько не измѣвило настроенія англійскаго общества, которое имѣло въ виду только безжалостную эксплуатацію Ирландіи и оставалось глухо къ ея воплямъ.

VI.

Въ *Исторіи Англіи* Маколея есть превосходная глава въ которой онъ изобразилъ состояніе этой страны въ концѣ XVII вѣка предъ революціей, окончательно низвергнувшей престолъ Стюартовъ. Г. Лекки попытался сдѣлать то же самое относительно первой половины XVIII столѣтія. Нельзя конечно требовать отъ него блестящаго таланта которымъ отличался знаменитый его предшественникъ, но тѣмъ не менѣе ему удалось начертить весьма интересную картину, и въ заключеніе нашего очерка мы считаемъ не лишнимъ хотя отчасти познакомить съ нею читателей.

Отличительную черту тогдашняго англійскаго общества г. Лекки видитъ въ отсутствіи высокихъ стремленій, въ глубокомъ нравственномъ упадкѣ, который охватилъ его. Религіозный энтузіазмъ, энтузіазмъ политическій, гсворить онъ, какъ бы совершенно заглохли; всюду господствовала апатія. Быть-можетъ это происходило отъ того что силы націи были чрезмерно напряжены въ предшествовавшій періодъ—періодъ борьбы междуусобной и со внѣшними врагами—но какъ бы то ни было

явленіе это несомнѣнно. Оно обнаруживалось одинаково и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ политической жизни. Оно сильно смущало лучшихъ людей того времени, какъ видно изъ сочиненія *Estimate of the manners and principles of the times*, авторъ коего, Броунъ, теперь совершенно забытъ, но въ тогдашнемъ избранномъ, хотя и немногочисленномъ кругу пользовался большимъ уваженіемъ. „Тщетно было бы искать“, говорилъ онъ, „въ теперешнемъ нашемъ обществѣ, безкорыстной любви къ отечеству; оно утратило всѣ свои прежнія добродѣтели.“ Въ высшихъ классахъ, по словамъ этого строгаго судьи, преобладали матеріальныя наклонности; релігіозные вопросы, еще недавно волновавшіе публику, утратили для нея интересъ; она сдѣлалась равнодушна ко всякому отличію, спокойно смотритъ на то какъ высшія должности на государственной службѣ раздаются не по заслугамъ, а по связямъ; правительство не стѣсняется прибѣгать къ подкуламъ чтобы составить себѣ большинство въ парламентѣ, ибо этотъ укоренившійся обычай убѣдилъ его до какой степени сдѣлалась податлива общественная совѣсть. Это далеко не голословныя обвиненія, говоритъ Броунъ; краснорѣчивые факты подтверждаютъ ихъ; еслибы настроеніе общества было иное, то развѣ случилось бы что-нибудь подобное той позорной роли которую оно разыграло во время возстанія 1745 года, когда „лица всѣхъ классовъ общества, кончая простымъ констеблемъ, вмѣсто того чтобы взяться за оружіе и смѣло взглянуть въ лицо опасности, старались лишь укрыться отъ нея, когда инсургенты дошли безпрелютственно почти до самой столицы?“ Г. Лекки сильно упрекаетъ тогдашнее правительство за то что оно вовсе не заботилось пробудить умственные интересы въ обществѣ и не являлось на помощь немногимъ избраннымъ людямъ, которые среди всеобщаго упадка преслѣдовали высокія цѣли. По этому поводу высказываетъ онъ слѣдующія мысли: „Съ точки зрѣнія правительства несправедливо и неполитично допускать чтобы замѣчательные мыслители, философы, ученые были отвлекаемы матеріальною нуждой отъ труднаго поприща которому они посвящаютъ себя чтобы для обезпеченія своего существованія вынуждены были они извращать свои рѣдкія способности. Справедливо замѣтилъ кто-то что тѣ произведенія не обречены на долговѣчность которыми можно

жить (the writings by which one can live are not the writings which themselves live). Развить въ книгѣ глубокую мысль, способную привлечь вниманіе истинно образованнаго чело-вѣка, отстаивать непопулярныя мнѣнія, изложить на немногихъ страницахъ результаты трудныхъ и продолжительныхъ изслѣдованій—все это противорѣчитъ матеріальнымъ расчетамъ автора. Извѣстно что наиболѣе глубокомысленныя сочиненія были тотчасъ послѣ своего выхода въ свѣтъ одѣживаемы лишь весьма немногими и лишь гораздо позднѣе становились общимъ достояніемъ. Искусный писатель, заботящійся только о выгодѣ, тотчасъ подмѣтитъ что уровень образованія огромнаго большинства читателей не высокъ, и что именно ихъ нужно имѣть въ виду для пріобрѣтенія популярности. Онъ постарается изложить свои мысли въ нѣсколько блестящей, привлекательной, но поверхностной книгѣ, вскорѣ написанной и вскорѣ читаемой; онъ не забудетъ что масса публики ищетъ въ книгѣ только развлеченія, будетъ тщательно избѣгать всего что противорѣчитъ ея предразсудкамъ, или можетъ ей наскучить, и онъ какъ нельзя лучше достигнетъ своей цѣли, то-есть обезпечитъ своимъ произведеніямъ обширный сбытъ. Съ другой стороны, ученые, обладавшіе необыкновенными способностями, тратили нерѣдко лучшіе годы своей жизни на труды которые не приносили имъ куска хлѣба; не мало можно было бы указать между ними такихъ которые упорно предавались своимъ плодотворнымъ изысканіямъ сидя на чердакѣ, или даже переходя изъ него въ долговую тюрьму. Беконъ, Ньютонъ, Локкъ, Декартъ, Гиббонъ, Юмъ, Адамъ Смитъ, Монтескьё, Кольриджъ, Бентамъ, Мильтонъ и Вордсвортъ конечно не могли бы существовать скудными доходами со своихъ сочиненій, и то же самое замѣчаніе относится ко всѣмъ математикамъ, философамъ, археологамъ, филологамъ, экономистамъ.... Но оставляя въ сторонѣ другія болѣе благородныя и возвышенныя соображенія, для общества положительно невыгодно чтобы люди способные обнаруживать могущественное вліяніе на умы, приступали къ своей дѣятельности съ сердцемъ озлобленнымъ лишеніями и всякаго рода несправедливостями. Трудно исчислить сколько зла было порождено вредными вліяніями литературы, которая условливалась главнымъ образомъ печальною обетановкой писателей. Быть-можетъ исторія Европы

съ конца истекшаго вѣка получила бы иное направленіе есабы Руссо былъ счастливый и довольный человекъ.“ Мы привели эти сужденія не потому чтобы вполнѣ соглашались съ ними, а лишь съ цѣлью показать какой точки зрѣнія держится авторъ, обсуждая отношенія литературы къ обществу. Онъ доказываетъ что царствованіе Анны окружено извѣстными блескомъ, хотя оно и не ознаменовалось особенно важными политическими событіями, именно потому что правительство этой королевы умѣло поощрять писателей, способствовало развитію ихъ талантовъ. Торіи и виги одинаково соперничали въ этомъ отношеніи. Ньютонъ, Локкъ, Котгревъ, Паррелль пользовались ихъ щедростью; Аддисонъ получилъ званіе государственнаго секретаря; Приоръ неоднократно исполнялъ важныя дипломатическія порученія; Гей занималъ должность секретаря англійскаго посольства въ Ганноверѣ; Свифтъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими министрами которые оказывали ему поддержку, несмотря на то что онъ возвышалъ иногда голосъ противъ ихъ политики; Польтъ, какъ католикъ, не имѣлъ права на субсидію, но она была выдаваема ему секретно. Все это относится впрочемъ лишь къ первымъ годамъ XVIII столѣтія; со вступленіемъ на престолъ Ганноверской династіи происходитъ въ этомъ отношеніи рѣзкая перемѣна. Хотя Георгъ I былъ сыномъ курфирстинны Софіи, находившейся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Лейбницемъ, и племянникомъ Елисаветы Баварской, одной изъ ревностныхъ ученицъ Декарта, онъ питалъ безграничное презрѣніе и къ литературѣ, и къ литераторамъ; то же слѣдуетъ сказать и о первомъ министрѣ его Вальполѣ, который самъ не обладалъ литературнымъ образованіемъ и не цѣнилъ его въ другихъ. Г. Лекки видитъ въ этомъ пренебреженіи къ умственнымъ интересамъ одну изъ причинъ той грубости нравовъ которою отличалось англійское общество въ описываемое время, такъ что Англія первой половиною XVIII вѣка почти нисколько не отличалась въ этомъ отношеніи отъ Англіи Карла II Стюарта. Быть-можетъ она представляла еще менѣе привлекательное зрѣище, ибо прежде утонченность и изящество господствовали крайней мѣрѣ при дворѣ, а при первыхъ государяхъ изъ Ганноверскаго дома они и здѣсь совершенно исчезли. Георгъ I и Георгъ II открыто жили со своими фаворит-

камнѣ; это ни для кого не казалось страннымъ, и супруга, на примѣръ, Георга II, сама отличавшаяся безупречною нравственностью и пользовавшаяся огромнымъ вліяніемъ на короля, отнюдь не сѣтовала на то что онъ публично доказывалъ ей свою невѣрность. Въ *Мемуарахъ* лорда Гервея помѣщенъ любопытный разказъ о послѣднихъ минутахъ ея жизни: „Королева невѣдко выражала желаніе чтобы король, послѣ ея кончины, снова вступилъ въ бракъ. Она любила говорить объ этомъ когда еще была здорова, и повторяла то же самое когда находилась теперь на смертномъ одрѣ. Король, обливаясь слезами и отъ рыданій съ трудомъ произносилъ слова, отвѣчалъ ей: „non, j'aurai des maîtresses“, на что королева воскликнула: „ah, mon Dieu, cela n'empêche rien“. Эготъ анекдотъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но я ручаюсь за его достоверность.“ Высшій классъ общества старался подражать распущенности двора, особенно аристократическая молодежь щеголяла своими грубыми безчестивостями даже на лондонскихъ улицахъ, среди бѣла дня, и приводила въ ужасъ мирныхъ жителей. Такъ, на примѣръ, образовался кружокъ молодыхъ людей, любимую забавой коихъ было надѣлать встрѣчныхъ страшными ударами кулаковъ въ самое лицо, или же царапать имъ глаза. Другіе шутники такого же разряда окружали прохожаго на улицѣ и кололи его слегка обнаженными шпагами до тѣхъ поръ пока онъ совершенно выбивался изъ силъ; были такъ-называемые „dancing masters“, заставлявшіе свои жертвы дѣлать невѣроятные прыжки, нанося имъ удары шпагами по ногамъ; другіе не щадили даже женщинъ, обрывали на нихъ шляпы, опрокидывали ихъ и наносили имъ всяческія оскорбленія. Достоиннымъ предводителемъ этой шайки былъ сынъ одного епископа. Безобразія приняла такіе размѣры что полиція была совершенно безсильна бороться съ ними, и люди зажиточные появлялись по вечерамъ на улицахъ не иначе какъ въ сопровожденіи многочисленной прислуги. Если свѣтская молодежь въ столицѣ предавалась подобнымъ развлечениямъ, то не трудно представить себѣ, какіе нравы господствовали въ отдаленныхъ городахъ или въ средѣ сельскаго дворянства почти не покидавшего свои помѣстья: кто изъ читавшихъ извѣстный романъ Флэвдингга не помнитъ сквайра Уэстерна, который аккуратно каждый день наливался пьянъ, никогда не бралъ книги

въ руки, услащала свою рѣчь даже въ спокойномъ настроеніи духа площадными ругательствами, и былъ поглощенъ только однимъ интересомъ въ жизни—охотою за лицами, этого почтеннаго сквайра который въ припадкѣ вѣжности къ дочери увѣрялъ что онъ не промѣняетъ ее даже на самую любимую изъ своихъ собакъ! Несомнѣнно что Уэстернъ былъ срисованъ съ натуры и могъ служить вѣрнымъ типомъ тогдашняго сельскаго дворянства.

Несравненно болѣе серьезная опасность чѣмъ отъ безчинствъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій угрожала Лондону отъ многочисленныхъ шаекъ воровъ и грабителей. По словамъ Гораса Вальпола, „даже днемъ случалось иногда изъ предосторожности ходить вооруженнымъ съ ногъ до головы“. Смоллетъ говорилъ что „мошенники въ Лондонѣ сдѣлались такъ дерзки и предприимчивы что ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ европейскомъ городѣ“. Не проходило почти дня безъ убійствъ. Суды не знали милосердія къ негодаямъ. Въ 1753 году, напримѣръ, въ одно утро было повѣшено семнадцать человѣкъ, но ничто не помогало. Иногда правительство назначало большія награды—по 100 ф. ст. за поимку каждаго преступника, но это служило имъ же въ пользу, ибо они завлекали въ свои шайки мелкихъ ворышекъ, доносили на нихъ, получали обѣщанныя деньги, а сами оставались въ сторонѣ. Тогдашнее уголовное законодательство Англіи не достигало цѣли быть-можетъ потому что ужь слишкомъ злоупотребляло казнями. Блекстонъ говоритъ что въ кодексахъ предусмотрено было не менѣе 160 преступленій, неминуемо влекущихъ за собою смертную казнь; народъ такъ привыкъ къ этимъ страшнымъ зрѣлищамъ что они служили для него развлеченіемъ. Висѣлицы стояли въ каждомъ кварталѣ города; на площади около главной тюрьмы можно было постоянно видѣть на шестахъ отрубенныя головы. Въ день назначенный для казни какого-нибудь преступника тюремщики имѣли право показывать его лубяки за деньги; мертвѣдо вмѣстѣ съ нимъ они наливались, и пьянаго тащили его на эшафотъ.

Оставимъ однако эти мрачныя стороны англійской жизни и посмотримъ что представляла она привлекательнаго въ первой половинѣ XVIII вѣка. Не касаясь почти вовсе—за исключеніемъ лишь того о чемъ упомянуто выше—состоянія литературы, г. Лекки говоритъ довольно подробно

о развитіи искусства въ означенный періодъ времени. Живопись далеко не процвѣтала. Авторъ разбираемой нами книги замѣчаетъ по этому поводу что и въ другихъ странахъ Европы она находилась не въ лучшемъ положеніи. „Германія, которая славится теперь своею художественною критикою и занимаетъ едва ли не первое мѣсто относительно артистической производительности, не породила ни одного гениальнаго живописца въ продолжительный періодъ времени отъ смерти Гольбейна до начала текущаго столѣтія. То же самое слѣдуетъ сказать и о Франціи, хотя художники пользовались тамъ щедрнымъ покровительствомъ со стороны королевской власти. Конечно, она не оскудѣвала талантами, но высокимъ значеніемъ обладалъ между ними только Клодъ Лорренъ; относительно искусства она не могла соперничать со многими изъ второстепенныхъ италіянскихъ провинцій, съ городами Фландріи и Голландіи.“ Англія стояла однако несравненно ниже всѣхъ другихъ государствъ. Г. Лекки никакъ не хочетъ согласиться съ тѣмъ чтобы происходило это вообще отъ неспособности Англичанъ къ живописи: что препятствовало бы имъ, спрашиваетъ онъ, достигнуть въ ней значительныхъ успѣховъ? Неужели вину этого слѣдуетъ искать въ самой природѣ Англіи, въ ея туманномъ сѣромъ небѣ, окрашивающемъ всѣ предметы одинаково бѣднымъ колоритомъ; но развѣ не въ такихъ же условіяхъ находится Голландія, которая гордится такими великими художниками какъ Рембрандтъ, Вавъ-деръ-Гельстъ, Поттеръ, Жераръ Доу, и др? Причину неуспѣховъ своего отечества въ XVIII вѣкѣ г. Лекки видитъ главнымъ образомъ въ пуританскомъ направленіи предшествовавшаго періода, крайне враждебномъ искусству: парламентъ постановилъ въ 1645 году что всѣ картины королевской коллекціи, на которыхъ находилось изображеніе Богоматери должны быть сожжены, а всѣ остальные принадлежавшія Карлу I проданы за границу; приказаніе это было исполнено, но къ счастью не вполнѣ; Кромвелю удалось спасти картины Рафаеля и нѣсколько другихъ образцовыхъ произведеній, но тѣмъ не менѣе Эскуріаль значительно обогатился отъ этой бессмысленной продажи. Какъ бы то ни было, но въ XVIII вѣкѣ живопись въ Англіи — за однимъ лишь славнымъ исключеніемъ о которомъ скажемъ сейчасъ—была въ жалкомъ упадкѣ. Правда, здѣсь было не

мало живописцевъ, но почти исключительно изъ иностранцевъ: они прѣзжали въ Лондонъ чтобъ обогатиться и покидали его не оставивъ послѣдователей и подражателей между Англичанами. Они занимались исключительно портретами, которые аристократія оцѣнивала на вѣсь золота. „Историческую живопись не ставятъ тутъ ни во что“, говорилъ Неллеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „я изображаю живыхъ, а живые мнѣ даютъ средства жить“. О Ван-лоо, прибывшемъ въ Англiю въ 1737 году, одинъ изъ современниковъ раскрываетъ что „предъ его домою, какъ предъ театромъ въ часы представленiй, стояла съ утра до вечера веревка экилажей; можно было найти у него не менѣе сотни начатыхъ имъ портретовъ; чтобы добиться сеansa многие подкупали его любимаго камердинера, ибо плаче пришлось бы по шести недѣль дожидаться своей очереди“. Ван-лоо провель въ Лондонѣ четыре года и покинулъ, оставивъ себѣ большой капиталъ.

Въ описываемое время былъ однако въ Англiи художникъ, которымъ по справедливости гордится она до сихъ поръ. Уильямъ Гогартъ родился въ 1698 году. Онъ былъ очень бѣденъ, и въ молодые свои годы свискивалъ себѣ пропитанiе тѣмъ что малевалъ вывѣски для магазиновъ; потомъ перешелъ онъ къ портретамъ, отличавшимся замѣчательными достоинствами, и сочинялъ также рисунки для ковровъ. Въ 1730 году вступилъ онъ въ бракъ съ дочерью тогдашняго моднаго живописца сэръ-Джемса Торрилла, а черезъ годъ послѣ того появилась „Harlot's Progress“, разомъ упрочившiй его репутацию. „Еслибы Гогартъ“, замѣчаетъ г. Лекки, „обладалъ болѣе возвышеннымъ генiемъ, онъ не имѣлъ бы такого успѣха. Чувство изящнаго, колоритъ и умѣнье идеализовать натуру были чужды ему, но глубокий реализмъ, удивительная вѣрность и привлекательность его рисунковъ производили впечатлѣнiе на всѣ классы общества, а превосходный нравственный ихъ смыслъ и мрачная фантазiя, участвовавшая въ созданiи нѣкоторыхъ изъ нихъ не позволяли относить эти произведенiя только къ разряду забавныхъ.“ Гогартъ сдѣлался любимцемъ публики. Явилось много лицъ которыя наша выгодный для себя источникъ дохода въ томъ что воспроизводили его картины безъ его согласiя, и въ 1735 парламентъ, для огражденiя интересовъ художника, запретилъ это особымъ постановленiемъ.

И въ музыкѣ, точно такъ же какъ въ живописи, главная роль принадлежала не природнымъ Англичанамъ, а иностранцамъ. Съ первыхъ годовъ XVIII вѣка возникаетъ въ Лондонѣ итальянская опера, представленія коей давались на двухъ театрахъ: однимъ изъ нихъ завѣдывалъ кѣкто Бовончини, а другимъ человекъ которому суждено было въ послѣдствіи пользоваться громкою славой—Гендель, переселившійся въ Англію съ 1710 года. По всему видно что наиболее образованная часть общества относилась къ итальянской музыкѣ если не съ презрѣніемъ, то очень равнодушно. Аддисонъ жестоко нападалъ на нее въ своемъ *Zritical*, а Свифтъ сочинилъ элиграмму, въ которой онъ отзывался съ одинаковымъ презрѣніемъ и о Генделѣ, и о его соперникѣ.

Недоброжелательство, о которомъ говоримъ мы, условливалось главнымъ образомъ опасеніемъ чтобъ иностранный театръ не помѣшалъ развитію національной музыки и національной драмы. Какъ бы то ни было, Генделю приходилось бороться съ большими препятствіями, и въ теченіе долгаго времени пребываніе его въ Англіи представляло ничто иное какъ непрерывный рядъ неудачъ и бѣдствій. Королева, супруга Георга I, замѣтила его необычайныя способности и старалась покровительствовать ему, но и тутъ онъ потерпѣлъ поражение. Дѣло въ томъ что принцъ Вельскій, находившійся въ явной враждѣ со своимъ отцомъ, сталъ на сторону соперника Генделя и переманилъ за собою весь Лондонскій beau monde. „Король и королева“, разказываетъ лордъ Гервей, „мерзнуть почти одни въ лустомъ Геймаркетскомъ театрѣ, между тѣмъ толпа знати сопровождаетъ каждый вечеръ наследнаго принца въ театръ Lincoln's Inn Fields.“ Гендель обанкротился, все его имущество было продано съ аукціона и онъ очутился въ крайней нищетѣ. „Но подобно великому слѣпцу Мильтону, съ которымъ было у него много общаго“, говоритъ г. Декки, „онъ принадлежалъ къ числу избранныхъ натуръ, ощущавшихъ въ себѣ наитіе высшей силы. Именно въ то время какъ тяжкія несчастія обрушились на него и начинается проявляться въ полномъ блескѣ его гений. Если справедливо что въ новѣйшемъ искусствѣ музыкѣ принадлежитъ та же роль какую скульптура занимала въ древности, а живопись въ эпоху возрожденія, то Гендель можетъ быть поставленъ почти наряду съ Фидіемъ и

Рафаелемъ.“ Въ 1732 году впервые разыграна была его ораторія *Эсфирь*, за которою съ небольшими промежутками послѣдовали *Дебора*, *Аталія* и *Саулъ*. Лишь незначительное меньшинство оцѣнило по достоинству эти произведенія; свѣтскіе люди, которые давали всему тонъ, находили ихъ скучными; Горасъ Вальполь въ своихъ *Письмахъ* постоянно издѣвается надъ Генделемъ; только король и королева сохранили прежнее свое расположеніе къ великому композитору и на этотъ разъ не приосившее ему пользы. Такъ мало было почитателей на его концертахъ что однажды лордъ Честерфильдъ на вопросъ почему онъ не посѣщаетъ ихъ отвѣчалъ острою: „мнѣ кажется не совсѣмъ приличнымъ мѣшать королю когда онъ хочетъ проводить время въ тѣсномъ и интимномъ кружкѣ“.

Любопытно что Гендель впервые оцѣненъ былъ настоящимъ образомъ не въ Англіи, а въ Ирландіи. Онъ посѣтилъ Дублинъ въ 1741 году и тотчасъ же встрѣтилъ тамъ самый сѣчувственный пріемъ. Послѣ столькихъ неудачъ и горькихъ разочарованій онъ былъ въ высшей степени жальцемъ радушіемъ которое оказывало ему ирландское общество, и въ письмахъ своихъ отзывается о немъ съ восторгомъ. Сохранилось извѣстіе что онъ восхищался мотивами ирландскихъ національных пѣсней, свидѣтельствовавшими о глубокомъ врожденномъ музыкальномъ чувствѣ народа. Этотъ успѣхъ Генделя въ Дублинѣ произвелъ замѣтный переворотъ въ отношеніяхъ къ нему англійскаго общества, послѣдшившаго по возвращеніи его въ Лондонъ заглядить прежнюю свою несправедливость. Ораторія *Иуда Маккавей* вызвала восторженные похвалы, хотя и тутъ много помогли ему лондонскіе Евреи, которые, по свидѣтельству одного современника, „не знали мѣры своей признательности Генделю за то что онъ вознамѣрился прославить національнаго ихъ героя“. Во всякомъ случаѣ счастливый поворотъ наступилъ для него уже поздно; здоровье его было разрушено; онъ совершенно потерялъ зрѣніе и нельзя было безъ жалости смотрѣть на этого слѣплаго старика когда сидя за органомъ онъ руководилъ исполненіемъ своихъ гениальныхъ произведеній. Англичане призвали его достоинства лишь послѣ того какъ на нихъ было указано другими; тогда они начали гордиться имъ и послѣ его смерти отвели ему мѣсто въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Г. Лекки сильно

оспариваетъ мнѣніе Ренана что изъ народовъ тевтонскаго племени Нѣмцы отличаются наибольшими, а Англичане наименьшими способностями къ музыкѣ, но исторія Генделя только подтверждаетъ замѣчаніе высказанное французскимъ писателемъ.

Что касается англійскаго театра, то въ первой половинѣ XVIII вѣкѣ онъ прежде всего поражаетъ своею крайнею безнравственностью. Невозможно представить себѣ какимъ грубымъ цинизмомъ щеголяли другъ предъ другомъ тогдашніе драматурги! Дѣло доходило до того что сколько-нибудь-порядочныя женщины не рѣшались присутствовать при представленіяхъ, а тѣ изъ нихъ которыя не могли преодолѣть любви къ театру являлись въ театрѣ не иначе какъ въ маскахъ и вообще стараясь тщательно сохранить свое incognito. Уже по этому можно судить какими зрѣлищами угощали публику, ибо въ описываемое время она далеко не отличалась строгостью своихъ нравовъ. Стоить лишь ознакомиться изъ мемуаровъ съ тѣмъ что происходило въ театральныя маскарады! Гораздъ Вальполь разказываетъ что на одномъ изъ нихъ, удостоенномъ посѣщенія самого короля, фрейлина миссъ Чодли явилась какъ будто въ костюмѣ Ифигеніи, а въ сущности безо всякаго костюма, почти обнаженною. Распущенность театральныя представленій возбуждала если и не въ массѣ публики охоту посѣщавшей ихъ, то по крайней мѣрѣ въ вѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ сильное негодованіе. Появлялось не мало брошюръ, очевидно принадлежавшихъ пуританамъ, которыя требовали безусловнаго запрещенія піесъ, гдѣ было упоминаемо о Венерѣ, Кулидонѣ, Юпитерѣ, Діамѣ, и т. п., ибо все это грозило будто бы развитъ въ обществѣ уваженіе къ языческимъ культамъ. Громко высказывалось негодованіе по поводу того что со сцены слышались безпрерывно непристойныя нападкы на правительственныхъ лицъ и даже на особу самого короля; но, помимо всего этого, губокій ея развратъ служилъ предметомъ сильнаго соблазна. Наконецъ парламентъ обратилъ на это свое вниманіе. Въ 1737 году постановилъ онъ что никакая піеса не можетъ быть представлена безъ предварительнаго просмотра ея лордомъ-камергеромъ; отчасти театральная цензура принадлежала ему уже и прежде, но лишь съ означеннаго времени права его въ этомъ отношеніи были опредѣлены вполнѣ точно.

При поразительномъ упадкѣ вкуса, распространеннаго въ англійскомъ обществѣ, не удивительно что оно сдѣлалось совершенно равнодушнымъ къ своему великому поэту. Въ теченіе сорока лѣтъ появилось только одно изданіе Шекспира, да и то едва разошлось лишь въ количествѣ 1.000 экземпляровъ. Ученые критики въ родѣ Пелуса отзывались о немъ высокомерно. Ни одна изъ его драмъ не давалась на сценѣ въ настоящемъ видѣ,—каждая изъ нихъ была подвергаема такимъ искаженіямъ и передѣлкамъ что трудно было узнать ее. Авторы занимавшіеся подобными упражненіями имѣли повтому полное право не только давать драмамъ Шекспира совершенно другія названія, но даже безцеремонно выставлять подъ ними свои имена: такъ напримѣръ публика вмѣсто *Ромео и Юліи* смотрѣла *Камарія Отува*, вмѣсто *Виндзорскихъ кумушекъ* — *Комическаго любовника* Девиаса, вмѣсто *Венеціанскаго купца* — *Венеціанскаго жидка* лорда Ландсдоуна, и т. п. Если въ англійскомъ обществѣ снова пробудилась страсть къ Шекспиру, если оно принялось ревностно изучать его, то этимъ обязано оно было преимущественно Гаррику. Говоря объ англійской сценѣ въ прошломъ столѣтіи нельзя не остановиться на этомъ артистѣ, прославившемъ ее своимъ гениальнымъ талантомъ.

Гаррикъ представляетъ собой одно изъ многихъ доказательствъ какую пользу извлекла Англія изъ религіозныхъ гоненій, свирѣлствовавшихъ въ сосѣднихъ съ нею государствахъ: онъ былъ французскаго происхожденія; дѣдъ его удалился изъ Франціи послѣ отмены Нантскаго эдикта. Знаменитый актеръ, несмотря на то что публика, какъ мы замѣтили сейчасъ, утратила пониманіе Шекспира, посвятилъ себя почти исключительно Шекспировскимъ драмамъ, и громаднымъ своимъ талантомъ достигъ того что заставилъ ее снова преклониться предъ этими великими образцами искусства. Игрою своею онъ произвелъ коренной переворотъ. До него господствовала на сценѣ декламация, высокопарность, отсутствіе внутренней правды въ изображеніи характеровъ,—Гаррикъ старался напротивъ быть естественнымъ, но эта естественность не мѣшала ему производить потрясающее впечатлѣніе на зрителей. Изъ артистовъ прежняго времени только Баттертовъ могъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи, но до какой степени были

забыты преданія завѣщанныя Баттертономъ можно судить потому что манера Гаррика казалась чѣмъ-то совершенно новымъ. Долго публика не могла оцѣнить ее по достоинству. Фильдингъ, въ своемъ романѣ *Томъ-Джонсъ* вложилъ въ уста одного изъ своихъ героевъ тѣ сужденія которыми нерѣдко высказывались по ея поводу. „Онъ лучший актеръ! восклицаетъ Партриджъ послѣ представленія *Гамлета*: да я самъ сумѣлъ бы сыграть не хуже его. Я увѣренъ что еслибъ явилось предо мною Привидѣніе, то я былъ бы точно такъ же испугавъ и говорилъ бы именно такъ какъ онъ. А въ сценѣ между намъ и матерью, которую вы такъ расхваливали—ахъ Боже мой—вѣдь всакій, рѣшительно всакій у кого есть подобная мать не сталъ бы обращаться съ ней иначе. Нѣтъ, я вижу что вы просто издѣваетесь надо мной. Вотъ напримѣръ играющій короля—совсѣмъ друге дѣло. Онъ выговариваетъ слова протяжно, совершенно одинаковымъ тономъ какъ одно, такъ и другое: тотчасъ видно что это настоящій актеръ.“ Не одинъ Партриджъ разсуждалъ такимъ образомъ. Если нѣкоторые изъ тогдашнихъ литераторовъ, какъ напримѣръ Поупъ и Фильдингъ, были жаркими приверженцами Гаррика, то поэтъ Грей не находилъ никакихъ достоинствъ въ его игрѣ; Горасъ Вальполь сознавался что не понимаетъ ее. Все это не помѣшало Гаррику мало-по-малу совершенно овладѣть публикой. Она одинаково восхищалась имъ во всѣхъ драмахъ Шекспира за исключеніемъ лишь *Отелло*, въ которой, по отзывамъ даже наиболѣе ревностныхъ его поклонниковъ, онъ былъ сравнительно слабъ, главнымъ образомъ потому что черная краска покрывавшая его лицо прелятствовала слѣдить за изумительною игрой его физиономіи. Гаррикъ создалъ школу: послѣ него англійская сцена никогда не оскудѣвала талантами, которые не уступали пользовавшимся громкою славой въ Европѣ.

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ БЯ ВНУКОМЪ

ГЛАВА VIII (1806—1809).

I.

Въ 1806 году мы провели все лѣто въ Горкахъ; въ тамбовскую деревню не ѣздили, а только во время Успенскаго поста были на богомольи у Троицы. Отправились мы 4го августа въ большой линейкѣ: Дмитрій Александровичъ, и я взяли съ собой старшую дѣвочку—Грушу (ей было уже 12 лѣтъ) и пріѣхали обѣдать къ Аннѣ Васильевнѣ Титовой въ Сокольники. Съ нами сговаривались ѣхать и ея дочери къ Троицѣ и отобѣдавъ у Титовой, мы всѣ уѣхали въ нашу линейку и поѣхали. Ночевали въ Дмитровѣ на квартирѣ, у одного кулца, напротивъ моста.

На утро мы выѣхали изъ Дмитрова въ седьмомъ часу, и къ девяти пріѣхали въ село Озерецкое; обѣдали; выждали чтобы свалилъ жаръ и отправились въ Хотьковъ монастырь. Тамъ, какъ водится, отслужили лаввиходу по родителямъ Преподобнаго Сергія, и тотчасъ же поѣхали къ Троицѣ и остановились въ гостиницѣ.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 3й, 4й и 5й 1878 года.

Въ то время тамъ пребывалъ преосвященный митрополитъ Платонъ. Узнавъ что онъ на завтра, въ Преображеніе, будетъ служить у праздника, въ Виеаніи, мы положили туда ѣхать къ обѣднѣ.

Виеанія начала свое существованіе только при митрополитѣ Платонѣ и устраивалась на моей памяти. При его предѣствіи, преосвященномъ Самуилѣ, который, какъ мнѣ сказывали, временно управлялъ Московскою митрополіей, (послѣ убіенія во время чумы преосвященнаго Амвросія) архіерейскій загородный домъ былъ вѣскольکو лѣтѣ Виеаніи; тамъ были прекрасныя обширныя пруды, саженныя рощи, которыя я застала, и много кедровыхъ деревьевъ. Это мѣсто не полюбилось преосвященному Платону; онъ выбралъ мѣсто поправѣ, построилъ тамъ для себя домъ съ церковью и назвалъ ее Виеанія. Когда послѣ коронованія императоръ Павелъ со всѣмъ семействомъ ѣздилъ на богомолье въ Лавру, то посетилъ бывшаго своего законоучителя митрополита Платона въ Виеаніи и тамъ у него кушалъ.

Много разказывали о новой Виеанской церкви, устроенной внутри на подобіе горы Фаворъ: кто хвалилъ, а кому и не нравилась, и вотъ наконецъ довелось мнѣ и самой ее видѣть. Намъ сказали что обѣдня начнется въ восемь часовъ, мы и встали пораньше, такъ что въ семь часовъ были уже готовы ѣхать; проѣхали эти три версты отъ Троицы до Виеаніи и туда доспѣли еще до благовѣста. Въ этотъ день я видѣла архіерейское служеніе все влоамѣ, отъ начала до конца.

Церковь мнѣ не понравилась: нижняя очень низка и какъ-то сдвлена, а Преображенская верхняя, хотя и довольно высока и обширна, но площадка на верху мала, входы круты и, что очень страннымъ показалось всѣмъ намъ, множество разныхъ звѣриныхъ чучелокъ разсованы во мху, которымъ устлана гора. Это какъ будто не идетъ ко храму Божію. Конечно, владыка былъ умный человекъ и зналъ что дѣлалъ, и можетъ-быть на его взглядъ это было очень благодѣльно, но по нашимъ мірскимъ сужденіямъ казалось неодобрительнымъ.

Въ церкви было много народу, однако мы стали хорошо и все прекрасно видѣли. Я наша въ митрополитѣ большую перемену: не видавъ его лѣтъ двадцать, я себѣ все представляла его довольно молодымъ, такъ лѣтъ подъ пятьдесятъ

и очень красивымъ собою, какъ я его помнила. Тутъ, я увидала его очень постарѣвшимъ, весьма тучнымъ, совсѣмъ сѣдымъ, впрочемъ довольно еще бодрымъ, хотя его и вели подъ руки, но это, я думаю, для лучшей важности по святительскому сану. Служеніе было очень торжественное и праздничное, торжество еще усугубилось посвященіемъ новаго архимандрита Николо-Пѣсношскаго игумена Макарія: владыка посвятилъ его во архимандрита въ нашъ Дмитровъ, въ Борисоглѣбскій монастырь.

По окончаніи литургіи было освященіе плодовъ: посреди церкви поставили столикъ, какъ бываетъ для благословенія хлѣбовъ, и два діакона принесли и поставили на него большое серебряное блюдо или скорѣе корзину, наполненную всякими плодами. Тутъ были арбузы, дыня, яблоки, персики, сливы, вишни; посрединѣ аванасъ, воткнутый совсѣмъ съ зеленью; торчали разные колосья, кукуруза, были и всякія мелкія ягоды, истинно можно было сказать:—благословеніе всѣхъ плодовъ земныхъ.

Потомъ, когда окончилась вся служба и владыка вышелъ всѣхъ благословлять, два иподіакона несли за нимъ благословенные плоды въ покои. Въ служеніи съ митрополитомъ въ этотъ день были два архимандрита: Виѣанскій, оный же вмѣстѣ и намѣстникъ въ Лаврѣ—Симеонъ, (который потомъ былъ въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ *, и новыи архимандритъ Борисоглѣбскій и, кромѣ того, еще много почетныхъ іеромонаховъ, можетъ-быть въ числѣ ихъ были и какіе игумены или строители.

Въ началѣ одиннадцатаго часа вся служба окончилась, мы сѣли въ нашу линейку и поѣхали обратно. Погода была свѣтлая, день теплый, но не жаркій, оттого остановились и гуляли въ архіерейскихъ рощахъ.

По возвращеніи къ Троицѣ мы отобѣдали и пошли въ монастырь осматривать все что тамъ достойно примѣчанія, были въ ризницѣ которую намъ показывалъ отецъ Іаковъ, бывший до того времени на Махрѣ строителемъ. Ходили въ митрополитичій домъ и во дворецъ, и все подробно осмотрѣли. Потомъ отстояли всенощную и служили молебень.

* Въ 1816 году хиротонисованъ во епископа Тульскаго; въ 1818 году переведенъ въ Черкиговъ, въ 1819 году сдѣланъ архіепископомъ, въ 1820 переведенъ въ Тверь; въ 1821 году въ Ярославъ, и въ 1824 тамъ же умеръ.

На другой день собрались совсѣмъ въ путь; отправились къ ранней обѣдѣ и приложились къ мощамъ, изъ монастыря прямо поѣхали въ дорогу. Въ Хотьковъ этотъ разъ мы не заѣхали, а остановились въ деревнѣ Горбуковой, гдѣ купецъ Половъ завелъ фарфоровый заводъ, и ходилъ все осматривать, купили сколько-то посуды и поѣхали въ Озерское; ночевали въ Дмитровѣ, а на слѣдующій день пріѣхали до полдня въ Сокольниковы къ Титовой и у нея обѣдали.

Въ этотъ же годъ, кажется, пріѣхали въ наше сосѣдство еще новыя сосѣдки въ село Хорошилово. Чье было оно прежде—что-то не помню, а тутъ его купила, слышу, какая-то Неѣлова. Въ ту сторону, за Хорошилово, мнѣ рѣдко приходилось ѣздить. Тамъ жили только Ртищевы, двѣ молодые дѣвушки: Вѣра Михайловна и Татьяна Михайловна въ селѣ Михаилкинѣ, а за ними вѣво Лужины въ селѣ Григоровѣ, а вправо въ Давилаихѣ сперва Болтинъ, а потомъ его дочь, Варвара Александровна Баранова, хорошая моя приятельница.

Слышу что новая сосѣдка въ Хорошиловѣ, а ни къ кому не ѣдетъ; думаю: „стало не желаетъ знакомиться; она новая пріѣзжала, такъ ей и слѣдуетъ пріѣхать первой, не мнѣ же ѣхать къ ней.“

Разъ какъ-то въ воскресенье, послѣ обѣда, подходитъ ко мнѣ при выходѣ изъ церкви какая-то деревенская женщина кланяется.

— Откуда, милая?

— Изъ Хорошилова, сударыня... У меня дѣло до вашей милости.

— Чтѣ такое?

— Да вотъ, матушка, новые господа пріѣхали и имъ желательно было бы съ вами познакомиться, наказывали вамъ поклонъ передать...

— Кланяйся и отъ меня, скажи что и я рада буду познакомиться. Милости просимъ въ гости, ежели угодно.

Очень странно мнѣ показалось такое знакомство: какъ это посылать поклонъ чрезъ деревенскую бабу?

На другой ли, на третій ли день пріѣзжаетъ ко мнѣ хорошиловская барыня, докладываютъ:

— Елизавета Сергѣевна Неѣлова со своею сестрицей, Вѣрою Сергѣевною Бутурлиной.

Велѣла принять.

Входятъ двѣ барыни: одна высокаго роста, полная, дѣтъ со- рока пяти или болѣе, лицомъ не дурна и рекомендуетъ себя: — Я Неѣлова, а вотъ это моя сестра, Бутурлина...

Та средняго роста, худенькая, тоже не дурна собою, дѣтъ тридцати на видъ и обѣ очень какъ-то странно одѣты, по иногородному, а не по нашему.

Эти Бутурлины нижегородскія, какъ онѣ мнѣ сказывали, ардатовскія. Ихъ было лять сестеръ: Александра Сергѣевна за Мирошевскимъ, Анна Сергѣевна за Жуковымъ Василиемъ Михайловичемъ, * Марья Сергѣевна за Иваномъ Петровичемъ Кисляцкимъ, Елизавета Сергѣевна за Неѣловымъ, Вѣра Сергѣевна дѣвица, и былъ у нихъ еще братъ Николай Сергѣевичъ, не ломаю на комъ женатый и у него остались дѣти.

Въ первое время мы не очень сошлись въ знакомствѣ и видѣлись рѣдко, но въ послѣдствіи очень подружилась, и до конца ихъ жизни обѣ сестры были къ намъ сердечно расположены и мы всѣ также очень ихъ любили.

Въ первый разъ что я повѣхала въ Хорошилово отдавать визитъ было довольно свѣжо. Подъѣзжаю къ дому, вижу идетъ ко мнѣ на встрѣчу какой-то мущина въ шинели, и въ ночномъ колпакѣ. Думаю:

— Не братъ ли это, Бутурлинъ?

Каково же было мое удивленіе, когда, подошедши ближе, говоритъ мнѣ этотъ мущина: здравствуйте Елизавета Петровна... Оказывается что это сама Неѣлова!

— Откуда это вы такъ? вырвалось у меня.

— Я была на стройкѣ, хожу всегда въ шинели, которая осталась послѣ покойника: нужно же донашивать.

Конечно, на первыхъ порахъ я ничего ей не сказала, что же оговаривать незнакомыхъ людей, Богъ вѣсть, какъ еще это покажется? Очень я подивилась, однако, такому одѣванію;

* Былъ въ свое время довольно извѣстнымъ писателемъ и дру- гомъ кн. Ив. Мих. Долгорукова, который часто его посѣщалъ. Однажды они вечеръ сидѣли вмѣстѣ и расстались оба здоровые и веселые. На утро князь докладываетъ что приходилъ человекъ отъ Жуковой сказать что Василій Михайловичъ вчера скончался. Это очень поразило Долгорукова. Въ сборникѣ его стихотвореній *Бытіе моего сердца*—есть стихотвореніе на смерть Жукова.

но въ послѣдствіи, когда мы локороче стали знакомы, а при случаѣ какъ-то разъ оказала Елизаветъ Сергѣевнѣ:

— Ну матушка, удивила же ты меня, какъ я въ первый разъ къ тебѣ пріѣхала....

— А чѣмъ же, спрашиваетъ она меня?

— Какъ это тебѣ въ голову только пришло ходить въ плащѣ и колпакѣ?

— Э, что за бѣда: не бросать же коли есть....

— Воля твоя, моя милая, а по-моему, кажется, этого бы не слѣдовало дѣлать, у насъ это здѣсь не принято.

Домъ въ Хорошиловѣ былъ тогда старый и ветхій, въ которомъ Невалова жила еще сколько-то лѣтъ, а потомъ она выстроила новый домъ по образцу нашего пречистенскаго, строящаго посла Французовъ.

Нашъ домъ у Неоналимой Кулины, старый уже и при моемъ замужествѣ, годъ отъ году становился все хуже и плоше. Во время нашего житья въ тамбовской деревнѣ онъ еще пообветшалъ, и хотя его почистили и кое-что въ немъ поновили, однако онъ былъ все-таки не пригоденъ, а главное—холодновать зимою, и такъ какъ локои были высоки и лещей много, то разорялъ насъ дровами.

Я все твердила мужу:—Продадимъ его, пока еще онъ не рухнулъ, и купимъ лучше гдѣ-нибудь другой, не въ такой глуши, или купимъ мѣсто и выстроимъ себѣ по мысли.

— Хорошо, матушка; прибью ярмыкъ что продается, обыкновенно отвѣчалъ мнѣ Дмитрій Александровичъ.

Но это *хорошо* я слушала не одинъ годъ, а все ярмыка не прибываютъ у воротъ. Наконецъ провалился въ одной комнатѣ накатъ, и дѣвичье крыльцо чуть не рассыпалось.

Я этимъ воспользовалась, стала опять пристулатъ:

— Да что же, Дмитрій Александровичъ, когда же ты рѣшишься домъ продать; теперь еще кто купить его перестроить можетъ, а то будутъ просто дрова, и я право боюсь за дѣтей, того и гляди что прыгая подъ поломъ очутятся, или потолокъ ихъ прикроетъ....

На этотъ разъ слово мое подѣйствовало: ярмыкъ прибилъ у воротъ и начали приходить покупатели. Цѣну мы назначили умѣренную—восемь тысячъ. Много ходило смотреть домъ, и въ некоторые, какъ видно, и не прочь бы купить были да вдовольны были что великъ за домомъ пустырь: „много придется поземельныхъ платить“.

И всё только и твердятъ: пустырь великъ. Мнѣ Дмитрій Александровичъ и говорить:

Вотъ видишь ли, смотреть домъ, а не покупаютъ,—много земли; я ужъ думаю не огородить ли пустырь и потомъ продать особо.

Такъ и сдѣлали: наняли плотника, пустырь огородили, а цѣны съ дома не сбавили, думаемъ—увидимъ что будетъ. Олять смотрятъ, а все не покупаютъ; наконецъ пришелъ какой-то—господимъ, не помню фамилии, но знаю что звали его *Гедулычъ*.

—Ну, говорю я мужу,—коли пошла ходить *Гедулычи*, вѣрь проку не будетъ.

А вышло дѣло наоборотъ: онъ-то и купилъ, заплатилъ 8.000, а мѣсто отдѣльное осталось за нами сверхъ того и мы продали его послѣ почти за столько же какъ и домъ.

Запродавъ нашъ домъ, тутъ ужъ мы сами стали искать для себя гдѣ-нибудь въ срединѣ города, такъ чтобы не далеко было отъ батюшкинаго дома, на Зубовскомъ бульварѣ, и отъ сестры Вяземской, имѣвшей домъ на Пречистенкѣ. И какъ нарочно будто бы для насъ черезъ домъ отъ дома сестры и черезъ переулочекъ отъ Архаровыхъ, продавали домъ Бибиковы; мы этотъ домъ и купили. Домъ былъ старый и ветхій, но намъ было главное нужно мѣсто, и мы рѣшили строиться сами, какъ удобно для нашего семейства.

II.

Осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года, мы пріѣхали въ Москву; ко мнѣ пріѣхала гостить сестра Анна Петровна, а батюшка оставался въ Покровскомъ; по дѣламъ ѣздилъ въ Петербургъ и олять возвратился въ деревню.

Въ январѣ мѣсяцѣ я съ сестрой ѣздила къ нему и прогостила недѣли съ двѣ; сестра осталась, а я возвратилась въ Москву.

Здоровье батюшки давно уже становилось все хуже и хуже: у него была водяная, лухли повремениамъ ноги и была большая одышка.

Я стала его уговаривать переехать въ Москву:

— Вы батюшка изволили бы въ Москву пріѣхать и повидались бы съ кѣмъ-нибудь изъ докторовъ, они бы вамъ помогли.

— Нѣтъ, матушка, никто мнѣ помочь не можетъ; у меня болѣзнь отъ которой не излѣчивается—водяная. Въ Москву поѣхать я, пожалуй, поѣду, не для себя, потому что всѣмъ этимъ лѣкаршкамъ я ни на грошъ не повѣрю, а поѣду чтобы васъ утѣшить и быть вмѣстѣ съ вами, — это мнѣ будетъ отрадой и облегченіемъ...

Мы съ сестрою залакали и батюшку обмяли....

Она тоже пролезилась....

— Не плачьте, мои голубушки, сколько Господь опредѣлилъ прожить столько и проживу: никто ни дня, ни часа, ни убавить, ни прибавить не можетъ.... Слава тебѣ Господи! пожилъ не мало, нужно и честь знать, а то, пожалуй, и до того доживешь что и другимъ и себѣ въ тягость будешь, какъ чурка будешь лежать и тебя стануть ворочать съ боку на бокъ; не приведи Господи до того дожить.

Такъ погостивъ у батюшки, я и поѣхала въ Москву обратно, и приказалъ батюшка сказать чтобы его домъ готовили къ его прїѣзду. Вверху въ его домѣ жилъ тогда братъ Михаилъ Петровичъ съ женой, а внизу было батюшкино помѣщеніе, такъ какъ ему было трудно входить на лѣстницу.

Здоровье батюшки видимо слабѣло, и ему необходимо было прїѣхать въ Москву, гдѣ все-таки было больше средствъ и возможности облегчить его страданія. Болѣзнь его, какъ оказалось послѣ осмотра врачей, была сложная: водяная и подагра. Опасности явной не было, но врачи не скрывали что болѣзнь эта можетъ продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и даже болѣе; но можетъ и вдругъ приключиться кончина, и это насъ очень огорчало и озабочивало.

Каждое утро когда я просыпалась, первая моя мысль была: „что, батюшка, живъ ли“. Часовъ въ десять я отправлялась къ нему, потому что по немощи своей онъ кушалъ одишь въ двѣнадцать часовъ и потомъ отдыхалъ. Иногда послѣ того я оставалась съ сестрой, или шла къ брату и невѣсткѣ, или возвращалась домой, а иногда мы куда-нибудь ѣздили и возвращались къ обѣду, то-есть къ двумъ или тремъ часамъ, и почти всегда весь остатекъ дня проводили уже у батюшки въ домѣ.

Въ продолженіе Великаго Поста мы нѣсколько разъ были въ тревогѣ насчетъ батюшки, но, слава Богу, наступила наконецъ Страстная Недѣля, и Свѣтлое Воскресеніе

Господь привелъ всѣхъ насъ еще встрѣтить съ батюшкою. Но грустный былъ этотъ для насъ праздникъ: наше сердце чуяло что это въ послѣдній разъ мы вмѣстѣ съ нимъ слушаемъ въ его домовою церкви пасхальную утреню и вмѣстѣ съ нимъ разгаваливаемся...

Въ концѣ апрѣля, когда погода становилась теплая, отворяли дверь въ садъ, и батюшка выходилъ и сидѣлъ на террасѣ: весенній воздухъ оживлялъ его, а иногда, сидя на солнцѣ, батюшка закрывалъ глаза, начиналъ дремать и засыпалъ.

Съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца Дмитрій Александровичъ сталъ торопить меня уѣхать съ дѣтьми въ деревню. Я была въ то время въ тягости на пятомъ мѣсяцѣ, и онъ очень опасался чтобъ отъ безпрестанной тревоги и волненія я не занемогла и не приключилось бы со мной какой-нибудь бѣды, потому и спѣшилъ меня увезти. Грустно мнѣ было разставаться съ батюшкою, и хотя ему и было повидимому лучше, но сердца обмануть нельзя: часто случается что горя-то еще и вовсе нѣтъ, а сердце задолго его предчувствуетъ и намъ предсказываетъ что скорбь насъ ожидаетъ.

Прощаясь съ батюшкою, я всѣми силами удерживалась отъ слезъ и крѣпилась, но слезы прошибли, и я расплакалась.

— О чемъ же ты плачешь, моя голубушка, сказалъ мнѣ батюшка?—Вѣдь мы не на вѣкъ съ тобой прощаемся: ты сама видишь что мнѣ гораздо полегчало, что я теперь и бродить иногда могу... Не плачь, Елизаветушка, Господь милостивъ, мы еще съ тобой увидимся. Ты себя теперь береги: ты помни что теперь въ такомъ положеніи что не должна себя разстраивать.

Мои старшія дѣвочки стали прощаться съ дѣдушкою и тоже горько расплакались, такъ что и батюшка расчувствовался и прослезился. Онъ долго ихъ обнималъ, цѣловалъ, крестилъ и клалъ имъ руку на голову...

Это прощаніе было самое трогательное и раздирающее душу: всѣ мы плакали, и еслибы батюшка не посоветывалъ Дмитрію Александровичу насъ увезти, мы всѣ бы, я думаю, доплакались до дурноты.

Такъ насъ почти силою вывели отъ батюшки изъ комнаты, усадили въ экипажъ и повезли въ деревню.

Не даромъ сердце у меня болѣло: не привелъ меня Господь еще видѣть батюшку въ живыхъ!

Мы поѣхали изъ Москвы 13 мая, а іюля 18 батюшка скончался. Ему отъ рожденія былъ семьдесятъ восьмой годъ, и скончался онъ черезъ двадцать четыре года послѣ магушки, въ томъ же мѣсяцѣ какъ она. *

Не знаю лучше ли сдѣлали что увезли меня въ деревню, а не оставили при одрѣ умиравшаго отца: я бы еще мѣсяцъ побыла при немъ, видѣла бы каждый день какъ подвигается его жизнь къ концу и получила бы отъ него его предсмертное благословеніе. Я думаю, это бы мнѣ было легче.

Когда батюшкѣ сдѣлалось очень худо и доктора потеряли всякую надежду, братья и сестры извѣстили мужа и звали его пріѣхать, а отъ меня велѣли скрыть чтобъ и я не вздумала ѣхать. Такъ Дмитрій Александровичъ мнѣ и не сказалъ что ему писали, а говорилъ что хочется ему провѣдать батюшку; но я догадывалась что есть какія нибудь худыя вѣсти.

Черезъ нѣсколько дней пишетъ онъ мнѣ что батюшка видимо слабѣетъ и чтобъ я приготовлялась къ горю, потому что вѣтъ никакой надежды. Ужь какъ мнѣ было тяжело: быть за сорокъ верстъ и знать что отецъ умираетъ. Наконецъ, разъ вечеромъ слышу что по мосту ѣдетъ тяжелый экипажъ, потомъ слышу подѣхали къ крыльцу, хочу идти на встрѣчу, узнать что въ Москвѣ—не могу встать. Входитъ Дмитрій

* Юль мѣсяцъ въ родствѣ Римскихъ-Корсаковыхъ ознаменованъ многими кончинами:

1783 года, іюня 13 скончалась Аграфена Николаевна Римская-Корсакова, урожд. княжна Щербатова.

1792 года, іюня 4 умерла княгиня Анна Ивановна Щербатова, урожд. княжна Мещерская.

1807 года, іюня 18 умеръ Петръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ.

1845 года, іюня 17 князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій (его мать урожденная Римская-Корсакова).

1853 года, іюня 16 Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ.

Бабушка Елизавета Петровна, которой принадлежатъ эти *Рѣзказы*, всегда очень опасалась іюня мѣсяца, думая что и ей въ этомъ мѣсяцѣ опредѣлено умереть, и будучи дважды при смерти больна въ іюнь, она говорила: „Не хорошъ въ нашемъ роду этотъ мѣсяцъ, для многихъ былъ послѣднимъ; ежели я переживу іюнь, такъ останусь въ живыхъ.“ Скончалась она 3 марта, имѣя отъ роду девяносто третій годъ и далеко превзошедъ всѣхъ Корсаковыхъ (очень долгоживыхъ) своими лѣтами.

Александровичъ; хочется узнать и боюсь спросить... Наконецъ рѣшилась:

— Что батюшка? Молчитъ Дмитрій Александровичъ и заплакалъ. Обнялъ меня.

— Береги себя для дѣтей и для меня... Батюшка скончался 18 числа; сегодня отпѣвали и повезли въ Боброво.

Хотя я и давно ждала этого извѣстiя и приготовилась его слышать, но какъ сказали мнѣ, это меня ужасно потрясло, я стала плакать и меня почти замертво отнесли на постель. Очень опасались чтобъ я преждевременно не родила, однако Господь помиловалъ отъ этой бѣды.

Батюшку отпѣвали у Неопалимой Кулины, и въ тотъ же день повезли тѣло къ брату Михаилу Петровичу въ калужскую деревню, въ село Боброво, гдѣ скоронены бабушка Евпракiя Васильевна и матушка.

Къ девятому дню мы все поѣхали въ Москву. Пробыли тамъ и двадцатый день, и взявъ съ собою сестру Анну Петровну, возвратились въ деревню за день до Казанской.

Домовую церковь, которая была у батюшки въ домѣ, дозволено было оставить до сороковаго дня, поминовенiя ради а въ этотъ день, отслуживъ обѣдню, священникъ разоблачилъ престолъ; вынесли его на дворъ и, изрубивъ тутъ же сожгли. Это было очень прискорбно видѣть, и братъ Михаилъ Петровичъ, который былъ совсѣмъ не изъ плаксивыхъ, видя это плакалъ какъ ребенокъ.

III.

Недѣлю спустя послѣ Казанской къ намъ прiѣхалъ сынъ деверя моего, Андрюша, звать насъ въ Петрово на освященiе церкви. Я не поѣхала по случаю глубокаго траура, а мужа уговорила ѣхать, потѣшить брата; они ждали къ себѣ въ гости и княгиню Долгорукову, и золовку мою Анну Александровну.

Мы всею семьей поѣхали провожать мужа моего до Москвы, гдѣ я и осталась съ сестрами, а онъ съ Андрюшею отправился на другой день къ брату своему въ Петрово.

Эта поѣздка была имъ подробно описана въ запискѣ его тетради. Вотъ что тамъ сказано:

„Юля 18, около полудня, мы благополучно прибыли къ брату въ село Петрово, гдѣ нашелъ и сестру Анну Александровну, и всѣхъ, слава Богу, здоровыми.

„Въ 8 часу вечера стали поджидать княгиню Анну Николаевну Долгорукову съ княжной. Имъ слѣдовало вѣхать черезъ Засѣку, и когда ихъ приближеніе было усмотрѣно изъ дома, старшіе мальчишки брата и ихъ товарищи-сосѣди, Будгаковъ и Крупениковъ, поскакали верхомъ на встрѣчу въ Остакино; невѣстка, Феодосья Андреевна, поѣхала въ коляскѣ въ Засѣку, а мы съ братомъ остались дожидаться дома, и когда она пріѣхала, приняли ее изъ коляски и ввели на крыльцо. Здѣсь ее встрѣтила сестра Анна Александровна съ меньшими дѣтьми: у нихъ были въ рукахъ корзины съ цвѣтами и они сыпали цвѣты на пути княгини.

„Я не остался ужинать и ночевать потому что и безъ меня набралось въ Петровѣ гостей не мало, а отправился къ себѣ въ Радино, гдѣ и ночевалъ.

„На слѣдующій день (девятнадцатый ятокъ) я къ 11 часамъ пріѣхалъ въ Петрово, провелъ тамъ весь день и, послѣ праздничной всеобщей, совершенной соборнѣ, остался ужинать и ночевать.

„На другой день должно было послѣдовать освященіе двухъ престоловъ: въ придѣлѣ во имя Святителя Николая и въ настоящемъ храмѣ во имя Архистратига Михаила.

„Первое освященіе началось въ восемь часовъ утра (потому что для княгини и княжны было бы утомительно встать рано), и когда оно окончилось, началась литургія въ новоосвященномъ придѣлѣ; затѣмъ было многолѣтіе брату и его женѣ, и въ это время палѣба изъ лушекъ. Потомъ всѣ перешли въ настоящій храмъ Архангела Михаила, снова освященіе и литургія опять соборомъ, молебень, многолѣтіе и палѣба изъ лушекъ. Несмотря на то что было два освященія и двѣ литургіи, все служеніе окончилось въ первомъ часу, и мы всѣ пошли въ домъ гдѣ была приготовлена обильная закуска, и гостей присутствовало не мало. Въ третьемъ часу, мы всѣ направились въ садъ, въ крытую аллею, и тамъ обѣдали; за столомъ было болѣе тридцати человекъ, когда стали пить здоровье, опять началась палѣба изъ лушекъ. На дворѣ были разставлены столы для крестьянъ, приготовленъ праздничный сытный обѣдъ, причемъ было угощеніе виномъ и брагой.

„Вечеромъ была всеобщая въ третьемъ еще не освященномъ придѣлѣ во имя Св. Мученицы Феодосіи, а на утро въ воскресенье, 21го числа, совершенно торжественно и соборнѣ освященіе сего придѣла. Затѣмъ послѣдовало обычное молебствіе со многолѣтіемъ храмоздателямъ, и опять была палѣба изъ лушекъ.

„Въ этотъ день повода казалась не совсѣмъ надежна и оттого обѣдали въ домѣ, а не въ саду.

„Въ поведѣльникъ, 22го числа, память Св. Маріи Магдалины, день свадьбы брата (въ 1789 году). Омъ праздновалъ

свое восемнадцатилѣтнее супружество. По случаю присутствія княгини Долгоруковой за обѣдомъ лили здоровье ея дочери — Марьи Ивановны Селецкой. Весь этотъ день я провелъ въ Петровѣ.

„Во вторникъ я отправился къ себѣ въ Радино, въ сопровожденіи Ивана Николаевича Классона, который прибылъ въ Петрово вмѣстѣ съ Долгоруковыми. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, майоръ въ отставкѣ; прежде состоялъ адъютантомъ при Степанѣ Матвѣевичѣ Ржевскомъ, женатомъ на баронессѣ Софьѣ Николаевнѣ Строгановой (родной сестрѣ кн. А. Н. Долгоруковой), и когда Ржевскій умеръ, онъ остался у дѣго вдовы завѣдывать имѣніемъ и дѣлами, а послѣ ея смерти (въ 1790 г.) и перешахъ жить къ Долгоруковымъ и былъ у нихъ своимъ человекомъ, вѣрнымъ глазомъ и помощникомъ въ дѣлахъ. Говорили тогда шепотомъ что немолодая княжна Прасковья Михайловна и онъ взаимно лютаи другъ къ другу очень вѣжныя чувства, но объ этомъ трудно судить, по пословицѣ: *не пойманный — не соръ*. По видимости ихъ отношенія были всегда благоприличны: ни короткости, ни ватаютости нельзя было замѣтить, а что у нихъ было на сердцѣ, до этого постороннимъ нѣтъ и дѣла.

„Классонъ у меня обѣдалъ, мы ходили гулять, онъ поѣхалъ ночевать въ Петрово, а я остался у себя.

„Въ среду 24го я съ утра поѣхалъ къ брату, весь день провѣлъ у него и возвратился только къ вечеру къ себѣ ночевать.

„Въ четвертокъ, 25го, день именинъ княгини Анны Николаевны я поѣхалъ поутру въ Петрово. Была праздничная обѣда съ многолѣтнимъ княгинѣ и всему княжескому дому. За столомъ лили за здоровье княгини и палили изъ пушекъ. Дѣти лѣли ей какіе-то стихки и подносили букеты. Весь этотъ день до самаго вечера я провелъ у брата, отуживалъ и потомъ со всѣми распростился чтобы на завтра ѣхать въ обратный путь, и возвратился ночевать въ Радино.

„Пятница, 26го. Въ восемь часовъ утра поѣхалъ на своихъ лошадахъ въ Веневъ; дорога хорошая, но въ городѣ пружасная мостовая: изъ неровныхъ камней, хуже что незасоренное поле. Городокъ очень плохой: домовъ каменныхъ мало, крыши есть и тесовыя, но большею частью, въ особености по олушкѣ города, все соломенные, и хаты — мазанки. Церкви есть очень хорошія: видно что граждане лекутся болѣе о благолѣпіи дома Божія чѣмъ о своихъ жилищахъ. Замѣчательнъ домъ городского магистрата: полагаю что онъ до-Петровскаго времени, во всякомъ случаѣ современникъ Петра I. На одномъ изъ концовъ города бывшій Николаевскій-Веневскій монастырь, который существовалъ до Петра I, и имъ закрытъ; теперь это приходская церковь.

„Къ вечеру я пріѣхалъ въ Тулу и остановился въ общественной гостиницѣ.

„Утромъ въ субботу я поѣхалъ преосвященнаго Амвросія (Протасова). Я много о немъ слышалъ какъ о мужѣ

духовномъ и о великомъ преловѣдникѣ: „Ежели бы я умѣлъ писать и говорить, какъ онъ“, говаривалъ про него нашъ Московскій святитель Платонъ, „я увѣряю что меня сходились бы слушать со всѣхъ концовъ Россіи.“ Онъ былъ въ послѣднее время настоятелемъ Юрьева монастыря въ Новгородѣ и оттуда посвященъ епископомъ въ Тулу. На видъ ему дѣтъ пятьдесятъ, или немного болѣе, очень представительнъ и простъ въ обращеніи, но съ достоинствомъ. Говоритъ плавно, безъ торопливости, смѣется едва замѣтно, а держитъ себя вообще какъ подобаешь архіерею: безъ напѣшки и высокомерія, какъ это иногда бываетъ у этихъ духовныхъ сановниковъ,—ученыхъ, но иногда необтесанныхъ смяковъ просвирницъ и пономарей. Этого, напротивъ того, смиренно-важенъ и привѣтливо-сановитъ. Онъ внимательно выслушалъ мое неважное дѣло и далъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Побывъ у него около часа времени я отправился осматривать ряды и лавки. Потомъ былъ на оружейномъ заводѣ и все подробно видѣлъ; сказывали мнѣ что ежемѣсячно выходитъ изъ работы до 5.000 совершенно готовыхъ ружей или 5.000 паръ pistolsъ и 3.000 тесаковъ.

„Въ воскресенье поутру очень рано я отправился изъ Тулы на наемныхъ лошадяхъ къ шурина моему Николаю Петровичу Корсакову: мѣнялъ лошадей въ Далоткѣ, объѣдалъ въ Мещериновой Плавѣ и не доѣзжая трехъ верстъ до Покровскаго былъ встрѣченъ братомъ Николаемъ Петровичемъ и Иваномъ Федоровичемъ Бартечевымъ, которые выѣхали ко мнѣ на встрѣчу верхами, потому что я заранѣе извѣстилъ что приѣду въ этотъ день, и въ 11 часовъ вечера приѣхали мы въ Покровское, гдѣ нашли насъ ожидавшаго Дмитрія Марковича Полторацкаго.

„Я прогостилъ у брата Николая Петровича до 4 августа и поѣхалъ обратно на Тулу въ Москву.

„5е число я пробылъ въ Тулѣ.

„6го числа бываетъ крестный ходъ изъ собора; очень мнѣ хотѣлось посмотреть, но такъ какъ слѣшилъ въ Москву не остался для этого лишняго полдня. Выѣхалъ изъ Тулы 6го числа, а 7го благополучно прибылъ въ Москву и нашелъ всѣхъ своихъ, благодаря Господа, здоровыми.“

IV.

Вскорѣ по возвращеніи Дмитрія Александровича Господь насъ порадовалъ: августа 16го у насъ родилась дочь которую, въ память первой нашей Сонюшки, мы пожелали назвать также Софьей; но ни той ни другой не суждено было дожить до совершеннолѣтія. Ее крестила сестра Анна Петровна и мой зять Вяземскій. Крестины были прегрустныя,

всѣ мы были въ глубокомъ траурѣ, потому что едва исполнилось шесть недѣль по кончинѣ батюшки и на душѣ у насъ у всѣхъ было очень не весело.

Всѣ мы, четыре сестры, носили трауръ два года. Теперь всѣ приличія плохо соблюдаютъ, а въ мое время строго все исполняли и по пословицѣ: „родство любви честь и воздай ему честь“, точно родствомъ считались, и когда кто изъ родственниковъ умираетъ, носили по немъ трауръ смотря по близости или по отдаленности сколько было положено. А до меня еще было строже. Вдовы три года носили трауръ: первый годъ только черную шерсть и крель, во второй годъ—черный шелкъ и можно было кружева черными носить, а на третій годъ въ парадныхъ случаяхъ можно было надѣвать серебряную сѣтку на платье, а не золотую. Эту носили по окончаніи трехъ лѣтъ, а черное платье вдовы не снимали, въ особенноти ложились. Да и молодую не похваляли бы еслибъ она послѣшила снять трауръ.

По отцу и матери носили трауръ два года: первый шерсть и крель, въ большіе праздники можно было надѣвать что-нибудь дикое шерстяное, но не слишкомъ свѣтлое, а то какъ разъ бывало оговорять:

„Такая-то совсѣмъ приличій не соблюдаетъ: въ большомъ траурѣ, а какое свѣтлое надѣла платье.“

Первые два года вдовы не лудрились и не румянились; на третій годъ можно было немного подрумяниться, но бѣлится и лудриться дозволялось только по окончаніи траура. Также и дуться было нельзя, развѣ только употребляли о-де-колонъ, о-де-лавандъ и о-де-ла-ренъ де-гонгри, по-русски унгарская водка, о которой теперь никто и не знаетъ. Богатые и знатные люди обивали и свои кареты чернымъ, и шоры были безъ набору, кучера и лакеи въ черномъ.

По матушкѣ мы носили трауръ два года, такъ было угодно батюшкѣ, и по бабушкѣ тоже можетъ-быть пронесли бы болѣе года, да я вышла замужъ и потому мы всѣ трауръ сняли.

Когда свадьбы бывали въ семьѣ гдѣ глубокій трауръ, то черное платье на время снимали, а носили лиловое, что считалось трауромъ для невѣстъ. Не припомню теперь кто именно изъ нашихъ знакомыхъ выходилъ замужъ будучи въ траурѣ, такъ все приданое сдѣлали лиловое разныхъ матерій, разумеется и различныхъ тѣней (фіолетово-дофи-

новое такъ называли самое темно-лиловое, потому что французскіе дофивы не носили въ траурѣ чернаго, а фіолетовый цвѣтъ, лиловое, жирофас, сиреневое, гри-де-лень, и т. под.).

Къ слову о цвѣтахъ, скажу кстати о матеріяхъ о которыхъ теперь нѣтъ понятія: объарь или гро-муаръ, гро-де-туръ, гро-гро, гро-д'оріанъ, левантиль, марселиль, сатель-тюркъ, бомбъ, это все гладкія ткани, а то затканная: ле-ти-броше, леги-семе, гравъ-рамажъ (большіе разводы); послѣднюю торговцы переименовали по-своему и называли большая ромашка. Матерію затканную золотомъ и серебромъ были очень хороши и такой доброты какой теперь и не найдешь. Я застала еще турскіе и кизильбашскіе бархаты и травчатые аксамиты: это были ткани привозная, должно быть персидскія или турецкія, бархаты съ золотомъ и серебромъ, тогда ихъ донашивали, а теперь развѣ гдѣ въ старинныхъ монастыряхъ найдешь въ ризницахъ, и то я думаю за рѣдкость берегутся

Были нѣкоторые цвѣта въ модѣ, о которыхъ потомъ и я уже не слыхала: hanneton, темно-коричневый на подобіе жука, grenouille évanouie лягушечно-зеленоватый, gorge-de-pigeon, tóurterelle, и т. п. Цвѣта эти конечно въ употребленіи и теперь, но только подъ другими названіями и не въ такомъ ходу какъ при самомъ началѣ когда показались.

Эти два года послѣ батюшкиной кончины мы всѣ провели очень тихо и уединенно, видались другъ съ другомъ, никуда въ даль не ѣздили, да и въ Москвѣ бывали только у близкихъ и родныхъ.

Подъ конецъ Великаго Поста мы собрались ѣхать въ свою подмосковную деревню чтобы тамъ провести и Святую Недѣлю. Бывало мы всю Страстную Недѣлю у батюшки слушаемъ службу въ его домовою церкви, у него встрѣчаемъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, съ нимъ всѣ разговляемся: въ этотъ разъ батюшки уже не было въ живыхъ, церковь его упразднена; очень намъ было горько и рѣшили не оставаться въ Москвѣ. Свѣтлое Воскресеніе приходилось апрѣля 5го, время стояло холодное, было еще много снѣгу; мы отправились во вторникъ на Страстной Недѣлѣ и прѣблагополучно пріѣхали къ себѣ на саняхъ. Съ нами поѣхала и сестра Анна Петровна, и такъ мы и встрѣтили Пасху у себя, своею семьей, избавили себя отъ лишней

лечали, отъ скучныхъ выѣздовъ и отъ утомительныхъ пріемовъ гостей, докучающихъ своимъ лустымъ разговоромъ когда на душѣ не весело.

Сосѣдство у насъ было доброе и хорошее, въ особеннети же наши самые близкіе, Титовы (съ которыми мы видались почти-что ежедневно), и какъ наступила весна всѣ съѣхались въ свои деревни, мы начали видѣться и провели дѣто очень мирно, тихо и весело.

Дмитрій Александровичъ занялся приготовленіемъ матеріаловъ для будущаго пречистенскаго дома, потому что мы жили въ старомъ домѣ купеческомъ у Бибиковой и помышляли о новомъ. Кромѣ того, и въ деревнѣ нашъ домъ становился намъ тѣснотать, такъ какъ прибавилась наша семья: мы съ мужемъ, три дѣвочки побольше, при нихъ мадамъ, Союшка, при ней кормилица, нянюшка-мамушка Федосья Федоровна, а теперь послѣ кончины батюшки и сестра Анна Петровна. По всему этому приходилось намъ подумать о деревенскомъ домѣ, полприбавить его и рѣшили, не трогая какъ онъ есть построить верхъ, то-есть мезонинъ. Такъ мы почти-что безвыѣдно и прожили два года въ деревнѣ: дѣти были еще малы, я въ траурѣ, мужъ любилъ деревню, со мною жила сестра Анна Петровна; иногда пріѣзжалъ къ намъ погостить братъ Николай Петровичъ, иногда и князь Дмитрій Михайловичъ Волковскій. И какъ прошли эти два года—я и не замѣтила.

Послѣ батюшки по раздѣлу между братьями досталось брату Михаилу Петровичу Боброву, петербургская деревня и въ Рязани, а Николаю Петровичу Покровское и деревня въ Костромѣ; сестрѣ Аннѣ Петровнѣ тоже въ Костромѣ, по смежности съ братьями имѣніемъ. Сестрѣ Вяземской при ея замужствѣ батюшка пожаловалъ имѣніе въ Киевщинѣ, а Варварѣ Петровнѣ даю было имѣніе въ близи отъ Калуги, вновь купеческое село Субботино. Братья дѣлили имѣніе по доходу, а не по числу душъ, и потому Михаилу Петровичу пришлось больше чѣмъ Николаю Петровичу, но оба въ сложности получили 3.800 душъ, а мы четыре сестры, около 1.200; на мою долю при замужствѣ полученная мною новгородская была самая малочисленная, 250 душъ.

V.

По близости отъ Покровскаго, тоже въ Новосильскомъ уѣздѣ, было имѣніе князя Петра Петровича Долгорукова, того самаго который, будучи губернаторомъ въ Тульѣ, необходимо принималъ батюшку и прѣ котораго батюшка обыкновенно выражалась не очень одобрительно.

Этотъ Долгоруковъ былъ женатъ на Лалтевой, Анастасіѣ Симоновнѣ, и вышедши въ отставку въ первые годы царствованія императора Александра Павловича, жилъ у себя въ имѣніи, будучи очень не богатъ; и тамъ занимался хозяйствомъ и важничалъ предъ мелкопомѣстными сосѣдами.

Онъ имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, Петръ Петровичъ, былъ говорятъ хорошъ собою, очень уменъ, былъ дружески любимъ императоромъ Александромъ, подавалъ большія надежды на блестящую будущность, но въ молодыхъ лѣтахъ умеръ въ 1806 году.

Другихъ двухъ сыновей звали: Михаилъ Петровичъ и Владиміръ Петровичъ, женатый на Варварѣ Ивановнѣ Пашковой. У послѣдняго остался сынъ Петръ Владиміровичъ*.

Дочерей у Долгорукова было двѣ: старшая Елена Петровна была давно замужемъ за Сергѣемъ Васильевичемъ Толстымъ, и меньшая, княжна Марья Петровна, которой было уже далеко за тридцать лѣтъ: она была собою не хороша и вдобавокъ еще и кривобока.

Слышала я что она была за кого-то сговорена и женихъ выписалъ свою мать къ свадьбѣ (кажется въ Москву), но князь Петръ Петровичъ дурно обошелся съ жениховою матерью, которая такъ этимъ оскорбилась что не захотѣла чтобъ ея сынъ женился на княжнѣ. Какъ сынъ ни упрашивалъ, старушка осталась непреклонна и приискала для

* Петръ Владиміровичъ жилъ нѣкоторое время за границею гдѣ печаталъ свои сочиненія: *Notices sur les principales familles de la Russie*; *La vérité sur la Russie* и многія другія, не дозволенные цензурой. Имъ же составлена: *Россійская Родословная книга*, которую онъ не успѣлъ довести до конца и вышло только четыре части. При всей своей неоплодотворенности и многихъ пропускахъ, это, однако, самая полная родословная книга какую мы до сихъ поръ имѣли.

сына даже другую невѣсту красивѣе и богаче, только не княжну, а княжна такъ и должна была сидѣть ждать у моря погоды, не найдется ли еще другой женихъ.

И много прошло съ тѣхъ поръ времени, а княжна все оставалась княжною.

Послѣ кончины батюшки братъ Николай Петровичъ какъ-то сблизился съ Долгоруковыми и сталъ бывать у нихъ довольно часто и наконецъ въ 1804 году и женился на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ. Она была крестница князя Юрія Владиміровича, и такъ какъ приходилась ему двоюродная внука, то онъ ей и дѣлалъ приданое. Петръ Петровичъ былъ очень не богатъ; а князь Юрій Владиміровичъ, напротивъ того, имѣлъ очень большое состояніе и родственнику своему часто и много помогалъ.

Когда братъ объявилъ намъ что онъ женится на княжнѣ Долгоруковой, мы всѣ очень удивились этому, и намъ живо представилась разказъ батюшки о его визитѣ Долгорукову. Повторяю что еслибъ онъ былъ еще въ живыхъ, не бывать бы этой женитьбѣ.

Никогда не приходилось мнѣ видѣть княжну Марью Петровну, но много слышала я о ней отъ нашихъ сосѣдокъ по Покровскому—барышень Меркуловыхъ.

Онѣ часто говаривали про Долгоруковыхъ и очень хвалили княжну что она ума, хорошо воспитана, поетъ по-италіянски, словомъ превозносили до небесъ; но чтобы хороша была или стройна, никогда не говорили.

Мы часто другъ другу и говаривали:

— Что жь это Меркуловы никогда не скажутъ хороша ли собой княжна Долгорукова?

Престранныя были эти Меркуловы: не то чтобъ онѣ были хороши собой, но не дурны, сложены какъ слѣдуетъ, здоровья прекраснаго и кушали во славу Божию все что ни подадутъ.

Какъ пріѣхали Долгоруковы къ себѣ въ деревню и познакомились съ Меркуловыми, стали мы примѣчать въ нихъ перемѣну: онѣ сестры начали какъ-то гнутья набокъ и странно ходить, какъ прежде не хаживали, и стали жаловаться на свое здоровье: то холодно, то оквозной вѣтеръ, то имъ сыро. Вздумали привередничать за столомъ: это вредно, это тяжело, то жирно, другое тамъ солоно или кисло.

Это намъ казалось смѣшнымъ и страннымъ, но все мы не догадывались что онѣ перебиваютъ у кого-нибудь весь этотъ вздоръ, а думали что онѣ такъ сами по себѣ дурачатся: и кому бы пришло въ голову, чтобы человекъ родившійся прямымъ, не кривобокимъ, сталъ вдругъ корчить изъ себя кривобокаго?

Которая-то изъ моихъ сестеръ разъ и спрашиваетъ у одной изъ Меркуловыхъ,

— Что это, матушка, какъ ты стала себя криво держать, точно кривобокая какая?

— Бокъ болитъ, такъ все меня и гнетъ на сторону.

Чужой боли не угадаешь: можетъ и взаправду нездоровится и бокъ болить.

Батюшка тоже замѣтилъ перемену въ Меркуловыхъ: не вѣдать за столомъ того, другаго:—Давно ли это, вы начали разбирать что вредно, что здорово, вы кажется, прежде все вѣдали?

— Что-то желудки у насъ испортились, плохо перевариваютъ пищу, слазмы дѣлаются.

— Какія это вы тамъ еще выдумали слазмы, говоритъ батюшка, кушайте во славу Божью все что подаютъ и пройдутъ ваши слазмы: русскому желудку все должно быть здорово.

Въ послѣдствіи, какъ мы познакомились съ княжной Марьею Петровною, у насъ глаза и открылись; думаемъ себѣ:

— Вотъ съ кого обезьяничаютъ Меркуловы!

Первый визитъ братиной невесты былъ къ сестрѣ Александрѣ Петровнѣ,—она была и старшая, да притомъ же и княгиня Вяземская,—потомъ къ брату и ко мнѣ.

Ну ужъ подивилась я на первыхъ порахъ выбору брата, глядя на невесту: очень не велика ростомъ, кривобока, горбовата, оловяннаго цвѣта вытаращенные глаза, носъ картофеливой, зубы какъ клыки и какіе-то кривые пальцы. Смотрю на княжну, не вѣрю себѣ: „неужели эта братина невеста“?

При тогдашнихъ коротенькихъ и общекнутыхъ платьяхъ съ коротенькою талией нескладность княжны была еще замѣтнѣе. Что она была умна—это безспорно, но какъ-то рѣзка и насмѣшлива, и это намъ не понравилось...

Со всеми нами она обошлась не то чтобы свмсока, но не очень радушно, хотя мы всѣ готовы были принять ее

въ родство какъ братицу жену; а важничать ей не приходилось съ нами: мы были вѣдь не Чумичкины какіа-нибудь или Доримедонтовы, а Римскіе-Корсаковы, одного племени съ Милославскими, изъ рода которыхъ была первая царица Алексѣя Михайловича; матушка была Щербатова, а бабушка Мещерская, не Лалтевымъ чета.

Большая была разница между старшею невѣсткой и этою: та была очень не дура, правда что съ простотой и немного картава, но добра и ласкова, а эта пренапыщенная, какъ будто великую намъ честь дѣлала что родилась съ нами.

Батюшка былъ точно вполнѣ баринъ: однако онъ всякаго дворянина принималъ какъ равнаго себѣ, хотя конечно не за всякаго бы отдалъ своихъ дочерей; да и мы, правду сказать, съ разборомъ глядѣли на мужчинъ, но были приучены быть привѣтливими съ каждымъ порядочнымъ человекомъ, а въ особености съ равными себѣ. Этого Марья Петровна никогда или не хотѣла, или не умѣла, и не только сама не сблизилась съ нами, но малю-по-малу и брата ото всѣхъ родныхъ отдала, а такъ какъ онъ былъ характера слабаго, то имъ совсѣмъ завладѣла.

Братъ Николай Петровичъ при своей женитьбѣ былъ тридцати семи лѣтъ, а невѣста его года на четыре моложе его, но онъ несмотря на свою хворость былъ молодецъ и очень не дурень собой.

По милостивому расположенію покойнаго государя къ старшему брату княжны Марьи Петровны—Петру Петровичу, она была пожалована фрейлиной, и такъ какъ въ то время было двѣ императрицы (Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна), то и шифръ былъ двойной: М. и Е.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву императоръ Александръ сказалъ княгинѣ Долгоруковой, матери умершаго Петра Петровича, много лѣтъ спустя послѣ его смерти: „вы, княгиня, потеряли сына, а я лишился въ немъ друга.“

Княгиня была умная и находчивая старуха и очень хорошо и умно отвѣтила государю: „вы можете, ваше величество, всегда имѣть и много друзей, а я, лишившись сына, сына уже не найду, и самъ Богъ мнѣ его возвратитъ не можетъ.“

Княгиня была очень почтенная, добрая, умная и привѣтливая женщина женщина, весьма благочестивая, держала себя просто, была со всѣми обходительна и не важничала какъ ея гордый старикъ.

V.

По случаю жевитьбы брата я познакомилаъ съ крестнымъ отцомъ его женою, княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ. И потому котати и разкажу о немъ, каковымъ я его стала звать и что о немъ слыкала отъ другихъ.

Князю Юрію Владиміровичу въ 1809 году было лѣтъ подь семьдесятъ, онъ былъ ростомъ не очень великъ, но впрочемъ и не малъ; довольно полный, лицо имѣлъ пріятное, хотя черты не были правильны и не особенно красивы. Что-то спокойное было въ выраженіи и много добродушія и вмѣстѣ съ тѣмъ и величавости; съ перваго взгляда можно было угадать что это настоящій вельможа, ласковый и внимательный. Давно всѣ перестали пудриться и начали носить суконное кургузое платье, онъ до конца жизни пудрился и хедилъ въ бархатъ и въ шелку, и думаю что было бы страшно видѣть этого вельможу, старика одѣтаго какъ начинали тогда одѣваться наши щеголи по-французски, на республиканскій манеръ, преевратительно; онъ все еще носилъ французскій кафтанъ, и было это весьма прилично.

Онъ свою службу началъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ находился и батюшка, и былъ тяжело раненъ въ голову, такъ что ему дѣлали операцію: вынимали изъ головы пулю или осколки. Онъ былъ тогда очень еще молодъ, и лѣтъ на десять моложе батюшки. При кончинѣ Елисаветы Петровны онъ былъ полковникомъ, а при Екатеринѣ, не имѣя и тридцати лѣтъ, былъ уже генераль-майоромъ.

Когда графа Орлова (Алексѣя Григорьевича) императрица Екатерина послала въ Черногорію съ секретнымъ порученіемъ, то Орловъ непремѣнно хотѣлъ чтобы Долгоруковъ былъ данъ ему въ помощники. По возвращеніи былъ награжденъ Георгіемъ на шею и лентой (Александровскою) черезъ плечо. Подъ конецъ царствованія императрицы, Зубовы, полавшіе тогда въ милость государыни, - опасаясь значительности Долгорукова, начали его тѣснить и вынудили выдти въ отставку за годъ или года за два до кончины императрицы.

Императоръ Павелъ, въ скоромъ времени по востшествіи своемъ на престолъ, вспомнилъ про князя Ю. В. Долгорукова

и, несмотря на то что онъ былъ въ отставкѣ, назначилъ его градоначальникомъ Москвы, а черезъ годъ безо всякой видимой причины уволилъ отъ службы.

Въ тогдѣшнее время это было не въ диковинку: случалось что самые, казалось, приближенные люди, увѣренные въ своемъ фаворѣ, неожиданно получали приказаніе тотчасъ собираться въ путь, укладываться, ѣхать куда-нибудь въ свою отдаленную деревню, жить тамъ безвыѣздно и ждать позволенія возвратиться въ столицу. За что? отчего? этого никто и спрашивать не смѣлъ: благодарили Бога что только въ деревню высылаютъ, а не дальше...

У князя Юрія Владиміровича былъ старшій братъ, который женился на графинѣ Бутурлиной, а вѣскольکو времени спустя, на другой, младшей ея сестрѣ женился самъ Юрій Владиміровичъ: первый бракъ считался законнымъ, а второй не признавали, хотѣли развести, но молодые не согласились и остались жить вмѣстѣ. Какъ братья, такъ и жены ихъ, жили душа въ душу. Жену старшаго брата, Василия Владиміровича, звали Варвара Александровна, а жену Юрія Владиміровича Екатерина Александровна. У старшей четы дѣтей не было, а у княгини Екатерины Александровны вскорѣ послѣ замужства оказались признаки тягости, тогда и старшая сестра стала выдавать себя за находящуюся въ такомъ же положеніи для того чтобы имѣть возможность новорожденнаго сестринаго ребенка выдать за своего законнаго, а не сестринаго, отъ непризнаннаго брака, и въ этихъ видахъ она обкладывалась подушками, и лосторомяе, видя ихъ обѣихъ въ такомъ положеніи, не догадывались что одна въ тягости залодливна, а другая притворно.

У княгини Екатерины Александровны было трое дѣтей: * сынъ и двѣ дочери, одна умерла въ дѣтствѣ, а другая, Варвара Юрьевна, бывшая за княземъ Горчаковымъ, умерла года за два до первой холеры. Сынъ, князь Василій Юрьевичъ, прекрасный молодой человекъ, подававшій великія надежды своимъ родителямъ, имѣя едва двадцать лѣтъ отъ роду, былъ при императорѣ Павлѣ генералъ-майоромъ, а въ тридцать лѣтъ произведенъ въ генералъ-адъютанты; но не

* По смерти брата и невѣстки, князь Юрій Владиміровичъ испрошалъ высочайшее соизволеніе на признаніе дѣтей числившихся братьиными—своими законными дѣтьми.

суждено было служить отрадой престарѣлаго отца: онъ умеръ не имѣя еще и сорока лѣтъ, и съ нимъ погибла всѣ надежды старика видѣть потомство.

Домъ князя Юрія Владиміровича былъ на Никитской, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ домовъ въ Москвѣ. На большомъ и широкомъ дворѣ, какъ онъ ни былъ великъ, иногда не умѣщались кареты съѣзжавшіяся со всей Москвы къ гостепріимному хозяину, и какъ ни обширенъ былъ домъ, въ немъ жилъ только князь съ княгиней, ихъ приближенныя и безчисленная прислуга. А на лѣтнее дѣля князь переезжалъ за семь верстъ отъ Москвы въ Петровское-Разумовское, гдѣ были празднества и увеселенія, которыхъ Москва никогда ужъ больше не увидитъ...

Все дано было князю Юрію Владиміровичу отъ Бога что можетъ сдѣлать жизнь счастливою, и онъ умеръ, однако разбитый горемъ, потому что лишился всѣхъ близкихъ, такъ что свое огромное состояніе оставилъ не близкому наслѣднику, а сестрину внуку, Салтыкову. Прежде всѣхъ умеръ его сынъ, потомъ княгиня, въ 1811 году, потомъ зять его, князь Горчаковъ, внука—дочь княгини Варвары Юрьевны, княжна Лидія Алексѣевна, выданная за графа Бобринскаго, и наконецъ княгиня Горчакова. Почти девяностолѣтній старикъ совершенно осиротѣлъ и умеръ, можно сказать, на чужихъ рукахъ, но онъ былъ хорошій христианинъ и потому не ропталъ на Господа, съ твердостью переносилъ всѣ потери и смиренно несъ свой крестъ.

Князь Юрій Владиміровичъ скончался въ ноябрѣ мѣсяцѣ, во время первой холеры 1830 года. Схоронили его рядомъ съ женой въ подмосковной, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ-то въ сторону отъ Владимірской дороги, за Кусковыми, верстахъ въ 15 отъ Москвы.

На моей памяти только и было такіе два вельможскіе дома, какъ дома Долгорукова и Апраксина, и это въ то время когда еще много было знатныхъ и богатыхъ людей въ Москвѣ, когда умѣли, любили и могли жить широко и весело. Теперь нѣтъ и тѣни прежняго: кто позначительнѣе и побогаче всѣ въ Петербургѣ, а кто доживаетъ свой вѣкъ въ Москвѣ или устарѣлъ, или обѣднѣлъ, такъ и сидятъ у себя тихохонько и живутъ бѣдехонько, не по-барски, какъ бывало, а по-мѣщански, про самихъ себя. Роскоши больше, все дороже, нужды увеличались, а средства-то

маленькія и плохенькія, ну и живи не такъ какъ хочется, а какъ можется. Поднялъ бы нашихъ стариковъ, далъ бы имъ посмотрѣть на Москву, они ахнули бы на что она стала похожа... Да, обмелѣла Москва и измелѣчала жителями, хоть и много ихъ.

Имена-то хорошія, можетъ, и есть, да людей нѣтъ: не по имени живутъ.

Говорятъ про старыхъ людей что мы хвалимъ только свое время: чего тутъ хвалить, когда все пошло вверхъ дномъ, домами-то Москва пожалуй и красна, а жизнью скудна. Что по нашему за срамъ и стыдъ считали—теперь ни по чемъ. Ну, слышаное ли дѣло чтобы благородные люди, обыватели Москвы, нанимали квартиры въ трактирахъ, или жили въ меблированныхъ помѣщеніяхъ Богъ знаетъ съ кѣмъ стѣна обзъ стѣну?

А экилажи какіе? Что у кулца, то и у князя, и у дворянина: ни герба, ни коровки. Кто-то на дняхъ сказывалъ, видишь, что гербы стыдно выставлять на показъ а то куда же ихъ прикажете дѣвать, въ сундукахъ что ли держать или на чердакѣ съ хамомъ? На то и гербъ чтобы смотрѣть на него, а не то чтобы прятать, не краденый, отъ дѣдушекъ достался... Я имѣю два герба: свой да мужниинъ, и стулай, тащисъ въ каретѣ выкрашенной однимъ цвѣтомъ, какъ какая-нибудь Простолытова; да статочное ли это дѣло? Или печатай я лисьмо печатью съ незабудкой или того хуже облаткой, а не гербовою печатью? Какъ бы не такъ!

А въ каретахъ на чемъ ѣздить? Я ужъ не говорю что не четверней: теперь * и двухъ десятковъ во всей Москвѣ не найдешь кто бы четверней ѣздилъ, а то просто на ямскихъ лошадяхъ. Въ мое время за великій стыдъ почитали на ямскихъ лошадяхъ куда-нибудь ѣхать, опречь рядовъ или вечеромъ на балъ, когда своихъ пожаѣшь, а теперь это все ни по чемъ, безъ зазрѣнія совѣсти, въ простыхъ наемныхъ каретахъ таскаются по городу среди бѣла дня, или того еще хуже на извожикахъ рыскають.

Годъ отъ года все хуже и хуже становится, и теперь глаза ужъ не глядѣли бы и не слушали бы про то что дѣлается!...

* Это началось въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда переставали уже ѣздить четверней и съ фореиторомъ, но въ Москвѣ были еще старушки и старички которые по старой памяти доѣзжали свой вѣкъ на четвернѣ, а не на парѣ въ низенькой каретѣ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКИХЪ УЧЕНИЙ

СЪ ЭПОХИ ДЕКАРТА

Изученіе картезіанской * философіи природы имѣетъ нынѣ не только высокій историческій, но и значительный современный интересъ. Мы находимся въ періодѣ научной мысли когда мало-по-малу на первый планъ вновь выдвигаются тѣ самые вопросы которые были намѣчены Декартомъ и другими великими умами начавшими новую эру въ исторіи философіи и естествознанія. Гегель въ своей *Исторіи философіи*, переходя отъ утомительной и безплодной эпохи схоластическихъ ученій къ ученію Декарта, говоритъ: „теперь мы можемъ воскликнуть—берегъ!“ И дѣйствительно, ученіе Декарта есть основной пласть той умственной формации въ которой корни современной намъ мысли и которая справедливо можетъ быть признана родною для насъ почвой. Мы возвращаемся въ кругу тѣхъ же еще вопросовъ которые

* *Philosophia Cartesiana* отъ передѣланнаго въ *Cartesius*, на латинскій языкъ, имени Декарта, который самъ, впрочемъ, и въ латинскихъ изданіяхъ своихъ сочиненій писалъ *Renatus Des Cartes*. Откуда *D. Cartesius* и просто *Cartesius*.

ставились Декартомъ, Лейбницемъ, Ньютономъ и не разъ получали одностороннія рѣшенія, въ самой рѣзкости коихъ и достоинства, и недостатки выступали съ особою осязательностью. Вопросы эти то откладывались по недостатку данныхъ къ разрѣшенію и забывались, то вновь возникали по мѣрѣ нарожденія капитала положительнаго знанія. Тѣсное родство современныхъ ученій съ ученіями эпохи Декарта особенно замѣтно въ области физики. Современная физика имѣетъ тѣсную близость съ тѣмъ что въ восемнадцатомъ вѣкѣ звалось картезианскою физикою. Многое что выставлено нынѣ новизной есть лишь возобновленіе, при новомъ запасѣ фактическихъ знаній, задачъ указанныхъ, но неразрѣшенныхъ въ эпоху физическихъ теорій, смѣло вымышлявшихся по образцу Декартова, „романа природы“, какъ онъ самъ шуточно называлъ свою теорію міра. Гипотезы о внутреннемъ строеніи матеріи, теоріи стремящіяся свести всѣ явленія исключительно къ явленію движенія, идеи о сохраненіи энергіи въ природѣ, о всепоблвляющемъ эфирѣ, атомныхъ вихряхъ, средѣ порождающей притяженія и отталкиванія, самое ученіе о телотѣ какъ формѣ движенія,— это все ученія возобновляющія вопросы картезианской физики. Современная физика, ньютонианская въ своемъ содержаніи,— картезианская въ своихъ стремленіяхъ. Ученіе Д. Бернулли о воздухѣ и газахъ, какъ совокупности отдѣльно месущихся частицъ, долго остававшееся въ забвеніи какъ одна изъ многочисленныхъ физическихъ гипотезъ картезианскаго періода, нынѣ есть одно изъ глубочайшихъ физико-математическихъ ученій, открывающее новые горизонты изслѣдованій.

Въ виду изложенныхъ соображеній, позволяю себѣ надѣяться что предлагаемые здѣсь отрывки изъ составляемой мной исторіи физическихъ ученій съ эпохи Декарта найдутъ читателей не только между людьми болѣе или менѣе спеціально интересующимися дѣломъ, но и въ болѣе обширномъ кругѣ интересующихся задачами современнаго знанія въ ихъ историческомъ развитіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь и труды Декарта.

I.

Въ чемъ можетъ состоять задача біографа изображающаго жизнь великаго человѣка отдѣленнаго отъ насъ промежутокъ болѣе двухъ вѣковъ, принадлежащаго чужой странѣ, инымъ правамъ, съ которыми нѣтъ у насъ явной исторической связи, но съ которыми насъ соединяетъ общечеловѣческой интересъ знанія? Такой біографъ не можетъ взять на себя художественное изображеніе, которое поставило бы предъ воображеніемъ читателя осязательный образъ живаго человѣка въ соответствующей обстановкѣ пространства и времени. Онъ долженъ быть доволенъ если въ той фигурѣ которая пройдетъ предъ читателемъ окажутся замѣтны съ достаточною яркостью по крайней мѣрѣ тѣ характеристичныя черты чрезъ которыя неуловимая подлота дѣйствительности представляется какъ воплощеніе определенной идеи влагающей смыслъ въ существованіе. Образъ всякаго человѣка проходящій въ нашемъ воображеніи, — образъ ли это лица о жизни и дѣйствіяхъ котораго мы знаемъ только изъ книгъ и чтенія, образъ ли современника съ которымъ мы лично обращались, собственный ли, наконецъ, образъ отнесенный въ прошедшее, есть всегда образъ идеальный, иногда мистическій, порожденный работою сознанія, такъ-сказать выдуманный, но который можетъ заключать въ себѣ высшую истину какъ уразумѣніе дѣйствительности. Степень наглядности съ какой образъ этотъ является въ воображеніи, то количество живаго матеріала который соединяется съ отвлеченною, болѣе или менѣе вѣрно угаданною идеей, — которая есть освѣщеніе предмета, а не самый освѣщенный предметъ въ полнотѣ его существованія, дается или воспоминаніемъ дѣйствительности, или искусствомъ творческаго изображенія.

Въ настоящемъ очеркѣ обстоятельствъ жизни Декарта исторіи развитія его философской мысли мы будемъ пользоваться, кромѣ его сочиненій и писемъ, богатою матеріа-

лами біографіей * Декарта написанной въ концѣ XVII вѣка Балье (Baillet), составителемъ извѣстнаго въ свое время изданія *Jugemens des savans*. На долю немногихъ славныхъ людей выпало имѣть такого обстоятельнаго и преданнаго біографа какъ біографъ Декарта собравшій все что только можно было о жизни и дѣятельности знаменитаго философа.

* Біографія Балье въ обширномъ томѣ in 4° въ двухъ частяхъ (первая въ 417, вторая въ 602 страницъ), съ портретомъ Декарта, издава въ 1691 году подъ заглавіемъ: *La vie de Monsieur Descartes, à Paris chez Daniel Northemels, rue Saint-Jacques au Méséna, MDCXCI, avec privilège du Roi*). Имя автора выставлено начальными только буквами подъ посвященіемъ канцлеру. Благодаря благожелательности директора Императорской Публичной Библиотеки, И. Д. Деянова, я пользовался экземпляромъ книги Балье принадлежащимъ этому учрежденію. Въ 1693 году было издано сокращеніе біографіи подъ заглавіемъ: *La vie de M-r Descartes, contenant l'histoire de sa philosophie et de ses autres ouvrages et aussi ce qui luy est arrivé de plus remarquable pendant le cours de sa vie. Reduite en abrégé. A Paris chez la veuve Mabre Cramoysi MDCXCIII*. Вскорѣ послѣ смерти Декарта, послѣдовавшей въ Швеціи, куда онъ прибылъ по приглашенію королевы Христіны пожелавшей имѣть его своимъ руководителемъ въ философскихъ занятіяхъ, царственная ученица его пожелала чтобы была составлена его біографія. Черезъ посредство Шаню (Chanut), французскаго посланника въ Стокгольмъ, ревностнаго послѣдователя и преданнаго друга Декарта, она обращалась ко французскимъ друзьямъ философа. Но предпріятіе осуществлялось не скоро. Ни самъ Шаню, ни Клерселье (Clerseleie, шурикъ Шаню и также другъ Декарта) которымъ прежде всего было сдѣлано предложеніе не рѣшились принять на себя трудъ біографа. Отказался и отецъ Пуассонъ (авторъ Комментарія о методѣ Декарта). Достойный біографъ, въ лицѣ Балье, нашелся не ранѣе тридцати лѣтъ по смерти философа. Трудъ Балье, какъ узнаемъ изъ его предисловія, предшествовало нѣсколько жизнеописаній составленныхъ разными лицами, отчасти въ Голландіи и Германіи, отчасти во Франціи. Вскорѣ послѣ смерти Декарта Даниэль Липсторпиусъ (Daniel Lipstorijs), профессоръ въ Любекѣ, издавъ на двухъ печатныхъ листахъ жизнь Декарта по свидѣніямъ изъ Голландіи въ сочиненіи *Specimen philosophiae cartesianae* (Лейденъ 1653 года, авторы—Schooten и Raey) помѣщена краткая біографія философа. Въ концѣ того же года медикъ Борель издавъ въ Лангедокѣ и черезъ три года (въ 1656 году) перепечаталъ въ Парижѣ краткое жизнеописаніе Декарта—*Vita Cartesii*. Въ 1674 году вышла въ Нюрнбергѣ подъ общающимъ заглавіемъ, но слабая въ исполненіи, *Historia philosophiae car-*

къ поднятію своего ума выше педагогства, дабы стать ученымъ хорошаго разбора (*se faire sçavant de la bonne sorte*).“ Во вниманіе ко способностямъ Декарта и его некрѣпкому здоровью, опытные іезуиты-педагоги предоставляли ему значительную свободу занятій и позволяли долго оставаться въ постели. Въ послѣдствіи и въ зрѣломъ возрастѣ онъ сохранилъ привычку утромъ со свѣжею головою предаваться научнымъ размышленіямъ въ постелѣ, приподымаясь по временамъ чтобы набросать кратко на бумагу являющіяся идеи. Во время пребыванія въ коллегіи Декартъ много читалъ. „Я зналъ“, говоритъ онъ, * „что чтеніе хорошихъ книгъ есть какъ бы разговоръ съ наилучшими людьми прошедшихъ вѣковъ, написавшими эти книги, и разговоръ подготовленный, въ которомъ они сообщаютъ лишь лучшія изъ своихъ мыслей“. „Но“, прибавляетъ онъ, „это почти то же что путешествовать.. а если слишкомъ много времени отдать путешествіямъ, то становишь чужимъ въ своей землѣ“.

Послѣдній годъ своего пребыванія въ коллегіи Декартъ особенно занимался математикой. „Я особенно любилъ математику“, пишетъ онъ, „за вѣрность и очевидность ея выводовъ, но не усматривалъ еще ея истиннаго употребленія и думалъ что она приложима только къ механическимъ искусствамъ, и удивлялся какъ на такихъ твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ не выстроено чего-либо болѣе возвышеннаго.“

III.

Декартъ оставилъ іезуитскую коллегію въ 1612 году послѣ почти девятилѣтняго въ ней пребыванія. Отецъ назначалъ семнадцатилѣтняго юношу въ военную службу и отправилъ его въ Парижъ ознакомиться съ общественною жизнью. Декартъ увлекся примѣромъ молодыхъ сверстниковъ, и два года велъ разсыпанную жизнь молодыхъ дворянъ того времени. Но дружескія сношенія со славившимся тогда математическими знаніями Мидоржемъ * и съ отцомъ Мерсениомъ

* *Discours de la méthode*, стр. 35. Цитую по изданію *Oeuvres philos. de Descartes*, publ. par Aimé Martin. Paris. 1848.

* Claude Mydorge, trésorier de France en la generalité d'Amiens fils d'un conseiller de la Grand-Chambre. Онъ былъ одиннадцатью годами старше Декарта. (Baillet, abrégé, 20).

(Merseune), восплачавшемся въ той же коллегіи какъ и Декартъ и затѣмъ пошедшимъ въ монахи и скоро пріобрѣтшимъ большую извѣстность въ ученомъ мірѣ, поддерживали въ Декартѣ интересы науки и знанія; и когда отецъ Мерсеннъ получилъ назначеніе въ Парижъ, Декартъ вдругъ разорвалъ всѣ связи съ товарищами своихъ развлеченій, поселился въ отдаленной улицѣ, предался научнымъ занятіямъ и такъ усердно скрывался въ теченіе двухъ лѣтъ что всѣ думали онъ давно оставилъ Парижъ, когда наконецъ случайно одинъ изъ его товарищей встрѣтилъ его на улицѣ, узналъ и прослѣдилъ до квартиры. Декартъ вернулся въ прежній кругъ, но не надолго.

Въ 1617 году наступили для Декарта годы страствованія. „Какъ только возрастъ“, пишетъ онъ, * „позволилъ мнѣ выйти изъ подчиненія моимъ наставникамъ, я совсѣмъ оставилъ занятія по книгамъ и рѣшился искать только той науки которая могла найтись во мнѣ самомъ или же въ великой книгѣ міра, и употребилъ остатокъ моей юности на то чтобы путешествовать, увидѣть дворы и арміи, войти въ сношеніе съ людьми разныхъ нравовъ и положеній, собрать разные опыты, испытать себя во встрѣчахъ какія представить судьба, и повсюду поразмыслить надъ встрѣчающимися предметами такъ чтобъ извлечь какую-либо пользу изъ такихъ размышленій.“ Декартъ отправился прежде всего въ Голландію гдѣ и остался два года, служилъ волонтеромъ въ арміи князя Оранскаго и былъ свидѣтелемъ и килучей дѣятельности свободнаго народа, и кровавыхъ религіозныхъ распрей. Въ 1619 году переехалъ въ Германію, видѣлъ во Франкфуртѣ коронаваніе Фердинанда II давшее сигналъ къ Тридцатилѣтней войнѣ. Посѣтилъ Баварію, Австрію, Богемію, Венгрію, былъ на сѣверѣ Германіи, и вернулся въ Голландію, гдѣ и провелъ въ Гагъ конецъ 1621 и начало 1622 года. Въ февралѣ отправился на родину.

IV.

1619 годъ былъ знаменательный въ исторіи внутренняго развитія Декарта. „Я жилъ тогда“, пишетъ онъ, ** „въ Германіи куда привлекали меня продолжавшіяся еще всеобщими

* *Disc. de la méth.*, 36.

** Тамъ же.

II.

Въ сельмой годъ царствованія Генриха IV, въ эпоху когда на палскомъ престолѣ былъ Климентъ VIII, Филиппъ II царилъ въ Испаніи, а Англійскій народъ оплакивалъ смерть адмирала Дрека, въ тридцать девятый годъ царствованія королевы Елисаветы, когда въ Москвѣ сынъ Грознаго сѣдѣлъ на царскомъ престолѣ; когда умеръ Тассѣ; только-что выступилъ Галилей; Тихо-Браге со своимъ гениальнымъ ученикомъ Келлеромъ обогащали астрономію наблюденіями, а Беконъ полагалъ уже основаніе новой философіи,—среди старинной дворянской семьи, въ маленькомъ городкѣ въ Бретани, 31го марта 1596 года родился Рене Декартъ, второй сынъ совѣтника мѣстнаго парламента Іоакима Декарта. Слабый ребенокъ, мать котораго умерла вскорѣ послѣ его рожденія, былъ обязанъ сохраненіемъ жизни и укрѣпленіемъ здоровья крѣпкой кормилицѣ Нормандкѣ, которой благодарный Декартъ платилъ потомъ пожизненный пенсіонъ. Когда наступило время ученья, отецъ Декарта, замѣтившій раннее развитіе своего „маленькаго философа“, какъ онъ имѣлъ обычай звать любознательнаго ребенка, пожелалъ помѣстить его въ только-что основанную, но быстро вошедшую въ славу иезуитскую коллегію въ Ла-Флешѣ, небольшомъ городкѣ въ Аяжу, возникшую подъ особымъ покровительствомъ Генриха IV. Возстановивъ орденъ иезуитовъ во Франціи, король возымѣлъ мысль съ помощью ихъ устроить новое учебное заведеніе въ которомъ французское дворянство могло бы воспитываться „въ хорошемъ ученіи

tesianae Iohannis Terelii. Бааль упоминаетъ еще о *Introduction historique à la philosophie de Descartes* Вриеса (Vries) профессора въ Утрехтѣ, и о *Vogage dans le monde de Descartes* (Paris, 1699 года) иезуита, отца Даніея. Последнее сочиненіе (которымъ и мы пользовались въ настоящемъ очеркѣ) изданное безъ имени автора и надѣлавшее въ свое время не мало шума, не есть біографія Декарта, а критическое изложеніе его системы міра сдѣланное въ формѣ остроумнаго фантастическаго разказа. Жизнеописаніе Бааль имѣетъ отчасти характеръ панегирика, именно въ сужденіяхъ автора, но масса заключающихся въ немъ фактовъ сами говорятъ за себя.

и въ правилахъ истинной религіи“ (dans les bonnes lettres et dans les maximes de la véritable religion). Король отдалъ новому учрежденію свой дворецъ въ Ла-Флешъ, выдалъ значительную сумму на первое устройство, обезпечилъ ежегоднымъ доходомъ въ одиннадцать тысячъ золотыхъ экю, а чтобъ учащіеся не были вынуждены отправляться въ другое мѣсто для изученія наукъ не преподававшихся обыкновенно у іезуитовъ, опредѣлилъ при коллегіи еще четырехъ профессоровъ права, четырехъ медиковъ и двухъ анатоміи и хирургіи; учредилъ, наконецъ, двадцать четыре стипендіи для бѣдныхъ учащихся. Возникъ почти цѣлый университетъ, и заведеніе, открытое въ январѣ 1604 года, въ маѣ 1610, въ годъ смерти короля, насчитывало до тысячи двухъ сотъ учащихся. Учреждая коллегію, Генрихъ IV завѣщалъ чтобы по его смерти сердце его было перенесено въ Ла-Флешъ и хранилось въ церкви коллегіи. Въ послѣдній день мая 1610 года, описываетъ биографъ Декарта, длинная процессія двинулась изъ города на встрѣчу драгоценной кошѣ сопровождаемой двадцатью іезуитами и многими придворными. Впереди шла городская стража, за нею тысяча двѣсти воспитанниковъ коллегіи, іезуиты въ облаченіи съ зажженными свѣчами въ рукахъ, губернаторъ провинціи въ сопровожденіи двадцати молодыхъ дворянъ, пансіонеровъ коллегіи, въ томъ числѣ и Декарта. Ворота города, входъ церкви Св. Оумы, гдѣ было поставлено сердце прежде перенесенія въ церковь коллегіи, были покрыты трауромъ, какъ и зданіе коллегіи, при входѣ котораго возвышалась траурная арка. Сердце было вложено въ особо-устроенную урну въ церкви коллегіи.

Декартъ сохранилъ благодарное воспоминаніе о годахъ своего ученія въ іезуитской коллегіи. И когда въ послѣдствіи одинъ изъ его друзей хотѣлъ послать своего сына учиться въ Голландію, въ Лейденъ, онъ отсовѣтовалъ это дѣлать и писалъ: „Я долженъ отдать честь моимъ учителямъ и сказать что, по моему сужденію, нѣтъ на землѣ мѣста гдѣ бы философія преподавалась лучше чѣмъ въ Ла-Флешъ.“ „И хотя я“, прибавлялъ Декартъ, „не того мнѣнія чтобы все преподаваемое въ философіи было вѣрно какъ Евангеліе, думаю однако,—такъ какъ это ключъ другихъ наукъ,—что очень полезно пройти цѣлый ея курсъ тѣми путями какъ обучаютъ ей въ іезуитскихъ школахъ, прежде чѣмъ приступить

событія. Когда я возвращался съ коронаціи императора въ армию, начавшаяся зима остановила меня на квартирѣ, гдѣ, не имѣя никакихъ расширяющихъ разговоровъ и къ тому же нетревожимый къ счастью никакими заботами и страстями, я оставался цѣлый день одинъ въ комнатѣ, имѣя полный досугъ предаваться размышленіямъ.“

Жизнеописанія великихъ ученыхъ даютъ не мало свидѣтельствъ что задачи, разрѣшеніе которыхъ становится потомъ подвигомъ жизни, намѣчаются нерѣдко въ ранній періодъ развитія гениальнаго ума. Первые размышленія Ньютона о тяготѣнія были сдѣланы на двадцать лѣтъ тому году его жизни. Двадцатитрехлѣтній Декартъ впервые созналъ свою философскую задачу въ часы уединенныхъ размышленій при обстоятельствахъ заслуживающихъ быть упомянутыми. Въ его посмертныхъ бумагахъ, какъ свидѣтельствуеъ биографъ, сохранились замѣтки (озаглавленная *Les Ouytriques*), въ которыхъ сказано что 10го ноября ему удалось положить начало новой удивительной наукѣ (можно думать что это было приложеніе алгебраическаго анализа къ геометріи, породившее аналитическую геометрію). Онъ легъ „весь исполненный энтузіазма“ и видѣлъ сряду три сна * врѣзавшіеся въ лампачь и представлявшіеся ему какъ высшій призывъ идти по открывшемуся пути къ рѣшенію обширнѣйшей задачи.

Задача эта была дѣйствительно великою задачей. Предприимая ее,—какъ Декартъ не разъ свидѣтельствуеъ,—въ своемъ умѣ, для своего личнаго успокоенія, онъ сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ что рѣшеніе это предпринимается и происходитъ

* Онъ видѣлъ себя идущимъ едва удерживаясь на ногахъ отъ вѣтра; видѣлъ комнату наполняемую искрами свѣта и слышалъ удары грома. Видѣлъ себя затѣмъ между книгъ, имѣя предъ собою собраніе поэтовъ и размышлялъ что и въ поетахъ истина, ибо „божественность энтузіазма и сила соображенія вызываютъ отъмена мудрости,—находящаяся въ умѣ каждаго человѣка какъ искры въ кремнѣ,—съ большею ясностію и блескомъ нежели какъ вызываютъ ихъ разумъ въ философію.“ Открывъ книгу и прочеъ строку: *quid vitae sectabor iter?* Пробудившись, прибавляетъ биографъ, онъ прибѣгъ къ молитвѣ, просилъ Бога звести и его въ исканіе истины, „и по случаю задуманнаго путешествія въ Италію, далъ обѣтъ отправиться на поклоненіе Лоретской Богоматери, что могъ исполнить только нѣсколько лѣтъ спустя.“

въ умѣ человѣчества. Задача эта—съ основанія перестроить зданіе познаваемаго человѣкомъ, отложивъ первоначально все дающее хотя бы малѣйшій поводъ къ сомнѣнію, исходя отъ очевидностей о которыхъ невозможно сомнѣніе и принимая ключомъ истиннымъ естественный свѣтъ разума. Это та самая задача которую въ послѣдствіи Декартъ формуловалъ въ заглавіи неоконченнаго къ сожалѣнію сочиненія: *„Исканіе истины естественнымъ свѣтомъ разума, исключительно изъ себя, безъ помощи религіи и (школьной) философіи, опредѣляющимъ жинія какія долѣсны имѣть человекъ о естѣхъ вещахъ могущихъ быть предметомъ его мыслей, и проникающимъ въ любопытнѣйшія тайны наукъ“* *. Источникъ истины есть работа ознанія анализирующаго доступный ему матеріалъ; ея критерій вознаваемая очевидность; орудіе ея изысканій та самая сила которая въ практической жизни зовется здравымъ смысломъ, тотъ естественный и простой умъ который будучи веденъ *правильною методою*, отъ которой зависитъ весь успѣхъ исканія, можетъ отъ простѣйшихъ очевидностей подняться, вспомоцествуемый правильнымъ наблюденіямъ и опытомъ, къ разрѣшенію сложнѣйшихъ задачъ знанія.

Свободные мыслители, смѣлые умы были и до Декарта, во дѣятельность ихъ имѣла обыкновенно разрушительный характеръ возставія противъ авторитета и рутины, и они въ большинствѣ случаевъ падали въ борьбѣ. Подвигъ Декарта имѣлъ созидающій характеръ, и онъ явился отцомъ новой философіи. Его ученіе укрѣпилось и надолго получило преобладаніе въ школахъ. Мы вернемся ниже къ указаніямъ условій какими объясняется этотъ быстрый успѣхъ, и между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ то обстоятельство что Декартъ тщательно выдѣлялъ изъ своего философскаго круга область истинъ откровенія, какъ область непостижимаго, превышающаго наше разумѣніе.

* *Recherche de la vérité par la lumière naturelle qui à elle seule et sans le secours de la religion ou de la philosophie détermine les opinions que doit avoir un honnête homme sur toutes les choses qui peuvent faire l'objet de ses pensées et pénètre dans les secrets des sciences les plus curieuses.*

V.

Обратимся къ первымъ размышленіямъ Декарта. Онъ передаетъ ихъ во второй главѣ *Discours de le Méthode*. Приведемъ его слова.

„Однимъ изъ первыхъ остановившихъ меня размышленій было то что нерѣдко работа составленная изъ многихъ частей и руками разныхъ мастеровъ не имѣетъ такого совершенства какъ работа надъ которою трудился одинъ. Такъ мы видимъ что зданія задуманныя и исполняемыя однимъ архитекторомъ обыкновенно красивѣе и лучше расположены чѣмъ такія которыя многіе старались починить пользуясь старыми стѣнами построеными для другихъ цѣлей.. Подобнымъ образомъ думалъ я что и науки заключающіяся въ книгахъ, по крайней мѣрѣ тѣ коихъ доводы не болѣе какъ вѣроятны и не представляютъ доказательствъ, — сложившись и разросшись мало-по-малу изъ мнѣній многихъ разныхъ лицъ, не такъ близки къ истинѣ чѣмъ простыя сужденія какія естественно можетъ сдѣлать здравомыслящій человекъ относительно представляющихся ему предметовъ... Правда, мы не видимъ чтобы разрушали всѣ дома въ городѣ съ единственною цѣлью передѣлать ихъ иначе и сдѣлать улицы красивѣе; но видимъ что многіе сламываютъ свои собственные дома чтобы ихъ перестроить, да иногда и вынуждены это сдѣлать если грозятъ паденіемъ, и фундаментъ ихъ не проченъ. По этому примѣру я заключилъ что если не приличествуетъ частному человеку замыслать передѣлать государство, перемѣняя его основанія и разрушая чтобы вновь воздвигнуть, или затѣвать передѣлать весь корпусъ наукъ и порядокъ установленный въ школахъ для преподаванія, то съ другой стороны, относительно мнѣній мною до того времени приобретенныхъ, я ничего лучшаго не могу предпринять какъ удалить ихъ однажды всѣ изъ моего убѣжденія съ цѣлью замѣнить ихъ потомъ лучшими или тѣми же если окажутся на уровнѣ разума... Никомъ образомъ не одобряю я безлокойный и волкующійся нравъ тѣхъ кои ни по рожденію, ни по богатству, не будучи призваны къ веденію общественныхъ дѣлъ, имѣютъ всегда въ мысли какое-либо преобразование: и еслибъ я могъ подумать что

въ этомъ сочиненіи есть хотя что-нибудь почему могли бы подозрѣвать во мнѣ такую глупость, я очень огорчился бы что его выдалъ. Намѣреніе мое никакъ не шло далѣе преобразованія моихъ собственныхъ мыслей и постройки на основаніяхъ всецѣло мнѣ принадлежащихъ. Изъ того что трудъ мой не столько понравился мнѣ что я рѣшился показать здѣсь его образецъ не слѣдуетъ чтобы я хотѣлъ посовѣтовать кому-либо ему подражать. Тѣ кого Богъ болѣе чѣмъ меня наградила своими милостями будутъ, можетъ-быть, имѣть болѣе возвышенныя намѣренія; но боюсь не было бы и мое слишкомъ смѣлымъ для многихъ. Уже рѣшеніе отдѣлаться отъ всѣхъ принятыхъ мнѣній не примѣръ которому всякій долженъ слѣдовать. Миръ составленъ почти изъ двухъ только сортовъ умовъ, коимъ обоимъ мое намѣреніе не приличествуетъ, а именно: изъ тѣхъ кои, мая себя искуснѣе чѣмъ какъ суть на самомъ дѣлѣ, не могутъ удержаться отъ послѣднихъ сужденій и не имѣютъ довольно терпѣнія чтобы по порядку вести свои мысли, отчего происходитъ что разъ взявъ волю сомнѣваться въ принятыхъ принципахъ и уклоняться отъ общей дороги, никогда не пойдутъ по тропѣ какую надлежитъ взять чтобы идти прямо и станутъ блуждать всю жизнь; вторыхъ, изъ тѣхъ кои,—имѣя довольно ума и скромности дабы видѣть что они менѣе способны различать истинное отъ ложнаго чѣмъ другіе, могущіе быть ихъ учителями,—должны довольствоваться тѣмъ чтобы слѣдовать мнѣніямъ этихъ другихъ, не отыскивая сами лучшихъ.

„Что до меня, я былъ бы конечно въ числѣ сихъ послѣднихъ еслибы имѣлъ всегда одного учителя, или не зналъ бы различія во всѣ времена бывшаго между мнѣніями наученнѣйшихъ людей, Но на школьной еще лавкѣ я узналъ что нельзя придумать ничего такого страшнаго и невѣроятнаго что не было бы высказано какимъ-либо философомъ; а потомъ въ путешествіяхъ убѣдился что тѣ чьи понятія весьма несогласны съ нашими не суть еще чрезъ это варвары или дикіе, но что многіе столь же и даже болѣе разумны чѣмъ мы. Тотъ же человекъ, съ тѣмъ же умомъ, воспитанный съ юности между Французами или Англичанами, становится отличнымъ отъ того чѣмъ бы онъ былъ живя всегда между Китайцами или Кавказцами. Даже относительно моды платья та же вещь которая нравилась десят

лѣтъ тому назадъ и можетъ-быть опять лѣтъ черезъ десятокъ будетъ вправдѣ, теперь кажется смѣшною. Очевидно что насъ болѣе убѣждаетъ обычай и примѣръ чѣмъ точное знаніе, а потому для мало-мальски трудныхъ истинъ большинство голосовъ есть самое ничтожное доказательство, ибо гораздо вѣроятнѣе чтобы напелъ ихъ одинъ человѣкъ чѣмъ цѣлый народъ. По симъ соображеніямъ я не могъ никого выбрать чьи мнѣнія долженъ бы былъ предпочесть мнѣніями другихъ, и былъ такимъ образомъ какъ бы вынужденъ предпринять самъ вести себя.

„Но какъ человѣкъ идущій одинъ и въ темнотѣ, я рѣшилъ идти такъ медленно и съ такою осторожностію что, если и мало буду по двигаться впередъ, по крайней мѣрѣ не упаду. И подобно тому какъ живущіе въ старомъ домѣ приступаютъ къ его разрушенію не прежде какъ составивъ планъ заданія которое должно его замѣстить, такъ и я прежде всего сталъ обдумывать какъ могу я найти что-либо вполне вѣрное, и долго искалъ истинную методику способную вести къ познанію всѣхъ вещей къ какимъ способенъ мой умъ.

„Я изучалъ немного, будучи моложе, между частями философіи логику, а между частями математики анализъ геометровъ и алгебру, три искусства или науки которыя, казалось мнѣ, должны соответствовать моему намѣренію. Но ознакомившись съ ними, я замѣтилъ что въ логикѣ ея силлогизмы и большинство другихъ ея предписаній служатъ болѣе къ тому чтобы извѣстять другому то что знаешь или даже, какъ искусство Луліа, чтобы говорить, давая и безъ собственнаго разсужденія, о томъ чего не знаешь, а не къ тому чтобы что-либо изучать. Правда, она содержитъ не мало правилъ очень вѣрныхъ и очень хорошихъ, но къ нимъ примѣшано столько вредныхъ или излишнихъ что раздѣлать ихъ столь же почти трудно какъ вызвать Диану или Минерву изъ необдѣланнаго еще куска мрамора. Что касается анализа древнихъ и алгебры новыхъ, то кромѣ того что они касаются вещей очень отвлеченныхъ и не имѣющихъ повидимому никакого примѣненія, первый такъ ограниченъ разсмотрѣніемъ фигуръ что не можетъ упражнять умъ не утомляя сильно воображеніе, а вторая такъ загромождена разными правилами и числами что образуетъ темное и запутанное искусство, затрудняющее умъ, а не науку умъ развивающую... По этой причинѣ я долженъ былъ

искать иного метода, который, вмѣщая въ себя достоинства упомянутыхъ трехъ, былъ бы свободенъ отъ ихъ недостатковъ. А такъ какъ обиліе законовъ доставляетъ нерѣдко поводы къ оправданію пороковъ и государство лучше управляется если ихъ небольшое число, но они строго соблюдаются, то и я, вмѣсто этого большаго числа правилъ изъ какихъ слагается логика, думалъ довольно мнѣ четырехъ сабдующихъ, только бы я рѣшился твердо и постоянно соблюдать всѣ ихъ безъ отступленія.

„Первое: принимать за истинное лишь то что съ очевидностью познается мною таковымъ, то-есть избѣгать послѣдствій и предубѣжденія и принимать къ сужденію лишь то что представляется такъ ясно и раздѣльно моему уму что никоимъ образомъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію.

„Вовторыхъ: дробить каждую изъ трудностей, какія буду разбирать, на столько частей сколько только можно, дабы ихъ лучше разрѣшить.

„Втретьихъ: всякія мысли по порядку начинать съ предметовъ простѣйшихъ и наилегчайшихъ и восходить мало-помалу какъ по ступенямъ до познанія болѣе сложныхъ, допуская что есть порядокъ даже между такими которые естественно не предшествуютъ одна другимъ.

„Впослѣднихъ: всюду дѣлать перечни столь полные и обзоры столь общіе чтобы быть увѣреннымъ что ничего не опущено.“

Такова отвлеченная схема метода которую Декартъ испыталъ прежде всего въ приложеніи къ математикѣ, которая отчасти и родилась изъ его математическихъ соображеній. Я видѣлъ, говоритъ онъ, что „между всѣми тѣми кто доселѣ искали истины въ наукахъ только математики могли найти нѣсколько доказательствъ, то-есть нѣсколько доводовъ достовѣрныхъ и очевидныхъ.“

VI.

Но приступая къ перестройкѣ зданія естественно, говорить Декартъ, „озаботиться помѣщеніемъ гдѣ можно бы было прожить во время работъ“. Тогда какъ разумъ побуждаетъ быть рѣшительнымъ въ сужденіяхъ, не должно

быть дерзновеннымъ въ дѣйствіяхъ. „Чтобы прожить между людьми настолько счастливо насколько для меня возможно, я оставилъ себя“, говоритъ Декартъ, „предварительную мораль изъ трехъ, четырехъ правилъ“.

Вопервыхъ, „повиноваться законамъ и обычаямъ страны, сохраняя религію въ которой по благодати Божіей воспитанъ и сѣдуя во всемъ остальномъ мнѣніямъ наиболѣе умѣреннымъ, удаленнымъ отъ всякихъ крайностей и общепринатымъ наиболѣе благоразумными людьми въ кругу гдѣ буду жить“.

Смѣлымъ, даже сокрушительнымъ въ области мысли, не остававшимся предъ такимъ рѣшительнымъ выводомъ какъ признаніе животныхъ чисто механическими автоматами, Декартъ въ жизни отлучался во всемъ чрезвычайною умѣренностью, старался ничѣмъ не выдѣляться. Одѣтый безъ изысканности, но и безъ мерзостности и оригинальности, онъ избѣгалъ, говоритъ біографъ, „казаться философомъ“. Крайне воздержный, но не анахоретъ, онъ былъ веселый собесѣдникъ за столомъ; удивленный, но не нелюдимый онъ былъ любезенъ съ дамами; не желавшійся не по принципу безбрачія, а потому что жилъ вдали отъ общественной среды къ какой принадлежалъ по рожденію, онъ зналъ чувство отца. Охраняя отъ людей свой внутренній міръ лимитивой и свободной мысли, онъ столь же усердно охранялъ отъ природы свое тѣло, въ которомъ работалъ его дивный умственный механизмъ. Рожденный отъ слабой матери, скончавшейся вскорѣ по его появленіи на свѣтъ, онъ наследовалъ не крѣпкое сложеніе и въ юности внушалъ серіозныя опасенія за свое здоровье. Но силой воли подвергъ себя такимъ правильнымъ и разумнымъ гигиеническимъ условіямъ что въ продолженіе тридцати лѣтъ не зналъ, какъ самъ выражается, что можно бы назвать болѣзнію; а прожившему съ нимъ три мѣсяца аббату Пико внушалъ такой энтузіазмъ къ своимъ гигиеническимъ правиламъ что тотъ утверждалъ будто Декартъ открылъ секретъ продлить человеческую жизнь до 400 или 500 лѣтъ. *

* „Архитектура нашего тѣла“, говоритъ Декартъ, „такъ хороша что если человѣкъ однажды здоровъ онъ не легко можетъ впасть въ болѣзнь, развѣ только если сдѣлаетъ какое-либо значительное излишество или повредитъ ему воздухъ и другія

Второе правило: „быть твердымъ и рѣшительнымъ въ дѣйствіяхъ и принявъ какое-либо мнѣніе, хотя бы сомнительное, но на которое я разъ рѣшился, слѣдовать ему какъ еслибъ оно было вполнѣ истинное: такъ заблудившійся въ лѣсу путешественникъ не долженъ блуждать изъ стороны въ сторону, а выбравъ путь, который кажется вѣроятнѣйшимъ, слѣдовать неуклонно ему не сходя безъ поводовъ особенной развѣ важности: если онъ и не придетъ къ своей цѣли, то все-таки выйдетъ куда-нибудь гдѣ ему вѣроятнѣе будетъ лучше чѣмъ среди лѣса.“ Третье правило: „стараться всегда скорѣе любить себя чѣмъ судьбу, измѣнять свои желанія, а не порядокъ міра“. Сдѣлавъ возможное съ своей стороны, смотрѣть на недостигнутое какъ на безусловно недостижимое и не беспокоиться о немъ какъ не беспокоимся тѣмъ что „не владѣемъ Китаемъ или Мексикою, что наше тѣло не изъ алмаза и нѣтъ у насъ крыльевъ чтобы летать“.

Въ заключеніе, говоритъ Декартъ, я обозрѣлъ разные роды занятій какимъ предаются люди въ этой жизни чтобы выбрать наилучшае и не нашелъ для себя лучшаго какъ то какому предался: „употребить всю мою жизнь на то чтобы воздѣлывать мой разумъ, и подвигаться какъ могу впередъ въ познаніи истины слѣдуя методу какой я себя предписалъ. Я испытывалъ такое великое удовольствіе съ тѣхъ поръ какъ началъ пользоваться этимъ методомъ что пришелъ къ убѣжденію что жизнь ничего не можетъ мнѣ доставить болѣе сладкаго и болѣе невнятаго. Открывая ежедневно помощію моего метода какія-либо истины казавшіяся мнѣ весьма важными и вообще неизвѣстными людямъ, я испытывалъ удовольствіе наполнявшее такъ мой умъ что все остальное меня какъ бы не касалось.“ Декартъ дѣйствительно всю жизнь остался частнымъ человѣкомъ; не имѣя никакой общественной должности, не принимая никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Его родные, гордые дворянствомъ, вначалѣ презрительно смотрѣли на молодого философа ничего не искавшего въ практической жизни, и братъ безъ церемоніи не прочь былъ обчитать его при наслѣдствѣ.

внѣшнія причины; а будучи больнымъ легко оправится одною силой природы, особенно въ молодости.“ Декартъ умеръ 53 лѣтъ вскорѣ по прибытіи въ Швецію, заболѣвъ отъ перемѣнъ климатическихъ условій и образа жизни.

VI.

Не прошла еще зима 1619 года, какъ Декартъ возобновилъ свои странствованія. „Я думалъ“, говоритъ онъ, „что лучше достигну цѣли обращаясь съ людьми чѣмъ оставаясь долѣе въ комнатѣ гдѣ я имѣлъ всѣ эти мысли... Цѣлямя девять лѣтъ я разбѣжалъ тамъ и сямъ, стараясь быть болѣе зрителемъ чѣмъ актеромъ въ разыгрывавшихся предо мною пьесахъ. Въ каждомъ предметѣ я особенно останавливался размышленіемъ на томъ что можетъ дѣлать его сомнительнымъ и вовлечь насъ въ ошибку, и искоренялъ между тѣмъ изъ моего ума всѣ заблужденія какія прежде могли въ него закрасться. Но я не подражалъ скептикамъ которые сомнѣваются для того только чтобы сомнѣваться и съ любовью выказываютъ себя всегда нерѣшительными; моя цѣль, напротивъ того, была достигъ убѣжденія и сбросивъ заблужденія выкосы и песокъ найти твердую почву.“

Въ эти девять лѣтъ Декартъ дважды жилъ въ Парижѣ. Въ первый разъ лишь короткій срокъ, нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ прибылъ около поста 1623 года, черезъ два съ половиною мѣсяца предпринялъ поѣздку на родину для пролаки имѣнія принадлежавшаго ему по наслѣдству отъ матери, и по возвращеніи немедленно отправился въ путешествіе по Италіи, которую давно уже хотѣлъ посѣтить. Пребываніе въ Парижѣ совпало съ тѣмъ временемъ когда развѣся слухъ что шесть членовъ таинственнаго общества Розенкрейцеровъ тайно находятся въ Парижѣ. Ихъ называли невидимыми. А такъ какъ извѣстно было что Декартъ въ Германіи сильно интересовался этимъ обществомъ, то и прошелъ было слухъ что Декартъ самъ принадлежитъ къ таинственному обществу о которомъ не мало было писано чудесъ.

По возвращеніи изъ Италіи въ 1625 году Декартъ, послѣ поѣздки въ слѣдующемъ году въ Бретань и Пуату, поселился болѣе прочно въ Парижѣ. Въ кругу людей интересовавшихся наукой онъ имѣлъ уже довольно значительную репутацію, приобретенную главнымъ образомъ математическими его способностями. Въ ту эпоху не было еще ни ученыхъ обществъ, ни научныхъ періодиче-

скихъ изданій; но интересовавшіеся изученіемъ природы и разработкою математическихъ знаній соединялись въ кружки, входили между собою въ личныя и письменныя сношенія. Взаимно предлагались для разрѣшенія трудныя математическія задачи, и искусно побѣждавшіе трудности получали извѣстность. Къ такимъ принадлежалъ и Декартъ. Въ какомъ обществѣ было задаваніе математическихъ задачъ можно судить по слѣдующему случаю гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Декартъ. Въ 1617 году, проходя по улицамъ одного городка въ Голландіи, Декартъ увидѣлъ толпу читавшую прибитую на стѣнѣ афишку написанную по-фламандски и въ которой неизвѣстное лицо дало математическую задачу для разрѣшенія. Декартъ попросилъ своего случайнаго сосѣда перевести. Тотъ исполнялъ просьбу, съ улыбкой поглядывая на юнаго офицера. Это былъ голландскій ученый Бекманъ, къ удивленію своему на другой день получившій отъ Декарта полное разрѣшеніе задачи. Года два или три спустя Декартъ подобнымъ образомъ изумилъ, во время пребыванія въ Ульмѣ, своимъ искусствомъ разрѣшать математическія трудности извѣстнаго въ то время германскаго математика Фаульхабера.

Пребываніе Декарта въ Парижѣ въ 1627 и 1628 годахъ укрѣпило его репутацію и какъ философа. Зимой 1628 года было собраніе „ученыхъ и любознательныхъ людей“ у лалскаго вуандія. На этомъ собраніи нѣкто г. Шанду (Chandoux) сообщилъ свои новыя воззрѣнія по философіи. Онъ возставалъ противъ философіи преподаваемой въ школахъ и предлагалъ свою систему какъ новую философію. Краснорѣчивое разсужденіе было встрѣчено общими рукоплесканіями. Одинъ Декартъ молчалъ не выражая ни одобренія, ни порицанія. Присутствовавшій въ собраніи кардиналъ Берюль (Berulle) замѣтилъ это и обратился къ Декарту спрашивая его мнѣніе. Уклончивый отвѣтъ—что нечего сказать послѣ одобренія столькихъ ученыхъ людей—не удовлетворилъ ни кардинала, ни присоединившихся къ нему вуандія и другихъ присутствовавшихъ. Декартъ долженъ былъ высказаться яснѣе. Отдавъ честь краснорѣчію оратора, привѣтствуя его намѣреніе освободиться отъ господства схоластики, Декартъ замѣтилъ вмѣстѣ съ тѣмъ что именно эта рѣчь свидѣтельствуешь какъ легко люди удовлетворяются вѣроятнымъ вмѣсто истиннаго, и что при такомъ условіи нѣтъ ничего легче

какъ выдать ложное за истинное и, наоборотъ, истину представить заблужденіемъ. Для доказательства просилъ предложить ему какую-нибудь истину изъ числа самыхъ бесспорныхъ, и когда это было исполнено, онъ помощью двѣнадцати аргументовъ, однихъ вѣроятіе другого, доказалъ что это положеніе ложно. Просилъ высказать, напротивъ, очевидную ложь, и рядомъ 7 аргументовъ также весьма вѣроятныхъ, заставилъ присутствовавшихъ признать ее за истину. Когда же его спросили какое же вѣрное средство распознать ложное отъ истиннаго и избѣгнуть софизмовъ, онъ упомянулъ о своемъ методѣ извлеченномъ имъ изъ математическихъ наукъ. Разговоръ произвелъ особенное впечатлѣніе на кардинала, который пригласилъ Декарта къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Декартъ развилъ свои планы, указывая между прочимъ какихъ плодовъ можно ожидать отъ приложенія правильной философской методы къ медицинѣ и механикѣ, изъ коихъ отъ первой можно ждать восстановления и сохраненія здоровья, отъ второй облегченія людскихъ трудовъ. Кардиналъ благословилъ философа, высказавъ, что человѣкъ получившій отъ Бога такую силу и провицательность ума долженъ будетъ дать Ему отчетъ въ употребленіи своего таланта, и выразилъ увѣренность что зная чистоту намѣреній, Богъ увѣнчаетъ предпринятый трудъ успѣхомъ.

Это привѣтствіе, по замѣчанію біографа, не осталось безъ вліянія на важное рѣшеніе вскорѣ потомъ предпринятое Декартомъ—оставить родину и переселиться въ Голландію,—рѣшеніе о которомъ онъ такъ говоритъ въ третьей главѣ *Discours de la Méthode*. „Девять лѣтъ протекали прежде чѣмъ я составилъ какое-либо опредѣленное сужденіе о трудныхъ вопросахъ составляющихъ предметъ споровъ ученыхъ и началъ полагать основанія новой философіи болѣе достовѣрной чѣмъ общепринятая. Примѣръ многихъ высокихъ умовъ, принимавшихъ прежде такое намѣреніе и въ немъ, казалось мнѣ, не успѣвшихъ, заставлялъ меня представлять себѣ дѣло окруженнымъ такими трудностями что я можетъ-быть долго еще не рѣшился бы предпринять его, еслибы не узналъ что раслуцены нѣкоторыми слухъ будто я его уже совершилъ. Не знаю что подало поводъ къ такому утвержденію: если разговоры мои, то изъ нихъ могли вывести только что я всегда свидѣтельствовалъ о моемъ незнаніи болѣе откровенно чѣмъ какъ имѣютъ обыкновеніе желающіе

просамъ учеными, и указывалъ основанія почему сомнѣвался во многихъ вещахъ другими считавшихся достовѣрными; никакимъ своимъ ученіемъ я не хвалился. Но такъ какъ не было у меня духа чтобы считали меня не тѣмъ что я есмь въ самомъ дѣлѣ, то я думалъ что долженъ употребить всѣ средства дабы сдѣлаться достойнымъ сложившейся репутаціи. Ровно восемь лѣтъ тому назадъ (то-есть въ 1629 году) это желаніе побудило меня къ рѣшенію уйти изъ мѣстъ гдѣ могъ имѣть знакомства и удалиться сюда (въ Голландію), въ страну гдѣ продолжительность войны породила такіе порядки что содержимыя здѣсь арміи кажутся назначенными только къ тому чтобы болѣею безопасностію наслаждаться плодами мира, и гдѣ въ толлѣ дѣятельнаго народа, болѣе заботящагося о своихъ дѣлахъ чѣмъ любопытнаго къ чужимъ, я могу, не лишая себя всѣхъ удобствъ большаго города, жить въ такомъ же уединеніи какъ въ самой дальней пустынѣ.*

VII.

Переселеніе въ Голландію было однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Декарта. Оно надолго опредѣлило его судьбу. Двадцать лѣтъ прожилъ онъ въ этой странѣ, перѣзжая изъ города въ городъ, открывая свое мѣстопробываніе только близкимъ и особенно отцу Мерсенну, чрезъ котораго обыкновенно и сносился съ парижскими своими знакомыми и друзьями. Отказавшись отъ всякой государственной и общественной дѣятельности, къ какой открывало ему доступъ происхожденіе, онъ предался вполнѣ философскимъ размышленіямъ, математическимъ соображеніямъ и опытному изученію явленій природы, особенно въ области анатоміи, оптики и отчасти метеорологіи; не принимая лестныхъ предложеній вернуться въ отечество, куда лишь трижды пріѣзжалъ во все время своего пребыванія въ Голландію.

О мотивахъ побудившихъ его избрать Голландію мѣстомъ своего пребыванія, Декартъ такъ говорилъ въ послѣдствіи: „Всѣмъ извѣстно * что живя много уже лѣтъ въ этихъ

* *Lettre de René Descartes à Gisbert Voet (Oeuvres de Descartes publiées par V. Cousin. Paris 1826. T. XI, 120. (Въ дальнѣйшемъ цитаты безъ указанія издателя относятся къ этому изданію). Письмо къ Воетію* есть цѣлое полемическое сочиненіе данное по-латыни.

провинціяхъ я всегда оказывалъ имъ столько же преданности какъ собственные ихъ сны; и можетъ-быть надлежитъ вмѣнить мнѣ въ нѣкоторую заслугу такое пребываніе, послѣдовавшее не по случайности рожденія, а по моему выбору и моей волѣ. Многіе знаютъ что я хорошо жилъ въ отечествѣ моемъ и что единственнымъ мотивомъ моего переселенія было то обстоятельство что множество друзей и родственниковъ, не видаться съ коими я не могъ, отнимали все мое время и досугъ, отрывая отъ научныхъ занятій въ коихъ все мое счастіе и кои многими признаются не безплодными для блага человечества. Никакая часть свѣта не была мнѣ закрыта, я могъ быть увѣренъ что всюду буду принимать охотно какъ гость который никогда не будетъ въ тягость и которымъ можно даже можетъ-быть похвалиться. Такимъ образомъ выборъ мой былъ совершенно свободенъ, и я предпочелъ эту страну всѣмъ другимъ“.*

Въ 1631 году Декартъ, въ письмѣ къ Бальзаку высказавшему намѣреніе поселиться въ какомъ-либо тихомъ уголкѣ, указываетъ удобства пребыванія въ Голландіи.** „Советую“, пишетъ онъ, „выбрать Амстердамъ вашимъ убѣжищемъ и предпочесть его не только всѣмъ калуццкимъ и шартрѣзскимъ монастырямъ, но и красивѣйшимъ мѣстамъ Франціи“

* Посылая свою книгу принцу Оранскому чрезъ одного изъ его придворныхъ, Декартъ просилъ передать сочиненіе, имя автора котораго не было названо, какъ идущее отъ лица преданнаго принцу. „Дѣйствительно могу сказать что съ тѣхъ поръ какъ я рѣшился покинуть родину и удалиться отъ всякихъ знакомствъ дабы вести жизнь болѣе тихую и спокойную чѣмъ какую велъ дотошъ, я не ввдумалъ бы удалиться въ эти провинціи и предпочелъ бы имъ мѣста гдѣ нѣтъ войны и гдѣ чистота и сухость воздуха, казались бы, болѣе благоприятствуютъ произведеніямъ ума, еслибы высокое мнѣніе какое я имѣлъ о его высочествѣ не побудило меня довериться его покровительству. Подъ сѣнью его оружія я нашелъ покой и досугъ, за что глубоко ему признателенъ, и думаю что книга моя, вся плоть этого покоя, должна быть прежде всего посвящена ему.“ (*Oeuvr.*, VI, 322).

** *Oeuvres*, VI, 201. Не малое удобство было также въ быстротѣ сообщенія. Въ письмѣ къ оптику Феррье, котораго Декартъ приглашалъ къ себѣ въ Голландію, онъ рекомендуетъ ему отправиться чрезъ Кане. Оттуда въ день или два моремъ до Роттердама. Изъ Роттердама до Амстердама удобнѣе чѣмъ въ Парижѣ отъ дома до церкви (VI, 4).

и Италиі и даже тому знаменитому удивленію гдѣ вы были прошлымъ годомъ. Какъ бы хорошо ли былъ устроенъ деревенскій домъ, въ немъ всегда недостаетъ множества удобствъ какія можно найти въ городѣ, да и удивленіе, какое надѣются тамъ найти, никогда не бываетъ совершенно. Я согласенъ что тамъ найдутся—потокъ способный погружить въ думу самого отчаяннаго болтуна, удивленная долина возбуждающая восхищеніе и радость; но возможно ли чтобы не было у васъ кучи сосѣдей являющихся по временамъ надобнѣ, и посѣщеніе которыхъ будетъ еще безлопѣе чѣмъ въ Парижѣ. А между тѣмъ въ большомъ городѣ гдѣ я живу, кромѣ меня, нѣтъ человека не занятаго торговлею; каждый такъ озабоченъ жизнью что я могъ бы всю жизнь прожить никѣмъ не замѣченный. Каждый день прогуливаюсь среди толкотни многолюднаго населенія съ такою же свободой и спокойствіемъ какъ вы въ вашихъ аллеяхъ. На людей которыхъ встрѣчаю я смотрю какъ смотрѣлъ бы на деревья въ вашихъ лѣсахъ, какъ на звѣрей тамъ ходящихъ. Самый шумъ ихъ заботъ не болѣе прерываетъ мои мечтанія, какъ прерывалъ бы шумъ потока... Размыслию ли когда о ихъ дѣйствіяхъ—получаю то же удовольствіе какое ощущаете вы при видѣ поселянъ обрабатывающихъ ваши поля: ибо вижу что трудъ ихъ служитъ къ украшенію моего жилища и къ тому чтобы я ни въ чемъ не нуждался. Вамъ пріятно видѣть какіе зрѣютъ плоды въ вашихъ фруктовыхъ садахъ и чувствовать себя среди изобилія. Думаете ли вы что менѣе пріятно видѣть приходящіе корабли обильно несущіе все что производитъ Индіа, все что рѣдко въ Европѣ? Какое другое мѣсто на землѣ гдѣ такъ легко было бы какъ здѣсь найти всѣ удобства жизни и всѣ рѣдкости? Въ какой другой странѣ можно наслаждаться такою полною свободой; гдѣ можно спать такъ спокойно; гдѣ была бы всегда готова вооруженная сила исключительно назначенная для вашего охраненія; гдѣ были бы менѣе извѣстны заключенія въ тюрьму, измѣны, клеветы, и гдѣ бы болѣе сохранились остатки невинности нашихъ предковъ? Не понимаю какъ можете вы такъ любить воздухъ Италиі, съ которымъ такъ часто вдыхается зараза, Италиі, гдѣ дневной зной невыносимъ, вечерняя свѣжесть нездорова а темнота ночи скрываетъ разбойниковъ и убійцъ? Бойтесь ли вы сѣверной зимы? Но скажите какая тѣнь,

какой вѣрѣ, какіе фонтаны охраняютъ насъ въ Римѣ такъ хорошо отъ жара какъ здѣсь натопаенная печь охраняетъ отъ холода?"

„Я сплю здѣсь“, прибавляетъ Декартъ въ другомъ письмѣ къ Баальзаку, „по десяти часовъ въ ночь не просыпался ни отъ какой заботы. Послѣ того какъ сонъ водилъ меня по лѣсамъ, садамъ и волшебнымъ замкамъ гдѣ я испытываю всѣ удовольствія придуманныхъ въ сказкахъ, я смѣшиваю мечтанія для съ мечтаніями ночи. И если сознаю себя пробудившимся, то для того чтобъ удовольствіе мое было болѣе совершенно и чувство приняло въ немъ участіе; ибо я не настолько строгъ чтобъ отказалъ имъ въ чемъ-либо что философъ можетъ позволить не оскорбляя свою совѣсть.“ (VI, 199).

Медикъ Сорбьеръ такъ описываетъ (Baillet, II, 168) жизнь Декарта въ мѣстечкѣ Эндегестъ близъ Лейдена.

„Я послѣдшилъ въ Эндегестъ (Endelgeest, Eyndegeest) лежащій въ половинѣ лѣѣ отъ Лейдена со стороны Вармонта (Warmont) тотчасъ какъ прибылъ въ Голландію въ началѣ 1642 года. Я съ большимъ удовольствіемъ посѣтилъ г. Декарта въ его уединеніи и старался воспользоваться его бесѣдою для лучшаго пониманія его ученія. Много пріятнаго вынесъ я, ознакомившись съ любезностію этого дворянина, его убѣжденіемъ и его образомъ жизни. Онъ помѣщался въ небольшомъ замкѣ среди прекрасной мѣстности въ трехъ лѣѣ отъ двора и въ какихъ-нибудь двухъ часахъ отъ моря. При немъ было достаточное число служителей, лицъ избраннѣхъ и представительной наружности, довольно хорошій садъ съ фруктовымъ отдѣленіемъ въ концѣ, а вокругъ луга, среди коихъ возвышались многія колокольни до самаго горизонта гдѣ онѣ видѣлись какъ отдаленныя острія. Отсюда онъ отправлялся на день разстоянія по каналу въ Утрехтъ, Дельфтъ, Роттердамъ, Дордрехтъ, Гарлемъ, а иногда въ Амстердамъ. Онъ могъ отправиться на лодкѣ въ Гаагъ и въ тотъ же день вернуться назадъ, свершивъ эту прогулку по лучшей дорогѣ въ мірѣ, лугами мимо загородныхъ домовъ, черезъ большой лѣсъ прилегающій къ этому мѣстечку, равняющемуся съ красивѣйшимъ городами Европы и гордившемуся въ это время пребываніемъ трехъ дворовъ. Первый—принца Оранскаго, чисто военный съ двумя тысячами дворянъ на походномъ

положеніи: буйвоводный колетъ, оранжевый шарфъ, высокіе сапоги, палашъ были ихъ главнымъ украшеніемъ. Дворъ Генеральныхъ Штатовъ состоялъ изъ депутатовъ Соединенныхъ Провинцій и бургомистровъ поддерживавшихъ достоинство аристократіи, въ одѣяніи изъ чернаго бархата, съ широкимъ воротомъ и окладистою бородою. Дворъ королевы Богемской, вдовы короля Фридриха V (*reine de Bohême veuve du roi Frederic V électeur palatin*) казался дворомъ грацій. У королевы было четыре дочери, около которыхъ ежедневно собирався гаагскій beau-monde привести дань уваженія уму, добродѣтели и красотѣ этихъ принцессъ, изъ коихъ старшая находила особое удовольствіе бесѣдовать съ г. Декартомъ. Я чрезвычайно хвалилъ г. Декарту выборъ его жилища столь удобнаго, и порядокъ установленный имъ въ развлеченіяхъ и въ отдыхѣ. Перешелъ къ его научнымъ и инымъ занятіямъ, особенно говорилъ о его методѣ и его намѣреніи утвердить свои мнѣнія въ академіяхъ. Хотѣлъ войти въ большія подробности о его мнѣніяхъ, но онъ отослалъ меня къ своимъ сочиненіямъ, говоря что изложилъ ихъ какъ только умѣлъ ясно.“

VIII.

Спокойствіе, удивленіе и жизненные удобства какія доставляла Декарту Голландія были, можетъ-быть, не единственными мотивами его пребыванія въ этой странѣ, тогда не только богатой, но и свободою. Едва ли гдѣ-либо онъ могъ пользоваться такою независимостію въ своихъ научныхъ занятіяхъ какъ здѣсь. Хотя Декартъ заботливо выдѣлялъ область вѣры изъ своихъ философскихъ изслѣдованій, всегда показывалъ себя и былъ преданнымъ омыномъ церкви, однако, оставаясь во Франціи, онъ едва ли бы избѣжалъ личныхъ столкновеній, которыя породили бы враговъ и преслѣдованія. И въ Голландіи какъ только стало, подъ его личнымъ вліяніемъ, распространяться въ университетахъ его ученіе, не замедлили выступить сильныя противники въ лицѣ протестантскихъ богослововъ обвинявшихъ его въ атеизмѣ и матеріализмѣ. Усиленными заботы Декарта о спокойствіи, о томъ чтобъ оградить, обезпечить, обезопасить для себя свободу изслѣдованій согласны и съ его характеромъ,—

осторожнымъ, осласливымъ, даже робкимъ,—и съ условіями времени. Не забудемъ что это была эпоха когда духовный авторитетъ, воплощавшій своею превосходною организованою, безусловно предающею и необычайно искусною полиціей въ орденъ іезуитовъ, считалъ пытливо ищущій истину разумъ вполнѣ подчиняемою себѣ, служебною силой, долженствующею дѣйствовать по указываемому пути, требующею узды и заслуживающею наказанія при уклоненіяхъ. Еще не совокнмъ погасли костры на которыхъ погибли Ванини, Бруно и другіе смѣлые мыслители; мать Келлера судилась какъ колдунья; Галилей потребовалъ на судъ инквизиціей.

Осужденіе Галилея произвело сильное впечатлѣніе на Декарта какъ можно судить изъ письма его къ отцу Мерсену, отъ 22го іюля 1633 года. Въ это время у Декарта было готово для отсылки сочиненіе: *О мірѣ* заключавшее изложеніе теоріи развитой потомъ въ *Принципахъ философіи*.

„Не болѣе пятнадцати дней тому назадъ“, пишетъ Декартъ, „я совсѣмъ рѣшился послать вамъ по крайней мѣрѣ часть моего *Міра* еслибы не успѣлъ переписать всего къ тому времени. Но скажу вамъ что освѣдомившись на этихъ дняхъ въ Лейденѣ и Амстердамѣ вѣтъ ли тамъ *Системы міра* Галилея,—такъ какъ слышалъ что книга эта напечатана въ Италіи въ прошломъ году,—я получалъ въ отвѣтъ что, правда, книга была напечатана, но что всѣ экземпляры ея сожжены въ Римѣ, и Галилей присужденъ къ какому-то наказанію. Это такъ меня изумило что я почти рѣшился жечьъ всѣ мои бумаги или по крайней мѣрѣ не показывать ихъ никому, ибо я не могъ сообразить чтобъ онъ, Итальянецъ, пользовавшійся даже расположеніемъ папы, могъ быть осужденъ за то, безъ сомнѣнія, что хотѣлъ доказать движеніе земли, что знаю было осуждено нѣкоторыми кардиналами, но что, я слышалъ, затѣмъ публично преподавалось даже въ Римѣ. Признаюсь, если движеніе земли есть ложь, то ложь и всѣ основанія моей философіи, ибо они явно ведутъ къ тому же заключенію. Ученіе о движеніи земли такъ связано со всѣми частями моего трактата что я не могу его исключить не сдѣлавъ все остальное негоднымъ. Но такъ какъ я ни за что въ мірѣ не пожелалъ бы чтобъ отъ меня вышло сочиненіе гдѣ хотя бы слово было неодобренное церковью, то лучше хочу уничтожить его чѣмъ выдать обрѣзаннымъ. Я никогда не былъ охотникомъ писать книги, и еслибы не связалъ себя общаніемъ даннымъ вамъ и

въ некоторымъ другимъ моимъ друзьямъ, съ цѣлью чтобы желаніе сдержать слово побуждало къ большому изученію, а бы никогда его не кончили. Но увѣряю что вы не пошлете пристава чтобы принудить меня уплатить долгъ, и можетъ-быть довольны будете избавиться отъ труда читать плохую вещь. Въ философіи столько уже мѣтнѣйшій имѣющихъ видъ вѣроятія, и которыя можно поддерживать въ диспутахъ, что если и мои не болѣе имѣютъ вѣрности, то никогда не желалъ бы ихъ и обнародовать. Впрочемъ, я бы не простилъ себѣ еслибы послѣ столькихъ данныхъ обѣщаній задумалъ расплатиться этою выходкой (boutade); потому не оставаю препроводить къ вамъ что сдѣлаю, но прошу еще отсрочку на годъ чтобы просмотрѣть и сгладить.“

Въ другомъ письмѣ о томъ же предметѣ, посланномъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ возникло опасеніе что первое пропало, Декартъ говоритъ: „Я очень знаю, можно сказать, что рѣшенное римскими инквизиторами не есть еще догматъ вѣры и требуется соборъ чтобы оно стало таковымъ, но я не такъ влюбленъ въ свои мысли чтобы прибѣгать къ такимъ исключеніямъ дабы имѣть средства ихъ поддерживать. А желаніе остаться въ покоѣ и продолжать начатый образъ жизни принимая девизомъ *bene vixit bene qui latuit*, производить то что я болѣе доволенъ освободившись отъ опасенія пріобрѣсти, сверхъ желанія, моимъ сочиненіемъ новыхъ знакомыхъ,—чѣмъ сколько досажаю на потерю времени и труда при его составленіи... Не теряю впрочемъ надежды, прибавляетъ Декартъ, что тутъ случится то же что съ антиподами, которые были почти такимъ же образомъ осуждены.“

IX.

Только, въ 1637 году, черезъ восемь лѣтъ по переселеніи Декарта въ Голландію, вышелъ въ свѣтъ его первый печатный трудъ—знаменитое *Разсужденіе о методѣ какъ правильно вести свой разумъ и отыскивать научныя истины, съ присовокупленіемъ Диоптрики, Метеоровъ и Геометріи, какъ опытовъ приложенія сего метода.* * Сочиненіе напечатано

* *Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences. Plus la Dioptrique, les Météores et la Géométrie, qui sont des essais de cette méthode.* Leyde. 1637. Слово discours употреблялось въ томъ смыслѣ какъ теперь говорится essai.

въ Лейденѣ. Первоначально Декартъ предполагалъ издать его въ Парижѣ и отправилъ рукопись къ отцу Мерсенну, благодаря дружескимъ усиліямъ котораго книга получила королевскую привилегію въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Привилегія была дана не только для впечатанія этого труда, но и для всѣхъ сочиненій какія Декартъ можетъ издать въ послѣдствіи „гдѣ ему заблагоразсудится внутри и внѣ Французскаго королевства“. Надо полагать что по соображеніямъ удобства и экономіи Декартъ предпочелъ печатать свой трудъ въ Лейденѣ. Первоначально предполагалось болѣе громкое заглавіе: „Проектъ всеобщей науки способной подвять нашу природу на высшую ступень ея совершенства; съ присовокупленіемъ Диоптрики, Метеоровъ и Геометріи, въ коихъ любопытнѣйшіе предметы какіе авторъ могъ выбрать, дабы дать образчикъ предлагаемой всеобщей науки, изложены такъ что и неученые могутъ ихъ читать“ *.

Разсужденіе о методѣ не есть изложеніе философской системы Декарта, но главныя основанія „новой философіи“ уже намѣчены въ этомъ очеркѣ небольшого объема. Разказавъ въ первыхъ главахъ исторію своей мысли и выразивъ тѣ правила какимъ Декартъ рѣшилъ подчиняться на пути исканія истинны естественнымъ свѣтомъ разума (выше приведены выдержки изъ этихъ главъ разсужденія), Декартъ въ четвертой главѣ переходитъ ко своимъ „первымъ размыславаніямъ“ на этомъ пути именуя ихъ „весьма метафизическими и не совсемъ обыкновенными“.

„Прежде всего“, пишетъ онъ, „я рѣшился отбросить какъ безусловно ложное все въ чемъ могъ вообразить хотя бы малѣйшій поводъ къ сомнѣнію и посмотреть не останется ли и послѣ того въ моемъ убѣжденіи что-либо уже вполнѣ несомнѣнное. Такъ, принимая въ соображеніе что чувства нашъ иногда обманываютъ, я допустилъ что нѣтъ ни одной вещи которая была бы такова какъ она намъ представляется;

* „Le projet d'une science universelle qui puisse élever notre nature à son plus haut degré de perfection; plus la Dioptrique, les Météores et la Géométrie, où les plus curieuses matières que l'auteur ait pu choisir pour rendre preuve de la science universelle qu'il propose, sont expliquées de telle sorte que ceux mêmes qui n'ont point étudié les peuvent entendre.“ (Письмо къ отцу Мерсенну, 1636 г., марта. *Oeuvres*, t. VI, 275.)

и такъ какъ есть люди которые ошибаются въ сужденіяхъ даже по отношенію къ простѣйшимъ предметамъ геометріи и дѣлаютъ въ нихъ парадоксизмы, то, считая и себя способнымъ ошибаться столько же какъ другіе, я отбросилъ какъ ложные всѣ доводы какіе прежде принималъ за доказательства. Соображая далѣе что тѣ же представленія какія мы имѣемъ въ бодрствennomъ состояніи могутъ приходиться къ намъ и во снѣ, не будучи оттого дѣйствительностію, я рѣшился представить себѣ что все когда-либо входившее въ мой умъ не болѣе истинно какъ мечтанія моихъ сновъ. Но я тотчасъ обратилъ вниманіе что тогда какъ я хотѣлъ такимъ образомъ мыслить что все ложно, необходимо однако чтобъ я, мыслящій это, былъ чѣмъ-нибудь; и замѣтивъ такимъ образомъ что истина: я мыслю следовательно я есмь (*je pense donc je suis; cogito ergo sum*) такъ твердо и вѣрна что самыя экстравагантныя предположенія скептиковъ не могутъ ее поколебать, я заключилъ что могу безъ опасенія принять ее за первый принципъ философіи какую искалъ. Внимательно разсматривая далѣе что я такое и видя что я могу вообразить себѣ что у меня нѣтъ тѣла, что нѣтъ никакого міра, никакого мѣста гдѣ бы я былъ; но что я никакъ не могу вообразить чтобы не было поэтому меня; что напротивъ изъ того именно что я мыслилъ сомнѣніе въ истинѣ другихъ вещей или что иное—ясно и несомнѣнно слѣдуетъ что я, мыслящій, существую; а еслибъ я пересталъ мыслить, тогда какъ все остальное что я воображалъ было истинно—никакого не было бы для меня основанія заключать что я существую. Я узналъ изъ этого что я субстанція коей вся сущность или натура есть—мыслить и которая дабы существовать не имѣетъ нужды въ мѣстѣ и ни отъ какой матеріальной вещи не зависитъ, такъ что мое я, то-есть душа, вслѣдствіе коей я есмь то что есмь, совершенно отлична отъ тѣла; что ее легче познать чѣмъ тѣло, и что еслибъ его и не было она не перестала бы быть вполнѣ тѣмъ что она есть.

„Я разсматривалъ затѣмъ вообще что требуется чтобы данное положеніе было истинно и достоверно: ибо найдя одно положеніе достоверно истинное, я думалъ что долженъ также знать въ чемъ состоитъ эта достоверность. И замѣтивъ что, убѣждающее меня въ истинѣ положенія: я мыслю, следовательно я есмь, есть единственно то что я очень ясно представляю себѣ—дабы мыслить надо суще-

ствовать; я заключилъ что можно взять за общее правило вещи очень ясно и очень раздѣльно представляемыя истинны, но что есть только нѣкоторая трудность хорошо замѣтить какія именно мы представляемъ себѣ ясно“.

Такимъ основаніемъ философіи идеализма Декарта. Его *cogito ergo sum* и коренное раздвоеніе духа и матеріи,—первыя страницы философіи новаго времени. Какъ это положеніе, такъ и доказательство бытія Божія выводимаго отъ идеи совершеннѣйшаго существа, лишь кратко указаны въ четвертой главѣ *Discours de la méthode* озаглавленной „доводы доказывающіе бытіе Божія и человѣческой души или основанія метафизики“. Они развиты въ другомъ твореніи Декарта его *Размышленіяхъ* (*Méditations touchant la philosophie première*) о которомъ упоминаемъ ниже.

Х.

Въ пятой главѣ *Discours de la méthode* Декартъ кратко излагаетъ содержаніе сочиненія „опубликовать которое ему помѣшали нѣкоторыя соображенія“. Это тотъ трактатъ *O міръ* изданіемъ котораго Декартъ остановился узнавъ объ осужденіи Галилея, и который въ послѣдствіи былъ переработанъ въ *Началахъ Философіи*. Декартъ говоритъ что въ своемъ сочиненіи онъ излагалъ ученіе о свѣтѣ, трактовалъ даже о соловцѣ, неподвижныхъ звѣздахъ, небесныхъ пространствахъ (*des cieux*), планетахъ, кометахъ и землѣ. „Чтобъ имѣть возможность болѣе свободно высказывать мои соображенія, не будучи обязаннымъ опровергать мнѣнія принятыя между учеными или имѣ слѣдовать, я рѣшилъ предоставить весь этотъ здѣшній міръ ихъ диспутамъ и говорить только о томъ что случилось бы въ новомъ мірѣ еслибы Богъ создалъ гдѣ-либо въ воображаемыхъ пространствахъ достаточно вещества для его образованія и взмутилъ бы его безо всякой правильности, такъ что образовался хаосъ столь бы слутанный какъ только могутъ вообразить поэты, и потомъ ограничиваясь оказаніемъ своего обыкновеннаго содѣйствія природѣ (*son concours ordinaire à la nature*) предоставилъ ей дѣйствовать по законамъ, Имъ установленнымъ... Я не хотѣлъ этимъ дать мысль что этотъ міръ созданъ именно такъ какъ я допускаю; ибо

болѣе вѣроятно что Богъ съ самаго начала сдѣлалъ его такимъ какъ онъ есть. Но достовѣрно,—и это мнѣніе общепринято между богословами,—что дѣйствіе какимъ Онъ сохраняетъ теперь міръ то же какимъ Онъ его создалъ, такъ что есаибъ Онъ далъ міру первоначально форму хаоса и, установивъ законы природы, оказалъ свое обыкновенное содѣйствіе, то можно полагать, не маюся ущерба тайнѣ создавія, что всѣ чисто матеріальныя вещи могли бы съ теченіемъ времени сдѣлаться такими какъ видимъ ихъ теперь; но природа ихъ гораздо легче познается когда видимъ ихъ образующимися мало-по-малу чѣмъ когда разсматриваемъ вполнѣ образовавшимися.“

За описаніемъ неодушевленныхъ тѣлъ, — знакомитъ Декартъ съ дальнѣйшимъ содержаніемъ неизданнаго трактата, — слѣдовало описаніе одушевленныхъ: животныхъ и въ особенности челоуѣка. Здѣсь пришлось оставить путь изъясненія дѣйствій и причинъ, и процесса образованія. Для этого имѣтъ достаточныхъ знааній. „Я ограничился“, пишетъ Декартъ, „предположеніемъ что Богъ образовалъ тѣло челоуѣка вполнѣ подобное нашему какъ по вѣншнему виду членовъ, такъ и по внутреннему устройству органовъ, образовавъ его изъ той самой матеріи которую я описывалъ; и не влагалъ въ него вначалѣ разумной души и также ничего что могло бы служить растительною или чувствующею душой, а только возбудилъ въ его сердцѣ тотъ огонь безъ свѣта (теплоту) который я изъяснилъ и который, по моему мнѣнію, той же натуры какъ нагрѣваемый сѣно, сложенное когда оно еще сыро, или заставляющій бродить новое вино. Разсматривая отправления какія могли бы быть въ такомъ тѣлѣ, я нашелъ что отправления эти тѣ самыя какія происходятъ въ насъ безъ сознанія (*sans que nous y pensions*) и слѣдовательно безъ участія нашей души, то-есть части нашего существа, отлученной отъ тѣла и которой природа, какъ я упоминалъ, есть—мыслить. Это тѣ отправления въ конихъ, можно сказать, животныхъ, не имѣющихъ разума, сходны съ нами. Но я не нашелъ ни одного изъ тѣхъ кои зависятъ отъ мысли и суть единственныя, принадлежащія намъ въ качествѣ челоуѣка; ихъ всѣ нашелъ я послѣ когда предположилъ что Богъ создалъ разумную душу и соединилъ ее съ тѣломъ опредѣленнымъ способомъ который я описалъ.“

Какъ образцы своихъ физиологическихъ возрѣвій, основанныхъ на этихъ началахъ, Декартъ приводитъ свое

объясненіе движенія сердца и процесса кровообращенія. Декартъ вконецъ присоединился къ ученію Гарвея о движеніи крови, для большинства врачей представлявшемуся научною ересью. Затѣмъ кратко перечисляетъ дальнѣйшее содержаніе физиологической части трактата. Замѣчательно что вопросы имѣящіе вхожденіе въ область психо-физиологіи уже представлялись Декарту (какъ широко понималъ онъ эти вопросы свидѣтельствуеетъ сочиненіе его *О страстяхъ души* издаваемое въ послѣдній годъ его жизни).

„Потомъ я показалъ“, говоритъ Декартъ, „какое должно быть устройство нервовъ и мускуловъ дабы заключающееся въ нихъ тонкое животное вещество (*esprits animaux*) имѣло силу двигать члены, подобно тому какъ только что отрубленныя головы еще двигаются и грызутъ землю хотя уже не одушевлены. Разобралъ какіе измѣненія должны быть въ мозгу чтобы производить бодрствованіе, сонъ и сновидѣнія; какъ свѣтъ, звукъ, запахъ, вкусъ, теплота и другія качества вѣшнихъ предметовъ могутъ впечатлѣвать въ немъ разныя идеи чрезъ посредство чувствъ; какъ голодь и жажда и другія внутреннія страсти могутъ послышать свои; что тамъ должно быть принято за сенсоріумъ (*sens commun*) гдѣ идеи получаютъ, за память* ихъ сохраняющую, за фантазію ихъ измѣняющую и производящую новыя, могущую чрезъ распределеніе тонкаго животнаго вещества въ мускулахъ двигать члены разсматриваемаго тѣла съ тѣмъ же разнообразіемъ— какъ по поводу вѣшнихъ предметовъ дѣйствующихъ на чувства, такъ и по поводу внутреннихъ аффектовъ, (*des passions intérieures qui sont en lui*) съ какимъ двигаются члены нашего тѣла въ случаѣ когда ихъ не направляетъ сознательная воля (*sans que la volonté les conduise*)..“

„Все это“, заключаетъ Декартъ, „не покажется страннымъ тѣмъ кто, зная сколько разныхъ *автоматовъ* и самодвижущихся инструментовъ можетъ сдѣлать человеческое искусство, — изъ немногихъ частей сравнительно съ великимъ множествомъ костей, мускуловъ, нервовъ, артерій, венъ и всѣхъ другихъ частей встрѣчающихся въ тѣлѣ каж-

* Декартъ надѣялся анатомическими изысканіями найти въ мозгу органы памяти, воображенія, и проч. „Анатеміруу теперь“, пишетъ онъ въ 1663 году отцу Мерсенну (*Ouvert*, VI, 235) „головы разныхъ животныхъ чтобъ объяснить въ чемъ состоитъ воображеніе, память, и проч.“

даго животнаго,—будутъ разсматривать это тѣло какъ машину, которая будучи сдѣлана руками Божиими безъ сравненія лучше устроена и имѣеть движенія болѣе удивительныя чѣмъ какія могутъ имѣть машины устроенныя человекомъ.... Еслибы были такія машины которыя имѣли бы органы и вѣншній видъ обезьяны или другаго не имѣющаго разума животнаго, мы не имѣли бы никакого средства узнать что они не той же натуры какъ эти животныя.“

XI.

Такова идея автоматичности животныя и тѣла человѣка, надѣлавшая въ свое время не мало шума и считавшаяся однимъ изъ краеугольныхъ камней картезианской философи. „Въ каждой философской сектѣ, и въ картезианствѣ какъ въ другихъ“, пишетъ * одинъ изъ критиковъ Декарта, „есть всегда нѣкоторый капитальный пунктъ ученія, далеко идущій и характеризующій истинныхъ послѣдователей; въ немъ ихъ отличіе отъ другихъ философовъ и въ особенности отъ тѣхъ индифферентовъ которые не хотятъ принадлежать ни къ какой партіи и отовсюду берутъ то что имъ кажется хорошаго въ каждой сектѣ чтобы образовать философію изъ такихъ выбранныхъ кусковъ. Въ ихъ философіи есть и изъ Декарта, и изъ Гассевида, и изъ Аристотеля, все это дурно сложивное и образующее скорѣе чудовище чѣмъ правильное философское тѣло. Такой существенный пунктъ картезианства, какъ бы пробный камень помощью котораго главы партіи узнаютъ вѣрныхъ учениковъ своего великаго учителя — есть ученіе объ автоматахъ согласно которому всѣ животныя суть чистыя машины безо всякаго чувства и знанія. У кого довольно ума или довольно упрямства чтобы не находить никакой трудности въ этомъ парадоксѣ и чтобы признавать за доказательство эти длинныя и красивыя диссертациі что напечатаны объ этомъ предметѣ, тотъ тотчасъ получаетъ одобреніе и удостоивается чести всюду именоваться картезианцемъ. Этотъ одинъ пунктъ включаетъ въ себя или предполагаетъ всѣ начала и основанія секты... Съ нимъ нельзя не быть картезианцемъ, безъ него нельзя быть таковымъ. Это духъ, сокъ, если смѣю такъ выразиться, чистаго картезианства.“

* Авторъ *Продолженія Путешествія въ миръ Декарта (Suite du Voyage dans le Monde de Descartes, Амстердамъ, 1696, стр. 3).*

Авторъ фантастическаго *Путешествія въ міръ Декарта*, заключающаго въ себѣ игривое изложеніе соединенное съ тонкою критикою ученія Декарта, сдѣлалъ изъ идеи автоматичности одинъ изъ главныхъ мотивовъ своего разказа. Онъ повѣствуетъ какъ встрѣтилъ одного старика - картезіанца, передавшаго ему секретъ какимъ можно отдѣлить душу, въ смыслѣ мыслящаго и хотящаго существа, отъ тѣла какъ органической машины. Старикъ узналъ тайну отъ самого Декарта, случайно въ свою очередь ее открывшаго. Черезъ одного амстердамскаго кулца Декартъ получилъ пачку табаку съ какого-то острова близъ Китая, и смѣшалъ его съ нѣкоторою высушеною травой. Такой нюхательный порошокъ и оказался производящимъ удивительное дѣйствіе раздѣленія. „Декартъ на опытъ убѣдился въ томъ о чемъ предсказывалъ намъ много разъ, а именно: если машина тѣла имѣетъ всѣ свои органы въ здоровомъ и свободномъ состояніи; если въ сердцѣ и въ желудкѣ столько теплоты какъ обыкновенно, то кровообращеніе, просачиваніе соковъ, всѣ естественныя отправления, всѣ движенія въ насъ бывающія, но о коихъ душа не имѣетъ сознанія, будутъ свершаться въ этой машинѣ, въ отсутствіи души, такъ какъ еслибы она тамъ была. Случилось даже что когда душа Декарта удалившись на нѣсколько шаговъ разсматривала что происходитъ въ его тѣлѣ, муха сѣла на его лицо. Тотчасъ рука направилась къ этому мѣсту и согнала муху какъ еслибы душа была въ тѣлѣ. Такъ справедливо что большая часть движеній нашего тѣла приписываемыхъ нами дѣйствію души происходятъ единственно вслѣдствіе расположенія нашей машины.“ (*Voyage*, стр. 19).

Съ негромъ, находившимся въ услуженіи у ученика Декарта, извѣстнаго профессора медицины въ Утрехтѣ Регіуса (*Regius, Legoï*), былъ, по разказу отца Давіиеля (*Voyage*, стр. 47) еще куріознѣйшій случай. Негръ узналъ отъ своего господина секретъ раздѣленія и некстати воспользовался имъ когда возвращался разъ изъ деревни и утомленный прилежъ отдохнуть. На бѣду когда душа его отправилась погулять, въ сосѣдствѣ съ тѣломъ произошло убійство. и разбойники успѣли убѣжать. Стража приближала и находить тѣло негра. Машина потрясенная шумомъ и сильнымъ впечатлѣніемъ (*impression forte*) какое присутствіе вооруженныхъ людей сдѣлало на ея органы пустилась бѣжать. За нею

бросались, остановили, стали спрашивать. Она сбивалась на каждомъ словѣ въ отвѣтахъ которые въ отсутствіи души не могли быть очень послѣдовательны. Машину повѣсили, и вернувшаяся душа наша тѣло на висѣлицѣ настолько попорченнѣмъ что соединеніе оказалось невозможнымъ. Свидѣтельство что смерть есть не иное что какъ неисправимая порча тѣлесной машины.

ХІІ.

Въ послѣдней главѣ *Разсужденія о методѣ* Декартъ разказываетъ что побудило его къ изданію сочиненія, и по этому поводу упоминаетъ о своихъ предстоящихъ задачахъ. Выказывается между прочимъ о великомъ значеніи опыта въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія и выражаетъ мысли * близкія къ тѣмъ которыхъ краснорѣчивымъ выразителемъ былъ Беконъ въ Англіи.

„Я никогда не предавалъ большаго значенія тому что идетъ отъ моего разума; и пока единственнымъ плодомъ метода коимъ пользуюсь было мое собственное удовлетвореніе по отношенію къ нѣкоторымъ трудностямъ изъ области умозрительныхъ наукъ, а также направленіе моего поведенія согласно правиламъ какимъ она меня научила—я не считалъ себя обязаннымъ писать. Что касается нравовъ, тутъ каждый судить по-своему и можно было бы найти столько же реформаторовъ сколько головъ еслибы было дозволено дѣлать тутъ перемѣны кому-либо кромѣ тѣхъ кого Богъ поставилъ государями надъ народами, или кому даровалъ благодать и силу быть пророками. И хотя мои умозрѣнія очень мнѣ нравились, я думалъ что другіе имѣютъ свои которыя имъ можетъ-быть еще больше нравятся. Но какъ скоро я приобрѣлъ нѣкоторыя общія начала въ области физики и, начавъ ихъ испытывать въ разныхъ частныхъ трудностяхъ, убѣдился какъ далеко могутъ они вести и насколько они отличаются отъ принциповъ коими я пользовался до того времени, я подумалъ что не могу ихъ скрывать не грѣша противъ закона обязывающаго насъ насколько можемъ содѣйствовать общему благу человечества. Начала эти показали мнѣ что можно достигъ знаній полезныхъ въ жизни и вмѣсто умозрительной

* *Оеиор.* publ. par Aimé Martin, стр. 52.

философія какую преподають въ школахъ найти практическую, помощью которой, зная силу и дѣйствіе огня, воды, воздуха, звѣздъ, небесъ и всѣхъ другихъ окружающихъ насъ тѣлъ столь же отчетливо какъ знаемъ разныя мастерства нашихъ ремесленниковъ, мы могли бы употребить ихъ къ примѣненіямъ, какія имъ свойственны, и сдѣлаться господами и владѣтелями природы. Такія знанія желательны не только для изобрѣтенія безчисленнаго множества приемовъ дабы безъ труда пользоваться произведеніями земли и всѣми удобствами на ней встрѣчающимися, но особенно для сохранения здоровья, перваго и основнаго блага въ этой жизни. Духъ такъ много зависитъ отъ темперамента и расположенія органовъ что если можно найти какое-нибудь средство сдѣлать вообще людей болѣе умными и болѣе искусными чѣмъ нынѣ, это средство должно искать въ медицинѣ. Правда нынѣшняя медицина мало содержитъ вещей коихъ польза была бы такъ значительна, но, не имѣя никакого намѣренія унижать ее, я увѣренъ что нѣтъ человѣка, даже между занимающимися ею по профессіи, который не признался бы что извѣстное въ ней почти ничто сравнительно съ тѣмъ что предстоитъ узнать, и что можно было бы освободиться отъ множества болѣзней и даже можетъ-быть отъ ослабленія вслѣдствіе старости еслибы мы имѣли достаточно познаній о ихъ причинахъ и о всѣхъ дѣлительныхъ средствахъ доставляемыхъ природою. Возымѣвъ намѣреніе всю жизнь посвятить исканію столь необходимой науки и найдя путь долженствующій, кажется мнѣ, безошибочно къ ней привести, если не помѣшаетъ краткость жизни и недостатокъ олытовъ, я полагалъ что нѣтъ лучшаго средства противъ сихъ двухъ препятствій какъ вѣрно сообщать лубликѣ то немногое что найду и пригласить другихъ идти далѣе, содѣйствуя, каждый по своей склонности и силѣ, опытамъ какіе надлежитъ сдѣлать и сообщая все приобрѣтенное лубликѣ, такъ чтобы послѣдующіе начинали тамъ гдѣ кончили ихъ предшественники, и чтобы соединяя такимъ образомъ жизнь и трудъ многихъ мы могли вмѣстѣ пройти гораздо далѣе чѣмъ могъ бы сдѣлать каждый отдѣльно.“

Декартъ прибавляетъ что другія соображенія побудили было его рѣшиться продолжать писать, но ничего не публиковать при жизни, и что если оны отступилъ отъ этого

намѣренія, издавая *Разсужденіе* и приложенныя къ нему трактаты, то сдѣлалъ это отчасти чтобы причины воздержанія не были истолкованы во вредъ его ученію, отчасти чтобы ввести и другихъ въ кругъ изслѣдованій требующихъ множества изысканій.

XIII.

Разсужденіе о методѣ написано, какъ и приложенныя къ нему трактаты, на французскомъ языкѣ съ цѣлью сдѣлать сочиненіе общедоступнымъ. Латинскій переводъ сдѣланный аббатомъ де-Курсель (*abbé de Courcelle*), просмотрѣнный Декартомъ, былъ изданъ въ Амстердамѣ въ 1644 году. Экземпляры своего сочиненія Декартъ послалъ во Францію и чрезъ дружеское посредничество отца Мерсеена распространялъ въ избранномъ кругѣ интересовавшихся научными вопросами, кругѣ тогда уже весьма не малочисленномъ, связанномъ знакомствомъ и сношеніями. При этомъ былъ по какой-то причинѣ обдѣленъ профессоръ математики Парижскаго университета Роберваль, — обстоятельство не мало содѣйствовавшее тому что вскорѣ начатая имъ полемика противъ геометріи Декарта приняла непріязненный характеръ. Наиболѣе возраженій возбудила впрочемъ *Диоптрика* Декарта (сочиненіе въ которомъ въ первый разъ выраженъ въ употребительной нынѣ формѣ законъ преломленія, найденный голландскимъ ученымъ Свелліемъ, но, повидимому, независимо отъ него открытый Декартомъ на основаніи теоретическихъ соображеній) и въ особенности Декартова теорія распространенія свѣта. Тутъ главнымъ противникомъ выступилъ членъ парламента въ Тулузѣ, знаменитый въ то время знатокъ математики Ферма (*Fermat*). Въ противоположность съ полемикой Роберваля споръ съ Ферма послужилъ основой дружественныхъ сношеній научныхъ противниковъ.

Усердые друзья Декарта обратили вниманіе всемогущаго кардинала Ришелье на предложенныя Декартомъ правила приготовленія стеколъ для зрительныхъ трубокъ. Кардиналъ выразилъ готовность содѣйствовать къ осуществленію идей Декарта на практикѣ въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ. Декартъ отклонилъ эту мысль опасаясь чтобы весьма возможная безъ его ближайшаго руководства неудача не была поставлена въ вину самимъ правиламъ.

Въ одной изъ іезуитскихъ коллегій въ Парижѣ были въ 1640 году публично защищаемы тезисы направленные противъ теоріи свѣта Декарта, хотя и безъ упоминанія его имени. Это обстоятельство, когда слухъ дошелъ до Декарта, чрезвычайно дорожившаго мнѣніемъ іезуитовъ, произвело на него сильное впечатлѣніе и онъ послѣдшилъ написать къ ректору коллегіи: „Я не знаю ни имени автора тезисовъ (это былъ іезуитъ отецъ Бурдвѣ, Bourdin), ни какая наука есть его специальность, но потому о чемъ онъ трактуетъ можно предполагать что онъ преподаетъ физику или математику, а такъ какъ знаю я что всѣ члены вашего корпуса такъ соединены между собою что никто изъ нихъ ни публикуетъ и ни дѣлаетъ чего-либо не получивъ предварительнаго одобренія остальныхъ, вслѣдствіе чего все исходящее отъ вашихъ имѣетъ болѣе авторитета чѣмъ идущее отъ какихъ-либо частныхъ лицъ,—то я не безъ основанія желаю и надѣюсь получить отъ вашего предодобія или, лучше сказать, отъ всего вашего общества то что было публично обѣщано мнѣ однимъ изъ стѣновъ вашего ордена.“ А именно Декартъ просилъ разбора своего сочиненія съ указаніемъ того что кажется сомнительнымъ. „Между вами такое значительное число ученыхъ философовъ что еслибы каждый пожелалъ взять трудъ отдѣлать мнѣ одно только возраженіе, а не сомнѣваюсь что совокупность этихъ возраженій заключала бы въ себѣ все что другіе могли бы мнѣ возразить... Воспитывавшись въ теченіе десяти лѣтъ въ одной изъ вашихъ коллегій, я съ юности возымѣлъ столько уваженія къ вашимъ добродѣтелямъ и вашему ученію, кои что и мнѣ, что для меня гораздо пріятнѣе быть разобранымъ вами чѣмъ другими.“

Еще прежде (въ 1637 г.) въ письмѣ къ одному іезуиту (къ кому именно неизвѣстно) Декартъ высказывалъ то же желаніе чтобъ его книги были разобраны учеными іезуитами. „Какъ будутъ ови (учителя коллегіи)“, спрашивалъ онъ, „отымѣть преподавать (о метеорахъ) если не опровергнуть или не примутъ того что я написалъ. Я знаю что главный мотивъ по которому ваши отвергаютъ тщательно всякія новизны есть опасность не произвести бы какихъ-либо перемѣнъ въ богословіи; но могу особенно обратитъ ваше вниманіе что и съ этой стороны нѣтъ никакихъ опасеній касательно моихъ сочиненій. Могу благодарить Бога

что мѣтлія казавшіяся мѣтлою по соображенію естественныхъ причинъ наиболее вѣрными въ физикѣ, всегда оказывались наиболее согласными съ тайнами религіи, какъ при случаѣ могу ясно показать." (Т. VI, 333).

Собственно философская часть сочиненія не вызвала, повидимому, какого-либо движенія въ средѣ французскихъ ученыхъ. По крайней мѣрѣ въ перелпекѣ Декарта этой эпохи нѣтъ какихъ-либо указаній въ этомъ отношеніи.

XIV.

Первые послѣдователи ученія названнаго потомъ картезіанскою философіей образсвались вокругъ самого Декарта въ Голландіи. Его первый ученикъ былъ Ренери (Renegé), профессоръ въ Девентерѣ, призванный въ 1633 году въ Утрехтъ и сдѣлавшійся скоро вліятельнымъ членомъ тамошняго университета. Ренери былъ въ близкихъ личныхъ сношеніяхъ съ Декартомъ. Другой ревностный приверженецъ Декарта былъ молодой врачъ Регіусъ (Regius) первоначально ознакомившійся съ ученіемъ Декарта отчасти чрезъ бесѣды и уроки Ренери, отчасти изъ книги самого Декарта произведенной на него самое сильное впечатлѣніе. Въ 1639 году Ренери умеръ. Погребальную рѣчь произносилъ профессоръ Эмилиусъ и обратилъ ее въ похвальное слово Декарту. Вотъ какъ разказываетъ объ этомъ самъ Декартъ (*Oeuvr.*, IX, 252). „Въ 1639 въ мартѣ мѣсяцѣ г. Эмилиусъ (Aemilius), профессоръ здѣшней академіи и главное ея украшеніе, говорилъ погребальное слово въ честь г. Ренери бывшаго также однимъ изъ первыхъ украшеній этой академіи, и, между многими сказанными о покойномъ, главную часть своей рѣчи употребилъ на то что хвалилъ его за дружбу со мною, воздавая мнѣ такіа хвалы что мнѣ совѣстно ихъ повторять. Укажу здѣсь только заглавіе и заключеніе похвальнаго слова какое присоединилъ къ погребальной рѣчи когда ее напечаталъ. Вотъ заглавіе: „Ad manes defuncti, qui cum nobiliss'imo viro Renato Descartes, nostri saeculi Atlante et Archimede unico, vixit conjunctissime, audita naturae et

coeli extima penetrare ab eodem e ductus.* Въ заключеніе онъ такъ говорилъ обращаясь къ покойному:

Et nova quae docuit, tibi nunc comperta patescunt

Omniaque in liquidis sunt manifesta die;

Ut merito dubites, utrum magis illius arti

An nunc indigetis sint magis clara tibi.

Эти похвалы были пріятны многимъ почетнѣйшимъ жителямъ города, какъ видно изъ того что найдено различнымъ поручить типографщику вашего университета ихъ напечатать. Въ нихъ нельзя было подозрѣвать лести такъ какъ г. Эмиліусъ зналъ меня въ то время лишь по репутаціи и сочиненіямъ. Я не искалъ ихъ; напротивъ, когда онъ затѣмъ прислалъ ко мнѣ на просмотръ другіе стихи о томъ же предметѣ и просилъ ихъ возвратить, не имѣя копии и желая ихъ напечатать, я нашелъ предлогъ ихъ не отослать. И не потому чтобы похвалы исходящія отъ чловѣка его достоинства мнѣ были непріятны, но я зналъ что быть похваленнымъ людьми, кои сами достойны похвалы, нельзя безъ того чтобы не обидѣлся тѣ кои считаютъ себя достойными похвалъ, но ихъ не получаютъ, и оттого для меня довольно было знать его обо мнѣ доброе мнѣніе, а чтобы оно было напечатано я не желалъ.*

Вскорѣ послѣ этого извѣстный профессоръ богословія въ Утрехтскомъ университетѣ, Воеціи (Voetius), главный пасторъ въ городѣ, любѣдососный въ диспутахъ, славившійся громами своихъ проповѣдей, выступилъ рѣшительнымъ и страстнымъ противникомъ ученія Декарта (котораго, впрочемъ, лично не зналъ) и его университетскихъ приверженцевъ. Онъ открылъ кампанію тезисами *объ атеизмѣ* въ которыхъ не называя Декарта разоблачалъ будто бы скрытый въ его ученіи атеизмъ. Не ограничиваясь этимъ онъ писалъ въ слѣдующемъ году во Францію къ отцу Мерсенну и приглашалъ его соединиться противъ еретической, по его мнѣнію, философіи стремящейся образовать „новую, невиданную и неслыханную секту“, приверженцы которой чтутъ ея автора какъ „нѣкоего новаго бога съ неба улав-

* Памяти покойнаго, находившагося въ ближайшихъ сношеніяхъ съ знатыми мужемъ Ренатомъ Декартомъ, Аглантомъ и Архимедомъ нашего вѣка, и отъ него наученнаго проникать тайны природы и неба.

шаго". Мерсенъ отвѣтилъ Воецію что если тотъ ищетъ какія-либо возраженія на книгу Декарта, то прислаалъ бы ихъ; письмо же переслалъ Декарту.

Декартъ въ письмѣ къ отцу Дине (Dinet) * такими чертами изображаетъ своего противника. „Этотъ человекъ который слыветъ въ свѣтѣ за богослова, за проповѣдника и человека преній и диспута; онъ приобрѣлъ великій кредитъ у толпы тѣмъ что ораторствуя противъ римскаго исповѣданія и другихъ отличныхъ отъ его собственнаго, или грома сильныхъ вѣка, показываетъ горячее и неудержимое рвеніе къ своей религіи, вставая къ тому же иной разъ въ свои рѣчи слова насмѣшки являющагося толпѣ. Выдавая чуть не каждый день брошюрки на стѣдѣнія прочтенія, цитуетъ разныхъ авторовъ, чаще говорящихъ противъ него чѣмъ за него и которыхъ онъ можетъ-быть знаетъ только по оглавленіямъ, говоря наконецъ очень дерзко и безцеремонно о всѣхъ наукахъ, какъ будто знатокъ, онъ слыветъ между невѣждами за ученаго. Но мало-мальски разумные люди, знающіе какъ онъ готовъ сдѣлаться со всякимъ, сколько разъ на диспутахъ прибѣгалъ онъ къ оскорбленіямъ вмѣсто доводовъ и со стыдомъ удалялся разбитый,—открыто надъ нимъ смѣются и его презираютъ если не однихъ съ нимъ убѣжденных, если же однихъ, то хотя извиняютъ и терпятъ какъ могутъ, но внутренно никакъ не одобряютъ.“

Не имѣя возможности настичъ самого Декарта, Воецій направилъ свои удары на Регіуса, преподававшаго въ своихъ урокахъ мнѣнія Декарта касательно философіи и которому такимъ образомъ грозила опасность, какъ замѣчаетъ Декартъ, (*Оеuvres*. IX, 257) „сдѣлаться ихъ первымъ мученикомъ“.

Воецію удалось возстановить противъ Регіуса медицинскій факультетъ въ особенности за то что Регіусъ въ своемъ курсѣ держался ученія о кровообращеніи, и когда въ 1640 году онъ ввелъ истину этого ученія въ объявленные имъ тезисы, ректоръ университета настоячиво совѣтовалъ ему поставить это положеніе условно, какъ королярій, съ обозначеніемъ что оставлено якобы для упражненія въ диспутѣ (*exercitii causae defendemus*), какъ было принято писать когда въ тезисахъ

* *Оеuvres*. IX, 34.

ставились парадоксальныя положенія съ дѣлью обнаружить искусство въ диспутахъ. На диспутѣ было не мало шума и свиста со стороны студентовъ возбужденныхъ профессорами, противниками Регіуса. Удалось выхлопотать и распоряженіе попечителей университета воспрецававшее вводить новизны въ преподаваніе. Въ слѣдующемъ году Воецій самъ выступилъ съ тезисами. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ чтобъ охарактеризовать способъ его нападенія на картезіанскія вѣзны.

„Философія которая отвергаетъ субстанціальныя формы вещей (*formes substantielles des choses*) съ ихъ собственными специфическими свойствами, ихъ дѣтельными качествами, отвергаетъ слѣдовательно отличную, специфическую натуру вещей,—какъ философія какую въ наши дни хотѣли ввести Таурелла (Taurellus), Гарлей (Garleus) и Бассонъ (Basson),—не можетъ быть соглашена ни съ физикою Моисея, ни со всѣмъ чему учить Писаніе. Эта философія опасна; благопріятна оскелтицизму, способна разрушить наши вѣрованія касательно разумной души, происхожденія лицъ въ Святой Троицѣ, воплощенія Іисуса Христа, первороднаго грѣха, чудесъ, пророчествъ, благодати нашего возрожденія, дѣйствительности бѣсноватости (*possession réelle des démons*).

„Движеніе земли, введенное Келлеромъ и другими прямо и очевидно противно авторитету Священнаго Писанія и никакъ несогласно съ доводами естественнаго свѣта разума какіе философія преподавала до сихъ поръ.

„Мнѣніе атеиста Таурелла и Давида Гарлея, учащихъ что человекъ, состоящій изъ души и тѣла, есть *ens per accidens*, а не *per se*, ошибочно и нехѣло.“

Три дня продолжался диспутъ. „Я былъ“, говоритъ Декартъ (IX, 258 въ письмѣ къ утрехтскимъ властямъ), „названъ по имени чтобы не было сомнѣнія что Воецій меня считаетъ авторомъ мнѣній о которыхъ въ тезисахъ онъ выразилъ такую похвалу— что кто ихъ держится или атеистъ, или дуракъ; онъ говорилъ съ насмѣшкой *Elias veniet* (Илія придетъ) какъ будто я глава какой-то новой секты еретиковъ и выдаю себя за пророка.“

Декартъ не хотѣлъ оставить безъ отвѣта нападокъ на его философію и съ каедръ, и на диспутахъ, и въ печатныхъ брошюрахъ. Онъ выступилъ въ двухъ печатныхъ объемистыхъ письмахъ: первое (1642 г.) было на имя одного изъ главныхъ

членовъ иезуитскаго ордена, отца Дине (Dinet, бывшаго потомъ духовникомъ Лудовика XIII), другое (1643 г.) на имя самого Воеція. Последнее есть цѣлое сочиненіе озаглавленное *Письмо Рене Декарта Гисберту Воецію о двухъ книгахъ недавно издаваемыхъ Воеціемъ въ Утрехтѣ, одна о Братствѣ Святой Маріи, другая о картезіанской философіи.* („Epistola Ren. Descartes ad celeberrimum virum D. Gisbertum Voetium, in qua examinantur duo libri nuper pro Voetio Ultrajecti simul editi, unus de Confraternitate Mariana, alter de philosophia Cartesiana“.)

„Съ тѣхъ поръ“,—такъ начинается Декартъ свое письмо къ Воецію, * — „какъ я сдѣлалъ, издаваемъ въсколькихъ опытовъ, извѣстною философію какую считалъ истинною и полезною человечеству, многіе писатели особенно между слышущихъ искуряѣйшими и учевѣйшими убѣждала меня усовершенствовать ее и олубаковать ядланъ. Исповнвннй уваженія къ ихъ мнѣнію, я смотрю однако жъ какъ на еще сильнѣйшее свидѣтельство въ пользу моего ученія на ожесточеніе въсколькихъ лицъ вскормленныхъ на школьныхъ дислутахъ которые тщатся подавить его клеветами при самомъ рожденіи. Философскія мнѣдія всегда были свободны; не мало было въ наукѣ о природѣ заблуждавшихся, но никому вреда отъ того не было. Если и я ошибаюсь какъ они, никакой опасности отъ того для рода человеческого не произойдетъ. Но еслибъ я случайно нашелъ истину, я оказалъ бы этимъ большую услугу. Вотъ, безъ сомнѣнія, почему друзья истинны, въ надеждѣ хотя слабой и сомнительной найти ее въ моихъ писаніяхъ, приглашаютъ все-таки меня ихъ издать. Но никакъ не вижу изъ какихъ побужденій другіе нападаютъ на мои мнѣнія съ такою горечью: развѣ отъ того что вынуждаемые съ вами согласиться, боятся чтобы признавая истина не лишила всякаго кредита ихъ схоластическія пренія составляющія основу ихъ ученія. Такъ какъ они противоставляютъ мнѣ не доводы, а личности, то я не считаю нужнымъ имъ отвѣчать, но Гисбертъ Воецій не обвиняетъ меня только, какъ другіе, въ ошибкахъ и невѣжествѣ: онъ взводитъ на меня такіа гнусныя обвиненія и нападаетъ такимъ вѣроломнымъ способомъ что я не могу κραвить молчанія.“

* *Оеивг.* XI, 3.

Раздраженный Воецій послѣдилъ привести жалобу utrechtскимъ властямъ обвиняя Декарта въ клеветѣ и диффамаци, тѣмъ болѣе что книга о картезианской философіи была выдана отъ имени профессора Шокіуса (Schoukijus), объявившаго себя ея единственнымъ авторомъ. Выѣтъ съ тѣмъ Воецій выставилъ Декарта врагомъ господствующаго въ странѣ исповѣданія. Ему удалось выхлопотать призывъ Декарта къ суду. Призывъ былъ объявленъ съ необычною торжественностью, при звукахъ колокола, калечатанъ и выѣшемъ на стѣнахъ. Когда извѣстіе о томъ дошло до Декарта который не былъ тогда въ Утрехтѣ, онъ послѣдилъ составить и напечатать свое объясненіе которое и прислалъ своимъ неожиданнымъ судьямъ. Анонимныя письма извѣстили его что требуютъ чтобъ онъ явился лично какъ обвиняемый, и грозятъ силой привести къ суду. Онъ послѣдилъ обратиться къ локровительству французскаго посла. Между тѣмъ Воецій торжествовалъ и былъ увѣренъ что Декартъ будетъ заочно осужденъ на изгнаніе изъ провинціи и на значительную пеню, книги жѣ его сожжены. „Мея увѣряють“, пишетъ Декартъ (IX, 268), „что Воецій даже вошелъ въ переговоры съ палачемъ дабы тотъ развелъ костеръ какъ можно больше чтобы пламя было видно издали.“ Но внимательствомъ посла и принца Оранскаго дѣло было прекращено (1643 г.).

XV.

Второй печатный трудъ Декарта *Размышленія о первой философіи гдѣ доказываются бытіе Божіе и бессмертіе души** изданъ въ Парижѣ въ 1641 году на латинскомъ языкѣ съ королевскою привилегіей и одобреніемъ богослововъ Сорбонны. Замѣтная доля сочиненія была написана** еще прежде изданія *Разсужденія о методѣ*, гдѣ въ сжатой формѣ Декартъ изложилъ свои доказательства бытія Божія и нематеріальности души развиваемыя въ *Размышленіяхъ*, главномъ метафизическомъ трудѣ Декарта.

* *Meditationes de prima philosophia ubi de Dei existentia et animae immortalitate.* Въ 1647 году герцогъ Де-Люинъ (De Luynes) сдѣлалъ французскій переводъ, просмотрѣнный и исправленный Декартомъ.

** *Oeuvr.*, VI, 139.

Философски касаясь основныхъ истинъ религiи и зная какъ легко было на этой почвѣ подвергнуться осужденiю, которое могло простереться и на все его философское учене, Декартъ выступилъ съ особою осторожностiю. Онъ посвятилъ свой трудъ „деканамъ и докторамъ священнаго богословскаго факультета въ Парижѣ“; издалъ его на латинскомъ языкѣ чтобы сдѣлать доступнымъ лишь ученымъ, и прежде напечатанiя въ рукописи препроводилъ къ отцу Мерсенну прося его передать наиболѣе компетентнымъ лицамъ и просить ихъ замѣчанiй и возраженiй. Эти замѣчанiя Декартъ со своими отвѣтами напечаталъ какъ приложение къ *Размышленiямъ*.

„Я всегда считалъ“, говоритъ Декартъ въ своемъ посвященiи, „что два вопроса—о Богѣ и о душѣ, суть главнѣйшiе изъ тѣхъ кои должны быть доказаны скорѣе доводами философию чѣмъ богословiя: ибо если для насъ вѣрующихъ достаточно вѣрою принимать что Богъ есть и душа не умираетъ съ тѣломъ, то невѣрующимъ мнѣ кажется невозможнымъ преподавать сколько-нибудь религiю, ни даже какую-либо нравственную добродѣтель если предварительно не докажемъ имъ эти два положенiя путемъ естественнаго разума.... И хотя въ некоторые осмѣлились утверждать будто человѣческiя соображенiя убѣждаютъ насъ что душа умираетъ съ тѣломъ и что только вѣра научаетъ насъ противному, я однако же, принявъ во вниманiе что Латеранскiй соборъ при папѣ Львѣ X осудилъ таковыхъ и нарочито приказалъ христіанскимъ философамъ отвѣчать на ихъ аргументы и на пречъ всѣ силы ума чтобы сдѣлать истину явною, рѣшился предпринять сіе въ настоящемъ сочиненiи. Но какую бы силу ни имѣли мои доводы я не надѣюсь, такъ какъ они принадлежатъ къ философию, чтобы произвели они большее дѣйствiе на умы если вы не примете ихъ подъ свое покровительство.“

Декартъ не сомнѣвается что если богословы Сорбонны, при ихъ громадномъ авторитетѣ не только въ церковныхъ, но и въ философскихъ предметахъ, возьмутъ трудъ исправить его сочиненiе, прибавить что нужно дабы довести доказательства до возможной ясности и очевидности „всѣ ошибки и ложныя мнѣнiя когда-либо бывшія относительно тѣхъ двухъ вопросовъ скоро исчезнутъ изъ ума человѣческаго“.

Многіе и изъ богослововъ, и изъ философовъ отозвались

на приглашеніе Декарта и высказали свои замѣчанія. Въ *Размышленіяхъ* приложены, съ отвѣтами Декарта, возраженія Катеруса (Caténa, нидерландскій богословъ), различныхъ богослововъ собраннаго отцомъ Марсенномъ, Гоббеса (англійскій философъ), Гассенди (французскій философъ, возобновитель атомистической теоріи въ физикѣ), Арио (знаменитый тогда двадцатидесятилѣтній докторъ богословія), іезуита Бурдена (Bourdin) и еще нѣкоторыхъ богослововъ, философовъ и геометровъ. Особое значеніе имѣли возраженія Гассенди, Гоббеса и Арио.

XVI.

Главное философское сочиненіе Декарта *Начала философіи* (*Principia philosophiae*) напечатано у Эльзевира (Elsevier) въ Голландіи (1644 года) когда Декартъ находился въ Парижѣ куда ему и была отправлена часть экземпляровъ. Сочиненіе издано на латинскомъ языкѣ. Его французскій переводъ былъ сдѣланъ и изданъ аббатомъ Picot въ 1647 и послѣдующихъ годахъ. *Начала* (посвящены принцессѣ Елисаветѣ) раздѣляются на четыре части: первая „о принципахъ человѣческаго знанія“ заключаетъ въ себѣ сжатое изложеніе тѣхъ же основныхъ положеній какія высказаны въ *Разсужденіи о методѣ* и въ *Размышленіяхъ*; вторая—„о принципахъ матеріальныхъ вещей“ содержитъ въ себѣ общее ученіе о матеріи какъ протяженной субстанціи и о законахъ движенія; третья—„о видимомъ мірѣ“—посвящена изложенію Декартовой системы міра и его знаменитой теоріи вихрей; четвертая трактуетъ „о землѣ“: о тяжести, приливахъ и отливахъ, образованія земной коры, землетрясеніяхъ, огнѣ и его дѣйствіяхъ, магнитѣ, электрическихъ протяженіяхъ (терминъ „электричество“ впрочемъ не употребляется), и оканчивается сжатымъ указаніемъ дѣйствія чувствъ и нѣсколькими общими замѣчаніями о частныхъ въ сочиненіи началахъ.

Мы будемъ имѣть случай вернуться къ этому важнѣйшему сочиненію Декарта когда будемъ разсматривать его физическое ученіе въ связи съ общими началами его философіи. Здѣсь остановимся только на главныхъ выдающихся чертахъ философскаго направленія какого держался Декартъ и которое составило эпоху въ исторіи человѣческой мысли. Междуэтими чертами не трудно усмотрѣть слѣдующія:

1) Философія Декарта есть по преимуществу философія природы, основанная на *механическихъ началахъ*. Ея главная задача—объясненіе явленій матеріальнаго міра выхода изъ положенія что матерія есть протяженная субстанція (какъ духъ субстанція мыслящая) и пользуется исключительно понятіями величины, фигуры и движенія. Масса понятій схоластической философіи—субстанціальныя формы, логическия качества, самости, сущности, аппетита, гармоніи, и т. д. изволялись изъ области природы, какъ безплодный хламъ. До Декарта ученіе о природѣ было введено понятіями источникъ коихъ распространеніе на всѣ явленія природы тела человѣческаго существа состоящаго изъ души и тѣла. Понятіе души и внутреннія человѣческія качества: влеченіе, желаніе, симпатія и антипатія, ощущеніе пріятнаго и непріятнаго, и тому подобныя цѣлкомъ переносились въ область природы. Говорилось о растительной душѣ, животной душѣ, о душѣ міра, о землѣ какъ организмѣ рождающемъ внутри себя тѣла, о ея движеніи при помощи фибръ дѣйствующихъ какъ мускулы. Всѣ движенія и перемѣны въ матеріальномъ мірѣ объяснялись свойствомъ характеризующимъ духовное начало—имѣть волю и представленіе. „Въ природѣ три вещи учить, напримѣръ, Бруно: * матерія, форма и душа; душа движеть и формируетъ матерію и является въ ней какъ жизнь. Матерія повсюду, ибо что можетъ ее ограничивать что не было бы ею же самою. Но она видѣ не бываетъ безъ формы, потому и форма всюду; всюду также соединяющая объ, движущая, управляющая, разумная дѣятельность которую зовемъ душою.“ Кирхеръ приписывалъ магниту болѣзнь, училъ что магнитный камень, не любитъ чesокъ и натертый имъ терлетъ силу, напротивъ какъ царь камней любитъ красный цвѣтъ и въ пурпуровой оберткѣ притягиваетъ сильнѣе. Великій Келлеръ рассматривалъ землю какъ органическое существо, живущее, рождающее.

Для Декарта вся совокупность явленій матеріальнаго міра объясняется изъ двухъ началъ: матерію (рассматриваемой какъ мозаика частей пространства разной дробности и формы) и движенія. Вся природа со включеніемъ растений, живот-

* *Carriere—Die philosophische Weltanschauung in der Reformationszeit. 1847; стр. 339.*

ныхъ, тѣла человѣка (въ явленіяхъ независящихъ отъ сознанія) есть задача механики при разсмотрѣніи которой не требуется ничего кромѣ того что нужно для объясненія столкновенія двухъ тѣлъ взаимно сообщающихъ себѣ движенія. Съ появленіемъ перваго сочиненія Декарта, его философію природы нѣкоторые обвиняли въ томъ что она „слишкомъ груба, ибо разсматриваетъ фигуры, величины, положеніе и движеніе частей, какъ это дѣлается въ механикѣ“. Такіе критики, замѣчаетъ Декартъ, осуждаютъ „то что я почитаю особенно заслуживающимъ похвалы. Преимущество мое предъ другими, главное достоинство которымъ могу похвалиться есть именно мой способъ философствованія: онъ не допускаетъ ни одного довода который не былъ бы математическимъ и очевиднымъ, и всѣ заключенія его опираются на достовѣрные опыты... Механика доселѣ есть только малая часть истинной физики, удалившаяся, не найдя мѣста у послѣдователей общепринятой философіи, къ математикамъ. И если эта часть физики осталась наиболѣе истинною и наименѣ сравнительно съ другими попорченною, то это объясняется тѣмъ что она имѣетъ дѣло съ практикой, и тутъ всякая ошибка обыкновенно наказывается потерей издержекъ. И если мой критикъ * осуждаетъ мой приемъ философскій за то что онъ валоминаетъ механику, то это кажется мнѣ равнозначительнымъ какъ еслибъ осуждалъ его за то что онъ истинный.“

XVII.

2) Согласно такому возрѣнію, Декартъ исключаетъ изъ объясненія явленій природы (въ ихъ естественномъ ходѣ) допущеніе какихъ-либо *тайныхъ силъ*, къ которымъ такъ охотно прибѣгали въ его эпоху. Алхимія, астрологія, магія въ разныхъ видахъ имѣвшія тогда такую силу надъ умами встрѣчали въ Декартѣ рѣшительнаго противника. Химиковъ своей эпохи, для которыхъ преобразование металловъ одни въ другіе и въ золото было главною задачею, онъ сравниваетъ съ человекомъ, который будучи одержимъ безумнымъ желаніемъ

* *Oeuvr.* VI, 318. *Réponse à quelques objections de M. Fromondus.* 1637.

отыскать кладъ бросается по всѣмъ дорогамъ отыскивая не оставленъ ли гдѣ таковой какимъ-нибудь путешественникомъ: среди блужданій иногда можетъ выпасть удачная находка. Въ *Правилахъ для направленія ума* (Règles pour la direction de l'esprit, посмертное сочиненіе Декарта на латинскомъ языкѣ изданное въ 1701 году*), Декартъ сравниваетъ астрологовъ съ „человѣкомъ который хотѣлъ бы отъ основанія зданія однимъ прыжкомъ вскочить на его вершину, не пользуясь назначенною для восхожденія лѣстницею или не замѣчая ея“. „Такъ“, замѣчаетъ онъ,—„поступаютъ всѣ астрологи которые, не зная природы звѣздъ, не наблюдая даже точно ихъ движеній, считаютъ себя въ состояніи указывать ихъ дѣйствія.“ Какъ думалъ Декартъ объ астрологическихъ предсказаніяхъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма къ отцу Мерсенну (*Oeuvr. VIII, 199*) писанному въ январѣ 1640 года: „Гортензій бывъ въ Италиі вѣскольکو лѣтъ тому назадъ вздумалъ составить свой гороскопъ и сказалъ двумъ здѣшнимъ молодымъ людямъ, бывшимъ съ нимъ что умретъ въ 1639 году и что они недолго его переживутъ. Онъ умеръ, какъ вамъ извѣстно, въ это лѣто. Молодые люди такъ тѣмъ устрашились, что одинъ изъ нихъ уже умеръ, а другой,—сынъ Гейвизиуса,—впалъ въ такую слабость и такъ сталъ печаленъ что, кажется, дѣлаетъ все возможное чтобъ астрологія не соврала. Вотъ прелестная наука служащая къ тому чтобы морить людей которые безъ нея, можетъ-быть, и большы бы не были!“

Основной характеръ истолкованія явленій помощью *тайныхъ силъ* есть объясненіе дѣйствія помощью причины съ этимъ дѣйствіемъ совершенно разнородной; такъ что никакого перехода между ними не усматривается: измѣненіе въ *A* сопровождается измѣненіемъ въ *B*, тогда какъ эти *A* и *B* никакой посредствующей связи между собою не имѣютъ. Ему противоположно объясненіе, въ которомъ дѣйствіе есть преобразованіе причины (напримѣръ, объясненіе нагрѣванія отъ удара переходомъ механическаго дѣйствія одной формы въ механическое дѣйствіе другой формы), гдѣ *causa aequat effectum* (по выраженію доктора Майера, одного изъ основателей механической теоріи тепла), между причиною и дѣйствіемъ есть явная связь и переходъ можно прослѣдить.

* *Oeuvr. phil. publ. par Aimé Martin, стр. 483.*

Декартъ чувствовалъ особенное удовольствіе когда ему удалось указать простое естественное объясненіе какому-нибудь непонятному явленію и вообще обнаружить связующій переходъ отъ причины къ дѣйствию. Когда такого перехода не усматривается, Декартъ былъ склоненъ думать что это происходитъ отъ незнанія, а не отъ того чтобы такого перехода не было.

Любопытно мѣсто въ *Началахъ философіи* (часть IV, § 187), гдѣ Декартъ усматриваетъ возможность физическаго объясненія нѣкоторыхъ удивительныхъ явленій которыя онъ считалъ достовѣрными. Говоря объ образованіи изъ малѣйшихъ частицъ перваго элемента матеріи (по его терминологіи) тончайшихъ полосокъ необычайной подвижности, звѣщающихъ въ промежуткахъ болѣе грубыхъ частицъ, то кружащихся, то съ громадною быстротою проносящихся на дальнее разстояніе не встрѣчая сопротивленія, Декартъ высказываетъ мысль что „встрѣтивъ матеріалъ способный воспринимать ихъ дѣйствіе, (эти подвижныя группы частицъ) могутъ произвести явленія совершенно рѣдкія, удивительныя: отъ нихъ можетъ происходить что равы убитаго раскрываются при приближеніи убійцы; онъ могутъ возбуждать воображеніе спящихъ и даже бодрствующихъ и давать мысли увидѣвающимъ о вещахъ далеко происходящихъ—заставляющія чувствовать большое огорченіе или большую радость касательно близкаго друга, узнавать дурныя намѣренія убійцы и другія подобныя вещи. Наконецъ, кто захочетъ принять во вниманіе какъ удивительны свойства магнита и огня, столь не похожія на то что наблюдаемъ въ другихъ тѣлахъ; какое громадное пламя можетъ быть вождено въ короткое время одною искрой когда она падаетъ на большое количество пороха и какалъ обнаруживается при этомъ сила; на каксе громадное разстояніе неподвижныя звѣзды распространяютъ мгновенно свой свѣтъ и сколько есть другихъ дѣйствій которымъ вѣзмъ я далъ здѣсь, полагаю, ясное объясненіе, не прибѣгая ни къ какимъ инымъ началамъ кромѣ общепринятыхъ и вѣзмъ извѣстныхъ, какъ-то: величины, фигуры, положенія и движенія различныхъ частицъ матеріи,—тотъ, думаю, будетъ имѣть достаточно основаній убѣдиться что нѣтъ въ природѣ никакихъ столь лотаемыхъ качествъ, никакихъ дѣйствій симпатіи и антипатіи, сколь бы ни были удивительны и отравны, и никакихъ другихъ

рѣдкостныхъ вещей (только бы происходили отъ причинъ чисто матеріальныхъ, не имѣющихъ мыслей и свободной воли) которымъ объясненіе не могло бы быть дано помощію тѣхъ же началъ. А это заставляетъ меня заключить что всѣ другія начала какія когда-либо были прибавляемы къ сказаннымъ и для введенія копъ не было другаго основанія кромѣ того что безъ нихъ считали невозможнымъ объяснить нѣкоторыя естественныя явленія, — совершенно излишніи.“

Что Декартъ считалъ достовѣрнымъ раскрытіе ранъ при приближеніи убійцы и тому подобныя явленія несколько, конечно, не удивительно въ эпоху когда ученѣйшіе люди считали достовѣрными явленія въ родѣ того о которомъ одинъ изъ извѣстѣйшихъ англійскихъ ученыхъ * писалъ Декарту спрашивая его: „какимъ образомъ духи колдуновъ называемыхъ домовыми (*les esprits des sorciers qu'on nomme familiers*) такъ умѣютъ располагать и соединять матерію что дѣлаются видимыми и ощутимыми этимъ отвратительнымъ старухамъ, — истина которую я слышалъ не только отъ многихъ изъ этихъ старыхъ колдуній, но и отъ многихъ молодыхъ признававшихся мнѣ въ этомъ безо всякаго стѣсненія?“

На самыя суевѣрія, какимъ не былъ чуждъ и Декартъ, какъ не чужды всѣ, смотрѣлъ онъ какъ испытатель природы наблюдающій явленія и вынужденный допустить тайную связь явленій потому что не можетъ ее объяснить. Вотъ чтó пишетъ онъ принцессѣ Елисаветѣ (въ 1646 году, *Oeuvr. IX, 349*). „Подобно тому какъ тѣлесное здоровье и присутствіе пріятныхъ предметовъ помогаютъ уму прогнать грустныя чувства открывая доступъ радостнымъ, такъ, наоборотъ, когда умъ полонъ радости, это много содѣйствуетъ чтобы тѣло было здоровое, и окружающіе предметы казались пріятнѣе. Я даже позволяю себѣ думать что внутренняя радость имѣетъ какую-то тайную силу дѣлающую судьбу болѣе благопріятною. Я не написалъ бы этого кому-нибудь съ слабымъ умомъ изъ опасенія породить какое-либѣ суевѣріе, но относительно вашего высочества опасаясь только не стали бы вы смѣяться надо мною, видя что становлюсь слишкомъ легковѣрнымъ. Во всякомъ случаѣ я имѣю множество

* *Replique de M. Morus à M. Descartes, Oeuvr. X, 230.*

опытовъ и также авторитетъ Сократа чтобы подтвердить мое мнѣніе. Опыты состоятъ въ томъ что я часто замѣчалъ что вещи, которыя я дѣлалъ съ веселымъ сердцемъ и безо всякаго внутренняго отвращенія, обыкновенно мнѣ хорошо удавались; даже въ азартныхъ играхъ, гдѣ царствуетъ одинъ случай, я всегда былъ счастливѣе когда имѣлъ причину радоваться чѣмъ когда были поводы къ печали. То чтó обыкновенно называютъ *демономъ Сократа* (le génie de Socrate) было, 'безъ сомнѣнія, не иное какъ то что онъ привыкъ слѣдовать своимъ внутреннимъ влеченіямъ и думалъ что исходъ предпринимаемаго будетъ счастливъ когда онъ имѣлъ нѣкоторое тайное чувство радости, и, напротивъ, будетъ неудаченъ когда на сердцѣ печаль. Правда, суевѣрно было такъ этому вѣрить какъ дѣлалъ онъ, ибо Платонъ разказываетъ что онъ оставался дома всякій разъ какъ геній не давалъ ему совѣта выходить. Но относительно дѣйстви́й важныхъ въ жизни, если они представляются настолько сомнительными что благоразуміе не можетъ указать какъ надо поступить, мнѣ кажется есть большое основаніе слѣдовать совѣту своего генія и полезно имѣть сильное убѣжденіе что дѣло предпринимаемое безъ отвращенія и со свободой, сопровождающею обыкновенно чувство радости, непременно хорошо удастся."

XVIII.

3) Декартъ положилъ первое основаніе критикѣ источниковъ нашего познанія. По выраженію автора статьи въ *L'Europe savante*, * главная черта философіи Декарта есть раздѣленіе чувственнаго и умственнаго познанія: „надо судить о вещахъ по идеямъ какія ихъ представляютъ, а не по ощущеніямъ какія мы имѣемъ по ихъ поводу“. „Мы познаемъ“, говоритъ Декартъ, „не одинаковымъ образомъ, съ одной стороны величину, фигуру, движеніе тѣлъ, положеніе частей, продолжительность, число, — съ другой, чтó такое цвѣтъ въ тѣлѣ, чтó такое боль, запахъ, вкусъ и прочее относящееся къ чувствамъ. И хотя вида тѣло мы одинаково убѣждаемся въ его присутствіи помощью цвѣта который по

* Octobre 1718 г. *Dissertat. de M. de Montmor.*

случаю его усматриваемъ, какъ вслѣдствіе его фигуры, но несомнѣнно что мы иначе познаемъ свойство служащее причиною тому что приписываемъ ему фигуру и свойство служащее причиною того что оно кажется цвѣтнымъ.“ „Разумъ не усматриваетъ никакого сходства“, замѣчаетъ Декартъ, „между цвѣтомъ который въ нашей мысли и цвѣтомъ который предполагаемъ въ самомъ предметѣ, но мы того не замѣчаемъ и легко заблуждаемся, полагая что то что называемъ цвѣтомъ предмета есть вѣчто существующее въ самомъ предметѣ и вполнѣ похожее на цвѣтъ существующій въ нашей мысли.“ (*Начала*, I partie, §§ 69, 70.)

Отыскивая источникъ ошибочныхъ сужденій, Декартъ входитъ въ анализъ чувственнаго познанія. Психологическій элементъ нашего знанія имѣется имъ постоянно въ виду. Имъ замѣчены не только существенные вопросы психологіи, но и тѣ какіе нибѣ выдѣляются въ особую отрасль науки, именуемую психо-физиологіей. Замѣчательное сочиненіе Декарта (напечатанное въ Амстердамѣ въ 1649 году) *О страстяхъ души* (*Les passions de l'âme*) есть именно психо-физиологическій трактатъ ставящій чрезвычайно широкую задачу, далеко уходящую впередъ, для точнаго рѣшенія которой не только во время Декарта не было, но и нынѣ нѣтъ достаточно фактическаго матеріала.

XIX.

4) Декартъ, какъ Беконъ, ревностный приверженецъ изслѣдованія природы путемъ опыта и наблюденія и превозвѣстникъ на опытъ основаннаго знанія, долженствующаго дать человѣку побѣду и власть надъ природой. „Философія которую я ищу, какъ всѣ возымѣвшіе къ ней благородную страсть, есть познаніе истинъ, какія дозволено намъ приобрѣсти естественнымъ свѣтомъ разума и которыя могутъ быть полезны человечеству. Ничто не можетъ такъ какъ она содѣйствовать нашему здѣсь благосостоянію. Господствующая философія, та что преподають въ школахъ и университетахъ, напротивъ, есть не иное что какъ великій оборъ мнѣній, большею частію сомнительныхъ, какъ доказываютъ возбуждаемые ими каждодневно диспуты, и совершенно безплодныхъ какъ научилъ меня долгій опытъ.“

Кто въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь могъ извлечь какую-нибудь пользу изъ *первой матеріи, субстанціальныхъ формъ, потаенныхъ качествъ* и другихъ вещей этого рода *."

Многочисленныя опытыя изслѣдованія самого Декарта относятся преимущественно къ области оптики и анатоміи. Когда одинъ дворянинъ посѣтившій въ 1645 году Декарта, просилъ показать ему бібліотеку философа, Декартъ указалъ ему на трупъ теленка, который обирали анатомировать ** (Baillet, abrégé, стр. 236). Въ предисловіи къ *Началамъ философіи*, *** Декартъ говоритъ что онъ, не ограничиваясь изложеннымъ, отважился бы исполнить весь свой планъ и дать, руководствуясь своимъ методомъ, полную систему природы, со включеніемъ ученія о минералахъ, растеніяхъ, животныхъ и человѣка,—еслибы „имѣлъ удобство произвести всѣ опыты въ коихъ представится нужда для подкрѣпленія и оправданія соображеній. Но для этого потребны такія значительныя издержки на какія не хватитъ средствъ частнаго какъ я человѣка, если онъ не получитъ общественной помощи. Не вижу чтобъ я могъ разчитывать

* „Неразумно посему“, прибавляетъ Декартъ, „со стороны изучающихъ эти мнѣнія, недостоверныя по ихъ собственному призванію, питать столько ненависти и зависти къ стремящимся найти что-нибудь болѣе достойное. Конечно, въ дѣлѣ религіи всякая попытка новизны ненавистна: каждый вѣрять что его религія установлена самимъ Богомъ который не можетъ ошибаться; следовательно здѣсь всякая перемѣна можетъ-быть только къ худу. Въ философіи совсѣмъ другое: всѣ сознаются что человѣкъ имѣетъ въ ней еще весьма несовершенныя познанія, подлежащія многимъ усовершенствованіямъ. Здѣсь, следовательно, славно стать въ ряды новаторовъ.“ (Oeuvr. XI, 25. *Письмо къ Воуцию*).

** Въ Парижѣ ходили слухи объ анатомическихъ занятіяхъ Декарта и его обвиняли, какъ писалъ ему въ 1639 году отецъ Мерсенъ, что ходитъ по деревнямъ смотрѣть какъ убиваютъ свиней. „Ихъ больше бьютъ въ городахъ чѣмъ въ деревняхъ куда я никогда не ходилъ съ этою цѣлю,“ писалъ въ отвѣтъ Декартъ (Oeuvr. VIII, 174). „Но, какъ вы имѣете, не преступаюше быть любопытнымъ въ анатоміи. Зимомъ въ Амстердамѣ я почти каждый день ходилъ на бойню смотрѣть какъ убиваютъ животныхъ и приносилъ домой части которыя желалъ ближе анатомировать. Я дѣлалъ это много разъ всюду гдѣ бывалъ и не думаю чтобы какой-нибудь разумный человѣкъ мена за то похулацъ.“

*** Oeuvr. publ. par Aimé Martin, стр. 279.

на такую помощь и потому думаю что долженъ напередъ ограничиться занятіями для личнаго моего наученія. Потомство проститъ если отвынѣ не буду болѣе работать для него.“ Въ началѣ книги *О страстяхъ души* помѣщено письмо неизвѣстнаго лица къ Декарту такъ входящее въ виды и желанія философа что, печатая письмо это, онъ оговаривается не подумали бы что оно писано по соглашенію. Авторъ письма настаиваетъ чтобы Декартъ не оставлялъ плана указаннаго въ предисловіе къ *Началамъ* и надѣется что „лица имѣющія въ рукахъ общественныя средства не откажутъ придти къ нему на помощь, если только онъ самъ настойчиво будетъ распространять свои идеи“. „Большинство людей“,—говоритъ авторъ письма, очевидно высказывая и мысль Декарта,—„не дадутъ себѣ отчета, какъ необходимы опыты и какихъ издержекъ они требуютъ. Тѣ кто предпринимаютъ трактовать о природѣ не выходя изъ кабинета и не обращая глазъ никуда кромѣ какъ въ книги, могутъ сказать какъ желали бы они чтобы міръ былъ созданъ есаибы Богъ поручилъ это имъ, то-есть могутъ написать химеры... но не могутъ,—развѣ если имѣютъ умъ по истинѣ божескій,—составить истинной идеи о вещахъ. И хотя вашъ методъ общаетъ все на что умъ человѣческой можетъ надѣяться въ исканіи научной истины, онъ однако не учитъ угадывать, а только выводить изъ данныхъ вещей всѣ истины какія могутъ въ нихъ содержаться; а эти данныя вещи въ физикѣ суть не иное что какъ опыты.“

5) Декартъ исключаетъ изъ своей философіи природы всякое раасмотрѣніе конечныхъ причинъ и цѣлей. „Мы совершенно удаляемъ изъ нашей философіи“, говоритъ онъ въ своихъ *Началахъ* (Part. I, § 28) „изысканіе конечныхъ причинъ; мы не должны брать на себя такъ много: думать что Богъ хотѣлъ ввести насъ въ свои совѣты.“

XX.

Намъ случилось уже упомянуть объ отношеніи философіи Декарта къ богословію и о томъ настойчивомъ выдѣленіи предметовъ вѣры и откровенія изъ философской области, какого постоянно держался Декартъ. Смѣлый и вмѣстѣ осторожный (иронически названный врагами *simul audax et pusil-*

знаніи), Декартъ, заявляя права разума на исканіе истины его естественнымъ свѣтомъ, критеріемъ истины полагая очевидность, хорошо вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ возможность столкновенія добытаго разумомъ съ преподаваемымъ вѣрой. Духовный авторитетъ, подвластный въ ту эпоху, гордый со- знаніемъ обладаемой истины, смотрѣвшій на философію какъ на служительницу богословія (*ancilla theologiae*) былъ го- товъ покарать всякую попытку свободомыслія. Смѣлые умы неудержимо стремившіеся пролагать новые пути были и до Декарта, но ихъ усилія имѣли характеръ возстанія и оканчивались обыкновенно гибелью. Не то видимъ въ судь- бѣ ученія Декарта. Философъ предпринявшій перестройку всего зданія современной ему науки имѣлъ долго за себя и Римъ, и Сорбонну, и если потомъ картезіанство должно было выдержать борьбу, подвергаться осужденіямъ, то это было естественнымъ послѣдствіемъ сопротивленія со стороны вытѣсняемой „старой философіи“ и кончалось побѣдою „но- вой“. Было бы несправедливо видѣть въ отношеніяхъ въ какія Декартъ ставилъ свою философію къ богословію разчетъ; въ религиозной локорности философа подозрѣ- вать маску вѣрующаго какъ нѣкоторые враги его, ста- равшіеся обличать его ученіе какъ замаскированный будто бы атеизмъ. Религиозность Декарта была вполнѣ искренняя (королева Христина свое обращеніе въ католицизмъ при- писывала послѣ Бога болѣе всего бесѣдамъ съ Декартомъ), а отношенія его философіи къ богословію вытекали изъ са- мой ея сущности. Принявъ источникомъ знанія размышле- ніе вспомошествоваемое олытомъ, а критеріемъ истины ея очевидность, Декартъ прежде всего,—въ убѣжденіи что истина одна,—стремился въ естественномъ свѣтѣ разума найти оправданія основъ религіи—бытія Божія и само- стоятельности духовнаго начала человѣка. Найдя доказа- тельства казавшіяся ему имѣющими математическую неопро- вержимость и убѣждающими „что нѣтъ въ мірѣ ничего само собою болѣе очевиднаго и вѣрнаго какъ существованіе Бога и человеческой души“ (VIII, 157),—онъ съ большимъ само- удовлетвореніемъ видѣлъ въ этомъ сильный доводъ въ поль- зу пригодности своего метода. Но затѣмъ все касающееся Божества онъ поднималъ въ такую область къ которой раз- умъ не имѣетъ доступа какъ къ стоящей безконечно выше нашего разумѣнія. Онъ настойчиво рекомендовалъ „не

товать Безконечнаго такъ какъ будто бы нашъ умъ былъ выше его и могъ познать его свойства". (Baillet, I, 506). Декартъ различаетъ безграничное отъ безконечнаго, непостижимое отъ неизвѣстнаго; вселенная для него безгранична, ибо воображеніемъ нельзя представить себѣ границу пространства, но онъ не рѣшается назвать ее безконечною, считая этотъ атрибутъ несоизмѣримымъ съ нашимъ разумѣваемъ и относящимся въ область выше разума стоящихъ непостижимостей. „Бытіе Божіе“, пишетъ Декартъ (VI, 132) къ отцу Мерсемену, „есть первая и наиболѣе вѣчная истина изъ всѣхъ истинъ какія могутъ быть, единая отъ коей исходятъ всѣ другія. Ошибочныя объ этомъ сужденія объясняются тѣмъ что большинство людей не рассматриваютъ Бога какъ существо безконечное и непостижимое, единаго Творца, отъ котораго зависятъ всѣ вещи, но останавливаются на словахъ Его имени и считаютъ достаточнымъ знать что Богъ тоже значитъ что по-латыни *Deus* и что Ему поклоняются люди. Не имѣющіе мыслей болѣе возвышенныхъ чѣмъ эти легко могутъ власть въ атеизмъ, и изъ того что они легко понимаютъ математическія истины, а существованіе Божества постичь не могутъ, не удивительно если не вѣрятъ чтобъ истины сіи отъ Него зависѣли. Но они должны бы напротивъ изъ того что Богъ есть причина, могущество коей превышаетъ предѣлъ человеческого разумѣнья, тогда какъ необходимость этихъ истинъ его не превышаетъ нашего знанія, заключить что истины эти суть нѣчто высшее, подчиненное этой непостижимой мощи. То что вы говорили о происхожденіи Слова (*production du Verbe*) не противорѣчитъ сказанному мною. Но я не хочу мѣшаться въ теологию; боюсь даже не подумали бы вы что философія моя слишкомъ вольнодумничаетъ, осмѣливается давать мнѣнія о столь возвышенныхъ предметахъ.“ Мотивъ осторожности не былъ, впрочемъ, чуждъ уклоненію Декарта отъ разбора теологическихъ вопросовъ. Когда Арно спрашивалъ въ письмѣ его о пресуществованіи; онъ отвѣчалъ что охотнѣе войдетъ объ этомъ въ устныя сужденія. На повторенную просьбу не далъ отвѣта. Декартъ зналъ какъ легко на этомъ пути подвергнуться обвиненію въ ереси, и не вступалъ на него, хотя утверждалъ что нѣтъ философіи болѣе его согласной съ догматами католической церкви.

XXI.

Любопытную характеристику своей философіи сравнительно съ преподававшюся въ школахъ Декартъ сдѣлалъ самъ въ письмѣ къ отцу Дюне (*Oeuvr.* IX, 26). Приведемъ эту характеристику вполнѣ.

„*Можетъ-быть скажутъ, и повидимому' не безъ основанія, что трудно ждать чтобы истина была именно въ новой приготавливаемой мною философіи: вѣроятно ли чтобы я одинъ видѣлъ яснѣе чѣмъ безчисленное множество покусившихся въ мірѣ людей сѣдовавшихъ мнѣніямъ обыкновенно принятымъ въ школахъ; что пути посвящаемые и извѣстные всегда вѣрнѣе новыхъ и неизвѣстныхъ, особенно при нашемъ богословіи, съ коимъ, какъ показываетъ опытъ многихъ лѣтъ, хорошо соглашается старая и общепринятая философія и неизвѣстно будетъ ли согласоваться новая. Потому нѣкоторые поддерживаютъ что надо какъ можно раньше помѣшать ея обнародованію и затушить ее прежде чѣмъ появится, изъ опасенія чтобы она, прельщая новизною невѣжественную толпу, не нарушила мира и покоя въ школахъ и не внесла бы новыхъ ересей въ церковь. На это отвѣчу что во истинѣ ничѣмъ не превозмошусь, и не думаю чтобы видѣлъ яснѣе другихъ, но что, мнѣ много, можетъ-быть, послужило то обстоятельство что не полагаюсь на собственный талантъ, я всегда сѣдовалъ путями самыми простыми и легкими, и не должно много удивляться что сѣдуя по такимъ легкимъ, всѣмъ открытымъ дорогамъ я, быть-можетъ, продвинулся дальше чѣмъ сѣдали со всѣмъ ихъ умомъ тѣ кои шли по дорогамъ труднымъ и непроходимымъ. Прибаваю что вовсе не хочу чтобы вѣрили мнѣ на слово касательно истины сообщаемого мною, но желаю чтобы судили о томъ по опытамъ какіе я обнародовалъ уже: въ нихъ я трактовалъ не одинъ или два вопроса, но болѣе шестисотъ, прежде меня никѣмъ такъ еще не объясненныхъ. И хотя многіе косо смотрѣли на мои писанія и вслѣдствіи старались ихъ опровергнуть, но, сколько знаю, ничего въ нихъ не нашли кромѣ правды. Пусть перечислятъ всѣ вопросы которые въ теченіе вѣковъ при другихъ философіяхъ были лежачью ихъ разрѣшены, тогда*

быть-можетъ удивятся что и число ихъ не такъ велико и не такъ они знамениты (ni si célèbres) какъ содержащіяся въ въ моихъ олытахъ.

„Смыло скажу еще болѣе: по принципамъ перипатетической философіи не было никогда ни для одного вопроса даво такого рѣшенія сложность и неприложимость котораго нельзя было бы доказать. Пусть сдѣлаютъ пробу: пусть предложить мнѣ не всё,—ибо не почитаю ихъ стоящими большой траты времени,—а нѣкоторые, лучшіе и знаменитѣйшіе, я смѣю обѣщать что не будетъ человѣка который не убѣдился бы въ истинѣ того что я говорю. Только предупреждаю, дабы устранилъ всякіе уловленія и слоры, что, говоря о началахъ перипатетической философіи въ частности, я не имѣю въ виду вопросовъ, коихъ рѣшенія выводятся прямо изъ опыта общаго всѣмъ людямъ, или изъ разсмотрѣнія фигуръ и движеній, что принадлежитъ математикѣ, или изъ общихъ метафизическихъ понятій принимаемыхъ всѣми здравомыслящими людьми, кои и я допускаю также какъ и все зависящее отъ опыта, фигуръ и движеній, какъ явствуетъ изъ моихъ размышленій.

„Скажу еще, хотя это можетъ показаться парадоксальнымъ, что въ перипатетической философіи, въ тѣсномъ ея смыслѣ, нѣтъ ничего что не было бы ново, и что, напротивъ, въ моей нѣтъ ничего что не было бы старо; ибо, касательно началъ, я принимаю только тѣ кои извѣстны и допускаются всѣми философами и потому суть древнѣйшія изъ всѣхъ; а выводимое затѣмъ столь явственно, какъ я показываю, заключается въ этихъ началахъ что является также очень древнимъ, какъ запечатанное самою природою въ нашихъ умахъ. Совсѣмъ напротивъ начала общераспространенной философіи, по крайней мѣрѣ если взять ихъ съ того времени какъ изобрѣтены Аристотелемъ и другими, новы и не должны быть почитаемы лучшими вышѣ чѣмъ были тогда; изъ нихъ доселѣ не выводили ничего что не было бы оспариваемо и, согласно школьному обычаю, не подвергалось бы измѣненію со стороны берущихся преподавать философію, и что сдѣловательно не было бы новымъ, ибо его всякій день возобновляютъ.

„Что касается богословія, то такъ какъ одна истина не можетъ никогда противорѣчить другой истинѣ, то было бы въ нѣкоторомъ родѣ нечестіемъ страшиться не были бы

истины открываемыя въ философіи противны истинамъ вѣры. Я даже смѣло утверждаю что наша религія не учитъ насъ ничему что не могло бы быть съ такою же и даже болѣею легкостью объяснено по моимъ началамъ чѣмъ по общепринятымъ; и, мнѣ кажется, я даже далъ довольно хорошее тому доказательство въ ко вѣдъ отвѣта на четвертое возраженіе, по вопросу относительно котораго обыкновенно наиболѣе встрѣчается затрудненія для согласованія философіи съ богословіемъ. И я былъ бы готовъ сдѣлать, буде нужно, то же по отношенію ко всѣмъ другимъ вопросамъ, а также показать что, напротивъ того, въ общепринятой философіи есть много вещей, не согласимыхъ съ признанными въ богословіи, хотя обыкновенно послѣдователи этой философіи это скрываютъ или не замѣчаютъ по причинѣ долгой привычки.

„Не должно также бояться чтобы мои мнѣнія получили слишкомъ большое распространеніе и ихъ новизной привлекли къ себѣ невѣжественную толпу; опытъ показываетъ, напротивъ, что они получили одобреніе лишь отъ наиболѣе свѣдущихъ; а такъ какъ привлекаетъ таковыхъ можно только силой истины, а не прельщеніями новизны, то нечего, кажется, бояться чтобы мнѣнія мои получили слишкомъ большое распространеніе.

„Наконецъ, нечего бояться и того чтобъ они нарушили миръ въ школахъ. Напротивъ, тогда какъ телерь философы находятся въ непрестанной войнѣ между собою, нѣтъ лучшаго средства возстановить между ними миръ и съ корнемъ вырвать ереси раждающіяся ежедневно изъ ихъ споровъ, какъ заставивъ ихъ принять въ ихъ школахъ такіа мнѣнія которыя истинны, какъ я то доказалъ относительно моихъ. Легкость въ пониманіи таковыхъ и несомнѣнность вытекающая изъ ихъ очевидности отвяли бы всякій поводъ къ ослариванію и диспутамъ.

„Изъ всего этого явствуетъ что тѣ кои съ такимъ усердіемъ стараются отворотить другихъ отъ знакомства съ моими мнѣніями дѣйствуютъ не по другой какой причинѣ какъ изъ того что, считая мнѣнія мои слишкомъ очевидными и слишкомъ несомнѣнными, бояться чтобы мнѣнія эти не уменьшили ту суетную репутацію ученыхъ людей какую они приобрѣли знакомствомъ съ другими мнѣніями, мнѣе вѣроятными.“

XXII.

Въ теченіе своего почти двадцатилѣтняго пребыванія въ Голландіи Декартъ трижды ѣздилъ во Францію. Первое путешествіе, чрезъ четырнадцать лѣтъ отсутствія, было предпринято въ 1644 году и продолжалось съ іюня до ноября. Чрезъ три года, въ 1647 году, Декартъ вновь отправился на родину, имѣя въ виду устройство своихъ частныхъ дѣлъ, видѣлся съ друзьями и нежданно узналъ о назначеніи ему, по представленію кардинала-министра, отъ короля пенсіи въ 3.000 ливровъ, во вниманіе „къ его великимъ заслугамъ и пользѣ, принесенной человечеству его философіей и его многолѣтними научными изслѣдованіями“ и также съ цѣлію „оказать помощь для продолженія его прекрасныхъ опытовъ требующихъ издержекъ.“ Пенсію, впрочемъ, какъ сейчасъ увидимъ, остался на бумагѣ. По возвращеніи въ Голландію, едва прошла зима, Декартъ получилъ приглашеніе, почти приказаніе, идущее какъ бы отъ самого короля, съ самымъ лестнымъ предложеніемъ—вернуться во Францію. Декартъ повиновался приглашенію и въ маѣ 1648 года прибылъ въ Парижъ. Онъ нашелъ столицу объятую смутами и встрѣтилъ полное разочарованіе своихъ надеждъ.*

Въ послѣдствіи, въ письмѣ къ своему другу Шаю, французскому уполномоченному въ Швецію, приглашавшему его отъ имени королевы Христіны прибыть въ Стокгольмъ, Декартъ съ ироніей вспоминалъ о неудачахъ своихъ поѣздокъ во Францію, особенно третьей. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, (*Oeuvr. X, 323*) судьба злится на меня за то что я никогда не хотѣлъ ждать отъ нея чего-либо и старался направлять свой жизненный путь такъ

* Въ 1640 году Декартъ и его другъ Мидоржъ получили чрезъ посредство и ходатайство поклонника Декартовой философіи Кавендиша (*Cavendish*, братъ герцога Ньюкестльскаго) приглашеніе отъ имени короля Карла I переселиться въ Англію. Король, любитель опытовъ, обѣщалъ значительныя суммы въ распоряженіе французскихъ ученыхъ. Начавшіяся въ Англіи смуты разстроили предположенія. Опасаась потерять дорогое спокойствіе, Декартъ остался въ Голландію, Мидоржъ въ Парижъ, сохраняя дружескія сношенія съ Кавендишемъ (*Baillet, abrégé, 160*)

чтобъ она имѣла надо мною наименьше власти: по крайней мѣрѣ она никогда не упускаетъ случая сдѣлать мнѣ не-приятное. Я испыталъ это въ три путешествія во Францію какія предпринималъ съ тѣхъ поръ какъ поселился въ здѣшней странѣ, въ особенности въ послѣднее въ которое меня пригласили какъ бы отъ имени короля. Чтобы побудить меня къ тому, мнѣ были высланы грамоты на пергаментѣ, съ приложеніемъ печати, и въ нихъ заключались похвалы выше моихъ заслугъ и пожалованіе довольно значительнаго пенсіона; въ частныхъ же письмахъ сопровождавшихъ грамоту мнѣ обѣщалось еще гораздо большее какъ только прибуду. Но когда я пріѣхалъ неожиданно возникшія смуты сдѣлали то что я не только не получалъ ничего изъ обѣщаннаго, но и долженъ былъ улатить одному изъ моихъ близкихъ взятое съ него за высылку мнѣ грамоты: и вышло что я ѣздилъ въ Парижъ какъ бы для того чтобы купить листъ пергамента, самый дорогой и самый бесполезный какой только бывалъ въ моихъ рукахъ. Это бы ничего: я приписалъ бы неудачу неблагопріятному стеченію обстоятельствъ въ государствѣ и былъ бы удовлетворенъ еслибы видѣлъ что путешествіе мое послужило хоть для чего-нибудь тѣмъ кои меня вызывали. Но особенно противно было мнѣ, что никто не обнаружилъ желанія ознакомиться во мнѣ съ чѣмъ-нибудь кромѣ моего лица; приходилось думать что они хотѣли видѣть меня во Франціи какъ слона или пантеру, — по причинѣ рѣдкости, а не для какой-либо пользы.“

XXIII.

Въ первыхъ числахъ сентября 1649 года Декартъ предпринялъ дальнее путешествіе изъ котораго ему не суждено уже было вернуться. Шведская королева была въ то время на головѣ молодой дѣвушки-философа, продолжавшей учиться и на тронѣ. Королева Христина одна изъ рѣзко выдѣляющихся фигуръ своего времени. Своеобразная во всемъ она вела самую оригинальную жизнь. Спала, говоритъ біографъ, не болѣе пяти часовъ въ ночь, одѣвалась въ четверть часа. Гребень и конецъ лентъ составляли весь ея головной уборъ. Волосы въ свободномъ безпорядкѣ не дурно шли къ ея лицу о которомъ она не предлагала впрочемъ никакой заботы.

Ни при вѣтрѣ ни при дождѣ, ни въ городѣ ни въ деревнѣ не носила шляпки; только на лошади для защиты отъ непогодъ надѣвала шляпу съ перьями. Въ такой шляпѣ, одѣтая въ венгерку, съ небольшимъ отложнымъ воротникомъ какъ у мушкетера, она почти не сохраняла признаковъ своего пола.

Имя Декарта и его труды были извѣстны королевѣ. Бесѣды съ Шаяю, другомъ и послѣдователемъ Декарта, увеличили ея уваженіе къ французскому философу. „Г. Декартъ“, говорила она Шаяю, „насколько могу судить по его сочиненію (*О любви*, письмо къ Шаяю, 1647 г.) и по тому какъ вы мнѣ его рисуете, счастливѣйшій изъ людей; его положеніе, мнѣ кажется, достойнымъ зависти. Вы мнѣ доставите удовольствіе увидѣвъ его въ моемъ великомъ уваженіи.“ *

Будучи въ Улсалѣ ** въ университетѣ, королева пожелала слышать тамошняго профессора краснорѣчія пользовавшагося извѣстностью, и дала ему тему „какое высшее благо въ сей жизни“ (*le souverain bien de cette vie*). Выслушавъ, она сказала что ораторъ лишь коснулся предмета и высказала желаніе узнать мнѣнія объ этомъ предметѣ Декарта. Декартъ прислалъ отвѣтъ въ формѣ письма на имя Шаяю и развивалъ мысль что высшая благо есть (*Oeuvr.*, X, 61) „твердая воля дѣлать хорошо и удовлетвореніе которое оттого происходитъ“. Это было въ ноябрѣ 1647 года Королева почтала Декарта собственноручнымъ письмомъ на которое философъ отвѣчалъ: „Еслибы было прислано ко мнѣ письмо съ неба и я видѣлъ какъ оно спускается съ облаковъ, я не болѣе былъ бы увлеченъ и принялъ бы его не съ бѣльшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ какъ письмо какому вашему величеству угодно было меня удостоить“ (X, 311).

Не ограничиваясь заочными сношеніями, королева возымѣла мысль пригласить Декарта въ Стокгольмъ и, если удастся, удержать его при себѣ. Шаяю передалъ приглашеніе королевы и уговаривалъ Декарта ему повиноваться. „Я такъ вѣрю вашимъ словамъ“, писалъ Декартъ (31го марта 1648 г.) „и вы мнѣ изобразили характеръ

* Baillet, abrégé, 247.

** Письмо Декарта къ принцессѣ Елисаветѣ 1647, *Oeuvr.* X, 67.

королевы и ея умъ которому я удивляюсь и который такъ высоко уважаю, въ такихъ чертахъ, что будь она и не на ея высокой чредѣ, а простою смертною (*d'une pais-sance commune*) я, еслибы смѣлъ надѣяться что мое путеше-ствие будетъ ей полезно, съ охотою предпринялъ бы и болѣе длинное и болѣе трудное чѣмъ поѣздка въ Швецію, дабы имѣть честь предложить ей все чѣмъ могу содѣйстви-вать удовлетворенію ея желанія. Но опытъ показалъ мнѣ что даже между людьми очель умными и обнаруживающими большую жажду знанія, очель мало такихъ которые могли бы найтн досугъ (*se puissent donner le loisir*) войти въ мои мысли; могу ли надѣяться того отъ королевы имѣющей такое множество другихъ занятій. Опытъ показывалъ мнѣ также что въ началѣ мои мнѣнія озадачиваютъ, какъ нѣчто рѣзко отаичное отъ общепринятаго, но затѣмъ ихъ нахо-дать столь простыми, столь согласными съ элементарнымъ здравымъ смысломъ что не только перестаютъ имѣть удив-ляться, но и перестаютъ давать имъ значеніе: ибо въ при-родѣ человека почитать лишь то что оставляетъ по себѣ удивленіе и чѣмъ они не вполнѣ обладаютъ. Такимъ обра-зомъ, напримѣръ, хотя здоровье величайшее изъ всѣхъ благъ касающихся тѣла, но мы наименѣе о немъ думаемъ и наименѣе чувствуемъ отъ него наслажденія. Познаніе истины есть тоже здоровье души: когда ею обладаемъ, о ней болѣе не думаемъ. И хотя я ничего такъ не желаю какъ сообщить открыто и безмездно все то немногое что, кажется мнѣ, знаю,—не встрѣчаю почти никого кто бы хотѣлъ это узнать. За то хвастающіеся разными секретами какіе будто бы знаютъ въ химіи, напримѣръ, или астроло-гіи (*astrologie judiciaire*) всегда находятъ, какъ бы невѣже-ственными и наглы на были, любопытныхъ готовыхъ дорого купить ихъ обманъ.“ Разказавъ далѣе о неудачахъ своихъ поѣздокъ во Францію, гдѣ на него смотрѣли какъ на рѣд-костнаго звѣря (мѣсто это приведено выше), Декартъ про-должаетъ: „Ничего подобнаго я не думаю о мѣстѣ гдѣ вы находитесь, но плохая удача всѣхъ поѣздокъ, какія я пред-принималъ въ эти двадцать лѣтъ, заставляетъ меня боить-ся не выпало бы на долю новой — быть мнѣ ограбленнымъ разбойниками или лишиться жизни въ кораблекрушеніи. Впрочемъ и это меня не удержитъ, если вы думаете что несравненная королева продолжаетъ желать ближе ознако-

миться съ мощи мѣтнями и имѣть къ тому досугъ; а буду въ восторгѣ отъ счастья имѣть возможность оказать ей услугу. Но если это не такъ, если это было только нѣкоторое любопытство, теперь прошедшее, то умоляю и заключаю васъ сдѣлать такъ чтобы, не возбуждая ея неудовольствія, я бы могъ освободиться отъ этого путешествія.“

Наконецъ Декартъ рѣшился и пишетъ къ Шавю болѣе веселое посланіе: „Не найдено страннымъ что Улиссъ покинулъ очарованные острова Калипсо и Цирцея гдѣ могъ вкушать всяческія наслажденія и пренебрегъ лѣніемъ сирень чтобъ отправиться въ каменистую безплодную страну, ибо эта страна была его родина. Но, признаюсь, человѣкъ рожденный въ садахъ Турени, живущій ямѣ въ странѣ гдѣ если и не столько меда сколько въ землѣ Богомъ обѣтованной Израильтянамъ, во млека, чайтельно, больше—не такъ легко можетъ рѣшиться покинуть ее чтобы переселиться въ страну медвѣдей, межъ скалъ и льдовъ. Но такъ какъ и эта страна обитается людьми, и королева, ихъ повелительница, одна имѣетъ болѣе знаній и разумѣнія чѣмъ всѣ ученые монастырей и коллегій, возвращенныхъ плодомосіемъ странъ гдѣ я жилъ,—то я прихожу къ убѣжденію что красота мѣста не необходима для мудрости и что люди не сходны съ деревьями которыя плохо растутъ будучи пересажены въ почву свѣта болѣе тощую чѣмъ та гдѣ они были посѣяны. Вы скажете что я отвѣчаю вамъ выдумками и баснями на серіозныя сообщенія вами мнѣ сдѣланныя, но мое удивленіе теперь не производитъ лучшихъ плодовъ, а удовольствіе ощущаемое мною, ибо знаю что Франція избѣгла крушенія въ великую пережитую ею бурю, такъ овладѣло моимъ разсудкомъ что не могу говорить серіозно.“

XXIV.

Декартъ прибылъ въ Швецію въ началѣ октября 1649 года и остановился въ домѣ Шавю (самъ Шавю находился во Франціи, собираясь воротиться къ своему посту въ званіи послаанника; они условивались выѣхать вмѣстѣ, но Декартъ послѣдилъ, опасаясь зимняго путешествія). Королева облакала его, просила давать ей уроки философіи. Для философскихъ бесѣдъ она назначила равній часъ, когда голова

еще свѣжа и дѣловыя занятія не наступили, и Декартъ долженъ былъ въ пять часовъ утра являться въ библіотеку королевы. Въ первое время, впрочемъ, при дворѣ было не до философскихъ занятій: происходилъ рядъ празднествъ по случаю Мюнстерскаго мира. Королева желала чтобы Декартъ участвовалъ во всѣхъ празднествахъ. „Вида что не можеть уговорить танцовать балетъ, убѣдила сочинить по крайней мѣрѣ французскіе стихи для бала.“ Декартъ кромѣ того написалъ небольшую французскую комедію. Придворные видѣвшіе въ привѣтъ Декарта одну царскую заступу, косо смотрѣли на прибывшаго философа, опасаясь его вліянія на дѣла. Декартъ старался держать себя сколь можно осторожно, и даже когда королева предложила ему составить лаванъ ученой академіи, онъ, чтобы не раздражать мѣстныхъ самолюбій, въ числѣ первыхъ параграфовъ поставилъ что иностранцы не могутъ быть ея дѣйствительными членами (тогда какъ королева именно его имѣла въ виду для званія президента).

Когда прибылъ Шаю, королева повела рѣчь о томъ какъ бы навсегда удержать Декарта въ Швеціи и имѣла въ виду подарить ему значительное имѣнье въ южной части мѣстностей приобрѣтательныхъ по Мюнстерскому миру и назначила содержаніе въ три тысячи экю. Но судьба рѣшила иначе. Прибывшій Шаю сильно захворалъ, Декартъ не отходилъ отъ его постели, и въ то же время къ пяти часамъ утра отправлялся во дворецъ для бесѣды съ королевою. Время стояло особенно холодное, и непривычный еще къ сѣверному климату Декартъ скоро самъ слегъ въ постель. Обнаружилось воспаленіе легкихъ, и черезъ девять дней, 11го февраля 1650 года, въ четыре часа утра, Декарта не стало. Онъ скончался на пятьдесятъ четвертомъ году своей жизни. Королева хотѣла похоронить тѣло философа между королевскими могилами, но религиозныя соображенія тому воспрепятствовали. Декартъ былъ скромно похороненъ на католическомъ кладбищѣ. Надъ могилой былъ поставленъ памятникъ. Считаемо не лишнимъ привести оцѣвныя на немъ надписи выражающія въ сжатой формѣ восторженную оцѣнку преданныхъ современниковъ.

На одной сторонѣ значилось (Baillet, II, 490).

Renatus Des-Cartes, Perronii Dominus etc.

Ex antiqua et nobili inter Armoricos et Pictones gente

9°

In Gallia natus
 Accepta quantacumque in scholis tradebatur eruditione
 Expectatione sua votisque minore,
 Ad militiam per Germaniam et Pannoniam adolescens
 profectus
 Et in otis hibernis naturae mysteria componens cum
 legibus matheseos
 Utriusque arcana eadem clavi reserari posse
 Ausus est sperare;
 Et omissis fortuitorum studiis
 In villula solitarius prope Egmondam in Hollandiâ
 Assidua viginti circiter annorum meditatione auso potitus
 est.

Hinc orbi toto celeberrimus
 A Rege suo conditionibus honorificis evocatus,
 Redierat ad contemplationis delicias;
 Unde avulsus admiratione Maximæ Reginae
 Quae, quidquid ubique excellit suum fecit,
 Grattissimus advenit; serio est auditus, et defletus
 obiit.*

На другої сторонѣ стояло:

Noverint posteri
 Qualis vixerit Renatus Des-Cartes
 Ut ejus doctrinam olim suspiciens mores imitentur.
 Post instauratam a fundamentis philosophiam,
 Apertam ad penetralia naturae mortalibus viam
 Novam, certam, solidam,
 Hoc unum reliquit incertum:
 Major in eo modestia esset an scientia.
 Quae vera scivit, veracunde affirmavit,
 Falsa non contentionibus, sed vero admoto refutavit.

* Ренатъ Декартъ господинокъ Перрона и проч. изъ древняго и знатнаго между Армориками и Пиктонами рода, въ Галліи рожденный, изучивъ все что преподавалось въ школахъ, но узнавъ немале чѣмъ ожидалъ и надѣялся, юношей отправился, въ военномъ званіи, черезъ Германію и Паннонію; и во время зимнихъ стоянокъ сопоставляя таинства природы съ математическими законами, тѣмъ же ключомъ отпереть тайны той и другой области дерзнулъ надѣяться. Тогда, оставивъ заботы о житейскихъ удачахъ, въ удивленіи небольшой виллы близъ Эгмонда въ Голландіи въ продолженіе двадцати почти лѣтъ предался размышленію. Отсюда сталъ славенъ во всемъ мірѣ. Король его своимъ вызванный на почетнѣйшихъ условіяхъ, снова возвратился къ любимымъ размышленіямъ. Затѣмъ оторванный отъ нихъ удивленіемъ великой королевы, которая дѣлала своимъ все что гдѣ-либо славилось, съ благодарностью пребылъ, часто бывъ выслаживаемъ и ослѣпленнымъ скончался.

Nullius antiquorum obtreator, nemini viventium gravis,
Invidorum criminationes pugnavit innocentiam morum;
Injuriarum negligens, amicitiae tenax.

Quod summum tandem est:

Ita per creaturarum gradus ad Creatorem est conatus,
Ut opportunus Christo Gratiae Auctori in avitâ reli-
gione quiesceret.

I nunc, viator, et cogita
Quanta fuerit Christina et qualis aula,
Cui mores isti placuerunt. *

Въ Голландiи была выбита медаль въ честь покойнаго. Королева Христиана чрезъ нѣсколько лѣтъ отказалась отъ трона и приняла католицизмъ. Обращенiе приписывали бѣсѣдамъ съ Шаю и Декартомъ.

XXV.

Черезъ шестнадцать лѣтъ, въ 1666 году, тѣло Декарта усердiемъ его друзей было перевезено во Францiю. До Копенгагена везли моремъ; матросы роптали опасаясь не накликало бы несчастiя присутствiе на борту мертваго тѣла. Въ Копенгагенѣ тѣло пробыло три мѣсяца; гробъ задѣлали въ ящикъ которому придали видъ обыкновенной посылки дабы предупредить новыя проявленiя суевѣрiй. Тѣло было отправлено сухимъ путемъ. „Моремъ“, замѣчаетъ биографъ, „не отправили, боясь чтобы тѣло не попало въ руки Англичанъ, между которыми Декартъ уже имѣлъ безчисленное множество поклонниковъ: они бы его не отдали и воздвигли бы ему великолѣпный мавзолей въ ихъ странѣ подъ предлогомъ

* Да знаютъ потомки каковъ былъ Ренать Декартъ. Пусть и несогласный съ его ученiемъ подражаетъ его нравственности. Безстановивъ съ основанiя философию, открывъ смертнымъ къ провикновенiю природы путь новый, вѣрный, прочный, оное оставилъ неизвѣстнымъ: скромности въ немъ было болѣе или знанiя. Чтò зналъ истиннымъ, то скромно утверждалъ, ложное отрицалъ не споря и правильно доказывая; не порицалъ никого изъ древнихъ, не былъ тяжелъ никому изъ живыхъ, завистниковъ обличалъ чистотою нравовъ, не обращалъ вниманiя на несправедливости, свято хранилъ дружбу. И чтò главное: такъ по ступенямъ тварей стремился къ Творцу что нашелъ покой въ религи предковъ чрезъ Христа, источника благодати. Иди, путникъ, и обдумай какова была Христиана и какова душа у той которой понравилась такой характеръ.

воздвиженія храма философіи.“ Тѣло прибыло во Францію въ январь 1667 года и поставлено въ церкви Святаго Павла, откуда 24 июля, вечеромъ, пышнымъ поѣздомъ (между прочимъ шли съ факелами значительное число нищихъ одѣтыхъ заново въ память усопшаго), перенесено въ церковь Св. Желевьевы, гдѣ на другой день, послѣ торжественнаго богослуженія, и было предано погребенію. Отецъ Аллеманъ приготовилъ надгробное слово, но во время служенія пришелъ приказъ изъ дворца не произносить рѣчей. Картезианская философія была въ періодъ борьбы, и между ученымъ духовенствомъ была значительная партія враждебно относившаяся къ успѣхамъ новаго ученія. Въ 1663 году сочиненія Декарта были даже замеселы въ *Index* запрещенныхъ книгъ римскою конгрегаціей для цензуръ книгъ, хотя и со снисходительною отмѣткою *donec corrigantur* (до исправленія).

А успѣха новой философіи были значительнымъ и шли возраста. Къ концу XVII вѣка философія Декарта не только имѣла множество послѣдователей между учеными, но и въ обществѣ, между свѣтскими людьми и образованными дамами было множество поклонниковъ его идей (какъ можно, между прочимъ, видѣть изъ писемъ гжи де-Севилье). Успѣху въ обществѣ много содѣйствовали яansenисты, — сильная партія враждебная иезуитамъ, которой приверженцы называли себя учениками Святаго Августина и были ревностными послѣдователями ученія Янсена (Jansenius, évêque d'Ypres). „Именно эта господа“, пишетъ отецъ Давіель, „ввели въ моду философію между дамами. Мы писали въ то время изъ Парижа что самое обыкновенное явленіе было усмѣхать на улицахъ сопоставленіе Янсена и Молины, Аристотеля и Декарта.“ Не мало приверженцевъ Декарта было также въ монашеской конгрегаціи ораторіанцевъ (*congrégation des pères de l'Oratoire*). Когда по случаю столкновенія съ членами университета въ Анжерѣ возставшими противъ нѣкоторыхъ картезианскихъ тезисовъ защищавшихся у ораторіанцевъ, генералъ конгрегаціи выдалъ распоряженіе не преподавать новой философіи, появилось *Письмо тѣмъ кто въ ораторіанской конгрегаціи любятъ картезианское ученіе.* * Въ письмѣ значилось: „насъ болѣе двухсотъ

* *Epistola eorum quotquot in Oratoriana congregatione Cartesianam doctrinam amant.*

числомъ одержимыхъ этою язвой^а (*plusquam ducenti numero sumus quos pestis ista infecit*). Тѣмъ же мѣсте, въ 1678 году послѣдовало распоряженіе властей конгрегаціи воспрещавшее держаться въ преподаваніи мѣтвѣй Явсенія въ богословіи и Декарта въ философіи.

Вліяніе Декарта не ограничивалось предѣлами Франціи. Какъ сильно было оно въ Англіи можно судить по тому факту что во время Ньютона физика въ Кембриджѣ преподавалась по курсу Рохо (*Roehault*), приведеннаго физическую систему Декарта въ учебную форму.

XXVI.

Новое ученіе съ его смѣлыми задачами и надеждами естественно вызвало сильное противодѣйствіе. Авторъ *Voyage dans le monde de Descartes* влагаетъ въ уста фантастическаго путешественника встрѣтившагося въ пространствахъ третьяго неба съ душою Декарта, такой разказъ о судьбахъ картезіанскаго ученія по смерти его основателя (183 и 193 стр.).

„Ваша философія“, говоритъ путникъ обращаясь къ Декарту, „какъ вамъ извѣстно, имѣла съ начала выгоды и невыгоды повизвы и испытала судьбу всѣхъ новыхъ ученій. Многія частныя лица приняли ее съ удивленіемъ и поддерживали съ жаромъ. Она нашла патроновъ и покровителей отличавшихся умомъ, способностями и вѣжливостію (*politesse*); но почти всѣ ученныя корпораціи и университеты отвергли ее и объявили себя противъ нея. Каждый дѣйствовалъ, какъ и во всемъ другомъ, согласно собственному интересу. Одни принимали вашу сторону надѣясь чрезъ то обратить на себя вниманіе, другіе осуждали ее ибо боялись уменьшенія кредита. Мотивомъ или предлогомъ тѣхъ и другихъ была любовь къ истинѣ и здравому ученію. Положеніе дѣлъ и теперь * почти то же: однако, если судить по книгамъ философскимъ и медицинскимъ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, картезіанцы сдѣлали большіе успѣхи во всѣхъ этихъ мѣстахъ. Теперь почти не выходитъ курсовъ философіи по школьной методѣ, и почти

* Къ концу XVII вѣка.

всѣ сочиненія этого рода появляющіяся во Франціи суть трактаты физики полагающіе въ основу начала новой философіи. Книжки трактующіе о всеобщемъ, о метафизическихъ ступеняхъ, и пр. лугаютъ книгопродавцевъ, они не хотѣть брать ихъ на свою обузу и стараются отдѣлаться отъ остающихся еще на рукахъ, какъ купцы отъ матерій на которыя прошла мода. Всѣ эти вопросы, нѣкогда столь славные, въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ заставлявшіе трепцать столько ставокъ, занимавшіе столько типографчиковъ, теперь вытѣмъ кромѣ профессоровъ публичныхъ школъ не разбираются. Въ классовъ не говорятъ больше о томистахъ; о скотистахъ, номиналистахъ или по крайней мѣрѣ не различаютъ ихъ болѣе. Всѣхъ ставятъ въ одну категорію и одну партію которую именуютъ старою философіей въ противоположность философіи Декарта или новой.

„Вы имѣли счастье, такъ-сказать, стереть всѣхъ новыхъ философовъ появившихся одновременно съ вами и послѣ васъ. Употребляю сравненіе хотя и взятое отъ весьма ненавистнаго предмета, но которое по отношенію къ вамъ не имѣетъ ничего кромѣ очель дестнаго. Какъ въ Иславіи называютъ лютеранами всѣхъ еретиковъ послѣдняго вѣка къ какой бы сектѣ они ни принадлежали, такъ безразлично называютъ картезіанцами всѣхъ кто послѣ васъ занимается тонкостями въ области физики (*se sont mêlés de raffiner en matière de physique*). Я не разъ встрѣчалъ отважныхъ диспутантовъ среди слора помѣщавшихъ Гассенди въ число вашихъ учениковъ, хотя вы, какъ извѣстно, моложе его нѣсколькими годами; я знаю коллегію гдѣ профессоръ осмѣливающійся говорить о тончайшей матеріи, законахъ движенія, ясности идей, сейчасъ обвиняется въ картезіанствѣ. Впрочемъ, за исключеніемъ курсовъ нѣсколькихъ добродушныхъ монаховъ, которые, съ добрымъ, конечно, намѣреніемъ, но не читавъ васъ, считаютъ долгомъ васъ опровергать, больше уже не въ модѣ называть васъ атеистомъ и выводить заключенія о вашихъ убѣжденіяхъ изъ поставленнаго вами въ началѣ вашей метафизики положенія—*что должно во всемъ сомнѣваться*. Нѣкоторые, однако, изъ очень просвѣщенныхъ людей говорятъ довольно серіозно что обращеніе гугенотовъ, недавно свершившееся во Франціи, отягло у васъ много учениковъ, ибо послѣ того какъ ихъ убѣдили въ дѣйствительномъ присутствіи (*présence réelle*)

тва Христова въ евхаристіи, они увѣрились въ ложности некоторыхъ изъ вашихъ положеній которыя де нельзя согласить съ этою тайной.

„Какъ бы то ни было, всѣ здравомыслящіе и просвѣщенные люди, хотя бы и не были согласны съ вами, отдають вамъ справедливость и воздають хвалу, по моему мнѣнію, весьма не маловажную. Они признають что вы открыли глаза философамъ нашего времени на недостатки въ ихъ способѣ философствованія; вы справедливо поставили имъ въ упрекъ недостатокъ старанія войти въ глубь предметовъ о коихъ они трактовали какъ въ метафизикѣ, такъ и въ физикѣ. Вы указали какъ мало заботились они чтобы достичь самимъ и передать ученикамъ ясныя и раздѣльныя идеи о вещахъ о коихъ они диспутировали; какъ злоупотребляли тонкостями ума прилагая заботы о томъ только чтобы плодить придирки и пустяки, придумывать новыя двусмысленности; болѣе путать чѣмъ распутывать различныя отвлеченныя вопросы которые разумно введены въ школу для упражненія ума учащихся и доставленія имъ случая къ диспуту и соревнованія, но изъ коихъ смѣшно дѣлать основаніе и сущность философіи, обратившейся благодаря тому въ безплодную науку состоящую изъ словъ и терминовъ. Вы указали какъ мало вниманія обращается ими на опытъ, эту мать философіи и въ какую слѣдую зависимость ставить они себя отъ чужихъ мнѣній, часто слабо проникнутыхъ и плохо понятыхъ.

„Могу даже сказать что эти указанія ваши, хотя въ началѣ и съ огорченіемъ приняты, произвели однако свое дѣйствіе. Школьная философія совсѣмъ измѣнила свой видъ въ главныххъ французскихъ коллегіяхъ. Искуснѣйшіе профессора стараются показать себя разборомъ извѣстныхъ труднѣйшихъ вопросовъ съ основательностію, методомъ, вѣрностію и точностію. Они убѣждены что вопросы эти разбираемые такимъ образомъ служатъ болѣе чѣмъ то думаютъ къ образованію молодаго ума, буде онъ къ тому способенъ: дѣлая его болѣе вѣрнымъ, приучая къ точности столь необходимой дабы не ошибаться потомъ въ важныхъ предметахъ, — въ составленіи ряда соображеній въ учебномъ разсужденіи, въ разборѣ математическаго доказательства, истолкованіи физическаго опыта и даже въ дѣлахъ общественнаго и политическаго интереса.

„Съ того времени стали осторожнѣе въ приватіи доводы приводимыхъ какъ доказательство своего мнѣнія. Не такъ легко объявляютъ войну тѣмъ кои выражаются иначе хотя и говорятъ то же самое что мы. Научились сомнѣваться въ нѣкоторыхъ аксіомахъ бывшихъ доселѣ священными и неприкосновенными: присматриваясь ближе иногда находили что онѣ не заслуживаютъ почетнаго наименованія аксіомъ. Потаенныя качества сдѣлались весьма подозрительными и не въ большомъ уже кредитѣ. Боязнь природной пустоты принимается только въ тѣхъ школахъ гдѣ не хотять потратиться чтобы купить нѣсколько стекляннхъ трубокъ и нѣкоторыхъ инструментовъ, очевидно показывающихъ вздорность этого прославленнаго объясненія любознѣтнѣйшихъ и самыхъ необычайныхъ явленій природы. Въ школахъ дѣлаются всякаго рода опыты. Опытъ съ тяжестью воздуха производится на тысячу разныхъ манеръ...“

„Декартъ“, продолжаетъ разсказывающій, „спросилъ меня далѣе на какомъ онъ счету въ университетахъ и наиболѣе славныхъ коллегіяхъ во Франціи, и какъ тамъ смотрятъ на его ученія. Я сказалъ безъ церемоніи что зналъ объ этомъ: что я не знаю ни одной коллегіи гдѣ бы открыто преподавалось его ученіе; въ Парижскомъ университетѣ принимались особыя предосторожности чтобы профессора не позволили себѣ слишкомъ много свободы съ этой стороны; картезіанство было тамъ предметомъ многихъ собраній; мнѣ сказывали что была рѣчь запретить его постановленіемъ парламента, что это было предложено покойному первому президенту де-Ламуаньёну, но что предложеніе не имѣло послѣдствій; что университетъ въ Канѣ (Саён) послѣ Парижскаго наиболѣе процвѣтающій, по крайней мѣрѣ по отношенію къ философіи, въ 1677 году высказался противъ этого ученія и осудилъ его какъ противное здравой теологіи; кто вздумалъ бы его поддерживать такового лишалъ всякой надежды пріобрѣсти какую-либо университетскую степень; воспретилъ имѣющимъ уже степень преподавать его устно и письменно подъ угрозой быть лишенными привилегій и степеней. Университетъ этотъ послѣдовалъ примѣру Анжерскаго, два года прежде выдавшему подобное предписаніе, утвержденное королевскимъ приказомъ (ordonnance de Roi) даннымъ въ Версалѣ въ 1675 году; большинство другихъ университетовъ приняло подобныя же мѣры“.

XXVII.

Домогательство богослововъ и медиковъ Парижскаго университета осудить ученіе Декарта парламентскимъ постановленіемъ было остановлено орудіемъ сильнымъ вообще и особенно сильнымъ во Франціи—орудіемъ насмѣшки. Известнымъ поэтъ Буало написалъ „шуточный приговоръ“ осуждающій новизнамъ вводимымъ послѣдователями Декарта. * Считаемъ не лишнимъ, въ заключеніе, привести цѣликомъ этотъ любопытный приговоръ, въ шутливой формѣ точно характеризующій отношеніе „новой философіи“ къ господствовавшему еще въ школахъ ученію.

„Шуточный приговоръ данный высшимъ судьей Парнасса по жалобѣ магистровъ, медиковъ и профессоровъ Стагирскаго университета, въ странѣ Хильтеръ, — о сохраненіи ученія Аристотеля.

„Судъ разсмотрѣлъ прошеніе подаваемое учителями (régens), магистрами, докторами и профессорами какъ отъ ихъ имени, такъ и въ качествѣ олекуновъ и защитниковъ доктрины учителя, (имя неизвѣстно) Аристотеля, бывшаго профессора греческаго языка въ коллегіи Лицея и наставника покойнаго короля, вѣспокойной памяти Александра, именуемаго Великимъ, завоевателя Азіи, Европы, Африки и другихъ мѣстъ. Въ прошеніи значится: что въ послѣднія нѣсколько лѣтъ нѣкоторая неизвѣстная особа именуемая Разумомъ предприняла промѣкнутъ силой въ школы упоминаемаго университета, и на сей конецъ, съ помощью нѣкихъ возмутителей, принявшихъ имена Гассендистовъ, Картезианцевъ, Малербраншистовъ и Пуршотистовъ, бездомныхъ бродягъ, затѣяла изгнать упоминаемаго Аристотеля, давшаго мирнаго обладателя сказанныхъ школъ, противъ коего особа сія и ея сообщники уже опубликовали много книгъ, трактатовъ, диссертаций и позорящихъ разсужденій, желая заставить помянутаго Аристотеля подчинить его ученіе ея разбору, хотя сіе было бы прямо противно законамъ, правамъ и обычаямъ упоминаемыхъ университетовъ, гдѣ помянутый Аристотель всегда признавался судьей безапелляционнымъ, неотвѣтственнымъ за свои мнѣнія; что безъ вѣдома сего Аристотеля особа сія многое измѣнила и ввела новизны въ природу, лишивъ сердце преимуществу быть началомъ верховъ, каковое щедро и по своему изволенію было симъ философомъ ему даровано, и перенесла преимущество сіе на мозгъ, уступивъ ему оное; а затѣмъ, помощью процедуры лишечной всякой силы (par une procédure nulle et de toute nullité) возложила на сердце обязанность принимать читательный сокъ принадлежавшій до сего времени печени, а также заставила

* *Oeuvres de Boileau-Despréaux.* Paris, 1798, p. 391.

кровь ходить по всему тѣлу, съ полнымъ оной крови предоставленнымъ произволомъ шататься, блуждать и обращаться по венамъ и артеріямъ, безо всякаго иного чинить таковыя продерзости дрова, кромѣ опыта, показанія коего никогда не признавались въ поманутыхъ школахъ. Пытался также поманутый Разумъ, неслыханнымъ предпріятіемъ, удалить огонь изъ высшей небесной сферы утверждая что онъ тамъ не имѣетъ мѣста, вопреки свидѣтельству выданному поманутымъ философомъ и его самоличному осмотру мѣстности. Далѣе, поманутый Разумъ въ дерзкомъ покушеніи своемъ навеселъ факультету оскорбленіе дѣйствіемъ, вмѣшавшись въ дѣченіе и дѣйствительно излѣчивъ множество перемежающихся лихорадокъ, тропичныхъ, двобойнъ тропичныхъ, четверичныхъ, трижды четверичныхъ и даже непрерывныхъ, помощію чистаго вина, порошковъ и коры хины и другихъ средствъ неизвѣстныхъ поманутому Аристотелю и его предшественнику Гиллократу, и безъ предшествовавшихъ кровопусканія, кластировъ и очистительныхъ, — что не только неправильно, но и есть крайнее злоупотребленіе, ибо поманутый Разумъ никогда не былъ пріятель и долгушевъ въ корпорацію поманутаго факультета, и слѣдовательно не можетъ совѣщаться съ докторами сего ноблеваняго и ими быть на совѣщаніе призываемъ, чего дѣйствительно никогда и не было. Несмотря на сіе, и вопреки многократнымъ жалобамъ и сопротивленію господъ Блоудла, Куртуа, Деміно (Deniau) и другихъ защитниковъ праваго ученія, поманутый Разумъ продолжалъ пользоваться оказанными средствами и имѣлъ дерзость употреблять ихъ даже надъ врачами поманутаго факультета, изъ коихъ многіе даже были, къ великому окаядану, имъ выдѣчены, что есть примѣръ очень опасный и не могло свершиться иначе какъ худыми путями, чародѣйствомъ и договоромъ съ дьяволомъ. Не довольствуясь симъ, поманутый Разумъ предпріялъ повесить и изгнать изъ курсовъ философіи формальности, матеріальности, сущности, тождества, возможности, есцитатес, ретреитатес, полицарейтатес и другія воображаемыя существа, дѣтей и порожденіе покойнаго учителя Жавъ-Скота, ихъ родителя: а сіе, буде судъ не окажетъ помощи, долженствуетъ привести знатный ущербъ и причинить полное разрушеніе схоластической философіи коей они составляютъ всю тайну и всю сущность.

Судъ разсмотрѣлъ книги озаглавленныя: *Физика* Рохо, *Логика* Порть-Ройала, *Трактатъ о хини*, также *Adversus Aristoteles* Гассеиди и другія приложенныя къ прошенію подписанному Шикаво прокуроромъ поманутаго университета.

По выслушаніи докладчика и принявъ все въ соображеніе, судъ, согласно прошенію, удержалъ и оградилъ, удерживаетъ и ограждаетъ за поманутымъ Аристотелемъ полное и мирное владѣніе и пользованіе упомянутыми школами. Приказываетъ чтобы сей Аристотель былъ всегда принимаемъ въ руководство, преподаваемъ учителями, докторами,

магистрами и профессорами, помянутаго университета; не обязываетъ, впрочемъ, для сего читать Аристотеля, знать его языкъ и мѣвїя; а относительно основъ его ученїа отсылаеть къ ихъ тетрадамъ. Предписываетъ сердцу допрежнему быть началомъ нервовъ и приказываетъ всѣмъ людямъ, какого бы званїа и должности ни были, сему вѣрить несмотря ни на какой противорѣчащїй тому опытъ. Приказываетъ питательному соку прямо отправляться въ печень, не проходя черезъ сердце, а лечени принимать его.

Запрещаетъ крови бродяжничать, блуждать и обращаться въ тѣлѣ подъ угрозой быть влоднѣ отданной и предоставленной медицинскому факультету. Воспрещаетъ напередъ Разуму и его приверженцамъ вѣщиваться въ лѣченіе и исцѣлять лихорадки троицныя, двойныя троицныя, четверичныя, тройды-четверичныя, и непрерывныя, дурными средствами и путемъ чародѣйствъ, какъ-то: чистымъ виномъ, порохомъ и корою хивы и другими средствами неиспробованными и неизвѣстными древнимъ. А въ случаѣ неправильнаго исцѣленїа помощью сихъ средствъ дозволяетъ медикамъ помянутаго факультета возвратить, по обычному ихъ методу, больнымъ лихорадку съ помощью александрійскаго листа, сироловъ прохладительныхъ и другихъ годныхъ для сего средствъ, и привести помянутыхъ больныхъ въ то состояніе въ какомъ они были прежде, дабы потомъ вылѣчить ихъ по правиламъ, а буде не вылѣчатся отправить на тотъ свѣтъ по крайней мѣрѣ достаточно прослабленными и очищенными. Возвращаетъ добрую славу и честное имя сущностямъ, тождествамъ, возможностямъ, esseitibus и другимъ схоластическимъ формуламъ. Признаеть право господъ Блондела, Куртуа и Денїо въ ихъ противодѣйствїи здравому смыслу. Возвращаетъ огонь на его мѣсто въ высшей сферѣ неба согласно и сообразно осмотру сдѣланному на мѣстѣ. Предписываетъ всѣмъ учителямъ, магистрамъ и профессорамъ преподавать какъ они привыкли и пользоваться соображенїями какїя сочтутъ приличествующими, а зимнимъ релетиторамъ и другимъ помощникамъ оказывать имъ всякое содѣйствїе; нарушителей приказываетъ преслѣдовать подъ угрозой быть лишенными права диспутировать о пролегоменахъ логики. А дабы въ будущемъ не послѣдовало нарушенїй. Разумъ изгоняется навсегда изъ школъ помянутаго университета; ему воспрещается входить туда, мутить тамъ и беспокоить помянутаго Аристотеля въ его обладанїи и пользованїи, подъ угрозой быть объявленнымъ авсенникомъ и другимъ новшествомъ. На сей конецъ настоящїй приговоръ будетъ прочтенъ и объявленъ въ университетѣ на первомъ собранїи при вступленїи ректора и вывѣшенъ на дверяхъ всѣхъ коллегїй Парнасса и гдѣ окажется нужнымъ. Данъ въ тридцать осьмой день августа одиннадцатъ тысячъ шестьсотъ семьдесятъ лятаго года“.

РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА

(UT DE FRANZOSENTID)

ФРИЦА РЕЙТЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НИЖНЕ-НѢМЕЦКАГО.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Какимъ образомъ хлѣбникъ Виттъ изъ-за своей пѣнковой трубки также попалъ въ заговоръ.—Почему дѣвица Вестфалекъ прижала господина президента за бѣлаго голубя, а Софью Бессердикъ—за ангела, и какого она была мнѣнія о французскомъ аудиторѣ.

Порядокъ въ замкѣ былъ нарушенъ; въ городѣ дѣла шли еще гораздо хуже. Когда въ небольшой городокъ является громадный военный постой, когда крестьянъ собираютъ изъ деревень, а обывателей изъ домовъ для отбыванія повинности лошадьми и всякими иными услугами, когда съ одной стороны рыдаешь и стоишь горе и бѣдность, а съ другой стороны кичится надменный иноземецъ, нельзя ожидать чтобы на улицѣ было также тихо какъ въ церкви. Но въ 1806 году, когда Мюратъ, Бернадотъ и Даву глядись за старикомъ Блюхеромъ и онъ при Шеекѣ и Варенѣ показалъ имъ

* См. Русск. Вѣстн. № 5 и 6-й 1878 г.

зубы, когда изъ Берлина вышелъ пароль: „спокойствіе есть первая обязанность гражданина“, все было гораздо тише нежели въ это время; тогда только и было рѣчи что о приказахъ и о повиновеніи. Въ то время господа Французы жгли и грабили сколько было угодно ихъ душѣ, а народъ притжимался къ землѣ, одишь прятался за другаго и каждый думалъ только о себѣ и о своемъ имуществѣ. Были обыватели которые говорили жемъ и дѣтямъ: „мнѣ нужно спастись; до васъ никому нѣтъ дѣла; вы оставайтесь здѣсь когда придутъ Французы“, а сами бѣжали прятаться въ болото и камыши. Во всей Германіи встрѣчались только униженіе и визость.

Но времена измѣнились. Нужда научаетъ молиться; она же научаетъ и защищаться. Явились Шилль и герцогъ Брауншвейгскій; во всей Нижней Германіи началось броженіе; никто не зналъ откуда оно идетъ и чѣмъ оно кончится. Шилль пробрался черезъ Мекленбургъ къ Штральзунду. По приказанію Бонапарта Мекленбуржцы должны были загородить ему дорогу; они были побиты, потому что дрались до постыдности плохо. Одишь гусаръ Шилля взялъ въ лапы цѣлое капральство высокихъ мекленбургскихъ гренадеръ. „Братцы“, крикнулъ онъ имъ, „всѣ ли вы полонены?“— „Намъ ничего не сказано про то что мы въ лапы“, отвѣчалъ брауншвейгскій капраль.— „Ну, ступайте со мною!“ И гренадеры пошли. Чтò это было: трусость, страхъ? Кто видалъ Мекленбуржцевъ въ 1813 и 1814 годахъ, кто слышалъ про Стрельцкихъ гусаръ, тотъ не скажетъ этого. Если было въ Германіи племя способное постоять за себя на бранномъ полѣ, то племя это были Мекленбуржцы. Нѣтъ! гренадеры сдались не изъ трусости; имъ не хотѣлось сражаться противъ того чего они сами желали въ сокровенной глубинѣ своей души. Въ Мекленбургѣ началось броженіе. Когда Пруссія возстала на Французовъ, Мекленбургъ первый между всеми странами Германіи послѣдовалъ за нею.

И времена дѣйствительно измѣнились. Господь Богъ повелѣлъ русской зимѣ обить форсъ съ Французовъ. Прежде они важничали и стрели изъ себя баръ. Теперь эти бары вернулись изъ Россіи нищими и оборванцами и должны были обратиться къ нѣмецкому милосердію. Милосердіе, великій даръ Божій Германскому народу, одержало верхъ надъ арою ледявистью. Никто не хотѣлъ поднимать руку на

человѣка котораго покаралъ Господь, и милосердіе заставляло забывать его вину. Едва услѣли однако замерзлые пути снова отогрѣться подъ теплымъ вѣмецкимъ кровомъ, какъ они уже начали опять высовывать свое жало и хотѣли приняться опять за старое. Но изъ броженія господствовавшего въ Нижней Германіи развился призракъ; призракъ получилъ плоть, кровь и имя которое громко произносили на улицахъ: „возстаніе противъ Бонапарта!“ Слова эти стали паролемъ. Но пароль не превратился въ пустую болтовню. Онъ вырвался впервые не у кучки недоброй молодежи, не изъ устъ улицамыхъ крикуновъ; лучшие и разумѣншіе люди соединились вмѣстѣ не для заговора съ участіемъ вожей и ада, нѣтъ, но для братскаго союза словомъ и дѣломъ противъ французскаго насилія. Старики совѣщались, молодые прилагали оружіе. Первое пламя вслыхнуло не на открытой улицѣ. Мы, жители Нижней Германіи, не любимъ улицамыхъ огней. Нѣтъ, каждый тихо зажегъ пламя въ своемъ домѣ; сосѣдъ приходилъ къ сосѣду и грѣлся у этого огонька. Это не былъ огонь изъ сосновыхъ дровъ и соломы, отъ котораго остается только кучка золы. Мы въ Нижней Германіи сдѣланы изъ твердаго дерева; оно медленно загарается, но за то даетъ жаръ. Въ то время вся Нижняя Германія была какъ одна громадная угольная печь которая невидимо и тихо раскаливалась и горѣла пока не были готовы уголья. И когда уже не было ни дыма, ни летучаго огонька, тогда мы положили въ раскаленные уголья желѣзо и сковали на нихъ наше оружіе противъ Французовъ. Ненависть къ нимъ была оселкомъ; мы отточили на немъ наше вооруженіе, а чтѣ посядало за тѣмъ—про то знаетъ каждый ребенокъ; и еслибы кто-нибудь изъ ребятъ этого не зналъ, тогда отецъ обязанъ такъ запечатлѣть все это въ его памяти чтобъ онъ во всю жизнь не забылъ событій того времени.

Въ нашей сторонѣ угольная печь также пылала, и Французы чувствовали что въ воздухѣ что-то есть. Они замѣчали на каждомъ шагу что почва по которой они шли дрожала подъ ними какъ трясина. Имъ пришлось испытать что чиновныя и начальствующія лица, безпрекословно повиновавшіяся имъ доселѣ, начали прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, давать отпоръ и притворяться глухими; они видѣли какъ неохотно слушались ихъ крестьяне и городское населеніе. Французы крѣпче наложили свою руку на стражу. Это было плохое

средство смягчить духъ сопротивленія. Народъ становился все непокорнѣе. Приказы исходящія отъ Французовъ или отданные въ ихъ пользу намѣренно понимались превратнымъ образомъ; тамъ гдѣ прежде все шло гладко, теперь выходила челуха и путаница. Народъ отбивался, прибѣгалъ ко всевозможнымъ хитростямъ. Французы вѣроятно замѣчали что царству ихъ здѣсь скоро будетъ конецъ; они рвали зубами что только можно было оторвать; французскіе солдаты знали что офицеры ихъ дѣйствуютъ не лучше ихъ и не уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи.

Французы не ожидали, впрочемъ, чтобъ открытое возстаніе противъ нихъ могло созрѣть такъ скоро. Еслибъ они умѣли читать на лицахъ, напримѣръ хотя бы на лицѣ стараго хлѣбника Витта который, убравъ лошадей мельника въ ригу, облокотился теперь на подоковникъ, курилъ свою трубку, подлевывалъ на сторону и ядовито глядѣлъ на Французовъ, они остереглись бы слишкомъ натягивать струны; во всякомъ случаѣ постарался бы скорѣе ударить тотъ Французъ который, идучи мимо стараго хлѣбника, вырвалъ у него изъ зубъ лѣнковую, оправленную въ серебро трубку и спокойно началъ изъ нея курить въ свою очередь. Старикъ Виттъ едва почувствовалъ толчокъ по зубамъ какъ уже выскочилъ за дверь, схватилъ камень и ударилъ имъ Француза по затылку такъ сильно что Французъ вмѣстѣ съ трубкой полетѣлъ въ канаву. Въ то самое время когда господинъ президентъ проходилъ со своими женщинами по площади, работники и сосѣди хлѣбника Витта дрались чѣмъ попало съ Французами; драка продолжалась пока не явился офицеръ и не розвалъ сражающихся. Старика Витта съ окровавленной головой потащили въ ратушу за то что онъ подвѣлъ руку на *grande nation*; напрасно увѣрялъ онъ что *grande nation* первая подвѣла руку на его трубку; ничто не помогло, онъ долженъ былъ идти за Французами.

Въ ратушѣ засѣдалъ французскій аудиторъ и допрашивалъ мельника Фосса о пропавшемъ Французѣ. Чемоданъ съ деньгами лежалъ на столѣ; при допросѣ присутствовалъ полковникъ фонъ-Толль и мой отецъ, въ качествѣ бургомистра. Отецъ мой разказалъ по сущей правдѣ всю исторію, насколько она была ему извѣстна. Онъ только умолчалъ про то что часовщикъ по его приказанію долженъ былъ лоstrarать Французовъ.—Къ чему я буду это говорить?

думалъ онъ. Часовщикъ разкажетъ про это самъ, а если онъ этого и не скажетъ, онъ все же будетъ оправданъ показаніемъ дѣвицы Вестфаленъ. Положеніе мельника было хуже. Изъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, онъ послѣдній видѣлъ Француза; онъ хотѣлъ взять его съ собою на мельницу, а между тѣмъ Французъ исчезъ куда-то безслѣдно. Въ пользу мельника говорило то что онъ былъ наканунѣ очень пьянъ, что онъ самъ представилъ деньги Француза и указалъ что лошадь его стоитъ въ ригѣ у хлѣбника Витта. Когда мельникъ далъ это показаніе и замѣтилъ изъ вопросовъ предлагаемыхъ ему моимъ отцомъ что его вчерашнее ольпаненіе можетъ послужить ему въ пользу, онъ въ мрачныхъ краскахъ сдѣлалъ подробнѣйшее описаніе безчувственнаго состоянія въ которомъ онъ находился наканунѣ и уперся на томъ что онъ ничего не знаетъ, потому что ужъ очень былъ пьянъ; вотъ еслибы спросить Фридриха, такъ это другое дѣло: Фридриху все должно быть извѣстно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла когда на площади началась драка съ хлѣбникомъ Виттомъ. Мой отецъ едва успѣлъ выбѣжать на улицу чтобы возстановить порядокъ, какъ на встрѣчу ему уже попался хлѣбникъ Виттъ котораго Французы тащали въ ратушу. Онъ на дорогѣ размѣнивался толчками со своимъ конвоемъ и добросовѣстно получалъ отъ нихъ „bougres“ и „sages“ взамѣнъ своихъ „мошеники! разбойники!“ Нельзя сказать чтобы тишина и порядокъ особенно увеличились въ присутственной комнатѣ когда въ нее втолкнули хлѣбника. Онъ бранился и ругался, и моему старику стоило величайшихъ трудовъ чтобы хета сколько-нибудь унять его.

— Моя трубка, господивъ бургомистръ! Она досталась мнѣ отъ отца. Помилуйте! вырвать ее у меня изъ рта на моихъ же глазахъ! Помилуйте! Да что же я: обыватель или вѣтъ?

Французы кричали и ругались въ свою очередь. Пожовникъ фонъ-Толль вышелъ. Аудиторъ приказалъ связать хлѣбника, положить его на повозку и взять его съ собою; остальное будетъ де видно далѣе; хлѣбникъ ударилъ Француза, пока достаточно и этого. Мой старикъ выступилъ тогда впередъ. Онъ объяснилъ что хлѣбникъ честный человекъ, что онъ несетъ повинности и военную контрибуцію,

что онъ оказалъ сопротивленіе не французскимъ вла-
стамъ, а простому мошеннику; неужели Французы начина-
ютъ уже считать военною контрибуціей лѣяковыя трубки
оприваенныя въ серебро? Аудиторъ раслѣтушился. Онъ за-
фиркалъ на моего отца и объявилъ ему въ свою очередь
что онъ, бургомистръ, самъ находится не въ особенной без-
опасности. Но мой отецъ былъ человѣкъ воляльчивый и если
ужь онъ разъ считалъ что-нибудь справедливымъ то ста-
вовиися по отношенію къ этому дѣлу такъ упрямя какъ
только можетъ быть истый Мекленбургецъ. Ему хорошо
извѣстно, отвѣтилъ онъ, что въ настоящее время ни одинъ
честный человѣкъ не можетъ считать себя безопаснымъ,
но онъ считаетъ съ своей стороны обязанностію за-
щищать своихъ согражданъ въ правомъ дѣлѣ и будетъ по-
ступать такъ есабы даже въ его странѣ развелось столько
Французовъ что ими можно было бы кормить свиней. У Фран-
цуза отъ злости пошла изо рта лѣя. Захлебываясь отъ
ярости онъ велѣлъ сейчасъ же арестовать моего отца и вы-
вести его изъ комнаты. Но когда его хотѣли выводить,
старый хлѣбникъ Виттъ бросился къ нему и началъ стрѣ-
лять во Французовъ „мошенниками“ и „разбойниками“, а
мельникъ Фоссъ себирался также пустить въ ходъ слова
и кулаки. Въ это время вернулся опять полковникъ фонъ-
Тодль. Узнавъ что означаетъ весь этотъ шумъ, онъ оказалъ
что хлѣбникъ правъ относительно трубки, что онъ на лао-
щади разспросилъ въ чемъ дѣло, и что все это вещи ко-
сторонія; главное состоитъ въ томъ что хлѣбникъ тотъ
самый человѣкъ у котораго въ ригѣ стоитъ лошадь стрѣ-
лка; ему, полковнику, кажется что здѣсь совершенно убій-
ство при соучастіи нѣсколькихъ лицъ—при этихъ словахъ
онъ пристально посмотрѣлъ на моего отца—и онъ клянет-
ся своею головою что выяснитъ это дѣло. Если нельзя ниче-
го будетъ сдѣлать здѣсь, то онъ знаетъ другое мѣсто гдѣ
дѣло пойдетъ лучше, и мѣсто это—Штетталь.

Моему отцу, мельнику Фоссу и хлѣбнику Витту приказали
выйти въ другую комнату и яроставили къ нимъ часовыхъ. Въ
присутствіе позвали господина президента. Старикъ вошелъ
гордо выпраившись во весь ростъ, какъ подобаетъ перво-
му лицу въ округѣ и человѣку съ чистою совѣстію; въ ру-
кахъ онъ держалъ свою любимую палку. Одинъ изъ Фран-
цузовъ хотѣлъ затворить за нимъ дверь. Но это было не

легко. Дѣвица Вестфаленъ уперлась въ двери и неудержимо протискивалась черезъ нее, а за нею, пользуясь ея широкимъ фарватеромъ, пробирались Софья и Каролина; онѣ говорили что не хотятъ оставаться для потѣхи добрымъ людямъ на крыльцѣ, среди французскихъ рожъ. А дѣвица Вестфаленъ, протѣсившись черезъ дверь, сказала:

— Мусье Французъ, лардонъ! Гдѣ господинъ президентъ, тамъ должна быть и я, потому что онъ моя защита.

Когда президентъ вошелъ въ комнату, полковникъ отвернулся и началъ смотрѣть въ окно. Аудиторъ чрезъ переводчика сталъ спрашивать господина президента кто онъ и какъ его зовутъ.

— Я начальникъ Ставенгагенскаго округа. Меня зовутъ Иохенъ Веберъ.

И сказавъ это, президентъ положилъ на стулъ свою шапку и шляпу.

При словѣ „Иохенъ Веберъ“ французскій полковникъ началъ прислушиваться. Онъ на половину обернулся и посмотрѣлъ на стараго президента. Казалось, онъ хотѣлъ предложить ему какой-то вопросъ. Однако онъ не сдѣлавъ этого и снова сталъ смотрѣть черезъ окно.

Президенту сказали чтобъ онъ сѣлся.

— Благодарю, отвѣтилъ онъ.—Я пришелъ сюда не для своихъ удобствъ. Подвергаться допросу для меня дѣло слишкомъ необыкновенное чтобы дѣлать его сюда.

Президента начали спрашивать. Онъ разказалъ все что зналъ про французскаго стрѣлка, начиная съ перваго его появленія. Если, сказалъ онъ въ заключеніе, мельнику хотѣтъ оставить въ вину то обстоятельство что онъ помогъ напоить Француза, то вину эту онъ, президентъ, беретъ на себя, потому что мельникъ дѣйствовалъ по его приказанію, мельникъ ему подчиненъ.—Аудиторъ насмѣшливо захохоталъ и сказалъ что ему забавно какъ бургомистръ сначала вступался за своего хлѣбника, а теперь президентъ вступается за мельника.

— И вамъ это кажется смѣшно? спросилъ старый президентъ такъ спокойно какъ будто онъ имѣлъ дѣло съ Фрицемъ Зальманомъ.—Развѣ во Франціи это не такъ? Развѣ въ вашей землѣ начальствующія лица существуютъ только для того чтобы драть съ людей шкуру? Развѣ они не должны помогать людямъ въ правомъ дѣлѣ? И развѣ это не правое

дѣло — посредствомъ нѣсколькихъ бутылокъ вина сбытъ съ шею разбойника и вора который врывается силой?

Слова президента попали не въ бровь, а въ глазъ. Поднялась опять буря: Французъ не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ допустить чтобъ ихъ братъ оказался разбойникомъ или воромъ. Полковникъ отошелъ отъ окна и большими шагами ходилъ сзади стараго президента; аудиторъ осмысливалъ его угрозы; но президентъ оставался совершенно спокойнымъ. Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ чемодана Француза серебряную ложку, протянулъ ее аудитору и оказалъ:

— Посмотрите на этотъ гербъ. Я знаю его и знаю также людей которымъ онъ принадлежитъ. Эти люди не продаютъ своего серебра. По моему мнѣнью, у честнаго солдата слишкомъ много своего дѣла чтобы заниматься продажей серебряныхъ ложекъ.

На это нельзя было много возражать. Аудиторъ сдѣлалъ искусную диверсію. Онъ перешелъ къ часовщику и спросилъ стараго президента, какимъ образомъ у господина Дроза оказалась французскій мундиръ, и что часовщикъ дѣлалъ ночью въ замкѣ?

— Этого я не знаю, оказалъ господинъ президентъ. — Я ему этого не приказывалъ. Я только вскользь видѣлъ его вечеромъ, когда мельникъ утѣжалъ се стрѣлкою. Если онъ и оставался въ замкѣ, то не съ моего вѣдома и не по моей волѣ.

Аудиторъ вѣроятно замѣтилъ что со старымъ президентомъ ничего нельзя сдѣлать. Онъ прекратилъ допросъ и сказалъ что президентъ можетъ удалиться, но что онъ не долженъ покидать ратушу.

— Хорошо, сказалъ президентъ, и повернулся. — Слѣдовательно—до свиданія.

Онъ хотѣлъ выходить изъ комнаты и взять шляпу и палку. Но французскій полковникъ держалъ его палку въ рукахъ и смотрѣлъ на нее съ такимъ вниманіемъ и такъ пристально какъ смотритъ человекъ нашедшій въ газетѣ что на его номеръ лая большой выигранный. На палкѣ дѣйствительно была надпись. Палка эта принадлежала старику еще со времени его студенчества и на ней были вырѣзаны рядомъ два имени. Господинъ президентъ на одно мгновеніе взглянулъ на полковника. Потомъ онъ омыска, едва затѣвно показывая ему:

— Извините, господиъ полковникъ. Позвольте мнѣ молчать.

Полковникъ вздрогнулъ и смутился. Онъ отдалъ ланку президенту и пошелъ за нимъ когда тотъ вышелъ изъ комнаты. Дѣвица Вестфаленъ хотѣла тоже идти; за нею двинулись было Софья и Каролина. Но аудиторъ закричалъ: „Стоять! не пускать!“ и три женщины должны были остаться въ комнатѣ.

Дѣвица Вестфаленъ часто разказывала въ послѣдствіи какъ ее допрашивали и что она въ это время испытала. Она всегда начинала съ того что ей казалось какъ будто она стоитъ на Ставенгагенской колокольнѣ и что всѣ колокола, большіе и малеякіе, гудятъ у нея въ ухахъ. Когда господиъ президентъ ушелъ отъ нея, ей почудилось что бѣлый голубъ вылетаетъ черезъ слуховое окно; она хотѣла, рискуя своею жизнью, броситься за нимъ; но аудиторъ, „мощенникъ-то этотъ“, удержалъ ее за платье.

— Сударыня, говорила дѣвица Вестфаленъ, описывая свои впечатлѣнія женѣ президента, — я перевидала, можетъ, съ дюжину аудиторовъ которые хаживали обучаться къ господину президенту, и всѣ они были ларви телмые, ужъ что про это говорить. Но такого шута, такого канальи какъ этотъ французскій аудиторъ между ними не было ни одного. На немъ была надѣта пестрая диврея, а на рожѣ у него такъ и напечатана была висѣлица.

Съ дѣвицей Вестфаленъ было то же самое что случается со многими честными душами. Онѣ боятся опасности когда она грозитъ издалека, и играютъ съ нею когда она окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Души эти совершенно какъ комары: онѣ не переносятъ дыма, но пламя влечетъ ихъ къ себѣ. Когда дѣвица Вестфаленъ увидала что отступленіе отрѣзано, что отъ нея требуютъ присяги, она подперла бока руками, выступила впередъ и стала на то самое мѣсто на которомъ стоялъ господиъ президентъ.

— Я видѣла, разказывала она потомъ, — какъ онъ гордо стоялъ, и духъ его нашелъ и на меня.

Аудиторъ началъ спрашивать что она знаетъ про часовщика.

— Я ничего не знаю про него кромѣ того что онъ выговариваетъ на извѣстномъ нѣмецкѣмъ языкѣ. Хлѣбъ по его — дю ланъ, вино — дю вявъ, вотъ вамъ и весь сказъ.

— Зачѣмъ онъ надѣваетъ французскій мундиръ?

— Не знаю зачѣмъ онъ его надѣваетъ и какъ онъ это дѣлаетъ. Должно-быть также какъ и всѣ остальные мущины.

— Зачѣмъ онъ вечеромъ пришелъ въ замокъ?

— Въ замокъ приходитъ много людей и все честные люди, за исключеніемъ тѣхъ которыхъ приводятъ жандармы. Еслибы мнѣ знать зачѣмъ они туда ходятъ, такъ герцогу слѣдовало бы сдѣлать *меня* президентомъ, а господина президента смотрѣлъ бы тогда за кухню.

— Почему часовщикъ не пошелъ вочевать домой?

— Потому что была такая погода въ которую добрые люди собаки на дворъ не выгоняютъ, а не то что крещенаго человѣка. Я пока считаю господина Дрой за христіанина, разумѣется не за настоящаго, потому что я слыхала что онъ ночью ходитъ на охоту за зайцами. Это что же за порядки? На то есть день! Потомъ у него скамеечка съ одною ногой, и скамеечку эту онъ привязываетъ къ себѣ сзади, а у всѣхъ православныхъ христіанъ скамейки на трехъ ножкахъ. Онъ хотѣлъ научить Каролину этой дурацкой модѣ, говорилъ чтобъ она, когда идетъ доить коровъ, тоже подвязывала себѣ такую одноножку. Ну, да Каролина его обрѣзала: если, говорить, у васъ въ вашей сторонѣ такая мода, бѣгайте себѣ на здоровье съ палкою назади, а я, говорить, не хочу выходить на поле шутихою.

— Зачѣмъ она тайкомъ приняла часовщика въ свою комнату?

Тутъ дѣвица Вестфаленъ замолчала и кровь такъ и бросилась ей въ лицо отъ безсовѣстности французской „рожи“. Это былъ тотъ роковой вопросъ который заставлялъ ее бѣжать изъ дому и скрываться въ колтыльнѣ. Но въ то время какъ она, не помня себя отъ стыда, искала отвѣта, къ ней подошла выручка. Софья и Каролина протѣснились къ дѣвицѣ Вестфаленъ и начали кричать что все это ложь, чистѣйшая ложь, что онѣ готовы принять присягу что ихняя мамзель слала вмѣстѣ съ ними, что онѣ скажутъ это прямо самому господину президенту, и что ужъ если дѣло пошло на то, такъ имъ теперь ужъ нечего молчать. Поднялся невообразимый крикъ. Аудиторъ едва успѣвалъ нѣсколько водворить тишину, какъ женщины снова начинали перебранку съ Французами, и это продолжалось до той поры пока ихъ всѣхъ не вывели изъ комнаты.

— Хозяйка, говаривала потомъ дѣвица Вестфаленъ ткачиха Сталь, — вы знаете, я всегда сердилась на то что у Софьи Бессердихъ длиненъ языкъ. Но никакой ангелъ небесный не защитилъ бы меня въ эту минуту такъ какъ она защищала меня своимъ крикомъ. Хозяйка! Человѣкъ не долженъ пренебрегать тѣмъ что подчасъ бываетъ ему неприятно. Кто знаетъ къ чему что пригодится? Вотъ такъ-то и съ языкомъ. Такое телеръ мое мнѣніе и никто меня въ этомъ не разубѣдитъ. А Софья Бессердихъ я это помню.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Почему господинъ президентъ и французскій подковникъ едва не поцѣловались. — Почему моя матушка должна была дергать господина президента за сюртукъ, а корсиканскій змѣй утащилъ моего дядю Герве.

Вышедши изъ присутствія, господинъ президентъ прямо направился черезъ сѣни къ двери находившейся на противоположной сторонѣ. Дверь эта вела въ нашу квартиру. Мы жили въ ратушѣ, и президентъ часто бывалъ у насъ въ гостяхъ.

Моя добрая матушка сидѣла въ комнатѣ и шила, а мы, ребята, играли вокругъ нея. Какое у дѣтей можетъ быть горе? Но матушка сидѣла печальная и молчаливая; быть-можетъ она даже и не слыхала шума который мы дѣлали вокругъ нея. Она можетъ-быть ничего не знала еще объ опасномъ положеніи въ которомъ находилса мой отецъ; онъ не любилъ разказывать про свои неприятности и затрудненія. Но хорошія жены имѣютъ особую способность: если настоящій мущина сейчасъ можетъ узнать откуда вѣтеръ вѣтеръ, то хорошая жена давно уже чувствуетъ впередъ что въ воздухѣ что-то есть.

Итакъ старый президентъ вошелъ въ комнату моей матушки.

— Здравствуйте, дружокъ. Какъ вы проживаете? Что, много хлопотъ съ Французами? А? не такъ ли?

Матушка протравила ему руку. Она высоко уважала почтеннаго старика который часто сиживалъ съ нею и сообщалъ ей мудрость и опытъ приобретаемые его сѣдинами. Но при этомъ онъ былъ еще достаточно живъ и веселъ и

пересылалъ свои рѣчи разказами о времени своего студенчества, когда онъ и его братъ, Адольфъ-Дидрихъ,—онъ теперь профессоромъ *juris utriusque* въ Ростовскомъ университетѣ, дружокъ,—были въ Гетт членами „Союза Дружбы“. Матушка протянула ему руку, но не могла встать ему навстрѣчу. Она послѣ тяжелой болѣзни лишилась возможности ходить, и я только и помню какъ она въ свои хорошіе дни сидѣла, бывало, на стулѣ и все шила, такъ проворно, такъ проворно, какъ будто ея слабыя, добрыя руки совсѣмъ здоровы; въ дурные дни она лежала въ постели и, вся блѣдная, читала книги. Чтò это были за книги, я теперь не помню; но это не были романы. Я знаю только что въ числѣ ихъ находилась и *Маркъ-Аврелій* стараго президента, потому что мнѣ приходилось носить его изъ замка къ намъ, и обратно.

Президентъ не любилъ налугивать жевщицъ. Въмѣсто того чтобы разказывать про дѣла происходившія въ комнатахъ присутствія, онъ началъ говорить про дурную погоду, и только-что приступилъ къ краткому описанію дужъ на Стангагенской дорогѣ,—шоссе у насъ въ то время еще не было,—какъ вдругъ отворилась дверь и вошелъ французскій поковникъ. Онъ поклонился моей матушкѣ и подошелъ къ господину президенту. Мы, дѣти, кинули наши игрушки и собрались кучкой въ уголкѣ залечью, какъ цылята которые видятъ въ воздухѣ коршуна. „Чтò бы это могло значить?“ думали мы вѣроятно про себя. То же подумала и моя матушка потому что она испуганно посмотрѣла на стараго президента, лицо котораго приняло такое серьезное, горделивое выраженіе какого она изъ немъ еще не видывала. Но Французъ заговорилъ съ президентомъ очень ласковымъ и учтивымъ голосомъ:

— Извините! я сейчасъ слышалъ въ присутствіи фамилію Веберъ. Вы Веберъ?

— Іоаннъ-Гейнрихъ Веберъ, сухо отвѣтилъ президентъ, и выпрямился какъ щетъ.

— У васъ есть братъ Адольфъ-Дидрихъ?

— Адольфъ-Дидрихъ, профессоръ въ Ростовѣ, отвѣтилъ старикъ, не пошевеливъ ни единымъ пальцемъ.

— Господинъ президентъ, сказалъ Французъ и протянулъ ему обѣ руки,—забудьте чтò произошло между нами сегодня утромъ, вы мнѣ дороже и ближе нежели вы думаете.

Я прочелъ на вашей ланкѣ имя которое написано у меня въ сердцѣ. Вотъ оно у васъ здѣсь. Смотрите: Ренатъ фонъ-Толль.

— И вы знаете этого человѣка? спросилъ старый президентъ. Лицо его какъ будто озарилось.

— Какъ же мнѣ не знать его, сказалъ полковникъ,—когда онъ мой отецъ!

— Послушайте! сказалъ старикъ,—послушайте! А? Чтò вы это говорите?

Онъ всколько отодвинулъ отъ себя полковника и прямо посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Вы сынъ Рената фонъ-Толль?

— Да, и онъ часто разказывалъ мнѣ про двухъ своихъ лучшихъ друзей, про двухъ Веберовъ, двухъ длинныхъ Мекленбургцевъ.

— Дружокъ, воскликнулъ старикъ и обратился къ моей матушкѣ,—про кого я вамъ разказывалъ, разказывалъ всего болѣе? А? Вѣдь про Вестфальца, про Рената? Не такъ ли?

Матушка только кивнула головой. Радость старика заключала въ себѣ что-то такое чтò вызвало у нея на глазахъ слезы, а мы, ребята, выползли изъ-за печи и дѣлались все смѣлѣе. Намъ казалось что въ гости къ намъ пришелъ „дядя“.

— Молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! воскликнулъ старый президентъ,—вѣдь я бы долженъ былъ васъ узнать, еслибы не проклятый французскій мундиръ... Ну хорошо, хорошо, оставьте это! быстро прибавилъ онъ, замѣтивъ что кровь бросилась полковнику въ лицо.—Скажите-ка, дружокъ, чтò у вашего отца все такіе же ясные, коричневыя глаза? Не такъ ли? И волосы все такіе же темные и все еще вьются? Не такъ ли? —Отличный человѣкъ, дружокъ! сказалъ онъ, обращаясь къ моей матушкѣ,—такой человѣкъ у котораго самимъ Господомъ Богомъ на лбу написано что онъ настоящій мушкетеръ!

Полковникъ сказалъ что глаза все еще коричневыя, но волосы уже не темные, а всѣ посѣдѣли.

— Да, да! сказалъ господинъ президентъ, это и должно быть такъ, у Адольфа-Дидриха волоса тоже стали сѣдые. Ну, теперь, дружокъ, пойдемте со мною назадъ въ замокъ и поживите у меня. Видитъ Богъ! я въ первый разъ приглашаю къ себѣ французскаго офицера. Да вы вѣдь

собственно и не французскій офицеръ, вы Нѣмецъ. Сынъ Ревата фонъ-Толля только и можетъ быть настоящимъ Нѣмцемъ, мой дружокъ, сказалъ онъ и обратился опять къ моей матушкѣ,—не такъ ли?

Матушка моя видѣла что слова президента бросали полковника то въ жаръ, то въ ознобъ; она начала мигать ему глазами: все было напрасно. Когда наконецъ президентъ, сказавъ послѣднія слова, подошелъ къ ней ближе, она слегка дернула его за сюртукъ чтобъ онъ замолчалъ.

Старый президентъ оборотился.

— Дружокъ, зачѣмъ вы меня дергаете?

Очередь покраснѣть дошла теперь до моей матушки. Но полковникъ между тѣмъ успѣлъ совладать съ собою. Онъ въ полуоборотѣ поклонился моей матушкѣ, и серьезно и твердо заговорилъ съ президентомъ.

— Я долженъ отказаться отъ вашего приглашенія, господавъ президентъ. Черезъ полчаса мы должны выступать. Что касается моего мундира, который вамъ не нравится и не можетъ нравиться, это я понимаю, то я не могу опозорить его тѣмъ что ношу его въ минуту оласности. Вы говорите что я Нѣмецъ; сынъ фонъ-Толля долженъ быть Нѣмцемъ, вы правы; но если вы считаете преступленіемъ то что я стою на другой сторонѣ, то въ этомъ виновать не я, а мой государь. Когда я вступилъ въ военную службу, курфюрстъ Кельнскій былъ въ союзѣ съ императоромъ, а когда четыре года тому назадъ меня послали въ Испанію, вся Германія и всѣ ея властители склонялись предъ Наполеономъ. Вотъ скоро мѣсяць какъ я вернулся изъ Испаніи. Я засталъ Германію въ цвомъ положеніи нежели то въ которомъ я ее оставилъ. Что я передумалъ и перечувствовалъ за это время, это мое дѣло. Про это я могу говорить только съ однимъ человекомъ: съ моимъ отцомъ. Для лучшаго друга моего отца достаточно того что я сказалъ. А я сказалъ вамъ болѣе нежели во всю мою жизнь говорилъ кому-нибудь про этотъ предметъ.

Старый президентъ стоялъ между тѣмъ предъ полковникомъ, все смотрѣлъ ему въ глаза и повременамъ качалъ головой. Замѣтивъ по лицу полковника что онъ говорить отъ души, чистосердечно и откровенно, старикъ пересталъ смотрѣть на него въ упоръ.

— Это другое дѣло! сказалъ онъ, когда полковникъ окон-

чилъ свою рѣчь, и снова обратилась къ моей матушкѣ:—дружокъ! онъ правъ. Не такъ ли? Сынъ Рената фонъ Толль правъ. Только жаль что онъ правъ!

Президентъ взялъ полковника за руку.

— Мой милый другъ, вы не можете еще здѣсь остаться? Полковникъ началъ увѣрять что это невозможно.

— Фрицъ, воскликнулъ президентъ,—поди-ка сюда! Ты уже можешь исполнить порученіе. Бѣги къ Гетхенъ, къ моей жемъ, и скажи ей чтобъ она являлась сюда, что здѣсь произошло радостное событіе, слышишь ли: *радостное!* А то она, пожалуй, испугается, дружокъ, добавилъ онъ, обращаясь къ моей матушкѣ.

Я побѣждалъ со всѣхъ ногъ въ замокъ. Черезъ нѣсколько времени жена президента, не слѣша, такая у нея была привычка, пустилась со мною въ путь. Мы шли рядомъ. Но я прыгалъ вокругъ нея точно трясогузка, и ей было много хлопотъ чтобъ уберечь меня отъ лошадей и лезовозкѣ. Когда мы шли черезъ площадь, Французы готовились къ выступленію. Лошади были залпращены къ пушкамъ; баталіонъ стоялъ подъ ружьемъ; по всему было видно что Французы сейчасъ должны тронуться. Жена президента вошла въ лвери ратуши, но не далеко ушла. На крыльцѣ ее схватили дѣвица Вестфаленъ и обѣ работницы; она не успѣла опомниться какъ ее окружили уже хлѣбникъ Виттъ, Дрозъ и мельникъ Фоссъ. Всѣ жаловались на „разбойниковъ“ и „мошенниковъ“; всакій разказывалъ ей про свои дѣла. Ко всему этому присоединялись слезы и рыданія жены господина Дрозъ и его дѣтей которыя путались между ногами взрослыхъ, а ткачиха Сталь вѣлпилась сзади въ платье дѣвицы Вестфаленъ и держала ее какъ будто старая дѣва собиралась прыгнуть въ воду или могла быть увнесена вѣтромъ. Хлѣбникъ Виттъ время отъ времени еще выпаливалъ „мошенникомъ“, но въ зарядѣ было уже на половину менѣ пороха. Услыхавъ плачь жены часовщика, онъ вспомнилъ про собственную семью и подозвалъ меня.

— Фрицхенъ, сказалъ онъ,—сбѣгай ко маѣ въ домъ, ты за это получишь сахарный крекдель. Скажи моему Ивану да моей дочери чтобъ они шли сюда; Французы де берутъ его съ собою въ свою проклятую землю, куда они увели уже нашу караковую лошадь.

Я исполнилъ и это порученіе. Когда я возвратился обратно

съ Иваномъ, дочерью хлѣбника и сахарнымъ кренделемъ, предъ ратушею стояла повозка мельникова родственника Генриха, а въ ней сидѣли жена мельника, Фихель и самъ Генрихъ. Жандармы нашли наконецъ дорогу къ Гилговской мельницѣ и всѣхъ забрали оттуда.

Жалобы и плачь начались опять сывзова. Спокойною оставалась одна Фихель.

— Ты отдалъ деньги? тихо спросила она у отца.

Мельникъ показалъ на дверь въ присутствіе:

— Вонъ онѣ тамъ лежатъ, сказалъ онъ.

— Теперь, батюшка, будь покоемъ. Богъ тебя не оставитъ.

Между тѣмъ мой отецъ во все это время молча ходилъ взадъ и впередъ по стѣнамъ. Повременамъ онъ останавливался и хваталъ себя за волосы, когда до него доносились рыданія женщинъ. Онъ подошелъ къ господину Дрозъ и сказалъ ему чтобъ онъ не боялся, что дѣло его не особенно плохо. Господинъ Дрозъ кивнувъ головою сказалъ „бонъ!“, выросъ на цѣпкой вершокъ, отставилъ одну ногу впередъ и смѣло подперся рукою въ бокъ.

Вѣроятно все было приведено теперь въ порядокъ, потому что адъютантъ вызвалъ полковника изъ комнаты моей матушки. Когда полковникъ вышелъ оттуда, лицо его было гораздо ласковѣе. Онъ подошелъ вмѣстѣ съ президентомъ къ арестованнымъ и приказалъ освободить дѣвицу Вестфаленъ и обѣихъ работницъ, послѣ чего дѣвица Вестфаленъ низко присѣла ему и сказала: „покорно васъ благодарю, господинъ полковникъ фонъ-Толль!“ Господинъ президентъ увидалъ свою жену въ толпѣ и тоже ее выручилъ. Пока онъ представлялъ ее полковнику и разказывалъ ей что случилось, адъютантъ командовалъ: „маршъ!“ и мельника Фосса, хлѣбника Витта и господина Дроза начали выводить. Фихель взяла руку отца и не хотѣла отходить отъ него. Когда ее оторвали отъ него силой, она осталась спокойною и сказала:

— Батюшка! куда бы тебя ни повели, я останусь съ тобою.

Съ хлѣбникомъ Виттомъ дѣло пошло проще. Онъ раза три паянкулъ, вынулъ на воздухъ нѣсколько „мошенниковъ“, въ двухъ словахъ передалъ своему Ивану что нужно дѣлать въ хозяйствѣ и вышелъ изъ двери. Но съ часовникомъ

было горе. Жена и дѣти повисли на немъ и причитали по-французски и по-нѣмецки. Камень, и тотъ, кажется, сжался бы. Отецъ мой не могъ переносить этого боляе. Онъ подошелъ и спросилъ за что уводить часовщика арестовываемымъ? Онъ заявилъ что часовщикъ городской обыватель и что онъ ни разу не былъ ни въ чемъ замѣченъ. Никто не можетъ поставить ему въ вину то обстоятельство что онъ ночевалъ въ замкѣ; господинъ полковникъ и господинъ адъютантъ тоже ночевали тамъ. Очень естественно что у него есть французскій мундиръ: онъ прежде былъ во французской службѣ. Если онъ и теперь иногда надѣваетъ его, то это должно только радовать Французовъ, потому что часовщикъ доказываетъ этимъ что онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ то время когда онъ служилъ въ ихъ рядахъ.

— Онъ злоупотребилъ мундиромъ! воскликнулъ адъютантъ.

— Неправда! воскликнулъ мой старикъ.—Въ томъ что человекъ невинною хитростию старается отдѣлаться отъ воровъ и разбойниковъ нѣтъ никакого злоупотребленія, а доказательство тому что онъ имѣлъ дѣло съ мошенникомъ и воровъ заключается въ чемоданѣ Француза.

Адъютантъ посмотрѣлъ на моего старика такъ ядовито и злобно какъ будто ему хотѣлось прогнуть его шлягой. Полковникъ подошелъ и подавъ рукой знакъ уводить часовщика. На лицѣ его такъ и повисла грозная туча. Но мой старикъ совсѣмъ вышелъ изъ себя. Онъ бросился впередъ и закричалъ:

— Стойте! Этотъ человекъ ни въ чемъ не виноватъ. Ужь если здѣсь долженъ быть кто-нибудь виновенъ, то виновенъ я. Онъ дѣйствовалъ по моему приказанію. Если нужно кого-нибудь арестовать, то арестуйте *меня*.

— Можно, сухо сказалъ полковникъ.—Отпустите этого человека! Арестовать вотъ этого!

— Дружокъ! воскликнулъ господинъ президентъ,—да что же вы это дѣлаете?

— Я исполняю мою обязанность, господинъ президентъ, сказалъ полковникъ и подавъ ему руку.—Прощайте, господинъ президентъ. Я отправляюсь.

И съ этими словами онъ вышелъ изъ ратуши. Все это произошло такъ быстро что почти никто не зналъ о чемъ шла рѣчь. Я зналъ объ этомъ мѣнѣе другихъ, потому что

былъ еще совѣтъ гаулеhoneкъ. Но настолько у меня уже было пониманья чтобы смекнуть что отецъ мой навтворюилъ что-то такое чего ему не расхлебать. Я, разумѣется, началъ реветь и слезы мои потекли какъ разъ въ то время когда мадевькiе Дрозы совѣтъ уже отерли свои. Я прижался къ моему отцу котораго выводили на улицу; господи въ президентъ также шелъ за нимъ.

— Господи въ президентъ, сказалъ мой старикъ, успокойте мою бѣдную жену! А ты, Фрицъ, крикауй оны мнѣ,—привеси мнѣ мою шляпу.

Я побѣждалъ и привесъ шляпу. Когда я подалъ ее отцу, онъ взялъ меня на руки, поцѣловалъ и прошепталъ мнѣ на ухо:

— Скажи матери что я скоро опять буду здѣсь.

Шествiе тронулось. Спереди и сзади шло по двое солдатъ, а въ серединѣ были мельникъ Фоссъ, хлѣбникъ Виттъ и мой отецъ. Когда они проходили мимо пожарнаго сарая, дверь его отворилась и изъ нея вывели моего дядю Герзе, также въ сопровожденiи двухъ солдатъ. Батарейный командиръ засадилъ его туда за исчезновенiе поселенъ съ подводами.

— Господи помилуй! сказалъ мой отецъ.—Господи въ заждатель! Съ вами-то что это приключилось?

— Страдаю я отечество, господи въ бургомистръ! воскликнулъ мой дядя Герзе. Я вступилъ въ заговоръ съ дѣвцею Вестфаленъ и попался въ лапы къ корсиканскому чудовищу. Ближайшею причиною моего ареста послужила, впрочемъ, повозка мельника Фосса и плуты крестьяне.

Они разказали другъ другу въ немногихъ словахъ свои приключенiя. Мой дядя Герзе въ своей треугольной шляпѣ и со своимъ цвѣтнымъ воротникомъ пошелъ по улицѣ такимъ молодцомъ какъ будто онъ былъ командиромъ всего отряда. Дядя Герзе не былъ трусомъ. Онъ считалъ этотъ день за величайшiй въ своей жизни и какъ будто выросъ подъ дождемъ вершка на два. Высоко выпрямившись шелъ онъ по Брандсбургской улицѣ, кланялся направо и налево, подмигнулъ старшинѣ надъ пожарнымъ обозомъ какъ бы приглашая его не выдавать какой-то тайны, и приложилъ въ знакъ молчанiя палецъ къ губамъ, проходя мимо Еврея Соломона. Едва услъавъ онъ скрыться изъ виду, какъ уже ткачиха

Сталь стала разказывать по всему городу что Французы взяли съ собою господина засѣдателя потому что хотятъ одѣлать его своимъ генераломъ. А остальныхъ, говорила она, просто повѣсятъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Почему Фрицъ Зальманъ упалъ въ грязь, а саложникъ Банкъ получалъ по затылку ударъ прикладомъ. Почему засѣдатель Герзе хотѣлъ поджечь мельницы во всей странѣ, и почему у Прусскаго короля всегда накрытъ приборъ для господина засѣдателя.

Когда наши лаѣнные миновали Бранденбургскія ворота и вышли на старую Бранденбургскую дорогу—шоссе въ Мекленбургъ въ то время еще не было—имъ пришлось слюсаться въ лощину которую Ставенгагенскіе обыватели называли *Лошадинсю Смертью* или *Костоломкою*. Раздалась команда: „стой“! ибо подвигаться далѣе не представлялось возможности. Пушки застряли посреди дороги; ихъ не вытащили бы изъ глины даже и всѣ тѣ лошади которыя должны были находиться налицо и которыя однако отсутствовали. Французы остановились и начали кричать и ругаться. Изъ города привели рабочихъ съ заступами и кирками; изъ сосѣднихъ помѣстій потребовали свѣжихъ лошадей. Между тѣмъ дождь продолжалъ лить и не оставилъ ни на комъ сухой вилки.

— Отецъ, сказалъ хлѣбникъ Виттъ мельнику Фоссу, вотъ это дождь!

— Кто садитъ ячмень, тотъ этой погодѣ радъ, отвѣтилъ старикъ Фоссъ.

— У меня рубашку-то хоть выжми, сказалъ хлѣбникъ.

— А у меня вода залила всѣ салюги, сказалъ мельникъ.

— Господинъ бургомистръ, ставьте-ка сюда въ сторонку, ко мнѣ подъ плащъ, сказалъ дядя Герзе, выпятивъ грудь еще молодцоватѣе нежели обыкновенно.—Меня радуетъ то что по крайней мѣрѣ эти „служители тирана“ тоже вымокнутъ насковозь.

Мой отецъ сталъ къ нему подъ плащъ. Но онъ не сказалъ ни слова, потому что вниманіе его было привлечено однимъ особымъ обстоятельствомъ. Вверху, на краю лощины, стояли разные люди, подещики, рабочіе, Ставенгаген-

okie обыватели, изъ любопытства или изъ сочувствiя отпра-
вившiеся вслѣдъ за Французами уводившими извѣстныхъ
всему городу людей. Среди этой кучки двигался Фрицъ Заль-
манъ и разказывалъ то тому, то другому весь ходъ прои-
шествiя. Когда мой старикъ замѣтилъ его, Фрицъ Зальманъ
какъ разъ стоялъ подлѣ старика управляющаго Николаи
который прѣхалъ верхомъ и собирался ѣхать за Францу-
зами чтобъ они не увели совсѣмъ потребованныхъ отъ не-
го помѣщачьихъ лошадей. Старикъ управляющiй былъ прiя-
тель моего отца. Когда Фрицъ Зальманъ разказалъ ему
всю исторiю, отецъ мой хорошо замѣтилъ какъ Николаи
кинулъ ему и что-то пошептавъ на ухо Фрицу Зальману
„Неразумный молокососъ“ засунулъ руки въ карманы и
засвиставъ какую-то лѣвою началъ подвигаться впередъ. Онъ
свиста дошелъ до края лоцины, свиста слустилася съ откоса
внизъ, постоялъ нѣсколько времени за плечъ старой ивы, и,
какъ я въ чемъ не бывало, приблизился къ лѣвникамъ. По-
дошедъ вплотъ къ моему отцу, Фрицъ Зальманъ, какъ будто
этому такъ и сѣдовало быть, упалъ прамехонько въ грязь.
Отецъ мой наклонился и подымалъ его.

— Посматривайте на лошадь, сказалъ ему мальчуганъ.—
Французы сейчасъ же отогнали его и онъ снова вылѣзъ
изъ лоцины вверхъ по откосу.

Отецъ мой уже и прежде пристально смотрѣлъ на ста-
рика управляющаго и на Фрица Зальмана. Теперь онъ сдѣ-
лался еще внимательнѣе. Онъ увидалъ что Николаи сошелъ
съ лошади, хлопнулъ своимъ хлыстомъ и передалъ лошадь
Фрицу Зальману. Онъ увидалъ что мальчуганъ началъ во-
дять лошадь назадъ и впередъ, все болѣе приближаясь къ
лоцинѣ. Наконецъ Фрицъ Зальманъ остановился за дере-
вомъ, какъ бы скрываясь отъ дождя. Отсюда онъ сдѣлалъ
знакъ моему отцу. Мой старикъ, стоявшiй подъ защитой
широкой сливы засѣдателя Герзе, притворился что стряхи-
ваетъ воду со своей шапки и три раза махнулъ ему ею.

Черезъ нѣсколько времени на поворотѣ дороги показ-
алась большая карета. Въ ней сѣдѣлъ генералъ который оста-
навливался на ночь въ одномъ сосѣднемъ помѣстьѣ. Карета
также вѣхала въ лоцину. Когда она приблизилась къ тому
мѣсту гдѣ завязъ транспортъ, ряды солдатъ разстроились:
они должны были дать дорогу каретѣ. Едва мой старикъ
замѣтилъ это обстоятельство, какъ онъ, тѣсно пуля изъ

листолета, вылетѣлъ изъ-подъ плаща заставителя, перебѣжалъ, прикрываясь каретою, черезъ лощину, взобрася по откосу вверхъ, вырвалъ у Фрица Зальмана изъ рукъ хамствъ и ловодья, вскочилъ на лошадь и во весь опоръ помчался внизъ съ горы.

— Фѣ! фѣ! кричали Французы. Курки защекали, но ружья отказались стрѣлять. Порохъ отсырѣлъ и сталъ въ родѣ кофейной гущи которую лила ткачиха Сталь.

Когда Ставегагенскіе обыватели увидали какъ ихъ бургомистръ мчится черезъ поле, они собрались закричать ему вслѣдъ ура! Сапожникъ Банкъ уже началъ было: „да здравствуетъ нашъ господинъ бур...“, но французскій прикладъ такъ хватилъ его по затылку что онъ, въ точности слѣдуя указаніямъ начальства, съ величайшею быстротой скатился съ пригорка. Другіе граждане послѣдовали его примѣру и въ одну минуту верхній край лощины опустѣлъ. На немъ остался только старикъ Николай который прислонился за дерево и невозмутимо покуривалъ свою трубку. Быть-можетъ никто не замѣтилъ что онъ прѣхалъ верхомъ; быть-можетъ Французы видѣли что онъ участвовалъ въ этомъ происшествіи, потому что онъ далеко стоялъ отъ лошади, — какъ бы то ни было, но ему ничего не сказали. Къ тремъ остальнымъ лѣвнякамъ приставили двойной караулъ и вывели ихъ изъ лощины на открытое поле; здѣсь ихъ помѣстили подъ прикрытіемъ старой мельницы, такъ какъ тутъ было нѣсколько посуше.

Они усѣлись спина къ спинѣ на жерновъ лежавшій на землѣ и начали толковать.

— Для бургомистра хорошо что онъ освободился такимъ образомъ, сказалъ старикъ Виттъ и началъ мѣдленнымъ гребнемъ причесывать свои мокрые волосы, но для насъ худо. Теперь мы какъ лчелы безъ матки. Онъ насъ бы освободилъ.

— Разумѣется освободилъ бы, сказалъ старый мельникъ Фоссъ и кивнулъ старику управляющему Николаи чтобъ онъ также становился около мельницы.

— Гм! такъ началъ мой дядя Герзе свое вступленіе въ разговоръ.—Послушайте, Виттъ: онъ знаетъ городскія дѣла, про это я не стану спорить. Но что касается военныхъ дѣлъ, военныхъ операцій, то онъ въ жизнь свою имъ не занимался и знаетъ въ нихъ столько же толку какъ.... какъ....

— Какъ вы и я, господинъ заставитель, невидя подсажалъ мельникъ Фоссъ.

— Мельникъ Фоссъ, сказалъ господи́мъ засѣдатель и нѣсколько выпрямился,—говорите про себя, а не про другихъ. Сколько вы смыслите въ военномъ дѣлѣ, это извѣстно вамъ со вчерашняго вечера, потому что вы, бургомистръ, да старый президентъ втянули насъ въ эту исторію. Еслибы не я, то старуха Вестфаленъ также сидѣла бы теперь на этомъ камнѣ и стучала бы зубами. Ну, а что я смыслю въ этомъ дѣлѣ, это вы сейчасъ увидите. Знаете вы Яна?

— Вы говорите про старика Яна который чинить моей жень горшки?

— Вѣдь вонъ вы куда хватили! я говорю про гимнаста Яна, который теперь живетъ въ Берлинѣ.

— Нѣтъ, этого я не знаю.

— Ну, такъ слушайте. Этотъ гимнастъ Янъ шелъ разъ въ Берлинѣ по улицѣ съ однимъ студентомъ и пришелъ къ Бранденбургскимъ воротамъ—у Берлинцевъ все равно какъ у насъ въ Ставенгагенѣ есть Бранденбургскія ворота.—Вотъ Янъ показываеъ ему на верхъ, гдѣ прежде стояла богиня *Побѣды*—Французы увезли ее съ собою,—и спрашиваетъ студента: что вы, говорить, думаете, глядя на эти ворота?—Ничего, говорить студентъ.—Разъ! Янъ какъ закатить ему подзатыльника.

— Ну, это онъ однако смѣло поступилъ, сказалъ мельникъ Фоссъ.

— Да, господи́мъ засѣдатель, сказалъ старикъ Виттъ,—у меня руки тоже часто зудятъ, однако...

— Да дайте же мнѣ доокзать! сказалъ мой дядя Герзе.—Милый юноша, сказалъ Янъ студенту, когда тотъ сильно удивился подзатыльнику,—это тебѣ на память за то что ты ничего не думаешь. Тебѣ слѣдовало бы думать, глядя на эти ворота, что мы спать должимъ добить изъ Парижа нашу богиню *Побѣды*.

— Такъ-то такъ, а все-таки.... сказалъ Виттъ.

— Да ужъ это именно что все-таки.... сказалъ мельникъ.

Но господи́мъ засѣдатель не далъ имъ договорить и снова обратилася къ мельнику.

— Теперь я спрашиваю васъ, мельникъ Фоссъ: вотъ вы теперь смотрите на мельницу. Что вы при этомъ думаете?

— Господи́мъ засѣдатель, сказалъ мельникъ, всталъ съ камня и отошелъ нѣсколько поодаль,—вѣдь вы не станете такъ обращаться со мною какъ Янъ?

— Я только спрашиваю, мельникъ Фоссъ: что вы думаете, глядя на мельницу?

— Да что же мнѣ думать? сказалъ мельникъ и поглядѣвъ вверхъ на мельницу.—Я думаю, что она старая, что на будущій годъ къ ней нужно сдѣлать новыя крылья и что если въ ней стоять жернова не лучше того на которомъ мы теперь сидимъ, то Ставенгагенцамъ приходится вѣсть вѣстѣ съ мукою проласть леску.

— И ты правъ, отецъ, сказалъ хлѣбникъ.

— Нѣтъ, не правъ! воскликнулъ мой дядя Герзе.—Есаибъ онъ отвѣчалъ правильно, онъ долженъ бы сказать: ее слѣдуетъ зажечь. И ее зажгутъ. Всѣ мельницы во всей Германіи должны быть зажжены.

Съ этими словами господиновъ засѣдатель всталъ и началъ большими шагами ходить вокругъ жернова.

— Господи помиауй! сказалъ мельникъ Фоссъ.—Да кто же рѣшится на такое дѣло?

— Я! сказалъ мой дядя Герзе, ударилъ себя въ грудь, подошелъ къ своимъ собесѣдникамъ которые не понимали что съ нимъ дѣлается и заговорилъ шелотомъ:

— Когда всѣ оплочатся поголовно, тогда мы зажжемъ мельницы. Это называется сигналомъ. Вы вѣроятно даже и не знаете что такое сигналъ; вотъ вамъ лучшее доказательство того что вы ничего не понимаете въ войнѣ.

— Господиновъ засѣдатель, сказалъ мельникъ Фоссъ,—мнѣ все равно сигналъ это, или каваалъ, или какая ни есть другая штука. Кто вздумаетъ поджечь мою водяную мельницу, тому я себя дамъ знать.

— Я говорю про вѣтрянныя мельницы, мельникъ Фоссъ. Кто вамъ говоритъ про водяныя? Водяныя мельницы стоять на водѣ и не станутъ горѣть. Теперь спрашиваю васъ: Хватитъ у бургомистра храбрости и знанія чтобы дѣйствовать въ военное время такъ какъ а?

— Онъ не говорилъ что хочетъ зажигать мельницы, сказалъ хлѣбникъ и очень осласливо посмотрѣлъ на господина засѣдателя, потому что не зналъ какъ тотъ говорить: серьезно или въ шутку.

— Мой милый Виттъ, вы смотрите на меня какъ корова на новую дверь. Вы удивляетесь и думаете про себя: куда дѣветъ этотъ Ставенгагенскій засѣдатель? что онъ смыслитъ въ военномъ искусствѣ? Мой милый Виттъ, вы мѣсите

ваше тѣсо руками въ кадушкѣ, а я въ своей головѣ перебираю мысли и все разсуждаю да раздумываю. Еслибъ я занималъ то мѣсто которое мнѣ сѣдуетъ занимать, а отолъ бы теперь предъ Прусскимъ королемъ и разговаривалъ бы съ нимъ:

„— Чтѣ, ваше величество, оказалъ бы я, трудны дѣла?

„— Да какъ же не трудны-то, господишъ зашѣдатель, говоритъ онъ, денегъ у меня теперь совсѣмъ нѣтъ.

„— Больше ничего? спрашиваю я его. Это лустака! Дайте мнѣ только полномочіе чтобъ я могъ дѣлать чтѣ мнѣ вздумается—по латыни это называется *licentia poetica*, мельникъ Фоссъ,—да еще полкъ гренадеръ.“

„— Извольте, мой милый господишъ зашѣдатель, говоритъ король.

„Мнѣ даютъ полкъ. Я приказываю всѣмъ Жидамъ собраться со всего государства на дворъ Берлинскаго дворца, занимаю дворецъ моими гренадерами, а самъ беру роту и иду съ нею на дворцовый дворъ.

„— Ну, всѣ вы тутъ? спрашиваю я Жидовъ.

„— Всѣ, отвѣчаютъ Жиды.

„— Хотите вы, спрашиваю я Жидовъ,—добровольно пожертвовать половину вашего достоянія на алтарь отечества?

„— Мы не можемъ этого сдѣлать, говорятъ Жиды, — мы тогда разоримся.

„— Хотите или нѣтъ? спрашиваю я. — А самъ командую солдатамъ: *слирно!*

„— Господишъ зашѣдатель, говоритъ одинъ Жидъ,—возьмите четвертую часть.

„— Ни колѣйки меньше половины, отвѣчаю я. — *Цѣльсь!*

„— Мы согласны! кричатъ Жиды.

„— Прекрасно, говорю я.—Стулайте каждый по одиночкѣ въ Бѣлый Залъ. Тамъ на тронѣ сидитъ его величество. Кладите каждый ваша деньги предъ ступенями трона.

„— Когда всѣ перебывали въ залѣ, а самъ иду туда же.

„— Ну, говорю я,—какъ теперь дѣла, ваше величество?

„— Превосходно, мой милый господишъ зашѣдатель, говоритъ онъ. — Еслибы все остальное было въ такомъ же порядкѣ!

„— Подождите, все сдѣлаемъ! говорю я ему.—Дайте мнѣ только полковъ двадцать пѣхоты, десять полковъ кавалеріи, да столько пушекъ сколько вы можете удѣлать мнѣ изъ разныхъ городовъ.

„— Получайте, говоритъ король.

„— Ну, вотъ и ладно, говорю я и отправляюсъ со своими солдатами все по олушкамъ, да по болотамъ, да по лѣсамъ и настойливо прикрываю флаги. Бросаюсъ на Гамбургъ. Одолаваю принца Экмюла. Его ведутъ ко мнѣ.

„— Постройте-ка мнѣ висѣлицу повыше, говорю я солдатамъ.

„— Пощадите, говоритъ принцъ.

„— Нѣтъ пощады, говорю я.—Это тебѣ за то что ты хотѣлъ сдѣлаться герцогомъ Мекленбургскимъ.

— Ради Бога! господиныхъ засѣдатель, сказалъ мельникъ Фоссъ.—Не говорите такихъ словъ, вы погубите и себя и насъ. Подумайте, что можетъ быть если эти лѣшіе васъ поймутъ!

— Я про нихъ проклятыхъ совѣмъ было и забывалъ, сказалъ мой дядя Герзе.—Чортъ знаетъ что такое!

Онъ посмотрѣлъ подъ рядъ на лица Французовъ. Замѣтивъ что они не обращаютъ на него никакого вниманія, дядя Герзе присанился.

— Вы старый трусъ, мельникъ Фоссъ, сказалъ онъ.—Они не понимаютъ нашего нарѣчія. Итакъ: я вѣшаю его, поворачиваю налѣво, въ Гамбургъ, и налагаю съ тыла на него самого, на Корси..., ну, вы ужъ понимаете про кого я говорю. Все остальное пустяки. Главное—напасть съ тыла. Мы даемъ генеральное сраженіе. Пятьдесятъ тысячъ лѣшыхъ! Онъ посылаетъ ко мнѣ трубача.

„— Нельзя ли, говоритъ, перемиріе?

„— Нельзя, отвѣчаю я ему. — Мы вѣдь сюда тоже не для шутокъ пришли.

„— Ну такъ миръ, приказываетъ онъ мнѣ оказать.

„— Хорошо, говорю я.—Пожалуйте Рейнскую провинцію, Вестфалію, весь Альзасъ и три четверти Лотарингіи.

„— Не могу, говоритъ онъ,—моему брату нечѣмъ будетъ тогда жить.

„— А если такъ: олять впередъ! Я иду направо и усноковиваю Бельгію и Голландію. Потомъ вдругъ поворачиваю налѣво.

„— Чортъ знаетъ что такое! говоритъ онъ.—Олять этотъ проклятый засѣдатель пробрался ко мнѣ въ тылъ!

„— Первый гренадерскій полкъ! команду ю я, — ружья на деревъ! въ штыки!—Батарея взята.

„— Второй гусарскій полкъ! Впередъ!

„Овъ 'со своимъ генеральнымъ штабомъ тоже суется впередъ. Гусары—цалъ его за фалды.

„— Вотъ, говоритъ овъ, — моя шлага.

„— Хорошо, говорю я.—Пожалуйте съ нами. А вы, братцы, можете теперь спокойно расходиться по домамъ. Все кончено.

„Привожу его въ цѣляхъ къ ступенямъ трона.

„— Ваше прусское величество,—вотъ овъ.

„— Господинъ засѣдатель, говоритъ король,—просите себѣ какую-нибудь милость.

„— Ваше величество, говорю я,—дѣтей у меня нѣтъ, а ужъ если вы непременно хотите что-нибудь для меня сдѣлать, то дайте послѣ моей смерти небольшую пенсію моей женѣ. А что касается прочаго, то я желаю теперь олять возвратиться къ прежней должности Ставенгагенскаго засѣдателя.

„— Какъ вамъ угодно, говоритъ король. Замѣйте себѣ только вотъ что. Если вы прїѣдете какъ-нибудь въ Берлинъ, для васъ всегда накрытъ приборъ за моимъ столомъ.

„Я отвѣшиваю поклонъ. „Прощайте, ваше величество!“ И опять отправляюсь въ Ставенгагенъ.

— Это съ вашей стороны прекрасные поступки, сказалъ хлѣбникъ Виттъ.—Только что вамъ поможетъ вся эта военная наука? На свѣтъ все идетъ на выворотъ. У васъ его нѣтъ въ рукахъ, а вы, да и мы съ вами, сидимъ у него въ лапахъ, и къ ступенямъ трона поведутъ въ цѣляхъ не его, а насъ съ вами. Я думаю что бургомистръ постулилъ умѣе насъ всѣхъ. Овъ теперь сидитъ себѣ въ телѣ да подъ крышей, а мы стучимъ здѣсь зубами, точно какъ орѣхи которые пересылаютъ въ банкѣ.

— Ахъ полвоте! сказалъ мой дядя Герзе.—Это что за искусство—уделетнуть на глазахъ у всѣхъ. Мой совѣтъ такой: мы поступимъ тольше и убѣжимъ съ помощью военной хитрости. Прискивайте-ка пока каждый себѣ по хитрости, а то и по дѣѣ. Которая окажется всѣхъ лучше, ту мы и испытаемъ.

Между тѣмъ мельникъ Фоссъ замолокъ. Овъ пристально смотрѣлъ сквозь дождь на дорогу.

— Господи! воскликнулъ овъ наконецъ,—да можетъ ли это быть! Вътъ это ѣдетъ Фахель и съ нею сынъ Іохана Фосса, Генрихъ!

Дѣйствительно. Это ѣхали они.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Почему господи президентъ стоялъ предъ моею матушкой съ пустымъ тазомъ.—Что хотѣли Фихельъ и Геррихъ.—Почему Фрицъ Заальманъ не докончилъ своей рѣчи.

Сколько я могу припомнить, этотъ день былъ самымъ печальнымъ во всемъ моемъ дѣтствѣ. Господи! какъ было грустно въ комнатѣ моей матушки!

Моя матушка давно замѣтила что происходитъ что-то неладное. Она обладала очень живымъ умомъ, и могла очень быстро все уяснить и представить себѣ. Болѣзнь и страданія научили ее быть терпѣливою и переносить все что бы ни случалось. Но неизвѣстность очень плохая вещь, а когда вѣтъ даже и возможности узнать что-нибудь навѣрное, то это еще хуже. Когда матушка услышала въ сѣняхъ громкую рѣчь моего отца, сердитые голоса Французовъ и отрывистое приказаніе полковника, она, не понимая словъ, поняла однако что тамъ происходитъ. Ее охватилъ страхъ, а между тѣмъ воявъ нея никого не было, никто не являлся на званъ ея колокольчика. Ея безпомощное положеніе и горькое сознаніе того что она и другимъ не можетъ оказать помощи, что она находится не тамъ гдѣ бы ей слѣдовало быть, не воявъ моего отца, сломили ея силы. Когда президентъ вошелъ въ комнату моя матушка лежала въ своемъ креслѣ безъ чувствъ, точно мертвая.

Старый президентъ входилъ съ самымъ лучшимъ изреченіемъ Марка-Аврелія на устахъ. Увидавъ положеніе матушки, онъ совершенно вышелъ изъ своей роли и началъ восклицать:

— А? что же это? Дружокъ! что съ вами? А? что съ вами?

Президентъ котораго обыкновенно ничто не могло заставить потерять присутствіе духа, рѣшительно не зналъ теперь что такое предъ нимъ совершается. Мысли его пошли въ разбродъ. Онъ сохранилъ только темное сознаніе о томъ что здѣсь необходимо что-нибудь дѣлать, и когда я весь въ слезахъ вбѣжалъ въ комнату, президентъ стоялъ предъ моею матушкой съ пустымъ тазомъ въ рукахъ и восклицалъ: „это право удивительное дѣло!“ На мой крикъ явились наконецъ на помощь жена президента и дѣвица

Вестфаленъ. Я обнялъ мою матушку и все твердилъ: „матушка, милая матушка, оны опять вернется; оны велѣлъ мнѣ сказать тебѣ что оны скоро вернется опять“! Наконецъ она пришла въ себя. Сначала у всѣхъ былъ только испугъ. Теперь началось гореваніе.

Для того кто только хочетъ оказать горящему знакъ своей вѣжливости, нѣтъ ничего легче какъ утѣшать его словами въ которыхъ сердце не принимаетъ никакого участія. Но нѣтъ ничего труднѣе утѣшенія для того кто хочетъ излить свое сердце, все нереполненное любовію, въ другое бѣдное и тоскующее сердце, и при этомъ чувствовать что всей его любви не достаточно чтобъ оживить это сердце для новой надежды. А когда кто-нибудь самъ не вѣрить въ свои утѣшенія, тогда это дѣло становится для него совсѣмъ невозможнымъ. Здѣсь, слава Богу, было не такъ. Вокругъ моей матушки собрались самыя вѣрныя и преданныя сердца, и старику-президенту вмѣстѣ съ его женой удалось мало-по-малу успокоить матушку въ ея горѣ. А когда она опять пришла въ такое состояніе что слова могла выслушивать резоны, то за ними дѣло не стало. Ни у кого въ дѣломъ свѣтѣ ихъ не было столько какъ у стараго господина президента и оны на нихъ теперь не скупила.

На меня резоны дѣйствовали менѣе. Но я утѣшилася однако скорѣе нежели моя матушка. Дѣвица Вестфаленъ взяла меня на колѣни. Слезы такъ и лились у нея изъ глазъ между тѣмъ какъ она развивала предо мною самыя очаровательныя виды на превосходныя яблоки. Но перспектива эта подѣйствовала на меня. Дѣтское сердце скоро утѣшается: для деревень нуженъ обильный дождь; травинка освѣжается отъ капли росы.

Когда стихло первое горе, въ комнату вошелъ городской стражъ Лутъ и сказалъ президенту что дочь мельника Фосса, Фихель, желаетъ оказать ему два слова.

— Дружокъ, сказалъ президентъ моей матушкѣ, — это хорошая дѣвушка, я знаю что она хороша; она вѣроятно боится за своего отца; я думаю вамъ слѣдуетъ выслушать что ей бѣдой, нужно. Что говоритъ Горацій? *Est solamen miseris socios habuisse malorum.* Я вамъ это потомъ переведу. — Лутъ, впусти ее сюда, любезный.

Фихель вошла. Это была стройная, миловидная дѣвушка; ея свѣжія щеки свидѣтельствовали объ ея цвѣту-

цемъ здоровьемъ; глаза ея были теперь печальны, не было видно что они могутъ свѣтло и весело глядѣть на Божій миръ. Весь видъ ея показывалъ что она была умная и ловкая дѣвушка, которая не отступитъ отъ того что разъ было задумано ею, а ея открытое и честное лицо свидѣтельствовало что она не задумаетъ неправого дѣла. Она отъ дожда повязала себѣ голову платкомъ и стояла теперь въ своемъ белосагомъ платьѣ такою опрятною предъ старикомъ президентомъ что онъ не утерпѣлъ и обратился къ своей женѣ.

— Гетхенъ! А? что ты окажешь?

Присѣвъ президенту, Фихенъ подошла къ его женѣ, къ моей матушкѣ и къ дѣвцѣ Вестфаленъ. Она присѣла также предъ ними и подала имъ руку. Таковъ былъ обычай въ то старое, простое время.

— Господишь президентъ, сказала Фихенъ,—мой отецъ и всѣ наши крестьяне всегда разказываютъ про васъ много хорошаго. Поэтому я взяла смѣлость въ своей бѣдѣ явиться къ вамъ.

— Что же у тебя за бѣда, мое дитя? ласково сказалъ старикъ и положилъ ей на голову свою руку. А? въ чемъ твоя бѣда?

— Мой отецъ невиненъ, сударь, заговорила она опять и доверчиво посмотрѣла въ глаза старика.

— Я это знаю, мое дитя, сказалъ президентъ и кивнулъ головою.

— И поэтому я и не опасуюсь чтобъ его долго стали держать. Я думаю что его скоро отпустятъ.

— Гм! Разумѣется. То-есть, такъ олдѣвадо бы поступить по справедливости. Но въ теперешнія времена правъ тотъ на чьей сторонѣ сила. Въ обыкновенное, спокойное время уже бываетъ трудно для человѣка отличить праваго отъ виноватаго; въ военное время это еще труднѣе, въ особенности когда люди не хотятъ дѣлать этого различія.

— За это я не опасуюсь, быстро сказала Фихенъ. Онъ долженъ быть освобожденъ, и притомъ скоро. Но мой отецъ человѣкъ старый. Съ нимъ можетъ что-нибудь случиться. Цѣлаѣ него никого нѣтъ. Мнѣ хочется поэтому отправить-ся вслѣдъ за нимъ.

— Дитя мое, сказалъ старикъ и покачалъ головою,—ты молода, а солдаты народъ озорной. Твоему отцу будетъ въ радость, если ты попадешь къ нимъ.

— Я отправляюсь не одна, сударь. Мой родственникъ Генрихъ, сынъ Йохана Фосса, хочетъ ѣхать со мною. Мы думаемъ, не дадите ли вы намъ бумагу, въ родѣ открытаго листа; тогда съ нами ничего не можетъ случиться.

— Открытый листъ? оказалъ старый президентъ и еще сильнѣе закачалъ головою.— Народъ этотъ не обратитъ никакого вниманія на открытый листъ Ставенгагенскаго президента. А впрочемъ,—онъ обратился къ моей матушкѣ,— не дать ли ей, дружокъ, письмо къ полковнику фонъ-Толль? А? какъ вы думаете?—Иетхень! онъ будетъ не сынъ Рената фонъ-Толль если оставитъ безъ защиты эту дѣвушку. И ты говоришь, обратился онъ снова къ Фихель, что твой родственникъ Генрихъ хочетъ ѣхать съ тобою?

— Да, сударь, онъ стоитъ въ сѣняхъ.

— Позови-ка его сюда!

Генрихъ пришелъ. Это былъ высокій, стройный, широкоплечій паренъ съ голубыми глазами и русыми волосами. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ которые въ рабочую лѣтнюю пору дѣйствуютъ косою безъ устали съ шести часовъ утра до девяти часовъ вечера, какъ будто бы держать въ рукахъ леро.

— Ты хочешь ѣхать съ Фихель, сынъ мой? спросилъ его президентъ.

— Да, сударь.

— И будешь ее защищать? не покинешь ея?

— Да, сударь, у меня здѣсь лошадь и повозка. Я думаю что если эта французская дрянъ ничего противъ этого не скажетъ, то лѣзавые могутъ ѣхать вмѣстѣ съ Фихель, а я пойду лѣшкомъ рядомъ съ вами.

— Господинъ президентъ! воскликнула моя матушка,—помогите имъ сдѣлать то что они хотятъ. Это можетъ-быть единственный случай послать моему мужу самыя нужныя вещи. Его вѣдь увели въ чемъ онъ былъ, при этой погодѣ-то!

— Вы правы, дружокъ, вы правы! Я напишу тебѣ письмо, Фихель. Иетхень, старый мельникъ тоже уѣхалъ безъ одежды, позаботься-ка объ этомъ. Дайте ему мою шивель, камизель Вестфаленъ, да еще вочной колмакъ. Я знаю, онъ носитъ вочные колмаки. А кто разъ привыкнетъ къ нимъ,—онъ обратился къ моей матушкѣ,—тотъ, дружокъ, не можетъ безъ нихъ обойтись.

— Фрицъ, сказала мнѣ жена президента,—сбѣгай въ домъ къ хлѣбнику Витту и спроси не хочетъ ли его дочь также послать ему что-нибудь.

Началось укладываніе. Въ одну минуту все было готово и уложено на повозку. Тутъ подошла еще дочь хлѣбника съ большою корзиной булокъ и колбасъ. Фихенъ сидѣла уже на повозкѣ. Господинъ президентъ написалъ и отдалъ ей письмо. Потомъ онъ отозвалъ Генриха въ сторону.

— Такъ это ты, сказалъ онъ,—сынъ Юхена Фосса, который такъ долго велъ тяжбу съ мельникомъ?

— Точно такъ, господинъ президентъ,—не извольте на меня гнѣваться. Отецъ мой былъ упрямъ и хотѣлъ поставить на своемъ. Я изъ-за этого и пріѣхалъ и уже переговаривалъ съ мельникомъ, а потомъ съ Фихенъ. Если только дѣло пойдетъ такъ какъ мнѣ бы этого хотѣлось, то мы его скоро уладимъ.

— Послушай, сынъ мой, сказалъ старый президентъ и протянулъ Генриху руку,—я тебѣ скажу двѣ вещи. Во первыхъ, ты мнѣ нравишься. Вторыхъ, ты взялся защищать мельникову Фихенъ. Если ты допустишь тронуть волосокъ на ея головѣ, то не показывайся мнѣ на глаза.

Съ этими словами президентъ повернулся, вошелъ въ комнату моей матушки и сказалъ:

— Отличная дѣвушка, дружокъ!

— Что тебѣ говорилъ господинъ президентъ? спросила Фихенъ когда Генрихъ сѣлъ рядомъ съ нею и повозка тронулась.

— Такъ, ничего, оказалъ Генрихъ.—Ты однако можешь простудиться.

И съ этими словами онъ накрылъ ее шивелью президента и быстро покатилъ по улицѣ. Едва успѣли они выѣхать за городскія ворота какъ имъ начали попадаться на встрѣчу Сгавенгагенскіе обыватели которые ходили провожать Французовъ. Фрицъ Зальманъ, разумѣется, шелъ впереди всѣхъ. Платье его было такъ выпачкано какъ будто онъ цѣлый день топталъ въ ямѣ глину.

— Бургомистръ удраалъ! громко кричалъ онъ по улицѣ.— Бургомистръ ускакалъ на лошади старика Николаи! Я подаю ему знакъ, а онъ—разъ!—и былъ таковъ!

— Неужто ты правду говоришь, ларень? сказала жена саложника Банка, которая высунулась изъ окна, поджидая своего мужа.

— Правду, сосѣдка, сказалъ подошедшій въ это время старшина пожарнаго обоза,—бургомистръ ускакалъ. Но твоему мужу Французъ прописали на память грамотку. Сварика ему шафраву съ мукой да положи на сливу. Французъ его тамъ маленько огрѣли прикладомъ.

Точно огонь разнеслось по всему городу извѣстие: „бургомистръ ускакалъ отъ Французовъ на лошади Николаи“!

Городской стражъ Лутъ влетѣлъ въ комнату моей матушки съ такимъ лицомъ какъ будто Свѣтае Христово Воскресеніе и Троицынъ День приишлись, и ему, Луту, одному досталась на долю радость испытываемая всеми Стенгагенскими обывателями въ эти праздники.

— Не пугайтесь, сударыня! кричалъ онъ.—Господи въ президентъ! добрыя вѣсти! Мамзель Вестфаленъ! Чтò случилось-то! Совсѣмъ чудеса! Вѣдь нашъ-то, господи въ бургомистръ-то, удралъ отъ Французовъ!

Господи! вотъ поднялось волненіе! У моей матушки затрясались руки и ноги. Господи въ президентъ позабылъ свои лѣта и свое положеніе. Онъ схватилъ городского стража за воротникъ и началъ трасти его сколько у него было силъ.

— Лутъ! кричалъ онъ.—Оломались! намъ здѣсь не до шутокъ!

Жена президента тревожно приблизилась къ моей матушкѣ. Дѣвица Вестфаленъ сидѣла молча, точно окаменѣла. Наконецъ она заговорила:

— Не при васъ будь сказано, господи въ президентъ: этотъ городской стражъ шутъ и больше ничего.

— Господи въ президентъ! кричалъ между тѣмъ Лутъ,—да повѣрьте же мнѣ! Фрицъ Зальманъ все видѣлъ самъ и сказалъ мнѣ.

— Фрицъ Зальманъ? мой Фрицъ Зальманъ? спросилъ президентъ и выпустилъ изъ рукъ городского стража.

— Господи въ президентъ, совершенно спокойно сказала дѣвица Вестфаленъ,—съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я не знаю чтò тамъ случилось, но къ Фрицу Зальману правда всегда сидитъ сливою.

— Гдѣ Фрицъ Зальманъ? воскликнулъ президентъ.

— Онъ стоитъ здѣсь въ сѣняхъ, сказалъ Лутъ.

Старикъ президентъ большими шагами подошелъ къ двери и закричалъ:

— Фрицъ Зальманъ! поди-ка сюда!

Фрицъ Зальманъ вошелъ. Въ душѣ его боролись два чувства: желаніе разказать свои подвиги и страхъ получить гонку за тотъ видъ въ которомъ онъ являлся. Одно чувство подталкивало его впередъ, другое тянуло его назадъ; одно дѣйствовало вѣроятно на его правую сторону, другое—на лѣвую. Несомнѣнно то что онъ вошелъ въ дверь бокомъ, казовымъ концомъ впередъ. Но расчетъ его оказался невѣренъ. Онъ опустилъ изъ виду что при этомъ положеніи его корпуса, дѣвица Вестфаленъ и жена президента прежде всего должны были увидѣть его естественный центръ тяжести которымъ онъ въ лоцинѣ прямо опустился въ грязь.

— Фрицъ Зальманъ, спросилъ старикъ президентъ, что это все значить?

Фрицъ Зальманъ, входившій въ комнату не безъ нѣкоторой гордости, опустилъ голову и посмотрѣлъ на свое платье.

— Это ничего, господинъ президентъ, сказалъ онъ,—одна чистая глина.

— Господи помилуй! воскликнула жена президента.—На кого онъ похожъ? Кто его теперь можетъ отчистить?

— Софья и Каролина, спокойно сказала дѣвица Вестфаленъ.—Только ужъ тутъ нужно будетъ дѣйствовать метлами.

— Фрицъ Зальманъ, сказалъ господинъ президентъ, говори мнѣ сейчасъ всю правду. Что бургомистръ: окрылся отъ Французовъ или нѣтъ?

— Да, господинъ президентъ, сказалъ Фрицъ и олять подымалъ голову,—онъ отъ нихъ удралъ.

— Вреть! вставила дѣвица Вестфаленъ, какъ будто говоря про себя.—Какая ужъ можетъ быть правда въ такомъ нечистомъ сосудѣ.

— Разказывай, Фрицъ! сказалъ господинъ президентъ.

И Фрицъ началъ разказывать. Въ свѣтѣ случается что иной хочетъ забрать себѣ ужъ очень много почестей и чрезъ это лашается и того что дѣйствительно саждовало бы на его долю. Такъ было и съ Фрицемъ. Когда онъ дошелъ до своего участія во всемъ этомъ происшествіи, онъ началъ разказывать такъ подробно, такъ обстоятельно прихвастая описывать свое ладеніе и съ такими вычурами выставлялъ на видъ свой геройскій поступокъ что разказъ его еще

далеко не былъ оконченъ, когда Лутъ вошелъ въ комнату съ Трѣйнеромъ, старшиною пожарнаго обоза. Господинъ президентъ обратился къ нему:

— Мой милый Трѣйнеръ! Что вы знаете про это дѣло?

Трѣйнеръ поваялъ изъ тона вопроса что президентъ считаетъ его за образованнаго человѣка и рѣшилъ показать что онъ дѣйствительно таковъ. Онъ отвѣтилъ что „состоялъ при этомъ дѣлѣ съ самаго, можно сказать, его основанія и до самаго, то-есть, конца.“ Затѣмъ онъ разказалъ всю исторію сначала, совершенно опустивъ участіе въ немъ Фрица Зальмана и окончилъ слѣдующими словами:

— Тутъ господинъ бургомистръ выскочили изъ-подъ мантия господина засѣдателя, изволили обогнуть экинажъ, обоглаужи, взобрались, значить, вверхъ по откосу, прыгнули за дерево, вырвали у Фрица изъ рукъ поводья и вскочили на сѣдло. Ну ужъ потомъ, когда они, такъ нужно говорить, почувствовали себя на сѣдлѣ, ну тутъ ужъ они и пустились съ горы въ рѣдъ, знаете, птица.

— Ну, а Французы? спросилъ старшій президентъ.

— О господинъ президентъ! они совсѣмъ окончили. Хотѣли стрѣлять, да ничего изъ этого дѣла не вышло по случаю сырости. Ну, значить, они, лаяя злобу, накупились на насъ, совсѣмъ къ сему дѣлу не прикасающихся зрителей, и оказали прикладомъ невѣжество по слуху саложнику Банку, что живетъ на Бранденбургской улицѣ. Послѣ этого мы всѣ пустились бѣжать восвояси.

— Дружокъ, воскликнулъ старшій президентъ, — да вѣдь вашъ маленькій бургомистръ молодецъ! Онъ точно ружье: приложился—и готово!

Но та къ которой обращена была эта рѣчь не слыхала ея. Моя матушка лежала на своемъ креслѣ и плакала. Когда разказчикъ упомянулъ про выстрѣлы, матушка такъ крѣпко прижала къ себѣ руку жены президента какъ будто она должна была предохранить ее отъ обморока который снова подкрадывался къ ней. Когда она увѣрилась наконецъ что мой отецъ остался живъ и здоровъ, она покрыла свое лицо платкомъ и начала тихо плакать.

Были ли это слезы радости? Кто можетъ отвѣтить на это? Кто можетъ сказать гдѣ граница между радостью и горемъ? Радость и горе въ удивительныхъ переходахъ соединены въ сердцѣ человѣка; онѣ перелетены какъ основа и

уто́къ, и благо тому у кого изъ обонхъ образуется плотная ткань! Въ основѣ слеза которая рождается отъ скорби, точно также есть уто́къ изъ надеждъ, какъ уто́къ страха существуетъ въ основѣ слезъ радости. Испугъ по поводу всего происшедшаго съ моимъ отцомъ и страхъ за его будущность санился у моей матушки въ одно цѣлое съ радостнымъ чувствомъ благодарности Промыслу за спасеніе ея мужа, и слезы падавшія изъ ея глазъ не были слезами одной радости. Падаютъ ли вообще въ этомъ мірѣ чистыя слезы радости?

Всѣ притихли. По комнатѣ „пролетѣлъ ангелъ“, но онъ пролетѣлъ быстро. Ангеламъ не долго остаются у насъ на земѣ. Я знаю что онъ пролетѣлъ быстро потому что весь въ слезахъ стоялъ прислонивъ голову къ нашимъ большимъ часамъ и слушалъ стукъ маятника. Черезъ мгновеніе я подвинулъ голову. Старый президентъ смотрѣлъ черезъ окно на сѣрое небо, его жена плакала вмѣстѣ съ моею матушкой, дѣвица Вестфаленъ держала за руку Фрица Зальмана и плакала тоже. Когда ангелъ пролетѣлъ, она заговорила первая:

— Фрицъ, дитя мое, ступай въ замокъ и надѣнь сухое платье. Софья дастъ тебѣ твой праздничный сюртукъ.

— А я, господинъ президентъ, пойду въ Гюльцовъ, сказалъ городской стражъ Луть.—Трѣпверъ отправится въ другую сторону. Намъ ужъ тогда не миновать встрѣтить господина бургомистра.

Старикъ президентъ кивнулъ головой. Онъ подошелъ къ моей матушкѣ, къ колымажѣ которой я прислонился, и сказалъ:

— Дружокъ! вы и вотъ этотъ мальчуганъ имѣете сегодня полное основаніе благодарить Господа Бога.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Почему поковникъ отвернулась когда Фихенъ начала говорить съ нимъ и почему Фихенъ отвернулась когда Генрихъ заговорилъ съ нею. — Почему господинъ застѣватель бранилъ худощавыхъ людей, а мельникъ желалъ быть вороной.

Когда Фихенъ пріѣхала съ Генрихомъ къ мѣсту гдѣ стали Французы, она начала осматриваться и быстро машала глазами своего отца, сидѣвшаго съ другими лѣвными податъ мельницы.

— Вотъ мой отецъ, сказала она Генриху.

— Такъ мы повернемъ теперь направо и черезъ поле выйдемъ къ мельницѣ, сказалъ Генрихъ.—Черезъ лоцину не пройдешь, да тогда тебѣ и нельзя будетъ поговорить съ отцомъ.

— Нѣтъ, сказала Фихель,—бери не направо, а налево. Я не хочу говорить теперь съ отцомъ. Ахъ, Господи! онъ насъ увидалъ и махаетъ намъ!

— Фихель, сказалъ Генрихъ и взялъ налево, — что это значить? почему ты избѣгаешь отца?

— Потому что не могу сдѣлать ему никакой пользы пока не передамъ письма. Какъ знать, понравится ли Французамъ если я стану говорить съ нимъ? Можетъ-быть они поднимутъ изъ-за этого шумъ и споръ и поведутъ насъ къ полковнику, а онъ тогда ужъ ласково не посмотритъ на насъ. И потомъ къ чему намъ подавать отцу надежды которыя Богъ вѣсть когда еще исполнятся? Теперь пока достаточно и того что онъ знаетъ про наше присутствіе.

Между тѣмъ лужки откопали и вытащили изъ лоцины и Французы олять тронулись. Пѣвнымъ велѣли идти по одному краю лоцины; Генрихъ ѣхалъ по другой, съ трудомъ подвигаясь черезъ вспаханное поле. Фихель покала глазами полковника.

— Если я его увижу, я узнаю его, говорила она Генриху.— У него доброе лицо, хотя оно и было сердито въ то время когда онъ вводилъ бургомистра.

Они миновали лужки и подѣхали къ большой толпѣ Французовъ которые медленно ползли по грязи. Фихель увидала наконецъ полковника. Онъ шагомъ ѣхалъ впереди съ нѣсколькими офицерами.

— Теперь, Генрихъ, сказала Фихель,—обоглай ихъ и потомъ остановись. Я тогда выйду.

Генрихъ обогналъ Французовъ. Когда полковникъ подѣхалъ, Фихель сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу протянула ему свое письмо и сказала:

— Сударь, у меня къ вамъ письмо.

Полковникъ остановился. Онъ взялъ письмо, и съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на Фихель:

— Отъ кого, дитя мое?

— Отъ нашего господина президента Вебера.

Полковникъ распечаталъ письмо и началъ читать. На лицѣ его появилось выраженіе глубокаго состраданія.

Прочитавъ письмо до конца, онъ молча покачалъ головой. Фихенъ съ замираемъ сердца смотрѣла на него. Она читала отвѣтъ на лицѣ полковника, и когда онъ печально покачалъ головой, изъ глазъ ея брызнули слезы.

— Это мой отецъ, сударь, воскликнула она, — и я у него единственная дочь!

Она могла бы сказать все возможное и никакая рѣчь, никакая просьба не сдѣлали бы на этого строгаго человека такое впечатлѣніе какое произвели эти нѣсколько словъ на народномъ языкѣ. У полковника также былъ старикъ отецъ и онъ былъ его единственнымъ сыномъ. Его отецъ жилъ въ Вестфалии, одинъ-одинешенецъ въ своемъ родовомъ замкѣ, недовольный своимъ народомъ и своею страной. Время и обстоятельства бросили не одинъ камень между нимъ и его единственнымъ сыномъ; изъ камней этихъ мало-по-малу образовалась широкая стѣна, черезъ которую они почти перестали ловимать другъ друга. Изъ этого возникли недоразумѣнія и недовольство, а гдѣ они поселятся, тамъ въ тишинѣ непременно заговорить совѣсть. Какъ часто при воспоминаніи объ отцѣ сердце говорило полковнику: „твой отецъ старикъ и ты у него единственный сынъ!“ Радость и печаль, громъ пушекъ и шумъ сраженій по временамъ могли заглушать этотъ голосъ; но большое мѣсто въ сердцѣ все продолжало сказываться. Въ первый разъ самъ шалъ онъ изъ чужихъ устъ, на языкѣ своего дѣтства, тѣ слова которыя въ тиши говорило ему его сердце. Ему казалось что въ словахъ этихъ нѣтъ болѣе упрека; они кротко звучали ему какъ слово прощенія, и когда онъ увидалъ предъ собою бѣдную молодую дѣвушку, когда онъ взглянулъ на ея озабоченное, боязливое лицо, у него сдѣлалось такъ тепло на душѣ что онъ принужденъ былъ отвернуться и прошло нѣсколько времени прежде нежели онъ могъ опять заговорить съ Фихенъ. Наконецъ онъ обратился съ духомъ и сказалъ такимъ голосомъ въ которомъ отражалось все его душевное состояніе:

— Мое милое дитя! я не могу теперь освободить твоего отца; современемъ это вѣроятно будетъ сдѣлано. Но ты любишь твоего отца и я не хочу чтобы ты обращалась ко мнѣ понапрасну. Ты останешься при твоёмъ отцѣ; онъ

можетъ ѣхать съ тобою на твоей повозкѣ. А когда мы прѣдемъ въ Бранденбургъ, приходи ко мнѣ опять.

Сказавъ это, полковникъ сдѣлалъ нужныя распоряженія и поѣхалъ далѣе со своими офицерами. Генрихъ подѣхалъ ближе съ повозкой и спросилъ:

— Ну, Фихель, какъ дѣла? Да, впрочемъ, тебя нечего и спрашивать. Я по твоему лицу вижу что они отпустили старика.

Овъ обнялъ ее рукой.

— Поѣдемъ, Фихель. Садись на повозку. Вотъ идетъ еще тола Французовъ. Отѣдемъ отъ нихъ въ сторону.

— Они ничего не сдѣлаютъ намъ, сказала Фихель и посмотрѣла вдаль по дорогѣ.—Овъ не отпустилъ отца, но обѣщавъ его отпустить. Мнѣ позволили остаться съ нимъ и овъ поѣдетъ со мною. Ты, Генрихъ, можешь теперь ѣхать домой, присмотрѣть за мельницей, да помочь матушкѣ.

Генрихъ обвязалъ вожжи вокругъ дерева, нагнулся, поправилъ что-то въ упряжи и погладилъ рукой мокрую шерсть своей лошади.

— Ты правъ, Генрихъ, сказала Фихель,—ты боишься оставить твою повозку. Ее можетъ взять къ себѣ старикъ управляющій Николаи, овъ съ удовольствіемъ это сдѣлаетъ.

— Фихель, сказалъ Генрихъ,—я не думалъ о повозкѣ. Я думалъ о тебѣ и о томъ что сказалъ мнѣ господи́нъ президентъ.

— Что же овъ сказалъ тебѣ? спросила она.

— Чтобы я не показывалась ему на глаза если позволю кому-нибудь тронуть у тебя хоть волосокъ. Я, Фихель, обѣщавъ ему заступаться за тебя во всякое время. И когда я обѣщавъ ему это—овъ подошелъ къ ней, взялъ ея руку и чистосердечно посмотрѣлъ ей въ глаза—слова мои слышали кромѣ господина президента еще Господь Богъ да мое сердце.

Фихель вся вспыхнула. Овъ хотѣлъ обнять ее рукой. Она увернулась отъ него.

— Не здѣсь, Генрихъ! Не сегодня, Генрихъ! Господи, Боже мой! вотъ идетъ мой отецъ!

Она пошла навстрѣчу отцу. Генрихъ стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ дерево съ котораго въ зимнее время опали зеленые листья; на вѣтвяхъ такого дерева птицамъ не поютъ болѣе радостными лѣсами любви. Но когда Фихель обернулась,

снова подошла къ нему, со слезами сказала: „Генрихъ! Генрихъ!“ и быстро кинулась потомъ къ отцу, на застывшемъ деревѣ начали распускаться листь за листомъ, на вѣтвяхъ его опять зазвенѣли лѣски про радость и любовь, а вокругъ засіяла весна, та весна которая продолжается цѣлую жизнь и выдерживаетъ зной, бури и вѣтры, если только весна эта настоящая и жизнь такая какою ей слѣдуетъ быть.

— Фихенъ! воскликнулъ мельникъ Фоссъ, какъ ты сюда попала?

И когда Фихенъ упала ему на шею и со слезами показала ему все какъ было, старикъ началъ бранить ее и сказалъ что Генрихъ могъ бы пріѣхать одинъ, что это такіа дѣла въ которыя нечего вступаться женщинамъ. Но засѣдатель Герзе объявилъ что мельникъ ничего въ этомъ не смыслить, что Фихенъ такъ хорошо придумала, пріѣхавъ со своею повозкой, какъ пожалуй не могъ бы лучше вдумать оны, засѣдатель. Въ поясненіе оны прибавилъ что на немъ тонкіе салоги которые нарочно были заказаны сапожнику Банку для того чтобы надѣвать ихъ во время засѣданія, а не для того чтобы пройти въ нихъ четыре мили по Мекленбургской дорогѣ. А хлѣбникъ Виттъ, усмхавъ про корзину съ будками и колбасой, ударилъ себя рукой по желудку и сказалъ что Фихенъ самая лучшая изъ всѣхъ его крестницъ, и что хотя оны долго можетъ питаться своимъ собственнымъ жиромъ, но что обстоятельства измѣняютъ положеніе всякой вещи, и что при такой погодѣ нужно подкладывать дрова въ самую лучшую печь.

Между тѣмъ французскій сержантъ передалъ конвою приказаніе полковника, и всѣ лѣвляники сѣли на повозку и устроились здѣсь такъ удобно какъ только было возможно каждому. Мой дядя Герзе воспользовался платьемъ присланнымъ для моего отца, потому что въ качествѣ сослуживца оны стоялъ къ нему всѣхъ ближе. При этомъ оны не утерпѣлъ чтобы не выразить всѣхъ сухощавыхъ людей вообще и моего отца въ частности.

— Я уже не буду говорить про высоту, сказалъ оны;—ужь если ея вѣтъ, то ее ни откуда не возьмешь. Но на счетъ полноты всякій благоразумный человекъ можетъ озаботиться своевременно. Ну посмотрите, Виттъ, это вотъ называется бекешью для взрослого человека!—И оны поднялъ вверхъ и показалъ всѣмъ бекешку моего отца.

— Господинъ застѣдатель,—сказалъ хлѣбникъ Виттъ,—просуньте обѣ руки спереди въ рукава, такъ чтобы бургомистра спина прилась вамъ на грудь да на животъ, а вотъ вамъ еще другая бекешъ, тою вы себѣ накройте спину. Изъ двухъ-то у васъ и выйдетъ одна настоящая. Чтò жь дѣлать-то!

Дядя Герзе послушался и сталъ похожъ на хорошую, жирную устрицу которую послали путешествовать. На спицѣ и на груди у нея сплошная ракушка, а съ боковъ она раскрывается. Хлѣбнику Витту прислали шелковый салолъ его покойной жены. Онъ вывернулъ его кроликовымъ мѣхомъ вверхъ.

— Въ такую погоду, говорилъ онъ, жаль шелковую покрышку, ну а мѣхъ вынесетъ, кролики во всякій дождь бѣгаютъ такимъ манеромъ.

Мой дядя Герзе и хлѣбникъ одѣлись довольно скоро. Но съ мельникомъ дѣло таки позамялось, даже и очель. Когда онъ усамхалъ что предназначенная ему шивель съ семью воротниками составляетъ законную собственность господина президента, мельникъ сначала почувствовалъ къ ней уваженіе и все жеманился какъ будто онъ имѣетъ дѣло съ самимъ президентомъ и тотъ хочетъ пропустить его въ дверь впереди себя. Потомъ онъ расчувствовался тому что господинъ президентъ подумалъ про его удобство, и сказалъ что онъ, мельникъ, этого не стоить. Наконецъ, когда Фихель уже надѣла на него одинъ рукавъ шивели, мельника вядо раздумье какъ бы его не приняли за важнаго барина.

— Отецъ, сказалъ онъ обращаясь къ Витту,—если я теперь начну говорить, да изъ-за семи воротниковъ-то выдѣзетъ вдругъ свиное ухо, чтò тогда-то дѣлать?

— Это точно, отецъ, сказалъ хлѣбникъ Виттъ,—ты въ этомъ правъ. Изъ свиного уха шелкового кошелька не сдѣлаешь. А ты вотъ чтò, молчи! Или ужь говори по-книжному, ты вѣдь умѣешь.

— Умѣть-то я умѣю, да ничего изъ этого не выходитъ, сказалъ мельникъ.

Онъ сѣлъ однако на переднее мѣсто. За нимъ усѣлись и всѣ остальные за исключеніемъ Генриха.

— Генрихъ, сказалъ мельникъ Фоссъ,—да чтò же ты это? Да развѣ это порядокъ чтобы на твоей же повозкѣ да тебѣ мѣста не было? Фихель, подвинулся-ка, очисти ему мѣстечко.

Но Генрихъ сказалъ что ей не нужно подвигаться. Онъ закрылъ Фихенъ ноги покрываломъ своей лошади и объявилъ что пойдетъ лѣшкомъ. Дѣйствительно, Генрихъ пошелъ рядомъ съ повозкой: онъ то перепрыгивалъ черезъ ровъ, то возвращался опять на дорогу, но все шелъ такъ чтобъ ему можно было смотрѣть Фихенъ въ глаза.

— Господинъ засѣдатель, сказалъ мельникъ Фоссъ,—это мой родственникъ, сынъ Йохена Фосса. Не правда ли, славный парень?

— Да, сказалъ засѣдатель Герзе. Онъ красивый парень.

— Хорошій парень, сказалъ хлѣбникъ Виттъ.

Фихенъ не говорила ничего. Но она думала что Генрихъ „добрый“ и „вѣрный“. Быть-можетъ она придумала бы еще и другія качества, но вдругъ Генрихъ подошелъ къ ней, ласково поглядѣвъ на нее и спросилъ не холодно ли ей. Всѣ мысли разлетѣлись внезапно. Фихенъ протянула ему руку и сказала:

— Посмотри: у меня рука совсѣмъ теплая.

Хлѣбникъ Виттъ раскрылъ корзину съ булками и колбасой и роздалъ каждому его долю. Господинъ засѣдатель очень похвалилъ булки. „Вѣдь вотъ смотри какой лутъ“, сказалъ про себя хлѣбникъ, „у меня не покупаетъ хлѣба, а какъ пришла нужда такъ и ракъ рыбой сталъ.“ Господинъ засѣдатель наклонился къ хлѣбнику и вполголоса прошепталъ ему на ухо:

— Послушайте, Виттъ: вотъ впереди шивекъ. Если у этихъ слугъ корсиканскаго злодѣя въ душѣ остался еще хотя слѣдъ человѣческаго чувства, то они позволятъ намъ хлебнуть глотокъ вина на ваши булки.

Говоря это дядя Герзе по разсѣянности свѣсилъ черезъ край повозки руку въ которой онъ держалъ колбасу и булку. Вдругъ онъ почувствовалъ что кто-то трогаетъ его пальцами. Онъ оглянулся и увидалъ что одинъ изъ „корсиканскихъ палачей“ преспокойно улизываетъ его колбасу и булку. Господинъ засѣдатель только-что хотѣлъ обратиться къ мародеру съ громовою рѣчью, какъ другая французская рожа запустила свою лапу въ повозку и потащила къ себѣ всю корзинуку.

— Господи помилуй! воскликнулъ мой дядя Герзе,—я не думалъ чтобъ дѣла до такой степени были плохи въ нашемъ отечествѣ!

— Проклятые мошенники! выпалилъ хлѣбникъ Виттъ.

Мельникъ Фоссъ, который правилъ лошадьми, до такой степени позабылъ подъ прикрытьемъ президентовой шмели свое положеніе что уже подвѣялъ было кнутъ и собрался вытащить Француза. Фихель удержала его за руку:

— Ради Бога! Батюшка! Чтò ты дѣлаешь?

— Гм! — Да! сказалъ мельникъ и одумался.—Фихель, ты опять права.

Она обернулася къ Французу:

— Не прогнѣвайтесь, пожалуйста. Это я только такъ.

Французы дѣйствительно не прогнѣвались. Они съ радостію улетали булки и колбасу, и этотъ видъ такъ подѣйствовалъ на тощій желудокъ господина застѣдателя что подвѣялъ опять всю его желчь. Остальные также влпомнили опять про свое положеніе, которое они было на время позабыли пригрѣвшись на повозкѣ. Такъ приближались они среди сумерекъ къ городу Бранденбургу. На то мѣсто гдѣ прежде стояла корзина съ булками усѣнась теперь заботы и печаль. Пѣвныя шелтали другъ другу на ухо различными страшными исторіи про Французовъ. Въ это время надъ ними пролетѣла стая воронъ.

— Да, воскликнулъ дядя Герзе.—воронамъ вотъ вѣтъ горя! каркаютъ себѣ.

— Какое ужъ воронье горе! сказалъ хлѣбникъ.

— Хотѣлъ бы я быть вороною, со вздохомъ сказалъ мельникъ.

Забота не нашла себѣ мѣста только въ двухъ сердцахъ. Въ нихъ поселилася любовь со всею своею свитой тайныхъ желаній, надеждъ и упованій. Тайныя желанія бѣгали какъ бойкія невѣстивыя подружки по всему дому и по всѣмъ его закоулкамъ, прибирали все что лопадалось на дорогѣ, стирали пыль со столовъ и скамеекъ, чистю-на-чисто протирали стекла въ окнахъ чтобы далеко можно было видѣть въ свѣтлую жизненную даль, накрывали столъ въ свѣтлой горницѣ, готовили постель въ тихой боковушѣ и вѣшали надъ дверями и окнами гирлянды изъ зелени, а по стѣнамъ пестрѣя картины. Надежда зажгла тысячи свѣчей и потомъ тихо сѣла въ уголокъ какъ будто она ничего не дѣлала, а все совершила ея сестра—Дѣйствительность. А Упованіе стояло въ дверяхъ и не влускало никого на комъ не было брачной одежды; оно сказала Заботѣ, когда та спросила тутъ

ли Фихенъ: „ступай своею дорогою, старикъ мельникъ пляшетъ на свадьбѣ у своей дочери“. А когда Сомнѣніе спросило про Генриха, Улованіе отвѣтило: „ступай себѣ, все въ порядкѣ“.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Почему я пославъ въ Гюльцовскій лѣсъ Фридриха, а не принцессу.—Почему Фридрихъ называлъ старосту Бессердиха тестемъ, почему онъ выманилъ собаку изъ-за печи, и почему городокскій стражъ Лутъ засмѣялся на своего бургомистра.

Если котораянибудь изъ маленькихъ барышень читающихъ эту книгу прогнѣвается на то что новая глава начинается прямо разказомъ про работника съ мельницы, а не про принцессу, то пусть она разсудитъ что принцессы совсѣмъ не могли бы существовать еслибы не было работниковъ, и что есть такіа обстоятельства въ которыхъ работникъ съ мельницы можетъ одѣлать болѣе дѣла нежели принцесса. Да вотъ хоть бы, напримѣръ, взять теперь мое положеніе. Если мнѣ нужно поймать французскаго стрѣлка, я не могу послать за нимъ по этой дорогѣ и погодѣ въ Гюльцовскій лѣсъ принцессу въ криволянѣ и прыгуневыхъ башмачкахъ. Для такого дѣла работникъ съ мельницы подходитъ гораздо болѣе и въ особенности Фридрихъ мельника Фосса.

— Дюмурье! сказалъ Фридрихъ, идя по слѣдамъ Француза,—если только можно найти этого Француза здѣсь въ окрестностяхъ, ужь я его словлю!

Итакъ, Фридрихъ пошелъ по слѣдамъ стрѣлка сначала черезъ Ставенгагенскій, а потомъ черезъ Гюльцовскій лѣсъ и вышелъ такимъ образомъ на Гюльцовскую дорогу. Но тутъ слѣды исчезли. Куда пошелъ Французъ: направо или налево? Генрихъ нѣсколько времени стоялъ въ нерѣшительности и раздумьѣ. Скоро однако мысли его прояснились. „Нѣтъ“, сказалъ онъ самъ себѣ, „онъ не дуракъ и не пойдетъ назадъ къ Ставенгагену. Онъ, шельма, пошелъ въ Гюльцовъ“. И онъ отправился далѣе по Гюльцовской дорогѣ.

Въ Гюльцовѣ стоялъ у изгороди своего дома поселянинъ Фрейеръ и бросалъ въ ухабы на дорогѣ большіе камни. Въ Мекленбургѣ это называлось „чинить дорогу“.

— Здравствуй, Фрейеръ, сказалъ Фридрихъ.—Не видалъ ты сегодня утромъ: проходилъ тутъ Французъ или нѣтъ?

— Французъ? спросилъ Фрейеръ.

— Да, сказалъ Фридрихъ.— французскій стрѣлокъ.

— Стрѣлокъ? спросилъ Фрейеръ.

— Да, въ зеленомъ мундирѣ, сказалъ Фридрихъ.

— Верхомъ? спросилъ Фрейеръ.

— Нѣтъ, лѣшкомъ, сказалъ Фридрихъ.

— А тебѣ оъ на что? спросилъ Фрейеръ.

— Да ни на что, сказалъ Фридрихъ.— Мнѣ только хотѣлось съ нимъ поговорить.

— А что тебѣ говорить съ Французомъ?

— А на что тебѣ дураку про это знать? Я только спрашиваю тебя: видѣлъ ты этого лѣшаго или нѣтъ?

— Въ зеленомъ мундирѣ? спросилъ Фрейеръ.

— Да, сказалъ Фридрихъ.

— Въ киверѣ? спросилъ Фрейеръ.

— Нѣтъ, простоволосый.

— Простоволосый? Да вѣдь сегодня утромъ-то какой аилъ дождь?

— Ахъ, пусто тебѣ буди съ сердцемъ воскликнулъ Фридрихъ.— Да вѣдь ты слышишь что тебѣ говорятъ? Отвѣчай только: видѣлъ ты его или нѣтъ?

— Погоди-ка! У насъ сегодня какой день: четвергъ?

— Да, сказалъ Фридрихъ.

— Нѣтъ, сегодня не видалъ, а въ локедѣльникъ видѣлъ, сказалъ Фрейеръ,—только они скоро проѣхали мимо. Да со всѣмъ и не въ зеленыхъ мундирахъ, а въ синихъ и верхомъ на лошадяхъ. А сегодня я послалъ въ Ставенгагенъ своего работника съ лошадьми.

— Фрейеръ, сказалъ Фридрихъ,—тебѣ бы не слѣдовало посылать своихъ лошадей въ Ставенгагенъ. Оиъ тебѣ самому лужны; ты ихъ припрагай когда будешь отвѣчать добрымъ людямъ.

— То-есть какъ же это такъ? спросилъ Фрейеръ.

— Да еще, Фрейеръ, сказалъ Фридрихъ,—я знаю для тебя хорошее дѣло. Гонай раковъ въ Берлинъ. Такой парень какъ ты на этомъ дѣлѣ раскититься можетъ.

— Да какъ же это? спросилъ изумленный Фрейеръ.

— Да такъ, это я къ слову, сказалъ Фридрихъ.—Прощай, Фрейеръ. А если придетъ Французъ, такъ ты ему скажи что я говорилъ, какъ ты говорилъ, что твоя бабушка

разказывала тебѣ что если онъ будетъ говорить что она говорила, такъ ты бы ему сказалъ что я говорилъ чтобъ онъ тебя не называлъ дуракомъ. Ну, прощай, Фрейеръ!

— Что? сказалъ Фрейеръ и сталъ смотрѣть вслѣдъ Фридриху который пошелъ по деревнѣ. Въ рукахъ онъ держалъ камень чуть ли не въ лудъ вѣсомъ.—Что? Онъ говорилъ что я говорилъ? Что?—Я говорилъ чтобъ онъ не называлъ меня дуракомъ? Что?—Онъ изо всей силы кинулъ камень въ ухабъ.—Проклятый Прусакъ! Вотъ онъ всегда такъ!

Фридрихъ шелъ все далѣе. Изъ окна своего дома глядѣлъ староста Бессердихъ.

— А что, староста, не видалъ ты сегодня утромъ Француза?

— Француза? спросилъ староста.—Мало ли этого добра теперъ тутъ таскается! Ты говоришь: сегодня утромъ?

— Ну теперъ этотъ начнетъ спрашивать! сказалъ Фридрихъ. Я лучше разкажу ему все, тогда можетъ у насъ пойдетъ дѣло скорѣе.—Онъ разказалъ ему что и какъ и кончилъ свою рѣчь словами:—Ну, вотъ теперъ и нужно его достать!

— Нужно Фридрихъ, сказалъ староста.—Я тоже пойду съ тобою, потому что я на то и поставленъ. Вотъ еще недавно господинъ президентъ сказалъ мнѣ: староста, говорить, на тебѣ въ Гюльцовѣ все дѣло вертится. Вотъ, говорить, тебѣ бумага. Это, говорить, дѣло срочное. Ну, я попросилъ тутъ одного прочитатъ мнѣ бумагу. Онъ ее прочелъ и говоритъ: староста, это дѣло слѣшное. Нѣтъ, говорю я ему, это мнѣ лучше знать. Господинъ президентъ оказалъ мнѣ что дѣло срочное, а когда онъ мнѣ прежде говорилъ такъ, я всегда ждалъ еще по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ и всегда послѣдовалъ ко времени. Такъ было и на этотъ разъ. Но твое дѣло, Фридрихъ, не срочное: оно къ слѣху. Я вотъ только пойду возьму шалку, да и пойдемъ.

Староста надѣлъ шалку и они отправились. Когда они вышли за дверь, староста сказалъ:

— Фридрихъ, мой Иванъ—ты вѣдь его знаешь? Парню теперъ шестнадцать лѣтъ, я думаю пусть его еще годокъ такъ поболтается,—онъ тутъ возаѣ ласетъ овецъ—потому, видишь, кормы-то плохи, а ужъ теперъ онъ днемъ все-таки что-вибудъ да найдутъ въ полѣ, потому я ихъ и выголаю.—Ну такъ вотъ Иванъ можетъ-статься видѣлъ Француза.

Спросили Ивана. Оказалось что онъ дѣйствительно видалъ стрѣлака и что стрѣлокъ пошелъ въ сѣдующую деревню. Фридрихъ со старостою Бессердихъ отправились туда, зашли къ учителю и спросили не видалъ ли онъ Француза.

Учителю была фамилія „Воробей“. Но крестьяне называли его всегда „Зябликъ“. Одни говорили что это прозвище дано ему потому что онъ хорошо поетъ, другіе — потому что онъ всегда во все совался и любилъ надъ каждымъ насмѣляться. Старикъ староста дѣйствительно поддался на удочку Зяблику. Но Фридрихъ скоро смекнулъ въ чемъ дѣло. Когда онъ замѣтилъ что Зябликъ мигаетъ своей жемъ чтобъ она врада съ нимъ заодно, онъ подумалъ: „погоди! а тебя тоже обойду!“ Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, говоря что пойдетъ въ кухню раскурить себѣ трубку.

Зябликъ ловесъ старостѣ всякую околесицу, а когда тотъ, улучивъ время, спрашивалъ не видалъ ли онъ Француза, Зябликъ говорилъ „нѣтъ“ и жена его повторяла то же самое. Въ то время какъ они потѣшались такимъ образомъ надъ старикомъ, Фридрихъ опять вошелъ въ комнату и сказалъ:

— Хозяйка, у васъ что-нибудь да случилось съ ключками. Цѣлая связка колбасъ сорвалась и лежитъ въ кухнѣ на полу.

Жена Зяблика выбѣжала и скоро возвратилась со связкою въ рукахъ.

— Посмотрите-ка, кричала она.— Вотъ намъ и наука! Колбасу-то у васъ тотъ проклятый стащилъ!

— Какой проклятый? спросилъ Фридрихъ.

— Ну да Французъ про котораго вы спрашиваете.

— Такъ онъ, значитъ, былъ здѣсь? сказалъ Фридрихъ.

— Ну да, разумѣется! Мужъ еще далъ ему краюху хлѣба да поднесъ стакачикъ водки и указалъ дорогу въ Демцивъ.

— Ну такъ прощайте! сказалъ Фридрихъ.— Пойдемъ, староста! Больше намъ ничего и не нужно.

Они отошли довольно далеко. Фридрихъ опять заговорилъ.

— Послушай, староста, сказалъ онъ, — ты вотъ тоже въ родѣ начальства и долженъ это знать. Какое наказанье полагается если кто возьметъ колбасу?

— Нѣтъ, насчетъ колбасы не знаю, сказалъ староста, — не приходилось. Вотъ насчетъ окорока такъ мнѣ это извѣстно, потому что когда кривой башмачникъ стащилъ у меня

окорокъ, такъ господи́нь президентъ осудилъ его́ на двѣ недѣли, да и по спивѣ ему досталось ударовъ двѣнадцать.

— Такъ это значитъ не опасно, сказалъ Фридрихъ.—Если прикинуть по этому разчету что придется за колбасу, такъ выйдетъ и совсѣмъ ничего.

— То-есть какъ же это?

— Ну да вотъ скажи: отъ семи свиней сколько у тебя будетъ окороковъ?

— Четырнадцать, сказалъ староста.

— Нѣтъ, неправда, сказалъ Фридрихъ,—всего только тринадцать. Одинъ окорокъ идетъ въ колбасы.

— Твоя правда, сказалъ староста.

— Ну, а сколько колбасъ сѣдлаетъ твоя жена изъ одного окорока? Штукъ тридцать? Значитъ на тридцать колбасъ приходится одинъ окорокъ, а за одну колбасу придется, значитъ, если считать на кругъ, полдня ареста да какой-нибудь щелчокъ. Это дѣло пустяковое. Вотъ что, староста! щелчокъ по затылку ты можешь дать мнѣ сейчасъ, а полдня-то я просажу у тебя въ домѣ въ слѣдующее воскресенье. Смотри! вѣдь это я стащилъ у Зябука колбасу!

— Да что тебя чортъ что ли осѣдлаалъ? сказалъ староста.

— Нѣтъ, не чортъ осѣдлаалъ, а вѣсть захотѣлось, сказалъ Фридрихъ, вынулъ изъ кармана ножъ и отрѣзалъ имъ ломоть колбасы.—На-ка тебѣ, староста. Колбаса славная, ее можно вѣсть и безъ хлѣба.

— Нѣтъ, сказалъ староста,—ворованое добро я не ставу вѣсть.

— То-есть какъ это: ворованое? спросилъ Фридрихъ.—Это фуражировка, какъ говаривали мы при герцогѣ Брауншвейгскомъ. Скажи-ка, староста: вѣдь ужъ ты наѣврное лазилъ на яблоню къ пастору?

— Чортъ тебя знаетъ что ты сегодня за вздоръ мелешь! Ну разумеется лазилъ когда былъ мальчашкой, а теперь у меня у самого большія дѣти и нужно имъ подавать примѣръ.

— Это правда, сказалъ Фридрихъ,—что одному пристало то другому не фасоль.—Староста, заговорилъ онъ опять черезъ нѣсколько времени,—сколько дѣтъ твоей Софьи?

— Да, оказалъ староста и глава его засіяла,—вотъ ужъ это дѣвка, такъ дѣвка, Фридрихъ. Дѣтъ-то ей всего восемнадцать. Но ужъ ума, а тебѣ говорю, просто страсть!

— Это я знаю, сказалъ Фридрихъ:—я еще вчера вечеромъ сидѣлъ съ нею въ замкѣ. Она мнѣ очень понравилась. Для нея я, пожалуй, готовъ даже перемѣниться.

— Ишь ты какой проворный! сказалъ староста и оглядѣлъ Фридриха съ головы до ногъ.

— Да, сказалъ Фридрихъ.—Я думаю такъ: для твоего Фрида найдется какое-нибудь другое занятіе; ты самъ становишься старъ и тебѣ пора на покой; ты можешь отдать мнѣ съ Софьей твою земаю, тогда у насъ будетъ хорошій кусокъ хлѣба, а ты знай себѣ радуйся на насъ.

— Господи помилуй! сказалъ староста,—да неужели ты это говоришь серьезно?

— А почему же и вѣтъ? сказалъ Фридрихъ.—Развѣ я лохожъ на шута?

— Чтѣ? воскликнулъ староста и подступилъ къ Фридриху.—Ты, этакой старый чортъ, да еще безъ гроша денегъ, хочешь свататься къ старостинной дочери? Къ моей дочери! Къ дѣвкѣ восемнадцати лѣтъ!

— Староста, сказалъ Фридрихъ,—ты помни чтѣ говоришь! Я-то старъ? Да ты посмотри на меня. Я въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ, между двадцатью и пятидесятью. А что касается денегъ, то я у тебя ни разу еще даже и табаку въ трубку не попросилъ. Твоя Софья моложе меня, это правда. Ну да мнѣ это все равно, я ее все-таки возьму, потому что она умна и знаетъ что такой мущина какъ я, который уже потеря въ свѣтъ, лучше нежели тупоголовый, бѣлобрысый, краснорожій, деревенскій парень. Вѣдь эти парни у насъ чтѣ за народъ? Въ комнату взойдутъ — на полъ плюютъ; кланяться станутъ—точно кто скададой ножъ защелкивается.

— Ты дѣвкѣ забилъ ужь дурь въ голову? закричалъ староста и замахнулся палкой.

— погоди, староста! сказалъ Фридрихъ.—Палку въ сторону! Чтѣ скажутъ люди когда узнаютъ что я съ моимъ тестемъ еще до свадьбы дрался на большой дорогѣ?

Староста отпустилъ палку.

— Послушай, сказалъ Фридрихъ,—я въ состояніи утащить кобасу у такого шута какъ Зябликъ, но я никогда не соглашусь обманывать молодую дѣвку. Я твоей Софьѣ никакой дурѣ въ голову не забивалъ.

Старикъ староста искоса посмотрѣлъ на него какъ будто

желая сказать: „а чортъ тебя знаетъ, врешь ты или нѣтъ!“ Однако онъ этого не сказалъ и они молча продолжали идти впередъ. Но прежняго ладу ужъ не было.

Когда они пришли въ Демцивъ, Фридрихъ увидалъ на улицѣ молодаго управляющаго. Онъ подошелъ къ нему: „такъ и такъ; не видали ли вы тутъ Француза?“ Управляющій сказалъ что часъ тому назадъ здѣсь проходилъ такой Французъ. Они пошли на деревню. На другомъ ея концѣ старуха тоже видѣла стрѣлка. „Ну, теперь мы его скоро словимъ,“ сказалъ Фридрихъ. Но когда они прошли еще нѣсколько дальѣе и, выйдя въ поле, спросила у старика который на дорогѣ обрѣзалъ верхи у деревьевъ, не видалъ ли онъ Француза, старикъ отвѣтилъ что стоитъ здѣсь съ шести часовъ утра и что никакой Французъ здѣсь не проходилъ.

Что было теперь дѣлать? Идти назадъ? Это было бы похоже на охоту за дикими гусями. Французъ вышелъ изъ деревни; но куда онъ дѣлся? Староста чесалъ себѣ голову, Фридрихъ подробно осматрѣлъ мѣстность. Наконецъ онъ сказалъ:

— Староста, дальше намъ не зачѣмъ идти; сдѣвъ тутъ оканчивается. Давай, поразмыслимъ что намъ дѣлать. Только здѣсь очень ужъ вѣтеръ гуляетъ. Вотъ у нихъ тутъ на лодѣ сложена лечь; сдемъ-ка мы съ тобой за нее.

Они сѣли за лечь.

— И что я за дуракъ, сказалъ староста, — говорю по такой погодѣ и по такой дорогѣ за Французами!

— Тестюшка, перестань толковать о Французѣ. Онъ отъ насъ не уйдетъ.

— Ты опять за тестя, прусская ты шельма?

— Староста, ты теперь, положимъ, мнѣ еще не тесть, но можешь сдѣлаться мнѣ тестемъ. Я знавалъ людей которые давали за дочерьми большія деньги только чтобы стать тестями.

— Такъ за то и зятя-то у нихъ не такіе были какъ ты.

— Посмотри-ка на меня, староста, сказалъ Фридрихъ и сталъ предъ старикомъ — Я, правда, не адвокатъ и не докторъ; да за то у меня здоровыя кости, и руки-то — вотъ онѣ, смотри: видно что работать умѣютъ. А если ты своимъ собственнымъ глазамъ не вѣришь, спроси у мельника.

— Да, знаешь что про тебя говоритъ мельникъ? Онъ говоритъ что ты парень какъ сдѣдуетъ быть парню и знаешь

какъ взятъся за дѣло. Только, говорить, врать ты очень здоровъ и все такія пустыя слова говоришь которыми даже собаку изъ-подъ печи не выманить.

— Собаку я выманить умѣю и ты это потому увидишь. Ну, а теперь говори толкомъ: хочешь ты за меня отдать твою Софью?

— Ахъ, чортъ тебя возьми, сказалъ староста, — сначала я думалъ что ты шутишь, а теперь я вижу что ты и въ самомъ дѣлѣ въ серіозъ говоришь?

— Староста, сказалъ Фридрихъ, — насчетъ земли и того что тебѣ пора на покой я точно шутилъ; земля должна идти къ твоему Фриду, а на покой тебѣ еще рано. Но насчетъ Софьи я говорю въ серіозъ; а землю я себѣ легко добуду.

— Хвастунъ! сказалъ староста. — Вотъ видишь: ты вотъ и сейчасъ говоришь пустыя слова которыми собаку изъ-подъ печи не выманить.

— А вотъ посмотримъ! воскликнулъ Фридрихъ.

— Еще какой хвастунъ-то! сказалъ староста и всталъ. — Я пойду домой, а ты ступай, лови своего Француза.

— Да ужъ я его поймалъ, сказалъ Фридрихъ.

— Хвастушка! воскликнулъ староста.

— Староста, сказалъ Фридрихъ, — если черезъ двѣ минуты Французъ будетъ стоять предъ тобою, а я выманю моими словами собаку изъ-подъ печи, отдашь ты за меня твою Софью? — Онъ протянулъ ему руку. — Ну какъ же? по рукамъ что ли?

— Ахъ ты вралъ! воскликнулъ староста, — только чтобы доказать тебѣ что все что ты ни скажешь, то совершь, изволь! по рукамъ!

И онъ наклонилъ по рукѣ которую держалъ ему протянутую Фридрихъ.

Фридрихъ улыбнулся и наклонился къ отверстию печи:

— Мусьё! аллонъ! пси! аллонъ!

Въ печи зашевелилось. Кто вылезъ изъ нея? французскій стрѣлокъ!

— Ахъ семь чертей тебѣ!.. воскликнулъ староста.

— Пардонъ, мусьё! воскликнулъ Французъ.

— Ну, староста, кто выигралъ закладъ? спросилъ Фридрихъ. — Вотъ тебѣ Французъ! Вотъ тебѣ и собака, которую я выманялъ изъ-подъ печи! Отдашь мнѣ теперь Софью?

— Ты что же это, надувать меня вздумалъ, прусская ты пройдоха? воскликнулъ староста и олять замахнулся палкой.—Тебѣ? мою Софью? Да легче мнѣ...

— Староста, сказалъ Фридрихъ,—убери палку, Французъ боится. Поди-ка лучше сюда, помоги мнѣ его арестовать. Объ остальномъ мы потолкуемъ послѣ.

— Пардонъ! олять закричалъ Французъ.

— Какой тутъ пардонъ! воскликнулъ въ свою очередь Фридрихъ. Ты зачѣмъ уходишь изъ-подъ деревьевъ куда я тебя положилъ? На этотъ разъ я обойдусь съ тобой по-войски, дѣвицы Вестфаленъ теперь тутъ нѣтъ.

Фридрихъ отрѣзалъ ему всѣ луговицы. — А теперь—аллонъ! аванъ!

Они отправились обратно. Старикъ староста молча шелъ подъ дождемъ и сердился, но все болѣе на самого себя. Ему хотѣлось свалить вину на Фридриха, но онъ никакъ не могъ не сознаться про себя что Фридрихъ хотя и шельма, но молодецъ на всѣ руки. „И почему онъ узналъ что Французъ сидитъ въ ячѣи?“ спрашивалъ себя староста. „Ну и вотъ олять насчетъ этихъ луговицъ! Я бы никогда не догадался ихъ срѣзать! Ну, теперь я эту штуку замѣчу!“

Когда они уже подходили къ Гюльцову, Фридрихъ оказалъ:

— Староста! Кто это скачетъ верхомъ черезъ ваше поле? Что ему тамъ скакать? Что онъ дождь что ли съ поля сплугиваетъ?

— Постой-ка, оказалъ староста,—да вѣдь это лошадь управляющаго Николаи! Да вѣдь никакъ на ней сидитъ Ставенгагенскій бургомистръ!

Такъ это и было. Мой отецъ подѣхалъ къ нимъ и увидавъ Француза и Фридриха сказалъ что все дѣло устроится благополучно. „Ну, а теперь, староста,“ прибавилъ онъ, „скорѣ веди насъ къ себѣ въ дѣмъ! Я весь изъзябъ и промокъ до самыхъ костей!“—„Появится дѣло, сударь! Мы сами всѣ промокли!“

Жена старосты ловятаская кое-какую одежду чтобы замѣнить промокнувшее платье. Но одежды не достало, потому что тяжелыя времена сказались и на дѣмъ старосты. Каждый былъ радъ найти хотя что-нибудь что вѣзало бы на плечи. Старикъ староста не отыскалъ ничего кромѣ своихъ собственныхъ штановъ; Фридрихъ сидѣлъ молодецъ въ праздничномъ сюртукѣ Фрица; а мой отецъ, какъ самый

малый по росту, долженъ былъ удовольствоваться короткою курткою Ивана. Староста никакъ не хотѣлъ допустить этого и все разсыпался въ извиненiяхъ, но когда человекъ выйдетъ изъ бѣды, да поладеть изъ-подъ дождя въ сухую комнату, тогда у него скоро становится весело на душѣ, и мой отецъ до слезъ смѣялся самъ на свою куртку.

— Мы вотъ смѣемся здѣсь, сказалъ онъ вдругъ, — а между нами сидитъ человекъ который дрожитъ не только отъ холода, но и отъ страха. Нужно хоть сколько-нибудь подумать и о немъ. Хозяйка, не найдется ли у васъ ему чего-нибудь?

Эта задача была труднѣе всѣхъ. Одежду всю разобрали. Единственное что осталось была юлка старухи бабушки: Француза кое-какъ прикрыли этою юлкой.

— На, братъ, вѣшь хорошенько! сказалъ Фридрихъ, когда они усѣлись вокругъ стола и подали ужинъ. — Вѣшь, брата! покуда человекъ вѣсть онъ, значитъ, еще живъ!

И онъ пододвинулъ къ Французу кусокъ соловьины фулта въ три вѣсомъ. Моему отцу тоже стало жаль Француза и онъ ободряющимъ голосомъ сказалъ ему по-французски нѣсколько словъ. Французъ отвѣчалъ такъ покорно и жалостливо что одинъ голосъ его схватилъ старесту за сердце, хотя онъ и не понималъ словъ.

— Господиъ бургомистръ, сказалъ онъ, наклонясь къ моему отцу, — не отпустить ли намъ его?

— Нѣтъ, сказалъ мой отецъ, — отпустить его нельзя. — Мельникъ и хлѣбникъ сидятъ теперь въ бѣдѣ, а ихъ дѣло правое. Французъ тоже попалъ въ бѣду, но его дѣло неправое, а на свѣтѣ должна брать верхъ правда.

Между тѣмъ Фрицъ Бессердихъ вернулся домой съ лошадьми и вошелъ въ комнату.

— Добрый вечеръ, отецъ! Я удралъ отъ Французовъ!

Онъ пожалъ руку старику, подошелъ къ моему отцу который сидѣлъ къ нему спиной и хлопнулъ его по спинѣ:

— Здравствуй, Ванька! Что ты не можешь поздороваться съ братомъ?

Мой отецъ вскочилъ и обернулся. Фрицъ Бессердихъ остановился какъ вкопанный.

— Господи помилуй! воскликнулъ староста. — Да онъ въ моемъ собственномъ домѣ колотитъ Ставенгагенскаго бургомистра! А еще хочетъ быть самъ современемъ старостой!

— Оставь его! сказалъ мой отецъ.— За это онъ не ляжетъ спать, а повезетъ еще насъ всѣхъ сегодня же въ Ставенгагенъ.

— Хоть на край свѣта, господинъ бургомистръ, сказалъ Фрицъ.

— Чтѣ ты такъ поздно вернулся домой? спросилъ его староста.

— Да вотъ видишь, отецъ, я думалъ что плохое будетъ дѣло если Французы меня поймаютъ. Я спрятался съ лошадьми въ лѣсъ и дожидался вечера. А тутъ подошелъ Лутъ и сказалъ что Французы давно ушли, что господинъ бургомистръ ускакалъ отъ нихъ, и что онъ его ищетъ.

— Гдѣ же Лутъ? спросилъ мой отецъ.

— Онъ сейчасъ придетъ, сказалъ Фрицъ.— Онъ пошелъ спросить про насъ у учителя.

Дѣйствительно, Лутъ скоро пришелъ въ домъ къ старостѣ. Когда онъ началъ спрашивать про моего отца и увидалъ его въ короткой курткѣ, онъ позабылъ все чтѣ хотѣлъ сказать и громко засмѣялся. Старикъ мой разсердился. Онъ уже забылъ про свою одежду и думалъ только про мою матушку и про своихъ домашнихъ.

— Лутъ! воскликнулъ онъ и схватилъ городского стража за воротъ,— Лутъ! да ты съ ума чтѣ ли сошелъ? Чтѣ моя жена? какъ дѣти?

— Все благополучно, господинъ бургомистръ. Господинъ президентъ что-то читаетъ вашей супругѣ изъ книги, а дѣвица Вестфаленъ пичкаетъ Фрица яблоками и крекделами. Только, извините, мнѣ ужъ очень на васъ чудно!

Онъ опять засмѣялся. Фридрихъ не выдержалъ и засмѣялся тоже. За нимъ засмѣялся староста, а потомъ Фрицъ. Старуха бабушка тоже встала слово: „а вѣдь и вправду, господинъ бургомистръ совсѣмъ сталъ чуденъ!“ У моего отца полегчало на сердцѣ и онъ отъ души засмѣялся самъ.

— Лутъ, сказалъ онъ,— смѣйся хорошенько, только смѣйся проворнѣе. У меня есть для тебя слѣшное дѣло. Французы увезли вѣдь съ собою чемоданъ съ деньгами и ложками?

— Да, сударь. Я видѣлъ какъ они его выносили.

— Ну, такъ садись на лошадь управляющаго Николаи и поѣзжай скорѣе къ господину фонъ Урцель въ его поместье. Французскіе стрѣлки ѣхали вчера оттуда и вѣроятно ложки украдены тамъ. Расскажи чтѣ у насъ случи-

лось въ Ставенгагенъ и попроси чтобы съ тобою отправили вѣрнаго человѣка который могъ бы подъ присягою показать чьи это ложки. Можетъ ихъ можно будетъ получить тогда обратно. Ну, поѣзжай скорѣе! А ты, Фрицъ, запрягай намъ проворнѣе лошадей!

Черезъ минуту всѣ уже сидѣли въ повозкѣ. Старуха бабушка не хотѣла-было отпустить старосту: „тебѣ тамъ нечего дѣлать; ложись себѣ на печь!“

— Матушка, сказалъ староста, поставилъ одну ногу на колесо и происащася,—ты старшая въ домѣ, а я старшій во всей деревнѣ. Возить пѣвучку это дѣло немаловажное. Я долженъ при этомъ дѣлѣ быть.

Онъ усѣлся между Фридрихомъ и Французомъ:

— Ну, а теперь, Фрицъ, съ Богомъ! Трогай лошадей и гони во весь духъ!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXIX.

Утромъ, наканунѣ дня рожденія княжны, отошла послѣдняя релетиція *Гамлета*, представленіе котораго назначено было на завтра, — *Левъ Гурычъ Синичкинъ* долженъ былъ идти днемъ поздѣе. На утро ожидалось много пріѣзжихъ изъ Москвы и подмосковныхъ, долженъ былъ прибыть графъ, наѣхать сосѣдство. Vittorio бѣгалъ какъ угорѣлый по всему дому, осматривая комнаты назначенныя для гостей, отдавая приказанія поварамъ, посылая гонцовъ за провизіей въ городъ. Сама хозяйка, въ заботѣ о завтрашнемъ днѣ, провела чуть не весь нынѣшній на ногахъ. Усталая, послѣ обѣда она вышла на большую, открытую, съ видомъ на дворъ, галлерею-балконъ, примыкавшую къ столовой, олустилась тамъ въ кресло, и объявила: „je ne bouge plus!“ Она велѣла подать сюда кофе, разставить рядомъ въ гостиной

* См. *Русск. Вѣсти*. №№ 4й и 6й.

ломберные столы для желающихъ, и общество прикочевало на это новое мѣсто.

„Фанатикъ“ былъ безъ ногъ и очень не въ духѣ: волевыхъ, утренняя релетиція шла вяло, и притомъ, несмотря на всѣ его настоянія, товарищи его по спектаклю рѣшительно отказались чтобы шла она въ костюмахъ доставленныхъ наканунѣ изъ Москвы и которые они еще наканунѣ разобрали между собой и успѣли примѣрить и уладить на себѣ; во вторыхъ, декорация кладбища въ пятомъ актѣ была еще не готова, и декораторъ едва надѣялся дописать ее къ слѣдующему полудню; третьихъ, храбрый капитанъ Рандевъ, котораго режиссеръ, несмотря на всѣ усилія, никакъ не добился „поставить на настоящую актерскую точку,“ отказался наканунѣ отъ своей роли Тѣви, а вызвавшійся замѣнить его землемеръ Постниковъ не успѣлъ ее еще выучить и долженъ былъ играть ее съ одной релетиціи; и наконецъ,—а это было главное,—доставшійся „фанатику“ костюмъ былъ какого-то абрикосоваго цвѣта, который, по его мнѣнію, не шелъ „красивому блондину,“ какимъ онъ надѣялся появиться въ роли Розенкранца. Эта бѣда была еще поправимая, такъ какъ Василій Тимоѣевъ, прибывшій утромъ изъ Москвы съ огромнымъ ящикомъ всякихъ париковъ и волосъ для усовъ и бороды Эдсигорскаго двора, объяснилъ ему что молъ „все равно, Иванъ Ильичъ, я васъ красивымъ бриветомъ поставитъ могу,“ но костюмъ Вальковскаго былъ еще, кромѣ того, для него узокъ, такъ узокъ что того гляди могъ долнуть по швамъ, а разставить его нельзя: запасу нѣтъ, онъ ужъ пытался! Выйти въ такомъ костюмѣ „молодцомъ“ нечего было думать; встать фертомъ, рукой за эфесъ шлага встаться, „а ну, какъ лодъ машками крикнетъ!..“ Оставалось одно средство похудѣть, по возможности, до завтра. Любовь къ „театрику“ восторжествовала въ этомъ случаѣ даже надъ его обжорствомъ: онъ за обѣдомъ почти ничего не ѣлъ, а на завтра положилъ и вовсе не обѣдать, ни завтракать, а питаться однимъ чаемъ, и даже безъ булки, „авось сойдетъ маленько жиру до вечера!..“ Объ этихъ заключеніяхъ своихъ теперь, за отсутствіемъ другаго добродотнаго слушателя, онъ всѣмъ своимъ соучастникамъ въ *Гамлетѣ* успѣлъ надобѣсть этими жалобами какъ горькая рѣдка; ловиствовалъ мнѣнческимъ французскимъ языкомъ старушкѣ madame Crébillon, вернувшейся

наканувъ изъ Москвы, куда она ѣздила ведѣла на двѣ къ какой-то заболѣвшей пріятельницѣ, содержавшей номера на Лубянкѣ.

— Eh bien, mon cher monsieur, говорила она ему на это, — faites élargir les coutures, voilà tout!.

— Па кутюръ! фыркалъ Ваальковскій, — говорю же я вамъ что и ныя па кутюръ, ла!..

— Tâchez de maigrir alors, je ne vois que ce moyen-là, расхохоталась мме Crébillon.

— Мегриръ се са! Я и хочу къ завтраму—мегриръ. Это вы правильно сказали!.. Умный народъ эти Французы! заключилъ онъ, отходя отъ нея и отправляясь гулять по саду „до цыганскаго лоту“ все въ тѣхъ же видахъ „мегриръ къ завтраму“...

Шигаревъ, въ свою очередь, потѣшалъ московскую княжну, также наканувъ вернувшуюся изъ своей подмосковной въ Сидкое. Онъ велъ съ ней опять „серіозный разговоръ“, то-есть разказывалъ ей о братѣ. Новая вариация на эту тему состояла въ томъ что этотъ братъ, „служившій адъютантомъ въ Чугуевѣ“, былъ необыкновенный по ловкости и неутомимости танцоръ, и однажды держалъ на одномъ вечерѣ пари что сдѣлаеть за одинъ разъ сто туровъ вальса въ залѣ, въ которой было десять оконъ въ длину и шесть въ ширину, и выигралъ!..

— И все съ одною дамою вальсировалъ? хохотала московская княжна.

— Какъ можно! воскликнулъ Шигаревъ;—онъ перемѣнилъ двадцать три дамы... и двѣ изъ нихъ слегли на другой день въ постель, примолвилъ онъ, значительно взглядывая на свою собесѣдницу.

— Отъ усталости? договорила она.

Онъ только того и ждалъ:

— Нѣтъ! У одной свинка сдѣлаалась, а у другой крапивная лихорадка...

На этотъ разъ княжнѣ прискучило его „оригинальничаніе“, и она ушла отъ него играть въ преферансъ съ Софьей Ивановной, которая пріѣхала „за два дня“, какъ обѣщала Ливъ, образованною окружкою и Свищевымъ, который по этому случаю взялъ 25 рублей взаймы у пріятеля своего Елпидифера.

Солнце между тѣмъ село, и тихая, безоблачная и безлуная, лѣтняя ночь опуекалась полупрозрачными тѣнями на

дальнюю окрестность. Въ окнахъ флигелей, занимаемыхъ гостями, вспыхивали зажигавшіяся слугами, на случай пріѣзда господъ, свѣчи; пламень большого фонаря надъ большимъ крыльцомъ дома, что приходилось подъ самымъ баковымъ, отсвѣчивалъ ярко блестящею искрой на уголкѣ мѣдной гербовой доски между далами едва уже виднаго льва, и бѣжали отъ того же свѣта зеленые листы розоваго куста въ клумбѣ разбитой среди двора...

Царственная тишина ночи словно визожла и на дѣйствующихъ лицъ нашего разказа. Общій разговоръ смолкъ; молодежь ушла подалеже, на височія галереи, дымитъ палиросами, оставшіеся разбились на мелкія группы, лѣживо перекидываясь несложными рѣчами...

Зябливъ, прильнувъ чуть не къ самому уху хозяйки, что-то горячо и настойчиво нашелтывалъ ей; она внимала ему, то томно улыбаясь, то томно вздыхая, и, олутивъ глаза съ какимъ-то стыдливо счастливымъ видомъ, перебирала кольца на своихъ короткихъ и жирныхъ пальцахъ... О чемъ шла у нихъ рѣчь—мы не знаемъ. Но до чуткаго еще слуха старушки Crébillon, дремавшей не подалеку отъ нихъ на диванѣ, донеслись вдругъ ясно слѣдующія слова:

— Non, говорила развѣженнымъ голосомъ Аглая Костантиновна,—я могу полюбить мужчину... je puis avoir une faiblesse pour un homme... mais changer de nom, jamais... *

Зябливъ такъ и отпрянулъ въ спилку своего кресла...

— Pas déjà si bête, mon Aglaé! прыснула себѣ подъ носъ старая Француженка и совсѣмъ зажмурила глаза.

— Что же? говорилъ въ то же время шмыгнувшій съ галереи, гдѣ продолжали курить недалевозоркіе Маусъ съ Раицевымъ, Ашанинъ, подходя къ одинокю, какъ бы въ ожиданіи его, умѣстившейся въ самомъ углу бакова бойкой барышнѣ.

— Что? повторила она, передразнивая его.

— Отвѣтъ?..

— Вы просите невозможнаго! отворачиваясь и краснѣя, отвѣчала Ольга.

Она сѣла близко, прямо противъ нея. Колѣни его касались ея колѣнъ.

* Я могу имѣть слабость къ человѣку, но перемѣнить имя никогда.

— Вы боитесь гулять ночью?

— Я ничего не боюсь! легла она ялечами.

— Кромѣ—любви? протянулъ онъ.

— Развѣ вы меня такъ любите? вскинулась она вдругъ огненнымъ взглядомъ въ самую глубину его глазъ.

— Я вамъ предложилъ... не докончилъ онъ.

— Да, и я сама вамъ отказала! засмѣялась она короткимъ смѣхомъ;—но, знаете, я даже сама себя не понимаю. Мнѣ всего мало и всего хочется!..

— Кромѣ любви!.. повторилъ онъ.

— Нѣтъ,—и любви, засмѣялась она опять;—только вы такой обманщикъ!

— Кто это вамъ сказалъ?

— Да, это такъ трудно видѣть!.. Можетъ-быть, отъ этого самого вы и нравитесь такъ всѣмъ женщинамъ... и мнѣ!.. Да, вы мнѣ нравитесь! сказала она, глядя ему опять прямо въ глаза.

— Придете ли вы? настаивалъ Ашанинъ, наклоняясь къ ней... По лицу его пробѣжало вѣяніе ея горячаго дыханія.— Отвѣчайте пока не вернулись ваши фофаны...

Она уткнула локти свои въ колѣни, и всѣмъ лицомъ прижалась къ ладонямъ:

— Страшно! прошелтала она.

— Гулять со мною страшно? проронилъ онъ какими-то бархатными звуками.

Она примолкла на мгновеніе:

— Обѣщаете ли вы мнѣ?..

— Чтѣ?..

— Вы... знаете... проговорила она едва слышно.

— Пощадите меня! почти вскрикнулъ онъ:— я изнемогаю!..

— Вы ужасный человекъ! закачала головой Ольга, все не отымая ее отъ своихъ ладоней.

— Придете? спросилъ еще разъ доль Жуанъ.

— Да! отгадалъ онъ скорѣй чѣмъ услышалъ.

— Въ два часа, помните, говорилъ онъ ей, едва сдерживая дрожь которая пронимала его всего,—въ это время все въ домѣ, до послѣдней кошки, спитъ непробуднымъ сномъ, и вамъ нечего бояться.... Я буду ждать, помните, во второй бесѣдкѣ, влѣво отъ цвѣтника...

Они такъ были поглощены другъ другомъ, что не видали,

не слышали какъ мимо ихъ, баѣдная какъ полотно, скользнула по балкону Надежда Федоровна Травкина, только-что отчитавшая послѣднюю почту князю Лариону.

XXX.

....Вся эта музыка любви...

Огаревъ.

А на противоположномъ концѣ балкона Лина и Гудуровъ лѣла свою лебединую лѣсію....

— Какъ хороша ночь! говорила она.

Она стояла, полузакрытая стоявшимъ тутъ же большимъ лимоннымъ деревомъ, отъ темной зелени котораго отдѣлялось въ сумракѣ свѣтлымъ очеркомъ ея лѣтнее кисейное платье, стояла слегка откинувшись затылкомъ къ угловой колоннѣ балкона.

— Да, такую ночью.... Гудуровъ не продолжалъ заглядѣвшись на нее....

Такъ прошло нѣсколько мгновеній.

— Чтò? спросила Лина, все не отдѣлая головы отъ колоны,—что вы начали?

— Я началъ словами, сказалъ онъ смѣясь,—которыя напомнили мнѣ совсѣмъ другое, и о своемъ я позабылъ.

— Чтò же напомнили? спросила она опять какимъ-то усталымъ или разсѣяннымъ голосомъ.

— Одну сцену у Шекспира, въ *Венеціанскомъ купцѣ*. Она совсѣмъ коротенькая и даже для драмы не нужная вовсе, но въ ней есть какой-то, по крайней мѣрѣ для меня, какой-то всего тебя промицающій поэтический залахъ.... Тессика, дочь Шейлока, ушла изъ отцовскаго дома, лерешла въ христіанство и вышла за Лоренцо. Они недавно женаты, безконечно счастливы.... Ночь: они вдводемъ ждутъ друзей которые сейчасъ должны пріѣхать. Сидятъ они вдводемъ на скамьѣ, въ густой аллеѣ; италянское небо глядитъ на нихъ оквозъ деревьевъ... Сидятъ они и лерекликаются какъ соловьи. „Такою ночью“, начинается то тотъ, то другой, и каждый вспоминаетъ,—онъ свѣтлая, она темная событія, происходившія „такою ночью“ — Крессида и Дидону, Тизбу и Медею... „Такою ночью“, говоритъ, наконецъ, Лоренцо, „Тессика ушла отъ богача-Еврея и бѣжала за своимъ

безумнымъ влюбленнымъ изъ Венеціи сюда. — „Такою ночью,“ отвѣчаетъ она ему, „безумный Лоренцо расточаетъ Иессикѣ тысячу обѣтовъ любви, изъ которыхъ ни одинъ не оказался вѣрнымъ.“ „Такою ночью,“ кончаетъ онъ, „предестная и лукавая Иессика клеветала на своего друга, который ей это прощаль.“

Гундуровъ остановился, замѣтивъ что княжна его не слушала. Она стояла все въ томъ же положеніи, откинувъ голову и поднявъ глаза къ загоравшемуся звѣздами небу. Лицо ея показалось ему блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ вспомнилъ что въ продолженіе всего дня замѣчалъ въ ней признаки какой-то сдерживаемой тревоги...

— Что съ вами? спросилъ онъ ее съ безпокойствомъ.

Лина словно проснулась, взглянула на него и тихо опустилась въ кресло, подъ темную листву дерева.

— Ничего, я задумалась... И все еще задумчивая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Сергій Михайлычъ, заговорила она черезъ мигъ робкимъ, колеблющимся голосомъ, — вы.... вы на меня не разсердитесь?..

— На васъ? вскакинулъ онъ. — Да еслибы вы....

Она доверчиво кивнула ему головой не давъ договорить.

— Я знаю, промолвила она, — я не о томъ.... Я хотѣла спросить васъ....

— Спрашивайте, княжна, горячо вырвалось у него. — Нѣтъ ничего у меня на душѣ чего бы я не открылъ вамъ.

— Сергій Михайлычъ, почти прошептала она, — я хотѣла спросить васъ: вѣрите ли вы?

Онъ смутился въ первую минуту...

— Елена Михайловна, а полагалъ.... что мои убѣжденія вамъ известны.... Я Русскій: вѣрованія моего народа — мои вѣрованія.

Ее какъ бы не удовлетворилъ этотъ отвѣтъ: она обернулась на Гундурова взглядомъ полнымъ какой-то несказанной внутренней муки:

— Да, я это знаю.... Но такъ ли вы вѣрите, Сергій Михайлычъ, чтобъ умѣть терпѣть и не рептать?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

Звонъ еще отдаемаго колокольчика влезалъ и отчетливо раздавался въ эту минуту въ гуломъ воздухѣ ночи.

— Quelqu'un nous aggrave, Lina! крикнула ей со своего

мѣста Аглая Ковстантиновна съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ.

Княжна судорожно схватилась за перила балкона Гувдуровъ, чуть не крикнувъ, кинулся къ ней...

— Слушайте... это... это онъ ѣдетъ! проговорила она дрожащимъ шепотомъ.

— Кто онъ?... Ради Бога! чувствуя что у него подкашиваются ноги, спрашивалъ несчастный.

Она не отвѣчала, она слушала, будто приросши къ периламъ этою своею судорожно схватившею ихъ рукою...

Колокольчикъ звенѣлъ все ближе и ближе, уже ясно слышаваясь съ вѣскимъ толкотемъ ковскихъ конныхъ.... И вотъ уже мѣриво и звучно звякнули они по каменной настилкѣ подъ сводомъ льва, колокольчикъ замеръ на мигъ, залилася олять.... Въ свѣтъ бившемъ отъ фонаря мелькнула мѣдная бляха на шляпѣ сидѣвшаго бокомъ ямщика, красный воротникъ сауги на козлахъ, и крутые, лоснившіеся отъ пота крулы заворачивавшей кругомъ каумбы почтовой четверни.

Дорожная, помѣстительная коляска изъ тѣхъ что тогда назывались флигель-адъютантскими, скрила по песку, подкатила къ крыльцу подъ самый балконъ. Изъ нея проворно выскочилъ молодой военный въ шинели и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, отороченнымъ бѣлыми кантами, ловко сбросилъ съ плечъ шинель на руки выбѣжавшаго сауги и съ громкимъ вопросомъ: „княгиня дома?“ быстро пробѣжалъ въ сѣни.

— Онъ! отшатнувшись отъ перилъ, обернулась съ этимъ словомъ Лина къ Гувдурову, — тотъ за кого меня хотятъ отдать замужъ!...

Онъ какъ былъ такъ и замеръ на мѣстѣ.

Губы ея шевельнулись.... Она взглянула на него влажными глазами и подвела ихъ къ загоравшимся далекимъ звѣздамъ:

— На слезъ тамъ, ни разлуки! вышло у нея, и она быстрыми шагами пошла съ балкона.

— *Où allez vous, Lina?* встревоженно крикнула ей опять княгиня.

— Въ мою комнату! отвѣчала она не оборачиваясь и исчезла.

— *S'arranger les cheveux!* объяснила съ лукавелькою

усмѣшкой Зяблику Аглая Константиновна, не замѣчая и теперь того убитаго вида съ которымъ слушала ее злополучный „бригантъ“ съ самой той минуты когда ему стало извѣстно до какого предѣла онъ могъ разчитывать на ее „слабость къ мушкетѣ“... Но она ничего теперь и замѣтить не была бы въ состоянiи: ее такъ и подмывало, такъ и уносило... „Le jeune comte, le neveu de“... даже этого она уже ни о чемъ думать не могла... И тяжело поднявшись съ кресла, она собственною особою пошла на встрѣчу прiѣзжему.

— Графъ Амисевъ! громко возгласилъ бѣжавшiй доложить о немъ офицiантъ.

— Кто такой? быстро отрываясь взглядомъ отъ сыграннаго хода, спросила Софья Ивановна окружную.

Та повторила фамилiю.

Софья Ивановна увидѣла входившаго незнакомаго ей военнаго, услышала ликующее прiвѣтствiе Аглаи: „cher comte“!...

— Вотъ онъ Фитюлькивъ! кольнуло ее какъ ножомъ въ сердце, и карты запрыгали предъ ее глазами будто камешки въ калейдоскопѣ...

Княжна между тѣмъ прошла прямо въ покои дяди.

Комнаты его были не освѣщены; только въ концѣ ихъ, сквозь открытый настежь рядъ дверей, свѣтили зажженные свѣчи подъ зеленымъ абажуромъ на большомъ столѣ библиотеки, и князь Ларiонъ, опершись щекой объ руку, читалъ у этого стола.

Онъ подвѣлъ глаза, услыжавъ шагъ...

— Hé! hé! вскрикнулъ онъ, бессознательно скидывая съ головы бархатную шалочку, которой онъ прикрывалъ, по заграничной привычкѣ, свои надъ уже рѣдѣвшiе волосы.

— Я, дядя! отвѣчала она, останавливаясь у стола, протить него съ опущенными взглядомъ и руками.

Онъ тотчасъ же догадался:

— Онъ прiѣхалъ?

— Да, сейчасъ! отвѣчала Луна.

Съ жаднымъ восхищенiемъ, съ коущою болью въ груди глядѣлъ на нее князь Ларiонъ:

— Ты иначе бы и не вздумала навѣстить меня, узнать живъ ли я еще!

— Вы отъ всѣхъ удалялись, печально проговорила она, — я думала, вы... не хотите меня видѣть...

Глаза его загорѣлись мгновенно какъ два пылающіе угля

— Я не хочу тебя видѣть?...

Она дрогнула подъ этимъ огненнымъ взглядомъ и невольно отшатнулась отъ стола...

Овъ это замѣтилъ, повикъ головою и тѣло, тѣло ездикнулъ:

— Скажи не могу... не въ силахъ!... Да, мнѣ тяжело, признаюсь...

— Дядя, неужели я чѣмъ-нибудь могла?... Она не договорила.

Овъ не смѣлъ поднять снова глазъ:

— Нѣтъ, но ты знаешь... въ мои годы привычка—жизнь... Вспомни, мы не разставались два года... Я былъ для тебя... я думалъ... я надѣялся... послѣ отца единственный! говорилъ овъ прерывавшимся голосомъ.

— Да, дядя, тихо отвѣтила Луиза,—я васъ такъ и почитала: послѣ бѣднаго папа вы единъ были у меня...

— А теперь, теперь, прервалъ овъ ее неудержимымъ возгласомъ,—равнѣ я не одинъ?...

— Это... совсѣмъ другое!... чуть омынно промолвила она, и вся зардѣлась...

— Да, конечно, это... „совсѣмъ другое!“ повторилъ овъ какъ бы про себя, лязгательно и горько улыбаясь;—да уверова ли ты по крайней мѣрѣ что овъ тебя любитъ? кивнулъ овъ ей почти злобно.

Она гордо подняла голову:

— А вы какъ же полагали? говорилъ ей не улыбавшійся взглядъ.

Овъ смущенно глянулъ на сторону и замолкъ.

— Такъ это?... господинъ изволилъ прибѣтъ, говоришь ты, началъ овъ спокойно;—что же мнѣ теперь дѣлать, по твоemu?...

Вся краска мигомъ сбѣжала съ лица княжны:

— Этого я не знаю! также гордо и печально отвѣтила она;—вы мнѣ обѣщали... а тамъ какъ вамъ угодно будетъ!.. Она повернулась и пошла...

— Hélène! Овъ кинулся за нею;—милая моя, я тебя огорчилъ!... Прости меня,—я боленъ, нервенъ... нервенъ сталъ какъ старая баба, примолвилъ овъ съ натянутымъ смѣхомъ;—не уходи такъ! Дай руку въ знакъ прощанья!... Я сейчалъ сойду внизъ!...

Она протянула ему на ходу руку—и скрылась въ темени неосвѣщенныхъ покоевъ.

Князь Ларіонъ прошелся раза три по комнатѣ, хруста пальцами и щурясь съ какимъ-то мучительнымъ выраженіемъ, позвонилъ своего камердивера и принялся одѣваться.

Черезъ часъ времени Vittorio постучался въ двери комнаты княжны и на ее спросъ отвѣчалъ что „madame la princesse m'écrit“ послала его сказать ей что чай поданъ.

Она сошла въ гостиную. Князь Ларіонъ уже былъ тамъ, одѣтый по-вечернему, во фракъ, и велъ спокойно, вѣсколько свысока бесѣду съ графомъ Анисьевымъ...

XXXI.

— Ma fille! Вы съ ней знакомы? проговорила княжна при вхоdъ Дины, ослѣпо улыбаясь пріѣзжему и въ то же время кидая искоса на дочь недовольный взглядъ за то что она такъ медлила явиться.

Мелодой человекъ послѣдшне всталъ и отвѣсилъ княжнѣ безмолвный и низкій поклонъ.

Она, въ свою очередь, учтиво отвѣтила ему наклономъ головы, повела взглядомъ кругомъ, какъ бы ища кого-то, и отошла къ игорному столу за которымъ сидѣла Софья Ивановна.

Агая Константиновна вслухнула какъ лѣнь... Анисьевъ не моргнувъ бровью.

Онъ былъ мастеръ владѣть собою. Это и его тактъ, его необыкновенная снѣтливость выдвинула его по службѣ еще болѣе чѣмъ локровительство сильнаго дяди... Анисьевъ родился честолюбцемъ. Внукъ выслужившагося гатчинскаго офицера, въ одинъ счастливый для него день необычайной милости пожалованнаго заразъ генералъ-адъютантомъ, графомъ и помѣщикомъ въ двѣ тысячи душъ въ Могилевской губерніи, и затѣмъ забытаго въ какомъ-то Совѣтѣ во все продолженіе слѣдующаго царствованія,—Анисьевъ лишился отца своего еще въ малолѣтствѣ. Отецъ этотъ, оставшій гусарь, „ѣра и забіяка“ времямъ Бурцевыхъ, во всю свою жизнь сдѣлалъ одно умное дѣло,—а именно женился изъ-за

пари, въ пьяномъ видѣ, на старой, но энергической и умной дѣвѣ,—матери нашего полковника, и весьма скоро затѣмъ, допившись до чортиковъ, умеръ, не успѣвъ домотать до конца своихъ могилевскихъ крестьянъ. Вдова его, при помощи своего брата, уже тогда состоявшаго въ большей милости, успѣла уплатить бѣльшую часть мужицкихъ долговъ. Сына на тринадцатомъ году отдала она въ Пажескій корпусъ, отлично выучивъ его предъ тѣмъ французскому и нѣмецкому языкамъ и „хорошимъ манерамъ“,—что и положило прочное основаніе для всѣхъ ожидавшихъ его въ послѣдствіи успѣховъ въ петербургскомъ свѣтѣ. Въ корпусѣ товарищи между которыми онъ никогда не былъ популяренъ, но изъ которыхъ всегда дѣлали что хотѣли, предсказывали ему блестящую карьеру, а начальство постоянно отаичало его какъ „будущаго образцоваго гвардейскаго офицера“. И онъ вышелъ имъ дѣйствительно, — вышелъ именно въ томъ смыслѣ въ какомъ разумѣли это весьма требованія того времени. Завистлики—а у него было ихъ не мало — увѣряли что первое чѣмъ обратилъ онъ на себя вниманіе высшего начальства было будто бы нѣкое соображеніе о *ленчикѣ*,* — изложенное имъ на двѣнадцати кругомъ исписанныхъ листахъ, которое по разсмотрѣніи *оного* въ особомъ комитетѣ было одобрено и принято къ руководству, авторъ же его награжденъ за отличіе чиномъ вѣй правша. Это была, разумѣется, частѣйшая выдумка, но въ которой Аписевъ, со свойственною ему сообразительностью, не видѣлъ ничего для себя вреднаго,—напротивъ и самъ, смѣясь, разказывалъ о ней во вѣзельныхъ кружкахъ... На двадцать седьмомъ году отъ роду онъ взять былъ изъ лодка въ овиту и сразу попалъ въ „дѣльные“. Скоро стали давать ему особенно важныя, то-есть щекотливыя по существу своему порученія. Молодой дѣлецъ каждый разъ выходилъ съ торжествомъ изъ затрудненій представлявшихся ему въ этихъ случаяхъ. Никогда донесенія его не оказывались противными тому чего ожидалось отъ нихъ, никогда сужденіе о разслѣдованномъ имъ дѣлѣ не подвигалось выше пониманія тѣхъ кѣмъ оно было ему поручаемо, никогда то что предоставлялось ему лично

* *Ленчикъ*—дерево сѣдыя.

„уладить“ и „утушить“ не оставалось горючимъ и разлаженнымъ. У него было что-то въ родѣ верхняго чутья, которымъ угадывалъ онъ безо всякихъ постороннихъ указаній но какому-нибудь лишь оброченному слову, вѣчаянно подсматривающему взгляду, часто даже просто по какому-то наитію то именно что требовалось въ данномъ случаѣ и чего можно было ожидать въ другомъ, что должно было взять верхъ надъ чѣмъ въ данное время, кто могъ „выколотить“ или „провалиться“ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и несомнѣнно вѣрно сообразовался съ этимъ для своихъ личныхъ честолюбивыхъ расчетовъ. Этому чутью соответствовала въ лицѣ его особая, частью природная, частью выработанная имъ усмѣшка, въ которой наблюдатель могъ бы разгадать смыслъ всего его характера. Умбика эта имѣла цѣлью прежде всего дать понять тому съ кѣмъ онъ говорилъ что онъ имѣетъ совершенно ясное и полное понятіе о предметѣ о которомъ заводилась рѣчь, хотя бы то было объ ассирійскихъ древностяхъ или о дендрологіи; затѣмъ что объ этомъ самомъ предметѣ онъ имѣетъ свое личное оригинальное мнѣніе, которое онъ не почитаетъ нужнымъ высказывать, и, наконецъ, что онъ не почитаетъ нужнымъ высказывать это мнѣніе вслѣдствіе высшихъ и одному ему вѣдомыхъ соображеній. Анисьевъ достигалъ своей цѣли: изъ дѣловыхъ сношеній съ нимъ нужны ему люди выносили то впечатлѣніе что онъ весьма солидный, оспособный и ловкій молодой человекъ, которому несомнѣнно суждено „далеко пойти“. Въ петербургскомъ офиціальномъ и свѣтскомъ мірѣ никто и не сомнѣвался въ этомъ, и графиня Анисьева была лишь эхомъ этого міра, когда въ интимныхъ бесѣдахъ съ княгиней Аглаей говорила о смыслѣ какъ о „будущемъ министрѣ“.

Услѣхи его не ограничивались службой: онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ, изъ самыхъ отличаемыхъ кавалеровъ придворныхъ и великосвѣтскихъ баловъ, и *kozеровъ* „избранныхъ“ гостивыхъ, танцевалъ отлично и не со *стыли*, сыпалъ кстаги фразами изъ *Revue des deux mondes*, которую читалъ неукоснительно предъ каждымъ своимъ вечернимъ выѣздомъ, рисовалъ весьма удачно благонамѣренно остроумныя каррикатуры, и, по общему приказанію своихъ гвардейскихъ сверстниковъ, умѣлъ „какъ никто“ носить военный мундиръ при самомъ строгомъ соблюденіи стѣснительной

формы того времени, тайна и лонья, говорятъ спеціалисты, не каждому удающаяся. Ни у кого такъ ловко не пропускался нѣмѣ локтя толстый аксельбантъ изъ-подъ свисшаго „à la gignard“ эпюлета, такъ не пригвѣлы были „въ разъ“ суженные книзу рейтузы къ лакированному сапогу, такъ щегольски мягко не ложились складки просторнаго сюртука кругомъ высокаго и тонкаго става. „L'extrafin de nos officiers“! говорилъ про него самъ военный министръ князь Чернышевъ, любуясь имъ на балѣ сквозь одноглазый золотой лорнетъ, и улыбаясь по этому случаю подъ завитымъ ларикомъ блестящимъ воспоминаніямъ собственнаго своего блага...

Побѣды свои Авицьевъ считалъ дюжинами.. Еще будучи камерлажомъ, говорили злые языки, онъ былъ замѣченъ

„Блестящей Ниной Веровскою,
„Сей Клеопатрою Невы“. *

бывшему тогда уже сильно sur le retour, но удивительно сохранившаяся „мраморная краса“ которой могла плѣнить и не семнадцатилѣтняго ювону, и приобрѣлъ отъ нея послѣдній доскъ, „le dernier soup de pinceau“, той лѣтнво-холодной небрежности пріемовъ, того полувасмѣшливаго, полускучающаго тона рѣчи что почитались тогда высшимъ выраженіемъ свѣтской *элегантности*, и предъ которыми казались оружіе самыя неприступныя тогдашнія *львицы*...

Но, увы, не однѣ розы цвѣли въ существованіи этого „баловня петербургской *фортуны*“, какъ выражались еще старички въ тѣ времена; были въ немъ и тернія, и оцѣкъ колючія для него тернія. Прежде всего онъ былъ разоренъ. Доходовъ съ дѣдовскаго имѣнія, кое-какъ сохраненнаго ему матерью, оказалось съ перваго же года поступления его въ гвардію недостаточно для того широкаго пошиба жизни которымъ онъ счелъ нужнымъ захитъ. Молодой честолюбецъ не наследовалъ ни одного изъ *забубенныхъ* свойствъ своего покойнаго родителя, но въ его раннихъ разчетахъ этотъ широкій train былъ необходимъ ему для того чтобы не только сразу поставить себя на одну ногу съ крулнвѣшими представителями тогдашней богатой гвардейской молодежи, но и попасть въ число тѣхъ избранныхъ изъ нихъ

* Евгений Олѣгинъ. Гл. VIII.

очастливецъ бластательное будущее которыхъ, благодаря высокому іерархическому положенію ихъ отцовъ, намѣчено было такъ-сказать заранѣе. „Qui ose tout, а tout, доказывалъ онь матери, лугавшейся его расточительности: кто съ самаго начала заявляетъ что онь бьетъ на большое, тотъ его на половину уже получалъ; чтобъ и мнѣ быть тѣмъ же чѣмъ будутъ Привислянскій и Воротынцева я теперь же не долженъ уступать имъ ни на шагъ!“ И онь не уступалъ, но не прошло лати лѣтъ какъ долги его уже превышали дѣяность всего его имѣнія; и онь могъ еще держаться на желаемой высотѣ лишь благодаря большой игрѣ, которая пока везла ему довольно постоянно. Но счастье могло со дня на день измѣнить ему, и тогда... Ависевъ не допускалъ этого „тогда“, онь слѣшкомъ вѣрилъ въ себя и свою звѣзду, не допускалъ чтобъ онь когда-либо могъ быть вынужденъ „скатиться на салазкахъ внизъ“, какъ выражался онь въ тайныхъ бесѣдахъ съ самимъ собою, но ему часто приходилось очень трудно... Къ тому подходило и время, ему мнѣвало тридцать лѣтъ, пора было ему окончательно устроиться, укорениться тѣмъ чѣмъ называется un beau parti въ этомъ петербургскомъ свѣтѣ въ которомъ и онь и его сильный дядя все какъ бы еще почитались пришлыми, не имѣвшими тамъ ни преданій, ни связей родства... На задача эта была не легка при тѣхъ условіяхъ въ какихъ онь задумывалъ ее: на половину помириться онь не могъ, ему нужно было и звонкое въ свѣтѣ имя, и большое состояніе. А онь, Ависевъ, зеленѣлъ отъ злости когда думалъ объ этомъ, онь какъ ни бился все же былъ ни Привислянскій, ни Воротынцева; онь говорилъ себѣ, кусая губы, что ему нельзя было какъ оми „кинуть платокъ любой руской невѣстѣ, въ увѣренности что она бросится подымать его“; онь звалъ два-три дома въ Петербургѣ гдѣ, несмотря на дворскую къ нему милость, на завидное его служебное положеніе, услѣхъ для него былъ бы болѣе чѣмъ сомнительнъ... И онь часто не безъ глубокой внутренней тревоги выглядывалъ, перекидывалъ въ умѣ, соображалъ... И вотъ однажды его мать, поселившаяся за границей экономіи ради, пишетъ ему изъ Рима что она нашла ему „la perle des partis comme nom, fortune et distinction“, что эту перлу никто, къ счастью, въ Петербургѣ не знаетъ, и что она повела дѣло такъ что заручилась заранѣе согласіемъ матери

дѣвушки,—„une personne tout-à-fait impossible“, говорило въ этомъ въ скобкахъ о злополучной Аглаѣ, почитавшей графиню Анисьеву своимъ лучшимъ другомъ, которую (то-есть Аглаю) она совѣтуетъ сыну, когда онъ женится на дочери, какъ можно менѣе пускаться къ себѣ въ домъ, „parce qu'elle est d'une bêtise tout-à-fait compromettante“. О князѣ Ларіонѣ упоминалось въ письмѣ какъ о человѣкѣ предъ „деспотизмомъ“ котораго, повидимому, преклоняется безропотно вся семья его брата, но съ которымъ графиня, какъ ни старалась, не могла сойтись, „с'est un homme fort rebardatif“, писала она, „et souffrant évidemment d'une ambition rentrée.“ NB поставлено было вслѣдъ за послѣдними строками.

„Молодець шапан, сказалъ себѣ Анисьевъ, дойдя до этого NB,—сейчасъ догадается гдѣ дверь, скрипитъ!.. Эта скрипучая дверь, собралъ онъ тотчасъ въ свою очередь, должна быть по возможности скорѣе „смазана“. Этотъ неудобный дядя, „cet original à opinions avancées, котораго спустили тому два года“, надо было „бросить скорѣе кость его голодающему честолюбію.“ Весь вопросъ для Анисьева состоялъ единственно въ этомъ; несмотря на свои еще молодые годы, онъ въ теченіе своей служебной и свѣтской жизни такъ мало привыкъ встрѣчаться съ человѣческимъ безкорыстіемъ что ему и въ голову не пришло чтобъ этотъ „оригиналъ“ въ вопросѣ о будущемъ племянницы могъ руководствоваться какими-либо не истекающими изъ его личнаго интереса соображеніями... Анисьевъ кинулся къ дядѣ. На его счастье, „la combinaison Шастуновъ“, предложенная имъ, имѣла, какъ оказалось, даже болѣе шансовъ на успѣхъ чѣмъ могъ онъ надѣяться въ первую минуту.—„О немъ недавно вспоминали какъ объ очень умномъ человѣкѣ“, сообщил племяннику сановный царедворецъ, „лично онъ былъ всегда пріятель. Дай срокъ, я напомию при случаѣ.“

И онъ напомиалъ. Ко времени пріѣзда Шастуновыхъ въ Россію поступленіе обратно князя Ларіона на службу было въ принципѣ благосклонно допущено въ высшихъ сферахъ. Въ теченіе зимы Анисьевъ успѣлъ увидать Ливу въ Москвѣ, околдовать ея матушку. Къ этому же времени дядѣ его стало видно на какой постъ могъ бы быть предложенъ его новый protégé. Но въ виду расчетовъ племянника опытный сановникъ представилъ дѣло такъ чтобы „сначала пустить пробный шаръ“, то-есть узнать черезъ третье лицо на сколько

вообще готовъ принять князь Ларіонъ то что имѣютъ предложить ему, а то молъ олъ „пожалуй откажется, скажетъ что усталъ, старъ, такъ чтобы какъ-нибудь не компрометтироваться...“ Рѣшено было послать письмо къ *графу*, въ Москву, въ которомъ бы не заключалось ничего положительнаго. Положительное, въ планахъ дяди и племянника, должно было быть выговорено лишь тогда когда Анисьевъ увѣрится лично что ему со стороны князя не грозитъ никакимъ затрудненіемъ; въ противномъ случаѣ дядя бралъ да себя „похоронитъ“ свыше одобренную „комбинацію“... Все было разчитано такъ чтобы нашъ поковникъ, посланный въ концѣ зимы съ разными порученіями въ восточную Россію, могъ на возвратномъ пути быть въ Сицкомъ къ тому времени когда письмо дяди его къ *графу* станетъ уже извѣстнымъ князю Ларіону.

XXXII.

И вотъ олъ сидѣлъ теперь предъ княгиней Аглаей во всей своей красѣ, со своимъ аксельбантомъ черезъ локоть и слегка свистими на грудь эполетами, со своею лосквившеюся какъ воронье крыло, коротко остриженною головою и форменными, приподнятыми крючкомъ вверхъ усами, въ лакированныхъ сапогахъ, и съ запахомъ свѣжаго, продушеннаго бѣлья,—олъ совершилъ туалетъ свой на станціи предъ Сицкимъ;—сидѣлъ съ чашкою чая въ рукѣ, и слегка картава, и какъ бы вовсе не замѣтивъ холоднаго приѣма едѣннаго ему Линою, сообщалъ ея матери какой-то парижскій анекдотъ, вычитанный имъ наканунѣ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ въ фельетонѣ виконта де-Лоне.*

Соль этого анекдота была для княгини Аглаи недоступна, но она смѣялась на вѣру и глядѣла на разкащика совершенно посоловѣлыми отъ восхищенія глазами, гнѣваясь въ душѣ на дочь за ея „шапше d'empressement“ къ этому оборожителю, и въ то же время искренно сожалѣя о томъ что она сама себя лишаетъ удовольствія его слушать...

* Vicomte de-Launay; подъ этимъ псевдонимомъ писала въ то время еженедѣльные фельетоны въ газетѣ *La Presse*, издававшейся Эмиль де-Жирарденомъ, жена его, извѣстная Delphine de-Girardin.

„Успѣеть впрочемъ“! утѣшала себя мысленно наша княгиня, и принималась снова сладко улыбаться и глядѣть на Анисьева такъ, какъ будто онъ былъ Zuckergürschel, сахарная кукла, которую она вотъ-вотъ и проглотитъ сейчасъ...

Князь Ларіонъ, въ свою очередь, слушалъ Анисьева не сводя съ него глазъ, и тайная недоброжелательность ихъ выраженія не ускользнула отъ зоркаго вниманія петербургскаго карьериста. Она удивила его: „неужели же графъ еще ничего не успѣлъ ему сообщить?“ думалъ онъ, но его изысканная любезность, повидимому, отъ этого только удвоилась.

Князь заговорилъ о Симбирской губерніи, изъ которой возвращался мелодой дѣлецъ.

— Каковъ тамъ губернаторъ? спросилъ онъ между прочимъ.

— Про то старшіе знаютъ, отвѣчалъ тотъ, заслоня уклончивость отвѣта его шутивымъ тономъ;—лично я могу только быть ему очень благодарнымъ за содѣйствіе его всякій разъ когда оно мнѣ было нужно.

— Вы были посланы по рекрутскому набору?

Анисьевъ молча наклонилъ голову.

— Но онъ давно конченъ...

— Я имѣлъ еще другое порученіе, коротко отвѣчалъ флигель-адъютантъ;—но объ этомъ я подъ страхомъ смертной казни говорить не дерзаю, словно договорило его лицо, которому онъ мгновенно придалъ сумрачно-строгое выраженіе.

— А губернія какъ съ нимъ ладить?.. Онъ, кажется, еще недавно туда назначенъ?

Петербургскій воинъ склонилъ слегка голову на бокъ, хотянулъ усь во всю его длину,—и не то вебрежно, не то значительно:

— Вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, князь, пропустилъ онъ сквозь сверкавшіе зубы что эта *принорщичья* губернія самая неудобоправляемая губернія во всей Имперіи, и что всякому губернатору было и будетъ всегда трудно съ нею ладить.

— Отчего *принорщичья*? спросилъ будто удивясь князь Ларіонъ, хотя онъ очень хорошо зналъ что значило это прозвище и кѣмъ оно было даво.

— Les mauvais plaisants называютъ ее даже *безчинною*,

засмѣялся графъ Ависьевъ:—дворянство тамъ все не служащее... и какъ бы пренебрегающее службой... У нихъ даже губерскіе предводители все подъ рядъ какіе-то лоручики или титулярные совѣтники въ отставкѣ; люди они всѣ тамъ очень состоятельные... и стремятся быть *самостоятельными*, продолжалъ онъ все тѣмъ же шутавымъ тономъ.

— Что же, это еще не преступленіе, молвилъ безъ улыбки князь,—если они на мѣстѣ пользы примосатъ?..

— Очень образованные люди, впрочемъ, большею частью бывшіе въ университетѣ; за границу безпреставо ѣздятъ... Мѣстной власти тѣмъ болѣе ухо надо остро держать! промолвилъ графъ Ависьевъ съ легкимъ пожатіемъ бровей.

— Что же, *подтянуть* ихъ? И старый дипломатъ насмѣшливо посмотрѣлъ ему въ лицо.

Петербургскій воинъ будто и не замѣтилъ укола. Онъ весело тряхнулъ эполетомъ:

— Это ужъ до меня не касается!.. Но противъ этихъ вѣчныхъ жалобъ дворянства на самоуправленіе губернаторовъ у меня есть одинъ аргументъ: *voyez le cercle d'attribution des préfets en France*, даже въ вымѣшней, *республиканской*, Франціи! Онъ значительно подчеркивалъ слово *республиканской*.

— Франція намъ не указъ и все что ни шло къ намъ отъ туда было и будетъ для насъ гибелью! горячо прервалъ его князь Ларіонъ. Воспитанный въ Англіи, онъ какю-то англійскою ненавистью не любилъ Францію—Я бы попросилъ васъ объяснить мнѣ, много ли мы выиграли отъ наполеоновскихъ порядковъ привитыхъ къ намъ Сперанскимъ?

Блестящій полковникъ никогда объ этомъ не думалъ, да и не имѣлъ никакого яснаго представленія о томъ какіе такіе порядки привилъ къ намъ Сперанскій. Но онъ тотчасъ же пустилъ въ ходъ свою особую улыбку, которая должна была говсрить его собесѣднику что онъ многое имѣлъ бы представить по этому поводу, но находитъ это по нѣкоторымъ соображеніямъ неудобнымъ въ эту минуту.

— Я плохой диалектикъ, князь, со скромнымъ наклономъ головы проговорилъ онъ,—а съ вами и подавно. Я позволю себѣ замѣтить только то что сдѣланное Сперанскимъ—совершившійся фактъ и его не передѣлаешь... Ависьевъ даже вздохнулъ, какъ бы очень сожалѣлъ что Сперанскій именно сдѣлалъ это.— А затѣмъ остается одно, по моему

признать то что есть avec une obéissance passive... И онъ вздохнулъ еще разъ.

— Et vous faites très bien, cher comte, воскликнула неожиданно Аглая Константиновна, съ тревогою сѣдившая за этимъ разговоромъ, — продолжайте такъ хорошо думать et vous ferez une belle carrière!

Точно кочергою по лбу хватила она его... „Господи!“ чуть не вскрикнулъ онъ громко, и покраснѣвъ по самую маковку.

„Хороши оба!“ сказалъ себѣ князь Ларионъ, вставая съ мѣста и отправляясь къ столу, за которымъ Надежда Федоровна, безъ кровинки въ лицѣ, разливала чай по чашкамъ, едва не выпуская каждый разъ чайника изъ своихъ дрожавшихъ рукъ.

— Вы, кажется, нездоровы? сказалъ онъ, замѣтивъ ея разстроенный видъ.

— Ничего-съ!... Она вдругъ засмѣялась судорожнымъ смѣхомъ:— а когда-нибудь такъ за самоваромъ и умру...

Онъ поглядѣлъ на нее съ изумленіемъ...

Она должна послѣднюю чашку и выбѣжала вонъ.

Князь хотѣлъ что-то сказать, дать приказаніе... но олустился въ кресло, задумался и забылъ.

А Аглая Константиновна, едва онъ отошелъ, наклонилась къ Авицьеву моргая бровями и таинственнымъ шелотомъ проговорила:

— Надѣюсь что мы васъ теперь удержимъ... на нѣкоторое время?

Онъ олустилъ глаза и поклонился.

— Завтра, вы знаете, у насъ spectacle de société... Du sérieux: *Hamlet*... Вы знаете пѣсню?

— *Hamlet* de Shakspere, кто же ее не знаетъ? И онъ свисходительно приподнялъ плечи... Онъ, впрочемъ, никогда не читалъ эту „пѣсню“...

— Attendez! ириво подмигнула княгиня.— Lina!

Княжна подошла.

— Графу, ma chère, будетъ, я увѣрена, очень пріятно, объявила ей совсѣмъ уже расхолодившаяся Аглая,—еслибы ты прочла ему что-нибудь изъ твоей роли?.. Le comte est un homme de goût, il jugera, хорошо ли ты говоришь?

Лина вся вслыхнула... Смѣтливый воинъ рыцарски пришедъ къ ней тотчасъ же на помощь:

— Ни за что, княгиня! Я хочу сохранить въ цѣлости

всю горячку моего восторга, toute l'incandescente d'enthousiasme dont je suis capable, вычурно выражаясь онъ, къ минутъ появленія завтра княжны на сценѣ.

Бѣдная дѣвушка повела на него неволью благодарнымъ взглядомъ.

— А кто играетъ у васъ главную мужскую роль? послѣдшій оный спросилъ ее чтобы не дать „невозможной“ ея матушкѣ возможности наступать.

— Un monsieur Goundourof, un voisin de compagnie, отвѣчала все-таки за нее невозможная матушка будто извинявшимся за что-то голосомъ.

Дина воспользовалась этимъ; она насилу удержала прилившія къ глазамъ ея слезы и отошла олять къ Софьѣ Ивановѣ. Хозяйка и ея гость остались вдвоемъ въ углу гостиной... Разочарованный „бригантъ“ какъ сквозь землю провалился. Ашанинъ и Гундуровъ исчезли уже давно. Присутствіе новаго лица, „петербуржца“, „придворнаго“, разогнало и остальную московскую молодежь. Сама Ольга Елпидифоровна не сочла нужнымъ совѣтаться съ первого разу на глаза прѣзжему и не прерывала его пріятнаго tête-à-tête съ „будущею belle maman“; бойкая особа гдѣ-то хохотала на другомъ балковѣ съ пріятельницами своими *пуллерками* и наускивала, по обыкновенію, другъ на друга своихъ двухъ „фифановъ“, какъ называлъ Ашанинъ Мауса и Рандева.

Послѣ чая въ гостиной, кромѣ князя Ларіона, остались лишь Свищовъ, обыгравшій въ пухъ Софью Ивановну, да пріятель его Елпидифоръ, усѣвшійся съ нимъ на шесть королей „въ ликетецъ по маленькой“... Игравшія дамы разошлись по своимъ комнатамъ. Дина пошла проводить Софью Ивановну.

— Вы давно знаете этого... графа, милая моя? спрашивала ее та по луту.

— Я его совѣтъ не знаю, послѣдила она отвѣтить.

— Гм... Я хотѣла сказать: ваша маман... Давно она съ нимъ знакома?

— И она его не больше знаетъ чѣмъ я. Онъ всего разъ зимою былъ у насъ съ визитомъ... Но маман, примолвила какъ бы объясняя что-то Дина, — очень хорошо знакома была съ его матерью въ Римѣ..

— Въ Римѣ... съ матерью! потворила Софья Ивановна;—

вотъ оно... я предчувствовала! подумала она. И дойдя до своихъ дверей:—я не знаю куда мой Сережа дѣвался? прошептала она съ безпокойствомъ въ голосѣ.

Княжна вдругъ прижалась къ ней, обвела ея шею рукой:

— Пошлите за нимъ! дрожалъ и прерывался ея голосъ,— а боюсь... Мы съ нимъ разговаривали когда прѣѣхалъ... этотъ локонникъ... И я потомъ ушла, а когда вернулась къ чаю, его уже не было... Пошлите за нимъ! едва сдерживая слезы потворила она.

Софья Ивановна схватила ее обѣими руками за голову и крѣпко, крѣпко поцѣловала:

— Я его сейчасъ добуду! сказала она,—а вы, моя милая, ступайте теперь назадъ!... Чтобы насъ съ вами за двухъ заговорщицъ не приняли!..

Громъ уже не „погромыживалъ“,—онъ ударилъ. Софья Ивановна владѣла опять всею силой воли, всею энергіей своею.

Она тотчасъ же послала горничную „добывать Владимира Петровича“. Та нашла его въ ихъ общей съ Гундуоровымъ комнатѣ и привела обоихъ.

Ашанинъ, точно также какъ Софья Ивановна, съ первыхъ словъ княгини графу Анисьеву, догадался о „Фитюлькичѣ“; онъ увелъ пріятеля своего изъ гостиной, и цѣлый часъ не могъ добиться отъ него ни слова. Сергѣй проронилъ только то что „прѣѣзжаго прочать въ женихи княжѣ“. Онъ все время, стиснувъ зубы и ероша волосы, проходилъ изъ угла въ уголъ своей комнаты, натываясь на стулья и столы...

Когда они вошли къ Софьѣ Ивановнѣ, она взглянула въ его измѣнившееся лицо и не вымолвивъ ни слова обняла его за голову и крѣпко поцѣловала въ лобъ какъ княжну... Потомъ усадила и сказала:

— А теперь довольно! Приди въ себя!... Авось-либо, Богъ милостивъ, устроится!... А вѣтъ—терпи, ты мушкетеръ!... Она сумѣетъ терпѣть,—отвѣчаю тебѣ!..

Эти слова подѣйствовали на него болѣе чѣмъ всѣ увѣщанія Ашанина. Онъ молча подошелъ къ теткѣ и обнялъ ее.

— Вотъ такъ-то лучше! васмѣлася его чернокудрый пріятель, обнимая его въ свою очередь,—посиди-ка съ Софьей Ивановной. А то я ужъ такъ и думаю что мнѣ завтра придется выдти на сцену и объявить лубкичѣ что „обѣщанное

моль вамъ представленіе *Гамлета* отбивается, такъ какъ *Гамлетъ* у насъ *необманно* съ ума сошелъ!"

— Вы-то ужъ отъ этого никогда не сойдете! досадливо отпустила ему на это вполголоса Софья Ивановна.

Онъ пожалъ, улыбаясь, плечами, поклонился и вышелъ.

Тетка и племянникъ просидѣли вдвоемъ далеко за полночь. Когда Гундуровъ вернулся въ свою комнату, Ашанина онъ въ ней не нашелъ и постель его стояла не сматая.

Княжна воротилась въ гостиную въ ту минуту когда Анисьевъ подымался съ мѣста и прощался съ хозяйкой. Трехчасовая бесѣда съ нею произвела на нашего полковника то же впечатлѣніе какъ еслибъ его, завязавъ въ мѣшокъ, спустили катиться по крутой и каменистой горѣ: онъ чувствовалъ себя буквально разбитымъ...

А она все также томно и сладко улыбалась ему:

— Да, я понимаю, вы устали съ дороги, *cher comte, allez vous herosier!*... *Vittorio* васъ проводить! указывала она на Итальянца, почтительно ожидавшаго у дверей.

— Прежде чѣмъ проститься съ вами, княгиня, молвилъ ей блестящій воинъ,—позвольте спросить васъ, дозволено ли мнѣ будетъ поднести завтра вашей прелестной новорожденной ящичкѣ конфетъ?...

— *Certainement, certainement, cher comte!* Наша Аглая такъ и запрыгала, моргая ему и лукаво улыбаясь,—*donnez toujours*, она будетъ въ восхищеніи.

Онъ тѣмъ же молчаливымъ и глубокимъ поклономъ какъ при первой встрѣчѣ склонилъ предъ встрѣтившеюся съ нимъ Линой свою гладко остриженную голову, метнулъ на ходу привычнымъ взглядомъ на исписанный локетнымъ счетомъ столъ, за которымъ Свищовъ съ исправникомъ доигрывали шестого короля и, улыбувшись нѣсколько презрительно громоздкому облаку и полицейскому мундиру не замѣтившаго ухода его Елпидифора, исчезъ вслѣдъ за *Vittorio*.

Лина подошла къ матери:

— Прощайте, маман!

— Я желаю вамъ оказать два слова! многозначительно раздуть ноздри, сказала ей та на это и прошла на освѣщенный балконъ.

Лина послѣдовала за нею...

— *Vous avez été singulierement peu aimable avec ce char-*

tant jeune homme! сказала Аглая Константиновна, опускаясь въ кресло.

— Я была съ нимъ учтива какъ со всеми, маман, тихо молвила княжна,—онъ ничего болѣе не имѣлъ права требовать отъ меня!

Аглая Константиновна нѣсколько оліѣшила:—ей всегда импровировало то въ чемъ мерещилась ей аристократическая гордость, „l'orgueil (du sang“, какъ выражалась она. „И въ самомъ дѣлѣ, разсудила она,—Лина не знаетъ еще ничего, она не можетъ *показать ему* перья, elle est trop bien née pour cela!“

— Я; впрочемъ, попробовала она съ другой стороны,—говорю это жалѣя тебя: ты не слышала comme il cause... Онъ такъ уменъ, et si gentlemanlike!..

— Онъ мнѣ не нравится! сказала просто Лина.

Та такъ и ахнула:

— Чтѣ? Ce jeune comte, le neveu de... тебѣ не нравится?

— Нѣтъ! Княжна качала головою.

— Не... нравится? едва могла говорить Аглая Константиновна;—такъ кого же послѣ этого вамъ нужно? Un prince du sang?...

— Она сама Рюриковна, ее этимъ не удивишь? язвительно засмѣялся кто-то въ темномъ углу балкона.

Это была князь Ларіонъ, присутствіемъ котораго здѣсь она не подозрѣвала, и который являлъ ее теперь въ самое ея больное, въ самое чувствительное ея мѣсто, намекая на это ея собственное Раскатыловское происхождение, воспоминаніе о которомъ, какъ неотступный призракъ, преслѣдовало ее цѣлую жизнь, цѣлую жизнь отравляло ей всю прелесть ея милліоновъ...

— Cette „Рюриковна,“ c'est moi qui suis sa mère, mon prince! глубоко обиженнымъ тономъ послала она ему въ отвѣтъ.

— По акту рожденія, дѣйствительно! посмѣялась новымъ смѣхъ его.

Она не поняла, но почувала что это было опять что-то оскорбительное для нея, но на чтѣ у нея не было отвѣта. Она замолкла, моргая въ темнотѣ своими круглыми глазами, словно выжимала изъ нихъ непослушныя на этотъ разъ слезы...

Лина стояла предъ нею ни жива, ни мертва, съ тяжелою головою, съ мощною тоской въ груди:

— Неужели онъ думаетъ мнѣ этимъ помочь? допрашивала печальныя глаза ея темный уголъ дяди.

Такъ прошло довольно долго времени.

— Пора спать! сказала наконецъ княгиня, вставая и поднося руку свою къ губамъ дочери.—Nous en gerarlegons! примолвила она ей шепотомъ и удалилась.

— Вы меня губите, дядя! подходя къ нему, сказала княжна.

Онъ не отвѣчалъ,—онъ зналъ что она была права, но ведь онъ теперь былъ желчь и злоба, и чувствовалъ что не могъ совладать уже съ собою...

Добравшись до своей комнаты, Лина, какъ была, уляла на кровать предъ своимъ prie-Dieu, уложила голову на сложенные руки и тихо, тихо заплакала...

А радомъ, за стѣной ея спальни, стояла у раствореннаго окна своей комнаты Надежда Федоровна Травкина и вославленными отъ слезъ глазами жадно глядѣла куда-то въ синюю темель сада.

XXXIII.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови....

Щербина.

Въ домѣ все, повидимому, давно уже спало. Два глухо и долго звенѣвшіе удара провесались надъ садомъ съ высоты фронтона, подъ которымъ со стороны обращенной на дворъ какимъ-то таинственно мѣрнымъ ходомъ двигались по освѣщенному изнутри циферблату длинныя золоченыя стрѣлки большихъ часовъ, выписанныхъ княгиней изъ Англiи, „le beffroi du château“, какъ романически выражалась она. На звѣздномъ полотнѣ уже блѣднѣвшаго къ утру июньскаго неба вырисовывались замѣтными очертаніями кудравыя кулы древесныхъ вершинъ. Но подъ густыми ихъ вѣтвями, въ глубинѣ аллей, словно чернильная волна катилась и зила мракъ настоящей ночи.... Запахомъ жасмина и бузины пропитанъ былъ недвижный воздухъ, и только, казалось, соловей надъ рѣкою, да неутомимый кузнечикъ въ пахучей травѣ не дремали въ безмолвіи и безлюдьи заснувшаго сада.

Нѣтъ, не одни соловей да кузнечикъ.... чуть слышно скрип-

нула одна изъ дверей выходившихъ изъ нижняго этажа въ садъ, и кто-то съ укутаною темнымъ платкомъ головой выскользнулъ изъ нихъ, огладулся кругомъ и исчезъ чрезъ мигъ въ темени ближайшей аллеи.

Изъ окна Надежды Федоровны вылетѣлъ слабый, мгновенно сдержанный стонъ.... И снова замолкло все, и залилася и щелкала надъ рѣкой одинъ влюбленный соловей....

Но вотъ опять новые звуки, заскрипѣли шаги по песку...

Мы здѣсь поемъ въ тиши веселней ночи,
Лишь для того чтобъ слышала насъ ты....

вспѣвалъ чей-то молодой голосъ старинную дерлтекую студенческую пѣсню Ямковскихъ временъ.

— А вы потише! говорили другой густымъ басомъ, а не то, пожалуй, и вранья услышатъ, да спасибо не окажутъ!.. Бульки, скажутъ, опять не даютъ!..

— Она не спитъ! возразилъ жермый голосъ.

— А „она“ кто это?

— Кляква.

— Во! засмѣлся басъ; вы хочемъ знать?

— А вотъ видите наверху изъ-за деревьевъ свѣтитъ огонекъ: это въ ея окнахъ.

— А отличная, видать, она дѣвушка! какъ бы въ заключеніе мысленныхъ послылокъ проговорила басъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Прямо Жоржъ-Сандовская героиня! восторженно возгласилъ его слугникъ.

Шаги все ближе подходили къ дому....

— Кто-й-идеть! крикнулъ вдругъ басъ, кидаясь къ кому-то, шмыгающему мимо его на перекресткѣ аллеи.

— Оставьте меня! послышался испуганный отвѣтъ.

— Кто вы?

— Это Надежда Федоровна!... Извините, мы васъ испугали.

— А я васъ не узнаю.... Такъ темно! отозвалась она.

— Это я, Факирскій! А со мною Никаноръ Ильичъ Равцевъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? быстро проговорила Надежда Федоровна.

— А мы съ Борисомъ Петровичемъ къ вамъ, въ Никольское ѣздили и вернулись, отвѣчала калитанъ,— да чтобы подъ окнами не гремѣтъ ночью, лошадей влизу оставили, а сами подыались садомъ....

— Никаворъ Ильичъ, не давъ ему договорить молвила Надежда Федоровна голосомъ поразившимъ студента своимъ необычнымъ выраженіемъ,—пойдемте со мною!

— Куда это-съ? изумленно воскликнулъ капитанъ.

— Я вамъ скажу.... потомъ.... пойдемте!..

Она удѣлилась за его руку.

— А меня не нужно? спросилъ Факирскій.

— Нѣтъ, не нужно!

— И за то спасибо! усмѣхнулся онъ про себя, и пошелъ своею дорогою.

Онъ остановился у цѣпника, разбитаго предъ большимъ бакаломъ дома, отыскалъ знакомую скамейку и опустился на нее. Съ тѣхъ поръ какъ Лина стала говорить съ нимъ, студентъ каждую ночь приходилъ садиться на эту скамейку, и, опрѣкнувъ голову на ея деревянную спинку, неотступно глядѣлъ въ окна княжны до тѣхъ поръ пока не исчезалъ въ нихъ свѣтъ. И благодарный богъ мечтательной любви посмалъ ему за это каждую ночь одинъ и тотъ же сонъ: княжна стояла предъ нимъ на козлахъ и говорила ему: „возьми меня, потому что ты народъ, и я хочу быть *народомъ*, а онъ плакалъ и отказывался отъ нея во имя своей бѣдности, своей *свѣтлой* бѣдности“!..

— Никаворъ Ильичъ, скажите, пройдя съ капитаномъ нѣсколько шаговъ, заметала вдругъ Надежда Федоровна,—вы любите Ольгу Акулину?

— Ольгу Елпидифоровну? воскликнулъ озадаченный капитанъ....—Люблю-съ, не совру! рѣшительно отвѣтилъ онъ подумавъ.

— Очень? сильно?..

— Даже, могу сказать, больше-съ чѣмъ собственно жизнь свою!..

— И я, истерически зарыдала вдругъ перерѣвая дѣва,—и я больше жизни люблю.... одного человѣка!..

— Та акъ-съ! протянулъ капитанъ, не различая ея лица въ темнотѣ и размышляя: чтѣ ему дѣлать въ случаѣ она, „съ большой этой любви своей возьметъ да и шарахнется!“—Ужь позвольте лучше я васъ домой отведу, предложилъ онъ ей,—въ постелькѣ своей вамъ, мнѣтельно, поспокойнѣе будетъ!..

— И этотъ человѣкъ.... Она еще крѣпче удѣлилась за его рукавъ,—въ объятыхъ этого человѣка теперь ваша Ольга!..

— Что-о-о-о? Ольга Елпидифоровна... въ объятыхъ!... чуть не „шарахнулся“ самъ навзничъ заолоучивый воинъ.

— Я слышала... я знаю... они здѣсь!.. Я видѣла какъ она... Пойдемте, пойдемте! восклицала безумнымъ голосомъ дѣвица Травкина, увлекала его за собой...

— О, какъ я бѣжала... и эта темнота!.. я боялась заблудиться ... и все казалось за мною гонятся!.. Я не думала чтобы все это было такъ страшно, говорила во второй бесѣдкѣ, вѣтви отъ цвѣтника, порывисто дыша и дрожа отъ волненія и ночнаго холода Ольга, прижимаясь къ плечу счастливица Ашанина.

— Чего бояться? шепталъ онъ въ отвѣтъ, отмыкая лодъ ея плащомъ и обнимая ея упругій, трепетавшій лодъ его горячею рукой ставъ,—мы одни... и вѣтъ въ мѣрѣ человѣка блаженствѣ меня въ эту минуту!..

Она закрыла рукой его жадно льзущія къ ней губы:

— Сколькожъ женщинамъ вы это говорили? И сколькожъ обманули?..

— Всѣхъ,—кромѣ тебя! страстно восклицалъ онъ, перецѣловывая одиъ за другимъ нажимавшіе ротъ его пальцы.

— О, я не изъ тѣхъ кого обманываютъ! Я кину первая! засмѣялась она вдругъ какимъ-то побѣднымъ молодымъ смѣхомъ....—Скажите отчего я вамъ такъ врагаюсь? молвила она, хватывая своими его обѣ руки и дотягиваясь глазами до высоты его сверкавшихъ во мракѣ глазъ.

— Отъ того что лучше тебя я еще не встрѣчала! И онъ въ свою очередь схватилъ и потянулъ къ себѣ руки ея.

— Неправда, есть много лучше, я сама знаю! Лива меня лучше!.. Но такихъ какъ я вѣтъ,—вотъ что! Потому я свободная!.. Да, я додумалась, я свободная.... Развѣ другая рѣшилась бы придти сюда, къ вамъ,—къ извѣстному опасному?... Но я пришла... И страшно въ первый разъ, а я все же пришла! Потому, я поняла что такое жизнь!.. И мнѣ ее подавай, всю подавай!—Она засмѣялась груднымъ, горячимъ смѣхомъ—и я всего хочу, все хочу испытать.... И все возьми,—я свою силу знаю! Мнѣ все, все возможно пока только у васъ, у мушкетъ, искорки будутъ прыгать въ глазахъ говоря со мной,—я знаю!.. А не будетъ ихъ,—мнѣ все равно, а въ монастырь пойду или яду приму, какъ ваша Травкина. Я такая рѣшительная! Courte, mais bonne!.. Но до этого еще долга лѣся....

Ольга нагнулась вдругъ къ самому уху Ашанина и мающаимъ голосомъ сказала:

Зачѣмъ грустить, зачѣмъ страдать?
Намъ жизнь для радости дана...

— Прелесть ты моя! вскрикнулъ онъ, покрывая неудержимыми поцѣлуями ея наклонившееся къ нему лицо...

Они мгновенно оба отпрянули другъ отъ друга.... Чьи-то слышимые, слышимые шаги скрипѣли почти подъ самую бѣсѣдку....

Ашанинъ кинулся ко входу, загораживая его собою....

Ревнивые глаза старой дѣвы тотчасъ же признали его во мракѣ:

— Вотъ онъ! кинулась она съ крикомъ къ бѣсѣдкѣ....—Пустите меня, лустите!...

— Куда вамъ? спросилъ онъ, ухватившись обѣими руками за косяки входныхъ дверей.

— Пустите! Я знаю кто съ вами здѣсь... Пустите! визжала она и цѣплялась за его лацтѣе....

— Со мною никто вѣтъ и я прошу васъ успокоиться! говорилъ Ашанинъ, стараясь сохранить все свое хладнокровіе.

— Вы лжете!... безсовѣстный, она здѣсь! Ольга!... Берите ее! отчаяннымъ крикомъ крикнула она своему слугѣ.

— Кто еще тутъ съ вами? вскрикнулъ дрогнувъ невольно Ашанинъ, только теперь различая недвижно стоявшую за ней темную фигуру.

— Я, капитанъ Радцевъ! отчетливо пробормоталъ капитанъ свой чинъ и фамилію, —къ вашимъ услугамъ!

— И я къ вашимъ, когда угодно! лылко вскрикнулъ московскій домъ-Жуанъ, — только *теперь*, желалъ бы я знать, что вамъ отъ меня нужно?

— Я-съ... я-съ, пробормоталъ тотъ.. несмотря на всю боль и злость причиненная ему тѣмъ что узналъ онъ отъ Надежды Федоровны, храбрый капитанъ сознавалъ что роль которую онъ игралъ теперь была не изъ самыхъ завидныхъ: вопервыхъ, онъ впутывался въ чужую исторію, въ чужомъ домѣ... Затѣмъ, „а если тутъ не Ольга Еллидифорова, а какая другая барышня?“ проносилось у него блаженное сомнѣніе.... А если даже долженъ онъ былъ сказать себѣ въ заключеніе, — и сама она тутъ, такъ вѣдъ

онъ ей ни отецъ, ни братъ, и вступаться за нее „или что другое“ онъ никакаго права не имѣлъ.

— Я-съ, громко вымолилъ онъ наконецъ, — я, конечно, ничего отъ васъ требовать не могу-съ... и только вотъ по ихъ просьбѣ... Онъ разумѣлъ Надежду Федоровну, которая какъ бы отъ этихъ словъ истерически зарыдала олять.

— Я не понимаю что съ вами! попробовалъ успокоить ее Ашанинъ,—здѣсь никого вѣтъ, вы можете сами въ этомъ удостовѣриться...

Онъ искалъ выиграть время: въ бесѣдкѣ былъ другой выходъ, онъ надѣялся что Ольга услышетъ... услыша уже имъ воспользоваться...

— Э, пустяки! я здѣсь! къ ужасу своему, услышалъ онъ вдругъ за собою громкій смѣхъ ея:—на что я вамъ, Надежда Федоровна?

— Безстыдница! могла только выговорить ревнивая дѣва.

— Что-о? вскрикнула бойкая особа, показываясь въ дверяхъ бесѣдки, освѣщенная брежущимъ свѣтомъ только-что замиравшейся зари,—потому что я вышла погулять въ садъ... встрѣтилась съ Владиміромъ Петровичемъ!... а вы кто? Какое вамъ дѣло до него, съ кѣмъ онъ, и гдѣ?... Кто тутъ сейчасъ кричалъ и скандалил?... Кто безстыдница!... подите, похвалитесь-ка завтра *тамъ*, у княгини, вашимъ сегодняшнимъ поведеніемъ!..

— Ахъ! застонала несчастная дѣва и, какъ предвидѣлъ это храбрый капитанъ Радецъ, „шарахнулась“ безъ чувствъ на траву.

— Господи, первую мыслью пронеслось въ головѣ Ашанина,—а завтра у насъ *Гамлетъ* идетъ!..

— Подымите ее! съ невыразимымъ презрѣніемъ кивнула ему на бѣдную дѣву Ольга Елипидионовна. — Капитанъ, извольте меня домой провести!..

— Эка генеральша, невольнымъ взрывомъ восхищенія ея „молодечеству“ отозвалось на душѣ капитана среди ревниваго мученія которое бушевало въ то же самое время въ этой воинственной душѣ.

Онъ послушно подошелъ къ ней; она взяла его подъ руку:

— Пойдемте! и быстро зашагала впередъ.

Слова упрека состраданія и все также еще болѣе можетъ-быть горячаго къ ней чувства просились одно за

другимъ на честныя уота Ранцева. Но каждое изъ нихъ казалось ему то недостаточно вѣскимъ, то слишкомъ оскорбительнымъ для нея. И онъ шелъ безмолвно рядомъ съ нею, и чувствовалъ, и говорилъ себѣ это съ какою-то злобой что изъ ихъ переплетенныхъ рукъ, не ея, а его рука дрожала теперь какъ въ лихорадкѣ..

— Конечно, Ольга Елпидифоровна, началъ онъ наконецъ въ истомѣ волновавшихъ его ощущеній,—на все то есть единственно ваша воля, и я не смѣю съ моими замѣчаніями... только очень это, если позволите мнѣ сказать, очень мнѣ сожалеательно и обидно.. и я бы кажется этого господина Ашанина въ порошокъ смолотъ!..

— Чтò вамъ „сожалеательно“, передразнила его пріостанавливаясь Ольга,—и за чтò бы вы его стади въ порошокъ молотъ?

— Помните-сь, смущенно отвѣчалъ онъ,—какъ я васъ такъ уважалъ... и какъ вы есть... барышня, и вдругъ меня зовутъ въ свидѣтели.. и вы съ нимъ ночью однѣ.. въ бѣсѣдкѣ..

— А вы къ чему шли, послушались этой змѣи... безъ жала? Какъ вы смѣли? Она толкала на него ногой.

Онъ вздохнулъ такъ какъ будто намѣренъ былъ взобрать въ себя воздуха до самыхъ плетокъ:

— Вамъ-сь это, можетъ-быть, дерзко съ моей стороны показалось... и я, точно, безо всякаго права... это точно, Ольга Елпидифоровна! только если вы возьмете во вниманіе что... что человекъ за васъ готовъ былъ всю жизнь свою... всю душу... все свое сердце..

— Ну, еще на колѣчку! расхохотались она.

— И все чтò имѣю, до послѣдней, дѣйствительно, колѣчки, за васъ положить, продолжалъ капитанъ.

— Словомъ, весь *ранецъ*? Она прыснула новымъ смѣхомъ.

Онъ разсердился насколько былъ лишь въ силахъ разсердиться на нее.

— Если вы на счетъ фамиліи, такъ вѣдь этого перемѣнить нельзя съ! Не чужую кошу, свою-сь, дворянскую, отъ предковъ..

— Ничего фамилія, прервала она его;—у меня у самой фамилія отъ *акулы* происходитъ... и весь вашъ ранецъ, примолвила она безъ улыбки,—я бы за одинъ ужинъ проглотила... Про Клеопатру слышали?

— Какъ же съ: царица была такая.

— Да! И она за ужиномъ жемчужину въ миллионъ цѣной велѣла растолочь и съ виномъ выпила.. И я такая же Клеопатра Акуловна!.. Такъ вы это сообразите, и вашу жизнь, душу, сердце и прочее поберегите для другой. А мнѣ не нужно!..

Чуть не разрыдался бѣдный капитанъ: до этой самой минуты онъ смутно на что-то надѣялся, простодушно великодушничалъ и „прощалъ ей“ въ сердцѣ своемъ... А она сама такъ рѣшительно, такъ безжалостно отвергала его теперь.. теперь, когда въ его понятіяхъ она такъ нуждалась въ другѣ, въ покровителѣ...

— Насильно милъ не будешь, Ольга Еллидифоровна... и, конечно,—съ горечью прибавилъ онъ,—другой на моемъ мѣстѣ... послѣ того что сейчасъ... другой можетъ и самъ бы первый... отошелъ бы... Только я, Ольга Еллидифоровна, какъ знаю что вы пылкая и молоды, и притомъ безъ матери... безъ примѣра... Дай Богъ чтобы вамъ господивъ этотъ Ашанинъ настоящій мужъ былъ!.. Но, какъ я его вижу, не изъ чего много, смѣю сказать, какъ изъ моихъ настоящихъ чувствъ къ вамъ, не надѣюсь я чтобъ и въ половицу онъ васъ такъ любилъ... какъ... я... васъ люб...

Онъ не былъ въ силахъ договорить... Они доходили къ дому, на открытое мѣсто. Она глянула ему въ лицо и какимъ-то внезапно-стыдливымъ движеніемъ поднесла руку къ прическѣ, смятой страстною рукой Ашанина... „Безъ матери, безъ примѣра!“ зазвучали еще разъ голосомъ Ранцева его слова въ ея ушахъ.

— Я его женой никогда не буду! проговорила Ольга, глядя недвижно впередъ. Двѣ крулыя слезы выкатились изъ-подъ ея длинныхъ рѣсницъ...

— То-есть, это какъ же съ? недоумѣло проговорилъ капитанъ:—колибъ онъ вздумалъ отказаться отъ своего счастья... такъ вѣдь всегда... заставить его можно, Ольга Еллидифоровна... Всегда можно! грозно повторилъ онъ.

— Я сама не хочу! медленно проронила она, не перемѣняя положенія.

— Какъ же вы не хотите съ? озадаченно глянувъ на нее, пробормоталъ капитанъ.

— Такъ, просто, не хочу! Она обернулась на него, сверкнувъ какъ прежде блестящими, уже высохшими глазами:—

Ни за васъ, ни за него, чтобы никому обидно не было! Сказала жъ я вамъ что я Клеопатра Акуловна!.. Только вы этого не поймете, милый капиталка, опять разсмѣялась она,—и не нужно! А слушать моего приказа: первое—молчать, понимаете? Второе—слушаться меня всегда, во всемъ попрежнему, а не то я съ вами говорить перестану. Слышали? И она повела на него тѣмъ знакомымъ ему соблазнительнымъ взглядомъ отъ котораго у него замиралъ духъ и подымались щеткой всѣ волосы на головѣ.

— Слышалъ! пробормоталъ онъ, окончательно сдаваясь.

— И отлично! Вотъ вамъ въ награду! И она протянула ему свою руку:—можете облобызать!..

Злосчастный капиталъ приложился къ ней какъ къ святынь...

Она кивнула ему и исчезла.

Онъ долго глядѣлъ ей вслѣдъ...

„Эхъ ты судьба-мачиха!“ рѣшилъ онъ, махнувъ отчаянно рукой, и повернулъ опять къ бесѣдѣ, гдѣ Ашанинъ тѣмъ временемъ приводилъ въ чувство чуть не уморенную имъ своею измѣной не по лѣтамъ страстную дѣвицу Травкину.

XXXIV.

Mich höhnt der Himmel, der bläulich und mailich—
O schöne Welt, du bist abscheulich!

Heine.

О ночь, ночь, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса?

Тютчевъ.

Князь Ларіонъ, почти вовсе лишившійся сна за послѣдніе дни, съ восходомъ солнца былъ уже на ногахъ. Онъ тотчасъ же одѣлся, по своему обыкновенію, и растворилъ окно въ садъ.... Утро стояло великолѣпное.... Слезинки росы сверкали алмазною пылью на стебелькахъ уже высокихъ травъ; жаворонки звѣдали въ голубомъ пространствѣ неба, и сизый туманъ шатался и бѣжалъ по завсямъ и извилинамъ дремавшей рѣки, а къ ней съ поросшаго протипротиволожнаго берега, съ вершичь и по вѣтвямъ молодой дубовой рощи все ниже и ниже медленно и побѣдно, спускался, словно заваясь лилаго золота, горячій свѣтъ восходящаго дня....

Но не было уже откаика ликовавшей природѣ въ наболѣвшемъ сердцѣ князя Ларіона.

— Еще день! вздохнулъ онъ,—еще днемъ ближе къ концу!... Когда же?... „Умереть—увуть“! казалось ему словами ненавистнаго ему теперь *Гамлета*; а жить тяжело!... Этотъ блескъ, и свѣтъ... къ чему? Они ничего, ничего мнѣ не воротятъ!...

Такое же сіяющее утро блеснуло въ его воспоминаніи. Точно вчера!... А этому тридцать слишкомъ лѣтъ!... Это было въ Веронѣ. Конгрессъ кончился.... Онъ ѣхалъ съ собственноручнымъ письмомъ государя къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ. „Я нарочно избралъ тебя, зная твои способности и что тебѣ хорошо извѣстно все чтѣ здѣсь происходило“, говорилъ ему императоръ Александръ съ тою неотразимо обаятельною улыбкой которую видѣвшій ее разъ не забывалъ уже никогда, „*Vous servirez de vivant commentaire à ma lettre. Побѣжай съ Богомъ, а службу твою здѣсь я не забуду!*“ И вотъ почтовый шульвагенъ стоитъ у крыльца занимаемаго имъ дома противъ самаго *San-Zenone*—одно изъ чудъ италянскаго зодчества.... Изъ-за растворенныхъ дверей храма глухо гудитъ органъ: „*a noctis phantasmatis libera nos, Domine!*“* доходятся до него слова католической литіи.... Пока укладываютъ его чемоданы, онъ забѣгаетъ туда взглянуть въ послѣдній разъ на эти размѣры, на эти линіи, на эти дива искусства.... Австрійскій почтарь, въ высокихъ ботфортахъ и малиновой курткѣ, уже трубитъ къ отъѣзду, и жгучее италянское солнце выкатывается изъ-за Алпений и восходитъ надъ тихою Вероной. И въ блескѣ ослѣпительнаго дня мчится онъ, бодрый и радостный, по вѣчно зеленымъ равнинамъ Ломбардіи.... Неудержимо килитъ молодая кровь, горитъ голова въ избыткѣ впечатлѣній.... Искусство, государь, честолюбивыя грезы, и это солнце, эти зеленныя равнины, а впереди, тамъ куда мчится онъ, подъ холоднымъ сѣвернымъ небомъ, блаженство нежданнаго свиданія, восторгъ, и слезы, и палачіе поцѣлуи любимой женщины.... бѣлоскурой и синеею какъ она, какъ *Hélène!*...

И еще опять воспоминаніе, еще одно какъ она синеею и стройное созданіе... *Miss Flora*, дочь одного изъ учителей Итонской школы, въ которой онъ воспитывается съ

* Отъ призраковъ ночи помилуй насъ, Господи!

братомъ. И ей и ему шестнадцать лѣтъ. Но она не замѣчаетъ его, не видитъ.... И вотъ онъ въ воскресенье, такимъ же равнымъ июньскимъ утромъ, пробирается къ скамейкѣ лавсіонскаго сада, куда она ходитъ гулять съ отцомъ, и вырѣзываетъ на ней перочиннымъ ножомъ стихъ изъ речитавшихъ въ классѣ *Amores* Овидія: „Nec sine te, nec tecum vivere possum“, и узнаютъ объ этомъ товарищи, и долго, востязчиво пристають къ нему и дразнятъ этимъ несчастнымъ Овидіевымъ стихомъ.... а miss Floga, встрѣтась съ нимъ послѣ того, опускаетъ глаза и ахнетъ, но не такъ ало какъ его собственныя, шестнадцатилѣтнія ланиты.... О волшебные молодые дѣви!...

— А теперь,—и болѣзненно сжалъ брови князь Ларіонъ— теперь впереди одна темная могила, и до нея мука безъ перерыва и конца!...

Онъ судорожно надвинулъ на лобъ широкую круглую шляпу, взялъ трость и вышелъ совершать свою обычную утреннюю прогулку.

Онъ шелъ, опустивъ голову, мимо полей, равнодушный къ ихъ пышной красѣ, не замѣчая какъ волнистою зыбью подъ набѣгами утренняго вѣтра переливалось предъ нимъ безбрежное море колосившейся ржи, какъ рѣлаи надъ мѣю блюгрудыя ласточки, какъ переключались перелета въ зеленыхъ овсахъ.... Нѣтъ, онъ не глядѣлъ, не слушалъ, не хотѣлъ видѣть.... Лучше ночь съ ея мракомъ и могильною тишью чѣмъ эта беспощадно смѣющаяся надъ нимъ радость молодой жизни!...

Онъ досадливо приподнялъ плечами и вышелъ на пыльную дорогу, шедшую отъ Суцкаго къ пробѣгавшему отъ него верстахъ въ пять шоссе.

Очевидно замѣтивъ его, ямщикъ мчавшейся на встрѣчу ему тройки осадилъ на всемъ скаку своихъ хрипѣвшихъ лошадей; изъ телѣги приподнялась толстая фигура исправника Акулина, замахава рукой,* и до князя еще издалека донесся его официальный, подавленно хралащій крикъ:

— Графъ, ваше сіятельство, графъ вдутъ!

— Русское человѣчество,—сказалъ себѣ почему-то князь Ларіонъ, продолжая идти по дорогѣ, не отвѣчая и не глядя на него....

* Ни безъ тебя, ни съ тобою жить не могу.

Тройка поравнялась съ нимъ.

— А мнѣ ужъ позвольте, ваше сіятельство,—молвилъ изъ телега Елпидифоръ, прикладывая руку къ козырьку,—доскакать до дома. Ростиславъ Михайловичъ Чижевскій очень просили тотчасъ же предупредить ихъ чтобы они могли встрѣтить графа....

— Сдѣлайте одолженіе, скачите, слегка усмѣхнулся князь,—вы мнѣ вислолько не нужны.

— Да и ты мнѣ не нуженъ, сказалъ себѣ подъ носъ Акулинь, почтительно подымая еще разъ руку къ фуражкѣ, и помчался даѣе.

Еще черезъ полверсты нагнала князя Ларіона графская коляска. Старикъ не спалъ и бодро, съ видомъ знатока и любителя, поглядывалъ съ высоты своего сидѣнья и форменнаго галетука подпиравшаго его широкій подборедокъ на зеленія мимо которыхъ бѣжала дорога... Стой! крикнулъ, онъ, завидѣвъ пріятеля, захватилъ свою камышевую толстую палку подъ широкою саомовою ручкой, и вышелъ изъ экипажа.

— Здорово, Ларіонъ! Онъ трижды прикоснулся къ его лицу своими лухлыми щеками. И обернувшись къ ѣхавшему съ нимъ чиновнику, не знавшему выходить ли и ему, или оставаться въ коляскѣ:

— Шажковъ повъжай впередъ! Портфель разбери.... Я съ Ларіоновъ лѣшкомъ приду!... Овсы у васъ хороши! не измѣняя тона пропѣлъ онъ князю,—а рожь мелка будетъ! Скажи управляющему: сѣмена чаще мѣнять надобно!...

— А у васъ какъ? спросилъ князь Ларіонъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Вавокурля сгорѣла! На двадцать тысячъ убытка! Управителя въ острогъ посадилъ; пусть судятъ! Мошеникъ! Не догадѣлъ!... Чтò княгиня?

— Ничего... Все та же!—Губы князя презрительно сжались

— А именинница?... Милое дитя!... И не дождавшись отвѣта: изъ Петербурга ничего не получалъ?

— Ничего!... Анисевъ этотъ здѣсь, добавилъ помолчавъ князь Ларіонъ.

— Пріѣхалъ? Давно?

— Вчера вечеромъ.

— Ну и чтò?

Князь помолчалъ опять....

— Княжѣ онъ не нравится, промолвилъ онъ наконецъ.

— Ну, и не надо! пролѣзъ тотъ:—милое дитя!... Ты ему и скажи: не хочеть!..

— За то мать.... разлюбезная невѣстуха моя, безъ ума отъ него!

— Пусть сама и выходитъ! засмѣялся графъ приподнятая кверху свои ладони и съ палкою, которая, какъ видно, на эти случаи задѣта у него была ремешкомъ за большой палець правой руки. О! она не умая! подмигнувъ онъ князю, — а отецъ ея, я его зналъ, лауць былъ, а умный! Покойный Кавкринъ, Егоръ Францычъ, говорилъ мнѣ: „когда, латужка, умру, на мѣсто мое сажайте мошенника этого, Раскаталова! Онъ и себя, латужка, не забудеть и Россію по-міру не дустить“!..

Разговоръ, какъ всегда у нихъ, перешелъ на старое, общее имъ время; вспомнудты были Дѣнадцатый годъ, Тарутино, князь Михайло Паларіоновичъ, и въ заключеніе „благодѣтель“, молодой герой, графъ Николай Михайловичъ Каменскій, при которомъ графъ былъ адъютантомъ, и который умеръ на его рукахъ, отравленный чашкою чая изъ рукъ жены французскаго консула въ Букурештѣ....

Такъ дошли они до дому.

— Хорошо! Весь вслотѣлъ! улыбался счастливою улыбкою графъ, входя въ отведенный ему покой—Игнать! кикнувъ онъ своего камердинера,—оботри и причеши!... Онъ сѣлъ предъ зеркаломъ....—Я больше не завиваюсь! почель онъ почему-то интереснымъ знать князю Ларіону и ткнувъ пальцемъ на три сѣдые волосика торчавшіе у него на затылкѣ.

— Я васъ оставляю, почтенный другъ, сказалъ князь, — вы, можетъ-быть, отдохнуть захотите?

— Нѣтъ, не хочу! Въ коляскѣ выспался! пролѣзъ тотъ,— а ты стулай по своимъ дѣламъ! Я своими займусь!

Чижевскій показался въ дверяхъ комнаты.

— Ростиславъ, здравствуй! Какъ играешь на театрѣ?

— Увидите сами вечеромъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ весело молодой человекъ,—въ грязь лицомъ не хлопнемся, Москвы не посрамятъ!... А вы какъ съѣздили?

— Ванокуря сгорѣла! Мошенникъ управляющій! Подъ судъ отдалъ!... А просьбу мѣщанки здѣшней разобралъ? вспомнилъ онъ.

— Какъ же съ! И всѣхъ кого нужно вызвалъ.

— И гдѣ она?

— Здѣсь, ваше сіятельство, еще со вчерашняго вечера, я такъ и назначилъ на случай—какъ и вышло теперь,—вы рано сюда прѣдете.

— Распорядительный! мигнулъ на него графъ входившему Шажкову.

Шажковъ только губами повелъ.

Цѣлый рядъ саугъ, подъ предводительствомъ Vittorio, внесли въ это время въ комнату на тяжелыхъ серебряныхъ подносахъ чай, кофе, со всевозможными къ нимъ печеньями и сладостями, и полвмй завтракъ изъ холодныхъ блюдъ.

— Завтракать хотите? спросилъ старикъ своихъ чиновниковъ.

— Нѣтъ-съ, для меня рано, отвѣчалъ Чижевскій,—а чаю я выпью.

— И я ничего утромъ не ѣмъ, кромѣ чай лью! ладомъ торжественно приподнялась, — будемъ пить чай, а ты маѣ про мѣщанку доложи!

— Слушаю-съ.

Они усадились за столъ.

XXXV.

— Просительница, началъ Чижевскій, — Ирина Михайлова, жена серебряныхъ дѣлъ подмастерья, Степана Оурсова, бабенка, какъ изволите увидѣть, лѣтъ двадцати, и собою весьма не дура, усмѣхнулся молодой чиновникъ.

— Замѣтилъ! подмигнулъ на него Шажкову графъ, находившійся въ отлучившемъ расположеніи духа.

Шажковъ счелъ нужнымъ цѣломудренно опустить глаза.

Чижевскій продолжалъ:

— Отецъ ея покойный торговалъ въ Москвѣ, въ рядахъ, и оставилъ кой-какія деньги. Послѣ его смерти, вдова его переехала на житье на родину свою, въ здѣшній городъ, гдѣ у нея домъ свой. Тутъ Ирина въ прошломъ году познакомилась съ теперешнимъ супругомъ своимъ и, нѣсколько противъ воли матери, вышла за него замужъ, получивъ въ приданое тысячу рублей. Мужъ же ея до этого своего брака служилъ въ подмастерьяхъ, у единственнаго здѣсь въ городѣ серебряника, Осипа Власьева, по прозвищу Зарѣза, съ женою котораго онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ находился... въ нѣжныхъ отношеніяхъ.

— Старая она? повелъ живьемъ губой графъ.

— Не молода-съ!

— Дуракъ! засмѣялся онъ: — А векселя кому дамы?

— Этой, вотъ самой, Аня Прохоровой Власъевой, и дѣйствительно, по всей вѣроятности, должно-быть безденежные, такъ какъ по свѣдѣнiямъ которыя я затребовалъ отъ городничаго, Фирсовъ въ деньгахъ не нуждался, имѣеть тутъ же въ городѣ отца, человека довольно зажиточнаго, и самъ скромный, трезвый и, по всему видно, очень глуповатый малый, котораго эта madame Заръязъ, что называется объѣхала со всѣхъ сторонъ. А Власъевы сами, по недостатку работы въ уѣздномъ городѣ, едва концы съ концами сводять.

— Сколько и на какую сумму векселя? запылъ графъ.

— То-есть заемныя письма? полагилъ Чижевскiй:—Коммерческiхъ векселей Фирсовъ, какъ подмастерье, выдавать не въ правѣ.

— Все равно! обязательства давай! На сколько?

— Одно заемное письмо въ триста, а другое въ пятьсотъ рублей. Даны въ одинъ и тотъ же день, срокомъ на девять мѣсяцевъ и какъ оказывается изъ сближенiя цифръ время выдачи ихъ совпадаетъ со временемъ перваго знакомства Фирсова съ Ириной Михайловой.

— Понимаю! Мошенники! не давай кончить графъ,—обирали его! Женился, а они ко взысканiю! А полиция съ него требуетъ!...

— Точно такъ. Бѣдняга страшно перелугался,—къ отцу. Отецъ кулакъ: „я за тебя, говоритъ, не плательщикъ, самъ съ деньгами, за женою взялъ“. А жена и подавно не охота жертвовать своимъ приданымъ въ пользу старой любезной своего сурруга.

— За что жертвовать?

И графскiя ладоки прилоднылись.

— Старикъ городничiй здѣшнiй, изволите знать, человекъ хороший. Бабенка къ нему....

— А онъ же по этой части слабъ, язвительно ввернул на это Шажковъ.

— Въ Маловархангельскомъ полку служилъ; подъ Деневицемъ въ Тринадцатомъ году ногу оторвало. Почетный воинъ! строго пропылъ ему наставленiе графъ.

— Онъ ей и говоритъ, началъ опять Чижевскiй:—и самъ

я вижу какво дѣло, только ничего въ этомъ не могу, — формальное обязательство, я по закону обязанъ взыскать.

— Законъ! старикъ презрительно засмѣялся: — законъ у насъ для мерзавцевъ писанъ! А какъ ихъ звать, этихъ мошенниковъ?..

— Власьевы.

— Да, Власьевы.... Ты ихъ вызвалъ?

— Всѣ четверо здѣсь.

— Позови всѣхъ сюда!... Разберу!...

Чижевскій вышелъ, и въ ту же дверь вошелъ графъ Авиасьевъ въ полной формѣ и съ цѣлымъ иконостасомъ русскихъ и иностранныхъ крестовъ выпущенныхъ изъ-за каждой луговицы его блестящаго мундира. Шажковъ при такомъ зрѣлищѣ даже позеленѣлъ отъ зависти.

— Честь имѣю къ вашему сіятельству явиться, официально проговорилъ флигель-адъютантъ, и также официально, въ пяти шагахъ отъ кресла графа, склонивъ предъ нимъ поклономъ.

— А, полковникъ, здравствуй! заплѣлъ тотъ; — знаю что прѣхалъ! Вчера? Рано встаешь! Это хорошо! Чай пить?

— Нѣтъ еще-съ, слѣдилъ къ вамъ... И съ удовольствіемъ вылью у васъ чашку, если позволите, тотчасъ же смѣлая служебный тонъ на свѣтскій и пріятно улыбаясь, промовилъ флигель-адъютантъ.

— Садись! Будемъ говорить! Чтò дядя?

— Слава Богу, здоровъ, сколько мнѣ извѣстно.... Я самъ теперь изъ Симбирска....

— Знаю!... Все знаю! Старикъ многозначительно взглянулъ на него. — Письмо отъ него получилъ.... О тебѣ....

Блестящій полковникъ послѣшно потулился и осторожно, но замѣтно локосяся на Шажкова.

— Андрей Федорычъ, обернулся на того графъ, — потрудись сказать Чижевскому чтобы съ просителями погодилъ! Я позову когда нужно!...

— Я, началъ онъ тотчасъ же по уходѣ чиновника, — какъ было написано въ его письмѣ, такъ я и сказалъ!

Авиасьевъ слегка подо двинулся къ нему со своимъ кресломъ:

— И, смѣю спросить, какъ это было принято?

— То-есть, это ты насчетъ Ларіона хочешь знать?

— Такъ точно!... Сколько мнѣ извѣстно, въ письмѣ этомъ казю Ларіону Васильевичу должно было быть сказано....

— Было! Я ему передалъ.

— И олъ?... не договоришь флигель-адъютантъ и вѣсколь-
ко тревожно воззрился на своего собесѣдника.

— А олъ говорить, невозмутимо отвѣчалъ графъ, — что олъ самъ ло себѣ, а племянница его, княжна, сама ло себѣ, потому ей выходить, не ему!..

Петербургскій воиць задумчиво потянулъ во всю его длину свой шелковистый усъ.

— Какъ же вы полагаете, послѣ довольно долгаго молчанія заговорилъ олъ,—какъ должень я ловимать эти слова?

— Ничего не полагаю! Твое дѣло! Я ему сказалъ, и отвѣтъ его говорю! А больше ничего не знаю!

Анисьевъ пододвинулся еще ближе.

— Позвольте мнѣ, графъ, быть съ вами совершенно откровеннымъ;—ваша старая дружба съ моимъ дядей...

— Старая, правда! заплъвъ голосъ,—въ Десятomъ году на Дунаѣ въ одной палаткѣ елали!..

— Я еще вчера могъ замѣтить, началъ тотъ медленно и осторожно,—замѣтить что я князю Ларіону Васильевичу не имѣю счастье нравиться.. Мнѣ это очень прискорбно, конечно, но у каждаго свой вкусъ.. насильно мнѣ не будешь!.. Тѣмъ не менѣе, я смѣю полагать что князь противъ меня ничего серьезнаго не имѣетъ и имѣть *не можетъ*, подчеркнул Анисьевъ; вы меня знаете чуть не съ самаго дѣтства, ваше сѣятельство, знаете какъ я поставленъ въ Петербургѣ, о службѣ моей слышали..

— При дворѣ любятъ, знаю!

— Я полагаю поэтому что *никакіе* родные не могутъ видѣть въ... олъ искалъ слова и думалъ „какъ это трудно все выразить по-русски!“ — въ искательствѣ мною руки ихъ дочери что-либо... неумѣстное и слишкомъ смѣлое съ моей стороны, домолвилъ чуть-чуть надменно блестящій полковникъ...—А между тѣмъ княжна Елена Михайловна, съ самой первой минуты когда я увидалъ ее, услъла внушить мнѣ такое... преданное... чувство...

— Пятьсотъ тысячъ даетъ за нею мать теперь и столько же послѣ смерти, окромя четырнадцатой части въ родовомъ имуществѣ! перебилъ его неожиданно *графъ*.

Флигель-адъютанта даже въ краску бросило. Ноздри его раздулись, олъ поднялъ на старика свои засверкавшие глаза...

Но тотъ безматежно и невинно сидѣлъ въ своей позѣ индійскаго Вишну, скрестивъ ножки и мѣрно подымая и опуская свои ладони на оконечностяхъ ручекъ своего кресла. Никакого лукаваго намѣренія не прочелъ ни не умѣлъ прочесть прозрачный придворный воишь на этомъ мягкомъ, одутломъ и невозмутимомъ лицѣ... „Старое чучело!“ проговорилъ онъ про себя, и счелъ за лучшее беззаботно усмѣхнуться.

— Состояніе никогда не *вредно*, конечно... Но княжна такая—онъ опять подыскивалъ какъ бы перевести „she is admirable creature,“ и перевелъ: такое *безподобное* существо что, смѣю увѣрить васъ, графъ, еслибъ она была и совершенная безприданница, чувства мои къ ней были бы совершенно тѣ же...

— Это хорошо! одобрилъ Вишну,—она милое дитя!...

— Мнѣ поэтому очень было бы больно, переходя уже въ мирный тонъ, началъ опять графъ Амисевъ,—еслибъ я действительно долженъ былъ встрѣтить на моемъ, такъ-сказать, пути такое лицо какъ князь Ларіонъ Васильевичъ.... къ которому я, съ своей стороны, исполненъ величайшаго уваженія.... Хотя, конечно, пропустилъ онъ вдругъ тонко, тонко словно остриемъ иголки,—хотя у князя нѣтъ отцовскихъ правъ....

Ладони приподнялись снова.

— Замѣсто отца—дядя, олекутъ его дѣтей!

— Да-съ... но у княжны *родная* мать есть, пропустило опять такъ же тонко острие.

— Есть! Глухая женщина! также одновзвучно пропѣлъ опять голосъ.

Нашего полковника нѣсколько какъ будто огорошила такая откровенность...

— Можетъ-быть, промямлилъ онъ, неволью усмѣхаясь однако воспоминаю той „невозможной“ глупости,—умственныхъ способности княгини, и точно, не отличаются особеннымъ блескомъ... Но она *мать*, ваше сіятельство, и уже поэтому не можетъ не желать счастья своей дочери.

— И дядя племянницѣ того же желаетъ! А она сама разсудительная, сама рѣшить можетъ!

Глаза молодого честолюбца еще разъ тревожно поднялись и погрузились въ лицо его собесѣдника.

— Вы думаете что.... что прелатствія могутъ быть со

стороны княжны... лично? подчеркнул онъ не совѣтъ твердымъ языкомъ.

— Я ничего не думаю,—я только говорю!..

Алиозеву вспомнилось вчерашнее холодное обращеніе съ нимъ Лины, которое онъ тогда приписалъ застѣнчивости... Онъ сосредоточенно уткался взглядомъ въ одну изъ луговицъ графскаго сюртука:

— Ужь вѣтъ ли у этого стараго шута съ его „Лариономъ“ своего кого-нибудь на примѣтъ? допытывался онъ мысленно.

Вашу все также безмятежно покоилась въ своемъ креслѣ и саяга ломаргивала вѣками,—его клоуна ко спу...

— А „Ларионъ“ тонкая бестія, рѣшилъ проворливый флигель-адъютантъ,—на мушку не клюеть; съ нимъ, видно, надо cartes sur table... А впрочемъ... Надо вообще ближе изучить ситуацію!..—Позвольте оставить васъ, графъ, сказалъ онъ громко, вставая съ мѣста,—у васъ кажется просители?..

— Ничего, я при тебѣ приму!

Старикъ подвигая въ свою очередь и, переваливаясь на ходу, пошелъ къ дверямъ звать Чижевскаго.

XXXVI.

Въ комнату вслѣдъ за молодымъ чиновникомъ вошли четыре вызванные имъ лица, „къ личному разбирательству его сіятельствомъ“, какъ значилось на языкѣ тогдашнихъ порядковъ.

Первое изъ нихъ была просительница, молодка лѣтъ двадцати, одна изъ тѣхъ русскихъ побѣдныхъ головокъ, про которыхъ сложилась лѣсня:

Моя русая коса
Всему городу краса,

свѣжая, румяная, съ карими, заплаканными отъ волненія глазами, и сквозь эти слезы улыбающаяся полусмущенною, полудивленной улыбкой при видѣ этого лысаго какъ колѣно, со своею добродушно выляченной впередъ губой и официально приподнятыми вверхъ бровями, генерала, вершителя ея судебъ, въ которомъ она почему-то съ перваго же раза почувала себѣ защитника и локровителя.

За нею шелъ мужъ; это былъ, какъ опредѣляла его сваха, когда высватывала ему жену, „мущина въ самомъ соку, *бронетъ*, и глаза на выкатѣ“. Еще весьма молодой, но уже одутый отъ непомернаго чаепитія, *бронетъ* этотъ имѣлъ необыкновенно дураковатый и перелуганный видъ, и жался за спиной жены, словно весь, всѣмъ неуклюжимъ тѣломъ своимъ, хотѣлъ уйти за ея невысокую, тонкую и юркую особу, подъ тѣнь этой ея великолѣпной русой косы, оттягивавшей своею тяжестью назадъ ея милостивую маленькую голову...

„Madame Зарѣзъ“, заимодавица, была женщина лѣтъ тридцати пяти, съ утиными носомъ и походкой, чувственно отвислыми губами и жирною бѣлою спиной и шеей, сквозившими сквозь какую-то накиннутую на нихъ вазаную косынку. Глядя на неподвижно впередъ маленькими, ослышавшими отъ вѣчнаго лежанья глазами, равнодушная, по видимому, ко всему окружающему, и прежде всего къ исходу того за что представляла теперь предъ очи грознаго московскаго владыки.

Замыкавшій шествіе мужъ ея, Осиль Власьевъ „серебряныхъ и цыныхъ дѣлъ мастеръ“, какъ значилось на его вывѣскѣ, включенная, темная и желтая фигура, съ небритымъ подбородкомъ и табакомъ подъ носомъ, въ лорыжѣдомъ фракѣ и засаленныхъ клятчатыхъ панталонахъ надъ стоптанными сапогами, выглядывалъ изподлобья травленымъ водкомъ, бывавшимъ на своемъ вѣку и не въ такихъ передѣлкахъ. По одному виду его можно было безъ ошибки заключить что не даромъ было дано ему прозвище „зарѣза“ и что онъ единственно замыслилъ и соорудовалъ все это дѣло векселей выдачныхъ Фирсовымъ его жирной супругѣ.

Всѣ они, войдя въ комнату, остановились у дверей въ выжидательномъ положеніи.

— Подойдите! крикнулъ имъ начальственный голосъ. И съ этими словами графъ всталъ въ свою официальную ногу, то-есть, опершись лѣвою рукой о письменный столъ, заложилъ большой палецъ правой за послѣднюю луговицу своего форменнаго сюртука и правую ногу молодцовато закинулъ за лѣвую.

Красивая Ирина бойко шагала первая, за нею остальные... Чижевскій уставилъ ихъ рядкомъ, лопарно, въ ляти шагахъ отъ его сіятельства.

Графъ зорко оглядѣлъ всю компанію:

— Зачѣмъ безденежные векселя давалъ? началъ онъ съ оника, останавливаясь грознымъ взглядомъ на лучезарномъ *бронетъ*.

Злополучный подмастерье пришелъ въ неопытное смущеніе: онъ засмѣялся на мѣстѣ неуклюжими стульями, за-вертѣлъ носомъ, зачесалъ въ затылкѣ...

— Отвѣчай! возгласилъ графъ, не дождавшись отъ него отвѣта.

— Отвѣчай что молчишь! толкнувъ его сзади въ бокъ и оборачиваясь на него сверкавшими какъ звѣзды глазами понуждала его молодая жена.

Онъ еще разъ помаялся, пожегилъ, заерзалъ рукою въ курчавыхъ волосахъ:

— Больше *по любви*, ваше сіятельство! провозгласилъ онъ наконецъ, растерянно улыбаясь...

Власьевъ презрительно дернулъ небритымъ подбородкомъ. Супруга его безмятежно перекрестила свой неожиданно звывушій ротъ.

Ладони поднялись:

— По какой *любви*? Говори.

— Потому Осипъ Власычъ, началъ, переминаясь съ ноги на ногу и продолжая идиотически улыбаться, злосчастный Ловеласъ,—потому они сулились мнѣ... что за ихъ безчестіе они всегда могутъ меня въ острогъ засадить...

— Дуракъ! пропѣлъ графъ.

— Вѣстимо дуракъ! И слезы брызнули разомъ изъ глазъ молодой женщны,—онъ у меня что ребенокъ малый простъ, ваше сіятельство!

— Дуракъ! промолвила за нею, еще разъ звывувъ и еще разъ перекрестивъ ротъ „madame Зарѣвъ“.

— Дуракъ какъ есть! октавой ниже подтвердилъ и ея достойный сожитель.

— А ты какъ смѣлъ брать безденежные векселя? какъ-нулся тутъ же на этого графъ.

— Я не бралъ-съ! уходя весь въ высскій воротникъ своего засаленнаго фрака захрипѣлъ Власьевъ,—я даже ничего объ этомъ, ваше высоко-сіятельство, не знаю, опричь только что собственно я какъ свидѣтель, потому это дѣйствительно что онъ, какъ желательно ему было вступить въ первый законный, и что отецъ его въ деньгахъ ему отка-

звѣвалъ, такъ онъ приходилъ къ моему, значитъ, женѣ просить, даже въ ноги ей кланялся несчетные разы, потому не съ чѣмъ ему было свадьбу сыграть, а какъ онъ служимши у меня, значитъ, въ подмастерьяхъ....

— И кто же вамъ въ этомъ можетъ повѣрить зазвѣвъ какъ колокольчикъ, полнымъ неудержимаго негодования голосомъ, прервала его Ирина, — когда не только чтобъ онъ просилъ на свадьбу у вашей жены, а сами вы постоянно, по нуждѣ своей, жалованье его заслуженное задерживали, и по сей часъ двадцать шесть съ полтиной за вами осталось! Бога вы не боитесь, Осиль Власычъ!...

— Чижевскій, залѣлъ голосъ, — написать городничему чтобъ его на мѣсяцъ за рѣшетку посадить! Мошенникъ!... Гдѣ векселя?

— При дѣлѣ, ваше сіятельство!

— Ты, добродѣтельная супруга! Графъ ткнулъ пальцемъ по направленію „madame Зарѣвъ“, — слушай! Ты грамотная?

— Грамотная! протянула она, сдерживая третій вздохъ.

— По векселямъ получи по колѣнкѣ за рубль! Стулай, раслишись въ улаатѣ слова!

— Батюшка, ваше сіятельство, — спаситель вы нашъ! такъ и бухнулась ему въ ноги красавица Ирина, судорожно всхлипывая и покрывая поцѣлуями его лухмыя руки.

— Ну, ну, хорошо... не нужно! усмѣхался старецъ, наклоняясь подымать ее, — ты я вижу умная! Смотри, болвана отъ себя не отлускай! Чтобы не дурилъ безъ тебя!...

— Не отлучу никуда, ваше сіятельство, — уже смѣялась она сквозь непросохшія слезы, — на привязи стапу держать!... Дай вамъ Царица небесная много лѣтъ здравствовать....

— Спасибо!... Очень радъ! Стулай себѣ съ Богомъ!... Чижевскій! съ добродѣтельной супруги расписку получи! А вексель отдай... Какъ тебя, востроглазая, зовутъ бишь?...

— Ирина Михайлова, ваше сіятельство!

— Ирину Михайлову отдай! А мужъ дуракъ! „По любви“, говоритъ, мошенникамъ ограбить себя далъ! покатывался и заивался добродушнымъ смѣхомъ своимъ графъ.

— И вы такъ, ваше сіятельство, — молвилъ ему, когда они остались одни, блестящій петербургскій дѣлецъ, внимательно и съ какимъ-то двусмысленнымъ лодерганиемъ губъ сѣдившій за всюю этою сценою, — вы такъ даете себѣ трудъ сами разбирать всякую вздорную просьбу!

Ладови откинулись:

— Для нея не вздорная! Все ея состояніе!...

— Конечно... но я полагаю что судъ... наконецъ полиція...

— Ничего не сдѣлають! залѣлъ графъ.— Тамъ 'законъ! А по закону, она платит!... Бѣдному народу главное чтобы не волокли по всѣмъ мытарствамъ!... Онъ идетъ ко маѣ! Поэтому знаетъ, я сейчасъ рѣшу!

Флигель-адъютантъ все также двусмысленно и осторожно усмѣхнулся.

— Нужно только чтобы тутъ было и тутъ, указывая себѣ на грудь и на голову, закончилъ московскій правитель,— больше ничего не надобно!...

Съ такимъ несложнымъ разумѣніемъ юстиціи никакъ не могъ бы согласиться „серебряныхъ и иныхъ дѣлъ мастеръ“ Осипъ Власьевъ, по прованію „Зарѣвъ“, который въ эту минуту, стоя въ другой комнатѣ у стола, за которымъ Чижевскій диктовалъ его супругѣ форму расписки на заемныхъ письмахъ, язвительно бормоталъ, косясь на стоявшую рядомъ красивую Ирину:

— Все ограбили, значитъ!... И стыда въ людяхъ нѣту!...

— Точно что нѣту, Осипъ Власычъ! лычко воскликнула молодая женщина,— что онъ у васъ почитай шесть годовъ за крѣпостнаго былъ, всю работу у васъ одинъ справлялъ, пока вы на боку лежали, да по трактирамъ проклажались, такъ вы за то насъ по міру лустить хотѣли! Это у васъ совѣсть называется! На какую сумму на себя подписать его заставили!

— Зналъ что писалъ, не мальчикъ! фыркнулъ Власьевъ.

— Зналъ? Мой-отъ теленокъ! кивнула она на стоящаго о бокъ ея и все также глуло продолжавшаго улыбаться мужа,— Вы изъ него съ супружницею-то вашей Анной Прохоровной веревки плели! Онъ вамъ не то на восемьсотъ, на восемь тысячъ подмахнулъ бы зря съ простоты своей!...

— Означенную въ семъ заемномъ письмѣ сумму деньгами слодна получила, продолжалъ диктовать Чижевскій, въ то же время прислушиваясь и любясь огненнымъ взглядомъ и бойкою рѣчью узвдной красавицы.

— Слодна! злобно повторялъ себѣ подъ носъ Власьевъ.

— Такъ точно-съ, извольте получить! скинулась Ирина, торопливо доставая изъ кармана платокъ и развязывая въ немъ узелокъ съ деньгами,— восемь рублевъ.... „Слодна!“

примолвила она, выкладывая деньги на столъ.... Ее подвижнымъ, прозрачнымъ воздухомъ расширились и дрожали отъ пролимавшего ее смѣха....—А теперь все, ваше благородіе? спросила она Чижевскаго, принимая у него изъ рукъ заемныя лисьма мужа.

— Все! улыбаудся онъ ей.

— И домой значить теперича можно?

— Можете, красавица моя, съ Богомъ!

Она подняла на него свои блестящія каріе глаза и вся зарумянилась:

— Спасибо на ласкѣ вашей, миленькій баринъ, вѣкъ не забуду вашей съ его графскимъ сіятельствомъ милости.... Ну, камайся, дурачокъ! И она воззрилась на мужа съ безмѣрно нѣжною и безковечно счастливою улыбкой:—слышалъ графскій приказъ чтобы не отпущать тебя отъ себя? Итакъ ты у меня съ вышшаго дня и будешь ходить на бичевочкѣ, не выдержала молодая женщина и расхоталась на радостяхъ звонкимъ, ребяческимъ смѣхомъ....

— А ты больно-то не куражься! нѣсколько обидчиво проговорилъ на это брюнетъ, тряхнувъ своею какъ у барава волнистою головою.

— Ну, ну, пойдемъ.... богатеры! Она подхватила его подъ руку....—Счастливо оставаться, ваше высочородіе!..

— Очевно уже вы смѣшными стали, Арина Михайловна! презрительно поджавъ свои отвислыя губы отпуетила ей вслѣдъ „madame Зарѣзъ“.

Ирина, сверкнувъ глазами, обернулась на нее:

— Довольно отъ васъ балакаемшисъ, Анна Прохоровна, будетъ! Можеть теперича и взаправду надъ вами смѣяться начнемъ!..

— Отстанъ! Чего важешься? прохрипѣвъ, толкнувъ жену въ спину Власьевъ,—ахъ прежняго восхотѣла? Шлюха!..

Они исчезли.

XXXVII.

Тревожный сонъ лоздно заснувшей накануне Лины превралъ былъ рано утромъ какими-то странными, раздававшимися по сосѣдству ея спальни звуками. Она открыла глаза, насторожила ухо... Изъ-за стѣны отдѣлявшей ея покой отъ

комнаты Надежды Федоровны Травкиной, дѣйствительно слышались стоны...

Княжна быстро вскочила съ постели, окуталась въ свой утреннйй пеньваръ и въ туфляхъ, въ спальномъ чепцѣ, кинулась въ эту комнату, въ которую веда дверь изъ ея спальни.

Надежда Федоровна, вея одѣтая, лежала у себя полперекъ постели, низко закинувъ голову къ самой стѣнѣ, и рыдала, какъ умѣютъ рыдать только однѣ женщины, раздирающимъ, неупдержимымъ... и невыносимымъ рыданіемъ...

Лина страшно перепугалась, но не потеряла присутствія духа, налила воды въ стаканъ, приподняла, ве безъ нѣкотораго труда, ея завалившуюся голову и придерживала ее одною рукою, услѣла другою власть нѣсколько капель оквозъ ея судорожно сжатые зубы.

Бѣдная дѣва пришла въ себя, узнала княжну и первымъ движеніемъ, закрыла обѣими руками свое истрепанное, посинѣвшее отъ слезъ лицо...

— Вы!... Лина!.. О, какой стыдъ! новымъ стономъ вырвалось у вея изъ груди.

— Надежда Федоровна, милая, что съ вами? допрашивала ее княжна, сжимая ей руки и заботливо вглядываясь ей въ лицо...

— Нѣтъ, ради Бога!.. Не спрашивайте!.. Вы ангелъ!.. Я ве достойна вашего участія... вашего присутствія здѣсь!.. порывисто, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и покрывая поцѣлудами эти захватившія ея руки Лины, говорила дѣвица Травкина.—Я... я своими безумными слезами разбудила васъ?... Ради Бога, простите!.. Простите валослѣдокъ! домолила она черезъ силу.

— Что это значить? Что вы хотите сказать?... Маман?... ве договорила въ свою очередь, встревоженная княжна, по-крепко любившая бѣдную компаньонку, и которой представилось что это отчаяніе ея и слезы были послѣдствіемъ какой-либо сцены съ ея матерью наканунѣ вечеромъ, послѣ того какъ Лина ушла изъ гостиной...

— Нѣтъ! явилась, и закачала головой Надежда Федоровна,—я княгиня!.. всему вашему дому вѣчно благодарна осталась!.. Я сама... ве могу... Я недостойная!.. Я погибшее... оловоренное существо!..

Лина съ ужасомъ глядѣла на нее,—глядѣла какъ на помѣшавшую...

Надежда Федоровна скользнула съ постели и неожиданно очутилась у ея ногъ:

— Вы, чистая, святая, вы не поймете!... воскликнула она, обвиняя ея колѣни и прижимаясь къ нимъ своимъ истерзаннымъ лицомъ;—я не достойна дышать съ вами однимъ воздухомъ... мнѣ мѣста нѣтъ болѣе здѣсь... я уйду... уйду!...

— Вы больны, милая, у васъ горячка начинается, я пошлю сейчасъ за докторомъ! молвила княжна, пробуя поднять ее съ пола.

— Нѣтъ, умоляю васъ, никакой докторъ мнѣ помочь не можетъ!... Она сама вскочила на ноги, но отъ слабости чуть не упала опять... Княжна довела ее къ креслу у окна; она спустилась въ него, безсильная и безмолвная, уронила голову на грудь, и долго оставалась такъ, безъ словъ, безъ движенія...

Она мучительно переживала мучительную ночь, измѣни любимаго человека, торжество и глумленіе своей соперницы, все это „безуміе свое и позоръ“... Но въ то же время переживала дѣла испытывала какую-то ядкую сладость въ чувствѣ этой мѣки, она словно любовалась этимъ „позоромъ“ своимъ. Воспитанная на нездоровомъ чтеніи французскихъ книжекъ той эпохи, исполненная воспоминаній всакихъ трескучихъ фразъ и обрывковъ болѣзненныхъ мыслей, котормя заносила она изъ этихъ книгъ въ заветныя тетрадки, она теперь съ какою-то гордостью думала о томъ что и у нея свой романъ, она двадцать лѣтъ сряду мечтала о немъ, что и на ея долю вышло „роковое, трагическое горе“... Какъ отнестись къ этому горю—вотъ въ чемъ состоялъ для нея вопросъ въ эту минуту. Очутившись послѣ обморока одна въ саду съ Апанчиннымъ, она разыграла роль раненой львицы, призывая небесные громы на голову своего „коварнаго искусителя“, общая ему мщеніе „на этомъ свѣтѣ и вѣчную кару на томъ, но убѣдившись что ни единая изъ ея угрозъ не принимала его и что „коварный искуситель“, смиренно опустилъ голову, поглядывалъ на нее такъ что вотъ вотъ сейчасъ и фыркнетъ ей въ носъ неудержимымъ смѣхомъ, она кинулась отъ него со всѣхъ ногъ въ свою комнату и разрыдалась со злости до истерики... Прида въ себя во второй разъ въ объятіяхъ Ланы, она забыла о раненой львице и почувствовала себя Магдалиной, самобичующеюся у ногъ „чистаго святаго существа“... Теперь

наступало третье воплощеніе „трагическаго горя“ дѣвицы Травкиной. *Оберманъ, Лемія**, мрачные образы *литературы разочарованія* возставали въ ея головѣ. „Да, гордость въ страданьи!“ рѣшила она и словно вся озарилась этою мыслью подымая голову и, улыбаясь своею обычною, презрительною улыбкой, она, считая необходимымъ презирать самое себя въ эту минуту, обернулась на княжву:

— Скажите, заговорила она,—я вамъ кажусь очень безумною?

— Мнѣ кажется, у васъ... былъ лихорадочный припадокъ, отвѣчала Лина, нѣсколько удивленная этою переменною тона,—и вамъ бы нужно было...

— О, я перенесу, я перенесу! не даю ей договорить та,—я буду сильна, я останусь я въ безплощадной битвѣ жизни!...

И словно эта отпущенная ею фраза придавала ей, дѣйствительно, силъ, она бодро подымалась съ мѣста:

— Я васъ прошу, Лина, забыть все... что происходило сейчасъ! Все это не стоить вашего вниманія!... Это, какъ говоритъ Гамлетъ, примолвила она съ дѣлавою шутовскою,—одни лишь „смы мои, мои замы умы!“...

Княжна взглянула на нее и поблѣдѣла.

Ей вспомнилось вдругъ что сегодня вечеромъ „они отыграютъ *Гамлета*,“—и затѣмъ „все кончено!“...

— Сегодня наше представленіе! вырвалось у нее съ глубокимъ вздохомъ.

— Да!... Мое прощанье со свѣтомъ! театральное произнесла, въ свою очередь, Надежда Федоровна, и закрыла глаза себѣ рукою.

Но слова эти прошли мимо ушей Лины; она думала въ эту минуту: „а завтра, что же завтра будетъ?“...

— И какое ей до меня дѣло! желчно сказала себѣ компаньонка, не дождавшись того восклицанія ужаса и печали которымъ, по ея мнѣнію, должна была непремѣнно отвѣтить Лина на извѣщеніе о томъ что она, Надежда Федоровна Травкина, собирается „сегодняшнимъ вечеромъ прощаться со свѣтомъ“.—Извините меня, *княжна*, подчеркнула она, принимаясь снова громко усмѣхаться,—я сегодня какая-то растерянная... забыла привести вамъ мое поздравленіе со днемъ вашего рожденія!

— Ахъ, да!... Благодарю васъ, милая! выходя изъ своей

* Романъ Ж. Санда.

задумчивости проговорила Лива и опять участливо взглянула ей въ лицо:—вамъ легче теперь стало?

— Легче, гораздо легче! Не заботьтесь, прошу васъ! Я право не стою того чтобы вы изъ-за меня лишали себя сна. Не довольно интересный *субъектъ* для этого, домогвила дѣвица Травкина все съ тою же презрительною улыбкой по собственному адресу;—отправляйтесь въ свою постельку и постарайтесь заснуть покрѣпче! Вамъ предстоитъ сегодня тяжелый день!..

— Не позвать ли вамъ горничную? спросила княжна.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, ничего не нужно! Я васъ сама провожу въ вашу спальню. Я вамъ сказала,—я сильна... *Envers et contre tout!* промолвила она почему-то по-французски, моргнувъ своими подслѣловатыми глазами.

Она, дѣйствительно, отвела и уложила въ постель Ливу и поцѣловавъ ее въ щеку, проговорила, ватавнута смѣясь:

За все, за все тебя благодарю!..

Княжна тихо улыбнулась ей со своей подушки...

Надежда Федоровна вернулась къ себѣ, залерла за собою дверь спальни, и мрачно договоривъ себѣ, сама не вѣдая къ чему:

Устрой лишь такъ чтобы тебя отыскать

Не долго мнѣ еще благодарить!—

повалилась опять на свою кровать, и задалась новыми, нескончаемыми слезами... Увы, дѣйствительно, какъ говорилъ Ашанинъ, „слезъ у нея было много“. Но на этотъ разъ это были искреннія—горькія и тихія слезы. Объ *Оберманъ* и *Лели* она уже не думала...

XXXVIII.

Княжна начинала засыпать когда кто-то, послышалось ей, осторожно подавивъ замокъ двери изъ корридора, вошелъ въ ея кабинетъ.

— Кто тамъ? Она приподняла голову.

— Я, ваше сіятельство, отвѣчалъ голосъ ея горничной.

— Что такъ рано, Г'лаша?

— Извините, княжна, отвѣчала та, входа въ спальню,—я полагаю, вы еще почивать изволите... Хотѣла къ вамъ на столикъ поставить...

— Что такое?

Глаша подошла къ постели, держа обѣими руками большую плетеную крытую корзинку, обвязанную голубыми лентами:

— Сюрпризъ съ!.. Честъ имѣю поздравить со днемъ вашего рожденія!..

— Это ты меня дарить, Глаша? вскрикнула удивленная Лина.

— Помилуйте-съ! ухмыльнулась дѣвушка, взявъ сердцемъ желала бы, да не при моихъ достѣткахъ... Это отъ молодого графа, что вчера прѣехали, послѣдила объяснить она, опуская глаза, но изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ лукаво метнула взглядомъ на княжну.

— Отъ молодого графа? повторила сжавъ брови Лина — что это значитъ?.. Какъ ты это получила?..

— Мнѣ-съ еще съ вечера мусью Витторію приказали поставить къ вамъ на столы, пока еще вы не проснулись. Сказали, на случай вы спросить изволите, что отъ молодого графа поздравленіе вамъ со днемъ рожденія... Это изъ Москвы, отъ Файе конфеты, а знаю-съ добавила Глаша, съ самодовольнымъ видомъ;—въ ластушкѣ бонбоньерка богатѣйшая, а въ ней конфетъ фунтовъ десять, больше будетъ-съ, василу держу!..

Ни словечкомъ не отозвалась на это княжна и отвернулась отъ нея головой къ стѣнкѣ.

Глаша только ротъ открыла.

Наканунѣ, за ужиномъ въ *l'обисъ*, камердинеръ флигель-адъютанта, съ которымъ она успѣла познакомиться, подмигивая и нашептывая ей всякія лакейскія любезности, отпустилъ ей между прочимъ что „они съ баривомъ надѣются въ Сицкомъ свое счастье получить“. Глаша тотчасъ же смекнула, а когда всемогущій въ домѣ Витторію передалъ ей бонбоньерку, съ приказаніемъ поставить ее на столъ княжны *сюрпризомъ*, уже не сомнѣвалась что молодой „красавецъ графъ прѣхалъ сватать ея барышню“. Въ головѣ ея, не хуже чѣмъ у Ольги Елпидионовны, успѣло построиться по этому поводу цѣлое зданіе честолюбивыхъ надеждъ, отъ которыхъ она всю ночь не спала... И вдругъ „ей княжна и глядѣть-то на его *сюрпризъ* не хочетъ“!..

Глаша умно поглядѣла ей въ затылокъ, вздохнула и направилась въ кабинетъ со своею „ластушкой“.

— Еще сейчасъ приходила ко мнѣ горячая генеральши,

проговорила она, не доходя до дверей, принесла отъ нихъ записку и пакетъ къ вамъ-съ...

— Гдѣ они? Что же ты не даешь ихъ мнѣ? быстро отозвалась на этотъ разъ Лина, приподымаясь съ подушекъ.

— Извольте получить-съ!

Дѣвушка поставила корзинку на туалетный столъ и, вынувъ изъ кармана письмо и небольшое что-то завернутое въ бѣлую бумагу и залечатанное большою гербовою печатью передала ихъ княжнѣ.

— Хорошо, молвила Лина,—а теперь оставь меня, я спать хочу!..

Оставшись одна, она послѣдила развернуть записку.

Софья Ивановна писала ей слѣдующее:

„Милая Елена Михайловна! Желаю поздравить васъ *первымъ* съ наступающимъ вашимъ двадцатымъ годомъ и чтобы подарокъ мой былъ *первымъ* въ этотъ день. Посылаю вамъ предметъ для меня дорогой и завѣтнымъ, и разстаться съ нимъ могу только для васъ. Принадлежалъ онъ покойной моей матери, женщины высокаго духа и много испытанной въ своей судьбѣ. Звали ее, какъ и васъ, Еленой. Примите въ душевное себѣ укрѣпленіе и утѣшеніе, а также въ память отъ старухи искренно васъ любящей.

„Софья Переверзина“.

Залечатанный пакетъ заключалъ въ себѣ уложенный въ коробочку образокъ съ изображеніемъ Воздвиженія Честнаго Креста Святою Царицей Еленой. На задней, гладкой доскѣ его золотой оправы вырѣзаны были слова: *Съмѣ побѣдиши!*

Лучшаго подарка и болѣе кстати не могла получить Лина. Онъ являлся какъ бы дѣйствительно „во укрѣпленіе и утѣшеніе“ ея послѣ этихъ конфетъ, присылка которыхъ глубоко взволновала ее и оскорбила. Она понимала что это не имѣло значенія простой любезности. Изъ одного тона голоса ея горничной не оставалось для нея сомнѣнія что весь домъ уже почитаетъ ее за невесту этого „петербургскаго адъютанта“, а самъ онъ очевидно признаетъ за собою право дарить ее какъ женихъ, „и всѣ они въ заговорѣ съ нимъ, говорила себѣ бѣдная дѣвушка, и маман, и Витторіо, и Глаша,—весь домъ“!..

„Самъ побѣдиши“! прочла она еще разъ теперь. Свѣтлая улыбка скользнула по ея блѣдымъ устамъ... Она вытаснула изъ-за сорочки золотую цѣлочку, на которой навѣшены

были ея крестъ и медальйонъ съ портретомъ и волосами покойнаго отца, пристегнула къ нимъ образокъ Софьи Ивановны, поцѣловала его, перекрестилась, и, уложившись щекою на руку, заснула мгновеннымъ, младенческимъ сномъ...

Но ей не суждено было досыта выспаться въ это утро. Въ началѣ восьмага чѣи-то шаги и смѣхъ въ кабинетѣ разбудили ее опять.

— Чтò она, еще спать? спрашивалъ громко кто-то.

— Почиваютъ-съ! слышался шелеть Глаши.

— Я не сплю! сказала княжна, недоумѣвая съ кѣмъ это разговаривала ея горничная.

— Ah! Lina! Chère!..

И съ этими словами въ спальню ворвалась дѣвушка въ широкой соломенной шляпѣ и сбромъ буркнувъ на плечахъ, вся залыхавшаяся и хохочущая...

— C'est moi! Не ожидала? Не узнаешь даже, кажется? И она кинулась прямо цѣловать Лину въ постели.

Это была одна изъ ея московскихъ балльных знакомыхъ, княжна Женья Карнаухова, не высокая, но крупная особа, съ характернымъ и веселымъ выраженіемъ лица и весьма рѣшительными, почти мужскими приѣмами рѣчи и движеній. Московская молодежь звала ее „добрымъ мамымъ въ юлкъ“ и „Геличкой Карнауховымъ“. Она это знала, и не только не оскорблялась, но очень гордилась этими прозвищами и вмѣняла себѣ въ какую-то обязанность быть на пріятельской ногѣ со всѣмъ міромъ. Ее вообще всѣ любили и она всѣхъ любила... Она была дѣйствительно очень добра сердцемъ, откровенна до глупости, легкомысленна и эгоистична какъ всѣ *добрыя мамы*, и совершенно наивно убѣждена была что не было въ мірѣ существа болѣе *мужнаго* для счастья ближнихъ какъ она.

— Какая ты хорошенькая въ постели! А *croquer!* хохотала она, обнимая и тормоша Лину; вотъ еслибы тебя кто-нибудь изъ вашихъ кавалеровъ увидалъ теперь, вотъ бы влюбился!.. А ты и не спрашиваешь какъ я къ тебѣ попала такъ рано?

Бѣдная княжна спросонковъ только глядѣла на нее недоумѣвая.

— Надо тебѣ сказать что мы только вчера пріѣхали къ себѣ, въ Высокое. Жара, пыль, духота, а мы въ городѣ сидимъ! У татаи ея вѣчныі *mal de dos*, переѣзжать не

хочеть:—безъ Овера, говоритъ, умру! Несчастному пала каждый день оцены дѣлаетъ, ко мнѣ придирается за каждый вздоръ... Un enfer, однимъ словомъ!.. Наконецъ ужъ Толи, она только его и слушаетъ—уговорилъ ее! Вчера къ обѣду прѣехали, пала и вспомнилъ что мы приглашены 3го числа къ вамъ. Вотъ и собрались прѣхать сюда къ обѣду. А сегодня Толи велѣлъ разбудить меня чуть свѣтъ. Хочешь, говоритъ, прокатиться со мною на бѣговыхъ дрожкахъ? Поѣдемъ, говорю. Вотъ мы и поѣхали. Ѣдемъ, а лошадь у насъ молодая, Толи правитъ отвратительно, чуть въ канаву не свалилъ меня!.. Ужъ не знаю, нарочно оны или невзначай, только проѣхали мы версть, а думаю, пятнадцать, и очутились наконецъ въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ. Идетъ мѣжикъ; Толи его спрашиваетъ: куда ведетъ эта дорога?—Въ Сидкое, говоритъ, въ княжое... Въ какое княжое?—Шастуновское, отвѣчаетъ.—А далеко отсюда?—Съ версту будетъ... Толи хлестнулъ лошадь, она вскачь, а оны ее ужъ и удержать не можетъ.. Я уцѣпилась за него, едва держусь... И мы, какъ два сумашедшіе, прискакали къ вашему крыльцу.. Et me voilà!

— Очень рада! проговорила учтиво Лица.

— Рада, не рада, а я ужъ отсюда не уѣду! Я не красавица какъ ты, но и я берегу свою шкуру, comme on dit! Хоть и придется мамашину руготню за это выдержать, все равно! Пусть себѣ Толи ломаетъ шею если ему угодно, а я за новое путешествіе на его бѣговыхъ дрожкахъ шегс! Сегодня у васъ праздникъ.... Сколько тебѣ минуло, девятнадцать?... Поздравляю, chère! Позволь дать тебѣ это на память:

Она сняла съ пальца бюрюзовое колечко и протянула его Лицѣ.

— Не стоить благодарности! не даю она ей выговорить! слова,—с'est une petite horreur, но я умоляю тебя носить его. Она принялась опять обнимать княжну;—ни къ кому я еще не чувствовала того что къ тебѣ! Ты такая милая! Я воображаю, примолвила она не останавливаясь,—какіе подарки ты получишь сегодня; мать твоя такъ богата!... А, да вотъ ужъ! Отъ кого? И она бросилась къ знакомой намъ ллетушкѣ, стоявшей на туалетномъ столикѣ Лицы, и безцеремонно распутавъ свазывавшія ее ленты вытащила оттуда великолѣпный китайскаго лака ящикъ полный конфетами.

Глаша, стоявшая тутъ же, заморгала ей обоими глазами.

— Что такое? Секретъ? громко вскрикнула княжна Карнаухова,—и ухвативъ двумя пальцами за щеку улыбающуюся Глашу:—говори, воструха, говори сейчасъ, отъ кого это, отъ кого?...

— Прикажете сказать, ваше сіятельство,—хихикая, вполголоса спросила та свою барышню.

— Говори, что за секретъ! послышался изъ-за слушечныхъ ею занавѣсокъ постели голосъ одѣвавшейся Лины.

— Отъ молодого графа, отъ петербургскаго получили! объяснила тогда Глаша, продолжая лукаво улыбаться.

Такъ и привскочила прѣвжая княжна:

— Молодой графъ? Петербургскій? какой графъ? Изъ Петербурга прислалъ?...

— Нѣтъ-съ, они сами здѣсь, отвѣчала горничная.

— Кто здѣсь? толоча отъ нетерпѣнія вскрикнула Женни Карнаухова.—Какъ зовутъ его?

— Анисьевъ по фамиліи, графъ, полковникъ съ....

— Жоржъ Анисьевъ? *C'est vrai se qu'elle dit là, Lina?* Женни даже перемѣнилась въ лицѣ.

— Помилуйте-съ смѣю ли я лгать! молвила появлявшаяся Глаша обиженнымъ тономъ.

Княжна нервно отлихнула отъ себя конфетный ящикъ, опустилась быстрымъ движеніемъ на кресло подлѣ туалета и разомъ примолкла....

— *Au fond*, какое мнѣ дѣло! вскрикнула она вдругъ, какъ бы сообразивъ,—но я воображаю шатап! громко и весело уже захотела она и вскочила опять на ноги.

— Скоро ты будешь готова? крикнула она опять Лина, и примолвила по англійски: *send your maid off, I have to tell you something* *.

Онъ сватается къ тебѣ? начала она сразу, едва остались онъ вдвоемъ.

— Я его совсѣмъ не знаю! Лина досадливо повела плечами.

— Пожалуста, не увѣрай, живо перебила ее княжна Карнаухова,—и не воображай себѣ что я твоя ривалка!... Это шатап себѣ вообразила и твердила мнѣ съ утра до ночи... А я всегда очень хорошо понимала что онъ обо мнѣ не думаетъ и думать не можетъ. Ему нужно большое состояніе!... Потому что онъ со мною въ прошломъ году въ

* Отослаи свою горничную, а имѣю сказать тебѣ кое-что?

Петербургъ два раза мазурку танцовалъ.... Еще бы онъ не танцовалъ!.. Вѣдь, ты знаешь, у насъ домъ въ Москвѣ—подворье. Всѣ эти петербургскіе аксельбанты, только въ Москву звалятся—прямо къ намъ: вѣдять и льютъ, чуть не вочуютъ, пока не уйдутъ куда имъ надо.... И все это у насъ дѣлается *roug avoir*, какъ говорить *патап*, *des aboutissants* въ Петербургѣ.... И вотъ меня повезли туда, и повсюду насъ тамъ приглашали, и я на тридцати двухъ балахъ танцовала, и для этого удовольствія едѣвали мы шестнадцать тысячъ долгу, и всѣ эти господа ужасъ какъ со мною любезны были,—а въ Москву мы вернулись ни съ чѣмъ, замужъ меня все-таки никто не взялъ, и я умру старою дѣвкой, а знаю,—и *патап* злится на меня за это и ллится, несчастную, каждый день, а когда увидитъ сегодня у васъ Жоржа Алисьева—просто со свѣта меня сповить!.. И такая а *roug soul!* неожиданно всплакнула княжна,—за кого бы я хотѣла, за того меня ни за что не отдадутъ,—а за кого меня мечтаютъ отдать—тѣ меня не хотятъ!..

— А тебѣ нравится... ты любишь кого-нибудь, Женни? И невольно тронутая этими словами Лиана пододвинулась къ ней.

— Люблю ли? крутая княжна на мигъ задумалась:—правду сказать, и сама я не знаю.... Нравится онъ мнѣ, нравится и даже очень, можетъ-быть, потому именно, примолвила, хмурясь она—что *патап* имени его слышать не можетъ и вѣчно ллится меня имъ... Правда, онъ за всѣмъ волачится, и ничего у него за душой нѣтъ. Выходить за него замужъ я и не думаю.... но еслибъ я была *femme sage*, признаюсь, я не отвѣчу за себя.... И она разразилась новымъ смѣхомъ.—Онъ за тобой не ухаживаетъ?

→ Кто такой? спросила не понимая Лиана.

— Ахъ какая я сумашедшая! Болтаю, болтаю и даже не говорю кто!.. Онъ у васъ,—играетъ съ тобою на театрѣ.... И признаюсь,—княжна повизила голосъ,—я не уѣхала теперь съ Толи домой главнымъ образомъ для того чтобы, пока не прїѣдетъ *патап*, успѣть *flërter un peu avec lui* договорила она, придѣлывая французское окончаніе къ нерелевдному английскому *to flirt* *.

* *To flirt*, *flirtation*, вѣчто въ родѣ польскаго *романсованья*, кетайво вѣжлыя отаошенія, преимущественно между дѣвушкой и молодымъ человекомъ.

Кто былъ этотъ счастливецъ съ которымъ она намѣревалась *firter* въ отсутствіи зубастой мамашы—она такъ-таки опять забыла назвать. Но Лина уже не интересовалась узнать это имя: она не понимала любви такого рода....

А Женни Карнаухова продолжала лелеять между тѣмъ: — Окажи, душа, — а у васъ съ Жоржемъ Алисьевымъ все уже кончено?

— Ничего не начиналось и кончатся нечему! слышишь отвѣтить бѣдная дѣвушка.

— А это что же? указала ей пріятельница на ящикъ съ конфетами, — ужъ если это не похоже на жениховъ подарокъ!...

— Ахъ, сдѣлай милость, избавь меня отъ этого Женна! Возьми себя!...

Княжна Карнаухова подбѣжала къ ней, схватила за оба плеча, и погружалась ей глазами въ глаза:

— Такъ это ты въ самомъ дѣлѣ? Онъ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ! также рѣшительно отвѣчала ей на это Лина какъ наканунѣ матери.

— Не нравится? повторила та, — онъ однако очень хорошъ, George Алисьевъ.... Et oomme il valse, chère! Ты вѣрно сама знала что онъ много играетъ? вдругъ осѣнила ее мысль.

— Ничего я не сама знала!...

— Ужасно! Въ прошломъ году у васъ онъ одному дядѣ Сергѣю тринадцать тысячъ проигралъ.... Онъ съ Сухозале-томъ играетъ по десяти рублей point во что-то.... Мамап уверяетъ что его такъ любятъ à la cour что это ничего не значитъ, и что всѣ его долги заплатятъ.... Но ты, можетъ-быть, очень хорошо дѣлаешь что не хочешь идти за него: онъ можетъ разорить тебя какъ ты ни будь богата.... А твоя мамап какъ? За него?... Я уверена!... Бѣдныя мы, вѣдь воли намъ не дано, — прикажутъ, и....

Она не договорила: — Лина, вся блѣдная, олускала голову....

— А! вскрикнула княжна, — ужъ приказали!... И ты не хочешь?... Погоди же, я все обдѣлаю, — я тебя спасу!...

— Нѣтъ, ради Бога, Женни, не нужно! въ свою очередь съ ужасомъ заговорила Лина, — ничего мнѣ и нечего спасать меня!...

Но та чувствовала себя уже совершенно необходимою для спасенія пріятельницъ:

— Нѣтъ, мнѣ, повѣрь мнѣ, я опытна въ этихъ дѣлахъ, не бойся! Мери Ребницъ и Варю Тростивину кто выдалъ

замужъ? — Я! Сумѣла устроить, сумѣю и развести!.. Ты тутъ совершенно ни при чемъ будешь.... Я ему дамъ почувствовать что, не совсѣмъ деликатно мушкетъ искать руки дѣвушки, которая.. Одно только, вдругъ перебила она себя,—чтобъ онъ не вообразилъ что это я изъ ревности!.. Лучше всего еслибы можно было намекнуть ему что ты другимъ человѣкомъ замѣта.. Но кѣмъ? Никто тебѣ не вратится,—ты такая холодная и равнодушная,..

Отъ этихъ словъ блѣдная княжна наша внезапно вся зардѣлась и быстро отвела лицо отъ зеркала (предъ которымъ зачесывала свои золотистые волосы. Но то же? зеркало выдало все это любоблѣтствовавшему взгляду ея услужливой пріятельницы:

— Ага, есть кто-то, есть! такъ и вскинулась она,—кто? Лида, душевья, говори скорѣй, кто, кто онъ?... И она бросилась душить ее въ своихъ объятіяхъ.

Лида не выдержала,—со вчерашняго вечера это былъ дѣлный рядъ мученій,—и чего требуетъ теперь отъ нея эта непрощеная, навойливая услужница?—она заплакала...

Жемля Карнаухова нежданно опустилась предъ ней на колѣни:

— Лида, душка, ну хорошо, не говори! Я ловимаю сес *délicatesses du coeur*.... Я сама отгадаю, — это даже гораздо интереснѣе!.. Только знай что я для тебя на все готова и довѣрся мой олытности! Я только собственную судьбу не умѣю устроить, а для другихъ у меня самая легкая, самая счастливая рука.... All's well, all's well, Лида! * утѣшала она ее, похлопывая и цѣлуя въ перерывъ ея тонкія вѣжкия руки....

XXXIX.

Княгиня Аглая Константиновна еще причесывалась въ своей уборной, когда имѣвшая лестное право входить къ ней во всякое время Ольга Акулина, веселая и свѣжая какъ роза, вбѣжала поздравить ее съ „дорогою именинницей“ и довести что кое-кто изъ „уязваемаго звѣрища“ уже пріѣхали и расхаживаютъ по дому во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, въ ожиданіи выхода хозяйки дома.

— De vrais sauvages! презрительно вымолвила на это княгиня. Надѣюсь, они не воображаютъ что я измѣню для нихъ

* Все хорошо, все хорошо!...

заведенный въ моемъ домѣ порядокъ? Пусть ждуть, ils sont faits pour cela! произнесла дочь бывшего цѣловальника съ величественностью, которой могъ бы позавидовать „великій король“, Louis Quatorzième du nom.

— А Надежда Федоровна не тамъ? спросила она, разумѣя гостиную.

При звукѣ этого имени лицо барышни вѣсколько пожелело...

— Старикъ графъ также пріѣхалъ! послѣшила сказать она, пропуская вопросъ безъ отвѣта.

— Да, мнѣ докладывали;—j'espère que le cher prince mon beau-frère его встрѣтилъ, промолвила, Агата, раздувъ ноздри: она до сихъ поръ не могла переварить вчерашнюю „Рюриковну“ князя Ларіона.

— Онъ пріѣхалъ очень рано и уже принималъ какихъ-то просителей, сообщила барышня,—завтракалъ у себя, а теперь, сказалъ мнѣ monsieur Шажковъ, отдыхать легъ...

Хозяйка успокоилась и мысли ея перенеслись къ другому, любезному ей предмету:

— Et le jeune comte, ты не знаешь, что онъ?.. N'est ce pas qu'il est charmant, petite?.. Я не помимаю, какъ это mademoiselle la princesse ma fille...

Она пріостановилась, всломивъ о горничной, которая вся красная отъ натуги затыгивала въ эту минуту послѣднюю ленту корсета обнимавшаго обильныя красы княгини, и тяжело вздохнула не то отъ нажима этого корсета, не то отъ досады на „mademoiselle la princesse ma fille“...

— Я его видѣла, послѣшила объявить Ольга (она тотчасъ же догадалась что Лива успѣла наканунѣ дать почитать матери что Анисьевъ ей не нравится), а съ нимъ встрѣтилась... нечаянно... въ корридорѣ... Онъ выходилъ отъ графа... И такой magnifique, княгинюшка, въ своемъ чудесномъ мундирѣ, серебряное шитье, въ ботфортахъ... Сколько у него крестовъ, princesse,—я просто ахнула! Такой молодой et si bien décoré. Это просто прелесть такой—она хотѣла сказать „такой женихъ“, но по примѣру своей покровительницы, тоже въ виду горничной, пріостановилась и сказала: такой молодой человѣкъ!

— Je crois bien! И княгиня качнула вверхъ головой, смотрѣвъ въ трюмо, предъ которымъ облекали ее теперь въ бѣднозеленое съ синими лентами платье, сочетаніе цвѣтовъ начавшее уже въ то время почитаться возможнымъ.

— Ah, oui, chère petite, сказала она, расправляя въ то же время тонкимъ маленькимъ гребешкомъ свои густыя черныя брови, очеркомъ которыхъ „en arc de cupidon“, какъ она выражалась, очень гордилась въ свое время наша Агдая; спроси у моей Lucrèce (въ это классически-цѣлому-дренное имя переименована была ею первая ея горничная, распрорусская Лукерья, незамужняя мать троихъ дѣтей) картона съ платьемъ изъ Парижа и вели отнестя княжѣ чтобъ она надѣла его сегодня вечеромъ: послѣ театра будутъ танцовать *probablement*. Скажи что это мой подарокъ къ ея рожденію... *Allez y vous-même, petite*, уже сплошь по-французски и шепотомъ поручала она Ольгѣ, и такъ отъ себя, шепли ей что ея мать, конечно, не ограничилась бы такимъ мизернымъ подаркомъ, что ты навѣрное знаешь что у меня готова была для нея къ сегодняшнему дню *une rare en turquoises et diamants, un cadeau de six mille roubles argent!* проговорила княгиня, почему-то даже надменно и строго взглянувъ при этомъ на неповинную барышню. но что я его сегодня не дамъ ей... Она знаетъ почему!.. Я положила *qu'elle ne l'aura que le jour de ses fiançailles!* Si non, я его отдамъ вотъ его будущей женѣ! сказала она, увидавъ входящаго къ ней съ утреннимъ „*bonjour*“ сына.

— Чтò ты моей женѣ отдашь, мамá? полюбопытствовалъ узнать одиннадцатилѣтній Basile.

— *Un cadeau de six mille roubles, mon cher*, если ты будешь умникъ и сдѣлаешь *une belle carrière*, какъ графъ Анисьевъ.

— Который вчера пріѣхалъ? Я знаю, мама. Овъ флигель-адъютантъ?

— Да, *suis son exemple!*...

— А я, мама, я буду очень богатъ, *very, very rich!*

— Да, Basile! *Vous êtes un grand nom de Russie*; ты долженъ быть богатъ *pour le soutenir*.

— А вотъ возразилъ мальчикъ, Луна и Семень Петровичъ говорятъ что богатство это ничего, а надо самому...

— Чтò „самому“?

— *I can't say't properly, mam'* *, но это они говорятъ что надо все самому, умнымъ быть и учиться...

* Я не умю сказать это ясно, мама.

— Monsieur Факирскій, это натурально, княгиня сжала губы,—il n'a rien... Онъ долженъ самъ.. Конечно, Basile, надо быть умнымъ и учиться... mais la fortune pour un grand nom... Quant à Lina, vous savez, таинственно прошептала она, нагибаясь къ барышнямъ, у нея есть эти идеи! И глубокомысленная Аглая перебрала многозначительно пальцами предъ аботъ,—она sous ce rapport совершенно въ отца... se ravue Michel! вздохнула чувствительная дама.—А ты радъ что будешь богатъ, Basile? обратилась она опять къ сыну.

— Ужь конечно, твердо отвѣчалъ онъ,—потому я все могу себѣ купить и всѣмъ приказывать!...

— Только надобно хорошо уметь свои счета вести, превала его наставительно мамечка, потому что все можно потерять.. Comme cela est déjà arrivé avec la fortune des Шастуновыхъ, que j'ai sauvée! обернулась она опять къ Ольгѣ.

— Мама, вскрикнулъ Basile, Vittorio долженъ быть a pick pocket *! Я ему приказалъ на мои деньги купить a great box ** для чаю, for Lina, для ея рожденія, и онъ взялъ у меня пятьдесятъ рублей, а купилъ такую гадость что я купилъ ему въ носъ...

— Въ носъ? засмѣялась княгиня...—Ты не долженъ этого дѣлать Basile:—Vittorio est un bon serviteur... Et puis il est Italien, pas Russe! заключила она.

И, за такимъ заключеніемъ, Аглая Константиновна оглянула еще разъ въ трюмо свое новешенькое платье, съ нахмурившимся чедомъ показала горничной на какую-то складку, затѣмъ обернулась, поцѣловала сына въ лобъ и потребовала свои кольца и браслеты.

— Мама сказалъ ей Basile, дай мнѣ что-нибудь подарить Линѣ; я Vittorio скверный box сломалъ...

— Зачѣмъ сломалъ! А ты теперь пойди къ садовнику и вели ему сдѣлать un beau bouquet, и отнесешь сестрѣ.. Un garçon de votre nom долженъ смолоду приучаться savoir être galant avec les dames, пріятно улыбаясь, приучала Аглая сына.

— Petite, окликнула она тутъ же уходившую Ольгу,—ты не видала monsieur Зяблина сегодня?

* Воръ.

** Большой ящикъ.

— Нѣтъ, не видала княгинюшка..

— Овъ вчера такъ рано исчезъ... И сегодня не прислалъ узнать о моемъ здоровьи... Il envoie tous les jours, vous savez... Je ne sais vraiment pas ce qu'il a? уже томно промолвила она и даже глаза опустила.

Бойкая дѣвица, добывъ картонъ у „Lucrèce“, приказала нести его за собою и отправилась къ Линѣ.

Она не все сказала княгинѣ: она не только видѣла „le jeune comte“, она говорила съ нимъ; она не „вечаявно“, — она въ предвидѣнномъ чаянн встрѣтиться съ нимъ очутилась въ этомъ „корридорѣ“ въ нижнемъ этажѣ, соединявшемъ сѣни съ покоями отведенными графу и вдоль котораго расположены были комнаты назначавшіяся для дамъ, удобное въ ея разчетахъ объясненіе, „въ случаѣ чего“, ея присутствія тутъ... Какъ ни храбрилась въ минувшую ночь Ольга, какъ даже силою воли ни заставила себя заснуть она по возвращеніи изъ сада, но сонъ ея отозвался пережитою ею тамъ тревогой. Стукъ графской коляски поддалъ ее въ седьмомъ часу утра. Окна ея выходили на дворъ. Она присѣла къ одному изъ нихъ, за завѣсъ. Черезъ нѣсколько времени она увидала старика, направляющагося къ дому съ княземъ Лариономъ; вскорѣ за тѣмъ Анисьевъ, въ каскѣ съ развѣвающимся плюмажемъ и въ шинели накинутаю на плечи, прошелъ черезъ дворъ въ сѣни главнаго корлуca... Ольга не вытерпѣла; она всегда дѣйствовала по какому-то вдохновенію, и теперь что-то будто шелкнуло ей что ей надо дать себя узрѣть и оцѣнить Анисьеву глазъ на глазъ прежде чѣмъ „наѣдетъ толпа и станутъ его рвать на всѣ стороны“... Она тотчасъ же приступила къ своему туалету, безъ пособія горничной, и черезъ полчаса скользнула въ сѣни, гдѣ не встрѣтила никого кого бы могло изумить ея раннее появленіе. На ея счастье, блестящій фидель-адъютантъ выходилъ почти въ ту же минуту отъ графа... Все вышло чрезвычайно удачно: еще на луту по довольно темному и не широкому корридору онъ увидалъ предъ собою въ падавшей изъ стѣнныхъ оконъ широкой полосѣ утренняго свѣта женское молодое красивое существо, съ блестящими карими глазами, съ обнаженными до локтя полными руками подъ развѣвающимися, по тогдашней модѣ, рукавами. Ольга остановилась какъ бы изумившись и какъ бы съ намѣреніемъ дать ему пройти.

Онъ послѣшилъ снять каску и сбѣжалъ быстро нѣсколько шаговъ впередъ, дѣлая нѣсколько бокомъ къ стѣнѣ. У самаго входа въ стѣны они очутились другъ предъ другомъ...

— Pardon! низко наклоняя голову проговорилъ Ависьевъ.

— Pardon! проговорила Ольга Елпидифоровна; — вы кого-нибудь искали? невинно спросила она, нуская въ то же время въ ходъ свой возбудительный взглядъ изъ-подъ саягъ прижмуренныхъ рѣсницъ.

— Нѣтъ, я возвращаюсь отъ старика *графа*, пріятно улыбаясь на этотъ взглядъ, отвѣтилъ онъ, — и не знаю право тѣмъ ли ходомъ?...

— Да, и этимъ можно; другой главный входъ прямо со двора. Я сама шла, хотѣла узнать s'il a tout ce qui lui faut, прибавила нарочно по-французски и нѣсколько небрежнымъ тономъ Ольга; — княгиня еще спитъ, разумѣется...

— А вы такъ рано?.. Флигель-адъютантъ еще разъ пріятно улыбнулся, глядя уже во всѣ глаза на ея алмы губы, на пышныя очертанія ея плечъ, на ея матово-бѣлыя, обнаженныя до локтя руки...

— „Вотъ онъ у него *искорки!*“, мелькнуло радостнымъ сознаніемъ своей неизмѣнной „силы“ въ головѣ Ольги...

— Я *изъ Петербурга, изъ институтъ*, поневолѣ должна была вставать рано, громко объяснила она, подчеркивая и Петербургъ и институтъ, — привычка осталась. Я, кажется, видѣла васъ какъ-то тамъ у насъ? Когда государь пріѣхалъ?...

— Очень можетъ быть! Мыъ очень лестно что воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ вашей памяти; изъясню пропустилъ нашъ полковникъ.

Она разсмѣялась во всю ширину своего рта: ты еще молъ настоящимъ образомъ моихъ бѣлыхъ зубовъ не видалъ!...

— А вы теперь къ намъ сюда надолго? уже совсѣмъ фамиліарно обратилась она теперь къ нему; — не на сегоднешній только день?...

Лице Ависьева приняло тотчасъ же холодное и сдержанное выраженіе.

— Не знаю, смотря по обстоятельствамъ, сухо отвѣтилъ онъ.

Но Ольгу Елпидифоровну трудно было приводить въ смущеніе судами, отвѣтами.

— А если обстоятельства будутъ *благоприятны*? протянула она, лукаво взглянувъ на него.

— Для насъ бѣдныхъ это будетъ значить что вы будете къ намъ *благоклонны*, отшутился онъ осторожно, и со словами: „Не смѣю болѣе васъ задерживать“ и новымъ учтивымъ поклономъ, проскользнулъ опять бочкомъ мимо нея въ сѣни...

„Изъ провинціальныхъ *алишекъ*; по штату фаворитка и чиновникъ особыхъ порученій хозяйки дома!“ опредѣлил себя точно и вѣрно положеніе нашей барышни въ Суцкомъ блестящій петербургскій воинъ, выходя на дворъ и надѣвая каску.— „*Mais quel morseau de roi!*“ подумалъ онъ тутъ же и медленно провелъ языкомъ по своимъ гляцивитымъ усамъ.— „Ее надо будетъ приручить“, рѣшилъ онъ за новымъ размышленіемъ,—она кажется, можетъ быть полезна“....

„У, какой же онъ долженъ быть *фэймеръ-кондитеръ*“, рѣшила въ свою очередь Ольга Елладифорова, оставшись одна. „А мнѣ *такіе* всегда нравились!“ И она на мигъ задумалась.— „А какъ глупа Лина предпочитать *такому* своего этого *профессора!*!“

Таковъ былъ итогъ размышленій бойкой дѣвицы, послѣ чего она опять, никѣмъ незамѣченная, вернулась въ свою комнату, раздѣлась и на этотъ разъ проспала какъ убитая до девяти часовъ.

XLI.

А теперь она шла съ „*Licgèze*“ и ея картономъ къ Линѣ, сама держа въ рукѣ завернутый въ тонкую бумагу черепаховый бюваръ, недавній подарокъ ей самой Раацева, во который она жертвовала именинницѣ, заказавъ на него предварительно въ Москвѣ золотой шифръ Лины подъ княжескою короной.

— А, la bagischnia! услышала она веселый смѣхъ, едва успѣла отворить дверь въ кабинетъ княжны;—кому ты здѣсь *глазенаны* пускаешь, говори скорѣй?..

Она узнала Женю Карнаухову, съ которою была довольно близка; такъ какъ до пріѣзда Шастуновыхъ въ Россію гащивала не разъ дѣтвомъ у родителей ея въ подмосковной.

— Некому, думка, некому,—ты всѣхъ отбила! И она со смѣхомъ кинулась обнимать крупную княжну.— Lina, cher

ange, вотъ вамъ отъ вашей маман, она указала на картонъ, а это мое скромное приношеніе... Она развернула свой бюваръ.

— Quelle magnificence! снова расхохоталась княжна Карнаухова, кидаясь разглядывать его.—Признайся не сама купила? Кто далъ тебѣ, говори кто?

Барышня наша не сконфузилась:

— И не купила, и дала, и тебѣ завидно что изъ *твоихъ* никто тебѣ такихъ подарковъ не подноситъ! отшутилась она, смѣясь еще громче той.—Что взяла?

— Мы люди маленькіе, насъ обидѣть легко; гдѣ намъ противъ вашихъ глазеналовъ! возразила на это Женни, уже слегка обиженнымъ тономъ.—И, главное, вѣдь я очень хорошо знаю *кто!* Вѣдь все тотъ же, „le caritan?..“ Это у Толи Французъ, monsieur Lamy ихъ такъ называетъ: „le caritan et la bagichnia,“ объяснила она Лиу, которая между тѣмъ, взявъ бюваръ изъ рукъ Ольги, благодарила ее, цѣлуя;— и вообрази, эта дура до сихъ поръ не сумѣла *окрутиться* съ нимъ!..

— Не *хотѣла*, а не „не сумѣла!“ презрительно сжавъ губы, отларировала бойкая особа.

— И дура, дура, дура, тысячу разъ говорю что дура!.. Ah, gavissant, gavissant, gavissant!..

И съ этимъ крикомъ Женни бросилась со всѣхъ ногъ къ парижскому платью, которое опытная „Lucrèce“ приподымала осторожно въ эту минуту изъ картона. Она такъ и погрузилась жадными глазами въ разсматриваніе его рюшей и волановъ...

— Лиуа, шепотомъ сказала Ольга, воспользовавшись этимъ,—у меня есть къ вамъ секретъ... И она передала ей буквально порученіе княгини...

Печальная улыбка бродила по лицу Лиуа въ продолженіе этого разказа.

— И все? спросила она, когда та кончила.

— Все...

Княжна тихо приподвѣла плечи:

— Маман, я удивляюсь, до сихъ поръ не можетъ понять что это все не имѣетъ для меня никакой цѣны.

— Ну, признаюсь заговорила было Ольга,—я бы на вашемъ мѣстѣ, кажется...

Она остановилась предъ холоднымъ, почти строгимъ, взглядомъ, который подвѣла теперь на нее Лиуа:

— А я васъ прошу, милая, если пашап еще разъ заговорить вамъ объ этомъ, повторите ей мои слова: мнѣ не нужно никакихъ *парюръ*... а эту она подчеркнула: я надѣюсь *никогда* не получить... Вы моихъ другихъ подарковъ еще не видѣли? перебрѣнула она тутъ же разговоръ и подошла къ большому столу, стоявшему посреди комнаты.

Рядомъ съ портретомъ покойнаго князя Михайлы помѣщалась теперь въ стоячей, тонкой работы золотой рамкѣ небольшая картина Месомье, въ одао, какъ въ большинствѣ его картинъ, лицо. Это былъ старикъ воинъ, въ одеждѣ времени Тридцатилѣтней войны, оставившійся предъ образомъ Мадонны, вставленнымъ надъ низкимъ входомъ готической башни. Чувство мастерства исполненія почти невозможныхъ для масляной кисти деталей, отличающаго специально этого художника, исчезало почти здѣсь чтобы дать всецѣло мѣсто впечатлѣнью, производимому выраженіемъ умиленія развитаго по всему облику стараго рейтара. Картина была прелестна...

— Это князя Ларіона даръ, я увѣрена? равнодушно сказала Ольга, она ничего не понимала въ живописи.—Это онъ самого себя ей поднесъ, молится ей же, въ видѣ Мадонны, и ботфорты для этого на себя катаapultъ, мысленно договорила себѣ барышня, и закусила губу чтобы удержать смѣхъ провивавшій ее при этой мысли.

— Да, дади! подтвердила княжна, не отводя глазъ отъ холста.

— А это отъ кого? вскрикнула Ольга, указывая на шесть богато переплетенныхъ въ синій муаръ томовъ съ надписью *Пушкинъ* и вензелемъ Ланы на корешкѣ. „Офелии отъ Эльсинорскаго двора“, прочла она вытисненное золотыми буквами на верхней обложкѣ перваго изъ этихъ томовъ.

Княжна съ блестящими глазами обернулась къ ней:

— Это мнѣ ваши актеры прислали, такъ мило съ ихъ стороны... Лучшаго подарка они мнѣ сдѣлать не могли!

Ольга развернула книгу и на первой бѣлой страницѣ прочла слѣдующее:

Отъ мрачныхъ грезъ души Гамлета
Зоветь къ себѣ васъ міръ иной,
Онъ ближекъ вамъ, онъ вамъ родной:
Княжна, вы „свѣтлаго“ поэта
Поймете *свѣтлою* душой!

— Ахъ, я помню, воскликнула она,—какъ вы какъ-то за кулисами разъ говорили что у васъ въ переѣздахъ изъ-за границы пропалъ какъ-то Пушкинъ и что теперь изданіе все вышло, и вы не можете себѣ олять достать... И monsieur Духонинъ еще такъ восхищался вашему выраженію что „Пушкинъ такой *свѣтлый*...“ Это потому въ стихахъ у нихъ сказано... *Профессоръ*, должно быть сочинилъ, оттого она такъ и счастлива! подумала тутъ же барышня.

Она ошиблась: Гундуровъ былъ тутъ ни при чемъ; мысль подвести Пушкина княжѣ обществомъ всѣхъ актеровъ *Гамлета* принадлежала Духонину, который, не менѣе самого нашего героя, оцѣнивалъ „особенныя словечки“ княжны, и взялся достать и велѣть переплести въ Москвѣ экземпляръ въ ту пору уже дѣйствительно почти неваходимыхъ сочиненій поэта. * По его же мысли, каждый изъ участвовавшихъ въ подаркѣ приписалъ своею рукой къ печатному тексту кто стихъ, кто строфу, кто цѣлое стихотвореніе Пушкина, не пропущенныя тогдашнею цензурой въ печати, но которые тогда хранились въ памяти чуть не у каждаго. Молодые люди посвятили этой работѣ двѣ ночи сряду... Рукѣ Гундурова прибавлены были къ стихотворенію *Дервня* извѣстныя ослалныя тогда строки:

Увижу ль наконецъ народъ освобожденный
И рабство ладшее по малю царя, и проч.

Ему же поручено было написать „посвященіе“ княжѣ, но онъ не сдѣлалъ съ нимъ: субъективное его чувство къ ней такъ и пробивалось наружу сквозь каждую накидаванную имъ строку. Онъ это понималъ—и отказался рѣшительно... Попробовали было и Ашанинъ, и Свищовъ, но у обоихъ у нихъ все выходило водевильнымъ куплетомъ, ихъ забраковали. „Посвященіе“ скропалъ наконецъ землемѣръ Постниковъ, скромный молодой человекъ, благоговѣвшій предъ Ливой, съ тѣмъ отгѣнкомъ противъ Факирскаго что онъ видѣлъ въ ней не „Жоржъ-Сандовскую героиню“, а „святую изъ Чети-Мивей.“ Его стихи, несмотря на довольно плохія ихъ рифмы, были единогласно апробованы, какъ выражающіе общее всѣмъ впечатлѣніе производимое Ливой, и затѣмъ на вклеенномъ нарочито для этого въ книгу листѣ бристоальской бумаги переписаны имъ великолѣпнымъ писарскимъ

* Перваго изданія.

лочеркомъ, со всевозможными росчерками и украшеніями перомъ...

— И въ какой тайнѣ, смѣлалась Ольга,—держали это они всё!..

Ей вспомнилась при этомъ Ашанинъ... и тутъ же, невѣдомо какимъ процессомъ, пронеслось у нея въ головѣ и сказалось мысленно: „противный!“ Она сжала брови...

— Къ завтраку уже второй разъ звонили! доложила въ это время „Lucrèce“, бережно укладывавшая на стульяхъ, за отсутствіемъ дивана въ кабинетѣ княжны, ея новое платье.

— Надобно идти, тамъ ужъ пріѣхали гости, сказала Лида.

На лестницѣ Жемни Карнаухова пропустила ее впередъ и, задержавъ Ольгу за руку, прошептала ей на ухо:

— Говори, ты знаешь *кѣмъ* она занята?

Барышня усмѣхнулась, подумала...

— Знаю! сказала она.

— Кто же, кто, говори!..

— Не могу. Угадай сама!

— И угадаю! вскакинула княжна,—а ты, драмъ, отъ меня секретничаешь!.. Ну, а твой, „le capitain“, расхохоталась она опять,—здѣсь, разумѣется?

— Здѣсь! не могла не засмѣяться и Ольга.

— Послушай, „la barischnia“, это я тебѣ серьезно теперь говорю, вспомни мое слово: tu est trop ambitieuse,—жалѣть будешь!

— Мое дѣло! отрѣзала на это дѣвица Акулина, и побѣжала отъ нея въ догонку Лидѣ.

Б. МАРКЕВИЧЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КАМЕНЬ СИЗИФА

XVI.

Еще событіе, еще! Едва только стали умокать въ городъ разговоры о томъ какъ извинялся предъ Благовымъ Бреше, какъ вдругъ новое и поражающее извѣстіе: Джефферъ-Демъ убитъ!.. „Убить? Кѣмъ онъ убитъ!.. Христіане взбунтовались и убили его, zito! Неправда! неправда! Еслибы христіане взбунтовались и явно убили бы его, зачѣмъ бы ему лежать ничкомъ около мостика, у ручья, въ кустахъ бузины?.. Кто это сказалъ?... Кто жъ убилъ его?.. Турки, Турки убили! Враги его и мстители бей убили... Тахиръ-Аббасъ. А, bravo, zito. Тахиръ-Аббасъ, zito!.. Тихій шелочъ. А! ба! невозможно.... Нѣтъ. Это было бы очень хорошо, это было бы прекрасно, но ужъ слишкомъ смѣло.... Вы знаете Исаакидеса?... Развѣ вы не знаете его!.. Чего ему бояться; онъ греческій подданный и русскій драгоманъ.... Онъ не раія... Нѣтъ, это слишкомъ, слишкомъ смѣло!..“

Еще проходитъ день. Приводятъ шестерыхъ христіанъ изъ Нивиды, ихъ запираютъ въ тюрьму, на нихъ налагаютъ ужасныя оковы, которыхъ тягость одна—уже сама по себѣ пытка; ихъ запираютъ въ узкіе и темныя шкафы, въ которыхъ и спать надо стоя, имъ даютъ соленую пищу и не даютъ воды, имъ прикладываютъ горячія яйца подъ мышку, имъ стягиваютъ головы веревками.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8, 9, 11 и 12й 1877 года.

Такъ по крайней мѣрѣ разказываютъ въ городѣ...

Люди, однако, начинаютъ вѣрить что не Тахиръ-Аббасъ, а нѣсколько разгнѣванныхъ христіанъ умертвили Джеффера за смерть Пѣно, увидавъ что правильнаго суда надъ Джефферомъ не будетъ.

Австрійскій консулъ опровергаетъ это мнѣніе; онъ довѣрительно шепчетъ нѣкоторымъ лицамъ что христіане напрасно страдаютъ, что убійца ни кто иной какъ Тахиръ-Аббасъ и что онъ только орудіе, а направлена рука его въ угоду безпокойнымъ умамъ... Кѣмъ? кѣмъ?..

Поятвю кѣмъ... Кто предприимчивъ и гордъ, и смѣлъ.... Все интриги панславизма... Развѣ Русскіе останавливаются предъ какимъ-нибудь средствомъ чтобы только пріобрѣсти популярность между народами, подвластными сосѣднимъ государствамъ? Развѣ русскими рублями не лопы не только Эпиръ, Болгарія, Боснія, но и Галиція, и Моравія?

И хотя никто изъ насъ, Эпиротовъ, не видалъ такого обилія русскихъ рублей въ Эпирѣ... но, кто знаетъ, можетъ-быть, Босняки и жители Галиціи счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи. И Греки наши начинаютъ немного вѣрить этому: во горе Ашенбрехера въ томъ что, вмѣсто негодованія, его клеветы возбуждаютъ въ христіанахъ радость.... „Вотъ человекъ! вотъ консулъ!... вотъ паликаръ!.. вотъ мститель за бѣднаго Пѣно и его товарищей!.. Вотъ мечъ Божій на Агаравъ-злодѣевъ!..“

Но Благовъ и самъ ничего не знаетъ; онъ не знаетъ даже что его другъ и ласковый собесѣдникъ Ашенбрехеръ такъ коварно запомнилъ его слова о томъ что онъ хотѣлъ бы примѣрно наказать Джефферъ-Дема, запомнилъ тотъ пріятельскій завтракъ за которымъ Благовъ говорилъ что онъ *понимаетъ иногда Нерона...*

Я ручаюсь за то что Благовъ сначала въ самомъ дѣлѣ ничего не зналъ! Визитъ страшнаго Тахиръ-Аббаса Благову, о которомъ узнали и въ Портѣ, и вездѣ, вражда обихъ бевъ между собой, извѣстная храбрость и жестокость Тахира, страсть Исаакидеса къ глубокой и тайной интригѣ, его ненависть къ Туркамъ и, наконецъ, эта полусутка Благова тогда, за завтракомъ, когда онъ говорилъ что желалъ бы прежде изобразить красавца Джеффера на полотнѣ, потомъ повѣсить его картинно предъ пестрою толпой всѣхъ вѣръ и племенъ Эпира, — вотъ что дало оружіе въ руки клеветы...

Какъ бы то ни было, Благовъ, говорю я, ничего не зналъ сначала; онъ призывалъ Исаакидеса, но и тотъ въ первый день ничего еще вѣрнаго не зналъ. Ко христіанамъ заключеннымъ проникауть возможности не было. Ихъ содержали очень бдительно. Добрый Рауфъ-паша на этотъ разъ очень гнѣвнъ: онъ негодуеть на людей подчиненной ему страны именно за то что онъ до сихъ поръ былъ свисходителевъ, вѣрадивъ и мягокъ, а люди не цѣнятъ этого и смѣютъ не трепетать предъ нимъ!... Къ тому же Джефферъ-Демъ—другъ Ибрагиму возлюбленному; а тонкій, прогрессивный Сабри-бей, который приводитъ Грековъ своею образованностью въ ужасъ за будущность отчизны (ибо при слшскомъ образованныхъ Туркахъ никогда мы свободны не будемъ!), этотъ любезный и молодой полу-Французъ Сабри, говорятъ, первый сказалъ въ Портѣ:

— Это, вѣдимъ, вѣрите мнѣ, все интриги московскія, и прежде всего надо пытать людей и спрашивать, не возбуждалъ ли ихъ Благовъ съ гетеристомъ Исаакидесомъ.

И паша, больной, усталый, взбѣшенный, сталъ вдругъ такъ свирѣлъ какъ становятся иногда свирѣлыми люди добрые, когда впервые показалось имъ что ихъ услужливость неблагодарныя души употребляютъ во зло. Но, повторяю, и всезнающій Исаакидесъ въ первый день когда привезли несчастныхъ христіанъ изъ Навицы ничего не зналъ.

— Вы слышали! Чтò же это такое, христіанъ пытають, спросилъ у него при насъ Благовъ съ ужасомъ.

Исаакидесъ ложималъ плечами, и говорилъ:

— Узнаю, узнаю все...

Къ вечеру пришелъ полъ Кòста, привезъ Исаакидесу какую-то записку и они всѣ трое, полъ Кòста, Исаакидесъ и консулъ, долго бесѣдовали втроемъ.

Полъ-Кòста скрылся и очень поздно вечеромъ возвратился опять...

Онъ нашелъ наконецъ средство видѣть одного изъ заключенныхъ въ тюрьмѣ христіанъ.

Ну, тутъ я готовъ согласиться что русскими рублями можно было что-нибудь сдѣлать.... Тутъ очень можетъ быть что турецкая стража за хорошій *бахчишъ* допустила пастыря и учителя къ этимъ несчастнымъ людямъ для молитвы и утѣшенія... Но еще бы, и какъ не позволить себѣ даже этого когда христіанъ пытають!...

Истина раскрылась поздно.

Вотъ какъ было дѣло: грубый и вспыльчивый Тахиръ-Аббасъ дѣйствительно былъ неправъ и неостороженъ. Онъ вездѣ кричалъ попрежнему что право Турецкое не право, если отпустило Джеффера, что это все рюшветы и рюшветы (взятки и взятки), что мальчишку Джеффера убить мало, надо на части разорвать его живаго; что онъ вредитъ всѣмъ бѣламъ и особенно ему тѣмъ что христіане могутъ съ отчаянія, послѣ гибели Пана и его товарищей, въ самомъ дѣлѣ уйти изъ этихъ мѣстъ и оставить и его, Тахира, ни въ чемъ виновнаго, безъ доходовъ.

Христіане возбужденные рѣчами Тахира не слушались тѣхъ старшинъ своихъ которые были благоразумнѣе, и рѣшились, пока дальнѣйшая судьба ихъ распри съ Джефферомъ не опредѣлится въ Константинополѣ подъ вліяніемъ консульскихъ довереній и при давленіи посольствъ, ничего Джефферу не платить; Тахиръ же своей цѣли достигъ, казалось; ему христіане дали денегъ, прося его поддержки у сильныхъ людей, и онъ обѣщалъ имъ сдѣлать все что можетъ.

Пріѣхалъ самъ Джефферъ съ тремя вооруженными слугами и двумя залтѣе. Стали требовать денегъ.... Поднялся шумъ и буйство.... „Не дадимъ ни одного піастра!“ кричали въ изступленіи люди.

Старшій изъ слугъ Джеффера (тотъ самый свирѣпый и худой Араутъ котораго мы съ Кольйо видѣли съ балкона идущимъ за господиномъ своимъ) въ бѣшенствѣ проклиналъ христіанъ и вѣру Христову, сорвалъ съ груди одного молодого Грека, который стоялъ близко отъ него, крестъ и съ ужаснымъ ругательствомъ началъ полизывать его ногами....

Селяне любѣжали по домамъ чтобы схватить оружіе,—иные, имѣвшіе при себѣ ножи, вынули ихъ изъ за пояса....

Джефферъ и слуга его, обнаживъ ятаганы, кинулись на коней и усакали въ городъ.

На другой день послѣ этого въ городѣ, въ кофейнѣ, произошелъ горячій споръ между этимъ самымъ свирѣпымъ слугою Джеффера и сеисомъ Тахира, молодымъ христіаниномъ.... Слуга Джеффера избилъ сеиса до крови и всѣ люди видѣли какъ сеисъ шелъ послѣ этого жаловаться въ Порту по улицамъ и базару безъ фески, съ окровавленнымъ лицомъ, и какъ по доловѣ его изъ разорванной въ двухъ мѣстахъ кожи струилась кровь....

Начальство слугу Джеффера строго не наказало; оно продержало его только сутки въ тюрьмѣ; Джефферъ былъ самъ у мѣстнаго начальника и отстоялъ своего слугу.

Въ тотъ же вечеръ, вскорѣ послѣ захожденія солнца, Джефферъ шелъ домой откуда-то, а любимый злой слуга его несъ предъ нимъ фонарь. Онъ проходилъ около стѣнъ въ пустомъ мѣстѣ. Людей не было видно. Вдругъ изъ-за угла раздались одинъ за другимъ два выстрѣла. Джефферъ-Демъ упалъ лицомъ внизъ на камни; онъ былъ уже мертвъ. Другая пуля разбила фонарь въ рукахъ слуги и ранила его слегка въ ногу. Убийца скрылся въ темнотѣ. Слуга Джеффера, увидѣвъ что его господинъ уже умеръ, собравъ всѣ свои силы доползъ до болѣе люднаго мѣста и разказалъ все...

Вотъ какъ произошло это дѣло и вотъ что извѣстно...

Случайное, быть-можетъ, совпаденіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ было таково, и страстей съ разныхъ сторонъ было замѣшано столько что и самому правильному и сложнорорганизованному суду безъ откровеннаго сознанія на-стоящаго убійцы было бы очень трудно уловить себѣ истину.

Чего же можно было ожидать въ странѣ гдѣ всѣ судьи и администраторы были сами исполнены политическихъ страстей и предвзятыхъ мыслей о политическихъ цѣляхъ; въ государствѣ гдѣ правители привыкли и всякую формальную правду, и всякое нравственное соображеніе приносить въ жертву только одной государственной идеѣ—укрѣпленію распатанной уже власти и усиленію хотя и преобладающаго, но все-таки ослабленнаго обстоятельствами и духомъ времени мусульманскаго элемента.

Равенный слуга Джеффера говорилъ что убійца его господина былъ вооруженъ, вѣроятно, европейскимъ двустольнымъ охотничьимъ ружьемъ, потому что выстрѣловъ было два—одинъ за другимъ. Къ досадѣ Турокъ онъ оправдывалъ христіанъ и обвинялъ Тахиръ-Аббаса. Онъ говорилъ такъ:

— Ружья франкскія двустольныя эти есть у ивыхъ беевъ, правда. Но у Тахиръ-Аббаса есть очень хорошее, и этотъ мальчишка сеиъ, котораго я за грубость его въ кофейной емилъ хорошенько, стрѣлокъ отличный и охотникъ. Это онъ стрѣлялъ въ насъ и не безъ вѣдома своего господина.

Опять начинало казаться что Ашенбрекеры и всѣ тѣ которые указывали на Тахира правы!... Разница была та что не самъ Тахиръ, обнаруживалось теперь, убилъ Джеффера, а слуга его...

„Но эти неблагоприятные, эти крамольные христиане, которых никогда ничѣмъ удовлетворить нельзя (говорили въ Портѣ), неужели они окажутся правыми! Какое новое торжество враждебнымъ консуламъ—Русскому и Эллину!... Сколько жалобныхъ донесеній напишутъ теперь въ Петербургъ и Азию этотъ наглый Благовъ и лукавый, лжесмиренный Куркориди!...“

Темное дѣло! Другъ мой Сабри бей (которому я носилъ въ даръ коверъ отъ отца моего) опять является Маккиавелемъ и даетъ совѣты въ Портѣ:

„Схватить и Тахиръ - Аббаса, и сеиса его, немедленно на часу, говорить онъ. Они ходятъ по всему городу и показываютъ видъ невиннаго спокойствія. — Тахиръ - Аббасъ измѣнникъ... Съ какой стати ему было дѣлать визитъ Благову и сидѣть тамъ два часа?... Одному Благову? Я замѣтилъ въ его поведеніи opposition systematique!... Развѣ можно вѣрить албанскимъ беямъ? Давно ли бунтовали Арнауты подъ начальствомъ Гиджи-Дѣкка? И что за мусульмане эти Арнауты! Они готовы за деньги и съ приманкой грабежа помогать не только намъ, истымъ Османлисамъ, но и Грекамъ, и Русскимъ противъ насъ...“

„Схватить, схватить Тахиръ - Аббаса, это правда! рѣшили въ Портѣ“.

Папа колеблется, но не долго.. Правда, ему бы не хотѣлось въ странѣ, гдѣ такъ сильны еще эти воинственные бей, взять внезапно подъ стражу одного изъ самыхъ богатыхъ и энергическихъ представителей этого важнаго въ имперіи элемента, тѣмъ болѣе что вѣтъ никакихъ доказательствъ на то что онъ самъ стрѣлялъ въ Джеффера или даже посылалъ своего сеиса стрѣлять. Но вспыльчивый Ибрагимъ и тонкій, ядовитый Сабри поддерживали его колеблющуюся волю.

Сабри прибавляетъ еще одно очень вѣрное и глубокое замѣчаніе:

„Схвативъ Тахира, мы докажемъ Европѣ что преслѣдуемъ строго не однихъ христианъ, что всѣ нарушители порядка — правительству враги. Христиане бунтовали и владѣли за оружіе; представители ихъ ходили почти официально по всѣмъ консульствамъ жаловаться на насъ; если они невинны въ смерти Джеффера, то мы все-таки можемъ судить и наказывать ихъ за другія дѣла; и если

мы привеземъ сюда Тахира, то отъ него или отъ сеиса его узнаемъ насколько русское консульство причастно этому дѣлу. Иные изъ христіанъ, приближающихся хоть сколько-нибудь къ Портѣ, думали также какъ и Сабри; Куско бей и Чуваиди совѣтовали тоже схватить бея. Каковы бы они ни были оба, но они были христіане и потому желали бы чтобы, обвинивъ Тахира или сеиса его, Турки освободили заключенныхъ представителей Нивиды.

Между тѣмъ и Благовъ не дремлетъ. Онъ дѣлаетъ все что только можно сдѣлать для этихъ захваченныхъ селянъ. Онъ обходитъ всѣхъ своихъ западныхъ товарищей и сообщаетъ имъ о томъ что христіанъ пытаются въ Портѣ, не зная еще вовсе, причастны ли они новой трагедіи въ Чамурѣ или нѣтъ. Но западные консулы не согласны между собой. Ашенбрехеръ готовъ вѣрить всему худому про Турокъ: онъ ужасается ихъ варварству, онъ говоритъ что христіанъ пытаются, онъ восклицаетъ... *c'est affreux!* но къ лашѣ по этому поводу говорить даже и дружески не идетъ. Бреше очень бы радъ растерзать всѣхъ вмѣстѣ—и лашу, и Ибрагимъ-бея, и христіанъ, и мусульманъ, и виновныхъ, и невинныхъ чтобы доказать только что Франція первая въ мірѣ держава; но съ него доляго было и того что онъ только-что извинялся лозорно предъ Благовымъ, онъ, почтенный уже лѣтами представитель Франціи предъ этимъ московскимъ „*blanc-bleu!*...“ Идти теперь еще помогать ему, ему, котораго Бреше не могъ и лично не ненавидѣть и которому, вѣроятно, завидовалъ до ярости во всѣхъ отношеніяхъ, ибо даже по внѣшности, по денежнымъ личнымъ средствамъ, по родству, по всему онъ Благову годился бы развѣ въ слуга или управляющіе имѣніемъ. Развѣ эти „лодые фанатики Греки, эти отсталые, тупые и лукавые схизматики Элароты“ не скажутъ: „вотъ все это добро отъ Благова; теперь Бреше за насъ заступается ему въ угоду!...“ Помощь Благову приходитъ оттуда откуда на этотъ разъ ея никто не ждалъ,—отъ Корбетъ-де-Леси!

Мѣры, подобныя этой попыткѣ, вредятъ прежде всего самой Турціи и несоблюденіе умѣренности въ подобныхъ случаяхъ бросаетъ невыгодный свѣтъ на турецкую администрацію въ глазахъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Это орудіе обвиненія въ рукахъ русской дипломатіи... Не надо давать ей лица и обличать ея зложелательный трудъ...

Такъ говорить, вѣроятно, г. Леси.

Рѣчь эта дѣйствуетъ на Турокъ, но христіане очень хорошо понимаютъ почему Леси помогъ на этотъ разъ Благову, и популярность Благова все растетъ и растетъ... Има его становится извѣстно и въ самыхъ дальнихъ городахъ и селахъ, и даже въ Ассинахъ, въ Акарманіи, въ Віотіи, въ Корфу... о немъ пишутъ похваляя греческія газеты, которыми онъ и не читаетъ.

Всѣ въ Эпирѣ скоро узнали что Благовъ предлагалъ другимъ консуламъ сдѣлать коллективное и вполнѣ дружеское замѣчаніе нашѣмъ насчетъ этихъ слуховъ о пыткѣ, и что сначала ни одинъ изъ нихъ на это не согласился, отъмывалось тѣмъ что Турція независима въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ,—а потомъ что, по его только настоянію, старикъ Леси надѣлъ офиціальную фуражку, выбрался еще чище чѣмъ всегда, надѣлъ перчатки и пошелъ учить Турокъ... но не человѣколюбію, а только осторожности.

Конечно Благовъ и самъ сообщилъ о разговорахъ своихъ съ консулами нѣсколькимъ архонтамъ и сверхъ того всѣмъ, жившіе въ консульствѣ, усердно ему помогали въ распространеніи по городу извѣстія о томъ что Русскій полпрежнему „бодрствуетъ“. Исаакидесъ, Коевиво, Бостанджи-оглу, каваям у которыхъ въ Явниѣ было много знакомыхъ, всѣ помогали ему; а съ своей стороны, разказалъ объ этомъ по крайней мѣрѣ двадцати, если не больше, мальчикамъ въ училищѣ, а они разумѣется тотчасъ же разнесли этотъ слухъ по семьямъ своимъ; (у насъ вѣдь и дѣти любятъ политику и понимаютъ ее гораздо лучше чѣмъ дѣти другихъ странъ и государствъ). Дѣло это было такого рода что даже враждебные Россіи Греки, нѣкоторые кулцы, доктора и учителя, на этотъ разъ по кровному чувству состраданія были на сторонѣ Россіи.

Послѣ этой попытки Благова согласить консуловъ для общей демонстраціи противъ турецкихъ порядковъ прошло два два...

Все было тихо. Жители Нивицы еще томились въ тюрьмѣ, но пытать ихъ перестали и дѣли съ нихъ сняли. Г. Благовъ уѣхалъ за шесть часовъ отъ города въ монастырь Зиццу; онъ хотѣлъ поохотиться въ его окрестностяхъ и звалъ съ собой одного каваса Ставри.

Пришелъ однажды безъ него Исаакидесъ; войдя въ мою

комнату онъ съ таинственною улыбкой, сѣлъ на мой диванъ и спросилъ:

— Какъ проводишь время, Одисей?...

Я отвѣчалъ: хорошо, благодарю васъ!...

— Все съ книгами, продолжалъ онъ, — хочешь мудрымъ стать. Хорошо! хорошо дѣлаешь!

Потомъ, помолчавъ и не сводя съ меня радостнаго взгляда, онъ вдругъ сказалъ:

— Знаешь кто убилъ Джефферъ-Дема и ранилъ слугу его?

— Сомнѣ?

— Это рука, а голова? Умъ? Это я! сказалъ, весь сіяя отъ радости, Исаакидесъ.

Помолчавъ еще и полюбозавшись на мое изумленіе, онъ подошелъ къ двери, выгладнулъ въ залъ, притворилъ дверь плотнѣе и, возвратившись на свое мѣсто, шепотомъ сказалъ мнѣ:

— Помнишь я тебѣ сказалъ недѣли три еще тому назадъ что я Благову покажу такую фигуру?... и показалъ ему Тахиръ-Аббаса. Вотъ когда я зналъ что онъ убьетъ Джефферъ-Дема!...

— Чтѣ вы мнѣ говорите! воскликнулъ я въ одно и то же время и съ ужасомъ, и съ радостью, и съ почтеніемъ къ смѣлости и византийской пронырливости моего собесѣдника.

Я не понималъ рѣшительно почему это многіе люди говорили что онъ не умеетъ.

— Скажите, скажите! воскликнулъ я страстно какъ это было? Скажите мнѣ чтобъ я на ваши глазки радовался!..

— Какъ это было? Изволь, тебѣ я все скажу! Я тебя люблю, Одисей. Тахиръ говорилъ мнѣ о своей родовой ненависти къ Джефферу; я его возбуждалъ. Онъ сказалъ мнѣ: „Еслибъ у меня была защита, я убилъ бы этого мальчишку!“ Благову я не рѣшился ни слова сказать, опасаясь что онъ послѣ этого Тахиръ-Аббаса не приметъ... Тахиръ-Аббасу я только посоветовалъ познакомиться съ Благовымъ. Вотъ онъ и былъ у него съ визитомъ. Но Благовъ тоже очень искусенъ. Тахиръ началъ бранить турецкое начальство, а Благовъ сталъ защищать; пашу очень хвалилъ, Ибрагима тоже. Я навелъ разговоръ на преступленіе Джеффера, и Тахиръ воспламенился огнемъ и воскликнулъ: „Я, вѣфендимъ... убилъ бы этого мальчишку еслибъ у меня была защита...“ А дьяволо-Благовъ ему очень сухо: „Кто жъ васъ

защитить?" Тахиръ охладѣлъ. Но я потомъ сказалъ ему: „Вы свое дѣло дѣлайте, а я свое буду знать!“— „Чтобъ я не пропалъ?“ сказалъ Тахиръ... „Хуже этого дѣлали такіе страшные палікары какъ вы и не пропадали... Вамъ ли бояться!..“ Вотъ какъ было дѣло...

— Такъ что же вы молчали! воскликнулъ я.—Христіанъ пытали два три, а настоящій убійца свободенъ.

— Добрый мой! отвѣчалъ Исаакидесь.—Что христіанъ этихъ немного попытали, это не великое зло! Чтò жь, отъ горячихъ лицъ этихъ, и отъ большихъ дѣлеѣ, и отъ узкихъ шкафовъ въ три дня не умрутъ. А для національнаго дѣла это полезно. Надо чтобы народъ чувствовалъ ярмо на шеѣ своей... Не третъ ярмо, народъ утихаетъ и дѣло свободы забывается надолго....

Я не зналъ ужасаться ли мнѣ этихъ рѣчей, или восхищаться ими; но я чувствовалъ что въ нихъ была печальная и страшная истина.... Я глядѣлъ съ недоумѣніемъ и даже съ почтительнымъ страхомъ на этого некрасиваго и неопрятнаго человѣка, на его длинный красноватый носъ, на рыжіе усы его „криво пробритые подъ носомъ“, на маленькіе и сверкающіе глаза его, которые отъ радости что пришлось принять участіе въ такой таинственной и кровавой интригѣ почти ссадоостраство глядѣли на меня.

— Видишь, Одиссей, самъ Господь Богъ помогаетъ намъ! продолжалъ этотъ политическій развратитель мой:—Турокъ Турка пожираетъ! И христіанамъ эта попытка урокъ полезный.... Погоди, я еще консула нашего увѣщаю новою славою.... Пусть онъ ломается и пусть остерегается.... Я сдѣлаю все! А слава пусть будетъ ему и Россіи... Чтò за дьяволъ! Эти Русскіе послѣ Севастополя стали всего бояться!.. Любопытное дѣло!.. Англичане не побоялись русскаго посла въ Тегеранѣ убить... Они возбудили Персіанъ. Австрійцы князя Черногорскаго убили... Французы, Мавромихало, убійцу Калодистріи, хотѣли защитить. Одни только Русскіе не хотятъ ничего подобнаго... Даже и такой молодецъ какъ Баговъ не смѣетъ войти ни во чтò подобное... Но безъ этого какъ дѣлать великія дѣла?.. Какая тутъ бѣда? Долго не можетъ быть скрыто, кто настоящій убійца, и долго христіанъ мучить не будутъ потому... хотимъ—предадимъ Тахиръ-Аббаса, хотимъ—спасемъ... Граница Элады

близка!... Понимаешь... Я сказалъ: „понимаю!“ и продолжалъ размышлять.

Тогда Исаакидесъ, взявъ мою руку, сказалъ мнѣ еще одно очень пріятное слово:

— Знаешь, Одиссей что... Зачѣмъ этой драки Бостанджи-огау сидѣть тутъ въ консульствѣ? У него нѣтъ никакихъ способностей?... Турки смѣются надъ нимъ въ Портѣ... Консульству надо хорошихъ помощниковъ. Отецъ твой не ѣдетъ; а еслибъ и пріѣхалъ, чѣмъ больше орудій, чѣмъ больше агентовъ тѣмъ лучше. Надо бы тебѣ стать лицомъ на мѣсто Бостанджи-огау; ты получалъ бы опредѣленное жалованье, имѣлъ бы вѣсъ; хотя ты моложе его много, но ты самъ знаешь что ты гораздо умнѣе его. Твоя пріятная наружность, твоя юность—хорошая рекомендація въ Портѣ.... Мы вмѣстѣ сдѣлали бы многое множество великихъ и патріотическихъ дѣлъ... Позднѣе ты могъ бы самъ стать драгоманомъ... Брось эти книги! Конечно, наука вещь хорошая, но у тебя родители старѣютъ; ты турецкій подданный хорошо съ равныхъ лѣтъ взялся за практическія дѣла... Что тебѣ учителемъ быть?... Подумай, нельзя ли прогнать Бостанджи-огау?...

Я былъ сильно взволнованъ этою дествомъ и себязвительною рѣчью и отвѣчалъ, краснѣя и потупляя очи:

— Онъ знаетъ хорошо языки, знаетъ по-русски, онъ опытенъ. Я не могу еще такъ скоро его замѣнить... Г. Благовъ его любитъ.

— Очень Благову нужно его любить!.. А переписываешь и ты, даже съ французскаго, прекрасно... Впрочемъ—какъ знаешь... Я тебѣ сказалъ мою мысль... А насчетъ тяжбы Шерифъ-бея дѣло наше еще не кончено... Можно и возобновить его въ добрый часъ... только бы Благовъ былъ нами доволенъ.

Послѣ этого Исаакидесъ взглянулъ на часы, — сказалъ что онъ ждетъ письма отъ Тахира и, въ случаѣ чего-нибудь особаго, надѣется и мнѣ найти дѣло въ этихъ важныхъ событіяхъ...

— Благовъ, дьяволъ, на охоту не кстатѣ уѣхалъ, сказалъ онъ уходя....—Мнѣ это очень непріятно... Онъ не знаетъ какъ это все важно и что моя голова задумала... Кого въ случаѣ нужды я пошлю къ нему кромѣ тебя? Бостанджи, этого дурака, я ни за что не пошлю. Самому мнѣ ѣхать нельзя.

Я здѣсь буду нуженъ... Смотри не отлучайся; я и консула и Россію прославлю безо всякаго со стороны Благова старанія... и тебя выведу въ люди...

Онъ ушелъ послѣ этого въ Порту по дѣламъ, а я остался одинъ въ раздумьѣ и въ самокъ дѣлѣ не могъ уже заниматься больше книгами.

И дѣйствительно, что же это все читать и читать о томъ какъ былъ хитеръThemistocles, и какъ былъ Alcibiades изащель и смѣль, какъ былъ Demosthenes красворѣчивъ, и какіе подвижники для отчизны были въ древнее время Спартанцы и Афиняне, даже въ такія юныя лѣта какъ мы...

Не пріятнѣ ли дѣйствовать чѣмъ читать о дѣйствіяхъ другихъ? Не пріятнѣ ли быть хитрымъ какъ Исаакидесъ, и умѣть даже для общей пользы православія компрометтировать самихъ Русскихъ, которымъ служишь, опутать сѣтями цитриги даже такого умнаго и самобытнаго человѣка какъ Благовъ и, повидимому, повинаясь ему, перенося даже отъ него оскорбленія, ставить его самого не въ то положеніе котораго бы онъ искалъ, изъ обязательной (если не изъ личной) осторожности, и въ то въ которое *вынудили его стать мои тайныя, неизвѣстныя ему дѣйствія и слова!*

А усы кривые?.. и грязный сюртукъ... Это дѣло другое. У меня, я ручаюсь, усы никогда кривыми не будутъ, и въ новомъ европейскомъ платкѣ я сію и краеуюсь такъ что всѣ люди, любясь на меня, говорятъ: Что за прекрасный, стройный юноша Одиссей! Стань его какъ литой изъ мѣди! и очи чернобровыя, и щеки свѣжія!

Еслибы въ этотъ вечеръ я встрѣтилъ Вельху (о Боже!), всему былъ бы конецъ!.. Такъ я былъ и гордъ, и бодръ, и дерзокъ!... Всему былъ бы тотъ *конецъ* или бы то *начало* котораго желалъ поваръ Вассо и на которое указывала намеками сама вѣдьма, ея мать. И Благову было бы гораздо меньше грѣха...

Я даже пошелъ подъ вечеръ съ самымъ серьезнымъ видомъ по дорогѣ въ Канлы - Чешме, на мокатый путь порока, въ ея переулочекъ... Но (прошу тебя, мой другъ, не шути этимъ)... но, проходя мимо церкви Св. Николая, гдѣ я началъ, подъ крылами отца Арсенія, свою жизнь въ Яникѣ, я почувствовалъ неодолимое желаніе войти на дворъ и взглянуть на церковь и на то окно за я жилъ еще такъ недавно—по счету и мѣсяцевъ

и дней,—годъ и годъ цѣлые тому назадъ по обилію разнообразныхъ встрѣчъ и новыхъ чувствъ, постепенно и глубоко перерождавшихъ меня!...

Я взошелъ на дворъ, поглядѣлъ вокругъ: въ окнахъ отъ Арсенія огня еще не было; на звонкомъ и обширномъ дворѣ не было ни души. Изъ промежутковъ между старыми плитами его росла такъ кротко давно знакомая мнѣ и все та же трава. Большіе, толстые столбы церковнаго явѣса стояли такъ мирно и непоколебимо въ своемъ прочномъ величии. А за церковью, какъ робкое стадо, у стѣны ея, стадо духовное: деревянные саркофаги, въ которыхъ за стекломъ теплятся, по старому обычаю, лампады. Эти, то же хорошо мнѣ извѣстная во дни моей чистоты, могильныя лампады, эти вечернія звѣзды безгрѣшной, родственной любви!... Огоньки ихъ были такъ слабы, такъ трепетны, такъ жалки, такъ легко угасимы!...

Я постоялъ, задумался, вздохнулъ глубоко, всломивалъ о матери... и не пошелъ въ Каналы-Чешме.

Прошу и умоляю тебя еще разъ, мой милый, молодой мой другъ, дая твоей собственной пользы, не смѣйся, не улыбайся даже, не слѣши глупить высококомѣрно, а подумай... подумай, прошу я тебя!...

XVII

На слѣдующій день, въ самый полдень, въ ту самую минуту когда все мы, ученики, толпой выходили изъ училища, я увидалъ что на улицѣ ждетъ меня Алеко.

— Иди скорѣе въ консульство, сказалъ онъ мнѣ тихо.— Г. Исаакидесъ прислалъ за тобой. Есть дѣло.

Я пошелъ скорѣе, но Исаакидеса уже не было. Не дождавшись меня, онъ ушелъ изъ консульства. Кольцо накрылъ мнѣ одному, точно господину дома, на столѣ въ столовой съ обичною чистотой и торжественностью, и поваръ Вассо приготовилъ мнѣ, въ отсутствіи Благова, прекрасный завтракъ не хуже обичновеннаго; даже фрукты стояли въ вазѣ на столѣ.

Никогда еще этого не случилось чтобъ я такъ господствовалъ одинъ за консульскимъ столомъ! Я взглянулъ на эти приготовления и мнѣ показалось что тѣ горожане которые звали меня „сынъ души Русскаго“ были правы...

Но мнѣ не суждено было: есть за этотъ для меня одного приготовленный изящный столъ.

Вешель полъ Кѣста быстрыми шагами и, выразительно указавъ мнѣ на дверь моей комнаты, шепнулъ: „Иди сюда! Дѣло есть!“

Мы затворились и полъ Кѣста оказалъ мнѣ:

— Одиссей! Тахиръ-Аббаса сегодня ночью схватили... Турки... Мы должны его спасти... Не посрамятъ имени этого консульства котораго хлѣбъ мы всѣ ѣдимъ...

— Что же дѣлать? спросилъ я.

— Надо скорѣе ѣхать тебѣ къ Благову... Вмигъ доѣхать, вмигъ вернуться и сказать ему такъ: „Исаакидесъ и полъ Кѣста прислали меня вамъ сообщить вотъ то-то и то-то. Къ вечеру сегодня Тахира привезутъ въ Янну. Его обвиняютъ въ убійствѣ Джеффера и въ возбужденіи христіанъ къ возстанію. Онъ нашъ. Позвольте спасти его...“

Я отвѣчалъ на это что я не могу рѣшительно ѣхать безъ приказанія драгомана Исаакидеса, что это дѣло очень важное; я турецкій подданный, и мнѣ нужно знать, по крайней мѣрѣ, не по лустому ли я рискую быть послѣ гонимымъ Турками за мое вмѣшательство...

— Ты правъ! воскликнулъ полъ и ушелъ.

Но возвратившись еще на мгновеніе, онъ строго сказалъ мнѣ:

— Смотри! Даже ни „кххъ!“ никому не сдѣлай объ этомъ. Головы наши береги... не ты одинъ турецкій подданный и я тоже.

И опять ушелъ.

Я сѣлъ за столъ, и Кольйо, подавъ мнѣ первое кушанье, тоже сѣлъ на диванъ и сказалъ мнѣ:

— Знаешь, Одиссей, что я тебѣ скажу про Зельху?—Сегодня ея мать была внизу у повара Вассо и жаловалась намъ что Зельха начала лить вино и недавно напилась пьяна на одной свадьбѣ гдѣ плясала... плясала и чуть-чуть не упала... Старуха очень огорчается и говоритъ: „хоть бы г. Одиссей уговорилъ ее; побранилъ бы ее. Она его послушается“. И я пожалѣлъ (прибавилъ Кольйо). Жалкая вещь, когда такая дѣвушка, еще маленькая почти, и льетъ! противная вещь!..

— Неужели это правда? сказалъ я, оставляя на минуту кушанье...

— Чего ты хочешь, когда сама мать говорить, возразилъ Кольцо.

Я замолчалъ, задумался, но въ эту минуту полкъ Коста олять почти-что вбѣжалъ и подавъ мнѣ записку отъ Исаакидеса:

„К. Одиссей, дѣлай во имя Христа, прошу тебя, безотлагательно то что тебѣ онъ скажетъ. Кому мы безъ тебя доверимъ? Взять надо въ Зиццу къ Благому скорѣе... Мнѣ невозможно!...“

Твой другъ Исаакидесъ.

Олять исторія. Олять политическое дѣло! и это еще хуже, еще опаснѣе, еще важнѣе!...

Но... теперъ тутъ Благовъ... Подъ крылами и подъ плечьями его наступлю на аспида и василиска и попру ногами льва и змѣя...

Я готовъ!

Византийскія вчерашнія внушенія Исаакидеса проникли глубоко, глубоко въ мое сердце. Еще шагъ въ тайной борьбѣ противъ невѣрной власти... еще одинъ сильный напоръ плечомъ на камень Сизифа... еще, еще одна ступень!..

Взять я готовъ.... Пусть дають мнѣ проводника вѣрнаго и коля быстрогого....

Raf! c'est mon cheval qu'on apprête....

Отъ страха, радости, отваги и волненія я теряю аплетить, я забываю и фрукты, и нравственное паденіе моеи тоненькой и милой баадерки!

Но это было еще не все—рѣшиться взать. Съ кѣмъ мнѣ взать? Я дороги въ Зиццу не знаю хорошо. А пути шесть часовъ шагомъ; слѣша можно довзать и въ четыре часа... но и то не будетъ ли поздно? Кого взать съ собой?.. Кого?..

Полкъ Кдста рѣшаетъ такъ: взать непремѣнно Маноли-каваса, но не говорить ему ни слова. „У него языкъ длиненъ“, говоритъ полкъ Кдста съ глубокимъ презрѣніемъ; „онъ хватиться будетъ.“

Маноли въ Портѣ ле тяжбынымъ дѣламъ вмѣстѣ съ Исаакидесомъ.

Какъ быть? Какъ быть! О Боже! Время такъ дорого!... Бея могутъ привезти въ самую Янину, а мы не успѣемъ подать ему руку помощи вовремя....

Исаакидесъ возвращается изъ Порты блѣдный отъ волненія. Онъ почти вбѣгаетъ, задыхаясь, на лѣстницу.

— Что же вы делаете тут? Что вы делаете! восклицает онъ съ отчаяніемъ.—Я думалъ Одиссей въ Зиццѣ....

— Онъ не знаетъ дороги! говоритъ онъ отчаяніемъ полъ Кюста.—Нельзя ли знать Анастасія отсюда....

— Стой! стой! восклицаетъ Исаакидесъ и зоветъ послѣднимъ Анастасія....

Анастасій человѣкъ уже пожилой, ограниченный, медленный, недогадливый, честный, даже глухой; широкое, румяное лице его съ большими белокурими усами не похоже на тѣ греческія лица къ которымъ вы привыкли на югѣ, онъ больше похожъ на солиднаго простаго Нѣмца или на Русскаго, серьезнаго нрава, чѣмъ на пылаго Эллина.

Родомъ—онъ Эпиротъ, онъ служилъ нѣсколько лѣтъ солдатомъ по охотѣ въ ополченій Греціи; онъ читаетъ газеты, онъ самый грамотный, но за то и самый глухой изъ воиновъ трехъ кавасовъ нашихъ. Но онъ человѣкъ твердый, исполнитель точный, если только понялъ что надо дѣлать; онъ воиновъ хладнокровный и безстрашный....

Говоритъ онъ очень мало; иногда кажется что онъ едва умѣетъ говорить.

Мы все четверо замираемъ, и полъ Кюста говоритъ ему съ улыбкой:

— Биръ-Анастасій, на тебя вся надежда наша. Великое дѣло! Великая тайна.... Спасемъ вѣнотъ Тахиръ-бей.

Полъ говоритъ съ жаромъ, глаза его мечутъ искры... мы съ Исаакидесомъ ждемъ что изречетъ Анастасій.

Лицо Анастасія все также свѣтло, тихо, ровно и чисто....

— Можно спасти! отвѣчаетъ онъ.

— Неправда ли можно? воскликнулъ Исаакидесъ.

— Надо у консула спросить, отвѣчаетъ Анастасій....

— Кого послать? Кого послать къ консулу съ запиской? почти съ отчаяніемъ говорятъ Исаакидесъ.—Одиссей не знаетъ дороги...

— Бостанджи - огау пошлите, говоритъ простодушный Анастасій.

Но Исаакидесъ и полъ Кюста въ одинъ голосъ восклицаютъ: „Ни за что! Ни за что!... Дуракъ.... Онъ съ лошади упадетъ. Онъ станетъ спорить съ нами, подлецъ, авансера.... Онъ потеряетъ время.“

Опять рѣшаются послать за Маломъ въ Порту и отправить меня съ нимъ вѣнотъ къ Баагову въ Зиццу. Хорошо! Хорошо! Теперь все согласны.

Мальчикъ Алексѣ ѡбъѣтъ за Мамолу; ему приказано лѣтъ пять и просить, умолять Мамолу приходить скорѣе... Полъ Кѣста самъ слѣзнуть, между тѣмъ, въ халъ валять валять двухъ лучшихъ лошадей. Исаакидесъ общаетъ своихъ денегъ прилаять, только бы не опоздали.

Я надѣваю сапоги и готовуюсь къ отъѣзду.

Исаакидесъ пишетъ консулу письмо и запечатываетъ его. Онъ говоритъ Анастасія вѣзъ; онъ говоритъ ему:

— Придетъ вдругъ Мамолу, увидитъ что насъ здѣсь столько собралось и скажетъ: „Это что за дѣла.“ — Иди, иди!

Анастасій уходитъ также равнодушно и тако какъ пришелъ.

Мы безпрестанно смотримъ на часы, смотримъ въ окно, не идетъ ли Мамолу, прислушиваемся, не стучать ли копыта конокія у воротъ?...

Наконецъ и копыта застучали, Мамолу пришелъ. Полъ Кѣста не показывается пока... Видно для того чтобы люди даже и въ консульствѣ не знали какое такое дѣло, чтобы ничего не было замѣтно.

Мамолу входитъ...

— Что случилось, господинъ Исаакидесъ? спрашиваетъ онъ.

— А! Киръ-Мамолу! вкрадчиво говоритъ ему Исаакидесъ, любезный другъ! Пожалуста, мнѣ просимъ тебя: проводи нашего лалкара (указывая на меня) въ Зиццу къ консулу. Консулъ велѣлъ ему прѣвхать, прислалъ записку, а онъ одинъ не найдетъ дороги. Позволь мнѣ, калитане мой, предложить тебѣ эти денежки за лошадь... Я велѣлъ отличную тебѣ валять... Самъ полъ Кѣста ходилъ за лошадьми чтобы угодить консулу...

— Что такое случилось? спрашиваетъ съ улыбкой Мамолу,— что г. Благовъ такъ хочетъ Одиссея видѣть!... Э! хорошо! Поѣдемъ, Одиссей! Пусть будетъ такъ!...

Въ залѣ Исаакидесъ еще разъ остановилъ меня и шепчетъ: „Именемъ Божиимъ умоляю тебя — скажи консулу чтобы онъ задержалъ въ Зиццѣ Мамолу, а сюда прислалъ бы намъ Ставри... Ставри съ Анастасіемъ сдѣлаютъ дѣло... Не забудь—именемъ Божиимъ...“

— Будьте покойны, будьте покойны! говорю я.

Вышла еще одна маленькая неприятность и небольшая задержка: въ ту минуту, когда мы съ Мамолу уже были на коняхъ, явился Бостанджи-оглу.

— Куда это, куда! воскликнул онъ съ изумленіемъ.

— Консулъ велѣлъ Одиссея привезти! просто отвѣчают Маголи со словъ Исаакидеса.

Исаакидесь стоялъ самъ у дверей; Анастасій поправлялъ мнѣ подругу.

— Чтò это такое! жалобно возопилъ Бостанджи...—всѣхъ кавасовъ берутъ отсюда.. Развѣ съ однимъ Анастасіемъ можно.. Я буду жаловаться.

— Зачѣмъ ты оскорбляешь господина Анастасія? гнѣвно возразилъ Исаакидесь.—Чѣмъ же онъ не ясакчи? Чѣмъ не кавасъ?.. И чтò ты смѣешь теперь, когда я здѣсь?..

— Я смѣю, я тружусь... ва!—кричалъ Бостанджи..

— Молчи! молчи! кричалъ Исаакидесь.

Но голоть нашихъ лошадей заглушила ихъ крики и я больше не слышалъ ихъ спора.

Когда мы обычнымъ шагомъ выѣхали за городъ, я сказалъ, обращаясь къ спутнику моему: „Господинъ Маголи, поскачемъ... Я слѣшу!

— Чтò такое? Чтò за дѣло слѣшное? спрашивалъ онъ, старая любобитствомъ.

— Не знаю! отвѣчалъ я, пожимая плечами.—Приказали скорѣе... надо ѣхать... Айда! айда!...

И я погонялъ лошадь вскачь. — Маголи, все спрашивая, все смѣясь двусмысленно, все подозрѣвая, мчался за мною...

Дорога въ Зиццу сначала идетъ вдоль узкой Явниской долины и около часу или болѣе такъ ровна что можно ѣхать по ней въ колесномъ экипажѣ, но потомъ крутымъ поворотомъ она углубляется въ каменистое и хотя и не глубокое, но мрачное и унылое ущелье, и только немного не доѣзжая сосцевиднаго холма Зиццы, вослѣдстаго лордомъ Байрономъ, она опять идетъ между обработанными и низменными виноградниками и вдоль веселыхъ и густыхъ живыхъ изгородей, лѣтомъ покрытыхъ цвѣтами.

Круглый холмъ, увѣнчанный роцей огромныхъ дубовъ, вязовъ и тополей, чернѣетъ темнымъ сосцомъ еще издали, на горизонтѣ...

Много мнѣ было хлопотъ и борьбъ дорогой съ Маголи. Подозрѣвая справедливо что отъ него что-то важное, и удивительное, и политическое скрываютъ (отъ него столь любобитнаго, отъ него, кавасъ-баши, отъ него вѣрнаго слуги Царскаго), Маголи всю дорогу то терзалъ меня волпросами

и догадками, то удивлялся почему это полкъ Кбста самъ принималъ лошадей? Что-нибудь есть тутъ! Полкъ Кбста ему, Маволи, врагъ смертельный и къ тому же извѣстный разбойникъ и даже предатель. Онъ, Маволи, вѣрно знаетъ что полкъ Кбста во время нашествія эллинскихъ добровольцевъ на Эпиръ въ 1854мъ году предалъ Гриваса-Абди пашѣ, который и напалъ на Грековъ въ селѣ Коциаль“...

— Полкъ Кбста врагъ мнѣ великій, онъ врагъ мнѣ! повторялъ Маволи.

— Онъ врагъ тебѣ, но онъ мнѣ не врагъ, я просилъ его нанять лошадей, отвѣчалъ я ему, все подгоняя лошадь.

Потомъ Маволи, недовольный и разсерженный, сталъ говорить что такъ гнать лошадей нельзя, что онъ уладитъ и издохнутъ,—кто за нихъ платитъ будетъ тогда.

— Я человекъ не столько богатый... и хотъ, конечно, я имѣю въ городѣ прекрасную собственность... и даже купилъ двѣнадцать европейскихъ стульевъ у прежняго австрійскаго консула, когда онъ, уѣзжая, продавалъ свои вещи... имѣю что-нибудь. Имѣю три ковра.. Стой, Одиссей, не бей лошадь... Я тебѣ говорю, испортимъ мы лошадей...

Но эту рѣчь держалъ онъ мнѣ тогда когда хомятъ Зицскій уже чернѣлъ на небосклонѣ; я, видя его, заблудиться не опасался и потому рѣшился всѣ жалобы Маволи пресѣчь довольно рѣзко; я сказалъ ему такъ:

— Если тебѣ, киръ-Маволи, не угодно скоро ѣхать... мнѣ все равно... Я Зиццу вижу; ты оставайся, а я поѣду, и если г. Благовъ будетъ тобой недоволенъ, не моя вина...

Съ этими словами я обогналъ его. Маволи смирился и поспѣшилъ за мной.

Наконецъ мы взобрались на вершину самаго монастырскаго холма и вошли на монастырскій дворъ.—Солнце было уже довольно низко, но до ночи было еще далеко. Монахи намъ сказали что консулъ давно вернулся съ охоты и, лежа на коврѣ подъ деревомъ въ виноградникѣ направо, читаетъ книгу.

Одинъ изъ монаховъ прибавилъ, улыбаясь:

— У него въ этотъ разъ вѣтъ *кейфа*. Скучаетъ. Прежде онъ любилъ говорить съ нами, а теперь все удаляется, все молчитъ, все читаетъ; даже на охоту мало ходитъ... Въ церкви ни разу не былъ. Все ходитъ одинъ по садамъ и дорогамъ и все читаетъ книги... Что съ нимъ такое?

Я отвѣчалъ, конечно, что не знаю и послѣднимъ отыскать Благова.

Онъ въ самомъ дѣлѣ лежалъ, прислонившись къ диванной подушкѣ, на красномъ коврѣ подъ огромнымъ деревомъ и держалъ книгу. Книга эта была *Чапмльде-Гарольде*.

Увидавъ меня онъ привсталъ и къ удивленію моему какъ будто очень мнѣ обрадовался....

— А! Это ты, Одиссей... Очень радъ.... очень радъ.... Какъ это ты сюда пріѣхалъ?... Что случилось?..

Онъ пригласилъ меня сѣсть, и я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

Въ запискѣ Исаакидеса къ Благову не было изложено самое дѣло; Исаакидесъ вѣроятно остерегался предавать бумагѣ соображенія и факты которые могли повредить и ему самому, и консульству, и мнѣ, еслибы записка какимъ-нибудь случаемъ затерялась и попала бы въ турецкія, австрійскія или англійскія руки. Онъ просилъ только г. Благова вѣрить мнѣ, увѣрялъ что я все дѣло и весь планъ дѣйствія знаю хорошо и что на меня, несмотря на молодость мою, положиться можно.

— Разказывай! сказалъ мнѣ Благовъ, когда я ему прочелъ записку (самъ онъ греческія рукописи разбирать не могъ хорошо).

Я сказалъ что завтра, вѣроятно, привезутъ Тахиръ-бея подъ стражей въ Янину и что Исаакидесъ и полкъ Кдста берутся спасти его, если консулъ позволитъ. Необходимо только отправить каваса Ставри въ городъ, потому что безъ него сдѣлать ничего нельзя. Я прибавилъ что надо слѣшить.

Благовъ погрузился въ раздумье... Вѣроятно онъ спрашивалъ себя мысленно, чѣмъ онъ долженъ быть въ этомъ случаѣ—дипломатомъ только, строгимъ ко всѣмъ правиламъ и обычаямъ международныхъ сношеній, или же политикомъ неистощимымъ на ресурсы для утвержденія своей популярности въ странѣ оппозиціонной и православной?..

Онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на меня пристально и олять, задумавшись, молча, продолжалъ играть концомъ своего пояса на русской рубашкѣ.

Я почтительно ждалъ его рѣшенія. Молчаніе его, однако, продолжалось не долго. Онъ спросилъ меня прежде

всего о томъ, отчего же это меня прислали сюда, а не Бостанджи...

— Почему они, то-есть Исаакидесъ и полкъ Коста, до вѣриды все это тебѣ, если они считаютъ это дѣло такимъ серьезнымъ? Есть служащій постарше тебя въ консульствѣ—Бостанджи-оглу... Если драгоману самому неавья было оставить консульства вовсе пустымъ, то онъ могъ его прислать? Почему это?

Кровь прилила мнѣ въ лицо отъ оскорбленнаго самолюбія, когда я услышалъ эти слова; но, искусно сдерживая себя, я отвѣтилъ Благову довольно твердо и толково (даже съ улыбкой):

— Бостанджи ладаетъ съ лошадю; надо было слѣшнить сюда... И потомъ, поколебавшись чуть-чуть, прибавилъ: Да ему никто и не вѣрить. Его всѣ считаютъ и глупымъ, и хвастуномъ, и даже предателемъ...

Благовъ взглянулъ на меня еще разъ внимательно, какъ будто онъ хотѣлъ провѣить меня своимъ взглядомъ до глубины сердца, и сказалъ:

— Да, съ лошади онъ, пожалуй, упалъ бы и что онъ очень гауль—такъ и это правда. Позови сюда скорѣе Ставри.

Я побѣжалъ и привелъ Ставри.

— Слушай, Ставри, сказалъ ему консулъ—Исаакидесъ и полкъ Коста желаютъ сласти Тахиръ-Аббаса, котораго Турки должны завтра подъ стражей привезти въ городъ.— Они спрашиваютъ моего позволенія. Я очень буду радъ если это имъ удастся, но брать на себя отвѣтственность за это дѣло я не желаю.— Я его не знаю и знать не хочу... Понимаешь?

Морщинистое и блѣдное лицо стараго разбойника озарилось самою пріятною, вѣжливую и тонкою улыбкой.

— Конечно, понимаю, отвѣтилъ онъ.— На что вамъ знать объ этомъ дѣлѣ. Если мы попадемся—вы не защищайте насъ. А если не попадемся—вы наградите насъ немвожко, ваше сіятельство...

— Я васъ всѣхъ прогоню если вы попадетесь, сказалъ строго Благовъ.

— Есть Богъ! возразилъ Ставри.

— Какъ же вы это сдѣаете? спросилъ консулъ.

Ставри предложилъ мнѣ вѣсколько вопросовъ: когда ждуть

Тахиръ-бей въ городъ? Откуда эти извѣстiя? Согласенъ ли Анастасiй принять въ этомъ дѣлѣ участiе?...

И когда я ему на все это удовлетворительно отвѣтилъ, Ставри, все не переставая улыбаться своею тонкою улыбкой, полу-любезною, полу-забыною, оказалъ:

— Надо будетъ дать знать Тахиръ-Аббасу что я и Анастасiй будемъ ждать его въ хану — въ послѣднемъ, отъ котораго де Янныи не больше часу... А тамъ мы ужъ сдѣлаемъ дѣло...

— Какъ хотите, оказалъ консулъ. — Я не считаю себя въ правѣ запрещать вамъ спасти человека который былъ на сторонѣ христiанъ въ Чахурѣ и, еслибъ я не былъ консуломъ, я съ удовольствiемъ самъ вмѣстѣ съ вами ждалъ бы его въ этомъ хану; но помните: если у васъ будетъ какая-нибудь вооруженная схватка со стражей, то мнѣ васъ защитить будетъ невозможно и самое большее что я въ силахъ буду сдѣлать тогда, это отправить васъ обоихъ секретно въ Элладу или въ Россiю, а если васъ захватятъ, напримѣръ, Турки и отведутъ къ лашѣ, то вотъ что: хотя по трактатамъ кавасы и драгоманъ неприкосновенны, но вѣдь и вырывать силой изъ рукъ правительства людей, которыхъ оно взяло подъ охрану, въ мирное время невозможно, и мнѣ тогда, если васъ схватятъ и посадятъ въ тюрьму, придется отъ васъ отречься. Помните это; помните, что я ничего не знаю, но мѣшать вамъ дѣлать что вы хотите, не буду...

Ставри презрительно отвѣчалъ на это:

— Зачѣмъ силой брать... мы не дураки... и намъ въ Элладу или Россiю бѣжать не выгодно; у насъ здѣсь собственность есть, и здѣсь наши родные. — Такъ я поѣду?

— Это не мое дѣло повторилъ Благовъ и вставъ пошелъ внутрь монастыря и продиктовалъ мнѣ по-гречески небольшую записку Исаакидесу:

„Я ничего знать не хочу. Это ваше дѣло“!

Благовъ.

Потомъ, отдавая записку Ставри, онъ еще разъ прибавилъ на словахъ: „А кончите все хорошо, разумѣется я буду очень радъ“!

Мнѣ консулъ приказалъ оставаться въ Зидцѣ чтобы не были замѣтны эти безпрестанные разѣзды туда и сюда лицъ служащихъ при консульствѣ.

Киръ-Ставри тотчасъ же собрался въ путь и сталъ сѣдлать своего злаго бѣлаго жеребца, разубраннаго красными кистями. Я пошелъ помогать ему и послѣднью укладывалъ его сунду. Манолу молча и печально присутствовалъ при всемъ этомъ, и выраженіе добраго и измѣнчиваго лица его было такъ жалобно, такъ дѣтски-малодушно что мнѣ было его очень жалко. Любопытство и самолюбіе продолжали пожирать его.

Ставри кажется почувствовалъ то же что и я; потому что, сѣдлавъ коня своего, онъ ударилъ слегка рукой по сѣдау и сказалъ, обращаясь къ нему:

— Такъ-то, киръ-Манолу!... подтяну попрочнѣе подругу и, если нужно, сердечному Тахиръ-Аббасу своего жеребца отдамъ.... Пусть на немъ бѣжить до эллипской границы?... Не такъ ли!... Пусть Турки долаются!...

Манолу покраснѣлъ и отвѣчалъ норовисто:

— И позволяетъ это консулъ?...

— Безъ позволенія какъ бы мы дѣлали?... Аджіо!

И старикъ, взлетѣвъ на лошадь какъ юноша, сталъ осторожнымъ шагомъ спускаться съ холма; а проводилъ его немного подъ горку и спросилъ у него:— Вы сказали Манолу о Тахиръ-Аббасѣ; а мы не говорили ему.... Хорошо это?

— Въ городѣ вы молчали—это хорошо, отвѣчалъ Ставри.—Киръ-Манолу иногда многорѣчивъ безвременно; а теперь онъ остается здѣсь. Зачѣмъ оскорблять его? Онъ не предатель.... Хуже бы разсердился, узнавъ стороною....

Я понялъ что Ставри былъ очень тонкій политикъ и, одобривъ его соображенія, пожалъ ему руку, пожелавъ успѣха въ опасномъ и цекотаивомъ дѣлѣ, взятомъ имъ на себя....

Ставри исчезъ за поворотомъ вьютообразной дороги, спускавшейся съ Зицскаго холма; довольно долго его не было видно и съ вершины; но потомъ, доѣхавъ до равнины, онъ лустился вихремъ вскачь по Явнскому пути и я, присловившись къ огромному вязу у монастырскихъ стѣвъ, долго любовался какъ мелькалъ то туда, то сюда, ввызу и вдаль его бѣлый конь между деревьями и густыми кустами, еще нагими въ это время года. Я привалъ такое живое участіе въ этомъ драматическомъ предпріятіи что только и думалъ въ эту минуту о томъ, спасутъ ли они страшнаго Тахиръ-Аббаса или нѣтъ и какъ они это сдѣлаютъ.

Что сдѣлають Турки и что скажутъ Англичане и Французы, когда догадаются что русское консульство такъ неправильно по формѣ, но такъ усадительно для оппозиционныхъ чувствъ и взглядовъ христіанскаго населенія, вмѣшалось въ это темное и запутанное дѣло убійства на повѣстической родинѣ моего милаго Кольцо?.. Я жалѣлъ даже зачѣмъ Благовъ удержалъ меня въ Цицѣ, зачѣмъ я не могу приять до конца дѣятельнаго участія въ этомъ молодецкомъ предпріятіи, и даже не тотчасъ узнаю чѣмъ оно кончилось...

XVIII.

Я стоялъ и долго, взирая съ высоты на широкую, безмолвную и разноцвѣтную долину въ неизобразимой прелести стелавшуюся у подножія Зарскаго холма; бѣлый комъ стараго каваса давно уже исчезъ изъ глазъ моихъ... Я задумался глубоко и, сѣвъ на землѣ подъ вѣтромъ, вспомнилъ вдругъ о томъ какая глубокая разница между низкою и подлою безвравственностью Куско-бея, покупавшаго безъ разбора за деньги бѣдныхъ и невинныхъ невольницъ, и безвравственностью Благова, къ которой присоединилось въ характерѣ его столько рыцарскаго, великодушнаго и даже въ тѣхъ отношеніяхъ столько христіанскаго чувства!.. Я чувствовалъ, что такая безвравственность, вовсе для меня новая, начинаетъ мнѣ чрезвычайно нравиться, и что нельзя назвать низкимъ и безусловно даже грѣшимымъ человѣкомъ который въ эти еще молодые годы, и при всей искуренности власти, денегъ и безнаказанности отказывается кулить золотомъ у развращенной матери невинную, хотя бы и грубо воспитанную дочь, дѣвушку которая, вѣроятно, ему въ вѣсней стелени нравится... хотя бы и „на восемь только дней“, какъ говоритъ французскій поэтъ.

Такъ размышлялъ я, незамѣтно олутиваясь тончайшими сѣтями грѣха, ибо, конечно, мягкосердечныя ладенія чувствительнаго честнаго Кольцо и холодныя, можетъ-быть по сердцу, но облагороженныя высокимъ умомъ грѣхи Благова, были пріятельными, романическимъ впливіемъ своимъ несравненно для меня съ христіанскою точкою зрѣнія опаснѣе чѣмъ комическія приключенія доктора Коевико,

чѣмъ безстыдными и грубыя шалости моего прежняго друга, дерзкаго Аристида, и тѣмъ болѣе жестокосердыя, алчныя, гадкія, ужасныя дѣла Куско-бея, въ которыхъ демонъ плотской ненасытности являлся уже во всей наготѣ своего безобразія!..

Я забылъ о Тахиръ-Аббасѣ и задумался о другомъ таинственномъ дѣлѣ; я спрашивалъ себя подъ этимъ видскимъ вязомъ: Чѣмъ кончится другая темная исторія?.. Исторія Зельхи и Благова?.. Станетъ или не станетъ въ самомъ дѣлѣ куріозная Туркуда моя тѣмъ чѣмъ до сихъ поръ первоначально звали ее въ городѣ, то-есть „турецкимъ червонцемъ съ московскою печатью“?

Я не ревновалъ... Напротивъ того, я никакъ не могъ забыть рѣчей одноглазаго повара, который мнѣ такъ настойчиво предлагалъ, пользуясь дѣтскимъ расположеніемъ ея ко мнѣ, избавить Благова отъ грѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать и ей вещественную пользу—быть косвенною причиною ея обогащенія... Благовъ такъ щедръ ко многимъ!.. И развѣ „восемь дней“ не могутъ стать „восемью мѣсяцами“, въ теченіе которыхъ отъ русскихъ щедротъ она станетъ вовсе не бѣдною невѣстой?..

И думая обо всемъ этомъ, я съ удовольствіемъ воображалъ себѣ что она пришла бы и сюда, напримѣръ, здѣсь подъ этимъ вязомъ на травѣ и, мрачно взирая прямо мнѣ въ глаза своими огромными, черными глазами, освѣщенными рѣсницами столь длинными какъ „франкскія стрѣлы“, сказала бы мнѣ опять: „А я, мой милый, гдѣ ни поцѣлую тебя, все мнѣ пріятно!“

Такъ я сидѣлъ погружившись въ думы...

Вдругъ раздался за спиной моей голосъ:

— Одиссей, пойдемъ вмѣстѣ гулять пока солнце еще не сѣло...

Я обернулся: предо мной стоялъ Благовъ опершись на трость...

Боже! гулять, гулять съ нимъ!.. Гулять съ нимъ однимъ?! Онъ зоветъ меня! Онъ хочетъ со мной бесѣдовать какъ бы съ товарищемъ!.. Чтѣ это?.. Не сонъ ли? не сонъ ли? не обманъ ли взволнованныхъ чувствъ?.. Нѣтъ, это истина! Вотъ онъ и вотъ я! И мы идемъ, идемъ радомъ подъ горку, прямо къ селу, идемъ черезъ село Видцу, идемъ вмѣстѣ, и насъ привѣтствуютъ селяне поклонами и почтительными

улыбками, и мы оба вѣжливо отвѣчаемъ имъ тѣмъ же. Нѣтъ это не сонъ!.. Я уже не чувствую напряженія мышцъ моихъ, напирających туго на тяжкій камень, воздвигаемый медленными усиліями на гору славы, богатства и почестей!.. Нѣтъ, я снова какъ цвѣтокъ прекрасный, или какъ украшенный каичекъ поднимаюсь выше и выше движеніемъ голубой и свѣтлой волны счастливыхъ случайностей!..

Мы долго и медленно шли витою дорогой съ хелма. Олу-стошенные зимой виноградники были увямы; день былъ пасмурный и солнце въ облакахъ стояло уже низко надъ горами, освѣщая свѣтловыя жилы, которыя бѣлали, спуска-лась извилисто съ вершинъ по темносинимъ ихъ массамъ...

Мы очень долго молчали. Монахи зидскіе были рады, жалуюсь что Благовъ совсѣмъ измѣнился.. Онъ былъ ужас-но задумчивъ. Раза два онъ слегка вздохнулъ... Быть-можетъ безъ меня онъ вздыхалъ бы громче и глубже...

Опираясь на трость, шелъ онъ по дорогѣ въ широкой шлать своей и длинномъ плащѣ изъ темнаго верблюжьяго сукна, скроевшаго по образцу арабійскаго бурнуса, шелъ почти не поднимая взоровъ отъ земли и только сбрасывалъ ногой изрѣдка въ сторону или внизъ небольшіе камешки.

Я долго и напрасно ждалъ что мы будемъ говорить о дѣ-лахъ и что я найду случай, обививъ Бостанджи-оглу, до-стичь своей давней цѣли—поступить на его мѣсто, обра-тить наконецъ, камень Сизифа надолго въ неподвижный, краеугольный камень моего благоденствія.

Наконецъ г. Благовъ остановился и, обращаясь ко мнѣ все тихо и задумчиво, сказалъ:

— А знаешь что мнѣ что-то стало жаль бѣднаго Рауфъ-пашу.... Это покищеніе Тахиръ-Аббаса огорчить старика....

Я молчалъ.

Благовъ, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, сказалъ:

— Онъ боленъ.... Я жалѣю, что согласился на это дѣло. Этотъ Исаакидесъ начинаетъ надобдвать мнѣ.... Что ты ска-жешь на это?..

Я? а что скажу?... Какъ это странно! Я буду учить его!.. Не понимаю!.. Этотъ человекъ непостижимъ во всѣхъ путяхъ своихъ!.. И къ чему тутъ жалѣть?... Не понимаю!.. Сострадать чему же?... Что старичокъ лапа будетъ имѣть нѣсколько неприятныхъ минутъ.... Этотъ лапа, хотя бы и

по слабости, допустившій попытку... Это страшно! Это... не смѣю подумать... почти глупо... Это безумно даже... Это что-то сродное Коевину... Или ужь правда это что они схожи, и что подъ сіяющею ледяною корою этого сдержаннаго и твердаго человѣка кипитъ тотъ же бездонный хаосъ чувствъ и мыслей который у разнузданнаго доктора у этой брадатой гетеры, клопочетъ съ безстыднымъ и протодушнымъ тщеславіемъ?... Не вѣрное ли чувство послѣ этого говорило устами отца моего про тѣхъ русскихъ военнахъ которыхъ онъ видѣлъ въ 1853мъ году на Дунаѣ... „Начнутъ вдругъ Турокъ превозносить и хвалить... Любятъ Русскихъ... Но они капризные люди и поють ихъ трудно!“ И вотъ съ такимъ-то таинственнымъ сфинксомъ я осужденъ жить, и на такомъ-то многообразномъ Протейѣ утверждать мои неокрѣпшія еще мышцы...

— Я, г. консулъ?.. Я что думаю... объ этомъ?..

— Да, я желаю знать что ты думаешь?..

— Я думаю, г. консулъ что жалѣть Рауфъ-пашу вовсе не сдѣдуетъ... потому что онъ христіанъ пыталъ?..

Сфинксъ не отвѣчалъ и мы пошли далѣе по равнинѣ...

Шли, шли еще... не было видно ни одвой живой души... не было слышно звука... Я рѣшился занять разговоромъ г. консула и спросилъ у него:

— Можно сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Очень радъ. Сдѣлай.

— Какая у Русскихъ поэзія?...

— Какъ какая?...

— Хорошая поэзія?..

— Конечно хорошая, отвѣчалъ Благовъ, какъ будто слегка оживая и улыбаясь. А ты думалъ дурная? Ты можешь-быть думаешь что всѣ русскіе только консулы, да мужики, какъ Липоване на Дунаѣ, которыхъ ты видѣлъ и которыхъ представлялъ Хаджи-Хаммамджи за ужиномъ?..

— Нѣтъ... а... нѣтъ.

Лицо Благова еще болѣе просвѣтлѣло и онъ все улыбаясь и зорко смотря на меня сказалъ:

— Сядемъ тутъ, на камняхъ, у ограды.

Мы сѣли.

— А! сказалъ онъ.—Русская поэзія? А ты развѣ любишь поэзію? Вѣдь ты эмпоръ — купецъ?

— Развѣ купцы не люди, сказалъ я краснѣя.

Отвѣтъ мой видимо тронулъ Благова. Лицо его дышало добротой и тихой лаской. Какъ не похожъ онъ былъ въ этотъ часъ на того Благова который не хотѣлъ надѣть оскверненной мною жакетки!

— Скажи ты мнѣ лучше какіе-нибудь греческіе стихи... изъ новыхъ... не Гомера, не Пиндара... а вотъ вашихъ мнѣшнихъ...

Я подумалъ и спросилъ:

— Какіе же вамъ угодно? Я знаю много...

— Скажи какіе-нибудь печальныя,—элегію...

— Элегію?... Сейчасъ.

И вспомнивъ одно изъ стихотвореній Тавталида, я началъ торжественно: „Элегія на приснопамятнаго драгомана, князя Телемака Хандзерли, перваго драгомана російскаго посольства въ Константинополѣ, скончавшагося въ Смирнѣ.“

Гдѣ Телемакъ? гдѣ нашъ блестящій высокопоставленнымъ
князь

Вивантию, любезной отчизны?

— Богъ съ нимъ, съ драгоманомъ нашимъ! прервалъ меня Благовъ. — Царство ему небесное! Это вовсе не печально, прибавилъ онъ съ улыбкой.

Я возмущался неуважительнымъ отношеніемъ консула къ этому предмету. Князь Хандзерли былъ знаменитый человекъ. И подумавъ сдѣлалъ ему другое предложеніе:

— Не угодно ли вамъ полюбопытствовать и выслушать эпитафію господа Смарагда Ставриной?

Это была одна совсѣмъ сгорбленная старушка. Она родилась, жила, хоронила родныхъ и сама похоронена все въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ эпитафіи очень краснорѣчиво это выражено: Я началъ...

Но консулъ тотчасъ остановилъ меня:

— Это очень благозвучно и остроумно; только ужь оставимъ старушку тамъ, на томъ мѣстѣ... Нѣтъ, ужь лучше скажи что-нибудь не печальное, а такое отъ чего бы мнѣ стало весело... праздничное.

— А! праздничное! Что бы такое?... Да! праздничное.

Ода по поводу награжденія десяти учителей богословія и праздника, происшедшаго на островѣ Хылки:

Слова вѣтви душистаго лавра,
Слова дель торжества и вѣнцовъ,
Слова поводъ для одъ и псалмовъ,

Пѣснопѣвья священныхъ органовъ.
Въ нашей Хаакимской школѣ святой
Десять новыхъ сыновъ увѣнчали,
Богословія славныхъ сыновъ.

— Постой, постой, сказалъ Благовъ съ удивленіемъ. — Какіе это учителя? О чемъ ты говоришь?

— Учителя въ Хаакахъ, на Принцевыхъ островахъ, сказалъ я.—Потому что проповѣдники нужны.

Лицо Благова омрачилось.

— Нѣтъ, замѣтилъ онъ тихо,—тутъ все такія слова: „анакрузма“, „сиакротуси“. Я ничего не понимаю. Слишкомъ по-аллиски... Не знаешь ли чего-нибудь любовнаго, грѣшнаго такого... Понимаешь — любовь?

— Какъ не знать грѣшнаго!—Сколько мать и отецъ на старайся, а грѣхъ какъ по воздуху носится вокругъ насъ. Выберу, впрочемъ, что-нибудь болѣе нѣжное, болѣе деликатное для его образованности и наиболѣе деликатное чтобы себя зарекомендовать съ этической точки зрѣнія.

Я пробовалъ декламировать ему нѣсколько стихотвореній: *Кошечку* Танталиди:

Видишь, свѣтъ мой, какъ котенокъ
Со скурочкомъ все играетъ...

Осыпающуюся розу, одного изъ новѣйшихъ поетовъ:

Къ душистой розѣ протянулъ я руку
Чтобы сорвать ее!...

Но роза облетѣла прежде чѣмъ поэтъ успѣлъ ею насладиться... Поэтъ вышелъ что это похоже на молодость нашу. Еще говорилъ я нѣкоторыя вещи Палайоти, Суццо и Равгани. Но господнику Благову все это не слишкомъ нравилось. Тогда я рѣшился предложить ему нѣчто нѣжное, простонародное, очевидное неизвѣстнымъ творцомъ, одну изъ тѣхъ милыхъ лѣсенъ которыя поютъ у насъ люди, передавая ихъ изустно другъ другу.

— Вамъ ничего, спросилъ я,—если стихи эти будутъ *иудейскими*?

Благовъ какъ будто испугался.

— Что такое? что такое?...

— *Иудейское*—это значитъ грубое, простое; а то бывають стихи городскіе, тонкіе такіе; они тоже иногда простыми

языкомъ написаны, а не высокими, но въ духѣ образованнаго общества, а не хитрачески.—Теперь если угодно...

И я началъ:

И на что ты мнѣ золото, и ты, бѣлое серебро,
Если нельзя цѣловать мнѣ глаза твои, шею бѣлую.
Не надо мнѣ веселиться и вино пить не надо;
Надо мнѣ быть одному въ скалахъ каменныхъ
И лежать ничкомъ, и лить слезы мнѣ черныя,
Чтобы стало тутъ озеро, и холодный ключъ;
И пришли бы туда бѣлокурныя, черноокія,
Ноги мыть бы пришли, шею бѣлая—
И пришла бы любовь моя, пришла бы любимая..
И я падали увидалъ бы ее и два слова сказалъ бы:
„Ахъ, на что ты мнѣ золото и ты, бѣлое серебро,
„Если нельзя цѣловать мнѣ глаза твои, шею бѣлую...“

— Вотъ это хорошо! Вотъ это прекрасно! воскликнулъ Благовъ.—Повтори еще... „Ни вина мнѣ пить, ни веселиться не надо;—а все ничкомъ на землѣ лежать...“ Прекрасно!.. Вижу я что все это *хитрачески* у васъ здѣсь очень мило; а другое-то... не хитраческое — плохо... То-есть не у Грековъ только, а у Болгаръ и Сербовъ это нехитраческое еще много лучше чѣмъ у Грековъ...

(Это былъ все тотъ же „турецкій халатикъ“, все та же кавасская фустанелла... все тѣ же старыя коричневые шальвары Алеко, которые годятся въ картину, и все тѣ же архонты которые *даже и въ каррикатуры не годятся!*...)

Ободренный, однако, его простымъ и добрымъ обращеніемъ, я спросилъ его еще:

— А развѣ вы знаете по-болгарски?

— А ты знаешь?

— Знаю; вѣдь я долго на Дунаѣ ребенкомъ жилъ.

— А ну-ка, скажи мнѣ...

Тутъ Благовъ приостановился, не сводя съ меня глазъ, подумалъ... и сказалъ съ улыбкой:

— Что значить:—„Млада Турска хубава девойка?“ *

Я, конечно, перевелъ, но старая стыдомъ... Меня испугали эти слова, эти вопросительныя улыбки... У меня блеснула мысль, ужаснувшая меня на мгновение, я подумалъ: „Боже! а если онъ вдругъ предложитъ мнѣ точно также

* Молодая турецкая, красивая дѣвушка.

какъ Васе предшествованіе ему на пути грѣха! Какъ отказать такому сильному человѣку?!“

Но я не успѣлъ еще и сообразить всю нецѣлостность этой боязни, всю несообразность этого поступка съ гордымъ характеромъ Благова, на минуту поддавшагося подъ вліяніемъ какихъ-то непонятныхъ впечатлѣній дружественной со мной простоты.... какъ бездна вдругъ закрылась... затянулась густою, туманною влагой, которая должна была постепенно стать снова холодною и сіяющею, обыкновенною ледяною корою.

Едва только перевелъ я по-гречески что значитъ „маада хубава Турска девойка“ и въ смущеніи ожидая что будетъ дальше, взглянулъ на него тревожно, какъ онъ внезапно опять омрачился, посмотрѣлъ молча нѣсколько минутъ въ темнѣющую даль прекрасной долины, потомъ всталъ и сказалъ съ чуть слышнымъ вздохомъ:

— Пора домой!

Поднимались въ гору мы еще медленнѣе чѣмъ спускались, и было уже вовсе темно когда мы возвратились въ монастырь. Во все время Благовъ не сказалъ мнѣ ни слова. Онъ опять погружился въ какія-то тяжелыя думы; быть-можетъ самымъ приглашеніемъ на прогулку и бесѣдой о стихахъ, и шуткой на болгарскомъ языкѣ онъ пытался развлечься и забыть объ этихъ тяжкихъ своихъ думахъ....

Малоцисленные обитатели пустынянаго монастыря уже всѣ спали, кромѣ одного прислужника, ожидавшаго насъ. Мамаи, накрывъ очень старательно и чисто въ архондарикѣ столикъ для насъ обоихъ и поставивъ холодное жаркое, вино и варенье, самъ заснулъ, раскинувшись въ другой комнаткѣ на коврикѣ у очага. Но онъ не забылъ и меня. По другую сторону очага былъ готовъ и для меня другой коврикъ, и жесткая подушка съ монастырскаго дивана была прислонена къ стѣнѣ въ возглавіи.

Благовъ все молчалъ. Прислужникъ монастырскій началъ было суетиться около него и любезно сказалъ ему:

— Повидно гуляли... сыро; не заболѣть бы вамъ лихорадкой.

Но Благовъ сталъ мрачнѣе ночи; онъ видимо страдалъ теперь; онъ ничего ему не отвѣтилъ; и, войдя въ большой архондарикъ, гдѣ онъ долженъ былъ спать, обратился ко мнѣ и сказалъ, указывая на приготовленный ужинъ:

— Пожалуста примите это прочь... я ничего не желаю...
 Прислужникъ хотѣлъ еще сказать что-то любезное и гостеприимное; онъ уже и началъ... „покушайте...“ но я держалъ его за рукавъ; онъ замолчалъ и мы вмѣстѣ вынесли столыкъ....

Консулъ тотчасъ же заперся на ключъ, а мы съ прислужникомъ, сѣвъ на полъ у очага, сѣли все до тла и выпили немного вина за здоровье тоскующаго консула..

— Скучаетъ, сказалъ послужникъ.

— Да, скучаетъ, мало политической цивилизаціи здѣсь... отвѣчалъ я кратко и неохотно, ибо хотѣлъ до смерти спать...

— Турція!... вздохнулъ и значительно замѣтилъ прислужникъ.

Мы простились и я легъ на ложе свое... Но какъ ни былъ я утомленъ, я сквозь сонъ нѣсколько времени еще слышалъ черезъ стѣну какъ Благовъ мѣрно и безостановочно ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ....

XIX.

Цѣлый день еще мы прожили съ Благовымъ въ Цицѣ. Утромъ онъ опять очень долго читалъ Байрона, лежа подъ деревомъ на красномъ коврѣ; и потомъ скрылся куда-то; а я, привычный къ правильнымъ утреннимъ занятіямъ въ классахъ, долго влачилъ туда и сюда томительную и праздную скуку. Манаолъ надобѣлъ мнѣ вестерпимо своими разказами и жалобами на предательство, визость и вражду пола Кдсты. Пробовалъ я бесѣдовать съ монахами, но столѣтній игуменъ говорилъ ужъ слишкомъ мало и когда я у него спросилъ, помнятъ ли онъ лорда Байрона, онъ сказалъ:—„Да! онъ былъ курчавый.“ И больше не прибавилъ къ этому ни слова.

Помощникъ его, очень серьезный монахъ въ очкахъ, подобно Манаолу утомилъ меня жалобами на князя Кузу, который замышляетъ де обобратъ всѣ греческіе монастыри и свята мѣста. Проситься въ Явину я не смѣлъ. Мнѣ становилось очень скучно... Бездѣйствіе и любопытство навели меня, наконецъ, на мысль отыскать ту книгу лорда Байрона, которую лежа на коврѣ по утрамъ читалъ подъ деревомъ Благовъ. Лордъ Байронъ имѣлъ для меня значеніе,

какъ и для всякаго Грека, преимущественно патриотическое. Я привыкъ слышать его имя съ дѣтства, зналъ что онъ умеръ въ Миссолонгахъ, что онъ хотѣлъ сражаться за нашу свободу и, почитая его память какъ святыню, я никогда не думалъ о томъ какой онъ былъ человекъ, что онъ любилъ, что ненавидѣлъ, о чемъ мечталъ и чѣмъ мучился... Я его вовсе не зналъ и даже ни разу не видалъ въ Эпирѣ его изображенія; русскіе генералы: Паскевичъ, Дибичъ, Кутузовъ и Суворовъ мнѣ были гораздо помятѣе и ближе; ихъ я всѣхъ зналъ въ лицо... ихъ всѣхъ видалъ я на бумагѣ дешевыхъ гравюръ и портретовъ.

Я провикъ въ комнату консула въ то время, когда онъ удалился снова одинъ въ дубовую рощу (грустить въроятно) и нашелъ у него двѣ книги *Чайльдъ-Гарольда*; англійскій подлинникъ въ стихахъ и французскій переводъ прекрасною прозою, которая, при небольшихъ усиліяхъ, была мнѣ довольно доступна если не по духу и внутреннему смыслу, то, по крайней мѣрѣ, по вѣщему пониманію словъ и выраженій...

Въ обѣихъ книгахъ было вложено много травокъ и листовъ еще не успѣвшихъ высохнуть: видно было что Благоевъ срывалъ ихъ около себя, лежа на коврѣ.—Я внимательно прочелъ начало пѣсней *Чайльдъ-Гарольда* по-французски и съ изумленіемъ ловялъ... что Байронъ говорилъ такъ: „Прощай! о прощай моя родина! Прощай моя родная страна! Счастливы тотъ кому есть о комъ пожалѣть на родинѣ... А я плачу о томъ что мнѣ никого и ничего тамъ не жаль!...“

Это было отмѣчено карандашомъ. Правилось это молодому властелину моему или эти рѣчи приводили его въ патриотическое негодованіе—я не могъ рѣшить и рѣшать тогда не искалъ... Я только удивился и запомнилъ эти страшныя и горькія слова... Къ вечеру, однако, г. Благоевъ опять позвалъ меня гулять и на этотъ разъ разговоръ нашъ былъ совершенно иной. Этотъ разговоръ былъ дѣловой.

Консулъ началъ съ того что спросилъ меня:

— А почему же это всѣ находятъ что Бостанджи-огау мошенникъ и предатель? (Онъ не забвѣлъ этихъ словъ, на которыя въ первую минуту какъ-будто не обратилъ вниманія.)

И, обрадованный тѣмъ что мнѣ представился, наконецъ, случай отмстить сразу и сильно низкому Бостанджи,

который всегда источалъ ядъ въ разговорахъ со мной, и одушевляясь при томъ еще и совѣтомъ Исаакидеса выжить сомерника изъ консульства и раздѣлить власть съ нимъ, съ этимъ самымъ предприимчивымъ и столь премудро коварнымъ Исаакидесомъ, началъ такъ:

— Кавасы утверждаютъ что Бостанджи обчитываетъ васъ, что онъ утаиваетъ часть тѣхъ денегъ которыя вы ему поручаете...

— Это называется воровство, а не предательство... замѣтилъ г. Благовъ равнодушно, и не глядя на меня, какъ будто ему было все равно, обкрадываютъ его люди или нѣтъ.

Тогда я разказалъ ему о французской революціонной запискѣ которую читалъ мнѣ Бостанджи еще въ первые дни возвращенія; Благова, когда Бостанджи былъ оскорбленъ докторомъ.

— Что жь, онъ грозился Туркамъ это показать? спросилъ съ улыбкой Благовъ...

— Да! сказалъ я. Только когда я ему указалъ на ваше замѣчаніе внизу, гдѣ вы говорите что Турція „старое зае“ (такъ у васъ тамъ было сказано) и гораздо лучше всего этого западнаго масонства и революціи, то онъ испугался и началъ увѣрять меня что онъ только мою вѣрность хотѣлъ испытать... Я сталъ васъ хвалить и оказалъ, вы благодѣтель мой...

Благовъ поглядѣлъ на меня мелькомъ и послѣ этого мы долго шли молча все подъ ту же гору съ которой спускались наканунѣ, и къ тѣмъ же камнямъ сидя на которыхъ мы говорили о русской и греческой поэзіи.

Дошедши до камней, мы по-вчерашнему сѣли на нихъ и г. Благовъ сказалъ:

— А какъ ты судишь объ Исаакидесѣ?.. Мнѣ иногда нравятся твои разговоры.. Скажи мнѣ откровенно свое мнѣніе о немъ. Если ты мечтаешь служить Русскимъ хорошо и вѣрно, то надо прежде всего достичь того чтобъ я тебя вѣрилъ. Будь откровененъ и справедливъ, какъ отецъ твой. Отцу твоему я вѣрю...

Меня слова эти привели въ восторгъ, и я отвѣчалъ:

— Исаакидесъ человѣкъ, скажу вамъ, очень лукавый, только вамъ онъ вѣренъ, и консульству отъ всего сердца служить... Онъ даже говоритъ (прибавилъ я, смѣясь немного

и почтительно) что готовъ васъ, вопреки вамъ самимъ, прославить!..

— Какъ же это онъ можетъ?..

— Да вотъ вы бы здѣсь были, и ничего бы не знали о Тахиръ-Аббасъ; а онъ похититъ его, и чести у христіанъ, и у многихъ Альбанскихъ беевъ будетъ вамъ больше чѣмъ ему...

— А ты думаешь, удастся это дѣло?.. сказалъ Благовъ.

— Я думаю, удастся!.. И похваливъ еще разъ удачу кавасовъ, ловкость Исаакидеса и полка Кюсты, прибавилъ: Такие люди взялись что вѣрно сдѣлаютъ хорошо...

Г. Благовъ сдѣлалъ мнѣ еще вопросъ, все въ томъ же духѣ:

— И ты находишь что Исаакидесъ очень искусенъ и охочъ предавать. Почему же ты это думаешь?..

— А! воскликнулъ я съ жаромъ. Онъ все это приготовилъ и онъ все это устроилъ даже... (И я, пристально глядя на начальника нашего и радостно улыбаясь, кончилъ мою рѣчь почти шепотомъ, несмотря на то что мы были одни посреди огромной и безлюдной долины.)— Онъ ободрялъ и возбуждалъ Тахиръ-Аббаса убить Джефферъ-Дема... Вѣрно ли самъ онъ, ни слуга его не рѣшились бы на этотъ поступокъ, еслибъ Исаакидесъ не обманывалъ ихъ...

Г. Благовъ обернулся ко мнѣ вдругъ лицомъ и спросилъ съ улыбкой какъ будто бы весело (о, я поздѣе ловилъ какъ это было притворно!).

— Что ты говоришь!.. И это онъ самъ сознался въ этомъ... Говори, ты хотѣлъ говорить мнѣ правду, всю правду... Не бойся. Я говорю тебѣ не бойся. Если ты хочешь серьезно, повторяю тебѣ, соединить судьбу свою съ русскимъ консульствомъ, то ты долженъ прежде всего мнѣ открыть все...

Я смутился, испугался, задумался, но отступать ужѣ было невозможно и я... предалъ... Исаакидеса. Я сказалъ: „да! онъ самъ сознается въ этомъ“...

Г. Благовъ всталъ съ камая и оказалъ, пожимая плечами:

— Мнѣ все равно, наконецъ, какъ они хотятъ... Я сказалъ что я ничего этого знать не хочу. И въ похищеніи этомъ есть уже та доля пользы что спасаясь Тахиръ-бей

какъ бы указываетъ на свою вину и обвиняемые христiane Нивицы скорѣе чрезъ это будутъ освобождены.... Но все-таки я тебѣ очень благодаренъ что ты мнѣ это сказалъ... Исаакидесъ уже слишкомъ смѣлый и опасный мошенникъ.... съ нимъ невозможно имѣть дѣла.... Онъ постоянно будетъ вводить консульство въ такія дѣла которыхъ я не ищу.... Довольно съ насъ клеветы Европейцевъ! Я тебѣ очень благодаренъ за это.... Я его прогоню!

Но лестныя слова эти на меня не слишкомъ радостно подѣйствовали... Я былъ ужасно смущенъ. Благовъ перехитрилъ меня и я не могъ рѣшить, хорошо ли я поступилъ или нѣтъ? Хитрить хорошо; и отецъ мой, конечно, хитритъ; быть вѣрнымъ Благову и консульству тоже похвально и выгодно; но меня все-таки встревожила мысль что я употребляю во зло довѣріе этого Исаакидеса, который при всѣхъ своихъ порокахъ чувствовалъ ко мнѣ, казалось, такую безкорыстную, отеческую симпатію... Я попытался исправить немного мою, не знаю какъ назвать, ошибку или иначе.... Однимъ словомъ, я жалѣлъ Исаакидеса и сказалъ консулу подумавъ:

— А если онъ только похвастался мнѣ что возбуждалъ Тахиръ-Аббаса; похвалялся изъ тщеславія одного? А вы его прогоните, г. Благовъ....

— Нельзя держать ни для одного такого драгомана который начинаетъ хвастаться своими преступными дѣйствіями даже и подобному тебѣ слишкомъ молодому человѣку. Это еще хуже, еще вреднѣе чѣмъ дѣлать и молчать....

Послѣ этого тревога стыда и раскаянія овладѣла окончательно душой моею, и я смущенный возвратился домой. Консулъ тоже погрузился въ свои думы, и мы не говорили болѣе ни слова.

Опять я легъ у очага рядомъ съ Маволи, но на этотъ разъ сонъ мой не былъ уже такъ крѣпокъ какъ наканунѣ и я еще дольше вчерашняго слышалъ медленные шаги Благова, по-прежнему страдавшаго бессонницей... И мнѣ отъ этого стало еще грустнѣе... Наконецъ я заснулъ, но сонъ мой продолжался не долго. Внезапно я былъ пробужденъ голосами, звономъ посуды и стукомъ...

— Вставай, вставай, Одиссей.... Сейчасъ ѣдемъ въ Янику!....

Было около двухъ часовъ ночи... Полная луна свѣтила

на чистомъ небѣ. Лошади стояли уже осѣдланныя... Я не успѣлъ даже умыть лица; слышался голосъ Благова:

— Скорѣй, скорѣй....

Самъ столѣтній игуменъ вышелъ изъ своей келейки съ костьюлемъ... Благовъ едва успѣлъ только поцѣловать его руку, какъ мы уже были на коняхъ и спускались какъ только могли скорѣе съ холма по Явнинской дорогѣ...

Что же такое случилось?

Похищеніе Тахиръ-Аббаса удалось вполнѣ, удалось такъ что противъ русскаго консульства невозможно было ничего официально сказать.

Предупрежденный вовремя тайными агентами Исаакидеса и попа Кдсты, Тахиръ-бей ожидалъ увидѣть въ послѣднемъ хану предъ самымъ вѣздомъ въ Явину кавасовъ Анастасія и Ставри. Они и въ самомъ дѣлѣ сидѣли тамъ поджавъ ноги и пили кофе когда стража ввела туда бейа для небольшого отдыха. Было уже темно и въ оврагѣ за холмомъ былъ скрытъ съ двумя хорошими лошадьми молодой Яни Чарухасъ (тотъ самый блѣдный и отважный юноша который увозилъ въ Загоры Турчанку Назли и былъ слегка раненъ въ день казни Саида). Тахиръ бей, съвѣзъ, поздоровался съ кавасами и спросилъ ихъ:

— Хорошо ли они себя чувствуютъ....

— Очень хорошо! Все хорошо!... отвѣчалъ Ставри.

Солдаты и чаушъ расположились тоже пить кофе.

Бей, помолчавъ немного, обратился къ чаушу:

— Я хотѣлъ бы на минуту на воздухъ... Голова тяжела....

Чаушъ велѣлъ одному изъ солдатъ выйти съ Тахиромъ за дверь.

Не успѣли они выйти, какъ раздался крикъ солдата:...

„Э! э! куда?... Амъвъ! амъвъ“!...

Все растерялось и вскочило на ноги.... Всѣ побѣжали на дворъ, и кавасы, и солдаты, и другіе посятители хана.

— Бей, бей его! закричалъ Ставри....

— Не бей, не бей!.... Не приказано... кричалъ еще громче Чаушъ.

— Бей! стрѣляй, не бѣда! кричалъ олять Ставри....

Чаушъ ругался; всѣ шумѣли....

Кавасы ' русскіе дѣлали свои критическія замѣчанія; даже Анастасій оказалъ, качая головой тому солдату который провожалъ Тахира: „Какъ же ты это такъ“?

— Скверное дѣло! говорилъ Ставри.

Но Тахиръ и Яви были уже далеко. На дорогѣ была подстава и на утро они уже переѣхали на лодкѣ черезъ Амвразійскій заливъ, и были безопасны за предѣлами свободной Элады... Итакъ, не въ этомъ было затрудненіе и не по этому поводу мчались мы теперь по камнямъ и стремнинамъ при лунномъ свѣтѣ вслѣдъ за нашимъ вождемъ...

Нѣтъ! не по этому поводу, а потому что Эллинское консульство было осаждено Турками. Въ немъ скрывался убійца Джеффера, молодой сенсъ Тахиръ-бей, успѣвшій бѣжать изъ Чамурьи еще прежде чѣмъ схватили его господина. Онъ явился тайно въ Явину въ тотъ самый скучный день, который мы провели съ Благовымъ въ Зициѣ, въ тотъ день въ который я предалъ Исаакидеса консулу. Звали его Костаки; онъ года три еще мальчикомъ прожилъ въ свободной Греціи, занимаясь сторожемъ въ виноградишкахъ вмѣстѣ съ нашимъ Кольйо, и они были тогда очень дружны другъ съ другомъ. Люди у которыхъ онъ скрывался извѣстили Кольйо. Поль Коста, конечно, и въ это дѣло вмѣшался и такъ какъ онъ былъ немного сердитъ на греческаго консула за то что тотъ давалъ ему мало денегъ, то онъ и договаривалъ чтобы Кольйо отвелъ Костантина къ греческому кавасу Георгію, пламенному патриоту и чтобы они вмѣстѣ просили дочь консула спасти юношу-убійцу, пользуясь тѣмъ что у Костаки былъ въ карманѣ старый, престарый, давно просроченный и вовсе неправильный греческій паспортъ, полученный имъ во время его пребыванія въ Эладѣ. Дочь консула не молодая уже, но очень энергическая дѣвица, гордая своею греческою кровью, съ жаромъ взялась за это дѣло, и не говоря ни слова отцу спрятала юношу въ подвальной комнатѣ, гдѣ у нихъ хранились разныя вещи... Поль Коста радовался что онъ и душу христіанскую спасъ, и консулу греческому показалъ что значитъ поль Коста и какъ не хорошо его раздражать. „Это не то что кавасамъ бей спасать, бей ни въ кого не стрѣлявшего, а только подозрѣваемого въ неподобающихъ сочувствіяхъ; нѣтъ! это совсѣмъ другое дѣло; здѣсь христіанинъ убійца Турка, и Турка важнаго, скрыть отважно и оскорбительно для Порты подъ флагомъ дружественной и сосѣдней державы... Вотъ что такое поль Коста...

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

(До слѣд. №.)

ЗАМѢТКА ЧИТАТЕЛЯ

НА СТАТЬЮ А. М. БУТЛЕРОВА

„ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМѢРЕНІЕ И МЕДИУМИЗМЪ“ *

I.

Явленія медиумизма производятъ не только на читателей впервые познакомившихся съ ними изъ описаній, но и на многихъ очевидцевъ такое впечатлѣніе которое, по его своеобразности и несоотвѣтствію съ испытаннымъ и изучаемымъ до сихъ поръ, невольно побуждаетъ къ крайней осторожности и нерѣдко вызываетъ подозрѣніе не только въ ошибочности наблюденій, но даже въ намѣренномъ обманѣ. Убѣжденные въ отсутствіи какъ обмана, такъ и ошибочности въ наблюденіяхъ, сторонники медиумизма не могли однако не признать своеобразности явленій, которую слѣдовало, такъ или иначе, если не устранить, то по крайней мѣрѣ объяснить и притомъ не только для устранения недоумѣній къ публикѣ, но и по существу дѣла, то-есть для оправданія своей точки зрѣнія въ своихъ собственныхъ глазахъ. Помято что дѣла могла бы быть достигнута еслибы, во первыхъ, можно было показать что тѣ свойства явленій которыя мы считаемъ непреложными (напримѣръ сохраняемость матеріи) и которыя, повидимому не наблюдаются въ явленіяхъ

* См. Русск. Вѣстн. № 2.

медіумизма, вове не непереконан, и, восторихъ, найти въ про-
шедшемъ аналогичные случаи предрасудочности и отрица-
нія явленій, котормя становились помѣтными только по
ознакомленіи съ нѣкоторою новою сферою явленій или но-
вою точкою зрѣнія.

Статья А. М. Бутлерова представляетъ попытку показать
что медіумическія явленія удовлетворяютъ обоимъ этимъ
условіямъ. Авторъ опирается преимущественно на Цѣльне-
ра, частью на Камта, а также на нѣкоторыхъ другихъ уче-
ныхъ; но отодвигая на второй планъ вопросъ о томъ кому
принадлежитъ то или другое соображеніе, я, въ качествѣ
простаго читателя, относящагося къ вопросу по крайнему
своему разумію серьезно и съ большимъ интересомъ, хочу
высказать нѣсколько замѣчаній по существу; причемъ позво-
ляю себѣ засвидѣтельствовать, — насколько свидѣтельство
о себѣ вообще возможно, — что не имѣю никакой склоно-
сти вслѣдствіи охранять существующія воззрѣнія на свойства
матеріи какъ на нѣчто неизмѣнное, о чемъ сказано послѣд-
нее слово, не чувствую никакой боязни скомпрометтировать
себя серьезнымъ и внимательнымъ обсужденіемъ чего бы то
ни было и, съ другой стороны, не имѣю предрасположенія
въ пользу призванія медіумизма за особую, новую сферу
явленій.

Главныя положенія, послѣдовательно развиваемыя въ
статьѣ А. М. Бутлерова, могутъ быть кратко формуло-
ваны слѣдующимъ образомъ:

1) Пространство трехъ измѣреній, которое мы привыкли
мыслить, не есть нѣчто абсолютное, вполнѣ объективное,
не зависящее отъ развитія (вообще отъ измѣненія) нашихъ
воззрѣній; оно представляетъ лишь доступную нашему не-
посредственному пониманію часть объективно существую-
щаго *многомѣрнаго* пространства, къ которому трехмѣрное
относится подобно тому какъ двумѣрное пространство
(плоскость) къ трехмѣрному. Въ будущемъ, при дальнѣй-
шемъ изученіи явленій природы и при тщательной критикѣ
собственнымъ воззрѣніемъ на нихъ, мыслимо пониманіе четы-
ремѣрнаго пространства, которое, впрочемъ можетъ-быть,
есть тоже только частнымъ случаемъ абсолютнаго, *многомѣр-
наго* пространства.

2) Симметрия тѣлъ, какъ явленіе *только* трехмѣрна-
го пространства, неложна, какъ неложна симметрия
т. еххvi.

плоская фигура, разсмотрѣваемая только въ двумѣрномъ пространствѣ. Съ другой стороны, неудобно тому какъ приемы ведущіе къ пониманію двумѣрной симметріи заключаются кромѣ съ третьими измѣреніемъ, такъ тѣ приемы мышленія которые мы употребляемъ, стремимся къ пониманію симметріи трехмѣрныхъ тѣлъ, заводятъ на мысль о четвертомъ измѣреніи.

3) Петлевидный узелъ нити на плоскости или двумѣрный узелъ можетъ быть проще развязанъ дѣйствіемъ въ трехмѣрномъ пространствѣ чѣмъ въ двумѣрномъ, причемъ такой способъ развязыванія былъ бы недоступенъ пониманію существа мыслящаго міръ только двумѣрнымъ. Точно также для насъ имѣющихъ міръ трехмѣрнымъ невозможно развязываніе и завязываніе трехмѣрнаго узла на безконечной нити (отдѣланное въ присутствіи Цѣльнера спиритомъ Сладомъ), хотя по аналогіи оно мыслимо при посредствѣ дѣйствія въ четырехмѣрномъ пространствѣ.

4) На воспринимаемыя нашими чувствами явленія можно вообще смотрѣть какъ на *проецію* въ трехмѣрномъ пространствѣ абсолютно существующихъ тѣлъ, подобно тому какъ плоская фигура тѣни есть проекція трехмѣрнаго тѣла, и какъ площадь тѣни можетъ уменьшаться до кажущагося уничтоженія (то-есть до неуловимости чувствами) при надлежащемъ поворотѣ тѣла въ пространствѣ (если одно изъ трехъ измѣреній тѣла весьма мало), такъ, при движеніи четырехмѣрнаго тѣла по четвертому измѣренію, мыслимо исчезновеніе и новое появленіе трехмѣрной проекціи, то-есть того что мы называемъ *ялломъ*, *магериодъ*.

Первое изъ этихъ положеній выводится слѣдующимъ образомъ:

Внѣшній міръ познается нами по впечатлѣніямъ которыя онъ на насъ производитъ; однако эти впечатлѣнія въ нашемъ сознаніи не тождественны съ производящими ихъ предметами: мы сознаемъ послѣдніе какъ внѣшнія *причины* первыхъ, и законъ причинности не выводится изъ какихъ-либо данныхъ опыта, а присущъ уму, априориченъ. Отдѣлая впечатлѣнія производимыя явленіями отъ объективной сущности самыхъ явленій, мы тѣмъ самымъ признаемъ эту сущность непостижимую, *абсолютною*, а впечатлѣнія и выработывающіяся изъ нихъ представленія частными случаями,

условными реакціями абсолютнаго. Такимъ образомъ воспринимаемый нами міръ не есть весь міръ, а лишь часть его, или, лучше сказать, вѣкоторыя его стороны. Соотношенія предметовъ въ этомъ неполомѣннѣйшемъ мірѣ мы обобщаемъ въ понятіе о пространствѣ трехъ измѣреній, которое по этому тоже должно быть неполомѣннѣйшимъ относительно абсолютнаго пространства, включающаго въ себя соотношенія абсолютнаго міра. Такъ какъ опытъ показываетъ что человѣческая способность наблюдать и мыслить, вообще воспринимать міръ, совершенствуется, то мыслимо что намъ могутъ постепенно дѣлаться доступными такія стороны объективнаго міра, и между прочимъ объективнаго пространства, которыя прежде оставались недоступными (четвертое измѣреніе), хотя сама абсолютная сущность останется всегда непостижимой (многошрестность во всей ея полнотѣ).

На эту тему можно разсуждать такъ:

Впечатлѣнія производимыя на насъ міромъ представляютъ единственный матеріалъ по которому міръ намъ познается; свойства впечатлѣній суть единственный матеріалъ для познанія свойствъ міра. Эти свойства элиминируются разумомъ изъ цѣльныхъ впечатлѣній только постепенно; первоначальный же характеръ впечатлѣнія — цѣльность и единство, въ чемъ можно убѣдиться легкимъ размышленіемъ: при переходѣ отъ тишины къ шуму, или отъ темноты къ свѣту, мы тѣмъ труднѣе различаемъ разнообразіе звуковъ или разнообразіе красокъ и формъ чѣмъ переходъ рѣзче, цѣлый пестрый пейзажъ кажется намъ почти безразличнымъ, свѣтлымъ полемъ зрѣнія; изъ этого необходимо заключить что при переходѣ къ свѣту отъ абсолютной темноты, какая предшествовала бы первому впечатлѣнію, еслибъ оно воспринималось вдругъ, свѣтовое впечатлѣніе казалось бы абсолютно безразличнымъ и цѣльнымъ. Только привычка въ которой можно видѣть, кромѣ прямаго результата физиологическаго уладка нервной напряженности, суммированнаго и унаслаждованнаго опыта, даетъ возможность, по воспринятію наиболѣе рѣзкаго контраста мрака и свѣта, воспринимать слабѣйшіе контрасты тѣней и цвѣтовъ; чѣмъ дольше продолжается воспринятіе впечатлѣнія, тѣмъ тоньше отбѣлки, доступныя воспринятію; процессъ этотъ, фиксируясь въ приспособленіи органа, представляетъ основу тѣлеснаго и

духовнаго развитія и ведетъ по безконечному пути открытiя все новыхъ и новыхъ чертъ въ воспринимаемыхъ впечатлѣнiяхъ.

Къ основнымъ элементарнымъ свойствамъ впечатлѣнiй принадлежитъ *протяженность* — материалъ для понятiя о пространствѣ. Держась самыхъ отчетливыхъ изъ нашихъ впечатлѣнiй, впечатлѣнiй зрѣнiя, и имѣя въ виду только что сказанное о первоначальномъ безразличiи поля зрѣнiя, можно на первый взглядъ думать что впечатлѣнiя даютъ первоначально понятiе только о двумѣрной протяженности, о *плоскости*; понятiе же о *пространствѣ* собственно или о третьемъ измѣренiи протяженности дается уже послѣдующимъ опытомъ, при посредствѣ измѣняющихся сопоставленiй, угла зрѣнiя и другихъ соответственныхъ движенiй. Однако такое предположенiе неправомерно, и вотъ почему.

Всѣ явленiя въ которыхъ мы наблюдаемъ матерiю въ движущемся покоѣ суть явленiя движенiя. Теперь невозможно сомнѣваться что все что свѣтитъ или отражаетъ свѣтъ, что звучитъ, даетъ запахъ и вкусъ, что осязается — все это движется, и только въ результатѣ движенiя, чрезъ рядъ толчковъ разнаго рода и разной быстроты, сообщаемыхъ нервной системой, воспринимается нашимъ сознаниемъ. Если даже мы допустимъ что матерiя существуетъ независимо отъ движенiя, то все же неизбѣжно принять что въ состоянiи покоя она абсолютно невоспринимаема, то-есть движенiе есть совершенно необходимое условiе для возможности впечатлѣнiя, *sine qua non*. Понятно также что это движенiе должно имѣть направленiе (если не вполнѣ, то хотя въ одной изъ слагающихъ) извнѣ къ субъективному центру, следовательно или перпендикулярное, или стѣкующее къ плоскости поля зрѣнiя, которое можно вообще назвать полемъ восприматiя или полемъ впечатлѣнiя, ради примѣнимости этого выраженiя къ другимъ чувствамъ *. По важности такого положенiя я хочу заблаговременно устранить могущее возникнуть при этомъ сомнѣнiе относительно свѣтовыхъ впечатлѣнiй. Свѣтовое движенiе представляетъ колебанiя исключительно

* Поле восприматiя явственно сознается во впечатлѣнiяхъ зрѣнiя и осязанiя, и неуловимо для сознанiя во впечатлѣнiяхъ слуха, вкуса и обонянiя.

поперечныя къ направленію луча, то-есть совершающіяся въ плоскости поля зрѣнія, но фактъ послѣдовательной передачи этихъ колебаній отъ частицы къ частицѣ по направленію луча, хотя и безъ поступательнаго движенія самыхъ частицъ, свидѣтельствуетъ именно о томъ стѣкующемъ направленіи движенія которое указано выше, какъ непремѣнное условіе для впечатлѣнія. Такимъ образомъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ что всякое впечатлѣніе само по себѣ трехмѣрно: два измѣренія лежатъ въ плоскости впечатлѣнія (въ полѣ воспріятія), а третье есть направленіе, движеніе извнѣ къ субъективному центру; а отсюда слѣдуетъ что данныя для понятія о трехъ измѣреніяхъ пространства получаютъ нами разомъ, при каждомъ и, между прочимъ, при самомъ первомъ впечатлѣніи, они совершенно нераздѣльны и немогутъ быть разсматриваемы какъ выводы постепенно выработанные опытомъ. Немыслимъ процессъ развитія по которому первоначально воспринимаются только односторонныя (линейныя) впечатлѣнія, потомъ двумѣрныя (плоскостныя) и наконецъ трехмѣрныя (объемныя). Выстъ съ тѣмъ падаеть всякая опора для предположенія по аналогіи о предстоящей возможности постигнуть или допустить понятіе о четвертомъ измѣреніи *.

Указанное третье измѣреніе которое можно назвать измѣреніемъ въ глубину, имѣеть еще другое, быть-можетъ болѣе важное психическое значеніе: при центростремительномъ движеніи впечатлѣнія это третье измѣреніе *проводится послѣдовательно*, во времени, потому даетъ понятіе не только о третьемъ измѣреніи просто, но выстъ съ тѣмъ о *направленіи* отъ внѣшняго ко внутреннему, или отъ *объективнаго къ субъективному*, опредѣляя ихъ относительно другъ друга какъ двѣ стороны или два полюса впечатлѣнія, центробѣжный и центростремительный. Эта полярность впечатлѣній есть основное данное для пониманія

* Быть-можетъ не излишне при этомъ указать на отсутствіе въ исторіи развитія міра, насколько она намъ доступна, всякой аналогіи въ оправданіе такой гипотезы: не только самыя низшіе организмы непремѣнно бывають и всегда были трехмѣрны, но всякій неорганической предметъ, всякая матеріальная частица столь же непремѣнно была трехмѣрною отъ начала міра.

всякаго соотношенія во времени и формулируется сознаниемъ въ понятіе о *причинѣ* и *слѣдствіи*. Понятіе это составляетъ непосредственное условіе всякаго впечатлѣнія, наравнѣ съ тремя измѣреніями пространства. Отсюда ясно что понятіе о причинѣ впечатлѣнія не можетъ служить основаниемъ для логическаго построенія понятія объ объективномъ абсолютномъ пространствѣ съ абсолютными тѣлами, къ которымъ воспринимаемое пространство и воспринимаемая тѣла относятся какъ часть къ цѣлому.

Во избѣжаніе неясности я попробую изложить сущность сказаннаго иначе, нагляднѣе. Я воспринимаю свѣтовое впечатлѣніе и немедленно сознаю что есть *предметъ* который на *меня* дѣйствуетъ, сознаю отношеніе между мной и предметомъ; такъ какъ однако ощущеніе впечатлѣнія единично и цѣльно, то можно недоумѣвать: откуда эта двойственность понятія о себѣ и воспринимаемомъ предметѣ? Смотрѣть на все какъ на постепенно-выработанный результатъ опыта нельзя: *опытъ* опредѣляетъ, то-есть сопоставляетъ и различаетъ понятія, но не даетъ новыхъ элементовъ; опытъ есть такъ-сказать измѣреніе, но понятіе о мѣрѣ должно быть дано отъ начала. Упомянутая двойственность удовлетворительно объясняется слѣдующимъ анализомъ впечатлѣнія: поле зрѣнія даетъ мнѣ понятіе о его двумѣрномъ протяженіи, а послѣдовательность моментовъ возникновенія и установленія, которые, какъ бы они ни были близки, являются однимъ за другимъ и образуютъ движеніе, даютъ понятіе о третьемъ измѣреніи; я, такъ-сказать, ощущаю глубину или толщину впечатлѣнія: притомъ различные слои этой глубины не одинаковы: они отличаются разновременностью возникновенія *. Это различіе, связанное соотношеніемъ послѣдовательности, познается какъ движеніе по третьему измѣренію и притомъ въ опредѣленномъ направленіи. Полюсы направленія являются въ сознаніи вопросительными понятіями *куда* и

* Эта послѣдовательность возникновенія разныхъ слоевъ впечатлѣнія, или въ переводѣ на общепринятый научный языкъ *различныя фазы волны*, особенно доступна анализу въ звуковыхъ впечатлѣніяхъ, вслѣдствіе медленности звуковыхъ движеній.

откуда, которые отличаются темным понятием о субъективномъ центрѣ—я и объ объективной периферіи—не я. Первое изъ этихъ двухъ понятий—я—менѣе темно, потому что конечно определяется какъ центръ къ которому направляются впечатлѣнія и который лежитъ въ области восприятия; второе—не я—совершенно неопредѣленно, потому что не имѣетъ центра и лежитъ въ области вполнѣ невосприимчивой, которой существованіе можно утверждать только отрицательнымъ приемомъ мышленія: я могу только сказать—я не знаю того что я знаю, и самое доказываніе мысли объ этой области обуславливается единственно тѣмъ свойствомъ периферической (объективной) стороны впечатлѣнія, что оно не оканчивается въ опредѣленномъ пунктѣ, какъ центростремительный полюсъ въ субъективномъ центрѣ, а только неопредѣленно теряется во вѣднѣности.

Такой отрицательный характеръ понятія о вѣднѣмъ (объективномъ) логически не допускаетъ никакихъ аналитическихъ приемовъ, выработанныхъ на положительныхъ понятіяхъ и пытающихся дѣльно разложить его на элементы и опредѣлить его различными свойствами, что мы и пытаемся выразить въ словѣ *абсолютно*. Надѣлать абсолютное равнообразіемъ существующихъ въ немъ тѣлъ и протяженностей, да еще въ большемъ числѣ чѣмъ они наблюдаются въ положительной области, значитъ безнадежно запутаться въ сѣтяхъ своего собственнаго мышленія.

Сдѣлаю еще одну оговорку. Можетъ возникнуть вопросъ: если анализовать понятіе объ абсолютномъ логически невозможно, то какъ понять что это возможно фактически, такъ какъ въ действительности къ такому анализу мыслитель верѣдко приступаетъ? Въ этомъ случаѣ *понять* значитъ не что другое, какъ приравнять къ чему-либо достаточно знакомому, а указанная несообразность вполнѣ приравнивается къ общеизвестному явленію, проходящему черезъ всю исторію умственной культуры и состоящему въ томъ что отвлеченныя понятія, выработанныя отрицательнымъ приемомъ мышленія изъ положительныхъ, всегда надѣлялись именно тѣми свойствами которыя отрицаются; таковы понятія о пустотѣ, о силѣ, и др. И ничто нагляднѣе не доказываетъ невозможность мыслить о свойствахъ отрицатель-

наго, какъ именно этотъ фактъ логическихъ несообразностей*.

Въ предшествовавшемъ разсужденіи о впечатлѣніи я указывалъ что къ непрѣмлямымъ, существующимъ свойствамъ его принадлежитъ, кромѣ трехъ пространственныхъ протяженій, еще протяженіе во времени; это есть четвертое протяженіе (или измѣреніе) и можно предполагать что неясное сознаніе этого четвертаго элемента побудило въ некоторыхъ къ поискамъ четвертаго измѣренія пространства, но протяженіе во времени, во первыхъ, никакъ не можетъ быть названо

* Для уясненія себѣ правнцель ли избранный путь аналогіи, или правнцельно ли его безграничное примѣненіе, полезно послѣдовательно продожить его до крайнихъ предѣловъ; тогда его характеръ становится боаѣе выравнцельнымъ и нагляднымъ.

Если доступны намъ тѣла, даже предствавленія и понятія, како во *пространствѣ*, суть частности соответствующихъ четырехъгранныхъ и абсолютныхъ предметовъ, то, разрабатывая понятіе объ абсолютномъ ширѣ, мы дойдемъ до понятій объ абсолютныхъ домахъ, абсолютныхъ или четырехъгранныхъ капкахъ, и такъ дааѣе. Всѣ подобныя несообразности для мышленія возможны и способны совпаданія не только понатель, но, влатьмъ самъ по себѣ, тесть какъ способъ, совершенно правнцельнъ. Въ *отвлеченномъ* смыслѣ математикъ имѣеть османіе говорить: какъ кругъ отлосится къ шару, такъ шаръ отлосится къ „шарошару“ (четырегрному аналогу шара), шарошаръ къ еге аналогу пاتمгрному, и т. д., а равно создавать особыя геометрію „четырехъ и вообще даннаго числа измѣреній,“ но неправоуно забывать что этотъ процессъ совпаданія есть только *условное свойство* мышленія, не *имлющее никакое объективнаго значенія*. Положимъ, я наблюдааю людей съ носами разной длины, я могу вымѣрнть ихъ отношеніе и математически продожить рядъ въ обѣ стороны до крайнихъ предѣловъ; конечными членами ряда будутъ—носъ безконечно длиннымъ и носъ безконечно короткнй. Могу ли я видѣть въ этомъ доквательство что такіе носы объективно существуютъ, только я еще не довольно развитъ чтобы воспрннцельвать ихъ?... Между тѣмъ именно такъ поступають вѣраціе въ объективную четырехгрность, даже заавлющіе о приближеніи эпохи когда люди убѣдятся что пространство вселенной есть не трехгрное, *эвклидоваго*, а четырехгрное *римановаго*, и серьезно говаораціе о совершенныхъ безсмыслацахъ, какъ напрнмѣръ „безпространственнаа бездла“ или „четвертая перпендикулярная къ тремъ другимъ координатамъ, идущая отъ точки начала координатъ не кнаружу, а *внутрь*, *въ центръ вселенной*.“ (Смотри Н. Гуака *Опытъ геометр. четыр. измѣр.* 1877 года.)

измѣреніемъ пространства въ томъ же родѣ, какъ три первыхъ измѣренія; вотъ они, она не представляетъ ничего новаго, до чего мы можемъ додуматься только въ будущемъ. Понятіе о времени дается отъ начала, при самомъ первомъ впечатлѣніи. Въ виду того первостепеннаго значенія которое, по несомнѣннымъ выводамъ науки, имѣетъ для пониманія всевозможныхъ явленій движете и необходимый элементъ его, время, удивительно что въ статьѣ А. М. Бутлерова, обсуждающей сущность явленій, эти два основныя понятія оставлены совсемъ безъ вниманія.

Все сказанное по поводу перваго пункта положеній, вытекающихъ изъ статьи А. М. Бутлерова можетъ быть кратко выражено въ слѣдующемъ положеніи: мы непосредственно познаемъ только то что называемъ впечатлѣніемъ. Каждое впечатлѣніе обладаетъ какъ основными свойствами, свойствами, триалярною протяженностью, дающую понятіе о (триалярномъ)пространствѣ, историческ., дѣйствіемъ дающимъ понятіе о времени, направленіемъ, направленіемъ дающимъ понятіе о субъективномъ и объективномъ и связать съ тѣмъ, хотя менѣе непосредственно, о причинѣ и слѣдствіи. Четвертое замѣреніе пространства есть логическое недоразумѣніе.

II.

Перехожу ко второму пункту, содержащему указаніе на аналогію которая предполагается подкрѣпляющею возможность, даже вѣроятность четвертаго измѣренія пространства. Это аналогія приемовъ ведущихъ къ пониманію симметріи двумѣрныхъ формъ и трехмѣрныхъ тѣлъ. Пусть дамы два равныя прямоугольные треугольника, которыхъ длинныя катеты параллельны и вертикальны, короткіе катеты горизонтальны и лежатъ на одной прямой, а большіе острые углы, то-есть прилежащіе къ короткимъ катетамъ, обращены въ разные стороны—у одного треугольника вправо, у другаго влѣво. Эти два треугольника равны и во всѣхъ частяхъ одинаковы, но не могутъ быть соотвѣтственны никакимъ движеніемъ въ плоскости, въ которой они начерчены. Треугольники симметричны. Симметрія есть особый видъ равенства, отличный отъ тождества. Невозможность совмѣщенія симметричныхъ треугольниковъ движеніемъ въ

плоскости дѣлало бы симметрию являемъ для насъ непонятнымъ, если бы мы способны были воспринимать миръ только двумѣрнымъ и никакихъ другихъ движеній, кромѣ движеній въ этой плоскости, * не знали. Подъ понятнымъ подразумевается такое соотношеніе треугольниковъ которое опредѣляетъ процессъ ихъ превращенія одного въ другой. Такой процессъ представляетъ вращеніе одного изъ треугольниковъ вокругъ длиннаго (вертикальнаго) катета, какъ оси, на 180° , причемъ каждая точка описываетъ полуокружность въ плоскости перпендикулярной къ первоначальной плоскости треугольниковъ. Если возможность провѣдить этотъ процессъ, мы усладили бы себя соотношеніемъ симметричныхъ треугольниковъ и вѣсть о тѣхъ законахъ, какъ бы о третьемъ измѣреніи пространства; или на оборотъ; зная третье измѣреніе, мы можемъ усладить себя соотношеніемъ симметричныхъ треугольниковъ, предложивъ ихъ вращеніе въ пространствѣ. Въ виду этого можно или даже должно допустить что мелочная симметричность трехъручныхъ тѣлъ (напримѣръ правой и лѣвой руки), не переходящихъ одно въ другое никакимъ вращеніемъ въ трехъручномъ пространствѣ, увеличалась бы движеніемъ въ пространствѣ высшаго числа измѣреній (четыремерномъ). Такъ какъ немыслимо существованіе чего-либо абсолютно непонятнаго, то четвертое измѣреніе необходимо предположить какъ единственное, что можетъ объяснить явленіе симметріи тѣлъ. Такъ, кажется мнѣ, построено второе положеніе автора.

Соглашаясь съ тѣмъ что для пониманія соотношеній симметричныхъ плоскостныхъ фигуръ нужно знакомство съ возможнымъ процессомъ ихъ превращенія одного въ другое, я очень сомнѣваюсь что указанное вращеніе есть единственный способъ положить одну фигуру на другую; онъ единственный только въ томъ случаѣ, если существуетъ упоминаемое условіе что плоскостныя фигуры *несгибаемы*, но присуще ли это свойство понятію о плоскости? ** Само-

* Недостаточно сказать просто *движеній въ плоскости* (какой бы то ни было), какъ говоритъ авторъ статьи *Четвертое измѣреніе*.

** Не должно упускать изъ вида что обыкновенно подразумеваемая въ геометріи условная неизмѣнность плоскости не можетъ служить основаніемъ или оправданіемъ для А. М. Вутаерова, такъ онъ говоритъ о *плоскости* не какъ объ *измѣреніи* только, а какъ о *тѣлѣ*, хотя и двумѣрномъ.

стоятельно существующую плоскость, какъ настоящее двух-мѣрное тѣло, мы не наблюдали и физическихъ свойствъ ея не испытывали, а въ воображеніи можно, конечно, производить всевозможныя сочетанія, подобныя крылатымъ драконамъ, центаврамъ и другимъ мифическимъ созданиямъ, но если наши предположенія имѣютъ цѣлю не создать нечто новое въ области фантазіи, а уяснить действительныя явленія, то произволу сочетаній полагаются индукціей очень тѣсныя границы. Чтобы логически опредѣлить физическія свойства плоскости, мы должны ее разсматривать какъ предѣлъ измѣреній тѣла, постепенно уменьшающагося по одному изъ трехъ измѣреній. Абсолютно несгибаемыхъ тѣлъ мы не знаемъ; всѣ тѣла, какъ бы ни были они не-сгибаемы, гнутся тѣмъ легче, чѣмъ они тоньше (пусть вспомнить читатель тонкія пластинки лутаго стекла и та-лутыя стеклянныя нити); очевидно что ставъ безконечно тонкимъ то есть плоскостью, тѣло должно быть безконечно гибкимъ. Такимъ образомъ ясно что, если мы встречаемъ надобность мыслить плоскость съ физическими свойствами, то должны предположить въ ней совершенную гибкость, а въ такомъ случаѣ я могу наложить одинъ изъ симметричныхъ треугольниковъ на другой не прибѣгая къ третьему измѣренію пространства: для этого я беру одинъ изъ треугольниковъ, надрѣзываю лѣвый, за державу дѣваго угла и тяну въ плоскости горизонтально направо; плоскость образуетъ при этомъ уголъ вертикальную складку (которая, между прочимъ сказать, не имѣетъ никакой толщины) и постепенно пробѣгаетъ до вертикальнаго катета, причемъ лѣвый треугольникъ превращается въ правый. Процессъ этотъ можетъ быть изображенъ черченіемъ въ какомъ угодно числѣ переходныхъ моментовъ и форму-лется совершенно точно и при томъ проще чѣмъ враще-ніе: каждая точка лѣваго треугольника перемѣщается го-ризонтально вправо и на разстояніе вдвое больше ея край-чайшаго разстоянія отъ вертикальнаго катета. Такимъ образомъ соотношеніе симметрическихъ плоскихъ фигуръ вполнѣ уясняется и явленіе *изъ симметріи становится по-нятнымъ изъ движенія не дающаго никакого указанія на третье измѣреніе пространства*. Вращеніе въ пространствѣ не только ничего не прибавляетъ къ уясненію явленія, но и вовсе не можетъ быть употреблено прежде чѣмъ понятіе

о третьемъ измѣреніи вполнѣ усвоено, а въ такомъ случаѣ его указаніе излишне.

Но положимъ, однако, несмотря на изложенное выше, что приемы уясняющіе соотношенія симметрическихъ плоскихъ фигуръ содержатъ указаніе на третье измѣреніе, и посмотримъ какія аналогичныя указанія дадутъ намъ приемы уясняющіе симметрію трехмѣрныхъ тѣлъ.

Авторъ статьи, опираясь на Цѣльнера, утверждаетъ что симметрія тѣлъ непонятна, а изъ приведеннаго имъ вращенія плоскостныхъ треугольниковъ несомнѣнно что непонятность, какъ я сказалъ выше, обуславливается незнакомствомъ съ процессомъ, который во всѣхъ фазахъ могъ бы быть прослѣженъ сознательно и точно опредѣляющимъ ихъ пространственныя отношенія, то-есть совмѣщающимъ одно тѣло съ другимъ. Но я рѣшаюсь утверждать что симметрія тѣлъ понятна совершенно столько же сколько симметрія описанныхъ выше треугольниковъ. Положеніе что правое тѣло не можетъ быть превращено въ лѣвое черезчуръ широко, даже въ грубомъ эмпирическомъ смыслѣ: я могу удостовѣрять на основаніи опыта что нѣкоторый, самъ по себѣ несимметричный тетраидъ (тѣло ограниченное четырьмя треугольными плоскостями) можетъ быть разрѣзанъ на двѣ части, и послѣ поворота каждой изъ нихъ на опредѣленный уголъ, и въ опредѣленныхъ плоскостяхъ части могутъ быть вновь сложены, причемъ получается другой тетраидъ, вполнѣ симметричный первому, то-есть они относятся одинъ къ другому какъ правый и лѣвый. Весьма вѣроятно что подобнымъ свойствомъ обладаютъ и многіе другіе тетраиды; а эти тѣла могутъ служить типическими представителями многогранныхъ несимметричныхъ тѣлъ*. Здѣсь дѣло идетъ, однако, не о дѣйствительномъ эмпирическомъ превращеніи, которое несуществимо и для плоскостныхъ треугольниковъ по способу вращенія на катетѣ, но только о мыслимомъ, вполнѣ опредѣленномъ способѣ превращенія, а таковой существуетъ для всевозможныхъ случаевъ симметріи. Воздерживаясь отъ всякихъ подробностей по довольно обширному вопросу о симметріи, я укажу мимоходомъ лишь на нѣкоторыя ея черты чтобъ обратить вниманіе на

* То-есть такихъ которыя, вхомя въ составъ симметрическихъ паръ, даютъ рассматриваемое здѣсь явленіе тѣлесной симметріи.

необходимость всесторонней и систематической обработки вопроса для каждаго, желающаго въ немъ ориентироваться.

Явленія симметріи могутъ быть классифицируемы на слѣдующія группы: 1) *полная* или центральная симметрія, когда всякая плоскость, проходящая черезъ центръ тѣла, дѣлит его на симметричныя половины (примѣръ: шаръ); 2) *многосная* симметрія, когда положеніе плоскостей симметріи опредѣляется не точкой, а линіей (примѣръ: эллипсоидъ вращенія, пара конусовъ); 3) *двухъосная*, когда тѣло или группу можно разсѣчь тремя плоскостями симметріи разнаго рода: каждая плоскость опредѣляется двумя взаимно перпендикулярными осями, то-есть она неподвижна (примѣръ: трехосный эллипсоидъ, пара пирамидъ съ ромбическимъ основаніемъ); 4) *одноосная*, когда возможны только двѣ (неподвижныя) плоскости симметріи, каждая съ одною симметрическою осью (примѣръ: поперечно сплюснутое ядро, пирамида съ ромбическимъ основаніемъ); 5) *плоскостная*, когда плоскость симметріи не имѣетъ симметрической оси (примѣръ: пара косыхъ пирамидъ съ ромбическимъ основаніемъ); 6) *отъснная*, когда плоскости симметріи могутъ быть проведены только внѣ тѣла, то-есть между двухъ парамъ тѣлъ (примѣръ: всякое несимметричное тѣло, пара косыхъ тетраэдровъ, такъ-называемыхъ *лагіосфеноидовъ*). Относительно этого рода симметріи, который обнимаетъ всѣ несимметричныя тѣла, но, такъ-сказать, потенциально, то-есть можетъ дѣйствительно проявиться только при условіи сопоставленія двухъ симметрично-равныхъ тѣлъ,— всѣ предшествующіе роды симметріи могутъ быть соединены въ одинъ отдѣлъ симметріи *внутреннихъ*; наоборотъ, случаи внѣшней симметріи могутъ быть отнесены къ подраздѣленіямъ: центральной, одноосной и другихъ симметріи*.

Перечисленныя категоріи представляютъ послѣдовательный рядъ все болѣе и болѣе суживающейся симметріи. Если къ опредѣленію соотношенія симметрическихъ членовъ пары примѣнить способъ вращенія, то окажется что въ первой категоріи вращеніе можетъ быть произведено при всякомъ положеніи плоскости симметріи но безчисленному множеству осей, лежащихъ въ этой плоскости и

* Повторяю: въ приведенной классификаціи я не претендую на полноту.

пересѣкающихся въ одной точкѣ; во второй категоріи, смотря по положенію плоскости симметріи (экваторіальному или меридіанальному) или по безчисленному множеству осей, какъ въ первой категоріи, или по двумъ осямъ, перпендикулярнымъ одна къ другой и лежащимъ въ той же плоскости; въ третьей, при каждомъ изъ трехъ положеній плоскости симметріи—только по двумъ осямъ; въ четвертой—только по одной оси; члены симметрическихъ паръ пятой и шестой категорій не могутъ быть совмѣщаемы вращеніемъ. Я склоненъ предположить что именно это обстоятельство, при недостаточности его уясненія, могло быть принято за указаніе на необходимость прибѣгнуть къ четвертому измѣренію пространства, при посредствѣ котораго могъ показаться мыслимымъ какой-либо новый родъ вращенія, совмѣщающій члены симметрическихъ паръ пятой и шестой категорій; такое предположеніе могло казаться отвѣчающимъ требованію аналогіи. Но это опять недоразумѣніе. Дѣло въ томъ что причина непримѣнимости способа вращенія къ симметріи послѣднихъ категорій лежитъ, такъ-сказать, не столько въ особенностяхъ этой симметріи, сколько въ спеціальной односторонности самаго способа; онъ не довольно общъ и, сравнительно, не довольно простъ. Есть болѣе простой и болѣе общій способъ, одинаково пригодный для всѣхъ родовъ симметріи, и совершенно точно опредѣляющій симметрическія соотношенія, то-есть дѣлающій явленія *полнатыми*. Прежде, однако, чѣмъ формулировать его геометрически, я полагаю полезнымъ показать его примѣненіе по возможности наглядно

Беру для примѣра всѣмъ знакомую симметрическую пару шестой категоріи, самой повидимому неловятой,—правую и лѣвую кисти руки. Очевидно что никакимъ вращеніемъ правая рука не можетъ быть превращена въ лѣвую; но возможно произвести такое превращеніе инымъ движеніемъ.

Чтобъ упростить задачу возьмемъ сначала не всю правую руку, а только ей поверхность, нагляднымъ представителемъ которой можетъ служить перчатка. Прикрѣпимъ концы пальцевъ такой перчатки къ концамъ горизонтальныхъ прутьевъ и, захвативъ противоположный край перчатки, потянемъ его по направленію къ концамъ пальцевъ; перчатка вывернется на изнанку и представитъ форму поверхности лѣвой руки.

Не трудно прояснить, что каждая точка перчатки прошла путь определенной длины, но весьма раздлинной, не-правильной кривой, которая оказалась бы прямою еслибы перчатка была бесконечно тонка и бесконечно гибка; пути всѣхъ точекъ оказались бы параллельными и ихъ направление и длина опредѣляли бы въплнѣ отношеніе каждой пары симметрическихъ точекъ поверхностей правой и лѣвой руки. Еслибы мы вывернули не перчатку, а бесконечно тонкій слой, снятый съ одной руки, то могли бы повторить ту же операцію со слѣдующимъ, болѣе внутреннимъ слоемъ. Снимая съ правой руки слой за слоемъ и выворачивая каждый отдѣльно, мы имѣли бы безчисленное число послѣдательныхъ слоевъ лѣвой руки; вложивъ ихъ одинъ въ другой въ надлежащемъ порядкѣ, мы получили бы лѣвую руку, которой всѣ точки, при переходѣ изъ правой руки, совершили параллельные пути определенной длины. Мы могли бы даже предпринять выворачиваніе всѣхъ слоевъ правой руки не порознь, а заразъ: стоить предположить что внутренніе слои достаточно растяжимы; въ такомъ случаѣ наиболѣе внутренніе слои стали бы наиболѣе наружными; погружая затѣмъ каждую точку такого слоя на надлежащую глубину, мы опять получили бы въ окончательномъ результатѣ лѣвую руку; пути описанные въ послѣднемъ случаѣ точками были бы не прямыя, а кривыя линіи, но весьма простой кривизны, потому что каждая изъ нихъ можетъ быть уложена въ плоскости. Взятая первоначально правая рука и полученная изъ нея послѣднимъ выворачиваніемъ лѣвая расположены симметрично относительно плоскости, стѣкущей пополамъ всѣ пути пройденныя точками. Не должно думать что относительное положеніе рукъ непременно должно быть такимъ какъ оно вышло въ разсматриваемомъ случаѣ, гдѣ руки обращены одна къ другой концами пальцевъ: оно можетъ быть какимъ угодно, и для всякаго случая описанный способъ, въ его геометрической сущности, остается неизмѣннымъ. Онъ мало отличается отъ способа проеціи тѣла на плоскость и ничѣмъ не отличается отъ построенія которымъ получаютъ изображеніе прозрачнаго тѣла въ плоскомъ зеркалѣ. Для тѣлъ шестой категоріи его можно кратко формулировать такъ: *на плоскость, проведенную отъ тѣла въ произвольномъ направленіи, опустить перпендикуляры изъ каждой точки тѣла и продолжить ихъ*

на такую же длину за плоскость; концы этихъ перпендикуляровъ покажутъ мѣсто симметрическихъ парныхъ точекъ, которыя совокупность представитъ положеніе симметрическаго параго тѣла.

Очевидно что въ сущности это тотъ же способъ который мы применили выше къ плоскостямъ треугольникамъ; онъ совершенно общій, пригодный для всѣхъ родовъ симметріи, и не оставляетъ ни малѣйшей неясности въ геометрическихъ соотношеніяхъ симметрическихъ тѣлъ. Въ виду замѣчательной простоты этихъ соотношеній, можно сказать что для пониманія ихъ, трехъ измѣреній пространства съ излишкомъ достаточно; анализъ явленій симметріи не даетъ никакого намека на четвертое измѣреніе пространства.

Въ заключеніе сказаннаго мною по поводу втораго положенія статьи „Четвертое измѣреніе“ я еще разъ повторяю что подъ словомъ *понятное* разумѣю то же самое что разумѣть ея авторъ, то-есть геометрически определенное соотношеніе (мыслимое превращеніе). Этимъ я хочу сказать что изъ геометрической неясности симметріи и неадекватности четвертаго измѣренія пространства никакъ не вытекаетъ понятность симметріи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Я владѣю признаю что тутъ есть много неяснаго, на примѣръ по вопросамъ: отчего одни тѣла болѣе симметричны, другія менѣе? Какое значеніе имѣетъ симметрія въ исторіи развитія міра? и тому подобнае. Отвѣтовъ на эти вопросы слѣдуетъ однако искать не въ геометріи, а въ другихъ областяхъ знанія, и прежде всего я полагаю въ кристаллологіи.

III.

Третье положеніе А. М. Бутлерова представляетъ примѣненіе установленнаго въ предыдущемъ понятія о четырехмѣрномъ пространствѣ къ попыткѣ нѣкоторымъ образомъ объяснить заязываніе узла на безконечномъ смуркѣ, сдѣланое Сладомъ, объяснить помощью аналогіи совершенно подобной той которую мы только что рассмотрѣли по вопросу о симметріи плоскихъ фигуръ и объемныхъ тѣлъ. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ примѣненіи, такъ какъ думаю что послѣ всего сказаннаго примѣняемое понятіе не можетъ считаться сколько-нибудь уста-

новлевыми, но я не могу не сказать нѣсколько словъ о новомъ примѣрѣ аналогіи между способами простѣйшаго развязыванія двумѣрнаго и трехмѣрнаго узла. Для доказательства что трехмѣрный (обыкновенный) узелъ можетъ быть завязанъ и развязанъ на безконечномъ свуркѣ движеніями въ четырехмѣрномъ пространствѣ, невозможными въ пространствѣ трехмѣрномъ, авторъ указываетъ на двумѣрный узелъ, который можно гораздо легче завязать или развязать движеніемъ въ трехмѣрномъ пространствѣ, чѣмъ въ двумѣрномъ. Двумѣрнымъ узломъ авторъ называетъ петлю представляющую спиральный оборотъ нити лежащей на плоскости. Не останавливаясь на вопросѣ можно ли такую петлю считать узломъ, хотя бы и двумѣрнымъ, я не могу не выразить моего недоумѣнія по поводу того что узелъ на свуркѣ есть узелъ трехмѣрный, а на нити—узелъ двумѣрный. Чѣмъ отличается нить отъ свурка, кромѣ совершенно условнаго взгляда на толщину?

Въ виду несомнѣнности что всякій узелъ на нити, а равно и спиральный оборотъ ея, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ узла на свуркѣ и непременно трехмѣренъ, я долженъ подразумѣвать подъ словомъ „нить“—нить безконечно тонкую чтобы не сказать—геометрическую линію. А въ такомъ случаѣ уничтожается всякая возможность согласиться съ авторомъ въ дальнѣйшемъ (хотя и помимо этого такая возможность болѣе чѣмъ сомнительна). Онъ утверждаетъ что движеніемъ въ плоскости нельзя развязать упомянутый двумѣрный узелъ иначе какъ постепенно разогнувъ кольцо петли (оборотъ спирали), то-есть заставивъ одинъ конецъ нити описать 360° , тогда какъ движеніемъ въ трехмѣрномъ пространствѣ можно приподнять петлю, поставить плоскость спиральнаго оборота перпендикулярно къ его прежней плоскости и къ общему продолженію нити, а затѣмъ только потянуть за одинъ конецъ и изгибъ исчезнетъ. Данный двумѣрный узелъ движеніемъ въ плоскости *можно* и должно развязать иначе, и притомъ гораздо проще, чѣмъ движеніемъ въ трехмѣрномъ пространствѣ: безо всякихъ подготовительныхъ приемовъ саѣдуетъ просто потянуть за прямолинейную часть нити; кольцо петли будетъ постепенно уменьшать діаметръ и въ заключеніе станетъ точкой, то-есть нить выпрямится, узелъ будетъ

развязанъ; бесконечно тонкая нить имѣетъ бесконечно малую упругость и бесконечно малую хрупкость, следовательно нечего опасаться что она переломится, какъ дурно отпущенная проволока, или выйдетъ изъ плоскости, какъ круто свитый скурокъ; если же что-нибудь подобное съ ней случится, то она не есть нить бесконечно тонкая, а следовательно узелъ былъ трехмѣрный и вся операція не содержитъ ничего поучительнаго для развязыванія трехмѣрныхъ узловъ движеніями въ пространствѣ большого числа измѣреній. Какъ бы ни завязывалъ Слэдъ узлы обыкновенными или необыкновенными движеніями въ пространствѣ, во всякомъ случаѣ приведенное А. М. Бутлеровымъ объясненіе неудовлетворительно *.

IV.

Въ положеніи четвертомъ и послѣднемъ мы встрѣчаемъ опять примѣненіе четвертаго измѣренія пространства къ объясненію непонятныхъ явленій, имѣющихъ однако несравненно болѣе важное и общее значеніе чѣмъ завязываніе узловъ, а именно явленій мединическихъ—исчезновенія и возникновенія тѣлъ. Объясненіе состоитъ основа въ проведеніи аналогіи между движеніемъ двумѣрнаго тѣла въ трехмѣрномъ пространствѣ, причемъ проектируемая имъ тѣнь на плоскость то уменьшается до исчезновенія, то снова увеличивается, и движеніемъ многомѣрнаго тѣла въ четырехмѣрномъ пространствѣ, причемъ можетъ исчезать и вновь появляться его проекція въ пространствѣ трехмѣрномъ, которую мы называемъ тѣломъ. Въ этой аналогіи повторяется то же недоразумѣніе о которомъ я только-что

* Помѣщенное въ *Новомъ Времени* нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ извѣстіе что г. Ливчакъ нашелъ способъ фактически завязывать узлы на бесконечномъ скуркѣ, и притомъ способъ *очень простой*, дѣлаетъ крайне невѣроятнымъ чтобы тутъ требовались дѣйствія въ четырехмѣрномъ пространствѣ. Подобный способъ нашелъ, какъ упомянуто въ одномъ изъ недавнихъ научныхъ обзорѣній *Московскихъ Вѣдомостей*, также одинъ профессоръ физики въ Берлинѣ. Приемъ основанъ на грубомъ обманѣ.

говорилъ по поводу трехмѣрнаго и двумѣрнаго узловъ. Нельзя допустить чтобы двумѣрная фигура (плоскость) даже мыслимая какъ безконечно тонкое тѣло, то-есть съ физическими свойствами, могло бросать тѣнь—развѣ только безконечно слабую, следовательно неудовимую; а въ такомъ случаѣ ни сокращеніе, ни увеличеніе ея площади наблюдаемы быть не могутъ; Если же подразумѣвать подъ двумѣрнымъ тѣломъ очень тонкое трехмѣрное, то не можетъ исчезнуть площадь его тѣни, и аналогія измѣняется: по аналогіи трехмѣрныхъ проекціи многомѣрныхъ тѣлъ (то-есть обыкновенныя тѣла) могутъ уменьшаться въ объемѣ и увеличиваться, но не исчезать моментально, или хотя и постепенно, но не въ геометрическомъ смѣслѣ, а въ физическомъ, то-есть терять ясность, какъ это, говорятъ, наблюдается въ медіумическихъ явленіяхъ. Такое несоотвѣтствіе характера явленій съ требованіями аналогіи не можетъ потерять силы отъ возможнаго возраженія, что не зная четвертаго измѣренія, мы не имѣемъ права судить о свойствахъ движеній которыя по немъ совершаются: я не могу отказаться отъ права сужденія въ виду, волервыхъ, одинаковости въ этомъ отношеніи каждаго изъ трехъ извѣстныхъ измѣреній пространства; вторыхъ, по существу понятія — *измѣреніе пространства*; третьихъ, потому что допуская такой своеобразный характеръ четвертаго измѣренія, я не могъ бы приравнивать его къ прежнимъ тремъ и называть измѣреніемъ пространства. Быть-можетъ мнѣ замѣтятъ что дѣло не въ названіи, что пусть назовутъ его какъ угодно, были бы только данныя для признака четвертаго измѣренія. Я отвѣчу на это что въ темной области вновь опредѣляемыхъ, еще несознанныхъ понятій дѣло въ названіи, и немедленно представляю тому доказательство въ готовности признать не только существованіе четвертаго измѣренія, но и его вліяніе на исчезновеніе и появленіе тѣлъ въ доступномъ намъ пространствѣ, съ условіемъ назвать это измѣреніе *измѣреніемъ времени* или *скоростью*. То что имѣетъ три измѣренія пространства и скорость есть движущійся предметъ; какъ мы знаемъ, онъ можетъ уйти изъ поля зрѣнія и вновь войти въ него, можетъ уменьшать и увеличивать площадь своей тѣни, ясность формы и красокъ, можетъ превращаться въ невидимый газъ, сгущаться въ твердое тѣло, однимъ словомъ

можетъ дать весь пестрый міръ явленій, которыя нами дѣйствительно наблюдаются. Но въ такомъ случаѣ изъ новаго міра неясныхъ или даже сомнительныхъ явленій мы переходимъ въ старыі міръ явленій вполнѣ опредѣленныхъ. Правда, такое четвертое измѣреніе, которому нельзя приписать темныхъ таинственныхъ вліяній, не можетъ объяснить медиумическихъ явленій: но еще менѣе надеждъ въ этомъ отношеніи можно возлагать на предположенія столь темныя что только по причинѣ этой темноты незамѣтны съ перваго же взгляда наполняющія ихъ несообразности.

Такимъ образомъ, въ виду всего изложеннаго, я полагаю возможнымъ утверждать что воззрѣнія развиваемыя въ статьѣ А. М. Бутлерова, представляютъ неудовлетворительную попытку объяснить явленія медиумизма. Однако, отвергая объясненіе, я не претендую отвергать самые факты. Мнѣ лично не случалось наблюдать медиумическихъ явленій, но крайней мѣрѣ въ ихъ характерныхъ проявленіяхъ, но я не нахожу чтобъ это давало мнѣ право, по употребительному выраженію, имѣть *не вѣрить*. Въ виду многочисленныхъ свидѣтельствъ, выходящихъ, между прочимъ, отъ лицъ которыхъ ни добросовѣстность, ни компетентность какъ наблюдателей, не могутъ быть залозрѣны, но крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ тѣ же качества у массы авторовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, я считаю неумѣстнымъ сомнѣваться что если не все, то конечно бѣльшая часть описаннаго была бы и мною, и всякимъ другимъ обладающимъ органами чувствъ, наблюдаема въ томъ видѣ въ какой она описана. Считать все описанное просто *обманомъ*, и только обманомъ, добиваться разъясненія котораго даже не интересно и чуть ли не постыдно, это значило бы поступить еще легкомысленнѣе чѣмъ поступаютъ вѣрющіе въ сверхъестественное вмѣшательство такъ-называемой *нечистой силы*. Отклоняя мысль объ обманѣ, мы встрѣчаемся съ мыслью о фокусахъ. Нельзя отрицать что многія медиумическія явленія весьма подходятъ подъ это понятіе, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ что они не стѣятъ вниманія и не представляютъ

интереса, быть-можетъ весьма серьезнаго. Въ понятіи о фокусѣ, кромѣ сокрытія приѣмовъ, родственнаго съ обманомъ, предполагается еще другая болѣе или менѣе существенная часть физическая, механическая, математическая или, по крайней мѣрѣ, личное проворство и изворотливость. Фокусы бываютъ разныхъ родовъ и не малую роль въ различіи играетъ ихъ древность: болѣе древніе и потому болѣе извѣстные (сами по себѣ или по своимъ элементарнымъ основамъ) кажутся менѣе интересными, слишкомъ простыми, тогда какъ болѣе новые легче привлекаютъ вниманіе, и по справедливости. Въ былое время къ фокусамъ принадлежали оптическія явленія, производившіяся съ помощью зеркалъ, особенно сферическихъ, а въ эпоху сравнительно недавнюю съ помощью волшебнаго фонаря, бросавшаго изображеніе въ пространство наполненное туманомъ или дымомъ. Зеркала и волшебный фонарь тщательно скрывались отъ зрителей и въ этомъ, если угодно, заключался обманъ (строже говоря только секретъ), но законы отраженія и преломленія свѣта, дававшаго изображенія, и вообще вся физическая сторона фокуса не были обманомъ и вполне заслуживали серьезнаго изученія. Публика всегда раздѣлялась въ подобныхъ случаяхъ на двѣ партіи, *вѣрящихъ* и *невѣрящихъ*. Невѣрящіе просто отрицали и уклонялись отъ сужденій, а вѣрящіе немедленно все объясняли темными понятіями о духахъ, привидѣніяхъ, и т. п. Понятія о сверхъестественномъ есть понятіе выработанное отрицательно и снабженное въ представленіи признаками положительнаго; такія понятія также неизбежны для мышленія какъ неизбеженъ для рѣчи звукъ, хотя бы совершенно условный, для обозначенія новаго понятія. Сверхъестественное можно разумѣть какъ форму непонятнаго, не опредѣленнаго сознаніемъ въ отношеніяхъ пространства и времени. Его свойство производить страхъ, или по крайней мѣрѣ возбужденіе, есть свойство вообще неизвѣстнаго, отрицательнаго, и такъ хорошо знакомо намъ въ дѣйствиіи на насъ темноты. Подобныя свойства отрицательныхъ понятій дѣлаютъ возможнымъ что люди постепенно осваиваются съ ними, смѣшиваютъ ихъ съ понятіями положительными и привыкаютъ обращаться съ понятіемъ о неизвѣстномъ какъ съ

извѣстнымъ. Вооружаясь противъ вреда суевѣрій и представлений о сверхъестественномъ, мы постоянно забываемъ что дѣло не въ этой, такъ-сказать, наглядной формѣ, а въ отрицательной сущности понятія которое подъ ней скрывается; что не рѣзкимъ порицаніемъ и насмѣшкой можно противо-дѣйствовать злу, а единственно наполненіемъ пустоты не-знанія положительнымъ содержаніемъ; требуется не преслѣдованіе спиритовъ и отлугиваніе публики отъ медиумическихъ сеансовъ, а приглашеніе тѣхъ и другихъ къ возможно частымъ и разнообразнымъ опытамъ и доставленіе всѣхъ къ тому удобствъ. Въ многочисленныхъ разговорахъ и газетныхъ статьяхъ о медиумическихъ явленіяхъ обыкновенно сквозитъ на первомъ планѣ лобочный вопросъ о *степени вреда*, приносимаго воззрѣніями на медиумизмъ, которыя неопредѣленно смѣшиваются съ самими явленіями, и весьма рѣдко приходится слышать или читать что-либо по прямому вопросу о томъ въ *чемъ* состоятъ явленія и *какъ* именно они происходятъ.

Если наблюдатель убѣдился въ достовѣрности фактовъ, то волей-неволей онъ пытается ихъ *понять*, употребляя для этой цѣли все имѣющіяся въ распоряженіи его средства: классификацію, аналогію, гипотезы. Если разрабатываемый матеріалъ еще бѣденъ или неудовлетворительно разработанъ, объясненіе окажется болѣе или менѣе неудачнымъ, можетъ вызвать пересмотръ фактовъ, но не можетъ дать основаній какъ-то неопредѣленно отрицать ихъ вмѣстѣ съ объясненіемъ. Я говорю о такой очевидности потому что случаи непризнанія ея встрѣчаются.

Еслибъ я принадлежалъ къ числу наблюдателей медиумизма и прошелъ періодъ сомнѣній въ достовѣрности фактовъ (хотя бы, положимъ, могъ отнести ихъ только къ разряду фокусовъ), то предпочелъ бы искать объясненія ихъ не въ области геометріи и метафизики, а въ другихъ областяхъ и прежде всего въ физикѣ, какъ въдающей тѣ явленія движеній которыя преимущественно дѣйствуютъ на наши чувства.

Я упоминалъ выше что органами внѣшнихъ чувствъ мы воспринимаемъ матерію только въ молекулярномъ колебательномъ движеніи. Вещество въ абсолютномъ покоѣ если и существуетъ, то совершенно намъ недоступно. Слѣдова-

тельно, еслибы въ наблюдаемомъ тѣлѣ, вдругъ или постепенно, частицы перестали совершать, напримѣръ, свѣтоты колебанія, то оно перестало бы быть видимо. Кромѣ общеизвѣстныхъ пріемовъ для прекращенія свѣтоты колебаній, каково для горящаго тѣла прекращеніе горѣнія, для освѣщеннаго помѣщеніе непрозрачной преграды между нимъ и источникомъ свѣта, существуютъ пріемы менѣе извѣстные и менѣе замѣтные при ихъ примѣненіи. Я разумѣю интерференцію и поляризацию свѣта. Первая состоитъ въ томъ что свѣтъ, идущій отъ одного источника, встрѣчается съ такимъ же по качеству и силѣ свѣтомъ другого источника, но каждый изъ нихъ заставляетъ частицы колебаться одновременно въ противоположныхъ направленіяхъ; при этомъ колебанія прекращаются, свѣтъ исчезаетъ. Поляризация состоитъ въ сообщеніи колебаніямъ направленія *въ одной плоскости*, вслѣдствіе чего поляризованный свѣтъ, *ничѣмъ не отличающійся на взглядѣ*, оказывается неспособнымъ ни отражаться подъ извѣстнымъ угломъ, ни проникать въ нѣкоторыя прозрачныя среды, которыя могутъ тоже *ничѣмъ не отличаться на взглядѣ*. Поляризовать свѣтъ можно какъ отраженіемъ при извѣстныхъ условіяхъ, такъ и пропусканіемъ его чрезъ опредѣленныя прозрачныя тѣла. Еслибы, напримѣръ, я устроилъ окно поляризующее свѣтъ, или лампу съ поляризующимъ коллакомъ, такъ что комната была бы освѣщена поляризованнымъ свѣтомъ, еслибы притомъ я рассматривалъ часть этой комнаты черезъ такую прозрачную среду (твердую, жидкую, газообразную), которой плоскость поляризации можетъ быть измѣняема, то могъ бы производить по произволу исчезновеніе и возникновеніе предметовъ. Такое устройство безъ сомнѣнія возможно, но я говорю о немъ только примѣрно, и никакъ не думаю что спиритическіе сеансы производятся при такихъ условіяхъ, слишкомъ неудобныхъ и грубыхъ... Нѣтъ достаточныхъ основаній полагать что упомянутыя поляризующія среды, такъ сказать механическія, неизбѣжны: въ виду разнообразныхъ обстоятельствъ, при которыхъ молекулярныя колебанія (свѣтоты, теплоты и вѣроятно прочія) поляризуются, еслибы былъ предложенъ вопросъ—должно ли считать невозможною поляризацию колебаній нервныхъ частицъ и сообщеніе ихъ окружающей средѣ? то едва ли бы

кто-нибудь изъ свѣдущихъ людей рѣшился дать категорическій отвѣтъ.

Сказанное о прекращеніи и возобновеніи свѣтовыхъ колебаній можетъ быть въ общемъ примѣнено и къ другимъ, напримѣръ къ колебаніямъ дѣйствующимъ на осязаніе.

Въ заключеніе я повторю что если даже медіумическія явленія окажутся *сознательными фокусами*, то и въ такомъ случаѣ они заслуживаютъ полнаго вниманія, и изученіе ихъ можетъ дать интересные результаты.

Н. ГОЛОВКИНСКІЙ.

Одесса. Апрѣля 20го.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Затишье и Буря. Графа Арсенія Голенщикова-Кутузова. 1878.

Это собраніе стихотвореній написанныхъ, какъ гласитъ надпись на оберткѣ, въ періодъ съ 1868 по 1878 годъ. Авторъ ничего не говоритъ про самого себя; собранію его стиховъ не предпослано никакаго предисловія, и читателю приходится самому возсоздавать духовный образъ поэта, уяснять себѣ его идеалы, стремленія, желанія. Труду этому нѣсколько помогаетъ „Посвященіе“ помѣщенное на первой страницѣ. Поэтъ посвящаетъ своей матери:

И *отроческихъ* грезъ волшебный, чудный жаръ,
И *иррадной юности* постыдное безумье,
И призраки, и сны что унеслися вдаль,
Оставивъ по себѣ лишь скуку и печаль;
И *черствой зрѣлости* безстрастное раздумье;
И счастья пояднаго осенній, тихій свѣтъ.

Мы имѣемъ, слѣдовательно дѣло съ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, для котораго среди „осенняго свѣта поздняго счастья“ настала періодъ безстрастнаго раздумья. Нѣсколько труднѣе уяснить себѣ въ чемъ состоялъ „чудный жаръ“ отроческихъ грезъ и въ чемъ заключалось

„лостыдное безуміе“ празднои юности. Мы узнаемъ изъ перваго стихотворенія, озаглавленнаго *Прощаніе съ товарищами*, что по окончаніи курса авторъ „свершилъ громкій пиръ въ честь дружбы и надеждъ“:

Ко мнѣ, товарищи! Устроимъ дѣло живо!
 Захватимъ по пути закуску, водку, пиво...
 (Вино заморское намъ какъ-то не съ руки,
 Пей всакій чтó пришаось—и къ чорту сюртуки!
 Безъ нихъ свободнѣе заводится бесѣда!)

Среди этого „громкаго пира“ авторъ слышалъ вдали „гаузіе перекаты“, „грознаго ролотъ волнъ“. Градущее казалось ему однако свѣтло и, простившись съ товарищами, онъ „съ Богомъ пустился въ путь-дорогу“:

Богъ помочь намъ, друзья, на жизненномъ пути!
 Урочный вѣкъ прожить—не поле перейти!
 Вы слышите-ль вдали гаузіе перекаты
 И грознаго ролотъ волнъ?—Надежды ваши святы:
 Не вѣчно намъ въ отвѣтъ гремѣть лишь будетъ смѣхъ;
 Ужъ правда юная караетъ старый грѣхъ,
 И, предъ знаменами поруганной святыни
 Скачась, блѣднѣетъ ликъ сдѣлющей гордыни!
 О, кто дерзнетъ сказать что утро не взошло?
 Друзья,—ошибся я—градущее свѣтло!
 Я чую на душѣ счастливую тревогу;
 Простимся жъ въ добрый часъ, и съ Богомъ въ путь
 дорогу!

Смѣхъ и грѣхъ, святыня и гордыня рифмуютъ между собой очень хорошо. Но нельзя не сознаться что программа которую поэтъ начерталъ себѣ, вступая „въ путь дорогу“, отличалась весьма ощутительнымъ недостаткомъ ясности. Не мудро то осуществленіе ея встрѣтило препятствія. Автору недоставало еще „безстрастнаго раздумья“. Программа, повидимому, превращалась подъ руками въ какую то неудовимую тѣнь. Съ другой стороны, мѣшалъ „свѣтъ“, это собирательное понятіе на которое постоянно жалуются поэты. Поэтъ хотѣлъ все что-то сдѣлать, куда-то уѣхать, а между тѣмъ дѣло не спорилось и отъѣздъ все откладывался. Ему хотѣлось —

..... бѣжать, бѣжать далеко
 Отъ блеска и людей, отъ суетныхъ пировъ,
 И тамъ, въ родной глуши, страдать, страдать гаубоко,
 Подъ шумъ и пѣніе метедей и снѣговъ.

Въ другой разъ онъ хотѣлъ надѣть „ризу паломника“:

Не лелѣи на меня, мой замысательный другъ,
За мою нищету и безсилъе,
Ослабили меня, обступили вокругъ
Стѣны крѣпкія, мракъ и насыпье.
Но, повѣрь, не далеку обновленія день,
И сломаю я крѣпкую стѣну,
И покину тюрьмы непривѣтную стѣну,
И паломника ризу надѣну.

Отъ шумящихъ столицъ далеко, далеко
Я уйду, строгой думой объятый,
Въ душу родины тамъ загляну глубоко,
Заберуся въ землянки и хаты.

.....
И вернувшись назадъ, тебѣ пѣсню спою—
Не такую какъ пѣлъ я донынѣ.
Нѣтъ, услышавъ тогда эту пѣсню мою,
Ты покаешься ей какъ святыньѣ.

Справедливость требуетъ сознаться что вся первая часть книги, наполненная чисто-субъективными жалобами и общаніями, производитъ нѣсколько утомительное впечатлѣніе. Тамъ, гдѣ поэтъ на мгновение перестаетъ разказывать намъ неопредѣленное состояніе своей души, забываетъ про себя и дѣлается объективнымъ, подъ перомъ его создаются прелестныя стихотворенія. Вотъ, напримѣръ, *Колыбельная* изъ цикла стихотвореній *Смерть*. Это *Danse Macabre* въ стихахъ:

Плакалъ ребенокъ. Свѣча, нагарая,
Тусклыми мерцала огнемъ;
Цѣлую ночь, колыбель охраняя,
Мать не забылася сномъ.
Рапо-ранехонько въ дверь осторожно
Смерть сердобольная—стукъ!
Вздрыгнула мать, оглянулась тревожно...
„Полю пугаться, мой другъ!
Бѣдное утро ужъ смотритъ въ окошко.
Плача, тоскуя, любя,
Ты утомилась... Вздремни-ка немножко—
Я посижу за тебя.
Угмонить ты дитя не сумѣла,
Слаще тебя я спою.“
И, не дождавшись отвѣта, запѣла:
„Баюшки баю—баю.“

М а т ь.

Таше! ребенокъ мой мечется, плачетъ!
Грудь истомить онъ свою!

С м е р т ь.

Это со маой онъ играетъ и скачетъ.
Баюшки баю—баю.

М а т ь.

Щеки блѣднѣють, слабѣетъ дыханье..
Да замолчи же, молю!

С м е р т ь.

Доброе знаменье—стихнетъ страданье.
Баюшки баю—баю!

М а т ь.

Прочь ты, проклятая! Лаской своею
Сгубишь ты радость мою!

С м е р т ь.

Нѣтъ, мирный сонъ я младенцу навѣю,
Баюшки баю—баю.

М а т ь.

Сжался! Пожди долѣвать хоть мгновение
Страшную пѣсню твою!

С м е р т ь.

Видишь—уснулъ онъ подъ тихое пѣніе—
Баюшки баю—баю.

Еще отрывокъ изъ той же *Пляски смерти*. Стихотвореніе озаглавлено *Трепакъ*. Среди безлюдной поляны

..... въ темнотѣ мужика

Смерть обнимаетъ, ласкаетъ,

Съ пьяненькимъ пляшетъ вдвоємъ трепака,

На ухо пѣсню напѣваетъ.

Любо съ подругой бѣлой плясать!

Любо лихой ея пѣснѣ внимать!

Охъ, мужичокъ,

Старичокъ

Убогой,

Пьянъ напился,

Ползлася

Дорогой,

А метель-то, вѣдьма, годнялась,

Взыграда!

Съ поля въ дѣвъ дремучій невзначай
Заглава!

Геремъ, тоской,
Да нуждой
Тошнмый,
Лягъ, отдохни,
Да усни,
Родимый!

Я тебя, голубчикъ мой, снѣжкомъ
Согрею;
Вкругъ тебя великую игру
Затѣю.

Взбей-ка постель,
Ты, метель,
Лебедка!
Ну, начинай,
Залѣвай,
Погодка.

Сказку—да такую чтобъ всю ночь
Танулось
Чтобъ пьянчугѣ крѣпко подъ нее
Уснулось!

Гой вы дѣса,
Небеса,
Да тучи!
Темь, вѣтерокъ,
Да снѣжокъ
Летучій!

Сталемъ-ка въ кружки, да удалой
Толпою
Въ пляску развеселую дружелѣй
За мною!

Графъ Голенищевъ-Кутузовъ превосходный переводчикъ.
Его переводъ стихотворенія Гёте *Meerestille* одинъ изъ
лучшихъ какой встрѣчался намъ до настоящаго времени:

На водахъ некой глубокиѣ,
Безъ движенья море спитъ,
И, заботы полныѣ, кормчѣй
Въ даль широкую глядитъ.

Ни волненья, ни дыханья—
Гробоная тишина!
Ни одна въ нѣмомъ просторѣ
Не колышится волна.

Военныя событія послѣдняго времени вызвали поэта изъ того неопредѣленнаго душевнаго состоянія въ которомъ онъ находился:

Внимаю вопль и грохотъ битвы,
Я пламенѣлъ, я замиралъ,
Шепталъ горячія молитвы
И слезы дилъ, и воскресалъ.
Все воскресало къ жизни новой,
Тревоги полой и суровой:
Любовь къ отчизнѣ, вѣра, честь,
Сознанье юности могучей,
Самозабвенье страсти жгучей,
Презрѣнье, гордость, злоба, месть,
Все то чтѣ жизнью зовется,
Чѣмъ жизнь волшебна и красна,
Очнулось, ожило... Война
Надъ Русью, какъ гроза, несется
Грешить, сверкаетъ и реветъ
Объятаа огнемъ и тьмою.

Война совпала по времени съ эпохою лучшаго развитія таланта автора. Она вызвала у поэта цѣлый рядъ стихотвореній въ которыхъ уже нѣтъ поминанія—ни о неопредѣляемыхъ обѣщаніяхъ, ни о препятствіяхъ къ осуществленію неясныхъ стремленій и цѣлей. Въ поэтѣ заговорило чувство горячей любви къ отечеству:

О вѣрь мнѣ, милая, не мучь себя сомнѣвьемъ!
Гроза умчится прочь, и съ прежнимъ упоеньемъ
Къ тебѣ вернуся я, и вновь скажу—я твой!
Но часъ не наступилъ. Сквозь тучъ лучей не видно,
Въ смятеніи родина, не смоетъ страданій стонъ;
Кто радостенъ теперь—тому да будетъ стыдно,
Кто правденъ и счастливъ—тотъ жалокъ и смѣшонъ.

Его охватилъ великій подъемъ народнаго духа:

Война! Широко прокатилася
Надъ Русью громовой раскатъ.
Столичный людъ засуегиася,
Въ павъ мужикъ перекрестилася;
Богачъ и нищій, старъ и младъ,
Страхнули разомъ всю дремоту,
Войны великую заботу
Почуя на душѣ. Москва—

Россіи сердце въ страсти шумной,
И Петербургъ благоразумный,
Россіи гордая глава,
Узды, дальнія селенья,—
Пріюты сна и запустѣнья—
Все пробудилось какъ встарь,
Въ борьбы тяжелыхъ годины.
И Самъ въ средѣ своей дружины
Походъ свершаетъ Русскій Царь!

Въ соприкосновеніи съ оживляющимъ духомъ народныхъ уловою лютъ заговорилъ инымъ языкомъ. У него явились мужество и сила:

Не одолѣетъ насъ невзгода!
Стряслась бѣда—снесемъ бѣду!
Сыны великаго народа,
Мы въ нашу вѣруемъ звѣзду.
И проклять будь, чей духъ смутится,
Чей въ страхѣ побѣднѣетъ ликъ,
Кто малодушно усомнится
И дрогнетъ хоть единый мигъ.

И никто не дрогнулъ. Балканскіе орлы стояли:

Ихъ горсть—и вотъ взметаетъ Судейманъ
Свои на нихъ несмѣтныя дружины.
Призывъ къ борьбѣ подьземаетъ вражій станъ:
Аллахъ! Аллахъ!—и лѣзутъ на вершины.
Они жь стоятъ безстрелетнѣй скалы,
И гордо ждуть кровавой страшной встрѣчи
Подъ градомъ пуаъ, и ядеръ, и картечи.
Они стоятъ—балканскіе орлы!
Вся Русь имъ шлетъ свои благословенья,
Всѣ взоры слезъ и радости поаны,
Поаны надеждъ, любви и удивленья,
На подвигъ ихъ святой обращены,—
И врагъ бѣжить, громами ихъ гонимый,
Они жь стоятъ средь ужаса и мглы,
Какъ выси горъ, тверды, нелобѣдимы—
Безсмертные, балканскіе орлы!

Но лучшее изъ всѣхъ стихотвореній разбираемой нами книги называется *Кладъ*. Ему вѣроятно суждено пережить многія другія лютическія произведенія вызванныя послѣднею войной:

Намъ Турокъ-измѣнникъ, ослабѣвъ, шепталъ:
 „Хватайтесь скорѣй за лопаты!
 Я знаю гдѣ пушки Османъ закопалъ.
 Вотъ мѣсто—не холмъ, не редуть и не валъ —
 Здѣсь кладъ вы найдете богатый.“

И точно: при свѣтѣ холодной луны
 Вблизи, на подобье кургана,
 Недавняя насыпь среди бѣлизны
 Лежащей кругомъ снѣговой пледы
 Темнѣетъ какъ черная рана.

И лесъ одиночѣй по насыпи той
 Въ полумочи бродить уныло....
 — Эй, Турокъ! Ты лжешь—не чугунъ боевой
 Не пушки тяжела—кладъ здѣсь иной
 Закопанъ подъ свѣжей могилой!

Лопаты о мерзлую землю стучать,
 Спорится ночная работа.
 Вдругъ „стой!“... И лопатился старый солдатъ,
 И въ страхъ бабднѣвъ, находкѣ не радъ—
 Отрылъ онъ ужасное что-то!

„Смотри-ка, ребята—смотри, да дивись!“
 Глядать — голова человѣчья
 Торчитъ изъ земли... Вновь копать принялись,
 Толпою вокругъ мертвеца собрались:
 На тѣлѣ ни ранъ, ни увѣчья!

Стоитъ русскій воинъ безмолвенъ и прѣмъ,
 Глубокой дремою объятый,
 И рѣзецъ примерзъ къ молодецкимъ плечамъ,
 И сдвинуты'моги, и руки по швамъ;
 Лишь пальцы страдальчески сжаты.

Намъ жутко всѣмъ стало... Невольный услугъ
 Сжалъ сердце. Крестился солдатъ,
 Въ суровомъ уныньи поникаи вокругъ.
 Промчалось мгновенье... очнулся—и, вдругъ,
 Схватился вновь за лопаты.

Лопаты о мерзлую землю стучать;
 Кипитъ и спорится работа.
 Изъ глуби кургана встаетъ страшный кладъ!
 Встаетъ при лунѣ мертвецовъ длинный рядъ—
 Ихъ строится цѣлая рота.

И каждому свѣтитъ въ лицо мертвецу
Луна сквозь ночнаго тумана.
Какъ въ часъ торжества на парадномъ плацу,
Во фронтѣ стоять,—молодець къ молодцу—
Отборныя жертвы Османа!

Стоять неподвижно дружиной кѣмой;
Прявшіе смерть безъ боязни,
Живыми зарыты, мести людской
Не просить оми. Судія не земной
Да будетъ отмститель ихъ казни!...

И въ горѣ, и въ страхѣ, съ молитвой опять,
Не трогая, ихъ мы зарыли.
И песнь на сѣденье чтобъ трупы не дать,
Курганъ стала вьюга къ ночи заметать,
И бури надъ ними завывли.

Намъ плакать по мертвымъ не время... Съ утра
Срядились въ походъ. Намъ буряны,
Матери и бури не страшны. Пора
Съ врагами кончать... Надоѣла игра!
Миръ лавшимъ! а мы—за Балканы!

Россия не позабудетъ „балканскихъ ораговъ“. Она не позабудетъ и „жертвъ Османа“. Но графу Арсенію Голицыну-Кутузову будетъ принадлежать заслуга облегчить и упрочить въ памяти потомства это воспоминаніе. Не слѣдуетъ представлять себѣ такую заслугу маловажною. Мы склонны, быть-можетъ даже болѣе нежели можетъ показаться съ перваго раза, забывать великіе подвиги народной доблести, слывая ихъ въ безличное, отвлеченное представленіе о „чудесахъ“ храбрости и о томъ что „много сложено костей“. Спокойно и строго, безъ фальшиваго хвастовства, безъ приторнаго риторства, создалъ поэтъ тѣ краснорѣчивыя страницы которыя посвящены ордамъ и мученикамъ послѣдней войны. Страницы эти заломаются подрастающимъ поколѣніемъ; огненными чертами встанутъ они въ памяти, когда наступитъ великая минута окончить начатое дѣло:

Смотри: могучій, юный воинъ
Уже идетъ тебѣ во слѣдъ.
Идетъ онъ откровенно, смѣло,
Вооруженъ съ главы до пятъ,
Онъ кончитъ начатое дѣло,
Онъ не попятится назадъ.

г. охххх.

Подведемъ итоги. Графъ Арсеній Голевищевъ-Кутузовъ обладаетъ несомнѣннымъ и не зауряднымъ поэтическимъ талантомъ. Талантъ этотъ возвышается до дѣйствительнаго поэтическаго творчества когда предъ поэтомъ предстаютъ ясные объективные образы, когда смутный миръ неопредѣленныхъ внутреннихъ стремленій освѣщается яркимъ и теплымъ лучомъ дѣйствительно великаго и прекраснаго. Въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ поэтъ представляется намъ въ поискахъ за какимъ-то дѣломъ которое все бѣжало отъ его рукъ. Теперь дѣло это для него найдено. Оно заключается въ служеніи прекрасному, въ воплощеніи его въ ясныхъ, чистыхъ и свѣтлыхъ поэтическихъ образахъ. Такое дѣло служить всѣмъ на пользу, хотя оно дается и немногимъ. Къ числу этихъ немногихъ принадлежатъ авторъ *Затишья* и *Бури*.

II.

Gaston Tissandier: *Histoire de mes ascensions, récit de 24 voyages aériens (1868—1877), précédé de simples notices sur les ballons et la navigation aérienne. Ouvrage illustré de nombreux dessins.* Paris, Dreyfous, 1878.

Вопросы о воздухоплаваніи, о способахъ подниматься на воздухъ и удерживаться тамъ въ теченіе продолжительнаго времени, о возможности по произволу направлять полетъ воздушнаго шара—не перестаютъ занимать умъ человѣка съ минуты изобрѣтенія аэростата до нашихъ дней. Вопросы эти переходятъ, повидимому, изъ области утопій и фантазій на реальную, научную и практическую почву. Воздухоплаваніе получило серьезное примѣненіе къ стратегическимъ дѣламъ, какъ это доказываетъ исторія осады Парижа. Оно оказало существенныя услуги наукъ, доставивъ ей драгоценныя матеріалы почерпнутые изъ наблюденій на высотѣ до восьми тысячъ метровъ надъ землей. Быть-можетъ не далеко уже то время когда практика воздухоплаванія вступитъ въ совершенно новую эпоху. Кто можетъ угадать тѣ чудесныя открытія и приложенія которыя еще суждено сдѣлать наукъ? Но во всякомъ случаѣ въ высшей степени интересно ознакомиться въ ясномъ и сжатомъ очеркѣ съ главными моментами исторіи воздухоплаванія,

съ современнымъ его положеніемъ и тѣми задачами осуществленіе которыхъ принадлежитъ ближайшему будущему. Такого рода очеркъ представляетъ книга Гастона Тиссандье, редактора извѣстнаго французскаго журнала *La Nature*. Она написана знатокомъ дѣла. Кромѣ своихъ научныхъ свѣдѣній, Тиссандье обладаетъ громадною практическою опытностію, ибо онъ совершилъ уже двадцать четыре путешествія по воздуху. Къ числу ихъ относится рядъ полетовъ предпринятыхъ на воздушномъ шарѣ во время осады Парижа, и знаменитое путешествіе на *Земитъ*, во время котораго лишились жизни товарищи воздухоплавателя—Сивель и Кроче-Сливелли. Авторъ обладаетъ даромъ необыкновенно простаго и яснаго изложенія; оно еще выигрываетъ отъ цѣлаго ряда мастерски исполненныхъ рисунковъ изображающихъ различные моменты изъ наиболее замѣчательныхъ воздушныхъ путешествій, типы аэростатовъ различной конструкции, виды снятые съ натуры на значительной высотѣ, различные оптическия явленія замѣчательныя въ облакахъ и т. д. Рисунки эти исполнены также знатокомъ своего дѣла, братомъ автора, Альбертомъ Тиссандье, который принималъ участіе въ воздушныхъ полетахъ и имѣлъ возможность передать карандашомъ то что онъ видѣлъ собственными глазами въ заоблачныхъ высотахъ. Не касаясь второй части книги, посвященной описанію двадцати четырехъ воздушныхъ полетовъ предпринятыхъ авторомъ, мы стараемся въ сжатомъ очеркѣ передать содержаніе первой части озаглавленной *Simplex notions sur les ballons et la navigation aérienne*. Въ вопросахъ предъ которыми открывается цѣлая новая будущность, въ вопросахъ достигнувшихъ важнаго кризиса въ своемъ существованіи, всегда бываетъ интересно бросить взглядъ на всю совокупность предшествовавшаго, на весь объемъ существующихъ надеждъ, предположеній и задачъ. Для того чтобы сознательно слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ вопроса, необходимо возобновить въ памяти его исторію и уяснить себѣ его настоящее положеніе. Что касается описаній собственныхъ полетовъ Тиссандье, то они рѣшительно проиграли бы въ передачѣ. Читатель лишенный могущественнаго пособія рисунковъ, плановъ и картъ не будетъ въ состояніи, хотя бы приблизительно, составить себѣ локатіе о томъ интересѣ который представляютъ эти описанія въ изложеніи автора.

Принципъ аэроавтики такъ простъ, говоритъ Тиссандръ, что вѣтъ основанія не допустить предположенія чтобъ онъ не былъ извѣстенъ уже въ глубокой древности. Чтобы представить себѣ аэростатъ, достаточно отдать себѣ отчетъ въ томъ элементарномъ фактѣ что большой шаръ изъ тонкой матеріи наполненный теламиъ воздухомъ, болѣе рѣдкимъ нежели обыкновенный воздухъ, долженъ подыаться въ атмосферѣ точно также какъ кусокъ дерева поднимается на поверхность воды въ силу того что плотность его менѣе нежели плотность окружающей среды. Но если мысль эта и приходила древнимъ, она не нашла практическаго осуществленія, ибо всѣ разказы о воздушныхъ полетахъ древности, разказы о Дедалѣ, Икарѣ, о механическомъ голубѣ который, по словамъ Авла-Геллія, былъ изобрѣтенъ философомъ Архитомъ въ 360 году до Р. Х. и леталъ будто бы по воздуху, относятся къ области басень. Первая сколько-нибудь опредѣленно выраженная мысль о возможности подыматься на воздухъ, безъ участія волшебства, принадлежитъ португальскому физику Гузману, родившемуся около 1685 года въ Бразиліи и умершему послѣ 1724 года. Въ 1709 году онъ обратился къ португальскому королю съ проектомъ, печатный экземпляръ который сохранился до настоящаго времени. „Я изобрѣлъ,“ говоритъ Гузманъ, „такую машину посредствомъ которой можно путешествовать по воздуху гораздо быстрее нежели по землѣ и по водѣ. При помощи этой машины въ день можно будетъ дѣлать болѣе 200 льб, перевозить делеша для армій въ самыя отдаленныя страны и выпускать кого угодно изъ осажденныхъ мѣстъ безо всякой возможности сопротивленія со стороны непріятеля. Благодаря моеи машинѣ можно будетъ открыть страны граничащія съ полюсомъ.“ Отвѣтъ короля помѣченъ 17 апрѣлемъ 1709 года. Король обѣщалъ Гузману сдѣлать его профессоромъ математики въ Коимбрскомъ университетѣ и дать ему значительное жалованье если его обѣщанія будутъ осуществлены на дѣлѣ. Въ 1709 году Гузманъ сдѣлалъ опытъ въ присутствіи короля. Его шаръ медленно подылся до потолка залы и также медленно опустился опять. „Онъ подымался вслѣдствіе какихъ-то веществъ которыя зажегъ самъ изобрѣтатель.“ Гузманъ не повторилъ болѣе своего опыта. Его начали подозрѣвать въ чародѣйствѣ и онъ тайкомъ покинулъ Португалію. Съ

открытіемъ водорода и того обстоятельства что газъ этотъ почти въ семь разъ легче воздуха, могла тотчасъ же возникнуть мысль о воздушномъ шарѣ. Она возникла дѣйствительно у англійскаго физика Тиберія Кавалло, но осталась на стелени лабораторнаго опыта. Кавалло наполнялъ водородомъ мыльные лузыри. Когда онъ попытался наполнить этимъ же газомъ шаръ склеенный изъ китайской бумаги, то газъ проникалъ сквозь поры бумаги и не держался въ шарѣ. Честъ устроить и пустить на воздухъ первый воздушный шаръ принадлежитъ братьямъ Монгольфьеръ. Поднятіе дыма, тумана и облаковъ подали имъ мысль объ аэронавтикѣ. Они придумали заключить дымъ въ большой бумажный мѣшокъ, надѣясь что вмѣстѣ съ дымомъ поднимется и легкая оболочка въ которую онъ былъ заключенъ. Сжигая бумагу подъ отверстіемъ шара и достигая такимъ образомъ разрѣженія воздуха, братья Монгольфьеръ имѣли цѣлью *former un nuage*, образовать облако. Какъ бы то ни было, но опыты ихъ увѣнчались успѣхомъ. 5 іюля 1783 года первый воздушный шаръ поднялся на воздухъ изъ французскаго города Аннонэ (*Annonay*) среди восторженныхъ восклицаній зрителей. Братьевъ Монгольфьеръ немедленно выписали въ Парижъ. Нетерпѣніе увидѣть собственными глазами чудо совершившееся въ провинціальномъ городѣ было такъ сильно „что для казались Парижанамъ за мѣсяцы, а минуты за часы“. Профессоръ Шарль, любимецъ парижской публики стекавшейся толпой слушать его популярныя лекціи физики, услышалъ про опытъ братьевъ Монгольфьеръ и рѣшился сдѣлать такой же опытъ въ Парижѣ, но наполнить шаръ водородомъ. 23го августа 1783 года шаръ былъ готовъ. На слѣдующій день ночью его повезли на Марсово поле. Предоставимъ здѣсь говорить современнику, профессору *Jardin des Plantes*, Фуаде-Севъ-Фонъ:

„Нельзя представить себѣ болѣе страшную картину нежели перенесеніе этого шара. Впереди несли зажженные факелы; шаръ сопровождалъ отрядъ пѣшей и конной стражи. Ночное шествіе, форма и объемъ предмета который несли такъ торжественно и съ такими предосторожностями, торжественное молчаніе, необычный часъ — все это способствовало тому чтобы придать этой процессіи что-то страшное и таинственное и внушить уваженіе всѣмъ непо-

священнымъ лицамъ. Кучера фіакровъ, встрѣчавшихся по дорогѣ, были такъ поражены что первымъ движеніемъ ихъ было останавливать свои экипажи. Они снимали шляпы и увлеченно кланялись во все время пока шествіе двигалось мимо ихъ.“

Такова была оригинальная картина появленія въ Парижѣ перваго воздушнаго шара. Полетъ его былъ обставленъ не менѣе торжественно. 27го августа 1783 года все Марсово поле было окружено войсками и покрыто безчисленнымъ множествомъ народа. Въ пять часовъ лучезарный выстрѣлъ возвѣстилъ о началіи опыта и подавъ въ то же время сигналъ ученымъ, помѣстившимся на одной изъ башенъ собора *Nôtre Dame*, на террасѣ *Garde-meuble de la Couronne* и въ Военной школѣ: они должны были измѣрить своими снарядами высоту которой достигаетъ шаръ. Поднятіе шара произвело на Парижанъ ольгательное впечатлѣніе. Мушкетеры плакали, а нарядныя женщины, забывъ про свой костюмъ, не могли оторвать глазъ отъ шара и не чувствовали дождя который пошелъ тѣмъ временемъ. Между тѣмъ братья Монгольфьеръ пріѣхали въ Парижъ и возобновили свои опыты въ присутствіи короля и всего двора. 15го октября 1783 года отважный Пилатръ де-Розье въ первый разъ поднялся на воздухъ на шаръ удерживаемомъ веревками, а 21го ноября имъ же и маркизомъ Арландомъ было предпринято первое воздушное путешествіе на свободномъ шарѣ. Когда шаръ благополучно опустился, энтузіазмъ толпы достигъ такой степени что она разорвала на мелкіе клочки верхнее платье Пилатра де-Розье, снятое имъ во время путешествія и положенное въ лодку аэростата. Клочки эти каждый хотѣлъ сохранить на память. Профессоръ Шарль и братья Робертъ, извѣстные въ то время парижскіе мастера физическихъ инструментовъ, открыли подлиску на устройство шара наполненнаго водородомъ и предназначеннаго поднятъ на воздухъ двухъ путешественниковъ. Путешествіе состоялось 1го декабря 1783 года въ присутствіи цѣлаго Парижа. По словамъ Тиссандье, Шарль „создалъ къ этому времени искусство воздухоплаванія“. Шаръ его былъ сдѣланъ изъ тафты и покрытъ сѣткой; матерія его была пропитана растворомъ дѣлавшимъ ее непроницаемою; устроенъ былъ

каланъ для выпусканiя газа, взять балаастъ, привѣсить якорь. Шарль захватилъ съ собою даже барометръ. Воздушное путешествiе Пилатра де-Розье и Шарля и благополучный исходъ его свели съ ума весь Парижъ. Вездѣ только и говорили что про шары. Появились шашлы *à la Montgolfier*, причеки *à l'air inflammable*—такъ называли въ то время водородъ. Шары рисовали на тарелкахъ, на вѣтрахъ, на бовбомьеркахъ. Портреты братьевъ Монгольфьеръ, Пилатра де-Розье и Шарля расходились въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ 1797 появилось приложенiе парашюта къ воздушному шару. „Нужно вѣзваться“, говоритъ Тиссандье, „что шары которыми пользуются современные аэронавты ни чѣмъ не отличаются отъ первыхъ аэростатовъ. Въ то время какъ наука сдѣлала во всѣхъ отрасляхъ громадные успѣхи въ теченiе восьмидесяти лѣтъ, воздушный шаръ остался все въ одномъ положенiи.“ И въ доказательство этой мысли онъ приводитъ описанiе воздушнаго шара. Предполагая устройство обыкновеннаго аэростата достаточно извѣстнымъ читателямъ, мы приведемъ только двѣ интересныя подробности изъ этого описанiя. Кромѣ якоря предназначеннаго для того чтобы дѣлаться за землю во время опусканiя шара, при аэростатѣ существуетъ еще особая веревка, называемая *guide-rope*, имѣющая отъ 150 — 200 метровъ длины. Веревка эта волочится по землѣ когда шаръ готовится опуститься и своимъ тренiемъ о землю, равно какъ и своею тяжестью, образуетъ какъ бы родъ тормоза. Другая подробность касается собственно ощущенiй испытываемыхъ воздухоплавателемъ. Шаръ движется въ воздухѣ вмѣстѣ съ воздушнымъ теченiемъ въ которое онъ попадаетъ; отсюда впечатлѣнiе необыкновенной тишины воздуха, необычнаго спокойствiя, абсолютной неподвижности. Что касается вида земли съ высоты воздушнаго шара, то земля представляется воздухоплавателю слегка выгнутою въ формѣ чаши. Отмѣтимъ здѣсь кстати нѣсколько любопытныхъ статистическихъ данныхъ. Начиная съ 1783 года на воздушныхъ шарахъ поднимались болѣе *двадцати тысячъ* путешественниковъ. Изъ нихъ погибло *двадцать*, то-есть по одному на тысячу. Изъ этихъ двадцати катастрофъ половина должна быть приписана, по мнѣнiю Тиссандье, неспособности или неблагоприятной от-вагѣ воздухоплавателей.

Весьма скоро послѣ изобрѣтенія воздушнаго шара возникла мысль воспользоваться имъ для военныхъ цѣлей. Знаменитый химикъ Гьютонъ де-Морво предложилъ комитету общественной безопасности наблюдать посредствомъ „шаровъ на привязи“ *ballons captifs*, движенія неприятельскихъ армій и перемѣны въ ихъ позиціяхъ. Комитетъ вполне согласился съ его предложеніемъ и издалъ декретъ въ силу котораго былъ образованъ особый отрядъ военныхъ аэронавтовъ, *aérostiers militaires*; начальство надъ этимъ отрядомъ получилъ Бутель, извѣстный тогда парижскій физикъ. Австрійская армія весьма обезпокоилась, увидавъ въ воздухѣ шаръ „который, какъ таинственное око, неподвижно сѣдиль за ея движеніями“. Нѣкоторые австрійскіе солдаты падали на колѣни и молились при видѣ такого чуда; они считали его дѣломъ сатаны. Услуги оказанныя арміи наблюденіемъ посредствомъ воздушныхъ шаровъ показали комитету общественной безопасности столь существенными что скоро былъ учрежденъ второй отрядъ военныхъ аэронавтовъ, а затѣмъ цѣлая аэроавиатическая школа. Наполеонъ уничтожилъ то и другое. Мысль объ употребленіи воздушныхъ шаровъ въ военное время не была однако оставлена. Тиссандье увѣряетъ что русскіе предполагали въ 1812 году воспользоваться аэростатомъ чтобы бросать съ высоты бомбы на французскую армію; что потомъ проектъ этотъ былъ измѣненъ и въ Москвѣ будто бы „начали строить громадный воздушный шаръ который долженъ былъ поднимать по крайней мѣрѣ пятьдесятъ человѣкъ (?). Шаръ этотъ не былъ оконченъ. Вѣроятно, онъ не могъ бы соответствовать возбужденнымъ имъ ожиданіямъ.“ Въ 1849 году Австрійцы во время осады Венеціи пустили на воздухъ около двухсотъ бумажныхъ шаровъ снабженныхъ бомбами которыя должны были упасть въ осажденный городъ. Шары полетѣли сначала по направленію къ Венеціи, но вѣтеръ скоро отнесъ ихъ обратно и бомбы, впрочемъ безъ особеннаго вреда, упали и разорвались среди австрійскаго лагеря. Во время Американской войны 1861 года, генераль Макъ-Клелланъ обратился къ помощи аэростатовъ которые посредствомъ электрическаго телеграфа передавали свѣдѣнія о движеніяхъ неприятеля. Съ высоты птичьаго полета былъ, кромѣ того, сдѣланъ фотографическій снимокъ мѣстности. Эта фотографическая карта была

раздѣлена на 64 квадрата, обозначаемые условными знаками. Одинъ экземпляръ ея оставался у генерала Макъ-Клеелана, другой вручался аэронавту находившемуся на шарѣ и оный руководствовался имъ, отправляя свои телеграфныя депеши. Во время осады Парижа 64 аэростата передѣтали линію германскихъ войскъ. Пять аэростатовъ были пойманы неприятелемъ, два — погибли въ морѣ. Шары эти перевезли 91 пассажира, 363 штуки почтовыхъ голубей и 9.000 килограммовъ депешъ, представляющихъ вѣсъ 3.000.000 писемъ. Тиссандье даетъ рисунокъ любопытнаго орудія специально изобрѣтеннаго Круплонъ для стрѣльбы по воздушнымъ шарамъ. Это нѣчто въ родѣ громаднаго ружья помѣщеннаго, подобно телескопу, на тяжелой подставкѣ, на которой оно свободно вращается во всѣ стороны вверхъ и внизъ. Подставка въ свою очередь прикрѣплена къ платформѣ снабженной колесами и удобно перевозимой посредствомъ лошадей съ мѣста на мѣсто. По словамъ Тиссандье, аэронавты поднимавшіеся изъ Парижа во время его осады слышали свистъ пули на высотѣ отъ 860 до 1.000 метровъ. Аэростатъ *Дэггеръ* былъ прошиванъ нѣсколькими пулями и принужденъ былъ опуститься на землю. Впрочемъ, вопросъ о разстояніи на которомъ воздушный шаръ можетъ считаться недосигаемымъ для выстрѣла не рѣшенъ еще окончательно. Въ городѣ Турѣ былъ произведенъ рядъ опытовъ стрѣльбы по шарамъ. Шаръ имѣвшій четыре метра въ діаметрѣ былъ удерживаемъ посредствомъ веревокъ на 400 метрахъ высоты. Въ него стрѣляли двѣнадцать хорошихъ стрѣлковъ вооруженныхъ ружьями Шасспо и ни одна пуля не попала въ шаръ, между тѣмъ какъ на меньшей высотѣ пуля постоянно пронизывала аэростатъ. Опытъ этотъ находится въ противорѣчій съ разказами воздухоплавателей которые на гораздо болѣе значительной высотѣ считали себя безопасными отъ выстрѣловъ.

Несмотря на 20.000 воздушныхъ путешествій предпринятыхъ по настоящее время, воздухоплаваніе, по словамъ Тиссандье, оказало наукѣ менѣе услугъ нежели можно было ожидать. Это происходитъ отъ того что наука аэронавтики находится еще только въ періодѣ развитія. Первый полетъ съ чисто-научною цѣлью былъ предпринятъ въ 1803 году Робертсономъ изъ Гамбурга. Робертсонъ въ

первый разъ предпринялъ на значительной высотѣ рядъ опытовъ надъ магнетизмомъ, электричествомъ, температурой, и т. д. Путешествіе его привлекало вниманіе всей Европы. Результаты добытые Робертсономъ относительно земнаго магнетизма лобудили Петербургскую Академію Наукъ предложить ему предпринять новое воздушное путешествіе изъ Россіи. Въ путешествіи этомъ принималъ участіе *un savant moscovite*, г. Сахаровъ. Лапласъ, Бертолетъ и многіе другіе парижскіе академики возбуждали тогда вопросъ о необходимости и важности научныхъ опытовъ съ помощью воздушнаго шара, и 20го августа 1804 года Біо и Гей-Люссакъ поднялись на аэростатъ и произвели цѣлымъ рядъ термометрическихъ и барометрическихъ наблюденій на высотѣ 4.000 метровъ. 16го сентября 1804 года Гей-Люссакъ предпринялъ второе воздушное путешествіе и достигъ высоты 7.000 метровъ. Слѣдующее затѣмъ научное путешествіе на аэростатъ исполнено было лишь по простествіи многихъ лѣтъ, а именно въ 1850 году, гг. Баррааль и Буксіо. На высотѣ 7.000 метровъ путешественники впервые встрѣтили облако составленное изъ ледяныхъ крупинокъ (*paillettes de glace*); термометръ показывалъ 39 градусовъ ниже нуля. Въ 1861 году Джемсъ Глешеръ (*Glaisher*), директоръ Гриничской метеорологической обсерваторіи, началъ подъ покровительствомъ Британскаго Общества (*Association Britannique*) рядъ научныхъ путешествій на воздушномъ шарѣ. Изъ тридцати егo полетовъ самый замѣчательный былъ совершенъ 5го сентября 1862 года, когда Глешеръ и Коксвелль поднялись на высоту 8.800 метровъ надъ уровнемъ моря. Неустрашимый наблюдатель едва не полатился жизнью за свою отвагу. Олтическій нервъ внезапно пересталъ дѣйствовать. Глешеръ сохранялъ полное сознаніе, но онъ вдругъ увидѣлъ себя погруженнымъ въ глубочайшій мракъ. Языкъ его не могъ произнести ни одного слова, руки не могли сдѣлать ни малѣйшаго движенія. А шаръ между тѣмъ все поднимался выше. Коксвелль хотѣлъ дернуть веревку клапана. Но онъ съ ужасомъ увидѣлъ что руки его почернѣли и не двигались. Съ нечеловѣческими усилиями ему удалось схватиться зубами за веревку клапана и вылустить такимъ образомъ количество газа достаточное для того чтобы вывести шаръ изъ тѣхъ высотъ въ которыхъ кругомъ человѣка разстилается вѣліе смерти. Послѣ осады Парижа

научная авиация вступила въ новый фазисъ. Основано было „Французское Общество Воздухоплаванія“, *Société française de navigation aérienne* и рѣшено было воспользоваться новыми физиологическими открытіями, сдѣланными Полемъ Бертомъ, ученикомъ знаменитаго Клода Бернара, относительно вліянія барометрическаго давленія на жизнь человѣка. Бертъ утверждалъ что удушье испытываемое человѣкомъ на значительной высотѣ происходитъ не отъ уменьшенія барометрическаго давленія, но отъ недостатка кислорода. Ученый не побоялся слытатъ надъ собою практическое приложеніе своей теоріи. Онъ приказалъ запереть себя подъ металлическій колоколъ изъ котораго воздушный насосъ выкачивалъ воздухъ. Подъ этимъ колоколомъ Бертъ перемосилъ нѣсколько разъ разрѣженіе атмосферы соответственное тому которое встрѣчается на высотѣ 7 и 8.000 метровъ. Онъ впалъ въ апатію и слабость и всякій разъ ему удавалось оживать себя вдыханіемъ кислорода. Опыты со вдыханіемъ кислорода были произведены Сивелемъ и Кроче-Сливелли на высотѣ 7.300 метровъ; они заявили что замѣтили на этой высотѣ слабость, чувство сжиманія во рту и всѣ другіе симптомы такъ-называемой „горной болѣзни“, *mal des montagnes*, но что вдыханіе кислорода заставило исчезнуть большую часть этихъ болѣзненныхъ ощущеній. Успѣхъ этого опыта, произведеннаго подъ покровительствомъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія и Академіи Наукъ, побудилъ Общество Воздухоплаванія устроить при участіи значительнаго числа ученыхъ обществъ, Академіи Наукъ и многихъ отдѣльныхъ ученыхъ новый рядъ воздушныхъ полетовъ съ научною цѣлью. Путешествія эти были предприняты въ 1875 году. Последнее изъ нихъ кончилось трагическою смертію Сивеля и Кроче-Сливелли. Шаръ достигъ высоты 8.600 метровъ и, по мнѣнію Тиссандье, авианты остались бы живы, еслибы они могли прибѣгнуть ко вдыханію кислорода. Сварады содержавшіе его вѣроятно выпали у нихъ изъ рукъ подъ вліяніемъ внезапнаго удушья. „На высотѣ 7.500 метровъ“, говоритъ Тиссандье, „человѣкъ испытываетъ состояніе необыкновеннаго отупѣнія (*engourdissement*). Тѣло и умъ ослабѣваютъ мало-по-малу, нечувствительно, невидимо для самого воздухоплавателя. Человѣкъ не испытываетъ ни малѣйшихъ страданій. Напро-

тивъ, онъ ощущаетъ какой-то внутренній восторгъ, какъ бы отраженіе свѣта разлитого вокругъ него въ пространство. Человѣкъ становится равнодушнымъ; онъ не думаетъ, ни объ опасностяхъ, ни о своемъ положеніи. Онъ счастливъ тѣмъ что поднимается все выше. Сколько я могу судить по моимъ собственнымъ впечатлѣніямъ, головокруженіе (*vertige*) налетуаетъ лишь въ послѣднюю минуту. Оно предшествуетъ внезапной, неожиданной, непреодолимой потерѣ сознанія.⁶

Возможно ли *управленіе* воздушнымъ шаромъ? Тиссандье отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ, самый важный въ дѣлѣ воздухоплаванія и его будущаости. Со времени появленія перваго аэростата ученые заявили что управленіе воздушнымъ шаромъ кажется имъ задачей подлежащею осуществленію. Лавуазье, Монжъ, Лаландъ и многіе другіе были этого мнѣнія. Но, говоритъ Тиссандье, попытки управленія аэростатомъ предпринимались посредствомъ грубыхъ, смѣшанныхъ, недостаточныхъ способовъ, о которыхъ не стоить даже уломявать; въ долгой истеріи воздухоплаванія встрѣчаются въ этомъ направленіи лишь дѣтскія попытки недостойныя серьезнаго обсужденія. Дѣйствительные ученые и мыслители мало-по-малу оставили безъ вниманія этотъ вопросъ перешедшій въ руки мечтателей и утопистовъ. Научныя основанія воздухоплаванія созданы лишь въ новѣйшее время, и честь ихъ открытія принадлежитъ ученому инженеру Генри Жиффару. Г. Жиффаръ послѣ долгихъ и усиленныхъ трудовъ пришелъ наконецъ къ мысли что для возможности управленія аэростатомъ нужно измѣнить его сферическую форму; необходимо уменьшить сопротивленіе представляемое поверхностью боковыхъ стѣнокъ шара и дать аэростату по возможности удлиненную форму въ направленіи его горизонтальной оси. Первый опытъ практическаго примѣненія новой системы былъ произведенъ 26 сентября 1852 года. Г. Жиффаръ построилъ аэростатъ продолговатой формы; лодка его состояла изъ горизонтальной рамы на которой была укрѣплена паровая машина въ три лошадиныя силы. Машина эта приводила въ движеніе винтовой двигатель, совершавшій сто десять оборотовъ въ минуту. Это былъ первый шаръ поднимавшійся при рѣзкомъ звукѣ пароваго свистка. Поднявшись на извѣстную высоту, шаръ повернулся подъ дѣйствіемъ своей машины и затѣмъ непо-

девушка стала въ воздухѣ, значительно отклоняясь отъ направленія вѣтра. „Принципъ управленія аэростатомъ былъ созданъ въ эту достопамятную минуту“, говоритъ Тиссандье. „Воздушные шары не могли быть управляемы, потому что ихъ собственная скорость простиралась отъ 3 до 4 метровъ въ секунду, а скорость вѣтра была значительнѣе. Дайте шару быстроту 10 или 15 метровъ въ секунду, то-есть скорость превышающую среднюю быстроту вѣтра, и шаръ пойдетъ противъ обыкновеннаго вѣтра. Возможно ли снабдить шаръ паровымъ двигателемъ достаточно могущественнымъ чтобы достигнуть такого результата? Для достиженія цѣли достаточно увеличить размѣръ аэростата. Поверхность шара увеличивается непропорціонально увеличенію его объема. Чѣмъ болѣе шаръ, тѣмъ менѣе сопротивленіе представляемое ему воздухомъ. Вмѣсто того чтобы строить шаръ имѣющій объемъ отъ 2 до 3.000 кубическихъ метровъ, нужно построить шаръ который былъ бы въ 20 или 30.000 кубическихъ метровъ. Такой шаръ, будучи наполненъ чистымъ водородомъ, могъ бы поднять тяжесть въ 20.000 килограммовъ, предполагая что онъ самъ будетъ вѣсить приблизительно 10.000 килограммовъ. Онъ можетъ въ этомъ случаѣ быть снабженъ могущественнымъ паровымъ двигателемъ, который отбавляетъ возможнымъ направленіе аэростата въ ту или другую сторону. Теорія не представляетъ здѣсь никакихъ затрудненій. Принципъ найденъ. Существуютъ нѣсколько практическихъ затрудненій, серьезныхъ, но преодолимыхъ. Первое и главное затрудненіе заключается въ томъ чтобы найти капиталъ необходимый для такого предпріятія которое, обходясь весьма дорого, на первый разъ будетъ ничѣмъ инымъ какъ только научною демонстраціей. Опытъ не можетъ быть въ этомъ случаѣ отбавленъ въ небольшихъ размѣрахъ. Для успѣха опыта шаръ долженъ быть гигантскій и заключать въ себѣ на 30.000 франковъ водорода и на 40.000 франковъ ткани, не считая цѣны паровой машины. Вотъ что задерживаетъ построеніе аэростата способнаго быть направляемымъ. Но тамъ гдѣ дѣло идетъ только о деньгахъ, можно смѣло оказать что осуществленіе предпріятія возможно.“

Такова будущасть открывающаяся въ наше время предъ научною аэронавтикой. Читатели найдутъ подробности этого вопроса въ самой книгѣ Тиссандье. Но мы не можемъ

не указать въ заключеніе что г. Жиффару удалось по крайней мѣрѣ относительно величины возраста осуществить уже теперь тотъ идеалъ который рисуетъ авторъ разбираемой нами книги. На Всемирной выставкѣ устроенъ шаръ на привязи (*ballon captif*), имѣющій объемъ 25.000 кубическихъ метровъ и поднимающій 50 человекъ на 600 метровъ отъ земли.

III.

Этнографическія параллели и сравненія. Richard Andree: *Ethnographische Parallelen und Vergleiche.* Mit 6 Tafeln und 21 Holzschnitten. Stuttgart, Verlag von Julius Maier. 1878.

„Совладеніе и тождество въ воззрѣніяхъ и обычаяхъ народовъ имѣющихъ совершенно различное происхожденіе и раздѣленныхъ громадными пространствами. бываетъ часто такъ поразительно“, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, „что съ перваго взгляда невольно приходитъ мысль о заимствованіяхъ сдѣланныхъ однимъ народомъ у другаго и даже о происхожденіи этихъ народовъ отъ одного корня. Иногда бываетъ трудно не вѣрить чтобы какой-нибудь мѣлъ, какой-нибудь суевѣрный обрядъ, встрѣчающійся въ совершенно одинаковой или почти тождественной формѣ во всѣхъ частяхъ свѣта, не имѣлъ бы одной общей исходной точки, отираваясь отъ которой онъ сдѣлался извѣстенъ различнымъ народамъ. Но чѣмъ подробнѣе и долѣе будемъ мы свѣдѣть по ладу земли за такого рода тождественными обычаями и воззрѣніями, тѣмъ чаще будемъ мы встрѣчаться съ самостоятельнымъ происхожденіемъ ихъ. Мы должны будемъ придти къ заключенію что для объясненія такихъ совладеній при которыхъ рѣшительно исключена всякая возможность заимствованія необходимо обратиться къ физиологіи человѣка. Никто не будетъ отрицать того что тѣлесныя свойства и физическая дѣятельность человѣка вездѣ одинаковы, что человѣкъ всюду одинаковымъ образомъ лезетъ, встаетъ и спитъ. Мы найдемъ точно также что духовныя отклоненія человѣка сходны въ своихъ существенныхъ чертахъ, что они всюду обнаруживаютъ тѣ же основныя формы, представляющія, правда, отклоненія зависящія отъ разы и условій окружающей природы, но тождественныя по

своему первоначальному содержанию. Человѣческая природа всюду одинакова. Люди и народы, совершенно независимые другъ отъ друга, обладаютъ тождествомъ идей и технического умѣнія какъ скоро они достигаютъ одинаковыхъ ступеней развитія. Заостренный кремьнь всюду является первымъ оружіемъ и орудіемъ; начатки гончарнаго дѣла повсюду тождественны; курганъ имѣетъ въ Европѣ ту же форму какъ и въ Сѣверной Америкѣ. Говоря о мезандровой линіи въ украшеніяхъ урнъ у южно-американскихъ Индійцевъ, у Грековъ и у Римлянъ, Александръ Гумбольдтъ заявилъ, еще въ то время когда едва существовали начатки психологіи народовъ, что сходство этихъ украшеній не доказываетъ единства происхожденія племенъ и древности ихъ общенія, но основывается на психическихъ причинахъ, на тождествѣ внутренняго строя людей.“

Исходя отъ этой точки зрѣнія, авторъ утверждаетъ что тамъ гдѣ встрѣчается тождество въ воззрѣніяхъ различныхъ народовъ нужно прежде всего видѣть *generatio aequivoca*, самостоятельное происхожденіе того или другаго обычая, повѣрія, обряда. Если духъ человѣка всюду одинаковъ, и человѣкъ вездѣ обладаетъ все тѣми же способностями, то изъ этого слѣдуетъ что человѣкъ можетъ создавать аналогическіе обычаи и обряды независимо отъ мѣстности въ которой онъ живетъ. Эскимось можетъ имѣть повѣрія въ существѣ своемъ сходныя съ повѣрьями обитателей внутренней Африки; климатическія условія играютъ въ этомъ случаѣ второстепенную роль, придавая повѣрью или обычаю лишь извѣстную мѣстную окраску. Народныя суевѣрія, вѣра въ духовъ, въ чародѣйственныя средства, въ волхвованіе и призывы, всѣ эти остатки первоначальной степени культуры сохранившіеся до настоящаго времени не суть результаты праздно выдумки, но составляютъ общее достояніе человѣка по отношенію ко высшему міру въ ту эпоху когда духовныя силы человѣка не достигли еще полнаго своего развитія. Необыкновенное сходство въ повѣрьяхъ и обычаяхъ различныхъ народовъ доказываетъ духовное единство человѣческаго рода, но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ отдѣльными расы и племена обладали равными способностями къ культурному развитію; достовѣрно лишь то что всѣ безъ исключенія народы находились нѣкогда на одной и той же ступени культуры. Уничтоженіе, вымирание и слякіе народовъ

служать достаточно сильными факторами чтобъ уничтожить возможность развитія каждаго отдѣльнаго народа до степени нашихъ наиболее развитыхъ расъ. „Мы переживаемъ въ настоящее время“, говоритъ авторъ, „последнія мгновенія въ которыя еще возможно собраніе всего что относится къ исторіи духовной жизни человѣчества, подобно тому какъ въ этнографическихъ музеяхъ собираются утварь, оружіе и платье первобытныхъ народовъ. Подъ вліяніемъ европейскіхъ воззрѣній и европейской культуры, распространяющихся по цѣлому свѣту, все своеобычное и древнее исчезаетъ или видоизмѣняется. Нельзя утверждать чтобъ одни народы совершенно не заимствовали отъ другихъ обычаевъ, повѣрья и воззрѣнія. Но тамъ гдѣ возникаетъ вопросъ относительно заимствованія, нужно прежде всего обращаться къ свидѣтельству исторіи, а гдѣ его нѣтъ—къ существованію неопровержимыхъ доказательствъ такого заимствованія: пока не представлены эти доказательства, слѣдуетъ считать обычаевъ, воззрѣнія и преданія возникшими самостоятельно у каждаго народа. Если встрѣчается сомнительный случай, если самостоятельность какого-нибудь представленія или обычая представляется не вполне достоверною, мы можемъ получить подтвержденіе въ ея пользу когда намъ удастся доказать существованіе одного и того же явленія въ возможно большемъ количествѣ пространственно разъединенныхъ странъ. Только широкое поле зрѣнія, постоянное собраніе и критическое различеніе могутъ предохранить въ этой громадной области отъ слишкомъ быстрыхъ выводовъ касательно родства народовъ. Чѣмъ большимъ количествомъ примѣровъ обладаетъ изслѣдователь, тѣмъ яснѣе будетъ представляться нашимъ очамъ психологія народовъ.“

Установивъ такимъ образомъ точку отправленія своихъ изслѣдованій, авторъ представляетъ цѣлый рядъ въ высшей степени любопытныхъ параллелей и сравненій, касающихся извѣстныхъ обычаевъ и воззрѣній у самыхъ различныхъ народовъ. Предметомъ своихъ этюдовъ онъ избралъ: тяжелые и легкіе дни, построеніе дома, представленія о „дурномъ глазѣ“, о вампирѣ, о землетрясеніяхъ, о звѣздахъ, культъ череповъ, лачатки картографіи, петроглифы, и т. д. Трудно представить себѣ какая масса интересныхъ фактовъ собрана авторомъ въ его книгѣ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что у

различныхъ американскихъ, африканскихъ и полинезийскихъ народовъ существуетъ обычай въ знакъ вѣчной скорби по умершемъ отрѣзать себѣ одинъ суставъ пальца. Обычай этотъ простирается преимущественно на женщинъ. У Готентотовъ часто встрѣчаются женщины у которыхъ недостаетъ одного или двухъ суставовъ на мизинцѣ, а иногда и крайнихъ суставовъ остальныхъ пальцевъ. Вдовы могутъ вступить въ новый бракъ лишь пожертвовавъ предварительно однимъ суставомъ пальца; туземные врачи совершаютъ эту операцію съ такимъ искусствомъ что никогда не происходитъ никакихъ несчастій. На островахъ Фиджи въ знакъ печали по умершемъ отрѣзаютъ также мизинецъ на ногѣ. Недостаточные люди пользуются этимъ обычаемъ какъ промысломъ: они посылаютъ богатымъ родственникамъ умершаго отрѣзанный суставъ пальца и получаютъ за это вознагражденіе. Когда умиралъ король, всѣ островитяне отрѣзали себѣ по суставу отъ пальца, и эти суставы, защемяемые въ ращепленные стволы тростника, выставлялись на крышѣ королевскаго дома. У Кафровъ замужняя женщина не смѣетъ показываться своему свекру, не смѣетъ взглянуть на него и произнести его имя, такъ что она привуждена составлять новое слово для обозначенія своего свекра; женатый человѣкъ точно также не смѣетъ произносить имя своей тещи и глядѣть на нее. Тотъ же обычай существуетъ у многихъ другихъ народовъ сѣверной Африки и распространенъ во всей Австраліи. Узнавъ о приближеніи тещи, зять прячется за кустъ или за дерево и остается тамъ пока товарищи не скажутъ ему что его теща скрылась. Въ Бразиліи существуетъ племя которое не ѣстъ утокъ „чтобъ у дѣтей не были велики ноги“. Монголы не ѣдятъ рыбъ, считая ихъ нечистыми; отвращеніе къ употребленію въ пищу рыбъ встрѣчается почти у всѣхъ чернокожихъ племенъ южной Африки за исключеніемъ Готентотовъ. Какъ основаніе для этого обычая африканскіе дикари приводятъ то соображеніе что „рыбы похожи на змѣю“. Вѣрованіе въ „тяжелые“ и „легкіе“ дни распространено во всей Европѣ; по увѣренію г. Андре, „ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не вѣруетъ такъ сильно въ тяжелые дни какъ Русскій народъ“. Но то же вѣрованіе встрѣчается въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Въ Персіи астрологи заранѣе вычисляютъ счастливые и несчастные дни. Индусы считаютъ средю

за несчастный день; напротивъ, лятвица—самый благополучный день во всей недѣлѣ и всякое дѣло начатое въ лятвицу непременно окончится успѣшно. Между африканскими племенами лятвица, наоборотъ, считается несчастнымъ днемъ и встрѣчались примѣры что отцы убивали своихъ дѣтей рожденныхъ въ этотъ день. На Мадагаскарѣ считаются несчастными днями среда и лятвица; кромѣ того, несчастлива также первая недѣля въ каждомъ мѣсяцѣ и даже цѣлые два мѣсяца: мартъ и апрѣль. Вѣрованіе въ „злой глазъ“ также встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта. Если у Крѳатовъ ребронокъ почувствуетъ головную боль, родители говорятъ что онъ испорченъ злымъ глазомъ и, чтобъ убѣдиться въ этомъ, кладутъ горящій уголь въ сосудъ съ водой: дитя несомнѣнно „испорчено“, когда уголь сейчасъ же упадетъ на дно сосуда. Чобъ избавить ребенка отъ порчи, нужно бросить черезъ его голову уголь который долженъ упасть въ воду; бросающій говоритъ въ это время: „пусть сгорятъ глаза которые меня испортили“. Вѣрованіе Италіянцевъ въ *дѣтталтуру* слишкомъ извѣстно чобъ останавливаться здѣсь на немъ. Но быть-можетъ не всѣ наши читатели знаютъ что кыиѣшніе Греки не видятъ никакаго затрудненія въ томъ чобы плюнуть въ лицо самому почтенному человѣку, если ему, по мнѣнію ихъ, угрожаетъ *фварис*, те-есть злой глазъ. Греки не любятъ когда чужой человѣкъ хвалитъ красоту или умъ ребенка; если однако такая бѣда случилась, похвалившій долженъ уходя плюнуть на ребенка чобы снять очарованіе. Чобъ избавиться отъ послѣдствій „злаго глаза“, арабскія женщины прокалываютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ клочокъ бумаги, приговаривая: „это глаза того кто завидуетъ мнѣ и поэтому бросилъ на меня дурной взглядъ“; затѣмъ клочокъ бумаги сжигается. Въ Верхнемъ Египтѣ отецъ не смѣетъ въ теченіе семи дней смотрѣть на своего новорожденнаго ребенка, ибо онъ можетъ даже противъ своей воли причинить младенцу вредъ своимъ взглядомъ.

Мы никогда не кончили бы еслибы задались цѣлью сколько-нибудь подробно ознакомить читателей съ содержаніемъ книги г. Андре. Мы ограничимся поэтому нѣсколькими приведенными нами примѣрами. Въ заключеніе нельзя не высказать желанія чобы въ Россіи устроено было систематически и правильно организованное записываніе народныхъ

обычаевъ, повѣрствъ, обрядовъ, преданій. То что сдѣлано въ этомъ направленіи до настоящаго времени—было или слухомъ отрывочно, или же требуетъ тщательной проверки. Современная наука установила совершенно иные взгляды и приемы на то что прежде свысока называлось остатками „грубога невѣжества“ и „дикаго суевѣрія“.

IV.

Русскій герой французскаго романа. M-me Marie de Besneval;
Ivan Stertoff. Paris, Dentu, 1878. Deuxieme edition.

Въ громадной старинной залѣ феодальнаго Бретонскаго замка сидѣли въ декабрьскій вечеръ 1867 года владѣльница замка, маркиза д'Евьё, братъ ея, де-Кердезмонъ, дочь его Клотильда и виконтъ Гертреби. Маркизъ было около шестидесяти лѣтъ. „Нѣкогда она была красавицей. Строгая линия лица, высокое чело, сѣдые волосы, придавали ей величественный видъ. Но пронизывающій взоръ ея глазъ, прививавшихъ повременамъ синеватый металлическій отблескъ стали, и тонкія губы сжатые презрительною и умною улыбкой, обнаруживали одну изъ тѣхъ непреклонныхъ натуръ на которыя не дѣйствуетъ даже самое время.“ Братъ маркизы, де-Кердезмонъ, имѣлъ „крупыя вульгарныя черты; несмотря на морщины, бородавчистыя его лобъ, онъ сохранялъ юношескую подвижность“. Виконту Гертреби было сорокъ лѣтъ. Онъ былъ „высокъ ростомъ, худощавъ, сложенъ и красивъ. Его можно было бы улрекнуть только въ гордости съ которою онъ себя держалъ и въ презрительномъ равнодушіи, выражавшемся въ каждой его чертѣ. Англичанинъ по матери, Бретонецъ по отцу, онъ соединялъ съ упрямствомъ истаго Бретонца флегматичность Англичанина, флегматичность часто парализовавшую порывы сердца способнаго къ привязанности.“ Наконецъ, Клотильда была „прелестная, стройная и вѣжливая дѣвушка. Ея чело было увѣнчано діадемой черныхъ волосъ которые кудрями ладали на шею; глубокій взоръ ея нѣсколько печальныхъ глазъ часто скрывался за темными рѣсницами, бросавшими тѣнь на ея блѣдыя щеки.“ Что касается обстановки замка, то при всемъ комфортѣ и изяществѣ она могла бы увлечь любого фламандскаго живописца своею

старинною мебелью, дубовыми панелями, кожными обоями, стариннымъ фаянсомъ, старинными портретами и монументальнымъ каминомъ.

Таково мѣсто дѣйствія и такимъ дѣйствующія лица среди которыхъ вдругъ появляется русскій герой романа. Явился онъ въ Бреталь прямо изъ-подъ Москвы. Появленіе его было очень эффектно. Разговоръ въ замкѣ не клеился. Виконтъ, намѣревавшійся жениться на Клотильдѣ, только что просилъ ее спать романсъ. Клотильда утомленнымъ голосомъ оговорила: „послѣ, прошу васъ“ и только-что распорядилась подавать чай, какъ вдругъ у рѣшетки замка раздался рѣзкій звонокъ и черезъ нѣсколько минутъ у подъезда остановилась карета. На лицѣ всѣхъ присутствующихъ изобразилось удивленіе.

„— Вы ждете кого-нибудь, господинъ де-Кердезмонъ? спросилъ виконтъ.

„— Кого же мнѣ ожидать въ такое время, мой другъ?

„Отецъ Клотильды едва услѣлъ произнести это слово какъ дверь салона быстро распахнулась и на порогѣ ея появилась человѣкъ въ дорожномъ плащѣ. Онъ былъ въ-роютно ослѣпленъ внезапнымъ переходомъ отъ мрака ко свѣту. Отстранивъ жестомъ слугу, хотѣвшаго доложить о прибытіи неожиданнаго гостя, онъ стоялъ въ двери, держа въ рукѣ мѣховую шапку. Неизвѣстный былъ еще очень молодъ. Могучая голова обнаруживала эмергію и умъ; вся фигура его отащались изящною непринужденностію, какою-то необъяснимою, прирожденною привлекательностію. Нѣсколько свѣжихокъ видѣлось въ его темно-каштановыхъ кудряхъ, въ беспорядкѣ падавшихъ на мѣховой воротникъ. Маленькая дѣвочка, одѣтая въ трауръ, дрожая, прижималась къ нему.

„Это внезапное явленіе сковало уста всѣхъ присутствующихъ. Черезъ мгновеніе незнакомецъ приблизился къ маркизу и, почтительно поклонившись, спросилъ:

„— Вы, безъ сомнѣнія, маркиза д'Евьѣ?

„— Да, отвѣтила маркиза холодно.— Не потрудитесь ли вы сказать мнѣ ваше имя и причину вашего явленія ко мнѣ?

Незнакомецъ рѣшился довершить эффектъ своего явленія.

Онъ опустила на одно колено и подавъ маркизу большой конвертъ съ траурною каймой:

„— Отъ моей матери, Анжелы Стертовой.

„Госпожа д'Евьё отступила на шагъ. Восковая блѣдность покрывала ея лицо:

— „Вы говорите отъ Анжелы Стертовой? Я ее не знаю.

„Слова эти были прознесены послѣ минутнаго молчанія и ледянымъ голосомъ. Молодой человекъ поднялся на ноги однимъ прыжкомъ. Его мужественное лицо зардѣлось подъ приливомъ крови кинувшейся ему въ голову. Онъ скрестилъ руки на груди, откинулъ свои длинные волосы *d'un tonnetent surprete* и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

„— Три мѣсяца тому назадъ въ деревнѣ близъ Москвы умирала женщина. Она заставила меня поклясться что я отправлюсь въ Бретань и передамъ это письмо ея матери. Маркиза! ваша дочь Анжела умерла. Я, сынъ ея, исполняю клятву данную моей матери.

„Г. де-Кердезмонъ испустилъ крикъ изумленія. Виконтъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Маркиза, обыкновенно остававшаяся непроницаемою, постоянно владѣвшая собой, на мгновеніе потерялась подъ громовымъ ударомъ этого неожиданнаго извѣстія. Она упала на кресло и отрывисто произнесла:

„— Умерла! Анжела! моя дочь!

„Она вышла изъ комнаты, опираясь на руку Клаутильды. Дойдя до дверей, маркиза успѣла оправиться. Она обратилась къ пріѣзжему и спокойнымъ голосомъ сказала:

„— До завтра, господинъ Стертовъ!

У маркизы дѣйствительно была единственная дочь Анжела. Маркиза жила постоянно въ Парижѣ. Она блистала при дворѣ Карла X; ребенокъ мѣшалъ ей и былъ отправленъ въ Бретань, въ родовой замокъ. Тамъ Анжела росла совершенно одинокою. Она видѣла мать разъ въ годъ, когда та пріѣзжала на нѣсколько недѣль въ свое помѣстье. Разъ, это было въ 1841 году, одинъ ея родственникъ привезъ съ собою въ замокъ молодого русскаго офицера Алексѣя Стертова. Анжела полюбила его, и когда маркиза отказала Стертову въ рукѣ своей дочери, Анжела бѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Маркиза запретила говорить про Анжелу; она объявила что дочь ея поступила въ монастырь и тамъ умерла. Чтобы поддержать родъ д'Евьё, маркиза рѣшила отдать свою племянницу Клаутильду за виконта Гертреби который долженъ былъ принять фамилію д'Евьё. Прибытіе Ивана Стер-

това, роднаго внука маркизы, грозило разстроить всѣ планы. Маркиза не подозрѣвала о существованіи внука; она бросала въ огонь всѣ письма Анжелы, не распечатывая ихъ. Виконтъ Гертреби дѣйствительно любилъ Клотильду; съ другой стороны, де-Бердезмонъ, человекъ безо всякаго состоянія, жившій милостями своей сестры, долженъ былъ въ случаѣ брака между его дочерью и виконтомъ получить отъ послѣдняго большое помѣстье. Все это могло разлетѣться дымомъ. Маркиза могла передать все свое состояніе и титулъ Стертову. И дѣйствительно, она черезъ нѣсколько времени сдѣлала ему предложеніе въ этомъ смыслѣ:

„— Я долго думала о томъ что мнѣ дѣлать. Теперь я рѣшилась. Откажитесь отъ вашей фамиліи, молодой человекъ, и завтра я признаю васъ моимъ внукомъ. Но перемѣнить фамилію—это мое единственное и неизмѣнное условіе.

„Иванъ поблѣднѣлъ и не отвѣтилъ ни слова.

„— Вы колеблетесь?

„— Нѣтъ, маркиза.

„— Слѣдовательно вы....

„— Я отказываюсь.

„— Вы отказываетесь? воскликнула маркиза не хотѣвшая вѣрить тому что она слышала.—Возможно ли это! Вы слѣдовательно не поняли что я вамъ сказала? Какъ! вы бѣдны, я даю вамъ богатство; вы незнатны, я даю вамъ титулъ; вы сирота, я создаю для васъ семью—и вы отказываетесь? Это безуміе!“

Иванъ произнесъ цѣлую рѣчь. Повидимому она не была приготовлена заранее. Онъ описалъ маркизѣ какъ его мать умирала въ русской избѣ, какъ *un pope* читалъ надъ умершею молитвы, какъ ураганъ вѣялъ въ степи, а рядомъ хралѣла *une bande de paucans harassés*.

„— Ахъ! воскликнулъ Стертовъ внезапно поднимаясь со своего мѣста,—въ этотъ ужасный вечеръ, въ то время когда вы, маркиза, спокойно отдыхали въ вашемъ роскошномъ замкѣ, а проклялъ васъ въ свою очередь! Я поклялся бѣдной головой моей матери что я никогда не приму ничего отъ васъ, хотя бы мнѣ пришлось быть нищимъ!

„Въ отвѣтъ ему раздался крикъ ужаса.

„— Ваша дочь умерла въ нуждѣ, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на маркизу, неподвижно лежавшую въ креслѣ.—Пусть ваше состояніе остается при васъ. Сохраните

также и то имя котораго вы ее лишили. Оно слишкомъ тяжело для меня. Я не хочу его носить! Я предпочитаю мою фамилію. Ее носили крестьяне и солдаты, но они сто лѣтъ носили ее съ честью.“

Доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе романа. Иванъ влюбился въ Клотильду. Маркиза думала что это чувство заставитъ его согласиться на ея условія. Но Иванъ остался непреклоненъ. Онъ уѣхалъ чтобы всецѣло посвятить себя своему любимому искусству — живописи. Маркиза рѣшилась наконецъ уступить. Свадьба Клотильды и Гертреби была уже назначена. Маркиза написала Ивану письмо, умоляя его пріѣхать. Но де Кердезмонъ переправилъ число въ письмѣ, и когда Иванъ явился, Клотильда была уже виконтессою Гертреби. Иванъ вступилъ въ ряды французской арміи во время войны 1870 года. Онъ былъ смертельно раненъ и умеръ въ госпиталѣ учрежденномъ Клотильдой и на ея рукахъ.

Иванъ Стертовъ не художественное произведеніе. Но въ числѣ заурядныхъ романовъ появляющихся во Франціи цѣлыми массами, онъ можетъ съ честью занять мѣсто. Онъ отличается строгою чистотой содержанія и стремленіемъ къ идеализаціи. Говорятъ что, авторъ романа, гжа де-Бенерэ родилась въ Россіи и что она дочь одного изъ французскихъ негодяевъ Москвы. Этимъ объясняется то что герой романа является Русскимъ. Въ сущности онъ могъ быть Испанцемъ, Италіявцемъ, Американцемъ безо всякаго ущерба для своего характера. Черты которыми онъ изображенъ въ романѣ не принадлежатъ исключительно ни къ какой національности; Иванъ Стертовъ Русскій только по названію. Если выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то, кажется намъ, безличное, но общечеловѣческое изображеніе Русскаго человѣка все же сноснѣе тѣхъ уродливыхъ созданій французской фантазіи которыя часто появляются въ французской печати съ этикетомъ „русскихъ людей.“ *Иванъ Стертовъ*, по видимому, вратится Французамъ: романъ этотъ вышелъ уже вторымъ изданіемъ.

V.

Черезъ темную землю. Путешествіе Станлея. (*Trough the dark continent.* By H. M. Stanley. 3 vols.)

Два объемистые тома вышедшей недавно книги Станлея содержат отчетъ объ его путешествіи къ источникамъ Нила, вокругъ большихъ озеръ экваторіальной Африки и внизъ по рѣкѣ Ливингстона до Атлантическаго Океана. Появленію этой книги предшествовали письма печатавшіяся въ газетѣ *Daily Telegraph* и ознакомившія уже отчасти публику съ послѣдними приключеніями и открытіями знаменитаго путешественника. 17го ноября 1874 года Станлей двинулся въ путь съ отрядомъ въ 356 человекъ. Обѣхавъ большія озера, Викторию и Танганяику, посѣтивъ нѣкоторыя прилежащія къ нимъ мѣстности, онъ предпринялъ свой замѣчательный походъ вдоль береговъ Конго. Ни одна изъ прежнихъ экспедицій въ Африку не обладала такими средствами какія были даны въ распоряженіе Станлея, собственниками двухъ газетъ: лондонской *Daily Telegraph* и американской *New-York Herald*; ни одна не окончилась болѣе блестящимъ успѣхомъ, но ни одна не была сопряжена съ такими жертвами и потерями. Изъ 356 человекъ, выступившихъ въ путь со Станлеемъ, погибло 173 человека. Въ трехлѣтнемъ странствіи по Африкѣ встрѣчались такія опасности, приходилось преодолевать такія препятствія предъ которыми отступилъ бы мѣтѣ смѣлый и рѣшительный человекъ. Станлей шелъ неуклонно къ предполагаемой цѣли. Онъ не задумывался при случаѣ дѣйствовать силою, не щадилъ своихъ спутниковъ, но не щадилъ и себя самого и отечески заботился объ оставшихся въ живыхъ.

Любопытство описаніе неожиданной встрѣчи съ бѣлыми людьми.

„Шепотъ изумленія пробѣжалъ между нами когда мы увидели вдали странно бѣлѣющіяся лица. Пройдя еще немного, мы остановились, и очутились лицомъ къ лицу съ бѣлыми, да, дѣйствительно бѣлыми людьми. Глядя на нихъ, я внутренно стыдился что бѣдность ихъ такъ поражаетъ меня. Бѣдные людишки съ рѣки Ливингстона! Мнѣ стало повадно ихъ удивленіе и смущеніе. Чтѣ остановило натравутый лукъ и

смертоносную пулю? Что какъ не бѣлизна моего лица и лица моего спутника Фрака? Я самъ теперь, глядя на эти блѣдныя лица, чувствовалъ невольна легкую дрожь. Бѣлизна кожи, послѣ того какъ долго видѣлъ только черныхъ и темнобронзовыхъ людей, производить пугающее впечатлѣніе. Въ сравненіи съ окружающими меня теперь, эти лица показались бы мнѣ загорѣлыми, смуглыми, но тогда я не могъ отдѣлаться отъ мысли что вижу предъ собою тяжко больнымъ.“

Изъ туземныхъ вождей, съ которыми Ставлей приходилось встрѣчаться, особенно благоприятное впечатлѣніе произвели на него двое: Угондскій вѣлитель, или, какъ онъ выражается, императоръ Мтеза, и начальникъ одного воцмственнаго племени, Мирамбо.

„Мтеза, говоритъ Ставлей, высокъ ростомъ и очень хорошо сложенъ. Умное и пріятное лицо его напоминаетъ черты каменныхъ изображеній въ Овавахъ и статуи въ Каирскомъ музеѣ. Такія же толстыя губы, но эта толщина смягчается у Мтезы преобладающимъ выраженіемъ пріятливости и достоинства, а главное выразительностью глазъ. Большіе, бойкіе, блестящіе глаза придаютъ какую-то особенную красоту всей его наружности и составляютъ типическую особенность его расы. У Мтезы темный, красно-коричневый цвѣтъ лица и поразительно гладкая кожа. Онъ очень интересуется нравами и обычаями европейскихъ дворовъ и радъ заслушаться разказевъ о чудесахъ европейской цивилизаціи. Быть похожимъ на Европейца составляетъ предметъ его честолюбивыхъ желаній. Выслушавъ какой-нибудь разказъ, онъ переводитъ его присутствующимъ жеманъ и вождямъ, хотя бы многіе понимали нарѣчіе на которомъ говорилъ разказчикъ, не хуже его самого. Мтеза несомнѣнно талантливый человекъ. Онъ задоренъ, причудливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательно веселъ и искрененъ.“

Не задолго до прибытія Ставлея Мтеза принялъ магометанскую вѣру, но нашему путешественнику удалось обратить его, по крайней мѣрѣ вѣншиимъ образомъ въ христіанство и расположить къ благосклонному пріему христіанскихъ миссіонеровъ. Хотя обращеніе это совершилось лишь на словахъ, какъ доказываются позднѣйшими фактами, въ родѣ того что солдату отрубили голову за

курение табаку въ двухъ стахъ шагахъ отъ царскаго дворца, что офицера казнили за несвоевременное появленіе предъ царемъ, и женщинъ ради шутки протрѣпали голову, однако нельзя не согласиться со Станлеемъ что весьма важно если могущественные африканскіе влaстители будутъ хотя по имени считать себя христіанами.

Совѣтъ другаго рода тиль представляетъ собою Мирамбо. До встрѣчи съ нимъ Станлей отзывался о немъ какъ о „буйномъ разбойникѣ“. Но личное знакомство заставило путешественника измѣнить свое мнѣніе. Мирамбо лѣвилъ Станлея и показался ему „африканскимъ джентльменомъ“. Станлей не ожидалъ встрѣтить въ грозномъ грабителѣ очень красиваго, по виду даже кроткаго человѣка, съ пріятнымъ, лѣвучимъ голосомъ, великодушнаго и чрезвычайно щедраго. Могучій вождь выразилъ готовность способствовать торговлѣ и обѣщалъ дружескій пріемъ всемъ бѣлымъ, желающимъ посѣтить его владѣнія. Станлей побратался съ нимъ. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ что смѣшали нѣсколько капель крови обоихъ братающихся, причемъ товарищъ совершающій обрядъ произнесъ громкимъ голосомъ: „Если кто изъ насъ нарушитъ братство, вынѣ заключенное между вами, да пожретъ его левъ, да отравитъ его змѣя, да обратится въ горечь его лица, да покинутъ его друзья, да разорвется въ рукахъ его ружье и ранитъ его, да постигнетъ его все дурное пока не умретъ онъ.“

Характеристики туземцевъ весьма интересны у Станлея. Основательное знаніе по крайней мѣрѣ одного, наиболѣе распространеннаго, африканскаго нарѣчія весьма много способствовало ему. Черезъ посредство переводчика нельзя было бы получить такихъ вѣрныхъ свѣдѣній, такого знакомства со складомъ ума, съ образомъ мыслей Африканцевъ. Въ описаніи Станлея дикари эти невольно возбуждаютъ наше сочувствіе. Вотъ какъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ просилъ за своего родственника, Уледи, украденаго нѣсколько бусъ: „Повелитель мудръ. Все чтѣ случается, онъ записываетъ въ книжку. Всякій день что-нибудь записывается. Мы, черные люди, ничего не знаемъ. У насъ и ламаты нѣтъ. Чтѣ мы говорили вчера, сегодня забыто. А повелитель ничего не забываетъ. Можетъ-быть, если онъ заглянетъ въ свою книжку, онъ увидитъ въ ней кое-что объ Уледи. Какъ Уледи велъ себя на берегахъ Тааганки; какъ онъ выру-

чилъ Заиди на водопадъ; какъ онъ на рѣкѣ спасъ многихъ, имена которыхъ я не уломяю; какъ на лодкахъ онъ работалъ за троихъ; какъ онъ всегда первый являлся на зовъ; какъ распорядился онъ гребцами, и многое другое. При Уледи гребцы хороши и исправны; безъ Уледи они никуда не годятся. Уледи братъ Шумари. Если Уледи дуренъ, Шумари хорошъ. Если надо наказать Уледи, Шумари принимаетъ на себя половину наказанія. А мнѣ, Сейвѣ, дайте другую половину и отпустите Уледи. Сейва кончилъ.“

Трудно остаться равнодушнымъ, читая разказъ о прощаніи Станлея со слугаками по возвращеніи въ Занзибаръ.

„Лодка пристала къ берегу. Нетерпѣливые ребята принялись скакать, и прыгать и плясать на пескѣ роднаго острова; потомъ они стали на колѣни, преклонили головы къ возлюбленной почвѣ и громко, со слезами, благодарили Бога за благополучное возвращеніе.... То были отрадные и грустные минуты разставанія. Какая долгая, испытанная дружба прерывалась здѣсь! Какія страшныя приключенія, какія опасности, какія превратности пережили мы вмѣстѣ! Все далекое, трудное страствіе, кончающееся здѣсь, вдругъ прилепилось мнѣ... Словно въ видѣніи предстали предо мною всѣ подробности борьбы нашей съ людьми и съ природою: какъ твердо и смѣло шли со мною мои бѣдные товарищи, какъ поддерживали меня своимъ простодушнымъ участіемъ въ общихъ невзгодахъ. Яркая, пестрая поразительная картина, подобная тревожному сну.“

Станлей не предъявляетъ притязаній на званіе ученаго изслѣдователя, однако немного найдется путешественниковъ сдѣлавшихъ больше нежели онъ для науки землевѣдѣнія. Каждая страница его записокъ свидѣтельствуесть съ какимъ стараніемъ и умѣніемъ пользовался онъ орудіями которыми былъ щедро снабженъ: хронометрами, термометрами, анероидами, секстантами, ледометрами, наконецъ фотографическимъ аппаратомъ. Наблюденія, сдѣланныя на пути, провѣренны, вычисленія частію исправлены по возвращеніи въ Европу. Опредѣленія широты и долготы, а также высоты отдѣльныхъ мѣстностей разнятся нѣсколько въ недавно изданной книгѣ съ письмами помѣщавшимися въ газетѣ *Daily Telegraph* и ближе подходятъ къ цифрамъ установленнымъ нѣкоторыми предшественниками Станлея, именно Слекомъ и Камерономъ. Такъ, напримѣръ, высоту

озера Викторіи Станлей сначала опредѣлялъ въ 4.250 футовъ, а въ послѣдствіи, по болѣе тщательномъ исчисленіи, она оказалась лишь въ 3.700 фут. Свѣдѣнія сообщаемыя о туземныхъ народахъ обильны, хотя можетъ-быть, на взглядъ ученаго этнолога, недостаточно подробно. Станлей приводитъ свидѣтельства въ пользу предположенія о переселеніи африканскихъ племенъ, похожемъ, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, на великое переселеніе народовъ которое потрясло Европу въ V и VI вѣкахъ. У племени Ваганда сохранилось преданіе что предки ихъ пришли съ сѣвера или сѣверо-востока; оттуда же ведутъ свое происхожденіе племена Варегга и Вакаму, живущія теперь на рѣкѣ Конго; племя Ватуту или Мавити вышло изъ-за рѣки Замбезе и на памяти человѣческой поселилось на берегахъ озера Викторіи. Многія изъ этихъ племенъ свѣтлокожія; нѣкоторыя представляютъ въ чертахъ лица смѣшеніе египетскаго и негрскаго типа. Словари составленные Станлеемъ показываютъ что всѣ племена, съ которыми вступалъ онъ въ болѣе близкія сношенія, принадлежатъ по языкамъ своимъ къ одному великому семейству, обнимающему Кафровъ на югѣ, Савагали на восточномъ берегу, и жителей страны Оговаи. Большая часть племенъ живущихъ на берегахъ Конго оказались людоедами. Военный крикъ: „мясо! мясо!“ упоминаемый уже докторомъ Швейфуртомъ, преслѣдовалъ Станлея по всему теченію этой рѣки. Въ селахъ встрѣчались ряды череповъ, признанныхъ по внимательномъ изслѣдованію за человѣческіе. Станлей встрѣтилъ также племя карликовъ, называющее себя Ватва. Ему случилось „поймать“ на берегу Конго человѣка ростомъ въ 4 фута 6½ дюймовъ, 30 дюймовъ въ обхватъ вокругъ груди и 24 дюйма вокругъ пояса. Сначала Станлей думалъ что это какой-нибудь выродокъ, но дальнѣйшіе разспросы доказали что этотъ карликъ достойный представитель всего своего племени. „Голова у него большая, на щекахъ рѣдкіе, жидкіе волосы, цвѣтъ лица свѣтлошоколатный; ноги тонкія и кривыя. Вооруженъ онъ былъ лукомъ и тонкими тростниковыми стрѣлами съ отравляемыми наконечниками.“ Это описаніе во всемъ почти сходится съ извѣстіями доктора Швейфурта о племени Акка, которое ему случалось видѣть сотнями.

Любопытнае разказы приходилось Станлею слышать на охотахъ отъ туземцевъ.

„Хамисъ увѣрялъ меня съ клятвою что у вождя племени Укара въ домѣ жилъ ручной крокодилъ, послушный хозяину своему какъ собака и умный какъ человѣкъ. У Луконге, царя племени Укереве, была въ то время въ гаремѣ красавица, которою вождь Укара хотѣлъ во что бы ни стало овладѣть. Но способовъ не представлялось ему никакихъ, пока наконецъ онъ не подумалъ о своемъ крокодилѣ. Онъ тотчасъ же сообщилъ крокодилу свое желаніе и приказалъ ему дожидаться въ тростникахъ пока красавица придетъ купаться, схватить ее и принести безвредно. На слѣдующій же день красавица была въ домѣ вождя. Разказчикъ прибавилъ: У Махуады, отца Луконге, былъ крокодилъ который укралъ жену Араба и принесъ ее царю.“

По всей вѣроятности Стамлей не вмѣстилъ въ два тома всѣ свѣдѣнія собранныя имъ въ теченіе долгаго странствованія. По нѣкоторымъ указаніямъ видно что у него еще много осталось сообщить интереснаго, и можно ожидать что за этими двумя томами появится еще другое изданіе.

VI.

A statistical account of Bengal. By W. W. Hunter. Vols. XVIII—XIX

Ни одна изъ провинцій Бенгаліи не отличается такимъ богатствомъ древностей какъ Орисса. Главное мѣсто между ними занимаютъ великолѣпные храмы и предметы религіознаго покловенія Индусовъ. Въ области Пури находится знаменитый храмъ Вишну, куда стекаются тысячи богомольцевъ со всѣхъ концовъ Индіи. Вишну—самое популярное изъ индійскихъ божествъ. Поклониться хоть разъ въ жизни его святилицу составляетъ непрѣмное желаніе всякаго Индуса. Толпы людей всѣхъ возрастовъ, сословій и званій, слѣзаетъ въ концѣ юня къ берегамъ Бенгалскаго залива чтобы привести личную жертву грубому идолу, омыться въ священныхъ водахъ соседнихъ озеръ и посѣтить знаменитые песчаные холмы, „врата рая“. Измученные продолжительнымъ путешествіемъ, то подъ востерпимымъ зноемъ, то подъ страшными, проливными дождями, измученные голодомъ, жаждой, усталостью, лишеніями всякаго рода, несчастные богомольцы гибнутъ тысячами отъ

холеры и лихорадокъ въ виду цѣль своего страствія. Страствіе это считается достойнымъ высокаго уваженія дѣломъ. Ему приписывается сила покаянія и очищенія. Способы путешествія весьма различны. Нѣкоторыхъ знатныхъ людей везутъ на носилкахъ, другіе ѣдутъ на лошадяхъ или на слонахъ. Большинство же составляютъ пѣшеходы. Между ними встрѣчаются нѣкоторые весьма оригинальные. Такъ, напримеръ, одинъ совершилъ все путешествіе ползкомъ, употребивъ на это ровно три года. Видъ храма чрезвычайно красивъ и величествененъ. Проникать за ограду, гдѣ стоитъ пугающій, безобразный идолъ, воспрещено не только иностранцамъ и мусульманамъ, но и туземцамъ низшихъ кастъ. По сию сторону священной ограды стоитъ чрезвычайно изящный обелискъ изъ цѣльнаго камня, воздвигнутый, по всей вѣроятности, какимъ-нибудь греческимъ или римскимъ художникомъ. Въ 19 миляхъ отъ Пури находятся развалины храма Солнца съ великолѣпными входами, колоссальными изображеніями словесъ и коней и громадными колоннами. Пирамидальная крыша этого зданія служила маякомъ для моряковъ застигнутыхъ бурей въ Бенгальскомъ заливѣ.

Орисса дѣлится на три части, различныя по свойству и характеру почвы. Береговая полоса песчана, покрыта кустарникомъ, кое-гдѣ пересѣкается рѣками; за нею идетъ плодородная, лѣсистая мѣстность, даиѣ возвышается горная цѣль, достигающая 3.000 футовъ высоты и поросшая лѣсомъ по склонамъ. Вся эта область страдаетъ то чрезвычайнымъ обиліемъ воды, то крайнимъ недостаткомъ въ ней. Послѣ продолжительной засухи, горныя рѣки вдругъ обращаются въ бурные потоки, затопляютъ луга, поля, селенія и грозятъ снести расположенный на берегу Бенгальскаго залива городъ Куттакъ. Это красивый городъ, но положеніе его въ низменности, между двумя рѣками, грозитъ ему постоянною опасностью разрушенія. Преданіе говоритъ что такая неудобная мѣстность была выбрана для постройки города по слѣдующему странному случаю. Въ 1174 году владѣтельный князь хотѣлъ построить въ своей области крѣпость и городъ. Разъ поѣхалъ онъ на соколиную охоту. Изъ низменной мѣстности около рѣки поднялась птица. Князь выпустилъ сокола, но птица такъ долго и ловко отъ него увертывалась что

мудрый охотникъ увидѣлъ въ этомъ нѣчто необычайное: ему представилось что птица обязана силой какую обнаруживала въ борьбѣ съ соколомъ вліянію почвы, и что крепость построенная на этомъ мѣстѣ будетъ также успешно сопротивляться врагамъ. Поэтому городъ Куттакъ былъ построенъ на томъ мѣстѣ съ котораго поднялась чудная птица.

Это краткое извлеченіе изъ вышедшихъ недавно томовъ объемистаго изданія, печатаемаго въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: *Статистическое описаніе Бенгаліи*, даетъ понятіе какъ подробнымъ и разнообразнымъ свидѣніямъ заключающимся въ этомъ многотомномъ изданіи.

И С П Ы Т А Н І Е

I.

Свершился судъ. Сошлись народы
Чтобъ Божій судъ перерѣшить
И сѣмя юное свободы
Травою сорной заглушить:
Обманъ, завистливая злоба,
Попранье истины святой
И въ честь поваленнаго гроба
Закланье жизни молодой!...
О, Русь! напрасно совершила
Ты подвигъ доблѣй и благой:
Скорбя душой, ты уступила
Предъ обуянною толпой.

II.

Какъ всѣ и дружно, и согласно
Разрушить подвигъ твой слѣзгать!
И тѣ что міру велегласно
Равенство братское сулятъ,
И тѣ что съ помощью чужою
Едва избыли долгиѣ лѣвнѣ,
И тѣ что низкою душою
Избрали полрище измѣннѣ...

Друзья тебя не поддержали
 И, зная дерзостный обманъ,
 Чуть слышно голосъ подавали
 За угнетенныхъ христіанъ.

III.

А ты, зачинщица обмана,
 Руководительница зла,
 Оплоть насилья и Корана,—
 Ты долю львиную взяла!
 Тебѣ не новъ сей даръ кровавой:
 Ликуй, владычица морей,
 Какъ въ день когда купила право
 Предательствомъ своихъ друзей
 На промыселъ клятой отъ вѣка:
 Свободныхъ въ рабство обращать
 И челоуѣку челоуѣка
 Какъ скотъ рабочій продавать.*

IV.

Во дни сихъ тяжкихъ испытаній
 Мужайся, Русь! Не тотъ герой,
 Кто въ часъ побѣдныхъ ликованій
 Кичится славой земной;
 Не тотъ герой, кто въ злобной думѣ
 Врагу готовить тайно мечь,
 Чтобъ отстоять въ кровавомъ шумѣ
 Грядущихъ битвъ земную честь;
 Но тотъ кто понялъ мыслью строгой
 Что въ міръ затѣмъ лишь посланъ онъ
 Чтобъ утверждать живаго Бога
 Святой любви святой законъ.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

* Какъ известно, при заключеніи Утрехтскаго мира, особымъ договоромъ, известнымъ подъ именемъ *Assiento*, Англія выговорила себѣ монополію на торговлю неграми. При получении о томъ известія, Англичане обумали безграничный восторгъ. Во всѣхъ церквахъ пѣли *Te Deum*, сощипенный по сему случаю Генделемъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

21го іюля 1878.

Зававѣсь опустили, представленіе кончилось. Берлинскій конгрессъ завершилъ свою мѣсячную дѣятельность.

Замечитый президентъ великаго собранія закрылъ засѣданіе, между прочимъ, слѣдующими словами: „въ минуточку нашего разставанія, я не затрудняюсь утверждать что конгрессъ заслужилъ благодарность Европы: если было невозможно осуществить всѣ желанія общественнаго мнѣнія, исторія во всякомъ случаѣ отдастъ справедливость нашимъ стремленіямъ и труду. Гг. уполномоченные сознаютъ что въ границахъ возможнаго они дали *Европѣ великое, благодарное міра, которому грозилъ многое. Этотъ результатъ не можетъ быть уменьшенъ никакимъ порицаніемъ, которое дуэль партій можетъ опустить публикѣ.* Я твердо убѣжденъ что соглашеніе Европы будетъ прочно и что личныя и сердечныя отношенія, возникшія между нами во время нашихъ трудовъ, утвердятъ и упрочатъ добрыя отношенія между нашими правительствами.“

Какъ хотите, но и ораторъ, и слушатели обнаружили замѣчательную нервную силу если не засмѣялись. Для кого и для чего это говорилось? Или быть-можетъ это уже неизбѣжный традиціонный пріемъ дипломатіи, въ родѣ того какъ приваго въ письмахъ заключать: „съ истиннымъ вѣскопочитаніемъ и преданностью“, и т. д.?

Защита цивилизаціи, свободъ Европы, ея общихъ интересовъ, благодѣлій мира, вотъ тѣ фразы на которыхъ строились, по инициативѣ Англіи, озлобленная нападки на Россію и Савь-Стефанскій договоръ. Для его обсужденія или лучше упраздненія и созданія новаго порядка на Востоцкѣ, порядка долженствующаго защитить *общеввропейскіе* интересы и обезпечить миръ, собрался конгрессъ. Но гдѣ же однако этотъ благодѣтельный миръ? Не въ возвращеніи ли лучшей части Болгаріи, наиболѣе пострадавшей за желаніе избавиться отъ ига, опять во власть Турціи, съ прибавкой англійскихъ плавателей, умышляющихъ охотиться за туземцами своихъ колоній, въ одну изъ каковыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ грозитъ превратиться бывшая Турецкая имперія? Не въ отдачѣ ли Босніи и Герцеговины Австро-Венгріи, политика коей искони основана на принципѣ прижманія Славянъ къ стѣнѣ? Не въ распространеніи ли сферы вліянія Мадьяръ на Сербію и Черногорію? Не въ туманныхъ ли удовольствіяхъ греческихъ провинцій Турціи, о коихъ Аѣнское со Стамбульскимъ правительствомъ имѣютъ войти въ *соглашеніе*? Не въ нѣсколькихъ ли любезныхъ фразахъ оказанныхъ армянскимъ делегатамъ, когда Курды продолжаютъ вырѣзывать ихъ соотечественниковъ чуть не цѣлыми деревнями? Или быть-можетъ въ подстрекательствахъ Лазовъ къ вооруженному сопротивленію русскимъ войскамъ при занятіи Батума, или въ поддержкѣ, совершенно сткртой, нагло-безсовѣстной поддержкѣ востанія мусульманъ въ Родопскихъ горахъ? Удовлетворена ли Россія въ своихъ стремленіяхъ окончательно освободить христіанское населеніе отъ мусульманскаго ига, и защитить прочно свое Черноморское побережье? Удовлетворены ли Турки повѣрившіе каадамъ Европы что она отстоитъ цѣлость и независимость ихъ государства? Довольны ли Франція и Италия захватомъ Англіею острова Кипра,—да что Кипра!—просто чуть не всей Турціи съ омывающими ее морями, въ свои заgreбистыя лапы? Довольно ли даже большинство народовъ Габсбургской монархіи?

Кто же удовлетворенъ, кто доволенъ рѣшеніями великаго ареопага? Изъ тѣхъ кто страдалъ, проливалъ рѣки крови, приносилъ громады жертвъ,—никто: ладами страшной кровавой работы, какъ и подобаетъ въ вѣкъ развитія евро-

лейской цивилизаціи, воспользовались тѣ кто не работали, но за то похитрѣе, повагаче и поискуснѣе въ наукѣ эксплуататорства. Изъ прочихъ тоже не много довольныхъ.

Возможенъ ли при такихъ условіяхъ миръ? Неужели сомнѣе столь прозорливыхъ государственныхъ людей не понималъ что всѣ его постановленія не болѣе какъ накопленіе массы легко воспламеняющаго вещества, что первая искра должна произвести страшный взрывъ, а искры вѣдь не перестаютъ сныаться и теперь, носясь въ воздухѣ по всему пространству соотвѣствующему когда-то Оттоманскую имперію? Конечно, всѣ они хорошо это понимали; но у всякого были свои заднія мысли, всякъ старался перехитрить другихъ; всѣ же вмѣстѣ, кромѣ того, хлопотали главнѣйшимъ образомъ повредить Россіи и Славянамъ. О мирѣ, свободѣ и общихъ интересахъ Европы также заботились какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ.

Не въ правѣ ли безпристрастный критикъ сказать: какая жуткая и жалкая шутка этотъ конгрессъ! Не потому только что мы, Русскіе, его рѣшеніями не довольны, а потому что и дѣйствительный главнѣйшій интересъ Европы, прочіи миръ не только не достигнутъ, но брошенъ, напротивъ, въ самую мучительную сферу неопредѣленности, тревожныхъ ожиданій, опасеній за завтрашній день. Создано положеніе заставляющее почти всѣ европейскія державы быть на чеку, умножать и усиливать вооруженія. Подтягивая англійскіе заплываломъ, почти всѣ европейскія газеты безъ устали твердили о необходимости защитить и обезпечить свободу (?) и цивилизацію Европы, для чего единственнымъ средствомъ представляется чуть не новое нашествіе двенадцати лязговъ на Россію. Подъ вѣнчикъ этими трескучими фразами о свободѣ, цивилизаціи, и пр., примѣляясь къ современному направленію большинства передовыхъ пионеровъ цивилизаціи, слѣдовало пожимать матеріальныя выгоды, торговля, промышленныя, биржевыя и т. п. дѣла. (Все же относящееся къ духовной жизни чело-вѣчества втискиваютъ вѣдь въ эти разглаговетія болѣе для красоты слога и легкаго прикрытія наготы непріятной въ некоторымъ *нашеяма* главахъ.) Спрашивается, сдѣланы ли конгрессомъ хоть шагъ впередъ по пути къ обезпеченію этихъ общихъ матеріальныхъ интересовъ? Ни чуть. Не устранивъ, а еще усиливъ множество переводовъ къ исудо-

вольствамъ, столкновеніямъ и международнымъ замѣшательствамъ, конгрессъ только подпалъ маслу въ огонь. Разъ захватъ Кипра, протекторатъ Англій надъ Турціей — единственные вполнѣ реальныя результаты, достигнутыя на конгрессѣ Англичанами, не служатъ этимъ цѣлямъ, то-есть устраненію поводовъ къ столкновенію и упроченію благодѣлій мира, возможности европейскимъ націямъ уменьшить свои вооруженія, избавиться отъ тяжкихъ расходовъ и посвятить свои силы и средства внутреннему развитію? Однако этотъ кипрскій сюрпризъ уже достаточнокъ чтобы всѣ звонкія фразы о мирѣ, свободѣ Европы и т. п. обнаружилъ свое ничтожество.

Положимъ, мы сдѣлали рядъ крутыхъ ошибокъ, мы начали слишкомъ поздно, а остановились слишкомъ рано; мы оказались не вполнѣ готовыми; на поверхность вышли старыя закоренѣлыя общественныя язвы... Протавники наши воспользовались этимъ чтобы урвать результаты нашихъ побѣдъ и жертвъ. Но неужели этимъ опосредованно обезпечены миръ и общеевропейскіе интересы? Торжество англійскихъ лордовъ и австро-венгерскихъ министровъ, пожалуй съ придачей десятка руссофобскихъ журналистовъ, — вотъ весь результатъ великаго берлинскаго собранія, по крайнему разумѣнію всякаго мыслящаго человека не считающаго весь міръ ареной для дипломатическихъ состязаній. Сколько бы разныя офціозныя, полуопріядканныя и т. п. изданія ни распивались, сколько бы переназначенные государственныя люди, хотя бы даже самъ князь Бисмаркъ, ни произнесли рѣчей о великихъ результатахъ для общаго мира и благоденствія народовъ, достигнутыхъ мѣсячною дѣятельностью конгресса, здравый смыслъ не позволитъ усмотрѣть въ нихъ ничего болѣе фразъ пріятносмыслныхъ не то съ цѣлью заглушить собственное убѣжденіе въ непрочности новаго аданія, не то съ цѣлью успокоить общественное мнѣніе... Такія собранія называютъ больше „общія собранія акціонеровъ“, гдѣ нѣ сколько воротилъ, при помощи „представительныхъ“ участниковъ дѣла, эксплуатируютъ большинство дѣйствительныхъ участниковъ, внесшихъ свои трудовыя деньги съ надеждою осуществить общеполовое предпріятіе и пользоваться при этомъ частными выгодами. Того ли слѣдовало ожидать отъ „аренолага“, въ рукахъ котораго находилась судьба Востока и

который, относясь къ дѣлу безпристрастно, съ подобающимъ достоинствомъ, съ государственною прозорливостью и неколебимымъ желаніемъ разрубить гордіевъ узелъ, дѣйствительно могъ совершить великое дѣло умиротворенія и избавленія Европы отъ постоянной угрозы, отъ необходимости стоять во всеоружіи и обращать все нравственныя и матеріальныя силы государствъ на содержаніе миліонныхъ армій? Тогда можно было бы сказать: оны, великій ареопагъ, защитилъ *общевропейскіе* интересы, оны оказалъ неоцѣненныя услуги цивилизаціи и благоденствію всего міра. Создавше же берлинскимъ конгрессомъ положеніе есть перемиріе, а не миръ, передышка, а не успокоеніе, и къ тому же перемирію безъ означенія срока, что весьма дурно.

Быть-можетъ такое опредѣленіе дѣятельности „ареопага“ отражаетъ въ некоторомъ преувеличенномъ пессимизмомъ, даже въ некоторую рѣзкость, но подобныя мысли неволью вызываются не только самими результатами, но и тѣми дивирамбами, которые фарисейски раеточаютъ дѣятелямъ конгресса... Къ стыду человечества, фальшь, левкій обманъ, изтрига, наглость, торжествуютъ побѣду; надъ кровавыми слезами раздается кощунственный хохотъ, или проливаются слезы крокодила; право слабого понимается безправіемъ сильнаго;—но зачѣмъ же намъ прибавлять къ этому еще и свою долю фальши и ажи, восхваляя то что въ душѣ не можетъ не поридаться даже самими дѣятелями и дивирамбистами? Прискорбно уже констатировать печальныя факты; зачѣмъ же еще стараться глѣть имъ хвалебныя гимны и вводить въ заблужденіе немногихъ, не потерявшихъ окончательно вѣру въ печатное слово? Наши квазі-офиціозныя французскіе листки поучаютъ насъ что критикой, пориданіемъ и пр. мы внесимъ раздраженіе въ общество, вооружаемъ націи другъ противъ друга, тогда какъ обязанность печатать вносить миръ и тишину, служить примиряющими членами между государствами. Нѣтъ, печать не мировой судья; она—обличитель: она обязана знакомить общество съ *дѣйствительными* положеніемъ дѣлъ, съ тѣмъ что есть, а не съ тѣмъ что кому желательно выставлять на показъ; общество должно знать своихъ враговъ, ихъ замыслы и образъ дѣйствій чтобы готовиться къ противодействию; нужно знать и свои внутреннія болячки чтобы принимать мѣры къ ихъ исцѣленію; система замалыванья, об-

мана, фальшивыхъ отчетовъ, ведетъ къ усыпленію и самодовольству, за которыя приходится жестоко расплачиваться при наступленіи критической минуты. Совѣты петербургско-французскихъ газетъ можетъ-быть весьма дипломатичны, также какъ слова графа Беконсфильда обращенныя къ одному изъ корреспондентовъ русскихъ газетъ (если только они дѣйствительно были сказаны) насчетъ вѣрной дружбы его къ Русской націи, насчетъ необходимости жить въ искреннемъ согласіи, и пр., но къ чему ведетъ дипломатія со всѣмъ ея кодексомъ мы достаточно убѣдились въ послѣднее время, и потому предоставимъ заниматься этимъ господамъ *иностранцамъ*, очутившимся въ роли представителей якобы *русскихъ мнѣній*. У Русскаго человѣка теперь нѣтъ времени для занятій этикетами, у него слишкомъ много дѣла и важныхъ заботъ въ виду того что врагъ стоитъ ante portas.. Не усыплять, а будить, ежеминутно напоминать объ опасности и необходимости работать для ея отвращенія, для исправленія испорченнаго, вотъ въ чемъ обязанность *русской* печати. Взглянемъ подробнѣе на возможные послѣдствія созданнаго конгрессомъ порядка вещей.

Вопервыхъ, не постановивъ никакихъ мѣръ къ повужденію Турціи немедленно и въ точности исполнить свои рѣшенія, конгрессъ оставилъ широкое поле для дѣятельности интриги, непредвидѣнныхъ затрудненій и столкновеній. Усердые толки англійскихъ газетъ о Лазахъ, очевидныя стремленія возвести гореть этихъ отурченыхъ Грузинъ-Кабулетцевъ въ особую націю, готовую съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость противъ Россіи и не сдавать Батума даже и послѣ очищенія его турецкими войсками, не говоря уже о настойчивыхъ намекахъ на *обязательство* Россіи держать этотъ городъ спеціально коммерческимъ портомъ,—весьма подозрительны. Болѣе чѣмъ правдоподобно что кругомъ Батума еще готовятъ вооруженныя дѣйствія, могущія принять серіозные размѣры и вызвать крупыя замѣшательства. Турки уведутъ свои *регулярные* войска изъ Батума: сдѣла или, лучше оказать очищеніе совершится de jure, а не de facto, и намъ придется, пожалуй, завести войну съ Лазами, которыхъ ослабятъ скорострѣльными оружіемъ, обильными запасами патроновъ, деагдами и руководителями изъ Англичанъ. При

гористой, страшно пересѣченной, покрытой лѣсами мѣстности, при нашихъ скудныхъ морскихъ средствахъ, одолѣніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ воинственныхъ горцевъ, знающихъ что подѣ русскимъ управленіемъ имъ уже нельзя будетъ вести прежній торгъ гаремнымъ товаромъ и заниматься безнаказанно разбоемъ и контрабандой, будетъ стоить не мало жертвъ людьми и деньгами. Можетъ оказаться новая Чечня, потребоющая нѣсколько лѣтъ для окончательнаго усмиренія; а изъ Турціи, при содѣйствіи англійскихъ агентовъ и денегъ, имъ будутъ оказывать постоянную поддержку.

Вовторыхъ, окончательное опредѣленіе на мѣстѣ границъ между освобождаемою и оставленною подѣ турецкимъ игомъ Болгаріями, между нами и Румыніей и Сербіей съ другой стороны, едва ли пойдетъ гладко; безъ споровъ, озлобленія и столкновеній не обойдется; могутъ возникнуть не маловажныя затрудненія, разрѣшеніе коихъ вызоветъ вмѣшательства, а затѣмъ, много ли нужно чтобы вновь воспламенить вулканъ далеко еще не угасшій? Въ теченіе трехъ лѣтъ съ Герцеговинскаго возстанія политическія страсти, наклившая злоба, взаимная ненависть, жажда мести за послѣднія общія бѣдствія, горькія разочарованія, поруганныя права и наконецъ всевозможныя неудовольствія постановленіями конгрессомъ, не могутъ легко улечься. Каждую минуту можетъ блеснуть гдѣ-нибудь молнія, предвѣщающая грозы, а кто въ состояніи опредѣлить ея размѣры и направленіе? Само Герцеговинское возстаніе, это, по выраженію нѣмецкихъ остряковъ: *das Vischen Herzegowina*, развѣ не поставило на ноги всю Европу, не зажгло страшнаго пожара, едва не разливашагося на весь нашъ материкъ?

Втретьихъ, предоставленіе участи греческихъ провинцій обоюдному соглашенію Стамбула съ Аѳинами развѣ не лишній фитиль, прикосновеніе коего къ клочкущему жерлу можетъ воспламенить весь складъ горючихъ веществъ?

Вчетвертыхъ, занятіе Герцеговины и Босніи австро-венгерскими войсками можетъ не обошлось безъ вооруженнаго сопротивленія; а кто же скажетъ какія послѣдствія произойдутъ изъ подобнаго случая, не выходящаго за предѣлы возможнаго, особенно при естественномъ неудовольствіи Сербіи и еще болѣе Черногоріи, хорошо выдающихъ

что неудовавтореніе ихъ справедливыхъ, геройскою кровью заслуженныхъ желаній, есть прямое послѣдствіе враждебности Австріи?

Но все это темныя точки на горизонтѣ мира, угрожающія, такъ-сказать, непосредственно результатамъ мудрыхъ рѣшеній великаго европейскаго „ареолага“. Изъ вышеприведенныхъ пунктовъ, не говоря о многихъ другихъ, ускользающихъ изъ вида, но легко могущихъ появиться тамъ гдѣ ихъ никто не ожидаетъ, нельзя же придти къ сомнѣнію въ окончательномъ мирномъ улаженіи дѣла, хоть бы на самый ближайшій мѣсячный срокъ. Ратификація заключеннаго общаго договора рѣшительно ничего не доказываетъ: мы живемъ въ такое время когда на бумагѣ выходитъ одно, а на дѣлѣ другое. Санъ-Стефанскій договоръ, соглашеніе Шувалова съ Солсбери 18 мая, считавшееся чуть ли не торжествомъ нашимъ надъ англійскою дипломатіей, и еще много другихъ документовъ оказались мертворожденными. Мнѣ невольно вспоминается въ эту минуту стихъ графа Д. Н. Толстаго изъ его извѣстной Севастопольской пѣсни:

Обирались князья, графы;
 Все писали топографы
 На большихъ аметахъ.
 Славно вышло на бумагѣ,
 Да забыли про овраги, —
 А черезъ нихъ ходить....

Да, обирались все князья да графы, исписали много бумаги и пергамента, только забыли про овраги, то-есть про живыхъ людей, про ихъ національныя, религіозныя, политическія, экономическія потери, про ихъ симпатіи и антипатіи; забывая что дѣло идетъ не о товарѣ, а о людяхъ, въ которыхъ не заглохли ни чувства, ни страсти, ни сознание въ необходимости такъ или иначе, а освободиться.

Допустимъ однако что и ратификація, и первоначальное исполненіе договора не встрѣтатъ особыхъ препятствій, что Турки перестанутъ лукавить, Англичане интриговать и подкупать, что Лазы и Аджарцы помарятся съ совершившимся фактомъ, Боснія и Герцеговина встрѣтатъ такими и триумфальными арками хребрыя *побѣдоносныя* войска гонимовъ, что все пойдетъ какъ до писанному, и для выстрѣловъ выгдѣ повода не окажется. Не-

ужели же это дастъ намъ право лѣтъ хвалебные гимны дѣятельности Берлинскаго конгресса какъ творца *продолжительнаго* благодѣтельнаго мира? Вовсе нѣтъ. Нѣтъ ни одного почти пункта, изъ шестидесяти составляющихъ Берлинскій трактатъ, который не заключалъ бы въ себѣ и волюющей несправедливости, и неосуществимыхъ условій, и зародыша неизбѣжныхъ „усложненій“, проще—новой, безплощадной борьбы. Еслибы всю Болгарію оставили подъ властью турецкаго султана, при такъ называемой административной автономіи, то-есть возвратились къ Андрашевской нотѣ 30 декабря 1875 года, то гораздо болѣе создали бы шансовъ для *продолжительнаго* мира чѣмъ теперь, когда разсѣкла живое тѣло надвое, оставивъ одной части возможность хоть немного свободнѣе вздохнуть и бросивъ другую въ англо-турецкіе таски. Никакіе Балканы, укрѣпленные искуснѣйшими англійскими инженерными, не въ состояніи удержать естественнаго стремленія двухъ насильственно разъединенныхъ членовъ къ соединенію. Попытки не заставляютъ себя долго ожидать; кровавые расправы за попытки, безъ сомнѣнія, тоже послѣдуютъ немедленно; кровь первыхъ жертвъ будетъ сигналомъ къ общему возмущенію и—столкновенію готово... Наша ревнители мира quand tѣмѣ могутъ расплываться сколько имъ угодно и метать камнями и грязью въ шовинистовъ, но удержать Россію отъ вмѣшательства при первомъ волнѣ изъ Болгаріи, они не въ состояніи: историческая логика неуловима. Можно затормозить ходъ событій, давать имъ временное направленіе въ сторону, разными хитрослазетіями и махинаціями достигать результатовъ, очевидно, противорѣчащихъ естественному ходу; но все это будетъ временнымъ, искусственнымъ, и при первомъ удобномъ случаѣ потоки прорветъ плотину.

Возьмите чуть ли не каждый пунктъ новаго трактата и вы убѣдитесь что все зданіе отличается прочностью картонаго домика. Во всемъ видна одна цѣль, одно стремленіе: окаркать до послѣдней возможности результаты русскіхъ побѣдъ, умазать, уничтожить обаяніе и вліяніе Россіи среди племенъ Балканскаго полуострова и вообще на Востокъ, поставивъ вмѣсто того вліяніе англо-мадьярское, нагромоздить одно на другое кучу непреодолимыхъ препятствій на пути къ возможности возобновить борьбу и исправить недавніе грубѣйшіе промахи....

Маркизь Солобери избавилъ насъ отъ необходимости подробно развивать эту мысль. Въ своей депешѣ отъ 13 (1) іюля изъ Берлина къ главному государственному секретарю въ Лондонѣ, благородный лордъ изложилъ простымъ понятнымъ языкомъ то что въ пунктахъ Берлинскаго трактата приходилось читать какъ бы между строкъ. Всякъ интересующійся ходомъ политическихъ дѣлъ и савѣдующій за послѣдними фазами ихъ развитія, безъ сомнѣнія, съ особымъ вниманіемъ прочелъ этотъ замѣчательный документъ; полагаемъ что и чувства испытанныя при этомъ чтеніи вѣроятно теждественныя у всѣхъ Русскихъ, исключительно еще не погрязшихъ въ потребностяхъ единственно брюка.. „Обсужденіе конгрессомъ статей Савъ-Стефанскаго трактата было допущено въ *самомъ широкомъ размѣрѣ*“, говоритъ Солобери. Въ наши, (то-есть англійскія) возраженія уважены. Почти двѣ трети созданный Савъ-Стефанскимъ трактатомъ Болгаріи возвращены медъ *прямое политическое и военное* управленіе султана. Болгарія ограбичена Дунаемъ и удалена на сто миль отъ Архипелага. На Черномъ Морѣ важный портъ Бургасъ возвращенъ Турціи, а Болгаріи отведено мѣше полезнымъ первоначально отведеннаго ей морскаго побережья, съ единственною гаванью Варной, которая едва ли можетъ служить для другихъ цѣлей кромѣ торговыхъ. Новое Славянское государство поэтому уже не будетъ сильнымъ и конечно не доставитъ Россіи преобладающаго вліянія ни надъ политическими, ни надъ торговыми сношеніями на этихъ моряхъ. Вліяніе на созданіе учреждений и на начало ихъ дѣйствій не будетъ исключительно русскимъ. Выборъ князя, выработка конституціи, и проч. будутъ подъ надзоромъ не одного русскаго комиссара, но и турецкаго, и консульской комиссіи, и конференціи пословъ; первая работа новыхъ учреждений начнется уже не медъ контролемъ русской арміи. Денежное вознагражденіе отложено на *безконечно длинный періодъ*... Возвращеніе Турціи Бургаса, южной половиною болгарскаго побережья на Черномъ Морѣ и *строготорговой характеръ* присвоенный трактатомъ Батуму въ широкой мѣрѣ отвратили угрозы для *свободы* Чернаго Моря...

Можетъ ли вновь созданное, якобы автономное Болгарское княжество остаться въ такомъ положеніи какое определено ему берлинскими постановленіями? Оно лишается

права и амнистия унаследованное отъ Турецкаго правительства торговое законодательство, что совершенно подрываетъ возможность развитія промышленности и торговли автономнаго княжества. Сохраненіе консулѣтаци, юрисдикціи для иностранцевъ, это имѣло смыслъ въ мусульманскомъ государствѣ, не признающемъ равенства предъ закономъ гяура съ правовѣрными, но въ христіанскомъ княжествѣ есть волюющая несправедливость и оскорбленіе; сохраненіе такой юрисдикціи даетъ возможность всѣмъ проходцамъ, всѣмъ кавалерамъ отъ индустріи производить самыя безсовестнѣйшія аферы, и подъ покровомъ своихъ консуловъ эксплуатировать населеніе княжества. Железныя дороги автономнаго княжества строить не можетъ, его облагаютъ подчиниться какимъ-то усмотрѣніямъ барона Гирша и Австрійскаго правительства. Вакуфы (имущества духовныхъ) оставлены Турціи, что даетъ ей право наводить княжество разными чиновниками, смотрителями, сборщиками, и пр., а доходы съ нихъ (съ данью которою всѣ доброжелатели Славянъ общимъ хоромъ облагаютъ княжество, конечно въ достаточномъ количествѣ) будутъ идти въ карманъ разнымъ ростовщикамъ-кредиторамъ Властительной Порты, да кромя того еще и часть долговъ турецкихъ возложатъ на Болгарію же. Останься все это безъ измѣненій, несчастнымъ Болгарамъ пришлось бы быть-можетъ вспоминать съ сожалѣніемъ о прошедшемъ: прежде ихъ обирали только паши и валии, теперь будутъ обирать и Турки получающіе дань и сохраняющіе свои вакуфы, и свои пошлы, хотя бы они и вывелись изъ страны; будутъ обирать и всякіе Гирши съ К°, пользуясь своимъ судомъ, и англійскіе кредиторы, и отъи переходивше уже ждущихъ удобной минуты чтобы нагрѣнуть коршунами.

Очевидно что такое существованіе еще могло переместиться турецкими рабами; но народъ разъ получившій хоть въ которую возможность расправы часамъ послѣ продолжительнаго пребыванія въ цѣляхъ, долго не выдержитъ удручительнаго и разорительнаго положенія.

О несчастной Забалканской Болгаріи и говорить нечего. Пресловутая административная автономія съ губернаторомъ изъ фаларитовъ, леклонниковъ мастера Деярда и англійскихъ советниковъ, съ жандармеріей находящеюся въ завѣдываніи назначенныхъ Портой офицеровъ, съ цѣлью турец-

кихъ крѣпостей и этаповъ, между коими безпрерывно будутъ двигаться нивамы, съ озаблеваемымъ населеніемъ Турокъ, которые не упустиатъ случая возмѣстить съ Болгаріи убытки причиненные недавнимъ разореніемъ, да, такая автономія собою придется остаткамъ Болгаръ, испытавшихъ въ послѣдніе два года рядъ бѣдствій, примѣрамъ коимъ рѣдко встрѣчаются въ дѣтописяхъ народовъ. Малѣйшая же попытка воспротивиться какой-нибудь волюющей несправедливости или тягостному налогу даетъ право призвать турецкія войска для усмиренія подъ предлогами угрожающей опасности. Можно предвидѣть даже болѣе блискій поводъ такого произвола турецкихъ войскъ: если сотни тысячъ мусульманскихъ бѣглецовъ, послѣ ухода изъ Забалканской Болгаріи (у меня рука не поднимается писать „Восточная Румелия“) вашикъ войскъ, вахамнутъ туда и начнутъ вымещать свою злобу на несчастныхъ Болгарахъ, губернаторъ долженъ будетъ для ихъ защиты просить у Порты турецкой военной силы; а уже какъ эта сила станетъ защищать вѣрнымашихъ христіанъ—легко себя предстать!.. Да и забравшись разъ сюда, ихъ и выжить не легка будетъ: предлоговъ для дальнѣйшаго пребыванія нивамъ въ Болгаріи найдется въ запасѣ не мало. Останется ли тогда равнодушнымъ зрителемъ сѣверная Болгарія? Умоетъ ли Россія руки?

Хороши тоже условія, въ которыхъ поставлена побѣдоносная Черногорія! Австрійская морская полиція, австрійскій флагъ, покровительство австрійскихъ консуловъ, австрійская желѣзная дорога и военно-административный каналъ между Черногоріей и Сербіей, вѣроятно и австрійскій резидентъ въ Цетиньѣ съ инструкціей іезуитскаго ордена...

О Россіи ны уже говорить не будемъ. Довольно вспомнить о словахъ того же маркиза Солсбери что „въ отношеніи Дарданеллъ и Босфора! Англія признаетъ единственно автеритетъ *независимой* воли его величества султана, государя *независимой* турецкой имперіи“.

А какова эта независимая воля независимаго пашашика достаточно показала въ послѣдніа событія включительно до заключенія отданній Билль въ покровительство и защиту отъ будущаго похищеній. Благодаря этому покровительству, ны правимъ теперь въ Азіи съ новою британскою конвою. Особѣство нивамъ обавать чгобъ: оленя

пріятное: нужно подумать о немедленномъ возведеніи брантмауровъ, а иначе къ намъ ежеминутно можетъ перекинуть пламя, и при обилии легко воспламеняющихся матеріаловъ въ видѣ Кавказскаго мусульманскаго населенія, тушеніе пожара потребуетъ не малыхъ усилій. Въ этомъ отношеніи времени терять нельзя: пока мы будемъ раздумывать, да пробавляться своими поговорками насчетъ того что „послѣшить.—людей наслѣшить“, или „тише вѣдешь дальше будешь“, пока мы будемъ переписываться и *изыскивать мѣры*, врагъ дѣйствующій энергически, не разбирая средствъ лишь бы они шли къ цѣли, можетъ заварить кашу,—поди ее тогда расхлебывай.

Какія для этого мѣры должны быть безотлагательно приняты, безъ сомнѣнія, извѣстно правительству и распространяться о нихъ здѣсь не мѣсто. (Впрочемъ предполагаю посвятить этому предмету нѣсколько строкъ въ *Московскія Вѣдомосты*.)

Одураченная Франція и Италия, смилкомъ позиде убѣдившіяся въ искренности защиты Англіей *общевропейскихъ* интересовъ противъ сѣверныхъ варваровъ, едва ли такъ легко помирятся съ новыми порядкомъ вещей, созданнымъ Берлинскимъ конгрессомъ. Особенно Италия, въ которой живы еще вся ненависть къ долголѣтней противительницѣ своей Австріи и стремленіе къ полному единству, следовательно къ присоединенію Триеста и италянскаго Тироля, не успокоится безъ какого-нибудь возмездія. Неужели и это залогъ прочнаго мира, блестящимъ результатомъ дѣятельности членовъ европейскаго ареолага, о великихъ заслугахъ коихъ предъ человечествомъ возвѣстимъ собственными устами другъ Россіи, канцлеръ Германской имперіи?

Создавъ печальную перспективу для европейскаго мира, конгрессъ за то потрудился на пользу графа Беконсофляда, давъ ему случай возвратиться триумфаторомъ въ Ландовъ, получить орденъ Подваики и выступить съ самехвальною рѣчью въ парламентъ. Рѣчь эта, какъ и вышеупомянутая депеша Солсбери, конечно прочитана уже всѣми хоть нѣсколько интересующимися настоящимъ политическимъ положеніемъ. Съ начала до конца это продуктъ безлобзательной ненависти и вражды къ Россіи, ненависти страстной, далеко выходящей за предѣлы обыкновенной политической враждебности; ей мало одержать побѣду надъ про-

тивникомъ, нанести ему вредъ, а самому достигнуть выгодныхъ результатовъ, обогатиться ловомъ рыбы въ мутной водѣ,—нѣтъ, такой ненависти нужно еще оскорбить, осмѣять любящаго, разразиться злобно шипящимъ хохотомъ... Намъ понятна эта ненависть озлобленнаго романтиста управляющаго Британскою имперіей. Ультиматумъ оставившій разгромъ Сербіи осенью 1876 года, объявленіе войны Турціи вопреки прозорливости и ожиданію Беконсфильда, вѣсти о взятіи Карса и Плевны, ужасное разочарованіе смѣнившее заоравшее торжество по поводу нашихъ лѣтнихъ неудачъ, подавляющее впечатлѣніе зимняго перехода черезъ Балканы, лѣвленіе и уничтоженіе всѣхъ османскихъ армій, ожидаемое съ минуты на минуту занятіе Константинополя, неготовность воспрелатствовать всему этому дѣйствительными силами, висящее на волоскѣ вліяніе и обаяніе Англій на весь Востокъ, торжество оппозиціи, возможность постыднаго паденія кабинета, — Боже мой, сколько поводовъ къ возбужденію самой страстной ненависти! За то же сколько радости послѣ отвращенія всѣхъ этихъ грозившихъ, бывшихъ уже почти неотвратимыми опасностей, послѣ лишенія безкровными средствами противника плодовъ его геройскихъ подвиговъ, его великихъ жертвъ!...

Да, намъ понятны мотивы руководящія лордомъ Беконсфильдомъ, когда онъ даетъ волю своему краснорѣчію, дышащему злобой и ненавистью къ Россіи, когда онъ съ ироніей говоритъ о томъ что осталось отъ священнаго Санъ-Стефанскаго договора. Подумаешь и вооружившись нѣкоторымъ хладнокровіемъ, намъ не въ чемъ его упрекнуть: на то онъ и врагъ намъ чтобы стараться нанести Россіи вредъ, а самому приобрести выгоды и торжествовать отъ подобнаго исхода дѣла. Намъ нужно только не забывать этого...

Неужели и этотъ такъ дорого стѣившій урокъ пропадетъ даромъ?

Когда война казалась намъ неизбежною, не взирая на всѣ противные толки и дипломатическіе экивоки, мы постоянно повторяли что нужно не терять времени и быть готовыми, что эта самая важная забота и залогъ успѣха. Когда война уже была въ самомъ разгарѣ, наконецъ побѣды привели къ стѣнамъ Царьграда, мы говорили то же самое; теперь,

когда заключенъ миръ, и между представителями европейскихъ державъ, заседавшихъ въ Берлинѣ, завязались такіа искреннія дружескіа чувства, мы можемъ сказать только одно: ради Бога не теряйте времени, напрягайте всѣ силы, устремите все вниманіе чтобы быть готовыми, чтобы опять не очутиться въ печальной необходимости упражняться въ уступкахъ...

Подъ *готовностью* же въ самомъ широкомъ значеніи этого слова слѣдуетъ разумѣть весьма многое, а время не терпитъ. Къ работѣ, къ работѣ,—вотъ нашъ девмой лозунгъ.

А. ЗИССЕРМАНЪ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 годѣ

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 Москвѣ, безъ доставки, пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ; съ доставкой на домъ въ Москвѣ шестнадцать рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Дانیю, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій четырнадцать рублей 50 коп. съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи семнадцать рублей; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки шестнадцать рублей 50 коп. съ доставкой и пересылкой девятнадцать рублей 50 коп.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ Бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ Н. КАТКОВЫМЪ

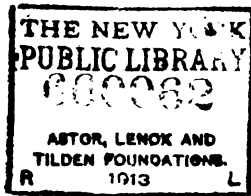
ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1878

А В Г У С Т Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. МНѢНІЯ ПУСОПНІКОВА О ПРАВСТВЕННОСТИ И ВОСПИТАНІИ. А. Г. Брикнера.
- II. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. LXXV—LXXXIII. Андрея Печерскаго.
- III. ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ. Гл. XIX—XXI. Петра Петрова.
- IV. ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ. Гл. XLII—LIII. В. М. Маркевича.
- V. РАЗКАЗЫ БАБУШКИ. Изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. IX. (1810—1813).
- VI. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО. ВЪ ПОХОДѢ И ВЪ БИТВѢ. В. П. Гамулецкаго.
- VII. ИЗЪ ДНЕВНИКА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ ВЪ 1878 ГОДУ. В. Д—ской.
- VIII. КАМЕНЬ СИЗИФА. Гл. XX—XXII. К. Н. Леонтьева.
- IX. ИЗЪ ГЁТЕ. Стихотвореніе. И. П.
- X. РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА. (Ut de Franzosentid.) Фруца Рейтера. Переводъ съ ниже-нѣмецкаго. Окончаніе.
- XI. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

МНѢНІЯ ПОСОШКОВА

О ПРАВСТВЕННОСТИ И ВОСПИТАНІИ

I.

Посошковъ о воспитаніи говоритъ почти исключительно въ *Отечественъ Записаниіи*. Въ другихъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ онъ упоминаетъ лишь случайно, мимоходомъ.

Соотвѣтствіе которое мы замѣтили между общерелигіозными правилами *Домостроя* и воззрѣніями Посошкова встрѣчается и относительно педагогики.

Подтвердимъ это сходство нѣсколькими указаніями.

Въ *Домострой* говорится подробно какъ должно воспитывать дѣтей, какъ ихъ „учити страху Божию и вѣжеству и всякому благочинію... уча и наказуя, и разсуждая, и раны возлагати: наказуй дѣти во юности покоятъ на старость твою“. Въ другой главѣ говорится подробнѣе о томъ „какъ дѣти учити и страхомъ спасти“. „Казни сына своего отъ юности его и покоитъ ты на старость твою, и дасть ти красоту души твоей. И не ослаби бѣя младенца; аще бо жезломъ бѣиши его, то не умреть, но здравѣе будетъ; ты бо бѣя его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти; аще ли дщерь имаши, положи нань грозу свою и, пр... а иже любя сына своего учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися... не дай же ему

т. сѣххѣи. 17*

власти въ юности, но сокрушиши ребро, донели же растеть, и т. д.“*.

Главное начало педагогической системы *Домостроя*—страхъ, безусловное послушаніе; главное педагогическое средство лобоз. Играть съ дѣтьми, смѣяться, шутить—считается грѣхомъ, соблазномъ. Такіе же строгіе приемы встрѣчаются и у Посошкова, хотя, какъ видно изъ его же замѣчаній, въ народѣ смотрѣли на этотъ предметъ иначе. Уже въ первомъ своемъ посланіи къ Стефану Яворскому Посошковъ слѣдующимъ образомъ жалуется на родителей, любившихъ шутить со своими ребятами: „Ей государь! Вамъ не почесому знать, какое въ народѣ нашемъ обыкное и застарѣлое безумство содѣвается. Я аще и не бывалъ во иныхъ окрестныхъ государствахъ, обаче ничего нигдѣ такому безумству обрѣстися. Не скарденое ли сіе есть дѣло, яко еще младенець не научится какъ и хлѣба назвати или чего иного нареци или попросить до чего ему нужда какая есть, а родителіе въ началѣ научаютъ его сквернословить и грѣхотворить,—чѣмъ было въ началѣ младенца учить какъ Бога назвать и указывать на небо съ реченіемъ что тамъ Богъ. И тако младенець бы отъ самыхъ пеленъ научилъ Бога знать, а родителю вмѣсто такова ученія отецъ учить мать бранить сицѣ: мама кака, мама бябля; а мать учить отца бранить подобнѣ: тятя бя-бя, и какъ младенець станетъ блякать, то отецъ и мать тому радуются и понуждаютъ младенца дабы онъ непрестанно ихъ и постороннихъ людей блякалъ. Къ сему же злу и еще злу поущаютъ младенца: отецъ учить матку по щекамъ бить, а мать такожде учить отца бить, а иные и такіе отцы есть что и сами себя поущаютъ бить и за бороды драть; и егда младенець за бороду примется и отецъ тому вельми радуется. А когда мало повозмужаетъ младенець, и говорить станетъ яснѣе, то уже учать его и совершенному сквернословію и всякому неистовству. Но если кто зря младенца неистовящаго речеть отцу и матери чтобъ его отъ такового безчинія унимали, и они отрицаютъ что де на него смотрѣть—онъ де еще малъ, а егда возмужаетъ, и самъ де онъ того творить не станетъ, что де его учить, онъ де ничего не смыслить. И тако родителіе токмо плоть смертную рождатъ,

* *Домострой*, стр. 48, 51 и слѣд.

а безсмертную душу погубляютъ: и за самую свою худую и маловременную утѣху дѣтей своихъ вѣчной смерти предають; понеже егда кой отрочище изъ младенчества своего чесому навькнетъ, то съ тѣмъ правомъ и до смерти пробудеть. Слышалъ, что Крымскіе Татарове дѣтей своихъ ни за какія вины не бьютъ, дабы они были буйавы и безстрашны; и сему вѣрить мочно, что сіе есть правда. Буде кой младенецъ въ грозѣ возрастетъ, той будетъ и до старости боязливъ, понеже страхъ въ немъ заростетъ и не изыдетъ изъ него даже и до старости, тако чесого ни навькнетъ изъ младенчества, съ тѣмъ и пребудеть. И посему явно что отъ сего въ насъ всякое безстрашіе и безуміе рождается, что изъ младенчества намъ ученія душеполезнаго не бываетъ. Гдѣ то слыжано что у насъ на путѣхъ, и на торжищахъ и при тралезахъ, наплаче же того бываетъ и во церквахъ всякая сквернословія и кощунства и всякая непотребная разглагольствованія? Другъ друга ругаетъ, другъ друга осуждаетъ и просмѣхаетъ и не обрѣтается въ насъ знака христіанскаго, кромѣ того, что токмо мы именовемъ словомъ христіанъ.... Откуда же вся сія прозябоша, явѣ яко отъ ненаученія младенческаго“ *.

Въ *Отеческомъ Заповѣданіи* повторяется жалоба на безумныхъ родителей, учившихъ дѣтей своихъ сквернословить, „кукиши казати и за бороду драть“, и пр., и этимъ объясняется порча народа. Посошковъ замѣчаетъ: „азъ бо много такихъ своихъ подлымъ окомъ видѣхъ: кіи въ лютворствѣ возрасли, овіи повѣшены, овіи же въ лянство уклонилися, и ложитковъ своихъ лишилися, и смерти печаянными измроша, иніи же безвѣстно погибоша. И тако у насъ въ Россіи народа бѣлая часть погибаетъ отъ неученія младенческаго, то-есть отъ потачки, іе кіихъ же отецъ да мать научать злу, то о тѣхъ уже и спрашивати нечего, и такихъ всѣхъ спроситъ Богъ на отцахъ, да на матеряхъ. Избави, Боже и начальствующимъ людямъ, дабы не взыскалъ Богъ и на нихъ, понеже у насъ народъ ненаказанный. Мню я что всякому командиру, а наплаче духовному чину надлежитъ о семъ пещися, дабы отцы и матери дѣтей своихъ учили страху Божию и всякому благоправію.“

* Соч. Пос. I., 312—314.

Затѣмъ Посомковъ учитъ сына какъ онъ долженъ воспитывать своихъ дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ. Тутъ между прочимъ сказано: „И того не учи, еже бы тебя звалъ тятю, а матеръ мамою: но самое ваше начальнѣйшее ученіе да будетъ: Богъ на небѣ, и руку его взявъ указуйте ея на небо, и лаки глаголите: Бога бойся, ни съ кѣмъ не бранися, не дерися, Богъ съ неба смотреть, и что ты ни сдѣлаешь видить; и языка своего не выставивай: Богъ за то тебя убьетъ, и пр.“ *

„Кой человекъ въ наказаніи возрастетъ, той всегда добрый человекъ будетъ. Того бо ради древніи святіи, соблюдая людей отъ погибели, повелѣвали дѣтей своихъ бить нещадно.“ Затѣмъ слѣдуютъ цитаты изъ Іисуса Сираха, Соломона и пр. въ доказательство того, что нужно дѣтямъ „сокрушать ребра“, „участить имъ раны“, „бить жезломъ“, и этимъ „избавлять ихъ отъ злыя смерти“.

Играть съ ребенкомъ Посомковъ считаетъ дѣломъ весьма опаснымъ. „Играемъ погубишь его“, пишетъ Іисусъ Сирахъ и поэтому и Посомковъ пишетъ: „И не тожко самому тебѣ съ ними (чадами) играть, но и на улицу ради игранія не пускай ихъ, дабы не навькли отъ неключимыхъ отрочать кощунства и всякаго сквернословія и празднословія“...

„Егда коего сына отдаси во училище книжнаго ради наученія, то и тогда ни малыя воли ему не давай, но въ велицей грозѣ держи его, и приставь къ нему приставника вѣрнаго, старика или старуху, чтобы ему не полускали съ ребятами играть, а наплаче не полускали бы съ ними вмѣстѣ спать, или и сидѣти наединѣ, такъ тѣмъ приставникамъ твердо накажи: дабы изъ очей своихъ ни на малъ часъ не выпускали.“

Особенно подробно Посомковъ излагаетъ необходимость надзора надъ „возмужающими“ мальчиками. Онъ совѣтуетъ одѣвать дѣтей скромно и кормить ихъ „суровыми ядами“, а не „сладостными лицами“. Если отецъ увидитъ что сынъ шутитъ съ дѣвцами или съ молодимицами, онъ долженъ сокрушить ему ребра и безо всякаго милосердія наказать его „дабы впредь ни мало къ нимъ не приближался“.

Главное правило при воспитаніи: не давать воли дѣтямъ. Нужно ихъ „крѣпко держать, еже бы никакого дѣла своимъ

* Отеч. Записк., 51—53.

изволомъ не дѣлали.... понеже самоволіе и въ совершенномъ мужествѣ челоувковъ вредяетъ; кольми паче въ юности.... всякія пакости содѣваются въ народѣ.... отъ самоволія“, и т. д. *.

Въ *Отечскомъ Записаніи* говорится не только о нравственномъ воспитаніи, но и объ умственномъ развитіи дѣтей. Посошковъ пишетъ: „Въ началѣ отрочества своего, сыне мой, паче всѣхъ наукъ прилежи книжному ученію: не токмо словенскому одному, но и греческому или латинскому, или хотя польскому, понеже и на польскомъ языкѣ много таковыхъ книгъ есть, кои у насъ на словенскомъ языкѣ не обрѣтаются, а и къ наукѣ польскій языкъ иныхъ языковъ поемнѣе. И еще и латинскому поучишься, обаче не вси книги приемли; кіи обращаши на развратъ благочестивые нашея вѣры или къ каковому грѣху приводящія, тыи весьма отъ себя отрѣвай, и во всемъ храни себя опасно, дабы тебѣ въ часомъ не полползнутися и благочестія не погубити и еретикомъ бы не быть“. ** Затѣмъ говорится въ другомъ мѣствѣ: „Егда же книжнаго ученія словенскаго крѣпко навикнешь и грамматику словенскую изучить кой, такожде и писати добрѣ научитися и выкладкѣ цифирной научивъ до дѣленія: поучи его и латинской грамотѣ и языку или греческому, или хотя польской грамотѣ и языку, а потомъ поучи его и художеству къ каковому онъ свойственъ будетъ. И каковому художеству, тягостному или легкостному, научиши, то какъ твое хотѣніе будетъ, а сего ученія не моги отложить, еже бы тебѣ его не научити рисовать: и въ размѣрѣ силу знать, чтобы всякое дѣло прежде начинанія дѣлати, могъ его нарисовати по размѣру. И еще въ размѣрѣ будетъ силу знати, то ко всякому мастерству будетъ ему способно. И еще и командиромъ у какова дѣла будетъ, то онъ можетъ всякое дѣло насквозь видѣти, ко всякому бо художеству рисовальное дѣло присутственно и зѣло потребно. Къ сему же понуждай его потребное и непотребное рисованіе, чтобы онъ навикалъ тому рисованію доско-

* *Отеч. Записк.*, 51—59. О томъ что не должно пускать дѣтей играть по улицамъ и безъ дѣла шататься, говорится и въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ*, стр. 22; священники должны учить родителей какъ они должны воспитывать своихъ дѣтей.

** *Отеч. Записк.*, 8.

нало. И по вси дни положи ему зарокъ: колико листовъ прочитати и по колику ни есть и написати божественныхъ писаній, дабы никогда празденъ не былъ и дней бы своихъ не терялъ даромъ.“ *

Замѣчательнъ совѣтъ данный сыну въ другомъ мѣстѣ *Отеческаго Заповѣданія*: „Егда будеши, сыне мой, книги читати, то читай ихъ не борзостно и съ прилежнымъ вниманіемъ, и держи при себѣ бумагу и чернила и кая ти рѣчь понравитца, записывай имянно, въ коей книгѣ и въ коей главѣ и въ коей части, и въ коемъ стиху, и къ чему она прилична. И егда лучится у тебя какое слово, съ кѣмъ отъ божественнаго писанія, то ты по той запискѣ въ скоромъ часѣ обращай, да се и понятнѣе тебѣ оно будетъ и впредь тебѣ та записка вельми послужитъ; пользу бо великую себѣ и людемъ получиши отъ тоя записки“. **

Эти замѣчанія обнаруживаютъ въ Посошковѣ многосторонность и любознательность, выходящія изъ узкой рамки домостроевскихъ понятій. Онъ самъ хорошо зналъ ариметику, какъ показываютъ болѣе или менѣе сложныя выкладки въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій; онъ былъ знакомъ съ разными приѣмами прикладной математики, какъ видно изъ главы „о дворянахъ, крестьянахъ и о земляныхъ дѣлахъ“ въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ*. Тамъ говорится нѣсколько разъ о компасѣ, объ опредѣленіи „колико градусовъ вервь (при межеваніи земли) поступила отъ востока къ полудню“, о „квадратѣ (квадрантѣ)“, о „длиникѣ“ и „поперечникѣ“, и пр. Совѣтъ Посошкова дѣлать замѣтки при чтеніи относится, какъ кажется, исключительно къ религіознымъ книгамъ. Онъ самъ очевидно составлялъ для себя такого рода выписки, иначе же онъ не былъ бы въ состояніи такъ часто приводить ссылки изъ Библии, изъ сочиненій святыхъ отцовъ, и пр., какъ это дѣлается во всѣхъ его сочиненіяхъ, въ особенности же въ *Зерцаль*.

Обращеніе вниманія на ариметику и на „художества“, то есть указаніе на необходимость изученія какого-либо ремесла вполне соответствуетъ наклонностямъ Посошкова, обладавшаго многими техническими свѣдѣніями, бывшаго „фонтальнымъ“ мастеромъ, занимавшагося винокурениемъ, устраивав-

* *Отеч. Заповѣц.*, 56.

** *Отеч. Заповѣц.*, 170.

шаго полотняную фабрику, и пр. На этот счет Посошковъ и Петръ Великій ходили другъ на друга. Оба любили заниматься ариѳметикою, оба умѣли цѣнить значеніе технологии, оба рисовали охотно.

Обращеніе вниманія не только на богословіе, но и на практическія цѣли воспитанія замѣтно и въ *Книгѣ о скудости и богатствѣ*, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „А чаю, не худо указъ послать и въ низовые города, чтобы и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить отдавать хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самимъ имъ слюбится, потому что къ нимъ паче русскихъ деревень, пріѣзжая солдаты, и приставы, и подьячіе, овогда съ указомъ, овогдажъ и безъ указу, и чинятъ что хотятъ; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всякій ихъ изобижаетъ и чего никогда въ указѣ не бывало, того на нихъ спрашиваютъ и правожомъ правятъ. А егда дѣти ихъ научатся грамотѣ, то грамотные будутъ у нихъ владѣтелями и по прежнему въ обиду ихъ не дадутъ, и будутъ свою братью отъ всякихъ напрасныхъ нападокъ оберегать. А чины, выучась грамотѣ, познають святую христіанскую вѣру, возжелаютъ и креститься, то ти грамотники мало-по-малу чиныхъ свою братью къ христіанской вѣрѣ приводить будутъ.“ *

Изъ общихъ правилъ, какъ жить въ свѣтѣ, которымъ Посошковъ учитъ своего сына, достойны вниманія между прочимъ слѣдующія:

„Такъ жить навыйкай, еже бы тебѣ никого стараго, или малаго, или богатаго, или убогаго челоувѣка ничимъ же не оскорбити, но во всемъ буди любителямъ и всякому челоувѣку отвѣщай и глаголи кротостно, а сурово никакому челоувѣку кромѣ причины не глаголи, понеже сурово слово воздвизаетъ гнѣвъ... Ни какова челоувѣка дуракомъ не называй, но предъ всѣми себя смирай.“ Всѣ эти ученія подтверждаются ссылками на Священное Писаніе.

„И аще ты, сыне мой, поѣдеш на кони, блюдишь того дабы ти какова челоувѣка, богата или убога, конемъ своимъ не потѣснити, и съ дороги бы лѣшеходныя не стиснути въ грязь, и аще и не по лѣшеходной дорогѣ поѣдеш и въѣдеш въ грязь, то ты коня своего удержиуй, дабы конь твой тако ступалъ, дабы никакова челоувѣка не обрызгати грязью. И

* Соч. Пос. I, 176.

не токмо человекѣа люби, но и скоты жалуй, аще и курицу на пути найдеша, въ песокъ рыющуюся, не потѣши ея, аще мочно объѣди ю, и аще и сіе дѣло и не велико есть, обаче ты храни, понеже и она тварь есть Божія; и аще и иную какую скотину, или и пса на пути найдеша сляца или не сляца, да распростершия по землѣ лежаща, не досаждай и ей, но такожде объѣди ю, дабы и псу досажденія какова не учинити ти. Тебѣ отъ тою трудности великія не будетъ, еже ея поберець и объѣхать или обойти, а она аще и безсловесна есть, обаче ей любо будетъ. Всѣ ли чадо, яко святое писаніе тѣхъ людей блажить, кѣи скотину жалуютъ, и наречени тѣи люди праведниками (*Книга Притчей*, гл. 12, ст. 10).“ *

Отчасти религіозными, отчасти политико-экономическими соображеніями внушены слѣдующіе совѣты Посошкова: „Егда увидеша въ лѣсъ, отнюдь древа, ни великаго, ни малаго безъ потребы не сѣщи: понеже Богъ насадилъ древесна на потребу человекѣмъ, а не на руганіе, не на играніе, и Богъ возростилъ многими лѣты: а ты его во едину минуту сѣчеша или сломиши безъ потребы, то ты самъ себѣ ломыши: можеша ли ты его сотворити, а аще чего не можеша сотворити, то не требѣ ти того и губити, и пр.“

„Также и по лашнѣ насѣянной на конѣ отнюдь не ѣзди: понеже тою своею ѣздою насѣявшему ниву великую обиду учиниши, егда бо конь на кое мѣсто ступитъ, то не токмо колосъ повредитъ, но и изъ корени исторгнетъ. И егда обрящеша гдѣ насѣянный горохъ, или рѣпу, или и иное что сѣдомое, не моги обиды учинити насѣявшему, но токмо самую малую часть возьми, дабы той господинъ Богу на тя жалобы не принесъ.“ **

Совѣты Посошкова не представляютъ системы. Правила гигиеническія, правила учтивости въ общежитіи, правила настоящей нравственности, слѣдуютъ другъ за другомъ безъ особеннаго порядка. Отецъ на одной и той же страницѣ совѣтуетъ сыну не ѣсть слишкомъ рано утромъ, не перемѣнять слишкомъ быстро образа жизни относительно лица и литья, не пьянствовать, не выбирать себѣ за обѣдомъ въ людяхъ лучшихъ кусковъ въ сосудѣ чтобы не явиться сластолюбцемъ, не ѣсть слишкомъ много сладкаго и проч. *** Очень

* *Отч. Завѣщ.* 14—16.

** *Отч. Завѣщ.* 16—18.

*** *Отч. Завѣщ.* 64.

часто и при такихъ совѣтахъ встрѣчаются ссылки на Священное Писаніе.

Главнымъ руководствомъ нравственности преподаваемой въ *Домострой* и въ *Отечественъ Заповѣданіи* служатъ опасеніе наказанія и надежда на награду. Увѣщевая сына не искать во что бы то ни стало богатства Посошковъ пишетъ: „И аще тако сотвориши, то Господь Богъ твоихъ грѣховъ не воспомянетъ, и за такую твою добродѣтель похвалитъ тя предъ всѣми Своими ангелы, и введетъ тя во царство Свое небесное, и тамо будещи богатъ нескуднымъ богатствомъ, и славенъ будещи лаче царей земныхъ, и пр.“*

Совѣтуя сыну долги улачивать въ срокъ, Посошковъ говорить: „и тако творя отъ всѣхъ похваленъ будещи и добрымъ человекомъ прослывещи“, и под. т, однако затѣмъ Посошковъ требуетъ отъ сына чтобы тотъ всѣмъ, даже и дѣтямъ, кланялся учтиво, „не того ради дабы тебя люди хвалили“ и пр.

Въ *Домострой*, какъ извѣстно, говорится подробно объ отношеніяхъ мужа къ женѣ. Жена занимаетъ въ хозяйствѣ весьма видное мѣсто, но все-таки она во всѣхъ отношеніяхъ подвластна мужу. Мужъ долженъ съ женою совѣтоваться обо всемъ, но онъ въ то же время обязуется, если нужно, ее и „плетію постегати, по винѣ смотря, наединѣ, а не предъ людьми, и поучивъ примолвити и пожаловати и никакожь не гнѣваться другъ на друга. А про всякую вину по уху и по лицу не бити, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ ни колоти, ни какимъ желѣзнымъ, ни деревомъ не бити. Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многіа притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнетъ, и главоболіе и зубная болѣзнь; а у беременныхъ женъ и дѣтямъ въ утробахъ бываетъ поврежденіе; а плетію съ наказаніемъ бити: и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А токмо великая вина, и за ослушаніе и небреженіе, ино снятъ и рубашку и плетію вѣжливенько бити, за руки держа „по винѣ смотря, да побивъ и примолвити, а гнѣвъ ни на комъ бы не былъ, и т. д.“*

Мы видѣли какъ Посошковъ въ области педагогикѣ стоялъ главнымъ образомъ на почвѣ *Домостроя*. Относительно брачной жизни онъ стоитъ выше *Домостроя*. О побояхъ, о наказаніи жены плетью у него уже не говорится.

* *Отеч. Заповѣц.*, 144.

** *Домострой*, 99—100.

Пососковъ совѣтуетъ сыну не искать себѣ невѣсты „честнѣе себя“. „Наилучше же,“ пишетъ онъ, „богатая бѣжи: да никогда недостатка ради твоего поносимъ будешь отъ нея; но ищи себѣ равную, или даже низши себя; понеже жена честна мужемъ, а не мужъ женою. Ты ни богатства, ни чести въ невѣствѣ ищи, но ищи смиренія и разума, наилучше же того, ищи въ невѣствѣ страха Божія, и пр....“ „егда невѣсту будешь себѣ избирати, то и красоты преизлишнія не ищи.... а ищи красоты духовныя“....

„А такова безумія не могутъ учинити ежебы ти невѣствѣ двухъ или трехъ во единыя времена смотрити, понеже двѣнца такой же человекъ яко и ты, а не лошады: лошады еще двѣ или три или и вѣщши посмотрити и еще тебѣ и вси понравятся и еще богатъ будешь, то кулить всѣхъ ихъ и имѣти у себя можешь, а кую и не кулешь, обаче еще ти и нравна была, долго скорбѣти о ней не будешь; а еще невѣствѣ двухъ или трехъ посмотрити и всѣ тебѣ полюбятся, то что имаша творити?...“ „А егда уже съ кою невѣстою положиши свое слово, еже взяти ю за себя: то не могутъ, ты чадо мое, слова своего нарушатъ, и т. д.“....

О брачныхъ обрядахъ Пососковъ говоритъ также довольно подробно, протестуя при этомъ противъ обычая на свадьбѣ еще во время обѣда отпращивать новобрачныхъ. „въ чертогъ“, и пр. *

Жену Пососковъ ставитъ высоко, требуя, между прочимъ, отъ сына слѣдующее: „Безъ совѣта, наилучше безъ женяго, отнюдь ничего не твори, понеже она отъ самого Бога дана тебѣ не ради порабощенія, или токмо послуженія, но ради самыя помощи, и пріялъ ты ее отъ „святыя церкви, и пр....“ „Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею, и не простою помощницею, но подобною.... А если кто женою своимъ погордится и совѣта отъ нея не востребуетъ, но токмо на свой разумъ вознадевется, то той подкнется, и пр.“ **

Нельзя не удивляться тому что Пососковъ, говоря о бракѣ, не говоритъ вовсе о веденіи домашняго хозяйства. Этотъ предметъ, стоявшій на первомъ планѣ въ *Домострой*, какъ бы ускользнулъ отъ вниманія Пососкова. Чѣмъ большую роль въ сочиненіяхъ его играютъ экономическіе

* *Отч. Завѣщ.*, 21—30.

** *Отч. Завѣщ.*, 70—71.

вопросы, тѣмъ болѣе бросается въ глаза этотъ пробѣлъ въ *Отечественнѣмъ Запискѣн*. Это сочиненіе довольно многосторонне; въ немъ говорится о религіи и церкви, о воспитаніи и о бракѣ, о разныхъ карьерахъ которымъ могъ посвятить себя сынъ. О домашнемъ хозяйствѣ не говорится почти вовсе. Только мѣстами встрѣчаются замѣтки о пищѣ и одеждѣ, причеиъ однако болѣе вниманія обращается на гигиеническія или общеэкономическія соображенія чѣмъ на начала домашняго хозяйства въ томъ видѣ какъ объ этомъ предметѣ говорится въ *Домострой*.

За то между тѣмъ какъ въ *Домострой*, по самому характеру сочиненія, ни слова не сказано объ общественномъ положеніи хозяина дома, о разныхъ видахъ дѣятельности его внѣ дома, въ *Отечественнѣмъ Запискѣн* говорится о разныхъ карьерахъ которымъ могъ бы посвятить себя сынъ Посошкова, причеиъ приводятся также многія общія правила нравственности. Мысли Посошкова о войскѣ, о судопроизводствѣ, и пр., мы коснемся въ своемъ мѣстѣ настоящаго труда. Здѣсь ограничимся лишь указаніемъ на нѣкоторые примѣры воззрѣній и совѣтовъ Посошкова.

Посошковъ самъ былъ весьма опытнымъ дѣльцомъ. Онъ любилъ трудиться, умѣлъ цѣнить трудъ и былъ въ состояніи понимать нравственное значеніе посвященія себя какой-либо карьерѣ. Занимаясь разными мѣстами, бывъ чиновникомъ въ финансовомъ управленіи, поставщикомъ разныхъ предметовъ, въ какихъ нуждалось правительство, кулцомъ и фабрикантомъ, онъ легче чѣмъ многіе другіе могъ составить такъ-сказать энциклопедію разныхъ видовъ общественной дѣятельности. Его соображенія въ этомъ отношеніи имѣютъ назидательный характеръ и отчасти также проникнуты духомъ *Домостроя*. Не во всѣхъ главахъ отдѣла *О гражданскомъ житіи* онъ въ той мѣрѣ входитъ въ технику дѣла какъ на примѣръ это замѣчается во главѣ „о приказныхъ порядкахъ“; довольно часто онъ взаиъ того ограничивается указаніемъ на религіозныя и нравственныя обязанности человека занимающаго какую-либо должность или бывающаго ремесленникомъ, кулцомъ, солдатомъ, и пр. Вообще этотъ отдѣлъ для нашей цѣли не особенно богатъ содержаніемъ.

Довольно замѣчательенъ слѣдующій совѣтъ Посошкова сыну, свидѣтельствующій не только о нѣкоторой опытности

Посошкова въ дѣлахъ, но также и о его высококомъ понятіи о добросовѣстности каждаго трудящагося на какомъ бы то ни было полприщѣ: „Буде вручено ти какое дѣло государево будетъ, то ты о домѣ своемъ и ни о чемъ своемъ тако не лекися, яко о врученномъ ти дѣлѣ. Того и смотри, чтобы тебѣ чего не истеряти, а еще въ томъ дѣлѣ будеши какой расходъ имѣти, то первѣ ту дачу залиши въ книгу, и егда уже залишешу тогда отдай, а не записавъ никогда никому челоуѣку ни малыя дачи не давай, и проч...“ Нѣсколько разъ говорится о необходимости веденія списка текущимъ дѣламъ, „чтобы ничего не забыть, исполнять данныя обѣщанія и въ грѣхъ бы не войтить и никакому челоуѣку досады бы не чинить“.

Можетъ-быть въ слѣдующемъ совѣтѣ проглядываетъ вліяніе воззрѣній Петра на превосходство коллегіальныхъ учреждений. Посошковъ пишетъ: „Аще у какова дѣла будеши и большимъ командиромъ, обаче самоумничествомъ ничего не дѣлай, но всячески съ общаго совѣта, самъ бо Господь Богъ повелѣлъ всякія дѣла посовѣтовать съ клеветы.“ Скромность, смиреніе требуется отъ всякаго. „Ты аще и большимъ командиромъ у какова дѣла будеши, обаче буди яко послѣдній всѣмъ, и яко служай имъ.“ „Не буди ты гордъ яко Люторъ, и проч.“ *

Посошковъ былъ, какъ мы знаемъ, зажиточнымъ челоуѣкомъ. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ возможнымъ что его сынъ не займетъ какого-либо высокаго положенія въ обществѣ, а сдѣлается крестьяниномъ, даже рабомъ или нищимъ. Нанимаясь на какую-либо работу сынъ долженъ трудиться добросовѣстно. Лѣнящихся товарищей нужно понуждать „тихостнымъ понужденіемъ“, говоря имъ: „грѣхъ тебѣ будетъ, нанялись мы работать, а не гулять.. у господина лѣнязи противъ договору сполна взяти, и т. д.“ За то однако предъ господиномъ не должно обличать лѣниваго товарища и „своя выслуги не объявлять“. **

Въ качествѣ раба не должно отказываться ни отъ какой работы. „Но токмо въ томъ не буди послушенъ, если станутъ тебя посылати на разбой или на татьбу, или на убив-

* *Отеч. Запѣц.*, 144 и 145.

** *Отеч. Запѣц.*, 176 и 177.

ство какое, или и на иное какое дѣло богопротивное, или закону христіанскому развратное, или людямъ досадительное. А и въ такомъ дѣлѣ отрицайся кротостно, чтобы ти его не озлобити, рцы ему сице: господи́нь мой, благоволи иного кого послать посмѣлѣ мене, я человекъ несмѣлый, и проч.“ „И еще твой господи́нь будетъ пьяница или иной какой мотыга, не поноси его... и еще безвинно ты избранить или и зашибеть, не гнѣвайся на него... и еще кто спросить тебя о немъ, каковъ онъ къ тебѣ, сказывай тихъ и милостивъ.“ *

Художники, то-есть ремесленники, должны быть исправны въ исполненіи должнаго обѣщанія и окончивать заказанную работу къ условленному сроку; кулцы должны быть честны; офицеры и солдаты не должны обижать жителей; нищіе должны проводить время въ молитвахъ, не думать о приобрѣтеніи земныхъ благъ, и проч. и проч.

Подводя итогъ сказанному, видимъ что въ области вопросовъ нравственности и воспитанія міросозерцаніе Посошкова еще значительно проникнуто понятіями въ духѣ *Домостроя*.

Есть другія сочиненія Петровской эпохи въ которыхъ также обсуждаются вопросы педагогики и нравственности и которыя построены на совѣмъ иной почвѣ и въ которыхъ замѣтно сильное вліяніе реформы Петра, долженствовавшей измѣнить кругозоръ русскаго общества и разрушить значительную долей понятія до-Петровской эпохи.

II.

Письмо отца къ сыну въ Голландіи, какъ мы знаемъ, до новѣйшаго времени по ошибкѣ приписывалось Посошкову. Въ статьѣ *О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ приписываемыхъ Посошкову* мы доказали что изданіе Погодинымъ этого *Почуенія посланному въ дальнія страны сыну*, какъ труда Посошкова, объясняется случайнымъ недоразумѣніемъ, и что самое содержаніе этого труда нисколько не согласуется съ характеромъ и содержаніемъ Посошковаго *Отеческаго Запущанія*. **

* *Отеч. Запущ.*, 182—183.

** См. *Русскій Вѣстникъ* (1874 года августъ) т. СХІІ, стр. 798—826.

Отецъ молодаго челоѣка, отправленнаго въ Голландію чрезъвычайно доволенъ такимъ пребываніемъ сына за границею. Очевидно онъ ничего не имѣетъ противъ сближенія съ „еретиками“, приверженцами Лютера и Кальвина. Говоритъ много о свѣтскихъ наукахъ, о свѣтскомъ образованіи, о внѣшнемъ лоскѣ западно-европейской цивилизаціи. О религіи и церкви, объ обязанностяхъ христіанина, говорится далеко не столь подробно какъ въ *Отечественъ Запискѣ* Посошкова. Отецъ желаетъ чтобы сынъ по возвращеніи своемъ изъ-за границы сдѣлался полезнымъ государю и государству. Вотъ какъ онъ пишетъ о пользѣ образованія вообще: „Государевою повелительною властью нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишися въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражняться довлѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхоцетъ, и благодатію жизнь его продлится, достойна себѣ сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ ты изволить употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ.“ Послѣ указанія на драгоценность времени и доказательства что нужно употреблять каждый часъ для ученія, отецъ продолжаетъ говорить о пользѣ изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики и математики, геометріи, архитектуры и фортификаціи, а также и географіи. Все это, какъ полагаетъ отецъ, доставитъ сыну возможность оказывать государю при случаѣ самыя существенныя услуги. Въ то же время говорится о свѣтскомъ образованіи вообще слѣдующее: „Не возбраняютъ тебя между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія жизненныхъ въ тебѣ духовъ, и честныя рекреаціи имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владати, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ оружіемъ владѣть, и въ протчыхъ подобныхъ тѣмъ честныхъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть“.

Все это не похоже на понятія Посошкова. Авторъ письма къ сыну желаетъ чтобы сынъ занимался и астрономіей и изучалъ бы „теченіе солнца и знамянія звѣздъ“; Посошковъ же проклиналъ „Колерника—Богу солперника“. Посошковъ рекомендуетъ своему сыну между дѣломъ читать молитвы и псалмы. Неизвѣстный „отецъ“ посылаетъ своего сына во время

„рекреаціи“ въ манежъ и въ театръ, и желаетъ чтобъ онъ упражнялся въ кавалерскихъ обученіяхъ. Между тѣмъ какъ Посошковъ самъ не зналъ иностранныхъ языковъ и совѣтовалъ сыну изучать языки лишь ради чтенія церковной литературы, въ письмѣ „отца“ говорится о пользѣ нѣмецкаго и французскаго языковъ. Такъ воспитывались дипломаты Петровскаго времени, напримѣръ Толстой, Татищевъ, Неллюевъ и проч., которые знаніемъ иностранныхъ языковъ, между прочимъ и италіянскаго, были въ состояніи оказывать существенныя услуги государю въ качествѣ посланниковъ. Между тѣмъ какъ въ *Домострой* „коней уристаніе“ считалось „богомерзкимъ дѣломъ“, неизвѣстный „отецъ“ желаетъ чтобы сынъ сдѣлался опытнымъ *sportsman*’омъ. Между тѣмъ какъ Посошковъ ратовалъ противъ париковъ, „отецъ“ Полоній Петровскаго времени, очевидно человѣкъ богатый, въ подробно изложенномъ бюджетѣ назначаетъ ежемѣсячно по 50ти гульденовъ „на-одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочіе мелочи“, и по 100 ефимковъ ежемѣсячно „за іюныя различныя при рекреаціи честныя забавы“.

Въ заключеніе сказано: „Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши, ибо натуральный человѣкъ, происшедшій отъ отца и матери въ міръ сей, ничто же имать. И къ тому да подастъ Господь Богъ тебѣ, моему прелюбезному чаду, духъ премудрости, духъ разума, духъ совѣта, духъ вѣдѣнія и страха Божія, и проч.“ *

Изо всего этого посланія къ сыну въ Голландіи видно что отправление за границу молодыхъ людей сильно повліяло на кругъ понятій Русскихъ. Условія общежитія измѣнились со времени знаменитой поѣздки Петра на западъ сначала для высшихъ круговъ русскаго общества. Между тѣмъ какъ Посошковъ былъ представителемъ массы, коснѣвшей въ домостроевскихъ понятіяхъ, являлись представители рускаго *high-life*, которые на воспитаніе дѣтей смотрѣли гораздо шире и безпристрастнѣе чѣмъ Посошковъ. Сынъ автора посланія долженъ былъ сдѣлаться *grand seigneur*’омъ, салоннымъ человѣкомъ и вмѣстѣ полезнымъ государственнымъ дѣятелемъ.

Измѣненію понятій много содѣйствовало переводы иностранныхъ сочиненій. На русскій языкъ были переведены разныя сочиненія о военномъ искусствѣ; на русскій языкъ

* Изд. Соч. Пос. I., стр. 295—302.

даже былъ переведенъ катехизисъ Лютера, переводились учебныя книги по ариѳметикѣ, географіи, исторіи; должны были переводиться и чисто дидактическія и педагогическія сочиненія.

Къ такимъ переводамъ относится *Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому обхожденію*, собранное изъ разныхъ авторовъ. „Напечатается повелѣніемъ царскаго величества. Въ Санкт-Петербурхѣ лѣта Господня 1717 года февраля 4 дня.“ Эта книга издавалась нѣсколько разъ и была, какъ кажется, сильно распространена въ русской публикѣ. Между прочимъ и Татищевъ чтеніе этого учебника рекомендуетъ своему сыну Евграфу*.

Главное содержаніе этой книжки заключается въ правилахъ, какъ вести себя въ обществѣ. Она касается лишь внѣшней стороны человѣка. О настоящей добродѣтели не говорится. На первомъ планѣ находятся наставленія о сохраненіи въ чистотѣ ногтей, рта, запрещенія громко чихать, сморкаться и плевать, и т. под. Все это могло быть не бесполезно. Русскіе, удивлявшіе до того иностранцевъ грубостью нравовъ, верашливостью, неопрятностью, должны были научиться прилично стоять, сидѣть, ходить, ѣсть и пить, кланяться и пр.

Между тѣмъ какъ въ *Джостропъ* и въ *Отеческомъ Запчанинн* соблюденіе религіозныхъ обязанностей и церковныхъ правилъ поставлено на первомъ планѣ, въ письмѣ „отца“ это уже не играетъ столь важной роли, хотя на исполненіе религіозныхъ обязанностей и обращается въ этомъ сочиненіи мѣстами большое вниманіе. *Юности честное зеркало* уже совсѣмъ свѣтское сочиненіе; о религіи говорится весьма кратко и лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Примѣромъ того какъ говорится о благочестіи въ этомъ сочиненіи, можетъ служить замѣчаніе что если дѣвушки краснѣютъ, такъ это можетъ считаться признакомъ благочестія, причѣмъ разказано, что есть страны въ которыхъ невѣстамъ до свадьбы даютъ гювейну съ цѣлью чтобъ онѣ во время свадебнаго обряда

* Въ февралѣ 1717 года поступило въ продажу 100 экземпляровъ, въ августъ, послѣ 2го изданія, 600 экземпляровъ; въ переплетѣ каждой стоилъ 40 коп.—См. соч. Пекарскаго, *Наука и литература при Петрѣ Великомъ*. II, 382. Въ настоящее время эта книжка можетъ считаться рѣдкостью. Я пользовался экземпляромъ изъ богатаго книгохранилища г. академика Кунька.

краснѣли. О добродѣтеляхъ благодарности, трудолюбія, милосердія, чистоты, умѣренности, и пр. говорится въ общихъ мѣстахъ. При изложеніи правилъ какъ дѣти должны почитать родителей, сказано, между прочимъ, что въ присутствіи отца и матери должно держать шляпу въ рукѣ, что не должно садиться, и т. под.

Посошковъ проповѣдывалъ смиреніе, кротость скромность, униженіе. Напротивъ того, въ *Юности честномъ зеркалѣ* преподается нѣкоторое чванство. Вотъ нѣкоторыя наставленія такого рода: „Съ своими или посторонними служителями гораздо не сообщайся.... Смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, оласайся, чтобъ притомъ и служанокъ не было, а именъ не упоминай, но общіяками говори, чтобъ дознати было не можно.... Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навѣкнуть могли, а особливо, когда имъ что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли, и чтобы можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, ибо каждый купецъ, товаръ свой похваляя, продаетъ какъ можетъ.“ Между тѣмъ какъ Посошковъ училъ своего сына какъ онъ долженъ вести себя въ качествѣ слуги, раба, работника, нищаго, въ *Юности честномъ зеркалѣ*, написанной для аристократовъ, встрѣчаются разныя наставленія о суровомъ обращеніи съ прислугою. „Когда кто своихъ домашнихъ въ страхѣ содержать, оному благочинно и услуженно бываетъ.... ибо раби, по своему нраву, невѣжливы, упрямы, безстыдливы и горди бываютъ, и пр.“ Далѣе говорится о выгодахъ вѣжливости и объ опасности прослыть дуракомъ. Нужно во всѣхъ отношеніяхъ вести себя достойно знатнаго происхожденія, а не подобно тѣмъ „которые недавно только прославились“, то-есть не такъ какъ *parvenus*. Особенное вниманіе обращается на придворный этикетъ: читателямъ *Юности честнаго зеркала* вмѣняется въ обязанность наблюдать строжайшимъ образомъ всѣ правила церемоніала. Далѣе слѣдуютъ разныя совѣты какъ должно вести себя въ качествѣ царедворца для достиженія разныхъ матеріальныхъ выгодъ и почестей.

О настоящемъ трудѣ, о посвященіи себя какому-либо призванію, нигдѣ не говорится въ этой книжкѣ. Совѣты въ родѣ того что никогда не должно быть празднымъ оказываются пустыми фразами, такъ какъ нигдѣ не говорится о настоящей

общепользующей дѣятельности. Центр тяжести всей этой книжки заключается въ правилахъ *savoir faire* и *savoir vivre* въ указаніи на то что *comme il faut*.

Юности честное зерцало было напечатано въ С.-Петербургѣ въ то самое время когда Посошковъ писалъ свое *Отеческое Заповѣданіе*. Обѣ книги почти вовсе не похожи другъ на друга. *Юности честное зерцало* было заграничнымъ продуктомъ, предметомъ привоза, роскошью въ родѣ иностранныхъ винъ, кружевъ и другихъ подобныхъ предметовъ, безъ которыхъ не могли жить высшіе круги русскаго общества. Посошковъ писалъ для юношества всѣхъ сословій; *Юности честное зерцало* составлено лишь для знатной молодѣжи нуждавшейся въ „кавалерскихъ обученіяхъ“. Авторъ *Отеческаго Заповѣданія*, хотя нѣсколько ограниченный и односторонній человекъ, гораздо серьезнѣе смотрѣлъ на воспитаніе чѣмъ авторъ *Юности честное зерцало*. Въ *Отечественномъ Заповѣданіи* мы видимъ суровый духъ аскетизма и пессимизма, въ *Зерцаль* встрѣчаемъ суетный, легкомысленный тонъ придворной атмосферы западной Европы вѣка Лудовика XIV. Посошковъ, авторъ *Отеческаго Заповѣданія*, своими прочими сочиненіями, особенно же *Книгою скудости и богатства* доказалъ что онъ могъ идти далѣе, развиваться успѣшно подъ вліяніемъ дѣятельности гениальнаго преобразователя Петра Великаго, по приказанію котораго было издано *Юности честное зерцало*, умѣлъ цѣнить западную цивилизацію не только въ такихъ „катехизисахъ учтивости“, но и въ государственныхъ и социальныхъ учрежденіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, и пр. Желая воспитывать свой народъ онъ не ограничился печатаніемъ такихъ пустыхъ книгъ или устройствомъ „ассамблей“. Въ какой мѣрѣ онъ былъ педагогомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ—видно, между прочимъ, и изъ того обстоятельства что тотъ самый Посошковъ который написалъ *Отеческое Заповѣданіе* былъ немногимъ позже авторомъ *Книги о скудости и богатствѣ*.

Перейдемъ къ другому памятнику дидактической литературы разсматриваемой эпохи. Мы говоримъ о *Духовной Татищевѣ*.

Татищевъ былъ, какъ и Посошковъ, представителемъ Петровской эпохи и ученикомъ Петра. Какъ Посошковъ, и онъ былъ въ значительной долѣ самоучкой, но условія его развитія и образованія были далеко благоприятнѣе нежели обстоя-

тельства въ которыхъ находился Посошковъ. Татищевъ занималъ высокіе посты, много путешествовалъ за границей. Онъ принадлежалъ къ высшимъ кругамъ officialнаго русскаго общества и былъ въ близкомъ прикосновеніи съ западно-европейскою цивилизаціей. Какъ администраторъ и дипломатъ, какъ историкъ и географъ, онъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи Россіи XVIII вѣка. Онъ участвовалъ въ важнѣйшихъ походахъ, занимался науками за границей, покупалъ книги въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ и въ Швеціи, во время своего пребыванія на Уралѣ занимался латинскимъ, французскимъ, шведскимъ и нѣмецкимъ языками, зналъ технологию, и пр.

Кругозоръ такого многосторонне образованнаго, ученаго и опытнаго дѣльца не могъ быть узкимъ, какъ и видно изъ его сочиненій, которыя въ послѣднее время не разъ обращали на себя вниманіе ученыхъ. *

Духовная Татищева, писана имъ для его сына Евграфа. ** Этотъ трудъ по общему характеру и содержанию можетъ быть сравненъ съ *Отеческимъ Заповѣданіемъ* Посошкова. Есть сходство между обоими сочиненіями, но есть и большая разница.

О религіи въ *Духовной* Татищева говорится много, но въ иномъ тонѣ чѣмъ говорить объ этомъ предметѣ Посошковъ. Послѣдній старается доказать необходимость богословской полемики: онъ желаетъ чтобы сынъ былъ въ состояніи спорить съ кѣмъ бы то ни было о догматическихъ вопросахъ. Татищевъ, напротивъ, совѣтуетъ сыну никогда не вступать въ пренія или въ разговоры о такихъ вопросахъ. Онъ считаетъ это по собственному опыту безполезнымъ и опаснымъ.

Замѣчанія Татищева о сельскихъ священникахъ и о ихъ матеріальномъ обезпеченіи *** весьма сходны съ сюда относящимися мнѣніями Посошкова, въ нихъ однако уже не встрѣчается того домостроевскаго понятія о значеніи духовенства, которымъ отличалось, какъ мы видѣли, *Отеческое Заповѣданіе* Посошкова.

* См. соч. Н. Попова о Татищевѣ, а также статьи К. Н. Бестужева-Рюмина въ первыхъ томахъ *Древней и Новой Россіи*.

** Мы пользовались экземпляромъ изъ библіотеки академика Куника.

*** *Духовная*, стр. 47.

О занятіяхъ свѣтскими науками Татищевъ говоритъ весьма подробно. Сперва надобно выучиться правильно и складно писать, далѣе нужно заниматься ариѳметикою, геометриєю, артиллерією, фортификацією и другими частями математики. Изученіе нѣмецкаго языка Татищевъ считаетъ необходимымъ. Русскую исторію Татищевъ совѣтуетъ изучать съ помощію сдѣланныхъ имъ выписокъ. Далѣе нужно знать отечественные законы, причеѣмъ какъ на источники такого знанія указывается на Уложеніе, на разные артикулы и печатные указы.

Соображенія Татищева о бракѣ, о выборѣ невѣсты, показываютъ преобладаніе точки зрѣнія практической цѣлесообразности, свѣтскаго благоразумія.

Особенно подробно говорится о государственной службѣ—военной, гражданской и придворной. Тутъ мы не встрѣчаемъ высокихъ идеаловъ, глубокой нравственности; во всѣхъ соображеніяхъ и совѣтахъ преобладаетъ холодный расчетъ. Самая суть этихъ совѣтовъ заключается въ намекахъ о средствахъ миновать опасности, неприятности, не брать на себя лишней и тяжелой отвѣтственности. Мы знаемъ что самому Татищеву во время служебной карьеры приходилось бороться съ разными затрудненіями.

Нельзя сказать, справедливо замѣчаетъ г. Поповъ въ своей біографіи Татищева, чтобы взглядъ Татищева на тогдашнія общественныя отношенія отличался широтой и мягкостью, чтобы въ его проповѣди было много вольнодумныхъ мыслей, къ которымъ считали Татищева особенно наклоннымъ его современники. Стогое нравоученіе, осторожность и подозрительность къ жизни, какими проникнута *Духовная* его, вовсе не были новостью ни для того времени когда онъ писалъ ни для древней до-Петровской Россіи. Но постоянное желаніе послѣдшаго и придежнаго труда, для котораго явилась возможность послѣ реформы Петра, отличало Татищева отъ дѣятелей предыдущаго вѣка. Въ немъ искалъ онъ успокоенія отъ тревогъ общественной жизни, въ немъ видѣлъ источникъ нравственной и физической бодрости каждаго человѣка.*

Сравненіе *Духовной* Татищева съ *Домостроемъ* или съ *Отеческимъ Заветомъ* Посошкова весьма наглядно показываетъ намъ вліяніе реформы Петра на кругъ понятій русскихъ людей. Въ *Духовной* Татищева мы видимъ

* *Татищевъ и его время*, 23.

результаты сближенія съ Европою, отраженіе преобразованій измѣнившихъ государственный и общественный строй Россіи. Измѣнились отношенія служащихъ ко власти, развилось чувство собственнаго достоинства. Воспитаніе все болѣе и болѣе основывалось на настоящемъ ученіи. Свѣтское образованіе не въ ограниченномъ смыслѣ *Юности честнаго зерцала*, но въ болѣе широкомъ и болѣе глубокомъ видѣ становилось мало-по-малу достояніемъ молодаго поколѣнія въ Россіи.

Въ *Домостроѣ* ничего не говорится объ обществѣ. Главными или почти исключительными предметами вниманія служить церковъ и семья, преимущественно въ смыслѣ семьи.

Въ *Юности честномъ зеркаль* мало говорится о церкви, не говорится вовсе о государственной службѣ или объ отношеніяхъ отдѣльной личности къ обществу, не говорится и о домашнемъ хозяйствѣ или о семейной жизни, развѣ только объ „учивствахъ“.

Посошковъ попытался въ своемъ *Отеческомъ Заповѣданіи* взглянуть на воспитаніе съ болѣе высокой точки зрѣнія. Онъ говоритъ объ обязанностяхъ человѣка въ различныхъ званіяхъ, отчасти даже въ государственной службѣ.

Какъ ученикъ западной культуры, Татищевъ главное вниманіе обращалъ на значеніе наукъ и на обязанности человѣка въ государственной службѣ. На эти вопросы уже до этого было обращено вниманіе неизвѣстнымъ отцомъ, писавшимъ къ сыну въ Голландію.

Человѣкъ въ *Домостроѣ*, отчасти и въ *Отеческомъ Заповѣданіи* былъ прежде всего чѣмъ-то въ родѣ аскета; въ *Юности честномъ зеркаль* человѣкъ разматривается какъ салонная кукла, какъ образчикъ салонной моды. У Татищева онъ является дѣятелемъ науки и государственной службы.

Совершенная замкнутость и ограниченность *Домостроя* уступаетъ мѣсто большей многосторонности въ *Отеческомъ Заповѣданіи*, Настала новая эпоха, эпоха европеизаціи Россіи: нѣкоторые результаты этого развитія бросаются въ глаза въ *Духовной* Татищева.

А. БРИКНЕРЪ.

НА ГОРАХЪ*

РАЗКАЗЪ

LXXV.

Кормщикъ корабля возвѣстия наконецъ вѣрнымъ праведнымъ что въ ночь съ субботы на воскресенье будетъ соборъ. Съ радостной вѣстью Варвара Петровна прслѣшила къ своимъ богадѣленнымъ и велѣла имъ готовясь къ великому дѣлу пребывать въ постѣ, молитвѣ и душевномъ смиреніи. Велѣла въ субботу какъ только смеркнется приходить ко вратамъ Сіонской горницы и пребывать тамъ въ благоговѣйномъ молчаньи пока не отверзутся врата истинной жизни и не снимется завѣсы съ сокровенной тайны. Наказывала Варвара Петровна Матреушкѣ приводила бѣ она и Лукерьюшку пусть ее поглядитъ какъ радѣють Господу вѣрные праведные. Сказала Варвара Петровна про соборъ и двумъ своимъ наперсницамъ: старой ключницѣ Прохоровѣ, что за нею еще въ ялькахъ ходила, да Серафимушкѣ, молодой, но невзрачной и сильно ослой побитой горничной Вареньки.

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 10й 1875; №№ 8 и 10й 1876; №№ 5, 6, 7, 9, 10й 1877 и №№ 1 и 5й 1878.

Самъ Николай Александрычъ объявилъ „сіовскую вѣсть“ дворецкому Сидору Савельеву, что безъ малаго сорокъ годовъ еще съ той поры какъ молодые барчата освободились отъ заморскихъ учителей находилась при немъ безотлучно. Сказалъ Николай Александрычъ и ласчанику Кириллу Егорову старичку, сѣдельному, приземистому, что приять былъ въ корабль еще покойникомъ Александромъ Федоричемъ. Не часто „ходилъ въ словъ“ Кирило, за то грозно грѣху обличалъ, громомъ гремѣлъ въ изстуженномъ восторгѣ, въ ужасъ и трепетъ всѣхъ приводилъ, въ иное же время на съ кѣмъ почти не говаривалъ, рѣдко кто слово отъ него услышать. Такъ былъ и кротокъ, на все безотвѣтенъ, изъ ласеки ходу ему только и было—въ церковь за каждую службу, да въ Сіовскую горницу на радѣнья.

За три дня до собранья призывалъ къ себѣ Николай Александрычъ конторщика Пахома Петрова. Былъ тотъ конторщикъ человекъ пожилой, немногимъ помоложе господъ, грамотѣ зналъ, былъ силѣнъ въ счетоводствѣ, книги по имѣнію велъ и служилъ правой рукой Андрею Александрычу по управленью деревнями. Цѣлые два корпѣлъ въ вотчинной конторѣ, но ежели случалось послать куда-нибудь по дѣламъ, всегда его посмалли; ловкій былъ человекъ, во всякихъ случаяхъ находчивъ, умѣлъ обращаться съ людьми, умѣлъ и дѣла обдѣлывать съ ними. Пахома разсмалъ Николай Александрычъ и къ Божьимъ людямъ съ вѣстами о дѣлахъ назначенныхъ для радѣнья.

— Надо потрудиться, Пахомушка, говорилъ онъ ему, объѣзжай святую братію, повѣсти что въ ночь на воскресенье будетъ радѣнье. Въ Коршунову прежде всего поѣзжай лозови матроса Семенушку, оттоль въ Порошано къ дяколу заверни, потомъ къ Дмитрію Осалычу, отъ него въ городъ къ Кисловымъ поѣзжай. Постарайся пріѣхать къ нимъ за свѣтло, а утромъ пораньше поѣзжай въ Клязь Хабаровъ монастырь за Софронушкой.

— Не лавторилъ бы онъ олятъ чего-нибудь, молвилъ Пахомъ.

— А что?

— Да какъ въ тотъ разъ.. сказалъ Пахомъ.—Въ радѣльной рубахѣ олятъ къ полу на село не побѣжалъ бы. Долго ли тутъ до огласки? И то слышь полъ-отъ грозилъ тогда—до архіерея надо, говорить, довести что у господъ по

вочамъ сборища какія-то бываютъ... и на нихъ монаховъ въ рубахи толкаго полотна одѣваютъ.“

— Надо хорошенько смотреть за нимъ, съ глазъ не слухать, молвилъ на то Николай Александрычъ. А безъ Софронюшки обойдись нельзя — велика благодать въ немъ — ради его на соборахъ скоро на корабль Духъ Святъ исходитъ. Не для словесъ на святой кругъ его принимаемъ, а ради того что при немъ благодать скорѣе еходитъ.

— Говорить-то всегда непонятное — смущаетъ языкъ, замѣтилъ Пахомъ.

— Разсуждать о странныхъ и непонятныхъ словахъ, Пахомюшка, намъ съ тобой не приходится и смысла искать въ нихъ не слѣдуетъ, молвилъ Николай Александрычъ. Сказано: „еще неблагоуразумная, невразумительная значить слова кто говорить на собраніи вѣрныхъ языкомъ страннымъ и непонятнымъ — какъ узнаютъ что онъ говоритъ? Будетъ онъ на воздухъ глаголющъ... А ежели я или ты или другой кто не понимаемъ страннаго языка, то глаголющій для насъ все одно что ивоязычный чужестранецъ. Какъ поймемъ его?“ А что Софронюшка угодное Духу творить и угодное Ему на соборахъ глаголетъ такъ и объ этомъ сказано: „ежели кто въ собраніи вѣрныхъ на странномъ, непонятномъ языкѣ говорить, не людямъ тотъ говорить, а Богу. Хоть его никто не понимаетъ, а онъ все таки тайны Духомъ говоритъ“.*

Сомнительно покачалъ Пахомъ головою, и немножко помолчавъ сказалъ Николаю Александрычу:

— Къ игумну-то письмецо что ли пошлете? Безъ того не пустить пошлетъ.

— Какъ къ нему писать? молвилъ въ раздумьѣ Николай Александрычъ. Дѣла невѣрные. Хорошо если въ добромъ здоровьѣ найдешь его, а ежели запыль? Вотъ что я сдѣлаю, — вложу въ пакетъ деньги, безъ письма. Отдай ты его если не игумну, такъ казначею или кто у нихъ дѣлами теперь заправляетъ. Да не отпущать не отдавай пока... А войдя къ кому тамъ доведется — прежде всего золотой на столъ. „Вкладу дескать извольте принять“. Да олричь того кадочку меду поставь. Съ лудъ хоть что ли возьми у Прохоровы.

И подавая Пахому золотой и запечатанный пакетъ, Николай Александрычъ примолвилъ.

* I Коринѳян., гл. 14.

— Отправляйся же. Покровъ Божій надъ тобою!... Молви конюху Панкратью заложилъ бы тебѣ рыженькую въ таратайку... Слыши пожалуста Пахомушка. Завтра къ вечеру жду тебя. А о Софронушкѣ не отъ меня проси, Марья Ивановна молъ пріѣхала и очень дескать желаетъ повидать его. Ее тамъ уважаютъ больше чѣмъ насъ съ братомъ; для нея навѣрно отпустятъ...

И черезъ часъ Пахомъ на рыженькой кобылкѣ вѣхалъ ужъ возвѣщать Божьимъ людямъ радость велию—собирались бы въ Дуловицы въ Сіонскую горницу, собирались бы со страхомъ и трепетомъ поработать въ тайнѣ Господу, узрѣть свѣтъ правды, пріять Духа небеснаго, исповѣдать вѣру истинную, проникнуть въ тайну сокровенную, поклониться духомъ Господу и вослѣть Духу и Агнцу лѣсню новую.

Съ поля на поле отъ Дуловицъ, въ котловинѣ, надъ безводной лѣтомъ рѣчкой раскинулась деревня Коршунова. Еще за три часа до полудня Пахомъ былъ ужъ тамъ. Провѣхавъ улицей въ концѣ деревни онъ своротилъ направо, спустился по косогору въ „келейный рядъ“, что выстроено было курмышомъ * возлѣ овражка. Тамъ остановилъ онъ свою рыженькую у визенькой, старенькой, на бокъ покривившейся избушки. Ворота залерты, Пахомъ постучалъ въ окно, откликъ нѣтъ.

Бѣжить мимо дѣвочка подростокъ съ кузовками въ рукахъ. Спрашиваетъ у ней Пахомъ.

— Куда красавица?

— Въ лѣсъ по грибы да по ягоды, бойко отвѣчала ему дѣвочка.

— Изъ коего дома? спросилъ Пахомъ.

— У тетюшки, у келейницы Катерины въ сиротахъ живу, молвила дѣвочка.

— Семена Иваныча знаешь?

— Какъ не знать дѣдушки Семенушки? улыбулась дѣвочка. Съ тетюшкой онъ въ любви да въ совѣтѣ, въ кеаю къ намъ лохаживаетъ, божественны книги почитываетъ.

* *Курмышъ*—рядъ избъ построенныхъ на улицей, а односторонкой, на окраинѣ селенія, иногда даже за околицей. *Келейники*—рядомъ въ Нижегородской губерніи и въ сосѣднихъ съ нею зовутъ особый рядъ избушекъ, въ родѣ курмыша, гдѣ живутъ беззагольные, одинокіе, солдаты, солдатки, а также вдовы и дѣвки склонныя къ отшельничеству, къ иночеству, ко хамстовщину.

— Что жь оны? Ушелъ что ли куда изъ деревни? спросилъ Пахомъ.

— На огородѣ видно работаютъ, гряды чай полетъ. Завороты за уголъ-отъ, отголъ видно.

— Спасибо дѣвонька, спасибо, молвилъ Пахомъ и привязавъ рыженькую у воротъ пошелъ по указанью.

Надъ грядкой калусты наклонился восьмидесятилѣтній старикъ съдой какъ лушь, приземистый и коренастый. Полетъ оны грядку, а самъ напѣваетъ что-то вполголоса. То былъ отставной матросъ Семень Петровъ Фуркасовъ. Тридцать лѣтъ съ годомъ выслужилъ оны въ ластовыхъ экилажахъ въ Кронштадтѣ, и будучи тамъ вступилъ въ корабль людей Божьихъ. Много было тогда матросовъ даже и офицеровъ принявшихъ „тайну сокровенную“. Сначала изъ любопытства хаживалъ къ нимъ Фуркасовъ, и въ „братскомъ обществѣ“, * сошелся съ пророкомъ Яковымъ ** и былъ увлеченъ имъ въ его вѣру. Съ Яковымъ, ѣзжалъ Фуркасовъ въ Зеленецкій монастырь къ старцамъ Пармену и Савватию, *** и бывалъ съ ними на сходбищахъ у Фролова въ Царской Славянкѣ, **** у купца Немастьева въ Петербургѣ, † а подружившись съ пророкомъ Никитишкой былъ принять въ Сионскую горницю Татариновой. Тамъ познакомился оны со старикомъ Луловицкимъ и съ его женою. *† И

* Такъ назывались сходбища хамстовъ бывавшія въ Кронштадтѣ, на Низкой Широкой улицѣ, въ домѣ Родионова.

** Яковъ Андреевъ Кусеревскій хамстовскій пророкъ—матросъ находившійся постоянно на вѣстахъ у корабельнаго мастера.

*** Зеленецкій монастырь въ Петербургской губерніи. Въ немъ бывали хамсты, даже емухи. Инокъ Савватій—въ мѣрѣ Сафомъ Авдѣевъ Поповъ родомъ изъ Моршанскаго уѣзда, въ молодости (въ 1775 году) за сектаторство съченый публично батогами и сосланный въ Динамидъ. Оны съ инокомъ Парменомъ увлекъ въ секту самого зеленецкаго архимандрита.

**** Царская (прежде Графская) Славянка близъ Царскаго Села. Тамъ у купца Якова Фролова бывали хамстовскія сходбища.

† Въ Басковомъ переулкѣ. Дочь купца Немастьева, Вѣра Сидорова, была пророчицей и въ Немастьевскомъ кораблѣ, и у К. Ф. Татариновой.

*† Никитишка (Никита Исаковъ Ѳедоровъ) солдатъ, музыкантъ перваго кадетскаго корпуса былъ пророкомъ сначала въ кораблѣ Немастьева, а потомъ у Татариновой, гдѣ благодаря хамстамъ изъ высокопоставленныхъ лицъ получалъ чины. И оны и жена его за сектаторство сосланы были въ Новгородскіе монастыри.

Когда генералъ завелъ въ Луловицахъ „домъ Божій“ Фуркасовъ вышелъ въ отставку и поселился на родинѣ въ деревнѣ Коршуковой, что была отъ Луловицъ съ поля на поле. Тутъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ первыхъ участниковъ на соборахъ Луловицкаго. Усердно радѣлъ на нихъ престарѣлый матросъ и Божьи люди не могли надивиться какъ это онъ, такой дряхлый, съ переломленной на государственной службѣ ногой скачетъ, пляшетъ, кружится ровно молодецкѣй. „Святъ Духъ его укрѣпляетъ, Святъ Духъ его водить“, говорили они.

— Христосъ воскресъ! сказалъ Пахомъ Фуркасову и поклонился ему до земли.

— Христосъ воскресъ! отвѣчалъ матросъ и тоже до земли поклонился.

Сказалъ ему Пахомъ за чѣмъ пріѣхалъ. Ровно малый ребенокъ давно желанному гостинцу обрадовался такой вѣсти старый матросъ.

— Пора бы, давно бы пора Николаюшкѣ парусами корабль сварядить, оснастить его да на Сионское море лустить, радость сказалъ онъ Пахому. Вотъ ужъ больше шести недѣль не томилъ я грѣшной плоти радѣемъ святымъ, не святилъ души на Божьемъ кругу... Буду, Пахомушка, буду къ вамъ въ Луловицы... Алостольски радуюсь, архангельски восхищаюсь столь радостной вѣсти. Поклонъ до земли братцу духовному Николаюшкѣ. Молви ему: доброе молъ дѣло затѣялъ ты, старикъ Семенушка тому дескать радуется...

— Тебѣ бы Семенушка въ Луловицы-то накаунѣ пожаловать. Переочевалъ бы у меня, голубчикъ... Поговорили бы съ тобой, побесѣдовали, прославили бы Божию милость и Господни чудеса, сказалъ Пахомъ.

— Ладно, отвѣтилъ матросъ. Радъ у тебя гостить Пахомушка, радъ и побесѣдовать, Духомъ Святымъ съ тобой братецъ духовный, утѣшиться. А теперь пойдемъ-ка ко мнѣ въ келью, потолкуемъ сколько Господь намъ бесѣды пошлетъ.

Келья у Фуркасова была маленькая, но свѣтлая и держалась чисто, опрятно. Въ божицѣ стоялъ литой изъ мѣди крестъ да три образа—Спасителя, Богородицы, Иоанна Предтечи. Подъ божицей лежали пять-шесть книгъ и залась восковыхъ свѣчъ. На стѣнѣ „Распятіе плоти“.

Введя гостя въ келью Фуркасовъ накрылъ столъ скатерткой, поставилъ на нее деревянную чашку съ медомъ,

молока горшокъ да бѣлый ровно свѣгъ палушникъ. Затѣмъ сталъ просить гостя хлѣбъ преломить и чѣмъ Господь послалъ потралезовать.

— Много ль на соборѣ-то Божьихъ людей чаете? спросилъ за трапезой матросъ у Пахома.

— Человѣкъ двадцать будетъ, а можетъ и больше наберется отвѣтилъ тотъ. Домашнихъ пятнадцать, ты Семенушка, дьякона стану звать, Митеньку, Кисловыхъ, въ монастырь по Софронушку поѣду.

— Мѣлится стадо Божіе, мѣлится, грустно покачавъ головой промолвилъ Фуркасовъ. Много больше бывало въ прежніе годы на радѣвяхъ. Съ той самой поры какъ уехали нашего родимаго Александрюшку зачалъ умаляться корабликъ нашъ. При Александрюшкѣ-то, помнишь, иной разъ святыхъ праведныхъ по пятидесяти и больше вкулъ собиралось.... Въ двухъ горницахъ заразъ радѣли—въ одной мужескъ полъ, въ другой женскій. А подула, да повѣяла крѣпкая погодюшка холодная, призвобила поморозилаа зѣлень Божій садъ.

— Да, съ тяжелымъ вздохомъ молвилъ Пахомъ. Великой злобой дышутъ духи поднебесные, злобы начальники, власти вражія міродержатели тмы вѣка сего. Какъ противустать имъ въ день лютый?... Какъ преодолѣть ихъ?... Какъ противъ нихъ устоять?...

— И духомъ и умомъ молиться надо Духу Святу. Пои Ему духомъ, пои и умомъ. — Только тѣмъ и побѣдишь злобу лукаваго поднявъ сѣдую голову восторженно сказалъ Фуркасовъ.... Вѣдь мы сыны свѣта, Пахомушка, сыны дня, не стать же намъ спать да дремать какъ язычникамъ.... Мы дѣти дня и свѣта, ови сыны ночи и тмы... Ихъ дѣло спать, намъ же подобаетъ бодрствовать и трезвиться... Тѣмъ только и побѣдимъ врага, тѣмъ только міродержатель тмы вѣка сего и посрамится отъ свѣтлѣ сіяющаго зрака людей Божіихъ.... Со всѣхъ сторонъ видимъ косни зааго супротивника хочеть онъ насъ обокрасть, и аще возможеть то и погубить.... Но не дастъ Отецъ небесный въ обиду своихъ дѣтушекъ. Даруетъ милость, оградить оградой, покроеть покровомъ святымъ...

LXXVI.

Съ часъ времени бесѣдовалъ Фуркасовъ съ Пахомомъ, наконецъ они разстались. Рѣзвая кобылка съ конюшани Дуловидкиихъ быстро побѣжала въ сосѣднее село Порошино. Тамъ на половкѣ * воевъ кладбища стояла ветхая избенка дьякона Мемнона Павфилова Ляпидаріева. Воевъ нея остановился Пахомъ Петровичъ.

Прежде служилъ Мемнонъ въ соборѣ уѣзднаго городка, потомъ за какую-то провинность уволенъ былъ за штатъ. Въ чемъ состояла его провинность никто хорошенько не зналъ. Одни говорили что новый владыка объѣзжая епархію нашелъ у него какія-то несправности въ метрикахъ, другіе увѣряли будто дьяконъ явился предъ лицомъ владыки будучи на второмъ изводѣ и сказалъ ему какое-то грубое слово, третьи разказывали что Мемнонъ овдовѣвъ вскорѣ послѣ посвященья сталъ „сестру жему водить“ и тѣмъ навелъ на себя гнѣвъ владыки. Близко звавшіе Ляпидаріева говорили однако что все это неправда.

Съ архіереемъ Мемнонъ учился въ однихъ классахъ. Прощая многіе годы—вдовый дьякономъ служилъ себѣ да служилъ, а товарищъ его, постригшись въ монахи и затѣмъ подвигаясь дальше и выше, сдѣлался владыкой на родинѣ. Сильно тому возрадовался Мемнонъ. Зароились въ его головѣ золотыя мечты, снить онъ и видѣть какъ бы скорѣй повидаться со старымъ своимъ товарищемъ.—Увидались наконецъ.... Но Мемнонъ былъ скоръ на языкъ, молвилъ владыкѣ нѣчто неугодное и съ той поры началась въ его жизни черная полоса. Его уволили за штатъ. Въ Порошиѣ гдѣ въ прежніе годы отецъ Мемнона былъ священникомъ оставалась его ветхая избенка. Тамъ и поселился заштатный дьяконъ. Другой бы на его мѣстѣ съ кругу спился либо лустился во вся тяжкая, но онъ духомъ не упалъ. При веселомъ, шутивомъ и крайне безлечномъ нравѣ онъ къ превратностямъ судьбы относился безстрастно и не зналъ оттого ни горя ни печали.

* *Половка*—сазбодка близъ церкви, гдѣ живетъ сельское духовенство. Если при церкви нѣтъ крестьянскихъ домовъ, а только одни половки, поселокъ зовется *погостомъ*.

Проживъ послѣднія что оставались отъ дьяконства дьявожонки, Мемновъ долженъ былъ идти по міру, но объ его судьбѣ узнали Дуловицкіе. Николай Александрычъ, убѣдившись, что это былъ человекъ для него подходящий, звалъ его къ себѣ, предлагая и столъ, и квартиру, и все что ему ни понадобится. Мемновъ не согласился, но коротать время въ бесѣдахъ съ Дуловицкими былъ радъ, жила въ нихъ по вечерамъ, бесѣдуя о созерцательной жизни, о спасеніи души, объ умерщвленіи плоти, и осылая насмѣшками монашество, доставалось впрочемъ и бѣлому духовенству. Далъ ему Николай Александрычъ мистическихъ книгъ и пылаивый умъ Мемнова погрузился въ нихъ. Года черезъ два пожелалъ онъ войти въ общество сокровенной тайны и былъ „приведенъ“. Со страстной пылаивостью предавался Мемновъ ученію людей Божіихъ, усердно исполнялъ ихъ обряды, но не всегда могъ совладать съ собой — вѣтъ, вѣтъ да и отпуститъ какое-нибудь словечко на соблазны святыхъ не праведныхъ. Всѣ они, сами даже Дуловицкіе, смотрѣли на такіа выходы какъ на юродство Христа ради, и ни мало не соблазнялись. Привыкнувъ къ дьяконству Мемновъ нерѣдко нарушалъ заведенный на радѣвняхъ порядокъ: то запоетъ церковную пѣснь, то въ присядку лустится во время радѣвья либо зачнетъ ругать кто ему ни подвернется. Но и это Божьи люди считали юродствомъ и въ выходкахъ Мемнова думали видѣть неизреченную тайну.

Палить июльскій зной. Солнце только что своротило съ полудня и съ безоблачнаго неба льетъ на землю обильные потоки ослабительнаго блеска и нестерпимаго жгучаго жара. По всему Порошину тихо, безмолвно, ни вѣтерокъ не потянетъ, ни воробушекъ не чирикнетъ, ни ласточка не прощечечетъ. Душно, чуть можно дышать—все примолкло, все притихло.— Облитые потокомъ на утренней полевой работѣ крестьяне, пообедавши чѣмъ Богъ послалъ, завалились часокъ другой соснуть кто въ кѣлти, кто въ анбарѣ, кто на погребѣцѣ. Высунувъ языки и тяжко дыша пріютившіяся въ тѣни собаки ни одна не тявкнетъ—всѣ спятъ свернувшись въ кружокъ. Лишь изрѣдка въ какой-нибудь избѣ послышится слабый голосокъ соннаго младенца и за тѣмъ скриль оцѣпа зыбки—то полусонная мать укачиваетъ своего ребеночка. По временамъ издали доносится веселые клики, рѣзкій хохотъ и пронзительный визгъ рѣзвой, шумной гурьбы кулаившихся

въ прудѣ ребятишекъ. Изрѣдка пролищитъ парящій въ небесѣхъ астребъ; зорко слѣдитъ онъ не задремалъ ли гдѣ въ прохладной тѣни оплошмый, но годимый на обѣдъ цыцеленокъ.—И на половкѣ все тихо, лишь изъ крайней ближайшей къ кладбищу избенки черезъ растворенныя окна несутся громогласные густые звуки здороваго баса. Кто-то расплыва-
етъ что-то духовное.

У той избенки оставилася Пахомъ. Вошелъ въ калитку, растворилъ ворота и поставивъ рыженькую въ тѣни крытаго двора по скривившемуся крылечку безъ перилъ и безъ двухъ ступенекъ вошелъ въ тѣсную, грязную кельенку. Тамъ задравъ кверху ноги, и лова рукой мухъ осылавшихъ поголокъ и стѣны, лежалъ въ одной рубахѣ слимой на лавкѣ раскосмаченный дяконъ Мемнонъ и во всю мочь расплывалъ великій прокименъ перваго гласа: *Кто Богъ велий яко Богъ нашъ...* Прерывалъ онъ лѣвнѣ только руганью когда муха садилась ему на лицо либо залѣзала въ носъ и въ уста раскрытыя ради благочестиваго лѣвнѣ.

— Христосъ воскресъ! сказалъ ему Пахомъ.

— Ты еси Богъ творай чудеса! долѣлъ дяконъ прокименъ и лѣвнѣ привставъ на лавкѣ молвилъ ну, Христосъ воскресъ!... Эку жару Богъ послалъ, яца на солнышкѣ въ лескѣ леку. Вечоръ въ крутую испекъ на завадинкѣ. Чѣд хорошевьякаго?

— Заѣхалъ тебя навѣститъ Мемнонушка, сказалъ Пахомъ. На воскресенье собранье будетъ у насъ. Придешь что ли?

— Приду—отвѣтилъ дяконъ—чаю давно не пивалъ. Скажи тамъ: цѣлымъ бы самоваръ на мою долю готовили. Нову лѣвню за то вамъ слою. Третій день на умѣ колешится, надо только завершить.

— Та только лѣвня Богу угодна, и пріятна, что по наитію поется, когда Святый Духъ накатитъ на лѣвца, сказалъ Пахомъ.—А что напередъ придумаемо то не годится; все одно какъ и старая обветшалая церковная лѣвня.

— За то складывѣ выходитъ, молвилъ дяконъ.—Такъ въ субботу приходитъ-то?

— Въ субботу, отвѣтилъ Пахомъ.

— Жарко, молвилъ дяконъ. Хотъ бы дождичка.

— Богъ-отъ лучше насъ съ тобой знаетъ, Мемнонушка, какъ надо міромъ управлять, въ кое время дождикъ послать, въ кое время жаръ, зной и засуху, замѣтилъ Пахомъ. Не слѣдъ бы тебѣ на небесную волю жалиться.

Не отвѣтилъ дьяконъ, опять легъ спиной на лавку опять задралъ ноги и глядя въ потолокъ забасилъ церковную стихеру на Сочествiе Святаго Духа: *Преславная днесь видѣша во градѣ Давидовѣ.*

Сколько Пахомъ ни заговаривалъ съ нимъ онъ не переставалъ распѣвать стихеры и глазъ не сводилъ съ потолка. Посидѣлъ гость, и видя что больше ничего не добьется онъ отъ распѣвагося Мемнона сказалъ:

— Поѣду я, Мемнонушка. Покровъ Божій надъ тобою!
Дьяконъ только рукой махнулъ.

LXXVII.

Дальше Пахомъ погналъ. Проѣхавъ верстѣ пятокъ рѣдеющимъ мелкимъ лѣскомъ, выѣхалъ онъ на совсѣмъ опаленную солнцемъ поляну. Трава сгорѣла, озимые пожелтѣли, яровые поблекли. Тучей оводъ носился надъ отчаянно махавшей хвостомъ, прыдавшей ушами и всѣмъ тѣломъ безпрестанно вздрагивавшей рыженькой кобылкой... Но вотъ почувала видно она остановку,—поскакала во всю прыть къ раскинувшемуся вдоль пруда сельцу всего-то съ двѣнадцатью дворами. За тѣмъ сельцомъ видѣлась водяная мельница, а выше ея небольшая усадьба одинокаго помѣщика, отставнаго поручика Дмитрія Осипыча Строинскаго.

Въ молодости служилъ онъ въ 34мъ егерскомъ полку, а въ томъ полку въ двадцатыхъ годахъ была сильна хлыстовщина. Стоя на зимнихъ квартирахъ въ Бендерахъ, Строинскій, какъ самъ послѣ Божьимъ людямъ разказывалъ, впалъ въ плотскіе грѣхи, и будучи съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ вѣрующимъ и набожнымъ, вдругъ почувствовалъ въ себѣ душевный переворотъ. Полная страстей жизнь вдругъ показалась ему гадкою, и онъ съ ужасомъ сталъ вспоминать объ адскихъ мукахъ, считая ихъ для себя неизбѣжными. День ото дня больше и больше приходилъ двадцатилѣтній юноша въ умиленіе, плакалъ горькими слезами, часто исповѣдывался, приобщался и по наставленію духовника рѣшился совершенно измѣнить образъ свсей жизни. Наложилъ на себя постъ, сталъ всѣ ночи на пролетъ молиться Богу, не пропускалъ ни одной церковной службы. Товарищи надъ нимъ подсмѣивались, осыпали набожность его колкостями,

Строинскій все смосналъ, все терпѣлъ, не возражая ни единымъ словомъ насмѣшникамъ, не входя съ ними ни въ какія разсужденія. Это не утаилось отъ солдатъ, стали они съ ббольшимъ уваженіемъ глядѣть на молодого поручика.

Одинъ разъ пришелъ къ нему съ приказомъ по полку вѣстовой, извѣстный набожностью. Разговорился съ нимъ Дмитрій Осипычъ, и вѣстовой, похваляя его поетъ, молитву и смиреніе, сказалъ, однако, что по евангельскому слову явно молиться не слѣдуетъ, а должно совершать Божіе дѣло въ тайнѣ, затворивъ двери въ своей клѣткѣ, чтобы люди не знали и не вѣдали о молитвѣ. Призадумался Строинскій, сказалъ вѣстовому:

— Да вѣдь въ церкви-то молятся же явно.

— Оттого, ваше благородіе, вѣшняя церковь и не даетъ полнаго спасенья, сказалъ вѣстовой. Господь-то вѣдь прямо сказалъ: „не воструби предъ собою, якоже лицемѣры творять въ сомнѣсахъ и на стогнахъ, яко да прославятся отъ человекъ.“ Путь ко сласенью идетъ не черезъ церковь... Это путь не истинный, не совершенный... Есть другой вѣрный, надежный...

— Ты назвалъ церковь вѣшною. Развѣ есть другая какая-нибудь? спросилъ удивленный Строинскій.

— Есть, ваше благородіе, отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Какая же это?..

— Внутренняя, ваше благородіе, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— Хорошо, ступай, приказалъ онъ унтеръ-офицеру, и тотъ ушелъ.

Смутилъ онъ поручика... Съ ведѣлю Строинскій ходилъ ровню въ туманѣ. Досталъ Евангеліе и увидалъ что въ самомъ дѣлѣ тамъ сказано о тайнѣ молитвы и что уставлена Спасителемъ молитва только одна *Отче нашъ*. Поразили его слова Евангелія: „молящися не лишше глаголите, якоже язычники, мнѣтъ бо яко во многоглаголаніи слышаны будутъ, не подобитея имъ“... „Яко же язычники!.. Яко же язычники!“ А у насъ въ церквахъ молитвъ сотни, тысячи, по цѣлымъ часамъ читаютъ да поютъ ихъ. А что поютъ и что читаютъ, не разберешь. Дьячокъ что барабанчикъ зорю вечераю бьетъ. Яко же язычники, яко же язычники!.. Вотъ мы кто... Многія молитвы Христомъ отвержены, и мы язычникамъ подобимся читая много молитвъ. Такъ разсуж-

далъ поколеблемый въ основѣ вѣрованій Строинскій, и по-
славъ за смутившимъ его унтеръ-офицеромъ. Тотъ пришелъ.
Новая бесѣда завязалась.

— Ты меня увѣрилъ, сказалъ поручикъ.— Читалъ я Еван-
геліе и увидѣлъ что слова твои правильны... Но если цер-
ковью нельзя спастись, гдѣ же луть вѣрный?

— Знаю я, ваше благородіе, „путь прямой совершенный“,
могилъ унтеръ-офицеръ. Ида по тому пути человекъ здѣсь
еще на землѣ входитъ въ общеніе съ ангелами, и арханге-
лами.

— Гдѣ жъ этотъ луть? Укажи мнѣ его, сказалъ удивлен-
ный словами нижняго чина поручикъ.

— Есть, ваше благородіе, на землѣ люди святые и пра-
ведные... На нихъ Господь животворящій Духъ Святый
сходитъ съ небеси, сказалъ унтеръ-офицеръ. Онъ пречисты-
ми ихъ устами возвѣщаетъ всѣмъ спасеніе, а кто въ сомнѣ-
ніе приходитъ, увѣряетъ чудесами.

— Гдѣ жъ такіе люди? со страстнымъ любопытствомъ
спросилъ Дмитрій Осилычъ?

— Много есть такихъ людей, ваше благородіе, отвѣчалъ
унтеръ-офицеръ.— Въ Бендерахъ есть такіе, и въ нашемъ
полку есть, только всѣ сокровенны.

— Кто же въ нашемъ полку? спросилъ поручикъ,

— До времени не могу сказать о томъ, ваше благородіе, а
ежели рѣшитесь вступить на правый луть, открою вамъ
всю сокровенную тайну, сказалъ унтеръ офицеръ.— Господь
утаилъ ее отъ сильныхъ и великихъ, и даровалъ ея раз-
умѣніе людямъ престымымъ, не чиновнымъ, гонимымъ, мучи-
мымъ, олозоревающимъ за имя Христово...

— Можешь ли довести меня до этой сокровенной тайны?
спросилъ Строинскій.— Можешь ли поставить меня на вѣр-
ный луть ко спасенію?

— Могу, ваше благородіе, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ. Мо-
гу ежели Духъ Святой откроетъ на то Свою святую волю.

Послѣ этого разговора по цѣлымъ ночамъ просиживалъ
Строинскій съ унтеръ-офицеромъ и мало-по-малу проникалъ
въ „тайну сокровенную“. Мѣсяцевъ черезъ восемь тотъ
же унтеръ-офицеръ ввелъ его въ Бендерахъ въ Сіовскую
горницу. Тамъ всѣ были одѣты въ бѣлыя рубахи, всѣ съ
зелеными вѣтвями въ рукахъ, были тутъ мужчины и женщи-
ны. Съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ на головѣ встрѣтилъ Стро-
инскаго при входѣ пророкъ. Грозно, даже грубо спросилъ ома:

— Зачѣмъ пришелъ? Тайно развѣдывать? Хищнымъ волкомъ врываться въ избранное стадо Христово?

Изумился Дмитрій Осипычъ узнавъ въ пророкѣ капитана ихняго полка, Бориса Петровича Созоновича *, молодого сослуживца, благодаря связямъ скоро захватывающаго чиновъ. Всѣхъ больше насмѣхался онъ надъ лестомъ и молитвами Строинскаго, всѣхъ больше задорилъ его желая вмѣстѣ его изъ терлѣвья. Наученный унтеръ-офицеромъ, Строинскій съ твердостью отвѣчалъ Созоновичу:

— Душу желаю спасти, а не тайну врагамъ предать какъ Иуда... И сердцемъ и душой желаю вѣчнаго спасенья. Жажду, ищу.

— На то есть архіереи, на то есть полки и монахи, а я человекъ не ученый, возразилъ Созоновичъ.

Но Строинскій настаивалъ чтобы допустили его на соборъ, а потомъ и „привели“ бы ежели будетъ то угодно Духу Святому.

— Безъ надежной поруки того дѣла открыть тебѣ нельзя, сказалъ Созоновичъ. Нельзя и оставаться въ соборѣ праведныхъ. Оставьте насъ, Дмитрій Осипычъ.—Одно могу позволить вамъ—посмотрите чѣмъ занимаемся мы, слушайте что читаемъ... Кого жь однако ставите порукой что никому не скажете о тайнѣ нашей, хотя бы до смертной казни дошло?...

Наученный унтеръ-офицеромъ, Строинскій отвѣчалъ:

— Христа Спасителя ставяю порукой.

— Хорошо, сказалъ на то Созоновичъ. Но въ нашемъ обществѣ должно вѣдь навсегда удалиться отъ вина, отъ женщинъ, отъ срамсловія и всякаго разврата. Можешь ли ты снести это?... Если не можешь, не откроется тебѣ тайна спасенія.

На все согласился Дмитрій Осипычъ и съ клятвою далъ обѣщаніе. Его допустили на бесѣду. Читали на ней *Печерскій Патерикъ*, сказанія о жизни святыхъ, о молитвенныхъ подвигахъ ихъ, о смиреніи, самоотверженіи и полной покорности Божіей волѣ... И самъ Созоновичъ, и другіе объясняли читавное, и Строинскому очень понравилась тайная бесѣда хлыстовъ. Чаше и чаще сталъ онъ бывать на ихъ

* Созоновичъ, штабсъ-капитанъ 84го егерскаго полка, въ 1821 году сосланъ былъ за ересь въ Соловки, гдѣ кажется и умеръ. Во время ссылки ему было всего 22 года.

собравъхъ, узналъ что такое радѣнье, и самъ сталъ въ скоромъ времени и скакать и кружиться во „святомъ кругу“. Съ каждымъ днемъ больше и больше увлекался онъ новою вѣрой... Но вдругъ о сектѣ узнали, началось дѣло, участниковъ разослали по монастырямъ, до Строинскаго не добрались. Тяжко ему было оставаться въ полку послѣ удавленія собратьевъ по вѣрѣ... Вышелъ въ отставку и поселился въ маленькомъ имѣньи своемъ, въ селѣхъ Муравьевкѣ. Это было въ то самое время когда генералъ Дуловицкій, возвратясь изъ Петербурга, завелъ у себя корабль Божьихъ людей. Строинскій сталъ ежедневнымъ и больше всѣхъ любимымъ гостемъ генерала, а когда старикъ попался, Дмитрію Осилычу олять какъ и въ Бендерахъ посчастливилось. Его даже не залодозрили. Съ молодыми Дуловицкими Строинскій сошелся еще ближе чѣмъ со старикомъ. Ни одного собора безъ него не бывало.

Маленькій, чистенькій, уютный домикъ Дмитрія Осилыча со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ цвѣтниками. Садоводство и музыка только и остались отъ прежнихъ страстей у достигшаго полнаго безстрастія человека. Лѣтомъ съ утра до вечера проводилъ онъ въ саду, долгіе зимніе вечера за фортепьянами. Но и въ лѣтнія ночи нерѣдко изъ раскрытыхъ оконъ его домика лились звуки Гайдна, Генделя, Моцарта, Бетховена. Новой музыки Строинскій не любилъ и говаривалъ что никогда не осквернитъ ею ни слуха своего, ни пальцевъ. Вѣковые дубы и липы, густолиственные клены, стройные тополи и чинары во множествѣ росли въ саду Строинскаго. Плодовые деревья всѣхъ возможныхъ сортовъ были разведены его руками и содержались прекрасно. Но всего больше заботился Дмитрій Осилычъ о цвѣтахъ. Цѣлыми роцци высокоствольныхъ розовыхъ красныхъ, бѣлыхъ, желтыхъ, бевгальскихъ, чайныхъ, моховыхъ и цетикульныхъ расли вкругъ его дома, цѣлыя рабатки засажены были разнородными лиліями, нарцисами, тацетами, тюльпанами, гадиятами. Въ трехъ теплицахъ содержались рѣдкія растенія полученныя большей частью изъ стариннаго Дуловицкаго сада. Имѣя съ маленькаго имѣнья доходъ незначительный, Строинскій больше половины его употреблялъ на растенія. Безъ страстей, безъ прихотей, ведя жизнь подобную жизни древнихъ отшельниковъ, литаюсь только молокомъ, медомъ да плодами и овощами, онъ почти ничего на себя не тратилъ. Одно еще доставляло ему утѣ-

шenie и удовлетворяло прирожденное чувство красоты и изящества, но оно ничего не стоило. По цѣлымъ часамъ слушалъ онъ лѣвчихъ лгашекъ, а весной цѣлая ночь перекаликался съ соловьями. Соловьи заливаются, а онъ отвѣчаетъ имъ звуками фортепіана, и слезы, сладкія слезы ручьями.

Дмитрій Осилычъ копался въ цвѣтникахъ пересаживая изъ ящичковъ лѣтвики * какъ заслышалъ конскій топотъ и стукъ Пахомовой таратайки. Досадно ему стало, нахмурился. „Кому бъ это было нужно мѣшать?“ подумалъ онъ, но завидѣвъ Пахома повеселѣлъ, и радостно засмѣялся какъ смѣется ребенокъ когда послѣ отчаяннаго, повидимому ничѣмъ неутѣшнаго плача вдругъ сдѣлаютъ ему что-нибудь пріятное. Не этимъ однимъ походилъ Строинскій на ребенка, младенческая простота его и полное незлобіе, дѣтская откровенность, чистота души не искажившейся въ смутѣ правды и суетныхъ страстей привлекали къ нему всѣхъ кто только ни зналъ его. Съ распростертыми объятіями пошелъ онъ къ Пахому.

— Христось воскресъ! радостно сказалъ онъ.

— Христось воскресъ! съ ясной улыбкой отвѣчалъ Пахомъ. Все въ трудахъ, все за цвѣточками!

— Люблю, Пахомушка, цвѣточки, люблю мой дорогой... Утѣшаютъ они меня, сказалъ Дмитрій Осилычъ. Налюбоваться не могу на нихъ. И глядя на нихъ и любуясь ими славаю и хвалю Творца видимыхъ и невидимыхъ.. Какъ Онъ Своей премудростью ихъ разукрасилъ!... Истинно евангельское слово что самъ Соломонъ не украшался такъ драгоценными одеждами какъ эти Господни созданья... Посмотри какая свѣжесть красокъ, какая нѣжность въ каждомъ цвѣточкѣ... А запахи!... Это они, мои милые, молятся Творцу всяческихъ, изливаютъ изъ себя хвалебный гимнъ, возносить его къ небесамъ какъ кадило, какъ жертву хвалемія.

— А все-таки суета! чуть слышно, но строго промолвилъ Пахомъ. Конечно и цвѣты Божья тварь, да все же не слѣдъ бы и къ ней имѣть пристрастье. Душа, Митенька одна только душа стоитъ нашего попеченья.

— Да вѣдь и душа, и цвѣты одного же Создателя творенье. Не отъ врага же родились и древа и цвѣты какъ невесту въ брачный день украшающіе землю, возразилъ Строинскій. Врагъ злобу только съеть и всѣ его творенья мерзки и

* Однолѣтніе цвѣты.

противны... А взгляни ка на красоту этихъ цвѣточковъ... Развѣ мерзки они, развѣ противны? Нѣтъ, Пахомушка, и въ цвѣтахъ и въ плодахъ великая милость Господня къ намъ видится. Любуешься на чистыя, прекрасныя Его творенія, а трудясь надъ ними до поту лица, какъ повелѣно первому человѣку, съ любовію лобызаешь край Господней рызы...

— Нѣтъ, Митенька, не такъ говоришь, возразилъ Пахомъ. Особенно про невѣсть да про брачные дни не савѣдъ бы не то что говорить, да и въ помышленья держать!... Олричь души что ни видимъ что ни слышимъ все отъ врага. Душа намъ только дорогъ, тѣло и все его ублажающее тюрьма души, темница согражденная врагомъ. Не любить, не ублажать надобно эту темницу, а завидѣть и всѣми мѣрами ее сокрушать. Но настоящему человѣку-то Божию не савѣдъ бы и гадать на видимый міръ. Савѣдъ и глухъ долженъ быть праведникъ ко всему тѣлесному... Довольно съ него и о душѣ заботы... И ту помощи Богъ управить—а тутъ еще суета, мірскія полеченья, тщета плотской жизни—грѣхъ только одинъ. Нельзя такъ Митенька, нельзя возлюбленнымъ мой, ежели ты хочешь нескончаемыя вѣки предстоять Аггду, пребывать на Его великой брачной вечери и воспѣвать Господу аллилуію спасенія, славу, честь и силу. *

Не отвѣчалъ Дмитрій Осилычъ—зналъ онъ что упрамаго Пахома не переспоришь. И Пахомъ замечалъ, опустивъ глаза въ землю не соблазниться бы какъ-нибудь пышно разцвѣтшими розами и неоніями.

— Что новенькаго? послѣ недолгаго молчанья спросилъ у него Строинскій.

— Сестрица Марьюшка пріѣхала, дѣвцу съ собой привезла, кулеческая дочь—желаетъ кажется на луть праведный стать. Пріѣзжай въ субботу, въ ночь на воскресенье собраніе будетъ. Повѣстать велѣлъ тебѣ Николаюшка, сказалъ Пахомъ.

— Насилу-то надумалъ, давно бы пора, молвилъ Дмитрій Осилычъ.

— Пріѣдешь?

— Какъ же не пріѣхать? Жаждетъ душа Духа Святаго, алчетъ лица небесной и лѣсель новыхъ, сказалъ Строинскій. Кого еще повѣщалъ?

— Въ Коршумовѣ лобызалъ у матроса, въ Порошинѣ у

* *Апокалипсисъ*, гл. XIX.

дьякона, отъ тебя въ городъ пройду къ Кисловымъ, а отъ нихъ въ монастырь за Софровушкой.

— Чайку не желаешь ли? спросилъ Строинскій, но Пахомъ наотртъзъ отказался.

— Вхать лора, засвѣтло надо въ городъ послѣть, пока мѣоть у Кисловыхъ спать не легли, сказалъ овъ. Отдохну у нихъ маленько, да пораньше и въ монастырь. Къ вечеру завтра домой надо послѣть...

— Вылей хоть чашечку. Успѣешь, уговаривалъ его Дмитрій Осипычъ.

— Нѣтъ, Митенька, не должно плоти угождать когда творишь дѣло Божіе, сказалъ Пахомъ выхода изъ сада. Кстату ли чай распивать когда не успѣлъ еще повѣстать всю братію.

И не слушая уговоровъ Строинскаго олъшво вѣтзъ въ таратайку и крупной рысью погналъ со двора. Дмитрій Осипычъ къ цвѣточкамъ своимъ воротился.

LXXVIII.

Среди необозримыхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ полей стоитъ узданный городокъ на рѣчкѣ владающей въ Донъ въ его маловодныхъ верховьяхъ. Въ сухое время вода въ той рѣчкѣ совсѣмъ иссякаетъ и горожане испытываютъ невзгоды отъ недостатка въ водѣ. Хотя при каждомъ почти домѣ выкопанъ колодезь, но вода жестка для варки лица и не пригодна. Городокъ бѣдный, крытъ соломой, по окраинамъ и въ подгородныхъ слободахъ Казачьей да Солдатской не въ рѣдкость и черныя, курныя избы, безъ трубы, съ однимъ дымволокомъ. * Улицы прямы, широкі, но отъ малаго ѣзда травой поросли. Тонуть дома въ зелени яблонныхъ, вишневыхъ и грушевыхъ садовъ, а кругомъ города ни дѣсинки—стель, голая стель. Въ томъ городишкѣ никакихъ промысловъ. Олричь попозъ да чиновниковъ всѣ горожане лашутъ землю, а зимой ѣздить въ извозъ, тѣмъ только и кормятся. Торговля въ городкѣ грошова, съ выгодой одной водкой торгуютъ. Ярманокъ нѣтъ, базары плохіе, непривычному худо живется тамъ.

Солнце ужъ закатилось когда пріѣхалъ Пахомъ. Почти на самомъ краю городка, въ самомъ укромномъ, уединенномъ уголкѣ, стоялъ обширный деревянный домъ обшитый

* Волоковое окно для выхода изъ избы дыма.

тесомъ, выкрашенный дикою краскою съ девятью окнами по лицу. И домъ, и надворныя строения построены были изъ хорошаго дѣса, а это рѣдкость въ томъ безлѣсномъ краю. Былъ тотъ домъ даже желѣзомъ крытъ, а это ужъ невиданъ такомъ городишкѣ. Обширный плодовой садъ за тѣмъ домомъ былъ, безъ малаго на трехъ десятинахъ оныхъ раскинулся. Урожай плодовъ всегда бывалъ въ немъ обильный, и всѣ горожане отъ перваго до послѣдняго завидовали Степану Алексѣичу Кислову, отставному почтмейстеру, хозяину того дома, и обкрадывали садъ его безо всякаго милосердія. Напрасно бы Степанъ Алексѣичъ сталъ хлопотать по начальству объ олустошеніи садовъ его — земля безсудная. Къ тому жь Кисловъ не охочъ былъ до тяжбъ и судовъ, кроткій, мирный, для всѣхъ безобидный нравъ его не позволялъ ему ни на кого жаловаться. Миролюбивъ и смиренствомъ думалъ оныхъ обезоружить мелкихъ враговъ, но — воры и ворихи въ глаза насмѣхались надъ нимъ, олустошая его садъ и чаще и больше. И скоту Кислова доставалось порой: то барана, то телянка украдутъ, о курахъ да уткахъ и нечего говорить, лошадей даже съ конюшнями сводили, и все оставалось безъ взысканія и наказанія. Тихоней горожане прозвали Степана Алексѣича и открыто говаривали что украсть у тихони и Богъ не взыщетъ, и люди не осудятъ — тащи со двора что подъ руку попало.

Старожиломъ Кисловъ былъ въ томъ городкѣ: и отецъ и дѣдъ его служили тамъ, самъ Степанъ Алексѣичъ не выѣзжая изъ своего захолустья выслужилъ Владимірскій крестъ за тридцать за пять лѣтъ. Съ равней молодости былъ оныхъ лабоженъ и до страсти любилъ церковную службу, жизнь велъ тихую, скромную, удаляясь отъ шумныхъ сборищъ, гдѣ картежъ съ водкой господствовалъ. За то не любили его, звали святошей, чуждались. Любимымъ обществомъ Кислова были духовные, но и тѣ мало удовлетворяли пылающую его душу. Любимымъ чтеніемъ его были церковныя книги. Сначала оныхъ читалъ *Чети - Миней, Прологи, Патерики*. Сказанія о древнихъ пустыяникахъ, объ ихъ отверженіи отъ міра сильно занимали Степана Алексѣича, возвышали нравственныя его силы, но не могли удовлетворить любознательности. Зналъ оныхъ что въ пустыякъ ему не живать, что проводить жизнь подобную жизни отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства теперь невозможно, зналъ и то что подвигъ мученичества теперь больше немисаимъ, ни стра-

дакій, ни смертныхъ казней за Христа не стало. И началъ Степанъ Алексѣвичъ смотрѣть на житія святыхъ какъ на любозпытныя сказанія. За то сталъ онъ углубляться въ значеніе церковныхъ гѣсомѣній, отъ однихъ умилялся душой, отъ другихъ приходилъ въ священный восторгъ, поэзія Дамаскина особенно восхищала его. Но слушая его гѣсомѣнія въ церкви, слушая въ ней чтеніе возвышающихъ душу псалмовъ Давида и молитвъ сложенымъ древними учителями, Кисловъ доходилъ до отчаянья. Небрежность служенія, жертвенность въ духовной оредѣ, господство одной внѣшности, раздражали его и не давали покоя безпокойному и пытливому уму его. Хотѣлъ онъ доискаться всемірной истины, дѣйствительно спасительной вѣры, обращался съ вопросами къ духовнымъ, но они либо не понимали его вопросовъ, либо совѣтовали ему не мудрствовать, а положась на волю Божию, ходить усердно въ церковь, почаще заказывать молебамъ да поднимать къ себѣ на домъ иконы. Смѣялись шны даже надъ нимъ, а другіе исканіе истины называли ересью. Сталъ тогда Кисловъ углубляться въ чтеніе Священнаго Писанія, особенно Евангеалія—это подняло его нравственную силу и еще больше смягчило кроткій отъ природы нравъ. А все-таки не могъ гдѣ сыскать духовнаго врача, ни отъ кого не могъ услышать разумнаго слова. Тутъ появлялся онъ пословицу: „бывали встарь сосуды деревянныя, да полы золотыя, а нынѣ сосуды золотыя да полы деревянныя“. Неотвзванная мысль гдѣ жь всемірная истина, неискаженная Христова церковь, мучительно тяготила Кислова. Тутъ онъ познакомился съ Луповицкими и по ихъ совѣту принялся за мистическія книги.

Кислову показалось что эти книги все ему разъяснили. Дни и ночи, проводилъ онъ за ними. Еще больше удовлетворяли пытливость его бесѣды съ Николаемъ Александрычемъ. Прошло года три и Степанъ Алексѣвичъ вошелъ въ корабль Луповицкаго. За нимъ пошла и жена его, тахая, добрая, кроткая женщина, примѣрная жена и мать, преданная церкви. Съ восторженной радостью ринулись Кисловы въ секту гдѣ все казалось имъ новымъ, истиннымъ, святымъ, церкви не покинули какъ и вообще всѣ Божьи люди ее не покидаютъ. Усерднѣй другіхъ исполняли они церковные обряды, чаще другіхъ приступали къ таинствамъ, чаще другіхъ принимали поповъ для служенія молебновъ и щедро имъ за то

платили. Духовенство считало ихъ лучшими, примѣрными чадами церкви.

Дочь росла у Кисловыхъ—только всего и дѣтей. Изъ нея выросшей въ набожной семьѣ вышла богобоязненная и богомольная дѣвушка. Никогда никто не самхивалъ чтобъ она громко говорила, смѣялась или лѣла мірскую лѣсию, никто не видалъ чтобъ она забавлялась какими-нибудь играми либо вела пустые разговоры со сверстницами. Угрюмая, молчаливая, сосредоточенная въ самой себѣ, она никѣмъ кромѣ отца съ матерью не была любима. Ее считали полоумной, ни на что не годной. Время проводила она за работой либо за книгами. Читала то же что и отецъ съ матерью и оттого будучи еще лѣтъ пятнадцать стала стремиться къ созерцательной жизни, монастыря желала. И мать и отецъ отъ того ее отговаривали, представляя жизнь монахинь все не такую какъ она думала. „Что за жизнь въ монастырѣ? убѣждала ее мать. Одишь только грѣхъ.— По наружности тамъ добры, привѣтливы, и свихода тельны, готовы на всякую услугу, благочестивы, набожны. А поживи-ка иное увидишь...“ Не внимала Катенька словамъ родителей. Случилось ей прогостить нѣсколько дней въ одномъ монастырѣ у знакомой монахини: тамъ она была окружена такою любовью и внимательностью, провела время такъ пріятно, что монастырь показался ей раемъ. Вспоминая о томъ. дни и ночи она плакала умоляя отца съ матерью позволить ей поселиться въ какой-нибудь обители.... Видя что никакія убѣжденія не могутъ поколебать намѣреній дочери Степанъ Алексѣичъ сказалъ жемъ: „отлустимъ, пусть насмотрится на житье тамоннее. Вѣкъ свой посаѣ тоге ни въ какомъ монастырѣ порога не переступить“. Такъ и случилось. Полугода не прожила Катенька въ честной обители. Послала къ отцу письмо, слезно моля взять ее домой поскорѣе.

Болѣзненно отозвалась на ней монастырская жизнь. Дымомъ разлетѣлись мечты о созерцательной жизни въ тихомъ пристанищѣ, какъ искры угасли тщетныя надежды на душевный покой и безстрастіе. Стала тогда она приглядываться къ мірскому и міръ показался ей все не такимъ грѣховнымъ какъ прежде она думала; Катенька много нашла въ немъ хорошаго... „Подобаетъ всѣмъ симъ быти“, говорилъ жемъ Степанъ Алексѣичъ, и Катеньку оставили въ покоѣ... И тогда обольстилъ міръ ея душу, и явилась ей большія сердечныя тревоги и страданья.

Вскорѣ послѣ ея возвращенія изъ монастыря, былъ поставленъ въ городокъ на зимнія квартиры гусарскій полкъ. Постой большой, вовсе не по крохотному, бѣдному городку, квартиръ понадоилось много и Степанъ Алексѣичъ волей-неволей долженъ былъ принять къ себѣ постольца. У него въ особомъ фангелькѣ поселился красивый, со свѣтлыми доскомъ, молодой офицеръ князь Рахонскій, владѣлецъ восьмисотъ душъ въ одной изъ черноземныхъ губерній. Приглянулась ему семнадцатилѣтняя Катенька и онъ лезшая со скуки въ уездной глуши, сталъ отъ нечего дѣлать за ней ухаживать. Молоденькой, неопытной престушкѣ трудно было устоять предъ обаятельнымъ красавцемъ — она полюбила его всѣмъ пыломъ сердца еще неизвѣдавшаго любви. Зорко слѣдили за нею отецъ съ матерью, но не противились ея сближенью съ молодымъ человѣкомъ, „Что жь, говорили Степанъ Алексѣичъ съ женой, вступить ли она на правый путь, познаетъ ли сокровенную тайну еще не извѣстно. Тѣ вѣдь только праведны и святы кого Духъ привлекаетъ, а кто волей своей, не по избранію Духа, входитъ въ корабль вѣчному осужденію повиненъ. А въ Катенькѣ нѣтъ „движеній Духа“. Будетъ ли она угодна на служеніе Богу кто знаетъ? Если жь не будетъ лускай ее въ міру остается... И тогда чего бы лучше еслибъ она стала богатой княгиней. При старости нашей и насъ призрѣла бы. А князь видится по всему человѣкъ хорошій, къ подвластнымъ справедливъ и милостивъ, много потаеннаго добра дѣлаетъ. И умелъ, и благочестивъ, и родство у него знатное. Варугъ наша дочушка станетъ княгиней, съ царскими вельможами въ родствѣ.... А впрочемъ, буди во всемъ воля Господня.“

Сближались молодые люди. Сказалъ князь Катенькѣ что любить ее, она тѣмъ же ему отвѣчала. Онъ хотѣлъ было дальше идти, но кромѣ поцѣлуевъ не получалъ ничего. Тогда сталъ онъ увѣрять Катеньку что жемиться на ней, только что съѣздитъ въ Петербургъ на короткое время. Катенька сказала о томъ отцу съ матерью, Степанъ Алексѣичъ завелъ съ княземъ рѣчь, князь смутился, но просилъ руки Катеньки. Согласіе было дано и князь съ Катенькой стали жемихомъ и невѣстой. Отъѣздъ князя замедлялся, ставъ въ свободныя отношенія къ невѣстѣ молодой человѣкъ усиливъ свои исканья, но Катенька чиста и непорочна вышла изъ всѣхъ похожденій. Князь сталъ тревоженъ,

сумрачель, осмылялъ невѣсту упреками и своими страстными порывами то и дѣло доводилъ ее до слезъ. Наконецъ увѣчалъ, обѣщавъ черезъ мѣсяць воротиться и обвѣчаться.... Получила отъ него два письма Катенька, одно другаго холоднѣе, въ послѣднемъ писалъ что раньше трехъ мѣсяцевъ ему нельзя воротиться и звалъ невѣсту въ Петербургъ обѣщая до свадьбы окружить ее такою роскошью, такимъ довольствомъ какихъ она не можетъ и помять. По совѣту отца Катенька отвѣчала что прійдетъ въ незнакомый ей городъ не иначе какъ съ законнымъ мужемъ. Отвѣта не было. Не прошло три мѣсяца какъ узнали о женитьбѣ князя Рахомскаго и объ отъѣздѣ его съ молодой женой за границу.

Когда узнала о томъ Катенька, она вскрикнула, тяжело опустилась на стулъ и, сжавъ руками грудь, затрепетала какъ недотрафенный голубь, но ни единого слова не молвила, ни одной слезинки не выронила. Вдругъ быстро вскочила и бѣгомъ изъ дому. Едва успѣли оттащить ее отъ колодца. Три дня ни слова она не сказала, потомъ начались у ней припадки ладучей. Придя въ себя ничего не помнила, забыла и жениха. Прошлое исчезло для нея какъ бы его совсѣмъ не бывало. Рѣдко, рѣдко слово вымолвить, все молчить, всегда въ какомъ-то раздумьѣ.

Каждый отецъ, каждая мать убивались бы горемъ при такихъ страдаваньяхъ дочери, Кисловы были рады имъ равно какому счастью. „Открылись движенія Духа“, сказалъ Степанъ Алексѣичъ, жена согласилась съ нимъ и оба благодарили Бога за милости изліявныя на ихъ дочь. „Пророчицей будетъ во святому кругу“, сказалъ Степанъ Алексѣичъ. „Можетъ-быть и богородицей!“ отвѣчала жена. И стали готовить Катеньку ко вступленію „на правый путь истинной вѣры“; когда жь привезли ее въ Дуловицы и она впервые увидала радѣнье съ ней случилась такой сильный припадокъ что лежа на полу въ корчахъ и судорогахъ, она какъ кукушка стала страшными голосами выкрикать слова непонятныя. Это людьми Божиими признано было за величайшую благодать. Всѣ они стали относиться къ Катенькѣ съ благоговѣніемъ, звать ее „златымъ сосудомъ“, „избранницей Духа“, „Божьей отроковицей“. Черезъ недѣлю она была „приведена“ и тотчасъ начала пророчествовать. И не бывало послѣ того собранья Божьихъ людей безъ участія Катерины Степановны. Прежде ѣзжала она на соборы съ

отцомъ и съ матерью, но вотъ ужъ четыре года минуло какъ параличъ приковалъ къ постелѣ мать ея, и Катенька ѣздитъ къ Луловицкимъ одна, либо со Стеланомъ Алексѣичемъ.

Пріѣхалъ къ Кисловымъ Пахомъ, и не входя въ домъ, отпрягъ лошадку, поставилъ ее въ конюшню, задалъ корму, втащилъ таратайку въ сарай и тогда только пошелъ въ горницы. Вообще распорядился у Кисловыхъ какъ у себя дома. И Стелана Алексѣича, и Катеньку нашелъ, онъ въ спальнѣ у больной, вошелъ туда безъ доклада. Всѣ обрадовались, сама больная издала какіе-то радостные звуки, весело поглядывая на гостя.

— Христосъ воскресъ, сказалъ Пахомъ входя въ комнату.

— Христосъ воскресъ, отвѣчали и Стеланъ Алексѣичъ и Катенька. Больная тоже какое-то слово прошамкала.

— Какъ тебя Духъ Святый соблюдаетъ, Пахомушка? спросилъ хозяинъ, когда пріѣзжій утѣлся на стулѣ возлѣ больной.

— Хранить локамѣсть милостивый, отвѣчалъ Пахомъ. Слава въ вышнихъ Ему!

— Давно ль изъ Луловицъ? спросила Катенька.

— Съ утра, отвѣчалъ Пахомъ. Въ объѣздъ посланъ. Оловѣститъ. Пріѣзжайте. На воскресенье собраніе будетъ. Ждать али нѣтъ?

— Будемъ, будемъ, отвѣчалъ Стеланъ Алексѣичъ. Какъ же не быть? И то давненько не святили дѣши.

— Лошадку-то я поставилъ къ тебѣ на конюшню, Стеланушка. Перемочую у тебя, а только что поднимется солнышко въ монастырь поѣду.

— Къ Софронушкѣ? спросилъ Кисловъ.

— Да. Съ собой возьму блаженнаго, ежели отпустятъ, отвѣчалъ Пахомъ. У тебя, другъ, все ль по доброму да по хорошему?

— Ничего. Все слава Богу, отвѣчалъ Стеланъ Алексѣичъ.—Хозяйка только вотъ насъ съ Катенькой сокрушаетъ. Нѣтъ лучше, не поднимаетъ Господь.

Больная жалобно зашамкала, печальнымъ взоромъ взглянувъ на Пахома.

— Не испытывай, Стеланушка, судьбъ Божиихъ, сказалъ Пахомъ. Не искушай Господа правдыми и неразумными мыслями и словесами. Онъ, милостивый, лучше насъ съ

тобой знаетъ что дѣлаетъ.—Звѣзды небесныя, песокъ морской считаешь, дѣла же Его во вѣки вѣковъ не постигнешь, мой миленькій. Потому и надо предать себя и всѣхъ своихъ святой волѣ Его.—Къ худу Святы Духъ не приведетъ, все творить Онъ къ пользѣ избранныхъ людей, искушенныхъ первенцовъ Богу и Агуду.

Замолчалъ Степанъ Алексѣичъ благоговѣно покачивая головою.

— Марья Ивановна не пріѣхала ль? спросила Катенька.— Ждали вѣдь ее въ Луловицахъ-то.

— Пріѣхала, Катеринушка, вотъ ужъ больше недѣли какъ пріѣхала, отвѣтилъ Пахомъ.—Гостейку привезла. Купецкая дочка, молоденькая, Дувишкой звать. Умница, скромница—описать нельзя, съ Варенькой водится больше теперь. Что пошлетъ Господь не извѣстно, а хочется слышать ей на пути пребывать. Много, слышь, начитана и большую охоту къ Божьему дѣлу имѣеть... Будетъ и она на собраньи, а потомъ какъ Господь совершитъ.

— Молодая, говоришь ты? спросила Катенька.

— Молодая, отвѣтилъ онъ. На видъ и двадцати годковъ не будетъ. Сидорюшка дворецкій говорилъ что и въ лицѣ и въ житіи нашего держится по Божьему и дома слышь воздерживаетъ себя и отъ мяснаго и отъ хмѣльнаго.

— Родители-то ея на пути? спросилъ Степанъ Алексѣичъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пахомъ, родители у ней старовѣръ и не такой чтобы слѣдовать по пути Божьему.

— Откуда она?

— Съ Волги откуда-то. Тамъ вѣдь Марьюшка-то наша имѣнье купила, Фатьянку, гдѣ въ старыя годы Божьи люди жила. Былъ тамъ корабль самого батюшки Ивана Тимоееича.

— Наслышаны мы о томъ, Николаюшка сказывалъ, молвилъ Степанъ Алексѣичъ.

— Родители нашей гостейки по сосѣдству съ Фатьянкой живетъ, продолжалъ Пахомъ. Оттого и знакомство у него съ Марьюшкой, оттого и отпустилъ онъ дочку съ ней въ Луловицы. Кажись приводить ее стануть.

— Слава въ вышнихъ Богу! набожно промолвилъ Степанъ Алексѣичъ. Катенька повторила отцовскія слова.

Послѣ короткаго молчанья Степанъ Алексѣичъ, взявъ съ полочки книгу, сказалъ Пахому:

— Не почитать ли покуда? А послѣ и порадовать бы для больной. Теперь при ея немощахъ рѣдко ей бѣдной доводится освѣщать свою душу.

Согласился Пахомъ, и Степанъ Алексѣичъ раскрывъ книгу подавъ ее Катенькѣ. Та стала читать житіе Іоасафа иудѣйскаго царевича и учителя его старца Варлаама.

Послѣ чтенія началось пѣніе и скаканье. „Въ словѣ ходила“ Катенька. Прида въ изступленіе начала она говорить восторженно глядявшей на нее матери, а Степанъ Алексѣичъ и Пахомъ крестясь обѣими руками стали предъ пророцией на колѣни.

— Духомъ не мяться, сердцемъ не крушиться: „выплѣвала“ Катенька, задыхаясь почти на каждомъ словѣ. Я, Богъ, съ тобой, моей сиротой, за болѣзнь, за страданье Духа дамъ дарованье!... Радуйся, веселись вѣрна—праведная!... Звѣзда свѣтлая горитъ и восходитъ мѣсяць ясный, будетъ, будетъ день прекрасный, нескончаемый во вѣкъ!... Богъ тебя просвѣтитъ, ярче солнца освѣтитъ!.. Оставайся Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою!

И накрыла лицо больной платкомъ, что было у ней въ рукахъ во время раденья.

Перецѣловались всѣ, приговаривая: „Христосъ посреди васъ со ангелами, со архангелами, съ серафимами, съ херувимами и со всею силою небесною.“

Однѣ за другимъ съ тѣми же словами поцѣловали и болящую.

Затѣмъ перешли въ другую комнату, тамъ ужь давно кипѣлъ самоваръ. Чаю напились, бѣлаго хлѣба съ медомъ поѣли, молока похлебали. Солнце стало восходить и Пахомъ пошелъ закладывать быстროную рыжевскую. Не уснувъ ни на капельку погналъ онъ въ Князь-Хабаровъ монастырь чтобы къ поздней обѣдѣ туда послѣть.

LXXIX.

Князь-Хабаровъ монастырь основанъ больше двухъ съ половиной вѣковъ тому назадъ. Строенъ былъ онъ вскорѣ послѣ ляхолѣтня однимъ изъ самыхъ родовитыхъ московскихъ служилыхъ людей княземъ Хабаровымъ. Было у князя пять сыновей, но всѣ они изгибли въ смутное время московской разрухи. Трое чество лали въ бою съ людьми литов-

скими, четвертый живьемъ погорѣлъ когда Поляки Китай и Вѣдмй городъ заламили, а пятый перекинулся ко врагамъ Русской земли, утекъ за рубежъ служить королю польскому и не стало вѣстей о немъ. Говорили что домеръ, говорили что въ латинство ушелъ и сталъ католицкимъ монахомъ, а навѣрное сказать никто не могъ,

Изводился славный родъ князей Хабаровыхъ, одинъ послѣдшй въ живыхъ оставался—престарѣлый князь Федоръ князь Иванычъ, что еще будучи въ молодыхъ годахъ подъ Казань ходилъ съ первымъ царемъ Иваномъ Васильичемъ... Много было у князя Хабарова и вотчины, и всякаго добра—денегъ, дорогихъ уборовъ, золотой и серебряной посуды ни въѣхать ни сосчитать. А послѣ смерти его некому тѣмъ богатствомъ владѣть—не оставалось ни рода, ни подродка, ни близкихъ сродниковъ, ни дальнихъ. То всего лучше крушило князя Федора, то всего больше печалило его что некому приказать душу свою, некому по смерти его быть помѣнникомъ.... И то не мало его сокрушало что въ грядущихъ поколѣньяхъ забудется громкое имя князей Хабаровыхъ....

Однажды князь Федоръ Иванычъ проснулся рано. Утренняя заря еще не загоралась. И былъ ли то сонъ, была ли явь, самъ онъ не зналъ того—видитъ у своего ложа святодѣльнаго старца въ ветхой одеждѣ, на шеѣ золотой крестъ съ самоцвѣтными камнями такой дорогой что не только у князя, да и въ царской казнѣ такого не бывало.—И сказалъ тотъ невѣдомый старецъ: „Почто всеу мятешься, человекъ, помышляя о тѣльныхъ сокровищахъ? Кто далъ тебѣ богатство тому и отдай его.“—Услышавъ старцовы рѣчи помыслилъ князь: „Кто жъ далъ мнѣ мои имѣнья? То моя отчина, то моя дѣдова, какъ же могу я отдать ихъ родителямъ, дѣдамъ и прадѣдамъ, въ давнихъ лѣтѣхъ скончавшимъ животь свой?“ И едва помыслилъ, старецъ сказалъ: „Не отъ родителей, не отъ дѣдовъ и прадѣдовъ получилъ ты богатства. Христось далъ ихъ твоему роду, Христу и отдай ибо родъ твой переходитъ на земѣ.... Монастырь согради на горѣ возлѣ села твоего, согради его во имя Спаса милостиваго и не будетъ забвенно на землѣ твое имя, стануть люди чествою обитель звать Князь-Хабаровымъ монастыремъ. И много за то будетъ тебѣ милостей отъ Господа, егда представишь предъ лицо Его.“ И по семъ

невидимъ былъ старецъ, князь же разсуда о видѣніи по-зналъ что оно отъ самого Бога и все исполнилъ по велѣнію святоѣлиаго старца. Такъ писано въ старыхъ монастырскихъ запискахъ о началѣ Князь-Хабаровой Спаской обители.

Княжеское наследство сразу едѣлао тотъ монастырь еднимъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, братіи было въ немъ число многое, строенія всѣ каменные, церкви украшены иконами въ драгоценныхъ окладахъ, золотой и серебряной утварью, златотканными ризами и иными всякимъ церковнымъ имуществомъ. За трапезу меньше четырехъ яствъ, а за ужинной меньше трехъ не ставили. Меды, квасы сыченые, пиво мартовское бочками въ монастырскихъ погребахъ во льду застѣвались. По праздникамъ на трапезѣ олричь водки ставились и фряжскія вина и всякіе сладкіе овощи: дыни, арбузы, яблоки, груши и сливы. Рыбу изъ Саратова да изъ Черкаска каждый годъ по лерволутицѣ цѣлыми обозами привозили въ монастырь. Во всемъ обиліе было и довольство.

По времени упалъ монастырь. Набѣги разбойниковъ и нерѣдко бунтовавшихъ ивородцевъ, нескончаемыя поземельныя тяжбы, а больше всего непорядки, возникшіе съ тѣхъ поръ какъ люди изъ хорошихъ родовъ перестали сидѣть въ настоятеляхъ обители Всемилоствяго Спаса, а въ монахи начали поступать лишь половичи да отчасти крестьяне. Отъемъ имѣній населенныхъ не одною тысячею крестьянъ довелъ строенье князя Хабарова до оскудѣнья; затѣмъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ слѣдовалъ длинный рядъ игуменовъ мало радѣвшихъ о монастырскихъ пользахъ. Тогда значительная часть старинныхъ сокровищъ была распродана, обитель вошла въ долги неоплатные и почти запустѣло строенье князя Федора князь Иваныча Хабарова. Монаховъ прежде сотнями считали, теперь ихъ стало человекъ двадцать пять. Прежде когда Князь-Хабаровымъ монастыремъ правили люди изъ хорошихъ родовъ призрѣвалось въ немъ до сотни раневыхъ на войнѣ и увѣчныхъ, была устроена обширная больница не для однихъ монаховъ, но и для пришлыхъ, а въ страннопріимномъ домѣ по недѣлямъ получали пріютъ и даровую пищу странники и богомольцы, было въ монастырѣ и училище для поселянскихъ дѣтей. И все это рушилось. Деняги что шли на училище велѣно

доставлять въ семинарію, въ страннопріимномъ домѣ срокъ дуроваго корма сокращался, а потомъ и совсѣмъ прекратилась, больницу закрыли, перестали принимать увѣчныхъ и раневыхъ потому де что монахи должны ежечасно проводить время въ богомыслии, а за больными ухаживать имъ не вмѣстѣ. Такъ угасла бывшая слава и бывшее богатство обители согражденной послѣдывшемъ въ родѣ князей Хабаровыхъ...

Правиль тѣмъ монастыремъ честной старецъ игуменъ Израиль. Роду былъ поповскаго и самъ прежде попомъ былъ, но потомъ волей-неволей долженъ былъ принять на себя ангельскій чинъ. Ради насущнаго хлѣба въ монахи постригся кстати жъ былъ вдовъ и бездѣтемъ. Ловкій инокъ въ гору пошелъ при новомъ владыкѣ и черезъ малое время поставленъ былъ въ игумены Князь-Хабарова монастыря.

Въ той обители жилъ рясофорный монахъ. Звали его отцомъ Софроніемъ. Было ему ужъ за шестьдесятъ, а поступилъ онъ въ монастырь дѣтъ десяти либо одиннадцати, будучи круглымъ сиротою. Съ дѣтства напала на него черная немочь: по часу и по два бьется бывало бѣдный лежа на землѣ безъ памяти, корчатъ его и коробитъ, руки и ноги сводитъ судорогами. Такой ребенокъ былъ міру тягота, ни въ работники его взять, ни въ солдаты отдать, маята одна съ нимъ. Всею волостью кучились мужики игумену принять въ монастырь убогенькаго, онъ де ни на что негоденъ развѣ только что Богу молиться. Сложились мужики, поклонились и взять былъ въ монастырь полоумный. Когда подростъ мальчуганъ, увидали что изъ него можетъ быть польза. Обительскій приемышъ не былъ чутокъ къ холоду—въ трескучіе морозы бѣгалъ босикомъ въ одной рубашонкѣ, и велъ нескладныя рѣчи. Вышелъ изъ него отличный юродивый. Хоть полоумныхъ въ монахи не постригаютъ, но ради пользы монастырской его постригли и нарекли Софроніемъ. Съ той поры пріѣзжихъ богомольцевъ стало бывать по многу. Усердствующіе съ любовью и благоговѣніемъ посѣщали блаженнаго Софронушку, а кулчики съ дочерьми верстъ даже изъ-за двухсотъ и больше пріѣзжали къ нему за полезными словами и пророчествами. Въ кулеческихъ семьяхъ ни одной свадьбы не вѣнчали безъ того чтобы мать нареченную невѣсту не свозила прежде къ блаженному узвать какова

будеть судьба ея, не будетъ ли мужъ пьяница, жену не ставеть ли колотить, сударокъ не заведеть ли, а лучше всего коимъ грѣхомъ не разорится ли. Разболѣется кто изъ богатыхъ людей, тоже къ Софронушкѣ ѣдутъ узнать къ животу али къ смерти болѣзнь приключилась. Ребенокъ родится, ѣдутъ къ юроду провѣдать будетъ ли жить, будетъ ли умекъ да счастайвъ. Затѣваетъ кулець новое дѣло, безъ того его не начнетъ пока не спроситъ Софронушку насчетъ удачи. Отъ окрестныхъ деревенскихъ бабъ блаженному отбоя не было, то и дѣло лѣзутъ къ нему съ вопросами: бычкомъ али телочкой коровушка отелится, огурцы да капуста хорошо ль уродятся, выгодно ль на базарѣ масло да сметану баба продать. Софронушка когда коровой мычалъ, когда лѣтухомъ лѣлалъ, а иногда и человѣчьимъ языкомъ бессмысленный вздоръ говорилъ. Но все это признавалось за пророчество и жаждущіе познанія судьбы своей подумавши, межъ собой оставались увѣренными что они понимаютъ и мычавье, и „кукуреку!“ и бессмысленныя рѣчи. О будущемъ заключали даже по движеньямъ Софронушки. Языкъ высунеть—къ худу, выбрать кого, а лучше того если ударить—къ счастью, свѣчку подасть либо деревяннаго масла—къ покойнику, просvirку—къ изобилію. Блаженный юродъ иногда пропадалъ изъ монастыря по цѣлымъ недѣлямъ. Чаше всего уходилъ онъ въ сосѣдній городокъ: тамъ кулцы его на перелобой другъ у дружки въ лавки зазывали—войдетъ Софронушка въ лавку—счастье, съ пользой значитъ будутъ въ ней торговать. А ежели возьметъ что въ лавкѣ Софронушка не то чтобы деньги съ него спросить, наклаиваются еще досыта ему за такую милость, руки и полы расцѣлуютъ потому что если онъ хоть самую малость возьметъ значитъ хозяинъ весь залежалый товаръ поскорости распродаетъ съ барышомъ. Бралъ Софронушка лустяки—орѣховъ горсточку, два-три пряника, подсолнуховъ, лареной груши, и все раздавалъ уличнымъ мальчишкамъ, а кому дасть того велпремѣнно за вихоръ либе за ухо. И это за благодать почиталось. Денегъ въ руки никогда не бралъ. Ежели вздумаетъ кто подать ему, благимъ матомъ закричитъ: „жжется! ой жжется!“ и убѣжитъ сломя голову. Это не вправилось отцу Израилю—„зачѣмъ, говаривалъ онъ юроду—призрѣвшая тебя обитель лишается достождождной благостыни?“ У себя въ кельѣ Софронушка только деревянное масло да восковыя свѣчи принималъ отъ

приходившихъ судьбу узнавать. Иная кулчиха желая знати кого родить сына или дочку пудовую свѣчу, бывало, привезетъ; а невеста что за судьбой прѣехала и лать такихъ свѣчей дастъ Софронушкѣ. А блаженный все въ церковь несетъ. И бывалъ отъ того Князь-Хабаровой обители не малый прилѣвъ. Иные ревнители выпрашивали у отца Израйла Софронушку къ себѣ погостить. Великимъ Божьимъ благословеніемъ, несказаннымъ счастьемъ почиталось ежели оны у кого въ дому хоть одну ночь перекочуетъ, а съ едѣлю прогостить—такъ благодати не огребешься, какъ говаривала благочестивая старуха, первостатейная кулчиха Парамонова вѣкъ свой возившаяся съ блаженными, съ аскетскими монахами, со странниками и странницами. Отецъ Израиль бывалъ много доволенъ ежели просили у него на время Софронушку—не даромъ вѣдь. Хорошей доходной статьёй былъ юродъ для обѣдавшей обители.

Еще при жизни Александра Федоровича въ Луловицахъ обратили на Софронушку вниманіе. Слыхалъ генералъ Луловицкій чуть ли не отъ самой Катерины Фидлиловой что въ старые годы у Божьихъ людей и христовъ и апостоловъ бывали изъ юродивыхъ. Таковъ былъ Иванъ Тимоѣичъ, таковъ былъ преемникъ его нижегородскій стрѣлецъ Проколій Дулкинъ, таковъ былъ и слѣдовавшій за нимъ извѣстный подъ именемъ лежхриста Андрушка. Въ безуміи несчастныхъ подверженныхъ ладучей болѣзни, Божьи люди видѣли „златые сосуды благодати“, вѣрили что въ нихъ Святой Духъ пребываетъ, „ходитъ“ въ нихъ и хожденіе свое изъявляетъ припадками. Ни мычавій, ни мяукалья юродовъ, ни ихъ словъ неразумныхъ не понимали познавшіе тайну сокровенную, но твердо вѣрили что люди подобные Софронушкѣ вмѣстители божественнаго разума, и что устами ихъ сама божественная премудрость говоритъ. Они лагали что присутствіе такихъ людей въ кораблѣ ускоряетъ нашествіе Духа. Оттого въ Луловицахъ и дорожили Софронушкой.

Когда Пахомъ подѣзжалъ ко Князь-Хабарову монастырю совсѣмъ ужъ обутрѣло, а съ высокой колокольни благовѣстили къ поздней обѣдѣ. Несмотря на давнюю залущенность монастыря строенья его были величественны. Кругомъ выведена высокая, толстая стѣна съ огромными башнями и бойницами, не разъ защищавшая обитель отъ

бунтовавшей Мордвы и другихъ иноподцевъ, что прельщалась слухами о несметныхъ будто богатствахъ вооруженными толпами подступала къ монастырю и недѣли по двѣ держали его въ осадѣ. Стѣнамъ кой-гдѣ давно ужъ обвалились, зубцы давно пошли на выстройку баки, гостиницы и двухъ игуменскихъ бесѣдокъ, башни стояли безъ крышъ... Построенныя при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ основателемъ монастыря церкви были обширны, на нихъ залечатѣлась искусная рука знаменитаго зодчаго, но онѣ обветшали, обвалились, густо позолоченныя главы собора облѣзли, черепица на другихъ церквахъ и на высокой колокольнѣ рассыпалась. Кельи когда-то населенныя не одной сотней монаховъ теперь всѣ почти пустовали. Въ нихъ и въ бывшихъ училищѣ, больницѣ, богадѣльнѣ не было ни оконныхъ рамъ, ни дверей, полы даже были выломаны. Печи разобраны, потолки провалились, а отъ крышъ и сѣловъ не осталось. Обширный дворъ заросъ бурьяномъ—на каждомъ шагу залуствѣнье.

Подъѣзжая ко святымъ воротамъ Пахомъ увидѣлъ молодого, еще безбородаго монаха. Сидѣлъ онъ на привратной скамейкѣ и высокимъ головнымъ голосомъ распѣвалъ что-то грустное, заунывное.

Прислушался Пахомъ къ ивоческому лѣвкопѣвию:

Не спасибо игумену моему,
 Не спасеніе безсовѣстному:
 Молодохомъка во старцы постригъ,
 Камилавочку на голову надѣлъ...
 Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
 Не мое дѣло молебны служить—
 Мое дѣло поскакать да полаять,
 Мое дѣло красныхъ дѣвокъ цѣловать!
 Ужъ а четки-то подѣ лавочку,
 Камилавочку на столъ положу,

— Дома ль отецъ игуменъ? поверставшись съ лѣвцомъ спросилъ у него Пахомъ.

— Дрыхаетъ, отвѣчалъ монахъ и продолжалъ:

Я на столъ положу, мою краю подарю,
 Я краечку подарю, гулять въ роцѣ съ ней пойду,
 Я въ рощицѣ нагуляюсь, во игуменомъ распроцаюсь:
 „Ты прощай мой аходѣй, съ краечкой мнѣ веселѣй“.

Съ кадочкой меда пошелъ Пахомъ въ игуменскія кельи. Въ сѣняхъ встрѣтился ему келейникъ.

— Всталъ отецъ Израиль? спросилъ у него Пахомъ.

— Всталъ. Чаи съ казначеемъ распиваетъ, отвѣчалъ келейникъ.

— Не здоровъ слышь онъ?

— Была хворость, точно что была, больше двухъ недѣль его держала. Третьяго дня, однакожь, поправилася, сказалъ келейникъ.

— Чѣмъ хворалъ-то? спросилъ Пахомъ.

— Извѣстно чѣмъ, отвѣчалъ келейникъ.

— А можно къ нему? спросилъ Пахомъ.

— Отчего жь не можно! Теперь къ нему можно, сказалъ келейникъ, Обожди минуточку—доложу.—Отъ господъ, али самъ по себѣ?

— Отъ господъ изъ Луловицъ, молвилъ Пахомъ. Доложи отцу Израилу прикащика молъ господа Луловицкіе до его высокопреподобія прислали съ гостинчикомъ.

— Ладно, хорошо, сказалъ келейникъ и черезъ нѣсколько минутъ позвалъ Пахома къ игумну.

LXXX.

Высокій, плотный изъ себя старецъ съ краснымъ какъ переспѣлая малина лицомъ, съ сизымъ объемистымъ носомъ, сидѣлъ на диванѣ за самоваромъ и потускнѣвшими, глазами глядѣлъ на другаго сидѣвшаго противъ него, тучнаго, красколицаго и сильно рябаго монаха. Это были самъ игумень и казначей отецъ Анатолій.

Войдя въ келью Пахомъ помолился на иконы и затѣмъ подошелъ къ тому и другому старцу подъ благословенье.

— Здоровенько ли Пахомъ Петровичъ ложиваешь? сиди недвижно на кожаномъ диванѣ ласковымъ голосомъ спросилъ отецъ Израиль? Господа въ добромъ ли здоровьѣ? Чтѣ Николай Александрычъ?.. Андрей Александрычъ? Барыня съ барышней?

— Всѣ слава Богу, отвѣчалъ Пахомъ. Клявьятса приказали вашему высокопредобію. Гостинчикъ извольте принять отъ ихяго усердія.

И положивъ на столъ золотой, поставилъ кадочку у дивана.

— Медку своихъ пчелокъ прислали, промолвилъ Пахомъ.

— Спасибо другъ, спасибо. Пошли Господи здоровья твоимъ господамъ что не оставляютъ меня хвораго, убо-

гаго.—А я завсегда ихній богомолецъ. За каждой литургіей у меня по всімъ церквамъ части за нихъ вынимають, а на тезоименитства ихъ безпереводно поются молебамъ Николаю чудотворцу святителю мирлицкійскому, Андрею Христа ради юродивому, Варварѣ великомученицѣ. Каждый разъ во всей исправности справляемъ. А какъ яблочки у васъ въ саду?

— Яблоки хороши, отвѣчалъ Пахомъ. Ежели до съема выстоять хорошо—урожай большой будетъ. И грушъ довольно, и дуть...

— А вишенки? спросилъ отецъ Аматоій.

— И вишень довольно отвѣтилъ Пахомъ. Слава Богу все уродилось.

— А у васъ и на яблоняхъ, и на вишенъ цвѣту было видимо невидимо, весь садъ ровно снѣгомъ усыпало, а плоды не совершилъ Господь, съ сокрушеннымъ видомъ перебирая ятарныя четки сказалъ отецъ игумень.—Червакъ зловредный напалъ, всю завязь, самый даже листъ лаутиной затулулъ. Такъ все и погибло—теперь рѣдко рѣдко гдѣ яблочко, а вишень, лочитай вовсе нѣтъ. Моави, другъ, Андрею Александрычу по осени бы не оставилъ убогихъ своихъ богомольцевъ—прислалъ бы на мочку яблочковъ сколько Господь ему на мысли положить да и вишенекъ-то въ укусу пожаловалъ бы боченочекъ другой. А что поди теперь у васъ и дыни, и арбузы?

— Есть, моавилъ Пахомъ, только не совсѣмъ еще дозрѣли.

— Станутъ дозрѣвать прислалъ бы Андрей Александрычъ сколько-нибудь нашему убожеству на утѣшеніе, а мы всегдашніе его богомольцы, сказалъ отецъ Израиль.—Да медку бы свѣженькаго, сотовенькаго со своей пасѣки пожаловалъ. Прошлаго года по осени владыко изволилъ нашъ монастырь посѣтити, такъ очень похвалялъ соты что Андрей Александрычъ прислалъ мнѣ. Чего не видалъ, гдѣ ни бывалъ, нашъ владыко, въ шестой епархіи править теперь, казалось бы ничѣмъ его нельзя удивить. А сказывалъ что такого меду въ жизнь свою не кушивалъ. Какой-то говоритъ особый съ нарочито прекраснымъ запахомъ. Повелѣлъ тогда мнѣ доподлинно разузнать отчего у васъ такой медъ выходитъ...

— Резеду вкругъ пасеки-то съють, дикій жасминъ тоже насажемъ—лчела-то съ нихъ обножь * беретъ, сказалъ Пахомъ.

* *Обножь*, также *взятокъ*, *калошка*, *поноска* — все что пчела обираетъ съ цвѣтовъ и уноситъ на ножкахъ.

— Ишь ты! качнувь головой молвилъ игумень, отцу Анатолю. Для пчелы особая травы съютъ, цвѣты особые разводять. Вотъ бы тебѣ отецъ Анатолий поучиться...

— Куда ужъ намъ! сказалъ казначей.—Пошлетъ Господь и простенькаго медку, и за то благодарни суще славимъ великія и богатія Его милости. Гдѣ ужъ намъ съ речедами воститься!... У насъ вѣдь нѣтъ крѣпостныхъ, а штатные служители слава только одна—либо калѣка, либо отъ старости ногъ не волочатъ. Да и много ль ихъ? Всего-то шесть чело-вѣкъ. Да и изъ нихъ котеры помоложе на хуторъ взяты.

— Не моги ролтать, отецъ Анатолий, внушительно сказалъ ему Израиль. Воля владыки. Онъ лучше насъ знаетъ что намъ потребно и что излишне. Всякое дѣло отъ великаго до малаго строится по его разсужденію и намъ судить объ его волѣ не подобаеъ.

— Да я и не сужу, отче святыи, робко отвѣчалъ отецъ Анатолий.—Какъ мнѣ можно, судить о такомъ лицѣ какъ архіерей Божій? Ума достаточнаго на то не имѣю.... Къ слову только про штатныхъ ломавуль, говоря про наши недостатки.

— И того не дерзай, сказалъ игумень. И къ слову не моги о владыкѣ поминать развѣ только прославая его святую жизнь, кротость, смиреніе, правосудіе и иныя добродѣтели... Да... Повѣждь людемъ о милостяхъ на насъ бывшихъ, о великой премудрости святителя... а ты вдругъ про хуторъ да про штатныхъ. Не годится, очень даже не годится. Одобрить не могу.—О томъ ломысли что было бы, ежели бъ коимъ ни на есть случаемъ владыко свѣдалъ о таковыхъ мятенныхъ рѣчахъ? Похвалилъ бы тебя?... А?... Какъ думаешь?

Вскочилъ отецъ Анатолий и припавъ къ игуменскимъ ногамъ, со слезами промолвилъ:

— Прости отче святыи. Не отринь покаанія.—Прости великое прегрѣшеніе.

— Богъ проститъ. Разрѣшаю и благословляю. Покааніе всѣ грѣхи покрываетъ. Впредь не грѣши отецъ Анатолий.

Всталъ казначей и облобызалъ игуменскую десницу.

А Пахомъ все стоитъ предъ властями монастырскими. Игумень наконецъ сказалъ ему:

— Вотъ другъ ты мой, Пахомъ Петровичъ, молви-ка господамъ сколь мнѣ труда и заботы предлежитъ по моеи должности. Всякаго научи, всякаго наставъ, много ободри

и похвали, много же левачалъ и въ чувствіе приведи, а много ло Пасаію и жезломъ аке сына отецъ поучи. Охъ, любезныйкій ты мой, ежели бы господа дворяне знали нашу жизнь много бы благоутробіе были до нашего смиренія... Рыбку то съ Дону привезуть — не оставилъ бы Андрей Александрычъ. Дорога нынче рыбка-то стала, въ саложкахъ ходитъ. Нашей обители, аще забвенья будетъ благодетелами, и въ Свѣтло Воскресенья придется безъ рыбной яствы за трапезу състь... Единая надежда на христолюбцовъ. Молви другъ.

— Доложу, отвѣтилъ Пахомъ.

— Конекъ угасъ * у меня по веснѣ, любезный мой Пахомъ Петровичъ, мало повременя оказалъ игумень, А славный былъ коняшка, сильнымъ, работацій. И что попритчилось съ нимъ ума не приложу. Олопи должно быть горячаго мотешники конюхи. На все пригоденъ былъ — въ дорогу лѣхать, возм ли возить. И всего то девять годковъ ему было. Теперь у меня на конномъ дворѣ всего шесть лошадекъ, безъ седьмой не возможно.... Достатки скудные, денегъ ни копѣйки, а долговъ что грибовъ въ лѣсу. Озарилъ наведуи меня Господь мыслію: стану, думаю, униженно просить Андрея Александрыча не пожалуетъ ли какого - нибудь не мудраго конька.... Не могу навѣрное сказать тебѣ, любезный мой Пахомъ Петровичъ, а отъ старыхъ инокѣвъ слышалъ я что преславный боярскій родъ господъ Дуловицкихъ по жевскому колѣну влечетъ свое племя отъ князей Хабаровыхъ. Значитъ господа твои сродственники приснопамятному виждителю обители нашей. Возрадовалъ бы Андрей Александрычъ прелодобную душу по плоти сродника своего, мыа въ небесныхъ селеніяхъ пребывающаго князя Теодора. Покучъся, Пахомъ Петровичъ, не пожертвуетъ ли отъ своихъ щедротъ коняшку. Поломай пожалуста.

— Доложу, мойвилъ Пахомъ.

— Новелькаго чего нѣтъ ли у васъ? послѣ недолгаго молчанья спросилъ отецъ Израиль.

— Марья Ивановна логоститъ пріѣхала, а больше того нѣтъ никакихъ новостей, отвѣтилъ Пахомъ.

— Ну вотъ! Впрямь пріѣхала. Надолго ли? спросилъ игумень.

— Не могу сказать.

* Умеръ.

— Не вздумаетъ ли нашу обитель посѣтить? Давнешько не жаловала, третій годъ ужь никакъ... Поклоузъ ей усердный отъ меня, да молви отецъ молъ игумень локорѣйше просить обитель посѣтить, сказалъ Израиль.

— Доложу, молвилъ Пахомъ. И немного переждавъ сказалъ: Марья Ивановна почитаючи отца Софронія наказывала попросить у' вашего высокопреподобія отпустили бы его съ ней повидаться.

Не съ разу отвѣтилъ отецъ Израиль. Нахмурился и прижалъ озабоченный видъ. Потомъ не говоря ни слова лаяцами сталъ по столу барабанить.

— Охъ не знаю что сказать тебѣ на это Пахомъ Петровичъ. Дѣло-то не советъ простое. Не въ примѣръ бы лучше былъ Марья Ивановнѣ самой пожаловать къ намъ, здѣсь и повидалась бы съ Софроніемъ. Въ прошломъ годѣ какъ владыко посѣтилъ обитель нашу въ большомъ находилася неудовольствіи и крѣлко журилъ меня зачѣмъ я его къ стороннимъ людямъ пускаю. За ограду не благословилъ пускать. Соблазну говорить отъ него много. Владыкѣ-то, видишь, многіе изъ благородныхъ, и даже изъ простыхъ жалобы на то приносили. Боюсь, Пахомъ Петровичъ, боюсь владыку прогнѣвать. Онъ вѣдь строгій, взыскательный...

— Да вѣдь ежели ваше высокопреподобіе отпустите отца Софронія, такъ я вѣдь до самыхъ Луловицъ не останавлиюсь ни гдѣ и назадъ повезу также. А въ Луловицахъ изъ барскаго дома ему ходу нѣтъ, сказалъ Пахомъ. Явите милость, Марья Ивановна крѣлко-на-крѣлко приказала просить.

— Нѣтъ, другъ, нельзя, рѣшительнымъ голосомъ сказалъ Израиль. Боюсь. — Ну, какъ вдругъ узнаеть владыка?... Не тебя и не Марью Ивановну станетъ тазать.—Такъ али нѣтъ, отецъ Анатолій?

— Извѣстно, молвилъ казначей звѣвая всѣмъ ртомъ на распахку и творя надъ нимъ крестное знаменіе.

— Видишь ли; обратился игумень къ Пахому. Нѣтъ, другъ, поклонись ты отъ меня благотворительницѣ нашей Марья Ивановнѣ, но скажи ей что желанія ея исполнить не могу. Очень молъ скорбитъ отецъ игумень, что не можетъ въ семъ случаѣ сдѣлать ей угожденія... Охъ, бѣда, бѣда съ этими господами!... прибавилъ онъ, обращаясь къ казначею. Откажи — милостей не жди, сдѣлай по икнему отъ владыки немилости дожидайся... Да... Нѣтъ, нѣтъ, Пахомъ Петровичъ,—не могу.

— Да вѣдь не на долгое время, ваше высокопреподобіе. Пробылъ бы омы въ Лудовицахъ какую-нибудь недѣлю, много что дѣлѣ, началъ было Пахомъ.

— Ишь что сказалъ! вскрикнулъ отецъ Израиль! А развѣ неизвестно тебѣ что къ отцу Софронію богомольцы частенько приходятъ за благословеніемъ. Въ дѣлѣ-то недѣли сколько ты полагаешь обитать отъ того получить?... Мнѣ отъ отца казначея проходу тогда не будетъ. Такъ али вѣтъ, отецъ Анатолій?

Вмѣсто отвѣта казначей громогласно икнулъ и въ строгомъ молчаніи перекрестилъ уста свои.

Вывулъ Пахомъ изъ кармана пакетъ и подержавъ его въ рукахъ минуты съ двѣ, опять спряталъ за пазуху.

— Это что у тебя? полюбобытствовалъ отецъ Израиль.

— Нѣтъ это такъ, молвилъ Пахомъ. — Телерича значитъ не годится, и оказавъ за симъ: прощайте, ваше высокопреподобіе, подошелъ къ благословенію.

— Чтѣ за пазуху то сунулъ? Письмо что ли?... съ живостью спросилъ игумень.

— Нѣтъ это такъ... Пустое значитъ телерь дѣло, молвилъ Пахомъ.

— Да чтѣ, чтѣ такое? вставъ съ мѣста съ нетерпѣньемъ говорилъ отецъ Израиль.

— Барышня, Марья Ивановна, приказывала было отдать вашему высокопреподобію ежели отпустите отца Софронія, сказалъ Пахомъ.

— Такъ не долженъ ли ты мнѣ отдать, когда барышня тебѣ приказала?... Для чего жь не подаешь?... Странно!... сказалъ игумень.

— Барышня приказывала отдать пакетъ когда отца Софронія получу, а ежели не получу велѣла его назадъ привезти.

— Гм!... Вотъ чтѣ!... Слышишь отецъ Анатолій?

Отецъ казначей вмѣсто отвѣта олять икнулъ.

— Чтѣ съ тобой, отче?... спросилъ игумень.

— Со вчерашняго, пробасилъ отецъ Анатолій.

— А-а! протянулъ игумень.

— Кваску испилъ черезъ мѣру... молвилъ казначей. Холодный, прямо со льду былъ, а я распотѣвши.

— Осторожнѣй надо, отче, осторожнѣе, учительно промолвилъ отецъ Израиль. Ты ужь не молоденькій, утроба то тоже пообветшала.

— Точно, замѣтилъ отецъ Анатолий и еще икнулъ на всю келью.

— Благословите ваше высокопреподобіе на обратный путь, сказалъ Пахомъ, подходя къ игумену подъ благословеніе.

— Постой, другъ, погоди. Дай маленько съ мыслями сообразиться, сказалъ Пахому, не подавая благословенія, игумень. Какъ бы это намъ по хорошему обладать? Отецъ Анатолий, какъ бы это?

— Мнѣніе мое таково же какъ и вашего высокопреподобія, молвилъ казначей, сопровождая отвѣтъ своей икотой.

— Хоть бы водицы испилъ, молвилъ игумень. Слушать даже болѣзненно. Поди къ келейнику — съ тебѣ дастъ напиться. Да какъ стаканъ-отъ въ руки возьмешь, приподними его да глядя на донышко трижды по трижды прочти: „помяви Госледи царя Давида и всю кротость его.“—Помогаешь. Пользительно.

Безмолвно подаялся съ мѣста отецъ Анатолий и съ повикшей главою и долу олуцеными глазами пошелъ изъ кельи.

Молчалъ игумень, молчалъ и Пахомъ.

— Какое жь будетъ рѣшеніе отъ вашего высокопреподобія? спросилъ наконецъ Пахомъ.

— Не знаю, другъ что и сказать тебѣ, молвилъ покачивая въ раздумьи головою сказалъ отецъ Израиль. Дѣло-то опасное. Самъ посуди! И обители изъязъ—ропотъ пойдеть, молва межъ братіи.—И Марья-то Ивановья желательнѣе угодить, и владычняго-то гява страшусь. „Ты, говоритъ, не смѣй Софрона никуда пускать. И безъ того, говоритъ, много толковъ про него обмосится, а читывалъ ли ты, говоритъ, *Духовный Регламентъ* Петра Великаго? Помнишь ли что тамъ постановлено о хавжахъ и лустосвятахъ а равно о разглашеніи чудесъ и пророчествъ“?.. Вотъ какія слова говорилъ владыка. Доложи господамъ, отецъ молъ игумень радъ бы всею душой, да опасается—въ отвѣтъ бы не попасть.

— Такъ ужь благословите меня ваше высокопреподобіе—въ путь отправляться, снова подходя къ благословенію молвилъ Пахомъ.

— Да ты повремени, отдохни сколь-нибудь, сказалъ Израиль, не подавая благословенія. Обѣди маленько, обѣда сейчасъ отойдетъ, въ тралезу пойдешь, хлѣбъ преломишь съ братією. Самъ-то я не совсѣмъ помогаю, не пойду, такъ отецъ Анатолий угоститъ тебя.

— Нѣтъ ужъ увольте ваше высокопреподобіе, сказалъ Пахомъ.—Надо къ вечеру домой послѣть.

— Да ты не торопись... Ишь какой проворный,—тебѣ бы таять лаять да и корабль. Скоро, другъ, только блины пекутъ, а дѣло слѣхомъ творить только людей смѣшить. Такъ не подбаешь, говорилъ игумень.

Подъ это слово воротился казначей. Ему облегчало и онъ спокойно усѣлся на оставленное мѣсто.

— Какъ посоветуешь отецъ Анатолій? молвилъ ему игумень... Не отпустить ли ужъ отца-то Софрона?...

— Все въ вашей власти, ваше высокопреподобіе, сквозь зубы пробурчалъ казначей.

— Конечно, дѣло такое что колется, сказалъ отецъ Израиль. Страшно... Однакожь и то надо къ предмету взять что нельзя не уважить Марью Ивановну—она вѣдь наша благодѣтельница. Какъ по твоему, отецъ казначей, можно ль ей не уважить?

— Не уважить ей нельзя, сказалъ отецъ Анатолій.

— И самъ я тѣхъ же мыслей, рѣшилъ игумень. Хоть маленько и погрѣшимъ, да вѣдь ни праведный безъ порока, ни грѣшный безъ покаанія на свѣтѣ не бываютъ. Пуцу я Софрона-то.

— Отчего жь не пустить? молвилъ отецъ Анатолій. Пускали же прежде.

— Такъ облегчись, отче, сходи самъ за нимъ, сбри его, да приведи ко мнѣ въ келью, сказалъ игумень.

Поклонился отецъ Анатолій и пошелъ изъ кельи.

— Давай письмо-то, сказалъ игумень Пахому какъ только вышелъ казначей.

Тотъ подалъ ему запечатанный пакетъ. Вскрылъ его игумень—письма нѣтъ, только три синенькія. Нахмурилъ чело Израиль и слѣшко спрятавъ деньги въ псалтирь лежавшую рядомъ съ нимъ на диванѣ, сказалъ вполголоса:

— Охъ, охъ, охъ, охъ, охъ! На все-то теперь дороговизна такая пошла. Жить невозможно, особливо съ такою семейкой. А изъ братіи никто и не помыслить попенсись о монастырскихъ нуждахъ. Какъ всталъ по утру первымъ дѣломъ кричить: „ѣсть хочу“. А доходы умалились — благочестія что ли въ народѣ стало меньше, только подаванія очень поизскали. Не знаешь какъ и концы сводить. Хорошо другимъ обителямъ: гдѣ чудотворная икона, гдѣ ярмонка, гдѣ богатыхъ много хоронится, а у насъ нѣтъ ничего. А нужды

ды большія... Великія нужды!—Поломни, Пахомъ Петровичъ, объ этомъ Андрею Александрычу. Сдѣлай милость.

Воротилася казначей съ Софроніемъ. Блаженный пришелъ босикомъ, въ грязной старенькой свиткѣ*, подпоясанъ бечевкой, на шеѣ коротенькая манатейка, на головѣ порыжѣвшая камиллавочка. Былъ онъ сдѣл какъ лунь, худое, блѣдное, сморщенное лицо то и дѣло подергивало у него судорогой, тусклые глаза глядѣли туло, бессмысленно.

— Кланяйся, проси благословенія у отца игумена, сказалъ Анатолій нагибая юродивому голову.

Софроній засмѣялся, но игумень все-таки благословилъ его и поднесъ руку къ губамъ юродиваго. А тотъ залѣлъ:

— Глазъ шестый, подымай шесты на игумена, на безумена.

— Дуракъ такъ дуракъ и есть, проворчалъ сквозь зубы отецъ Израиль.—Что дѣлалъ сегодня? обратился онъ къ Софронію.

— Ничего, задиваясь смѣхомъ отвѣчалъ тотъ.

— Для чего жь не потрудился надъ чѣмъ-нибудь? спросилъ игумень.

— Грѣхъ!... Седни праздникъ, молвилъ юродивый.

— Какой праздникъ?

— Седни праздникъ — жена мужа дразвить, на печь лѣзеть, кукишь кажетъ—на тебѣ муженѣкъ горяченькій пирожокъ! на раслѣвъ проговорилъ Софроній и олять захоталъ.

— Въ гости хочешь? спросилъ Израиль.

— Харалацы, маларацы, стрень брень, кремь на бекрень! зачистилъ Софроній и потомъ высунулъ языкъ.

Игумень отвернулся.

— Запри его, отче Анатолій, пока не срядится Пахомъ Петровичъ, сказалъ онъ. Въ сторожку что ли на лаперти, а то пожалуй еще забьется куда-нибудь такъ цѣлый день его не разыщешь.

— Да я бы сейчасъ же въ обратный путь, ваше высокопреподобіе, началъ было Пахомъ, но игумень и договорить ему не далъ.

— Нѣтъ, другъ, нѣтъ.... Ужь извини... Этого я сдѣлать никакъ не могу. Хоть монастырь нашъ и убогій, а безъ хлѣба, безъ соли изъ него не уходятъ. Обѣдая на исходѣ, отпоятъ, тѣмчасъ и за трапезу. Утѣшай гостя, отецъ Анатолій,

* Монашеская рубаха.

угости его хорошенько, подчуй скуднымъ нашимъ братствомъ. Да мнѣ же надо къ господамъ письмецо написать.... Да веди, отецъ Анатолий, одѣть Софронія-то: свитку бы дади, чистую, подрясникъ, рясу, чоботы какіе-нибудь.—Не годится въ господскомъ домѣ въ такомъ развращеніи быть.

Раздались рѣдкіе удары въ подзвонокъ. *

— Ну вотъ братія и въ тралезу идутъ, ступай, отецъ каначей, угощай Пахома Петровича, а Софронію лица въ столожку поставить, сказалъ Израиль.. Да чтобъ чинно въ тралезѣ-то сидѣли. А мнѣ ушцу веди сварить—моави отцу эконому, да хоть звено осетрички что ли съ ботвиньей подади бы, яичекъ въ сметочку и будетъ съ меня. Не можетъ что-то, за тралезу не пойду—кепейно поѣмъ. Ну, Богъ васъ благословить—ступайте со Христомъ...

Послѣ тралезы получивъ отъ игумна письмо и благословеніе, Пахомъ отправился съ блаженнымъ въ Луловицы.

— Тебѣ бы его привязать къ таратайкѣ-то веревкой что ли, не то пожалуй соекочить,—совѣтовалъ отецъ Анатолий провожая Пахома.

Пахомъ не принялъ его совѣта.

LXXXI.

Приближался день когда въ Луловицкомъ кораблѣ надлежало быть собору „вѣрныхъ-праведныхъ“. Ни возни, ни суетни, ни какихъ приготовленій не было, все въ домѣ шло обычной чередой. Блаженного сдали на пасеку подъ смотрѣніе пастычника Кириам. Николай Александрычъ наказалъ ему глазъ бы не слускалъ онъ съ Софронушки, на одну пядь отъ себя не пускалъ бы его, чтобъ опять чего не накуралесилъ. Въ прежніе пріѣзды не мало отъ него бывало проказъ: то раздражить собакъ, а онъ ноги ему искусаютъ, то съ лѣсною *Яко по вуху пѣшешествова Израиль* пойдетъ по пруду шагать и очутится на тивистомъ двѣ.—Однажды, вообразивъ себя Христомъ, вспомнилъ что пора ему на небеса возноситься, и возвесся съ балкона втораго этажа—едва вылѣчили? Съ того вознесенія

колоколъ которымъ пономари на-

блаженный сталъ еще гаульѣ говорить, за то стали его считать еще премудрѣе. „Хараацы да маларацы“, „стрель да брель“ стали чаще исходить изъ устъ его, а Божьи люди одоо говорили: „безумное Божіе прѣвыше человѣческой мудрости“.

Вечеромъ въ пятницу пришелъ старый матросъ Фуркасовъ прямо въ вотчинную контору. Хоть отъ Коршунова до Луловицъ и трехъ верстъ не было, но Семень Иванычъ съ равнаго утра шелъ почти до сумерекъ. Дорогой, что ни встрѣтится ему живаго на пути надо вѣзмъ-то онъ остановится и, не трогаясь съ мѣста, вѣзмъ налюбуется. Жаворонокъ взвѣется въ поднебесяе и начнетъ оттуда заливаться веселыми лѣсками, матросъ замретъ на мѣстѣ, стоитъ какъ вкопанный, устремивъ взоры кверху, и любуется божьей лташкой. Заяцъ заслышавъ шаги человѣка порскнетъ изъ ововъ къ перелѣску, присядетъ, и прядая ушами начнетъ озираться—Фуркасовъ и на него залюбуется, стоитъ пока косою не скроется изъ виду. Желтенькая стрекогуска * запрыгаетъ вдоль по дорогѣ онъ ни съ мѣста, чтобы не потревожить чуткую лтичку.

Рано въ субботу въ легонькомъ тарантасикѣ одинъ безъ кучера пріѣхалъ Дмитрій Осипычъ Строинскій, а вслѣдъ за нимъ раслѣвая во все горло *Всемирную славу* пришелъ и дьяковъ Мемвоъ, съ салогами за плечыи, въ навковомъ подрясикѣ, и съ зимней шапкой на головѣ.—Онъ тоже у Пахома присталъ и только что вошелъ въ контору, полѣзъ въ подполье и завалился тамъ соснуть на прохладѣ вплоть до вечера. Кисловъ съ дочерью пріѣхалъ поздно, передъ самымъ собраньемъ.

Часу въ шестомъ Луловицкіе съ Дмитриемъ Осипычемъ поѣхали ко всенощной. Пошли въ церковь и конторщикъ Пахомъ съ матросомъ, и дьяковъ, и пасечникъ Кирила съ блаженнымъ юродемъ. Пошли и богадѣленки.... Кисловы тогда еще не пріѣзжали, а Марья Ивановна съ Дуней остались дома. Несмотря на рабочую пору церковь была полнехонька точно въ большой праздникъ. Особенно много было женщимъ. Разнеслось по селу что Пахомъ привезъ блаженнаго и всѣ сошлись хоть поглядѣть на него. Софровушка

* *Стрекогузка, трысогузка* иначе *мухоловка* двухъ видовъ голубоватая и желтая *motacilla*. Прыгая она безпрестанно трасеть длиннымъ хвостомъ своимъ.

и въ Дуловицахъ пользовался народнымъ уваженьемъ и здѣсь считали его святымъ принимая каждое его слово съ благоговѣньемъ.

Дьяконъ и матросъ стали на крысѣ дьячкамъ подпѣвать, а Софронушка подошелъ къ самому амвону. Толпа раступилась предъ нимъ и онъ устоявъ еередъ церкви на полу, принялся грызть подсолнухи и кидать скорлупами въ народъ. Ихъ тщательно подбирали и прятали. Въ кого броситъ Софронушка—тому счастье. Кто удостоился такой милости, тотъ отходилъ въ сторону давая мѣсто другимъ жаждущимъ благодати во образѣ подсолнушныхъ скорлупъ. Всемошная еще не отошла какъ Софронушкѣ вздумалось выйти изъ церкви. Стремительно вскочилъ онъ на ноги и бормоча какую-то бессмыслицу быстро побѣжалъ къ выходу. Народъ раступался давая ему дорогу и весь почти вышелъ за нимъ изъ церкви. На погостѣ сълзъ юродъ на свѣжую могилу и бабы тотчасъ окружили его, осылая вопросами насчетъ судьбы. Одна стоявшая старушка, опираясь на каяку, набожно крестилась и въ сердечномъ умиленьи плакала радостными слезами.

— На свѣтлѣ на моего на Самойла Иваныча сълзъ! говорила та, недавно схоронившая мужа старушка. Хорошо надо быть другу моему совѣтному на томъ свѣтѣ у Христа у батюшки! Веселится звать мой Самойло Иванычъ во свѣтлѣ раю! Не даромъ сълзъ на могилку его блаженненькій.

Молоденькая женщѣва лѣтъ двадцати подошла къ Софронушкѣ. Протягиваетъ къ нему исхудалаго чуть живаго ребенка, а сама умоляетъ:

— Молви святое слово батюшка отецъ Софронъ, не утай воли Божіей.... Будетъ алы не будетъ жить рабъ божій малаледецъ Архипушка?

Вскочилъ блаженный съ могилы, замахаля руками, ударя себя по бедрамъ ровво крыльями, заплывъ слухомъ и плюнулъ на ребенка. Не отерла мать личика сынку своему, радость разлилась по лицу ея, и стала она набожно креститься и цѣловать своего первенца. Окруживъ счастливаю мать заговорили бабы:

— Будетъ живъ паренекъ, будетъ живъ, родная! Молись Богу, благодари святаго блаженнаго!

Вынула молодѣца изъ-за лазухи бумажный платокъ и съ визгомъ поклономъ подавая его блаженному молвила:

— Прими, батюшка отецъ Софронъ, отъ всего моего усердія. Сдѣлай милость, прими.

Софронушка взяла платокъ, скомкала его и бросила въ стоявшую неподалеку дѣвушку.

— Замужъ скоро выйдти тебѣ Оленушка, заговорили бабы. Готовъ ручники * сударыня!

Закраснѣлась Оленушка, взяла платокъ и спрятала даръ праведнаго мужа.

— Совѣтно ли съ мужемъ-то будетъ жить?.. Въ достаткѣ ли?.. Молви батюшка отецъ Софронъ! пригорюнясь спрашивала васнау пробившаяся сквозь толлу, мать Оленушки.

— А у дѣдушки Кирилушки пчелки-то гудятъ гудятъ, колѣшки на ножкахъ несутъ да несутъ, залѣлъ блаженный и не долѣвши захохоталъ во все горло.

— Въ богатствѣ жить Оленушкѣ—заговорили бабы.

— Совѣтно ли жить-то будутъ, не утай, скажи батюшка отецъ Софронъ!.. приставала Оленушкина мать.

Въ это самое время сквозь толлу продрался мальчишка лѣтъ девяти. Закинувъ ручки за спину и разинувъ ротъ настѣжъ глядѣлъ онъ на Софронушку. А тотъ какъ схватить его за бѣлые волосенки и давай трепать. Въ источникъ голосъ заревѣлъ мальчишка, а юродъ во всю прыть помчался съ логоста и свѣлъ на селѣ у колодца. Народъ валомъ повалилъ за нимъ. Осталось на логостѣ человекъ лятнадцать не больше.

— Нишкни, а ты Ермолушка, нишкни! унимають бабы разревѣвшагося парнишку, Богъ здоровья дастъ, а выростеть большой у тебя ума много будетъ. Счастливымъ будешь, таланливый.

Парнишка не унимался, хоть и отецъ его съ матерью утѣшали и приказывали не реветъ, а въ церковь идти да за великую благодать Богу помолиться. Насильно увели мальчугана съ логоста.

— А Оленушкѣ житьцо-то придется видно не больно ахти, говорили на логостѣ бабы. Бить станетъ сердечную... Не даромъ блаженнымъ Ермоакѣ вихрь-то матрелалъ.

— Вѣстимо будетъ драчувъ, говорили другія. Ермоаку

* Ручники—подотекло. Ручниками просватанныя невѣсты дарятъ жениховымъ петлякамъ.

на счастье блаженный потаскалъ, а Оленушкѣ горьку судьбину напороочилъ.

— Помните бабы какъ ояъ Настасьѣ Чуркиной этакъ же судьбу пророчилъ? бойко, развязно заговорила и рѣзкимъ голосомъ покрыла общій говоръ юркая молодая бабенка, изъ такая какихъ по деревнямъ зовуть „урви да отдай“. Этакъ же спросила у него про судьбину ея, а Настасья въ тѣ поры была ужъ просватана, блаженнымъ тогда какъ хватить ея братишку по загорбку... Телерь братъ-отъ у ней вояъ какой сталъ, торгуеть да деньгу копить, а Настасьюшку мужъ каждый Божій день колотить.

— А дая че жену не локолотить, коли заслужила?... съ усмѣшкой молвила пожилой, мрачный и сердитый мужикъ. Не горшокъ—не расшибешь!...

— А расшибешь такъ берестой не обовьешь, подскочивъ къ нему подхватила юркая бабенка. Намъ всѣмъ въ залпимѣту, у всѣхъ чать на памяти какъ мужа подвѣ жены въ гробъ заколачиваютъ. Телерь и на третьей рады бы жениться, да дурм такой на всемъ вольному свѣту не сыскать чтобы за такого драчуна пошла.

— Смотри егоя, ты не больно сорочи*, не то тако слово при народѣ молваю что до утра не прочихаешься, огрызнулся драчливый вдовець.

— Какъ-такъ слово?... Какъ?... Говори, говори! приставала бабенка да такъ начала на вдовца наскакивать что тотъ не говоря худаго слова съ логоета долой.

А Оленушка стоитъ пригорюнившись, а у матери ея слезы на глазахъ. Бабы ихъ уговариваютъ, утѣшить хотять.

— Эхъ Оленушка, Оленушка! Да съ чего ты болѣзная таково горько кручишься?... Такая ужъ судьба наша женская. На томъ свѣтѣ стоитъ, милая, чтобы мужу жену колотить. — Не при насъ заведено не нами и кончится! Мужьямъ любви дѣло обиходное, сыщи-ка на свѣтѣ хоть одну жену не битую. Омять же и то сказать: не бьетъ мужъ жена значитъ не любить.

Не утѣшила уговоры Оленушку, не осушила она глазъ ея матери.

* Сорочи́тъ рѣзко болтать вздоръ или пустяки, языкъ чесать.

А на селѣ у колодца вокругъ юродиваго такой сходъ собрался что руки сквозь людей не просунуть. Всѣ лѣзутъ къ Софронушкѣ про судьбу спросить, а инымъ хочется узнать: какой воръ лошадушку свелъ со двора, кто новину * съ дуга скралъ, кто буренушкѣ хвостъ обрубилъ какъ забралась она въ яровое, какой лиходѣй бабу такъ испортилъ что она собакой залаяла, а потомъ и выкликать зачала. Бабы и руки и одежду у отца Софрона цѣловали. До того усердны были что вздумали во что бы ни стало волосиковъ съ блаженнаго добыть—пользительны самыя очень ежели водицы на нихъ налить и той водицей недужнаго напоить. И до того бабы усердствовали что блаженный крѣпился, крѣпился да какъ заоретъ во всю мочь. Насилу вытащили его изъ толпы дворедкѣй съ Пахомомъ и отвели изъ села въ безопасное мѣсто—на лѣсъку. Бабы тѣмъ недовольны остались...

Увели блаженнаго, и всѣ разошлись по домамъ, дослуживать службу въ церковь никто не пошелъ. Большухи ** возвратяся домой творя шелотомъ молитву завертывали въ бумажку, либо въ чистый доскутокъ вылаюнутыя Софронушкой скордулы, а тѣ что сподобились урвать цѣлбоносныхъ волосиковъ со главы или изъ браны блаженнаго, и ихъ тутъ жь полагали, а потомъ прятали въ божицу за иконы въ вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой отъ мощей, съ сухимъ артосомъ, съ огаркомъ страстной свѣчи и съ громовой стрѣлкой. *** Въ каждомъ домѣ за ужиномъ только и рѣчи было что про батюшку отца Софрона — припоминали каждое его слово, каждое движенье и всякъ по своему протолковывалъ что бы такое они означали. Поужинавши, спать полегли—кто въ кѣтци, кто на

* *Новина*—крестьянскій суровый холстъ.

** *Большуха*—старшая въ семьѣ женщина.

*** *Артосъ* по-гречески кислый хлѣбъ. У насъ артосомъ или *артусомъ* зовутъ хлѣбъ носимый на Пасху вокругъ церкви, а въ субботу раздаваемый народу. *Страстная свѣча*—съ которой стояли за церковными службами Вербнаго Воскресенья, Великой Пятницы, Великой Субботы и Свѣтааго Воскресенья. *Громовая стрѣлка*—пальчатая сосулька, образовавшаяся отъ удара молнии въ песокъ, часть котораго мгновенно расплавилась. Также—бележитъ, окаменѣлый допотопный червь. И то и другое зовется также *чортосымъ пальцемъ*.

сѣновалѣ, кто на житницѣ, а кто и на дворѣ въ уголку, либо на матушкѣ сырой землѣ въ огородѣ... А въ избахъ пусто. Жарко ужь очень, никакъ не успеешь тамъ.

Сильнѣй и сильнѣе темнѣетъ, тихій безоблачный вечеръ смѣняется такою же тихой, теплою, душною ночью. Луны нѣтъ, на блѣдностромъ небесномъ сводѣ кой-гдѣ мерцають звѣздочки, а вечерняя заря передвигается съ солнечнаго заката къ востоку. Пала роса, хоть не очень обильная, но все-таки благоуханіе ея испаревій съ душистыхъ травъ и цвѣтовъ наполнило воздухъ. Душно. Парить отъ долгой засухи, видно скоро дождется народъ православный Божьей благодати—грезы съ дождемъ. Не то совсѣмъ бѣда, яровые пожелтели, озимой колосъ не наливается—травы выгорѣли. Чего ужь не дѣлали православные? И молебны-то пѣли, и образа-то поднимали, и по полямъ со крестами ходили, и половъ поили, кормили—а все не шлетъ Господь дождичка, хоть что хочешь дѣлай... По небеснымъ закроймъ поминутно слышывается зарница. Быть грозѣ, быть дождю...

Сослаалъ Господь съ тихаго неба на шумную землю покой безмятежнѣй. Ходить сонъ по селамъ, дрема по деревнямъ; ни ближняго говора, ни дальняго людскаго гомона не слышно, все затихло, все замолкло лишь кузнечики тянутъ неугомонныя лѣсни, перелела во ржи лерекликаются да дергачъ * рѣзкимъ голосомъ прокричитъ на болотѣ. Изрѣдка собаки ни съ того ни съ сего поднимутъ безтолковый лай. Померещится кудашкѣ что чужой на дворѣ, тавкнетъ разъ, тавкнетъ другой, третій, и по всѣмъ дворамъ поднимется лай. Но вотъ налаявшись досыта одинъ пестъ опустить хвостъ, уляжется бурча повеможку, зѣвнетъ и заснетъ. За нимъ и другая и третья собака, и опять на селѣ тишина мертвая, и опять нигдѣ ни звука.

Слитъ село, а въ барскомъ домѣ глазъ не смыкаютъ. Въ точной тиши, незримо отъ людей нѣчто не обычное тамъ совершается.

* *Дергачъ* иначе *коростель*—болотная птица, средняя между переломъ и водяной курочкой, *Rallus rex*.

LXXXII.

Въ нижнемъ этажѣ барскаго дома, подъ той самой съ мраморными стѣнами залой что такъ понравилась Душѣ въ день ея прїѣзда была такая же точно обширная комната, хоть и не такъ разукрашенная. Никогда она не отпиралась и ключъ отъ нея всегда былъ въ карманѣ у Николая Александрыча. Дневной свѣтъ не проникалъ въ ту комнату, желѣзные толстыя ставни, вдѣланные въ окна внутри и снаружи, не отворялись. Во время оно у генерала Луловицкаго до его перемѣны бывало тутъ безпросыльное лянство и туда по приказу бурмистрову десятками приходили раздраженные дѣвки и молодицы... Теперь она „кладовою“ зовется, хоть ни старыхъ, ни новыхъ домашнихъ вещей и никакого хламу въ ней никогда не бывало.

Это—сокровенная „Сіонская горница“. Тутъ бывають радѣнья Божьихъ людей. Вдоль всей горницы корридоръ, а по другую его сторону семь небольшихъ комнатъ, каждая въ одно окно безъ дверей изъ одной въ другую. Во время оно въ тѣ комнаты уединялись генеральскіе собутыльники съ дѣвками да молодками, а теперь люди Божьи, готовясь къ радѣнью, облачаются тутъ въ „бѣлыя ризы“. Предъ Сіонской горницей еще были комнаты, уставленные старой мебелью, онѣ тоже всегда бывали назалерти. Во всемъ нижнемъ этажѣ пахло сыростью и затхлостью.

Только что смеркалось, въ комнату что предъ Сіонской горницей люди Божьи стали собираться. Прежде всѣхъ пришли богадѣленима. Привели онѣ и Лукерьюшку еще недавшую соборовъ людей познавшихъ тайну сокровенную. Привела Матронушка и дочку свою духовную, не влоавѣ еще привыкшую къ таинственнымъ обрядамъ Василисушку. Разъ три бывала ужъ она на радѣньяхъ, самхала словеса пророческія и новыя лѣси, не „приведена“ еще не была. На Лукерьюшкѣ и на Василисѣ надѣты были сивія покевы, повелькія съ иглоочки. Въ сивихъ, а не въ красныхъ какъ ходять дѣвушки въ той сторонѣ обѣ были одѣты онѣ—то знакъ отреченія отъ суеты міра, и отъ замужней жизни.

Богадѣленима разсѣлись по кресламъ и стульямъ, обитымъ обветшалымъ бархатомъ. Немного погода приметъ

дворецкій Сидоръ съ ворохомъ пальмовыхъ вѣтвей. Молча, строгимъ взоромъ окинулъ овъ богадѣяннымъ и приведеннымъ ими двѣицъ нѣтъ ли на комъ серегъ либо колецъ, чисты ль у всѣхъ латки и полотенеца. За дворецкимъ пришелъ прикащикъ Пахомъ съ дякономъ и матросомъ, ласчаникъ съ Софронюшкой, ключница съ Серафимушкой. Всѣ сидѣли молча, недвижно склонивши головы и не глядя другъ на друга. Блаженный присѣлъ возлѣ лѣчки на полу и разсыпавъ кучку лутошекъ сталъ строить изъ нихъ домикъ. Никто не смотрѣлъ на него.

— Всѣ въ сборѣ кажется, тихо промолвилъ дворецкій.—
Пойдите доложить господамъ. Время.

На словомъ, ни движеньемъ никто ему не отозвался. Только блаженный ни съ того ни съ сего захохоталъ во всю мочь приговаривая:

— Баре придуть, медку привесуть, чайкомъ попоить, молочка дадутъ...

Дворецкій пошелъ на верхъ и не прошао пяти минутъ какъ одинъ за другимъ пришли: Николай Александрычъ съ братомъ, съ невѣсткой и племянницей, Кисловъ съ Катенькой, Строивскій Дмитрій Осипычъ.

Вошли и стали въ кругъ и начали другъ другу земно кланяться.

— Христосъ воскресъ! сказалъ Николай Александрычъ.

— Свѣтъ истинный воскресъ! лѣвучимъ голоскомъ отвѣтила Катенька Кислова.

— Богъ истинный воскресъ! громко вскрикнулъ самъ Кисловъ.

— Сударь батюшка воскресъ! еще громче закричалъ Дмитрій Осипычъ.

— *Воскресъ Исусъ отъ гроба яко же прорече, даде намъ животъ вечный и велию милость, скорослѣшно заревѣлъ дякономъ на церковный налѣвъ.*

А другіе продолжали обычныя у Божьихъ людей другъ другу привѣтствія.

— Царь царемъ воскресъ!

— Богъ богамъ воскресъ!

А блаженный, сидя на полу, строить себѣ домикъ да подъ носъ выплѣваетъ *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ.*

Вынулъ изъ кармана ключъ Николай Александрычъ и отперъ тяжелый замокъ, висѣвшій на желѣзныхъ дверяхъ

Сіонской горницы. Взомель онъ туда только съ братомъ и дворецкимъ. Прочіе остались на прежнихъ мѣстахъ въ глубокомъ молчаньи. Одиъ Софронюшка вполголоса лепеталъ какую-то бессмыслицу да дьяконъ, соскучась что долго не отворяютъ дверей, заголосилъ:

— *Возьмите врата князи ваия и возмיתесь врата стѣпныя и увидятъ царь славы! Кто есть сей царь славы? Господь силъ—той-есть царь славы!* *

Какъ ни удивали Мемвова ѳѳму не было. Очень ужъ расходился зычный голосъ отца дьякона.

Растворились наконецъ двери и Божьи люди одиъ за другимъ вошли въ ярко освѣщенную Сіонскую горницу. Тамъ въ двухъ старинной работы люстрахъ похожихъ на церковные лавикадила, со множествомъ граневыхъ хрустальныхъ подвѣсокъ горѣло больше полусотни свѣчъ. Въ трехъ углахъ и по сторонамъ дверей входной и другой что выходила въ корридоръ стояли высокіе бронзовые канделябры тоже съ зажженными свѣчами, а въ переднемъ углу предъ образами теплилось двѣнадцать разноцвѣтныхъ лампадъ. Весь потолокъ былъ расписанъ искусной кистью извѣстнаго въ свое время художника Боровиковскаго, ** бывшаго въ кораблѣ Татариновой и прѣзжавшаго въ Луловицы для живописныхъ работъ въ только что устроенной тамъ Сіонской горницѣ. На потолкѣ были изображены парѣвшіе въ небесахъ ангелы, серафимы, керувимы, девятью кругами летали они одиъ кругъ въ другомъ, а въ срединѣ парѣлъ Святый Духъ въ видѣ голубя съ сіяніемъ, озаряющимъ парящіе круги силъ небесныхъ. По стѣнамъ развѣшаны были картины того же художника *Распятіе плоти, Изліаніе благодати, Ликовствованіе, Ангельскій соборъ* точно такой же какъ на потолкѣ, а возлѣ него соборъ Катерины Филипповны ***.

* *Псаломъ XXIV.*

** Совѣтникъ Академіи Художествъ, ученикъ Лампи (ум. въ 1825 году) былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ хамтовскаго корабля Татариновой. Въ 1819 году онъ на потолкѣ Сіонской горницы, бывшей въ квартирѣ Татариновой, въ Михайловскомъ замкѣ, написалъ Святаго Духа, окруженнаго девятью кругами небесныхъ силъ. Писалъ также картину съ портретами членовъ корабля и другіе. Онъ ѣзжалъ и въ провинціи къ богатымъ хамстамъ-помѣщикамъ,

*** Татариновой.

Она была изображена сидящею среди участниковъ „духовнаго союза“, между ними генералъ Луповицкій съ женой, трое важныхъ духовныхъ особъ, вѣсколько человекъ со звѣздами, на одномъ низенькомъ старичкѣ была даже андреевская. Вдоль стѣвъ были разставлены стулья и диванчики, другой мебели въ Сіонской горницѣ не было, кромѣ стола въ переднемъ углу, накрытаго чистой скатертью изъ гладкаго серебрянаго глазета. На немъ лежали золотой нап্রেстьольный крестъ и въ дорогомъ окладѣ Евангеліе.

Кто ни входилъ въ Сіонскую горницу клалъ по вѣскольку земныхъ поклоновъ предъ образами и предъ картинами, и послѣ того уходилъ въ корридоръ. Остались Лукерьюшка съ Василисой; по приказу Матрены онѣ сидѣли у входной двери. Вскорѣ пришла Марья Ивановна въ черномъ платьѣ и привела Дулю. На ней было бѣлое платье изъ лике, подпоясанное бѣлой лентой, на головѣ и на шеѣ бѣлые изъ плотной шелковой ткани платки, даже башмаки были бѣлые атласные. Ни серегъ въ ушахъ, ни колець на пальцахъ. Одѣвая ее Марья Ивановна даже золотой тѣльной крестъ смѣнила ей на деревянный и повѣсила его на бѣломъ сукрѣ.

Посадила Марья Ивановна Дулю возлѣ Лукерьюшки, по другую сторону сама сѣла.

Поразилъ Дулю видъ ярко освѣщенной и своеобразно убранной Сіонской горницы. Она пришла въ недоумѣнье, и на все смотрѣла удивленными глазами.

— Чтѣ это такое? спросила она у Марьи Ивановны, указывая на потолокъ.

— Девять чиновъ ангельскихъ въ небесномъ восторгѣ носятя кругами, а среди ихъ Духъ Святой, сказала Марья Ивановна. Знаешь стихеру на Благовѣщенье: „*съ небесныхъ круговъ слетѣлъ Гавріилъ*“. Вотъ они тѣ небесные круги. Такими же кругами должны и мы носиться предъ Богомъ, и прославлять его въ „*пѣсняхъ новыхъ*“. Увидишь, услышишь....

— А этѣ что? спросила Дуля указывая на картину *Ликоствоаніе*. На ней изображенъ былъ Христосъ съ овечкой на рукахъ, среди круга ликующихъ ангеловъ. Одни изъ нихъ пляшутъ, другіе плещутъ руками, третьи играютъ на гусляхъ, на свирѣляхъ, на скрипкахъ, на трубахъ. Внизу царь Давидъ пляшетъ съ арфой въ рукахъ и плещущіе

руками пророки и апостолы. Подвела Марья Ивановна Душу къ картинѣ.

— Читай, сказала она. Видишь надъ Христомъ что написано? „Обрѣтохъ овцу мою погибшую.“ Читай теперь нижнюю надпись: „такъ радость будетъ на небесахъ о единомъ грѣшникѣ кающемся нежели о девяностати и девяти праведникѣ, иже не требуютъ покаянія“. * Такое ликовствованіе бываетъ въ небесахъ, такое же и здѣсь у насъ бываетъ. Увидишь. — Не блазнись только, но съ вѣрою твердо держи на умѣ что врагъ не дремлетъ и такіа теперь противъ тебя козни будутъ строить какихъ никогда еще не строивалъ. Не хочется ему чтобъ ты ругаясь его міру и злой его власти, вошла во святыи кругъ Божьихъ людей. Всячески онъ будетъ соблазнять тебя!... Какъ только начнетъ святое дѣло ни на шагъ не отойду отъ тебя. — Сказывай мнѣ каждую мысль, каждое сомнѣнье, каждое недоумѣнье. Нарочно не пойду во святыи кругъ чтобъ быть везаѣ тебя.

— Что жъ здѣсь такое? Ни такого убранства, ни такого множества свѣчъ никогда я не видывала, молвила Душа.

— Здѣсь Сионская горница, сказала Марья Ивановна. — Такая же въ какой нѣкогда собраны были апостолы когда сошелъ на нихъ Духъ Святыи. И здѣсь увидишь то же самое. Смотри продолжала она, подходя съ Душей къ картинѣ *Изліяніе благодати.*

— Это что? спросила Душа.

— Видишь — отрокъ въ бѣлой одеждѣ, сказала Марья Ивановна. Видишь, раскрылись надъ нимъ небеса, видишь Духъ Святыи изливаетъ на него благодать свою. Такъ и здѣсь въ Сионской горницѣ она невидимо на кругъ Божьихъ людей изливается. „Тайная вечеря“ здѣсь уготована, сокровенная небесная тайна земнымъ людямъ здѣсь открывается. Блюди же себя, храни душу отъ лукаваго, о каждомъ помыслѣ говори мнѣ... Забудь о мірѣ и его суетахъ, забудь и о тѣлѣ своемъ, будь равнодушна ко всему что есть въ мірѣ. — Тотъ лишь достигаетъ блаженства, кто вида не видитъ, кто слышитъ не слышитъ... Тотъ блаженъ, кто глухъ къ говору сердца, тотъ лишь блаженъ и преблаженъ, кто въ печали не скорбитъ и въ счастья не радуется.

* Луки XV—6 и 7.

Тотъ блаженства преисполненъ, для кого и радость и горе, и счастье и несчастье равны. Главное—возненавидь свое тѣло, возненавидь его какъ темницу души, построенную врагомъ Бога и человѣковъ... Сама посуди для чего это тѣло? На что оно уготовано? Чтобы черви потомъ съѣли его. Какая-ни будь жемская красота, хоть бы весь міръ не могъ удивиться ей — что такое она?... Паща могильныхъ червей.... Да и что это за тѣло? Помядъ нечистотъ, называть ихъ даже за стыдъ почитается самими чувственными людьми. Кости, мясо, жилы, кровь желчь—вотъ и все!.. Возьми каждое порознь — мерзость... А все вмѣстѣ красивая состроенная лукавымъ тюрьма для святой и вѣчной души человѣческой, излитая изъ самого Божества.— Давно хотѣла я сказать тебѣ все это, но обсудивши, оставила до телерешившихъ минутъ, когда во очію увидишь корабль людей Божьихъ, управляемый небеснымъ кормщикомъ Святымъ Духомъ. Убивай грѣшное тѣло, умерщвляй лакомную плоть свою, не давай врагу веселиться. Всячески утомляй тѣло постомъ и трудомъ чтобъ не смѣло оно скверное съ духомъ бороться.

Молчала Дуля, складывая въ сердцѣ своемъ слова Марьи Ивановны.

LXXXIII.

Вошелъ въ Сіонскую горлицу Николай Александрычъ въ длинной до самыхъ латъ рубахѣ изъ тонкаго полотна, съ необыкновенно широкимъ подоломъ. Подпоясанъ онъ былъ малиновымъ шелковымъ смуркомъ, на ногахъ оди чулки. Въ правой рукѣ держалъ онъ пальмовую вѣтвь, въ лѣвой бѣлый платокъ. Черезъ плечо у него было перекинута тонкое полотняное полотенце безъ кружевъ, безъ вышивокъ. Также точно были одѣты и Андрей Александрычъ, и Кисловъ; и Строицкій. Варвара Петровна съ дочерью и Катенька въ такихъ же точно рубашкахъ, шеи у нихъ были повязаны батистовыми, а головы шелковыми бѣлыми платками. Остальные люди Божьи въ такихъ же одеждахъ, только не голландскаго полотна, а тонкаго крестьянскаго холста. У всѣхъ въ рукахъ пальми, у всѣхъ бѣлые платки и у каждаго черезъ плечо полотенце. Платки „покрывцами“, полотенца—„знамѣнами“ назывались.

Медленными шагами, съ важностью во взорѣ, въ походкѣ и голосѣ, подошелъ къ столу Николай Александрычъ, повторяя: „Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!“ Прочіе стали предъ нимъ полукругомъ — мужчины направо, женщины налево. И начали они другъ другу кланяться въ землю по три раза и крестились обѣими руками.

— Зачѣмъ они другъ на друга молятся? прошептала Дуля. Развѣ можно на людей молиться? Вѣдь они не святые, не угодники.

— Именно они святые угодники, сказала Марья Ивановна. Великою цѣной искулены они Богу и Агнцу. Всѣ мы святые праведные, вѣтъ между ними ни большаго, ни малаго, всѣ мы едино во Христѣ. Ни мужъ, ни жена, ни рабъ, ни господинъ, ни богатый, ни убогій, ни знатный, ни нищій — не разнятся въ Сионской горащцѣ.—Всѣ равны, всѣ равно святые и праведны.

— Да зачѣмъ же на людей молиться? въ недоумѣньи спрашивала Дуля.

— А помнишь заповѣдь? сказала Марья Ивановна. „Не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, да не поклонишися имъ и не послужиши имъ“... Когда бываемъ мы въ искаженной и забытой Божьей уставы мірской церкви-то и мы поклоняемся подобіямъ, образуемъ то-есть, но дѣлаемъ это только для того чтобъ избѣгать подозрѣнья. А здѣсь, въ тайнѣ отъ людей темныхъ, не разумѣющихъ силы Писанія, поклоняемся единому истинному образу и подобію Божію... Въ чемъ Его образъ и подобіе?... Въ человѣкѣ... Одного человека создалъ Господь по образу своему и подобію. Не тѣло—свѣтъ червей, а душа, изліяніе Его Божества, образъ Его и подобіе. Ей Божья люди поклоняются.

Свѣтъ у стола Николай Александрычъ, остальные разсѣлись по стульямъ и диванчикамъ. Мало посидя всталъ онъ и поклонясь собранію въ землю возгласилъ:

— Простите, братцы и сестрицы мои любезные, простите ради Государя нашего милостиваго, ради батюшки нашего свѣта Искупителя, ради Духа Святаго нашего утѣшителя.

И всѣ ему земно поклонились. И каждый кланяясь приговаривалъ:

— Ты насъ прости батюшка, ты насъ прости красное солнышко, ты насъ прости труба живогласная!.. Созови къ намъ съ небесъ Духа Святаго утѣшителя, покрой насъ грѣшныхъ Господнимъ покровомъ!..

Снова кормицкѣ сѣлъ у стола, выдвинулъ ящикъ, вынулъ книгу, сталъ читать ее. Всѣ слушали въ молчаніи съ напряженнымъ вниманьемъ, кромѣ блаженнаго. Разлегся юродъ на диванчикѣ и какую-то челуху бормоталъ про себя. А Николай Александрычъ читалъ житіе индѣйскаго царевича Иоасафа и наставника его старца Варлаама, читалъ еще объ Алексѣѣ челоѣкѣ Божиємъ, читалъ житіе Андрея Христа ради юродиваго. Потомъ говорилъ поученіе:

— Прославляйте Бога въ грѣшныхъ тѣлесахъ, прославляйте Его во святыхъ душахъ вашихъ. Плоть смиряйте, безъ жалости умерщвляйте, душу спасайте, изъ вражьей темницы свободжайте. Лукавому не предавайтесь, бѣгайте его, храните чистоту тѣлесную и душевную. Тѣлесную чистоту постомъ надо хранить, трудами, цѣломудріемъ, больше всего цѣломудріемъ... Вы мужескъ полъ сколь можно рѣже глядите на женъ и дѣвицъ. Вы жены и дѣвицы луце огня муцияз опасайтесь, врагъ не дремлетъ, много святыхъ и праведныхъ погублялъ ояз плотскою страстью. Ничего что живетъ и что движется на землѣ и въ воздухѣ отнюдь не вкушайте, рыбу вкушать можно, а лучше и ее въ ротъ не брать. Вина не пейте, ни браги, ни нива, ничего хмѣльнаго—вино кровь самого князя враговъ Божьихъ—бойтесь къ нему прикасаться, оно проклято Богомъ Вышнимъ. Всего лучше, всего праведнѣй—духомъ питаться, тѣлесный голодъ плѣниемъ и радѣниемъ утолять... На свадьбы, на родины, на крестины, даже на похороны не ходите, суетныхъ мирскихъ веселій бѣгайте какъ огня, всячески чуждайтесь ихъ. То служеніе врагу, отду лжи и всякаго зла. Сердце чисто въ себѣ созиждите, духъ правды храните въ душахъ своихъ праведныхъ.

И долго, говорилъ Николай Александрычъ поученіе. Дунѣ оно понравилось.

Близко къ полночи. Стала Божья люди лѣть духовныя пѣсни. Церковный канонъ Пятидесятницы пропѣли со стихерами, съ сѣдальными, съ тропарями и кондаками. Тутъ дяконъ отличался—гремѣлъ на всю Сіонскую горницу. Потомъ пѣсальмы стали лѣть и стихи духовные. Не удивилась имъ Дуля—тѣ же самыя пѣсальмы, тѣ жъ духовные стихи, что слышала она въ Комаровекомъ скиту въ келарѣ добродушной матери Виривен, а иногда и въ кельѣ самой матушки Манеен.

На колокольнѣ сельской церкви двѣнадцать ударило.

Домеслись звуки и въ Сіонскую горицу. Запѣли Божьи люди церковную пѣснь: *Се ѻсениахъ грядетъ съ полунощи*, а потомъ новую пѣснь, тоже по скитамъ еще знакомую Душѣ. Хоть и не слово въ слово, а та же самая пѣсньма что и скитская.

Тайно восплаещемъ руками,
Тайно восплаещемъ, духомъ веселяще,
Духовныя мысли словесно поаодяще!..
Яко руками восплаещемъ устами—
Духъ Святый съ нами, Духъ Святый съ нами!
Гласы различны днесь съединяйте,
Новыя пѣсли Агаду испѣвайте,
Духъ Святъ насъ умудраетъ,
Яко же хоцетъ дары раздѣляетъ—
Дары превелики—апостоальски лики,
Ангельское пѣнье, небесно радѣнье..
Дары премноги шлетъ Духъ во языки,
Шлетъ во языки, шлетъ во языки..
Мужие и жены, силы исполнция,
Яко пѣань язычникомъ авшася,
Древле не знакъ, сташа познанья,
Гласы преславны, гласы преславны!..
Въ немощахъ силу намъ Богъ обѣщаетъ,
Духъ Святый здѣсь приходъ свой совершаетъ,
Изъ пастырей—царей, изъ немудрыхъ рыбарей
Апостоловъ творить, апостоловъ творить!

Только что кончили пѣсньму воѣ по знаку Николая Александрыча вокочили съ мѣстъ и бросились на средину Сіонской горицы подъ изображеніе Святаго Духа. Прибѣжалъ туда и блаженный Софронушка. Поднявъ руки кверху и взирая на святое изображеніе, жалобнымъ заунывнымъ нагѣвомъ запѣли Божьи люди главѣйшую свою пѣсню, что зовется ими „молитвою Господней“.

Дай къ намъ Господи, дай къ намъ Ісуса Христа,
Дай къ намъ Сына Божьяго и помилуй, Сударь, насъ!..
Пресвятая Богородица упреси за насъ Сына твоего,
Сына твоего, Христа Бога нашего,
Да тобою спасемъ души наши многоргѣшныя. *

* Изъ производившихся о каметахъ дѣлъ извѣстно что эта молитва была у нихъ въ употребленіи еще въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Ея начинается каждое собраніе Вежскихъ людей. Каметовскихъ пѣсень извѣстно не одна тысяча: имья неются въ одномъ корабѣ, другія въ другомъ, но „Дай къ намъ Господи“ во

Громче и громче раздавалась хамстовская пѣсня. Закинувъ головы назадъ, разгорѣвшимися глазами смотрѣли Божьи люди вверхъ на изображеніе Святаго Духа. Поднятыми дрожащими руками они будто манили къ себѣ свѣтозарнаго голубя. Съ блаженнымъ сдѣлался припадокъ паучей, грянулся онъ о землю, лицо исказилось судорогами, вокругъ рта закаубилась пѣна. Добрый знакъ для людей Божиихъ—скоро на него „накатило“, значить скоро и на весь соборъ Духъ Святой накатитъ.

Только что кончилось пѣніе „молитвы Господней“ женскимъ составили кругъ, а внѣ его другой составилъ изъ мушницъ. „Новую пѣсню“ запѣли.

Царство, ты царство, духовное царство,
 Во тебѣ во царствѣ благодать великая,
 Праведные люди въ тебѣ пребываютъ,
 Живутъ они себѣ, ни въ чемъ не унываютъ..
 Строено ты царство ради изгнаныхъ,
 Чтò на свѣтѣ были мучимы и гнаны,
 Чтò вѣрою жили, правдою служили,
 Отъ чистаго сердца Бога возлюбилы.
 Ктò Бога возлюбитъ Его не забудеть,
 Часте вспоминаеть, тяжело вздыхаетъ:
 „Богъ Ты, нашъ Создатель, всякихъ благъ податель,
 „Дай намъ ризы бѣлы и помыслы чѣсты,
 „Ангельскаго хлѣба ео седьмаго неба,
 „Сошли къ намъ Создатель, не умори голодомъ,
 „Избави отъ глуда, избави отъ ада,
 „Не лиши духовнаго своего царства!“ *

Половинамъ еще пѣсни не пропѣли, какъ началось „радѣнье“. Стали ходить въ кругахъ другъ за другомъ мушницъ по соавцу, женщины противъ. Ходили прискакивая на каждомъ шагу, сильно толкая ногами, размахивая пальцами и плат-

всѣхъ непремѣнно. Ее пѣвали и у Татаршиной, гдѣ участвовали очень знатныя лица, ее въ прошломъ столѣтіи пѣвали въ тѣхъ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ Москвы, откуда и распространилась по народу хамстовщина. Ее поютъ и во всѣхъ крестьянскихъ домахъ, гдѣ только собираются Божьи люди. Есть нѣсколько вариантовъ этой пѣсни, но они незначительны. Здѣсь приведена она въ томъ видѣ какъ пѣвалась она у Татаршиной и у другихъ хамстовъ изъ образованнаго общества.

* Редакція пѣсни изъ корабля Татаршиной. Есть и варианты.

ками. * Съ каждой минутой скаканье и бѣганье становились быстрѣй, а лѣвіе громче и громче. Струится потъ по распаленнымъ лицамъ, горять и блуждаютъ глаза, груди у всѣхъ тяжело подымаются, всѣ задыхаются. А лѣсня все громче да громче, бѣгъ все быстрѣй и быстрѣй. Переходить малѣе въ самый скорый. Поютъ люди Божьи:

Какъ у нашего Царя, Христа батюшки,
Такъ положено, такъ уложено:
Кому въ ангелахъ быть и архангеломъ служить,
Кому быть во пророкахъ, кому въ мученикахъ,
Кому быть во святыхъ, кому въ праведныхъ.—
Какъ у нашего царя, Христа батюшки
Ужъ и есть молодцы, все молодецкіе,
Они ходять да гуляють по Сионской по горѣ,
Они трубать во трубы живогласныя,
Отъ нихъ слышны голоса во седьмыя небеса...
Какъ у нашей-то царицы Богородицы—
У неа свои поаки, все дѣвическіе,
Онѣ ходять да гуляють во зеленомъ во саду,
Во зеленомъ во саду, во блаженномъ во раю,
Онѣ яблочки-то рвутъ, на заатомъ блаудъ кладуть,
На заатомъ блаудъ кладуть, въ теремъ Матускѣ несуть.
Государыня примала, милость Божью послала,
Духа Свята въ нихъ всеала и дѣвицамъ прорекала:
„Ай вы дѣвушки, красномѣвушки,
„Вы радѣйте да молитесь, лѣсни пойте, не дѣлитесь,
„За то васъ Государь станетъ жаловать, дарить,
„По плечамъ ризы кроить, по всему раю водить.“

Вдругъ лѣсня оборвалась. Перестали прыгать и молча разсѣлись мушкетеры по одну сторону горницы, женщины по другую. Никто ни слова, лишь тяжелые вздохи утомившихся Божьихъ людей слышны. Но никто еще изъ нихъ не достигъ изступленнаго восторга.

— Ни на кого не накатило! жалобно молвилъ старый матросъ. Никому еще не сослалъ Господь даровъ своихъ. Не воздвигъ пророка!.. Изволь кормицкѣ дорогой, отецъ праведный, святой, намъ про Духа провѣстить, сказалъ онъ вставъ съ мѣста и кланяясь въ ноги Николаю Александрычу.

И другіе подходили къ кормицку и земно кланялись ему, прося возвѣстить отъ Святаго Писанія какъ Духъ сходитъ

* Это называется „радѣние корабельное“.

на Божьихъ людей. И мужины подходили, и жещицъ большая часть.

Подоселъ къ столу Николай Александричъ, взялъ крестъ и высоко подъялъ его. Стали на колѣна, и Софронюшка сталъ. Стахъ его приладокъ.

— Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ! торжественнымъ голосомъ возгласилъ кормщикъ. Отъ Бога, отъ Христа, отъ Духа Святаго возвѣщаю вамъ слово, братцы и сестрицы любезныя!... Скажу вамъ, возлюбленные, не свои рѣчи, не слова человѣческія, повѣдаю что самъ Богъ говоритъ: „въ послѣдніе дни изаю отъ Духа Моего на всякую плоть и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши видѣнія узрять, и старцы ваши сонія увидать и на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ изаю отъ Духа Моего и будутъ пророчествовать... И дамъ чудеса на небеси и знаменія на землѣ.“ *

— Глаголетъ Богъ! густымъ басомъ залѣлъ дяконъ и всѣ другіе тоже пролѣли.

И стоя на колѣняхъ, подъявъ руки кверху, потрясая пальмовыми вѣтвями и махая платками „мавать“ Святаго Духа.

Подай Господи!
 Тебѣ Господи
 Порадѣть послужить,
 Во святомъ кругу кружить,
 Духа съ небеси сманить,
 Да въ себя заманить!
 Собирались мы дружки
 Во святы Божьи кружки,
 Грѣшныя плоти умерщвлять,
 Души къ небу обращать,
 Бога лѣтъ воспѣвать.
 Ужь мы пѣли, воспѣвали,
 Руки къ небу водѣвали,
 Соколá птицу макали:
 Ты лети, лети соколъ
 Высоко и далеко
 Со седьмага небеси
 Намъ утѣху примеси—
 Духа истиннаго,

* Дьянія II—1 7и 18.

Животворнаго,
 Чудотворнаго!
 Мы тѣмъ Духомъ завладаемъ,
 На соборѣ закатаемъ...
 Накатись, накатись,
 Святый Духъ къ намъ принесись
 Согрѣй вѣрныхъ сердца,
 Сотвори въ насъ чудеса,
 Избери себѣ слугу
 На святомъ Божьемъ кругу,
 Прореки въ немъ, прорекай,
 Грѣхи наши облачай,
 А праведныхъ утѣшай,
 Ахъ ты!... Духъ Святъ, голубокъ,
 Нашъ бѣлескій воркунокъ!...
 Не пора ли тебѣ, Сударь
 На сыру земаю слетѣть,
 На труды наши возвратъ?...
 Скати батюшка, скати,
 Скати гость дорогой
 Во чертогъ свой золотой,
 Въ души праведныя,
 Въ сердца пламенныя.
 Богу слава и держава
 Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Кончилась „новая“ лѣсня, но всѣ еще оставались на ко-
 лѣняхъ съ воздѣтыми руками, умиленно взирая на изобра-
 женіе Святаго Духа, парящаго среди девяти чиновъ ан-
 гельскихъ. Стали потомъ класть земные поклоны и кре-
 ститься обѣими руками, а Николай Александрычъ читалъ
 на расплѣвъ:

— Благослови насъ Государь нашъ батюшка, благослови
 Отецъ родной на святой Твоей кругъ стать, въ духовной ба-
 нѣ омыться, духовнаго лива налиться, Духомъ Твоимъ на-
 сладиться!... Изволь батюшка Творецъ здѣсь поставитъ свой
 дворецъ, испослать къ намъ благодать—Духомъ дай намъ
 завладать!

Тутъ разомъ всѣ вскочили. Большая часть женщинъ и
 нѣкоторые изъ мужчинъ сѣли, другіе стали во „святой
 кругъ“: Николай Александрычъ стоялъ посрединѣ, вокругъ
 его Варенька, Катенька, горничная Серафима и три богаты-
 ленныя. За женскимъ кругомъ сталъ мужской.—Тутъ былъ

Кисловъ и Строицкій, дворецкій Сидоръ, Пахомъ, пастычкѣ Кирила, матросъ. И блаженный Софронюшка, калѣвая безсмыслицу и махая во всѣ стороны пальмовой вѣткой подскакалъ на одной ногѣ, сталъ во „святomъ кругу“. Началось „круговое радѣнье“.

— Христосъ воскресъ! кричалъ Николай Александрычъ. Братцы, сестрицы! Хорошенько порадайте, Батюшку, утѣшите!... Не лѣнитесь, порадайте, своимъ лѣтомъ вы облейте мать сырую землю!... Освятите вы ее чтобы враги не бродили, одни ангелы ходили, чистоту бы разносили промежъ Божьихъ людей!... Братцы, сестрицы любезны, удаляйтесь вы бездны, походите во кругу — во святomъ Божьемъ дому!... Хорошенько порадайте, вы Марію позовите, грѣшну Марю прогоните!... * Поднимайте знамена въ послѣдніи времена, послужите вы Отцу, Богу нашему Творцу!...

И вдругъ смолкъ. Быстро размахнувъ полотенцомъ, висѣвшимъ до того у него на плечѣ, и потрясая пальмовой вѣткой онъ какъ спущенный волчокъ завертѣлся на лѣткѣ правой ноги. Всѣ что стояли въ кругахъ, и мужчины и женщины, съ кликами: „поднимайте знамена!“ также стали кружиться, неустово размахивая пальмами и полотенцами. Тѣ что сидѣли на стульяхъ разостлали платки на колѣняхъ и скорымъ лясковымъ калѣвомъ залѣли „новыя лѣсны“, при-топылая въ ладъ лѣвой ногой и похлопывая правой рукой по колѣнамъ. Поютъ:

Рай ты мой, рай,
Пресвѣтлый мой рай!...
Во тебѣ во рай
Батюшка родимый,
Красное солнышко,
Весело ходитъ,
Рай освѣщаетъ,
Бочку выкатаетъ...
Бочка ты бочка,
Серебряна бочка,
На тебѣ на бочкѣ
Обручъа заатые,

* Хамсты, также послѣдователи нѣкоторыхъ рационалистическихъ сектъ (молокане, духоборцы, и проч.), отрицають дѣйствительность существованія евангельскихъ сестеръ Лазаря, утверждая что это притча и что Марія означаетъ душу, а Марса плоть.

Во тебѣ во бочкѣ
 Духовное пиво,
 Новое пиво
 Духа пресвятаго,
 Пророка живаго...
 Станемте мы други
 Бочку расчипати,
 Пиво распивати,
 Бога Государа
 Въ помощь призывати,
 Авось нашъ надѣжа
 До насъ умилится,
 Во сердца во наши
 Омъ, свѣтъ, преселится...
 Завладеатъ надѣжа
 Душою и сердцемъ,
 И всѣмъ помышляемъ,
 Омъ станетъ гостити,
 Про все намъ вѣстити.

Живѣи и живѣе валѣвъ, быстрѣи и быстрѣе вертятся въ кругахъ. Не различить лица кружащихся. Радѣльиыя рубахи съ широкими подолами раздуваются и кажутся бѣлыми колоколами, а надъ ними полотенца и нальмы. Вѣтеръ пошелъ по Сионской горницѣ: одна за другою гаснутъ свѣчи въ люстрахъ и канделябрахъ, а дьяковъ свое:

*— Бысть шумъ яко же носилу дѣланію бурну и исполни дождь, иждъ же блгу съдѣице и вси начаша глаголати странными глаголы, странными учении, странными повелѣніи сѣтныя Троицы. **

Быстрѣи и быстрѣе кружатся. Дикіе крики, рѣзкій визгъ, неистовые воли и стеванья, топотъ ногами, хлопанье руками, шумъ подошовъ радѣльиыхъ рубахъ, вестройиыя лѣсны сливаются въ одинъ зычный, потрясающій ревъ... Всѣ дрожать, у всѣхъ глаза блещутъ, лица горятъ, у ильиыхъ волосы становятся дыбомъ. То одинъ, то другой восклицаютъ:

— Ай Духъ! Ай Духъ! Царь Духъ! Богъ Духъ!

— Накати, накати! визгливо волятъ другіе.

— Ой! Ева! Ой! Ева! хрипыми голосами и задыхаясь истуллевно въ дикомъ порывѣ восклицаютъ третьи.

* Изъ стихеры на день Пятидесятницы.

— Благодать! Благодать! одиѣ съ рыданьемъ и стовами, аругія съ безумнымъ хохотомъ голосать во всю мочь вергящіяся женщины.

Со всѣхъ льеть потъ ручьями, на всѣхъ взмокли радѣль-аыя рубахи, а Божьи люди все радѣють, изрѣдка отирая аицо полотенцомъ.

— Это духовная баня. Вотъ истинная, настоящая баня пакибытія, вотъ истинное крещеніе водою и духомъ, говорила Дуяъ Марья Ивановна, показывая на обливающихся потомиъ Божьихъ людей.

Съ удивленьемъ и страхомъ смотрѣла Дуяъ на все что происходило предъ ея глазами, но ее не ужасало невиданное дотолѣ зрѣлище... Но чувствовала она что сердце у нея замираетъ, а въ глазахъ мутится ибудто въ сонъ впадаетъ она.

— Чтò съ тобой? спросила Марья Ивановна, замѣтивъ что вдругъ она поблѣднѣла.

Дуяъ сказала.

— Благодари Бога, молвила Марья Ивановна. Это значитъ Духъ тебя еще не приведенной въ истинную вѣру коснулся Своей благодатью:... Будешь, будешь по времени Богомъ обладать!.. Велика будешь въ Божьемъ дому—во пресвѣтломъ во раю.

Блаженный радѣль съ великимъ усердіемъ, выкликавал непонятныя слова. Наконецъ закричалъ:

— Пива, пива!

Быстрѣй закружились въ кругахъ, а сидѣвшіе привска-кивая на стульяхъ громче и еще болѣе скорымъ напѣвомъ запѣли:

Эй, кто пиво варилъ? Эй, кто затираалъ?
 Варилъ пивушко самъ Богъ, затираалъ Святой Духъ,
 Сама Матюшка славала, съ Богомъ вкулъ пребывала,
 Святы ангелы носили, херувимы разносили
 Херувимы разносили, архангелы подносили...
 Скажи батюшка родной, скажи гость дорогой,
 Отчего пиво не льяно? Али гостю мы не рады?
 Рады батюшка, родной, рады гость дорогой,
 На сватомъ кругу гулять, Бога свѣта прославлять,
 Въ золоту трубу трубить, въ живогласку возносить *

* Эта пѣсня сдѣлалась извѣстною изъ донесенія Святейшему Си-ноду одного изъ кадужеккихъ священниковъ, который самъ уча-ствовалъ въ камстовскихъ радѣвяхъ. Пѣсня эта была нѣсколько разъ напечатана.

Громче и еще неистовѣй кричитъ блаженный:

— Пива, пива!

И упалъ въ судорогахъ и корчахъ на полъ. Пѣна пошла у него изо рта. А дьяконъ церковнымъ вальвомъ громкогласно поетъ изъ Пасхальнаго канона:

— *Приидите пиво піемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣльное, но нетлѣніа источникъ, съ нѣмъ же утверждаемъ.*

Тутъ Катенька вдругъ вся затряслась, задрожала и переставъ кружиться звонкимъ, рѣзкимъ голосомъ въ ужасъ закричала.

— Накатилъ!... накатилъ!...

Всѣ остановились. Едва перевода дыханье, пошатываясь ровно льяные лошаи всѣ къ стульямъ.

— Духъ Святы!... Духъ Святы!... накатилъ!... накатилъ!... громче прежняго кричала Катенька и грянулась на руки подбѣжавшей Матренушкѣ. Та довела ее до диванчика и съ помощью Варвары Петровны уложила. На другомъ диванчикѣ уложили бившагося о полъ блаженнаго.

Только что уложили Катеньку, радостными голосами заплѣли люди Божьи:

Ай у насъ на Дону
Самъ Спаситель во дому,
Со ангелами, со архангелами
Съ серафимами, съ херувимами,
И со всей-то силою небесною...
Эка милость, благодать
Стала духомъ обладать!...
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ. Аминь

Пока плѣли Катенька привстала. Она сѣла на диванчикъ и разъ десять провела пальцами по зардѣвшемуся какъ макъ лицу своему. Зарыдала она и едва переступая вышла на середину Сионской горницы. Глаза у ней горѣли необычнымъ свѣтомъ. Они остолбенѣли, зрачки расширились, полураскрытыя посинѣвшія губы безпрестанно вздрагивали, по лицу текли обильныя струи пота и слезъ, всю ее трясало и било какъ въ черной немочи *. Крѣпко стиснувъ руками голову и надрываясь отъ рыданій веровными шагами нетвердой поступью сдѣлала она впередъ

* Эпилепсія—то же почти что падучая болѣзнь.

нѣсколько шаговъ и осталовилась. Всѣ встали и обѣими руками начали креститься на Катеньку, а дяконъ возгласилъ:

— Возьмемъ! Премудрость! глаголетъ Богъ:

Всѣ на колѣни встали и начала Катенька возглашать „живое слово“, стала „трубить въ трубу живогласную“. Сначала „общую судьбу“ говорила, всему собранью „пророчество сказывала“.

— Вы любезныя мои дѣтушки! Святые, праведные Агяду и Милъ Богу искуленные первенцы!... Молите Меня Отца и будьте Милъ вѣрны до конца, за то не лишу васъ золотого вѣнца... Я Духъ Святъ съ вами пребываю, душевкы ваши въ небесный уборъ убираю... всѣ ваши помышленія Самъ Я Духъ Святъ въ сердцахъ вашихъ читаю... За добрый помыселъ сторицей заплачу, а лукаваго врага во гробъ заколочу... Не смѣлъ бы лугать мой небесный синодъ, не смѣлъ бы тревожить моихъ вѣрныхъ рабовъ... А надъ вами мои дѣтушки благодатный мой покровъ... Вотъ вамъ отъ Бога сказъ, отъ меня Духа Свята указъ... Оставайтесь Господь съ вами и покровъ Божій надъ вами!...

И на всѣхъ махала Катенька платкомъ что былъ въ рукахъ у ней. Покровцемъ называютъ его Божьи люди.

Всѣ встали и разсѣлись по стульямъ, одинъ блаженный все еще бился въ припадкѣ на диванчикѣ. Едва переступила, покачиваясь, медленно подошла Катенька къ Николаю Александрычу и тотъ, хоть и кормщикъ, сталъ предъ ней на колѣни. Стала ему Катенька „пророчество“ вылъвять:

— Здравствуй вѣрный, дордгой, избранный воинъ мой... Со врагомъ храбрѣй воюй, ни о чемъ ты не горюй! Я тебя, сынокъ любезный, за твою за вѣрну службу благодатью награжу—во царствіе предѣлю, съ ангелами поселю. Слушай отъ меня приказъ: оставайся Богъ съ тобой и покровъ мой надъ тобой.

И трижды махнула на него платкомъ, а онъ ей еще разъ до земли поклонился.

Пошла послѣ того отъ одного къ другому и каждому судьбу прорекала. Кого обличала, кого ублажала, кому семигравные вѣнцы въ раю обѣщала, кому о мірской суетѣ вспоминать запрещала. „Милосердыя и любовно все покрывающія обѣтованія“ больше она говорила. Подошла ко все еще лежавшему юродивому и такое слово сказала ему:

— Ты блаженный, преблаженный, блаженная твоя часть, что не можетъ прикоснуться никакая къ тебѣ острасть, и не сильна надъ тобою никакая земля власть!... Совѣсть крѣпкая твоя—смавишь птицу изъ раа. Ты радѣй, не робѣй: змѣя лютаго бей, ризу бѣлую надѣвай и духовно ливо пей!... Изъ очей слезы лей, птицу райскую лелѣй,—птица любитъ слезы пить и научитъ какъ намъ жить, Отцу Богу послужить, Святымъ Духомъ поблажить, всѣмъ праведнымъ послужить!... Оставайся Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою!...

Къ Марьѣ Ивановнѣ подошла, хоть та и сидѣла одама отъ круга Божьихъ людей. Встала Марья Ивановна перекрестилась обѣими руками, поклонилась въ землю и осталась на колѣняхъ. Затрубила пророчица въ трубу живогласную:

— Тебѣ любезная овца—живое слово отъ Отца, всемірнаго Творца, изъ небеснаго дворца. Пребуди въ вѣрѣ до конца. Къ Богу сердцемъ ты лылай! свое сердце надрывай!.. Я тебя, Богъ, доведу до Едемскаго края до блаженнаго раа. Я тебя доведу да и дочку приведу, будешь съ нею ликовать, въ вѣчной славѣ пребывать!... Ты на мѣотѣ на святомъ надъ чистомъ надъ ключомъ, устрой Божій домъ, буду Я, Богъ, жить въ немъ... Благодать наведу и къ Себѣ васъ приведу. А послѣдній тебѣ сказъ, крѣпкій Божій мой наказъ—оставайся Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою!...

Удивились люди Божию когда Катенька, отступя отъ Марьи Ивановны, подошла къ не приведенной еще Дуя, бывшей въ первый только разъ въ собраніи познавшихъ тайну сокровенную. Подошла она къ Дуя, хоть никогда ее прежде не видывала.

Оторопѣла Дуя, недвижно сидѣла она, влерея услуганный взоръ на Катеньку.

— На колѣни ставь!... на колѣни!... тиховько сказала ей Марья Иванова.

Но Дуя будто не въ себѣ была, ничего она не слышала, ничего не видѣла, кромѣ сверкавшихъ изступленьемъ глазъ пророчицы и жаромъ лышущаго лица ея.

— На колѣни становись!... Крестись предъ Духомъ Святымъ!... Въ землю кланайся! заговорила вкругъ нея, но Катенька вдругъ „затрубила въ трубу живогласную“ и всѣ смолкали.

— Стой, стой, крѣтко стой на ногахъ, зеленое мое древо, избрѣнное, возлюбленное!.. Открою Я тебѣ Отець великое Божіе дѣло, утѣшу, ублажу, въ сердце благодать вложу! Всю сокровенную тайну открою и тебя чистую овецку въ седьмомъ небѣ устрою... Дамъ тебѣ ризу свѣтла, серафимскія крылья, семиграннѣй вѣнецъ, и тутъ еще милости моеи къ тебѣ не конецъ. Я, Богъ, тебя никогда не оставляю, сотаю ангеловъ къ тебѣ приставаю. Со страхомъ, съ вѣрой, съ надеждой, съ любовью слушаи, мелорочная дѣва, пречистое Мое слово живое: въ тайну проникаи, знамя Божье поднимай, душу Духу отдавай! Хоть головушку тм сложишь, за то вѣрно маѣ лосаужишь, всѣмъ праведнымъ угодишь, свою душу украсишь, будешь Духомъ обладать, хвалы Бегу возсылать, будешь въ трубушку трубить, въ живогласку возносить. Оставайся Богъ съ тобою, покровъ Божій надъ тобою!..

И тражды по тражды махнула на нее покровцемъ.

Въ конецъ изумлены воѣ были. Рѣдко, „ходящіе въ словѣ“ обращаются къ неприведеннымъ еще въ корабль, не давшимъ еще страшныхъ клятвъ сохранять тайну сокровенную. И вдругъ такіа обѣтованія Дуи!

— Преславное видимъ, пречудное слышимъ здѣсь, братцы, сестрицы любезныя! возгласилъ Николай Александрычъ. Видимъ Духа прішествіе, слышимъ обѣтованія. Да исполнятся надежды наши скорымъ исполненіемъ пророчества! Да сбудется славное, великое прореченіе.

Какъ мертвецъ блѣдная въ оцѣлевѣніи стояла Дуя. Виѣ себя была она, дрожала всѣмъ тѣломъ и плакала. Бережно довела ее Марья Ивановна до ближняго диванчика и уложила. Варевька сѣла возлѣ Дуи, махая надъ ней пальмовой вѣткой.

А дьяконъ изо всей мочи заголосилъ обращаясь къ Дуи изъ *Пѣсни Пѣсней*:

— Вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ! Гряди отъ Ливана, невѣсто, гряди отъ Ливана!.. Прииди и ярейди изъ начала вѣры, отъ главы Самира и Аврмова, отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовыхъ...

— Подальше отъ нея отецъ Мемкомъ, она еще не привычна, сказала дьякону Варвара Петровна.

Дьяконъ отошелъ, но увятыся не могъ. И его восторгъ обуялъ. Легъ въ переднемъ углу на спляѣ, и неистово размахивая надъ собой пальмой продолжалъ свое:

— Сердце наше привлекла еси, сестро моя невѣсто! Сердце наше привлекла еси единымъ отъ очю твоею, единымъ мовиствомъ выи твоея!... Что удобрѣста сосца твоя, сестро моя, невѣсто? Что удобрѣста сосца твоя лаче вина, и вома ривъ твоихъ лаче всѣхъ аромать? Сотъ искапають устѣ твоя, невѣсто! Медъ и млеко подъ языкомъ твоимъ и благовоиѣ ривъ твоихъ яко благоуханіе Ливана!

— Да уймись же наконецъ, Мемлонушка! тиховько сказалъ ему Николай Александрычъ. За чѣмъ творишь построеніе въ домѣ Божіемъ?

— Духомъ вѣщаю, отвѣчалъ Мемлонъ.

— И вовсе не Духомъ, сказалъ Николай Александрычъ. Не возлагай хулы. Вѣдь это грѣхъ никогда и никѣмъ не прощаемый. Уймись, говорю.

— По мнѣ, пожалуй и замолчу, молвилъ дяковъ сквозь зубы, и сѣвъ на диванчикъ, низко склонилъ голову, думая: „хоть бы чайку лоскорѣй да поѣсть“.

Очувлся блаженнымъ, тоже на диванчикъ сѣвъ, зѣвнулъ раза четыре и посидѣвъ маленько платкомъ замахалъ.

— На Софронушку накатило! На блаженнаго накатило!.. заговорили люди Божьи.

Вышелъ блаженный на середину и сталъ во всѣ стороны платкомъ махать. Потомъ ломаясь и кривляясь съ хохотомъ съ визгомъ повесъ бессмысленную челуху. Но люди Божьи слушали его съ благоговѣньемъ.

— Слушай лѣсъ—боръ говорить, началъ юродивый... Игумень безумень—бомъ, бомъ, бомъ!.. Чайку да медку, да сахарцу! Нарве стане паризонъ, рама стане гаризонъ. *

И захохотавъ во все горло началъ прыгать на одномъ мѣстѣ, прилѣвая.

Тель, тель, потетель,
Выше города плетель,
Садись гаака на плетель!
Гаака хохауши—

* Эти бессмысленныя слова и подобныя имъ въ ходу у хамствова, особенно на Кавказѣ, гдѣ тамошніе „прыгунки“ (то же что хамсты) увѣряють будто это на іерусалимскомъ языкѣ. Непомытныя слова въ корабляхъ говорятся больше безумными и юродивыми которыхъ охотно принимаютъ въ корабли въ увѣренности что при ихъ участіи на другихъ Духъ Святой скорѣе сходитъ.

Спасеныя души,
Воробьи пророки—
Шли по дорогѣ,
Нашли они книгу.
Что въ той книгѣ?

Хоть и знали люди Божьи что Софронюшка завелъ извѣстную всѣмъ дѣтскую лѣсенку, но все-таки слушали его съ напряженнымъ вниманьемъ... Хоть и знали что „изъ гбсиа слова не выкинешь“ но слова: „наша пророки книгу“ возбуждало въ нихъ страстное любопытство. „А что ежели вмѣсто зююки * другое омы заложитъ и возвѣститъ откровеніе свмше.

Въ самомъ дѣлѣ блаженнымъ не зююку, а другое заложитъ:

А писано тамо:
„Савштраи сѣмо,
Калиста гандра,
Даралата шантра
Сункара луруша
Моя дѣва, Луша“. **

Только и повали Божьи люди что устами блаженного Духъ возвѣстилъ что Луша—Его дѣва.—Такъ инаме звали Лукерьюшку и съ того времени всѣ такъ стали звать ее. Твердо вѣрили что Луша будетъ „золотымъ избраннымъ соудомъ Духа“.

И стали ее ублажать, Варвара Петровна первая подошла къ ней и поцѣловала. Смугилась, оторопѣла бѣдная дѣвушка. Еще немного дней прошло съ той лорм какъ угнетенная велосиальной работой въ домѣ названнаго дяди она съ утра до ночи терпѣла полпреки да лобои ото всѣхъ домашнихъ, а тутъ сама барыня, такая важная, такая знатная цѣлуется и милуетъ ее. А за Варварой Петровной и другія—Варенька, Марья Ивановна, Катенька.

* Дѣтская лѣсенка. После слова „что въ той книгѣ“, такъ она продолжается:

Зююка, зююка,
Куда намъ катиться?
Вдоль по дорожкѣ, и пр.

Зююка—картавый, шепелявый.

** Въ двадцатыхъ годахъ въ кораблѣ людей Божьихъ оставшаго неаковника Александра Петровича Дубовицкаго, этими сло-

— Приидите другъ ко другу люди Божіи, церковнымъ явлѣвомъ залѣлъ Николай Александрычъ. Воздадимъ цѣлованіе ангельское, лобызаніе херувимское. Тако Духъ Святый поведѣ.

И всѣ стали цѣловаться, говоря „Христосъ воскрес!“ Только къ Душѣ да къ Лукерьюшкѣ съ Василисой никто не подходилъ—онѣ не были еще „приведены“.

Всѣ вышли въ корридоръ. Марья Ивановна осталась съ Душей въ Сіонской горницѣ. Остались тамъ и Душа съ Василисой.

— Ну что? спросила Марья Ивановна у Души.

— Я какъ во снѣ, отвѣтила Душа. Все такъ страшно, такъ диковинно... А сердце такъ горитъ, такъ и замираетъ.

— Пресвятый голубъ пречистымъ крыломъ своимъ коснулся твоего сердца, Душюшка, сказала Марья Ивановна. Вѣрь и молись, утаубляйся въ себя, а будучи на молитвѣ старайся задерживать въ себѣ дыханье * и тогда скоро приидетъ на тебя благодать. Насколько силъ твоихъ ставеть не вдыхай въ себя воздуха, онъ вѣдь оскверняетъ врагомъ, день и ночь летающимъ въ немъ... Бывали такіе праведники что задерживая дыханье достигали высочайшаго блага, освобожденія святой, чистой, Богомъ созданной души изъ грязнаго, грѣшнаго тѣла, изъ этой тюрьмы построенной ей на погибель лукавымъ врагомъ. Конечно такихъ немного, но блаженны и треблаженны они въ селеніяхъ горнихъ. Мѣсто ихъ среди серафимовъ, а серафимы самыя великія чины небеснаго воинства. Они одни окружаютъ огнезидный престолъ Царя царей и во всякое время видятъ лицо Его.

Подъ эти слова воротились люди Божіи. Они были уже въ обычной одеждѣ. Затухивъ свѣчи, всѣ вышли. Николай Александрычъ залеръ Сіонскую горницу и положилъ ключъ въ карманъ. Прошли нѣсколько комнатъ въ нижнемъ этажѣ... Глядь, ужъ утро, лѣтнее солнце подаялось ужъ высоко...

вами говорилъ одинъ изъ пророковъ. „Члены корабля думали что это по-индѣйски. Послѣдній стихъ въ нашей рукописи: „Майя дива луча“.

* Хлысты на молитвѣ и во время радѣній задерживаютъ дыханіе. Этому учили и древніе отшельники и пустынножители. Это же въ практикѣ и у индѣйскихъ факировъ, и у трамблеровъ Америки.

Свѣжестью пахнуло въ растворенныя окна большой комнаты, гдѣ накрытъ былъ столъ. На немъ разставлены были разныя яства: уха, ботвинья съ осетриной, караси изъ барскихъ прудовъ, сотовый медъ, варенье, конфеты, свѣжіе плоды и ягоды. Кипѣлъ самоваръ.

И сидѣли люди Божьи за трапезой спокойно и чинно. Проводили они время въ благочестивыхъ разговорахъ. Послышався благовѣстъ къ обѣднѣ и тогда лишь разошлись они по своимъ мѣстамъ и утомленные улеглись на постеляхъ.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКИЙ.

(Продолж. слѣд.)

ОЧЕРКИ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОЗСТАНІЯ *

XIX.

Около полудня, *покончивъ* съ Турками, то-есть снявъ съ убитыхъ платье, забравъ оружіе и находившіеся въ ранцахъ сухари, отрядъ нашъ вернулся на бивуакъ. Какъ говорится, „уборка“ поля битвы не потребовала много времени: турецкіе трупы нагіе и обезглавленные оставлены тамъ гдѣ ихъ застала смерть; своихъ покойниковъ и тяжело раненыхъ понесли съ собою на рукахъ. Одного только Вуле-Хаджича или вѣрнѣе трупа его положили для почета на сучья сложенные въ родѣ носилокъ и такъ несли.

Праѣора я засталъ на бивуакѣ разстроеннымъ и мрачнымъ. Голодь, отсутствіе всякихъ удобствъ, грязь и нечистота окружающаго, наконецъ двухдневная битва, все это сильно повлияло на него физически и нравственно.

— Моп амі, я не могу болѣе оставаться,—заявилъ онъ мнѣ рѣшительнымъ тономъ.—У насъ ничего нѣтъ, эти добрые инсургенты тоже голодаютъ, и потомъ, моп амі, я вамъ скажу что они очень нечистоплотны, а это при моей телерешней слабости особенно на меня дѣйствуетъ....

Праѣоръ былъ совершенно правъ. Дальнѣйшее пребываніе здѣсь было бы сопряжено съ большими лишениями. Къ тому

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 11, 12 и 4 и 4й 1878 года.

же не представлялось никакой надобности оставаться долѣе, такъ какъ главная цѣль поѣздки, а именно осмотръ Муратовицкаго поля битвы, была уже достигнута.

Пеко, съ которымъ я посоветовался насчетъ возвращенія, рѣшилъ что двинуться намъ въ путь слѣдовало или сейчасъ же, или на слѣдующій день на зарѣ, потому что самъ онъ около полудня пойдетъ въ противоположную сторону къ Гацко.

— Знаешь Злостуль и ту долину? сказалъ онъ при этомъ. Пока Турчинъ знаетъ что мы тутъ неподалеку, онъ не будетъ рыскать по долинѣ, онъ не посмѣетъ выйти изъ кулы. А какъ только услышатъ что мы ушли, онъ сейчасъ выйдетъ и будетъ сторожить прохожихъ. Такъ тебѣ надо скорѣе мимо Злостула. Самое лучшее было бы теперь ѣхать; одно только чтобы буря да ночь не захватили васъ на *берѣ*.

Я рѣшилъ двинуться въ путь ночью чтобы подойти на разсвѣтъ къ горамъ, перевалить черезъ нихъ возможно послѣднѣе и миновать Злостуль немного позже полудня.

Прайоръ несказанно обрадовался, узнавъ что черезъ нѣсколько часовъ мы тронемся „домой“. Андро и Симо, напротивъ, выслушали приказаніе быть готовыми къ ночи съ неудовольствіемъ и выразили это неудовольствіе каждый по своему.

— А дьяволе!—пробурчалъ только Симо и махнулъ рукой.

— А мы, поштованный господине, только успѣли руки себѣ размять. Послѣ завтра опять будетъ битка, добра битка.... Какъ же это намъ уходить предъ биткой. Позвольте намъ бѣднымъ хоть одного Турчина еще *послѣ*,—молилъ сладчайшимъ голосомъ Андро.

Явился даже *момакъ* нашъ приставленный къ мизгѣ съ заявленіемъ что такъ какъ это его „перва битка противъ Турака“, то уйти ему не побывавъ во второй „срамотно“.

Всѣ эти мольбы и протесты оказались, конечно, напрасными. Къ часу ночи нашъ караванъ долженъ былъ находиться въ полной готовности къ выступленію.

— А я безъ васъ видѣлъ господина герцога, сказалъ мнѣ повеселѣвшій и воспрянувшій духомъ Прайоръ.

— Какимъ образомъ? удивился я, потому что видѣлъ Дуку возлѣ Пеко во время дѣла.

— Да, мой ами. Онъ пришелъ изъ сраженія съ подвязанною рукой; онъ получилъ очень маленькую рану въ лѣвую руку.

— Гдѣ же онъ?

— Онъ ушелъ. Ему надо теперь поскорѣе подвѣчиться, такъ какъ онъ безъ руки не можетъ составлять планы для господина генералиссимуса Пеко....

— Что такое? какіе планы? Мысль о какой-нибудь новой продѣлкѣ Дуки мелькнула въ моей головѣ при этихъ наивныхъ словахъ Англичанина.

— Разные планы, топ ами, вы лучше меня знаете какіе, отвѣчалъ Прайоръ, недоумѣвая нѣсколько относительно моего удивленія, — планы сраженій и стратегическіе тоже... Онъ мнѣ такъ сказалъ самъ....

— Куда же онъ ушелъ?

— Не знаю. Онъ только сказалъ мнѣ что идетъ вздохнуть среди цивилизаціи.

— Взялъ онъ у васъ денегъ?

— Конечно, топ ами.

Это „конечно“ было сказано съ такимъ элическимъ добродушіемъ и убѣжденіемъ что я не могъ не разсмѣяться.

— Сколько онъ взялъ?

— Четыре дуката взялъ за вчерашнее *пари*; потомъ одинъ дукатъ за это вотъ. Прайоръ показалъ мнѣ маленькую турецкую засаленную книжку въ пергаментномъ переплетѣ.— Это, топ ами, *Коранъ*, настоящій *Коранъ* взятый господиномъ герцогомъ съ убитаго Турки.... Потомъ еще два дуката попросилъ у меня на лѣченіе....

— И вы ему и эти два дали?

— Да, топ ами. Онъ сказалъ мнѣ что это не столько для него самого какъ для дѣла, для господина Пеко и для этихъ добрыхъ инсургентовъ, потому что онъ имъ всѣмъ очень необходимъ.... Развѣ это не такъ, топ ами? прибавилъ Прайоръ замѣтивъ вѣроятно по моему лицу насколько я придавалъ вѣры этимъ розказнямъ.

— Конечно не такъ. Я вѣдъ васъ предупреждалъ и совѣтовалъ быть очень осторожнымъ съ Дукой.

— Да, это правда, топ ами, но онъ все такъ объясняетъ хорошо что нельзя сомнѣваться.... Право вы ошибаетесь. Вотъ, напримѣръ, его собственная расписка. Онъ могъ бы и не дать мнѣ ея; я даже сказалъ ему что мнѣ не нужно, что я и такъ вѣрю, но онъ прямо мнѣ отвѣчалъ: я, сэръ, никогда не занимаю денегъ безъ расписки. Это мое правило всегда и вездѣ. Я могу быть завтра, сегодня убитъ, а въ такомъ случаѣ

расписка моя—документъ въ вашихъ рукахъ... Это, мон ами, вы не можете сказать чтобы не было благородно.

— Но къ чему эта расписка? какой тутъ долгъ, когда деньги даны не взаймы?

— Это другія деньги.

Я не на шутку встревожился за Прайора, или скорѣе за карманъ его.

— Покажите мнѣ расписку.

— Вотъ, мон ами.

Въ распискѣ, безграмотно написанной по-французски, въ монтеленовскомъ стилѣ, значилось что герцогъ Медунскій обязывается честью жангильома и герцога уплатить изъ своихъ доходовъ г. Прайору десять дукатовъ золотыхъ, взятыхъ имъ, герцогомъ Медунскимъ, въ минуту крайней нужды. „Въ случаѣ же моей смерти“, значилось далѣе въ распискѣ, „повѣлѣваю моимъ наследникамъ почтить и уважить мое честное слово и выплатить немедля г. Прайору означенную сумму золотомъ же.“ Подписано: „Герцогъ Медунскій, главный начальникъ штаба генералиссимуса соединенныхъ герцеговинскихъ армій.“

Этотъ безцеремонный заемъ былъ уже слишкомъ нахаленъ. Я рѣшился сообщить Пеко о продѣлкѣ Дуки и спросилъ гдѣ послѣдній можетъ находиться. Пеко отнесся очень равнодушно къ исторіи съ семнадцатью дукатами и даже посмѣялся слегка надъ доврчивостью Англичанина.

— Эхъ! Дука, Дука, пробормоталъ онъ только съ усмѣшкой.

— Однако нельзя же тебѣ допустить его обирать тутъ людей! замѣтилъ я Пеко.

— А я почему знаю! гдѣ мнѣ за нимъ усмотрѣтъ? и не понимаю тоже, самъ знаешь, по ихнему... Почему я знаю что они тамъ межъ собою говорятъ. И лисьма тоже не разумѣю.

— Да вѣдь онъ прямо подписывается вездѣ твоимъ начальникомъ штаба, какъ же это?

— А дьяволе его возьми, какъ онъ тамъ пишетъ! Мнѣ что? Пусть себѣ пишетъ. Я не знаю что у него тамъ въ писаніи стоитъ!

Это отношеніе безграмотнаго первобытнаго человѣка къ письменнымъ документамъ было довольно понятно. Для Пеко все это „строченіе“, въ которомъ онъ ничего не могъ разобратъ, не имѣло рѣшительно никакого серьезнаго значенія.

— А ты знаешь куда ушелъ Дука? спросилъ я Пеко.

— А онъ ушелъ?

— Да. Онъ сказалъ Англичанину что раненъ въ руку и потому отправляется лѣчиться.

— Ну, если онъ раненъ, такъ должно быть пошелъ въ Грахово, или въ Дробнякъ, или въ...

— Такъ, безъ спроса, ничего не сказать?

— А на что говорить? Раненъ если, такъ и ступай себѣ. На что онъ тутъ тогда годенъ?

Я убѣдился что отъ Пеко, понимавшаго вещи по-своему, тутъ ничего не добьешься, и потому прекратилъ щекотливый разговоръ.

XX.

Ночью мы выступили въ обратный путь и послѣ двухдневнаго благополучнаго странствованія прибыли въ Дубочку. Здѣсь мы застали курioзную сцену.

Рыжеватый мущина маленькаго роста, лѣтъ тридцати лѣтъ, одѣтый въ полуевропейскій подутуземный костюмъ, страшно горячился и размахивалъ руками предъ тремя Герцеговинцами слушающими его съ новозмутимѣйшимъ слогомъ и съ почесывая себѣ слюны. Увидѣвъ насъ маленькій горячившійся человѣчекъ видимо обрадовался и бросился на встрѣчу.

— Messieurs! закричалъ онъ намъ еще за нѣсколько шаговъ, vous parlez certainement français!

— Да, отвѣтилъ я.

— Et vous parlez aussi le slave?

На мой утвердительный отвѣтъ онъ почти подпрыгнулъ отъ радости.

— Позвольте мнѣ представиться... Довольно странное, не правда ли, представление среди этого каменнаго хаоса!...—Я капитанъ Барбье, * капитанъ французской службы.... Я пріѣхалъ сюда чтобы предложить свои услуги à la cause de la liberté et de l'indépendance... Бросилъ службу, все, и уѣхалъ, messieurs, но кажется не останусь... Это я вамъ скажу не инсurreкція а просто разбой! Я думалъ что найду здѣсь combattants pour la sainte cause de la liberté, а нашелъ какихъ-то звѣрей и разбойниковъ... Да, такъ прямо и говорю: разбойниковъ!...

* Умеръ въ послѣдствіи въ первый мѣсяцъ черногорско-турецкой войны.

Это ужасно! Какое разочарованіе! Quelle dégringolade! quelle decadence, messieurs!... Mais se sont des brutes et non des hommes que ces particuliers-là!

Весь этотъ потокъ словъ вылетѣлъ съ неимоверною быстротой изъ устъ французскаго капитана. Видно было что, протомившись долго вынужденнымъ молчаніемъ, онъ въ восторгѣ былъ наконецъ высказаться.

— Чтò же съ вами случилось? спросилъ я его.

— Ничего не случилось, но то что происходитъ здѣсь можетъ быть хуже самаго сквернѣйшаго приключенія.. Я совершенно пораженъ, совершенно обезкураженъ...

— Но объясните, что же тутъ такое происходитъ?

— Чтò?! вскричалъ въ сильнѣйшимъ негодованіи Французъ схвативъ меня за руку. Mais parceque c'est indigne de se conduire comme ils le font avec moi, avec un homme qui vient chez eux en frère! avec un homme qui vient leur offrir sa vie! Посмотрите, напримѣръ, вы пожалуста на этихъ разбойниковъ, продолжалъ Французъ, показывая съ негодованіемъ на трехъ Герцеговинцевъ, смотрѣвшихъ на насъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ,—посмотрите только! Они поставлены ко мнѣ начальникомъ штаба герцеговинской инсургенціи. Самъ онъ лично, тутъ при мнѣ, приказалъ имъ сопровождать меня въ лагерь инсургентовъ, и что же? знать ничего не хотятъ и собираются уйти и оставить меня тутъ...

— Какой начальникъ штаба? какъ его зовутъ? перебилъ я Француза. Мнѣ смутно почувалось что дѣло идетъ о Дука.

— Да развѣ вы его не знаете? воскликнулъ удивленно Барбье.—Начальникъ штаба воеводы Пеко, герцогъ Медина, le plus charmant garçon du monde, хотя повидимому страшный оригиналъ.

Прапора не было съ нами когда разговоръ коснулся Дуки; онъ возился у лошадей. Мнѣ вздумалось не разоблачать сразу истинныя насчетъ милѣйшаго „герцога Медины“ (има было вѣроятно или переверано какъ водится Французомъ, или же Дука самъ нѣсколько исказилъ его умышленно).

— Гдѣ же вы встрѣтили герцога? спросилъ я.

— Здѣсь, сегодня, нѣсколько часовъ назадъ. Онъ раненъ въ руку и ѣдетъ къ себѣ лѣчиться.. Да неужели же вы его не знаете? вторично удивился Французъ.—Вы вѣдь теперь отъ инсургентовъ ѣдете? Какъ же вы его не видали тамъ?.. Et quelles allures, monsieur! Совершеннонѣйшій тилъ ислам-

скаго дворянина; *légèrement habléur, se drapant crânement dans ses guenilles, et ne comptant pas l'or quand il s'en trouve dans ses roches...* Еслибы вы видѣли какъ онъ швырнулъ этимъ людямъ двѣ золотыя монеты, сказавъ имъ съ величественнымъ взмахомъ руки эту эпитетическую фразу: *Allez vous griser, chéparans de mon soeur!*... Нѣтъ, надо было видѣть этотъ тонъ, этотъ жестъ... Вылитый донъ-Сезарь де-Базанъ!

Загуляли дукаты Прайора, подумалось мнѣ при этихъ словахъ; не долго имъ продержаться, судя по началу.

Я разспросилъ Барбье подробнѣе о томъ что именно такъ возмущало его, и о встрѣчѣ съ Дукрѣй. Французъ разказалъ что высадился на землю въ Ризано; что ему дали проводника который довелъ его только до Другая, а тамъ объявилъ что не пойдетъ далѣе; что въ Другаѣ первый проводникъ сошелъ его, Барбье, другому туземцу—*un grand escogriffe au visage féroce avec des moustaches qui n'en finissent plus*—который запросилъ два дуката чтобы провести къ инсургентамъ. Это возмутило Француза, онъ на отрѣзъ отказался и рѣшился ждать okazji. На другой день представилась эта okazia въ лицѣ пяти Герцеговинцевъ отправлявшихся въ лагерь инсургентовъ. Барбье дошелъ съ ними до Дубочекъ. Тутъ опять исторія: Французъ не могъ успѣвать за ними, а тѣ слѣдили. Объяснивъ знаками (всѣ объясненія и разговоры происходили, разумѣется, знаками между нимъ и его различными слутниками) что не могутъ ждать, Герцеговинцы пошли далѣе; онъ же въ совершенномъ изнеможеніи легъ здѣсь отдохнуть, рѣшившись ждать новой okazji. Прошелъ день. Наконецъ сегодня утромъ явился изъ лагеря „герцогъ“ въ сопровожденіи трехъ людей. Познакомились и сошлись въ нѣсколько минутъ. „Герцогъ“ былъ съ нимъ, Барбье, въ высшей степени милъ и предупредителенъ, угостилъ ракіей (водкой), налилъ даже ему живительной влаги во фляжку, отдалъ ему свою собственную „эскорту“ и бросивъ „людямъ“ два дуката приказалъ имъ сопровождать условоеннаго Француза до „ставки генералиссимуса“.

— Пока герцогъ находился тутъ, все было хорошо, кончилъ свое повѣствованіе Барбье.—Мы вошли dans un de ces trous immondes qu'ils ont le toupet d'appeler maison, устояли у огня, напился кофе, я залася кофеемъ, потому что это первое дѣло въ походѣ, выпили раки, le cognac local; затѣмъ, отдохнувъ немного, герцогъ пошелъ далѣе?

— Онъ былъ лѣшкомъ?

— Да, и не могъ хладнокровно вспомнить этого.... Онъ вслѣдствіе раны не можетъ переносить конскаго аллюра и страшно негодуеть на Турокъ главнымъ образомъ за это.... Я, говорить, который никогда не показывался толпѣ иначе какъ на конѣ, я который считалъ немислимымъ выйти даже на прогулку иначе какъ на моемъ гордомъ буцефалѣ, я котораго принимали за какого-то центавра *forçant corps avec mon fier coursier....* Много онъ еще приводилъ разныхъ метафоръ и амплификацій по испанскому обычаю. Я вамъ говорю; точь въ точь *don César de Bazan....* Мы разстались совершенно друзьями.... Теперь, вообразите себѣ что произошло послѣ его ухода: эти три негодя встаютъ вдругъ и хотятъ идти; я имъ объясняю знаками чтобы подождали, что я скоро соберусь, а они знаками же показываютъ что идутъ сейчасъ и совсѣмъ въ другую сторону, представьте себѣ! Я имъ пригрозилъ, кричу: *Duc de Médina! duc de Médina!* а они смѣются только и продолжаютъ чесать себѣ спины!... О! эти спины! понимаете вы причины этого вѣчнаго чесанія? *Quel sale peuple!...* Чешутся и говорятъ мнѣ со смѣхомъ, что-то и знаки какіе-то дѣлаютъ, но я рѣшительно ничего не понимаю, исключая того что и эти хотятъ меня тутъ бросить.

Убѣжденный что наткнулся на какую-нибудь новую штуку Дука, я сталъ спрашивать трехъ Герцеговинцевъ, оставленныхъ при Французѣ. Эти мнѣ наивно объяснили что „малый Французъ“ хочетъ заставить ихъ идти съ нимъ къ устамъ, когда это имъ совсѣмъ не дорога, такъ какъ они сами идутъ домой на лобывку отъ усташей.

— Мы тутъ съ нимъ цѣлые часа два споримъ, да никакого толку нѣтъ; по „нашки не разумить онъ“ и все кричить Дука да Дука, а что тамъ Дука ему наговорилъ—почемъ мы знаемъ; Дука всякое наговорить....

— Онъ сказалъ этому господину что вы пойдете вмѣстѣ къ Пеко; онъ вѣдь далъ вамъ за это два дуката.

— А! дьяволе! ну Дука! одинъ только и есть кажется такой! А Дука, Дука! и всѣ три горца стали смѣяться локачивая головой.

— Такъ онъ не уговаривался съ вами насчетъ того чтобы проводить этого Француза къ Пеко?

— Какъ же намъ было уговариваться, господине, отвѣтили Герцеговинцы, продолжая смѣяться, — когда мы вмѣстѣ съ нимъ идемъ отсюда.

— Однако онъ вамъ далъ деньги.

— Далъ. Это *исто*. Далъ, господине, два дуката цесарскіе.

— За что же онъ вамъ ихъ далъ?

— А *незналъ*. Взялъ да и далъ. Сказалъ: вотъ вамъ, возьмите себѣ и благодарите меня *добро* и *почтиво* чтобы Французе *срамѣтно* о насъ не подумалъ.... А чтобы этого Французе намъ вести къ Пеко, и слова о томъ не было. Я развѣ могу вернуться коли иду теперь *саией* * съ *книжкой* къ воеводѣ Пѣтару? ** Дука то добро знаетъ, такъ не могъ онъ мнѣ сказать идти назадъ.... Да и сказалъ бы, такъ я не послушался бы; не Дуку намъ слушать!

Другіе два засмѣялись при одной этой мысли: слушаться Дуки.

Въ правдивости этихъ объясненій нельзя было сомнѣваться. Ясно было что Дука разыгралъ здѣсь новую штуку, но зачѣмъ? Неужели изъ одного желанія порисоваться предъ встрѣчнымъ Французомъ, изъ желанія выдать себя хоть на нѣкоторое время за залравдашнаго „начальника главнаго штаба генералиссимуса?“ Странная личность: обрѣтаясь безъ гроша за душой, оборванный и голодный, онъ успѣлъ наконецъ вытянуть всякими неправдами нѣсколько дукатовъ, а теперь, чуть ли не на другой день, бросаетъ эти дукаты на вѣтеръ полусту, изъ желанія задать шику предъ незнакомцемъ, изъ желанія порисоваться въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

— Такъ ты идешь съ книжкой въ Тулань? спросилъ я у Герцеговинца, желая убѣдиться дѣйствительно ли онъ *саия*.

— Да, къ воеводѣ Пѣтару несу книжку отъ Пеко, отвѣтилъ тотъ съ важностью. — Вотъ она, книжка. Гляди. *Разумишь* что писано?

При этихъ словахъ онъ досталъ изъ шалки засаженный конвертъ съ печатью Пеко, адресованный дѣйствительно воеводѣ Петру Вукотичу. Тѣмъ сомнѣнія не могло быть болѣе.

Бѣдный Барбе съ нетерпѣніемъ ожидалъ узнать результатъ моихъ объясненій съ Герцеговинцами.

* Посланный, марочный, курьеръ.

** Петру.

Разумѣется, я не замедлилъ раскрыть ему истину, вслѣдствіе чего значительная доза всеобщаго нерасположенія къ туземцамъ и невыгодное впечатлѣніе такъ-сказать локализовались у Француза противъ одного Дуки. Одного Барбье не прощаль всѣмъ Герцеговинцамъ вообще и каждому порознь—ихъ неоприятность и непредупредительность, какъ онъ выражался, ихъ „грубую непредупредительность животнаго“.

— Чтѣ же мнѣ, однако, дѣлать теперь? обратился онъ ко мнѣ за совѣтомъ. — Разыскивать мнѣ одному инсургентовъ невозможно, какъ вы понимаете. Ждать здѣсь казію также невозможно: до казію какой-нибудь я услѣю умереть съ голода и сдѣлаться жертвою вшей и блохъ которыя, повидимому, собрались сюда со всей Герцеговины и Босніи.

Утѣшительнаго въ отвѣтъ пришлось мнѣ сказать ему очень мало. Насчетъ ѣды, чѣмъ дальше углубляться, тѣмъ будетъ хуже, и даже среди инсургентовъ нерѣдко придется голодать по цѣлымъ днямъ, голодать при стужѣ, безъ крова, на скалахъ и утесахъ. Что же касается міриады отвратительныхъ паразитовъ, то относительно ихъ происходитъ явленіе обратное ѣдѣ и удобствамъ: чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ ихъ больше, у а инсургентовъ, среди этого ободраннаго, немыслимо нечистоплотнаго сборища, обрѣтается главная квартира сихъ неудобныхъ насѣкомыхъ. Наконецъ, я обратилъ вниманіе Барбье еще на то что у инсургентовъ, кромѣ Дуки блиставшаго лока и неизвѣстно на сколько времени своимъ отсутствіемъ, нѣтъ никого говорящаго или понимающаго по-французски.

Французъ очень поразился этими откровенными и правдивыми объясненіями, тѣмъ болѣе поразился что они шли въ разрѣзъ со всѣмъ чтѣ ему сообщали до сихъ поръ о житьѣ-бытьѣ усташей разные всезнайки и въ концѣ концовъ Дука. Послѣдній, какъ и слѣдовало ожидать, расписалъ „le camp du généralissime“ какимъ-то валленштейновскимъ лагеремъ, гдѣ золотые кубки „отбитые“ у врага наполняются искрометною влагой и „сервируются“ бѣлоснѣжными руками прекрасныхъ лѣтнихъ мусульманокъ „сладострастно вамъ улыбающихся сквозь слезы страха и стыдаивости“.

Хотя Барбье пріѣхалъ въ Герцеговину съ самыми благими намѣреніями, а именно для того чтобы драться, а не проводить время съ прекрасными мусульманками, однако описанная мною картина быта усташей подѣйствовала на него

настолько что онъ тутъ же рѣшилъ для начала не забираться далеко въ горы, а попробовать прежде инсургентской жизни у Любibrатича, то-есть неподалеку отъ Рагузы. Онъ присталъ къ намъ чтобы вернуться обратно.

На слѣдующій день мы прибыли въ Тулань. Здѣсь я опять засталъ воеводу Петра Вукотича, тестя князя Черногорскаго.

Вукотичъ очень интересовался всѣмъ касающимся усташей и подробно разспрашивалъ меня о происходившемъ у Пеко за мое присутствіе. Разспрашивалъ онъ на видъ какъ совсѣмъ посторонній человекъ сочувствующій дѣлу инсurreкціи. Я, между прочимъ, разказалъ ему и про дѣла Дуки.

— Срамѣта, пробурчалъ только на это Вукотичъ, локури-вая трубку и качая неодобрительно головой.—А куда ушелъ этотъ Дука? спросилъ онъ какъ бы мимоходомъ нѣсколько времени спустя.

Я отвѣтилъ что не знаю.

При прощаньи Вукотичъ обратился ко мнѣ со слѣдующею просьбой:

— Знаете чтѣ, господинъ Русь, сказалъ онъ пожимая мнѣ руку,—это вы хорошо сдѣлали что вернули съ дороги Француза. Если вамъ еще попадутся какіе-нибудь *самовольцы* *, уговаривайте ихъ тоже не идти туда... А захотятъ непременно побывать у усташей, такъ пусть идутъ лучше къ Любibrатичу.

Я вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Я вамъ вотъ чтѣ скажу, присовокупилъ онъ, ловя мой взглядъ,—вы сами видѣли какъ имъ трудно тамъ насчетъ ѣды и всего другаго. Самовольцы эти иностранные не могутъ выдержать такой жизни; имъ это слишкомъ тяжело, и пользы принести они не принесутъ никакой, а только будутъ мѣшать... и уходъ тоже за ними большой. Одинъ такой самоволець больше стоить чѣмъ пять своихъ людей, а толку отъ него нѣтъ.

При этихъ словахъ мнѣ вспомнилось что одинъ изъ трехъ Герцеговинцевъ встрѣченныхъ нами въ Дубочкѣ несъ письмо отъ Пеко къ Вукотичу. Все это навело меня на мысль что можетъ-быть черногорскій воевода, квартировавшій на границѣ въ убогой хатѣ, стоитъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ усташами, чѣмъ то выказывался.

* Добровольцы.

XXI.

Прайоръ былъ невыразимо счастливъ когда на третій день послѣ нашего выхода изъ Тулани поздно вечеромъ внизу подъ нами далеко, какъ бы въ бездонной пропасти, замелькали огоньки. То было Ризано. Мы выбрались слѣдовательно изъ гигантскаго горнаго моря, по окаменѣлымъ безотраднымъ волнамъ котораго столько дней шествовали. Теперь намъ оставалось только спуститься по удобной „цивилизированной“ дорогѣ идущей зигзагами по склону послѣдней горы упирающейся въ Бокку Каттарскую.

Прайоръ чуть ли не ежеминутно справлялся сколько намъ еще предстояло пути до Ризано. Онъ былъ въ необыкновенно возбужденномъ состоянiи, въ особенности для Англичанина. Проголодавъ серьезно въ теченіе послѣднихъ семи дней, покрытый паразитами, грязный, ободранный, онъ съ какимъ-то сладострастіемъ мечталъ о томъ какъ онъ наконецъ умоется, какъ сбросить съ себя безвозвратно имѣвшуюся на немъ одежду и бѣлье, какъ переодѣнется съ ногъ до головы, какъ поѣсть вдоволь до отвалу и какъ завалится спать на „настоящей“ кровати, на тюфякъ, подъ одеяломъ, имѣя подушку подъ головою! Это все казалось ему верхомъ человѣческаго блаженства.

— Mon ami, мы прикажемъ принести намъ яицъ, много яицъ и ветчины и масла, и сами сдѣлаемъ себѣ яичницу, большую яичницу и съѣдимъ ее съ ливомъ... Мы потребуемъ три десятка яицъ на насъ на трехъ....

Я не могъ не расхохотаться при мысли объ этой гомерической яичницѣ.

— Отчего вы смѣетесь, mon ami? Вы думаете что мы не съѣдимъ? да я одинъ все это съѣмъ... И хлѣба бѣлаго, *мягкого!* наѣмся сколько могу (мы въ горахъ ѣли галеты или черствый хлѣбъ), и лива вылью нѣсколько бутылокъ.... Это мы прежде всего сдѣлаемъ какъ только придемъ.... Я буду ѣсть, ѣсть, mon ami, ѣсть, все ѣсть пока не почувствую себя полнымъ.... Какая ужасная страна! воскликнулъ онъ вспоминая вѣроятно при этомъ испытанныя лишения.

— Ну, а скажите мнѣ, спросилъ я его теперь,—когда мы черезъ какіе-нибудь полчаса будемъ на берегу моря, въ двухъ

минутокъ отъ парохода, довольны ли вы что совершили это путешествіе?

— Я? доволенъ ли?! Mon ami!... Я не умѣю выразиться по-французски, вы знаете, какъ бы хотѣлъ... Je vous aime comme *mon femme*, прибавилъ добрый Прайоръ дѣйствительно расстроганнымъ голосомъ,—я васъ крѣпко обниму и поцѣлую въ Ризано, когда мы оба будемъ чистые, mon ami.

Барбье, примостившійся на нашей багажной мазгѣ, былъ также очень радъ выбраться изъ горъ послѣ своихъ первыхъ неудачъ, причѣмъ мечтанія его были иного рода. Онъ мечталъ о „войскѣ“ Любибратича, излагалъ въ чрезвычайномъ изобиліи разныя мысли относительно переустройства, организаци, расширенія возстанія, которое еще не видѣлъ и о которомъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, говорилъ о значительныхъ пожертвованіяхъ которыя имѣютъ въ скоромъ времени посылаться изъ Франціи на дѣло свободы, предлагалъ новые способы атаки турецкихъ фортовъ, и пр. и пр.

— Я, знаете, характеризовалъ онъ свой взглядъ на дѣло,—понимаю и люблю эту жизнь исполненную тревогъ, опасностей и приключеній, но съ однимъ только условіемъ: *pas de saleté, pas de poux et de vermine*. Это для меня хуже всякихъ пуль и ятагановъ. *Une bonne bataille bien chaude sans cruautés inutiles, et, après, un bon feu, quelques croutes de pain, un verre de vin ou de cognac, et une bonne tasse de café bien brulant...* Больше мнѣ ничего не нужно!

Это „больше ничего“ пло однако совершенно въ разрѣзъ съ тяжелою дѣйствительностью.

Около одиннадцати часовъ мы наконецъ вступили въ Ризано. Маленькій городокъ давно спалъ крѣпкимъ мирнымъ сномъ. Мы подѣхали къ знакомой уже намъ гостиницѣ наглухо затворенной со всѣхъ сторонъ.

Начался стукъ въ двери, сперва умѣренный и приличныи, но въ виду тщетности нашихъ усилій разбудить спящихъ обитателей гостиницы, превратившійся вскорѣ въ гвалтъ совершенно безобразный. Маленькая спящая гостиница казалось атакованною шайкой разбойниковъ. Барбье, Андро, Симо, момакъ, я, всѣ мы стучали усиленно кулаками—кто въ дверь, кто въ оконныя ставни; но между всѣми особенною яростью и силой ударовъ отличался Прайоръ, который страстно жаждалъ поскорѣе укрыться въ „настоящемъ“ домѣ и засѣсть

за свою гомерическую личицу, фланкированную батареей бутылкок лива.

Послѣ добрыхъ двадцати минутъ такого содома отворилась наконецъ ставня вышки дома и показала въ окно голова.

— Чтѣ вамъ надо, дьяводе? раздался сердитый засланный голосъ.

— Отворите пожалуста лоскорѣе. Мы изъ горъ, умираемъ съ голоду...

— Нѣтъ у меня для васъ мѣста, все занято. Чего вы тутъ шумите?

Прайоръ былъ въ такомъ возбужденномъ состояннн, до того всѣ фибры его были напряжены что на этотъ разъ онъ наитиѣмъ лонялъ что дѣло шло объ отказѣ.

— Предложите à се méchant garçon полфунта чтобы только насъ влустилъ, mon ami! лосовѣтовалъ онъ мнѣ послѣшню, пока Андро и въ особенности Симо раздражались страшными ругательствами на негостеприимнаго хозяина срамя его тѣмъ что оставляетъ на улицѣ такихъ высоколпштованныхъ господъ какъ мы „не жалѣющихъ своего живота для братьевъ“.

Какъ и слѣдовало ожидать, совѣтъ практичнаго Англичанина оказался наиболѣе дѣйствительнымъ. Едва я произнесъ эти магическiя слова: хочешь влустить насъ за пять фиоринновъ? какъ сверху послышался изумленный и радостный возгласъ: *Богами!* и голова быстро исчезла. Черезъ минуту отворилась дверь и мы ввалили въ локанду. Кругомъ насъ суетился и безъ толку метался совершенно осовѣвшій хозяинъ съ салнымъ огаркомъ въ рукѣ.

— Есть у васъ свободныя комнаты? спросилъ я его.

— Вотъ эта есть только, господине, отвѣтилъ онъ указывая огаркомъ на биллиардную, находившуюся возлѣ лервой общей комнаты.

Эта такъ-называемая биллиардная была, если вы не забыли, маленькая угловая канура, семь восьмыхъ пространства которой занималъ затралезный расшатанный, продранный биллиардъ, на которомъ по всему вѣроятню упражнялся еще царь Горохъ въ юные годы. Играть можно было на этой допотопной машинѣ, вслѣдствіе чрезвычайной близости стѣнъ, только держа кнй подъ значительнымъ угломъ возвышенія. Эту-то недрнотную нору предложилъ намъ хозяинъ въ качествѣ лерваго „цивиллизованнаго“ крова, намъ, жаждавшимъ улечься, отогрѣться, растянуться и отдохнуть въ волю. Это было немыслимое нахальство.

— И ничего другаго у васъ нѣтъ, кромѣ этого чулана?

— Ничего, бѣгами ничего.

-- Ну а эта, первая комната?

— Эта для всѣхъ, эту нельзя, она для всѣхъ.

Пряйоръ въ своемъ возбужденіи продолжалъ понимать почти весь нашъ разговоръ какимъ-то наитіемъ свыше. Притомъ, Англичанинъ, обманутый въ своихъ надеждахъ и мечтахъ, сладострастно взлелеянныхъ за послѣдніе часы луты, дошелъ до какого-то остервенѣнія и серьезно предлагалъ вышвырнуть вонъ хозяина и распорядиться собственною властью—развести огонь въ находящемся въ углу каминѣ, вытащить изъ шкафовъ провизію и бутылки, и проч.

Барбье, какъ онъ самъ заявилъ, en qualité de tapageur, убѣдительно поддакивалъ Пряйору и только ожидалъ сигнала чтобы начать разгромъ.

— Послушайте,—сказалъ я хозяину,—къ вамъ тутъ явились не люди, а голодные и продрогшіе волки. Слово полусту терять намъ нечего: разводите сейчасъ огонь, достаньте откуда хотите чего-нибудь поѣсть, постелите намъ что имѣете у огня, давайте вина, лива, что имѣете и, главное, все это чтобы было живо. Беремъ мы себѣ эту комнату которая по вашимъ словамъ „для всѣхъ“. Мы теперь эти „всѣ“. Поняли? Сдѣлаете хорошо и живо, получите *napuleonъ**; не сдѣлаете, мы сами распорядимся и все разнесемъ, съѣдимъ и выпьемъ.

Рѣчь эта имѣла рѣшающее дѣйствіе. При яркомъ сопоставленіи *napuleона* и разгрома, оторопѣвшій хозяинъ полурадостно полуиспуганно окинулъ насъ взоромъ и заметался во всѣ стороны. Съ помощью Андро въ мигъ разведенъ былъ огонь, явились мѣшки набитые соломой, принесены яйца, масло, ветчина, ливо, и проч. Стола, стульевъ, свѣчъ у насъ не было, да мы и не требовали ихъ. Привыкнувъ за все время нашего лутешествія лежать и ѣсть у костра и при свѣтѣ костра, мы и тутъ распорядились одинаково, отчасти отъ страшной усталости, отчасти въ память герцеговинскихъ порядковъ.

— Какъ васъ будить, господине? обратился ко мнѣ хозяинъ, когда, утоливъ основательно голодъ, мы завалились спать.

* Двадцатифранковые наполеондоры, которые здѣсь въ большомъ ходу, называются Далматами, Герцеговинцами и Черногорцами наполеонами.

— Совсѣмъ не надо будить до прибытія парохода.

— Ну, а если вы долго спать будете? пароходъ може придетъ поздно.

— А что тогда?

— Мнѣ вѣдь нельзя будетъ открыть локанду.

— И не думайте открывать пока не придетъ пароходъ.

— Да что жь мнѣ тогда, бѣгами, дѣлать? У меня тутъ съ шести часовъ утра ужь собирается народъ, и господа австрійскіе офицеры тоже кофе приходятъ пить, и все такое.

— Ну, любезный другъ, дѣлайте тамъ себѣ что хотите, но теперь убирайтесь вонъ сейчасъ же потому что мы желаемъ спать, а если завтра кто-нибудь осмѣлится просунуть сюда носъ безъ нужды, то вотъ этотъ господинъ—я покажѣ г а Прайдора—подстрѣлитъ его какъ собаку. За убытки вамъ будетъ заплачено. Доброй ночи!

Хозяинъ не догадалъ болѣе и, согнувшись въ три погибели вышелъ изъ комнаты, бросивъ искоса взглядъ на насъ и на внушительную кучу нашего оружія сложенного въ углу.

Какъ всегда бываетъ при очень сильной истомѣ и усталости, мы полагаемъ даже что проспимъ невѣроятное количество часовъ. Проснулись мы, однако, какъ во все предыдущіе дни въ горахъ, очень рано. Выйдя изъ нашей комнаты я увидѣлъ хозяина разговаривающаго съ Андро. При моемъ появленіи онъ быстро подскочилъ ко мнѣ и, узнавъ вѣроятно отъ Андро что я Русскій, послѣшилъ заявить что у него теперь находится еще одинъ Русскій, „еднъ раненъ Русъ“.

— Раненый Русскій? удивился я.

— Исто, господине. Еднъ Русъ.

— Какъ его зовутъ?

— Не знамъ.

— Гдѣ же онъ былъ раненъ?

— Тамъ,—хозяинъ показалъ по направленію горъ,—тамъ былъ раненъ въ биткѣ.

— Давно?

— Не, теперь былъ раненъ. Онъ только вчера утромъ пришелъ сюда.

— Въ какой же биткѣ онъ былъ раненъ?

Я былъ очень удивленъ, такъ какъ кромѣ Василевскаго и Руссова, которыхъ я оставилъ цѣлыми и невредимыми, ни о какихъ другихъ Русскихъ у усташей я не слышалъ. Не Дука ли это выдаетъ себя за Русскаго, мелькнуло мнѣ.

— Какой овъ на видъ этотъ Русскій? спросилъ я хозяина.

— Младый, господине. Младый и такій, знаете.... не *охла ништо* *.

— Почему, не валя ништо?

— Слабый такій. Для воиника не валя ништо.

Описание не соответствовало Дукъ.

— Не ма браны, не ма уса, продолжалъ описывать хозяинъ.

— Гдѣ же его комната? спросилъ я хозяина очень заинтересованный его сообщеніемъ.

— А тамъ,—овъ показалъ головою на верхъ,—тамъ овъ лежитъ въ комнатѣ и ждетъ парохода.

— Овъ, значитъ, не опасно раненъ если думаетъ уже вѣхать? Называетъ его докторъ?

— Нѣтъ, господине, овъ никого не хочетъ видѣть, и доктора даже не хочетъ, какъ я ни уговаривалъ его.

— Куда овъ раненъ?

— А не знамъ только не въ руку и не въ ногу потому что все это цѣло. Въ голову думаю: она ловязана.

Что такое? подумалось мнѣ—раненый, гдѣ неизвестно, доктора видѣть не хочетъ; думаетъ уже объ отъѣздѣ на пароходъ.... Тутъ что-нибудь да не такъ.

— Проведите меня къ нему, сказалъ я хозяину.

— О, господине, овъ никого, никого не велѣлъ пускать къ себѣ. Овъ такій слабый и лугавый. Овъ ночью такъ испугался когда вы всѣ пришли что дрожалъ какъ *болъзний* когда я вернулся на верхъ къ себѣ, и все пыталъ, кто такіе пришли.... Нѣтъ, высоколештованный господине, оставьте его, пусть себѣ лежитъ.

Какъ вы понимаете, послѣ всего этого, я напротивъ непремѣнно пожелалъ видѣть таинственного „раненаго Руса“.

— Вотъ что,—сказалъ я хозяину,—овъ вѣроятно не только не воспротивится, но даже будетъ очень радъ видѣть земляка. Я напишу нѣсколько словъ на бумажкѣ; снесите ихъ ему.

Черезъ минуту хозяинъ чуть не кубаремъ скатился съ лѣстницы и съ сіяющимъ лицомъ произнесъ нѣсколько разъ: „молимъ, молимъ, господине, господинъ Русъ молить васъ придти къ нему.“

* Ничего не стѣять.

Я поднялся на вышку раздѣленную на двѣ комнаты выходящія окнами въ противоположныя стороны, хозяинъ отворилъ мнѣ дверь одной изъ нихъ, и войдя, представьте себѣ кого я увидѣлъ лежащимъ въ постель.... Мяскова!

Да, Мяскова, но Боже! въ какомъ видѣ! И прежде, и всегда онъ былъ невзраченъ, тщедушенъ, тощъ, зеленовать, но тутъ вмѣсто прежняго Мяскова валялся, съжившись подъ одѣяломъ, какой-то несчастивѣйшій сморчокъ. Я едва узналъ его въ первую минуту.

Лицо стало сѣраго цвѣта и худобы ужасной, глаза провалились, морщины и складки на щекахъ выстулали какъ-то особенно рельефно, борода и усы нѣсколько дней не бритые торчали короткою щетиной и придавали лику оковчательно затралезный распуловскій видъ. Голова была повязана платкомъ.

— Мясковъ! вскричалъ я изумленный.

— Ради Бога не произносите моего имени, послѣвшихъ онъ меня оставить дѣлая отчаянный жестъ рукой.

— Да что съ вами? Что значить все это?

— Au nom du ciel plus bas et ne prononcez pas mon nom surtout, произнесъ онъ скороговоркой умоляющимъ шепотомъ.

Я подошелъ и присѣлъ къ кровати. Мясковъ видимо былъ какъ на иголкахъ.

— Кто тамъ внизу? спросилъ Мясковъ чуть мнѣ не на ухо.

— Никого кромѣ тѣхъ которые пришли со мной изъ горъ, Прайоръ котораго вы знаете, Французъ одинъ, Барбье, и проводники.... Но скажите же наконецъ что съ вами случилось? Почему вы скрываетесь?

— Потому что меня хотять убить, потому что я чудомъ избѣжалъ смерти, потому что тутъ, въ этомъ мерзвѣишемъ городишкѣ, я совершенно въ рукахъ этихъ звѣрей, хотя нахожусь и на австрійской территоріи...

— Какихъ звѣрей?

— Герцеговинцевъ этихъ, и Черногорцевъ, и прочихъ славянскихъ скотовъ.... Это Австрія! хороша Австрія, нечего сказать! Австрійскія власти здѣсь нуль, положительный нуль, а властвуютъ и распоряжаются и дѣлають что хотять Черногорцы!... Постой! погоди! увидимъ что скажутъ когда я разоблачу какая это Австрія!

Онъ видимо былъ разъяренъ до крайности и одинъ страхъ чего-то удерживалъ его чтобы не разразиться громкими проклятіями и ругательствами. На каждой фразѣ онъ было возвышалъ голосъ, но оломившись тотчасъ сѣзжалъ на полуселотъ.

— За что же васъ хотятъ убить? Мнѣ сказали что вы ранены.

— Кто вамъ сказалъ, хозяинъ?

— Да.

— Да, я раненъ.

Онъ отрѣзалъ эту фразу съ „благородною простотою“.

— Гдѣ, когда, какимъ образомъ?

— Въ горахъ.

— Кто же васъ ранилъ? не Турки же, потому что за эти дни кромѣ дѣла при Голиу, гдѣ я находился, никакихъ другихъ стычекъ не было.

Я сказалъ это нѣсколько наобумъ, на всякій случай, чувствуя что надо было, какъ говорится, припереть Мяскова чтобъ узнать истину.

Дѣйствительно, онъ замедлилъ нѣсколько отвѣтомъ, прикидывая въ умѣ шансы *pro* и *contra*, и расудивъ вѣроятно что при этихъ условіяхъ меня едва ли возможно угостить какою-нибудь хаестаковскою эполесей, конечно сострелянною уже въ его умѣ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ такими словами.

— Я вѣдь конечно могу на васъ разчитывать, вы меня не выдадите, напротивъ, полагаю что при случаѣ вы заступитесь за...

— Конечно, конечно. Объ этомъ и не стоить говорить.

— Ну, такъ видите: я вамъ расскажу всю правду. Вы будете такимъ образомъ, такъ-сказать, первымъ цивилизованнымъ свидѣтелемъ того что надо мной хотѣли и хотятъ совершить.... Я скрываюсь и молчу теперь, потому что лоджидую парохода и знаю что здѣсь, въ Ризано, на австрійской землѣ, я все равно что въ Черногоріи; но на пароходѣ я заговорю, о! я заговорю громко, рѣшительно, неумолимо.... Я сброшу тамъ.... Голосъ его сначала тихій все возвышался, слова чѣмъ дальше, тѣмъ быстрее и отрывистѣе вырывались другъ за другомъ.

— Вы все громите Австрію и Черногорцевъ и ничего не рассказываете, перебилъ я его, чувствуя наплывъ лирико-негодующихъ амплификацій.

— Правда ваша, но трудно, понимаєте, развитому, цивилизованному человѣку удержаться отъ взрыва негодованія отъ громоваго протеста, трибуну нужно было бы чтобъ....

— Ну, такъ что же съ вами случилось?

Мясковъ разказалъ мнѣ слѣдующее:

Онъ высадился въ Каттаро послѣ того какъ разстался со мною на пароходѣ. Въ Каттаро познакомился въ кофейнѣ съ какимъ-то Сербомъ, у котораго нашель къ великой радости „совершенно одинаковое отношеніе къ вопросу“. Воззрѣніе, пояснилъ Мясковъ, вполнѣ свѣтлое, разумное, цивилизованное, „Ничего расоваго, ничего враждебно-національнаго, ничего мелкаго, сепаратистскаго, *pas de politique de clocher*. Этотъ человѣкъ, какъ я, какъ Викторъ Гюго, какъ всѣ мыслители, смотрѣлъ на дѣло не съ какой-нибудь славянскій или сербскій, или другой какой-нибудь *аршинной* высоты, а прямо съ общечеловѣческой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія свободы и федераціи народовъ.“ Сербъ пріѣхавшій сюда, по его словамъ, недавно, уполномоченнымъ отъ какого-то „центрального комитета“ увѣрилъ Мяскова что имъ стоить будетъ только показаться „въ горахъ“ чтобы найти массу приверженцевъ. Рѣшивъ сразу „круто повернуть дѣло, поставивъ князей Николая и Милана внѣ закона“, оба пропагандиста двинулись въ путь. Сербъ увѣрялъ при этомъ что опасности никакой не будетъ и что за блестящій успѣхъ онъ „ручается головою“.

Они наняли двухъ коней, взяли проводника и поѣхали по направленію Грахова. Сначала все шло хорошо, только одно, присовокупилъ Мясковъ, „поражало меня: это—ужасная тупость и неразвитость народонаселенія. На наши объясненія они только лучили глаза и повидимому ничего порядкомъ не понимали.“ Тогда Мяскову пришла счастливая мысль, чортъ ее возьми! говорить съ этимъ „темнымъ людомъ“ притчами чтобъ яснѣе было. Результаты оказались однако плохіе, но друзья все-таки не унывали. На третій или четвертый день они добрались боковымъ путемъ до Драгая, лежащаго на австрійскій землѣ. Здѣсь имъ кто-то изъ слушающихъ заявилъ въ отвѣтъ что „все то глупство“ и что о князѣ Николаѣ говорить имъ не слѣдуетъ. Они рѣшили быть осторожнѣе. Прибывъ въ Грахово и узнавъ что тамъ находится княжескій калитанъ, друзья воздержались на время отъ пропаганды, желая прежде „лодь рукой сондировать настроеніе и

духъ народонаселенія“. Грахово показалось имъ, не взирая на присутствіе княжескаго капитана, самымъ подходящимъ „центромъ дѣйствія“, такъ какъ находилось въ двухъ часахъ всего отъ австрійской границы, „куда въ случаѣ чего можно было всегда нырнуть“. Начались прогулки и поѣздки по окрестнымъ селеніямъ. Результаты однако не выходило никакого. „Тупость, неразуміе и какаѣ-то скотская неподвижность,—вотъ все что мы видѣли“, объяснилъ Мясковъ при этомъ. Такъ прошло нѣсколько дней, когда въ какой-то деревнюшкѣ (вѣроятно между Граховымъ и Туланью) во время ихъ пребыванія явился изъ лагеря инсургентовъ человекъ на видѣ „совершенно иного пошиба“. Знакомство было быстро сведено, такъ какъ прибывшій говорилъ по-французски и немного по-русски и пошла бесѣда. „Этотъ человекъ, объяснилъ Мясковъ, назвалъ себя герцогомъ Медунскимъ, но онъ не герцогъ, а просто разбойникъ.“

— Онъ показался намъ очень дѣльнымъ и подходящимъ человекомъ; объявилъ что бросилъ жену, дѣтей, имѣнія свое, все, чтобъ явиться сюда бойцомъ за свободу. Мы заговорили о свободѣ и о *видажъ свободы*; онъ такъ рѣшительно и зрѣло отвѣтилъ намъ что мы рѣшились тутъ же сообщить ему часть нашей политической программы. Онъ слушалъ и все поддакивалъ. Мы сидѣли въ хижинѣ у огня и пили кофе. Вдругъ этотъ человекъ всталъ и вышелъ, позвавъ хозяина хижины. Не знаю, залодозрилъ ли что мой товарищъ или такъ случайно вышло, но онъ тоже всталъ и пошелъ къ двери. Черезъ минуту слышу крикъ и выстрѣлъ. Я вскочилъ, подбѣгаю къ дверямъ и вижу что Сербъ скачетъ на лошади. Что такое? думаю. Тутъ явился этотъ разбойникъ съ саблей въ рукѣ, съ обнаженною саблей. „Ты кто такой?“ кричитъ замахиваясь на меня.—Я Русскій, отвѣчаю. „Врешь, кричишь, ты не Русскій, ты Турка!“ и ударилъ меня саблей по головѣ. При мнѣ не было оружія, я былъ беззащитенъ...—Я Русскій! кричу снова, не смѣйте меня трогать! „Врешь, каналья, ты *ягъ фука*“... какія-то слова произнесъ, вѣрно по-турецки, и опять ударилъ меня. Что было мнѣ дѣлать? „Ты, говоритъ, смѣешь князя хулить и противъ него говорить. Я тебя свезу въ Цетинье и представляю его свѣтлости и тамъ изъ твоей шкуры мы понадѣлаемъ себѣ уздечекъ, тамъ мы заставимъ лѣвннхъ Турокъ пить изъ твоего

черепа“,—всякія такія мерзости сталъ мнѣ говорить. Сопротивленіе было немислимо. Онъ связалъ, мерзавецъ, мнѣ руки, ударами сабли заставилъ меня подняться на ноги, сѣлъ на мою лошадь и повлекъ меня за собой при этой позорной обстановкѣ. Видя что дѣло плохо, что полалъ не на человѣка, а на жандарма, я, пройдя нѣсколько времени, попробовалъ соблазнить эту подлую душу подкупомъ. Я билъ на все.

„— Послушайте, вы, сказалъ я ему, у меня на себѣ двѣнадцать дукатовъ. Я вамъ отдамъ все, исключая двухъ дукатовъ, отпустите меня.

Онъ только ехидно смѣется и отвѣчаетъ:

„— Твои дукаты будутъ завернуты въ твою шкуру и брошены въ пропасть...

Такое животное! Черезъ нѣсколько времени я опять предлагаю ему эти десять дукатовъ.

„— Приведете меня въ Цетинье, ничего не получите, потому что я, клянусь, объявлю хоть предъ смертью что имѣлъ сто дукатовъ и что вы ихъ у меня отняли.

„— Я, какъ понимаете, билъ ужъ тутъ на уру, а онъ смотритъ на меня, каналья, съ моего же коня и говорить:

„— За каждое твое слово слѣдовало бы вырѣзать теперь же у тебя по оку мяса изъ разныхъ частей, но это мы сдѣлаемъ позже, не безлокойся!“

— Однако я не терялъ совсѣмъ надежды, потому что рожа его мнѣ ужъ очень казалась продажною. Вечеромъ—это было третьяго дня—мы прибыли съ нимъ въ одну деревню. Я ужасно утомился и раны мои болѣли страшно, но я ничего не говорилъ. Этотъ разбойникъ вошелъ въ домъ отдыхать и взялъ меня съ собой, объяснилъ чтѣ-то хозяевамъ показывая на меня, и тѣ стали смотрѣть какъ на собаку. Мило, думаю, если такъ продолжится; сѣдятъ совсѣмъ эти дикіе скоты. Предъ своимъ я обратился опять къ этому разбойнику съ такимъ вопросомъ:—чего же вы отъ меня хотите? Чтѣ вамъ въ томъ что приведете меня въ Цетинье? Я Русскій, ничего со мной не посмѣютъ сдѣлать у васъ, а десять дукатовъ вы такъ ни за чтѣ потеряете. „А исчезнешь ты отсюда, хемъ фука—онъ все меня называлъ хемъ фука,—а исчезнешь ты тогда отсюда?“ говоритъ. Наклевывается, думаю, собака.—Чтѣ жъ мнѣ тутъ дѣлать? отвѣчаю, вижу что ошибся. И тутъ мало-помалу мы уговорились что я отдамъ ему десять дукатовъ, а онъ отпуститъ меня только съ условіемъ что я покину

немедленно ихъ территорію и никогда болѣе не вернусь въ эту треклятую Герцеговину. Выступили мы съ нимъ рано на другой день—это было третьяго дня—онъ все на моей лошади, а я пѣшкомъ, и пришли въ Драгаѣ. О лошади между нами рѣчи не было. Ну, думаю, здѣсь, въ Драгаѣ, на австрійской территоріи, мы съ тобой поговоримъ дружнѣе. Онъ однако будто предчувствовалъ, и, не доходя Драгая, сказалъ отдать деньги. Я отдалъ. Какъ только мы вступили въ австрійское селеніе и очутились у домовъ, я круто перемѣнилъ тонъ и сталъ звать на помощь. Вообразите себѣ что этотъ разбойникъ нисколько не смутился, сталъ меня ругать, выхватилъ саблю и снова напалъ на меня. Явился народъ. Я кричу и показываю его и хочу объяснить имъ, а онъ съ своей стороны объявляетъ что схватилъ меня потому что я бунтую народъ противъ князя Николая. Меня схватили и залезли въ какой-то домъ. Это въ Австріи-то! въ Австріи! въ Австро-Венгріи! а!! На мое счастье, все это такъ на меня подѣйствовало что я почти лишился чувствъ когда меня бросили въ этотъ чуланъ. Эти звѣри подумали вѣроятно что я опасно раненъ и оставили безъ присмотра. Очнулся я, вижу окно совсѣмъ низко отъ земли, дорога большая, извѣстная до Ризано. Выждалъ я; людей не видно нигдѣ; надо, думаю, jouer le tout pour le tout; вылезъ черезъ окно и пошелъ не по дорогѣ, а немножко стороной. Порядкомъ я намучился пока не добрался до Ризано: какъ услышу шаги или завижу кого издали впереди или сзади, сейчасъ съ дороги въ ущелья и сижу тамъ... Чортъ знаетъ что! и голодъ при этомъ, и усталость, и раны... часовъ семь или восемь, я думаю, тащился сюда отъ Драгая.

— Но для ранъ этихъ что же вы сдѣлали? отчего не позвали доктора?

— Какимъ образомъ лозову я доктора когда здѣсь все, какъ и въ Драгаѣ, протухло славянизмомъ. Узнай они только что я здѣсь, меня, пожалуй, опять схватятъ подъ носомъ у австрійскихъ властей и уведутъ въ горы.

— Ну вѣтъ, это не такъ легко...

— Ну такъ просто убьютъ, а это ужъ будетъ слишкомъ гауло.

— Покажите мнѣ ваши раны, можетъ-быть надо что-нибудь сдѣлать.

— Нѣтъ ужъ зачѣмъ же. Я ихъ перевязалъ и приложилъ примочку. Выжду еще, а тамъ покажу ихъ доктору.

При словѣ примочка я машинально бросилъ взглядъ на ночной столикъ. На немъ стояла стклянка съ арникой и нѣсколько употребленныхъ компрессовъ на которыхъ не видно было ни сѣда крови. Это все, вмѣстѣ съ нежеланіемъ показать свои раны, убѣдило меня что Мясковъ получилъ только болѣе или менѣе значительные ушибы въ своей несчастной экспедици, а отнюдь не раны.

Разказъ Мяскова показался мнѣ довольно правдивымъ; я даже поразился такою справедливостью отъ человѣка одержимаго въ столь сильной степени какъ онъ такъ-называемою „хлестаковскою болѣзнью“, и приписалъ эту откровенность необходимости высказаться даже такой натурѣ послѣ перенесенныхъ опасностей, невзгодъ и страданій.

— Что же случилось съ вашимъ товарищемъ Сербомъ? спросилъ я его.

— Не знаю. Можетъ-быть его уже убили.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать?

— Не знаю еще. Посмотрю, какъ здоровье. Во всякомъ случаѣ мы съ ними еще поговоримъ, прибавилъ онъ со злою ужимкой.

Меня удивило что онъ не спросилъ у меня денегъ, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ добралъ сюда всего съ двумя дукатами. На мой вопросъ куда онъ ѣдетъ, сказалъ что въ Триестъ.

Бесѣду нашу прервалъ хозяинъ явившійся съ извѣстіемъ что пароходъ подходитъ. Мясковъ ужасно обрадовался и бросился одѣваться. Я спустился внизъ. Прайоръ и Барбье собирали вещи. Я подошелъ къ Андро и Симо, нашимъ вѣрнымъ проводникамъ, чтобы распрощаться съ ними и положить руки (разчеты всѣ были уже сдѣланы). Оба кривошеи были видимо тронуты.

— Мы имѣемъ до васъ большую просьбу, обратился ко мнѣ Андро чуть не со слезами на глазахъ.

— Что такое, Андро?

— Позвольте намъ сдѣлать картину съ вами.

— Какъ сдѣлать картину?

— А знаете, такую черную картину какъ дѣлають теперь. Въ Рагузѣ есть одинъ который снимаетъ такъ лица.

Я понялъ что дѣло шло о фотографіи.

— Мы поведемъ съ вами,—продолжалъ Андро,—если вы согласитесь. За билеты мы залатаемъ сами; мы ужь рѣшили такъ съ Симо.

Это наивное желаніе меня очень тронуло.

— Конечно, любезные друзья мои, съ радостью согласенъ, только билетовъ мы вамъ не позволимъ взять.

— Ну такъ ужь туда позвольте намъ взять самимъ, мы такъ хотимъ; а назадъ, если милость ваша такая, такъ возьмите вы для насъ.

— Хорошо, хорошо.

— И господинъ Инглизе пусть тоже будетъ съ нами на картинѣ.

— И онъ будетъ тоже, конечно.

Черезъ полчаса мы плыли на пароходѣ въ Рагузу.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧЕТВЕРТЬ ВЪКА НАЗАДЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XLII.

Въ столовой—Аглая Константиновна была уже тамъ—никто еще не принимался за ѣду, ожидая новорожденную. „Эльсинорскій дворъ“ въ полномъ составѣ своемъ, съ королемъ—Зяблинымъ во главѣ, пошелъ ей на встрѣчу едва показалась она въ дверяхъ. „Бригантъ“ шагнулъ торжественно впередъ, склонилъ голову, изящно, по-балетному изогнулъ руки, и поднесъ ей въ богатомъ золотомъ портбукетѣ большой букетъ, кайму котораго составлялъ двойной рядъ бѣлыхъ розъ и лилій, а середина подобрана была изъ всѣхъ тѣхъ полевыхъ цвѣтовъ и травъ которые называетъ и раздаетъ окружающимъ Офелія въ сценѣ своего безумія: васильки, лавалика, ноготки, маргаритки, дикій тминъ....

— Bravo, monsieur Зяблинъ,—*charmant le bouquet, charmant*, крикнула ему со своего мѣста княгиня.

Но, къ удивленію ея, онъ отвѣчалъ ей на это далеко не обычнымъ ему, холоднымъ, почти недовольнымъ взглядомъ,

* См. Русск. Вѣстн. №№ 48, 68 и 70.

обвелъ затѣмъ глазами кругомъ какъ бы приглашая всѣхъ ко вниманію и, обращаясь къ Лунѣ, не успѣвшей еще выговорить слова, началъ вдругъ на раслѣвъ своимъ сладкимъ, наломившимъ о сдобномъ тѣствѣ голосомъ:

О роза майская, Офелія! О ты....

Это было совершенно неожиданно: въ программѣ нашихъ молодыхъ людей Зяблинъ долженъ былъ поднести княжѣ этотъ букетъ отъ имени ихъ всѣхъ, и только; никакой рѣчи при этомъ не предполагалось. То что онъ былъ намѣренъ, повидимому, проговорить ей теперь, шло, значить, единственно отъ него лично, а между тѣмъ могло быть понято „остальною публикой“ какъ нѣчто сочиненное сообща, или ло крайней мѣрѣ алпробованное ими.... Безлокойно, съ недо-вѣрчивою или насмѣшливою улыбкой на лицахъ переглянулись актеры....

О роза майская, Офелія! О ты,
Прелестнѣйшій цвѣтокъ во всей подлунной,
Ты что тоску, и грусть, и самый адъ....

— Помилуйте, чуть не вскрикнулъ Чижевскій,—да это онъ прямо изъ моей роли валаетъ!

„Шш, шш!“ раздалось со стороны „публики“.

„Бригантъ“ будто и не слышалъ; онъ откашлянулся и невозмутимо потворилъ:

Ты что тоску, и грусть, и самый адъ....

При этомъ показалъ рукою на грудь и лустилъ мрачнымъ взглядомъ по направлению Аглаи Константиновны.

Все въ красоту одну преобразила,
Прими отъ насъ, прими сіи цвѣты,
Благоуханные,

и онъ провелъ рукою по лиліямъ и розамъ букета,
и свѣжіе какъ ты!

закончилъ Зяблинъ, ткнувъ уже пальцемъ въ средину полевыхъ цвѣтовъ и нѣжно остановилъ свои воловьи глаза на княжѣ.

Услѣхъ привѣтствія превзошелъ всякія ожиданія его счастливаго автора. Крики „браво“ и рукоплесканія „публики“ слились съ громкимъ смѣхомъ молодежи,—но это уже былъ одобрительный, лестный для Зяблина смѣхъ....

— Очень, очень недурно-съ, говорилъ ему поощрительно Духовинъ,—и проговорено такъ щеголевато, съ этою свойственною вамъ круглотой манеръ, *cette rondeur*....

Зяблинъ скромно только раскланивался направо и налево — Вы меня извините, съ легкою ядовитостью отнесся онъ къ Чижевскому,—если я позволилъ себѣ позаимствовать, дѣйствительно, нѣсколько выраженій изъ вашей роли Лаерта,—почитая ихъ... подходящими къ сюжету. Но вы замѣтили, надѣюсь, что... не все же изъ вашей роли... Я, конечно, не Лермонтовъ....

— Помилуйте, я никогда васъ въ этомъ и не упрекалъ, хотѣлъ въ отвѣтъ молодой чиновникъ, добродушно пожимая ему при этомъ руки....

— Па vraiment beaucoup de talent, monsieur Зяблинъ! глубокомысленно отпустила, въ свою очередь, княгиня Аглая стоявшему подлѣ нея графу Анисьеву.

— Beaucoup, beaucoup! подтвердилъ флигель-адъютантъ, знакомомъ покачивая голову;—des images, de la pointe.... de la pointe surtout! А у насъ вообще.... мы какъ-то этого не умѣемъ....—говорилъ онъ, внимательно слѣдя между тѣмъ взоромъ за Линой.

Она направлялась къ матери, не услѣвая отвѣчать по пути на привѣтствія и поздравленія сылавшіяся ей со всѣхъ сторонъ. Какъ въ туманѣ мелькнулъ предъ ней нѣсколько блѣдный, но спокойный, показалось ей, обликъ Гундунова,—она не смѣла поднять на него глазъ.... Онъ также, поняла она, не пойдетъ къ ней, не станетъ привлекать на себя вниманіе въ эту минуту....

— Merci, maman, за вашъ подарокъ! Она нагнулась къ ея рукѣ....

— C'est une bagatelle, начала было Аглая Константиновна, съ намѣреніемъ по этому случаю сдѣлать дочери нѣкоторое внушеніе, но присутствіе Анисьева ее остановило:

— А графа ты не благодаришь? указала она на него съ умилненною улыбкой по его направленію,—онъ тебѣ, кажется, прислалъ....

— Очень вамъ благодарна! сказала ему Лина и медленно повела точеною своею головкой внизъ.

— А что же ты намъ его не покажешь, le cadeau du comte? уже игриво проговорила княгиня, перекидываясь отъ дочери къ молодому полковнику лукавымъ, въ намѣреніяхъ ея, взглядомъ,—voulez vous garder ses bonbons pour vous seule?

— О, безтолковая бабуца! воскликнулъ мысленно флигель-адъютантъ, между тѣмъ какъ блѣдная Лина вся измѣнилась въ лицѣ....

— Княгиня, громко, почти рѣзко заговорилъ онъ,—я сто- рѣлъ бы со стыда еслибы княжнѣ вздумалось обратить серіоз- ное вниманіе на нѣсколько фунтовъ конфетъ, которыя я счелъ себѣ дозволеннымъ поднести ей, какъ дозволено это, кажется, сегодня каждому изъ вашихъ гостей? домолвилъ онъ съ большимъ тактомъ.—Ты видишь, я не навязываюсь! гово- рили прямо эти слова Лина.

Онъ второй разъ со вчерашняго дня выводилъ ее изъ труд- наго, глупаго положенія, въ которое ставила ее мамель- ка, и еще разъ должна она была заплатить ему за это бла- годарнымъ взглядомъ....

— Mais.... j'ai dit cela pour plaisanter, mon cher comte! съ нѣсколько сконфуженнымъ смѣхомъ промолвила Аглая.—Met- tons nous à table!...

— Mam! J'm very angry *! проговорилъ, подходя въ это время къ ней съ надутыми губами, князекъ, ея сынъ.

— Qu'avez vous, Basile?

— Зачѣмъ онъ—Basile ткнулъ пальцемъ на усаживавшагося теперь за столъ Зяблина,—зачѣмъ онъ Лина подарилъ бу- кетъ, когда я хотѣлъ?

— Чтò жъ такое; его твоему не мѣшаетъ? И княгиня под- мигнула Анисьеву съ такимъ выраженіемъ что „n'est ce pas comme il est gentil“?...

— У меня просто, а у него съ золотомъ! указалъ Basile на портбукетъ который держала Лина въ рукѣ;—я не хочу чтобы мой былъ хуже,—я его бросилъ!

И онъ чуть не плача отправился на свое мѣсто....

— Здравствуйте, княгиня, поздравляю съ новорожденной.

— Ахъ, chère Jenny! громко удивилась хозяйка;—отку- да вы?...

— Я сейчасъ вошла....

— А татап гдѣ?

— Она будетъ позднѣ. Меня привезъ братъ и увѣхалъ олять. Я уже давно здѣсь, разбудила раувге Лина чуть не съ зарею, болтала и смѣялась княжна Карнаухова, посылая въ то же время дружескіе кивки знакомой молодежи по всему протяженію стола.—Они всѣ пріѣдутъ вмѣстѣ, и съ гра- финей Воротынцевой...

— La comtesse Tatiana Vorotintzef-Darjine? вся покраснѣвъ отъ радости, протянула Аглая во всю его длину имя этой

* Я очень сердитъ, мама.

звѣзды тогдашняго петербургскаго свѣта.—Она будетъ сюда? Изъ своего Дарвина? Сегодня?

— Да! Она обожаетъ театръ. Маман ей говорила въ Москвѣ что у васъ сегодня будетъ spectacle de société; ей ужасно захотѣлось, и маман сказала ей что вы навѣрно будете очень рады если она привезетъ ее къ вамъ...

— Votre mère est charmante comme toujours!.. Да садитесь, Женни, chère... Гдѣ бы вамъ лучше?... Она уже и не знала чѣмъ угодить, куда посадить эту дорогую вѣстницу.

— Я вотъ сюда сяду, merci! возгласила княжна и бухнулась на стулъ подлѣ Анисьева,—мѣсто предназначавшееся въ мысли княгини ея дочери.

— Здравствуйте, графъ! заговорила тотчасъ же съ нимъ она;—не ожидали меня встрѣтить здѣсь?

— Тѣмъ для меня счастливѣе! отвѣчалъ онъ, учтиво наклонясь.

— А для меня тѣмъ удивительнѣе! возразила она со смѣхомъ.—Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ что? Онъ, улыбаясь тоже, но холодными глазами, поглядѣлъ на нее сбоку.—Какъ видите, собираюсь чай пить, и люблюсь вашею вѣчною веселостью. Откуда вы ее берете?

— А вы воображали, можетъ-быть, что, увидавъ васъ здѣсь, я такъ и уладу въ обморокъ? Ошиблись! Вы не можете себя представить, напротивъ, какъ это мнѣ весело!..

Въ ея тонѣ было что-то что заставило его насторожить уши.

— Что же васъ именно такъ веселить? спросилъ онъ.

— А то... Женни не договорила и олять принялась смѣяться.

— Давно вы знакомы въ этомъ домѣ? спросила она.

— Матушка моя очень дружна была съ княгиней за границей, счелъ нужнымъ объяснить онъ.

— И вы тоже?

— Что я?

— Очень были дружны съ княгиней за границей? передразнила она его сдержанный тонъ.

— Я былъ представленъ ей нынѣшнею зимою...

— Гдѣ это?

— Въ Москвѣ.

— А! Это когда вы у насъ такъ часто бывали?.. И мнѣ объ этомъ тогда ни слова не сказали?..

— Я не смѣлъ воображать себѣ, отвѣчалъ блестящій полковникъ, луская въ ходъ свою многозначительную улыбку,— что васъ можетъ такъ интересовать малѣйшій изъ моихъ faits et gestes?..

— Ахъ, пожалуста, вскрикнула Женни,—pas de ses airs de fat avec moi! Я нисколько въ васъ не влюблена!

— Я такую несбыточною надеждою и не льстилъ себя никогда!

— Ни я, отпустила она, взбѣшенная его хладнокровною улыбкой,—ни я... ни еще кто-то!..

— Кто же это еще могло бы быть? И онъ уже строго остановилъ на ней глаза.

— Не *оно*, а *она*! Та для которой вы сюда пріѣхали! выложила ему начистоту, смѣло выдерживая его взглядъ, крупная княжна.

— Ah, ah, cela devient sérieux! подумалъ флигель-адъютантъ, поводя кругомъ себѣ въ то же время не измѣнившимся взглядомъ, между тѣмъ какъ Женни, отвернувшись отъ него, посыпала, теперь уже слегка краснѣя, поклонъ головой и глазами Чижевскому, давно не отрывавшему отъ нея взгляда съ противоположнаго конца стола...

— Какъ хороша ваша картина, дядя, какъ я вамъ благодарна за нее! говорила, усѣвшись подлѣ князя Ларіона Луна. Она давно у васъ? спросила она и въ груди у нея болезненно заняло вдругъ: она только теперь, въ этомъ близкомъ разстояніи отъ него, при утреннемъ свѣтѣ, замѣтила какъ страшно перемѣнился онъ въ эти немного дней... Кожа отвисла на влывшихъ щекахъ, угрюмо выступали посѣдѣвшія брови надъ будто убѣжавшими куда-то глазами, губы словно измѣнили своему прежнему тонкому рисунку, и старчески опустились на углахъ...

— Мнѣ уступилъ се Смирновъ зимой, отвѣтилъ онъ;—я до Мессонье небольшой охотникъ самъ... Но сюжетъ, выраженіе... Я себѣ тогда же сказалъ что она тебѣ должна понравиться...

— Вы добрый, дядя! сказала тихо Луна, олуская глаза въ свою тарелку; ей было больно глядѣть на него.

— Ты мнѣ простила? спросилъ онъ ее черезъ мигъ еще тише и дрожащимъ голосомъ.

— За чтѣ?

— За вчерашнее?...

— Ахъ, дядя! могла только проговорить она.

— Будь снисходительна!... Тебѣ не понять... И слава Богу! точно слохватился онъ... Но сразу, вдругъ,—это... это тяжело...

Онъ старался улыбнуться, но рука его, державшая щипцы для сахару, никакъ не подала въ сахарницу, словно не видѣлъ онъ ее, или пальцы его переставали уже повиноваться его хотѣнію.

Княжна взяла у него щипцы и наложила сахару въ его большую чашку.

— Спасибо!... *Mon bâton de vieillesse!*... И онъ засмѣялся, будто просыпаясь...—Я, кажется, вздоръ тебѣ какой-то несъ сейчасъ?... Дай срокъ,—выростемъ, поправимся какъ-нибудь! договорилъ онъ уже совсѣмъ овладѣвъ собою.

Графъ въ эту минуту показался въ дверяхъ столовой.

— *Cher comte!* возгласила хозяйка, вставая съ мѣста,—мы только что сѣли.

Всѣ поднялись за нею...

— Садитесь, садитесь! выпятивъ впередъ губы и отмахиваясь ладонями, любезно приглашалъ всѣхъ московскій правитель не прерывать для него завтрака.—Никогда не завтракаю! Заметь только поздравить новорожденную!... Милое дитя!...

И онъ своею быстрою, переваливавшеюся походкой пошелъ на встрѣчу слѣзшишей къ нему Линѣ.

— Видите, какъ сказалъ, пріѣхалъ поздравить васъ! добродушно смѣялся онъ, пожимая и похлопывая своими ладонями руками ея вѣжныя руки,—нарочью днемъ ранѣе изъ Нарцесова выѣхалъ!

— Я не знаю какъ васъ за это и благодарить, графъ!

Онъ откинулъ ладони назадъ:

— Нѣтъ! Я очень радъ! Милое дитя!... А, шалунья! возгласилъ онъ, замѣтивъ быстроглазую Ольгу Акулину въ многочисленной грултѣ „лулярокъ“,—Ольгу которая до сей минуты, не отрывая взора, слѣдила издали за каждымъ движеніемъ изящнаго флигель-адъютанта.

Она вскинулась съ мѣста и побѣжала на голосъ старика. Она и въ немъ, ловидимому, вызывала „искорки“: его китайское лицо размякло лучше прежняго; ладони принялись уже съ особеннымъ чувствомъ трепать и гладить ея всегда горячія руки...

— Очень радъ! Сегодня играть будете?

— Завтра, ваше сіятельство! отвѣчала она, поджимаясь и выпуская ему изъ-под рѣсницъ убійственнѣйшій *глазеназъ*. какъ выражалась Женни Карнаухова,—къ несчастію, только завтра!...

— Завтра? Не знаю!... Надо въ Москву!... Актеры все! забѣялся онъ олять, обводя кругомъ стола своими узенькими глазами изъ-подъ словно налухшихъ вѣкъ...—Ашанинъ! крикнулъ онъ, узнавая его,—лустомеля! Все шалберничаешь?

— Вашими молитвами, ваше сіятельство! комически отпугнулъ ему въ отвѣтъ красавецъ, пользовавшійся почему-то особеннымъ расположеніемъ старика.

— Добрый малый! расхохотался тотъ, подмигнувъ невѣдомо къ чему при этомъ Ольгѣ Акулиной.

— Любезный графъ, обратился къ нему князь Ларіонъ громкимъ голосомъ, со свойственною ему въ иныхъ случаяхъ вѣкторую торжественностью,—позвольте воспользоваться вашимъ присутствіемъ въ Спцкомъ чтобы представить вамъ одного изъ даровитѣйшихъ вашихъ московскихъ молодыхъ людей, о которомъ я впрочемъ уже имѣлъ случай говорить вамъ... Сергѣй Михайлычъ! обратился онъ къ изумившемуся Гундурову...

Онъ назвалъ его по фамиліи графу.

Молодой человекъ подошелъ съ нѣсколькими нахмуреннымъ лицомъ. Ему крайне не нравилась эта неожиданная „выставка его на удивленіе публики“...

— Очень радъ! залѣлъ голосъ,—Ларіонъ мнѣ говорилъ. Профессоромъ *хочете* быть. Это хорошо! Отца зналъ! Майоръ, въ Клястицкомъ гусарскомъ полку служилъ. Веселая голова!

— Отецъ мой никогда въ военной службѣ не былъ, сказалъ Сергѣй.

— Не былъ? повторилъ графъ и тѣмъ же акаѳистомъ, какъ бы нисколько не принявъ это обстоятельство во вниманіе, продолжалъ о майорѣ-веселой головѣ:—подъ Фершамлевузомъ, вкатилъ себѣ лишняго, и при этомъ графъ щелкнулъ себя пальцемъ по воротнику,—полѣзъ самъ-третей на Французовъ. Такъ его тутъ и доложили... Хорошій малый былъ!... Очень радъ! сказалъ онъ еще разъ и подалъ Гундурову руку,—когда что нужно, приходи ко мнѣ! Что могу—сдѣлаю! Моя графиня будетъ очень рада. Актеръ!...

— Сергѣй Михайлычъ, я вполне убѣжденъ, заговорилъ опять громко и какъ-то особенно отчетливо князь Ларіонъ.

съ видимымъ намѣреніемъ чтобъ его слышали, принесетъ со-временемъ честь и заведенію гдѣ онъ получилъ образованіе, и городу въ которомъ онъ родился. А потому любезный графъ, нашъ стариковскій долгъ—прокладывать такимъ молодымъ людямъ дорогу, насколько это въ нашихъ средствахъ.

— Всегда готовъ, пролѣвъ старый Китаецъ.—Ну, а теперь прощайте, словно осыная присутствующихъ своими половскими ладоными, повелъ онъ имъ кругомъ,—гулять иду... Знакомыя мѣста. Съ графомъ Барклаемъ, онъ тогда еще княземъ не былъ, въ одиннадцатомъ году были здѣсь у твоего старика, продолжалъ онъ лѣтъ знакомую лѣсно князю Лариону, проважавшему его до дверей...

Князь вернулся на свое мѣсто, подлѣ племянницы.

— Ну что „поправились“? спросилъ онъ ее съ почти веселою усмѣшкой.

— Онъ этого стоить, дядя, проговорила чуть слышно Луна.

Онъ не отвѣчалъ, онъ съ большимъ усиліемъ подавилъ вздохъ вырвавшійся у него изъ груди....

А слова его между тѣмъ обратили на Гундурова общее вниманіе.

— Скажите, княжна, зашепталъ сосѣдкѣ своей графъ Анисьевъ, кто этотъ фениксъ отъ котораго, повидимому, Россія должна ждать себѣ спасенія?

— А вамъ ужъ и досадно что не отъ васъ однихъ? отръзада ему Женни оборачиваясь.

Онъ помолчалъ.

— Не объясните ли вы мнѣ, спросилъ онъ затѣмъ, за что на меня ваши гнѣвы?

— Я вамъ сказала: я самонадѣянности не сношу.

Флигель-адъютантъ тонко улыбулся.

— А гослодинъ Чижевскій не самонадѣянь? Онъ едва замѣтно мигнулъ въ сторону молодого человѣка, продолжавшаго переглядываться съ княжною; онъ нѣсколько знакомъ былъ съ нимъ по Москвѣ.

Женни вслыхнула. Онъ не далъ ей время отвѣтить:

— Или это можетъ-быть, проронилъ онъ лукаво-невиннымъ тономъ,—съ одобренія княгини матушки вашей?

— Я васъ терпѣть не могу, чуть не взвизнула пыкая княжна.

— Вотъ ужъ до чего, протянулъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Да, да, я не шучу... и...

— Что „и“..? Онъ глянулъ на нее изподлобья.

— Я вамъ это докажу, храбрилась Женни.

Анисьевъ улыбнулся опять:

— Благодарю. Я это запишу себѣ въ книжку.

— Что вы запишете?

— Я вотъ, изволите видѣть, княжна, очень аккуратень: кто что мнѣ и я что, кому долженъ веду счетъ до малѣйшей подробности... и никогда не забываю, добавилъ онъ уже безъ смѣха.

Женни покосилась на него:

— Вы мстить мнѣ собираетесь?

— Еі done. И онъ красивымъ движеніемъ провелъ рукой по усамъ;—кто же „мстить“? Раз-чи-ты-ваются, объяснилъ придворный воинъ.

Образъ грозной мамани мелкнулъ въ головѣ расходившейся дѣвицы. Анисьевъ, она знала, могъ быть опаснымъ врагомъ для каждаго. „У нихъ въ домѣ съ нимъ возицась какъ съ дорогимъ сокровищемъ какимъ-то... И у лалъ съ нимъ какіе-то счеты... Маман никогда бы не простила, еслибы“....

Княжна вдругъ ужасно перелугалась...

— Зачѣмъ вы со мною не откровенны? уже дружески ему улыбаясь сказала она:

— А вамъ откровенность требуется и съ моей стороны?

Она поняла:

— Съ той—никакой вѣтъ, живо проговорила она.

— Будто?

— Она такая, подтвердила Женни кивая.

— Почему же вы... знаете что...? не досказалъ онъ.

— Догадываюсь...

— И... и кто же? не сейчасъ спросилъ онъ опять.

— Не знаю рѣшительно.

— Не фениксъ ли ужъ этотъ по ученой части? мелькнуло въ головѣ флигель-адъютанта. Чего добраго? У нихъ въ Москвѣ и этотъ людъ туда же на равной ногѣ со всѣми. И брови его на мигъ презрительно сжались.—И никто не знаетъ? вымолвилъ онъ какъ бы вскользь, но все тѣмъ же шелотомъ.

— Вотъ эта, кажется, знаетъ, отвѣчала также княжна,—противъ насъ, наискось... въ волосахъ лунцовая роза, выдала она Ольгу Еллидифоровну. Смѣтливая барюшня поймала

на лету обращенный на нее взглядъ и многозначительно улыбулась: она давно угадывала о чемъ у нихъ идетъ рѣчь...

— А, эта хорошенькая?

— *Quel homme vous faites*, воскликнула Женни, съ вашими телерешными намѣреніями, а „хорошенькія“ все также у насъ на умѣ...

— Эхъ, княжна, языкъ мой—врагъ мой, наставительно заговѣтилъ ей на это осторожный полковникъ, озираясь...

— Ничего, никто не слышитъ... Я предвараю васъ, сочла нужнымъ сообщить ему Женни, она пребольшая кокетка. Стецъ ея исправникъ въ нашемъ уѣздѣ...

— *Il me semble* что вы будто ссоритесь *avec le comte, Jenny?* крикнула ей со своего мѣста хозяйка дома съ искусственнымъ смѣхомъ: ее безлокоила эта продолжительная и, какъ ей казалось, слишкомъ „интимная“ бесѣда Женни съ блестящимъ Петербуржцемъ. Она сѣтовала на то что онъ, „*rag politesse exagérée*“, уступилъ мѣсто подлѣ нея, хозяйки, одному старику изъ „*menu fretin*“, а самъ уѣлся подалѣе и гелерь болтаетъ съ этою княжною „*qui n'a pas le sou de dot*“, всколькo не стараясь быть „*assidu près de Lina, ma fille*“...

— Мы толкуемъ съ нимъ о разведеніи цыплятъ, боіко отвѣтила ей на это княжна Карнаухова, это мое специальное занятіе у насъ, въ Высокомъ.

— *Toujours le mot rouge* гире, снисходительно ухмыльнулась княгиня Аглая и подыалась изъ-за стола.

XLIII.

Анисьевъ чувствовалъ что „невозможная маменька“ такъ и ждетъ случая „аккаларировать его какъ вчера“, а этого онъ боялся теперь лучше всего. Кромѣ раздражающей думы: куки, „отъ которой“, какъ выражался онъ мысленно, „можно изъ окна выскочить, а если останешься жить, первому изъ улицъ встрѣчному закатить въ рожу со злости“,—онъ ясно понималъ теперь что ея назойливое покровительственно юртило его дѣла хуже всякаго чаемаго имъ соперничества... А что соперникъ ему былъ—въ томъ онъ уже не сомнѣвался. Вопросъ состоялъ теперь только „насколько серьезно тотъ еще невѣдомый ему rivalъ“. Насколько могло быть серьезно чувство самой княжны—его пока мало заботило:

„съ этимъ справиться всегда успеешь“, говорила ему его равняя житейская опытность...

— А пока уйти скорѣе и подалѣе отъ этой дуры, рѣшилъ онъ.

И, едва успѣла она встать, онъ, какъ за ширмы, скользнулъ за широкую спину старика сосѣда и исчезъ изъ вида Аглаи прежде чѣмъ успѣла она объ этомъ догадаться.

— Гдѣ здѣсь курятъ? спросилъ онъ съ учтивою улыбкой незнакомаго ему молодого человека, вышедшаго за нимъ изъ столовой.

Это былъ Свищовъ.

— Гдѣ прикажете? послѣдовалъ онъ отвѣтить съ пощечнымъ чувствомъ:—тутъ, въ домѣ внизу хозяйка намъ fischer устроила, но мы больше въ саду куримъ, „подъ сводомъ неба голубымъ“...

— Что же и прекрасно въ саду, погода чудесная!

Анисьевъ направился къ лѣтвищѣ.

— Прикажете папироску?

— Благодарю васъ, у меня свои, сказалъ фангель-адъютантъ не оборачиваясь.

Свищовъ тѣмъ не менѣе любѣжалъ за нимъ...

— Ну, та снѣге, шелтада между тѣмъ на ухо Лины, побѣжавъ къ ней, княжна Карнаухова,—онъ кажется догадывается.

Брови Лины сдвинулись:

— Кто? О чемъ?

— Жоржъ Анисьевъ о... о твоёмъ,—ну, ты знаешь о комъ... Ты вѣдь не назвала мнѣ его?..

— Женя; сказала княжна, разъ навсегда я прошу тебя мнѣ ни о чемъ подобномъ не говорить никогда!..

— Ахъ, та снѣге, если это тебѣ неприятно, вскакинула обиженнымъ голосомъ та,—сдѣлай милости! Для меня же лучше, одною заботой меньше!

И быстро обернувшись, она тутъ же вскрикнула и расхоталась, чуть не стукнувшись лбомъ съ Чижевокимъ, который давно, не менѣе чѣмъ она сама, сгаралъ желаніемъ „flirtet un reu“ съ нею, и подкрадывался къ ней для этой цѣли...

Въ дверяхъ столовой Лина, въ свою очередь, очутилась лицомъ Гундурова. У обоихъ у нихъ забилося при этомъ радостно сердце, какъ бы при встрѣчѣ послѣ долгой разлуки. Оба она, будто по командѣ, одновременно опустили глаза—

— Я Софью Ивановну за завтракомъ не видела; вы не знаете что съ нею? торопливо проговорила она.

— Поздно встала и жалуется что голова тяжела, сказалъ онъ.

— Я пойду ее навѣстить.

— Вы пойдете?... Надежда Федоровна сидитъ у нея!

— Такъ что же?...

Онъ не отвѣчалъ. Онъ не могъ себѣ дать отчета для чего онъ это сказалъ. Ему только смутно казалось что въ эту минуту, когда будетъ у тетки Лина, лучше еслобы не было тамъ Надежды Федоровны....

Лина мелькомъ скользящая взоромъ по его лицу и прошла мимо.

Онъ пошелъ за остальными на балконъ, въ садъ.... Вальковскій гудѣлъ уже тамъ, отфыркиваясь и отлаеиваясь отъ только что сдѣланнаго Ашанинымъ предложенія „идти сейчасъ на сцену и прорепетировать кое-какія слабыя сцены“. Старый театральнѣйшій мудрецъ и суеверъ, онъ прежде всего почиталъ что репетиція въ день спектакля „приноситъ несчастье“, а затѣмъ утверждалъ уже весьма основательно что, хорошо или дурно пойдетъ эта репетиція, она уже тѣмъ вредна спектаклю что утомитъ заранѣе актеровъ.... Ашанинъ зналъ это также хорошо какъ Вальковскій, но проповѣдывалъ теперь совсѣмъ иное: онъ говорилъ что вчерашняя репетиція *Гамлета* была нестерпимо вяла, что нужна непременно еще одна, хотя бы не полная проба въ костюмахъ чтобы не чувствовать себя въ нихъ „не собою“ вечеромъ, на спектаклѣ, и т. п. Дѣло въ томъ что ему нужна была лично эта репетиція потому что на нее придетъ Ольга Акулина, потому что онъ найдетъ тамъ минуту для объясненія съ этимъ „своерравнымъ созданиемъ“—Ольга Акулина, съ которою произошло что-то необъяснимое, которая видимо, съ неистовымъ упорствомъ, отводила отъ него глаза въ продолженіе дѣлаго завтрака,—Ольга Акулина, которая сейчасъ вотъ вскинулась и стремглавъ убѣжала отъ него прочь когда онъ подошелъ къ ней, почти дрожа отъ волненія, онъ, Владиміръ Ашанинъ!... Какъ, думалъ онъ, едва коснувшись этой сладостной чаши, оторваться отъ нея навсегда! Не допить до дна того блаженства когда на губахъ у него до сихъ поръ еще горитъ ольняющій жаръ ея поцѣлуевъ?... И что это, что движеть ее теперь: стыдъ, испугъ, досада... или, просто, одно

изъ тѣхъ мгновенныхъ, капризныхъ, безомысленныхъ противорѣчій на которыя такъ ладки женскія сердца и съ которыми такъ легко и побѣдно справлялся до сихъ поръ московскій донъ-Жуанъ? Ашанинъ не узнавалъ самого себя, онъ былъ весь полонъ какой-то, давно ему ужъ невѣдомой, сердечной тревоги... „Да не влюблены ли я ужъ и въ самого дѣла?“ спрашивалъ онъ себя, вызывая на уста обычную ему насмѣшливую улыбку, но не находя въ то же время прежней насмѣшки въ глубинѣ своего существа....

Онъ горячо доказывалъ необходимость релетиціи и имѣлъ за себя большинство актеровъ: театральная зада въ Царскомъ въ эти три недѣли успѣла сдѣлаться для нашей молодежи какимъ-то отечествомъ, которому служили они вѣрой и правдой; провести все утро безъ этой службы представлялось уже имъ какъ будто страннымъ....

„Фанатикъ“ отбивался и руками и ногами, и ругалъ пріятеля „Володькой-безобразникомъ“ и „бревномъ несмыслищимъ“, къ великой потѣхѣ окружающихъ.

— По-моему, вмѣшался въ споръ Духовинъ,—*Гамлета* и точно надо оставить въ покоѣ до спектакля. Но вотъ насчетъ *Синичкина* (онъ игралъ въ немъ князя Вѣтровскаго) я ужъ не знаю... Неужели мы его еще разъ до завтра не прорелетуемъ?..

— Это значитъ, желчно отпугнулъ на это „фанатикъ“,— изморись какъ собака утромъ на *Льва Гурьича*, а вечеромъ выходи вамъ бравымъ молодцомъ въ *Розенкранцъ*?

— Такъ для тебя же выгодно! Спустишь жиру съ костей, красивѣе станешь! послышалъ замѣтить ему Ашанинъ, тотчасъ же сообразившій что Ольга, играющая главную женскую роль въ *Синичкино*, обязана будетъ непремѣнно придти на релетицію.

— А и то, подумалъ „фанатикъ“, меграрь фунтика еще на два не мѣшаетъ!...—Пожалуй, оказалъ онъ, какъ бы свисходя къ общему желанію, *Льва Гурьича* релетичку сварганивать можно черезъ часокъ времени.

Гундуровъ не слушалъ эти пренія. Закинувъ руки за спину, опустивъ голову, онъ кружилъ медленно и безшумно, какъ кружатъ звѣри въ клеткѣ, все по одному направленію, кругомъ высоковиднаго по случаю правдыка фонтана въ саду, близь котораго держали совѣщаніе его товарищи по театру. Въ немъ зрѣло какое-то намѣреніе, какое-то виднѣ

не легкое для него рѣшеніе. Движеніе не вызывало крови къ его лицу; она, напротивъ, вся будто прилиwała теперь къ его сердцу, и молодой человекъ безсознательно уже нѣсколько разъ подносилъ къ нему руку какъ бы желая остановить его нестерпимое біеніе...

Онъ вдругъ остановился, поднялъ голову, сверкнулъ загорѣвшимися глазами и быстрымъ шагомъ направился по аллеѣ къ дому.

— Куда ты, Сережа? крикнулъ ему вслѣдъ Ашанинъ.

— Надо! коротко отвѣтилъ онъ, избѣгая на мраморныя ступени балкона...

Все это видѣлъ и слышалъ курившій тутъ же въ аллеѣ на скамьѣ „Жоржъ“ Анисьевъ, между тѣмъ какъ Свищовъ, стоя предъ нимъ и пуская дымъ своей сигары вверхъ, какъ бы не смѣя примѣшивать ея плебейскаго запаха къ аристократическому благовопію флигель-адъютантской папироски, передавалъ ему съ грубымъ хохотаньемъ и подергиваньемъ плечъ, о прелестяхъ нѣкоей „Марьи Ивановны“, танцовщицы, сводившей съ ума всѣхъ тогдашнихъ московскихъ балетомановъ...

Ахъ, за тебя, Марія,

читалъ онъ нарастаѣвъ посвященныя этой очаровательницѣ однимъ изъ ея поклонниковъ стихи:

Ахъ, за тебя, Марія,
Пойду въ пономари я,
И гряну съ колокольни
Во всѣ страны околь...

— Это господишь Гундуровъ, если не ошибаюсь? безцеремонно прервалъ его на полусловѣ петербургскій воинъ.

Свищовъ небрежно закинулъ голову за плечо:

— Онъ самый!...

— Готовить себя въ профессора, кажется?...

— Да... изъ педагоговъ!... *Les femmes savantes* Мольера помните? прилуталъ невѣдомо къ чему Свищовъ.

Анисьевъ помолчалъ, закурилъ новую папироску:

— Гундуровы, вѣдь это кажется, старая дворянская фамилія? какъ бы проронилъ онъ за тѣмъ.

— Отъ Михаила будто Черныговскаго родъ ведутъ... А я, по рождъ его судя, такъ полагаю что развѣ отъ чухны какого-нибудь! тихикнулъ нахаль.

Брюзгливая усмѣшка скользнула ему въ отвѣтъ по лицу флигель-адъютанта:

— И состояніе есть?

— Прекрасное; въ нашемъ уѣздѣ душъ пятьсотъ незаложенныхъ... Въ рубашкѣ родился, болванъ! ругнулъ по этому случаю Гундурова Свищовъ, вспоминая что назначавшіяся на улагу процентовъ за его собственное имѣніе въ олекунской совѣтъ деньги проиграны имъ были недавно Волжинскому, и сердито швырнулъ въ цѣвѣты свою еще недокуренную сигару.

— Въ здѣшнемъ домѣ его повиданному очень цѣвѣять? тонко ухмыляясь и взглянувъ на него вскользь, пролустилъ полковникъ.

— То-есть, это вы полагаете по тому что сказалъ о немъ графу князь Ларіонъ Васильчъ? Такъ мало ли что онъ говорить! На то „онъ дипломатъ и языкомъ владѣеть чтобы мысль свою таить“, пропѣлъ Свищовъ изъ какого-то водевиля;— а сунься-ко вотъ тотъ къ нему съ чѣмъ-нибудь серьезнымъ...

— Съ чѣмъ же, напримѣръ? небрежнымъ тономъ спросилъ его собесѣдникъ.

Свищовъ осторожно оглянулся...

— Да хоть бы насчетъ сегодняшней новорожденной, сказалъ онъ, подмигивая.

— А! А развѣ?...

— Какъ же! Чортъ ему не братъ! мѣветъ! Мѣвемъ-то, по правдѣ сказать, всѣ мы соборнѣ, прервалъ себя Свищовъ,— поводъ пріѣзда Анисьева въ Суцкое былъ ему вѣдомъ какъ и всему дому, и онъ считалъ нужнымъ отозваться какъ можно лестнѣе о княжнѣ предъ такимъ „претендателемъ“, потому она дѣйствительно дѣвushка...

— Безлодобная, сколько я помимаю? поощрительно подкалывалъ придворный воинъ.

— Да-съ! Первый сортъ жень персонъ, и въ нѣкоторомъ родѣ Жуковского *Ундина*! развалила своимъ грубымъ свѣхомъ тотъ...—И мы всѣ, говорю, соборнѣ, предъ нею головами во прахъ, мѣвемъ, знаете на благородномъ, такъ-сказать, разстояніи... Ну, а онъ, губа-то не дура, въ серьезъ мѣветъ!...

— Вотъ какъ! добродушно уже смѣялся Петербуржецъ.—И ему благосклонно внимають? разсѣянно проговорилъ онъ, сощелкивая пальцемъ съ рукава улавшую на него табачную золу.

Свищовъ пріостановился отвѣтомъ: онъ соображалъ что могло быть для него выгоднѣе—усложнить, или настраивать этого блистательнаго „петербургскаго преторіанца“, съ которымъ ему страшно хотѣлось свести ближайшую дружбу...

— Это впрочемъ насъ не касается, неожиданно для него заключая этотъ „преторіанецъ“, быстро подымаясь со скамьи;—царскія тайны надо уважать, досказалъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

Онъ слегка потянулся, зѣвнулъ, его бѣлые зубы какъ-то весело при этомъ блеснули на солнцѣ изъ-подъ приподнятыхъ усовъ:

— Надо еще у себя кое-чѣмъ заняться!...

И небрежно приподнявъ фуражку, онъ съ мѣста, легкою и мѣрною походкой шагалъ по аллеѣ, скрипя по леску лакированными салогами.

Свищовъ только ротъ разинулъ.

XLIII.

Подъ нетерпѣливою, горячею рукою Гундурова дверь къ его теткѣ широко растворилась.

Надежды Федоровны въ комнатѣ не было. На диванѣ предъ большимъ круглымъ столомъ сидѣла Софья Ивановна въ челпѣ, съ невеселымъ лицомъ. Противъ нея спиною къ двери, опираясь рукою о край стола, стояла Луна, собиравшаяся повидимому уходить.

Она обернулась на шумъ, увидѣла входящаго и поблѣднѣла какъ листъ почтовой бумаги.

Онъ еще не выговорилъ слова, а она знала зачѣмъ онъ вошелъ, чего онъ хочетъ, что значило это еще невиданное ею на лицѣ его выраженіе.

И Софья Ивановна поняла тоже.

— Что тебѣ нужно, Сережа? спросила вся выпрямляясь и смуря брови въ надеждѣ скрыть свое смущеніе.

Онъ какъ бы не слышалъ.

— Елена Михайловна, проговорилъ онъ едва дыша (онъ бѣгомъ, не останавливаясь, вбѣжалъ въ третій этажъ), между тѣмъ какъ она бессознательно ухватилась за рѣзную ручку стоявшаго подлѣ нея старомоднаго готическаго кресла, опускалась въ него трепетная и безмолвная,—Елена Михайловна,

повторилъ онъ,—то что я смѣю вамъ сказать... спросить васъ... Я нарочно при тетушкѣ... Она знаетъ... Въ этомъ недоумѣніи можно... можно съ ума сойти!

Онъ остановился передохнуть. Софья Ивановна подвинулась къ столу, судорожно прижимаясь грудью къ его краю и глядя на племянника широко раскрытыми глазами въ глаза.

— Тетушка все знаетъ, повторилъ онъ, — а я не могу... Эта попытка выше силъ моихъ. Я...

— Чего же ты хочешь, Сережа? лихорадочно волнуясь не дала ему досказать Софья Ивановна.

Лина повернула къ ней голову какъ бы приглашая ее не прерывать его. Эта минута—она была неизбежна. Рано или поздно, она знала, ей надо было пережить ея муку.

— До вчерашняго дня, началъ снова Сергѣй, дѣлая непомерныя усилія чтобы совладать со своимъ то и дѣло обрывавшимся отъ волненія голосомъ,—между нами не было сказано ни одного слова, Елена Михайловна. Но вы знали, вы не могли не знать... Съ первой встрѣчи, съ перваго, кажется, услышаннаго мною звука вашего голоса я... я былъ увеселенъ... Я понималъ что вы, и уже никто никогда болѣе въ жизни... Я не говорилъ... не смѣлъ, я не знаю что сильнѣе говорить во мнѣ. обожаніе или благоговѣніе мое къ вамъ! вырвалось у него съ неудержимою силою.

— Къ чему это, Сережа! съ мучительною тоскою въ голосѣ попыталась прервать его опять Софья Ивановна, между тѣмъ какъ Лина, недвижная въ креслѣ своемъ, неотступно и жадно глядѣла на него.

— Оставьте... чуть слышно промолвила она.

— Но то что вы сказали мнѣ вчера, княжна, когда прѣхалъ... этотъ... петербургскій... даетъ мнѣ право... Я понималъ: ваши родные выбрали, вызвали сюда этого человѣка... Но вы? ради Бога говорите, вся жизнь моя прикована къ вашимъ устами! вы сами?...

— Я не пойду за него, твердо произнесла Лина, не отвоя отъ Гундурова своихъ глубокихъ, васильковыхъ глазъ.

— Не пойдете! вскрикнула Софья Ивановна, и тутъ же услужливо воззрилась на племянника.

Онъ запнулся какъ бы ошеломленный блескомъ молнии, мгновенный блескомъ провидѣннаго сквозь тьму безконечнаго, лучезарнаго счастья.

— Елена Михайловна! могъ только проговорить онъ сквозь душившія его истерическія слезы.

Софья Ивановна вскочила съ мѣста. Лина откинулась въ спинку своего высокаго кресла и закрыла лице обѣими руками.

Онъ совладалъ съ собою и безшумно олустился на стулъ противъ нея, высоко дыша и съ судорожнымъ помаргиваніемъ вѣкъ, отъ котораго все предъ нимъ двоилось и какъ бы застилалось туманомъ; но голосъ его зазвучалъ ровнѣе, мысли цѣплялись послѣдовательнѣе одна за другую.

— Мы знакомы три недѣли, княжна, а для меня будто прошли года съ тѣхъ поръ, будто ни одного дня въ жизни не было у меня безъ васъ... Вы—все то прекрасное, чистое, святое что только носилъ я когда въ душѣ, вы какъ будто все это лучшее мое, мое чувство, моя совѣсть, облеченныя въ плоть и кровь... облеченныя въ этотъ вашъ бѣлокурый, божественный обликъ! съ юношескимъ пыломъ вырвалось олять у Гундурова...—Я не знаю какъ это случилось, но вы, свѣтская дѣвушка, воспитанная на западѣ, въ чужеземныхъ обычаяхъ и понятіяхъ, вы сами, вашею глубоکورусскою душой такъ близки, такъ родны всему тому что дорого и свято мнѣ на родинѣ. Въ нашихъ разговорахъ съ вами, или случалось мнѣ при васъ разсуждать съ другими, я чувствовалъ у васъ неизмѣнный откликъ на мои слова, на мои вѣрованія... Ваши глаза, ваша безмолвная улыбка говорили мнѣ о сочувствіи, о довѣріи... А довѣріе, а любовь, Елена Михайловна, не это ли называется счастіемъ на этой землѣ?

— Да перестанешь ли ты! сама едва сдерживая слезы, толкнула на него тетка, — погляди на нее!

Блѣдныя руки Лины недвижимо теперь лежали на ея колѣняхъ; она глядѣла на Гундурова съ выраженіемъ безмѣрной печали.

„Счастіе...“ Онъ смѣлъ говорить о счастіи!.. Вся тщета его уваченія говорила ему теперь въ этихъ помертвѣлыхъ рукахъ, въ этой безотрадности взгляда. Разговоръ его съ княземъ Лариономъ припомнился ему разомъ отъ слова до слова.

Онъ кинулся къ ней.

— Елена Михайловна, ради Бога, неужели надежды нѣтъ?

— Попробуйте! проговорила она все глядя и какъ бы не имея уже силы не глядѣть на него.

— Ваша матушка?..

Она тоскливо олустила голову внизъ.

— Послушайте, милые мои, вмѣшалась Софья Ивановна,— дѣло у васъ зашло такъ далеко, Господи, могла ли я этого

ожидать... такъ внезапно! Зашло такъ далеко... Пора объ этомъ поговорить толкомъ... Ахъ, ты моя дорогая, бѣдная,—не совладавъ съ собою, кинулась Софья Ивановна на шею Лины и зацѣпилась слезами.

— Ну, довольно, довольно! Она также быстро откинулась отъ княжны, олустилась на свой диванъ, торопливо мюкнула изъ своей золотой табатерки и съ полными еще слезъ глазами заговорила опять:—такія сцены никому не годны; и очень нужно было тебѣ! погрозила она пальцемъ Сергѣю.—А я вотъ что, моя дорогая, сдѣлаю, обратилась она опять ко княжнѣ,—я завтра же поговорю съ вашею матушкой. У нея могутъ быть, конечно, свои виды... Но скажемъ и такъ: Гундуровы вѣдь не съ улицы, не первые встрѣчные. Сережа родомъ Шастиновымъ не уступитъ. А богатства вашего, милая, ему не нужно, да и вамъ также, сколько я могла замѣтить. Вамъ на бѣдныхъ развѣ деньги нужны,—такъ? Такъ у насъ съ нимъ всегда на это найдется... А я всегда даже боялась большого богатства для Сережи: совѣстно какъ-то, да и человекъ будто притѣмъ глухой становится, уже смѣялась Софья Ивановна.—Такъ, я все это такъ завтра вашей маман скажу!... Ну, а если она слишкомъ заартачится, я за князя Ларіона примусь; что бы онъ тамъ ни думалъ, а все же онъ пойметъ скорѣе, я такъ полагаю... Вы какъ думаете, милая?

— Дядя? сказала Лина и слабый румянецъ зардѣлся на ея блѣдныхъ щекахъ, — онъ... да... онъ даже сегодня.

— Онъ васъ такъ любитъ!

— Да... любить, повторила она съ какою-то странною въ эту минуту задумчивостью.

— И если онъ будетъ знать... что это — ваше желаніе?

— Онъ знаетъ.

— И что же?

— Онъ... Я надѣюсь... да, молвила княжна, — онъ будетъ говорить маман.

— И прекрасно! начала было Софья Ивановна.

Гундуровъ перебилъ ее, въ душѣ его все сильнѣе теперь росла тревога:

— Елена Михайловна, ради Бога, скажите прямо: надѣетесь ли вы на заступничество князя Ларіона Васильевича?

Она приподняла голову:

— Да, онъ заступится!...

— И... вы надѣетесь... съ успѣхомъ?

— Нѣтъ! сказала она.

— Нѣтъ?... У него сердце упало...—А... а тогда же что? про-
бормоталъ онъ, заикаясь...

„Вотъ оно когда пришло!“ мучительно сказало въ душѣ
Лины.

— Я противъ воли шапан не пойду! улышалъ приговоръ
свой Гундуровъ....

Въ глазахъ у него помутилось....

— Княжна! вскрикнулъ онъ съ неудержимомъ страстью,—но
какъ же жить тогда? Вѣдь плаха, вѣдь дыбы, все легче этого!..
Луна, Луна!..

Дверь распахнулась, на порогѣ ея показалась зальхавшая-
ся Ольга Еллидифоровна.

— *Parдон, madame!* извинилась она, присѣдая предъ хо-
зяйкою покоя, и быстро обвѣжавъ взглядомъ присутствующихъ,
угадывая въ общихъ чертахъ смыслъ произошедшей здѣсь
сцены;—*Лица, chère, васъ ищутъ по всему дому, княгиня серд-*
дится: пріѣхали Карнауховы, и съ ними эта петербургская
графиня. Вотъ очаровательная женщина!... Пойдемте скорѣе,
пойдемъ!...

И съ новыми „*parдон madame*“ и присѣданіемъ она ухва-
тила изнемогшую отъ волненія и тоски Лину подъ талию,
подняла ее почти силой изъ ея готическаго кресла и пота-
щила съ собой изъ комнаты.

XLV.

Бывало, бывало,
Какъ все расцвѣтало,

слышалось изъ гостиной...

За родеи сядьбъ Толя Карнауховъ, студентъ лѣтъ
восемьдцати, и лѣвъ романсъ. „Музыкальность“ составляла
одну изъ специальностей его семейства, вслѣдствіе чего даже
эта вѣтвь Карнауховыхъ прозывалась въ Москвѣ „придвор-
ными фаготами“ въ отличіе отъ другой захудалой ихъ вѣтви,
члены которой носили племейское прозвище „лучеглазыхъ“,
„возковъ съ фомарами“ тожъ.. Толя лѣвъ съ необыкновен-
нымъ выраженіемъ; онъ то закатывалъ до бѣлка глаза свои
въ потолокъ, то поводилъ ими кругомъ съ такимъ жалост-
нымъ видомъ будто просилъ у слушателей милостыни; въ

соотвѣтствіе съ этимъ и голосъ его, неустанно-страстный и хриплый не по лѣтамъ, то неистово дребезжалъ на недосигаемыхъ нотахъ, то изнывалъ до такого *morendo*, что можно было думать лѣвецъ и впрямь вотъ-вотъ сейчасъ свалится бездыханный, со стула...

Матушка его, извѣстная тогда *princesse Dodo*, дожь которой въ Москвѣ былъ, какъ называла она его сама, „*un petit coin de Petersbourg transporté à Moscou*, а какъ звала его дочь ея Женни (представлявшая собою вообще въ семьѣ элементъ протеста и мятежа) „подворье для петербургскихъ *аксельбантовъ*“,—*princesse Dodo*, маленькая и сморщенная, подлеревь рукой острый подбородокъ и олустивъ еще красивые глаза въ колѣни, покачивала въ тактъ лѣвию сына исхудавою головою, повязанною кружевною косынкой à la Fançon.—*Trop de coeur, se garçon!* вздохнула она когда оны кончили, оборачиваясь съ грустною улыбкой на давно иссохшихъ губахъ къ сидѣвшей подлѣ нея „петербургской графинѣ...“

„Весь въ меня; потому и я—*trop de coeur!*“ словно говорили этотъ вздохъ, эта улыбка.

Она въ свое время славилась ликантною красотой и остроуміемъ. Петербургская уроженка, по смерти савоннаго отца, переселившаяся оттуда à *contre-coeur* съ матерью въ Москву, она оставила на берегахъ Невы довольно большое число родства и связей, „поддерживаніе“ которыхъ составляло главную цѣль ея жизни... За мужа своего, богатенькаго отставнаго весельчака и картежника, вышла она по любви. Она принесла ему въ приданое свои „*aboutissants à Pétersbourg*“ и свои вѣчныя болѣсти, страшно ревновала его и улотребляла всякія усилія и разчеты устраивать ему по вечерамъ „выгодную партію“ чтобъ удержать его дома при себѣ. Но легковѣрный „Лоло“, князь Алексѣй, супругъ ея, находил средство измѣнять ей и въ теченіе дня, а по вечерамъ болѣе проигрывалъ чѣмъ выигрывалъ; крупная и бунтующая Женни, несмотря на маменькины „*aboutissants*“, уже четвертый годъ не находила себѣ мужа ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, а съ ея собственнымъ *mal de dos* самъ „прекрасный Александръ Ивакычъ Оверъ“ ничего подѣлать не могъ... *Princesse Dodo* чувствовала себя глубоко несчастною... Одинъ Толя, старшій изъ ея сыновей, и впрямь, и наружно соданный ею во образъ свой и подобіе, котораго готовила она

на службу „по дипломатической части“, представлялся ей въ видѣ спасательнаго маяка, загоравшійся пламень котораго обѣщалъ ей вѣчно большому тщеславію заблестать на всю Россію никогда еще невиданными огнями...

— *Tout de suite, ce garçon!* сказала она еще разъ, не дождавшись на первый отвѣта отъ своей сосѣдки.

— *Garde l'apéritif, ma chère!* умѣряя мягкостію улыбки то что, по сущности должно было придти не по вкусу ея собесѣдницѣ, отвѣтила ей теперь графиня.

Это была въ самомъ дѣлѣ „очаровательная“ женщина... Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она была *идоломъ* Петербурга въ полномъ значеніи этого слова. Въ ту эпоху замкнутости и нѣмоты ее всѣ знали, она была на языкѣ у всѣхъ; ее воспѣвали поэты, грезы молодежи полны были ею. Она была царицею, неоспоримою царицею граціи, изящества, моды. Отъ дворцовыхъ вершинъ и до борзача купца, мимо котораго морознымъ яснымъ днемъ мчались ея сани по Невскому Проспекту, все какъ бы чувствовало на себѣ обаяніе ея прелести, ея власти. „Графиня Воротынцова“ произносилось съ особенною улыбкой какъ бы всѣмъ близкій, всѣмъ любезный лозунгъ... Разказы о ней, ея мѣткія слова доносились до самыхъ глухихъ угловъ города, до далекихъ провинціальныяхъ весей и селъ... Ея входа въ ложу ждали бывало въ театрѣ какъ „букета“ въ фейерверкѣ, какъ нѣчто безъ чего ни Bressant съ Louise Mayer въ „*Le démon de la nuit*“, ни эта сіяющая Михайловская зала съ ея дипломатами и министрами, съ ея свѣтскими и иными красавицами, не имѣли ни для кого ни смысла, ни цѣны, и самими проносились сверху до нижнихъ ярусовъ когда появлялась наконецъ она, шуршаще задвигавшихся рукъ и глухой лязгъ колець о бижуты, изъ всѣхъ концовъ подымавшіеся на ту ложу... „Графиня Воротынцова“!..

А между тѣмъ ее даже нельзя было назвать *красавицею*, эту невысокую, смугловатую женщину, съ ея приподнятыми какъ у сфинкса на углахъ полустрастными, полунедовѣрчивыми темными глазами и неправильными чертами капризнаго лица... но прошлое и пройдетъ еще много лѣтъ пока другой женщины доставутся въ удѣлъ тотъ успѣхъ, тѣ даны восторженнаго поклоненія, то торжество очарованія, какіе дано было испытать этой блистательной и быстро-минувшей жизни... „Сердца неслись къ ея престолу“ не даромъ: она была живое существо среди окружавшихъ ее призраковъ и куколъ, и

далеко отстоявшая отъ нея толпа угадывала въ этой уносимой свѣтскимъ вихремъ женщиной, и откалкала ей, гордую независимость ея мысли, чувства и дѣлъ...

Годовой трауръ ея по мужѣ недавно истекъ. Она все время его провела въ своемъ Дарьинѣ, въ ста верстахъ отъ Москвы, и въ первый разъ сегодня появлялась въ обществѣ. Она была одѣта очень просто, по-утреннему: въ лѣтнемъ, небѣленаго холста платьѣ, украшенномъ лентами моднаго тогда цвѣта шауве, и съ такими же лентами на маленькомъ кружевномъ чепцѣ, приколотомъ надъ самою косой.

— Еще разъ, милый князь, говорила она сидящему по другую ея сторону князю Ларіону,—какъ я рада васъ видѣть? Когда это вы оставили Петербургъ? Два года тому назадъ?.. Два года! повторила она и неуловимое что-то пробѣжало по ея лицу.—И встречаемся сегодня здѣсь, въ тихой пристани, *comme deux ermites, ayant renoncé à Satan, а ses pompes et а ses ossements?* примолвила она съ невеселымъ смѣхомъ.

— Мнѣ давно пора, улыбнулся также невесело и князь, во вы...

— Я? Мнѣ тридцать шесть! *Fi, fi, c'est fini!* Къ тому же тамъ... Я никогда *туда* не вернусь! послѣшила она доскавать, какъ бы считая лишнимъ распространяться.

— Не шута?

Она качала головой:

— Никогда!

И странно зазвучало въ устахъ ея это восклицаніе. Въ немъ сказывалось какъ будто безповоротное и мучительное „прости“ этой исчезающей молодости и горькая насмѣшка ея былымъ очарованіямъ, и не изсякнутая жажда чего-то новаго, иного, еще неизвѣданнаго ею...

— А все же изъ „тихой пристани“ куда-нибудь да обратитесь искать новыхъ бурь? спросилъ ее участливо и шутиливо князь Ларіонъ; въ какія же страны?

Она повела плечомъ:

— *Chi lo sà!* *... Во всякомъ случаѣ туда, гдѣ солнце дольше грѣетъ, и гдѣ дышать легче, примолвила она, освѣтивъ его горячимъ свѣтомъ своихъ улыбокъ, говорившихъ глазъ.— *Et vous, milord Walpole?* спросила она въ свою очередь, давая ему кличку подъ которой онъ значился въ иныхъ лондонскихъ салонахъ.

* Кто это знаетъ.

Появленіе Лины избавило его отъ скучнаго, чтобы не сказать тяжелаго, для него отвѣта... Бѣдная дѣвушка едва успѣла оправиться. Благодаря Ольгѣ Елпидиоровнѣ, быстро увлекавшей ее за собою по лѣстницамъ и корридорамъ, легкій румянецъ вернулся на ея щеки, исчезли слѣды слезъ...

— *Madame le comtesse, voici ma fille que je me fais un honneur de vous présenter!* съ ласосомъ возгласила княгиня Аглая, которую князь „Додо“, счастливый супругъ княгини Додо, потѣшалъ до сего какою-то нескончаемою московскою сплетней.

Все поднялось въ гостиной....

Графиня Воротынцева живо обернулась на своемъ креслѣ, увидѣла Лину и также быстро протянула ей обѣ руки.

Лина послѣдила къ ней...

— Знаете ли что я васъ уже люблю! говорила ей гостя своимъ обаятельнымъ голосомъ, ласково, почти нѣжно, глядя ей въ лицо и не выпуская ея рукъ.

— А васъ, графиня, вы знаете, васъ „не любить невозможно“! отвѣчала ей благодарно княжна двумя словами изъ известнаго стихотворенія, вдохновленнаго этою предестною женщиной,—одного изъ любимыхъ стихотвореній Гундурова.

Графиня весело заморгала, продолжая любоваться ею:

— *Non vraiment, vous êtes charmante!* Садитесь подлѣ меня,—она со свойственною ей живостью откатила свое кресло назадъ и указала ей стулъ подлѣ себя, поговоримъ!... И прошу намъ не мѣшать! замахала она Карнауховымъ, отцу и сыну, направлявшимся къ Линѣ съ цѣлью поздравленія со днемъ рожденія, между тѣмъ какъ Додо съ мѣста посылала ей ручкой въ тѣхъ же цѣляхъ привѣтственно-сердечные по намѣренію, но кисло-печальные по исполненію поцѣлуи.—Она знаетъ что вы имѣете ей сказать и благодарить васъ *de confiance*...

Палаша съ сыномъ распаркались издали, смѣясь и отошли: палаша къ кому-то изъ сосѣдей, сынокъ къ Ольгѣ Елпидиоровнѣ, усѣвшейся за роялемъ, откуда она могла свободно и незамѣтно изучать каждое движеніе и каждую складку „неподражаемой петербургской *grande dame*“, какъ выражалась она о ней мысленно.

— Розалинда мечты моей, мой вамъ привѣтъ и поклоненіе! произнесъ, обращаясь къ Ольгѣ Елпидиоровнѣ, нараспѣвъ маленькій и тощій Толя, толпырясь на высокихъ

коблукахъ, которыми онъ молодцовато прихлопнулъ одишь о другой, раскачиваясь предъ барышней.

— Ахъ, Боже мой, засмѣялась она, съ какихъ это поръ я ваша Розалинда какая-то?

— Нынѣ, присно и во вѣки волковы! отвѣтилъ Толя.

— Что такое?

— Не обращайтесь вниманія! Это легкая побѣжка въ цвѣтъ Шекспировскаго остроумія. Я теперь брежу Шекспиромъ! Я утоляю въ спиртѣ—разумѣ: духъ безсмертнаго Шекспира. Читали вы его *Love's labours lost*, о Розалинда?

— Какое это вы старье сейчасъ пѣли! перебила его Ольга;— могли бы подновить репертуаръ... И она привалась снова изучать „петербургскую графиню“.— Вотъ ужъ прелесть женщина можно сказать, восхищалась она громко.—Надѣюсь что вы отъ нея безъ ума, какъ и я?

Толя приложилъ правую руку къ лѣвому боку и отпустилъ стихами:

На небѣ много звѣздъ прелестныхъ,

— Альдебаранъ и Вега есть,

Кого-то межъ сестеръ небесныхъ

Укажетъ сердце предпочесть?

— Это вы, кажется, у Пушкина украли? спросила его барышня черезъ плечо.

— У гениальнаго, въ нѣкоторомъ родѣ, буржуа, Александра Сергѣева? Могу-съ! Прикажете у самой туманной Діаны носъ откусить? Тоже всегда, конечно, съ моимъ удовольствіемъ...

— Послушайте, Анатолій Алексѣичъ, вы мнѣ надѣли, сказала Ольга;—*je n'aime pas ce ton!* примолвила она такъ какъ въ ея воображеніи должна была бы сказать это на ея мѣстѣ „она, эта петербургская царица.“ Вы скажите лучше: знаете ли вы графа Анисьева?

— Жоржа?

— Да, кажется, его Жоржемъ зовутъ.

— Онъ мой другъ! возгласилъ безбородый студентъ.—А вы къ чему спросили, убійственноюкая Розалинда?

— Я съ вами познакомилась.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Какъ здѣсь? вскрикнулъ онъ.

— Да, онъ вчера пріѣхалъ. И смышленная особа лукаво

воззрится на юношу. Она изъ прошлогоднихъ откровенностей ей Женни очень хорошо понимала что прїѣздъ теперь Анисьева въ Суцкое „ножь вострый“ для Карнаузовыхъ, которыхъ она въ душѣ терпѣть не могла, и ликовала про себя.

Толя вытянулъ длинное лицо, просунувъ даже между губъ кончикъ своего языка, и повелъ глазами въ сторону гдѣ сидѣла его мать. Она, ничего, видимо, еще не зная объ Анисьевѣ, расточала свои любезности и, очевидно, насчетъ ея дочери хозяйкѣ дома, подлѣ которой усѣлась она. Женни, бывшая тутъ же въ гостиной, степенно разговаривала со старичкомъ, армейскимъ генераломъ, бригада котораго расположена была въ окрестностяхъ Суцкаго.

— А гдѣ же онъ скрывается, коварный мой, но сердцу милый другъ? обратился студентъ къ барышнѣ, уже успѣвъ наладить себя на прежній шутовскій лошобъ.

— Не знаю. Онъ завтракалъ съ нами, потомъ исчезъ. Я сама удивляюсь...

— Позвольте же мнѣ, о Розалинда, безумною мечтой, направить къ нему крылья воздружества и подошвы петербѣнїя!

— Ахъ, сдѣлайте милость! Ступайте, ступайте и приводите его скорѣй сюда!

— Онъ прошелъ мимо сестры, кинулъ ей многозначительный взглядъ, на что она, лоявъ, отвѣчала ему движеніемъ губъ: „что мнѣ молъ дѣлать,“ и вышелъ незамѣченный изъ комнаты.

— Et vous n'êtes pas heurieuse, vous savez? неожиданно для Лины сказалося у петербургской гостыи послѣ четверти часа бесѣды, въ продолженіе которой она, не отвоя внимательнаго взора отъ дѣвушки, изучала, каждую черту ея лица. Я васъ не спрашиваю что, какъ, почему, послѣшила она прибавить,— но счастливые такъ не смотрятъ, je m'y soupaia.

— Счастіе—призракъ, говорятъ, отвѣчала нѣсколько смущенно улыбаясь—но вся уже обвороженная своею собесѣдницей, Лина.

— Я знаю что я его часто принималась искать и никогда не находила... Но оно есть же гдѣ-нибудь! усмѣхнулась и графиня:—и если только справедливость существуетъ на этой землѣ, оно должно сыскать васъ... Послушайте, я

надѣюсь, мы будемъ теперь часто видаться, общайте мнѣ, еслибъ я вамъ когда-нибудь могла пригодиться... Но нѣтъ, прервала себя она вдругъ, — вы не изъ тѣхъ которымъ нуженъ чужой совѣтъ: вы въ себѣ самой каждый разъ найдете... А знаете, какъ вы похожи на вашего отца! вскрикнула прелестная женщина, не договоривъ: — я его знала когда мнѣ были ваши тепершніе годы, и онъ, я помню, оставилъ глубокое впечатлѣніе въ моей молодой душѣ... Вы любиле его?

— Я вся до сихъ поръ еще полна имъ! вышло у Лины въ отвѣтъ. — И теперь приношу памяти его въ жертву счастье всей моей жизни! невѣдомо, быть-можетъ, для нея самой сказалось въ ея отуманившемся взглядѣ.

Графиня не услѣла отвѣтить.

— Ah, potre cher comte! раздалось на всю гостиную ликующее восклицаніе Аглаи Константиновны; мнѣ — не нужно, конечно, представлять его вамъ, графиня? молвила она гостьѣ, указывая на входившаго въ сопровожденіи Толи флигель-адъютанта.

XLVI.

Это былъ настоящій *coup de théâtre*. Княгиня Додо чуть не откинулась навзничь. Князь Лоло какъ стоялъ такъ и замеръ. Какъ это не рѣдко бываетъ въ свѣтѣ, почтенные супруги, безо всякихъ основательныхъ причинъ, возводя свое горячее желаніе на степенъ чего-то положительнаго и несомнѣннаго, убѣждены были что Анисьевъ давно занять ихъ Женни, и рано или поздно долженъ жениться на ней. Анисьевъ, какъ ни былъ онъ тонокъ и прозорливъ, не догадываясь объ этомъ, въ самонадежномъ убѣжденіи что Карнауховымъ и въ голову не можетъ придти разчитывать для дочери-безприданницы на такую звѣзду первой величины какою онъ почиталъ себя и, не остерегаясь держалъ себя на пріятельской ногѣ съ „добрымъ малымъ“ Женни которая забавляла его своимъ „московскимъ *laissez-aller*“.

Утренній разговоръ съ нею за завтракомъ, и этотъ тотчасъ же имъ замѣченный переломъ ея родителей при его появленіи поставили предъ нимъ положеніе въ совершенно ясномъ свѣтѣ. Онъ внутренно весь обозлился...

— Нужна была еще эта дурацкая complicacія! пропустилъ онъ себя сквозь зубы, и, дружески по пути кивнувъ князю Лоло, также дружески, но съ отгвѣнкомъ почтительности должной женщинѣ и сожалѣнія къ извѣстному *mal de dos*, склоняясь головой издали по адресу княгини Карнауховой, Анисьева, не моргнувъ на убійственный взглядъ полученный имъ отъ нея въ отвѣтъ, прошелъ, свѣтелъ и улыбаясь прямо ко креслу графини:

— *Adorable comtesse*, выговорилъ онъ громко, нагибаясь и цѣлуя ей руку,—еслибы милосердые боги общали мнѣ въ эту минуту безсмертіе, я бы, конечно, такъ не обрадовался какъ встрѣчая васъ столь неожиданно здѣсь!

— *Je le veux bien*, засмѣялась она,—что бы вы съ нимъ сдѣлали, съ вашимъ безсмертіемъ?

— Я бы употребилъ его на сооруженіе храмовъ, гдѣ бы курились вамъ вѣнчики *de fleurs d'Italie* до скончанія вѣковъ.

— Какая гадость! вскрикнула графиня, *un encens de coiffeur?*

— *Il est charmant ce jeune homme, n'est ce pas? Et tant d'esprit!* уже вся распыляясь въ блаженствѣ, томно заворочала круглыми глазами Аглая Константиновна, обращаясь къ собесѣдкѣ въ невинности души своей.

Еслибы еще хоть нѣсколько минуточекъ, и злополучная Додо успѣла бы можетъ-быть совладѣть со своимъ „*tror de cosur*“... Но теперь, теперь... Нѣтъ, это было свыше силъ ея!

— *Charmant!* повторила она шила;—жаль только что у него триста тысячъ долгу! лустила она какъ стрѣлу въ сердце врага.

— *Tant que ça!* громко вскрикнула огоршенная на первыхъ порахъ Аглая...—„*Elle ment!* Она сама хочетъ выдать за него свою дочь“, осѣнило ее какъ откровеніемъ тотчасъ же вслѣдъ за этимъ. И Аглая внезапно почувствовала себя глубоко оскорбленною:—Конечно, *c'est beaucoup trois cent mille de dettes*, избѣгая глядѣть на обидчицу и надменно приподымая губы, заговорила она,—*si le comte* вздумалъ бы взять *rouge femme* une fille qui n'a rien... Но онъ всегда можетъ разчитывать что богатые родители...

Додо не дала ей кончить:

— Есть богатства, княгиня, отъ крѣпкаго духа которыхъ,

отчеканила ей она,—долженъ отвернуться человекъ, s'il a seulement des nerfs tant soit peu délicats!

Бывшая посланница этого не ожидала. „Chez moi!...“ И въ эту минуту, когда сама „la comtesse Tatiana Vorotintzeff-Darjine“... вся багровая, растерянная, какъ безпомощная птица подъ неотразимымъ вліаніемъ змѣиваго взгляда, она повернула голову ко своей злодѣлкѣ...

Но змѣя выпустила свой ядъ и съ дрожащими еще отъ волненія побѣды коздрями, забывъ свой mal de dos, бодрыми и быстрыми шагами направлялась теперь ко столу за которымъ дочь ея занимала разговоромъ стараго и нѣсколько глухаго бригаднаго генерала.

— Какъ ваше здоровье? вызывая любезную улыбку на уста и возвышая госось, обратилась къ нему Додо. И тутъ же:— что дождалась! шепотомъ отпустила она Женни.

Скромный генералъ привсталъ и сталъ кланяться.

— Что супруга ваша, Марья Никтолодіоновна? И возрась олять астрѣбомъ на дочь:—je suis morte, а ты—pas plus de coeur qu'un margre!

— Все печеню жалуется! вздохнулъ генералъ.

— Вы бы ей Мариенбадъ посоветовали; мнѣ долго помогало...—Я должна была высказать все ce que j'ai sur le coeur этой дурищѣ скверной,—а ты...

— Господи что же это за мученье! подумала Женни.—Вы бы мнѣ хоть у чужихъ дали вздохнуть свободно, не выдержавъ прошептала она маменькѣ въ свою очередь, и съ громкимъ вопросомъ: „Ольга, будетъ у васъ релетиція утромъ?“ устремилась къ барышнѣ, предоставивъ татап Додо занимательной бесѣдѣ скромнаго, но глухаго генерала.

— Меня звали, но я отказалась, отвѣчала на ея вопросъ Ольга.

— Почему?

— Я въ себѣ увѣрена, а остальные какъ себѣ тамъ хотятъ!

— И они всѣ на релетицію?

— Полагаю.

— La bagischnia, душка, поведи меня туда! вскрикнула Женни.

— Ничего нѣтъ интереснаго. Завтра увидишь настоящее представленіе...

— Нѣтъ, нѣтъ, приставала къ ней крупная княжна,—мнѣ именно теперь хочется... Завтра мы навѣрное здѣсь не оста-

немся; хорошо если она меня еще сегодня не увезетъ!—Она кивнула на мать...—Пойдемъ, Ольга, прошу тебя, поведи меня!

— Да для чего это тебѣ? спросила барышня, которой чрезвычайно не хотѣлось уходить теперь изъ гостиной, гдѣ она надѣялась ее пригласить лѣтъ,—а лѣтніемъ ея, разчитывала она, должны были быть завоеваны ей разомъ два сердца: Анисьева и „очаровательной графини“.

— Я тебѣ прямо скажу, отвѣчала стремительно Женни:— я хочу кокетничать сегодня, кокетничать à mort. Je veux faire des bêtises нѣ зло, нѣ зло ей!... Семь бѣдъ одинъ отвѣтъ!... Мнѣ хочется видѣть Чижевскаго, шелнула она ей на ухо,— пойдемъ, la barischnia!...

— Послушай, сказала, подумавъ Ольга Еллидифоровна,— а пойду съ тобою, но только съ двумя условіями.

— Чтò такое, говори скорѣй?

— Вопервыхъ, не надолго...

— Хорошо, хорошо! Дальше?

— Вовторыхъ, ты отъ меня не отойдешь; мы все время будемъ подъ руку.

— Это къ чему? вскрикнула Женни.

— Потому, сказала та, хмуря брови,—потому что я не хочу чтобъ одинъ человекъ говорилъ со мной вдвоемъ...

— Кто такой? Княжна такъ и заходила вся.—Кто такой, говори!

— Ты его не знаешь... Ашанинъ тамъ одинъ... нехотя промямлила Ольга.

— Какъ не знаю! Онъ только у насъ не бываетъ... Ашанинъ,—il est si beau, ma chère!...

— Да... но я... я не хочу....

— Чтò онъ тебѣ сдѣлаетъ?... Ты вѣрно....

— Ничего не „вѣрно“, Ольга Еллидифоровна вслыхнула вдругъ,—не хочу просто.... ну, надоѣлъ....

Женни расхохоталась:

— Богъ тебя знаетъ, какая ты сумасбродица! вскрикнула она и, просунувъ руку подъ руку барышни, направилась съ нею къ двери, скользя одною ногой по паркету впередъ, какъ бы собиралась танцовать.

Анисевъ такъ и сыпалъ блестящими своей изысканной французской рѣчи, быстро, легко и искусно переходя отъ предмета на предметъ, отъ свѣжаго петербургскаго анекдота къ

лорду Пальмерстону, отъ „интригъ“ президента тогдашней французской республики къ „impressions poétiques,“ вынесеннымъ имъ изъ прошлогодней венгерской кампаніи.... Его оживленіе и веселость вызывали не разъ улыбку на устахъ графини Воротынцевой. Сама Луна иидѣ безсознательно усмѣхалась.... Графиня незамѣтно откатила еще немного свое кресло назадъ:—блестящій флигель-адъютантъ и княжна сидѣли теперь другъ противъ друга подѣ ея наблюдательнымъ взоромъ.... Но Анисьевъ самъ все видѣлъ, все наблюдалъ; чѣмъ „комплицированнѣе“ казалось ему теперь его положеніе, чѣмъ болѣе опасался онъ—съ одной стороны, какой-нибудь „компроментантной глупости“ отъ „невозможной маменьки,“—съ другой, неожиданной выходки отъ княгини Додо, „ругань“ которой съ хозяйкою дома онъ отгадывалъ теперь издали по возбужденному выраженію ихъ лицъ,—чѣмъ, наконецъ, затруднительнѣе для него, послѣ всего что онъ успѣлъ узнать утромъ, представлялся ему „подходъ“ къ главной цѣли его стремленій, къ этой нѣмо и равнодушно глядѣвшей на него дѣвушкѣ съ ея такими же нѣмыми для него глазами, тѣмъ беззаботнѣе будто и ровнѣй звучалъ его голосъ, тѣмъ сдержаннѣе и покойнѣе глядѣлъ онъ на нее, на свою петербургскую собесѣдницу.

Онъ разказывалъ теперь о цыганскихъ оркестрахъ въ Венгріи, яркими красками описывалъ ихъ костюмъ, ихъ бронзовыя лица, ихъ „extérieur osseux et blême comme celui d'un fakir de l'Inde...“ Онъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ чардашей....

Графиня Воротынцева поводила, молча, своими умными на него, на Луну, на ея мать, къ которой какъ бы на выручку подходилъ въ эту минуту, словно изъ земли выросшій, мрачный и въ голубомъ галстукѣ, „калабрскій брингантъ“, на княгиню Додо, нервно позѣвывавшую отъ неостывшей злости и отъ пріятности бесѣды съ глухимъ генераломъ, потомъ опять на этого блестящаго офицера, съ его гладко выстриженной головой, съ его приторно книжною французскою рѣчью изъ-подъ доснившихся усовъ... Ей было уже все понятно... Что-то невеселое, какъ бы отъ близкаго и тяжелаго воспоминанія, змѣнилось по угламъ ея губъ...

— Вы еще не знаете Петербурга? неожиданно спросила она Луну, останавливая на ней взглядъ полный какого-то болѣзненнаго участія:

Луну почему-то будто холодомъ обдало...

— Нѣтъ, сказала она.

— Такъ вотъ онъ предъ вами! разсмѣялась графиня, кивнувъ на Анисьева,—dans toute sa séduisante horreur!

Блестящій воинъ... Онъ засмѣялся тоже...

— Это по поводу чардаша въ Дебречинѣ пришла вамъ эта мысль, графиня? сказалъ онъ только сквозь этотъ смѣхъ.

— Oh, à propos de bottes! отвѣчала она, пожимая плечами.

— И какъ же должна понять княжна этотъ загадочный отзывъ вашъ о Петербургѣ и о насъ грѣшныхъ, все также небрежно улыбаясь спросилъ онъ,—во хвалу или въ порицаніе?

— Разумѣется, въ похвалу, насмѣшливо отвѣтила графиня,— иначе она и обо мнѣ должна была бы составить себѣ дурное мнѣніе: я такъ долго сама возилась со всѣми вами!...

Ливѣ не нужно было этого указанія, она свѣжимъ чутьемъ своимъ чуяла изъ какого міра былъ этотъ благоухавшій предъ нею цвѣтокъ, и бѣдное сердце ея ныло до измоги....

XLVII.

Въ театрѣ шла не релетиція, а какое-то вавилонское столпотвореніе. Звонъ, гамъ, трескотня, визгъ и гулъ какъ изъ трубы. Въ окрестрѣ прибывшіе еще за два дня до этого изъ Москвы музыканты строили свои инструменты; сжавшись кучкой по своему обыкновенію стрекотали подлѣ него „плярки“ съ дебелю „окружной“, игравшею Раису Савишну во главѣ, готовясь пройти свои куплеты во *Льонъ Гурвичъ Синичкинъ*. Около нихъ вертѣлся лѣтушкомъ Шигаревъ, наливая имъ подъ шумокъ всякія галантерейности, за что то и дѣло получалъ колотушки по пальцамъ отъ руки рѣшительной Еулашре. Въ креслахъ слышался нагаый смѣхъ Свищова, который громко повѣствовалъ тутъ же о томъ какъ Шигаревъ за каждую изъ такихъ колотушекъ получалъ будто отъ той же Еулашре по ляти счетомъ лоцѣлуевъ въ ламповомъ чуланѣ за сценой, куда они будто бы убѣгали послѣ каждой релетиціи.... Но его никто не слушалъ; сидѣвшіе съ нимъ рядомъ и кругомъ актеры орали каждый за себя, не понимая другъ друга. Надъ ними, подъ плафономъ, какъ тысяча колокольчиковъ, звенѣли хрустальные стеклышки большой люстры, въ которую, взобравшись на высокія лѣстницы,

слуги вставляли свѣчи. На сценѣ шлепали толстые салоги рабочихъ; слышались крики „берегись!“ стукъ и скрипъ опускаемыхъ и уставляемыхъ деревянныхъ рамъ: ставили декорации для *Гамлета*, Вальковскій, лютый какъ звѣрь, ругался съ бутафоромъ, не озаботившимся доставить ему шлоры на салоги для его рода Розенкранца.

— Позвольте, усложивалъ его, подбѣгая, другъ его режиссеръ, на что вамъ шлоры? Салоги со шлорами у однихъ Марцелло и Бернардо, потому что они на караулѣ внѣ дворца,—а во дворцѣ всѣ въ башмакахъ.

— А меня король въ Англію съ письмомъ посылаетъ,— Гамлета казнить, забылъ ты, и? Такъ я въ Англію по бабьему поѣду, въ башмакахъ, а?...

Онъ такъ ревѣлъ что на время все смолкло кругомъ—музыканты, рабочіе, „пулярки,“ самая люстра со своими звенящими стеклышками....

— Такъ все же-съ, шлоры-то вамъ на что? доказывалъ режиссеръ.

— Какъ на что? На чемъ ѣздили-то тогда? Не въ малость, чай? На лошадяхъ ѣздили, а?

— Въ Англію-то? Изъ приморскаго города?

Все что было тутъ разразилось бѣшенымъ хохотомъ.

„Фанатикъ“ лаюнулъ, выбранилъ себя „дурнемъ“ и ушелъ въ кулису.

— Господа, позвольте: свѣженькое, сейчасъ курочка съела! закричалъ Шигаревъ, вскакивая ногами на паралетъ, отдѣлявшій оркестръ отъ креселъ и обращаясь лицомъ къ залѣ: сидѣлъ я за завтракомъ рядомъ съ однимъ здѣшнимъ помѣщикомъ, фамилія ему Мудрецовъ. Вы, говорю я ему, происхожденія, надо такъ полагать, греческаго?—Какъ же, говорить онъ мнѣ на это съ оныка—я, происхожу, говорить, отъ двухъ греческихъ мудрецовъ Кирилла и Мееодія!

— Bravo, bravo! раздался новый неистовый смѣхъ.

Шигаревъ соскочилъ на полъ, раскланялся, замыкалъ локошачьи и вернулся за новыми колотушками къ Булапре.

Гулъ загудѣлъ съ новою силой.

Жемни и Ольга, входя, заткнули себѣ инстинктивно уши.

Ихъ тотчасъ же увидѣли, подбѣжали... Чижевскій, суетившійся въ это время какъ-то особенно усердно подлѣ Глаши, смазливой горничной Луны, подъ предлогомъ пропуская ея въ кулисы съ картами костюма Офеліи, которые она несла

въ уборную своей барышни за сцену, отпрыгнулъ отъ нея какъ отъ чудовища, едва завидѣвъ крупную княжну и, сооротивъ невинное лицо, лошелъ ей навстрѣчу.

Но она уже успѣла все замѣтить и тотчасъ же принялась его за это, что говорится, *штыкать* и *жучить*. Она была на это большая мастерица. Чижевскій отшучивался, краснѣлъ, начиналъ сердиться, наконецъ, обернувъ противъ нея оружие, принялся въ свою очередь дразнить ее Анисьевымъ.

Ольгѣ Елпидифоровнѣ чужія „нѣжности“ были очень мало забавны. Но она не отымала руки своей изъ-подъ руки Женни; она давно видѣла какъ не глядя на нее и будто горячо о чемъ-то препираясь съ Факирскимъ, подвигался, не торопясь къ проходу между кресель лукавый Ашанинъ... „Вотъ-вотъ сейчасъ подойдетъ онъ ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, а самъ золь какъ чортъ, думала она, и начнетъ со смѣшковъ“...

Донъ-Жуанъ дѣйствительно былъ „золь какъ чортъ“, золь на себя, на то что у него телерь ныло и клокотало въ душѣ „изъ-за этой дѣвчонки“, за то что не имѣлъ силы переломить себя, не имѣлъ силы сѣсть олять верхомъ и поѣхать... „Я буду глушь съ нею, я чувствую!“ повторялъ онъ себѣ съ невыразимой досадою, со злобнымъ наслажденіемъ ломышляя въ то же время какъ онъ все-таки „свое возьметъ, накинеть ей арканъ на шею и затянетъ, затянетъ узломъ—не порвешь“!..

„Олива“ и „лавръ“, Маусъ и Ранцевъ, были уже тутъ, подлѣ нея, съ обычными фразами, со знакомыми вздохами. Никогда еще не казались они ей такъ мелки, такъ ничтожны. „Уѣздъ!“ проговорила она мысленно, и ей становилось противно. Ей вдругъ представлялось что она, Ольга, mademoiselle Olga d'Akouline, воспитанная въ перворазрядномъ институтѣ, прирожденная pétersbourgeoise, demoiselle du grand monde, въ первый разъ въ жизни полала въ эту глухую провинцію, въ первый разъ видитъ эти уѣздныя лица, эти смѣшныя взерошенные усы надо ртомъ армейскаго „калиташки“, этотъ черель Сократа на булавкѣ, воткнутой въ истреланный атласный шарфъ этого блесоватаго „стрялчатаго“... „Стрялчій!“ и презрительно сжимались ея губы... А вонъ тамъ еще лисцей, бочкомъ, крадется этотъ московскій Ловеласъ... И радъ что у него на головѣ цѣлый ворохъ волосъ торчить... Такой mauvais genre, и жилеть не по модѣ...

— Не довольно ли, Женни? промолвила она громко и по-французски,—насъ ждуть въ гостиной.

Обожатели ея вскрикнули оба разомъ:

— Только васъ, значитъ, и видѣли мы! завздыхалъ ероша волосы свои капитанъ.

— Какія вы однако сегодня жестокія! промычалъ уходя въ свои воротнички „стралчій“.

Ашанинъ былъ уже отъ нихъ въ двухъ шагахъ.

Oлга d'Acouline медленно приподняла глаза къ плафону, какъ бы въ первый разъ замѣтивъ изображенныхъ тамъ вакханокъ и нимфъ, и небрежно, но отчетливо произнесла по-французски же:

— Не всякій день праздникъ!...

— А „праздникомъ“ называется у насъ релетиція? услышала она несносный для нея телерь, насмѣшливо-вкрадчивый голосъ „московскаго Ловедаса“.

Онъ стоялъ предъ ней, и смѣялся.... смѣялся, какъ бы не признавая то чѣмъ она себя теперь чувствовала, смѣялъ смѣяться съ этимъ кудрявымъ ворохомъ на головѣ и въ старомодномъ жилетѣ... Ее взорвало...

— Не хочу, и не будетъ! скверкнувъ зрачками, отрѣзала ова, не глядя на него.

— По мнѣ и лучше! хладнокровно сказалъ на это Ашанинъ, жадно въ то же время обнимая ее всю короткимъ взглядомъ.

— Это почему? спросила вдругъ, оборачиваясь, Женни.— *Présentez moi monsieur!* сказала она Чижевскому... Тотъ офиціально произнесъ его имя...

Донъ-Жуанъ почтительно склонилъ голову...

— Почему вы думаете—лучше чтобы релетиціи не было?

— Ольгъ Еллидифоровнѣ главное въ ней—лѣвіе, а я, промолвилъ Ашанинъ смиреннымъ тономъ,—у меня слухъ очень нѣженъ, я бы боялся *сегодня* фальшивыхъ нотъ.

Женни расхохоталась во всю мочь.

— Я никогда въ жизни не фальшивила! мгновенно вскипавшись воскликнула барышня.

— Та, та, та! И Маріо фальшивить, не то что ты!

— Я! я! едва могла говорить Ольга;—а я вотъ тебѣ покажу!

И вырвавъ стремительно отъ нея руку свою, она кинулась со всѣхъ ногъ къ оркестру:

— *Monsieur Erlanger, monsieur Erlanger!*

Тонкая, сухая, съ ироническою улыбкой и узенькими, длинными усиками надъ едва намѣченною линіей губъ, голова

извѣстнаго тогда дирижера Малаго Московскаго театра обернулась на нее:

— Mademoiselle, à vos ordres?

— Пожалуста, мою арію! (Она вставаяла въ третье дѣйствіе *Синичкина* арію Вани изъ *Жизни за Царя*: „бѣдный конь въ полѣ палъ“).— Allegro, и начинайте съ герзіе: „къ намъ пришли Поляки“... Я хочу только показать...

— Зейчасъ, зейчасъ, mademoiselle! улыбулся онъ ей въ отвѣтъ. Музыканты съ видимымъ удовольствіемъ отыскивали свои ноты,—они уже аккомпанировали Ольгѣ наканунѣ.— О, сдѣлбъ у насъ въ театрѣ былъ такой голодъ et des yeux comte ça! говорилъ онъ самъ, прищуривая на нее свои лукавосластолюбивые глазенки и вооружаясь своею палочкой.

— Начинайте, начинайте! нетерпѣливо постукивая ногой, торопила его Ольга уже со сцены.

Смычки поднялись...

Что говорится съ *льста* все унесъ съ собою ея неотразимый, волшебнo-страстный голосъ... Можно было все ей простить, все стерпѣть отъ нея за эти всю душу захватывавшіе и необузданные звуки... Такъ лѣтъ могъ только голосъ на зарѣ своей силы,—царственный богачъ, надменно расточающій свои сокровища изъ-за мгновенной прихоти... Резонансъ залы былъ великолѣбный. Словно на пылающихъ крыльяхъ разносилъ онъ этотъ голосъ въ безпредѣльную ширь... Музыканты, блестящими глазами слѣдя за лѣвицей, забыли о своихъ партіяхъ,—все сильнѣе, все бойчѣй становился темпъ... палочка Эрдангера, какъ бы помимо его воли, была неудержимо по воздуху... Ашанинъ упалъ въ кресло въ какомъ-то ольвеніи...

— Я какъ Бо-жію по-солъ,

прозвенѣли, будто мѣдные колокола, одна за другой, шесть невообразимо ровно и вѣрно отчеканенныхъ нотъ,

Впереди, впередъ...

и, не давъ себѣ труда кончить, Ольга оборвала на полутактѣ,—и съ горящимъ лицомъ и высокоподымавшеюся грудью:

— Что, фальшивлю! крикнула она со сцены княжнѣ Карнауховой.

— Ахъ, ты судьба прокля...! замеръ взрывъ восторга и отчаянія бѣднаго капитана Ранцева среди кликовъ и плеска всей залы...

Ольга сбѣжала внизъ и, подхватила олять подъ руку Женни:

— А теперь пойдемъ, ты все теперь видѣла и слышала; сейчасъ будутъ звонить ко второму завтраку,—лора, лора!...

— Mesdames и господа позвольте!

Къ нимъ подбѣжалъ Духонинъ:

— Извѣстно ли вамъ насчетъ сегодняшняго обѣда?

— Чтò такое?

— Для актеровъ сегодня особенный столъ, къ пяти часамъ, такъ какъ, если обѣдать въ шесть со всѣми, къ восьми, когда начнется спектакль, не успеешь ни отдохнуть, ни спокойно одѣться...

— Тѣмъ болѣе что сегодня будутъ безъ отдыха обѣдаты! сострилъ при семь удобномъ случаѣ Шугаревъ.

— Я буду обѣдать со всѣми, объявила Ольга, — я не участвую въ *Гамлетъ*.

— Какъ же такъ? вскрикнула обиженно Еулашре, вѣдь ты хотѣла, для *эффекта*, выйти съ нами вмѣстѣ въ свитѣ королевы. Вѣдь такъ условлено было господа?

— Да, да, конечно! Ольга Еллидифоровна, чтò же это вы?

— Нѣтъ, я не хочу,—и такъ васъ много! Будетъ съ нею примолвила барышня, съ невольною гримасой по адресу отсутствующей Гертруды.

— А гдѣ она сама? спросилъ кто-то;—гдѣ Надежда Федоровна? Ея не видно сегодня все утро?

— Она у себя наверху, я была у ней, отвѣчала одна изъ „луларокъ“,—она, говорить, была ночью очень больна и отдыхала чтобы къ вечеру можно было ей играть...

— Пойдемъ, Женни! заторолила ее олять Ольга Еллидифоровна, толкая на мѣстѣ и подталкивая ее локтемъ. Но Чижевскій снова успѣлъ завладѣть крупной княжной, у которой онъ теперь выпрашивалъ мазурку на балѣ, послѣ спектакля.

— Вѣдь вы знаете что мнѣ за это достанется? говорила она въ отвѣтъ съ твердымъ внутренне рѣшеніемъ танцовать эту мазурку съ нимъ во чтò бы ни стало.

— Да чтò же я такой за лугало, жалобнымъ голосомъ возражалъ онъ,—Минотавръ, людоедъ, Баба-Яга, чтобы меня такъ опасались?

— Хуже, хуже! хохотала Женни, *fat et suffisant!* Подъ этою вывѣской всѣмъ извѣстны.

— Знаете что, княжна?

— Что?

— Мнѣ ничего не остается какъ въ одинъ прекрасный день взять и увести васъ!

Она разсмѣялась лучше прежняго, къ немалой досадѣ Ольги Елпидиоровны, которая не предвидѣла конца этому разговору.

— Какъ же не такъ! Увозите Линину Глашу, она, пожалуй, согласится.

— Хорошо, я увезу Глашу, а вы мнѣ дайте сегодня мазурку! предложилъ на все готовый Чижевскій.

— Ну, Богъ съ вами, возьмите! Только вотъ что: во все время какъ будемъ сидѣть, не смѣйте смотрѣть на меня! Глаза держите все прямо предъ собой и оборачиваться ни, ни, потому что это главное за глазами наблюдаютъ. А ротъ немножко въ сторону, ко мнѣ, и говорите! Говорить можно, кто подслушаетъ?.. Ахъ, какъ петербургскіе хорошо это умѣютъ дѣлать! вспомнила княжна съ новымъ смѣхомъ, вотъ у Анисьева поучитесь, на примѣръ!..

— А это вы по собственному опыту знаете? спросилъ Москвичъ, прикусывая губу.

— *Quel impertinent vous faites!* Не хочу больше съ вами говорить!.. Пойдемъ, Ольга!..

— Слава Богу! вскрикнула барышня. „Въ самый разъ!“ подумала она, замѣтивъ что Ашанинъ, оравившійся отъ перваго возбужденія, произведеннаго на него ея лѣніемъ, съ прежнею „противною своею улыбкой, выльзъ откуда-то“ и направился опять къ ней, „сѣменя по-лѣтуньи ножками“, даже замѣтила она почему-то въ эту, очень дурную для него, минуту!

Она крѣпко прижала къ своему боку локоть Женни чтобы „не вздумалось ей опять къ своему предмету“, и обѣ бойкія особы выбѣжали въ корридоръ, соединявшій театръ съ главнымъ корпусомъ дома.

XLVIII.

Часы бѣжали. Отсервированъ былъ luncheon, второй завтракъ, за которымъ графъ, послѣ двухчасовой прогулки, изволил кушать съ большимъ аппетитомъ и чувствовалъ себя въ необыкновенно бойкомъ и галантерейномъ расположеніи духа. Онъ все время за столомъ посылалъ умильными улыбками Ольгѣ Баллидифоровнѣ, грозилъ ей издали пальцемъ и называлъ „шалунья“, отчего она вдругъ сдѣлалась предметомъ такихъ же улыбокъ со стороны всего остального мужскаго общества и кисло-сладкихъ взглядовъ со стороны большинства прекраснаго пола. Но смысленная особа держала себя на этотъ разъ безукоризненно, не замѣчала будто ни взглядовъ этихъ, ни улыбокъ, и, опустивъ невинно очи, подымала ихъ лишь для скромно благодарной улыбки по напращиванію благоволившаго къ ней начальства.

— Премилая особа! выразилъ по этому случаю графъ сѣдѣвшей о правую его руку графинѣ Воротынцевой;—лютеъ прекрасно!

— Et vous savez, comtesse, de sa belle coup! перегляываясь мимо него къ гостьѣ, многозначительно и таинственно сообщала объ Ольгѣ съ своей стороны хозяйка дома, указывая пальцемъ на свой выгуклый лобъ.

— Да? сказала графиня, вглядываясь съ мѣста въ барышню и привѣтливо улыбаясь ей какъ только встрѣтились онѣ глазами.

— Très bien! одобрительно кивнула она затѣмъ въ отвѣтъ Аглаѣ Константиновнѣ.

Послѣ завтрака она просила представить ей Ольгу.

Барышня ногъ подъ собою отъ счастья не чувствовала; она мѣла и присѣдала, присѣдала и мѣла..

— У васъ, говорятъ, прелестный голосъ... Услышимъ мы васъ сегодня вечеромъ?

— Къ несчастію моему, non, comtesse! Я въ *Гамлетъ* не играю... Но завтра я буду, буду много лѣтъ... А еслибы вы знали, madame la comtesse, и барышня внезапно скрестила себѣ на груди съ умоляющимъ видомъ руки,—какъ бы я была счастлива еслибы вы слышали какъ я пою!

Въ невинныхъ грезахъ своего лыкаго честолюбія, въ этой

„петербургской царицѣ“ барышня наша прозрѣвала уже лучший для себя путь „лопасть ко двору за лѣвнѣ“.

„Петербургская царица“ словно угадала что происходило у нея въ душѣ, она засмѣялась:

— Если вы воображаете что я что-нибудь понимаю въ музыкѣ, вы очень ошибаетесь! Je m'entends en beaux yeux beaucoup plus qu'en musique, любезно примолвила она, глянувъ въ эти beaux yeux очарованной дѣвицы, и поклонившись ей съ новою улыбкой, ушла въ назначенный для нея локоть, въ сопровожденіи княгини Додо все еще злобно какъ сычъ и мрачно какъ воронъ.

Графъ купавшій кофе въ гостиной подозвалъ и посадилъ барышню около себя, зрѣлице отъ коего сидѣвшая тутъ не подалеку „образованная окружная“ сочла почему-то нужнымъ закрыть лицо себѣ вѣеромъ...

— А гдѣ отецъ? невнянѣше спрашивалъ между тѣмъ Ольгу его сіятельство.

— Онъ здѣсь, графы! Прикажете позвать къ вамъ?

— Позовите!

Толстый Еллидифоръ, державшійся все время въ сторонкѣ, но постоянно на чѣку, выросъ какъ изъ-подъ земли.

— Дороги у тебя хороши! Распорядительный! милостиво залѣвъ свой акавиствъ графъ вытянувшегося и какъ маятникъ олукавшему и подымавшему предъ нимъ свою круглую голову исправнику, приглашая въ то же время его дочь занять прежнее свое мѣсто рядомъ съ нимъ на диванѣ;—въ одномъ только мѣстѣ тамъ, мостикъ, помнишь?

— Извольте повѣрить, ваше сіятельство, вскрикнулъ Акуликъ,—хоть изъ собственнаго кармана чини! Земля тутъ, смѣю довести, спорная, двухъ помѣщиковъ: одинъ, говоритъ, „за мной не утверждено,“ а тотъ оляты: „лустъ, говоритъ, кто отымаешь, тотъ и платитъ“!.. А все то мѣсто гроша не стоить, одно болото... Такъ-съ, изъ говора изъ пустаго тяжбу ведутъ... Что денегъ имъ стоить!..

— А деньги кому? нежданно заключилъ графъ,—судьѣ!

— Это совершенно такъ извольте говорить, ваше сіятельство, захлебнулся счастливымъ смѣхомъ Еллидифоръ...—Напоминаетъ это мнѣ-съ, заговорилъ онъ вдругъ, окидывая начальство зоркимъ взглядомъ и уже совершенно понявъ какъ и чѣмъ его взять можно,—напоминаетъ мнѣ-съ когда я еще въ полку служилъ...

— Въ гусарахъ былъ? прервалъ графъ, ткнувъ впередъ пальцемъ.

— Въ герцога Нассаускаго уданскомъ полку въ ту пору штабъ-ротмистромъ состоялъ, ваше сіятельство!

— Да.—Такъ что же?

— Стояли мы тогда въ благословенной Малороссіи....

Графъ засмѣялся, откинулъ ладони и, подмигивая сбоку Ольгѣ Елицифоровнѣ:

— Хохлы! проговорилъ онъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство,—задребезжалъ за нимъ Елицифоръ;—презабавный, изволите знать, народецъ. Такъ вотъ о нихъ-съ осмѣлюсь разказать.... Лежатъ это два такіе хохла въ лѣсочкѣ,—слышать, кукушка закуковала. Одинъ изъ нихъ и говоритъ другому Грицько, а Грицько!—А ну?—Отто мими зозуля закуковала!—А отже збрехавъ! каже другой,—не тоби, а мими закуковала!—Самъ брехачъ, мими, а не тоби.... И вышелъ у нихъ изъ-за этого споръ, и отгаскали себя хохлы за чубы такъ что у каждаго хохоль другаго остался въ рукѣ....

— Дураки!... какъ ребенокъ уже хохоталъ графъ. Толстый Елицифоръ дѣйствительно, въ числѣ другихъ своихъ талантовъ, воспроизводилъ Хохловъ неподражаемо.

— Вотъ-съ, ваше сіятельство, продолжалъ онъ,—и пошли они оба къ судѣ чтобъ онъ ихъ разсудилъ. Пришли, поклонились, разказали. —Добре, говоритъ судья; клади кажный на столъ по карбованцю. Вытащили они по рублю положили.— А ну-те-ка, каже, телерица почеломкайтесь! (это по-ихнему „поцѣлуйтесь“ значитъ, ваше сіятельство.) Почеломкались.—Ну, каже, а телерицка идуть собі до дому! Поглядѣли хохлы на него, другъ на друга поглядѣли, въ затылкѣ себѣ почесали:—А больше, кажутъ, ничего и не буде, лавъ судія? — А чего жъ, каже, вамъ больше! Сами видѣли: ни тоби, а и ни тоби куковала зозуля,—мими она куковала! Взялъ онъ карбованцы со стола и положилъ себѣ въ карманъ....

— „Ни тоби,“ „ни мими!“ повторялъ графъ сквозь громкій смѣхъ,—потому все судѣ пошло. Хорошо разказываетъ! подмигнулъ онъ снова нашей барышнѣ. И тутъ же, заложивъ большой палецъ за луговицу сюртука:

— А что тебя губернскае правленіе милуетъ? спросилъ онъ исправника официально шутливымъ тономъ.

Толстый Елпидифоръ игралъ уже на немъ какъ по струнамъ:

— Эхъ, ваше сіятельство, вотъ ужъ у насъ гдѣ оно сидитъ, губернское правленіе! Онъ похлопалъ себя рукой по затылку;—не смѣю только утруждать....

— Ничего! Пойдемъ ко мнѣ! Я теперь свободенъ! Ты хорошо рассказываешь!... Шалунья, до свиданія! обернулся, подымаясь, старикъ къ Ольгѣ.

Она поднялась за нимъ, и, словно въѣзжая своими забирающими глазами въ его китайскіе глаза:

— Я васъ обожаю, графъ! прошептала она ему.

— Шш, при отцѣ! Чтѣ подумаетъ! погрозилъ онъ ей лукаво пальцемъ на прощанье и ушелъ съ Елпидифоромъ довольный какъ мѣдный грошъ.

Ольга поглядѣла ему вслѣдъ:

— А за это ты мнѣ лалашу—полицеймейстеромъ въ Москву! рѣшила она мысленно. Она была сила; въ этомъ она уже не сомнѣвалась теперь....

Не успѣвъ отойти графъ какъ къ ней подошелъ Анисьевъ.

— Позвольте возобновить сегодняшнее нечаянное знакомство,—сказалъ онъ, садясь на кресло подлѣ ея дивана.

Гостиная уже опустѣла; сама хозяйка ушла въ свой ситцевый кабинетъ, упросивъ Зяблина придти туда пить съ нею чай, „*сomme d'habitude*“—она чувствовала себя очень демократизованною послѣ сжатки своей съ зубатою княгиней Карнауховой, и внезапною холодностью „бриганта“, этого „*vgai ami*“, которому она собиралась теперь „*confier toutes ses reines*“,—холодность которую она въ простодушіи своемъ никакъ себѣ объяснить не могла, — была для нея очень чувствительна. „Намъ надо объясниться!“ объявила она ему, — на чтѣ Зяблинъ въ отвѣтъ мрачно опустивъ голову, уныло проговорилъ: „вы желаете повернуть кинжалъ въ ранѣ? Извольте, я готовъ!“ и отправился вслѣдъ за нею...

— Вы совсѣмъ околдовали нашего почтеннаго старца, говорилъ Ольгѣ блестящій Петербуржецъ, лотягивая во всю ихъ длину свои прекрасные усы и глядя на нее съ улыбкой изподлобья.

— Я его очень люблю! съ нѣкоторою уже величественностью отвѣчала по-французски барышня. Она старалась какъ можно ближе примѣниться къ пріемамъ, къ тону рѣчи „петербургской царицы“.—И къ тому онъ такой смѣшной, правда? примолвила она уже совсѣмъ по-уѣздному.

— Я его очень уважаю! сказалъ сдержанно флигель-адъютантъ.

— О, разумеется,—и я!... Успѣли вы приглядѣться здѣсь? спросила она его вдругъ.

— Къ чему?

Ольга лукаво улыбулась:

— Къ тому что можете васъ здѣсь интересовать...

— Приглядываюсь, протянулъ Анисьевъ съ легкимъ наклономъ головы и любезнымъ взглядомъ въ ея сторону.

Она совсѣмъ уже позабыла про величественность...

— Разказывайте это другимъ! расхохоталась она на всю гостиную;—я, надо вамъ сказать, умна!...

— И потому что вы умны, вы думаете что я не могу...

Онъ не договорилъ, остановленный выраженіемъ ея пристально-остановившихся на немъ глазъ.

— Только не въ эту минуту! быстро промолвила она.

Анисьевъ опустил на мигъ вѣки—и принимаясь улыбаться олять:

— Вы не только умны, началъ онъ,—вы, говорятъ, всевѣдущи и всемогущи

— А кто это „говорить“?

— Слухамъ земля поднитя...

— А слухи—съ языка Женни Карнауховой?

— Помилуйте, я никого не называю! почти испуганно вскрикнулъ полковникъ.

— И не нужно! съ новымъ смѣхомъ возразила барышня;—вы сами говорите что я всевѣдущая... Всемогущая—вѣтъ, далеко вѣтъ! вздохнула,—но... но совѣтъ, договорила она послѣ минутнаго перерыва,—всегда могу дать... и *хорошій*...

Брови Анисьева сдвинулись, онъ недоувѣрчиво поднялъ на нее глаза.

— Напримѣръ? пророчилъ онъ.

Она какъ бы на мигъ заколебалась...

— Сказать?

— Прошу!

— И... и не разсердитесь?

— Смѣю ли? проговорилъ онъ учтиво.

— А если скажу—послушаетесь?

— Смотря по тому... уклончиво сказалъ онъ.

Ольга Еллидифоровна окинула кругомъ себя бѣглымъ взглядомъ, наклонилась къ нему и прошептала:

— *Здѣсь* вы ничего не сдѣлаете!...

Анисьевъ не ожидалъ этого такъ прямо, такъ рѣшительно... „За кого она?“ пронесся у него въ головѣ вопросъ...

Она будто тотчасъ же сообразила говорившее въ немъ сомнѣнiе:

— Надо чтобъ *онъ* въ Петербургъ переѣхалъ, послѣшила она досказать...—Но какъ это сдѣлать?...

— Въ Петербургъ? повторилъ безотчетно Анисьевъ, пристально глядя ей въ лицо.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула она,—вы, можетъ-быть думаете что я нарочно... Ну, какъ же это вась увѣрить!... Повѣрьте хоть тому что сама я такъ и рвусь въ Петербургъ!

— А! А развѣ и вы?...

— Да, меня беретъ княгиня...

— Вы очень дружны... съ княжной... Еленой Михайловной? съ разстановкой вымолвилъ флигель-адъютантъ.

— Д-да съ такою же разстановкой отвѣчала барышня,—дружна... Настолько, по крайней мѣрѣ...

— Чтобы... подговорилъ онъ.

— Насколько это будетъ *для васъ* нужно! заключила она съ нѣскольکو насилуемымъ на этотъ разъ смѣхомъ.

Онъ замолкъ, погруженный въ размышленiе, и все продолжая избока глядѣть на нее...

— Такъ вы полагаете—въ Петербургъ? сказалъ онъ черезъ мигъ, подымая голову и съ прояснившимся взглядомъ.

— Непремѣнно! сказала барышня.

— Потому что....? онъ ждалъ отвѣта.

— Потому что тамъ не будетъ... не досказала и она.

— Господина Гундурова? спокойно договорилъ онъ за нее.

— Вы знаете?

Онъ утвердительно повелъ головою.

Ольга всплеснула руками:

— Ахъ, какъ прiятно когда человекъ съ которымъ имѣешь дѣло такой умный!...

— Не трудно, сказалъ онъ съ легкимъ поклономъ и почти презрительною усмѣшкой:—это кажется, *le secret de la comédie*...

— А теперь будьте еще умнѣе, вскрикнула барышня,—устройте такъ чтобы мы уѣхали въ Петербургъ!

Она въ пылу интересаго для нея разговора присаживалась все ближе и ближе къ нему; ея круглое, полное плечо почти касалось молодаго человека.

— А вы, проговорилъ онъ вдругъ сдержаннымъ, еле слышнымъ шелкотомъ,—а вы мнѣ будете очень благодарны если я вамъ это устрою?

— Ужасно! вырвалось у нея при этой радостной мысли.

— Помните же! сказалъ онъ на это такъ что барышня неожиданно смутилась и рѣсницы ея опустились какъ бы сами собою.

Когда она подняла ихъ опять, Анисьевъ стоялъ предъ нею, стройный и изящный и со своею спокойною улыбкой спрашивалъ ее:

— Вы не изволите знать какой лучшей способъ отправить отсюда письмо на почту?

— Если что-нибудь нужное, живо отвѣтила Ольга,—лучше отдайте пала: онъ отошлетъ его съ нарочнымъ.

— Я бы не хотѣлъ его безлокоить, учтиво отговаривался наш полковникъ.

— Почему же? Она протянула ему руку:—вѣдь мы теперь союзники?...

Онъ оглянулся, быстро прижалъ выше кисти эту обнаженную руку къ горячимъ губамъ—и еще быстрее вышелъ изъ лустой гостиницы....

Вернувшись въ свою комнату, онъ сѣлъ за столъ, и писалъ вплоть до самаго обѣда.

XLIX.

Къ обѣду наѣхала въ Сидкое новая компанія гостей, преимущественно изъ тогдашнихъ московскихъ свѣтскихъ *жёнъ премьеровъ*. Приѣхали два друга, князь Хохолковъ и Мишель Луповъ, веселые и любезные *застѣватели* гостинныхъ и будауровъ; приѣхали двоюродные братья, Костя Подозеринъ, ужасно похожій на стерлядь, соревнователь Толи Карнаухова по части лѣвня чувствительныхъ и иныхъ романсовъ, и Савва Роллеръ, любвдатель сердець и умникъ, котораго прозывали „l'illustre étranger“, на томъ основаніи что родомъ былъ онъ изъ Волоколамскаго уѣзда и ни на какомъ иностранномъ нарѣчій не объяснялся. За ними небрежною походкой, ласково улыбаясь большими свѣрыми глазами и

такими же большими, мягкими губами, ллелся Петя Толбухинъ, милѣйшій лѣвтяй и англоманъ, про котораго въ то время лѣлся куплетъ:

Вотъ, какъ будто съ парохода,
 Master Piter Tolboukine,
 Отпустила ему мода
 Бакенбарды въ поларшинъ, и т. п.

Явился какой-то куда-то проѣзжавшій дипломать, служившій одно время подъ начальствомъ князя Михайла Шастунова, господинъ съ крючковатымъ носомъ и испитымъ лицомъ, вслѣдствіе чего графиня Воротынцева тутъ же прозвала его „un reggoquet malade“,—а за нимъ весьма смадивашій на татарченка, маленькій, черненкій артиллеристъ, состоявшій вѣчно въ отпуску, немолчный болтунъ, хрипунъ и хохотунъ, извѣстный во всѣхъ углахъ Россіи подъ кличкою „Сеньки“ лестнаго уменьшительнаго которое суждено ему было нести отъ дѣтства и до старости лѣтъ....

Онъ и Костя Подозеринъ тотчасъ же присосѣдились къ Толѣ Карнаухову, съ которымъ и сѣли на концѣ стола, лодалѣе отъ взоровъ „начальственнаго синкаита“, какъ выражались они...

Пили они много, еще болѣе ввали. „Mon cher, mon cher!“ то и дѣло, среди пчелинаго жужжанія трапезовавшей толпы, взрывался неудержимо хриплый голосъ артиллериста, и графъ, знавшій всѣхъ и каждаго, взглядывалъ въ ихъ сторону и, поднявъ ладони, произносилъ своимъ акаеистомъ: „вѣчно Сенька шумить, лустая башка“...

Многолюдный и безконечный обѣдъ, несмотря на это, прошелъ довольно скучно; ему не доставало того общаго, дружнаго оживленія какое вносило обыкновенно въ будничныя трапезы Сицкаго молодое общество нашихъ лицедѣевъ. Для нихъ часомъ ранѣе сервированъ былъ особый столъ въ одномъ изъ флигелей дома. Французъ поваръ княгини презошелъ себя за то въ этотъ день. „Menu fretin“ уздныхъ сосѣдей никогда еще въ жизни не чувствовали на языкѣ своемъ вкуса такихъ соусовъ, не глатывали такихъ *соте* „въ которые чортъ его знаетъ что положено рыба, или бекасъ, никогда такъ много не приходилось имъ поглощать и жевать такъ мало... Зато князь Лоло, тонкій гастрономъ, послѣ каждаго блюда прикладывалъ пальцы ко рту и посылаалъ ими знаки лестнаго одобренія по адресу хозяйки, самодо-

вольво улыбающейся ему въ отвѣтъ со своего предсѣдательскаго мѣста. Наша княгиня чувствовала себя опять въ вождѣльномъ расположеніи духа. Экспликація съ „угаі амі“ закончилась, надо полагать, къ обоюдному ихъ удовольствію, такъ какъ вслѣдъ за нею „бригантъ“, отправившись за актерскій столъ, сѣлъ на свое мѣсто съ особеннымъ, не то таинственнымъ, не то сосредоточеннымъ видомъ и, замѣтивъ что предъ его приборомъ стоитъ бутылка какого-то сотерна, строго взглянулъ на официанта и коротко отрѣзалъ: „подать мнѣ моего рейнвейна!“ а княгиня Аглая, по пути изъ своего ситцеваго кабинета въ столовую все время, не то томно, не то стыдливо улыбалась стѣнамъ... Въ столовой змѣя Додо какъ ни въ чемъ не бывало подошла къ ней съ восторженными комплиментами насчетъ ея великолѣпной *argenterie*.— „*Elle vient de Storr et Mortimer!*“ тотчасъ же объявила ей Аглая Константиновна, забывая свои обиды и мгновенно переносясь мыслью къ незабвенному Шилмунткасслю... И опять теперь, сидя на своемъ хозяйскомъ мѣстѣ, насыщала она зрѣніе ослѣпительнымъ видомъ этого своего серебра, стекла и *parres damassées*, мрачно почтительными физиономіями своихъ официантовъ, перемѣнявшихъ тарелки и разливавшихъ вина въ стаканы со внушительностью жрецовъ совершающихъ священнодѣйствіе, золотымъ и серебрянымъ шитьемъ „*de la maison de l'Empereur*“ на воротникахъ обоихъ „*comtes*“, старого и молодого, восхитительнымъ „*toilette parée*“ своей петербургской гостыи, „*la comtesse Tatiana*“, и проч., и въ сладкомъ торжествѣ повторяла мысленно: „*non cela n'était pas plus cossu chez les Deanmore!*“ прислушиваясь въ то же время съ достоподобнымъ вниманіемъ къ интересному разказу сидѣвшаго одесную ся графа о томъ какъ „его графиня“ любить собакъ.

По другую его руку сидѣла попрежнему графиня Воротынцева, посадившая подлѣ себя съ другой стороны, вмѣсто имѣвшаго занять это мѣсто князя Лоло, Софью Ивановну Переверзину. Дина познакомила ихъ предъ обѣдомъ. Оказалось что графиня много слышала про нее отъ одной своей тетки, которую она очень любила и которая была одного вылука изъ Смольнаго и очень дружна съ Софьей Ивановной. Омѣ съ перваго взгляда очень понравились другъ другу; свѣтская петербургская женщина оцѣнила сразу оригинальность и прямоту этой пожилой, образованной провинціалки,

отъ которой такъ и вѣяло тономъ и привычками, складомъ ума старинной „bonne société“... Онѣ не переставали разговаривать между собой въ продолженіе всего обѣда, вслѣдствіе чего, едва услѣли встать изъ-за стола, вся семья Карнауховыхъ, съ Толи въ томъ числѣ, сочла нужнымъ представиться Софьѣ Ивановнѣ, „en qualité de voisins“, и княгиня Додо, вызвавъ на уста очаровательнѣйшую изъ улыбокъ своихъ минувшихъ временъ, просила дозволенія посѣтить ее въ Сашинѣ. Графъ Анисьевъ, съ своей стороны, узнавъ отъ Женни что она тетка Гундурова, не переставалъ изучать ее украдкой во все продолженіе стола, и изъ этого изученія вынесъ такого рода понятіе что это „старуха съ которою, пожалуй, придется считаться“...

Самъ онъ сидѣлъ, по назначенію хозяйки, между обѣими княжнами, Ливой и Женни, и на этомъ жгучемъ пунктѣ велъ себя съ искусствомъ опытнѣйшаго стратега. Онъ такъ равномерно поворачивалъ свою гляцовитую голову то направо, то налево, такъ аккуратно распредѣлялъ свои улыбки между обѣими своими сосѣдками, такъ безпристрастно дѣлилъ между ними цѣвты своего остроумія, что все это могло бы быть взвѣшено на алтекарскихъ вѣсахъ, и самый зоркій взглядъ не въ состояніи былъ бы подмѣтить на какую сторону склонялись эти вѣсы. Но стороны за то относились къ своему центру далеко не равномерно: добродушная Женни весело смѣялась и болтала въ залуски за нимъ; его блестящія рѣчи шли мимо ушей все также нѣмой и глухой теперь ко всему Ливы. Она ничего не вѣла.... Какой-то туманъ разстилался предъ ея глазами.... Участіе петербургской гостыи, бесѣда съ нею, не усложнили,—они какъ бы еще усилили ее грусть и тревогу.... „Какъ онъ долженъ страдать!“ пронеслась въ сотый разъ у нея въ головѣ все та же мысль. И тутъ же приходилъ ей на память какой-то стихъ изъ ея роли Офеліи.... „А затѣмъ какъ?... Забыла!... Боже мой, если я вдругъ на сценѣ не вспомню реликви!...“ Она глядѣла прямо предъ собой: все въ томъ же туманѣ медькали предъ ней озабоченное лицо Софьи Ивановны, и рядомъ съ нимъ приподнятые на углахъ, живые, темные глаза....

„Она знала пала.... ей были тогда мои годы....“ Дрожь пробѣгала по спинѣ Ливы. Предъ нею рисовалась большая высокая комната съ уходящими въ темъ углами, мраморная доска стола съ карселемъ подъ зеленымъ абажуромъ, уставлен-

ная стклянками, и рядомъ, на подушкахъ, подъ приподнятымъ пологомъ, исхудалый, тонкій, незабвенный профиль... „Искули меня, искули меня, грѣшнаго!“ сквозь надрывающій кашель, вся замирая, разслушивала она его слова....

— Давно никто не внушалъ мнѣ къ себѣ такого сердечнаго чувства какъ эта дѣвушка! говорила въ то же время про нее графиня Воротынцева своей сосѣдкѣ;—*et pauvre enfant, я лари держу,—elle doit avoir une grosse épine, à travers le coeur....* Вы знаете что? спросила она послѣшно, пораженная выраженіемъ лица съ которымъ слушала ее Софья Ивановна.

— Знаю, отвѣчала та, и съ радостью,—примолвила она съ обычною своею живостью, —сейчасъ отдала бы все что остается мнѣ жить чтобы вытащить эту занозу изъ ея.... и еще другаго сердца!...

L.

Актерскій обѣдъ былъ также не веселъ. Одинъ неизмѣнный шутъ Шигаревъ потѣшалъ „луларокъ“ своимъ гаерничаньемъ и анекдотами, которыми онъ впрочемъ самъ хохоталъ гораздо болѣе чѣмъ его слушательницы. Зябливъ, вообще не говорливый, пилъ теперь свой рейнвейнъ съ такимъ глубокомыслиемъ будто рѣшалъ въ головѣ задачу изъ дифференціальнаго исчисленія. Вальковскій отстранялъ нетерпѣливою рукою каждое изъ подаваемыхъ ему блюдъ, жадно вбирая въ то же время широко открывавшимися ноздрями ихъ соблазнительный запахъ, злобно вздыхая и вокомъ глядя кругомъ себя: онъ уже два раза, предъ обѣдомъ примѣрялъ свой костюмъ Розенкранца, — „въ талии ничего, сходится, а вотъ подъ мышками,—того и гляди...“—нѣтъ онъ не имѣлъ права обжираться!... Между Духовиннымъ и Факирскимъ начались было обычные имъ пренія, на сей разъ на тсму о „предыщеніи въ любви,“ по поводу одного пользовавшагося тогда большою извѣстностью французскаго романа *Marianne*, но разговоръ не клеился, и послѣ какого-то циническаго замѣчанія вмѣшавшагося тутъ Свищова объ отношеніяхъ къ автору его, Jules Sandeau, „госпожи George Sand, позаимствовавшей половину фамиліи любезнаго для сочиненія себѣ псевдонима,“ смолкъ и вовсе. Студентъ даже

не всплылъ какъ то обыкновенно случалось; онъ былъ озабоченъ съ самаго утра, съ той минуты когда поводь прѣздала „петербургскаго преторіанца“ былъ ему повѣданъ тѣмъ же Свищовымъ.... Черныя тучи заволакивали теперь радужное небо соціально-романическихъ мечтаній, въ которыхъ вѣчно витало воображеніе юноши. Въ этихъ золотыхъ мечтаніяхъ онъ давно, какъ мы уже знаемъ, „отказался отъ княжны, во имя своей бѣдности, своей святой бѣдности,“—отказался „для другаго, болѣе совершеннаго, болѣе достойнаго ея“.... Онъ не сомнѣвался что Гундуровъ любитъ ее; онъ угадывалъ „растерзанною душой“ что и она любитъ Гундурова,—и всего себя предавалъ имъ на жертву, ничего, ничего не требуя для себя—лишь бы когда-нибудь она узнала и сказала бы что онъ умѣлъ быть ей преданъ какъ Ральфъ Индіанъ, какъ Мазаччіо любовницѣ Гораса *. „И онъ ненавидѣлъ теперь“ всѣмъ естествомъ своимъ „этого“ раздвоеннаго военнаго царедворца изъ Петербурга, „этого“ представителя официальной лжи и свѣтской безнравственности, прѣзравшаго смутить свѣтлый міръ ихъ человѣческихъ отношеній.—Да, ты человѣкъ, тебѣ по праву участіе братьевъ твоихъ по духу говорилъ себѣ Факирскій, участливымъ и безлокойнымъ взглядомъ слѣдя за Гундуровымъ и стараясь вычитать на его лицѣ „настоящія ощущенія его внутренняго я“... Герой нашъ улорно молчалъ. Отъ него не ускользали ни эти пытливые взгляды студента, ни ея сдерживаемая, злонасмѣшливая улыбка на нахальныхъ устахъ Свищова, каждый разъ какъ глаза ихъ встрѣчались. И участіе это, и недоброжелательность равно злили его, равно оскорбляли; въ немъ пробудилась какая-то особенная чуткость, какая-то нервная угадчивость, которой онъ не зналъ за собой до сихъ поръ. Онъ до вчерашняго дня жилъ въ какомъ-то сіяющемъ пространствѣ надъ облаками, между своею ролью Гамлета и любовью ко княжнѣ, слѣпой и глухой на все что внѣ этого происходило кругомъ его. Сегодня *внутреннія* очи его открывались будто въ первый разъ:—непрошенные и безсильные друзья, презрѣнные, но жестокіе завистники, неодолимые предразсудки, настоящее положеніе его въ этомъ домѣ, вся эта „дѣйствительность какъ она есть“ представляла теперь предъ нимъ въ неумолимо ясныхъ чертахъ. „Онъ попалъ сюда не

* *Indiana, Horace*, романы Ж. Санда.

какъ равный къ равнымъ, а въ качествѣ скомороха, шибьющаго позабавить на мгновеніе толлу праздныхъ свѣтскихъ людей, съ которыми у него нѣтъ ничего общаго, да и которые сами не признаютъ его *своимъ*... Онъ долженъ былъ это понять съ самаго начала, князь Ларіонъ далъ это ему почувствовать *тогда же*, въ томъ разговорѣ послѣ первой релетици, но онъ безумно увлекся тогда.. „Сама она во глубинѣ души своей, спрашивалъ онъ себя въ мучительномъ сомнѣніи, признаетъ ли она *законность* чувства своего къ нему? Въ собственномъ сознаніи ея не есть-ли это слабость, увлеченіе, отъ котораго она заранѣе готова отказаться *изъ послушанія* къ матери“.... „Попробуйте“! сказала она ему... она на него возлагала эту обязанность; сама она не надѣялась, не думала, не бралась за такую попытку. Она и не допускала для себя возможность борьбы за это чувство... Борьбы? „Съ кѣмъ, противъ чего“? И новое смущеніе западало въ душу молодаго человѣка. „Съ матерью, противъ родительскаго авторитета“! отвѣчалъ онъ себѣ съ новою мукой.... Въ правѣ ли онъ былъ требовать, гоже ли ему было *желать* даже чтобъ она „пошла на это“? Куда же дѣвалось то что было ему самому донинѣ такъ дорого, чему онъ такъ безусловно вѣрилъ до сихъ поръ? Гдѣ же эти его идеалы старорусской, христіанской, *по-божески* живущей и мыслящей семьи? Не говорилъ ли онъ самъ ей наканунѣ что вѣрованія его—вѣрованія его народа? А теперь что же,—бѣдна между словомъ и дѣломъ? Онъ самъ предложить ей идти съ нимъ подъ вѣнецъ безъ материнскаго благословенія!

„Ну, а нѣтъ, тогда что же? Стиснуть зубы, смириться—„смиреніе сила“, приводила она ему слова покойнаго отца,—ухватъ скитаться по Россіи, попробовать, въ самомъ дѣлѣ, не размыкаетъ ли его личную печаль общее, народное горе?!.. Да, „но какъ же жить“? вскипѣло у него новымъ взрывомъ какъ же жить безъ нея? Гдѣ та пустыня и гдѣ то горе, казалось ему, что могли бы заставить его забыть ее и это горе! Покинуть, бѣжать, потому что въ ихъ дикихъ, въ ихъ рабскихъ понятіяхъ ему нѣтъ здѣсь мѣста по табели о рангахъ! Но она его любить, любить!.. Развѣ онъ при этомъ не любѣдитъ, не осилитъ!.. И губы его слагались въ презрительную улыбку, онъ пронзительнымъ, чуть не вызывающимъ взглядомъ обводилъ кругомъ стола, словно искалъ повода вымѣстить на комъ-нибудь сознаваемое имъ оскорбленіе....

— Да что ты все молчишь сегодня? придрался онъ наконецъ къ сидѣвшему подлѣ него Ашанину, нѣмому, какъ и онъ, съ самаго начала обѣда.—О чемъ ты думаешь?

Красавецъ поднял на него глаза, встряхнулъ, какъ бы просыпаясь, шалкой своихъ черныхъ густыхъ волосъ и засмѣялся:

— А думалъ я вотъ сейчасъ о томъ, отвѣтилъ онъ пристально взглянувъ на пріятеля,—что мы какъ разъ съ тобою находимся сегодня въ томъ настроеніи духа чтобы тебѣ играть Гамлета, а мнѣ, Гораціо, давать тебѣ реплику.

— Ничего ты о моемъ „настроеніи“ не знаешь! досадливо отрѣзалъ ему на это Гундуровъ.

— Слушаю-съ, ваше королевское высочество, — смиренно отвѣтилъ Гораціо.

LI.

Не успѣвъ долить послѣ обѣда своей чашки кофе или, вѣрнѣе, успѣвъ только отъ послѣдственности обжечь имъ себѣ губы, Вальковскій, сосредоточенный, нервный и злой, какъ бывало съ нимъ предъ каждымъ представленіемъ, сидѣлъ уже въ большой мужской уборной театра, за сценой, гдѣ ларик-махеръ, другъ и наперсникъ его, Василій Тимоѣевъ съ двумя помощниками разбирали на столахъ привезенные ими изъ Москвы ларики и волоса для спектакля.

— Ну, Вася, орудуй! говорилъ онъ, опускаясь въ кресло предъ однимъ изъ зеркалъ развѣшенныхъ по стѣнамъ комнаты.

— Слушаю-съ, Иванъ Ильичъ, — отвѣчалъ подбѣгая Василій Тимоѣевъ не безъ нѣкотораго подобострастія,—онъ его ужасно боялся.

— А какъ изволили порѣшить насчетъ себя, торопливо примолвилъ онъ, суетясь около своихъ картоновъ,—блондиномъ или брюнетомъ прикажете васъ поставить?

Вальковскій глубокомысленно уперся взглядомъ въ зеркало.

— А ты меня среднимъ колеромъ пусти,—шантре потемнѣе, да чтобъ и не совсѣмъ черно. По костюму соображай; цвѣтъ, видѣлъ, чортъ его душу знаетъ какой,—не то аленьсинъ, не то крымское яблоко!

— Слушаю-съ, Иванъ Ильичъ! И тѣмъ же подобострастнымъ шепотомъ:—прикажете въ такомъ родѣ какъ у Ивана Васильевича Самарина, къ примѣру, въ *Серафимъ де-Лафбайль*? предложилъ „Вася“.

— Пожалуй! Да гляди, малюй такъ чтобы мнѣ не хуже Вольдики Ашанина быть, настоящимъ придворнымъ красавцемъ,—только въ глаза маленечко злодѣя пусти! Понялъ, а?..

Уборная тѣмъ временемъ наполнялась народомъ. Слуги вносили костюмы, бѣлье, туалетныя и умывальныя принадлежности актеровъ. Эрлангеръ съ режиссеромъ пришли послѣ обѣда прикурнуть на полчаса на имѣвшемся тутъ широкомъ и мягкомъ диванѣ. Въ углу, за ширмами, скрываясь отъ насмѣшливыхъ взоровъ, уже лыхтѣлъ толстый Еллидифоръ Половій, натягивая на себя трико и чулки, нарочно заказанные имъ въ Москвѣ на свои слоновыя ноги и въ которые онъ слѣшилъ облечься, подмываемый тою же театральною лихорадкой какою страдалъ локлонникъ его, Вальковскій. Въ другомъ углу старикъ Федосѣй Гундунова уставлялъ другія ширмы кругомъ пространства занятаго имъ для одѣванія барина, радѣя объ этомъ не столько для удобства, сколько въ видахъ приличія. Землетръ Посниковъ, за отказомъ Ранцева, имѣвшій исполнять Тѣнь, шагаль озабоченно вдоль комнаты, полугромко повторяя роль, которую едва только успѣлъ выучить. Самъ храбрый капитанъ взялся играть теперь Рейнолда слугу Половія, вся роль котораго состоитъ изъ дюжины кратчайшихъ релликъ въ единственной сценѣ данной ему съ его господиномъ, но такъ тревожился за нее, такъ боялся забыть подать эти реллики вовремя что и теперь пришелъ еще разочекъ до спектакля „протѣрить себя“, и релетовалъ свою сцену, стоя предъ ширмами, съ невидимымъ за ними Акулинымъ.

Въ началѣ осьмага нагрянули и остальные актеры, а съ ними Толя Карнауховъ, вмѣнявшій себя, разумѣется, въ обязанность быть „страстнымъ театраломъ“. Онъ былъ на ты съ Чижевскимъ, нѣсколько знакомъ съ Духонинимъ и Ашанинымъ, а чрезъ нихъ перезнакомился тутъ же со всею труппой, начавъ съ главнаго дѣйствующаго лица, Гундунова, которому просилъ онъ Чижевскаго представить его какъ „своему *senioru* по alma mater, уиверситету, и собрату по старушкѣ Мельломентъ“. Гундуровъ ничего не отвѣтилъ ему на это, холодно пожалъ протянутую имъ руку и ушелъ за ширмы, говоря про себя: „все та же порода Анисьевыхъ“!.. Злость и тоска все сильнѣе накопили на душѣ Сергѣя. И на что имъ *Гамлетъ*? Что имъ *Гекуба* и что они *Гекуба*?.. говорилъ онъ себѣ съ нервной, подергивавшею губы его улыбкой.

„За то же какъ и скверно сыграю я имъ сегодня“. Такая же нервная дрожь пробѣгала у него по тѣлу. Во рту было невыносимо сухо...

— Не хотите ли вы къ намъ придворнымъ „безъ рѣчей“ въ королевскую свиту;— у насъ тутъ лишніе костюмы есть? предложилъ Свищовъ Карнаухову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Толя такъ и вскинулся.

— Влору имъ будетъ одинъ, точно! сказалъ портной, присланный съ костюмами отъ Петра Степанова, мѣряя его глазомъ.

Студентскій сюртюкъ и галстукъ Толи уже летѣли на полъ...

— Николай Игнатьичъ, заговорилъ изъ-за своихъ ширмъ Акулинъ,— не знаете старичокъ нашъ Василий Григорыичъ здѣсь? Я нарочно просилъ княгиню дозволить ему прійхать. Потому для него прослушать *Гамлета*,—пенсіи не нужно!

— Здѣсь, здѣсь, отвѣтилъ Свищовъ, сидитъ, старый трубадуръ, одинъ-одинехонекъ въ пустомъ театрѣ, сіяетъ своей лысиной въ ожиданіи когда люстру зажгутъ.

— Это Юшковъ, Василий Григорыичъ, смотритель училища? спросилъ калитанъ Ранцевъ, первый номеръ старина, скажу вамъ-съ!

— Идеалистъ! засмѣялся Елпидифоръ;— Жуковского *Эолову арфу* читаетъ, обливается! „Владыка Морваны...“ Очень это для него чувствительно...

Актеры слѣзши одѣваться. Словно полотно подъ быстрою рукой живописца, сѣроватый фонъ уборной убирался съ каждою минутой все богаче и пестрѣе яркими цвѣтами атласныхъ колетовъ и бархатныхъ мантий, блестками золота по штыю, кистямъ, эфесами шлагъ, мельканіемъ вѣющихъ перьевъ на высокихъ беретахъ. Самыя лица, наружности какъ бы краснѣли и облагораживались подъ необычнымъ покровомъ иныхъ болѣе живописныхъ временъ. Одинъ заполучный Розенкрацъ-Вальковскій, размалеванный по его указанію, „придворнымъ красавцемъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „зодѣмъ“, выходилъ, по выраженію Ашанина, „не то полишинель, не то лубочный чортъ“. Самъ Ашанинъ, въ бѣломъ пололамъ съ лунцовымъ атласномъ колетѣ и такихъ же haut de chaussures, въ лунцовой бархатной мантии и беретѣ подъ панашемъ изъ бѣлыхъ марабу, былъ невыразимо красивъ.

— Послушайте, голубчикъ, говорилъ ему тороллаиво Духо-

нить, помѣщенный на „сценической правдѣ“,—что вы въ этомъ уборѣ заложите на смерть сердца всѣхъ нашихъ зрительницъ—о томъ слора нѣтъ; но подумайте, годится ли такое великолѣпіе „бѣдному незнатному другу Гамлета?“ Вѣдь это прямо въ текстѣ сказано..

— А вы объясните имъ, зрительницамъ: принцъ Гамлетъ въ траурѣ по отцѣ; такъ онъ молъ съ плеча своего старое платье все отдалъ донашивать другу своему Гораціо, отвѣчалъ со смѣхомъ красавецъ, откровенно любясь на себя въ зеркало.

— Ваня, крикнулъ онъ съ мѣста Вальковскому,—вспомни сдѣлай милость, въ сценѣ твоей и Гильденштерна съ Гамлетомъ олять въ дурацкомъ азартѣ твоемъ не наступать на Сережу такъ что ему хоть въ кулису отъ тебя уходитъ приходится!

— А ты бы, отгрызся Вальковскій,—лучше за Свищовымъ глядѣль, когда онъ въ вашей сценѣ съ Твѣню говоритъ Гамлету:

Я бѣдствія отечества предвижу, принцъ,

и въ порывѣ чувства хлопъ наотмашь принца по животу!

— А что жь это „бѣдствіямъ отечества“ мѣшаетъ? нагло захихикалъ тутъ же Свищовъ.

— А то что я буду покорнѣе просить васъ умѣрять необузданность вашихъ движеній, когда вы на сценѣ со мной! неожиданно для него выговорилъ ему Гундуровъ, выстулая изъ-за ширмъ за которыми одѣвался.

— Что же это такое, наставленіе? попробовалъ было захрабриться онъ.

— Принимайте какъ хотите! отрѣзалъ въ отвѣтъ Сергѣй, блеснувъ глазами и бессознательно дѣлая шагъ впередъ.

Изъ всѣхъ концовъ уборной услуганно обернулись на него взгляды товарищій; они такъ мало ожидали отъ него этого рѣзкаго, вызывающаго тона...

Онъ былъ уже одѣтъ въ своемъ траурномъ костюмѣ Гамлета, съ неподвязаннымъ, по традиціи, слускавшимся съ одной ноги чулкомъ и длинными концами подвязки на другой, въ вырѣзномъ, низко лежавшемъ подъ свободно двигающеюся высокою бѣлою шеей шитомъ воротничкѣ и съ чернымъ по колѣна плащомъ, небрежно ладавшемъ съ лѣваго плеча. Опущенные свѣтлые усы и легкая борода клиномъ, удлиненная лицо, придавали ему какую-то сурово-болѣзненную

задумчивость; темный, слегка проведенный тушью, очеркъ ло бровямъ и подъ нижними вѣками усугублялъ блескъ и игру зрачковъ, сѣрые глаза Гундунова казались совсѣмъ черными... Весь обликъ его въ этомъ видѣ выражалъ какое-то скорбное величье, смѣсь прирожденной, законной, горделивости и удрученія безконечною, неисходною тоской...

Съ перваго взгляда на него подъ этимъ обликомъ всѣмъ будто сказалось что онъ имѣетъ право на эту поразившую ихъ, надменную и раздраженную рѣчь...

Свищовъ не нашелъ слова отвѣтить, да и не успѣлъ бы... Вальковскій сорвался съ кресла, на которое уже одѣтаго посадилъ его опять подъ щетку Василия Тимошеева и съ недофабреною бровью кинулся къ пріятелю:

— Сережа, гляди же, если ты теперь съ этою божественною рожей да не сыграешь мнѣ такъ чтобы всѣхъ Гарриковъ за поясъ заткнуть,—я тебя задушу!..

— А цѣль же ваша гдѣ, Гундуновъ? подбѣжалъ къ нему съ другой стороны съ этимъ вопросомъ Духонинъ.

— Цѣль? У меня никакой цѣли нѣтъ, отвѣтилъ онъ, недоумѣвая.

— Помилуйте, да вѣдь это—классическая необходимость для Гамлета,—цѣль съ портретомъ на ней отца въ медальонѣ, какъ же это вы забыли? Надо бѣжать сейчасъ достать гдѣ-нибудь!..

— Не это ли вотъ самое что требуется? спросилъ убравшій за ширмами Федосѣй,—сейчасъ генеральша прислала и съ записочкой.

Онъ подалъ ее барину. Софья Ивановна писала:

„Тебѣ нуженъ къ костюму медальонъ на цѣпи. Княжна вспомнила и посылаетъ. Береги особенно, въ немъ портретъ отца ея въ молодости.“

— Ну вотъ и чудесно! говоритъ Духонинъ, между тѣмъ какъ Сергѣй вынималъ требуемое изъ коробки сопровождавшей записку.—Это принадлежитъ тетущкѣ вашей?

Гундуновъ судорожно, почти грубо вырвалъ цѣпь изъ рукъ Духонина, накинулъ ее себѣ на шею и засунулъ медальонъ между луговицъ колета, въ болзни чтобы тому не вздумалось открыть его....

Благовоспитанный Москвичъ недоумѣвая поднялъ на него глаза:

— Что съ вами, Гундуновъ?

Сергѣй схватилъ его за обѣ руки:

— Ради Бога, не сердитесь!.. Я... я самъ не знаю что со мною дѣлается!..

Злоба душила Свищова. Ему надо было отомстить, „взять свое“ за претерпѣнное имъ сейчасъ униженіе... Онъ нашелъ:

— Ну, батенька, обратился онъ къ Карнаухову,—вотъ посмотрите на нашу Офелію! Предваряю заранье: сердечко на привязи держите!

Толя, которому въ это время подклеивали бороду, рванулъ головой вверхъ такъ что вся борода осталась въ рукѣ парикмахера, и возгласилъ на раслѣвъ:

Благоговѣю богомольно
Передъ святыней красоты!

— Да-съ, захихикалъ на это Свищовъ,—счастливъ этотъ преторіанецъ петербургскій.

Святыни сей ближайшіи обладатели!

— Развѣ это рѣшено? тревожно вскрикнулъ Толя; онъ раздѣлялъ въ плаюзіи своихъ родителей относительно возможности брака сестры его съ Анисьевымъ.

— И вѣчно этотъ вашъ вздоръ и выдумки! заводнолася Факирскій, одѣвавшійся въ угау рядомъ съ Шугаревымъ.— Откуда вы это взяли?

— Есть много на землѣ, мой другъ Факирскій,
Что и не спилось мудрости твоей!

задекламировалъ, продолжая хохотать, нахаль.—Я полагаю во всякомъ случаѣ что для княжны эта „выдумка“ нисколько не обидна.

— Почему вы такъ полагаете-съ? вскрикнулъ студентъ, клянется и избѣгая въ то же время встрѣтиться глазами съ Гундуровымъ.

— А потому полагаю-съ что она цѣну должна себѣ знать... Да и вамъ бы, кажется, знать надлежало, юноша прекрасный, что такія золотыя лташки не про нашихъ московскихъ соловьевъ!...

— А про петербургское воронье, по вашему? пылко вскрикнулъ изъ другаго угла Духонинъ.

Свищовъ торжествовалъ:

— Э, батенька, лаяться-то все мы мастера! А вы взгляните-ка на него: тридцати безъ малаго лѣтъ, — полковникъ,

царскій адъютантъ, съ тверди небесной всѣ созвѣздія себѣ на грудь перевель... А мы съ вами ну-ка-съ?...

— Такъ вы бы... началъ было студентъ...

— Бросьте, не стоить! громко и презрительно остановилъ его Духонинъ.

— А будь я испанскимъ королемъ, господа, неожиданно заговорилъ Шигаревъ, въ ожиданіи свободнаго мѣста у зеркала, сидѣвшій, весь уже одѣтый, на диванѣ, съ поджатыми ногами и какимъ-то полотенцемъ, скрученнымъ чалмой кругомъ головы,—я бы непременно для Свищова орденъ сочинилъ!

— Не американскаго ли попугая? спросилъ тотъ, насмѣшливо оглядывая его свѣтлозеленый костюмъ.

— Жирно будетъ, не по чину тебѣ! возразилъ шутъ;—нѣтъ братъ, сочинилъ бы я для тебя лаука большого креста,—да лаутина у тебя дрянъ: комаренокъ, и тотъ насквозь ее прорветъ...

Онъ ошибался—крылья Гундунова завязли въ этой лаутинѣ, Слова Свищова, что называется, добивали его. Громко, циническими устами выговорено было теперь то о чемъ онъ думалъ съ самаго утра,—то сужденіе какое произнесетъ „весь свѣтъ“ когда „претензіи“ Гундунова станутъ вѣдомы этому свѣту. „Такія лташки не про московскихъ соловьевъ“ каковъ онъ, повторить этотъ бессмысленный свѣтъ, скажутъ всѣ эти „жалкіе“, эти „пустые люди“... А она?.. Она прислала ему сейчасъ этотъ медальйонъ... Но она „должна знать себѣ цѣну“!.. О, какъ это все тяжело, унизительно, обидно!..

Молодыя, чуткія сердца еще сильнѣе слособны ощущать страданіе чѣмъ радость. Чувство жгучей, невыносимой боли охватило все существо Гундунова... О, куда уйти, куда уйти отъ него!.. Онъ поводилъ кругомъ моргавшими глазами, спрашивая себя, не кинуть ли все сейчасъ, и вмѣсто сцены велѣтъ заложить коляску, и съ мѣста отправиться въ путь подальше, подальше, гдѣ бы онъ могъ все забыть, гдѣ бы имени ея никто не произносилъ предъ нимъ.

— Господа, доложилъ входя режиссеръ,—княгиня прислала спросить: пора ли гостямъ въ залу театра? Безъ четверти восемь!

Суета поднялась въ уборной:

— Мы сейчасъ готовы!..

— Я нѣтъ, я нѣтъ, испуганно восклицалъ Маусъ, игравшій Гильденштерна,—не могу до сихъ поръ усомъ дойти!

— Сею минутой, сею минутой! чирикалъ, мечась какъ угорѣлый по комнатамъ, Василій Тимоѣевъ.

— „Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!“ договаривалъ себѣ мелкою дробью изъ своей роли землемѣръ-Тѣнь облеченный въ панцырь и шлемъ, украшенный двумя по бокамъ его крылами, согласно рисункамъ Ретча, и съ пристегнутыми къ задней сторонѣ этого шлема сѣроватымъ лямцемъ окутывавшимъ его всего.

— А король-то нашъ, лорды и господа, король нашъ какъ великолѣпнень!

Зяблинъ въ малиновомъ бархатѣ и горностаѣ, съ бриллиантами, ушитыми въ формѣ короны, кругомъ шляпы подъ страховыми перьями, въ цѣли изъ изумрудныхъ калпошоновъ, на которой висѣла огромная алмазная съ изумрудами же звѣзда ордена Льва и Солнца, полученная когда-то княземъ Михайломъ Шастуновымъ въ Персію—княгиня Аглая щедро снабдила всѣми этими драгоценностями „угаіамі“ на спектакль, сказавъ ему только „vous en aurez soin, n'est ce pas?“—Зяблинъ, сіяющій, важный и молчаливый, выступалъ какъ на лужайкахъ въ своихъ королевскихъ башмакахъ.

— Браво, браво, superbe!...

— Va—a-a-a, superbe, va superbe! заоралъ тутъ же Шугаревъ изъ *Семирамиды*.

— Сыны волшебнаго искусства, возгласилъ Толя, подбѣгая къ столу на которомъ стояло вино въ серебряныхъ холодильникекахъ,—легкую выливку предъ *Гамлетомъ* не учинить ли?

— Можно, можно...

— Для куражу-съ не мѣшаетъ, примолвилъ храбрый капитанъ Ранцевъ, котораго отъ волненія начинала бить лихорадка.—Не прикажете ли вамъ, наливая себѣ бокалъ шампанскаго, обратился онъ къ Вальковскому.

Но „фанатикъ“ не слушалъ, онъ весь поглощенъ былъ въ созерцаніе фізіономіи Полонія, которую домадевывалъ Василій Тимоѣевъ.

— Экая вѣдь придворная шельма, дѣйствительно, вышель восклицалъ онъ восторженно.

— Еллидифоръ Павлычъ, просилъ подбѣгая Чижевскій которому очень шель его синій съ золотомъ костюмъ, ради Бога, не забудьте реплики въ нашей сценѣ: „тебя вѣдь ждутъ, что медлить...“ А то вы приметесь каждый разъ обнимать меня....

— Расчувствуюсь— и забуду? Ужь не говорите! И толстякъ отчаянно махнулъ рукой;—ражъ ужъ меня такой! Повѣрите, такое со мной дѣлается, будто въ самомъ дѣлѣ съ роднымъ сыномъ расстаюсь,—плачу!... А вы, Ростиславъ Михайлычъ, сдѣлайтѣ божескую милость, ущипните меня тутъ хорошенько за локоть!...

— Ущипну непременно! хохоталъ тотъ....

— Господа, донесъ вбѣгая впятъ режиссеръ,—публика отъправилась въ залу!...

— Идемъ, идемъ!..

Все двинулось изъ уборной.

— Гамлетъ, крикнулъ Гундурову въ дверяхъ Толя Карнауховъ, мрачно насуливъ брови и ударяя рукой по своему фиолетоваго цвѣта колету,—Гамлетъ, я вамъ глубоко завидую!

— Христе Боже, благослови! бормоталъ на ходу Подоній-исправникъ, несчетно крестя себя по животу...

III.

Красивая, высокая, веселая, съ ея блестящею люстрой и расписнымъ плафономъ зала театра сверху до низу горѣла огнями и была уже наполовину полна. Городъ отстоялъ отъ Суцкаго не далѣе какъ верстъ на десять и, пользуясь дозволеніемъ Аглаи Константиновны, склонившейся на настоятельныя доказательства нашихъ актеровъ „что чѣмъ болѣе зрителей, тѣмъ веселѣе играть“, все что имѣло только средства къ передвиженію прибыло оттуда на „представленіе“ въ Суцкое. Уѣздное чиновничество съ женами и дочерьми, — цыне съ десятилѣтними ребятами, занимали всѣ задніе ряды креселъ, перешелтываясь межъ собой и то и дѣло оглядываясь на большую дверь противъ сцены, откуда съ боязливымъ нетерпѣніемъ ждался ими выходъ хозяйки и „всѣхъ этихъ ея аристократовъ“. Въ углу, три учителя уѣзднаго училища жадно вычитывали афишу спектакля, усердно отирая платками свои страшно вспотѣвшіе лбы; они пришли лѣшкомъ изъ города со своимъ зрителемъ. Это былъ невысокаго роста человекъ лѣтъ пятидесяти, казавшійся старѣе своихъ лѣтъ по глубокимъ морщинистымъ складкамъ, бороздившимъ его круглое широкое лицо лодъ ворохомъ густыхъ и включенныхъ сѣдыхъ волосъ, и

гораздо моложе ихъ по совершенно юношескому блеску большихъ, открытыхъ, необычайно свѣтлыхъ и благодушныхъ какихъ-то глазъ. Онъ стоялъ самъ посреди небольшой группы молоденькихъ офицеровъ артиллерійской бригады, штабъ которой находился въ городѣ, и толковалъ имъ, сияя этими своими большими юношескими глазами, „о значеніи *Гамлета* въ исторіи человѣческаго творчества“. Самъ онъ уже двѣ недѣли готовился „къ торжеству“, перечтя раза три сряду строку за строкой имѣвшагося у него въ переводѣ Вронченко *Гамлета* и все что могъ онъ найти о немъ въ пыльномъ хламѣ давно забытыхъ студенческихъ тетрадокъ и старыхъ журналовъ, что громоздились по окнамъ и угламъ его холостой, беспорядочной, насквозь прокуренной Жукова табакомъ квартиры....

— Вѣдь это событіе, господа, событіе, говорилъ онъ, лотирая себя весело руки, и громко смѣясь отъ предвкушавшагося имъ наслажденія, *Гамлетъ* исподняемый образованными людьми, образованными господа, не забудьте, которымъ сѣдовательно каждое слово его должно быть понятно и дорого. До-ро-го, да-сь, это именно соответствующее здѣсь выраженіе, ибо въ Шекспирѣ, какъ въ Гомерѣ, каждое слово лучъ солнца, въ каждомъ море свѣта и міръ мысаи⁹ господа!....

Артиллеристы сосредоточенно, съ опущенными головами, внимали ему, занятые, впрочемъ, не столько моремъ свѣта Шекспира сколько тѣмъ что ихъ батарейный командиръ, находившійся въ числѣ *гостей* и обѣдавшій въ Суцкомъ, долженъ былъ представить ихъ тутъ, въ залѣ театра, хозяевамъ дома; и какъ бы поэтому „держать имъ себя такъ чтобы показаться не хуже какого-нибудь *пустаго* графа или князя“.

Музыканты сидѣли уже всѣ въ оркестрѣ у лудылетовъ съ разложенными на нихъ нотами своихъ партій. Эрлангеръ, позѣвывая и усмѣхаясь тонкими губами, лѣнливо переговаривался съ первою скрипкой, обернувшись къ ней въ поворота со своего дирижерскаго мѣста....

Въ воздухъ струился крѣпкій запахъ только-что прокуренныхъ слугами духовъ.

— Пш, пш., донеслось изъ глубины залы....

Все разомъ въ ней обернулось на входныя двери....

Витторіо махалъ оттуда дирижеру бѣлымъ платкомъ.

Музыканты ухватились за свои инструменты. Эрлангеръ поднялся, окинулъ глазами оркестръ, медленно приподнялъ палочку надъ своею чистенькою, гладко подчесанною головою....

Раздались первые такты полонеза *Жизни за Царя*, и подъ его звуки, подъ руку съ графомъ въ звѣздахъ на гвардейскомъ мундирѣ Финскихъ стрѣлковъ, милостиво помахивая головой направо и налево, въ отвѣтъ оробѣлымъ улыбкамъ и поклонамъ вскочившей на ноги при появленіи ихъ публики, вошла княгиня Аглая Константиновна, величественная и счастливая какъ царица, вѣрнѣе же какъ жирный котъ, любимецъ барыни, жмурящийся круглыми глазами на солнце, между тѣмъ какъ босоногая Палашка рабобѣдно чешетъ ему пальцами за ухомъ... За нею, поларно, шла толпа гостей: графиня Воротынцова подъ руку съ княземъ Лариономъ, Софья Ивановна съ бригаднымъ генераломъ, тридцатилѣтняя московская княжна съ княземъ Лодо, княгиня Додо съ командиромъ артиллерійской батареи, еще молодымъ и красивымъ полковникомъ, недавно назначеннымъ изъ гвардіи, къ которому тотчасъ же и обратились съ полуслуганымъ, полуволпросительнымъ выраженіемъ глаза его юныхъ подчиненныхъ, но который съ своей стороны, чуть замѣтно сморщившись и тутъ же низко наклонясь къ лицу своей дамы, прошелъ какъ бы не видя ихъ. Московскіе жень-премьеры отыскали себѣ также дамъ въ числѣ московскихъ помѣщицъ-сосѣдокъ, полавшихъ въ почетный легіонъ гостей ея сіятельства, и хохотъ „Сеньки“, шедшаго рядомъ съ какою-то хорошенькою блондинкой, уже гремѣлъ на всю залу.... Графъ Анисьевъ, со своимъ иконостасомъ крестовъ изъ-за каждой луговицы флигель-адъютантскаго мундира, велъ хохочущую Женни не то небрежно, не то внимательно слушая ея торопливья рѣчи и угадывая въ то же время по выраженію особаго любопытства въ обращавшихся на него со всѣхъ сторонъ взглядовъ что поводъ пріѣзда его въ Суцкое не былъ тайною даже для этого мелкаго, невѣдомаго ему уѣзднаго общества....

Гости размѣстились въ первыхъ рядахъ кресель. Въ одной изъ двухъ ложъ театра, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ пространства занимаемаго оркестромъ, усѣлись князекъ и mister Ноксъ съ англійскимъ томикомъ Шекслира въ рукѣ, по которому готовилась слѣдить за представленіемъ. Въ другую ложу ушла madame Crébillon съ тайнымъ намѣреніемъ „faire un petit bout de sieste“ въ темномъ углу ея....

— Прекрасный театръ,—лучше чѣмъ у меня! Еще старикъ князь строилъ, знаю! Вкуса много имѣлъ! лѣлъ акадестому графъ подѣ тактѣ заливавшагося полонеза, не садясь еще и одобрительно озираясь кругомъ.

Княгиня Аглая блаженно улыбаясь.

— И какъ это удачно *cette vraie draperie du portail*, говорила ей въ свою очередь графиня Воротынцева, занимая мѣсто рядомъ съ графомъ и усаживая подлѣ себя Софью Ивановну,—мягко, эlegantно и богато на взглядъ...

Вмѣсто лисанной по полотну драпировки, какъ это обыкновенно водится въ театрахъ, порталъ сцены задрапированъ былъ, по мысли Ашанина, отъ самаго потолка настоящей лунцовою шерстяною матеріей, отороченною длинною бахромой и перехваченною въ подлежащихъ мѣстахъ толстымъ, витымъ пополамъ съ золотомъ, лунцовымъ же снуромъ съ огромными на концахъ его кистями. Передній занавѣсъ былъ сдѣланъ изъ той же матеріи на сборкахъ и подбирался какъ стора на снуркахъ. За нимъ былъ уже другой, лисанный занавѣсъ (изображавшій домъ въ Суцкомъ со стороны сада), который предназначенъ былъ къ опусканію послѣ сценъ *Гамлета*, за которыми слѣдуетъ перемѣна декорацій. Матерчатый занавѣсъ долженъ былъ опускаться по окончанію каждаго акта.

— Лишняя роскошь! откидывая вѣромъ ладони, отозвался графъ на похвальный отзывъ графини Воротынцевой.

Княгиня Аглая съ самодовольно лукавою улыбкой подмигнула ему глазкомъ.

— Это у меня потому все на мебель во флигеля пойдетъ, сообщила она ему какъ бы по секрету, наклоняясь къ уху его.

— Разчетъ, это хорошо! И щеки старца запрыгали отъ веселаго смѣха.—Отца зналъ! Разчетомъ миллионы нажилъ!.. И дочь такая же! промолвилъ онъ уже съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ добродушія благодаря которому не было возможности на него сердиться, и онъ съ своей стороны имѣлъ возможность говорить людямъ всегда все что ему хотѣлось...

Словно гранату взорвало предъ нашей княгиней.... Опять, опять,—третій разъ со вчерашняго вечера объ этихъ несчастныхъ Раскатадовскихъ миллионахъ!... „И дочь такая же...“ Она—княгиня Шастунова, она—„такая же?...“ О это ужасно, этого перенести нельзя!... „А этотъ старый шутъ какъ ни въ чемъ не бывало“?....

И злополучная хозяйка, злобно кусая себѣ губы, словно вся ушла въ свое кресло, безмолвная и глухая на все что двигалось кругомъ ея...

ЛІІІ.

А по той сторонѣ занавѣса, на сценѣ, лихорадочно волнуясь, режиссеръ, уже съ крупными каплями пота на лбу и пересохшими губами, то быстро перебѣгая отъ одного лица къ другому, то внезапно лжась стульями назадъ чтобы лучше судить объ общей картинѣ, устанавливалъ актеровъ, участвовавшихъ въ первомъ явленіи *Гамлета*. Какъ уже извѣстно нашему читателю, открывающая драму Шекспира сцена появленія Тѣни на террасѣ Эльсинорскаго дворца попала въ число урѣзковъ предложенныхъ княземъ Лариономъ, и представленіе началось прямо со сцены во дворцѣ. На двухъ поставленныхъ на возвышеніе съ высокими вырѣзными спинками готическихъ креслахъ, по лѣвую руку отъ зрителя, возсѣдали теперь рядомъ Клавдіо-Зяблинъ и королева-Надежда Федоровна, въ бриллиантовой діадемѣ на головѣ и шитой золотомъ бѣлой атласной юлкѣ подъ такую же расшитою по зеленому бархату *trainе*, въ которой когда-то представала на куртаги въ нѣмецкой резиденціи русская посланница Fürstin Aglaia von Schastunof. Глаза перезрѣлой дѣвы горѣли необычнымъ имъ блескомъ надъ подрумяненными щеками; „все кончено, и мнѣ все равно“, казалось, говорило не то презрительное, не то смиренное выраженіе ея поджатыхъ губъ. (Предъ нею только что мелькнула въ дальней кулисѣ высокая фигура Ашанина, тщательно, съ своей стороны, избѣгавшаго поластъ ей на глаза)... Четыре хорошенькіе мальчишки-пажи (сыновья и племянники „образованной окружной“) въ голубыхъ колетахъ, поставленные лопарно по обѣимъ сторонамъ королевской четы, держали на рукахъ ихъ длинныя, тяжелыя бархатныя мантии. За ними растянутыя полукругомъ къ глубинѣ сцены стояли съ „образованною окружной“ во главѣ Булатре и остальные луларки въ вырѣзныхъ лифахъ и длиннохвостыхъ, разноцвѣтныхъ платьяхъ, изображая собою придворныхъ дамъ. Полукругъ замыкали Полоній съ сыномъ, а за дамами какъ бы фонъ картины составляла кучка „придворныхъ“, состоявшая изъ Вальковскаго, Мауса, Шугарева, Духонина съ Факирскимъ

и случайнаго новобранца, Толи Карнаухова... Вся правая сторона сцены оставлена была свободною для Гамлета, одиноко погруженнаго въ свою печаль во все продолженіе вступительной рѣчи короля и послѣдующаго разговора его съ Лаэртомъ.

— Позвольте, сударыни, попросить васъ сомкнуться немножко, суетился режиссеръ—чтобы просвѣтовъ поменьше было: не эффектно!... А вы, господа, напротивъ, пошире маленечко... Да посвободнѣе, посвободнѣе позы-сь!... Тутъ бы-сь на первомъ планѣ, у кресла королевы...

— Чего тамъ тебѣ еще? рывкнулъ изъ кучки Вальковскій, подмываемый нетерпѣніемъ начать скорѣе.

— Да голо выходить... Дамъ бы тутъ одной у креслица, за лажами, для вида...

— Ольгу поставьте, Ольгу Акулину, закричала Елизавета у нея настоящій отъ княгини, придворный, шитый хвостъ...

— Да гдѣ же онѣ-сь, а ихъ не вижу, спрашивалъ торопливо режиссеръ, обѣгая кругомъ глазами...

— Она съ нами одѣвалась... Она вышла съ нами... Ольга, Ольга! заголосили разомъ всѣ *пулярки*...

— Стрекоза! фыркнулъ опять Вальковскій, не смущаясь сосѣдствомъ Акулина, отца этой „стрекозы“.

Режиссеръ прынулъ за кулису...

Несмотря на рѣшительный отказъ ея утромъ участвовать въ свитѣ королевы, Ольга Елицифоровна послѣ разговора своего съ графомъ Анисьевымъ возгорѣла вдругъ самымъ пылкимъ желаніемъ, не дожидаясь завтрашняго торжества своего „какъ лѣвицы“, показать себя ему сегодня же со стороны красоты и притомъ „въ придворномъ шлейфѣ“, — такъ, мечтала она, „какъ буду когда меня заголосъ ко дворцу“... Костюмъ же былъ давно готовъ, перешитъ и прилаженъ на нее изъ другой бывшей *traine de soug* княгини Аглаи Константиновны, щедро отворившей на этотъ случай домогачицамъ своимъ тяжелые кованые сундуки, хранившіе безчисленные ея уборы... Ольга облачилась въ это темнолиловое съ золотомъ, обшито кружевами, бархатное платье, изъ котораго свободно и высоко выступили ея круглыя плечи, приколола къ темнымъ волосамъ бриллиантовую бабочку, взятую ею у княжны Лины, и съ глубокимъ внутреннимъ восхищеніемъ улынувшись себѣ въ этомъ пышномъ нарядѣ въ зеркало, вышла изъ уборной вслѣдъ за *пулярками*.

Тяжесть бархатнаго шлейфа, который вмѣсто того чтобы взять его на руку она тянула за собою по корридору, безпрестанно оборачиваясь на него съ ребяческимъ наслажденіемъ, замедляла ея шаги. Ея подруги стрѣлились уже на сценѣ, когда она еще подходила къ обитой ковромъ лѣсенкѣ, которая вела за кулисы.

Она подобрала свой хвостъ и, обремененная имъ, медленно и неловко ворочаясь, стала взбираться по довольно крутымъ ступенькамъ..

Кто-то сверху протянулъ ей руку въ бѣлой перчаткѣ.

Она, не глядя, уцѣпилась за нее и поднялась.

— Merci! сказала она машинально, и машинально подняла вѣки...

Предъ нею стоялъ Ашанинъ, сіяя страстнымъ огнемъ устремленныхъ на нее глазъ, и красивый какъ молодой богъ.

Такимъ показался онъ ей въ этихъ яркихъ цвѣтахъ, подъ этою мантией, этими складками необычной, фантастической одежды... Это было что-то внезапное, непредвидѣнное и волшебное, чему она противустоять была не въ силахъ...

— Ахъ, какъ вы хороши! вскрикнула она, всплеснувъ руками и восторженно глядя ему въ лицо.

— Чтò ты со мной дѣлаешь! едва могъ его языкъ проговорить въ свою очередь,—его была лихорадка...—Чтò ты со мной дѣлаешь! сказалъ онъ еще разъ, наклоняясь къ самому ея лицу и жаднымъ движеніемъ ухватывая ея руку...

— Ольга Баллидифорова, пожалуйста скорѣе, пожалуйста! летѣлъ къ ней съ этимъ крикомъ на встрѣчу режиссеръ, чуть не сбивъ съ ногъ ламповщика, полавшагося ему навстрѣчу.

Она вырвалась и побѣжала на сцену...

Гундуровъ тѣмъ временемъ все съ тѣмъ же нервнымъ помаргиваніемъ вѣкъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лица разгуливалъ по оставленному для него, свободному пространству сцены. Также тоскливо было у него на душѣ, но эта тоска какъ бы все выше и выше подымалась теперь, выливаясь изъ рамокъ его личныхъ ощущеній. Она какъ бы владела имъ теперь безо всякой субъективной причины, безо всякаго положительнаго повода, а какъ бы произвольно избравъ его сосудомъ, изъ котораго должна была изливаться она. Онъ испытывалъ ея муку и словно припомнить не могъ откуда налетѣла она въ его душу, какъ не помнить расхо-

дившаяся волна того вѣтра что накануне подыалъ ее изъ глуби моря... То что предстояло ему теперь, сейчасъ, эта безконечная, безнадежная скорбь человѣка - Гамлета, это была его скорбь, ояъ уже не могъ отдѣлать ея отъ того чего-то особеннаго, лично ему принадлежавшаго, изъ котораго ушла она... Тотъ, болѣе дѣйствительный, чувствовалъ ояъ, чѣмъ сама дѣйствительность, міръ правды искусства захватывалъ и уносилъ его... Сквозь занавѣсъ, отдѣлавшій его отъ этихъ „людей обравшихся глазѣтъ на него“, доносились сквозь звуки музыки назойливое жужжаніе ихъ „пустыхъ рѣчей“, ихъ „безмысленный смѣхъ“... и все выше, выше подымалось въ немъ надъ этою „люскою толпою“ чувство той „человѣческой“ безконечной скорби въ правдѣ искусства. И ничего, кромѣ этого чувства, будто и не существовало никогда въ его душѣ...

Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилъе правъ, тирановъ притѣсненъе,
Обиды гордаго, забытую любовь,
Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ?

читалъ ояъ бессознательно громко изъ своего знаменитаго монолога, самъ какъ бы летя на крыльяхъ этихъ выговариваемыхъ имъ словъ.

— Поднехонько-сь! съ веселою улыбочкой и тѣмъ особымъ шелотомъ которымъ говорятъ за кулисами, обратились къ нему декораторъ стоявшій рядомъ съ занавѣщикомъ у перваго плана, откуда сквозь узкій просвѣтъ между занавѣсомъ и порталомъ видна ему была зала.

Гундуровъ почти злобно взглянулъ на нихъ. „Къ чему эти нелѣпыя слова?“ какъ бы сказало что-то внутри его...

— Гамлетъ, на ваше мѣсто, пожалуйста! сказалъ подбѣгаа къ нему режиссеръ, локончившій съ установкой Ольги Елпидифоровны съ ея „придворнымъ хвостомъ“ у кресла королевы.

Сергѣй занялъ свое мѣсто, скрестилъ руки, все также бессознательно, высококомѣрно и горько улыбаясь...

Режиссеръ торопливо полатился ояать назадъ стульями, окидывая теперь взглядомъ весь ансамбль скомпонованной имъ картины, и одобрительно качуулъ головой подъ заключительный тактъ тутъ же смоакнувшаго полонеза...

— Готово-съ? спросилъ онъ.

На всѣхъ лицахъ пробѣжало нервное движеніе,—то невольное и неизбежное движеніе страха, испытываемаго даже ветеранами сцены предъ торжественною минутой поднятія занавѣса. Никто не отвѣтилъ...

Отвѣта и не ожидалось. Режиссеръ подбѣжалъ къ занавѣсу, опущенному предъ самой будкой суфлера:

— Тутъ? прошепталъ онъ, нагинаясь къ самому полу, зная напередъ что суфлеръ на мѣстѣ, но исполняя все по обычаю.

Занавѣсъ чуть-чуть заволновался, и изъ-подъ него выдвинулась на половину суфлерская книжка.

Режиссеръ еще разъ обернулся къ актерамъ, медленно поднялъ и отпустилъ затѣмъ голову и руки, какъ дѣлаютъ это залѣвалы военныхъ пѣсенниковъ, и на цыпочкахъ выбѣжалъ въ кулису...

Перья на беретѣхъ „придворныхъ“ дрогнули какъ-то разомъ. Исправникъ - Полоній, съ растеряннымъ лицомъ воззрился вдругъ на Зяблицу-Клавдію. Вальковскій схватился за эфесъ шпаги. Ольга Елпидифоровна поднесла руку къ брилліантовой бабочкѣ, воткнутой въ ея косу, какъ бы справляясь тутъ ли она...

Три удара салюта о полъ раздались слѣва въ кулису. Медленно и безшумно взвился на своихъ фарфоровыхъ кольцахъ матерчатый занавѣсъ и съ легкимъ колебаньемъ длинной бахромы подобрался красиво густыми фестонами подъ складку портала...

Б. МАРКЕВИЧЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РАЗКАЗЫ БАБУШКИ *

ИЗЪ ВОСПОМНАНІЙ ПЯТИ ПОКОЛѢНІЙ

ЗАПИСАННЫЕ И СОБРАННЫЕ ЕЯ ВНУКОМЪ

Г Л А В А IX. (1810—1813).

I .

Почти цѣлые два года: 1809 и 1810 провели мы въ хлопотахъ о стройкѣ и перестройкѣ; перестраивали въ деревнѣ церковь и домъ и строились въ Москвѣ на Пречистенкѣ, и только въ 1811 году могли перейти на новоселье въ новый домъ, въ которомъ не долго было намъ суждено жить. Наступилъ ужасный 1812 годъ, и нашъ домъ, новый, и еще не отдѣланный внутри, сгорѣлъ. Удивительная тогда напала на всѣхъ слѣпота: никто и не замѣчалъ что что-то подготавливается и только когда Французъ въ Москвѣ лобывалъ, стали приломинать то-то и то-то, почему бы можно было догадаться о замыслахъ Бонапарта.

Въ 1811 году (это послѣ уже стало извѣстие) открыли одно тайное общество, въ которомъ находились молодые люди очень хорошихъ семействъ, и дознано было что занимаются они рисованіемъ подробныхъ картъ Россіи и въ особенности Москвы для отправки въ чужіе края. Доискались ли до

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 3, 4, 5 и 7 1878 года.

правды—не знаю, а потомъ открылось что это все дѣлалось для Бонапарта.

Одинъ изъ чертившихъ карты умѣлъ въ то время выпутаться изъ бѣды, но потомъ, попавшись по 14 декабря пораженъ былъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ и сдѣлалъ, и хотъ поздно, но былъ все-таки отъ Бога наказанъ что умышлялъ зло на свою родину.

Была въ Москвѣ одна французская торговка моднымъ товаромъ, на Кузнецкомъ мосту: мадамъ Оберъ-Шальме, препронырливая и превкрадчивая, къ которой ѣздила вся Москва покушать шляпы и головные уборы, и такъ, какъ она очень дорого брала, то и прозвали ее оберъ-шельма. Потомъ оказалось что она была измѣнница которая радѣла Бонапаргу. Открыли, говорятъ, ея какую-то тайную переписку, схватили ее и куда-то сослали, но тогда этого никому извѣстно не было, а распустили слухъ что у нея нашли фальшивую монету, и будто бы за то ее и сослали. А послѣ стали даже богаты будто бы въ 1811 году Бонапартъ самъ, разумѣется переодѣтый, пріѣзжалъ въ Москву и все осматривалъ, такъ что когда въ 1812 году былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ проговаривался де своимъ: „это мѣсто мнѣ знакомо, я его помню“. Ходили какія-то прокламаціи Бонапарта по Москвѣ, но ихъ не видала..

Было намъ и небесное предвѣщаніе: въ 1811 году явилась на небѣ большая и блестящая звѣзда съ хвостомъ, яркая комета. При первомъ появленіи этой кометы, хвостъ у нея не былъ длинень, но съ каждымъ днемъ все какъ будто прибавлялся и наконецъ былъ предлинный. Разные были толки тогда объ этой кометѣ и больше всѣхъ видѣли въ ней недоброе предзнаменованіе, считали что это предъ великимъ бѣдствіемъ Господь посылаетъ намъ знаменіе чтобы мы покаялись и обратились къ Нему.

Иные смѣялись и говорили что это суевѣріе, что звѣзда или комета не можетъ имѣть никакого вліянія на судьбу человѣческую, а развѣ только на погоду, будетъ ли ведреная или сырая, жаркая или холодная.

Тамъ какъ угодно вѣрь не вѣрь, а не даромъ же была эта комета и не прошла она безъ бѣдствія. Когда она увеличилась до большихъ размѣровъ, то сдѣлалась очень ярка и загнутый хвостъ, который шелъ внизъ трубою, былъ предлинный и такой же яркій какъ и она сама; и потомъ она стала

все блѣднѣть, меркнуть и такъ совсѣмъ выпѣвла, исчезла. Тогда, помнится, говорили что эта комета не совсѣмъ новая и была уже видна до Рождества Христова при Юліѣ Кесарѣ. Тяжелъ былъ для всѣхъ 1811 годъ, мы всѣ смутно предчувствовали что готовится что-то ужасное и собирается грозить надъ нами, но чтобы постигло насъ такое бѣдствіе какое мы испытали, этого никто и представить себѣ не могъ.

Отъ всѣхъ до послѣдней минуты все скрывали и всѣхъ насъ обманывали: съ умысломъ ли или потому что и сами не вѣрили возможности чтобы до Москвы дошелъ дерзкій врагъ это трудно теперь рѣшить.

Нашъ новый домъ на Пречистенкѣ поспѣлъ только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1811 года, и ноября 11-го, въ Анночкино рожденіе, отслуживъ молебень съ водосвятиемъ, мы и поселились въ немъ, пресчастливые и предовольные что, наконецъ, дождались давно желаемого нами.

Такъ мы всю зиму въ немъ прожили преблагополучно. Наступила весна. Стали ходить смутные слухи: что Бонапартъ съ нами не ладитъ и что какъ бы не было войны. Ну что жь? Развѣ мы прежде не воевали? То съ Нѣмцами, то съ Турціей, или со Шведами: отчего же не повоевать и съ Бонапартомъ?.. Тогда толковали что Тильзитскій миръ, очень невыгодный для Россіи, оттого и былъ такъ легко заключенъ нашимъ Государемъ что имѣлось въ виду его нарушить при первомъ удобномъ случаѣ. Потому неладныя отношенія между нами и Бонапартомъ не очень насъ смущали: пусть грозить—повоюемъ.

До 1812 года главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ графъ Гудовичъ, фельмаршалъ Иванъ Васильевичъ, недолго, я думаю, года три; а тутъ вдругъ назначили графа Растволчина. Я его часто видала у Архаровыхъ, гдѣ онъ проводилъ иногда цѣлые вечера. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ, мужественъ, но лицомъ очень не красивъ: лицо плоское съ выдавшимися скулами, глаза на выкатѣ, носъ широкій, не много приплюснутый, вздернутый, словомъ, видно было что онъ происходилъ отъ татарскаго предка, и нужды нѣтъ что давно его пращуръ прибылъ въ Россію откуда-то (кажется, онъ сказывалъ что изъ Крыма), а такъ, вотъ и видно было что татарскаго происхожденія; волоса рѣдкіе и немногіе; маленькіе полоской бакенбарды, губы тонкія и очень сжатые, зубы широкіе, небольшой подбородокъ и большой назадъ закинута

лобъ. Но какъ по лицу онъ былъ не красивъ, такъ по всей наружности было что-то очень важное, привѣтливое и отмивно благородное. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ, но, говорятъ, ему ихъ не было, онъ былъ нѣсколько старообразъ и очень близорукъ: читаетъ бывало, лодъ носомъ держитъ книгу. Хотя родъ Растолчиныхъ и настоящій дворянскій и древній родъ, но до Федора Васильевича не былъ ни знатенъ, ни богатъ: отецъ его былъ просто майоръ; мать урожденная—Крюкова. Какимъ манеромъ, не знаю, Федоръ Васильевичъ попалъ къ Гатчинскому двору и былъ у великаго князя Павла Петровича камергеромъ. По восшествіи его на престолъ былъ тотчасъ переименованъ въ военные чины генералъ-адъютантомъ, и въ эти четыре года царствованія Павла онъ сдѣлался дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ получилъ Александра Невскаго и Андрея, былъ сдѣланъ графомъ, и кромѣ того его отецъ, находившійся въ оставкѣ, изъ майора сдѣланъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и награжденъ Анненскою лентой; въ день коронованія императоръ пожаловалъ Федору Васильевичу имѣніе въ 500 душъ въ Орлѣ.

Предъ вступленіемъ на престолъ Александра Павловича графъ Растолчинъ былъ уволенъ отъ службы, но при Александрѣ онъ опять вступилъ въ службу и въ 1812 году былъ сдѣланъ московскимъ главнокомандующимъ. Его жена, графиня Екатерина Петровна, урожденная Протасова, была племянница извѣстной въ свое время камерфрейлины Анны Степановны Протасовой, пріятельницы императрицы Екатерины, которая ея съ ея четырьмя племянницами пожаловала графскимъ титуломъ. Анна Степановна Протасова по своей матери была въ близкомъ родствѣ съ Орловыми. Анисья Никитична Орлова, сестра Ивана Никитича и Григорія Никитича, была замужемъ за сенаторомъ Степаномъ Федоровичемъ Протасовымъ, потому вѣроятно и попала въ случай: ея мать и отецъ извѣстнаго любимца Григорья Григорьевича Орлова были родные братъ и сестра.

Графиня Екатерина Петровна Растолчина была очень не хороша собой: высокая, худая, лицо какъ у лошади, большіе глаза, большой носъ, ротъ до ушей, а уши верхка по лолтора, такихъ большихъ и противныхъ ушей я и не видывала. Голосъ грубый, басистый; одѣвалась какъ-то странно и старѣе своихъ лѣтъ, все больше носила темное или черное, по-русски говорило плохо, но за то по-французски говорила

какъ природная Французенка, и вообще похожа была на старую гувернантку изъ хорошаго дома. Потомъ она, говорятъ, перешла въ католическую вѣру и всѣхъ дочерей своихъ покатоличила; одна изъ нихъ была за французскимъ графомъ Сегюромъ бывшимъ при нашемъ дворѣ посланникомъ, а другая за которымъ-то Нарышкинымъ. Графиня мало выѣзжала, но графа я часто видала у Архаровыхъ и у Апраксиныхъ.

Вотъ, когда въ 1812 году стали распространяться слухи что Бонапартъ идетъ на Россію, Растолчинъ все увѣрялъ что это не возможно. „Помилуйте“, говаривалъ онъ, „да ему и черезъ границу переступить не дадутъ, не допустить вступить въ Россію.“

И говорилъ онъ такъ утвердительно что нельзя было не вѣрить.

Пріѣдешь бывало къ сестрѣ Аннѣ Николаевнѣ Неклюдовой или ко княгинѣ Авдотѣ Николаевнѣ Мещерской, толкуютъ что Французъ въ Москву придетъ. „Ну, что собираешься ли въ путь, спрашиваетъ Неклюдова, не теряй времени, а то Французъ насъ врасплохъ застанетъ, всѣхъ переколетъ.“

— Полно, Анна Николаевна, смущать, Растолчинъ увѣряетъ...

— Ахъ, какая же ты легковѣрная, охота тебѣ его слушать, этого красная, онъ только людей морочить; говорю тебѣ, собирайся, а то поздно будетъ, все изъ Москвы выбирай...

Пріѣдешь къ Апраксинымъ или къ Архаровымъ, тамъ Растолчинъ и совсѣмъ другіе толки.

— Кто это выдумалъ что у насъ разрывъ съ Франціей? А ежели бы и была война, развѣ допустить до Москвы; это все барыни выдумываютъ, это кумушки и вѣстонощицы разносить по городу; никогда этого и быть не можетъ.

Мещерская говоритъ: „Не съюмай сесья, собиайся, Фьянцусъ идетъ.“ *

Бывало и пріѣдешь втуликъ, не знаешь чему вѣрить, кого слушать.

* Она была косноязычна и р не могла выговаривать

II.

Однажды прѣѣхали мы съ мужемъ къ Апраксинамъ: въ гостиной множество гостей, Екатерина Владиміровна какъ всегда спокойная и веселая, Гедеоновъ и Яковлевъ что-то разказываютъ и шутятъ, и Степанъ Степановичъ тоже преселый...

Немного погода взялъ онъ мужа за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ и говорить ему: „Вы не полагайтесь, Дмитрій Александровичъ, на официальные извѣстія и на то что говорить Растолчинъ,—дѣла наши идутъ не хорошо и мы войны не минуемъ. Главнокомандующій съ войскомъ около Смоленска, тамъ и государь былъ уже или на дняхъ будетъ... Не разглашайте что я вамъ говорю, а собирайтесь понемногу и укладывайтесь: можетъ случиться что Бонапартъ дойдетъ и до Москвы, будьте предупреждены. Все это можетъ случиться скорѣе чѣмъ мы ожидаемъ“...

Возвратились они олять въ гостиную, Апраксинъ веселый какъ былъ, а мужъ мой красный и какъ-будто смущенный... Думаю: „что это такое?“ Такъ и подмываетъ меня поскорѣе узнать; подозвала его и говорю вполголоса: „поѣдемъ пожалуйста, мнѣ что-то не можется“.

Встала, хочу ѣхать.

Апраксина спрашиваетъ: „куда же это вы слѣшите?“

— Что-то себя не хорошо чувствую.

Сѣли мы въ карету, Дмитрій Александровичъ и говорить мнѣ что ему сказывалъ Степанъ Степановичъ.

Стали мы приводить свои дѣла понемногу въ порядокъ и понемногу укладываться.

Разумѣется я сказала сестрамъ и братьямъ.

Весной, когда всѣ стали разѣѣзжаться по деревнямъ, собрались мы въ Горки; очень мнѣ было грустно разставаться съ Москвой, думаю—„придется ли олять въ ней быть?“

Сестра Анна Петровна поѣхала къ брату Николаю Петровичу въ Покровское; Вяземскіе въ свою венежскую деревню, въ Студенецъ, и братъ Михаилъ Петровичъ къ себѣ.

Московское дворянство, всегда отличавшееся своимъ особеннымъ усердіемъ и готовое защищать отечество до послѣдней капли крови, не ожидая воззванія отъ государя, само отъ

себя вызвалось составить ополченіе и дать по числу душъ своихъ крестьянъ отъ девяти десятаго, что составило болѣе восьмидесяти тысячъ человекъ. На нашу долю пришлось по Московской губерніи выставить 32 человекъ, 22 по Тульской, по Тамбовской и Новгородской посылку же, а всего 100 человекъ.

Пріѣхали мы въ деревню. Дмитрій Александровичъ въ воскресенье велѣлъ созвать полную сходку: всѣхъ кто по деревнямъ налицо; и послѣ обѣдни всѣ собрались къ дому. Онъ вышелъ на парадное крыльцо и говорить имъ: „друзья мои, я васъ собралъ чтобы поговорить съ вами, намъ грозитъ опасность, Французы идутъ на Россію, мы должны себя отстаивать, послужить царю и отечеству и защитить православную вѣру; дворянство положило дать отъ девяти десятаго чтобы составить ополченіе; я неволить никого не хочу, а кто желаетъ доброю волей пусть скажется, потомъ я и увижу кого выбрать изъ желающихъ. Потолкуйте промежъ себя и подумайте, и всѣ желающіе станьте особо кучкой.“

И сказавъ это ушелъ въ домъ, плачетъ, говорить мнѣ: „кого я выберу—всѣхъ жаль, и какъ я могу взять на себя посылать по моему выбору на явную смерть“.

Когда пришелъ онъ опять на крыльцо, направо отдѣлились желающіе идти въ ратники, что-то много.

— Сколько желающихъ? спрашиваетъ онъ. Отвѣчаютъ столько-то.—Ну, говорить, это слишкомъ много, нужно только 32 человекъ; я никого ни уговариваю, ни отговариваю и на себя не возьму выбирать того или другаго и посылать подъ пулю, а вы, православные, помолитесь Богу и киньте жребій кому идти, кому оставаться,—значить такова Божья воля.

Всѣ перекрестились и стали кидать жребій, такъ и рѣшили кому вступить въ ополченіе... Никому не было обидно, ни кто шелъ, ни кто оставался.

Было нѣсколько дворянскихъ сѣздовъ то въ Москвѣ, то въ Дмитровѣ. Дмитрій Александровичъ взялъ на себя должность по предложенію дворянства завѣдывать хлѣбными запасами въ Дмитровскомъ уѣздѣ и наблюдать за изготовленіемъ отправляемаго въ армию провіанта.

Ополченіе скоро сформировали: не прошло и шести недѣль какъ всѣ были готовы выступить.

Графъ Дмитріевъ - Мамоновъ, Александръ Матвѣевичъ, сынъ извѣстнаго въ свое время любимца императрицы

Екатерины II, служилъ въ то время въ Сенатѣ, онъ былъ съ небольшимъ лѣтъ двадцати, вступилъ въ военную службу и, какъ человекъ весьма богатый, на свой собственный счетъ поставилъ на ноги цѣлый полкъ изъ своихъ крестьянъ и самъ его обмундировалъ и во главѣ его отправился въ дѣйствующую армію. За это онъ былъ сдѣланъ потомъ генералъ-майоромъ, но говорятъ онъ ожидалъ бѣльшаго. По окончаніи войны онъ вышелъ въ отставку недовольный что мало оцѣнили его заслугу, какъ ему казалось: уѣхалъ въ деревню, тамъ прожилъ безвыѣздно лѣтъ двадцать и помѣшался въ разсудкѣ на томъ что онъ Владиміръ Мономахъ. Это я сказала къ слову...

Въ началѣ іюня Бонапартъ перестулилъ черезъ нашу границу. Войска были собраны въ губерніяхъ смежныхъ со Смоленскою. Императоръ туда ѣздилъ, былъ въ Вильнѣ, въ Полоцкѣ; осматривалъ, и, говорятъ, имѣлъ намѣреніе остаться и лично командовать, но потомъ передумалъ, чувствуя что онъ нужнѣе для управленія; воевать предоставилъ главнокомандующимъ. Вся столица ожидала государя съ нетерпѣніемъ, а народъ, узнавъ что государь прибудетъ по Смоленской дорогѣ, толпами шель очень далеко и намѣревался выпрячь лошадей изъ государевой коляски и везти ее на себѣ. Растолчинъ бывший съ государемъ на послѣдней станціи, видя множество собравшаго народу, вышелъ и сказалъ что государь ночуетъ на станціи; кто повѣрилъ, а многіе остались дожидаться. На Филяхъ былъ старичокъ священникъ; услышавъ что государь поѣдетъ мимо, вышелъ въ облаченіи и со крестомъ на встрѣчу государя и дождавшись его, подошелъ со крестомъ; государъ вылѣзъ изъ коляски и поклонившись въ землю приложился ко кресту

Іюля 12го государъ прибылъ въ Москву ночью. На другой день былъ выходъ въ Успенскій соборъ. Въ то время за слабостію здоровья и по преклонности лѣтъ Московскій митрополитъ Платонъ уже не управлялъ Московскою епархіей, жилъ на локоѣ въ Виѣніи, а Москвой и всею губерніей управлялъ преосвященный Августинъ. При встрѣчѣ государя пѣли: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣзшатъ отъ лица Его вси ненавидящіе Его.* Встрѣча была торжественная, всеобщій восторгъ котораго и описать нельзя, и государъ отъ удивленія вышелъ изъ собора весь въ слезахъ. Съ недѣлю по прибытіи государя въ Москву получено извѣстіе о заключеніи

выгоднаго для насъ мира съ Турціей, и по этому поводу были большія торжества.

Этотъ миръ развязывалъ намъ руки и давалъ возможность всё наши силы собрать въ одномъ мѣстѣ гдѣ нужнѣе чтобъ отразить дерзкаго Бонапарта; и всё сему радовались, а Бонапартъ бѣсился и злобствовалъ на Англичанъ которые намъ помогли заключить этотъ миръ.

Повторяю что слышала, а такъ ли оно было или нѣтъ, это справляйтесь съ исторіей.

По желанію государя преосвященный Августинъ составилъ молитву и новый чинъ для молебствія по случаю нашествія иноплемениковъ, и служилъ оный ежедневно, а молитву читали съ колѣнопреклоненіемъ.

Въ іюль вышелъ высочайшій манифестъ и воззваніе отъ Святѣйшаго Синода.

Іюля 30го праздновали одержанную нами побѣду надъ какимъ-то маршаломъ: разбили его отрядъ.

Августа 5го Франгузы заняли Смоленскъ. Бонапартъ все ожидалъ сраженія съ Кутузовымъ, а Кутузовъ отступалъ, желая заманить непріятеля подалѣе. Непріятельское войско начинало уже терпѣть великую нужду: бли размоченную рожь и конское мясо.

Наканунѣ Успеньева дня преосвященный Августинъ совершилъ молебствіе за Сухаревою башней, у Сласскихъ казармъ, въ присутствіи собравшагося Московскаго ополченія, благословлялъ всѣхъ воиновъ, кропилъ святою водою и вмѣсто знаменъ вручилъ имъ священныя хоругви.

Дня черезъ три послѣ того пришло извѣстіе что Франгузы заняли Вязму. Становилось очень жутко въ Москвѣ, но главнокомандующій Растролчинъ въ своихъ афишкахъ все печатаетъ что бояться нечего, что Франгуза до Москвы не допустятъ, и т. д. А между тѣмъ слышимъ что велѣно игоменьямъ забрать что въ ихъ монастыряхъ, въ ризницахъ лучшаго и драгоцѣннаго и укладывать чтобы все было готово когда потребуютъ.

Изъ Москвы стали многіе выбираться куда кто могъ подалѣе. Братъ, князь Владиміръ Волконскій, поѣхалъ въ свою казанскую деревню, и звалъ и меня туда пріѣхать есаубы понадобилось. Тетупка, графиня Толстая, собралась въ Симбирскъ; Архаровы поѣхали въ тамбовскую деревню; княгиня Мещерская поѣхала въ Моршанскъ; Апраксина съ дочерью—

въ орловскую деревню: всё забиралось подальше, и все казалось что еще близко...

Дмитрій Александровичъ принужденъ былъ остаться въ Дмитровѣ по должности которую на себя принялъ, а обо мнѣ съ дѣтми мы рѣшили что отправимся въ тамбовскую деревню.

Мы собирались, но все еще медлили, надѣясь авось Господь помилуетъ и избавить отъ такой напасти. Городъ съ каждымъ днемъ все пустѣлъ: то тѣ уѣхали, то другіе, то смотришь какая-нибудь лавка заперта,—перестали торговать. Выѣдешь ли куда, то и дѣло попадаютъ дорожныя кареты, фуры, обозы съ сундуками и ложитками. Порадовало было насъ извѣстіе о сраженіи подъ Бородинымъ: думали, ну теперь ухлопають непріятели; нѣтъ, говорятъ, хотя и сильно пораженъ, но идетъ къ Москвѣ. Стали закрывать присутственныя мѣста, изъ всѣхъ монастырей настоятели и игумены собрались на подворье къ преосвященному Августину: настоятели всё отправились съ обозомъ церковныхъ сокровищъ въ Вологду, а изъ игуменій нѣкоторыя тоже выѣхали, а другія остались въ городѣ и во все время непріятели, то жили по своимъ монастырямъ, то укрывались гдѣ Господь приведетъ...

III.

Какъ я ни медлила, а ѣхать приходилось. Начали совсѣмъ собираться: все хотѣлось бы взять, а брать некуда; въ четверомѣстной каретѣ и безъ того тѣсно: я, двѣ старшія дочери, Клеопатра, двѣнадцати лѣтъ, Союшка, пяти лѣтъ и ея няня... Образа свои мы оставили въ сундукъ въ Горковской церкви; изъ серебра взяли что понужнѣе, а что получше и потяжелѣе оставили въ деревнѣ. Денегъ у насъ налицо было всего 1.000 р. асс., мы раздѣлили ихъ пополамъ съ Дмитріемъ Александровичемъ, и взяла я съ собой одинъ фунтъ чаю: болѣе въ домъ не оказалось, а купить было уже негдѣ.

Поутру наканунѣ отъѣзда пришелъ ко мнѣ камердинеръ мужа и говорить:

— Сударыня, вы бы изволили уговорить Дмитрія Александровича послать въ Горки все что получше: зеркала, мебель которую, фарфоръ, тамъ все-таки будетъ сохраннѣе чѣмъ здѣсь, ну, сохрани Богъ домъ сгорить...

Пошла я въ кабинетъ, Дмитрій Александровичъ прегрустный, преразстроенный, говорю ему:

— Вотъ Михаилъ Ивановъ мнѣ тоже говорить что и я тебѣ совѣтовала: побольше отправить въ деревню, цѣлѣе будетъ.

— Нѣтъ, матушка, не стѣдуетъ возиться: ежели Москва не уцѣлѣетъ, гдѣ уцѣлѣтъ деревни въ сорока верстахъ! Оставимъ какъ что есть, право не до того телеръ...

Такъ мы этого и не сдѣлали, а еслибы послушались добраго совѣта, все бы могли сохранить.

Поздно вечеромъ наканунѣ отъѣзда сидѣли мы и толковали съ мужемъ обо всемъ, какъ будто мы на вѣкъ прощались; да и всякъ думалось: могло быть что и не свидѣлись бы. Не дай Богъ никому перечувствовать и слытывать что мы всѣ тогда испытали и пережили...

Въ самый день отъѣзда послали въ приходъ за священникомъ, отслужили молебень налутственный съ водосвятиемъ, карета была уже еще съ вечера уложена, велѣли закладывать, простились всѣ со слезами, какъ бы на вѣкъ, и поѣхали...

Отправились мы на Крымскій Бродъ чтобъ оттуда пробраться проселочными дорогами на Каширскую дорогу и такъ черезъ Каширу доѣхать до веневской деревни моего девера и потомъ, ежели не будетъ оласности, проѣхать къ себѣ въ тамбовскую деревню.

Отъ нашего дома съ Пречистенки и до Крымскаго Брода точно гулянье: тинулись экипажи, кареты, коляски, дрожки и телѣжки, всѣ ѣдутъ, слѣшать выбраться изъ Москвы, кто идетъ пѣшкомъ навьюченъ узелками и мѣшечками. По берегамъ у Крымскаго Брода народъ сидитъ толпами... Это было 1 сентября поутру.

Мы ѣхали на своихъ лошадахъ, останавливались, кормили лошадей и почевали, и благополучно прибыли въ Петрово на третій день. Здѣсь отдохнули дня съ два и поѣхали далѣе. Подъ Рождество Богородицы мы были въ Задонскѣ и остановились на монастырской гостиницѣ. Въ праздникъ мы пошли къ обѣднѣ и на встрѣчу намъ идетъ настоятель, архимандритъ, отецъ Евграфъ, и видя что мы пріѣзжія спрашиваетъ:

— Откуда вы, матушка, не московскія ли?

Я отвѣчаю:— „Да, мы изъ Москвы.“

— А давно ли вы, сударыня, оттуда изволили выѣхать?

— Утрсмъ 1 сентября, говорю я.

— Давненько... стало вы и не знаете что Франдузы въ Москвѣ, и она горитъ лятья сутки?

У меня едва не подкосились ноги.

„Господи, подумала я, что тамъ теперь дѣлается?“ Когда чего дурнаго ожидаешь, чаще всего представишь себѣ непрѣменно худшее чѣмъ оно дѣйствительно бываетъ; чего тутъ я не придумала: мужъ или убить, или въ плѣну, домъ сгорѣлъ, Москва вся выжжена, нашу деревню тоже, вѣрно спалить, и чего-чего себѣ я ни представила. Поплакала я, погорѣвала и поѣхала далѣе; наконецъ пріѣхали мы къ себѣ, въ Елизаветино. Хорошие наши сосѣди Бартеневы, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, послѣшили ко мнѣ пріѣхать. Стали разспрашивать, какъ и что въ Москвѣ? Разказывалась имъ, а сама, бывало, плачешь; опять все ужасное и въ самомъ черномъ цвѣтѣ придетъ въ голову.

Тревожное было тогда для меня время: почта пріостановилась; слухи, когда дойдутъ откуда-нибудь, все не радостные и самые преувеличенные, а иногда и вовсе не вѣрные. Сентябрь сталъ подходить къ концу, ни лисемъ, ни извѣстій отъ мужа нѣтъ... Прошло три недѣли какъ мы выѣхали изъ Москвы, а въ три недѣли и не въ такое время мало ли что могло случиться.

Разъ, предъ вечеромъ, сижу я въ гостиной одна: дѣти разошлись по своимъ комнатамъ, смеркалось, свѣтъ еще не подали, и въ большой грусти думаю что-то теперь дѣлается мой мужъ, что въ Москвѣ, вдругъ входитъ человекъ и говоритъ мнѣ:

— Елизавета Петровна, къ намъ ѣдетъ какой-то дорожный экипажъ, разглядѣть нельзя, а кучеръ лѣсни поетъ, какъ будто Филать, значить, Анны Петровны.

Очень я обрадовалась мысли что это сестра, и потомъ вдругъ мнѣ представилось: не съ дурною ли она вѣстію, не объявлять ли мнѣ что-нибудь о Дмитріѣ Александровичѣ?

Пошла ходить отъ окна къ окну не увижу ли, жду не дожусь; слышу подѣхали ко крыльцу, иду на встрѣчу: точно сестра.

— Ахъ, голубушка моя, какъ это ты вздумала ко мнѣ пріѣхать. Ну что какія извѣстія изъ Москвы?

Она вздохнула:—очень дурныя, Москва взята Франдузами и почти вся выжжена...

Ну, думаю себѣ, это она приготовляетъ меня, хочетъ мнѣ объявлять что-нибудь о мужѣ.

— Ну, а ты, какія имѣешь вѣсти о Дмитрiѣ Александровичѣ? спрашиваетъ она меня.

Такъ и чувствую что она меня готовится и сейчасъ объявить мнѣ печальное извѣстiе.

— Никакихъ, говорю я;—да ты не томи меня, а скажи мнѣ лучше ужъ не слыхала ли ты что-нибудь про него?..

— Увѣряю тебя что ничего не знаю: вѣдь почта не ходитъ...

Пошли мы въ гостиную, прибѣжали дѣти, подали свѣчи, стали хлопотать объ обѣдѣ для сестры, а потомъ она начала разказывать какія вѣсти дошли до нея о состоянiи Москвы.

IV.

Въ понедѣльникъ, сентября 2го, какъ ударили въ Кремль къ вечернѣ, вошли Французы въ Москву черезъ Дорогомиловскiй мостъ. Войска были холодны и голодны, наги и босы; дорвавшись до Москвы, они тотчасъ же разсыпались по городу промышлять себѣ кому что было нужно; кто спѣшилъ утолить свой голодъ или жажду, а кому хотѣлось добыть себѣ обувь или чистое бѣлье. Мародеры ходили по городу, отнимали что имъ полюбится, подбивали курь, уводили лошадей и коровъ, и, словомъ сказать, все что принадлежало московскимъ обывателямъ считали своею собственностiю. Москва очень опустѣла: вмѣсто 280 тысячъ жителей говорятъ не осталось и десятой доли. Растролчинъ велѣлъ выпустить всѣхъ колодниковъ и арестантовъ для того чтобы они получили свободу прежде вступленiя непрiателя, а не по его милости; пожарныя трубы, всю команду изъ Москвы вывезли, и когда начались пожары, то непрiателю не оставалось и средствъ для ихъ прекращенiя.

Разные были толки насчетъ пожаровъ Москвы: одни думали что поджигаютъ Французы; Французы говорили что поджигаютъ Русскiе по наущенiю Растролчина, а на самомъ дѣлѣ, при дознанiи въ послѣдствiи открылось что большею частiю поджигали свои дома сами хозяева. Многие говорили: „Пропадай все мое имущество, сгори мой домъ, да не доставайся окаяннымъ собакамъ, будь ни чье чего я взять не могу, только не попадайся въ руки этихъ проклятыхъ Французовъ.“

Бонапартъ торжествовалъ, когда, вступивъ въ Москву и поселившись въ Кремлевскомъ дворцѣ, вообразилъ себѣ что со взятіемъ столицы онъ покорить и всю Россію, но не тутъ-то было: съ этого-то времени и начались всѣ его бѣдствія. И не удивительно, потому что Господь поруганъ не бываетъ, а Французы ругались надъ нашею Кремлевскою святыней. Они обдирали иконы и иконостасы и переталливали въ слитки добытое ими серебро; говорятъ, въ Успенскомъ соборѣ посрединѣ вмѣсто большаго ланикадила привѣшаны были вѣсы чтобы взвѣшивать добытое серебро и золото; серебра ими награблено въ церквяхъ и монастыряхъ слишкомъ 320 лудовъ и около 20 золота, что по тогдашнимъ цѣнамъ составляло слишкомъ на полтора милліона рублей ассигнаціями. Однако имъ не удалось воспользоваться этою добычею, потому что часть имъ пришлось оставить при выходѣ изъ Москвы, а что и взяли съ собой у нихъ потомъ было отбито нашими казаками.

Всего возмутительнѣе было обращеніе непріятеля со святыней: они кололи иконы и употребляли ихъ на дрова, на престолахъ ѣли и пили, антимиинсами вздумали подпоясываться и такъ какъ они были коротки, бросали ихъ и они валялись гдѣ придется; святыя мощи выкидывали изъ ковчеговъ и изъ ракъ; ризы употребляли вмѣсто лолонъ для лошадей, плащаницами покрывали свои постели, кровати ставили въ алтаряхъ, церкви и соборы превращали въ конюшни, и всячески ругались надо всѣмъ священнымъ; вотъ Господь ихъ и покаралъ за ихъ беззаконіе.

Монаховъ и священниковъ они раздѣвали чуть не до наготы и употребляли чтобы перенашивать ихъ ноши, иногда очень тяжелыя, а кому было не въ моготу тѣхъ нещадно били; двухъ монаховъ котораго-то изъ московскихъ монастырей бросили въ рѣку и чуть было не утопили, да слава Богу нашлись добрые люди которые ихъ вытащили изъ рѣки.

Но не долго нагостился Бонапартъ въ Кремлевскомъ дворцѣ: въ самый день по его вступленію въ Москву начались пожары. Прежде всего, говорятъ, загорѣлся въ ночь рядъ лавокъ противъ Кремля и въ Кремлѣ стало нестерпимо жарко; потомъ и пошла горѣть Москва. Каретный Рядъ каретные мастера сами зажгли, не желая чтобы непріятельскіе маршалы и генералы катались въ ихъ каретахъ; вельхнулъ пожаръ на Знаменкѣ, а съ 5 на 6 сентября такой сдѣлался

вихрь что огонь стало перебрасывать съ улицы въ улицу, вся Москва запылала съ разныхъ концовъ и въ три или четыре дня сгорѣло болѣе 8.000 домовъ. Пожарныхъ трубъ не было, слѣдовательно не чѣмъ было и тушить: не хотѣлось Бонапарту выбираться изъ Кремля, а дѣлать было нечего, пришлось отъ пылу искать себѣ убѣжища, и онъ едва могъ прохвѣть по Тверской въ Петровскій дворецъ, и тамъ и поселился.

Какому изъ жителей Москвы не прискорбно было въ то время знать что Москва сожжена а въ особенности тѣмъ которые имѣли тамъ дома? Но въ послѣдствіи времени было дознано что именно этотъ всеобщій пожаръ столицы и спасъ Россію отъ грозившаго ей уга: Господь по Своей благодати великое зло обратилъ въ величайшее благо.

V.

Съ пріѣздомъ сестры у меня на сердцѣ немного поотлегло: она меня успокоила вѣрнымъ извѣстіемъ что почта изъ Москвы прекращена, и когда я начинала безпокоиться сестра меня старалась развлечь и успокоить.

Немного времени спустя пріѣхала ко мнѣ и другая моя сестра, Варвара Петровна Комарова, съ мужемъ, а тамъ и княгиня Авдотья Николаевна Мещерская со своею дочерью Настенькой, которой было въ то время, я думаю, лѣтъ шестнадцать. Итакъ насъ собралось довольно много. Мещерская уѣзжала въ Моршанскъ и тамъ жила въ первое время непріятельскаго нашествія и, погостивъ у меня нѣсколько дней, опять возвратилась въ Моршанскъ, гдѣ и прожила всю зиму до начала лѣта 1813 года.

Вышедши замужъ въ 1796 году, она овдовѣла три мѣсяца спустя послѣ брака, будучи непраздною *, а въ надлежащее время родила дочь Анастасію, въ которой полагала все свое счастье и воспитывала съ неусыпнымъ стараніемъ, живя по зимамъ въ Москвѣ, а лѣтомъ въ своемъ звенигородскомъ имѣніи, въ селѣ Аносинѣ. Тамъ церкви не было когда Мещерская купила имѣніе. Она была очень благочестивая и набожная женщина и потому выпросила у митрополита Платона дозволеніе построить у себя церковь, которая была совсѣмъ уже готова, оставалось только освятить,

* См. выше. Глава XIV.

Когда вдруг нагрянулъ непріятель, и княгинѣ пришлось на-скоро собираться и уѣзжать.

По сосѣдству съ Аносинымъ жила наша родственница, бабушка Прасковья Александровна Ушакова (урожденная Теряева), она была дружна съ княгиней и послѣ 1812 года ей помогала при поправкѣ церкви и обновленіи строеній, она жила въ селѣ Ламоновѣ.

Съ другой стороны неподалеку было имѣніе Кутайсовыхъ. Этотъ Кутайсовъ турецкаго происхожденія (уроженецъ города Кутаиса); онъ былъ взятъ въ плѣнъ во время турецкой войны и понравился великому князю Павлу Петровичу, который его окрестилъ, къ себѣ приблизилъ и при своемъ восшествіи на престолъ пожаловалъ графствомъ и немалымъ имѣніемъ; звали его Иванъ Павловичъ. При первомъ взглядѣ на него видно было его происхожденіе; онъ былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Рѣзвой, очень доброй и почтенной женщинѣ, которая умерла гораздо спустя послѣ своего мужа, доживъ до преклонныхъ лѣтъ. Она была очень дружна съ княгиней Мецкерской, и онъ между собой положили чтобы меньшей графъ Кутайсовъ, Александръ Ивановичъ, женился на княжнѣ Мецкерской, когда ей исполнится шестнадцать или семнадцать лѣтъ. Но родители улаживали, а Господь рѣшилъ иначе: 26го августа графъ Кутайсовъ, не имѣя еще и тридцати лѣтъ, но будучи уже генераломъ, былъ убитъ подъ Бородинымъ. Это очень поразило графиню, и не менѣе опечалило и княгиню, которая желала этого брака; но видно не было суждено ему совершиться.

Послѣ отъѣзда Мецкерской, я опять осталась съ двумя сестрами и съ зятемъ Комаровымъ.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все тяжелѣе и грустнѣе что нѣтъ извѣстій отъ мужа, и еслибы не сестры, я совсѣмъ упала бы духомъ.

Подходилъ праздникъ Покрова, я съ утра послала накануне къ священнику звать его придти къ намъ послѣ обѣда отслужить всенощную. Начали служить; смотрю на своихъ дочерей и думаю:—Это сироты, а я вдова.... Царице небесная, Владычице Дѣво Пречистая прими насъ подъ Свой Покровъ.... И много, много я плакала за всенощной, и по слову Псалмѣвца случилось и со мной: *Вечеръ водворится плачь и завтра радость*. На слѣдующій день послѣ обѣда пріѣхала подвода изъ деревни отъ Дмитрія Александровича: когда мнѣ подали письмо и я увидѣла его руку, тутъ я только повѣ-

рида что Господь помиловалъ насъ отъ самой великой дая насъ печали. Всѣ мы обступили привезшаго письмо и стали спрашивать обо всемъ что дѣлается въ Москвѣ и у насъ въ деревнѣ.

Москва точно почти вся выгорѣла, сгорѣлъ и нашъ пречистенскій домъ, но въ деревнѣ у насъ непріятель не былъ, хотя былъ въ Озерецкомъ, въ 12 верстахъ отъ насъ, небольшой отрядъ, и тамошніе мужики по-своему съ нимъ расправились: кто вилами, кто дубиной порядкомъ Француза отлодчивали, такъ что онъ не то что наладать, а думалъ какъ бы подобру поздорову самому уллестись и бѣжать въ лѣсъ; и тамъ доблди окончательно.

Когда начала горѣть Москва, то зарево такъ было сильно что у насъ въ селѣ казалось что пожаръ какъ будто только гдѣ-нибудь за лѣсомъ верстахъ въ трехъ или четырехъ и странное дѣло, находили около села на поляхъ обгорѣлыя головни и пахло дымомъ и смрадомъ какъ есибы пожаръ былъ неподалеку. Когда былъ взрывъ пороховаго двора и другіе взрывы въ Кремль, ихъ слышали и у насъ и такъ сильно что въ оранжереѣ дрожали стекла въ рамахъ. *

Дмитрій Александровичъ писалъ мнѣ что положеніе непріятеля въ Москвѣ бѣдственное и что онъ едва ли долго еще удержится въ городѣ. Изъ Москвы мой мужъ выѣхалъ 2го сентября поутру и благополучно пріѣхалъ въ деревню, а въ вечерню непріятель занялъ Москву.

Посланный ко мнѣ съ письмомъ ѣхалъ окольными путями, опасаясь встрѣтиться съ Французами, и благодаря Бога нигдѣ ихъ не видалъ. Чтобы миновать Москву ему слѣдовало забрать верстъ сорокъ выше и вправо отъ Бутыр-

* Одинъ крестьянинъ, старичокъ, изъ деревни Кармолино (Богородскаго уѣзда), по близости отъ Берлюковой пустыни, разказывалъ мнѣ: „Я былъ во французскій годъ 13 лѣтъ, мы разъ убирались съ батюшкой на дворъ и такой вдругъ услышали трескъ что мы такъ и приѣли, а въ избѣ индо стекла въ рамахъ задрожали, это говорятъ въ Москвѣ былъ взрывъ. На третій день послѣ Француза мы поѣхали въ Москву; пріѣзжаемъ, по улицамъ еще валяются убитые лошади и Французы; не успѣли, значить, убрать. У нашихъ господъ былъ свой домъ, сгорѣлъ весь до тла; старичокъ изъ нашей деревни былъ дворникомъ при домѣ, онъ сгородилъ себѣ хибарку на огородѣ да тамъ и жилъ. Французы доходили до Кулавыи, но мужички встрѣтили ихъ съ пиками, ну они поскорѣе и тягу дали, пошли назадъ.“

ской заставы и вѣхать все окраиной пока не поладеть на Каширку, и потому пришлось ему проѣхать больше ста лишних верстъ, да что нужды: хоть дальше да вѣрнѣе.

Въ октябрѣ очень уже стали поговаривать что Француза выгонять изъ Москвы, стало, думаемъ мы, онъ ослабѣлъ что его телерь уже не опасаются. Потомъ я получила письмо отъ мужа, и онъ пишетъ что скоро Москву очистить, потому что безпрестанные пожары и недостатокъ продовольствія, а къ тому же и необычные холода вытѣсняютъ непріятели. Это онъ мнѣ писалъ въ первыхъ числахъ, а послѣ 15го послѣдовало и радостное извѣстіе что 6го числа Бонапартъ выѣхалъ изъ Москвы, стали выходить его войска, и что 11го числа не осталось ни одного непріятели въ Москвѣ, кромѣ больныхъ лежавшихъ въ госпиталяхъ.

Такъ Господь, наведшій на насъ Свой праведный гнѣвъ, не предалъ насъ въ руки враговъ нашихъ, но, наказавъ, ласки умилосердился надъ нами.

Тѣ которые видѣли Москву вскорѣ послѣ выхода непріятели, разказываютъ что это было самое печальное зрѣлище: многіе всего лишились и возвратясь въ Москву на выгорѣвшихъ мѣстахъ долго искали принадлежавшаго имъ мѣста и того не могли признать. Такъ, у Авдотьи Николаевны Мещерской былъ свой домъ въ Старой Конюшенной и пріѣхавъ въ Москву уже весной 1813 года насилу-насилу княгиня узнала гдѣ стоялъ ея домъ.

Октября 12го былъ отслуженъ въ Страстномъ монастырѣ благодарственный молебенъ объ освобожденіи Москвы. Преосвященный Августинъ, выѣхавшій изъ столицы наканунѣ вступленія непріятели, все время провелъ во Владимірѣ и въ Муромѣ, гдѣ жилъ въ монастырѣ и возвратился въ Москву въ концѣ октября, но сперва жилъ у себя въ Черкизовскомъ загородномъ домѣ, а потомъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ, потому что на Саввинскомъ подворьѣ архіерейскій домъ не былъ еще приведенъ въ порядокъ, хотя и не горѣлъ. *

* Секретарь преосвященнаго Августина, Николаѣ Ивановичъ Малиновскій, вышедшій въ отставку послѣ кончины преосвященнаго, жилъ у своего зятя, священника церкви Василя Кесарійскаго. Онъ былъ съ нами коротко знакомъ, и въ послѣднія 15 лѣтъ своей жизни (1847—1863) рѣдкое воскресенье или праздникъ не приходилъ къ намъ обѣдать, а иногда кромѣ того бывалъ и въ будни, и очень

Въ Михайловъ день, ноября 8го, преосвященный въ сопро-
вожденіи духовенства и нѣкоторыхъ изъ московскихъ вла-
стей отправился осматривать Кремлевскіе соборы. Когда
онъ вошелъ въ Успенскій соборъ, то заплѣлъ: *Да воскреснетъ*
Богъ, и лотоу Христосъ воскресе; это была, говорятъ, тор-
жественная минута и всѣ присутствовавшіе невольню просла-
зились.

Ноября 10го, преосвященный служилъ литургію у себя въ
Срѣтенскомъ монастырѣ, и послѣ того взялъ иконы Влади-
мирскую и Иверскую (которыя онъ увозилъ во Владиміръ, и
по возвращеніи въ Москву временно находились въ Срѣтен-
скомъ монастырѣ) и съ крестнымъ ходомъ сопровождалъ
Иверскую икону Божіей Матери и поставилъ оную въ ея
часовнѣ.

Черезъ недѣлю или недѣли полторы слустя, когда въ цер-
квахъ поулучились, велѣно было служить благодарственный
молебень и послѣ того цѣлый день по всему городу трезво-
нили.

любилъ разказывать подробно о 1812 годѣ. Малиновскій былъ чело-
вѣкъ очень не глухой, много читавшій, не безъ пользы, многихъ
знавшій и слышанное хорошо помнящій; но по многословію
его, разказы были утомительны и трудно было слѣдить за глав-
нымъ предметомъ по множеству отступленій и недостатку по-
слѣдовательности. Находясь при преосвященномъ Августинѣ, онъ
имѣлъ возможность познакомиться со многими значительными ли-
цами; такъ онъ бывалъ у Оболянинова, у Елизаветы Петровны Глѣбо-
вой-Стрѣшневой, у нашей родственницы А. Н. Неклюдовой, у Ивин-
скихъ и у многихъ другихъ. Онъ многое разказывалъ, но слышан-
ное отъ него не всегда хорошо усвоивалось отъ сбивчивости въ
разказѣ. Говорятъ, онъ въ свое время не безъ пользы веществен-
ной для себя былъ архіерейскимъ секретаремъ, и послѣ его смерти
это оправдалось. Онъ занималъ очень скудную квартирку, носилъ
стародавнее платье двадцатыхъ годовъ, все больше ходилъ лѣшкомъ,
рѣдко у себя дома обѣдалъ, и глядя на его жизнь и обстановку можно
было полагать что онъ съ трудомъ пробавляется самыми скудными
средствами, а по смерти у него оказалось болѣе 70.000 р. сер. Эти
деньги достались двумъ его племянникамъ, которымъ при себѣ онъ
и гроша не давалъ. Года свои онъ скрывалъ, а на видъ ему нельзя
было дать болѣе 70, 72 или 73 лѣтъ, и о слѣшкомъ давнихъ собы-
тіяхъ онъ никогда не говорилъ чтобъ онъ ихъ самъ помнилъ, но
передавалъ о нихъ какъ о слышанныхъ отъ отца или отъ кого-нибудь.
Когда онъ умеръ въ 1863 году, ему было говорить за 90 лѣтъ. *Вмукъ.*

Декабря 1го былъ большой крестный ходъ. Николай Ивановичъ Малиновскій очень подробно объ этомъ разказываетъ, и кому же лучше и знать какъ, не секретарю Августина? Преосвященный освятилъ въ этотъ день церковь Василя Блаженнаго, вѣроятно отъ непріятеля тоже поруганную, и крестнымъ ходомъ вышелъ на Лобное Мѣсто, съ котораго онъ говорилъ народу слово, и кропилъ святою водою; крестный ходъ, раздѣлившись на три части, пошелъ обходить около Кремля, и цѣлый день въ Москвѣ былъ трезвонъ.

VI.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 года представился митрополитъ Московскій Платонъ, жительствовавшій въ Виѣниі, гдѣ и былъ погребенъ на указанномъ отъ него мѣстѣ. Какъ будто Господь медлилъ его отъ насъ брать, чтобы былъ на землѣ праведникъ молящійся во всеобщемъ бѣдствіи. У Троицы и въ Виѣниі непріятель не былъ. Въ народѣ говорили что два раза Бонапартъ посылалъ отрядъ чтобы поразвѣдать нѣтъ ли войска нашего и казаковъ въ Троицкой Лаврѣ и захватить лаврскія сокровища, но посланные никакъ не могли достигнуть до Троицы, потому что такой туманъ слускался на землю что они и нехотя должны были возвращаться назадъ.

Слышала я что и въ Саввинѣ монастырѣ, что возлѣ Звенигорода, въ 1812 году тоже все обошлось благополучно. Въ монастырѣ со своимъ отрядомъ квартировалъ тогда ласынокъ Бонапарта, сынъ Жозефины, Евгенийъ Богарне, которому было ночное видѣніе, и во снѣ сказалъ ему Прелодобный Савва что если онъ не коснется монастыря и его имущества, то будетъ невредимъ и возвратится на родину благополучно. Тогда Богарне велѣлъ приставить караулъ къ церкви, а церковь залеръ, ключи взялъ къ себѣ и кромѣ того заперъ двери и повторилъ всей своей командѣ что если кто-нибудь чего бы то ни было коснется въ монастырѣ, то онъ тутъ же велитъ того разстрѣлять. И благодаря этой предосторожности въ монастырѣ все осталось неприкосновеннымъ. Мало этого: принцъ Богарне такую возымѣлъ вѣру къ прелодобному Саввѣ что предъ отъѣздомъ изъ монастыря просилъ себѣ отъ настоятеля его икону и благословеніе. Онъ

оставилъ ее сыну своему и заповѣдалъ ему что если ему случится быть когда-нибудь въ Россіи чтобъ онъ непременно побывалъ въ обители преподобнаго Саввы и поклонился его святымъ мощамъ. И точно, лѣтъ тридцать спустя, въ сороковыхъ годахъ, принцу Максимилиану Лейхтенбергскому пришлось быть въ Москвѣ, онъ вспомнилъ что заповѣдалъ ему отецъ и благоговѣнно исполнилъ его благочестивое желаніе, и при этомъ разказалъ случившееся съ его отцомъ.

Находившіеся въ Москвѣ маршалы и главные начальники не такъ обращались съ Кремлевскою святыней. Мощи святителя Алексія нашли вынутыми изъ раки, поверженными на полъ и заваленными всякимъ хламомъ; въ Успенскомъ соборѣ тоже всѣ раки были поруганы, кромѣ раки святителя Іоны, которая осталась неприкосновенною; мощи святителя Филіппа лежали на полу, а въ Архангельскомъ соборѣ дохлая лошадь валялась въ алтарѣ! Мощи Св. Царевича Дмитрія были спрятаны у брата священника Вознесенскаго монастыря во избѣжаніе поруганія, а ручка Всехвальнѣйшей Евфиміи нашлась отчего-то у одного столяра на Бутыркахъ и была взята отъ него архіерейскимъ секретаремъ Малиновскимъ, который случайно объ этомъ провѣдалъ и донесъ преосвященному.

Хозяева тѣхъ домовъ которые уцѣлѣли не только ничего не потеряли, но, говорятъ, очень много приобрѣли, въ особенности же гдѣ квартировали маршалы и генералы, потому что предъ выходомъ своимъ изъ Москвы они ничего съ собою громоздкаго не брали, а все оставляли въ своихъ квартирахъ. По возвращеніи въ Москву городского начальства было всѣмъ оповѣщено что хозяева могутъ считать своимъ все что найдутъ въ своихъ домахъ, но чтобы никто не заявлялъ правъ своихъ на свои вещи, которыя во время неприятеля попали въ другое мѣсто, а то судьбамъ не было бы и конца. Такъ, при въѣздѣ съ Пречистенки на Дѣвичье поле былъ налѣво старый и просторный домъ Матрены Прохоровны Оболдуевой (она приходилась нашимъ Вяземскимъ сродни), тамъ жилъ какой-то генералъ и, говорятъ, чего-чего не было навезено въ этотъ домъ: мебели, посуды всякой и припасовъ разныхъ, и Матрена Прохоровна, старушка очень небогатая, послѣ того поправила свои дѣла: стало-быть наслѣдство было изрядное.

Рядомъ съ этимъ домомъ, домъ, что теперь Олсуфьевыхъ (а въ ту пору: либо князя Голицына, либо князя Долгорукова, женатаго на Делавинной) былъ занятъ какимъ-то маршаломъ, тоже остался въ совершенномъ порядкѣ и не горѣлъ, и ховлева нашла въ немъ порядочно всего.

А камѣй домъ сгорѣлъ до тла. У Обольянинова уцѣлѣлъ только одинъ флигель. Былъ у Петра Хрисанеовича малахитовый столикъ отдѣланный бронзой, пожалованный ему императоромъ Павломъ; думали что вмѣстѣ съ домомъ сгорѣлъ и столикъ; вичуть не бывало: проходитъ годъ и сказываютъ Обольянинову что гдѣ-то на Бутаркахъ у одного мѣщанина есть столикъ похожій на тотъ который былъ у него. Онъ послалъ посмотреть; точно тотъ самый и онъ его потомъ выкупилъ.

Изъ числа оставшихся въ Москвѣ жителяницъ во время непріятеля я могу назвать двухъ которыхъ я знавала по имени: Загряжскую и Щелотьеву; обѣ онѣ совершенно различно дѣйствовали во время непріятельскаго нахожденія въ Москвѣ.

Загряжская, сказывали тогда, добыла себѣ какіе-то большіе ключи, подговорила кой-кого, встрѣтила Бонапарта при его вступленіи въ столицу и поднесла ему эти ключи, которые она выдала за кремлевскіе. Жаль что онъ не велѣлъ примѣрять: приходились ли они по замкамъ, а думаю, слутовала она и подсунула ему связку ключей отъ своихъ амбаровъ и погребовъ. Онъ ее наградила: подарилъ ей загородный домъ князя Голицына—село Кузьминки.

Когда Французъ вышелъ изъ Москвы, она себѣ и въ усь не дуешь,—живетъ въ Кузьминкахъ. Возвратился Голицынъ; послалъ осмотрѣть туда свой домъ; говорятъ ему: „Тамъ, дескать живетъ новая помѣщица Загряжская.“

Расходился Голицынъ: „что ты батюшка, вздоръ городишь: какая это такая Загряжская, а ее знать не знаю, велите ей выѣзжать изъ моего дома, а то я ее по шеямъ выгнать велю.“

Ей передаютъ: „Извольте молъ, сударыня, выѣзжать, князь проситъ васъ честью выѣхать, а то будетъ вамъ непріятность.“

Что жъ она? Говоритъ: „Я знать не хочу Голицына: Кузьминки мои, мнѣ ихъ императоръ Наполеонъ пожаловалъ...“ И не повѣхала. Принужденъ былъ князь Сергій Михайловичъ послать за становымъ и только тотъ втолковалъ ей что

Бонапартъ не имѣлъ права дарить ей чужое имѣнiе. И такъ ее почти силой и вырвали.

Щелотьева, напротивъ того, оставшись въ Москвѣ, можно сказать дразнила Бонапарта. И какъ это она ничего не боялась? Она была генеральская дочь, дѣвица—пожилая и богатая и все ѣздила цугомъ. Вотъ какъ услышитъ что мы одержали какую-нибудь побѣду надъ непрителемъ и велитъ заложить свою карету, а сама разрядится елико возможно. Прѣдетъ куда-нибудь на площадь и махаетъ платкомъ изъ окна лакею, кричитъ: „Стои!“ Народъ сбѣжится смотреть что такая за диковинка: барыня въ цвѣтахъ и перьяхъ сидитъ въ каретѣ со слущенными стеклами и то къ одному окну бросится и высунется, то къ другому? А она кричитъ проходящимъ: „Ей, голубчикъ, лоди-ка сюда; слынаешь ты мы побѣду одержали? Да, побѣда, голубчакъ: разбали такого-то маршала.“ Потомъ высунется изъ другаго окна и то же самое повторяетъ...

Накричится вдоволь и отправится дальше. Тамъ опять гдѣ-нибудь на рынкѣ или на площади закричитъ: „Стои!“ И опять кричитъ проходящимъ: „Побѣда, голубчикъ, побѣда.“ И такъ все утро и разѣзжаетъ по городу изъ конца въ конецъ.

Какъ это она уцѣлѣла въ Москвѣ во время суматохи, Богъ знаетъ. Удивительно, что ее Французы не пришлибли и даже не обобрали.

Какъ ее звали—не помню теперь; Анна Николаевна, кажется; но, навѣрно не могу сказать; можетъ-отаться называю не такъ.

Вотъ какой разказъ ходилъ еще о Бонапартѣ.

Увѣрили де его что крестъ на Иванѣ Великомъ изъ чистаго золота. Разгорѣлись глаза у хитрика. Говоритъ своимъ маршаламъ: „Я желаю чтобы крестъ съ колокольни былъ снятъ.“ Слово его было для всехъ закономъ, всѣ трелетали предъ нимъ.

Маршалы молчатъ, переглянулись межъ собой: знаютъ что на колокольню слазить не бездѣлка, а надо исполнить волю императора. Собрали самыхъ отважныхъ изъ своихъ солдатъ, отъявленныхъ головорѣзовъ. Говорятъ имъ: что вотъ что императоръ приказалъ, кто желаетъ исполнить волю его? Всѣ отвѣчаютъ: никто: кому охота шею себѣ сломить? Докладываютъ: „никто не соглашается“. Пожалъ плечами, покачалъ головой.

„Хороша, говорятъ, у васъ дисциплина! Васъ не слушаютъ солдаты... Мнѣ все равно, улотрите на это дѣло кого хотите, только чтобы крестъ былъ снятъ, вы слышали что я этого хочу“.

Что тутъ дѣлать, Французы не лѣзутъ. Выискался какой-то русскій измѣнникъ, вѣрно какой-нибудь лянчуга. Согласился лѣзть: выпросилъ сто рублей, дешева, стало-быть ему его жизнь. Полѣзъ и прѣблагополучно крестъ выломалъ и спустилъ его. Пошли къ императору; разказали какъ что было. Стали ковырять крестъ—оказывается желѣзный, обитъ золоченою мѣдью. Пришелъ самъ Бонапартъ; спрашиваетъ: „кто снималъ крестъ?“.

Показываютъ измѣнника. Тотъ подъ собой земли не слышитъ, думаетъ:—вотъ благополучіе-то, императоръ меня жедалъ видѣть значитъ я молодець.

„Заплатите ему что слѣдуетъ, говоритъ императоръ.“

Отдали сто рублей.

Спрашиваетъ императоръ у него чрезъ переводчика: „Все ли ты получилъ что нужно, и доволенъ ли?“

Тотъ отвѣчаетъ: „Все, очень доволенъ.“

Говоритъ Бонапартъ переводчику: „я буду говорить, а ты ему переводи.“

И началъ: „Если бы который изъ моихъ солдатъ полѣзъ на колокольню, я похвалилъ бы его, сказалъ бы ему что онъ храбрець и щедро наградилъ за такой подвигъ. Но ты Русскій, ты сторговался за сто рублей подвергнуть свою жизнь опасности, стало тебѣ жизнь не дорога; ты снялъ крестъ съ своей церкви чтобы отдать врагу, стало-быть ты измѣнникъ, я измѣнниковъ ненавижу и нахожу что они не достойны жить; готовься умереть, тебя сейчасъ разстрѣляютъ.“

И тутъ же тотчасъ молодца и разстрѣляли; и хорошо слѣдали: подѣломъ вору и мука.

Когда Бонапартъ вышелъ изъ Москвы, въ Кремль осталось послѣ него болѣе 1.000 фуръ, нагруженныхъ всякимъ добромъ, такъ награбленное добро въ прокъ и не пошло.

Конечно во время пожара погубило въ Москвѣ много древностей и драгоценностей, но самое драгоценное что было все вывозили; Патріаршую ризницу и Оружейную палату, что цѣннѣе болѣе чѣмъ въ 25 милліоновъ, увозили въ Нижній и въ Вологду. Изъ московскихъ монастырей и церквей увозили всякихъ сокровищъ на 600 подводахъ.

VII.

Куда увозили всё архивы я не знаю, а изъ Олекунскаго Совѣта бумаги и заложенные вещи отправлены были на баркахъ въ Казань, и возилъ ихъ Полуденскій, Петръ Семеновичъ, женатый потомъ на дочери полечителя совѣтскаго Александра Михайловича Лукина.

Кстати о Лукинѣ и Полуденскомъ. Лукинъ, Александръ Михайловичъ былъ полечителемъ Московскаго Олекунскаго Совѣта послѣ Николая Ивановича Баранова и начальникомъ Московскихъ институтовъ. Я не рѣдко видалъ его у Архаровыхъ. Жена его Варвара Николаевна, по себѣ Щелотьева, (племянница той чудихи что развѣзжала по Москвѣ при Бонапартѣ) была коротка съ Архаровой и тамъ мы съ нею встрѣчались. За заслуги ея мужа, къ которому благоволила покойная Императрица Марія и съ которымъ была въ перепискѣ, Лукина имѣла Екатерининскій орденъ меньшаго креста. Милая и добрая старушка съ пріятнымъ лицомъ, съ голубыми, очень привѣтливими глазами и ласковою улыбкой. Она была довольно худоцава и можетъ-статься желта лицомъ, но она по нашей привычкѣ густо румянилась. Лукинъ самъ до послѣдняго времени продолжалъ пудриться, онъ былъ тогдашнему очень хорошо воспитанъ и ученъ; въ обхожденіи не то что надмененъ, а какъ бы сказать, не очень общителенъ, впрочемъ прилично учтивъ; а видно что онъ въ домашнемъ быту былъ характера не совсѣмъ покладистаго, но должно-быть крутаго и настойчиваго.

У него былъ сынъ и пять дочерей. Эти барышни тоже часто бывали у Архаровыхъ и съ моими дѣвочками учились танцовать. Старшая, Варвара, была очень дурна собой, но по заслугамъ отца была фрейлиной. Въ первый разъ что ей пришлось быть при императрицѣ увидалъ ее великій князь Константинъ Павловичъ, который, говорятъ, не всегда мягко выражался; онъ у кого-то и спрашиваетъ изъ фрейлинъ:

— Это еще что за обезьяна? Говорятъ ему: «Это Лукина, дочь полечителя Московскаго Олекунскаго Совѣта...»

— Оно и видно что у ней долженъ быть полечительный отецъ, а то развѣ такую пустили бы во дворецъ...

И говорятъ будто бы она слышала этотъ разговоръ,

потому что великій князь говорилъ не шепотомъ. Каково это было ей выслушать такую похвалу на свой счетъ?

Ее звали Варвара Александровна. Она была уже очень не молода когда вышла замужъ за какого-то Клаузена, не важная ятца. Тогда всѣ кричали: „Какъ это Луцина идетъ за Клаузена?“

Двѣ изъ младшихъ дочерей, Елена и Настасія, были не дурны, но ужь очень лицомъ худощавы и сухопары. Былъ какъ-то у Архаровыхъ дѣтскій маскарадъ и онѣ были наряжены Китаанками: къ ихъ худощавымъ лицамъ это шло недурно, а одна изъ меньшихъ была одѣта кулидономъ, эта хорошенькая была дѣвочка, Татьяна или Анна—не припомню.

Елена Александровна вышла за Полуденскаго, Петра Семеновича. Мы его звали по нашимъ Яньковымъ, у которыхъ былъ пріятель Шумовъ, Иванъ Федоровичъ, другъ Полуденскаго, и чрезъ него мы и познакомились, потому что когда послѣ 1812 года пришлось намъ опять строиться, то должны были признаться кой у кого денегъ, заимдали и у Полуденскаго, который имѣлъ небольшія деньги. Онъ былъ челоѣкъ очень хорошій, честный, добрый и работающій. Смододу былъ весьма красивъ лицомъ, но ростомъ не очень высокъ. На комъ онъ былъ сперва женатъ не знаю, помнится что она была воспитанница какой-то большой барыни, чуть ли не графини Головкиной, которая не имѣя дѣтей дала ей изрядное приданое. Она была, сказывали, хороша собою и не проживъ года въ замужствѣ умерла. Луцинъ зналъ по Совѣту, какъ начальникъ, служившаго тамъ Полуденскаго, за челоѣвка честнаго, хорошаго и дѣльнаго. Подлюбился онъ ему, а дочки-то ужь на возрастѣ, онъ разъ и говоритъ Полуденскому: „Петръ Семеновичъ хочешь быть моимъ зятемъ, я съ удовольствіемъ за тебя отдамъ Леночку“.

Вѣрно онъ ей нравился.

Ну, какъ ни говори, хоть и хорошій былъ и дѣльный челоѣкъ Полуденскій, а все же не партія Луциной. Разумвется, чего тутъ думать, и женился.

Потомъ онъ и самъ былъ чиновнымъ челоѣкомъ, сенаторомъ и почетнымъ олекуномъ, и большимъ пріятелемъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, который имѣлъ къ нему полное довѣріе и въ важныхъ случаяхъ съ нимъ всегда совѣтовался.

Не помню въ которомъ году, по просьбѣ Полуденскаго,

любойный Дмитрій Александровичъ прискалъ ему имѣнье въ Тульской губерніи, и тотъ его купилъ.

Настасья была за Богдановскимъ, тоже сенаторомъ, Татьяна за Савинымъ. Послѣ княгини Елизаветы Ростиславовны Вяземской, она была начальницей въ Домѣ Трудолюбія.

Еще одна была Лукина, Анна, очень не дурна собой, но болѣзненная; эта жила все у Троицы, была благочестива и богомольна. Тамъ и умерла, и схоронена въ Лаврѣ*.

VIII.

Въ концѣ октября, совершенно неожиданно пріѣхалъ, наконецъ, и Дмитрій Александровичъ. Вотъ была радость-то! Какъ въ старинныхъ сказкахъ, бывало, мамушки приговаривали: ни словомъ сказать, ни перомъ описать. Всего только два мѣсяца какъ мы разстались, а показалось всѣмъ намъ едва ли не за годъ: время-то было такое опасное.

Кромѣ того что мы лишились дома въ Москвѣ, все благодаря Бога было благополучно у насъ: въ деревняхъ урожаи хорошіе и уборка, несмотря на передраги, довольна успѣшная; а мужичкамъ нашимъ хорошіе заработки въ Москвѣ, гдѣ было много работы и рукъ не доставало.

Каждый тогда потерпѣлъ потери, а про убытки не думали, а благодарили Бога что Онъ избавилъ Россію отъ лютаго врага и что сами спаслись отъ смерти и гибели. А многія семейства оплакивали близкихъ: кто сына, кто брата, мужа, отца, убитыхъ во время сраженій съ Французами.

Тяжелый былъ этотъ годъ!

Въ то время, какъ сестры гостили у меня, однажды утромъ сестра Анна Петровна и говоритъ мнѣ:

— Сегодня я видѣла во снѣ что кто-то говоритъ мнѣ: „Вотъ и 1812й годъ, а ты все еще не въ монастырѣ.“

— Это потому что ты думаешь объ монастырѣ, оттого тебѣ про это и снится, говорю я ей.

— Нѣтъ, сестра, это опять мнѣ напоминаніе.

Надобно сказать что она еще въ 1811 году видѣла во снѣ *страшный судъ* и тогда это ее очень поразило и она поло-

* А. А. Лукина, дочь д. т. сов. скончалась 26 января 1840 года, погребена за алтаремъ Успенскаго собора.

жида идти въ монастырь. Во время неприятели она опять подтвердила свое обещаніе что ежели Господь всёх насъ помилуетъ отъ погибели, непременно вступитъ въ монашество; и тутъ вскорѣ она этотъ сонъ-то и увидѣла.

— Такъ что же ты теперь думаешь дѣлать? спросила я ее.

— Хочу готовиться.

— Испытай ты сперва себя, говорю я ей.

У насъ впрочемъ монашествующихъ было въ роду не мало.

Изъ Корсаковыхъ было два митрополитамъ: Игнатій—Сибирскій, Иосифъ—Псковскій. Игнатій былъ стольникомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Куда онъ поступилъ прямо изъ міра я не знаю, но слыхала что онъ былъ одно время при архіереѣ въ Вологдѣ, и присланный отъ него въ Москву. за сборомъ, съ письмомъ отъ царицы (Маріи Ильиничны), отправился въ Соловецкій монастырь. Послѣ того не долгое время онъ былъ въ Ярославѣ, въ Сласскомъ монастырѣ архимандритомъ (1683—84); потомъ его перевели въ Москву, въ Новосласскій монастырь (1684—92) и возвели оттуда прямо во Сибирскаго митрополита. Онъ былъ въ свое время человекомъ ученымъ; очень умный и духовный мужъ, онъ писалъ грамоты и противъ раскольниковъ, и будучи еще архимандритомъ Новосласскимъ былъ посланъ въ Костромскую епархію обращать раскольниковъ. Подъ конецъ своей жизни онъ испыталъ большія скорби, былъ вызванъ въ Москву и сидѣлъ въ заключеніи въ Чудовѣ монастырѣ, потомъ жилъ въ Симоновѣ монастырѣ и тамъ скончался или 1700 или въ 1701 году, и тамъ погребенъ.

Подробностей объ его жизни у насъ въ семьѣ какъ-то никто не зналъ, даже его мірское имя мнѣ неизвѣстно и за что онъ былъ подъ опалой не могу сказать; предположеніе же есть что тутъ виновенъ послѣдній патріархъ (Адріанъ). Тогда уже старый и хилый, онъ желалъ видѣть своимъ преемникомъ котораго-то изъ митрополитовъ, и опасаясь чтобы митрополитъ Сибирскій, и знатный родомъ, и очень извѣстный своими ластырскими поученіями, не попрепятствовалъ ему въ этомъ намѣреніи, онъ и старался оттереть его. Такъ онъ и скончался въ Москвѣ, живя въ Симоновѣ монастырѣ.

Иосифъ Римскій-Корсаковъ какъ назывался въ міру также неизвѣстно, ни куда онъ сперва вступилъ въ монастырь. Должно думать что онъ положилъ начало въ Серпуховѣ, во Владычномъ монастырѣ, который въ то время былъ

еще мужскимъ монастыремъ. Въ послѣдствіи времени онъ былъ архимандритомъ Высокопетровскаго монастыря, и пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ настоятелемъ, былъ сдѣланъ архіереемъ и назначенъ митрополитомъ во Псковъ, гдѣ святительствовалъ довольно долго, невступлю восемнадцать лѣтъ. Потомъ онъ пожелалъ удалиться на покой и былъ уволенъ въ Серлуховъ, во Владычный монастырь, чтѣ и заставляетъ думать что тамъ онъ былъ постриженъ. Проживъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался и былъ погребенъ въ склепѣ гдѣ погребались настоятели. Очень жаль что неизвѣстны подробности его жизни. По малограмотности въ то время не вели семейныхъ записокъ, а только словесно кое-что передавали, такъ многое позабылось, а иное и совсѣмъ утратилось.

Въ родѣ Щербатовыхъ знаю что было двое въ монашествѣ: отецъ дѣда моего (князя Николая Осиповича) князь Осипъ Ивановичъ имѣлъ дядю — князя Юрія Ѳеодоровича, который служилъ при Петрѣ Великомъ, былъ окольнымъ, участвовалъ во многихъ походахъ, получалъ новый тогда чинъ бригадира; потомъ, наскучивъ мірскою суетою, пожелалъ оставить міръ и вступилъ въ Московскій Андреевскій монастырь (теперь упраздненный), былъ постриженъ подъ именемъ Софронія и скончался тамъ въ царствованіе императрицы Анны. Жена его, княгиня Анна Михайловна, урожденная Волынская, тоже оставила мірское званіе и постриглась подъ именемъ Александры, но въ какомъ монастырѣ не знаю. Она была троюродною сестрой несчастному Артемію Петровичу Волынскому, котораго казнили по враждѣ на него злодѣя Бирона, и скончалась послѣ своего мужа. Еще другой князь Щербатовъ, Лука Осиповичъ, гораздо прежде того при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постригся въ Чудовъ монастырь.

Изъ князей Щербатовыхъ тоже родственница дѣдушкинаго отца, княжна Параскева, была сперва монахиней въ Страстномъ Московскомъ монастырѣ, подъ именемъ Памфиліи, а потомъ игуменьей около двадцати лѣтъ (1708—27).

Прабабушка Щербатова, княгиня Аграфена Ѳеодоровна, была по себѣ Салтыкова; прадѣдъ ея, Михаилъ Михайловичъ, былъ при Годуновѣ окольнымъ, а послѣ того постригся и принялъ схиму подъ именемъ Мисаила, а жена его (Евдокія) постриглась и названа Евнукіей. У прабабушки Марья Ѳеодоровна Римской-Корсаковой, по себѣ Шаховской, былъ пращуръ — въ міру князь Миронъ Михайловичъ, воевода въ

Сибири, присутствовавшій при избраніи Михаила Теодоровича на царство,—который вступилъ въ монашество и былъ названъ Михаиломъ.

Въ родѣ Татищевыхъ, жена Игнатія Петровича, Аграфена Никифоровна, урожденная Вышеславецва, была въ послѣдствіи схимницей Александрой.

Вотъ десять человекъ изъ нашего родства съ давняго времени были въ монашествѣ, тѣ о которыхъ мнѣ извѣстно, а можетъ-статься были и еще о которыхъ я и не слышала или слышала, да позабыла, а поэтому при случаѣ всѣхъ и припоминаю теперь, а то и про нихъ ни кто современемъ знать не будетъ.

Очень жаль что я смолоду не записывала всего что слышала, то ли бы еще могла я поразказать; а это только крохи того что я слышала и знала въ бывшее время.

Отговаривать сестру идти въ монастырь, конечно, я не думала, а только всѣ мы совѣтовали ей подумать хорошенько и себя испытать, потому что монашество дѣло не шуточное, не скинешь съ себя какъ платье которое не понравилось.

Итакъ, она сперва стала понемногу свои дѣла устривать и привыкать къ соблюденію всего что слѣдовало бы соблюдать и всѣмъ намъ, а тѣмъ лаче монашествующимъ и строго испытывать себя.

Въ свое время разкажу о ея вступленіи въ монастырь и о ея тамъ жизни.

IX.

Дмитрій Александровичъ недолго прожилъ въ Елизаветинѣ: онъ долженъ былъ возвратиться въ деревню, ѣхать въ Дмитровъ сдавать отчеты и хлопотать о заготовленіи матеріаловъ для постройки дома въ Москвѣ, до тла сгорѣвшаго, а я осталась съ дѣтьми въ тамбовской деревнѣ. У меня гостили сперва обѣ сестры; ко мнѣ пріѣзжали и сестра Вяземская съ мужемъ и дѣтьми. Немалое время гостилъ у меня и братъ, князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій. Его постигло большое горе. Онъ былъ помолвленъ на дочери Марьи Ивановны Римской-Корсаковой, на Варварѣ Александровнѣ Ржевской, вдовѣ Александра Алексѣевича, и долженъ былъ уже въ окоромъ времени жениться, когда вдругъ пришлось выбираться изъ Москвы по случаю непріятельскаго нашествія, и поэтому пришлось отложить свадьбу.

Варвара Александровна была прекрасна собою, высокая ростомъ, статная, стройная, величественной осанки и имѣла замѣчательно пріятные глаза. Ей было невступно тридцать лѣтъ, а брату, князю Владиміру, лѣтъ пятьдесятъ съ чѣмъ-нибудь, и по годамъ, и по всему партія подходящая съ той и съ другой стороны. Ржевская поѣхала со своею матерью и съ сестрами куда-то далеко, въ Пензу что ли или въ Самбарскъ, а братъ въ Казань, и въ началѣ 1813 года, вмѣсто того чтобы выходить вторично замужъ, умерла отъ чахотки въ Муромѣ. Это очень поразило брата, и ему еще труднѣе было перенести эту потерю, потому что онъ былъ совершенно невѣрующій.

Во дни его молодости, то-есть въ 1780 годахъ, очень свѣрѣлствовалъ духъ французскихъ философовъ Вольтера, Дидерота и другихъ. Братъ, князь Владиміръ, очень любилъ читать, хорошо зналъ французскій языкъ, а вдобавокъ у нихъ въ домѣ жилъ въ дядькахъ какой-то аббатъ-разстрига. Вотъ онъ смолоду и напился этихъ учений, и хотя былъ умный и честный человекъ, а имѣлъ самыя скотскія понятія насчетъ всего божественнаго, словомъ сказать былъ изувѣръ, не лучше язычника.

Вотъ какъ горе-то его затронуло и пріѣхалъ онъ ко мнѣ плакать что онъ лишился той которую любилъ.

Я говорю ему: „Молись, поминай ее, для ея души будетъ отрада и для тебя облегченіе.“

„Не умѣю молиться; и зачѣмъ это? Она умерла...“

И мало ли что онъ говорилъ сгоряча, я желала его утѣшить, а онъ мнѣ то наговорилъ чего бы я и слышать не хотѣла.

Однако я ему говорила что умѣла, и скажу что послѣ смерти своей невѣсты онъ сталъ полегче: ему хотѣлось вѣрить что она не умерла и что съ ея смертію не все кончилось между нимъ и ею.

— Ну ты самъ не вѣришь что поминовеніе важно для умершихъ и не вѣрь, а ежели ты любилъ, такъ не для себя, а ея ради поминай ее, для ея души отрада...

— Пожалуй отчего не поминать, убытокъ не великъ.

— А она будетъ за тебя молиться...

Очень мнѣ всегда грустно было видѣть что такой хорошій и добрый человекъ, а такъ заблуждается, и всегда просила я Господа чтобы Онъ обратилъ его къ Себѣ ими же путями вѣдаетъ, и благодареніе Господу, братъ потомъ

цѣлительно прощала и покаялася. Это было гораздо лучше.

Говоря о князѣ Владимірѣ разкажу объ одномъ случаѣ изъ его прежней жизни.

Былъ у него хороший пріятель Дмитрій Васильевичъ... какъ то фамилія, это не важно знать. Человѣкъ богатый, очень известный по фамиліи, красавецъ собою, вдовецъ и женатъ на красавицѣ, что не мѣшало ему заглядывать и въ чужіе цѣвтники. Это, разумется, не по нутру было молодой женщины; звали ее Любовь Петровна.

Она стала жаловаться князю Владиміру на мужа, какъ его пріятелю. Онъ сперва его защищалъ, бывалъ часто у нихъ въ домѣ, и все приходилось когда мужа вѣтъ дома, врагъ ихъ и полуталъ: пріятель мужа сталъ другомъ и жены...

Родился сынъ: Дмитрій Васильевичъ радъ; и князь Владиміръ тоже не горюетъ. Бѣда однако пришла, мужъ не догадывается что его пріятель вмѣстѣ и пріятель жены.

Черезъ сколько-то времени Любовь Петровна жалуется мужу что она нездорова, чувствуетъ что у нея дѣлается одухоль: „Боюсь не начало ли водяной, нужно захватить вовремя, поѣдемъ въ чужіе края.“

Тогда ѣхать за границу не то что теперь: сѣвъ да и поѣхалъ налегкѣ съ узелкомъ, да съ мѣшечкомъ; тогда тащись въ своемъ рыдванѣ, вези съ собой полдома; затруднительно было путешествовать.

У Дмитрія Васильевича была своя зазноба въ Москвѣ; какъ отлучиться, а женѣ отказать нельзя.

— Экая бѣда какая, думаетъ онъ, что тутъ дѣлать?

Говоритъ князю Владиміру:

— Представь въ какомъ я положеніи, ты знаешь я занятъ (такомъ-то), а жена нездорова, приступаетъ вези я ее въ чужіе края; ѣхать не могу,—отказать невозможно. Не сможешь ли ты моей бѣдѣ: по дружбѣ не согласишься ли свозить жену полѣчиться?

Князю Владиміру и смѣшно, и совѣстно что онъ друга морочить.

— Отчего же не съѣздить, пріятелевой женѣ не угодить... Тотъ цѣлуется его, обнимаетъ, не знаетъ какъ и благодарить.

Такъ онъ скорехонько снарядилъ жену въ луть, повезъ ее князь Владиміръ въ Берлинъ и оказалось что она вовсе

была не въ водяной, а въ тагости. Тамъ у нея родилась дочь. Назвали ее Амаліей, окрестили по-нѣмецки и отдали какому-то пастору на воспитаніе. Фамилію ей дали по имени отца, но читая наоборотъ Владиміръ, это и вышло Римидальъ, совершенно иностранная фамилія. Поживъ сколько-то времени за границей въ разныхъ мѣстахъ, братъ, князь Владиміръ и жена его друга возвратились въ Москву, къ немалому удовольствію мужа что онъ и не увѣжалъ изъ Москвы, и жена возвратилась совершенно здоровая.

Не одобряю я брата что онъ кинулъ своего ребенка въ нѣмецкомъ городѣ и далъ воспитывать его Нѣмцамъ, а не привезъ въ Россію и не крестилъ въ православной вѣрѣ*. Узналъ ли въ послѣдствіи объ этомъ пассажѣ со своею женой братишка пріятель, я не знаю, но когда сынъ сталъ подростать, то поневолѣ пришлось увѣриться, что мальчикъ не чужой князю Владиміру, такъ онъ былъ на него похожъ!

И говорилъ Дмитрій Васильевичъ:

— Все можно довѣрить другу и пріятелю, только не довѣрай ему своей жены. Сына моего напрасно называютъ Дмитріевичемъ, стоитъ взглянуть на него чтобы видѣть что онъ Владиміровичъ. Истинный другъ, и жену мою любилъ по дружбѣ какъ свою собственную. И пріятеля перестали видѣться.

Однако все имѣніе, болѣе 3.000 душъ, онъ оставилъ своему мнимому сыну, и братъ послѣ своей смерти отказалъ ему 600 душъ.

X.

Упомянула я про Марью Ивановну Римскую-Корсакову, такъ и стану про нее договаривать. Она была урожденная Наумова (дочь Ивана Григорьевича, женатаго на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Голицыной) и вышла за Александра Яковлевича Римскаго-Корсакова. Онъ былъ камергеромъ при императрицѣ Екатеринѣ II, прекрасный собой и человекъ очень богатый, но, сколько я о немъ слыхала, не изъ очень

* Въ 1842 или 1843 году князь Владиміръ Михайловичъ выписалъ изъ Берлина свою дочь; она была замужемъ за прусскимъ майоромъ фонъ-Гартвичъ и она около года прожила въ Москвѣ, отецъ ее щедро награждалъ и отпустилъ обратно. Лицомъ Амалія была очень похожа на князя: тотъ же острый носъ и подслѣповатыя, глубоко знаме глаза; въ обращеніи своемъ совершенная Нѣмка и великая охотница говорить про кухню и про кушанье.

тннать. Марья Ивановна была хороша собой, умна, ласкова, приветлива и великая мастерица устраивать юрты и правдышки. Была она пребогатая, каждой день бывала въ Страстномъ монастырѣ у обѣдни и у утрени, и когда возвратится съ бала, не снимая платья отправится въ церковь съ разраженною. Въ перьяхъ и въ бриллиантахъ отстоятъ утреню и тогда возвращается домой отдыкаться. Ея домъ былъ напротивъ Страстнаго монастыря; она и сама любила похозяйничать и веселила Москву, давая балы для своихъ дочерей, которыхъ у нея было пять: 1) Варвара Александровна за Ржевскимъ (о которой я говорила), умерла въ 1819 году; 2) Наталья была за Акинфовымъ, Федоромъ Владиміровичемъ, въ посадьствіи онъ былъ сенаторомъ; 3) Софья Александровна за Александромъ Александровичемъ Волковымъ, жандармскимъ генераломъ; 4) Екатерина Александровна сперва за Андреемъ Павловичемъ Офросимовымъ, а потомъ за Алябьевымъ, Александромъ Александровичемъ и 5) Александра Александровна за княземъ племянникомъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Виленскимъ, объ этой я буду говорить потомъ. И было еще три сына: Павелъ, Григорій и Сергій Александровичи. Павелъ, и Григорій умерли холостыши, Сергій женатъ на Грибоѣдовой *.

Странная случайность что изъ шести зятьевъ Марьи Ивановны четверо были Александры: Офросимовъ былъ Андрей только и Акинфовъ Федоръ.

* Павелъ Александровичъ, самый старшій, прекрасный, убитъ подъ Бородинымъ 26 августа 1812 года.

Григорій много путешествовалъ, потомъ жилъ больше все въ деревнѣ и умеръ въ сороковыхъ годахъ не бывъ женатъ.

Сергій Александровичъ въ 1845—1851хъ годахъ, живя въ своемъ домѣ напротивъ Страстнаго монастыря, веселилъ Москву своими многолюдными и блестящими правдышками, и можно сказать что онъ былъ посадьникъ московскимъ хабосоломъ. Его домъ, при его матери, приветливой и радушной, въ продолженіе столькохъ лѣтъ средоточіе веселій столицы, еще разъ оживило и въ послѣдній разъ заблестѣлъ новымъ блескомъ и снова огласился радостными звуками: опять освѣтились роскошныя и обширныя залы и гостиныя, наполнились многолюдною толпою посѣтителей, сплывшихъ на призывъ гостепріимныхъ хозяевъ, жившихъ въ удовольствіе другъихъ и веселившихъ веселіемъ каждаго.

Въ сороковыхъ годахъ домъ С. А. Корсакова былъ для Москвы тѣмъ же чѣмъ когда-то бывали дома князя Юрія Владиміровича Доа-

Мать Офросимовна, Настасья Демитріевна была старуха красавица и пресумасбродна: требовала чтобы вошь, и знакомое и незнакомое, ей оказывали особый почетъ. Бывало

горукова, Апраксина, Бутурлина и другихъ хлѣбосоловъ Москвы. Сынъ Корсакова, Николай Сергѣевичъ, живой и красивый юноша, отъ души веселившійся и наслаждавшійся жизнью его окружавшею, ожидалъ блестящіе праздники на которыхъ Москва съзвѣдалась со всѣхъ сторонъ козловъ, а добрая, милая, привѣтвая, веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойно задумчивая шестнадцатилѣтняя дочь въ этомъ очарованномъ и чарующемъ кругѣ была, тою свѣтаю и блестящею точкой къ которой стремились глаза свѣтской молодежи, и какъ ночные мотыльки около нея увивавшіеся. Настасья Сергѣевна не будучи красавицей имѣла пріятное и привлекательное лицо, нравившееся болѣе многихъ самыхъ правильно красивыхъ лицъ.

Каждую недѣлю по воскресеньямъ бывали вечера запросто, и съзвѣчалось иногда болѣе ста человекъ; а два, три болѣе базъ въ зиму. Но изъ всѣхъ баловъ, особеннѣе были замѣчательны два маскарады въ 1845, и 1846 годахъ, и ярмарка въ 1847 году: это были многолюдные блестящіе праздники, подарковъ которыхъ я не помню и забыть Москва, конечно, уже никогда болѣе не увидитъ.

Николай Сергѣевичъ женился въ 1850 году, не былъ счастливъ въ супружествѣ, жилъ не въ огорку себя и умеръ въ 1875 году, оставивъ двухъ сыновей.

Настасья Сергѣевна вышла за Михаила Адриановича Устинова, имѣла нѣсколько человекъ дѣтей, была счастлива, осчастливила своего мужа и всю семью, но преждевременно смерть похитила ее у родителей и у семьи въ 1876 году.

Некоторые престоарныя родители пережили молодыхъ и здоровыхъ своихъ дѣтей, которыми казилось столько еще впереди жизни и счастья... Грустно и жалко видѣть одинокихъ и хилыхъ стариковъ, пережившихъ дѣтей своихъ! Глядя на нихъ со вздохомъ повторю я мысленно стихи:

Какъ лицо осенній, запоздѣлый,

Онь живъ, только это значить жить,

Полу-сухой, полу-завялый!

Онь живъ, чтобъ помнить и грустить!

Спасибо, спасибо тѣмъ, жившимъ насъ въ нашей молодости, вспоминая ихъ въ ихъ старости и часто бывавъ у нихъ во дни веселій, теперь хотя взглядка поспѣтимъ ихъ во время престоарнія, одиночества и прискорбіи сердечныхъ. *Внукъ.*

сидитъ она въ Собраніи и Боже избави если какой-нибудь молодой человекъ и барышня пройдутъ мимо нея и ей не поклонятся: „Молодой человекъ, поди-ка сюда, скажи мнѣ кто ты такой, какъ твоя фамилія?“— „Такой-то.“

„Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мнѣ не кивнешь, видишь сидитъ старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мамо тебя дради за уши, а то бы повѣжливѣе былъ.“

И такъ при всѣхъ обещываетъ что отъ стыда сгоритъ.

И молодыя дѣвушки тоже непременно подоиди къ старухѣ и присядь предъ ней, а не то разбранить:

„Я и отца твоего и мать дѣтymi знавала, и съ дѣдушкой и съ бабушкой была дружна, а ты, гаудая дѣвчонка, ко мнѣ и не подоидешь; ну плохо же тебя воспитаац что не внушили уваженія къ старшимъ.“

Всѣ трепетали предъ этою старухой, такой она ужаса на всѣхъ нагнать страхи, и никому и въ голову не дохрихло чтобы возможно было ей сгубить и ее огорчить. Мамо ац въ то время было еще въ Москвѣ почтенныхъ и почетныхъ старухъ? Были и поважнѣе и почиовнѣе: ея мужъ былъ генераль-майоръ въ отставкѣ, мамо ац было генеральскихъ женъ; такъ дѣтъ же никого такъ не боится какъ ея.

Бывало какъ влутъ матери со своимъ дочерью на балъ, или въ собраніе и твердятъ имъ:

— Смотрите же ежели увидите старуху Офросимову, подоидите къ ней, да присядьте пониже.

И мы всѣ, немодолыя уже женщины, обходящисъ съ нею уважительно.

Говорятъ, она и въ своей семьѣ была дресердитая, чуть что не до ней, такъ и сыновьямъ своимъ уже взрослымъ не задумается и надасть пощечинъ. Она имѣла трехъ сыновей; Андрея, Владимира и Константина*.

* Андрей былъ женатъ на Римской-Корсаковой; Владимиръ на Исленьевой; Константинъ умеръ холостымъ. Онъ былъ очень богатъ и суевѣренъ. Выстроивъ себѣ новый домъ на Поварской, онъ продолжалъ жить въ другомъ домѣ, который имѣлъ въ переулкѣ гдѣ-то около Пречистенки, а въ новый свой домъ несаазъ жить старуху экономку для того чтобы она тамъ умерла, (по повѣрью въ новомъ домѣ долженъ непременно кто-нибудь умереть) онъ смерти очень боялся. Прошло болѣе десяти лѣтъ, новый домъ все стоялъ

Не могу теперь припомнить какая она была урожденная, а вѣдь знала; но только изъ известной фамилии; оттого такъ и дурила.

Не вѣсьмь однако удавалось своевольничать какъ старухѣ Офросимовой; другимъ за дерзость бывалъ и отпоръ и даромъ съ рукъ не сходило.

Въ Москвѣ было одно очень богатое и въ свое время известное семейство Свиньиныхъ. Они были коротко знакомы съ нашими друзьями Титовыми. Люди очень богатые и оттого пренадменные. Отца звали Петръ Павловичъ; у него былъ сынъ Павелъ Петровичъ и четыре дочери: Екатерина Петровна за Бахметевыми, Настасья Петровна умерла дѣвцей немолодыхъ лѣтъ, а изъ другихъ двухъ одна была замужемъ за Вырубовыми, другая за Высотскими. Кто была ихъ мать не припомню.

Титовы очень ко мнѣ приставали—познакомься я съ ними.

— Нѣтъ, избавьте: они, говорятъ, преважныя и пренадменные тѣмъ что богаты, ну предъ ними ихъ богатство, куда мнѣ лѣтъ къ такимъ важнымъ особамъ; нѣтъ, не имѣю желанія...

Такъ и не познакомилась.

Жили они въ своемъ домѣ на Покровкѣ, у Иоанна Претечи. Священникомъ тогда былъ тамъ отецъ Матвѣй Терновскій. Былъ у нихъ въ домѣ одинъ разъ діаконъ, вотъ барышни ему и говорятъ: „Отецъ діаконъ, когда въ церкви читается евангеліе въ которомъ упоминается, ну понимаешь, такъ ты насъ предупреди чтобы намъ не быть въ этотъ день въ церкви, а то какъ-то конфузно, при нашей фамилиі; появля въ чемъ дѣло“?

— Понялъ, говоритъ, а самъ ничего не понимаетъ, пришелъ къ священнику и рассказываетъ ему: „Вотъ, молъ что барышни Свиньины мнѣ наказывали, а я хотя и сказалъ имъ что понялъ, а никакъ не смекаю въ чемъ дѣло“.

— Экой ты чудакъ, говоритъ священникъ, имъ не хочется слышать, что Спаситель вогналъ бѣсовъ въ свиное стадо онѣ вѣдь Свиньины, ну появля?

пустымъ и въ немъ жила только старуха которая пережила Константина Павловича, и этомъ домѣ послѣ него перешелъ къ его племянницѣ Бухвостовой, а тотъ домъ въ которомъ онъ жилъ былъ имъ оставленъ Ивану Ивановичу Ершову.—*Визитъ.*

И съ тѣхъ поръ діаконъ и предупреддалъ ихъ всегда на-
кавувъ: „Не извольте, молъ, завтра сударыни прѣзжать къ
Евангелію, потому что въ немъ говорится....“

— Ну да, ну да, хорошо, — и прѣдуть въ церковь послѣ
Евангелія.

У нихъ, говорятъ, и за столомъ никогда ничего свинаго не
подавали, такъ они боялись намека на свою фамилію.

Но какъ онѣ не остерегались, а сами назвались на дер-
зость.

Двѣ изъ нихъ, будучи еще дѣвцами, ѣдутъ разъ въ Со-
браніе во время Великаго поста, когда бывають концерты.
Кто-то изъ мущивъ и зѣвни при нихъ довольно громко. Ко-
нечно, это невѣжливо, ну, тѣмъ хуже для него; нѣтъ не вы-
терпѣла которая-то изъ нихъ, обернулась къ зѣвавшему и
говорить ему: „Ахъ, батюшки, какъ меня испугалъ, я думалъ
хочешь проглотить меня.“

Кавалеръ-то былъ должно быть не промахъ и говоритъ
Свицкиной: „И чтѣ вы, сударыня, Богъ съ вами, а Великимъ
постомъ скоромнаго не ѣмъ.“

Такъ она и осталась въ дурахъ. И говорятъ ихъ не разъ
такъ угощали: какъ онѣ заважничаютъ, ихъ и угостятъ сви-
нымъ словечкомъ: не зазнавайся.

Я ихъ встрѣчала, но съ ними не знакомилась.

Х.

Въ 1813 году въ мартѣ мѣсяцѣ почти въ одно и то же время
скончались: княгиня Анна Николаевна Долгорукова, жена
князя Михаила Ивановича, и золовка моя Анна Алексан-
дровна Янькова.

Долгорукова умерла 1го марта, въ Москвѣ. Домъ ихъ чтѣ
на Дѣвичьемъ полѣ удѣлалъ, только Французы по-своему
похозяйничали въ ихъ домовоѣ церкви, осквернили ее и
автоминсъ или уничтожили или стащили.

И князю Ивану Михайловичу пришлось ѣхать къ архіерею
просить новыѣ автоминсъ.

Княгиня была однихъ лѣтъ съ моею свекровью Яньковою:
онѣ обѣ родились въ одинъ годъ, въ 1731 году; матушка 1го
января, а княгиня 2го іюня. Первую жену свою князь Долго-
руковъ скоронилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, потому

что тамъ прежде, до чумы, хоронились Долгоруковы, а самъ онъ умеръ въ 1794 году и его схоронили въ Донскомъ монастырѣ, тамъ положена и княгиня. Она была добрая и хорошая женщина и не гордячка какъ ея мужъ. Я была ею обласкана и всегда ее душевно уважала, а Яньковы предъ нею даже раболѣпствовали и ея смерть была для нихъ очень прискорбна.

Золовка моя, уѣхавъ къ себѣ въ веневскую деревню, сельцо Теплое, предъ нашествіемъ непріятеля, тамъ все и жила недалеко отъ своего брата Николая, верстахъ въ тридцати или немного менѣе.

Она родилась 1го ноября 1750 года въ С.-Петербургѣ и какъ я уже прежде оказывала, была она мала ростомъ и горбата, но здоровья не слабаго, а къ концу жизни она стала чувствовать что горбъ спереди ее давитъ и прихварывала.

Воспитаніе она получила очень хорошее, и въ молодости держала себя прилично, будучи пріятельницей съ Долгоруковыми, которыя старались держать себя какъ принцессы, ну и она за ними таращилась, а потомъ, какъ молодость совсѣмъ прошла, она очень себя запустила и изъ приличной барышни сдѣлалась рохлей. Остригла свои волосы, ходила простоволосая, одѣвалась кое-какъ, лицо обрюзгло, ну очень была невзрачна.

Дмитрій Александровичъ былъ на двѣнадцать лѣтъ моложе сестры, и потому не столько любилъ ее сколько уважалъ какъ старшую, а отчасти и побаивался, привыкнувъ съ дѣтства считать ее старшею, онъ и въ послѣдствіи обходился съ нею почтительно.

Она занемогла горячкою, тотчасъ извѣстили Николая Александровича и онъ написалъ Дмитрію Александровичу что сестра отчаянно больна; онъ поѣхалъ туда.

Про себя не скажу я чтобъ эта коврица меня особенно огорчила; мы съ покойницей никогда не были сердечно другъ къ другу расположены: она любила командовать, а я не намерена была ей подчиняться. Она имѣла характеръ очень сварливый и задорный, а я была смолоду очень горяча, и бывали у насъ частыя стычки. Кромѣ того, она старалась меня ссорить съ мужемъ и хотя ей не удавалось этого достигать, но я чувствовала ея вліяніе не въ мою пользу.

На первыхъ еще порахъ послѣ моего замужства она мнѣ много дѣлала огорченій, когда жила съ нами вмѣстѣ, и я была

очень рада когда она отъ насъ перѣехала и стала жить особымъ домомъ. Потомъ она много выманивала денегъ у Дмитрія Александровича: онъ былъ слѣшкомъ добръ и не могъ отказать сестрѣ, мнѣ онъ не всегда сказывалъ, и самого себя во всемъ обрѣзывалъ, и мнѣ это очень не нравилось.

Домъ Анны Александровны былъ тоже въ приходѣ Непаладимой Кулины, по близости отъ нашего, и неслрятно она его содержала. Войдемъ бывало въ переднюю, такъ и охватитъ кошачьимъ духомъ: она была великая охотница до кошекъ, которыя у нея всюду лазили и по-своему хозяйничали.

Привыкнуши у батюшки жить въ чистотѣ и въ приличіи, я никогда не могла приглядѣться къ безпорядку ея дома: въ передней у ней и лакеи и дѣвки играютъ въ носки, возятся, кричатъ во все горло, поминутно снуютъ мимо ее черезъ ея комнату какъ по корридолу; мебель въ пыли; цвѣты и растенія въ паутивѣ, и на горшкахъ доказательства что кошки занимаются ботаникой больше чѣмъ сама хозяйка.

Вдобавокъ ко всему этому она держала нѣсколько дѣвочекъ которыхъ воспитывала: онѣ тоже около нея толпятся, оборванная, растрепанная.

Рѣдко, однако, я бывала у золовки и она у насъ обѣдывала, но я избегала обѣдать въ ея домѣ, такъ мнѣ казалось неслрятно и безпорядочно все подано.

Я не позволяла своимъ дѣтямъ между обѣдомъ и ужинкомъ, и вообще не вовремя что-нибудь ѣсть, или изъ комнаты въ комнату носиться съ кускомъ хлѣба: кушай за столомъ сколько угодно, а не ходи день-деньской съ набитымъ ртомъ, съ жвачкой.

Такъ вотъ видите ли это ей не нравилось. Привезетъ къ ней мой мужъ старшихъ дѣвочекъ и станетъ она имъ говорить: „Ахъ, бѣдныя дѣвочки, какъ мнѣ васъ жалко: какія вы блѣдныя, худенькія, васъ голодомъ морять; какъ это не смѣй ничего съѣсть окромя стола! И ученьемъ тоже чай васъ убиваютъ...“

И начнетъ обнимать моихъ дѣвочекъ и причитать...

— Покушайте, мои голубчики, и ну имъ подчивать всякою всячиной, да вѣдь такъ ихъ налицкаеть что онѣ чуть не больны.

Нечѣмъ было ей меня покорить, такъ вотъ хоть этимъ, давай колыну, а дѣти мои были, слава Богу, совсемъ не худы, а Анючка даже и толстощекая была.

Хорошо что я держала себя такъ что нельзя было полпрекнуть меня ни лишнимъ словомъ, ни лишнимъ взглядомъ, а дай я малѣйшій поводъ къ укоризнѣ, она бы первая моему мужу про меня наслетвичала.

— Ваша мать преслѣсивая, говаривала она моимъ дѣвочкамъ,—все по этикету у ней, не скажи лишняго слова, дѣвка по гостинной не смѣй пройти, все это грань-жанръ (grand genre), вѣтъ, у меня такъ все попросту, безъ затѣй, безъ всякихъ привередствъ.

Схоронили ее въ Петровѣ, въ церкви. Село Теплое продали чтобы заллатить кое-какіе ея должки, а остальное роздали ея двумъ либо тремъ воспитанницамъ.

XI.

Лѣтомъ 1813 года мы поѣхали въ Лилецкъ, тамъ у насъ былъ свой домъ и мы расложились пожить.

Лилецкія минеральныя воды начинали многихъ привлекать и поѣздить лѣтомъ, и пожить весело на водахъ. Тамъ былъ устроенъ очень порядочный и помѣстительный домъ при водахъ для пьющихъ воды съ большою залой; былъ театръ и труппа какихъ-то провинціальныхъ актеровъ, очень изрядныхъ, и была музыка. Въ этотъ годъ много собралось на водахъ: по деревнямъ жить надоѣло, а въ Москвѣ у многихъ сгорѣли дома, нужно было еще сперва выстроить, да и квартиры были рѣдки и дороги, потому что въ Москвѣ сгорѣло двѣ трети домовъ.

Тетушка графиня Толстая пріѣхала на воды съ двумя дочерьми Аграфеной Степановной и Марьей Степановной (сестра Елизавета была уже замужемъ за графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ и у нихъ была дѣвочка лѣтъ одиннадцати Сашенька), и которые-то два изъ меньшихъ братьевъ были съ тетужкой, кажется Андрюша и Петруша. Мы предложили тетужкѣ пристать у насъ въ домъ, а братьямъ отвели флигель.

Пріѣхало все семейство хорошихъ нашихъ знакомыхъ Шаховскихъ: князь Павелъ Петровичъ и жена его княгиня Агаѳоклея Алексѣевна, урожденная Бахметева.

Этотъ князь Шаховской былъ именно изъ того поколѣнія Шаховскихъ изъ которыхъ была и батюшкина бабушка Марья Федоровна, а мать князя Павла Петровича была урож-

денная княжна Щербатова (Ирина Тимофеевна), следовательно, ежели мы были, не родня по дальности родства, хотя и могли бы счесться, но и по батюшкиной бабушкѣ и по матушкиному дѣду, мы были все-таки и даже вдвойнѣ свои. Князь былъ дѣтъ на пять моложе моего мужа, княгиня настолько же моложе меня.

Теперь родство стали ни во что вѣнчать, какъ скоро не родные братья и сестры, такъ и не родня: на двоюродныхъ сестрахъ женятся; чего добраго, придетъ время, пожалуй, и за родныхъ братьевъ сестры станутъ выходить, и дядя поженится на родныхъ племянницахъ! Нѣтъ, въ наше время, пока можно счесться родствомъ—родня, а ежели дальнее очень родство, все-таки не чужіе, а свои люди—въ свойствѣ.

Отъ знакомства и отъ дружбы можно отказаться, а отъ родства, какъ ты не вертись, признавай, не признавай, а отказать нельзя: все-таки родня. Покойникъ Обольяниновъ правду говаривалъ: „Кто своего родства не уважаетъ, тотъ себя самого унижаетъ, а кто родныхъ своихъ стыдится, тотъ чрезъ это самъ срамится.“

Это очень справедливо.

У Шаховскихъ было четыре сына и шесть дочерей. Сыновья были всѣ еще мальчиками: старшему—Петрушѣ дѣтъ четырнадцать, а меньшему дѣтъ шесть, среднимъ дѣтъ по десяти и по восьми.

Изъ дочерей старшая была Вѣра, вторая Ирина, эта была однихъ дѣтъ съ моими старшими дѣвочками, Софья и Агафоклея помоложе, а Лизанька и Наденька вовсе дѣтми.

И мы были дружны, и наши дѣти тоже очень подружались; имъ подъ дѣта подходила и Машенька Толстая. (Моя двоюродная сестра, дочь тетюшки, графини Александры Николаевны.)

Итакъ мы это дѣто провели очень пріятно.

Въ то время на водахъ были еще княжны Щербатовы, очень хорошенькія, одна изъ нихъ была потомъ за Саловымъ, другая за Алухтинимъ, а еще одна за кѣмъ не помню, иностранная фамилія*.

Изъ числа молодыхъ людей тогда были тамъ два красавца, возвратившіеся съ войны: Андрей и Глазеналь, этотъ гораздо

* Не за Бергманомъ ли, Степаномъ Федоровичемъ? Это сестры бывшего московскаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Григорьевича Щербатова. *Внукъ.*

слустя, (въ 1836 году), былъ женатъ на моей двоюродной племянницѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Неклюдовой.

Утромъ всѣ собирались и пили воды, а по вечерамъ танцовали и ходили въ театръ, гдѣ играла бывшая тогда въ городѣ труппа, а иногда играли и аматеры, и, между прочимъ, одинъ князь Шаховской разучивалъ свои пѣсы и послѣ того написалъ комедію *Липецкія воды*, въ которой, говорятъ, нѣкоторыя барыни и барышни узнали свои портреты, а кто говорилъ каррикатуры.

Въ августѣ мѣсяцѣ, возвратившись въ Елизаветино и пробывъ тамъ недолго, мы стали снаряжаться въ путь въ Москву.

По пути мы заѣзжали къ Яньковымъ, въ Петрово, и у нихъ гостили.

У Николая Александровича было тогда четверо дѣтей: три сына и дочь.

У меня было шесть дочерей и намъ желалось имѣть мальчиковъ, и было два сына, да не судилъ имъ Господь пожить, а невѣсткѣ очень хотѣлось имѣть дочь, и она простаивала ночи на молитвѣ, приставала, можно сказать, къ Богу, дай имъ дочь. А замужъ она вышла въ 1789 году, прошло 20 лѣтъ, и наконецъ ихъ желаніе исполнилось, родилась дочь Марья въ 1809 году, марта 8го.

Старшему Сашѣ было слишкомъ двадцать лѣтъ, второму—Андрюшѣ лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, а меньшому Харлампію лѣтъ десять; дѣвочки — Машѣ года четыре или лѣтъ пять. Андрюша былъ не въ мѣру толстъ, и немудрено, потому что дѣти цѣлый день все что-нибудь жевали и даже на ночь имъ ставили остатки отъ ужина въ ихъ комнату, точно на убой ихъ кормили, и въ послѣдствіи времени всѣ были очень дородны, а Андрей вышелъ безобразно толстъ.

Когда мы пріѣхали къ брату, застали что у него гостить цыганскій таборъ, такъ онъ намъ сказалъ.

— Какъ это гостить? спросила я. — Мнѣ что-то это мудрено.... Растолкуй ты мнѣ.

— То-есть они пріѣхали съ таборомъ, я позвалъ ихъ поѣсть и полаять, Машенькѣ понравилась ихъ пляска я и оставилъ ихъ погостить чтобы выучили Машеньку плясать....

Мы съ мужемъ такъ и ахнули.

— Слыханое ли это дѣло чтобы Цыганятамъ позволять играть съ своими дѣтьми и учить ихъ плясать, сказала я.

— Машенькѣ нравится, она плачетъ.

— Удивляюсь я тебѣ, братъ, сказалъ Дмитрій Александровичъ,—какая тебѣ охота жить въ деревнѣ и прожиться съ полями да съ Цыганами. У тебя состояніе не хуже моего и ты могъ бы жить въ Москвѣ съ порядочными людьми. Прогони ты пожалуста этотъ таборъ, какъ это тебѣ въ голову только пришло учить свою дѣвочку плясать по-цыгански, какая мерзость!

Такъ мы настояли, на другой день таборъ и спровадили.

Добрые были люди, и мужъ и жена, но совсѣмъ безъ характера, каждый могъ дѣлать чтò хотѣлъ изъ нихъ, какъ говорится, гнули ихъ въ бараній рогъ. Мальчики росли какими-то балбесами, а дѣвочки съ малолѣтства Цыганячь въ по-други допускали!

Не нравилось мнѣ какъ и золовка моя держала свой домъ, а въ Петровѣ было и того хуже: тоже дѣвки поминутно шмыгаютъ черезъ гостиную изъ дѣвичьей въ прихожую и то же неопрятство.

Я сказала невѣсткѣ: „Ежели тебѣ это все равно, такъ мнѣ это не нравится, по крайней мѣрѣ прошу тебя чтобы при мнѣ не было такого безобразія.“ Меня это коробило, а они и не понимали чтобы могло быть иначе.

Въ послѣдствіи времени по зимамъ Яньковы стали жить въ Москвѣ, но и въ городѣ-то у нихъ все было по-деревенски, по-стелному: неопратно, неприглядно. Наймутъ какую-нибудь лачугу, на краю свѣта въ глухомъ переулкѣ и толкуютъ что (entrée) антре не хорошо.

— Заплатите немного подороже, гдѣ-нибудь въ центрѣ города, гдѣ мы всѣ живемъ, говорю я имъ, тогда и антре будетъ у васъ хорошее.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО

ВЪ ПОХОДЪ И ВЪ БИТВЪ *

V.

Вечеромъ, 15го юня, всѣ полки 9й пѣхотной дивизіи были перевезены на правый берегъ Дуная. Турецкія войска, надо отдать имъ справедливость, защищались настойчиво и уловно. Владѣя превосходною и почти недоступною позиціей, они находили всюду закрытія, изъ-за которыхъ частымъ и мѣткимъ огнемъ поражали наши десанты. Изъ cadaго закрытія приходилось выбивать ихъ штыками, работа не легкая, тѣмъ болѣе еще, что передовыя наши силы не имѣли за весь бой ни минуты отдыха. Изъ cadaго куста, рва или оврага летѣли массы непріятельскихъ пуль, выносившія изъ строя нашихъ храбрецовъ и труженниковъ, но при всемъ томъ, ни одинъ солдатъ не уступилъ и ляги земли, которую онъ отнялъ у непріятеля съ бою. Отвага и настойчивость взяли свое, и къ тремъ часамъ пополудни 15го юня мы стояли уже твердою ногой на правомъ берегу Дуная.

Съ этого времени уже можно было приступить къ постройкѣ моста, части котораго были заранѣе приготовлены на рѣкѣ Алутѣ, и отсюда, подъ выстрѣлами съ батареи Нико-

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 6, 1878 года.

поля, были спущены къ Зимницѣ, приче́мъ на первомъ паромѣ, шедшемъ въ головѣ находился Великій Князь Алексій Александровичъ. 17го числа, мостъ былъ наведенъ, но бывшею въ то время бурей его разорвало, такъ что окончательно онъ сооруженъ былъ 20го іюня.

Съ 15го іюня батареи наши постоянно были насторожѣ на случай появленія турецкаго монитора и попытки прорваться къ переправѣ. По всему берегу отъ мѣста посадки перваго десанта, и ниже на три версты по Дунаю, стояли 6—9фунт. батареи готовыя ежеминутно встрѣтить непріятельское судно; кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ моста, выше и ниже по Дунаю, заложена была двойная линія торпедъ; стояли миноносныя лодки, и въ довершеніе всего подготовлена была команда изъ 500 матросовъ готовыхъ броситься къ непріятелю на abordажъ, еслибы три первые средства защиты моста оказались недостаточными и непріятельское судно миновало бы эти грозныя преграды.

Наша 3я батарея продолжала стоять на своей прежней позиціи, напротивъ деревни Варденъ, принадлежа къ одной изъ шести батарей, выжидавшихъ появленія монитора. Въ дѣлѣ 15го іюня у насъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ и надо благодарить Провидѣніе что мы всё вышли изъ этого боя цѣлыми и невредимыми. Съ 15го іюня мы простояли на лѣвомъ берегу Дуная шесть сутокъ. Жизнь наша здѣсь была далеко не отрадна. Отдѣленные отъ своихъ войскъ и составляя крайній лѣвый флангъ боеваго расположенія, живя на островѣ, въ болотистомъ лѣсу, мы испытывали большія лишения и невыразимую скуку; отлучиться же съ позиціи въ городъ Зимницу было никакъ нельзя, такъ какъ непріятельскій мониторъ могъ появиться ежеминутно.

Я выстроилъ себѣ изъ хвороста и листьевъ что-то на подобіе шалаша, и сдѣлалъ это съ цѣлью хоть сколько-нибудь спасти себя отъ цѣлыхъ мириадъ назойливыхъ комаровъ, которые невыразимо досаждали намъ въ лѣсу; но это мало помогло, комары кусали все также, и ночью не было никакой возможности заснуть покойно; кромѣ того, приходилось лежать на мокрой землѣ, такъ какъ почва лѣса вся состояла изъ сплошнаго болота.

Наши миноносныя лодки безпрерывно сновали по Дунаю, разыскивая мониторъ, и готовыя вступить съ нимъ въ борьбу. Какъ-то двѣ изъ нихъ подѣхали къ берегу и остановились

у нашей батареи. Всѣ наличные артиллеристы двухъ батарей столпились близъ катеровъ и пошли разпросы и разговоры на тему, не слышно ли чего о мониторѣ. Моряки тогда сами еще не могли сказать намъ ничего достовѣрнаго, хотя и совѣтовали быть бдительнѣе и отнюдь не прозѣвать встрѣтить мониторъ вовремя, который, по ихъ предположенію, долженъ былъ появиться со стороны Руцука. Моряки съ своей стороны получили приказаніе атаковать мониторъ, какъ только онъ появится предъ глазами. Это было по истинѣ, духая и отчаянная команда. Для нея, кажется, ничего не было невозможнаго, что ясно просвѣчивало въ ихъ планѣ и въ дерзко-самоувѣренной рѣшимости. Я просто приходилъ въ недоумѣніе саушая ихъ разговоры о предстоящей атакѣ монитора; такой лигмей, какъ миноносный катерокъ, думалъ я, хочетъ вступить въ единоборство съ такимъ исполиномъ какъ мониторъ, и при всемъ томъ на малѣйшей тѣни сомнѣнія за неудачу, а, напротивъ, полная увѣренность взять мониторъ во что бы ни стало.

„Вы только бейте чаще и мѣтче, когда мы будемъ атаковать, говорили намъ моряки,—не бѣда, если убьете двухъ, трехъ своихъ, за то сдѣлаемъ дѣло—мониторъ возьмемъ. Ну, а на случай еслибъ атаку нашу отбили, мы вамъ дадимъ свистокъ, вы тогда остановите стрѣльбу, мы бросимся на abordажъ.

16го июня, въ полдень, за косой у деревни Варденъ, мы всѣ замѣтили дымъ какъ бы отъ приближающагося монитора. Къ тому времени батареи 14й бригады были уже на болгарскомъ берегу. Одна изъ нихъ, именно первая, на полныхъ рысяхъ приблизилась къ деревнѣ, остановилась на берегу Дуная и, снявшись съ передковъ, открыла мѣткій огонь по судну. Судно отвѣтивъ батареѣ десятью выстрѣлами вскорѣ удалилось внизъ по направленію къ Руцуку. Въ послѣдствіи, какъ оказалось, это былъ турецкій пароходъ который, не подозрѣвая совершившейся переправы, смѣло шелъ вверхъ по Дунаю. Хотя удалившійся пароходъ и не сдѣлалъ намъ никакого вреда, но при всемъ томъ, онъ вселопощилъ войска и произвелъ тревогу, оставивъ на время переправу. Съ тѣхъ поръ, стоя на позиціи, мы уже болѣе не видѣли никакого судна и ничего подобнаго монитору.

20го числа батарея получила приказаніе переправиться на правый берегъ Дуная. Вечеромъ того же числа мы снялись

съ позиціи и направились къ мѣсту переправы. Мостъ черезъ Дунай къ тому времени былъ окончательно готовъ. На пристани у моста кипѣла оживленная дѣятельность, массы войскъ толпились у берега, вездѣ слышался говоръ, шумъ, трескотня и фырканье лошадей; цѣлыя вереницы обозовъ и военныхъ повозокъ стояли позади войскъ, вытянувшись въ линію; тутъ же стояла и артиллерія, расположившись ларкомъ; нескончаемая шеренга солдатскихъ палатокъ раскинулась на песчаной площади прибрежной равнины; штыки ружей, составленныхъ въ козлы, блестяли на солнцѣ, и въ срединѣ всей этой массы военныхъ предметовъ мѣстами попадались одинокія могилы воиновъ, пять дней тому назадъ лавшихъ въ бою съ Турками; деревянный, наскоро сколоченный крестъ украшалъ эти могилки.

Къ мѣсту переправы батарея прибыла поздно вечеромъ, вслѣдствіе чего переправиться въ этотъ день на тотъ берегъ не было возможности, и только на слѣдующій день рано утромъ батарея съ бивака прямо тронулась къ мосту.

Мостъ имѣлъ протяженія 575 сажень, или версту съ лишнимъ, и служилъ образцомъ въ военномъ искусствѣ. Онъ состоялъ изъ пяти мостовъ. Первый мостъ отъ румынскаго берега имѣлъ 30 сажень въ длину и состоялъ изъ 22 понтоновъ; второй мостъ имѣлъ 5 сажень въ длину и поддерживался устоями; третій длиною въ 200 сажень состоялъ изъ 95 понтоновъ; четвертый, въ 160 сажень, изъ 92 понтоновъ; пятый, улравшійся въ турецкій берегъ, имѣлъ 180 сажень длины и состоялъ изъ 65 понтоновъ.

Въ каждомъ понтонѣ находились понтоверъ и два матроса, наблюдавшіе за прочностью причаловъ и мостовинъ и за тѣмъ чтобы при перевозкѣ по мосту воинскихъ тяжестей, между ними брался бы должный интервалъ, во избѣжаніе ломки досчатой настилки, а равно и для равномернаго распределенія груза по всей длинѣ моста.

Съ того времени какъ войска наши утвердились на турецкомъ берегу у Систова, началось движеніе арміи впередъ, которое имѣло тройкую цѣль: вопервыхъ, занять оборонительную позицію вдоль рѣки Янтры и тѣмъ спосособствовать обложкию Рущука; вовторыхъ, быстрымъ движеніемъ впередъ занять Балканскіе проходы, и втретьихъ, обезлечить тылъ арміи съ запада, дѣйствуя по направленію на Никополь, Ловчу и Плевну.

Сообразно съ этимъ части 8го корпуса были направлены слѣдующимъ образомъ: 9й дивизию Орловскій полкъ съ 5ю батареей на Шилкинскій перевалъ, Брянскій полкъ съ 3ю батареей къ сторонѣ Ловчи, Елецкій полкъ съ 6ю батареей на Ханкиоскій проходъ, и Сѣвскій на Еленинскій проходъ. Подки 14й дивизию съ ихъ батареями частью направились на Шилку, а частью къ сторонѣ Сельви въ подкрѣпленіе Ловчинскому отряду.

Наша 3я батарея, перейдя мостъ, крутою дорогою подымалась къ Систову. По дорогѣ стояли толпы Болгаръ привѣтствовавшихъ Русскихъ; между ними большую часть составляли женщины и дѣти, послѣднія поднимали вверхъ руки, махали платками и кричали, ура. Систово, по занятіи его нашими войсками, представляло необыкновенное зрѣлище хаоса и повсемѣстнаго разрушенія. Въ узенькихъ улицахъ валялись массы всевозможной домашней утвари и различной одежды. Въ домахъ, покинутыхъ жителями, были разбросаны на полу: посуда, столы, скамейки, женскія платья, туфли и множество мелкой хозяйственной принадлежности. На улицахъ двери лавокъ или были растворены, или вырваны съ петель, въ самыхъ лавкахъ царили слѣды безпорядка и разгрома: изъ оставшагося имущества чтѣ было лучше расхищалось Болгарами.

Въ послѣдствіи со стороны русскихъ властей были приняты мѣры къ прекращенію подобнаго грабежа, къ оставшемуся имуществу были приставлены часовые, и самому имуществу была составлена подробная опись.

Отъ Систова батарея путь лежалъ на деревню Царевицъ. Мѣстность здѣсь отъ берега до Систова и далѣе чрезвычайно пересѣченная, непрерывные подъѣмы и спуски затрудняли движеніе ящиковъ и обоза, самыя дороги очень узки и проложены въ прогалинахъ между возвышенностями, такъ что тройка ящичныхъ лошадей не могла пройти по дорогѣ, приходилось отпрягать подручную и вести ящикъ ларой. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги еще были уже — по нимъ даже пара проходила съ трудомъ слотыкаясь непрерывно объ отвѣсныя обочины дороги. Мы доходили уже до деревни Царевицъ когда въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея получили новое приказаніе повернуться назадъ и направиться къ деревни Варденъ, гдѣ должны были смѣнить съ позиціи 1ю батарею 14й артиллерійской бригады и выжидать появленія турецкаго монитора.

Безконечные обозы растянулись по дорогѣ къ Царевцу и заняли собою все пространство пути; съ большимъ затрудненіемъ и постоянными остановками, лавируя между промежутками обозовъ, батарея, наконецъ, кое-какъ прибыла въ деревню Вардень; смѣнивъ 1ю батарею 14й артиллерійской бригады, мы расположились на позиціи надъ самымъ берегомъ Дуная. Въ деревнѣ Вардень стоялъ тогда Брянскій полкъ къ которому была причислена наша батарея, съ этой минуты вплоть до 9 августа, или до дня штурмовъ Сулейманъ-пашой Шилкивскаго перевала, мы были неразлучны во всѣхъ послѣдующихъ дѣлахъ съ этимъ полкомъ.

Въ Вардень мы простояли около двухъ недѣль и за все это время не показывалось никакого монитора. Жизнь здѣсь была привольна. Прекрасное купанье въ Дунаѣ и большое количество всевозможной рыбы которую солдаты ловили въ рѣкѣ самодѣльнымъ неводомъ. Позиція была надъ крутымъ и высокимъ обрывомъ берега. Видъ на Дунай и далѣе на Румынскую территорію растянулся превосходный. Близость воды умѣряла температуру воздуха, которая доходила тогда до высокихъ градусовъ. Наши пароходы развѣзжали по Дунаю, таща на буксирѣ, къ мѣсту переправы, различныя суда и барки брошенные кулцами у пристани Вардень. Болгары угощали солдатъ Брянскаго полка чаемъ и сахаромъ оставшимися на судахъ, кромѣ того на ихъ долю перепало не мало вина, холста и веревокъ которые оказались на судахъ въ большомъ изобиліи. Наша батарея, какъ пришедшая въ Вардень значительно позже, ничего подобнаго не получила, мы могли только воспользоваться мачтовыми канатами, которые замѣчу были для батареи очень кстати такъ какъ мы часто терпѣли недостатокъ въ канатахъ, въ особенности при движеніи по мѣстности гористой гдѣ на постромки, тормоза и пр. никакъ не напасешься канатовъ.

Люди Брянскаго полка, занимаясь ловлею рыбы, ловили также трупы утопленниковъ погибшихъ на переправѣ 15го іюня; въ послѣдствіи составила изъ нихъ артель специально занявшаяся этимъ дѣломъ. Трупы вытаскивали баграми на берегъ, иные изъ нихъ предались сильному разложенію, одежда на нѣкоторыхъ сгнила, такъ что даже нельзя было узнать къ какому роду оружія принадлежалъ утонувшій. Съ глубокимъ вздохомъ, преклонялись люди предъ прахомъ павшихъ товарищей и послѣ лавничиды закалывали умершихъ въ

землю недалеко отъ деревни Варденъ. Здѣсь я кстати замѣчу что все пространство отъ Вардена до мѣста высадки первыхъ десантовъ представляло собой одно общее кладбище, гдѣ наполовину зарытыя лежали тѣла нашихъ и Турокъ; иные же трулы прямо валялись въ полѣ присланные слегка землей; вслѣдствіе этого зловоніе въ этой мѣстности было ужасное, да и все это какъ-то неприятно корбило чувство прохожихъ. Вы идете по полю, идете задумавшись осматривая мѣсто побоища и вдругъ чувствуете что подъ вашею ногой что-то хрустнуло, вы осматриваетесь ближе и видите человѣческую руку высунувшуюся изъ-подъ земли. Вы испуганно дѣлаете шагъ назадъ и наступаете на голову другаго трула лежащаго рядомъ съ первымъ. Удаляетесь прочь и снова натываетесь на то же, наконецъ вы бѣжите изъ этого притона смерти и въ довершеніе всего вваливаетесь въ яму и садитесь на труль Турка. Яма оказывается прикрытой хворостомъ, поверхъ котораго насыпанъ тонкій слой сухой и неутрамбованной земли.

Въ началѣ войны, все это производило на меня впечатлѣніе потрясающее съ которымъ я никакъ не могъ помириться, въ послѣдствіи же полривыкъ ко всему и зачастую приходилось спать въ лужѣ крови, рядомъ съ трулами, причемъ трулы эти служили для нѣкоторыхъ даже подушкой (Шилка и Ловча).

На позиціи батарея раскинула для себя палатки, къ этому времени день склонялся уже къ вечеру; жара поуменилась и огненный кругъ солнца началъ медленно спускаться къ горизонту. Съ крутаго высокаго берега рѣки ландшафтъ представлялся необычайный. Чайки изрѣдко вскрикивая летали надъ Дунаемъ; цѣлая вереница полуобнаженныхъ солдатъ тихо тащили изъ воды неводъ, иные изъ нихъ наловили рыбы расположились уже варить ее къ ужину. Мы, офицеры, разбили свои палатки надъ самымъ берегомъ рѣки; деньщики засуетились ставить скорѣй самовары; скоро бѣлый клубъ пара взвился въ воздухѣ, самоваръ зашипѣлъ, послышалось звяканье въ стаканѣ чайныхъ ложечекъ. Деньщикъ вѣзаетъ въ палатку и доноситъ что самоваръ готовъ и подавать ли? Предъ выходомъ палатки кладется на землю нѣчто очень низкое, въ родѣ стола, и предъ столомъ растиается походный коверчикъ. Я и неизмѣнный боевой мой товарищъ, Петръ Николаевичъ Козловъ, ложимся на коверъ, и начинается

раздольное чаепитіе съ разными замѣчаніями о быломъ прошломъ, о суровомъ настоящемъ, о всемъ томъ вообще что человекъ любитъ такъ вспоминать стоя ежеминутно на рубежѣ смерти и жизни.

Чай окончился и я сей же часъ отправился осматривать окрестности. Прежде всего зашелъ къ маркизату Брянскаго полка. Здѣсь встрѣтилъ почти всѣхъ офицеровъ полка которые за бутылками вина вели шумный и оживленный разговоръ о минувшихъ событіяхъ дня. Я подошелъ къ нимъ и начался разговоръ.

— Вы, капитанъ, какой батареи? спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— Третьей, говорю я.

— Вы какъ же теперь.... Батарея ваша будетъ состоять при нашемъ полку или нѣтъ?

— При нашемъ, отвѣтилъ я.

— И отлично! Съ такою батареей и воевать весело. Ужь подлинно лихая, нечего сказать, сказалъ съ длинною бородою капитанъ усаживаясь рядомъ со мною.—Господа! за здоровье третьей батареи.

Ура! подхватили всѣ разомъ.

Въ свою очередь я предложилъ тостъ за здоровье молодецкаго Брянскаго полка.

— Дѣйствительно, капитанъ, сказалъ одинъ изъ ротныхъ командировъ, перетягиваясь черезъ столъ ближе ко мнѣ, лихо поработала ваша батарея. Богъ знаетъ еще, еслибы не ваша да не вторая батарея, состоялась ли бы даже переправа. Вѣдь вся заслуга по овладѣнію высотами устья Текиръ-Дере принадлежитъ вамъ. Турки не выдержали вашего фланговаго огня и сдали высоты нашимъ войскамъ. Да чего вамъ больше, и Минцы говорятъ такъ, и Волынцы то же самое, а ужъ имъ-то кажется ближе знать: они вѣдь брали высоты.

Офицеръ этотъ говорилъ правду. Нашему командиру батареи какъ-то случилось побывать въ Систовѣ вскорѣ послѣ переправы. Зайдя въ одну изъ гостиницъ города, онъ засталъ въ ней многихъ офицеровъ изъ Волынскаго и Минскаго полковъ. Офицеры, узнавъ что онъ былъ командиромъ той самой батареи которая оказала имъ дѣятельную помощь по овладѣнію высотами, пришли въ восторгъ, подняли его на руки и начали неумоимо качать.

— Еслибы не ваша батарея, полковникъ, говорили они, мы всѣ погибли бы! Вы спасли насъ!

— Чтò новаго? Не знаете ли скоро двинемся далѣе? спросилъ я одного изъ офицеровъ.

— Ничего неизвѣстно. Говорятъ, будто бы скоро.

— Ну, а какъ турецкій пароходъ? добавилъ я.— Задалъ вамъ страху?

— Стрѣлялъ въ нашъ полкъ. Да по счастью не причинилъ никакого вреда. Мы засѣли во рву у плетня, всѣ осколки и пролетѣли поверхъ насъ. Батарея же 14й бригады потреляла его изрядно. Одинъ снарядъ попалъ въ самый носъ парохода, послѣ чего онъ и утонулъ внизъ къ Русуку.

Мы долго еще бесѣдовали на эту тему; межъ тѣмъ стемнѣло совсѣмъ; въ веселой компаніи время прошао незамѣтно и надо было идти къ себѣ домой; маркитантъ же отъ нашей позиціи былъ въ верстахъ двухъ. Я распрощался съ офицерами и пошелъ.

— Смотрите будьте осторожныѣ! Револьверъ при васъ? крикнулъ мнѣ кто-то.

— А чтò? спрашиваю я.

— Да, говорятъ, башу-бузуки шатаются здѣсь.

— Ладно! Ничего, прощай я сквозь зубы и ползая домой скорымъ шагомъ.

Я шелъ полемъ и мимо бывшего турецкаго лагеря, куда недѣлю тому назадъ батарея наша такъ старательно стрѣляла. Въ полѣ попадались предметы недавней битвы, валялись осколки отъ гранатъ, изорванные ранцы, ремни, фески, портулеи, попадались и могилы которыя я тщательно старался обходить изъ опасенія провалиться. Я пришелъ домой и сейчасъ же завалился спать. На слѣдующій день по привычкѣ поднялся рано и направился осматривать турецкій караульный домъ съ котораго въ день переправы появилось сильное зарево служившее сигналомъ къ тревогѣ. Домъ этотъ расположенъ былъ на отвѣсной скалѣ берега впереди котораго тянулась небольшая площадка изрытая по окраинѣ ложементами для стрѣлковъ. Домъ, конечно, деревянный, сколоченный изъ досокъ, безъ фундамента и штукатурки, внутри перегородкой онъ разделенъ былъ на двѣ половины. На крышѣ домика стоялъ керамическій фонарь, тотъ самый который испускалъ такой ослабительный свѣтъ.

Съ наружной стороны домикъ былъ сильно поврежденъ осколками отъ нашихъ гранатъ, лѣвый уголъ крыши былъ

вырванъ совсѣмъ; въ домикъ было много пробоинъ *. Внутри, на столѣ и на полу валялась разбитая посуда съ остатками жидкости, должно быть кофе; въ домѣ, а равно и на площадкѣ лежали брошенная обувь и одежда: шивель, нѣчто въ родѣ пальто, какая-то визитка, рубашки, чулки, и проч. Изъ нашихъ солдатъ никто не хотѣлъ воспользоваться одеждой, хотя она была совершенно новая; они всегда съ какимъ-то омерзениемъ относились ко всему что носило на себѣ отпечатокъ турецкаго; только зимою на Шилкѣ, и то въ крайности, солдатъ нашъ бралъ иногда турецкія фески и улотреблялъ ихъ на лортянки, но только фески и ничего болѣе, по крайней мѣрѣ я лично не видѣлъ чтобы брали еще что-нибудь другое.

На позицію у Вардена для нижнихъ чиновъ батареи были присланы два Георгіевскіе креста за дѣло 15 іюня. Кресты достались храбрѣйшимъ изъ нихъ, фейерверкерамъ Барцову и Кулаку.

Это былъ праздникъ для насъ всѣхъ: окрещенная огнемъ батарея имѣла уже двухъ Георгіевскихъ кавалеровъ. Хорошо вообще жилось намъ здѣсь на позиціи, и время это всегда пріятно вспоминается, это была первая и послѣдняя позиція гдѣ мы не терпѣли лишеній и бѣдствій войны, но всему бываетъ конецъ, пришла пора и Брянскому полку съ 3ю батареей; въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца приказано было выступить по направленію къ городу Лесковичи. Мы распрощались съ Дунаемъ и тронулись далѣе въ путь.

VI.

Мы шли проселочными дорогами, съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе углубляясь внутрь страны шли къ югу и восточнѣе Тырнова, составляя фланговый авангардъ главныхъ силъ, направившихся къ сторонѣ Тырнова. Освѣщая мѣстность отъ Систова до рѣки Янтры и далѣе по направленію къ Османъ-Базару, мы обязаны были предупредить намѣреніе Турокъ вступая съ ними въ бой, еслибъ эти послѣдніе попытались прорваться съ востока къ Тырново-Систовской линіи.

* По караульному домику мы стрѣляли картечью гранатой.

Слѣды звѣрскаго насилія и разбоя приходилось встрѣчать непрерывно двигаясь по этому направленію. Цѣлыя массы Болгаръ изуродованныхъ и ограбленныхъ баши-бузуками бѣжали подъ нашу защиту, между ними было много малютокъ-сиротъ, всякій изъ нихъ не имѣлъ отца, или матери, или того и другаго вмѣстѣ. Магометанское населеніе бѣжало при появленіи нашихъ войскъ, захватывая имущество Болгаръ, производя насиліе и варварства, и увозя съ собою болгарскихъ дѣвушекъ, причемъ деревни нерѣдко предавались пламени. Наши солдаты дѣлались съ Болгарами хлѣбомъ и деньгами: я зачастую видѣлъ какъ эти послѣдніе обѣдали вмѣстѣ съ ними.

Дни въ это время стояли удушливые, жары доходили до 40 градусовъ. Въ полдень не было возможности идти походомъ. Появлялись массы отсталыхъ, нѣкоторые умирали отъ солнечныхъ ударовъ.

Страданіе солдата было невыносимо и ужасно. Лѣсовъ и воды мы не встрѣчали на пути, гдѣ бы можно было пріютиться въ тѣни на привалѣ. Раскаленная земля мѣстами трескалась, образуя широкія отверстія; ѣдкая жгучая пыль захватывала дыханіе.

— Ой, батюшки, нѣтъ мочи идти! говоритъ солдатъ какъ сползъ ладая на землю.

Дежурный унтеръ-офицеръ отдѣляется отъ полка и, становясь около лежачаго, выжидаетъ когда онъ подыметъ на ноги. Улавшаго вспрыскиваютъ водою, послѣшно раскрывая грудь.

Солдатъ усиленно дышетъ широко раскрывъ глаза.

Проходить нѣсколько минутъ молчанія.

— Ну, вставай, пойдемъ!.. говоритъ ему дежурный.

Лежачій молчитъ и не издаетъ ни одного звука.

— Вставай, говорятъ, слышишь ты? продолжаетъ онъ.—
Смотри полкъ уходитъ, догонять надо.

Опять то же молчаніе.

— Тебѣ говорятъ что ли, чортова душа? злится дежурный, толкая ногой лежачаго.

Больной мычитъ, произнося несвязныя фразы.

— Еще разговариваетъ, анаеема! со злобью говоритъ унтеръ-офицеръ подымая его за воротникъ на ноги. Поднятый дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и снова ладаеть.

Дежурный опять хлопочетъ около него. Межь тѣмъ жара печетъ и его, онъ стоитъ на солнцепекѣ, ему самому начинается дѣлаться дурно и онъ скоро падаетъ также какъ и его товарищъ.

Такіе отсталые забирались обыкновенно въ лазаретную фуру если въ ней оказывалось мѣсто, въ противномъ случаѣ оставлялись въ полѣ подъ присмотромъ фельдшера и прочихъ дежурныхъ, откуда къ вечеру нагоняли полкъ расположенный на бивуакѣ. Бивуакомъ часто служило для насъ лахотное поле и на немъ немногимъ было лучше чѣмъ въ походѣ.

Вода рѣдко когда была вблизи бивуака, за ней надо было ходить болѣе или менѣе далеко, лѣсовъ же, какъ я сказалъ, не существовало во всей окрестности. При такихъ условіяхъ жить на бивуакѣ было сущею мукой. Палатка мало защищала отъ жгучихъ лучей солнца; безъ поднятыхъ наверхъ полъ въ ней нельзя было сидѣть, такъ какъ воздухъ сильно нагреваясь становился удушливымъ; это было равносильно еслибы вы влѣзли въ печьку сейчасъ послѣ того какъ она истопилась. Но и съ поднятыми полами палатки при затишьѣ и отсутствіи вѣтра, вы, сидя подъ полотномъ, метались во всѣ стороны, не зная что предпринять и куда укрыться отъ жара.

Мы снимали съ себя всю верхнюю одежду и салоги оставаясь только въ нижнемъ бѣльѣ. Не снять салогъ было не возможно, такъ какъ сдавливая ногу они производили въ ней испарину и причиняли боль мозолямъ и нарывамъ, но главное нагревались отъ солнца до такой степени что вы обжигали себѣ руку дотрогиваясь до передовъ и подошвы.

Въ городѣ Лесковичи мы встрѣчены были народомъ и болгарскимъ духовенствомъ съ хоругвями и иконами. Въ горячемъ энтузіазмѣ народъ кричалъ ура; неподдѣльные слезы видѣлись у многихъ. Намъ выносили водку, хлѣбъ и всевозможные фрукты. Я полагалъ сначала что Болгары подносятъ въ ведрахъ воду нашимъ солдатамъ; но когда фейерверкеръ ѣхавшій рядомъ со мной объявилъ что „ваше благородіе, вѣдь это Болгары угощаютъ солдатъ водкой“, то я не шутку перелугался и не мало пришлось употребить усилій чтобы заставить народъ не угощать водкой солдатъ, иначе могли выйти прескверныя послѣдствія еслибы вся часть поголовно перепилась.

Въ первый разъ на бивуакѣ предъ городомъ Лесковичи наши казаки * начали приводить лѣвннхъ башу-бузуковъ и нѣкоторыхъ изъ турецкихъ жителей, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я помню какъ привели они сначала двухъ башу-бузуковъ къ начальнику нашего отряда, командиру полка, полковнику Липинскому.

„Башу-бузуковъ привели!“ мигомъ пролетѣло извѣстіе по всему бивуаку. Почти весь отрядъ столпился вокругъ пойманныхъ поглазѣть на чудовищъ,—такое зрѣлище было намъ тогда еще въ диковину. Предъ нами стояли двое рослыхъ мушкетъ съ нахальнымъ и дерзкимъ выраженіемъ въ лицѣ. Они дико озирались вокругъ постоянно перемежаясь съ ноги на ногу. Казаки поймали ихъ на мѣстѣ грабежа и разбоя, съ ними приведена была и жертва ихъ варварства, среднихъ лѣтъ Болгаринъ, съ глубокою отъ кинжала раной на шеѣ. Если они не убили этого Болгарина то только благодаря его адскому терпѣнію: получивъ рану онъ притворился мертвымъ, и какъ послѣ того ни колотили его башу-бузуки, онъ не издавалъ ни одного звука—это и послужило ему спасеніемъ.

Предъ башу-бузуками предсталъ переводчикъ — солдатъ Брянскаго полка, хорошо говорившій по-турецки. Ему приказано было допросить ихъ какъ о родѣ ихъ службы, такъ равно и о причинахъ побудившихъ на такую жестокость. Башу-бузуки упорно молчали отдѣлываясь отрывистыми и несвязными словами.

Черезъ толпу солдатъ скоро протиснулись двое Болгаръ, и стали напротивъ злодѣевъ. Одинъ изъ нихъ сталъ сосредоточенно вглядываться въ лицо одного изъ башу-бузуковъ; онъ осматривалъ его со всѣхъ сторонъ, приподымалъ чалму на его головѣ, заговаривалъ съ нимъ по-турецки и наконецъ въ ужасѣ отступилъ велеснувъ руками. Прошло не болѣе минуты, какъ онъ съ яростью бросился на башу-бузука и началъ съ силой бить его по физиономіи. Это было неожиданно для насъ всѣхъ. Болгарина насилу оторвали отъ башу-бузука и отвели въ сторону. Послѣ допросовъ въ чемъ состоитъ дѣло, Болгаринъ объяснилъ, что въ башу-бузукѣ этомъ онъ призналъ того самаго злодѣя который зарѣзалъ его роднаго брата со всею семьей. Онъ просилъ казнить его

* Въ нашемъ отрядѣ были двѣ сотни казаковъ.

смертью, ссылаясь на показаніе всѣхъ жителей знавшихъ его за отъявленнаго негодяя. Сцена была дѣйствительно раздирающая душу. Болгаринъ нѣсколько разъ послѣ того порывался броситься на баши-бузука, но былъ останавливаемъ. Чувство мщенія выстуло у него рельефно наружу, мщеніе тѣмъ болѣе сильное что совершенное злодѣяніе пролало безслѣдно, безо всякой кары со стороны закона и правосудія. Болгаринъ отъ волновавшихъ его чувствъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, метая на злодѣя молніеносные взгляды и силясь освободиться отъ державшихъ его солдатъ. Когда же баши-бузуку чрезъ переводчика солдатъ нашъ поднесъ манерку съ водою утолить его жажду, и едва этотъ услѣлъ только поднести ее къ своимъ устамъ, какъ Болгаринъ собравшись съ послѣдними силами рванулся отъ солдатъ, вырвалъ изъ рукъ злодѣя манерку и снова бросился бить его. Его едва отняли.

Баши-бузуковъ связали и на слѣдующій день подъ конвоемъ отправили въ Тырново.

Съ этого времени казаки часто приводили плѣнныхъ, которые не мало доставляли намъ хлопотъ и возни отъ постоянного ихъ конвоированія.

До поворота въ городъ Лесковичи, мы шли въ составѣ цѣлой 2й бригады 9й дивизіи, или полковъ Брянскаго и Орловскаго, при двухъ батареяхъ нашей и первой. Бригада шла подъ командой генераль-майора Дерожинскаго. Съ поворота же на Лесковичи, Брянскій полкъ и наша батарея, при двухъ сотняхъ казаковъ, отдѣлились и составили, какъ я сказалъ, фланговый авангардъ главныхъ силъ, направленныхъ къ Тырнову. Къ тому времени Тырново былъ взятъ генераломъ Гурко, и Главная Квартира арміи направлялась туда чтобъ основать здѣсь свою резиденцію.

Межъ тѣмъ Брянскій полкъ продолжалъ оперировать въ мѣстности между Тырновомъ и Османъ-Базаромъ, водворяя въ странѣ порядокъ, выгоняя изъ сосѣднихъ деревень баши-бузуковъ и обезоруживая вооруженныхъ турецкихъ жителей. За все это время серьезныхъ дѣлъ полку и батареѣ не было; такъ прошло время до 8го іюля когда нашему отряду приказано было сняться съ позиціи и направиться черезъ Тырново въ Габрово. Въ Тырново мы пришли очень поздно когда совсѣмъ стемнѣло; здѣсь предъ городомъ, вблизи шоссе,

расположились на ночлегъ, откуда вечеромъ на слѣдующій день выступили по направленію къ Габрову. Я воспользовался этимъ промежуткомъ времени и рано утромъ отправился въ городъ, частью посмотреть на древнюю столицу Бугаріи, а частью затѣмъ чтобы кулить къ походу все необходимое. Тырново тогда въ моихъ глазахъ представляло рѣзкій контрастъ съ Систовымъ по занятію обоихъ городовъ нашими войсками. Такого хаоса и безпорядка какъ въ Систовѣ, въ Тырновѣ я не встрѣтилъ. Если слѣды грабежа и разгрома были въ городѣ, то не повсюду, а мѣстами и въ особенности на окраинахъ города, гдѣ въ обыкновенное время скучивалось все мусульманское населеніе. Здѣсь, дѣйствительно, вы могли видѣть разбитыя стекла, вырванныя двери, разбросанную предъ домами мебель, посуду, домашнюю утварь, и пр. Турецкіе дома всѣ безъ исключенія были пусты, мусульманскіе жители поголовно бѣжали.

Если по окраинамъ города встрѣчались печальныя слѣды разоренія, за то въ центрѣ его, можно сказать, былъ даже порядокъ: торговля процвѣтала, наружный видъ домовъ имѣлъ приличную фізіономію, на улицахъ царилъ порядокъ и по городу ходили патрули. Внутри города возвышался большой желтый домъ, въ которомъ сгруппировались управленія присутственныхъ мѣстъ, въ немъ были также и отдѣленія для лѣвннхъ Турокъ, одни были общія, другія же одиночныя для болѣе буйныхъ и безлокойныхъ и, кромѣ того, одиночныя заключенія собственно для проворовавшихся и залодорѣвннхъ въ разныхъ преступленіяхъ жителей города. Въ числѣ лѣвннхъ Турокъ были и турецкія женщины, оказавшія неловиновеніе предержавшимъ властямъ, или уличенныя въ шпіонствѣ и бродяжничествѣ. Между лѣвннми я замѣтилъ тогда двухъ нашихъ баши-бузукровъ, которые пойманы были казаками у города Лесковичи. Оба они сидѣли наслупившись въ углу комнаты и о чемъ-то тихо разговаривали со своими товарищами по заключенію.

Въ городѣ къ тому времени была гостиница, гдѣ можно было получить обѣдъ за недорогою цѣну; былъ тутъ и госпиталь для больныхъ и раненыхъ, состоявшій изъ ряда шатровъ раскинутыхъ на горѣ близъ шоссе и при выѣздѣ изъ города по направленію къ Сельви. Въ то время въ госпиталь я не заходилъ, но былъ въ немъ значительно позже, когда

судьба привела опять побывать въ Тырновъ; тогда госпиталь произвелъ на меня отрадное впечатлѣнiе какъ по внутреннему порядку и чистотѣ шатровъ, такъ равно и по прекрасному составу медицинскаго персонала. Раненые, которыхъ я спрашивалъ, всѣ были довольны уходомъ и заботами о нихъ.

Вернувшись на бивуакъ изъ Тырнова и немного отдохнувъ, нужно было собираться въ дальнѣйшiй путь, въ Габрово, куда черезъ нѣсколько часовъ мы и тронулись.

Съ бивуака мы шли сначала по шоссе, а затѣмъ южною частью города мимо турецкаго кладбища спустились къ рѣкѣ Янтрѣ которую перешли въ бродъ и вышли на дорогу въ Габрово. Видъ отсюда на городъ былъ восхитительный: дома лѣпились по склону горы разбросанные между ущельями глубокихъ котловинъ; стада паслись на горахъ покрытыхъ сочною зеленью,—все это освѣщенное лучами заходящаго солнца давало въ цѣломъ ландшафтѣ необычайный. Музыка Бранскаго полка играла маршъ, подкѣ остановилась на шоссе и ждалъ пока переправится батарея. Дорога въ началѣ пролегла въ узкомъ ущельѣ между отвѣсными гранитами высокихъ скалъ, съ лѣвой стороны дороги текла рѣка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы имѣли наклонъ болѣе 90 градусовъ, что при массивности и высотѣ ихъ производило впечатлѣнiе невольнаго страха, такъ все и думалось что скалы эти обрушатся и придавятъ насъ всѣхъ.

Идти походомъ вечеромъ было легче, мы не ощущали по крайней мѣрѣ этого жгучаго, духъ захватывающаго зноя. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ погода стала измѣняться все къ худшему. На небѣ показались черныя точки, вѣтеръ усиливался и вскорѣ цѣлое облако громовыхъ тучъ разстилось надъ головами, полилъ сильный крупный дождь. Сначала это прiятно освѣжало тѣло и воздухъ, но скоро мы промокли до костей и идти дальше не было возможности. На срединѣ дороги намъ данъ былъ ночлеги. Ночь была темная. Кое-какъ съ большимъ трудомъ войска разбили себѣ латки, и такъ на чемъ Богъ привелъ, безо всякой подстилки, пролежали въ грязи всю ночь до разсвѣта. Когда я всталъ съ лошади, вода ручьями полила изъ моихъ салогъ, про одежду и бѣлье и говорить нечего, все это промокло до нитки, такъ что девчички не мало употребили усилiй пока успѣли выжать изъ нея всю воду. Когда я вошелъ въ

лапатку, то на мое счастье увидалъ солому которую деньщики раздобыли гдѣ-то въ полѣ. Я несказано обрадовался этой соломе, сейчасъ же раздѣлся, переодѣлся бѣлье, къ тому времени небольшой самоварчикъ шилъвъ уже предо мной и Петромъ Николаевичемъ. Я хватилъ добрую рюмку коньяку и съ какимъ-то остервеніемъ принялся уничтожать чай. Я никогда не забуду этой минуты.

Рюмка коньяку и стаканъ чаю имѣли тогда въ глазахъ моихъ огромную цѣнность; все это можетъ лопать, конечно, только человекъ который самъ былъ въ походахъ съ ихъ суровою обстановкой и который на себѣ испыталъ что значить вовремя водка и чай.

Перекусивъ немного я укутался одѣяломъ, и едва только коснулся головой подушки какъ уснулъ крѣпкимъ мертвымъ сномъ.

Разсвѣтало. На бивуакѣ поднялся говоръ и шумъ, засыпались барабаны и трубы, войска поднялись съ бивуака и пошли далѣе въ луть. Дождь немного пріутихъ, на небѣ показалось солнышко немного согрѣвшее насъ. Дорога извивалась въ горахъ съ непрерывными подъемами и спусками. Отъ Дранова дорога стала ровнѣе, и къ полудню съ музыкой и лѣсками мы вступили въ предмѣстье Габрова гдѣ вправо отъ дороги перейдя мостъ расположились на обширной луговинѣ.

Предъ нами задернутыя синевою воздуха высились Балканскія горы.

VII.

На мѣстѣ бивуака толпились массы всевозможнаго болгарскаго люда: здѣсь были и торговцы мелкими товарами, и Евреи, промышленники, кузнецы, плотники, чернорабочее сословіе, цѣлыя кучи мальчишекъ, женщинъ, все это предлагало свои услуги Русскимъ и спекулировало на разные лады. Я отправился въ городъ. Онъ довольно грязный и какъ все вообще турецкіе города наводитъ своимъ видомъ тоску и уныніе. Улицы узенькія, въ которыхъ съ трудомъ могутъ разѣхаться двѣ встрѣтившіяся повозки; на улицахъ невылазныя лужи гдѣ вы рискуете окунуться съ головой; кромѣ всего этого ваше обоняніе неприятно поражается повсемѣстнымъ зловоніемъ отъ валяющихся на улицахъ внутренностей

животныхъ, которыхъ Болгары колятъ тутъ же въ лавкахъ и въ виду всѣхъ. Вся эта операція производится первобытными средствами, и животное долго мучается пока лишится жизни, отчего крикъ свиней, телятъ, овецъ носится по городу и непріятно раздражаетъ душу. Съ убитаго животного Болгаринъ при всѣхъ сдираетъ шкуру, и все это производитъ онъ монотонно и съ тулымъ выраженіемъ полнѣйшаго безсердечія. Тутъ же на улицахъ осаждаютъ васъ босоногіе и грязныя мальчишки назойливо вымалывая гологанъ. (2¹/₂ колѣтку).

— Братушка, дай гологанчикъ, да кулаю лябець; * Черкесь рѣзалъ отца и матку, нема за что кулить лябець!

Только что вы успѣли удовлетворить одного, какъ цѣлая стая другихъ завидя это набрасывается на васъ преграждая дорогу и требуя гологанъ. Вы отпихиваетесь руками отъ докучныхъ полпрошаекъ, но на все это мальчишки не обращаютъ вниманія и требуютъ своего, продолжая атаковать васъ; при этомъ случалось не разъ что неопытный и доврчивый прохожій прійдя домой не доискивался своего кошелька съ деньгами. Онъ былъ ловко лохищенъ тѣми же мальчуганами. Вообще нищета и восточная грязь рѣзко бросаются въ глаза по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Болгаріи.

Въ Габровѣ я нашелъ какое-то подобіе гостиницы гдѣ все-таки можно было пообѣдать кое-какъ. Здѣсь я засталъ многихъ офицеровъ Брянскаго полка которые сидѣли за столомъ, чины въ ожиданіи обѣда, а другіе отобѣдавъ расподожились на балконѣ пить пиво. Между ними шла оживленная бесѣда. Я очень обрадовался имъ, боевая жизнь сблизила меня съ ними, да и люди они были очень хорошіе. Я всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю это время душевныхъ разговоровъ и горячихъ восторговъ. За батарея слишкомъ много страдала съ Брянскимъ полкомъ, много вынесла горя, невзгодъ и лишеній, какъ же послѣ этого было не полюбить намъ другъ друга и не сродниться вмѣстѣ. Брянцы и батарея составляли тогда одно цѣлое, одно желаніе, одну цѣль и идею. Теперь многихъ изъ офицеровъ уже нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ дорогихъ и веселыхъ собутыльниковъ; честно исполнивъ свой долгъ они, сошли въ преждевременную могилу найдя славную смерть на поляхъ битвы;

* Лябець—хлѣбъ.

многіе ранены и потому давно уже оставили ряды своего полка. Изъ старыхъ боевыхъ офицеровъ теперь я думаю осталось немного.

Я помню въ полку этомъ майора Модотова, это былъ храбрый, честный, прямой человекъ, душа нашего общества. Сколько разъ бывало помирали мы со смѣху отъ его затѣи и разказовъ. Кромѣ этого, онъ обладалъ прекраснѣйшимъ голосомъ и часто участвовалъ въ офицерскомъ хорѣ когда бывало въ досужее время соберутся офицеры въ ресторанѣ. Въ послѣдствіи онъ убитъ былъ на Шилкѣ 9го августа во время штурмовъ Сулеймана. Царство ему небесное! Добрый и хорошій былъ человекъ, любили его также и солдаты. Онъ командовалъ 2мъ баталіономъ. Капитанъ Филатовъ, подпоручикъ Муравьевъ, и т. д., все это были прекрасные люди, и дай намъ Богъ въ арміи такихъ офицеровъ побольше.

Муравьевъ былъ раненъ на Шилкѣ въ руку; рукой онъ теперь не владѣетъ, но несмотря на это онъ все-таки обратно вернулся изъ Россіи въ полкъ, да и не одинъ онъ, такіе примѣры въ Брянскомъ полку были не рѣдки. Понятно, что такіе подвиги самоотверженія и преданности къ службѣ со стороны офицеровъ не могли пройти безслѣдно для нижнихъ чиновъ. Офицеры занимались добросовѣстно службой, и общимъ усиліемъ поставили полкъ на хорошую ногу. Полкъ былъ прекрасно обученъ военному дѣлу и вполне дисциплинированъ. Солдаты ходили всегда опрятно и чисто, имѣли добрый и веселый видъ, и въ послѣдующихъ дѣлахъ показали себя истинными героями доказавъ на дѣлѣ что система воспитанія которой слѣдовали офицеры была вѣрна и усвоена ими вполне. Вообще всегда и вездѣ, лихо и со славой, полкъ этотъ поддерживалъ блестящія боевыя преданія своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Изъ всей задунайской арміи врядъ ли сыщется другой полкъ, кромѣ Орловскаго, на долю котораго въ бывшую Восточную войну выпало бы столько трудовъ и неизмѣримыхъ лишеній какъ Брянскій; въ виду всего этого два эти полка имѣютъ всѣ права на особенное вниманіе и сочувствіе къ себѣ русскаго общества; равно также и наши три батареи 9й бригады: 2я, 3я и 5я, какъ дѣйствовавшія съ этими полками вкупѣ и неразрывно, какъ вмѣстѣ дѣлившія съ ними радость

и горе, и какъ оказавшія полкамъ неисчислимую услугу и помощь при оборонѣ Шилкинскаго перевала такъ и при дѣйствіи подъ Ловчей.

Я долго разговаривалъ съ офицерами, до самой полночи перебирая событія болѣе или менѣе интересовавшія насъ. Говорили о бывшихъ и предстоящихъ дѣлахъ, о томъ куда насъ далѣе направлять, кому суждено умереть, кому остаться въ живыхъ и, грѣшные люди, толковали также и о наградахъ, послѣднее событіе имѣло въ арміи всегда интересъ животрепещущій и служило слабою струной большинства офицеровъ. Много по этому поводу являлось пререканій и толковъ въ средѣ офицеровъ всѣхъ оружій; много возбуждалось негодованія, интригъ и зависти, что далеко не благотворно отзывалось на всемъ строеъ военной службы, если не сказать вредно. Вообще вѣрно одно что вопросъ о наградахъ являлся хроническою болѣзнію нашей арміи. Куда бы вы не пришли, вы вездѣ слышите одно и то же что того-то обошли, того неправильно наградили, этотъ получилъ много, тотъ ничего, и т. д., все на ту же тему до безконечности. Если взглянуть въ это дѣло поближе, то категорію недовольныхъ можно рѣзко разбить на двѣ группы. Къ первой принадлежатъ всѣ ненасытные и алчные, старающіеся захватить награду возможно побольше несмотря даже на то что они получили ихъ нѣсколько; такіе люди вѣчно ропщутъ, будучи всѣмъ недовольны и притомъ высказываютъ свое неудовольствіе часто и публично. Ко второй группѣ принадлежатъ дѣйствительно обиженные своимъ начальствомъ и притомъ иногда настолько ясно что подвиги и заслуги какого-нибудь лица умаляются совершенно, приписывая заслуги эти другому, совершенно не причастному въ нихъ. Далѣе, предпочтительное представленіе къ наградамъ лицъ служащихъ въ штабахъ и управленіяхъ предъ людьми дѣйствительно боевыми и служащими во фронтѣ, всегда возбуждало въ офицерахъ негодованіе и жалобы. Начальникъ, чтобы быть справедливымъ и не поселить въ своей части интригъ и раздора между подчиненными, долженъ быть крайне внимателенъ и остороженъ въ представленіяхъ; онъ ни на минуту не долженъ упускать принципа правоты и безпристрастности. Онъ долженъ помнить что ничего не можетъ быть хуже для части какъ обойти достойнаго и наградить незаслужившаго.

Былъ часъ съ лишнимъ ночи когда офицеры оставили гостиницу и разошлись по домамъ, ясмѣ выразиться по палаткамъ. Часовой окликнулъ: „кто идетъ?“ и спросилъ пропускъ когда я подходилъ къ лагерной дѣли. Я пропуска не зналъ и потому былъ въ большемъ затрудненіи. По счастью выручилъ меня офицеръ сказавъ пропускъ, безъ чего пришлось бы ночевать въ полѣ, такъ какъ часовой не пропустилъ бы къ бивуаку. Я засталъ своего командира батареи бодрствующимъ. Онъ занимался при свѣчѣ въ своей палаткѣ, отдавая приказаніе фельдфебелю.

Признаться, я этому удивился, заставъ его за занятіями въ такой поздній часъ, и тутъ же подумалъ что, вѣроятно, получено какое-либо важное распоряженіе. Я не ошибся когда спросивъ узналъ что получено только что приказаніе немедленно выступать Брянскому полку и 3й батарее по направленію въ городъ Сельви, гдѣ занявъ позицію ожидать появленія Турокъ, долженствующихъ двинуться изъ города Ловчи и атаковать насъ при Сельви. Извѣстіе это какъ громомъ поразило меня, я никакъ не ожидалъ такого поворота дѣла, всегда разчитывая почему-то что насъ должны были направить на Шилкинскій переваль. „Вотъ тебѣ и разъ, подумалъ я и выслаться некогда“!

Едва только занялась утренняя зорька, какъ отрядъ нашъ покинулъ бивуакъ у Габрова. Мы двигались шоссейною дорогою, подаваясь на сѣверо-западъ. Дорога была ровная безъ достаточныхъ подъемовъ и спусковъ, ящики и обозъ шли благополучно и людямъ на всемъ протяженіи не приходилось прилагать усилій и вытаскивать ихъ изъ рывковъ и выбоинъ. Но за то жаръ досаждалъ неимоვნю, лѣсовъ на лутѣ не встрѣчали и шли все время равниной, гдѣ палачіе лучи южнаго солнца вогнали въ могилу не одного солдата,—въ ужасныхъ мукахъ они умирали отъ солнечныхъ ударовъ.

Къ четыремъ часамъ вечера мы прибыли въ Сельви, встрѣченные здѣсь духовенствомъ и гражданами города. Они кричали намъ ура, народу была масса. Изъ пѣхотныхъ полковъ и батарей, Брянскій полкъ и 3я батарея были первые вступившіе въ городъ. Народъ былъ въ сильной тревогѣ, ожидая появленія сюда Турокъ. Наши казаки взявшіе 5 іюля городъ Ловчу теперь вынуждены были покинуть городъ такъ какъ сильный отрядъ турецкихъ войскъ, составлявшій аван-

гардъ Плевнинской арміи Османъ-паша, занявъ и расположился въ Ловчѣ. Нельзя было не предполагать что отрядъ этотъ отъ Ловчи не направился бы къ Сельви, вотъ почему и приказано было намъ немедленно занять Сельви и встрѣтить тутъ Турокъ, преградивъ имъ дорогу на Габрово, безъ чего турецкія войска, очутились бы въ тылу нашей Шилкинской арміи и тѣмъ отрѣзали бы ей путь отступленія. Полкъ занялъ позицію впереди города и по его окраинамъ, укрѣпившись на скорую руку. Пѣхота вырыла себѣ ложементы, для батареи воздвигнули брустверы, иные приспособлены были для стрѣльбы черезъ банкъ то-есть поверхъ бруствера, другіе же черезъ амбразуру. Первая полубатарея * заняла правую часть города, вторая лѣвую. Стрѣлки заняли позицію впереди и по сторонамъ орудій. Сомкнутыя части цѣли расположились частью во рву за стрѣлками, а частью за сосѣдними строениями. Общій же резервъ расположился внутри города. Казачій ликетъ выдвинулся версты на двѣ впереди насъ и занялъ гору, откуда съ возвышенной точки наблюдалъ пока не покажется непріятель. Я былъ на горѣ у ликета; это былъ превосходный для наблюденія пунктъ, откуда зрителю видна была мѣстность на нѣсколько верстъ въ окружности какъ на ладони. Турки ни въ какомъ случаѣ не могли бы застать насъ врасплохъ, ликетъ далъ бы намъ знать когда непріятель былъ бы еще въ верстахъ десяти и болѣе отъ города. Земляныя работы и разстановка на позиціи войскъ происходила подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генераль-майора Держинскаго, который на это время назначался нашимъ главнымъ начальникомъ.

Генераль-майоръ Держинскій былъ одинъ изъ лучшихъ и храбрыхъ генераловъ нашей арміи. Отличительною чертой этого человѣка было всегда ровное и спокойное отношеніе къ дѣлу. Я никогда не видѣлъ генерала разгоряченнымъ или суетящимся, и это ничѣмъ незамѣнимое качество всегда благотѣльно вліяло на вѣрныя ему войска. Приказанія свои онъ отдавалъ тихо, не торопясь, стараясь яснѣе растолковать каждому его обязанности на случай боя; говоря что-либо онъ не разъ переспрашивалъ подчиненнаго съ цѣлью убѣдиться понято ли хорошо его

* Батарея дѣлится на двѣ полубатареи.

приказаніе, если нѣтъ, онъ снова объяснялъ и только тогда отъѣзжалъ отъ насъ когда вполне убѣждался что приказаніе перелутано не будетъ. При всѣхъ качествахъ боевого и опытнаго генерала, онъ обладалъ къ тому еще замѣчательною добротой и скромностью; онъ не считалъ для себя неловкимъ спросить мнѣніе подчиненнаго въ какомъ-нибудь неясномъ вопросѣ, что особенно сказалось у него по отношенію къ артиллеріи. Онъ спрашивалъ насъ какъ и куда поставить орудія, какою гранатой будетъ лучше дѣйствовать на случай появленія Турокъ тамъ и оттуда; выслушивалъ резоны о томъ или другомъ и, наконецъ, убѣдившись въ правотѣ ихъ отдавалъ уже окончательное приказаніе. Словомъ, это былъ рѣдкій и всѣми любимый генералъ, и воевать съ нимъ было отличнo, потому что всѣ мы знали хорошо что генералъ въ бою не растеряется, а это сильно возвышало нашъ нравственный духъ, столь необходимый въ такія минуты. Въ то время какъ войска занимались работами по укрѣпленію позиціи, Болгарскій народъ массами валилъ въ городъ, выгнанный Турками изъ Ловчи. Цѣлые караваны телѣгъ нагруженныхъ имуществомъ и ребятишками обоого пола уныло шествовали по шоссе въ Сельви. За телѣгами шли взрослые мужчины и женщины, многія изъ послѣднихъ съ грудными дѣтьми. На половину босой и оборванный людъ со всею его безпріютностью и ужасною нищетою напоминалъ собою далекія времена нашествія Гунновъ. То же самое повторилось и въ XIX вѣкѣ, съ тою только разницею что Европа отнеслась къ событію не съ ужасомъ, а съ черстою и возмутительною безсердечною. Она отворачивалась отъ болгарскихъ ужасовъ, закрывая глаза и затыкая уши чтобы нарочно не видѣть и не слышать страданій и воля христіанскихъ націй Балканскаго полуострова, поработить и унижить которыя входило въ расчетъ позорной, безчеловѣчной дипломатіи Англіи. Гдѣ же послѣ этого цивилизація Европы, которою она такъ высокомерно гордится предъ нами, сѣверными варварами? И правда ли, наконецъ, что XIX вѣкъ есть вѣкъ прогресса и цивилизаціи?! Не думаю, такъ какъ все что приходилось намъ видѣть и слышать далеко не подходитъ подъ условія которыя неизбѣжно сопряжены съ понятіями о цивилизаціи. Мы видѣли массы болгарскихъ семействъ со страхомъ

и трелетомъ бѣгущихъ въ городъ подъ нашу защиту отъ разбоя и насилія Турокъ. На лицѣ у каждаго выражались тоска и отчаяніе; каждаго давили нищета и неприютное горе; многіе лишились членовъ своей семьи, кто отца, кто матери, кто мужа, жены, и т. д., всѣ они безчеловѣчно были зарѣзаны Турками; имущество Болгаръ было разграблено въ конецъ и на обездоленномъ пеледищѣ водворялись теперь дикія орды башу-бузуковъ. Нѣкоторые изъ бѣглецовъ были сильно изуродованы имѣя по нѣскольکو ранъ; не избѣгли этой участи и дѣти-малютки; раненое и перелуганное дитя жалось къ матери крѣпко вцѣпившись въ ея платье и боясь плакать отъ страха; глаза какъ-то странно блуждали въ орбитахъ, руки и ноги сильно дрожали. Я видѣлъ въ толпѣ Болгаръ одну молодую женщину, она горько рыдала кидаясь въ стороны какъ сумашедшая. Волосы у нея были растрепаны, она нѣсколько разъ бросалась на колѣни и подымая руки вверхъ молила Небо о чемъ-то... Это была потрясающая молитва, съ продолжительнымъ визгомъ и конвульсіями. Толпы солдатъ и Болгаръ окружили ее, каждый утѣшалъ какъ могъ. Въ послѣдствіи объяснилось что женщина эта лишилась мужа и единственнаго ребенка, оба они были звѣрски замучены Турками на ея глазахъ; сама же чудомъ какимъ-то сплелась убѣжавъ отъ рукъ злодѣевъ.

Вся эта голодная масса обездоленнаго люда нашла живое участіе въ нашихъ артиллеристахъ. Солдаты изъ казенной дачи сухарей, муки и крупы удѣляли Болгарамъ посильную часть, кромѣ того, они кормили ихъ своимъ обѣдомъ. Нашъ же командиръ батареи приказалъ артельщику на собственный счетъ изготовить на всю массу голодныхъ щи и кашу. Я говорю про это, потому что не могу не упомянуть о похвальномъ и рѣдкомъ поступкѣ чловѣка, движимаго исключительно чувствомъ чловѣколюбія и состраданіемъ къ несчастному собрату. Бѣглецы съ каждымъ днемъ прибывали цѣлыми партіями въ городъ, наконецъ ихъ скопилось большое число. Часть изъ нихъ нашла пріютъ у Болгаръ, а другая ббольшая часть расположилась на полѣ, гдѣ и пребывала до той минуты пока Ловча не была взята обратно русскими войсками. По указанію жителей города и съ разрѣшенія начальства, казаками была совершена предъ городомъ смертная казнь надъ нѣкоторыми личностями особенно выдѣлвившимися своими преступленіями. Такъ былъ казненъ чрезъ

повѣшеніе мурда здѣшняго города, который, какъ я слышала, самолично грабилъ имущество Болгаръ производя разбой и неслыханныя надъ женщинами насилія. Значительно позже въ городъ приведенъ былъ Болгарами-волонтерами предводитель шайки башу-бузуковъ, наводившій на окрестныхъ жителей паническій страхъ своими злодѣянiami. Болгарамъ при помощи хитрости удалось какъ-то схватить негодая въ то самое время когда онъ распорядился и отдавалъ приказаніе съ цѣлью совершить разбойничій набѣгъ на жителей деревень. На видъ это былъ чистый разбойникъ, высокаго роста и въ довольно изящномъ офицерскомъ костюмѣ. Онъ настолько прославился между жителями своимъ воровствомъ что даже малолѣтнія дѣти завидѣвъ его уже связаннаго и подъ конвоемъ кричали отъ испуга и съ волдемъ бросались въ сторону. Огромная толпа народа окружила злодѣя и ликовала видя его въ рукахъ правосудія преступника. На площади предъ городомъ башу-бузукъ былъ повѣшенъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и мурда.

Со дня прибытія въ Сельви, мы ждали Турокъ нѣсколько дней полуготовые вступить съ ними въ борьбу, но они не явились.

Расположившись въ Ловчѣ, они, повидимому, и не думали выходить оттуда, а тѣмъ болѣе атаковать насъ. Между тѣмъ люди они на Сельви, Богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось — вѣдь Сельви защищала тогда только одинъ Бранскій полкъ съ батареей, да нѣсколько сотенъ казаковъ. При неуспѣхѣ нашего оружія разгромъ послѣдовалъ бы полный, Турки могли бы надѣлать много бѣдъ и хлопотъ нашей арміи. Сознавая все это хорошо и зная малочисленность нашего отряда, я очень радовался въ душѣ что Турки не беспокоятъ насъ и сидятъ въ Ловчѣ. Въ данномъ положеніи ничего не оставалось и желать лучшаго: позиція наша была небольшая и скученная, всѣ командующія высоты впереди города нами не были заняты по недостатку войскъ, иначе пришлось бы растянуть боевую линію, которая тѣмъ вѣроятнѣе могла быть прорвана чѣмъ рѣже и дальше разставлены другъ отъ друга войска и чѣмъ менѣе они могутъ разчитывать на взаимную поддержку. Позиціи же которыя могли занять Турокъ всѣ командовали надъ нашими и врядъ ли нашей артиллеріи удалось бы сбить ихъ оттуда; межъ тѣмъ

турецкая артиллерія громила бы насъ безплощадно, тѣмъ болѣе что воздвигнутыя наши батареи были послѣдней профили. Объ отступленіи намъ нечего было и думать, приказано было побѣдить или умереть. Мы такъ съ этою мыслью и свыклись. Да и что такое отступление? Не въ такомъ духѣ воспитана наша армія, да и не любить русскій солдатъ отступать, что и присуще вообще прямой и храброй славянской натурѣ.

— Рой ложементъ-то поглубже, говоритъ солдатъ своему сосѣду.

— А што? вопрошаетъ сосѣдь.

— Што? Да то что не велѣно отступать; коли ужъ на то, такъ помирать сказано, вотъ-те и все тутъ!

— Помирать!

— Ну да, помирать! Ты вотъ и колай могилу заранѣе, да поглубже чтобы, значить, зарыть сподручнѣе было. Аль не вдомекъ тебѣ?

Къ говорившимъ подошло нѣсколько солдатъ.

— Что за оказія такая случилась, братцы, съ этими Турками? говорилъ одинъ изъ нихъ подсаживаясь къ товарищамъ.— Засѣли въ Ловчѣ и ни туда, ни сюда. Боятся что ли они или не вдомекъ имъ атаковать насъ?

— Нѣтъ, братъ, смекаютъ они не похуже насъ,—башка вѣдь не деревянная, а то что Турки-то эти не больно горазды драться на чистоту или въ полѣ значить. Это вѣдь не то что нашъ братъ: штыкъ, чистое поле, отзвонилъ да и съ колокольни долой. Вотъ дай на мою волю, во вѣкъ не рылъ бы ложемента. А Турокъ другой человѣкъ, онъ роется въ землѣ какъ кротъ и луди не выпуститъ пока не выроетъ этотъ самый ложементъ; тутъ ужъ онъ гораздъ драться и бьется улорно, въ три лота вгонетъ пока вышибешь его оттуда. Про все это начальство-то ихнее вѣдаетъ хорошо, потому и не ведетъ ихъ на насъ. Вотъ тебѣ и весь тутъ сказъ.

— Эва! смотрите, Болгаръ идетъ сколько! Все изъ Ловчи надо-быть, произнесъ солдатъ, указывая рукою по направленію на шоссе.

— Изъ Ловчи, точно, и не откуда больше, подтвердилъ другой пристально вглядываясь въ толпу идущаго народа.—И что за людъ бѣдный эти Болгары! Рѣжутъ ихъ какъ свиней, жгутъ, грабятъ и суда нѣтъ никакого на Турокъ. Такъ пролаждаетъ

равно какъ животное какое. И-и-и... скверно жить тутъ нашему брату христіанину. Ужь знаютъ ли у насъ въ Россіи-то доподлинно про все это?

— Какъ не знать! говорить другой.—Въ Россіи еще больше знаютъ чѣмъ мы, даромъ что сами воюемъ.

— Что это казаки, никакъ въ путь собираются? Сѣдлаютъ лошадей. На Ловчу надо-быть пойдутъ, перебилъ солдатъ указывая товарищамъ на казаковъ которые послѣдшно сѣдали лошадей.

Казаки, дѣйствительно, собирались идти на Ловчу. Они скоро были готовы и двинулись въ путь, при двухъ орудіяхъ казачьей батареи. На нихъ возложено было порученіе разузнать о численности непріятельскихъ войскъ въ Ловчѣ, сдѣлавъ для этого усиленную рекогносцировку; кромѣ того они должны были освѣтить предъ Ловчей мѣстность и выгнать изъ сосѣднихъ деревень Черкесовъ. Казаки нѣсколько разъ были подъ Ловчей, и постоянно возвращались съ непріятнымъ извѣстіемъ что въ Ловчѣ много турецкихъ войскъ и притомъ за хорошо укрѣпленными позиціями. Вслѣдствіе таковыхъ донесеній 15го числа іюля мѣсяца приказано было Брянскому полку съ батареей и сотней казаковъ выступить по направленію къ Ловчѣ и взять, если возможно, этотъ городъ, не вступая съ непріателемъ въ рѣшительной бой. Былъ второй часъ въ исходѣ когда полкъ выстроившись боевою колонной стоялъ на Ловче-Сельвинскомъ шоссе, при выходѣ изъ города: батарея въ срединѣ полка за вторымъ баталіономъ; впереди полка высланъ былъ авангардъ при двухъ орудіяхъ, арріергардъ позади; кромѣ того по сторонамъ боковые патрули: казаки версты на двѣ впереди авангарда. Чуть не всѣ наличные граждане города вышли на площадь провожать насъ. Нѣсколько десятковъ волонтеровъ Болгаръ вооруженныхъ кто чѣмъ могъ присоединились къ полку твердо рѣшившись помогать Русскимъ; кромѣ того нѣкоторые бѣглецы изъ Ловчи нагрузивъ свое имущество на служекъ (ословъ) составили хвостъ колонны и замыкали собою наступательное шествіе. Мы долго ждали Турокъ, они къ намъ не являлись, теперь мы сами рѣшились пойти къ нимъ испробовать свое счастье. Совершенно готовый къ шествію, отрядъ ожидалъ своего начальника, командира полка, полковника Лилинскаго. Овъ пріѣхалъ, поздоровался съ людьми; отрядъ скоро тронулся, музыка заиграла маршъ, Болгары завопили ура и мы стали

медленно подаваться къ Ловчѣ. Полкъ шель облегченный, оставивъ свои ранцы въ городѣ; по этому случаю радости солдатъ не было конца.

— Точно гора свалилась съ плечъ, говорили они.—Теперь уже можно идти хоть куда. Слasiбо начальству, дай Богъ здоровья, и въ благодарность крестились обнажая свои головы.

Отъ Сельви до Ловчи, на протяженіи тридцати верстъ, пролегла шоссейная дорога, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ довольно крутыми подъемами и поворотами въ сторону. По дорогѣ попадались каменные бассейны съ чистою и холодною водою, что для отряда по случаю сильныхъ жаровъ имѣло особенную важность. По сторонамъ дороги мѣстами раскидывались турецкія деревни съ минаретами, откуда обыкновенно выходили намъ навстрѣчу Турки, предлагая воду въ глиняныхъ кувшинахъ. Такая любезность съ ихъ стороны была достойна почтена нашими солдатами: они охотно принимали воду, благодарили ихъ за услугу, нерѣдко гладили ихъ по головкѣ. Остротамъ и смѣху по этому поводу не было конца.

Время близилось къ ночи когда отрядъ успѣлъ пройти половину дороги. Здѣсь приказано было остановиться и расположиться на ночлегъ бивуакомъ. Два орудія моего взвода шедшія до сего времени въ авангардѣ сняты были съ передковъ и поставлены на шоссе, дулами къ Ловчѣ; передки отъѣхали назадъ и стали въ скрытомъ отъ выстрѣловъ мѣстѣ; по сторонамъ орудій разсыпалась густая стрѣлковая цѣль, резервы цѣли расположились позади за склономъ горы, а главныя силы при шести оставшихся орудіяхъ на полторы версты сзади правѣе шоссе въ лѣсу на небольшой луговинѣ. Орудія заряжены были обыкновенною гранатой. Прислугѣ дежурнаго взвода, а тѣмъ болѣе офицеру вмѣнялось въ обязанность всю ночь напролетъ бодрствовать, цѣли и резервамъ то же самое. Казачій пикетъ высланъ былъ впередъ на нѣсколько верстъ. Ночь была холодная и дулъ сѣверный вѣтеръ. Солдаты сидѣли у своихъ орудій и тихо разговаривали между собой; къ нимъ подошли ближайшія звенья стрѣлковой цѣли и завели съ нашими общую бесѣду. Меня томила жажда и чаю хотѣлось до смерти, межъ тѣмъ обозъ нашъ съ деньщиками остался въ городѣ, не приказано было его брать съ собой; я всачески изощрался придумывая что бы такое сотворить чтобы валиться горячаго, дрожь же пробирала изрядно; лежалъ я на землѣ вверхъ животомъ и заложивъ подъ голову руки. Мои

размышленія были скоро прерваны пришедшимъ пѣхотнымъ солдатомъ.

— Ваше благородіе? сказалъ онъ.

— Чтѣ такое? спросилъ я приподымаясь съ земли.

Подоседшій говорилъ такимъ голосомъ что я подумалъ сначала не налаждаютъ ли ужь Турки.

— Офицеры васъ просятъ на чай.

— Да, неужь то?

— Такъ точно! Приказали просить ваше благородіе.

Я несказанно обрадовался этому извѣстію и сейчасъ же направился къ офицерамъ, которые оказались расположенными шагахъ въ двадцати отъ моихъ орудіи. Самоваръ кипѣлъ и я засталъ ихъ сидящихъ близъ его полукругомъ. Опытный майоръ какъ-то умудрился захватить самоваръ и натурально чай и сахаръ.

— То-то вы всѣ франты, говорилъ онъ. Мало еще бывали въ походахъ, ну, а насъ стариковъ не проведешь. У насъ все сыщется.—Мы долго говорили, чуть не всю ночь напролетъ, бесѣдуя на разныя темы; къ разсвѣту я ушелъ къ своимъ орудіямъ, легъ на соломѣ и такъ лежа все думалъ и думалъ.

Звѣздочки слабо мерцали на небосклонѣ, задернутыя рѣдкими облачками. Луны не было видно, она лотонула гдѣ-то въ необъятномъ пространствѣ вселенной. Кругомъ было тихо, только сверчокъ трещалъ гдѣ-то въ травѣ, да вѣтеръ завывалъ въ ближайшемъ лѣсу. Отъ грустныхъ думъ сердце сжималось болѣзненной тоской; томила какое-то злобное предчувствіе, чего-то хотѣлось, но чего и самъ не зналъ я. Опять припомнилось дѣтство, былые года, хотѣлось куда-то унести въдалѣ, отдохнуть отъ тревогъ боевой жизни, забыться немного...

Такъ долго думалъ я и не замѣтилъ какъ разсвѣло. Скоро отдано было приказаніе собираться въ дорогу. Пѣхота стала въ ружье, передки поданы были къ орудіямъ, и мы пошли далѣе.

VIII.

Изъ всѣхъ славянскихъ народностей подлавшихъ въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка подъ владычество Османлисовъ, Болгарскій народъ былъ едва ли не самымъ забытымъ. Европа осталась глухою къ ихъ страданіямъ, и одна только Россія

не переставала еще оказывать ему въ некоторую помощь, будучи связана съ нимъ узами крови и религіи.

Въ V вѣкѣ имя Болгаръ впервые появляется въ исторіи. Перейдя Дунай и слившись съ племенами поселенія которыхъ тянулись отъ Добруджи къ западу до рѣки Дравы Болгары составили съ этими племенами одно сильное Болгарское царство. Рядомъ съ военными успѣхами шло и гражданское развитіе страны, а принятіе Болгарами православнаго христіанства отъ святителей Кирилла и Меѳодія пророчило странѣ блестящую будущность, какъ вдругъ въ концѣ XIV вѣка грубый напоръ фанатической силы разрушилъ мечтанія Болгаръ. Они подлали подъ власть своихъ побѣдителей Турокъ. Съ этой минуты Болгары униженные и порабощенные стали влачить жалкое существованіе. До 1828 года, вслѣдствіе политическаго положенія, а равно и враждебнаго сосѣдства славянскихъ племенъ, Болгары не проявляли съ своей стороны никакой попытки освободиться отъ ига Турокъ. Съ 1828 же года они въ первый разъ возымѣли мысль сбросить съ себя невыносимое владычество, но Адрианопольскій миръ подавилъ это движеніе въ самомъ зародышѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, Болгары не переставали заявлять о своемъ существованіи: возстанія встѣхивали въ 1837, 1841 и въ шестидесятыхъ годахъ, но были жестоко подавляемы. Положеніе съ каждымъ днемъ становилось хуже и, наконецъ, разразилось въ 1876 году неслыханными варварствами. По географическому положенію и по богатству природы Болгарія—цвѣтущая провинція и одна изъ красивѣйшихъ мѣстностей Европы. Климатъ обуславливаемый Балканами не чуждъ недостатковъ. Придунайская Болгарія, какъ болѣе приподнятая сравнительно съ Румыніей, свободно обдувается сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, вслѣдствіе чего лѣтній жаръ умѣряется здѣсь на 10°, за то усиливается зимняя стужа до 20°. Зимой здѣсь не столько досаждаютъ стужа какъ порывистый, ледяной вѣтеръ, который, заметая дороги снѣгомъ, тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ мало проѣзжими. Въ Забалканской Болгаріи, какъ защищенной отъ сѣверо-восточнаго вѣтра хребтомъ горъ, холода рѣдко доходятъ до 5°, снѣгъ лежитъ здѣсь лишь нѣсколько дней, да и тотъ стаиваетъ отъ полуденныхъ лучей солнца. За то лѣтомъ сильный жаръ въ особенности невыносимый въ глубокихъ долинахъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ стоячихъ водъ идутъ вредныя

испаренія, поражаетъ жестокою лихорадку извѣстную въ войскахъ подъ именемъ болгарской.

Виды въ Болгаріи превосходные. Огромныя горы сивѣютъ издали, вершины коихъ локоятся безмятежно, вѣчно задернутыя облаками; проласты и глубокія ущелья перерѣзываютъ горы; дороги винтомъ извиваются надъ окраинами ущелій переходя мѣстами въ тропинки столь узкія что слѣдовать по нимъ можно лишь только на вьючныхъ животныхъ, и то съ большою предосторожностію. Одинъ невѣрный шагъ и вы рискуете провалиться въ бездонную проласть. Отроги Балканъ доходятъ почти до Дуная пересѣкая мѣстность по всѣмъ направленіямъ, они образуютъ широкіе дуга и котловины покрытые высокою зеленою травой; стада пасутся на этихъ дугахъ, орошаемыхъ водами небольшихъ рѣкъ впадающихъ въ Дунай. Но Болгарія много проигрываетъ отъ недостатка лѣсовъ, которые уничтожались здѣсь безо всякой правильной системы лѣснаго хозяйства.

Чѣмъ ближе придвигались мы къ Ловчѣ, тѣмъ восхитительнѣе представлялся ландшафтъ мѣстности: налѣво отъ дороги сивѣли Балканы, направо большая долина и дикія таинственныя ущелья на днѣ которыхъ видѣлись густые кустарники окрывавшіе небольшіе ручьи съ прозрачною и чистою водою; прямо предъ нами высились горы за которыми расположена была Ловча. Тихо и осторожно придвигались мы къ мѣсту съ котораго можно было видѣть городъ и турецкія позиціи. Казаки шли впереди. Дорога извилинами подымалась въ горы изъ которыхъ налѣво одна казалась мнѣ подозрительною: на вершинѣ ея видѣлись какія-то черныя насыпи которыя съ перваго раза можно было принять за непріятельскія батареи; гора же эта была очень близка отъ насъ. „Что думаю я, какъ Турки подлустятъ насъ на дѣйствительный выстрѣлъ и хватятъ въ нашу колонну картечью, совершенно неожиданно для насъ всѣхъ? Что тогда?“

Тогда отъ нѣсколькихъ залповъ картечью, пока и батареи не существовало бы! Но по счастью мои предположенія не были вѣрны, мы благополучно миновали гору, никакого движенія на ней не обнаруживалось, двигаясь такъ мы дошли наконецъ до перевала съ котораго Ловча и позиціи Турокъ раскинулись предъ нами. Отряду приказано было тутъ остановиться.

Стрѣлки разсылались по сторонамъ дороги и поддерживаемые небольшими резервами стали тихо слускаться внизъ по

направленію къ горѣ Русь, у насъ же извѣстной подъ именемъ Рыжей. Гора эта была занята Турками и изрыта по всѣмъ направленіямъ ложементами, она господствовала надъ Ловчей и была западнымъ и главнымъ ключомъ позиціи Турокъ при защитѣ ими города.

Первый взводъ нашей батареи подъ командой капитана Сливцака * занялъ позицію по ту сторону перевала и правѣе шоссе, на небольшой площадкѣ гдѣ въ изобиліи росъ дикій виноградъ. Съ позиціи этой Рыжая гора была видна отлично, равно и часть города, прилегающая къ рѣкѣ Осмѣ; кромѣ того въ пяти верстахъ отъ позиціи за рѣкой Осмой чернѣлъ большой турецкій редутъ составлявшій послѣдній опорный пунктъ Турокъ; редутъ былъ сильной профили и какъ оказалось въ послѣдствіи вооруженъ дальнобойными орудіями.

Турки зашевелились и забѣгали на Рыжей горѣ замѣтивъ насъ. Раскинутая на горѣ, чья-то ляматка была послѣдно снята; какой-то человекъ среди ихъ, должно быть начальникъ, бѣгалъ взадъ и впередъ, махая руками и видимо отдавая какія-то приказанія. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ всѣ они ползались по своимъ ложементамъ. Баталіонъ лѣхоты съ четырьмя орудіями моей полубатареи расположился на шоссе за переваломъ и составилъ общій резервъ. Солдаты резерва разсѣлись вдоль дороги, иные спустились даже въ оврагъ примыкавшій къ дорогѣ. Всѣ говорили тихо ожидая начала дѣла. Я поднялся на вершину перевала съ котораго можно было видѣть паденіе нашихъ снарядовъ. Здѣсь, въ бинокль, сталъ я тщательно разсматривать непріятельскія позиціи. Онѣ казались мнѣ трудно доступными и вполне подготовленными къ упорной оборонѣ. Я сразу тутъ же увидѣлъ что небольшому нашему отряду нечего было и думать о возможности взять Ловчу, иначе это было бы рискованное предпріятіе которое могло бы кончиться гибелью дѣлаго отряда, и притомъ безо всякаго результата. При тогдашнемъ оборонительномъ положеніи Ловчи и количествѣ нашихъ силъ, самое большое что мы могли сдѣлать это искусными маневрами и демонстраціями заставить противника развернуть свои силы и тѣмъ способствовать намъ къ разузнанію численности его войскъ. Все это, конечно, не могло ускользнуть отъ опытнаго и тактическаго взгляда полков-

* Теперь подполковникъ.

ника Липинскаго, и всѣ послѣдующія его распоряженія имѣли исходною точкой именно эту цѣль.

Какъ только войска стали въ боевую линію, артиллерійскому взводу приказано было открыть огонь. Скоро облако густаго дыма показалось въ воздухѣ и раздался выстрѣлъ. Солдаты по обыкновенію перекрестились. Послышался пронзительный шумъ въ ущельѣ между горами; огонь былъ направленъ въ ложементы Рыжей горы. Съ перваго же выстрѣла, что бываетъ очень рѣдко, снарядъ прямо попалъ въ цѣль—разрывъ гранаты послѣдовалъ въ самомъ ложементѣ. Фуроръ произошелъ необыкновенный! Нѣкоторые солдаты въ восторгъ закричали даже *ура*. Дистанція до ложементовъ оказалась въ 1.200 сажень. Первый и притомъ настолько удачный выстрѣлъ произвелъ на Турокъ потрясающее моральное дѣйствіе: многіе изъ нихъ выбѣжали изъ ложемента и стали послѣшно перебѣгать въ другой; но наши артиллеристы не упустили этого благоприятнаго момента: быстро наведя туда же другое орудіе, они сдѣлали по нимъ второй выстрѣлъ, произведшій въ рядахъ Турокъ сущую панику. Граната разорвалась между ними и выхватила, вѣроятно, изъ ихъ рядовъ не мало жертвъ. По крайней мѣрѣ съ полчаса взводъ наш билъ въ непріятельскіе ложементы, турецкая же артиллерія во все это время молчала, ничѣмъ не заявляя о своемъ присутствіи. Къ первому взводу артиллеріи черезъ нѣкоторое время примкнулъ второй подъ командой подпоручика Скоробогатаго и вмѣстѣ съ первымъ началъ громить ложементы. Наконецъ, непріятельская артиллерія проснулась. Клубъ бѣлаго дыма поднялся вверхъ надъ брустверомъ редута, шесть, семь секундъ паузы, и въ воздухѣ слышалось шипѣніе переходившее все болѣе и болѣе въ пронзительный свистъ, граната ударилась въ землю, не долетѣвъ до нашей артиллеріи. Капитанъ Сливцкій попробовалъ было послать въ редутъ гранату, взявъ высоту прицѣла на четыре версты, но граната гдѣ-то безслѣдно пропала, и не было видно мѣсто паденія, онъ попробовалъ въ другой разъ—то же самое; въ этихъ случаяхъ артиллеристамъ ничего не остается больше дѣлать какъ отказаться отъ стрѣльбы въ подобную цѣль. Турки же продолжали стрѣлять все чаще и чаще. Первые гранаты не долетали до цѣли и ударялись о землю не разорвавшись,—недолеты были значительны; потомъ вдругъ неожиданный скачокъ, граната перелетаетъ черезъ нашу артил-

лерію и ложится далеко сзади разорвавшись вблизи и лѣвѣ нашего резерва; большой осколокъ съ визгомъ пронесся около насъ, сорвавъ кели съ головы у одного солдата. Солдатъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поднялъ съ земли кели и флегматически надѣлъ его обратно себѣ на голову, даже не сказавъ ни слова.

Скоро непріятельская артиллерія пристрѣлялась, гранаты ея стали ложиться близко какъ около насъ, такъ равно и близъ нашей стрѣлковой цѣли; цѣль значительно не дойдя до подошвы Рыжей горы остановилась, найдя для себя кое-какія закрытія въ небольшихъ ровикахъ, окаймлявшихъ склоны горы. Бой въ этотъ день былъ исключительно артиллерійскій, пѣхота, наша и непріятельская, по значительному между ними разстоянію, превышавшему сферу ружейнаго выстрѣла, во все время не принимала участія въ боѣ.

Въ то время какъ артиллерія наша громила непріятельскіе ложементы, въ городѣ Ловчѣ и за рѣкой Осмоѣ происходили безпрерывныя передвиженія турецкихъ колоннъ; передвиженія эти были хорошо видны съ нашей позиціи, на глазомѣръ можно было сдѣлать приблизительный расчетъ о числѣ таборовъ пѣхоты, полагая въ таборѣ среднимъ числомъ по 600 человекъ. Число же непріятельскихъ орудій узнать было очень трудно какъ по большому разстоянію редута отъ нашей позиціи (5 верстъ), такъ и потому что Турки избѣгали стрѣльбы залпами въ этотъ день до которой вообще они большіе охотники.

Въ составъ Ловчинскаго отряда входила также и кавалерія состоявшая изъ Черкесовъ и баши-бузуковъ. Но эту сволочью мы нисколько не интересовались: для насъ было безразлично сколько бы ихъ ни было, такъ какъ дрянь эта никогда не могла принести намъ серьезнаго вреда, довольно было послать въ нихъ одну гранату чтобъ эти разбойничьи орды немедленно показали свой тылъ. Къ 5 часамъ вечера, 18го іюля, рекогносцировка Ловчи окончилась. Батареѣ и стрѣлкамъ приказано было сняться съ позиціи и отойти назадъ къ общему резерву. Я не помню была ли въ этотъ день убитъ въ людяхъ, если и была, то очень незначительная; изъ нашей же батареи выбывшихъ изъ фронта не было. Построившись, отрядъ сталъ отступать къ бивуаку, послѣдній былъ верстахъ въ пяти отъ позиціи и въ небольшомъ лѣсу прилежавшимъ къ Ловче-Сельвинскому шоссе, но не услѣди

мы пройти и двухъ верстъ, какъ услышали далекіе орудійныя выстрѣлы съ сѣверо-западной стороны Ловчи, по нашему предположенію, это генераль Скобелевъ со своимъ отрядомъ дѣйствовалъ на Ловчу со стороны Шлевны; нашъ отрядъ имѣлъ тогда взаимную связь съ отрядомъ генерала Скобелева: при помощи ординарцевъ и вѣстовыхъ генералу сообщалась своевременно всѣ наши дѣйствія и предположенія касательно непріятельскихъ войскъ занимавшихъ Ловчу.

— Слышите? сказалъ мнѣ полковникъ Лилинскій, обращая мое вниманіе на выстрѣлъ.

— Слышу, полковникъ, отвѣтилъ я.

— Такъ поѣзжайте съ вашею полубатареей опять на позицію и откройте огонь чтобы генераль зналъ что мы здѣсь.— Да поѣзжайте рысью, добавилъ онъ.

Я сейчасъ повернулъ свою полубатарею налѣво кругомъ, скомандовалъ „рысью — марш“, и полубатарея на полныхъ рысяхъ стала приближаться къ мѣсту прежней позиціи. Полковникъ ѣхалъ съ нами; одинъ изъ баталіоновъ повернуть былъ назадъ для нашего прикрытія; мы доѣзжали уже до позиціи подымаясь на крутую гору, какъ подѣхалъ ко мнѣ офицеръ и объявлялъ что моею полубатареей приказано повернуться кругомъ и слѣдовать на бивуакъ. Оказалось что къ тому времени выстрѣлы смолкли и открывать съ нашей стороны огонь съ цѣлью дать знать о себѣ генералу Скобелеву было уже поздно.

На бивуакѣ, въ тѣни деревьевъ, мы хорошо передохнули отъ тревогъ минувшаго дня; офицеры нашей батареи всѣ были въ сборѣ, насъ было четыре человека не считая командира батареи. Мы горячо бесѣдовали о различныхъ лерилетіяхъ боя, такое ужь дѣло война, гдѣ испытанныя ощущенія всегда слишкомъ сильны и о которыхъ пріятно вспомнить и поговорить на дорогѣ. Скромная закуска и чай скоро не замедлили появиться предъ нами, аплетить у всѣхъ былъ хорошій, такъ какъ во весь день не нашлось свободной минуты перекусить что-нибудь. Тѣмъ временемъ день близился къ ночи; мракъ воцарился на небѣ, луна скрылась за облаками; сонъ незамѣтно охватывалъ насъ, глаза тяжѣли отъ усталости, сладко потянувшись на соломѣ мы всѣ уснули какъ убитые....

На слѣдующій день отрядъ рано поднялся и снова пошелъ къ Ловчѣ. Въ этотъ день мы не безлокали Турокъ, и

старались выбрать наилучшую для себя позицію, на случай еслибы Турки сами вздумали атаковать насъ. Хорошихъ въ тактическомъ смыслѣ позицій на этомъ пространствѣ не было, приходилось довольствоваться лучшею изъ худшихъ. Сторожевые посты и казацкии пикеты расположились впереди отряда на томъ самомъ перевалѣ гдѣ 18го юля происходилъ у насъ бой. Моей подубатарей пришлось стать на довольно высокой горѣ, правѣе шоссе. Хотя мой путь отступления былъ хорошъ и позиція давала возможность удобно разставить и скрыть свои орудія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, но тѣмъ не менѣе позиція эта страдала существеннымъ недостаткомъ въ отношеніи малаго обстрѣла или сферы дѣйствія орудій. Впереди, напримѣръ, мѣстность открывалась всего только на 400 саж.; на большую же дистанцію стрѣлять было невозможно, соседняя гора совершенно закрывала собою лежащую за ней долину, по которой непріятель могъ бы безъ всякаго вреда для себя подойти къ намъ на близкую дистанцію.

20го юля два баталіона полка и взводъ третьей батареи, или два орудія, снова подошли къ той самой позиціи гдѣ происходилъ бой 18 юля. Не вполне довольствуясь произведенною этого числа рекогносцировкой, полковнику Дилинскому необходимо было знать еще нѣкоторыя существенныя подробности какъ относительно непріятельскихъ силъ, такъ равно и положенія турецкихъ батарей. Черныя насыпи, сутки назадъ появившіяся на вершинѣ Рыжей горы, казались ему подозрительными, нужно было убѣдиться батарея ли эта или нѣтъ. Двумъ орудіямъ моего взвода приказано было по этому случаю стать на самомъ шоссе и открыть огонь по насыпямъ. Пѣхота заняла боевую линію и разсыпала стрѣлковъ по бокамъ орудій.

Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ мною на 1.500 сажень или на три версты. Снарядъ безслѣдно пропалъ и паденія его не было видно; вслѣдствіе пересѣченной мѣстности сдѣлать за снарядомъ было очень трудно, нѣкоторыхъ снарядовъ совсѣмъ не было видно гдѣ они падали, такъ сдѣлалъ я двѣнадцать выстрѣловъ и послалъ казака къ полковнику доложить, не разрѣшить ли ому перемѣнить мнѣ позицію съ которой удобнѣе было бы наблюдать за снарядами. Казакъ воротился и объявилъ „что полковникъ сказывалъ вашему благородію взять орудіе на передокъ, такъ какъ пѣхота

начнетъ сейчасъ отступать“. Твѣнь кончилась рекогносцировка. Турки съ насыли куда я стрѣлялъ мнѣ не отвѣчали, изъ чего мы и сдѣлали выводъ что за насылью этой никакихъ неприятельскихъ орудій не было, что и требовалось доказать. 25го числа къ намъ примкнулъ отрядъ генерала Скобелева; 26го же числа іюля подъ его начальствомъ сдѣлана была вновь усиленная рекогносцировка города Ловчи. Въ отрядѣ генерала Скобелева 2го, насколько я помню, были тогда два баталіона 16й дивизіи, Владикавказскіе казаки, драгуны и 1я батарея 30й артиллерійской бригады. Съ прибытіемъ генерала Скобелева все кругомъ оживилось, всѣ ожидали болѣе важныхъ событій и многіе изъ насъ полагали что генераль имѣлъ рѣшительное намѣреніе взять Ловчу, и что вообще такъ или иначе, а лобоище выйдетъ огромное, потому что генераль человекъ храбрый и шутить не любитъ. Брянскій полкъ и наша батарея къ тому времени много уже слышали про военные подвиги генерала; между ними сейчасъ же пошли толки и разговоры какъ только они завидѣли генерала.

— Семень, а Семень? окликаетъ солдатъ своего товарища, который лежа на землѣ грызъ сухари.

— Чего?

— Пиши лисьмо-то къ родителямъ!...

— А что?

— Не видишь развѣ? Скобелевъ пріѣхалъ; сказываютъ завтра Ловчу брать будетъ.

Лежавшій солдатъ приподымается и съ какимъ-то пожирающимъ любопытствомъ начинаетъ всматриваться въ генерала.

— И возьметъ, ей-же слово возьметъ, если только захочетъ, потому пуля его не беретъ. Слово знаетъ такое!...

— Теперь, значить, держись: въ самое лекало пойдешь.

— Въ Хивѣ вѣдь былъ, Коканцевъ колотилъ, завоевалъ все иже царство.

— А главное безъ толку не дѣйствуетъ: самъ поидетъ да посмотреть; вывѣдаетъ все, а—потомъ и поведетъ. Вотъ оно что! добавилъ другой.

Долго еще на эту тему продолжали говорить солдаты; каждый разбиралъ генерала по-своему и вставлялъ свои замѣчанія; каждый любопытствовалъ взглянуть на героя съ которымъ завтрашній день приходилось всѣмъ имъ участвовать въ битвѣ.

— Смотрите, братцы, генераль-то никакъ садится на лошадь—должно собирается осматривать позицію, сказалъ одинъ

солдаты указывая на генерала и обращая на это внимание прочихъ.

Генералъ Скобелевъ дѣйствительно скоро отправился осматривать позицію предстоящаго боя. Всѣ командиры отдельныхъ частей послѣдовали за нимъ. Прежде всего генералу желательно было разставить на позиціи возможно удобнѣе артиллерію, для этого приказано было командѣ рабочихъ съ долатами и съ кирками продолжить дорогу влѣво отъ шоссе на сосѣднюю гору, гдѣ назначалось стать моею полубатареѣ и первой батарееѣ 30й артиллерійской бригады, кромѣ того команда занялась рытьемъ небольшихъ ровиковъ, гдѣ могла бы найти закрытіе орудійная прислуга, а также ровиковъ съ аппарельными спусками собственно для скрытія зарядныхъ артиллерійскихъ ящиковъ; вырыты были и ложементы для пѣхотныхъ солдатъ назначенныхъ въ прикрытіе артиллеріи. Диспозиція боя была объявлена войскамъ своевременно и каждый уже заранѣе зналъ что предстоитъ ему дѣлать завтра. Когда вся эта операція подготовки боя была окончена, всѣ разошлись восвояси, и такъ какъ время было уже позднее, то на мѣстахъ выбранной позиціи была разставлена аванпостная цѣль, поддерживаемая баталіономъ пѣхоты; отрядъ этотъ долженъ былъ оставаться здѣсь всю ночь до разсвѣта.

На слѣдующій день, около пяти часовъ утра, всѣ наличныя силы стояли уже на позиціи въ боевой линіи и каждая часть на указанномъ ей мѣстѣ. Первая полубатарея нашей батареи стала на томъ же самомъ мѣстѣ гдѣ и прежде во время боя 18го юля. Около шести часовъ утра раздался съ нашей стороны первый орудійный выстрѣлъ, посланный въ ложементы Рыжей горы полубатареѣ капитана Сливицкаго. Двѣ, три минуты промежутка времени, и по всей нашей боевой линіи открылась сильная канонада противъ турецкихъ ложементовъ. Въ канонадѣ участвовали двѣ батареи или шестнадцать орудій. Выстрѣлы батарей были очень удачны, многія гранаты рвало въ самомъ ложементѣ, это тѣмъ болѣе должно было быть такъ что батарея наша еще прежде успѣла пристрѣляться къ позиціямъ Турокъ, почему огонь ея былъ съ перваго выстрѣла чрезвычайно мѣтокъ и смертеленъ. Такъ продолжалась стрѣльба часъ слишкомъ, когда вдругъ неожиданно замѣтили мы у ложементовъ Рыжей горы небольшое пламя, которое разрастаясь все болѣе и болѣе

приняло большіе размѣры и видъ какъ бы пожара. Оказалось что горѣли содоменные шатры и навѣсы, которые выстрѣлами подожегла наша артиллерія. Громовое ура слышалось въ рядахъ войскъ, какъ только увидали они это зрѣлище. Турки перелуганные пожаромъ и не выдерживая губительнаго огня батарей бросились бѣжать изъ ложементовъ къ подошвѣ горы, въ небольшіе ровики, гдѣ стали прятаться отъ нашихъ выстрѣловъ. Тѣмъ временемъ лѣхотѣ отдано было приказаніе наступать къ Рыжей горѣ. Турки, какъ только войска наши вошли въ сферу ружейнаго огня, открыли частый огонь, похожій на звукъ какъ бы отъ барабанной дробы. Чтобы поддержать наступленіе лѣхоты и понудить Турокъ прекратить ружейные выстрѣлы, генералъ Скобелевъ чрезъ посланнаго ординарца Верещагина * приказалъ батареямъ усилить огонь по турецкимъ ложементамъ. Тогда мы начали бить заллами. Положеніе Турокъ было трагическое.—ахъ царилъ надъ ихъ ложементами! Они метались во всѣ стороны, ища для себя спасенія; ихъ ружейный огонь умолкъ почти совсѣмъ. Это была удобная для насъ минута. Генералъ Скобелевъ все время находившійся впереди стрѣлковой цѣли, на бѣлой своей лошади, услѣлъ этимъ временемъ высмотрѣть вполнѣ непріятельскія позиціи и опредѣлить численность турецкихъ войскъ. Лошадь подъ генераломъ была тогда ранена; самъ же онъ, какъ и всегда, спасся какимъ-то чудомъ. Наконецъ убѣдившись въ невозможности взять наличными силами Ловчу, онъ отдалъ войскамъ приказаніе отступать, а артиллеріи частымъ огнемъ поддерживать отступление лѣхоты. Во все время боя, турецкая артиллерія отвѣчала намъ энергически, и хотя снаряды ея и ложились предъ нами превосходно, но тѣмъ не менѣе вреда намъ не принесли никакого. Изъ артиллеристовъ опять не было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Пѣхота же пострадала, въ особенности при отступленіи. Выбывшихъ изъ фронта, если не ошибаюсь, было до 25 человекъ, въ томъ числѣ и командиръ 2го баталіона Брянскаго полка, раненый въ ногу. Его мѣсто занялъ тогда майоръ Молотовъ. Въ дѣлѣ этомъ особенно пострадала бя рота Брянскаго полка, капитана Канчиолова, все время находившаяся впереди и въ сферѣ самаго

* Братъ нашего извѣстнаго художника, въ послѣдствіи убитый подъ Плевной.

дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла; три четверти изъ бывшихъ принадлежали этой ротѣ.

Такимъ образомъ закончился славный бой 26го іюля въ который войска явили себя истинными героями. Батареи какъ и всегда, работали мастерски и неутомимо; хотя онѣ и были поражаемы массою непріятельскихъ гранатъ, но тѣмъ не менѣе заставили таки умолкнуть непріятельскихъ стрѣлковъ, турецкіе ложементы мѣткимъ огнемъ съ батарей были изрыты, а палаты и навѣсы преданы пламени, наивысшій услѣхъ артиллерійской канонады если принять въ разчетъ что батареи стрѣляли все время обыкновенною гранатой, а не картечною *, чего нельзя было сдѣлать вслѣдствіе значительной дистанціи до непріятельскихъ ложементовъ (2¼ версты). Генералъ Скобелевъ остался отмѣнно доволенъ дѣйствіями войскъ и ихъ боевою подготовкой. Это тѣмъ болѣе для насъ лестно что генералъ Скобелевъ пользуется извѣстностью знатока военнаго дѣла и самъ отличается неслыханною, изъ ряда вонъ выходящею храбростію. Что до меня, то я не видѣлъ еще такихъ храбрыхъ людей какъ генералъ Скобелевъ, скажу болѣе, я не предполагалъ никогда чтобы человѣкъ могъ быть настолько храбръ и хладнокровенъ. Распространенное восьмистипіе, неизвѣстно кѣмъ сочиненное, совершенно вѣрно и правдиво схвачено въ отношеніи генерала Скобелева:

Кто скачетъ, кто мчится на бѣломъ конѣ,
На встрѣчу свистящихъ гранатъ?...
Стоитъ невредимый кто въ адскомъ огнѣ,
Безъ брони, безъ шлема, безъ латъ?

Вотъ кто онъ тотъ всадникъ на бѣломъ конѣ,
Народной любовью хранимый
Герой изъ героевъ въ Восточной войнѣ,
Онъ — Скобелевъ непобѣдимый!

Послѣ дѣла 26го іюля Брянскій полкъ и наша батарея продолжали оперировать на Ловче-Сельвинскомъ шоссе, выбирая на этой мѣстности наилучшія для себя позиціи; опасеніе что Турки отъ Ловчи сами могли перейти въ наступленіе, ни на минуту не оставляло насъ. Сообразно съ этимъ, характеръ

* При одноарусной дистанціонной трубѣ картечною гранатой можно стрѣлать не далѣе 800 сажень.

дѣйствія отряда за все это время былъ чисто оборонительный. Два шла тоскливые и длинные; жизнь на позиціи текла однообразно, а стоявшіе въ то время жары еще болѣе усилили страданіе и скуку. Въ полдень бывало не было слышно и человѣческаго голоса, всякій сидѣлъ или спалъ притаившись какъ могъ отъ жара, босые, полуодѣтые солдаты лежали уткнувшись лицомъ въ землю и усиленно втягивая въ себя ея прохладу и влагу. Небольшой дѣвъ нѣсколько умѣрялъ температуру воздуха, но за то отъ комаровъ не было никакого спасенія; искусанное тѣло покрывалось пузырями кровь ручьями сочилась по лицу нѣкоторыхъ. Съ наступленіемъ вечера позиція нѣсколько оживлялась... Повсюду слышалось движеніе и говоръ; дружные хоры пѣсенниковъ весело оглашали скучное поле. Офицерство сходилось къ кому-нибудь поиграть въ карты. Костры раскладывались по всему бивуаку, на иныхъ готовился солдатскій ужинъ, а около другихъ тѣснилась кучка солдатъ, спасааясь отъ комаровъ и толкуя на разные лады и мотивы.

Такъ прожили мы до первыхъ чиселъ августа мѣсяца когда командиромъ полка была въ первый разъ заявлена просьба о необходимости смѣнить полкъ и батарею, что было необходимо, такъ какъ люди достаточно-таки пооборвались и обносились; продолжительная же стоянка отряда на позиціяхъ требовала для людей физическаго и нравственнаго отдыха. Просьба командира полка была уважена, и 2го числа августа на смѣну намъ пришелъ Минскій полкъ 14й дивизіи съ батареей. Мы снялись съ позиціи и направились обратно къ Сельви.

6го августа Брянскій полкъ праздновалъ здѣсь свой полковой праздникъ. Былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятиемъ. На праздникъ полка присутствовалъ начальникъ 9й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Мирскій. Полкъ съ радостью привѣтствовалъ посѣщеніе своего начальника и ликовалъ цѣлый день припоминая свое боевое, прошлое... Офицеры 3й батареи также присутствовали на праздникъ и дѣлили съ полкомъ его общую радость. Музыка гремѣла, не умолкая въ теченіе сутокъ.

Вечеромъ офицеры составили свой хоръ прекрасно исполнивъ нѣкоторыя изъ народныхъ и военныхъ пѣсенъ. Славныя дѣла войны сблизили всѣхъ, въ тѣсномъ кружкѣ товарищество офицеровъ провожало свой праздникъ до поздней ночи. Много было овацій и тостовъ, много теплыхъ бесѣдъ и

задушевныхъ признаній; какъ бы предчувствуя грозное близкое, полкъ слился въ нераздѣльное цѣлое... Брянцы веселились, а Сулейманъ собиралъ въ это время свои полчища и надвигалъ ихъ на Шилку. Сердечные! они и не подозрѣвали что имъ готовится. Вѣрные сыны Россіи и закаленные воины, они и не думали что имъ предстоитъ новое, ужасное испытаніе, испытаніе долженствующее отвагой и героизмомъ полка покрыть нашу армію новою славой, еще не виданною и не слыханною....

Брянцамъ черезъ два дня приходилось собственною грудью отстаивать Шилку и тѣмъ спастись честь арміи отъ великаго погрома и несчастія.

Кто бы могъ сказать тогда что многимъ изъ Брянцевъ оставалось всего только два дня до смерти?..

8го августа, на разсвѣтъ, курьеръ прилетѣлъ въ Сельви съ бумагой, въ которой значилось что Брянскому полку предписывается немедленно выступить изъ города Сельви и форсированнымъ маршемъ слѣдовать на Шилкинскій перевалъ.

Въ это время я еще покойно олочивалъ въ незатѣливой избушкѣ, гдѣ по соглашенію съ хозяиномъ ея остановились я и Петръ Николаевичъ Козловъ. Чьи-то торопливые удары въ калитку слышались съ улицы. Денщикъ отперъ калитку и нѣсколько офицеровъ полка вбѣжали къ намъ въ избушку.

— Вставайте, вставайте! тормозили они меня.

— Что такое? услуганно спросилъ я.

— Прощайте! На Шилку идемъ... Господи что-то будетъ?! Приказано немедленно выступить и идти форсированнымъ маршемъ... Прощайте, прощайте!!!!... быстро проговорили они и уже собирались уйти.

— Погодите, господа, въ чемъ дѣло? Присядьте!... остановилъ я ихъ.

— Некогда, некогда!... полкъ уходитъ уже... слышите музыку?

— Ну, прощайте же!... Богъ съ вами!... Мы обнялись.

— А батарея какъ же? спросилъ я.

— Остается здѣсь, отвѣтили они.

— Да?

— Да, да. Прощайте! Не вспоминайте только лихомя!

И они быстро выскочили въ калитку.

Я и Петръ Николаевичъ послѣдно накинули на себя шпелю и вышли на улицу. Хвостъ полка уже входилъ въ городъ; большимъ и скорымъ шагомъ двигался полкъ, офицеры котораго привѣтливо раскланивались съ нами.

— Прощайте! кричали они. Мы взаимно отвѣчали имъ тѣмъ же. Сердце сжималось тоскливымъ предчувствіемъ. Я долго стоялъ, упорно смотря въ на удалявшійся полкъ. Что-то страшное переживалъ я въ эту минуту, а хвостъ колонны уходилъ все дальше и дальше, послѣдніе штыки ружей басовули на солдцѣ...

Полкъ покидалъ вашу батарею!

В. П. ГАМУЛЕЦКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ДНЕВНИКА

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

ВЪ 1878 ГОДУ

14го марта.

Идетъ двѣнадцатый мѣсяцъ со времени начала войны. Мужъ мой находится съ войсками въ глубинѣ Азіатской Турціи. Я вышла замужъ не задолго предъ войной и прѣѣхавъ на русскую границу въ Александрополь за нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны, болѣе года жила въ этомъ грязенькомъ и пропагандномъ болѣзнями городишкѣ, утѣшая себя тѣмъ что здѣсь ближайшій пунктъ къ нашей арміи гдѣ можетъ жить женщина. Мучительно, медленно, тянулись мои тревожные дни; лучше самой быть въ опасности, терять и холодъ и голодъ нежели переживать такое томительное время.

Послѣ заключенія перемирія я немедленно отправилась за Арпачай, на турецкую землю, въ Карсъ, гдѣ и провела три недѣли, въ надеждѣ не прѣѣдетъ ли мужъ. Но вмѣсто того чтобы дождаться его, узнаю что онъ исполнивъ свою обязанность председателя демаркаціонной комиссіи, принимавшей отъ Турокъ городъ и крѣпость Эрзерумъ, назначенъ на должность военнаго губернатора Эрзерумской области. Должность эту до того занималъ умершій до вступленія Русскихъ въ Эрзерумъ отъ тифа товарищъ мужа Б. М. Шеаковниковъ. Въ

Карсѣ я была какъ въ тюрьмѣ. Никуда почти не выходила и мало кого видѣла. Единственною поддержкой были ежедневныя телеграммы отъ мужа. Понятно, я только и думала какъ бы попасть въ Эрзерумъ, писала и телеграфировала объ этомъ мужу, но онъ меня удерживалъ, боясь за дорогу которая между Карсомъ и Эрзерумомъ всегда ужасна, но въ теперешнее время года просто невыносима.

Между тѣмъ ежедневныя новыя извѣстія о жертвахъ тифозной эпидеміи приводили мои нервы въ неописанное состояніе. Одинъ за другимъ умирали самые близкіе намъ люди. Тѣло ближайшаго сотрудника мужа, любившаго мужа какъ отецъ, ежедневно посѣщавшаго нашъ домъ въ Александрополь, Ф. А. Губскаго, привезли изъ Гассанъ-Каале въ Карсѣ нѣсколько дней тому назадъ, когда я даже не слышала о его болѣзни. Послѣ панихиды у него на которую я пошла, несмотря на всѣ отсовѣтыванія, я нѣсколько дней плакала, чувствовала себя совсѣмъ подкошеною. А Эрзерумъ-то гдѣ находится мой мужъ и есть самое гнѣздо эпидеміи. Врагу своему не желаю перечувствовать то что было у меня на душѣ въ эти ужасные дни.

4го марта вижу изъ окна на плоской земляной крышѣ черезъ улицу противъ моихъ окошекъ суету. Стоитъ столъ, лежатъ пропавшій разныхъ вещей, бѣгаютъ казаки, офицеры. „Что такое?“ мнѣ отвѣчаютъ что готовится продажа съ аукціона вещей только что умершаго здѣсь же отъ лютнстаго тифа, знакомаго намъ казачьяго полковника Климентова. Вещи въ которыхъ онъ умеръ жгли на кострѣ; мнѣ сдѣлалось невыразимо тяжело. Жгли ихъ какъ разъ противъ меня и такъ близко что дымъ отъ костра входилъ въ мои окна.

Видѣ пылающихъ на кострѣ вещей Климентова далъ мнѣ рѣшимость ѣхать въ Эрзерумъ во что бы то ни стало; отъ одной мнительности боялась схватить тутъ же тифъ и хотѣла рисковать по крайней мѣрѣ съ мужемъ а не одна. Послала телеграмму мужу, прося его меня выписать, такъ какъ чувствую что буду здоровѣе тамъ чѣмъ въ Карсѣ. Рѣшилась ѣхать не дождавшись даже отвѣта если будетъ случай.

Только что собиралась идти къ гжѣ Залѣвской (одной изъ женъ офицеровъ) перенесшей, какъ и я, трудное время въ Александрополь, передать ей мое рѣшеніе ѣхать, какъ получила отъ нея записку о томъ что генералъ Кузминскій, начальникъ военныхъ сообщеній ѣдетъ завтра въ Эрзерумъ,

въ тарантасъ и предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нимъ. Судьба мнѣ улыбнулась. Кузминскаго, про котораго много слышала отъ мужа, я никогда не видала. Глубокую благодарность почувствовала я къ нему: онъ одинъ понялъ мое состояніе и помогъ ему, тогда какъ другіе находили даже мысль о поѣздкѣ въ Эрзерумъ сумасбродною, говоря что и мушкетрѣ трудно перенести этотъ тяжелый путь.

Провожала меня цѣлая толпа Турокъ, выражавшая жестами свое удивленіе что я ѣду въ такое время года въ Эрзерумъ.

Первый день проѣхали мы три станціи сравнительно благополучно. Вся дорога усыпана громадными камнями черезъ которые долженъ перекатываться тарантасъ. Меня поддерживала мысль что я съ каждою верстой ближе къ мужу. Я и по гадкой дорогѣ боюсь ѣхать (послѣ того какъ въ день нашей свадьбы, при выѣздѣ изъ имѣнія моего брата, гдѣ мы вѣчались, въ имѣніе брата мужа, насъ страшно понесли лошади, кучеръ и лакей упали съ козелъ кареты и лошади насъ мчали), что же я должна была испытывать по здѣшнимъ дорогамъ?

До первой станціи проѣхали мы въ тарантасѣ, на слѣдующей должны были его оставить и ѣхать на саняхъ; выбоины по дорогѣ почти двухъаршинныя, слуски и подъемы просто уму нелостижимые.

Кое-какъ добрались мы до Хаджи-Хармана, пріѣхали прямо къ квартирѣ полковника Шульца, командира расположеннаго здѣсь резервнаго баталіона, совершенно незнакомаго мнѣ. Радужно угостилъ онъ насъ обѣдомъ, шоколатомъ, чаемъ (я не обѣдала, такъ какъ пощусь). Шульцъ говорилъ что я ужасно рискую ѣдучи по такой дорогѣ, особенно черезъ Гассанъ-Кале, самое зараженное тифомъ мѣсто. Изъ Хаджи-Хармана Кузминскій долженъ былъ ѣхать въ сторону, въ Саракамышъ, а я до слѣдующей станціи Али-Софи поѣхала въ саняхъ съ Шульцомъ и моею вѣрною горничной Еленой. Переѣхали мы черезъ маленькій переваль, но сравнительно дорога эта болѣе порядочная и я ни разу не вырваивала, хотя лошади были горячія.

Въ Али-Софи подѣхали мы къ саглѣ воинскаго начальника Михайлова. Положеніе мое было странное: съ незнакомымъ человѣкомъ входитъ къ еще болѣе незнакомымъ людямъ. Михайловъ очень гостепріимно насъ пріянялъ; тамъ

сидѣлъ чиновникъ особыхъ порученій начальника Карсской области. Угостили меня чаемъ, заказали Черкесу лепешки (въ Али-Софи живутъ Черкесы-переселенцы съ Кавказа). Сидѣли долго (пріѣхали мы когда уже стемнѣло). Почевала я въ комнатѣ хозяина съ Еленой.

На другой день утромъ пріѣхалъ генералъ Кузминскій и мы отправились съ нимъ дальше въ Мечетли, этотъ разъ уже на перекладной. Въ Мечетли Кузминскій получилъ бумагу требующую его въ Саракамышъ для постройки бараконъ и потому дальше ѣхать со мной не могъ. Грустно, но что дѣлать, надо покоряться участи. Онъ сказалъ что со мной поѣдетъ салерный докторъ. Привелъ познакомить со мной моего новаго спутника, добраго стараго доктора, согласившагося ѣхать въ Эрзерумъ собственно для меня.

На другой день, рано утромъ, Кузминскій сказалъ что доѣдетъ со мной до Каракилиса. Приготовили для меня верховую лошадь, смастерили сѣдло изъ мужскаго въ дамское и, отправивъ впередъ на перекладной Елену съ докторомъ, привели намъ лошадей. Никакъ не могу сѣсть на импровизованное сѣдло, все слетаю, такъ какъ лука не держится; невозможно ѣхать такимъ образомъ, а Елена и докторъ уже далеко. Въ это время транспортъ верблюдовъ, которыхъ мы съ опасностью жизни перегнали на прошлой станціи, опять показадся, и въ перспективѣ было обгонять ихъ на самомъ опасномъ мѣстѣ; что тутъ дѣлать! Такъ какъ Кузминскій слышалъ и долженъ былъ уѣхать впередъ, то я осталась совсѣмъ одна на станціи. Салеры, коихъ баталіонъ расположенъ здѣсь, предложили мнѣ залечь салерный фургонъ и довести меня до Гюланъ-Тала; другаго ничего не оставалось дѣлать. Жутко мнѣ было остаться совсѣмъ одной. Наконецъ фургонъ запрягли четверкой съ форейторомъ. Забралась я въ громадный фургонъ съ замираніемъ сердца. Страшно было ѣхать по самой ужасной дорогѣ въ фургонѣ и съ солдатами вмѣсто кучеровъ. Солдаты правиль, другой сидѣлъ на козлахъ, третій былъ форейторомъ, два солдата верхомъ, казаки; два салерные офицера тоже сопровождали меня верхомъ. Кое-какъ спустились мы къ мосту на Араксъ, грязь по-колѣна. Только что начали подыматься, впереди оказались верблюды: лошади ихъ боялись, я не вытерпѣла, выскочила, и весь подъѣздъ прошелъ по невообразимой грязи.

Къ счастью одному изъ офицеровъ пришла мысль предложить мнѣ сѣсть на лошадь одного изъ солдатъ освѣдливую куртинскимъ сѣдомъ, безъ луки, но мягкомъ, я сѣла по-дамски, валенки спалили, солдаты мнѣ ихъ привязывали веревками. Первое время двое солдатъ поддерживали меня съ обѣихъ сторонъ, потомъ я привыкла сидѣть на просторномъ куртинскомъ сѣдлѣ. Добрались таки мы до Гюлянъ-Тала. Довольно сказать что мы семь верстѣ ѣхали четыре съ половиною часа.

На станціи ожидали насъ Елена и докторъ, выпили мы чаю съ коньякомъ и отправились дальше на перекладной.

До Каракалиса шестнадцать верстѣ мы ѣхали семь часовъ. По всей дорогѣ встрѣчали войска возвращающіяся изъ отряда по случаю объявленія 19го февраля Санъ-Стефанскаго мира.

Слускаясь съ высокой горы я шла лѣшкомъ. Только что сѣла на лошадь вижу ѣдущаго изъ Карса генерала Авинова. Уморительно было удивленіе всѣхъ при видѣ меня; даже солдаты проходили мимо съ раскрытымъ ртомъ. Авиновъ далъ мнѣ свои валенки, и говорилъ что я очень рискую; вѣтеръ далѣе на горахъ весьма сильный. Онъ говорилъ что квартира мужа въ Эрзерумѣ великолѣпная, что онъ у него обѣдалъ и что мужъ здоровъ. Это извѣстіе меня ободрило и обрадовало. Я первая женщина рѣшившаяся ѣхать телеръ одна въ Эрзерумъ; мужчины и тѣ два раза думаютъ прежде чѣмъ пуститься въ этотъ опасный путь.

Въ Каракалисѣ отвели намъ лучшій сарай. Съ нами вмѣстѣ ночевала лошадь и рано утромъ отъязавшись пришла поздороваться со мною. Въ ночь поднялась страшная выюга. На другой день просыпаемся: въ двухъ шагахъ ничего не видно. Пришлось дѣлать дневку.

На слѣдующій день выѣхали рано утромъ. Дороги со всѣмъ не было видно отъ прошлой метели. Эта станція до Аладжакрака и безъ метели не имѣетъ дороги: по камнямъ, обрывамъ, косогорамъ, горнымъ рѣкамъ, ящички должны выбирать проѣздъ гдѣ знаютъ.

Въ Юзъ-Веранѣ съ нами ночевали буйволы, коровы, эшаки, телята, бараны, и т. д. Турецкія Армянки съ серьгами въ носу меня обступили какъ диковинку.

Пріѣхавъ въ Амракомъ должны были оставаться тамъ цѣлый день по случаю метели. Военскій начальникъ предложилъ мнѣ перейти въ его квартиру, угостилъ насъ обѣдомъ и весь день старался меня занимать.

Выѣхали мы съ разсвѣтомъ и должны были проѣзжать мимо одного изъ самыхъ зараженныхъ мѣстъ, Келри-Кей.

Въ Гассанъ-Кале, комендантъ Кондратьевъ просилъ насъ войти къ нему пока запрягали лошадей. Мы закусили у него и только что выѣхали, пьяный ямщикъ завезъ насъ на сугробъ. Я сѣла верхомъ; должна была переѣзжать черезъ быструю рѣку Гассанъ-Калинку, черезъ которую мостъ не былъ еще готовъ. Встрѣтились намъ милиционеры, посланные мужемъ мнѣ навстрѣчу, съ шубой, башлыкомъ и вьючною лошадью; я ихъ сначала приняла за разбойниковъ. Оказалось что до мужа дошла уже вѣсть о моемъ прѣздѣ.

Кое-какъ добрались мы до Куруджука. Съ этой станціи начался переѣздъ черезъ высокій, крутой, продолжительный перевалъ Деве-Бойлу. Это самое возвышенное мѣсто на всемъ пути, отъ Карса до Эрзерума. Къ несчастію, навстрѣчу намъ шли войска съ обозами; мы съ ними встрѣчались на самыхъ узкихъ мѣстахъ. Я почти все время шла лѣшкомъ. Холодъ въ горахъ трескучій, метель начиналась (она рѣдко когда не бываетъ въ это время года на Деве-Бойлу). Но мы все-таки благополучно переѣхали этотъ страшный перевалъ.

Наконецъ я приблизилась къ цѣли моего длиннаго и труднаго путешествія, къ Эрзеруму. Недалеко отъ города есть рѣчка, въ которой нашъ ямщикъ накануне утопилъ двухъ лошадей. Я черезъ нее не переѣзжала, а прошла дальнимъ обходомъ. Прѣехали мы когда уже стемнѣло, почти весь городъ прошла лѣшкомъ; ужъ какъ я слышала... Бѣдный докторъ едва послѣдовалъ за мной, спотыкаясь на каждомъ шагу.

Я въѣжала по лѣстницѣ и застала мужа одного въ гостиной. Трудно описать нашу радость.

15го марта.

Домъ нашъ въ Эрзерумѣ одинъ изъ самыхъ здѣсь лучшихъ и большихъ: двухъэтажный, отдѣланный по-европейски, съ виднымъ входомъ и широкою лѣстницей. Онъ принадлежитъ Итальянцу Риччи, аптекарю, преобразовавшемуся здѣсь въ извѣстнаго доктора. Послѣ моихъ Барской и Александропольской квартиръ, здѣшняя мнѣ показалась роскошною. Въ передней рядомъ съ русскими ординарцами, жандармомъ и казакомъ, увидѣла я отлично одѣтыхъ турецкимъ солдатъ; это бывшіе залтіе оставшіеся при мужѣ въ качествѣ полч-

цейскихъ. Еще больше удивилась увидя за ужиномъ вмѣстѣ съ нашею прислугой служащихъ Турокъ въ фескахъ; смѣшно видѣть въ этихъ слугахъ недавнихъ нашихъ враговъ.

Два дня я отдыхала, не видѣла почти никого. На третій, только что вышла изъ своей комнаты—пришелъ самый влиятельный и богатый здѣшній Грекъ Георгъ-эфенди. Радужно познакомилась со мной, просилъ привести ко мнѣ всю свою семью. Слухъ о моемъ прїездѣ разошелся быстро. Кто-то изъ многочисленныхъ, ежедневныхъ русскихъ и турецкихъ посѣтителей нашихъ выразился: держу пари что, въ Эрзерумѣ нѣтъ ни одного человека который бы не зналъ что къ русскому губернатору прїѣхала жена. Всѣ удивляются моею рѣшимости. Турки заговорили: „пролазъ Эрзерумъ, навѣрное останется Русскимъ, иначе къ губернатору не прїѣхала бы жена“. Я рада была увидѣть удѣлавшихъ отъ войны и тифа моихъ старыхъ знакомыхъ. Эрзерумъ громадный городъ, а его вижу пока только изъ оконъ нашей квартиры, цѣлое море плоскихъ земляныхъ крышъ и множество минаретовъ. Жителей до 75.000 тысячъ обоюдо по преимуществу мусульмане, затѣмъ Армяне, Греки и другія народности.

Познакомилась я съ двумя любезными Турками, съ бывшимъ адъютантомъ Мухтаръ-паши, офицеромъ турецкаго генеральнаго штаба, бимбаша (майоромъ) Даниаль-бекомъ хорошо говорящимъ по-русски и по-французски, долго жившимъ въ Петербургѣ и за границей, любимцемъ Измаиль-паши, и съ Гуссейиль-Авни-пашой. Оба они были въ демаркаціонной комиссіи со стороны Турціи и очень полюбили мужа; и тотъ, и другой благовоспитанные, образованные, константинопольскіе. Мы съ удовольствіемъ провели вмѣстѣ вечеръ, много болтали; жаль только что Гуссейиль-Авни-паша не говоритъ на европейскихъ языкахъ, переводчикомъ служилъ Даниаль-бекъ. Познакомилась я также съ предсѣдателемъ турецкой городской думы Мегмедъ-Али-бекомъ, человекомъ очень влиятельнымъ между здѣшнимъ населеніемъ. Состоящій при мужѣ турецкій офицеръ юзъ-баша (капитанъ) Гамидъ-бей, сынъ бывшаго баязидскаго ферики, прислалъ мнѣ на новоселье молока и турецкихъ сладкихъ лепешекъ, я его лично благодарила чрезъ переводчика. Хозяйскія дочери прислали букетъ, съ вопросомъ—когда я могу ихъ принять.

На завтра открылся турецкій телеграфъ. Первую телеграмму прислалъ мужъ Измаиль-паша съ поздравленіемъ открытія

телеграфа, на что получилъ любезный отвѣтъ въ восточномъ вкусѣ.

Все меня крайне занимаетъ, а главное, я невыразимо счастлива что олять вмѣстѣ съ мужемъ, покойна, довольна и весела.

17го марта.

Любопытство ли увидѣть русскую женщину, желаніе ли высказать преданность Русскимъ, а вѣрнѣе обѣ причины вмѣстѣ сдѣлали то что въ эти два дня у меня, перебивала масса гостей. Почетнѣйшіе туземцы приходили поздравлять съ благополучнымъ прїездомъ.

Прежде другихъ пришла вся семья Грека Георга-эфенди, о которомъ я уже упомянула, вся въ бархатѣ, золотѣ и парчѣ; костюмы національнаго греческаго покроя съ надѣтыми набекрень шалочками, украшенными блесетками и длинными золотыми кистями. У каждой женщины надѣты на шеѣ тяжелыя золотыя монеты. Странно было видѣть какъ въ присутствіи тещи своей, лятнадцатилѣтняя, маленькая какъ ребенокъ, хорошенкая гречанка, должна была упорно молчать, тогда какъ двѣ дочери Георга-эфенди свободно говорили.

Вслѣдъ за ними пришли двѣ дочери нашего хозяина. Старшая Элеонора девятнадцати лѣтъ, очень некрасивая, вторая, четырнадцати, очень хорошенкая. Жаль мнѣ ихъ, онѣ недавно потеряли свою мать, родомъ Англичанку. Отецъ ихъ симпатичный старикъ, уроженецъ Генуи, ходитъ по-сволейски но съ феской на сѣдой головѣ. Дочери его посѣщаютъ школу устроенную французскими *seigneurs de charité*, хорошо говорятъ по-французски, ходятъ по улицамъ открытшия, тогда какъ всѣ женщины здѣсь выходя изъ дому покрываются чадрой (здѣсь это называется чершафъ).

Вчера была семья самаго перваго изъ вѣстниковъ Армянъ-католиковъ Киркоръ - эфенди Шабалиана. Самъ онъ говоритъ по-французски и былъ у насъ наканунѣ; женщины здѣсь, даже жены христіанскихъ туземцевъ, подъ вліяніемъ давящей турецкой жизни, находятся въ такомъ униженіи что мужа ихъ считаютъ неприличнымъ куда-либо показываться вмѣстѣ съ ними. Гжа Шабалианъ и куча дѣтей великолѣпно одѣты, съ собольими сторочками на платьяхъ, въ бархатѣ, золотѣ и бриллиантахъ.

Приходили также нѣсколько мусульманъ.

Вчера же былъ у меня французскій консулъ съ женой. М-ше Жильберъ очень пріятная молодая женщина; она предложила къ моимъ услугамъ свое сѣдло, ноты, книги, просила часто видѣться, вмѣстѣ гулять, разказывала про тяжелое положеніе ихъ во время блокады, какъ ежедневно ожидали бомбардировки и вторженія Русскихъ въ Эрзерумъ.

Въ присутствіи Жильберовъ пришелъ восьмидесятилѣтній старикъ Рессуль-паша, отставной турецкій генералъ. Мужъ его подвелъ ко мнѣ; но истому Турку нельзя смотрѣть прямо въ глаза женщинѣ и онъ какъ волкъ глядѣлъ излодобья что-то бормоча вполголоса. М-ше Жильберъ, хорошо говорящая по-турецки (мужъ ея семь лѣтъ находится въ Эрзерумѣ), объяснила что онъ говоритъ мнѣ восточные комплименты.

Изъ нашихъ прежнихъ знакомыхъ больше всѣхъ выказалъ радости о моемъ пріѣздѣ генералъ Гейманъ. Онъ встрѣтилъ меня со словами что я герой и за мое лутешествіе заслужила медаль. Общала ежедневно ходить къ намъ, говоря что болѣе года будучи все въ походѣ, не говорилъ съ европейскою женщиной, да и видѣлъ только одну м-ше Жильберъ, и то изъ своего окна.

Заходилъ сегодня одинъ изъ англійскихъ докторовъ съ хлыстомъ и шотландскою палочкой въ рукѣ. Онъ уроженецъ Австраліи, много разказывалъ про своихъ родныхъ, богатыхъ овцеводовъ, живущихъ въ Австраліи въ Мельборнѣ. Болѣе десяти лѣтъ онъ выѣхалъ изъ родины и не видалъ родителей. Вокругъ руки на полотнѣ красный полумѣсяцъ и буквы S. A. S., означающія что онъ принадлежитъ къ Stafford-house society. Пришелъ онъ просить пропускъ въ Константинополь, куда его вызываютъ. Непріятное впечатлѣніе произвелъ онъ, этотъ христіанинъ постулающій во время войны на мусульманскую службу.

Къ мужу ежедневно приносятъ кучу турецкихъ телеграммъ, такъ какъ безъ его цензуры не имѣютъ права ихъ отправлять.

Вчера вечеромъ мужъ ѣздилъ съ Гейманомъ осматривать одинъ изъ самыхъ помѣстательныхъ домовъ въ Эрзерумѣ гдѣ недавно было казино. Хотятъ устроить въ немъ общую столовую для русскихъ офицеровъ, а при столовой помѣщеніе для пріѣзжающихъ.

18го марта.

Весь день прошелъ въ хлопотахъ приготовленія обѣда даднаго мужемъ уѣзжающимъ сегодня въ Эрзиньянъ турецкимъ офицерамъ: Гуссейнъ-пашѣ, Хакки-бею, Давидъ-беку и Хильми-эфенди. О первыхъ трехъ я упоминала. Послѣдній очень забавный восточный грамотей (кятибъ); онъ былъ секретаремъ демаркаціонной комиссіи.

Хозяйскія дочери мнѣ помогали, мужа весь день не было дома.

Дорожній спутникъ мой, докторъ Иванченко, приходилъ проститься уѣзжая обратно въ Каракуртъ.

Обѣдъ назначенъ въ 7½ часовъ вечера; Турки никогда ранѣе этого часа не обѣдаютъ. Когда мужъ мой пріѣхалъ въ Эрзерумъ принимать городъ отъ Турокъ, онъ засталъ здѣсь всю турецкую армію, Измаиль-пашу и весь его штабъ. Муширь сѣлалъ тогда мужу и членамъ комиссіи торжественный обѣдъ. Мужъ теперь отплачивалъ тѣмъ же. На турецкомъ обѣдѣ было двѣнадцать блюдъ какъ и у насъ. Большая часть турецкихъ блюдъ очень не вкусны, сладкія блюда подаются въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ обѣда. Кислая калуэта считается особымъ блюдомъ. Въ заключеніе всегда пилавъ.

Хоръ Имеретинскаго полка помѣстился внизу при входѣ.

Раньше всѣхъ приглашенныхъ пришелъ генералъ Гейманъ и его начальникъ штаба Лабунскій. Громкій маршъ далъ знать о пріѣздѣ турецкихъ гостей; они были одѣты фразами и казались веселыми. Я сѣла съ мужемъ посреди стола *vis-à-vis*, возлѣ меня Гейманъ и паша, возлѣ мужа Хакки-бей и Давидъ-бекъ; всѣ остальные усѣлись гдѣ желали.

Тосты начались, кажется, послѣ седьмага блюда. Наши гости были не фанатики, и охотно пили вино, особенно шампанское. Много болтали.

Первый тостъ оказалъ мужемъ за здоровье нашихъ гостей, съ пожеланіемъ имъ счастливой дороги и надежды что встрѣтятся съ ними такими же друзьями какими расстаемся. Второй—Гуссейнъ-пашой за мое здоровье. Третій имъ же, за здоровье генерала Геймана. Далѣе, мужемъ за Гуссейнъ-пашу, Гуссейнъ-пашой за мужа, и такъ далѣе.

Было очень весело, много шутили. Гейманъ все подтрунивалъ надъ Гуссейнъ-пашой что онъ чересчуръ ухаживаетъ за

мною. Паша думая мнѣ сдѣлать удовольствіе какъ-то къ слову сказалъ что мнѣ должно-быть пятнадцать — шестнадцать лѣтъ, никакъ не болѣе. Даниаль-бекъ, большой любезникъ, все подлѣвлялъ когда музыка играла оффенбаховскіе мотивы, онъ знаетъ ихъ всѣ наизусть. Какъ только онъ разойдется, надѣнетъ феску на затылокъ, и любезностямъ его вѣтъ конца. Хакки-бею что-то не здоровилось. Гуссейнъ-паша, человекъ весьма не гаулый, провозглашая тостъ за здоровье Лабунскаго, сказалъ что желаетъ ему сдѣлаться такимъ же боевымъ практическимъ генераломъ какъ Гейманъ, при которомъ онъ состоитъ, и что не сомнѣвается въ его способностяхъ какъ начальника штаба, но лисать и дѣлать большая разница. Мужу сказалъ что знаетъ какъ въ 1864 году онъ пріѣхалъ прямо изъ академіи въ отрядъ Геймана во время войны съ Черкесами безусымъ юношей. Вспоминали что мужъ произведенъ въ офицеры шестнадцати лѣтъ, а въ генералы тридцати четырехъ. Всѣ удивлялись и молодости Даниаль-бека, ему двадцать четыре года и онъ уже майоръ — это въ турецкой службѣ большая рѣдкость; онъ вообще считается выдающимся и, говорятъ, заслуживаетъ это.

Разошлись очень поздно. Мужъ распорядился чтобы завтра утромъ его адъютантъ Едигаровъ проводилъ бы Турокъ до границы гдѣ расположены наши войска за восемьдесятъ верстъ отсюда.

19го марта.

Сегодня воскресенье, я была въ единственной здѣсь православнои церкви, — греческой. Въ ней иногда служатъ русскіе священники. Отправилась мы лѣшкомъ, хотя было немного грязно и церковь не въ центрѣ города. За нами шли состоящій при мужѣ турецкій офицеръ, Гамидъ-бей, урядникъ, русскій жандармъ, турецкій залтѣ, милиціонеръ и казаки. Цѣлая толпа — но это было необходимо, потому что насъ сейчасъ же обступила масса народа и сопровождала до самой церкви заглядывая на насъ съ любопытствомъ. Христиане добродушно намъ кланялись, мусульмане зѣвски улыбались. Русская женщина вмѣстѣ съ мужемъ — это такая здѣсь диковинка.

Служилъ здѣшній митрополитъ въ своемъ облаченіи и митрѣ на которой спереди византійскій орелъ, но причта у него почти вѣтъ. Пѣли нѣсколько лѣвчихъ изъ народа по-гречески въ носъ очень неблагозвучно. Церковь небольшая во има

Георгія Побѣдоносца. Вездѣ виденъ недостатокъ; только иконостасъ новый, отлочно отдѣланный, со множествомъ различныхъ греческихъ образовъ. Въ серединѣ церкви сѣдѣны для митрополита. Офицерамъ пришло на мысль поставить въ этой церкви образъ Св. Георгія съ надписью: „Въ память пребыванія въ Эрзерумѣ российскихъ войскъ въ 1878 году“, и съ поименованіемъ фамилій жертвователей. Мужъ представилъ объ этомъ куда слѣдуетъ также о пособіи церкви и имѣющейся при ней школѣ въ 1000 рублей, и списывается съ московскимъ серебряныхъ дѣлъ фабрикантомъ Овчинниковымъ насчетъ заказа образа.

Мы не могли долго оставаться въ церкви потому что сегодня же была назначена лампахида въ Армянскомъ соборѣ по Шелковниковѣ.

Соборъ большой и великолѣпный, служба была очень торжественная, всѣ люстры и многочисленныя свѣчи горѣли. Когда я вошла, на хорахъ закрытыхъ деревянными мелкими рѣшетками начался страшный гвалтъ. Видно было что тамъ большая толпа, но лицъ нельзя разсмотрѣть. Это оказались женщины, имъ не позволяется входить въ самую церковь, и онѣ подняли шумъ увидѣвъ русскую женщину внизу.

Боле ста лѣвчихъ въ роскошныхъ черныхъ и красныхъ макіяхъ лѣла очень стройно. Вокругъ архіепископа было много священниковъ, самъ онъ надѣлъ на себя чудесное облаченіе. На алтарѣ занавѣсъ задергивалась и отдергивалась. Причетники повременамъ шумѣли серебряными кругами; выходило очень торжественно. Послѣ обѣдни архіеписколъ говорилъ длинную одушевленную рѣчь, которую мы не поняли, не зная по армянски. Это была біографія Шелковникова въ которую онъ вставлялъ что было можно о родѣ христіанъ въ Турціи; рѣчь была въ родѣ оваціи въ пользу Русскихъ и демонстраціи противъ Турокъ. Я думаю послѣ ухода нашего отсюда какъ бы не досталось ему за это. На лампахидѣ присутствовалъ генералъ Гейманъ и было очень много русскихъ офицеровъ. Всѣ держали въ рукахъ свѣчи. Народу набралось въ соборѣ и кругомъ собора, я думаю, до пяти тысячъ.

Архіеписколъ пригласилъ насъ къ себѣ на чай. Выходъ изъ собора былъ великолѣпный, впереди шелъ архіеписколъ окруженный причтомъ съ лѣвнѣмъ, за нимъ шелъ мужъ, я, Гейманъ и боле двадцати офицеровъ. Поднималась на лѣстницу архи-

епископъ продолжалъ обращаться къ народу, наполнявшему всю площадь. Вошли мы въ залу, всё сѣли на стулья, а съ мужемъ на диванъ. Архиепископъ, прямо подошелъ ко мнѣ и далъ мнѣ просфору въ формѣ плоской лепешки. Между прочимъ мужъ сказалъ архиепископу какъ женщины удивились увидѣвъ меня въ соборѣ, на что онъ отвѣтилъ: „любопытно что онѣ завидуютъ видя какую свободой пользуются ваши русскія женщины“. Толпа слѣдовавшая за нами еще при выходѣ нашемъ изъ дому тутъ еще разрослась; всѣ крыши были полны народомъ.

Послѣ церкви мы располагали сдѣлать нѣсколько визитовъ, генералъ Гейманъ предложилъ намъ свою коляску—единственный экипажъ въ Эрзерумѣ, и подъ руку довелъ меня до нея. Окруженные всюду народомъ, мы съ мужемъ проѣхали по главнымъ улицамъ города. Надо было видѣть злобные взгляды какими мусульманы-фанатики, провожали гяурку катающуюся по ихъ городу. По взглядамъ на меня можно было сейчасъ же отличить Турокъ отъ Армянъ, хотя они одѣты одинаково.

Мы были у французскаго консула, затѣмъ у Шабаніана и у Георга-эфенди. Его жена и дочери разошлись и яришли наверхъ, одѣты были въ богатые съ золотомъ и парчею константинопольскіе національные костюмы.

Георгъ-эфенди надѣлъ мнѣ на плечи турецкую шаль и просилъ чтобъ я приняла этотъ подарокъ отъ него, на что, конечно, я не согласилась. Дочь его снявъ со своей шеи визавныя золотыя монеты надѣла ихъ на меня и просила ихъ не снимать. Конечно и отъ этого я отказалась. У нихъ обычай если что похваляешь, сейчасъ же дарятъ этотъ предметъ, и потомъ приходится въ десять разъ больше отдаваться. Только что мы послали за переводчикомъ мужа, постояннымъ его слугникомъ, Егешу Азарметовымъ, чтобы переводить намъ, такъ какъ Георгъ-эфенди не говоритъ по-французски,—какъ онъ мечаянно сказалъ англійское слово; тутъ-то мы и разговорились по-англійски.

Пришедшій Егеша сказалъ намъ что персидскій консулъ присылалъ каваса узнать когда можетъ придти къ намъ, и что жена председателя городской думы, Турчанка, прислала мнѣ въ подарокъ широкъ, съ вопросомъ когда я могу ее принять только съ условіемъ чтобы никого мужчинъ не было и чтобъ она даже мужскую прислугу не могла у насъ встрѣтить.

Когда мы сидѣли у Георга-эфенди, приходили Оберъ-Мюллеръ, бывшій русскій консулъ въ Эрзерумѣ, состоящій теперь при генералѣ Гейманѣ, и Воиновъ, начальникъ штаба князя Чавчавадзе.

Угощали насъ прежде всего вареньемъ поданнымъ на подносѣ, въ маленькихъ вазахъ; восточная вѣжливость требуетъ взять ложечкой какъ можно меньше варенья, положить затѣмъ ложку въ стаканъ лояной воды и залить изъ другого стакана какъ можно больше водой.

Какъ трудно знать всѣ эти обычаи. (Напримѣръ, если чихнуть въ присутствіи Араба, онъ почтетъ это за самое страшное оскорбленіе и готовъ хоть убить за это.)

Потомъ подали намъ кофе въ маленькихъ чашечкахъ и чай съ бисквитами à la franka.

Подоседъ къ нашему дому увидѣли мы Турка съ бумагою въ рукѣ, съ рыданіями обращающагося съ какою-то просьбой къ мужу. Намъ перевели что турецкіе солдаты его обокрали.

Въ передней увидели чловѣка держащаго громаднаго живаго цндюка, это подарокъ отъ Турчанки. Я ему сказала что приму ее завтра и что она не встрѣтитъ ни одного муцины. Не знаю какъ сдѣлать съ часовыми, ординарцами, жандармами, казаками наполняющими переднюю.

Не успѣла снять шляпу, какъ пришли католическія военныя de charité. Одна Армянка, а другая Француженка изъ Бретани. Всѣ въ черномъ, съ крестами на груди. Костюмы ихъ очень оригинальные. Произвели онѣ на меня очень пріятное впечатлѣніе.

Послѣ обѣда зашелъ незнакомый англійскій докторъ, а вслѣдъ за нимъ персидскій консулъ съ драгоманами. Онъ очень любезенъ, даже елишкомъ масленъ его рѣчи.

20го марта.

Что-то чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Кругомъ тифъ продолжается, но я такъ рада быть съ мужемъ что забываю про эту болѣзнь. Впрочемъ теперь тифъ замѣтно слабѣе; всѣ надѣются что съ приближеніемъ тепла болѣзни совсѣмъ прекратятся. Жители хвалятъ климатъ своего города, говорятъ—очень здоровый. Генералъ Гейманъ собирается вывести войска при первой возможности въ лагерь, но пока это невозможно: кругомъ лежитъ глубокій снѣгъ.

Персидскій консулъ прислалъ въ видѣ привѣта, отъ себя

и отъ своей главной жены, только что привезенные изъ Трeбизонта аляскины и огромные лимоны.

Приходилъ съ визитомъ здѣшній католическій епископъ, Мельхиседекъ. Онъ говоритъ по-французски, мягкимъ голоскомъ, очень любезный, но вкрадчивый. Все говорилъ какъ счастливъ что Русскіе завяли Эрзерумъ; выражалъ свой страхъ объ участи христіанъ когда мы уйдемъ отсюда, просилъ не покидать ихъ, увѣрялъ что нашимъ болѣе продолжительнымъ присутствіемъ мы остановимъ звѣрства Турокъ. Онъ былъ въ богатой шелковой расѣ, на головномъ уборѣ накинутъ лиловый тюль. Словамъ его какъ-то трудно вѣрится.

Здѣсь безпрестанно расходятся странные слухи. Сегодня мужъ получалъ отъ Жильбера записку съ вопросомъ: правда ли что сегодня же Русскіе покидаютъ Эрзерумъ? Это меня встревожило, но мужъ и Гейманъ меня успокоили, говоря что это лустые слухи. Третьяго дня улорно ходилъ слухъ что Русскіе совсѣмъ остаются въ Эрзерумѣ, будто бы это извѣстіе получено изъ Константинополя.

Едигаровъ, адъютантъ мужа, Тверскаго драгунскаго полка прапорщикъ, проводивъ турецкихъ офицеровъ, съ казаками, вернулся, привезъ очень любезное лисьмо отъ Гуссейнъ-паши, съ поклонами. Весь вечеръ провелъ съ нами Гейманъ приводившій съ собою свою огромную красивую, черную собаку. Войдя онъ былъ подѣ влияніемъ велышки на кого-то у себя за обѣдомъ за то что тотъ распускаетъ слухи о будто бы появившейся чумѣ въ Эрзерумѣ. Его мылкая натура на-силу успокоилась.

21го марта.

Познакомилась съ американскимъ миссіонеромъ. Мужъ сказалъ мнѣ не быть съ нимъ слишкомъ любезною, потому что онъ этого не стоить. Это длинный, сухощавый пасторъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ оловянными глазами и блѣднымъ лицомъ. Онъ уже давно живетъ въ Турціи. Противъ его квартиры протестантская церковь. Еженедѣльно его обращенные изъ Армянъ получаютъ отъ него нѣкоторыя пособія. Онъ имѣетъ школу мальчиковъ и дѣвочекъ. Все приходитъ къ мужу съ нахально-наивною просьбой: средства его немного поистощились и онъ проситъ дать ему отъ Русскаго правительства денегъ и хлѣба, и онъ будетъ раздавать то и другое отъ своего имени кому найдетъ нужнымъ. Мужъ

неоднократно повторялъ ему что Русское правительство назначило известное количество хлѣба въ пособіе бѣднымъ, но что этотъ хлѣбъ будетъ раздаваться нашими властями и отъ нашего имени не только однимъ протестантамъ, но всѣмъ нуждающимся, всѣхъ вѣроисповѣданій и національностей безразлично. Американецъ говоритъ хорошо по-турецки и по-армянски.

Разказываютъ что мое вчерашнее появленіе въ церкви и на улицахъ произвело во многихъ христіанскихъ семьяхъ бунтъ: молодая женщины возстали противъ стараго поколѣнія, требуя свободы; старухи, напротивъ; находили эту свободу, то-есть хожденіе по улицамъ съ мужемъ, и безъ покрывала, входъ въ церковь наравнѣ съ мужчинами, невыразимо безнравственнымъ.

Сегодня приходила съ матерью своею невѣста Егеша. Онъ общій любимецъ, скромный, усердный, очень приличный. Онъ до войны служилъ восемь лѣтъ при нашемъ консульствѣ въ Эрзерумѣ, а теперь превратился въ прапорщика милиціи и переводчика при мужѣ турецкаго и армянскаго языковъ, которыми онъ хорошо владѣетъ; родомъ онъ изъ ахалцыхскихъ Армянъ. Очень симпатичная дѣвушка его невѣста, константинопольская Армянка, одѣвается мило по-европейски, но выходя на улицу и она покрывается чершафомъ, говоря что здѣсь невозможно иначе.

Заходили въ комнаты гдѣ живутъ наши хозяева Риччи въ нашемъ же домѣ вверху. Старика не было дома, его дочери любезно приняли насъ, подчивали кофе à la turka. Это черный кофе съ гущей въ маленькихъ чашечкахъ, безъ сахара, какъ любятъ его Турки. У насъ фаворитъ мужа, самый видный изъ турецкихъ залтіевъ, Гуссейнъ-чаушъ, обыкновенно приготовляетъ такой кофе для гостей, мы же предпочитаемъ кофе à la franka. Въ комнатахъ Риччи ужасно холодно. Нашихъ голландскихъ печей здѣсь не знаютъ, все желѣзные, вносимыя посреди комнаты на зиму, да и ихъ толятъ рѣдко, большею частью грѣются мангаломъ. Желѣзные печи быстро нагрѣваются, но сейчасъ же остываютъ, отъ нихъ страшно болитъ голова. Но вотъ ужъ годъ я съ ними знакома и привыкла къ нимъ.

Подъ вечеръ приходилъ къ мужу въ мундирѣ съ орденами турецкій майоръ Ибрагимъ-бей, сынъ почетнаго жителя Хнысса. Онъ только что пріѣхалъ изъ Хнысса, привезъ мужу

поклонъ отъ отца и долженъ отправиться въ Эрзинджанъ, гдѣ находится главная квартира Измаиль-паши. Ужасно работливый, когда уходилъ поцѣловалъ полу сюртука мужа, и лаялся къ дверямъ задомъ. Очень просилъ мужа оставить его въ Эрзерумѣ въ составѣ городской стражи. Какъ доказательство врожденнаго звѣрства у Турокъ, передамъ слѣдующій его разказъ, которымъ онъ гордился. Въ Хныссѣ Курды съ помощью армянскаго мальчика разрыли тѣло умершаго отъ тифа нашего драгуна, сняли съ него одежду и салоги. Узнавъ о томъ Ибрагимъ-бей велѣлъ искрошить эти салоги и заставилъ Курдовъ и мальчика съѣсть ихъ. Конечно онъ долженъ былъ наказать ихъ какъ слѣдуетъ, но не такимъ варварскимъ образомъ. Онъ два раза повторилъ свой разказъ и лицо его при этомъ изображало: каковъ я!..

Получено извѣстiе удивившее всѣхъ что генераль Лорисъ-Меликовъ увѣжаетъ по болѣзни. Вмѣсто него корпусъ поручается генералу Гейману.

22го марта.

Всякій изъ попавшихъ въ здѣшнюю сторонушку старается приобрести себѣ что-нибудь на память изъ туземныхъ типичностей. Солдаты, какъ говорятъ, закупаютъ фески. Раза два и я видѣла фигуру нашего солдата съ феской, это пресмѣшно. Наши люди завели было себѣ фески. Но мы строго-на-строго запретили имъ ихъ надѣвать.

Офицеры выдумали заказывать чернильницы съ минаретами изъ здѣшняго камня. На нѣкоторыхъ минаретахъ слѣлана изъ камня же маленькая фигура муллы въ такой позѣ какъ они кричатъ призывая мусульманъ къ молитвѣ. Здѣсь есть лавочки гдѣ продаются издѣлія изъ кагызманскаго камня; онъ очень мягкій, легко работается, красивый, съ виду совершенно какъ мраморъ, разныхъ цвѣтовъ. Но изъ него до сихъ поръ дѣлали только курительные мундшучки, да и тѣ, говорятъ, вредны, производятъ почему-то горловую чахотку. Мы тоже заказали чернильницы съ минаретами, мужъ большую, я маленькую. Ихъ принесли, вышли оригинальныя вещицы; на минаретахъ вырѣзано по-турецки: Эрзерумъ, годъ и число.

Я много слышала про турецкія шали и ткани. Георгъ-эфенди принесъ разные образчики этихъ матерій. Большею частью безвкусныя. Я выбрала нѣсколько образчиковъ съ турецкимъ рисункомъ для галстучковъ. Приносили намъ шитые

золотомъ куртннскіе костюмы, бархатныя кофточкн также шитыя золотомъ, съ блестящими; я заказала себѣ такую темно-краснаго бархата, хотя я нахожу что это неблагоуразумно, такъ какъ она стоить 90 рублей. Есть дѣйствительно прочныя и красивыя турецкія матеріи, но изъ нихъ можно лишь дѣлать туземныя одѣянія и цѣны ихъ недоступныя.

Видѣла сегодня Антуанъ-эфенди одного изъ здѣшнихъ тузовъ. Хорошо говорить по-французски, по-англійски. Онъ долго состоялъ при англійскомъ консульствѣ, часто бывалъ въ Лондонѣ и Парижѣ. Во время войны былъ корреспондентомъ газеты *Times*.

Вечеромъ генералъ Гейманъ показывалъ только что полученный изъ Петербурга отлично отдѣланный свой значокъ, голубой шелковый съ Георгіевскою лентой вокругъ и большимъ прекрасно нарисованнымъ по срединѣ масляными красками Георгіевскимъ крестомъ. Этотъ значокъ онъ съ удовольствіемъ показывалъ, также какъ и брилліантовую саблю недавно полученную.

25го марта.

Быстро пробѣжали три дня. Мужъ по большей части занятъ.

Приходилъ къ мужу греческій митрополитъ поздравить съ моимъ пріѣздомъ. Мужъ со смѣхомъ пришелъ мнѣ разказать о своемъ глупомъ положеніи пока не пришелъ переводчикъ. Митрополитъ говоритъ только по-гречески и по-турецки; онъ выражалъ сожалѣніе что въ воскресенье мы не зашли къ нему. Просилъ въ Благовѣщеніе непременно быть у него, что мы сегодня и сдѣлаемъ.

Почти ежедневно приводятъ намъ на показъ лошадей, не купимъ ли. Большая часть арабскія, попадаются довольно чистой крови, но все маленькія. Есть иноходцы. За арабскихъ лошадей здѣшніе жители спрашиваютъ невообразимыя цѣны. Впрочемъ съ Русскихъ они за все берутъ дорого. Только у нихъ и въ головѣ, особенно у Армянъ, какъ бы поживиться на русскія денежки.

Вчера мнѣ доложили что пришли стрѣлковый фельдфебель съ солдатомъ и спрашиваютъ меня. Я удивилась что это имъ отъ меня нужно. Оказалось, молодой солдатъ изъ молоканъ будетъ принимать православную вѣру и просить меня быть его крестною матерью. Я охотно согласилась. Вотъ причина по которой этотъ молоканъ принимаетъ православную вѣру.

Онъ далъ слово если останется живъ послѣ войны креститься; былъ во всѣхъ сраженіяхъ, ни раненъ, ни контуженъ, и вотъ намѣренъ сдержать свое слово.

Видѣла я еще нѣсколько европейскіхъ докторовъ служащихъ у Турокъ, Норвежцевъ, Датчанъ, Австрійцевъ, Прусакъ, Англичанъ. Изъ какихъ только націй не нашлось охотниковъ помочь Туркамъ. Это меня возмущаетъ.

Вчера получились политическія дѣлеши тревожнаго содержанія. Англія рѣшительно затѣваетъ войну. Городъ заговорилъ о скоромъ разрывѣ.

Принесли лѣвино, это одно изъ двухъ находящихся во всемъ Эрзерумѣ. Давно уже я была лишена удовольствію играть. Гейманъ, увидѣвъ лѣвино, послалъ домой за маршемъ недавно полученнымъ и посвященнымъ ему какимъ-то капельмейстеромъ. Онъ еще не слышалъ какой это маршъ, просилъ разобрать его.

26го марта.

Простояли мы всю обѣдню и молебенъ въ греческой церкви, а послѣ молебна зашли къ митрополиту. Какая бѣдность въ его комнатахъ, большая разница съ богатствомъ армянскаго архіепископа. Это просто крестьянская хата. Да и самъ митрополитъ болѣе похожъ на угнетеннаго послушника. Онъ угостилъ насъ чаемъ.

Отъ митрополита вернулись въ церковь гдѣ должно было происходить крещеніе молокана. Церковь была полна народа, тѣснившагося и на площади. Митрополитъ говорилъ что уже нѣсколько дней эрзерумскіе жители по цѣлымъ часамъ ждутъ возлѣ церкви этихъ крестинъ которыя были назначены третьяго дня, но по случаю дурной погоды нами отложены. Особенно много было женщинъ на хорахъ.

Мужъ познакомилъ меня съ моимъ кумомъ, ротнымъ командиромъ стрѣлковаго баталіона Половымъ, и обрядъ начался. Его совершалъ самъ митрополитъ по-гречески, такъ что трудно было понимать чтò намъ надо дѣлать. Митрополитъ больше все обращался ко мнѣ: я исполняла все согласно обряду, но греческія слова, которыя должна была говорить громко на всю церковь, повторяла кажется очень смѣшно. Молокана раздѣла, прикрывъ простынею лодовину тѣла. Потомъ кулель (ею служилъ ротный котель въ которомъ солдатамъ варять кашу) завѣсила со всѣхъ сторонъ простынями, и моего крестника окрестили.

На обратномъ пути зашли въ домъ невесты Егешу. Она прекрасно рисуетъ: стѣны гостиной увѣшаны ея картинами. Между прочимъ есть портретъ нашего Государя масляными красками. Интересенъ разказъ по какому поводу она нарисовала этотъ портретъ. Когда ожидали вторженія Русскихъ въ Эрзерумъ, боясь что солдаты будутъ врываться въ дома и слышавъ будто русскимъ солдатамъ при взятіи города дается три часа свобода для грабежа и что она воспользовалась этою свободой въ Ардаганѣ и Карсѣ, невеста Егешу въ два дня нарисовала портретъ Государя чтобы смягчить его видомъ нашихъ солдатъ. Она говоритъ что до заключенія мира когда приходили въ ихъ домъ Турки, она прятала этотъ портретъ. Теперь же онъ виситъ на первомъ планѣ.

Въ числѣ обѣдавшихъ у насъ были мой новый кумъ, персидскій консулъ и Персидскій принцъ; послѣдній родной племянникъ шаха, въ нашей службѣ драгунскій офицеръ, теперь помощникъ эрзерумскаго полицеймейстера. Консулъ съ принцемъ все разговаривали чистѣйшимъ персидскимъ языкомъ. Послѣ обѣда приходилъ мой крестникъ, мы его обласкали и одарили.

Приходилъ къ мужу турецкій майоръ Шевкетъ-бей, старшій изъ оставшихся здѣсь турецкихъ военныхъ. Мужъ ему приказалъ съ завтрашняго дня сверху цитадели въ полдень стрѣлять изъ турецкой пушки турецкимъ порохомъ, для чего около того мѣста будутъ жить десять человекъ нашихъ артиллерійскихъ солдатъ. Шевкетъ-бей почтительно отвѣтилъ: „лекъ-ей“, то-есть „слушаю-сь“?

Цѣлый вечеръ я была одна, такъ какъ мужъ пошелъ къ генералу Гейману, они вмѣстѣ читали только что полученныя условія Санъ-Стефанскаго мира. Они заключены 19го февраля а сюда дошли только 25го марта. Ужъ очень далеко заѣхали мы....

27го марта.

Здѣсь все еще зима. Дорога черезъ Деве-Бойну, говорятъ, трудна до невѣроятности. То и дѣло слышу разговоры о томъ что проѣзда нѣтъ, хотя туда безпрестанно высылаютъ рабочихъ расчищать снѣгъ. По словамъ Турокъ, въ Эрзиньянѣ, гдѣ теперь ихъ главное управленіе, давно показалась зелень. Въ Тифлисѣ теперь вѣроятно уже жарко, а здѣсь зима.

Вечеромъ у мужа былъ какой-то комитетъ, кажется объ ассенизаціи города.

28го марта.

Сегодня день сравнительно хороший, не очень холодный и вѣтеръ не сильный. Мы пошли на ближайшій холмъ черезъ рѣчку на которой Гуссейнъ-чаушъ устроилъ импровизованный мостъ изъ лѣтвицы. Насъ, какъ всегда при выходѣ нашемъ изъ дому, окружала толпа. Съ верху холма прекрасно видны верховья Евфрата. Вотъ она, эта библейская рѣка, (изъ окошекъ нашей гостиной виденъ Евфратъ, мы часто любуемся на него).

Приходилъ Даніэль-эфенди, Армянинъ съ умнымъ лицомъ, ѣздившій въ прошломъ году въ Константинополь членомъ новаго турецкаго парламента. Онъ приходилъ поздравить мужа съ моимъ прїѣздомъ, рассказывалъ много интереснаго (конечно чрезъ переводчика). Меня особенно заняло какъ здѣшніе жители страшились вторженія Русскихъ, штурма и бомбардированія; какъ христіане тайно отъ Турокъ готовили деревянные кресты чтобы выставить ихъ предъ своими домами на видъ нашимъ солдатамъ, надѣясь найти въ этомъ спасеніе. Онъ рассказывалъ также про разныя безчинства и разбой допускаемые турецкимъ правительствомъ, про то какъ извѣстный разбойникъ Мирза-бекъ, возить съ собою во всѣ свои походы одну изъ своихъ женъ, молодую Черкешенку, переодѣтую въ мужской куртинскій костюмъ, и такимъ образомъ онъ съ нею скитается по горамъ. Первая жена Мирза-бека родная сестра того самаго Ибрагимъ-бека который хвастался мужу какъ онъ наказалъ мальчика и Курдовъ.

29го марта.

Все общество обѣдавшее у насъ, въ томъ числѣ Жильберы и Оберъ-Мюллеръ, вышло на крышу. Здѣсь обыкновеніе гулять на лоскихъ крышахъ. Съ нашей отличной видъ, вся Эрзерумская равнина, съ обросшими кругомъ высокими горами покрытыми снѣгомъ, весь Эрзерумъ какъ на ладони съ его тридцатью тремя минаретами, грозныя цитадели, развѣвающиеся на консульскихъ домахъ флаги, Евфратъ, все представляетъ чудную картину.

Видъ съ крыши соблазнилъ насъ пойти гулять опять на тотъ же ближайшій къ намъ холмъ подъ Таль-Дагомъ откуда съ одной стороны видна долина Евфрата и съ другой Таль-Дагъ съ его страшными укрѣпленіями. Черезъ рѣчку опять положили какую-то перекладку, тадаме Жильберъ, желая ловко перескакнуть, споткнулась прямо въ воду.

Взяли съ собою ковры, самоваръ, и лили чай. Мужу принесли разомъ двѣ делеша отъ двухъ начальниковъ войскъ, одну отъ Лорисъ-Меликова изъ Карса, другую отъ Измаиль-паши изъ Эрзиньяна. Жильберъ показывалъ намъ гдѣ по армянскимъ преданіямъ былъ рай: Армяне считаютъ его не при слияніи Евфрата съ Тиромъ, недалеко отъ Эрзерума, за горами Бингель-Дага. Мѣстность тамъ, говорятъ, чудная, много развалинъ древнихъ городовъ, великолѣпная растительность, всходы дикаго винограда, протекаютъ тамъ двѣ рѣчки упоминаемыя въ библейскомъ описаніи земнаго рая (вотъ куда я попадаю); за то зимою снѣга въ нѣсколько сажень и морозы страшные.

Съ холма прошли мы къ Жильберамъ, мужъ зашелъ къ Гейману живущему рядомъ съ Жильберами, я сидѣла у нихъ на балконѣ. Вышу на площади, предъ здѣшней главною гауптвахтой толпились офицеры, смотрѣли и пробовали нѣсколько арабскихъ лошадей стараюсь показать свою ловкость. На балконѣ пришелъ католическій архіепископъ и англійскій докторъ. Послѣдній подарилъ мнѣ огромнаго мохнатого ванскаго кота принадлежавшаго прежде Мухтаръ-пашѣ и подареннаго имъ англійскимъ докторамъ, я его такъ и назвала Мухтаромъ. Ванскіе коты оригинальные, шерсть почти волочится по полу, громадныя, ихъ вывозятъ изъ Вана въ Константинополь, гдѣ продаютъ по дорогой цѣнѣ.

Очень пріятно провела день; возвращались домой вечеромъ. Впереди два турецкіе залтія въ расшитыхъ красными тесьмами курточкахъ освѣщали намъ путь двумя большими турецкими фонарями съ двумя свѣчами въ каждомъ. Въ городѣ, какъ всегда послѣ заката солнца, совершенная тишина, на улицахъ встрѣчаются только изрѣдка русскіе солдаты и офицеры, а изъ представителей турецкаго населенія только многочисленныя собаки которыя служатъ въ Эрзерумѣ лучшими ассенизаторами. Онѣ ходятъ большими компаніями, не имѣютъ большею частію никакого убѣжища и питаются падалью.

30 марта.

Наконецъ-то я увидѣла здѣшняго оберъ-туза Али-эфенди-Арабзаде. Это говорятъ, самый умный и почетный изъ здѣшнихъ жителей, мусульманинъ родомъ изъ Аравіи. Онъ не стѣсняется говорить съ дамами, и очень благовоспитанъ. Онъ главный повѣренный Турецкаго правительства, и чрезъ него дѣлаютъ всѣ закупки отъ Турокъ.

Заказала себѣ амазонку сянго сукна съ курточкой военнаго турецкаго покроя Увидавъ меня въ ней Гуссейинъ-чаушъ отдалъ мнѣ по-турецки честь (сдѣлавъ селямъ) потому что на рукавахъ золотыя какъ у лашей нашивки.

Вечеромъ когда мы сидѣли въ гостиной съ только что прѣѣхавшимъ Реммертомъ, Егешу съ измѣнившимся лицомъ встаетъ и проситъ мужа выйти на минутку въ столовую. Вернувшись мужъ ничего не сказалъ, потому тѣлько узнала я что было землетрясеніе (которыя часто бываютъ въ Эрзерумѣ). Зная что второй ударъ всегда сильнѣе перваго, Егешу посовѣтовала мужу выйти всемъ на улицу. При мнѣ никто и виду не показалъ что было землетрясеніе. Говорятъ что въ Эрзерумѣ въ 1859 году было такое сильное землетрясеніе что въ теченіе тридцати двухъ дней жители вышедши изъ города жили въ лалаткахъ на горахъ. Совѣтуютъ во время землетрясенія выходить на улицу, а еще лучше за городъ. Въ цитадели, нѣкоторыя стѣны разрушились отъ землетрясенія. Есть минареты покосившіеся, и много каменныхъ стѣнъ съ трещинами; еслибы здѣсь дома строились изъ одного лишь камня, то они отъ землетрясенія не только бы трескались, но и разрушались бы. Для предупрежденія этого жители строятъ дома не изъ одного камня, а прокладываютъ между слоями бревна.

31го марта.

Наконецъ-то получила телеграмму отъ моего отца; ужъ такъ я ей обрадовалась. Онъ очень беспокоится что со дня выѣзда моего изъ Карса не имѣетъ отъ насъ извѣстій (хотя какъ только я прѣѣхала въ Эрзерумъ мы послали ему депешу извѣщавшую о моемъ благополучномъ прѣѣздѣ; вообще эрзерумское телеграфное сообщеніе рѣдко когда въ порядкѣ). Мы конечно сейчасъ жѣ отвѣтили ему.

Хозяйскія дочери прислали каймакъ домашняго приготовления. Это туземное блюдо, очень вкусное, готовится изъ килаченыхъ сливокъ.

Прогуливались по базару среди густой толпы. Олять насколько дружелюбно кланялись христіане, настолько мусульмане зло на меня смотрѣли, точно съѣсть хотѣли, заходили въ такъ-называемый англійскій магазинъ, гдѣ на русскомъ, турецкомъ, армянскомъ и греческомъ языкахъ крупно написано на видномъ мѣстѣ „Безъ запроса“; пропасть порядоч-

ныхъ лавокъ. Во многихъ мѣстахъ видны русскія вывѣски, чаще другихъ „бѣлая харчевня“. Купили разныхъ шелковыхъ матерій и турецкихъ платковъ.

Въ числѣ полученныхъ турецкихъ телеграммъ, одна обнаружилась что здѣшніе жители обращались секретно съ жалобами къ Измаиль-пашѣ на то что мужъ послѣ выѣзда изъ города Гуссейвъ-Авни-паша приказалъ не подымать болѣе на главной башнѣ турецкаго флага, Измаиль-паша отвѣтилъ чтобы въ точности исполняли приказанія русскаго начальства.

Изъ всѣхъ представителей духовенства только мусульманскій муфтіи не явился къ русскимъ властямъ. Когда генераль Лорисъ-Меликовъ а потомъ мужъ посылали за нимъ, онъ отвѣчалъ что боленъ. Главные муллы тоже не приходили; когда жители пришли просить дозволенія имъ подымать флагъ по пятницамъ, мужъ отвѣтилъ что просить объ этомъ не имъ дѣло, но мулла. На другой же день явилась толпа имамовъ съ сѣдыми бородами въ бѣлыхъ чамахахъ, и подбитыхъ мѣхомъ халатахъ. Тогда мужъ разрѣшилъ имъ подымать флагъ, и они очень благодарили.

За ужиномъ Реммертъ выражалъ удивленіе увидѣвъ Эрзерумъ такимъ опрятнымъ чистымъ городомъ, бойни переведены за городъ, горы льда и снѣга, бывшія на улицахъ мѣстами выше сажени, счищены, всюду водопроводы и фонтаны, послѣднихъ здѣсь кажется около ста сорока съ отличною водой. Многочисленныя проточныя большія канавы вычищены совершенно. Когда толпы рабочихъ очищали улицы многіе жители говорили: „Какіе странные Русскіе, платятъ деньги за то что мѣсяца черезъ три сама природа сдѣлала бы“.

1го апрѣля.

Здѣшній полицеймейстеръ Камсараканъ большой шутникъ. Мнѣ разказывали что онъ сегодня кого ни встрѣчалъ изъ знакомыхъ на улицахъ всѣхъ звалъ къ себѣ обѣдать говоря что будетъ проба новаго повара и отличный русскій пирогъ. Приглашенные радовались, такъ какъ русскаго пирога давно уже никто не видалъ. Но когда стали приходить, деньщикъ встрѣчалъ всѣхъ словами: „барина дома нѣтъ и обѣдъ не готовился“. На чужбинѣ никому и въ голову не пришло русское 1-е апрѣля. Самъ же Камсараканъ съ докторомъ Тиграняцемъ пошли къ Ерицову и съѣли его обѣдъ сказавъ прислугѣ что баринъ велѣлъ подавать. Можно себѣ вообразить

удивленіе Ерицова, одного изъ обмануто-приглашенныхъ когда онъ придетъ домой въ надеждѣ любить хоть у себя что-нибудь узналъ что Камсараканъ съѣлъ и его обѣдъ.

Вечеромъ у мужа было большое собраніе: опять по ассенизаціи. Участвовало до двадцати человекъ, въ томъ числѣ доктора турецкіе и ангайскіе. Турки удивляются: зачѣмъ хлопотать о засылкѣ раскрывшихся могилъ, вѣдь этого прежде не дѣлалось. Здѣсь зимой похоронено однихъ турецкихъ солдатъ до 14.000; въ мерзлой землѣ ихъ зарывали такъ не глубоко что теперь когда снѣгъ началъ таять нѣкоторыя тѣла уже обнаружились. Мнѣ нездоровилось, все общество ужинало безъ меня.

2го апрѣля.

Сегодня у католиковъ Вербное воскресенье, недѣлей раньше чѣмъ у православныхъ и у Армянъ. Я пошла въ костелъ, вмѣстѣ со мною отправились дочери нашего хозяина съ молитвенниками въ рукахъ. Въ саду церкви похоронена ихъ мать и нѣсколько недавно умершихъ нашихъ офицеровъ-католиковъ. Служили калудины въ коричневыхъ фрокахъ, съ веревками вмѣсто поясовъ. Они Италияцы присланные изъ Рима. На особомъ мѣстѣ съ боку сидѣла жена французскаго консула m-me Жильберъ. Сестры милосердія въ своихъ костюмахъ изображали изъ себя черныя латна между остальными молящимися большею частью покрытыми бѣлыми чадрами. Вошедшій за нами Гамидъ-бей (турецкій офицеръ состоящій при мужѣ) все время стоялъ у дверей видимо стараясь показать свое уваженіе къ христіанскимъ обрядамъ.

Послѣ службы зашли въ помѣщеніе Француженокъ *sœurs de charité*. Имъ строго запрещено вести религіозную пропаганду, и французскій консуль подъ покровительствомъ котораго онѣ находятся безпрестанно напоминаетъ имъ что все ихъ назначеніе состоитъ въ обученіи дѣтей, помощи бѣднымъ и больнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ давно уже здѣсь, сначала онѣ стѣснялись ходить по городу, такъ какъ Турки дѣлали имъ разныя неприятели при встрѣчахъ, но въ послѣднее время населеніе къ нимъ привыкло и даже стало уважать ихъ за ихъ услуги больнымъ. Заговорили мы объ ужасахъ войны и болѣзняхъ въ Эрзерумѣ между Турками во время блокады, а теперь между Русскими. Старшая сестра, красивая молодая женщина двадцати семи лѣтъ, родомъ изъ Бретани, вспоминала время Франко-Прусской войны въ которой

участвовала ея брать и разказывала про жестокость Нѣмцевъ въ бытность ея брата въ плѣну. У сестеръ школа для дѣвочекъ всѣхъ исповѣданій, обучаютъ преимущественно рукодѣліямъ. Изъ Марсела постоянно выписываютъ матеріалы и образцы работъ которыхъ у нихъ очень много. Я купила начатую подушку стила Louis XVI, которую сама буду оканчивать.

Днемъ пріѣзжалъ персидскій консулъ, былъ очень любезенъ, говорилъ что считаетъ своею обязанностью часто навѣщать насъ.

4го апрѣля.

Я рѣдко видѣла человѣка съ такимъ радостнымъ лицомъ какъ только что пріѣхавшій сюда изъ Карса казанскій Татаринъ Хуснадинъ. Видъ многихъ минаретовъ торчащихъ надъ Эрзерумомъ какъ мачты на морскомъ рейдѣ привелъ его въ восторгъ. Онъ все говорилъ: „куда наша Казань, ничего не стѣить; лучше этого города и выдумать нельзя“. Я невольно подумала: что же удивительнаго что здѣшніе жители такъ любятъ свой городъ. Замѣчательна скорость съ которою онъ ѣхалъ изъ Карса въ Эрзерумъ, нигдѣ не останавливаясь, шестнадцать дней. Правда что нѣсколько разъ опрокидывался съ фургономъ. Привезъ онъ мнѣ кое-какія вещицы, а то до сихъ поръ все мое имущество заключалось въ одномъ маленькомъ чемаданчикѣ.

Выискивая сухое мѣсто для прогулки мы пошли по валу крѣпости, Жильберы говорили что во время почти восьмилѣтней жизни ихъ въ Эрзерумѣ, они въ первый разъ ходятъ по валу, Турки не позволяли подходить къ нему Европейцамъ. Воображаю какъ Туркамъ сопровождавшимъ насъ непріятно было видѣть что теперь эти валы не въ ихъ власти и что по нимъ прохаживаются гауры. Дикая козочка подаренная мнѣ генераломъ Ковторадзе (ее наши солдаты поймали гдѣ-то на горахъ) все время бѣгала за мной какъ собака; когда мы пошли по улицѣ вдоль высокой каменной стѣны составляющей ограду кладбища она испугавшись собакъ вспрыгнула на верхъ этой стѣны и все время шла по ней слѣдя за нами. Презабавная эта козочка, солдаты сдѣлали ее совсѣмъ ручною, она очень любитъ кюрасо и разные ликеры; такъ ловка что иногда вспрыгнетъ на накрытый къ обѣду столъ и пройдетъ по немъ не задѣвъ ни одной рюмочки.

Въ самой мусульманской части города кто-то бросилъ камнемъ въ проходившаго мимо русскаго офицера. Офицеръ

несмотря на сильный ушибъ головы входилъ въ нѣсколько домовъ, но никого не могъ уличить. Узнавъ объ этомъ лично отъ офицера, который пріѣхалъ повязанный платкомъ, мужъ поѣхалъ на мѣсто происшествія, сначала хотѣлъ велѣть срыть нѣсколько домовъ въ этомъ кварталѣ, но убѣдившись что нѣкоторые домохозяева были въ это время на городской работѣ распорядился привести два баталіона которые и размѣстилъ въ этомъ кварталѣ на квартирахъ впредь до того пока жители не внесутъ назначеннаго имъ штрафа въ 500 рублей. Ужасные фанатики здѣшніе мусульмане, а ихъ три четверти населенія. Старшій изъ военныхъ Турокъ, майоръ Шевкетъ-бей, очень озабоченный приходилъ къ мужу и ко князю Чавчавадзе съ просьбой посылать вмѣстѣ съ нашими разъѣздами своихъ солдатъ оласаясь чтобъ изъ-за какого-нибудь Курда не страдали невинные жители города. Жители утверждаютъ что это сдѣлали мальчишки нечаянно, играя камнями.

Видѣла я нѣсколько шведскихъ и норвежскихъ докторовъ въ фескахъ, служившихъ въ турецкихъ госпиталяхъ. По случаю уменьшенія оставленныхъ здѣсь Турками больныхъ они уѣзжали въ Константинополь и приходили просить дать имъ пропуски. Не могу безъ непріязненнаго чувства смотрѣть на этихъ друзей мусульманства.

Говорятъ вчера олять было маленькое землетрясеніе. Въ этомъ мѣсяцѣ они чаще всего бываютъ.

8го апрѣля.

Отъ Гуссейнъ-паши и его спутниковъ получена очень почетительная турецкая телеграмма изъ Эрзинджана. Извѣщая о томъ что благополучно пріѣхали, они въ восточныхъ вычурныхъ выраженіяхъ благодарили за вниманіе которымъ пользовались отъ нашихъ властей, просили не забывать ихъ.

Жильберы были очень огорчены смертью отъ тифа въ нѣсколько дней молодежкой Американки miss Nicholson, которая съ ними вмѣстѣ ѣхала изъ Марселя до Эрзерума и потомъ часто посѣщала ихъ домъ. Она ухаживала за женой американскаго миссіонера также болѣвшей тифомъ и вѣроятно отъ нея заразилась. Говорятъ, она была достойная дѣвушка, учила дѣтей въ протестантской школѣ, помогала бѣднымъ. На мачтѣ надъ домомъ американскаго миссіонера, у котораго она жила, въ этотъ день мы видѣли, проѣзжая мимо верхомъ, американскій флагъ по случаю ея смерти —

прислущеннымъ. Вообще и между жителями не мало больныхъ тифомъ, но все-таки эпидемія не такъ сильна какъ между солдатами подготовленными къ бою сильнымъ изнуреніемъ.

Пройдя по нѣсколькимъ улицамъ города, въ томъ числѣ и черезъ самый османскій кварталъ, мы цѣлою кавалькадою пріѣхали въ лагерь стрѣлковаго баталіона навѣстить моего крестника. Поповъ и докторъ объявили намъ что онъ тоже заболѣвъ тифомъ и часъ назадъ отправленъ въ госпиталь. Можно себѣ представить какъ я была поражена. Между солдатами только и остаются здоровыми тѣ которые переболѣли, хотя и на нихъ страшно смотрѣть, такъ худы и блѣдны. Страшное дѣло такая сильная эпидемія. Солдаты обступили насъ съ видимо радостными лицами по случаю нашего посѣщенія ихъ; офицеры говорили что видъ русской женщины оживляетъ и ободряетъ ихъ, это заставляетъ ихъ забывать на минуту что они на такой далекой чужбинѣ. Заѣзжали въ цитадель, гдѣ слѣзи съ лошадей, и по узенькой, темной, крутой винтовой внутренней лѣстницѣ поднимались на вышку самой высокой во всемъ городѣ башнѣ. Въ амазонкѣ мнѣ ужасно неудобно было влѣзть. Чудный видъ оттуда, весь городъ виденъ à vol d'oiseau, окрестности очень красивы. Мы долго смотрѣли въ бинокль. Внутри цитадели стоитъ лагеремъ Бакинскій баталіонъ и живутъ нѣсколько десятковъ оставшихся при складахъ турецкихъ солдатъ. Забавно было видѣть какъ наши солдаты дружелюбно бесѣдуютъ съ турецкими, на неизвѣстномъ языкѣ. Впрочемъ, между турецкими солдатами, одинъ Чеченецъ хорошо говоритъ по-русски и служить у нихъ переводчикомъ. Вертявый бимбашу Максулъ-эфенди, начальникъ этой османской команды, старался прельстить насъ своею любезностью. Турецкіе солдаты и офицеры отдавали мужу честь, имъ это строго приказано нашими властями. Смѣшно было видѣть какъ часовымъ при складахъ чаушъ громко командуетъ: „селямъ.... дуръ!“.... Любовались на прекрасное зданіе Чивте-минареть, гдѣ теперь одинъ изъ военныхъ турецкихъ складовъ, оно построено, говорятъ въ IX столѣтіи Арабами, весьма грандіозное, съ двумя высокими у входа колоннами изъ разноцвѣтныхъ эмалированныхъ кирличей, на одной изъ которыхъ до сихъ поръ сохранился Византійскій орелъ. Внутри покоится, по словамъ Армянъ, какой-то армянскій святой, а по словамъ Турокъ—

мусульманскій имамъ. Гробница, какъ и всѣ уголки зданія, завалены ружьями, бомбами и тому подобными, далеко не религіозными вещами.

Тяжелое впечатлѣнiе произвелъ на меня разказъ доктора Рейтлингера о полученiи имъ извѣстiя о смерти его жены. Онъ былъ женатъ двѣнадцать лѣтъ и, вызвая въ отрядъ, оставилъ жену здоровою. Во время войны у нея родился ребенокъ, котораго отецъ еще не видалъ. Она умерла въ скоротечной чахоткѣ и оставила трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Я очень жалела что вопросомъ „женатъ ли онъ“ растрвила его раны; просила его чаще бывать у насъ. Во сколько семействъ война дала себя знать со всеми своими жестокостями. Какъ она не клеится съ домашнимъ благополучiемъ!

Католическiй архіепископъ, или какъ его здѣсь называютъ monseigneur, принесъ мнѣ букетъ цвѣтовъ; въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ въ началѣ апрѣля это большая рѣдкость. Онъ всегда умѣетъ сдѣлать кстату что-нибудь любезное. Monseigneur говорилъ что Эрзерумъ послѣ проведенiя новой русской границы, какъ она опредѣлена Санъ-Стефанскимъ миромъ, обратится въ ничтожный городишко; онъ разказывалъ какъ Турки лугаютъ христіанъ тѣмъ что когда уйдутъ отсюда Русскіе, они ихъ всѣхъ перерѣжутъ, просилъ принять мѣры противъ этого. Онъ никогда не приходитъ безъ цѣли.

9го апрѣля.

Офицеры того стрѣлковаго баталіона гдѣ у меня теперь кумъ и крестникъ пригласили насъ отъ имени всего ихъ общества къ нимъ въ лагерь пить чай.

Поѣхали мы по обыкновенію верхомъ, такъ какъ экилажа у насъ здѣсь нѣтъ, да и во всемъ городѣ умѣется лишь одинъ нечаянно забредшій откуда-то турецкiй, хромой, извожничій фазтонъ въ который я ни за что не рискнула бы сѣсть. Проѣзжая черезъ площадку около главной гаултахты стояли въ разступившейся толлѣ красныхъ фесокъ, около нашей драгунской музыки. Это еще Гейманъ завелъ чтобы послѣ обѣда въ городѣ играла музыка. Красивые рослые наши драгуны сравнительно съ сухоларыми, мелкими Армянами и Греками казались гордыми арабскими скакунами предъ чахлыми извожничьими лошадьми.

Стрѣлковый лагерь расположенъ около Карскихъ крепостныхъ воротъ. Двойная офицерская палатка была разбита

на валу, откуда во всѣ стороны прекрасный видъ. Возлѣ палатки стоялъ хоръ музыки Бакинскаго полка игравшій маршь когда мы подъѣзжали; недалеко, въ другой палаткѣ видѣлся самоваръ, стаканы — походный буфетъ. Половъ (мой кумъ) познакомилъ меня со всѣми офицерами вышедшими къ намъ навстрѣчу. Вошли мы въ палатку, сѣли за длинный столъ; любезные стрѣлки угощали насъ всѣмъ что только возможно было достать. Мнѣ очень понравилась ихъ дружная, веселая, военная маленькая семья. Разговоръ шелъ почти исключительно про походныя приключенія; изъ офицеровъ 4го стрѣлковаго баталіона, кажется, третья доля были жертвой турецкихъ луль.

Предъ отъѣздомъ офицеры просили насъ посѣщать ихъ въ скучающемъ безъ дѣла лагерѣ, трое верхомъ проводили насъ до нашей квартиры. Я съ удовольствіемъ вспоминаю ихъ любезный пріемъ.

Сегодня у католиковъ Пасха. Жалѣю что не зашла въ костель; говорятъ, онъ былъ украшенъ искусственными цвѣтами выписанными для этого случая изъ Парижа. Запла поздравить французскихъ сестеръ милосердія. Мнѣ такъ напомнило Францію когда одинъ изъ католическихъ священниковъ, сидѣвшихъ у сестеръ, уходя сказалъ старшей сестрѣ: „*bonjour, soeur supérieure.*“

Вечеромъ пролетѣлъ по городу слухъ будто уже объявлена война Англии съ Россіей. Съ вопросомъ объ этомъ прислалъ записку Жильберъ. Спросить о томъ же заходили къ мужу нѣсколько лицъ. Турки часто получаютъ извѣстія гораздо раньше насъ, и нерѣдко ихъ извѣстія оправдываются. Нашъ же телеграфъ безпрестанно лортится или запаздываетъ. Я, конечно, не знаю и десятой доли тѣхъ безлокойствъ которыя причиняютъ разные толки и происшествія, чувствую только иногда по состоянію мужа что ихъ не оберешься.

10го апрѣля.

Утромъ забѣжала ко мнѣ Элеонора съ извѣстіемъ что сегодня будетъ у меня та самая Турчанка, жена предсѣдателя городской думы, приславшая мнѣ на дняхъ въ видѣ турецкаго привѣтствія индюка; это большая рѣдкость визитъ Турчанки Европейкѣ.

Около 12ти часовъ подъѣхала арба запряженная парой отличныхъ быковъ, покрытая подушками и краснымъ сукномъ. На арбѣ сидѣли закутанныя въ разноцвѣтныя покры-

вила турецкія женскія фигуры; возлѣ ѣхалъ на маленькой лошади мальчикъ въ фескѣ; двое изъ мужской прислуги шли на благородной дистанціи подлѣ арбы. Лица женщинъ покрыты густою черною вуалью въ родѣ маски. Если встрѣтить Турчанку ночью ее можно принять за привидѣніе, да и днемъ-то на нихъ съ непривычки страшно смотрѣть. У кого сильное воображеніе можетъ представить себѣ подлѣ каждымъ изъ такихъ таинственныхъ одѣяній небывалую красавицу.

Я заранѣе удалила всѣхъ мужчинъ изъ передней. Въ столовой Турчанки сняли покрывала-маски и вошли въ гостиную; жена предсѣдателя—красивая, стройная, молодая, но ужасно накрашенная, дочь ея, ятнадцати лѣтъ, менѣе красива своей матери, маленькая дочь, лѣтъ пяти, прехорошенькая, сынъ, двѣнадцати лѣтъ, ужасный по виду деспотъ, молодая Турчанка прислужница и негритянка. Мусульманки хорошаго тона никогда не приходятъ въ гости безъ прислужницъ. Костюмы очень оригинальны: у старшей дочери распущены волосы и на головѣ какая-то діадема. Негритянка вся въ яркочерномъ, съ крупными черными цвѣтами, напоминает собою колдунью въ *Трубадурн*. Всѣ усѣлись поджавъ подъ себя ноги.

Совершенно своеобразны разговоры затворницъ мусульманокъ; ихъ только и интересуетъ гаремная жизнь; далѣе ея онѣ не касаются. Жена предсѣдателя разказывала мнѣ чрезъ Элеонору, служившую переводчицей, про свои чувства когда у ея мужа было двѣ жены; какъ онѣ каждая въ свою очередь плакали когда предпочтеніе отдавалось соперницѣ; съ удовольствіемъ говорила что первая ж. на побѣдившая въ Константинополѣ просить чтобы присудили мужа развестись со второю женой, умерла тамъ; теперь же этой безраздѣльно отдана пальма первенства. Разказывала какъ ее называютъ „голубая ханумъ“ потому что у нея голубые глаза.

Негритянка взята изъ Стамбула, гдѣ мать ея была въ гаремѣ у султана. Сама она сначала куллена богатымъ Туркомъ который на ней женился, по смерти его перекупила ее какая-то Турчанка, которая обдѣнявъ продала ее мѣсяцъ тому назадъ моей гостѣ за 500 рублей вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ. Какъ все это кажется мнѣ страннымъ... Предлагали онѣ мнѣ купить негритянку говоря что это обойдется намъ не дороже 200 рублей; но только теперь въ Эрзерумѣ хорошихъ нѣтъ, такъ что надо выписывать изъ Діарбе-

кира, что не трудно сдѣлать. Говорила что можно купить и негритянку, въ Константинополѣ есть негритянки говорящія на нѣсколькихъ европейскіихъ языкахъ, но только предупредила что негритянокъ неудобно брать потому что онѣ очень безнравственны, и нѣкоторыя не оставляютъ въ покоѣ даже хозяина дома. „Въ такомъ случаѣ сказала я смѣясь, я предпочитаю взять негретенка.“

Угощала я Турчанокъ шоколатомъ, кофе; онѣ очень любезно приглашали меня къ себѣ, говоря что покажутъ мнѣ баядерокъ. Со страхомъ говорили про казаковъ, боялись чтобъ они не подымали ихъ вуаля, что иногда, какъ онѣ говорятъ, случалось на улицахъ. Наговорили мнѣ пропастъ комплиментовъ; серьезно удивляюсь какъ мужъ меня пускаетъ въ общество мужчинъ. Негритянкѣ захотѣлось пить, и въ присутствіи своей гослужи могла пить только низко присѣвъ на полъ. Услышавъ черезъ комнату мужскіе голоса, негритянка попросила выйти курить; оказалось что она старалась засматривать въ дверь откуда слышались голоса. Ужасно боялась она чтобъ я не купила ея сына и все увѣряла что онъ мулатъ, а не черный.

Я проводила гостей до арбы, успокоивъ что въ передней ихъ никто не увидитъ.

Въ это время, кромѣ адъютанта и переводчика мужа, постоянно у насъ обѣдающихъ, были приглашены еще нѣсколько человекъ. Мужъ очень изумился когда вернувшись со службы домой услышалъ что въ гостиную нельзя войти. Турецкіе визиты длятся очень долго, и мужъ съ гостями должны были обѣдать въ спальней, безъ меня. Когда Турчанки уходили, обѣдъ еще продолжался и я замѣтила что сама барыня, такъ порицавшая безнравственность негритянокъ, все останавливалась и подсматривала въ чуть растворенную дверь комнаты въ которой засѣли какъ въ засадѣ обѣдающіе.

12го апрѣля.

Еще задолго до приближенія Пасхи здѣшняя русская колонія говорила что Свѣтлый Праздникъ въ Эрзерумѣ среди мусульманъ непременно надо отпраздновать съ торжествомъ: заутреню служить ночью и стрѣлять изъ пушекъ, что прежде Турки запрещали дѣлать. Мѣсяцъ тому назадъ у мусульманъ было рожденіе Магомета, мужъ разрѣшилъ имъ по обычаю стрѣлять изъ орудій, по двадцати выстрѣловъ предъ временемъ

каждаго изъ пяти намазовъ, и даже предлагалъ если у нихъ не найдется своего пороку и пушекъ дать для того нашихъ. Мусульмане были за это очень благодарны. Теперь пришла намъ очередь отпраздновать нашу Пасху. Генералъ Гейманъ еще въ началѣ поста послалъ въ Александрополь за поросятами, которыхъ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, за бѣлою мукою для куличей, и пр., онъ обѣщалъ подѣлиться этою провизіей и съ нами. Въ селенія послали за барашками, индюшками, свѣжимъ масломъ, яицами. Условились что у Геймана будутъ разговляться всѣ военные, а у насъ служащіе по управленію области. Гейманъ увѣжая непременно разчитывалъ вернуться къ Страстной Субботѣ и просилъ въ случаѣ не успѣть пріѣхать къ этому дню чтобы всѣ военные все-таки разгавливались у него.

Такъ какъ греческая церковь далеко и погода скверная, то мужъ устроилъ чтобы въ квартирѣ Геймана, которая болѣе другихъ просторна, начиная со среды служилъ одинъ изъ русскихъ военныхъ священниковъ для говнія русскихъ генераловъ и офицеровъ. Въ этой самой квартирѣ всегда жили англійскіе консулы; послѣдняго изъ нихъ, Зораба, Англійское правительство при приближеніи къ Эрзеруму русскихъ войскъ внезапно вызвало отсюда въ видѣ протеста противъ Россіи, и вотъ теперь здѣсь помѣстился русскій военный начальникъ, и собираются наши военные для исполненія роднаго обряда, наломинающаго далекую родину. Какая игра судьбы!..

Въ среду же, послѣ службы, получена делеша изъ Карса что Гейманъ опасно заболѣлъ. Онъ еще предъ отъѣздомъ отсюда былъ боленъ, очень жаловался и былъ не въ духѣ когда провелъ у насъ вечеръ; наканунѣ своего отъѣзда говорилъ что хотя лѣчившій его докторъ Шульдъ отговариваетъ его ѣхать, но онъ все-таки поѣдетъ чтобы не отмѣнять сдѣланныхъ по всей дорогѣ и въ Карсѣ распоряженій. Шульдъ говорилъ намъ что въ день отъѣзда Геймана, въ 6 часовъ утра, онъ настоятельно, но безуспѣшно доказывалъ ему необходимость отложить выѣздъ. На всѣхъ извѣстіе о его болѣзни произвело грустное впечатлѣніе. Гейманъ въ послѣднее время почти ежедневно посѣщалъ госпитали наполненные тифозными больными, которыя свозили въ городъ со всѣхъ сторонъ и помѣщали во всѣ свободные казармы и дома. Когда мы выходили послѣ службы, я обратила вниманіе на водолаза принадлежавшаго генералу; его унылый видъ бросился мнѣ въ глаза.

13 апрѣля.

Monseigneur давно уже предлагалъ намъ присутствовать при обрядѣ омовенія ногъ въ Страстной Четвергъ. Мы пошли вмѣстѣ съ Жильберами. На двухъ скамьяхъ покрытыхъ коврами сидѣли двѣнадцать хорошенькихъ маленькихъ мальчиковъ изъ лучшихъ здѣшнихъ армяно-католическихъ семействъ, всѣ въ бѣломъ, съ вѣнками на головахъ, правыя ножки разуты. Monseigneur въ высокой митрѣ и во всемъ облаченіи, на колѣняхъ, началъ поочереды омывать каждому ребенку ногу, вытиралъ и цѣловалъ ее, потомъ давалъ каждому зажженную свѣчку съ зеленымъ бантомъ, медаль на красной лентѣ, которую тутъ же и прищипливалъ, и конфеты въ кисейномъ мѣшечкѣ. Пухленькія личики дѣтей радостно сіяли, особенно при полученіи послѣдняго. Здѣсь въ католическихъ церквахъ нѣтъ органовъ. Monseigneur объясняетъ что они вообще дѣлаютъ все чтобы переходъ Армянъ въ католичество не былъ для нихъ рѣзокъ.

Въ половинѣ шестаго въ греческой церкви начали читать Двѣнадцать Евангелій, отправились и мы туда съ Жильберами, простояли не долго; такъ какъ митрополитъ читалъ по-гречески и мы ничего не понимали, то вскорѣ отправились въ квартиру Геймана. Вошли когда тамъ уже читали второе Евангеліе. Видѣ русскаго священника въ черной расѣ, толпа офицеровъ и чиновниковъ со свѣчами въ рукахъ, сумерки, по временамъ протяжное пѣніе солдатъ-пѣвчихъ, полная передняя молящихся солдатъ, произвели впечатлѣніе тепло дѣйствующее на душу. Вдругъ вижу вошелъ князь Чавчавадзе и даетъ молча мужу телеграмму; у мужа измѣнилось лицо; депеша пошла по рукамъ, кто ни прочтетъ—на лицѣ ужасъ. Что такое? Это депеша о смерти Геймана въ Карсѣ отъ пятнастаго тифа. Всѣ были потрясены. Еще новая жертва изъ числа самыхъ близкихъ намъ людеи. Боже, да скоро ли это кончится! Неужели Лабунскій говоритъ правду: „Всѣ умремъ здѣсь, никто не вернется на родину, неизвѣстна только очередь!“

Тутъ же отслужили панихиду, и какъ странно въ его же, Геймана, квартирѣ, ровно годъ спустя послѣ начала войны. Царство небесное тебѣ, честный воинъ, говорили крестьянъ бывшіе подчиненные Геймана, выходя изъ дома.

16 апрѣля.

Пріѣхавшій изъ Карса казачій майоръ Софіевъ, сопровождавшій Геймана въ пути изъ Эрзерума, разказывалъ что Гейманъ дорогою нѣсколько разъ опрокидывался, мокъ подъ дождемъ, и пріѣхалъ въ Карсъ совсѣмъ больнымъ; черезъ день, когда слегъ, послалъ женѣ во Владикавказъ делешу слѣдующаго содержанія: „Заболѣлъ тифомъ, не переживу, пріѣзжай закрыть мнѣ глаза, желалъ бы благословить дѣтей.“ Въ часъ, въ греческой церкви была отслужена официальная панихида по Гейману; собралось очень много офицеровъ въ мундирахъ; лѣви солдаты, служило нѣсколько священниковъ. Я непрѣменно желала также почтить память покойнаго; стала отдѣльно вѣтво; вѣроятно мое появленіе было диковиной для многихъ офицеровъ, осматривавшихъ меня съ любопытствомъ.

Говорятъ что въ Эрзиньянѣ, вслѣдствіе сообщеній нѣкоторыхъ здѣшнихъ услужливыхъ жителей, много толковъ про то что Эрзерумъ будто переполненъ больными русскими солдатами, что теперь здѣшнимъ мусульманамъ удобный случай, которымъ нужно воспользоваться чтобъ отмстить христіанамъ и русскимъ войскамъ. Мужъ все меня успокоиваетъ, говорить что ничего серьезнаго не поспѣютъ сдѣлать. А тутъ еще толки про новую войну. Ну ужъ тревожное время!..

Въ Страстную Субботу мы приобщались. Вѣздили верхомъ въ греческую, григоріанскую и католическую церкви приложиться къ плащаницамъ. Когда вернулись домой, пришелъ Кравченко и турецкій майоръ Максудъ-эфенди. Преоригинальнѣйшій оный субъектъ. Какъ только оный вошелъ, мужъ ему сказалъ что по европейскому обычаю и съ дамами здоровуются; оный тотчасъ подошелъ ко мнѣ, извиняясь что этого не зналъ и сталъ что-то болтать. Я ему показывала карточку мужа и сказала: „бѣлымъ лапша“ (мой лапша); оный сталъ кричать: „іокъ, іокъ, бѣлымъ“, то-есть сталъ оспаривать что не мой, а его лапша. Мужъ сказалъ что сдѣлаетъ ему сегодня сюрпризъ (у него лицо просіяло). Но когда ему мужъ объяснилъ что сюрпризъ заключается въ томъ что оный лично приведетъ въ цитадель русскій баталіонъ (тѣсная цитадель, загроможденная складами до сихъ поръ не была занята войсками) и поставитъ его тамъ на площадкѣ лагеремъ, для чего изъ турецкихъ складовъ возьмутъ побольше лалатокъ,—

лицо его вытянулось; но il a fait bonne mine à mauvais jeu, сдѣлавъ селямъ и сказавъ что его солдаты будутъ жить въ ладу съ нашими. Дѣло въ томъ что въ цитадели сложены всѣ главные турецкіе склады, и въ небольшихъ тѣсныхъ сараяхъ было набито человекъ триста турецкихъ солдатъ. Туркамъ очень хотѣлось чтобы цитадель осталась въ ихъ рукахъ. Максуду-эфенди мужъ объяснилъ что это дѣлается на случай безпорядка въ городѣ между христианами и мусульманами во время предстоящей Пасхи. Ему въ утѣшеніе даны деньги съ приказаніемъ раздать по 50 копѣекъ турецкимъ чаушамъ (унтеръ-офицерамъ) и по 25 коп. солдатамъ чтобъ они праздновали 17го апрѣля день рожденія нашего Государя. Онъ разумѣется долженъ былъ кланяться и благодарить.

Пошли на крышу съ Кравченкомъ и Ивановымъ, командиромъ Бакинскаго полка. Это цѣлая исторія взбираться на нее по узкимъ лѣстницамъ съ поворотами. Смотрѣли какъ рабочіе ставили на крышѣ мачту чтобы къ Пасхѣ поднять тотъ самый русскій флагъ который до войны подвигался надъ нашимъ консульствомъ. Послѣ объявленія войны его спрятали въ ящикъ и оставили на храненіе французскаго консула вмѣстѣ съ архивами русскаго консульства. По воскресеньямъ до сихъ поръ взвизгался только французскій флагъ, да по лѣстницамъ персидскій надъ домомъ персидскаго консула, и турецкій на прежнемъ своемъ мѣстѣ; теперь же русскій флагъ поднять надъ нашимъ домомъ, и рѣшено его не слускать и по буднямъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго раздался съ цитадели первый пушечный выстрѣлъ; мужъ надѣлъ мундиръ и ленту; пришли адъютантъ и переводчикъ тоже въ мундирахъ. Мы съшли верхомъ и въ сопровожденіи состоящихъ при мужѣ казаковъ и жандармовъ совершенно темною ночью двинулись къ греческой церкви. Турецкіе залтіе и казаки освѣщали намъ луть фонарями. Какъ видно что мы въ мусульманскомъ городѣ; все спитъ, вездѣ темно и тихо, не замѣтно обычнаго въ эту ночь движенія. Только приближаясь къ церкви обогнали нѣсколько командъ нашихъ солдатъ съ ружьями. Армяне праздновали Пасху, по ихъ обыкновенію съ вечера. Теперь празднуетъ только маленькая горсточка Грековъ и наша военная колонія, ничтожная сравнительно съ громаднымъ населеніемъ города. Я слышала что пытались

но не дождалась меня потому что въ это время сидѣлъ у насъ со своею свитой персидскій консулъ, разодрѣтый въ золотомъ мундирѣ, съ которымъ Жильберы не въ ладу. Были Али-эфенди, Максудъ-эфенди, другіе Турки, Армяне, Греки, очень многіе наши русскіе командиры, офицеры, генералы, гражданскіе чины, всѣ въ мундирахъ. Была вся семья Шабаниана. Съ 10 до 4 часовъ продолжался настоящій раутъ. Бодшой столъ переполненный разными ласхальными блюдами напоминалъ мнѣ родину. Вечеръ провели съ нами нѣсколько ближайшихъ намъ лицъ, но такъ какъ я была очень утомлена, то разошлись около 10 часовъ.

17го апрѣля.

Сегодня день рожденія Государя. Мужъ съ утра уѣхалъ въ греческую церковь, гдѣ была обѣдня и молебень. Затѣмъ былъ церковный парадъ. Говорятъ, все было очень торжественно: музыка играла Боже Царя храни, войска дружно кричали ура; кругомъ была толпа народа, съ цитадели стрѣляли пушки. Турки, какъ и въ первый день Пасхи, прятались въ своихъ норахъ. Кто-то подслушалъ нечаянно разговоръ возаъ лавокъ Турокъ съ Армянами. — „А какъ не громко стрѣляютъ русскія пушки“, говоритъ Турокъ показывая на цитадель откуда дѣлали салюты, — „видно что не мусульманскія.“ — „Да вѣдь пушки-то ваши же, возразилъ Армянинъ и порохъ взять у Максуда-эфенди.“ — „Ну, такъ оттого-то все же еще слышно ихъ,—еслибы были русскія, то совсѣмъ не издавали бы звука“, заключилъ сбившійся съ толку Османъ.

Я оставалась дома, все утро смотрѣла какъ готовятъ столъ къ официальному обѣду даваемому сегодня мужемъ. На походной ногѣ очень трудно устроить большой обѣдъ; мнѣ стоило много хлопотъ. Столъ въ залѣ убрали цвѣтами, фруктами привезенными изъ Тортума, гдѣ удивительно умѣютъ сохранять ихъ: прошлогоднія груши совсѣмъ свѣжія. Въ столовой разставили закуски. Спальню преобразовали въ гостиную.

Когда мужъ вернулся опять стали повторяться поздравленія. Сегодня приходили исключительно находившіеся на русской службѣ. Нѣкоторымъ мужъ дарилъ часы золотые и серебряные. Я очень рада была присутствовать при поздравленіи горюдекой думы. Вошло человекъ двадцать, съ председателемъ думы во главѣ; нѣсколько мулъ въ бѣлыхъ чалмахъ были среди вошедшихъ. Мужъ сказалъ рѣчь которую пере-

водилъ Камсараканъ: благодарилъ за усердную и исправную службу, за сохраненіе въ городѣ порядка, высказалъ что при случаѣ поблагодарить Измаиль-пашу за то что онъ оставилъ въ составѣ думы достойныхъ людей, заключилъ тѣмъ что если Русскіе сюда пришли, то по волѣ Божіей, и потому довольные и недовольные должны покориться судьбѣ и повиноваться нашимъ властямъ безпрекословно. Затѣмъ мужъ далъ Мегемедъ-Али-бею, предсѣдателю думы, богатый подарокъ: золотую табакерку усыпанную брилліантами цѣнностью до 1.500 рублей. Онъ былъ пораженъ, растерялся и не находилъ словъ выразить свою благодарность.

Въ половинѣ втораго часа драгунскіе музыканты по одинокѣ стали влѣзать по узкой приставленной лѣстницѣ на крышу противоположнаго намъ дома, точно на штурмъ. За ними полѣзло столько мальчишекъ что пришлось ихъ сгонять чтобы крыша не провалилась.

Изъ окна видѣли какъ ѣдетъ персидскій консулъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, въ золотомъ мундирѣ, съ зеленою лентой черезъ плечо и брилліантовыми звѣздами. Въ нѣсколько минутъ всѣ комнаты наполнились; наши генералы съ лентами, много нашихъ офицеровъ въ парадныхъ мундирахъ, Жильберъ съ треуголкой въ рукѣ, въ консульскомъ мундирѣ, турецкіе гражданскіе чины въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, турецкіе военные съ эполетами, духовенство въ богатыхъ костюмахъ. Изъ нихъ самый представительный армяно-григоріанскій архіепископъ съ многочисленными орденами, въ великолѣпной шелковой голубой рясѣ и остроконечной шалкѣ.

Мужъ сѣлъ посрединѣ стола, по сторонамъ его митрополитъ греческій и архіепископъ армянскій, я противъ его, имѣя по бокамъ князя Чавчавадзе и Али-эфенди. Далѣе духовенство и консулы къ намъ ближе, и прочіе Русскіе и Турки въ перемежку. Хоръ Бакинскаго полка помѣщался вверху. Туземная музыка играла на улицѣ, драгунская на крышѣ, конечно каждая поочередно. Проласть народа толпилась на улицѣ.

Первый сказанный мужемъ тостъ былъ за здоровье „Великаго нашего Императора, день рожденія котораго собрались мы сегоднѣ праздновать“. Музыка играла Боже Царя храни, громко кричали ура, всѣ стояли. Затѣмъ князь Чавчавадзе провозгласилъ тостъ за Великаго Князя. (Послѣ каждого тоста всѣ вставали.) Мужъ провозгласилъ: „за прочное сохраненіе

мира съ дружественными державами и за представителей этихъ державъ здѣсь находящихся—Турціи, Франціи и Персіи.“

Армянскій архіепископъ сказалъ рѣчь на армянскомъ языкѣ, переведенную Егеши; сущность ея въ томъ что Русскій Императоръ пользовался всегда особою симпатіей христіанъ, и потому отъ Армянъ предлагается тостъ за здоровье нашего Государя. Онъ перевелъ эту рѣчь и по-турецки чтобы всѣ Турки могли ее понять. Али-эфенди повидимому не много обидѣлся и сказалъ что онъ предлагаетъ тостъ за нашего Государя отъ лица всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій Турціи, не допуская между ними никакихъ различій. Жильберъ говорилъ о симпатіи Россіи къ Франціи и произгласилъ: „vive la Russie“ Мужъ сейчасъ же отвѣтилъ: „vive la France“. Католическій Monseigneur сказалъ что-то очень витіеватое, трудно понимаемое, или лучше понимаемое на разные лады. Куркоръ-эфенди пилъ за здоровье мужа, говорили еще нѣсколько тостовъ. Я замѣтила что когда армянскій архіепископъ предложилъ чокнуться съ Али-эфенди, то этотъ какъ будто не замѣтивъ отвернулъ свой бокалъ. Это оказалось за слишкомъ большое выраженіе сочувствія Россіи со стороны архіепископа. Послѣ обѣда этотъ послѣдній говорилъ: „Да развѣ въ Азій Коранъ можетъ ужиться съ Евангеліемъ“. Послѣдній тостъ былъ сказанъ мужемъ за процвѣтаніе Эрзерума, какаѣ бы судьба его ни постигла и въ чьихъ бы рукахъ онъ ни находился.

Вообще обѣдъ былъ очень оживленъ, пили много, въ особенности Максудъ-эфенди. Онъ въ азартъ, обнимая князя Чавчавадзе, говорилъ: „продолжайся война, я можетъ-быть убилъ бы васъ, а теперь съ удовольствіемъ цѣлую.“ Когда остались ближайшіе наши знакомые, вышли на балконъ, подъ который поставили оба хора музыки, среди постоянно возрастающей шумящей толпы. Играли полурри изъ русскихъ пѣсенъ, очень понравившееся Жильберамъ, что удовлетворило моему патриотическому чувству, казаки танцовали лезгинку, казачка. Народъ неистово кричалъ: ура! Многіе гости бросали въ толпу горсти серебряныхъ монетъ, причемъ происходила свалка неописанная. Драгуны заиграли въ заключеніе Эриванскій маршъ съ обычнымъ вмѣсто паузы—ура! Уже стало темнѣть когда хоры, играя марши одинъ за другимъ, съ мальчишками, несшими полнотры и ноты крутомъ ихъ, уходили домой.

18 апрѣля.

Жильберы угостили насъ настоящимъ французскимъ обѣдомъ, наломившимъ мнѣ мои странствованія по Франціи до замужества. Они долго и съ большимъ трудомъ учили въ своей кухнѣ какого-то армянскаго повара. Послѣ обѣда мы цѣлымъ обществомъ ѣздили въ цитадель, на стѣнахъ которой, господствующихъ надо всѣмъ городомъ, пѣсенники громко пѣли солдатскія пѣсни. Оттуда отправились на христіанское кладбище, гдѣ въ этотъ день гулянье. Тысячи гуляющихъ, въ томъ числѣ много женщинъ, окружили насъ съ веселыми лицами, громко поздравляли со вчерашнимъ днемъ рожденія Государя, кричали—*ура* Александръ II. Имъ по-видимому было пріятно что Русскіе люди разделяютъ съ ними ихъ праздникъ. Подъ вечеръ Элеонора пришла просить меня уговорить ея отца чтобъ онъ отпустилъ ее со мною завтра къ Турчанкамъ; старикъ-отецъ—ни за что! Къ Армянкамъ, Гречанкамъ, къ другимъ христіанкамъ—очень охотно, но къ Турчанкѣ—ни въ какомъ случаѣ.

19 апрѣля.

Проснувшись видимъ что вся земля покрыта снѣгомъ и снѣгъ продолжаетъ идти, и вѣрить не хочется что теперь конецъ апрѣля; по-видимому здѣсь люди, страна и климатъ—одинаково сумрачны. Въ 11 часу отправилась я верхомъ, въ сопровожденіи Гамидъ-бека, къ женѣ предсѣдателя городской думы Мегемедъ-Али-бея. Мнѣ Жильберъ съ моею горничной Еленой повѣхали туда же въ коляскѣ. Жена Мегемедъ-Али-бея встрѣтила насъ въ передней, повела въ отдѣльную, по-турецки убранную комнату, съ диваномъ кругомъ стѣны, на которомъ сидѣли обѣщанныя намъ танцовщицы. Послѣ угощенія вареньемъ, поданнымъ въ великолѣпныхъ серебряныхъ вазахъ, начались танцы. На танцовщицахъ надеты красныя платья, на двухъ пальцахъ каждой руки кастањетки, ногти крашеные желтою краской, только одна изъ танцовщицъ довольно хорошенькая, остальные же старыя и безобразныя. Музыкантши на даире играли въ этой же комнатѣ, а музыканты въ слѣдующей гдѣ сидѣли мужчины; открыли двери чтобъ и они могли видѣть танцы, отъ которыхъ Турчанки приходили въ экстазъ; я же въ жизни не видала ничего болѣе скабрѣзнаго. Танцовщицъ поили водкой и шампанскимъ чтобъ онѣ еще азартнѣе танцовали, потому

предлагали намъ пить изъ этихъ же самыхъ бокаловъ, конечно мы отказывались. Хозяинъ нѣсколько разъ приходилъ спросить, довольна ли я. Жена его сидѣла противъ дверей и хотя была слегка покрыта, но мужчины все-таки могли видѣть ея лицо. Мужъ замѣтя это велѣлъ пересѣсть ей на другой конецъ комнаты, немного погодя она опять пересѣла къ двери возлѣ меня, мужъ опять ее прогналъ, я насилу удержалась отъ хохота. Ужасно грязень сынъ Мегемедъ-Али-бека; ему всего одиннадцать лѣтъ и онъ присутствуетъ при безобразіяхъ баядерокъ; онъ такъ на нихъ засматривается что когда ему что-нибудь говорятъ, онъ ничего не слышитъ; хорошій спектакль тоже для дочери пятнадцати лѣтъ. Мальчикъ воспитанъ отвратительно, на всѣхъ кричитъ, терзаетъ бѣднаго маленькаго мулата, сына негритянки и при насъ называлъ свою мать кѣлекъ, то-есть собака. Одна изъ танцовщицъ хлѣбнула чаю изъ его стакана; онъ поднималъ такой шумъ что я перепугалась. Танцовщицы такъ напугались что одна даже улала; отвратительно было смотрѣть. Столъ для обѣда накрыли à la franка, но только для насъ подали ложки, вилки и ножи,—Турки обыкновенно обходятся безъ нихъ и ѣдятъ руками. Надо было показывать видъ что мы ѣдимъ; хозяинъ обѣдалъ въ другой комнатѣ. Обѣдъ состоялъ изъ многочисленныхъ перемѣшанныхъ сладкихъ и бараньихъ блюдъ. Гадко было смотрѣть какъ ѣсть мальчикъ, это одно могло отбить всякій аппетитъ, да и танцовщицы сидѣвшія въ этой самой комнатѣ не придавали пріятнаго вида; одна изъ нихъ все дѣлала мнѣ знаки что хочетъ ѣсть, и по моей просьбѣ ей дали обѣдать. У Турокъ есть обычай чтобы хозяйка дома, прежде чѣмъ положить гостей какое-нибудь блюдо, пробуетъ его чтобы показать что оно не отравлено. Послѣ обѣда принесли особенной формы мѣдную лоханку и мы мыли руки. Пришла какая-то женщина и не поклонившись хозяйкѣ сѣла на диванъ, я спросила: „Кто это?“ — Хозяйка отвѣтила что не знаетъ ее, въ первый разъ видитъ. Я никакъ не воображала чтобы грязный мальчикъ былъ бы такимъ любезнымъ кавалеромъ: на вопросъ m-me Жильберъ доволенъ ли онъ что Русскіе вошли въ Эрзерумъ, онъ сказалъ что прежде былъ недоволенъ, но увидѣвъ меня такъ меня полюбилъ что рѣшительно не хочетъ теперь чтобы Русскіе уходили. Снова начались танцы, но еще безобразнѣе, смѣшно было смотрѣть на Елену; танцовщицы подходили къ ней, трогали ее, дѣлали разные

отвратительныя жесты, она ихъ отталкивала, молодая турецкая прислужница, стоявшая возлѣ нея, тоже не позволяла имъ подходить къ Еленѣ. Хозяйка говоритъ что онѣ особенно хорошо танцуютъ когда видятъ мужчинъ, что это воодушевляетъ ихъ. Танцовщицы становились все болѣе и болѣе неприличны, Богъ знаетъ что выдѣлывали предъ мужчинами, гримасничали, жестикулировали; я не знала просто куда дѣваться, куда смотрѣть. У одной изъ нихъ было закрытое лицо, самая молодая танцовщица сказала что эта женщина была прежде нехорошаго поведенія, но вышла замужъ и должна закрывать свое лицо при мужчинахъ. „А мы можемъ ходить съ открытыми лицами“, цинично прибавила она; впрочемъ, она говорила что собирается выйти замужъ и бросить свою скверную жизнь.

Если кто прочтетъ сегодняшний мой дневникъ, то подумаетъ что я попала въ безнравственный домъ. Но онъ очень ошибется, такъ какъ этотъ домъ одинъ изъ самыхъ почетнѣйшихъ въ Эрзерумѣ. Вся эта грязь есть необходимость гаремной жизни. Хозяйка говорила мнѣ что можетъ-быть я вижу у нихъ что-нибудь противъ нашего закона, но что у нихъ все это принято. Когда Елена отталкивала танцовщицъ, хозяйка сказала: „зачѣмъ она это дѣлаетъ, развѣ это противъ ея религіи?“ Въ 4 часа мы собрались уходить, я боялась что мужъ мой будетъ безлокоиться за меня. Хозяйка ни за что не допустила меня дать танцовщицамъ бакшишъ (на чай), говоря что когда я ихъ позову къ себѣ, тогда имъ и заллачу, танцовщицы стали протестовать, но когда вошелъ хозяинъ сейчасъ же угомонились. Я общалась ихъ позвать къ себѣ, какъ теперь отдѣлаться? Хозяйка мнѣ сказала что у нихъ не приглашаютъ хорошенькихъ баядерокъ чтобы не прельстить ими мужей; я отвѣтила что когда приглашу танцовщицъ, то буду просить чтобы привели самыхъ красивыхъ. Хозяйка общала это устроить, но не безъ удивленія. Дорогой встрѣтила мужа вѣдущаго ко мнѣ навстрѣчу. Всѣ вмѣстѣ отправились домой. М-не Жильберъ разказывала какъ Елена всю дорогу была въ возмущеніи отъ видѣннаго ею въ гаремѣ.

22 апрѣля.

Наконецъ-то я увидѣла доктора Калеллера, про котораго столько говорятъ какъ про медика, тифозныя больные котораго всѣ выздоравливаютъ. Много онъ сдѣлалъ добра, и

много труда выпадаетъ на его долю; съ ранняго утра до поздней ночи онъ бѣгаетъ отъ одного тифознаго къ другому. Впрочемъ, надо отдать справедливость всѣмъ здѣшнимъ докторамъ. Ихъ роль хотя не видная, но много пользы приносятъ они, свято и честно исполняя свой долгъ, третья доля ихъ уже умерла, а переболѣли тифомъ почти всѣ. Какъ-то разнесся слухъ всѣхъ очень олечалившій что Каледлеръ въ тифѣ; оказалось что кто-то, для шутки на этотъ разъ неумѣстной, распространилъ этотъ слухъ на томъ основаніи будто докторъ цѣлые полчаса разговаривалъ съ нимъ по-русски не сдѣлавъ ни одной ошибки, чего съ нимъ никогда въ здоровомъ видѣ не случалось, ибо обыкновенно онъ на нашемъ языкѣ сильно спотыкается.

Въ послѣдніе дни что-то зачастили къ мужу Турки; безпрестанно пріѣзжаютъ изъ Эрзиньяна посланные съ письмами отъ Исмаиль-паши. Послѣдній поднялъ шумъ будто бы изъ за перехода около Арвина нашими войсками демаркаціонной линіи, сталъ ходить слухъ что и Турки, зная состояніе нашихъ эрзерумскихъ войскъ, намѣрены перейти границу и подойти къ Эрзеруму.

Переводчикъ Гаубовъ въ чухѣ, высокой персидской шалкѣ, съ русскимъ Станиславомъ на шеѣ и портфелемъ под мышкой являлся ежедневно по нѣскольку разъ. Я очень смѣялась когда разказали что онъ при переводѣ фразы: „и это причиняетъ обоимъ правительствомъ неудовольствіе“ замѣнилъ слово неудовольствіе словами: „головную боль“. Весь его разговоръ совершенно персидскій. Когда я его спросила желаетъ ли онъ еще стаканъ чаю, онъ отвѣтилъ: „благодарю васъ, моя душа приняла уже одинъ стаканъ, мое сердце другой принять не можетъ“.

Получены изъ Петербурга отъ Великаго Князя два отвѣта на телеграммы 16го и 17 апрѣля, въ одномъ сообщено что Государь разрѣшилъ открыть подписку на памятникъ Гейману, въ другомъ—передана благодарность Его Величества всѣмъ лицамъ присутствовавшимъ на обѣдѣ 17го числа.

Пріѣхавшій изъ Ольты Абеловъ (онъ тамъ начальникъ округа) говоритъ что городокъ Ольта уже весь въ зелени, окруженъ фруктовыми садами, окрестности очаровательныя. Въ округѣ много богатыхъ помѣщиковъ, усадьбы коихъ прекрасно устроены, вблизи соляныя ломки и есть руды разныхъ металловъ. Хорошо еслибъ этотъ уголокъ достался Россіи.

Вернувшись сегодня съ прогулки домой вижу—большая толпа муллъ, они собрались со всей эрзерумской равнины къ мужу съ заявленіемъ будто по деревнямъ начали считать ихъ женъ, скотъ, записывать все имущество; народъ перепугался; жители не могли объяснить себѣ что это значить, такъ какъ у мусульманъ власти никогда не вторгались внутрь ихъ домашняго быта. Оказалось, здѣшній санитарный отрядъ чрезъ полицію сталъ собирать эти свѣдѣнія. Мужъ, конечно, сейчасъ же принялъ мѣры чтобы населеніе успокоилось.

Вчера мужъ сказалъ кому-то изъ мусульманъ что табакерка (бриллиантовая) данная имъ Мегемедъ-Али-бею была предназначена муфтію, и только потому что тотъ не явился къ нашимъ властямъ выдана другому лицу. Говорятъ, муфтію узнавъ это блѣднѣлъ, краснѣлъ, кусалъ губы, но было поздно. Онъ не пользуется уваженіемъ мусульманъ, жители даже не разъ просили правительство (до нашего прихода) смѣнить его. Муфтію, какъ большая часть мусульманскихъ муллъ, очень жаденъ на деньги; лишь только Мегемедъ-Али-бей получилъ табакерку, онъ тотчасъ послалъ за нимъ, и долго съ любознательствомъ осматривалъ бриллианты.

Вечеромъ мы пригласили къ себѣ гостей и позвали баядерокъ, предупредивъ ихъ чтобы онѣ танцовали прилично и скромно. Разставили стулья какъ для театральнаго представленія; играда турецкая музыка. Граціознѣе всѣхъ танцовала молоденькая негритянка характерный негритянской танецъ.

23 апрѣля.

Сегодня у салеръ баталіонный праздникъ. Я всю свою жизнь провела вдали отъ военнаго міра, и мнѣ въ первый разъ пришлось присутствовать на чисто военномъ празднествѣ. Салерный командиръ князь Тумановъ уговорилъ меня непременно ѣхать и на молебень, и на обѣдъ; въ теперешнее трудное время мое присутствіе будетъ ободреніе и для солдатъ, и для офицеровъ, говорилъ онъ.

Молебень служили близъ салернаго лагеря у Карсскихъ воротъ. Мы пріѣхали верхомъ; мужъ слѣзъ съ лошади, пошелъ къ аналою возлѣ котораго стояло распущенное знамя. Я оставалась верхомъ, смотрѣла на церемонію издали; мою лошадь держалъ турецкій офицеръ Гамидъ-бекъ. Вокругъ не смотря на холодъ собралась толпа жителей въ фескахъ. Священникъ очень торжественно отслужилъ молебень, окропилъ

всѣхъ святою водою. Саперы пройдя подъ музыку церемониальнымъ маршемъ приблизились къ мѣсту гдѣ была приготовлена закуска. Здѣсь начальники стали провозглашать тосты, а солдаты кричать *ура*. Вдругъ слышу мое имя: князь Тумановъ предложилъ тостъ за мое здоровье, я немного смутилась, всѣ солдаты повернули головы въ мою сторону и, бросая шалки вверхъ, громко кричали *ура*. Я подвѣхала ближе и благодарила.

Показалось солнце и мы цѣлою кавалькадой повхали объѣзжать большой лагерь. Предъ Дербентскимъ полкомъ расположился маленькій базаръ изъ орѣховъ, изюма, яблокъ и тому подобныхъ лакомствъ. Мы закупили весь этотъ складъ и роздали его солдатамъ.

Видъ нашего лагеря произвелъ видимо непріятное впечатлѣніе на патріота Гамидъ-бека, онъ совсѣмъ насулился. Зато когда дорогой назадъ мы зашли въ его домъ и посидѣли нѣсколько минутъ—онъ просіялъ.

Я просила пригласить къ обѣду и m-me Gilbert чтобы маѣ не быть единственной женщиной.

Обѣдъ былъ въ квартирѣ гдѣ жилъ покойный Гейманъ; при нашемъ приближеніи заиграла музыка, хозяинъ вышелъ къ намъ навстрѣчу. Въ залѣ болѣе ста человѣкъ военныхъ глядѣли на насъ во всѣ глаза. Посадили меня на почетное мѣсто въ кресло, на краю стола противъ Туманова. Провозглашали много оживленныхъ тостовъ, начиная разумѣется съ тоста за Государя Императора. Между прочимъ пили и за мое здоровье, что побудило и меня сказать тостъ. Я долго не рѣшалась, но когда мужъ громко сказалъ что я намѣревалась выпить за здоровье баталіона, но сконфузилась и потому онъ это дѣлаетъ за меня моимъ именемъ, я вознамѣрилась непременно сама что-нибудь сказать; уже развеселившійся Лабунскій замѣтивъ это замахалъ руками и заставилъ всѣхъ замолчать крича тсъ, тсъ.... Я встала и громко сказала: „Господа, выпьемте за здоровье нашего гостепріимнаго хозяина.“ Надо было слушать какъ загремѣли стулья и неустово кричали *ура* топая ногами, особенно кричалъ такъ-называемый музыкантскій столъ за которымъ сидѣли самые кутилы. Вейдлицъ какъ истый дерптскій студентъ ставъ на стулъ говорилъ одушевленную рѣчь про Арменію и про здѣшній край, при восхваленіи имъ здѣшнихъ мѣстностей, Тумановъ пере-

билъ его словами: „И рай въ нѣсколькихъ верстахъ всего.“
 Всѣ расхотались потому что бѣльшая часть нашихъ войскъ
 зблизи отъ этого рая мокнуть подъ дождемъ и снѣгомъ когда
 въ Россіи уже весна. Чѣмъ дальше тѣмъ больше шумъ уве-
 иччивался, головы отъ вина разгорались, веселье возрастало.
 Мужъ мнѣ говорилъ что такъ всегда бываетъ на военныхъ
 праздникахъ. Одинъ офицеръ кричалъ слишкомъ неистово;
 оказалось, онъ только что два дня тому назадъ воскресъ отъ
 гифа и какъ видно хотѣлъ отдать должное возвратившейся
 жизни. Madame Жильберъ совсѣмъ оглохла, она въ первый
 разъ, какъ и я, присутствуетъ на военномъ праздникѣ, но
 меня все это занимало, а ее поражало. Послѣ обѣда офицеры
 пѣли хоромъ русскія пѣсни, танцовали, устроился кадрили.
 Гужанова и мужа офицеры подбрасывали на рукахъ, послѣ
 чего мужъ сказалъ имъ что въ прошломъ году на Георгіев-
 скомъ праздникѣ въ Гассанъ - Кале командовалъ взводомъ
 салерныхъ Георгіевскихъ кавалеровъ и потому считаетъ себя
 въ ряду салернаго баталіона. Мы скоро вернулись домой не-
 смотря на просьбы остаться, причемъ намъ говорили что
 нашимъ уходомъ мы показываемъ будто неприлично долге
 оставаться. Дирижеръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ что самъ
 предупредить когда невозможно будетъ дамамъ долге оста-
 ваться, но теперь еще рано.

Я уже засыпала когда звукъ марша подъ самыми окнами
 разбудилъ меня; оказалось что офицеры пришли съ орке-
 стромъ благодарить насъ за наше присутствіе на обѣдѣ. Мужъ
 вышелъ къ нимъ и благодарилъ за любезность.

30 апрѣля.

Шумно проведенный день 23 апрѣля не обошелся мнѣ да-
 ромъ; пришлось пролежать нѣсколько дней, и видѣть все
 время предъ собой изъ оконъ моей спальни громадный,
 сплошной Палантекенскій хребетъ, заслоняющій собой весь
 небосклонъ. Хребетъ этотъ до сихъ поръ покрытъ льдомъ и
 снѣгомъ. Вершины его превышаютъ 12.000 футовъ, да и самъ
 Эрзерумъ лежитъ на высотѣ 6.500 футовъ надъ уровнемъ
 моря. Слабогрудымъ здѣсь дышется очень трудно.

Когда я поправившись стала выходить въ гостиную мно-
 гіе знакомые непритворно радовались, такъ какъ здѣсь если
 кто заболѣетъ, того уже отправляютъ къ праотцамъ. Элеонора
 прійдя навѣстить меня во время болѣзни, очень не кстату

разказала что противъ насъ въ одномъ греческомъ домѣ на дняхъ умерла послѣ шестидневнаго тифа молодая женщина, оставивъ трехъ дѣтей, изъ коихъ одного груднаго.

Madame Жюльберъ привела ко мнѣ madame Lavini съ дочерью. Это примѣръ отуречившейся европейской семьи. Лавини—алтекаръ давно странствующій по Турціи, теперь въ немъ трудно признать Итальянца; онъ здѣсь играетъ роль доктора Жена его родомъ изъ Савойи, отлично говоритъ по-французски и по-итальянски; они уже двадцать лѣтъ живутъ въ Турціи, большую часть времени жили въ Ванѣ гдѣ кромѣ нихъ не было ни одного европейскаго семейства. Дочь родилась въ Турціи, что и замѣтно по ея развитію, но одѣвается по-европейски и говоритъ порядочно по-французски: она блондинка, высокая, статная и была бы красива еслибы не бессмысленные глаза и не раскрытый вѣчно ротъ. Lavini думаютъ переѣхать въ Туринъ, мѣсто ихъ родины, они уже отправили туда своего сына въ collège; m-me Lavini говоритъ: „ma pauvre fille est tout-à-fait sauvage, il faut bien qu'elle se civilise.“ Это одна изъ причинъ по которой они хотятъ вернуться въ Европу. Какъ оказалось, Lavini не хотѣли сами идти къ Русскимъ, это madame Жюльберъ ихъ уговорила.

Всѣхъ интересовало, неужели у здѣшнихъ жителей, кромѣ грязныхъ баядерокъ, нѣтъ никакихъ развлеченій. Намъ сказали что есть „карагёзь“. Позвали мы гостей и рѣшились показать карагёзь. Оказалось что это ни болѣе ни менѣ какъ являвшійся на русскихъ ярмаркахъ „Петрушка“, только конечно съ турецкими отгѣнками и аккомпаниментомъ мѣстной музыки. Маленькія фигурки не показываются сверху ширмъ, а въ видѣ тѣней на натянутомъ и освѣщенномъ изнутри холстѣ; сцены разумѣется комическія, прикоровленные къ азіятскимъ обычаямъ, являются дервиши, лаши, брадобрѣи. Говорятъ этотъ карагёзь иногда очень мѣтко и искусно изображаетъ въ карриатурѣ лашей съ ихъ необузданнымъ нравомъ и восточною лѣнью.

Какъ разъ во время разгара представленія пріѣхала жена Мегемедъ-Али-бея со свитой; она узнала что я была нездорова и пріѣхала навѣстить меня. Что тутъ дѣлать? Первая наша комната, которую нельзя миновать, полна мужчинами. Пришлось, пока Турчанки проходили въ спальню, просить всѣхъ гостей удалиться въ гостиную. Турчанки все время выглядывали изъ дверей усѣвшись на полу, наконецъ

выползли закрывшись чадрами и все поспрашивали въ комнату куда ушли мужчины.

Съ разныхъ сторонъ стали получать известія что въ горныхъ тущобахъ начинаютъ появляться разбойничьи партіи Курдовъ; въ какомъ-то селеніи случился грабежъ съ убійствомъ. Это всегда бываетъ съ наступленіемъ весны въ здѣшнемъ благодатномъ краѣ, въ которомъ турецкія власти смотрятъ спустя рукава на все что не касается денежныхъ интересовъ.

Сегодня у насъ опять обѣдали гости. Послѣ обѣда стали читать мой дневникъ, и тутъ явилась у нѣкоторыхъ мысль напечатать изъ него извлеченія. Я долго не рѣшалась послушать ихъ совѣта, такъ какъ мнѣ никогда и въ голову не приходило чтобы что-нибудь написанное мною могло быть напечатано...

В. Д—СКАЯ.

(Продолж. слѣд.)

КАМЕНЬ СИЗИФА *

XX.

Ужь начинало свѣтать когда мы прѣѣхали въ Явиу.

На зарѣ становилось вестерливо ѣхать верхомъ; совъ клонилъ всѣхъ на сѣдлѣ одиваково; во г. Благовъ и старый Ставри, нарочво чтобы разсѣять дремоту, ускакали, стуча по камнямъ, впередъ на своихъ прекрасныхъ лошадяхъ; а мы съ кавасъ-баши не могли послѣть за ними на нашихъ наемныхъ, и ѣхали шагомъ, качаясь въ мучительной дремотѣ впередъ и назадъ.

Наконецъ эта пытка кончилась, и я упавъ на диванъ уснулъ мгновенно и глубоко.

Почти около полудня Кольцо разбудилъ меня, восклицая: — Слншь ты, Одисей? а Турки хотятъ напасть на греческое консульство.

Я вскочилъ въ ужасъ, пришелъ въ себя и вскорѣ узналъ все что происходило.

Кольцо немного преувеличивалъ. Опасность со стороны мусульманскаго населенія была больше мнимая. Толпа съ утра уже второй день сходящаяся около дома Киркориди состояла не изъ однихъ Турокъ; въ ней было много и

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8, 9, 11, 12ѣ 1877, года и № 7ѣ 1878 года.

христіанъ, и Евреевъ. Любопытство стогнало эту толпу, а не гнѣвъ.

Хотя конечно не только хитрымъ и умнымъ Туркамъ, но и самымъ простодушнымъ изъ мусульманъ не могло нравиться безпрестанное самоуправное вмѣшательство консуловъ во внутреннія дѣла имперіи; но все-таки и сила привычки къ этому вмѣшательству была у нихъ уже довольно велика, и не зная другихъ странъ, гдѣ и самая высшая дипломатія кромѣ двора ничего не вѣдаетъ и не смѣетъ касаться, они не могли быть оскорбляемы этимъ вмѣшательствомъ такъ какъ оскорблены въ сердцѣ своемъ Турки болѣе знающіе свѣтъ и болѣе олытныме. Къ тому же это дѣло Нивицы, дѣло Пано, Джефферъ-Дѣма, его свирѣлаго слуги, дѣло Тахиръ-Аббаса и его молодого сеиса, стрѣляшаго въ Джеффера, все это дѣло было такъ сложно и темно, и запутано что и въ самой Портѣ не знали что дѣлать и съ чего начать. А мусульмане-народъ не знали еще за кого и быть, за Джеффера или за Тахира. Турецкіе беи были съ обѣихъ сторонъ. Это парализовало волненіе умовъ. и страсти не знали куда направиться...

Народъ больше любопытствовалъ видѣть чѣмъ кончится прелитерательство между мѣстною властью и элливскимъ консульствомъ чѣмъ гнѣвался или искалъ вмѣшаться самъ.

Однако паша приказалъ усилить немного отряды войскъ по всѣмъ кулукамъ, * по близости греческаго консульства.

Толпа сходилась, расходилась, шелталась, разсуждала: „Говорятъ, Русскій пріѣхалъ изъ Зиццы, ночью... Будетъ защищать Грека“... „Старикъ Англичанивъ идетъ, Англичанивъ идетъ... Дай дорогу, дай дорогу... оселъ...“ „Русскій гдѣ?..“ Русскій тамъ уже давно у Грека“... Дѣйствительно, Корбетъ-де-Леси, съ тончайшею улыбочкой шествовалъ въ официальной фуражкѣ и съ двумя сіяющими кавасами впереди къ жилищу Киркориди.

Онъ шелъ уговаривать Киркориди чтобъ онъ позволялъ лашѣ осмотрѣть все консульство и поискать убійцу Джеффера. Бѣдный паша, кажется, искалъ только очистить себя предъ своимъ высшимъ начальствомъ этимъ осмотромъ; я думаю, онъ плохо надѣялся на выдачу убійцы, особенно съ той минуты когда Благовъ возвратился въ городъ.

* Гауятвахта.

Леси прежде чѣмъ явиться къ Куркороди заходилъ къ Бреме и Аменбрехеру спрашивать какъ думаютъ они насчетъ того что Порта требуетъ осмотра въ консульствѣ.

При всей своей мягкости и уклончивости, Аменбрехеръ на этотъ разъ горячо воспротивился этому, восклицая:

— Какой прецедентъ! Какой ужасный прецедентъ!... Послѣ этого Турки будутъ у насъ у всѣхъ хозяйничать!... Это невозможно... Я не могу согласиться на это...

Этотъ отвѣтъ Аменбрехера извѣстенъ потому что былъ данъ при свидѣтеляхъ, но были ли у нихъ съ Леси какія-нибудь еще дополнительные совѣщанія насчетъ Благова или „интрига панславизма“—этого не знаетъ никто. Я расположень думать что были, и мнѣ все кажется что Аменбрехеръ тоже уговаривалъ пашу требовать осмотра только для того чтобы поставить оба православныя консульства въ затруднительное положеніе и усилить раздраженіе которое послѣ лохищенія Тахирь-Аббаса было сильно у турецкихъ чиновниковъ противъ Благова.

Что касается Бреме, то въ первый день какъ Благовъ еще не былъ тутъ, тоже возсталъ съ энергіей противъ осмотра; но какъ только Благовъ внезапно явился, такъ и онъ сдался очень охотно, ловидимому, на доводы Леси.

Леси имѣлъ въ виду прежде всего только возвысить авторитетъ мѣстной власти... „Le prestige de la Sublime Porte“, говорилъ онъ; но Бреме, который этого „престижа“ и знать не хотѣлъ, обрадовался только тому что Благов, если онъ будетъ защищать Куркороди, легко будетъ серьезно поссорить съ пашой.

Итакъ Леси явился въ эллипское консульство и... нашелъ тамъ Благова.

Благовъ, олять повеселѣвшій и даже все болѣе и болѣе обрадованный тѣмъ что дѣла залутывались и становились до вельзя драматичными, весь сиялъ отъ радости и даже любезничалъ, противъ обычая своего, съ косою и вемолодоу уже дочерью Куркороди.

Вида что нѣтъ другаго исхода, какъ говорить при Благовѣ, Леси началъ такъ:

— Господивъ Куркороди... мнѣ кажется что для успокоенія умовъ населенія было бы необходимо вамъ согласиться на предложеніе пашы сдѣлать въ вашемъ консульствѣ осмотръ. Я полагаю что паша будетъ съ вами всегда

въ прекрасныхъ отношеніяхъ, имѣя въ виду, между прочимъ, и то чтобы честь эллинскаго консульства была не запятана, такъ-сказать, подозрѣніями въ такомъ неправильномъ дѣлѣ какъ скрытіе отъявленнаго преступника и убійцы...

Это послѣднее слово было ужъ такъ явительно что и хладнокровному и опытному Киркориди оно показалось возмутительнымъ. Онъ отвѣчалъ тоже съ улыбкой.

— Чтò бы, кажется, Портѣ разсуждать о чужой чести и чужомъ безчестіи, когда вамъ самимъ извѣстно до какой степени повсюду ея чиновники исполнены лжи, коварства и вѣзости! Вы не можете отрицать этого, конечно...

Леси покраснѣлъ и продолжалъ:

— Я полагаю что осмотрѣть улучшить ваше положеніе въ городѣ. Иначе вы меня извините... подозрѣніе естественно...

Для Киркориди именно въ ту эпоху когда Англія уступала Греціи Ионическіе острова, было очень невыгодно становиться во враждебныя отношенія къ англійскому консулу. Однѣмъ неловкій шагъ и онъ, человѣкъ старый, семейный и такъ долго служившій Элладѣ, могъ лишиться должности, прогнѣвая своего министра въ Афинахъ.

А уступать было униженіемъ и даже явнымъ нарушеніемъ права *неприкосновенности* консульства. Чтò было дѣлать?..

Онъ молча барабанилъ пальцами по столу и долго не отвѣчалъ Леси на слова.

Леси рѣшился обратиться ко Благову и спросилъ его мѣтлѣ.

— Какъ бы вы поступили на мѣстѣ г. Киркориди? спросилъ онъ пылливо.

— Никакъ, отвѣчалъ Благовъ.

Киркориди и дочь его засмѣялись.

Леси оскорбился и тряхнувъ головой сказалъ довольно горячо: „Мы шутимъ здѣсь?“

— Нѣтъ, я готовъ не шутить, сказалъ Благовъ.—Какъ же тутъ поступать? Тутъ есть однѣмъ возможный поступокъ: требовать отъ паша удовлетворенія въ томъ, какъ онъ смѣетъ даже высказывать подобныя подозрѣнія, и жаловаться на него своему посланнику чтобъ его за это смѣнили. Я полагаю что еслибы консульскій корпусъ въ Элларѣ не былъ бы фикціей вслѣдствіе нашихъ несогласій, то мы всѣ коллективно могли бы протестовать... Но такъ какъ этого мы не сдѣлаемъ, то остается одно самому г. Киркориди

рѣшить, чувствуетъ ли онъ себя расположеннымъ отдѣльно подвѣять это дѣло такъ какъ я говорю и единолично протестовать противъ такой дерзости мѣстной власти.

Леси, слушая это, былъ внѣ себя и сказалъ:

— Вы такъ думаете?.. А я полагаю что единство консульскаго корлуса невозможно, когда нѣкоторые изъ людей входящихъ въ составъ его ежеминутно ищутъ уничтожить мѣстную власть и разстроить господствующій порядокъ, тогда какъ другіе ищутъ утвердить этотъ порядокъ и успокоить умы...

— Порядокъ и Турція!.. воскликнулъ смѣясь Благовъ.— Это—холодный жаръ, жаркій холодъ, сырая сухость... и т. п.

Видя сдержанное бѣшенство Леси, дочь Киркориди дѣлала Благову умоляющіе знаки, и Благовъ замолчалъ.

Леси послѣ этого всталъ, поклонился, подавъ руку только хозяину, и пошелъ къ дверямъ.

Киркориди вышелъ проводить его почтительно на лѣстницу. Они остановились въ залѣ предъ выходомъ и еще долго оба говорили тамъ.

Когда Благовъ остался одинъ съ дочерью Киркориди, эта дѣвица сказала ему:

— Я сама противъ осмотра; это ужасное оскорбленіе флагу нашему... И вы, представитель сильной державы, вы не можете вообразить себѣ до чего страдаетъ эллинское сердце при мысли о подобномъ стыдѣ. Никогда не осмѣлилася бы никто предложить вамъ или Бреше осмотръ консульства. Это все интриги западныхъ консуловъ противъ отца моего за то что онъ съ вами хорошъ... Я не знаю что дѣлать... Положеніе Греціи, право, ужасно!

И она начала плакать.

Благовъ, тронутый ея слезами (какъ онъ и самъ признавался потомъ), сидѣлъ глубоко размышляя, чѣмъ бы поскорѣ помочь эллинскому своему сослуживцу, котораго солидный характеръ и умѣренный по отношенію къ Россіи образъ мыслей онъ сердечно уважалъ. Киркориди часто говорилъ Благову когда рѣчь шла о „великой идеѣ“ Эллиновъ, то-есть о возстановленіи Византійской имперіи если не до Дуная, то по крайней мѣрѣ до Балканъ:

— Сладкія мечты! Какъ бы мы, Греки, не улодобились той собакой которая, гоняясь за отраженіемъ мяса въ водѣ, упустила мясо дѣйствительное, бывшее у нея въ зубахъ.

Россия рыба большая (прибавлялъ онъ со вздохомъ и качая головой), ей надо въ Босфорѣ икру метать.

Вотъ за такія слова и вздохи Благговъ счелъ любилъ греческаго консула и всею душой хотѣлъ помочь ему.

— Я сдѣлаю съ радостью все что могу, сказалъ онъ огорченной дочери.—Надо придумать.

Перевести тайно и неожиданно убійцу Тахира въ русское консульство или въ домъ какого-нибудь русскаго подданнаго не было возможности. Турецкая полиція сторожила со всѣхъ сторонъ. Можно было по крышамъ или какъ-нибудь иначе перевести до сосѣдняго дома, но къ чему же это было дѣлать, когда всѣ эти дома принадлежали турецкимъ подданнымъ и въ нихъ можно было полиціи прямо войти... Что было дѣлать?... Не предавать же этого юношу!... Это казалось невозможнымъ. Дочь Куркориди, хотя и плакала какъ женщина, но и ей одна мысль объ этомъ казалась невозможною и отвратительною... Когда старый драгоманъ консульства, услуганный собравшеюся толпой, сквозь которую онъ прошелъ, дрожа отъ страха, хотя ни одинъ изъ Турокъ не сказалъ ему ни одного обиднаго слова, когда этотъ робкій и больной старикъ осмѣлился только произнести слово... „Зачѣмъ предавать его... просто выгнать и пусть спасается какъ знаетъ!...“ то m-elle Куркориди встала съ мѣста своего и воскликнула:

— Нѣтъ! пусть лучше Турки ворвутся сюда чѣмъ даже подумать объ этомъ... Пока я жива, я христіанина, даже и убійцу, не предамъ... Онъ яреkrасно сдѣлалъ, бѣдный мальчикъ, что отомстилъ этому извергу за лобомъ... Съ мужествомъ онъ защищалъ свою честь... Онъ правъ, онъ правъ, онъ правъ!..

И она топала ногой, и некрасивое лицо ея, пылая гнѣвомъ, становилось моложе и лучше...

Благову и это изступленіе женскаго патріотизма очень понравилось...

Куркориди, переговоривъ съ Леси, наконецъ возвратился и сказалъ:

— Я пойду самъ къ лашѣ и буду требовать чтобъ онъ приказалъ разогнать толпу... это становится серьезно. Турки не знали еще хорошо до сихъ поръ что убійца христіанинъ, и теперь они...

Онъ не успѣлъ кончить... Раздался сильный звонъ разбитаго стекла и въ сосѣдную комнату влетѣлъ камень и сбилъ со стола зажженную свѣчу (она горѣла, потому что консулъ предъ этимъ только-что печаталъ конверты).

Свѣча, падая со стола, зажгла кисейную занавѣску; огонь мгновенно подвѣлся къ потолку...

Раздался отчаянный крикъ m-elle Киркорида, на который съ улицы толпа отвѣчала ревомъ и хохотомъ...

Эллинское консульство горѣло...

XXI.

Когда мы съ Кольцо подошли къ эллинскому консульству, то видъ собравшейся толпы показался намъ вблизи вовсе не столь грознымъ какъ мы ожидали. Народа было не очень много и толпа къ тому же, какъ я уже сказалъ, состояла не изъ однихъ мусульманъ... При самомъ поворотѣ къ дому Киркорида, на углу, мы встрѣтили Грека-завочника, который шелъ мирно вмѣстѣ съ Туркомъ-молочникомъ и говорилъ ему что-то. Вслѣдъ за ними изъ-за угла выбѣжала цѣлая толпа мусульманскихъ мальчиковъ, и многие изъ нихъ, обгоняя Грека и молочника, весело кричали:

— Погасили, погасили... сами погасили...

Что погасили? Кто погасилъ—мы не знали.

Подойдя къ дому мы увидали что большая дверь залерта и что народъ стоялъ тихо, праздно и не волнуясь. Еще нѣсколько человекъ при насъ отдѣлились отъ другихъ и съ озабоченнымъ и задумчивымъ выраженіемъ на лицахъ ушли. Мы узнали что это были Турки. Другіе смотрѣли на насъ равнодушно. Только одинъ юноша-Еврей въ такомъ же долгополомъ, полосатомъ турко-саванъ какой я только недавно снялъ, подошелъ къ намъ и съ радостнымъ видомъ сказалъ намъ:

— Погасили.

— Что?

— Пожаръ. Одинъ мальчикъ-Турокъ—бросилъ камень въ окно; занавѣски загорѣлись, — а потомъ ихъ сорвали и погасили. Вашъ (то-есть Благовъ) громко кричалъ... Теперь ничего.—Уйти лучше (прибавилъ онъ смѣясь) чтобы не показали насъ кто здѣсь былъ...

Мы съ Кольйо подошли къ дверямъ и пока я стучалъ кольцомъ, Кольйо спросилъ у одного стараго Турка нарочиво, какъ будто ничего не зная: „Что случилось?“

— Я развѣ знаю, отвѣчалъ Турокъ, пожимая плечами...— Говорятъ люди: у нихъ кто-то изъ вашей Чамурьи спрятанъ и что придетъ войско осматривать консульство и возьметъ этого человѣка... А мы смотримъ что будетъ.

Итакъ пока все было покойно, но кто не знаетъ что подобныя сборища растутъ, и что одна искра въ средѣ ихъ, не въ добрый часъ вспыхнувшая, можетъ причинить много непоправимаго зла.

Я стучался. Намъ все не отворяли. Внутри не слышно было ни движенія, ни голоса. Такъ продолжалось довольно долго. Я прерывалъ стукъ чтобы прислушаться, и опять стучалъ...

— Не хотятъ отпереть, съ насмѣшкой и злою улыбкой сказалъ все тотъ же старый Турокъ...—Чего имъ бояться?..

— Чего имъ бояться! Не хотятъ, возразилъ ему горячехрабрый Кольйо.

Я все стучался... Это становилось несносно... Сзади эта толпа людей между которыми двѣ трети были мусульмане; предъ нами эта желѣзная дверь...

Но вотъ вдругъ по камнямъ съней раздался шумъ шаговъ многихъ людей разомъ... легкій звонъ оружія... засовъ предъ нами взвигнулъ, и три каваса, одинъ греческій и два русскіе, вышли разомъ изъ дверей съ толстыми палками въ правыхъ рукахъ, съ дерзкими и вызывающими взглядами. Лѣвыя руки ихъ лежали на поясахъ, изъ-за которыхъ видны были смертоносныя рукоятки.

За нами шелъ Благовъ въ своей широкой и мягкой шальтѣ. Онъ былъ блѣдень и лицо его было какое-то особенное, очень свѣтлое и очень злое... лѣвою рукой, а не правой опирался онъ на свою дорогую трость. Я быстро взглянулъ на правую руку и увидалъ что она была безъ перчатки, заложена чуть-чуть за одежду на груди, и что на ней было красное лянто и большіе бѣлые пузыри... Должно-быть онъ сильно страдалъ отъ боли въ этой рукѣ и оттого лицо его было страшное. (Я въ первый разъ видѣлъ что онъ страдаетъ... и въ первый разъ я почувствовалъ что и его можно жалѣть)...

Остановившись на минуту на крыльцѣ, Благовъ обвелъ молча глазами всю толпу въсколько разъ... Люди быстро

разступились чтобы дать ему дорогу... Старый Турокъ, который говорилъ — чего они боятся — принялъ невнятный и серьезный видъ и, подложивъ руки подъ полъ своей строй длинной рясы и опустивъ голову какъ бы въ глубокихъ размышленіяхъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ, удалился кивнувъ однако на меня мелькомъ взглядъ, небрежный и равнодушный ко всему этому... Благовъ все молчалъ, глядя на толпу съ болѣзненною и сдержанною злобой.

Кавасы все стояли вокругъ него, лѣвыя руки на поясахъ, и почтительно изподлѣбя взглядывали на него.

Не прошло и нѣсколькихъ секундъ какъ толпа разошлась налововину. Какъ только Благовъ замѣтилъ что цѣль его достигнута, онъ обратился къ кавасамъ и сказалъ имъ громко:

— Вы знаете этихъ людей?... Вотъ этого... Знаете этого?...

Но этотъ... тотчасъ же послѣшню ушелъ; за нимъ пошли разомъ пятеро другихъ съ озабоченнымъ видомъ.

— А этого Турка знаешь?...

Этотъ Турокъ былъ высокій, очень плечистый, румяный и красивый лицомъ, въ визамскомъ сюртукѣ съ подкрученнымиверху усиками. Онъ держалъ себя очень гордо.

— Я человекъ мушира.

(Онъ былъ больше чѣмъ человекъ мушира; онъ былъ муширу родственникъ и человекъ независимый по своимъ средствамъ.)

Но Благовъ стоялъ близко къ нему и не будучи въ силахъ себя больше сдерживать, онъ схватилъ его (большою рукой) за грудь, оттолкнулъ съ дороги такъ сильно что тотъ едва устоялъ на ногахъ и воскликнулъ съ бѣшенствомъ:

— Мушира! мушира.... А я человекъ Московскаго Падишаха, подлецъ, и ты будешь сегодня въ тюрьмѣ.... И всѣ кого вижу я здѣсь будутъ нынче въ тюрьмѣ.... Еслибы васъ здѣсь было, негодяи, двадцать тысячъ, такъ я бы всѣхъ васъ разогналъ какъ сволочь.... Слышите вы негодяи!..

Послѣ этого переулочъ мгновенно опустѣлъ, и человекъ мушира удалялся молча, хотя и медленно всѣхъ....

Благовъ не могъ еще вдругъ успокоиться, ибо твердые и сдержанные характеры возбуждаются до подобной крайности рѣдко.... и громко говорилъ во свѣдъ уходившихъ людей, будто обращаясь къ кавасамъ своимъ:

— Залишите ихъ имена.... всѣхъ.... и Жидовъ этихъ, и христіанъ...

Послѣ этихъ словъ онъ обратился къ Анастасію и приказалъ ему оставаться въ эллинскомъ консульствѣ помогать единственному кавасу бѣднаго Киркориди и смотрѣть... „Смотри ты!“ сказалъ онъ строго и пошелъ къ лампѣ въ Торту съ однимъ Маволи. Кавасы впустили насъ съ Коальдо и мы, войдя въ греческое консульство, узнали все какъ было.

Руку Благовъ обжегъ себѣ сильно, срывая съ окна пылающую завѣсъ.

Когда m-elle Киркориди вскрикнула: „пожаръ“, Благовъ, не говоря ни слова, подошелъ къ завѣсѣмъ и мгновенно сорвалъ ее и карнизъ съ гвоздей. Но затолтать онъ ее на ковръ не могъ.... Коверъ въ кабинетѣ началъ вспыхивая тлѣть... M-elle Киркориди хотѣла кинуться къ нему на помощь, но онъ крикнулъ ей: „Не подходите!“ Онъ боялся чтобы даяная женская одежда и она сама не вспыхнули.... На крикъ ея тотчасъ же приближались снизу люди. Старикъ Киркориди не говорилъ между тѣмъ ни слова; обойдя осторожно огонь, въ которомъ стоялъ Благовъ, уталтывая его, онъ взялъ со стола большую керасиновую лампу и тихо вынесъ ее въ большой залъ. Всѣ думали что онъ потерялся, но онъ былъ правъ: кабинетъ былъ тѣсень и услыжавъ уже что полѣтницѣ бѣгутъ слуги, онъ, окинувъ глазами комнату, понялъ что коверъ не кисея и что все сгорѣтъ не успеетъ.... Онъ испугался только одного—чтобы въ тѣснотѣ и сматеніи не опрокинули лампу и не разлили керасинъ....

Однако усилія одного Благова затолтать ногами огонь были недостаточны.... Куски разорванной кисеи тамъ и самъ еще пылали вокругъ него, и коверъ тлѣлъ все дальше и дальше; огонь подкрадывался къ столу съ котораго висѣла очень низко довольно легкая шерстяная скатерть. Кавасы привесли ушатъ воды; но прежде чѣмъ они успѣли ледаять его и вылить, служавка опрокинула вверхъ ногами большой круглый столъ, стоявшій въ сторонѣ и быстро двигая его затерла и затушила огонь....

— Bravo, Анна! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

Всѣ были немного блѣды, но весело глядѣли другъ на друга. О молодомъ убійцѣ всѣ забыли въ этотъ страшный и краткій мигъ. Запертый на ключъ въ гардеробѣ консульской дочери, онъ могъ бы сгорѣть прежде чѣмъ вспомнили бы объ немъ еслибъ огонь не былъ потушенъ.

Всѣ были рады, и Благовъ, не обратившій вниманія въ первую минуту на свой сильный обжогъ, сказалъ:

— Я разговю эту оловочъ сейчасъ и пойду къ панѣ требовать удовольствія.

Киркорида не удерживалъ его; онъ былъ конечно этому радъ, но дочь просила оставить одного изъ русскихъ кавасовъ съ ними.

Тогда-то Благовъ вышелъ изъ двери греческаго консульства, и, какъ ты видѣлъ—достигъ своей дѣли, разогнавъ толпу.

Мы съ Кольйо сидѣли ввизу въ кавасской комнатѣ, и Кольйо очень желалъ видѣть своего соотечественника запертаго наверху.

Стыдно было, однако, намъ безлокуить консула въ такое время нашими дѣтскими просьбами.

Такъ мы сидѣли ввизу и ждали. Всѣ—и мы, и кавасы, и слуги Киркорида, были задумчивы и почти все время молчали.

Не скрою что мнѣ было немного страшно. Хотя толпа и разошлась, но мы еще не знали что будетъ дальше. — Я думалъ про себя вотъ что:

„ Не уйти ли мнѣ домой?—Что я все вяжусь, въ самомъ дѣлѣ, въ политическія событія и во всякія осложненія? Принять бы теперь видъ дѣловой какъ принялъ тотъ старій Турокъ, когда Благовъ вдругъ въ такой грозной крашѣ предсталъ во вратахъ Эллинской проксеніи... и возвратиться бы разумно и благосохранно опять подъ снѣгъ двуглаваго орла... тамъ теперь очень тихо и такъ прекрасно, и у меня еще есть къ завтраму хорошихъ стравницъ десять эксегеза эллискаго для учителя?“ Но тотчасъ же по естественному сплетенію мыслей я всломалъ о томъ какъ основательно совѣтовалъ мнѣ Исаакидесъ предпочитать практическую жизнь наукѣ, и остался, рѣшившись раздѣлать здѣсь, если нужно, дальнѣйшую судьбу моихъ единовѣрцевъ, друзей, соотчичей и покровителей... Жизнь въ Янии въ обществѣ такихъ отважныхъ людей какъ Благовъ, Ставри, Анастасій и Кольйо (который нарочно пошелъ въ церковь когда ему угрожалъ тамъ вызовъ на поединокъ), конечно, не прошла для меня безслѣдно... Въ Загорахъ я восхищался побѣдами Дибича и геройствомъ Марко Боцариса; я грозно глѣлъ клефтскія лѣси, сверкая очами, въ одиочествѣ, въ семьѣ, или съ такими же богатыми мальчиками-Загорцами каковъ и я былъ; но это все было въ идеѣ, а на дѣлѣ наше

внучуть не востепенное, а совѣтъ торговое, разчетливое загорское воспитаніе располагало меня думать что до мужества и храбрости нѣтъ мнѣ никакого дѣла, а нужно только одно: „мудрость“. Здѣсь же, увидавъ что не только люди, такъ-сказать, варварозные и простодушные горцы какіе-нибудь считаютъ долгомъ быть смѣлыми, но даже и знатные, и утонченнаго воспитанія, извѣжаемые люди какъ Благовъ, „воздѣлавшіе на себя благоуханія Парижа“, находить удовольствіе въ храбрости и отвагѣ, я сталъ больше вѣрить что я могу быть смѣлѣе если нужно.... и сталъ больше прежняго стыдиться боязни, и сталъ въ самомъ дѣлѣ отъ стыда смѣлѣе, а отъ большей смѣлости опять привычѣе къ мысли о томъ что отъ опасностей въ жизни и скрыться даже на вѣкъ невозможно... Онѣ тебя найдутъ...

Такъ мужала моя душа подъ вліяніемъ двухъ прекрасныхъ крайностей,—подъ вліяніемъ пасторальной и гомерической энергіи нашихъ сельскихъ героевъ, подобныхъ Ставри, и подъ аристократическимъ вліяніемъ русскаго дворянскаго рыцарства, которое владоуцалъ мой блѣдный, стройный и холодно-всемиловитый къ слабымъ, московскій Алкивиадъ.

И я остался и повеселѣлъ!

Страха какъ не чувствовать?... Его даже надо чувствовать немного, но надо чтобъ это легкое содраганіе было пріятно намъ и возбуждало бы насъ на бодрую борьбу....

XXII.

Паша принялъ Благова вѣжливо, но очень сухо. Онъ былъ еще подъ впечатлѣніемъ слуховъ о похищеніи Тахиръ-Аббаса, и внезапное возвращеніе Благова изъ Зиццы для вмѣшательства въ дѣла Порты съ эллинскимъ консульствомъ не могло, конечно, развеселить его.

Съ своей стороны и русскій консулъ не могъ быть особенно любезенъ и веселъ; страдая отъ боли въ рукѣ, на которой онъ сорвалъ кожу до живаго мяса объ одежду того Турка котораго онъ толкнулъ, раздраженный всѣмъ тѣмъ что онъ слышалъ, видѣлъ и перечувствовалъ въ послѣдніе часы въ домѣ Киркориди, негодующій на лашу за то что онъ осмѣливался посягать на неприкосновенность консульскихъ жилищъ и претендовать на право осмотра, онъ явился

предъ Рауфъ-пашой вѣроятно съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ котораго тотъ еще у него и не видывалъ при прежнихъ веселыхъ и пріятельскихъ свиданіяхъ.

— Что же это у васъ дѣлается въ городѣ, паша мой? сказалъ Благовъ:—мусульмане бьютъ стекла въ греческомъ консульствѣ и оно чуть-чуть не сгорѣло...

Паша смутился и послѣшнѣо отвѣчалъ:

— Я послалъ уже на сосѣдній кудукъ чтобы визамы разогнали народъ...

— Я самъ уже разогналъ эту сводочъ, возразилъ Благовъ.— Дѣло теперь въ томъ, вопервыхъ, чтобы наказать тѣхъ кто тамъ былъ. Нѣсколькихъ я знаю самъ, но другихъ мѣстная власть должна разыскать. Я знаю откуда это, — это все интриги г. Леси.

— О! воскликнулъ съ улыбкой паша.—Г. Леси старичокъ который любитъ только свой покой.—Какія его интрига!...

— Какъ бы то ни было, сказалъ Благовъ,—если скоро все не успокоится и не будетъ кончено, я... хотя мнѣ очень жаль... телеграфирую въ Константинополь что здѣсь отъ безпорядковъ и оскорбленій становится жизнь для насъ невозможною. Объ осмотрѣ нечего и думать... Это можетъ предлагать только эта злая старая баба... Корбетъ де-Леси! Онъ готовъ и себя унизить чтобы только сдѣлать вредъ обоимъ православнымъ консульствамъ.

Съ этими словами Благовъ всталъ и протянулъ пашѣ лѣвую руку.

— Подождите, подождите... сядьте, сядьте... я прошу васъ...

Онъ позволилъ и приказалъ сейчасъ позвать себѣ полицейскаго офицера, офицеръ тотчасъ же пришелъ и на вопросъ Рауфъ-паши, приказали ли изъ кудука, сосѣднаго дому Киркориди, солдатамъ идти къ эллинскому консульству и охранять его отъ всякихъ движеній мусульманской толпы, офицеръ сказалъ что эллинское консульство уже окружено цѣлю часовыхъ и что другія приказанія всѣ также исполнены.

Благовъ повѣлъ что это *совѣсть не то* чего онъ хотѣлъ. Было ясно что Рауфъ-паша не виновныхъ приказалъ отыскать немедля и предать строгому наказанію, но, напротивъ того, пользовался только этимъ предлогомъ удалить какъ будто враждебную толпу, съ цѣлю разставить солдатъ

кругомъ консульства, такъ чтобъ убійца нигдѣ не могъ пройти незамѣченнымъ...

Появъ это, Благовъ сдержалъ бѣшенство которое заклипало въ немъ, когда онъ понялъ что старикъ на этотъ разъ испыталъ его, и замѣтилъ пашѣ: „что собственно говоря толпа, собравшаяся вокругъ консульства не обнаруживала никакихъ особенно враждебныхъ дѣйствій или намѣреній; что въ средѣ ея было много христіанъ и ко всему политическому равнодушныхъ Евреевъ; что камень былъ брошенъ ребенкомъ, наконецъ толпа вся эта разошлась такъ что ни охранять, ни разгонять не надо никого; но необходимо сейчасъ же схватить нѣсколькихъ изъ бывшихъ тамъ мусульманъ; именно того *человѣка мушира* который противился ему, Благову, того молодого хаджу который былъ съ дѣтми и допустилъ ихъ бросить камень, вѣроятно даже возбуждалъ ихъ. Это нельзя оставить безнаказанно. Мы всё чуть-чуть не сгорѣли.“

— Однимъ словомъ, прибавилъ онъ,—какъ хотите!... Эти часы — новое оскорбленіе всемъ консульствамъ. Это вредъ принципу установленному трактатами. Это совсѣмъ не достигаетъ цѣли... Это больше только взволнуетъ умы... Я уйду и подожду немного, послѣ чего я пошлю телеграмму что положеніе наше здѣсь нестерпимо...

— Осмотрѣть положилъ бы всему этому конецъ...

— Нѣтъ! сказалъ Благовъ, опять вставая,—я никогда...

Но въ эту самую минуту онъ забывшись коснулся большою рукой чего то жесткаго въ своей собственной одеждѣ... и неожиданно жгучая боль до того потрясла его что онъ издалъ глухой и сдержанный, какъ бы нечеловѣчскій стонъ.

Рауфъ-паша услышалъ этотъ невольный и сдержанный стонъ Благова и, замѣтивъ страдальческое, озлобленное выраженіе его лица, воскликнулъ:

— Что съ вами? Что такое!

Благовъ показалъ обожженную и сбодравную руку.

Паша вскочилъ съ дивана, зазвонилъ въ колокольчикъ, началъ бить въ ладоши. Прибѣжали чубукчи.

— Скорѣй! воскликнулъ Рауфъ,—скорѣй сыраго картофеля!... Кусками, кусками... Одинъ лаятокъ чистый... Два лаятка... хороші!... Лимонаду... одинъ лимонадъ...

Онъ былъ въ сильномъ волненіи. Благовъ снова сѣлъ на диванъ.

Паша, улрекнувъ его за долгое молчаніе и за то что онъ тотчасъ не перевязалъ руки, не сталъ даже и спрашивать гдѣ это онъ обжегъ ее: онъ понималъ *гдѣ* и *когда*... Ему было стыдно и жалко. Благовъ видѣлъ стыдъ и жалость на блѣдномъ и худомъ лицѣ старика, и повемногу самъ смеялся.

Принесли картофель на тарелкѣ, привесли товкіе платки на серебряномъ подносіи и стали обвязывать руку Благову. Благовъ сидѣлъ. Паша, поколебавшись съ минутой, рѣшился забыть всѣ турецкія приличія и стоя предъ нимъ обкадывалъ самъ бережно ему руку картофелемъ, и обвязывалъ платкомъ. Рука его немного дрожала.

Чубукчи поспѣшили за лимонадомъ, и они остались одни. Благовъ всталъ тоже съ дивана. Онъ понималъ какъ много значило по турецкимъ понятіямъ что паша стоялъ предъ нимъ при слугѣ. Онъ понималъ что это было лишь одно доброе чувство въ этотъ мигъ примиренія, и ему самому стало жаль старика. Онъ всталъ, не говоря ни слова...

Паша въ свою очередь это понималъ и, довѣрчиво поглядывая на молодого коноула, отечески говорилъ ему: „Сядь! сядь!... И я сяду...“

И оба сѣли рядомъ. Паша поправлялъ ему бантикъ на платкѣ...

— Телерь прекрасно. Не болитъ больше? спросилъ онъ.

— Телерь лучше, благодарю васъ, сказалъ Благовъ, протягивая ему здоровую руку, и потомъ прибавилъ съ улыбкой:

— Вы очень добры... Надо бы вамъ и бѣднаго Киркориди пощадить. Онъ человекъ пожилой и семейный, все равно какъ вы; только вы богаты, а онъ нѣтъ... Рауфъ-паша взял Благова крѣпко за руку и сказалъ прямо глядя ему въ лицо:

— Чтѣ дѣлать... служба, сынъ мой... чтѣ же намъ дѣлать?.. государство!...

— Нѣтъ, отвѣчалъ Благовъ все ласково.. нѣтъ, паша мой. Это, простите, не совсѣмъ такъ; это исключительное насиліе, потому что Эллада слаба.

— Ба! воскликнулъ паша съ жаромъ:—зѣрите мнѣ, еслибы здѣсь было консульство Даніи или этой Бельгіи, я читалъ бы ихъ не менѣе какъ и большія державы. Но эта Эллада! она всякій день дѣлаетъ намъ затрудненія; она поддерживаетъ разбои на нашей границѣ; она укрываетъ нашихъ преступ-

никовъ... она говоритъ о нашемъ варварствѣ... бирь фанатизмъ! дикія лошади, а между тѣмъ знаете ли какіе у нихъ порядки!.. Акарнавія—гнѣздо разбоя... Кефалониты изверги. Привезетъ контрабанду въ Превезу и Арту и если ихъ подозрѣваешь, то они кричатъ, такое у нихъ слово, знаете: *zitò ikanoniçisina*. * Страна эта полна людей, у которыхъ неправильные паспорта.. Аллахъ! Аллахъ!.. Мы очень терпѣливы!

Благовъ, чувствуя что въ словахъ лаши много правды, рѣшилъ обратиться прямо къ его дружеству и сказалъ:

— Я рѣдко прошу вашего *хатыра*... но для Киркориди надо уступить; Киркориди гораздо умнѣе и честнѣе другихъ греческихъ консуловъ... что они часто дураки и мошенники, это правда...

Слуга съ лимонадомъ на минуту прервалъ ихъ дружескую и серьезную бесѣду. Рауфъ-лаша приказалъ ему позвать одного офицера, котораго онъ считалъ наиболѣе надежнымъ и порядочнымъ, и потомъ продолжалъ все съ доверчивымъ выраженіемъ лица и голоса:

— Посмотрите... Я пошлю Саидъ-бея. Онъ вѣжливый человекъ. Я ему велю побывать одному безъ солдатъ наверху, для парада... (и потомъ прибавилъ шепотомъ и значительно) Что дѣлать этотъ *дженабетъ* Корбетъ де Леси! холодные люди эти Англичане... я ихъ не люблю... И захотѣвъ, вдругъ прибавилъ:—Друзья! а! какъ вы недавно сказали: „старая баба...“ Прекрасно! прекрасно! старая баба! Что дѣлать?... Здѣсь Инглець, здѣсь Французъ... здѣсь Нѣмецъ...

— Здѣсь Московъ... всѣ гауры!... всѣ дженабеты! доковчилъ за него Благовъ смѣясь...

Паша какъ будто немного испугался или притворился испуганнымъ:

— Нѣтъ! Зачѣмъ же дженабеты? Зачѣмъ же гауры?... Я этого не говорю... Я этого никогда не думаю даже... Пойдите, прибавилъ старикъ,—я говорю что пошлю Саидъ-бея въ греческое консульство... онъ оставитъ двухъ-трехъ низамовъ внизу, даже на улицѣ, если хотите, а самъ взойдетъ и поговоритъ отъ моего имени съ Киркориди... Хорошо...

— Очень жаль, отвѣчалъ Благовъ; только я долженъ буду писать послѣ протестъ... и я думаю что Бреше и даже

* Требую удовлетворенія.

Ашенбрехеръ сдѣлають то же... Они теперь молчатъ, а послѣ будутъ протестовать... Это навѣрно! Я вамъ говорю!

Паша молча развелъ руками и наклонилъ голову какъ бы говоря этимъ: „какъ угодно!“

Разговоръ принявъ опять сухой и холодный оттѣнокъ. Благовъ всталъ тогда и сказалъ лашѣ такъ:

— Я уйду... Я не могу даже присутствовать при томъ какъ вы офицеру будете приказывать осматрѣть консульство. Всѣ консульства неприкосновенны.

Но въ эту минуту завѣсь на дверяхъ приподнялся и въ комнату взомель почтительно согнувшись Сабри-бей... Онъ остановился у дверей...

— Что такое? скажи? спросилъ паша.

— Эфендимъ! отвѣчалъ Сабри,—пришелъ юнакъ * Тержи-манъ-бей. Юнакъ консулосъ согласенъ переговаривать съ Саидъ-беємъ.

И паша, и Благовъ оба въ одно и то же время покраснѣли—Благовъ отъ гнѣва, паша отъ невольнаго стыда. Задерживая Благова у себя дружескимъ препирательствомъ, Рауфъ между тѣмъ продолжалъ дѣйствовать инымъ путемъ чрезъ Леси (котораго онъ звалъ дженабетъ и въ самомъ дѣлѣ лично терпѣть не могъ).

И Киркорди уступилъ. Служба и всѣ интересы его стѣнами витей были связаны съ англійскимъ консульствомъ именно въ это время, потому что шла рѣчь объ избраніи Альфреда, и множество іоническихъ подданныхъ со множествомъ тяжбъ и всякихъ дѣлъ, съ разными простулками и даже преступленіями, въ ту минуту переходили изъ рукъ Леси подъ греческій флагъ...

Эта неожиданность сразила на минуту Благова. Онъ молчалъ и пожиралъ свой гнѣвъ. Ему показалось что положеніе его, какъ непрошеннаго заступника, смѣшно.

Рауфъ-паша тоже смущенный поспѣшилъ сказать Сабри-бею: „Хорошо! Иди. Послать Саидъ-бея“.

Послѣ этого онъ съ Благовымъ сухо простился, и Благовъ ушелъ прямо къ себѣ, не заходя даже къ Киркорди.

Онъ былъ такъ разсерженъ что никого не хотѣлъ видѣть.

Поль Коста заходилъ на минуту и просилъ у него свиданія по очень нужному дѣлу (это нужное дѣло — былъ

* Юнакъ—Элинъ, Іоніецъ.

новый планъ спасенія молодого Чамиса. * Благовъ его не принялъ. Киркориди прислалъ узнать какъ его рука; онъ и этого посла не принялъ и велѣлъ сказать: „очень дурно!“ Пришелъ поздное самъ Киркориди; онъ и его не принялъ.

XXIII.

Я узналъ, конечно, гораздо поздное всѣ эти подробности о свиданіи Благова съ Рауфъ-лашой; я узналъ ихъ отчасти изъ разказовъ самого консула разнымъ лицамъ въ моемъ присутствіи; отчасти изъ толковъ и объясненій постороннихъ людей. Но пока все это происходило, я сидѣлъ въ кавасской комнатѣ, въ самомъ нижнемъ этажѣ греческаго консульства, въ обществѣ Ставри, Кольйо и залискаго каваса Георгія. И мы всѣ ничего не знали что будетъ. Толпа разошлась, улица опустѣла; желѣзная дверь консульства была залепта крѣпко могучими засовами. Мы всѣ были молчаливы и задумчивы. Наконецъ Ставри предложилъ мнѣ сыграть партію въ шашки и мы сѣли. Греческій кавасъ, мрачный, ужасно худой въ лицѣ, усатый, черный и суровый взялъ тамбуръ, ** и началъ играть на ней умную и воинственную пѣсню. Голосъ у него былъ сильный и тонкій; онъ пѣлъ по нашему обычаю нѣсколько въ носъ и, прерывательно вскрикивая, располагалъ насъ всѣхъ къ чему-то нѣсколько страшному и печальному. Въ широкой, большой комнатѣ, почти подвальной, несмотря на ранній еще часъ дня, было уже довольно темно, потому что на улицу открывалось только одно малое, защищенное желѣзною рѣшеткой оконцо, немного повыше мостовой. Кольйо все собирался ловидаться съ заключеннымъ на верху Костаки, но все колебался и спрашивалъ то того, то другаго изъ насъ: „Не знаю идти ли мнѣ на верхъ?.. не знаю, попросить ли мнѣ позволенія взглянуть на этого Костаки?...“ — „Что ты скажешь, киръ-Ставри?“ „киръ-Георгій, что ты скажешь?“

Всѣмъ онъ надоелъ. Георгію онъ мѣшалъ пѣть, и тотъ сказалъ: „Э! несчастный, что ты тутъ воешь... Что намъ за дѣло до этого... Замолчи!“

* Чамисъ—уроженецъ Чамуры.

** Базагайка.

А Ставри замѣтилъ ему толенькимъ отъ злости голоскомъ: „Жаль мнѣ твоего роста и твоихъ плечъ широкихъ, морѣ! Чего ты боишься!.. Аида съ Божіею помощію, не съѣсть тебя старикъ Киркориди!..“

Самолубивый и обидчивый Кольцо поблѣднѣлъ отъ отчаянія и пошелъ съ верѣшительнымъ видомъ на верхъ. Самолюбіе и стыдъ дѣлали его, столь смѣлаго предъ явною опасностью, всегда робкимъ и смѣшнымъ, когда ему предстояло явиться предъ высшими и особенно въ присутствіи женщинъ.

M-elle Киркориди однако и сама уже выпустила на время затворника изъ шкафа, потому что онъ съ утра ничего еще не ѣлъ и, посадивъ его въ столовой за столъ, приказала служанкѣ накормить его ласкорѣе чѣмъ можно.

Ему принесли варенаго мяса, сыру и вина и онъ кушалъ не торопясь, когда Кольцо рѣшился взойти туда... Ихъ оставили однихъ и они бесѣдовали радостно въ консульской столовой... какъ вдругъ раздался громкій ударъ кольца въ желѣзную дверь.

Дочь Киркориди вбѣжала въ столовую блѣдая и дрожащая со словами:

— Прячься, прячься!..

За ней служанка... тоже въ ужасѣ; и ломая руки, съѣла на полъ и качаясь повторяла: „Турки! Турки! Буря и гибель моя... Сгибла головка моя! сгибла... Буря и гибель моя...“

Кольцо бросился къ окну, разбилъ зацѣпившись графинъ съ краснымъ виномъ и стаканъ... Вбѣжавшій Саудъ-бей, пріславный пашой, стучался поведительно въ дверь; съ нимъ было человекъ десять солдатъ.

У насъ вблизи Ставри и греческій кавасъ вскочили со своихъ мѣстъ и переглянулись... Я не всталъ... Я такъ и остался предъ шашечною доской въ безмолвіи... *У меня не было ногъ...* Я не сразу даже понялъ кто это можетъ быть и почему это страшно!..

— Кто тамъ? грубо и грозно спросилъ Георгій, не отпирая дверей....

— Одинъ офицеръ отъ пашы... отвѣчалъ Саудъ-бей гораздо мягче.

— Нельзя, я пойду прежде спрошу у консула. Подождите.

И онъ побѣжалъ на верхъ.

— Они не сломаютъ двери? спросилъ я Ставри.

Но Ставри ничего не отвѣтилъ мнѣ; только морщинастое и блѣдное лицо его исказилось злою улыбкой, и онъ вышелъ тоже въ сѣни и сталъ у дверей....

Въ ту минуту когда онъ вышелъ и я хотѣлъ уйти и послѣдить на верхъ подъ прикрытіе консула и его дочери, полагая основательно что имъ-то ничего и ни въ какомъ случаѣ не могутъ сдѣлать *эти Турки* (низамы, а не уличная толпа!..) но только-что я подошелъ къ дверямъ, въ рѣшетчатое окошечко съ улицы показалось лицо турецкаго воина; нагнувшись онъ заглядывалъ въ кавасскую комнату....

— Кто это? спросилъ другой Турокъ про меня (должно-быть и онъ изъ-за головы солдата видѣлъ меня).

— Э! ты! мальчикъ!.. Загорець!.. Э! мусьѣ.. Иди отвори. Не бойся...

Но я уже быстрыми шагами всходилъ на лѣстницу...

„Однако! думалъ я про себя въ сильномъ волненіи, это слава тоже которую я искалъ!.. Дьяволъ бы ее взялъ со всѣмъ ея добромъ. Теперь извольте! А! Собаки вѣтъ анадемской, турецкой даже, которая меня не знала бы въ лицо. Загорець!.. Каково!.. Все знаютъ эти варвары-люди... Джебеты этакіе... А! варвары... Гм... Теперь и паша узнаетъ непременно что молодой этотъ Одиссей вьжется во всѣ самыя неблагопріятныя для Порты политическія дѣла, и погибну я.. въ заточеніи...“

Но въ ту минуту когда страхъ какъ на крыльяхъ возносилъ меня въ верхній этажъ эллинскаго жилища, благородный Кольйо ощущалъ совсѣмъ противоположное чувство... Мы встрѣтились наверху лѣстницы; схвативъ потихоньку со стола консула заряженный револьверъ и вынувъ изъ-за кушака всегда скрытый въ немъ небольшой, но острый ножъ, онъ слѣшилъ внизъ въ самомъ дѣлѣ раздѣлать участь Ставри и Георгія (а не такъ какъ я боязливый). Красивые и простодушные, огромные и круглые темные глаза его были спокойны и еще круглѣе и больше обыкновеннаго; онъ былъ только немного блѣденъ.. Мы встрѣтились, переглянулись и не сказали другъ другу ни слова. Я видѣлъ мгновенно тихую гордость на лицѣ его столь же юномъ и больше даже младенческомъ по выраженію чѣмъ мое... Покинувъ пристыженно очами долу, вздыхая отъ радости и стыда, я взбѣжалъ наверхъ. Кольйо былъ уже внизу. Онъ не зналъ что будетъ. Не знакомый хорошо съ порядками,

не слыхавъ приказанія отворить дверь офицеру, приказанія которое отдалъ немедленно Георгію, кавасу, старшій, но твердый духомъ консулъ, Кольѣо повялъ только одно во всемъ этомъ смутно что тамъ Турки, что здѣсь Греки, что Турокъ больше, что Грековъ всего трое годныхъ для защиты, и что земляка его, праведнаго мстителя, надо спасти или погибнуть самимъ!... И онъ бѣжалъ внизъ гораздо смѣлѣе чѣмъ полчаса тому назадъ входилъ на верхъ предстать мирно предъ лицо Куркороди и его косою и энергической барышней... (О, Кольѣо, Кольѣо!... Гдѣ ты теперь мой благородный Кольѣо, мой несчастный Кольѣо? И помнишь ли ты твоего боязливаго, но любящаго товарища? Гдѣ ты, мой милый?... гдѣ?...) Всадъ за Кольѣо сбѣжалъ и Георгій съ лицомъ мрачнѣе ночной бури.

Я вошелъ въ залу. Толстый Куркороди сидѣлъ въ креслѣ у круглаго стола, облокотившись на него. Широкое, огромное лицо его, окруженное съ боковъ сѣдыми узкими бакенбардами, было спокойно; но маленькіе глаза его казались грустны, и тонкія губы (которыхъ выраженіе было замѣтнѣе чѣмъ у другихъ, потому что онъ брилъ себѣ чисто и усы, и подбородокъ) были крѣпко сжаты, съ выраженіемъ печальной рѣшимости.

Дочь, унылая, сидѣла на диванѣ въ своемъ темномъ шерстяномъ платьѣ.

Я поклонился и сталъ у двери.

Взглянувъ на меня, г. Куркороди, казалось, удивилася и спросилъ, только безъ гнѣва и безъ любезности: „Вы за чѣмъ здѣсь?“

Я не успѣлъ отвѣтить... По лѣстницѣ раздались шаги... Саидъ-бей поднимался на верхъ для осмотра.

Сбѣжавъ внизъ, Георгій обратился къ Ставри и Кольѣо и, ударяя себѣ въ грудь, воскликнулъ съ жаромъ:

— Э! братья, вы христіане, скажите... или нѣтъ?... Куркороди нашъ... хочетъ пустить Турокъ сюда... Чтѣ мы будемъ дѣлать теперь? Можетъ развѣ какой-нибудь человѣкъ помести такое безчестіе... Умремъ лучше здѣсь...

— Умремъ, сказалъ Кольѣо.

— Убьемъ ихъ... Становись, Ставри, къ окошку и отрядь изъ ружья... А мы изъ двери.

— Кольѣо, есть у тебя сердце?... дитя мое.

— Есть! отвѣчалъ Кольѣо твердо.

Терпѣливый Саидъ-бей третій разъ возобновилъ стукъ и говорилъ сквозь дверь...

— Отворите или вѣтъ? Иначе, я пошлю сказать лашѣ что васъ не пускаютъ.

— Сейчасъ, сейчасъ пустятъ васъ, отвѣчалъ Георгій, значительно взглядывая на товарищей. Одною рукою онъ взялся за засовъ чтобъ отворить его, другою вынулъ изъ-за пояса серебряный кремневый пистолетъ и взвелъ курокъ...

Глядя на него и Кольцо приготовилъ свой револьверъ... Это было безуміе... Но умный и находчивый Ставри поправилъ все дѣло.

— Стой, сказалъ онъ Георгію....—стой.... нельзя.... это дѣлать.... Вы должны слушаться консула.... Я тебѣ говорю.. Не дѣлайте это такъ.... поди прочь.... Дай ключъ.... Вѣривъ! И подойдя къ двери, онъ сказалъ Саидъ-бею ласковымъ голосомъ: „Извините, эфенди.. Сейчасъ.... У консула спрашивались. Онъ приказалъ впустить васъ.

Саидъ-бей оставилъ кольцо. И Ставри, почти вырвавъ ключъ изъ рукъ Георгія, хотѣлъ отворить.

Однако изступленный патріотъ Георгій не могъ вдругъ утихнуть.... „Погоди минуту“... воскликнулъ онъ и схвативъ гдѣ-то эллискій флагъ, онъ разостлалъ его на камняхъ сѣней у порога въ ту минуту какъ только Ставри отперъ дверь....

(Позмотримъ, значитъ, какъ осмѣлится Туркъ ступить ногою на флагъ независимаго царства.... Убью его если онъ ступитъ!... Что жъ, судишь меня, если я останусь живъ, будутъ не здѣсь, а въ Аѳивахъ....)

Но Саидъ-бей былъ тоже не глухой человекъ: увидавъ внезапно предъ собою разостланный на полу бѣлый съ голубыми полосками флагъ, онъ ступилъ и остановился на мигъ въ недоумѣніи. Но только на мигъ. Сообразивъ дѣло очень скоро, онъ подошелъ, нагнулся, поднялъ флагъ, поцѣловалъ его и приложилъ ко лбу съ выраженіемъ глубочайшаго почтенія и, сложивъ его бережно, не торопясь тутъ же въ сѣняхъ въ восемь разъ, подалъ его любезно изумленному и внезапно остывшему при видѣ такого обращенія Георгію...

И Георгій принужденъ былъ тоже почтительно взять флагъ у него изъ рукъ.

Саидъ-бей, приказавъ своимъ солдатамъ дожидаться его ввизу, пошелъ на верхъ въ сопровожденіи греческаго каваса, который никакъ не хотѣлъ отъ него отстать. Саидъ вошелъ въ залъ. Мы взглянули на него. Киркориди всталъ и подалъ ему руку.

Саидъ-бей былъ человѣкъ еще очень молодой, лѣтъ двадцати пяти, очень высокій и очень гибкій, смуглой съ небольшими усми.... мундиръ съ тонкимъ перехватомъ и на груди аксельбанты съ кисточками. Манеры его казались скромны и просты.

Онъ очень почтительно, даже согнувшись, коснулся руки эллискаго консула и очень ловко по-европейски поклонился дочери, которая, желая польстить ему, даже привстала съ дивана.

— Васъ лапа прислалъ? сказалъ Киркориди печально и тихо съ небольшимъ вздохомъ.—Я очень радъ что онъ прислалъ такого благовоспитаннаго и благороднаго человѣка.... Я много слышалъ о васъ хорошаго. Просту състь, прибавилъ онъ.

Всѣ сѣли.

— Георгіи! сказалъ консулъ.—Развѣ ты не знаешь?.. Подай скорѣе кофе бему-эфенди.... И я выпью, прибавилъ онъ добродушно....—Люблю турецкій кофе.... У насъ въ Греціи не умѣютъ (продолжалъ онъ все кротко вздыхая и покачивая тихонечко туда и сюда съ соболѣзнованіемъ своею толстою и лукавою головою), не умѣютъ дураки.... Кто былъ въ Турціи, тотъ знаетъ что такое кофе....

— Въ Букурештѣ я былъ однажды, эфендимъ! замѣтилъ весело и любезно Саидъ.—И вотъ я пилъ у одного Загорца торгующаго тамъ.... смѣсь изъ мокка съ ливанскимъ, о, эфенди!... Что это былъ за кофе... Это лучше нашего.

— Въ Букурештѣ умѣютъ жить, сказалъ Киркориди.

Подали кофе и довольно долго продолжался все такой же невнятный и не касающійся до предмета посѣщенія разговоръ. Дочь все молчала. Она глазами указала мнѣ на стулъ около дивана и, нагнувшись, сказала мнѣ тихо: „Не пытка это! Онъ тутъ въ шкафу моемъ.... Сколько у отца моего терпѣнія и мужества!... Боже!... Я безъ ума отъ гнѣва и волненія“!... Я согласился съ нею на словахъ, но въ душѣ уже находилъ что теперь все

очень легко и очень умно, и цивилизовано, и прекрасно, такъ какъ вмѣсто лобоща происходитъ столь пріятная бесѣда....

И въ самомъ дѣлѣ, тоненькій офицеръ и толстый консулъ такъ мирно курили сигары, такъ медленно пили кофе, очень громко втягивая его чтобы лучше наслаждаться имъ что и подумать было бы странно будто убійца въ двухъ шагахъ отъ насъ сидитъ залертой на ключъ въ дулакъ, * затерянный въ юлкахъ и одеждахъ консульской дочери!

Киркориди не говорилъ о томъ что ему это „очень не-пріятно“, что „это оскорбленіе флагу“, и т. п. Напротивъ того, онъ по окончаніи угощенія кофе самъ первый всталъ и сказалъ Саиду равнодушно:

— Теперь не угодно ли обойти вамъ всѣ комнаты, осмотрѣть... все что вамъ угодно... Внизу васъ сведутъ въ кухню и погребъ... Елизавета, отвори свою спальню...

Я пришелъ тогда снова въ ужасъ, но уже не за себя. M-elle Елизавета растворила двери своей олочивальни, гдѣ былъ завѣтный шкафъ...

Но Саидъ олустилъ взоры и, приложивъ руку къ груди своей, сдѣлалъ шагъ назадъ и сказалъ:

— Ба! эфендимъ! Это совершенно лишнее... Паша-эфенди настрого запретилъ мнѣ такую невѣжливость... Вы, эфенди, понимаете что это все одна форма... Паша знаетъ вашу дружбу, ваше благородство... Онъ приказалъ мнѣ только извиняться предъ вами что войско давеча вовремя не пришло разогнать толпу и предупредить безпорядки. Но больше этого не будетъ; вездѣ кругомъ консульства оудеть телерь разставлена стража и будетъ охранять его до тѣхъ поръ пока не утихнутъ всѣ разговоры... Мы понимаемъ что мальчишка этотъ, если и былъ тутъ недолго, то по милости слугъ вашихъ и безъ вашего вѣдома...

Послѣ этихъ выразительныхъ словъ Саидъ-бей простился и ушелъ.

Караулъ кругомъ консульства съ этой минуты былъ удвоенъ и не было выхода и прохода даже изъ сосѣднихъ домовъ, откуда люди могли бы выходить, не встрѣчаясь съ солдатами. Примѣты Костаки конечно были имъ извѣстны. Бѣлокурый молодой съ порядочными уже усамъ въ фуста-нелѣ, въ лестрой лолукашемировой ваточной курточкѣ...

* Шкафъ въ стѣнѣ.

Итакъ осмотръ кончился. Все утихло въ консульствѣ. Костаки опять выпустили и перевели въ кладовую, гдѣ ему было просторнѣе и веселѣе, и заперли его тамъ.

Киркориди не могъ даже написать протеста въ Порту и жалобы своему правительству... Онъ былъ не правъ... а паша очень деликатенъ и ловокъ... Можно даже навѣрное думать что не самъ Рауфъ придумалъ все это такъ хорошо, а все онъ, мой другъ, вѣжливый и принимающій доброты даровъ, Сабри-бей, и развѣ еще жирный и дьявольски лукавый другъ отца моего, предсѣдатель тиджарета, Загорецъ Чувалиди. Подобно многимъ христіанамъ и греческой и славянской крови, Чувалиди умѣлъ до невѣроятія искусно служить правою рукою Туркамъ, стараясь косвенно и лѣвою рукою въ то же время помогать христіанамъ. Но чтобы такого рода сложная игра была успѣшна, необходимо было одно условіе: протаводѣйствовать то греческому, то русскому консульствамъ.

„Пусть видятъ Турки что для меня, преданнаго правительству и крещенаго человѣка православная райя дороже мусульманъ, не скрываюсь; но правительство оттоманское правильное и законное, хотя бы и за грѣхи предковъ нашихъ, но все же, подобно всякой власти, отъ Бога поставлено, это правительство котораго я чиновникъ для меня во сто кратъ милѣе и дороже этой чуждой и всепоглощающей Россіи, и этой ничтожной, безпутной, демагогической Эллады которой нечѣмъ прокормить своихъ сыновъ по-европейски обучившихся въ несоразмѣрномъ съ нуждами населенія числѣ!“

И вотъ я увѣренъ что они съ Сабри-беемъ придумали всю эту уловку. „Для вѣшняго народа мусульманскаго надменный и властный осмотръ; для греческаго правительства любезныя извиненія и пустая формальность“; для помки убійцы и блокады эллинскаго консульства часовые; для защиты иностраннаго флага отъ оскорбленій уличной толпы все тѣ же часовые... Киркориди парализованъ; Леси радъ; Бреше и Австріецъ злорадно равнодушны, Благовъ, похитившій Тахиръ-бея и задумавшій кажется слишкомъ явно господствовать, взбѣшенъ и хоть слегка, но въ первый разъ униженъ... Прекрасно!

Благовъ, действительно, разараженный неудачей и мелов-

Костью своего положенія, даетъ волю гнѣву и упорству своему, и дѣлаетъ еще худшую ошибку...

Узнавъ о томъ что Саидъ-бей входилъ въ домъ Киркориди и что часовые разставлены по всемъ угламъ и перекладкамъ, Благовъ пишетъ протѣстъ отъ себя одного, во имя общей консульской неприкосновенности... Онъ приучилъ себя дѣйствовать безъ помощи западныхъ консуловъ, и до сихъ поръ все съ удачей и блескомъ... Я и теперь, вспомявъ цѣня его дарованіе, его смѣлость, умъ, красоту и твердость, готовъ назвать его „свѣтиломъ“, хотя бы для того чтобы сказать что нѣтъ свѣтила съ которымъ бы не случилось затменія..

Онъ пишетъ что, удивленъ и пораженъ неприятно... Онъ прямо говоритъ объ оскорбленіи одного изъ флаговъ и выражается такъ: „On a forcé la porte du consulat héllénique.“ Онъ прибавляетъ еще что „консульство эллинское свободно допускать что ему угодно; но что русское консульство не можетъ безъ протеста допустить такой возмутительный прецедентъ“.

На это Порта отвѣчаетъ очень скромно и очень умно, безъ раздраженія и надменности; Порта только оправдывается съ достоинствомъ. Паша пишетъ что осмотра никакого не было, что эллинское консульство пожелало само очень любезно принять офицера, котораго паша прислалъ чтобы выразить ему свои сожалѣнія о небольшихъ безпорядкахъ, случившихся въ это утро предъ порогомъ консульства... Бумага кончалась такими словами:

„Всегдашняя уступчивость мѣстной власти и готовность ея удовлетворять во всемъ возможномъ Императорское русское консульство давала бы, кажется, этой власти право ожидать и отъ другой стороны, по крайней мѣрѣ, самой элементарной справедливости.“

Благовъ на эту ноту не отвѣтилъ; но чѣмъ менѣе ему было возможности отвѣтить на нее прилично, тѣмъ болѣе онъ былъ разгнѣванъ и угрюмъ.

Благову, избалованному удачей, могло казаться что онъ оскорбленъ и униженъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ внѣ себя отъ сдержаннаго гнѣва... Онъ полагалъ что и самъ Киркориди предалъ его, заступника своего, своего рода на поруганіе, уступая настояніямъ Корбетъ де-Леси и Рауфъ-паши. Онъ даже и входитъ въ объясненія съ греческимъ

консуломъ по этому дѣлу долго послѣ этого не желалъ... Но, какъ всѣ противники его: Ибрагимъ, Сабри бей, самъ лапа, Леси и Бреше, такъ и всѣ янвскіе почитатели его были совсѣмъ иного мнѣнія. Горожане восхищались его смѣлостью; они радовались тому что русскіе кавасы способствовали бѣгству Тахира, хвалили русскаго консула за то что онъ одинъ только изъ представителей великихъ державъ ревностно вступился за притѣсняемаго Элина;—они превозносили до небесъ твердость, съ которою онъ особо и одинъ протестовалъ противъ осмотра греческаго консульства... Самъ Благовъ, говорю я, видѣлъ во всѣхъ послѣднихъ обстоятельствахъ одну неудачу; другіе видѣли успѣхъ.

Иные архонты стали звать его послѣ этихъ дней ни мѣгалось, а мѣгасъ прѣксеносъ (не большой консулъ, какъ звали его иногда простолюдины наши, а великій нашъ консулъ).

Помни, мой другъ, что между тѣмъ временемъ которое я описываю и тѣмъ въ которое я пишу, прошло болѣе лятнадцати лѣтъ, и въ тѣ годы мы были гораздо еще ближе къ осадѣ Севастополя, на бастионахъ котораго вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ бились такъ восторженно эллискіе добровольцы, чѣмъ къ нынѣшнимъ печальнымъ днямъ недоразумѣній и раздора между Греческимъ народомъ и тою Россіей на которую такъ долго взирали мы какъ на единственный нашъ оплотъ, тою Россіей которая и сама утвердила мышцы свои прежде всего на насъ, Грекахъ, какъ на высшихъ и лучшихъ представителей православія на Востокѣ.

Да, Благовъ могъ быть недоволенъ собой въ эти дни... Но мы, христіане, мы всѣ были довольны имъ.... Дипломатія правильная по формамъ, сдержанная и вмѣстѣ съ тѣмъ пустая, ничего не возбудила бы въ насъ, кромѣ презрѣнія... И Бакъевъ умѣлъ соблюдать формы и держался умѣренности, но подъ нею не таилось ничтожество. Ходили слухи и о томъ что въ Константинолѣ посольство русское было не совсѣмъ довольно слишкомъ выразительными приемами Благова; Бостанджи шепталъ увѣряя что есть строгій выговоръ консулу... Но если и такъ, то что же это доказываетъ? Такой выговоръ посольства или очень умеръ, или крайне недалковиденъ. Онъ недалковиденъ если искрененъ —

онъ уменьъ если притворенъ. Отчего же и не привести въ жертву изрѣдка самолюбіе молодого и второстепеннаго по званію агента соображеніямъ другаго порядка для вида и въ угоду вышшимъ савоикамъ Великобританіи и Порты?— Но только для вида... И кто имѣеть право строго судить формы Благова? Кто имѣеть право, скажи мнѣ, строго судить и его, и Кирккориди въ этомъ дѣлѣ?... Тахиръ-Аббасъ можетъ-быть извергъ въ душѣ, убійцей однако не былъ самъ и страшно было бы еслибъ онъ пострадалъ лишь за то что просидѣлъ два часа у одного Благова, не посѣтивъ другихъ консуловъ... Онъ былъ, хотя бы и изъ личныхъ выгодъ, или изъ вражды къ Джефферу, но все-таки на сторонѣ притѣсняемыхъ христіанъ. Неужели намъ не пожалѣть и не защитить его?

Его сеишь, молодой Костаки, мстилъ, положимъ, за себя, за побой несправедливо нанесенныя, но онъ мстилъ въ то же время и за Пано, за его несчастныхъ товарищей, за старшинъ села Нивицы, пытаемыхъ въ Яничѣ за поправныя права соотчичей, за взятки и воліющіе лоборы беевъ... Его выстрѣлъ надолго смирилъ притѣснителей.... Выстрѣлъ этотъ помятъ въ Элирѣ до сихъ поръ....

Кто имѣлъ право судить строго обоихъ консуловъ, и Благова, и Кирккориди, за самоуправство?... Не лапа ли, котораго не боялись въ странѣ тѣ кому слѣдовало бояться?... не боялись разбойники на сѣверѣ и югѣ Элира, на границѣ Элады и Албаніи; не боялись притѣснителю, не боялись взяточники, не боялся Бреше; а боялись гонимые жители Нивицы, которыхъ онъ позволилъ даже пытать, боялись христіане Превезы и Арты, когда нужно было стоить законно повѣсить колоколъ на православной церкви.... Не Бреше ли осудилъ бы Кирккориди и Благова, Бреше который не скрывалъ своего презрѣнія къ Турціи, и обращался съ турецкими чиновниками, даже довольно высоко поставленными, какъ не посмѣлъ бы въ своей Франціи обращаться съ какимъ-нибудь „protier“?... Не онъ ли махалъ бичомъ предъ лицомъ Ибрагима, когда ему благоугодно было заступиться за безсильнаго и подобоостраднаго предъ нимъ Бакъева?... Не онъ ли, не Бреше ли этотъ нѣсколько позднѣе во славу Франціи своею рукой, ушибъ до смерти свинцовымъ набалдашникомъ трости турецкаго солдата

который (говорятъ даже и не нарочно) толкнулъ его на улицу? Да! онъ убилъ его... и остался безнаказаннымъ. Можетъ быть Корбетъ де-Леси имѣлъ право защищать порядокъ и громить произволъ своихъ товарищей въ Эпирѣ? Правда, самъ онъ былъ до смѣшнаго точенъ въ формахъ своихъ... Но не прочли ли мы всё въ *Синей Книгѣ* года два позднее то донесеніе его гдѣ онъ увѣрялъ что всё заботятся лишь о христіанахъ, и никто не вспомнитъ о мусульманскомъ населеніи, которое страдаетъ еще больше чѣмъ райя, страдаетъ отъ бѣдности, стѣсненій, отъ наборовъ воинскихъ... Не онъ ли, вдохновенный, вопреки своей осторожной природѣ, тѣми самыми страстями которыхъ кровавый ляръ мы видѣли теперь въ Батокѣ и Каваріѣ... не онъ ли становился краснорѣчивъ, и восклицалъ съ энергіей: „отчего это несчастное мусульманское населеніе не приближается до сихъ поръ къ насилію? Отчего не вспомнить оно что въ средѣ его есть люди крѣпкіе мышцами и рѣшительные сердцемъ?..“

Такъ писалъ своему правительству этотъ опрятный, этотъ приличный, безукоризненный въ приемахъ своихъ, хотя и причудливый старикъ.... Такъ писалъ съ, и мы съ ужасомъ всё прочли эти слова!.. И прочли, и забыли, и опять ждемъ чего-то отъ Англіи... И опять ждемъ, и опять не дождемся.... И опять обманемся, и опять придемъ къ тому же.... И опять, послѣ цѣлаго ряда несчастныхъ претензій, ошибокъ и разбитыхъ дѣтскихъ надеждъ, воскликнемъ печально что кромѣ этой всепрощающей Россіи нѣтъ у насъ никого! И будутъ пророками даже и въ отчизнѣ своей тѣ немногіе, тѣ столь рѣдкіе нынче Греки, которые, подобно мнѣ и покойному отцу моему, говорили все это давно, давно, возбуждая злыя насмѣшки и патріотическій гнѣвъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ИЗЪ ГЁТЕ

I.

Безмолвья требуй, а не слова!
Я тайну сохранять должна.
Всю душу я тебѣ открыть готова;
Но я молчать осуждена!

Въ урочный часъ разсвѣтъ солнца лучъ
Ночную мглу, день ясный засіяетъ;
Изъ нѣдръ скалы сокрытый рвется ключъ
И землю влагою отрадной орошаетъ;

Въ объятыхъ друга другъ найдетъ покой:
Тамъ вольно сердце въ жалобахъ излиться—
Но ротъ зажать мнѣ клятвой роковой,
И только Богу я могу открыться!

II.

О дай полувниманье
Сквозь грезы красоты!
Подъ струнъ моихъ бряцанье
Сли!—Не довольна ль ты?

Подъ струнъ моихъ бряцанье
Шлютъ звѣзды съ высоты
Святое упованье.
Сли!—Не довольна ль ты?

Святое упованье
Влечетъ отъ суеты,
Отъ нужды существованья.
Сли!—Не довольна ль ты?

И. П.

РАЗКАЗЫ ИЗЪ 1813 ГОДА*

(UT DE FRANZOSENTID)

ФРИЦА РЕЙТЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НИЖНЕ-НѢМЕЦКАГО.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Почему Фридрихъ не былъ, собственно говоря, мошенникомъ.—Почему Наполеонъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ господиномъ засѣдателемъ и почему послѣдній по секрету разговаривалъ съ французскимъ полковникомъ.

Повозка остановилась предъ Ставемгагенскою ратушей. Отецъ мой выскочилъ изъ нея однимъ прыжкомъ и приказалъ остальнымъ ожидать пока ихъ позовутъ. Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ нашею горничной Машей Винкенъ которая проходила здѣсь со свѣчею въ рукахъ. Маша едва не выронила свѣчи и уже совсѣмъ собралась закричать, узнавъ что человекъ въ курткѣ былъ мой отецъ. Но онъ быстро ввелъ ее за руку въ свою комнату и сказалъ:

— Молчи, Маша! не кричи! ты дѣвушка умная!

Маша въ сущности была очень дурковата. Ничто однако такъ не помогаетъ въ подобныхъ случаяхъ какъ сказать

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5, 6 и 7ii 1878 г.

дураку что онъ умень. Въ головѣ у Машинъ внезапно стало гораздо свѣтлѣе.

— Господинъ президентъ еще здѣсь? спросилъ мой отецъ.

— Да, сударь.

— Ну, такъ оставь свѣчку тутъ и ступай въ комнаты. Не говори ничего моей женѣ, но скажи господину президенту что пришелъ человекъ который хочетъ его видѣть и приведи его сюда.

Президентъ пришелъ.

— Здравотвуй, мой другъ! Чтò тебѣ нужно? чтò ты дѣлаешь тутъ въ комнатѣ бургомистра?

— Господинъ президентъ, какъ моя жена? какъ дѣти?

— Дружокъ, почему я знаю чтò дѣлаютъ твои дѣти и твоя жена? Откуда они взялись у тебя?

— Владыко милосердый! воскликнулъ мой старикъ, да развѣ вы меня не узнаете? Да вѣдь я бургомистръ!

— Это совсѣмъ другое дѣло! воскликнулъ старый президентъ. Это дѣло совсѣмъ особое! А? не такъ ли? Кто же могъ ожидать что consil Stavenhageniensis окажется въ коротенькой курткѣ? Впрочемъ, чтò говорить Горацій? Nil admirari, говорить онъ. Да въ эти времена и дѣйствительно ничему не слѣдуетъ удивляться, дружокъ!

— Господинъ президентъ, чтò моя жена?

— Она знаетъ что вы освободились, дружокъ, и очень будетъ вамъ рада.

— Но...

— Какія тутъ „но“! Ей не будетъ никакой бѣды если она увидитъ васъ даже и въ курткѣ. Пойдемте-ка!...

Ну, вотъ видите-ли: по-моему всѣ сюрпризы ни къ чорту не годятся, даже если они и пріятные. Когда радость приходитъ такъ внезапно что кажется какъ будто дюжины двѣ музыкантовъ вдругъ заиграютъ у человека надъ ухомъ, въ головѣ и въ сердцѣ точно что-то обрывается и самая прекрасная музыка можетъ только налугать. Нѣтъ! гораздо лучше та радость которая является также, какъ лѣвунья птичка прилетаетъ въ лѣсъ: сначала голосъ ея едва слышенъ, потомъ онъ раздается все явственнѣе по мѣрѣ того какъ птичка перелархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, и наконецъ лѣсня громко звучитъ изъ ближняго куста. Такъ вотъ было и съ моей матушкой. Сначала радость явилась къ ней слишкомъ внезапно. Но теперь она перелархивала

какъ лѣвунья птичка съ вѣтки на вѣтку, все ближе и ближе. Когда мой отецъ вошелъ наконецъ въ комнату, лѣсня зазвучала около самаго уха матушки, а когда птица оказалась въ короткой курткѣ, то матушкѣ показалось что она нарочно для нея строить разныя штуки въ куستاхъ, и ей сдѣлалось такъ весело что она отъ души разсмѣялась. Воспоминаніе объ этомъ днѣ навсегда осталось въ нашемъ домѣ. Когда отецъ послѣ трудовъ и заботъ приходилъ домой веселымъ, мы говорили между собой: „сегодня отецъ въ короткой курткѣ“.

Когда радость нѣсколько улеглась, старикъ президентъ заговорилъ первый.

— Дружокъ! вы привезли съ собой и Француза?

— Привезъ не я, сказалъ мой отецъ. Мельниковъ Фридрихъ поймалъ его, а Гюльцовскій староста ему въ этомъ помочь.

— Дружокъ, этотъ Фридрихъ долженъ быть ларень на всѣ руки. Онъ долженъ быть молодецъ-ларень. Я лозову его сюда.

Явился Фридрихъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Гюльцовскій староста.

— Послушай-ка, другъ мой: это ты вышвырнулъ Француза изъ повозки?

Фридрихъ подумалъ про себя: „ну! теперь олять начнется долпросъ!“ и нѣсколько окрысился.

— Да, сударь, сказалъ онъ.

— Знаешь ли ты что ты этимъ надѣлалъ мельнику множество хлопотъ?

— Хлопотъ, сударь? Онъ къ нимъ привыкъ. Не бѣда если прибавились лишнія.

— Ты взялъ чемоданъ съ французовой лошади?

— Я, сударь.

— Правда что ты присвоилъ себѣ восемь грошей изъ французскихъ денегъ?

— Я только взялъ назадъ мои собственныя деньги, отвѣтилъ Фридрихъ и разказалъ все какъ было.

— Ты взялъ ихъ не по закону и не по праву. Какъ называютъ человѣка который поступаетъ такимъ образомъ?

Фридрихъ посмотрѣлъ президенту прямо въ глаза, но не отвѣтилъ ни одного слова.

— Староста Бессердихъ! какъ называютъ такого человѣка?

— Съ вашего позволенія—мошенникомъ, господинъ президентъ! воскликнулъ староста.—И онъ дѣйствительно мошен-

никъ, сударь! онъ сегодня еще стащилъ колбасу у Зябликовой жены. А еще туда же суется жениться на моей Софьѣ!

— На комъ онъ хочетъ жениться?

— На моей Софьѣ, сударь, которая служить у васъ!

— Вотъ какъ! сказалъ господинъ президентъ и осмотрѣлъ Фридриха съ головы до ногъ. Это совсѣмъ особое дѣло! Ты пока можешь идти, другъ мой. Но я тебѣ помню вчерашній и нынѣшній день.

Фридрихъ вышелъ и въ душѣ бравилъ старосту и президента. „Что онъ хочетъ помнитъ мнѣ?“ спрашивалъ онъ самъ себя. Но еслибъ онъ зналъ что означало это слово въ устахъ старика, онъ не сталъ бы задавать себѣ такой вопросъ. Президентъ во всю свою жизнь не помнилъ никому зла. Зло проходило мимо, не задѣвая старика и онъ сейчасъ же старался про него забыть. Онъ боялся только запоминать что-нибудь хорошее и когда это хорошее встрѣчалось ему на жизненномъ пути, президентъ говорилъ: „Иетхенъ, Фрицъ Зальманъ, Вестфаленъ, дѣти, помогите-ка мнѣ помнитъ то-то и то-то.“

Когда Фридрихъ вышелъ изъ комнаты, старикъ президентъ обернулся къ женѣ и отъ души расхохотался.

— Иетхенъ! тебѣ такъ и не вернуть колбасы которую сегодня утромъ отняли у Фрица Зальмана. Ее придется отдать Зябликовой женѣ, потому что если этотъ разбойникъ Фридрихъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ жениться на Софьѣ Бессердихъ, то нужно сначала уплатить его долги.

— Да! воскликнулъ мой отецъ и положилъ на столъ восемь грошей.—Вотъ деньги которыя онъ взялъ изъ чемодана у Француза.

— Ну, а теперь когда же свадьба, староста? улыбаясь спросилъ президентъ.

Старикъ староста стоялъ съ такимъ лицомъ какъ будто бы ему кто-нибудь надѣлъ на носъ очки въ которыхъ вмѣсто стеколъ вставлены были подошвы. Онъ рѣшительно не понималъ что вокругъ него происходитъ.

— Господинъ президентъ! сказалъ онъ наконецъ,—да вѣдь онъ совсѣмъ бобыль!

— Староста, сказалъ президентъ,—этому горю можно пособить. Въ моемъ округѣ за послѣднее время открылось нѣсколько свободныхъ участковъ. Какъ знать что думаетъ на этотъ счетъ начальство.

— Да вѣдь, онъ кромѣ того еще и мѣшеникъ, сударь.

— Не повторяй болѣе этого слова, староста. Когда онъ сегодня утромъ бралъ изъ чемодана свои восемь грошей, развѣ онъ не могъ взять себѣ всѣ деньги? Кто узналъ бы про это? А кто мѣшалъ ему положить себѣ чемоданъ на плечи и отправиться съ нимъ черезъ прусскую границу? Кто бы его нашель? А? Не такъ ли?

— Это-то правда, сударь. Ну, а какъ же насчетъ восьми грошей и колбасы?

— По своему неразумію онъ считалъ себя въ правѣ взять восемь грошей. Колбасу онъ взялъ въ шутку.

— Такъ-то оно такъ, сударь, сказалъ староста и почесалъ себѣ голову.—Только Софья моя все-таки слишкомъ молода для такого мужичины.

— Извините, господинъ президентъ, внезапно вступилась тутъ дѣвица Вестфаленъ,—если я тоже скажу свое слово про ихъ мужицкія дѣла. Ты это все вздоръ городишь, староста Бессердихъ. Правда, твоя Софья еще молодая, глупая дѣвка, но повтому-то и хорошо если у нея мужъ будетъ опытный человѣкъ. Тогда все и пойдетъ своимъ чередомъ. А этотъ Фридрихъ, господинъ президентъ, не при васъ будь сказано, мущина рѣшительный и по теперешнему времени кладъ. Я ничего не хочу говорить противъ господина Дрой, онъ лучше долженъ знать когда противъ человѣка слѣдуетъ дѣйствовать оружіемъ; но я знаю что вчера вечеромъ Фридрихъ одинъ-одинешенекъ управился съ Французомъ и хотя онъ говорилъ при этомъ такія рѣчи которыя не слѣдовало произносить въ вашей комнатѣ и въ моемъ присутствіи, но я все-таки должна сказать что онъ знаетъ какъ взяться за дѣло. Они какъ разъ другъ другу пара, староста Бессердихъ. Онъ не положить охулки на руку, а она — на языкъ. А что она своимъ языкомъ каждаго человѣка можетъ отбрить, такъ это я вамъ говорю, господинъ президентъ, и говорю правду.

Старикъ староста смотрѣлъ то на дѣвицу Вестфаленъ, то на господина президента. Онъ совсѣмъ растерялся. Всѣ возраженія которыя онъ сдѣлалъ были отбиты; онъ искалъ новыхъ и не находилъ ихъ. Наконецъ староста вспомнилъ про отговорку къ которой онъ всегда прибѣгалъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Онъ почесалъ за ухомъ и сказалъ:

— А все же нужно мнѣ сначала послушать что жена моя скажетъ, господинъ президентъ.

— Это правда, мой милый староста. Но еще важнѣе знать что скажетъ Софья. Я только хотѣлъ объяснить тебѣ что Фридрихъ совсѣмъ не мошенникъ.

На этомъ дѣло пока окончилось. Жена президента отправилась съ дѣвицею Вестфаленъ въ замокъ. Остальные начали уже чувствовать усталость, какъ вдругъ явился Луть и доложилъ что господинъ совѣтникъ фонъ-Урценъ приказалъ кланяться и прислалъ своего собственного камердинера для опознаванія украденнаго Французомъ серебра. Такимъ образомъ все было приведено теперь въ лордадокъ. Господинъ президентъ написалъ письмо къ французскому полковнику; отецъ мой объяснилъ Луту что ему нужно дѣлать и что онъ долженъ говорить; Фридрихъ и Луть посадили французскаго стрѣлка промежь себя на повозку, камердинеръ и Фригъ Бессердикъ сѣли впереди, и среди ночнаго мрака повозка повезла пойманнаго Француза въ Бранденбургъ.

„Да,“ говорилъ старикъ староста, ночью одинъ возвращаясь лѣшкомъ въ Гюльцовъ, „да, хорошо имъ разговаривать! И президентъ, и бургомистръ, и вотъ та старая мамзель изъ замка, всѣ они живутъ себѣ и не имѣютъ надъ собою никакого начальства. А надо мною вотъ всякій командуетъ. Что бы я сталъ дѣлать еслибы не жена? Вотъ еслибы этотъ Фридрихъ не былъ мошенникъ, да былъ бы лѣтъ на десять моложе, да имѣлъ бы домъ, да и Софья хотѣла-бъ идти за него, ну тогда, — да впрочемъ и тогда бы ничего не вышло: жена бы все-таки не согласилась.“

Никто не взыщеть съ меня если мнѣ не охота примѣшивать страшныя исторіи къ веселому разказу. Поэтому я не буду говорить много о французскомъ стрѣлкѣ; я не буду разказывать что онъ чувствовалъ когда его привезли въ Бранденбургъ, не буду говорить про то какъ его судили военнымъ судомъ, и какъ все ближе и ближе охватывалъ его страхъ смертной казни. Я не могъ бы описать все это даже еслибы я и хотѣлъ; я пишу только про то что знаю, а это дѣло мнѣ совершенно неизвѣстно. Я въ жизнь свою не могъ рѣшиться наблюдать за преступникомъ во время его послѣднихъ минутъ и смотрѣть какъ одинъ грѣшникъ, руководствуясь земнымъ правосудіемъ, ведетъ другаго грѣшника на судъ Божій прежде нежели Господь призвалъ его Самъ. Но это такъ дѣлается и было такъ и въ этомъ случаѣ. Когда окровавленный трулъ стрѣлка лежалъ на лѣскѣ, никому

вѣроятно не пришло въ голову что луля, тамъ далеко во Франціи, пронзила еще одно сердце, сердце его бѣдной матери. Вслѣдствіе поимки Француза мельникъ и хлѣбникъ освободились отъ тяготѣвшаго надъ ними подозрѣнія въ его убійствѣ. Благодаря собственному сознанію стрѣлка и показаніямъ управляющаго Николаи и камердинера, совѣтнику фонъ-Урцену было возвращено покраденое у него серебро. Но когда аудиторъ хотѣлъ удержать деньги найденныя въ чемоданѣ стрѣлка, полковникъ фонъ-Толль рѣзко заявилъ что его полкъ не долженъ быть залатанъ присвоеніемъ себѣ ворованнаго добра. Онъ передалъ чемоданъ стрѣлка Луту и сказалъ: „мой другъ, вы кажетесь мнѣ разумнымъ человекомъ, возьмите этотъ запечатанный чемоданъ и передайте его господину президенту Веберу, пусть онъ поступаетъ съ нимъ по вашимъ законамъ.“ Луту дали вмѣстѣ съ чемоданомъ форменную бумагу и дѣло кончилось.

Осталось одно затрудненіе о которомъ никто прежде не подумалъ. Что было дѣлать съ моимъ дядею Герзе? Когда мельникъ, хлѣбникъ и всѣ остальные вышли изъ присутствія совершенно свободными, дядя Герзе продолжалъ одинъ стоять въ комнатѣ какъ одинокій дубъ пощаженный лѣсничимъ за его красоту. Полковникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дядю и сказалъ:

— Чего же вы еще дожидаетесь?

Вѣтви дуба зашевелились. Лицо засѣдателя лобагровѣло и по этому лицу уже можно было видѣть какая буря заколыхала дубъ.

— Объ этомъ я хотѣлъ спросить васъ, отвѣтилъ мой дядя Герзе.

Еслибы въ эту минуту въ комнату вошелъ посторонній человекъ, онъ вѣроятно не могъ бы понять кто полковникъ и кто засѣдатель. На обоихъ были надѣты мундиры; оба имѣли гордый и повелительный видъ, пріобрѣтенный привычкою распоряжаться; полковникъ былъ вершка на два выше, но мой дядя былъ вдвое полнѣе его; у полковника были усы; дядя не брился уже дня три, все лицо обросло у него волосами и сдѣлалось по меньшей мѣрѣ столь же воинственно какъ у полковника.

— Кто вы такой? спросилъ его полковникъ.

— Я засѣдатель, ставенгагенскій засѣдатель, сказалъ мой дядя.

Французъ былъ видимо удивленъ. Онъ прошелся по комнатѣ, остановился потомъ предъ господиномъ засѣдателемъ и сказалъ:

— Я не вижу какая польза можетъ произойти для императора Наполеона если я буду возить васъ съ собою. Вы можете идти.

Мой дядя не привыкъ къ такому обращенію.

— Милостивый государь! воскликнулъ онъ,—зачѣмъ же...

— Я весьма сожалею, перебилъ его полковникъ,—что васъ вообще обезлокали. Вѣроятно вы были захвачены по ошибкѣ.

Мой дядя не могъ перенести такого объясненія. Во время всей дороги и цѣлую ночь онъ утѣшалъ себя мыслию что онъ преднамѣренно избранная жертва корсиканскаго чудовища. Теперь оказывалось что онъ дѣйствительно былъ жертвой, но чего же? простой ошибки! Засѣдатель Герзе въ своей наивности разчитывалъ что его невиновность будетъ объявлена по крайней мѣрѣ предъ фронтомъ цѣлаго полка; вмѣсто этого ему просто говорили: вы можете идти.

— Людей въ моемъ званіи не захватываютъ по ошибкѣ! воскликнулъ онъ.

— Вы еще благополучно отдѣлались, возразилъ полковникъ и смѣясь похлопалъ его по плечу. Въ военное время случаются ошибки хуже этой; бываетъ что людей по ошибкѣ расстрѣливаютъ. Я вамъ совѣтую смотрѣть на все это происшествіе какъ на испытаніе посланное вамъ.

— Если это испытаніе, сказалъ мой дядя Герзе, — то оно во всякомъ случаѣ преглупое.

Полковникъ засмѣялся и взялъ моего дядю подъ руку.

— Пойдемте, господинъ засѣдатель, сказалъ онъ,—я отъ души радъ что все это такъ кончилось и что я могъ исполнить желаніе господина президента. Мнѣ хотѣлось бы еще сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ.

Наединѣ! Мой дядя Герзе не могъ противустоять такому искушенію и пошелъ за полковникомъ.

— Господинъ засѣдатель, сказалъ полковникъ когда они вышли на площадь и остановились предъ гостиницей *Золотой Пуговицы* въ которой находилась главная квартира,—господинъ засѣдатель, скажите почтенному старому президенту что я ему кланяюсь и чтобъ онъ исполнилъ мою просьбу точно также какъ я, по счастью, могъ исполнить то о чемъ онъ меня просилъ. А просьба моя вотъ въ чемъ.

Если по закону это будетъ возможно, пусть онъ отдастъ деньги оказавшіяся въ чемоданѣ той дѣвушкѣ которая вчера передала мнѣ отъ него письмо. Только, господинъ застѣдатель, держите это пожалуста въ секретѣ.

Мой дядя Герзе сейчасъ же воодушевился.

— Вы говорите о Фихенъ? спросилъ онъ.—О дочери мельника Фосса которая стоитъ вотъ тамъ?

И онъ показалъ на Фихенъ стоявшую нѣсколько поодаль возлѣ своего отца. Она положила ему руки на плечи и плакала отъ радости.

— Да, о ней, сказалъ полковникъ и пошелъ къ мельнику и его дочери.

Фихенъ сняла руки съ плечъ отца, но не могла удержать слезъ. Когда подошелъ полковникъ, слезы полились у нея еще обильнѣе, а когда онъ подалъ ей руку, она только молча присѣла и не могла выговорить ни одного слова. Пока бѣда висѣла надъ нею черною тучей, Фихенъ спокойно шла своею дорогой, не оборачиваясь ни направо, ни налево; упованіе на Бога сіяло предъ ней какъ путеводная звѣзда. Теперь тучи разсѣялись и взошло солнце. Фихенъ остановилась, и сердце ея какъ цвѣтокъ обратилось къ свѣту; освѣжающій вѣтерокъ игралъ съ лепестками цвѣтка и капли утренней росы падали съ него на землю.

Старый мельникъ также молча стоялъ предъ полковникомъ. Но когда тотъ спросилъ его, онъ ли отецъ Фихенъ, слова сами собой полились у старика.

— Да, сударь, сказалъ онъ,—я ея отецъ. Нашъ господинъ президентъ правъ когда онъ говоритъ что мальчики лучше потому что дѣвочки плаксы. Онѣ дѣйствительно плаксы, сударь: вотъ посмотрите на нее.—При этихъ словахъ мельникъ самъ утеръ себѣ слезы.—Но я не знаю чего пожелать вамъ за вашу доброту какъ чтобы Господь Богъ послалъ бы вамъ такую же дочку какъ моя Фихенъ.

Полковникъ можетъ-быть думалъ то же самое. Но онъ ничего не сказалъ, а только быстро обратился къ Фихенъ и спросилъ ее:

— Мое милое дитя, умѣешь ты писать?

— Да, сударь, сказала Фихенъ и присѣла.

— Она все умѣетъ, сказалъ мельникъ,—она читаетъ писанное и сама пишетъ не хуже учителя. Все что мнѣ нужно писать—она пишетъ за меня.

— Если такъ, сказалъ полковникъ, то налиши мнѣ твое имя и откуда ты.

И Фихенъ написала въ записную книжку полковника: „Фихенъ Фоссъ, на Гиловской мельницѣ, въ Ставенгагенскомъ округѣ.“ Полковникъ прочелъ написанное, закрылъ книжку, пожалъ руку Фихенъ и мельнику и ушелъ. Послѣднія слова его были:

— Прощайте! можетъ - быть мы еще когда-нибудь встрѣтимся!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Почему горшокъ хлѣбника Витта перелетѣлъ черезъ край; почему городъ Ставенгагенъ насадилъ сосновую рощу; почему старикъ Рикертъ началъ звонить набатъ, а я глядя на дядю Герзе всегда вспоминаю про Юлія Цезаря.

Черезъ полчаса послѣ этого разговора, изъ города Бранденбурга выѣхали двѣ повозки по направленію къ Ставенгагену. На первой повозкѣ сидѣли старики: господинъ засѣдатель, хлѣбникъ, мельникъ и, въ качествѣ почетнаго гостя, камердинеръ господина совѣтника фонъ-Урцена. На второй повозкѣ находились Фрицъ Бессердихъ, Луть, Генрихъ и Фихенъ. Сзади нихъ сидѣлъ, или, вѣрнѣе, лежалъ Фридрихъ.

Когда они нѣсколько отъѣхали отъ Бранденбурга, мой дядя Герзе началъ разговоръ.

— Ну, сказалъ онъ,—вотъ мы и выпутались изъ бѣды.

— Да, господинъ засѣдатель, отвѣтилъ старый хлѣбникъ Виттъ,—и этимъ мы обязаны господину президенту и нашему бургомистру, а главнымъ образомъ мельникову Фридриху.

— Какъ кто смотритъ на дѣло, Виттъ, отвѣтилъ мой дядя.—Я лично ничего не имѣю противъ всѣхъ трехъ; дѣйстви-тельно, намъ помогло то обстоятельство что стрѣлка поймали и привезли, но мы очутились на свободѣ не поэтому. Видѣли вы какъ французскій полковникъ разговаривалъ со мною наединѣ предъ гостиницей?

— Видѣлъ, сударь.

— Ну, такъ вотъ видите ли: еслибъ я не понадобился полковнику для секретнаго порученія, то мы выѣхали бы изъ Бранденбурга въ другія ворота.

— Вотъ дѣла-то! воскликнулъ старый хлѣбникъ и нѣсколько искоса поглядѣлъ на господина засѣдателя.

Но мой дядя ничего болѣе не сказалъ. Онъ пресеріозно моргалъ глазами и смотрѣлъ въ сторону, на голыя поля, какъ будто выжидая чтобы слова его сначала хорошенько подѣйствовали на хлѣбника. Разчетъ однако не удался. У стараго хлѣбника Витта голова была устроена точно горшокъ. Когда она наполнялась по самый край, она не могла болѣе ничего вмѣстить и все лишнее выливалось изъ нея. Въ эту минуту хлѣбникъ находился именно въ такомъ положеніи; голова его по самыя края была полна пережитыми происшествіями и слова господина засѣдателя пролились мимо. Хлѣбникъ не продолжалъ разговора.

— Хлѣбникъ Виттъ, сказалъ господинъ засѣдатель черезъ нѣсколько времени,—я бы теперь хотѣлъ быть въ Ставенгагенѣ.

Эта калелька еще умѣстилась въ головѣ хлѣбника и онъ отвѣтилъ:

— И я бы хотѣлъ. Долго еще намъ придется тащиться.

— Я говорю не про то что еще далеко ѣхать, сказалъ господинъ засѣдатель.—Я говорю про нашу встрѣчу.

Горшокъ оказался совершенно полнымъ; изъ него опять закапало.

— Про какую встрѣчу? спросилъ хлѣбникъ.

— Про то какъ для нашей встрѣчи слѣдовало бы устроить триумфальныя ворота.

Горшокъ быстро полился черезъ край.

— Встрѣчу? Триумфальныя ворота? да развѣ ожидаютъ нашего герцога?

— Герцогъ не пріѣдетъ, хлѣбникъ Виттъ. Но мы пріѣдемъ.

Старику Витту казалось какъ будто кто подтолкнулъ его подъ локоть. Половина горшка пролилась на землю; остатокъ такъ замутился что въ немъ ничего нельзя было разобрать. Но это было къ лучшему потому что теперь очистилось мѣсто для объясненій господина засѣдателя.

— Хлѣбникъ Виттъ, я говорю вамъ что мы ѣдемъ. Развѣ обыватели такого города какъ нашъ не должны, все равно какъ для герцога, устроить триумфальныя ворота для своихъ согражданъ и для представителя городского управленія, пострадавшихъ за отечество? Только кому сдѣлать-то это! старику президенту? бургомистру? они про это и не подумаютъ! или вы предполагаете, можетъ-быть, что старикъ пасторъ возьмется за такое дѣло, потому что онъ какъ-то разъ устроилъ у себя

транспарантъ? Хорошъ же онъ у него и вышелъ! всѣ они только разговаривать умѣютъ, хлѣбникъ Виттъ. Вотъ еслибъ я былъ теперь въ городѣ: это было бы другое дѣло.

Содержимое горшка начало проясняться и освѣдать.

— Да какъ же устроить теперь ворота, господинъ засѣдатель? спросилъ хлѣбникъ. Откуда взять для украшенія ихъ цвѣты и зелень въ это время года?

— Откуда взять цвѣты? А на что старикъ Касларъ и старикъ Лейба, и всѣ остальные Жиды торгуютъ цвѣтными лентами? Вы говорите откуда взять зелень? А на что же городъ Ставенгагенъ насадилъ основную роцу?

— Это-то правда, сказалъ старикъ Виттъ.—Горшокъ олять былъ наполненъ по самые края.

— Ну, а вы что скажете, мельникъ Фоссъ? спросилъ господинъ засѣдатель.

— Я ничего не скажу, господинъ засѣдатель, сказалъ мельникъ.—Онъ повернулъ свою голову и лицо его было локрото такимъ множествомъ морщинокъ какъ будто на плечахъ у него вмѣсто головы сидѣла лачка туго связанныхъ табачныхъ листьевъ.— Мнѣ нечего говорить. Я вотъ сижу да думаю. Вчера, когда я ѣхалъ въ Бранденбургъ, у меня было невесело на душѣ; а сегодня я изъ Бранденбурга ѣду и у меня опять на сердцѣ скребутъ кошки.

— Что же съ вами такое? спросилъ мой дядя, и мельникъ разказалъ ему свою бѣду съ Ицигомъ.

— Гмъ! сказалъ дядя и медленно провелъ рукою по лицу отъ лба и до подбородка. Далѣе подбородка рука не пошла; ее остановила тамъ небритая борода. Подбородокъ опустился книзу, ротъ открылся и дядя Герзе нѣсколько времени просидѣлъ съ открытымъ ртомъ, неподвижно смотря въ воздухъ. Онъ еще раза два попыталъ погладить себя рукою по лицу, но выходило все то же самое: рука не шла далѣе подбородка.

У моего дяди Герзе была колючая борода, но сердце у него было мягкое. Когда онъ въ послѣдній разъ взглянулъ своими добрыми глазами на сѣрыя тучи, онъ увидалъ клочокъ голубаго неба. На душѣ у него также просвѣтлѣло и онъ рѣшился сдѣлать доброе дѣло.

— Хлѣбникъ Виттъ, сказалъ онъ, садитесь-ка на мѣсто мельника и пустите его сюда ко мнѣ. Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

Хлѣбникъ пересѣлъ и началъ очень громко разговаривать съ камердинеромъ, а господинъ засѣдатель Герзе вполголоса бесѣдовалъ съ мельникомъ.

— Мельникъ Фоссъ, сказалъ мой дядя,—я выручу васъ изъ вашей бѣды. Завтра я позову къ себѣ Ицига и вы увидите что онъ будетъ точно шедковый потому что я про него знаю кое-что по секрету и притомъ нѣчто совсѣмъ не хорошее. Онъ дастъ вамъ отерочку до Святой Недѣли; а за васъ буду поручителемъ. Ну, а потомъ я приду къ вамъ, посмотрю всѣ ваши бумаги и возьму ваше дѣло въ свои руки. Вотъ, смотрите,—онъ показалъ мельнику печать привѣшенную къ его часовой цѣлочкѣ — я имѣю по своей должности право заниматься чужими дѣлами и даже прямо для этого поставленъ. Вотъ тутъ на печати это написано. Можете вы читать латинскія буквы навыворотъ?

Старый мельникъ отвѣчалъ что онъ не умѣетъ читать ни прямо, ни навыворотъ.

— Ну, и это ничего. Вотъ здѣсь вырѣзано: *Not. pub. im. Caes.* Это значить что я *notarius publicus*, то-есть общественный нотаріусъ, а *im. Caes.* означаетъ что моего совѣта можно спрашивать во всякой тѣжбѣ. Итакъ, мельникъ, я вамъ помогу. Но только одно условіе. Не говорите никому что я за васъ поручусь и что я взялся за ваше дѣло. Въ особенности не говорите старику президенту. Дѣло это должно оставаться между нами тайною.

И мельникъ обѣщалъ сохранить тайну.

На второй повозкѣ происходило то же самое что и на первой. На переднемъ мѣстѣ разговаривали очень громко, а на заднемъ, гдѣ сидѣли Фихенъ и Генрихъ, разговоръ шелъ вполголоса. Мнѣ нѣтъ надобности разказывать про что шелъ этотъ разговоръ. Фридрихъ лежалъ сзади Генриха и Фихенъ; онъ слышалъ каждое ихъ слово и въ свое время вѣроятно разкажетъ намъ что они говорили.

Часа три спустя, „неразумный молокососъ“ Фрицъ Зальманъ бѣгалъ по улицамъ Ставенгагена и кричалъ: „Бдуть! Бдуть!“ Онъ часа два стоялъ на пригоркѣ и смотрѣлъ вдаль по Ставенгагенской дорогѣ. Господинъ президентъ за это время разъ семь тщетно звонилъ въ колокольчикъ и наконецъ, соскучившись, отправился къ моей матушкѣ.

— Бдуть! кричалъ „неразумный молокососъ“.

— Правда это? спросилъ старикъ Рикертъ, звонарь на колокольнѣ.

— Правда, дѣдушка. Они теперь на мосту.

Старикъ Рикертъ сказалъ самъ себѣ: „что же, нужно и мнѣ что-нибудь дѣлать!“ Онъ вѣзъ на колокольню, но не могъ одинъ справиться со своими колоколами и началъ звонить набать. Въ одну минуту всѣ высыпали на улицу.

— Бдуть!

— Кто ѣдетъ?

→ Господинъ засѣдатель, хлѣбникъ Виттъ, мельникъ и всѣ остальные!

— *Ура!* закричалъ саложникъ Банкъ и замахалъ по воздуху рукой, забывъ что на ней надѣтъ былъ сапогъ.

— *Ура!* закричалъ слесарь Трѣлнеръ и выскочилъ на улицу въ фартукъ.—Только, ребята, смотрите чтобы все было въ порядкѣ, чинъ чередомъ!

И при этихъ словахъ онъ, нечаянно размахнувшись, вышибъ изъ рукъ ткачихи Сталь горшокъ съ которымъ она возвращалась отъ дѣвицы Вестфаленъ.

— *Ура!* закричалъ господинъ Дрозъ и выскочилъ на улицу въ высокой медвѣжьей шалкѣ, но въ одномъ бѣльѣ. За нимъ стояли его маленькіе французскіе ребяташки и кричали: „Вивъ ламперёръ!“ въ то время какъ господинъ засѣдатель проѣзжалъ мимо толпы.

Господинъ засѣдатель сидѣлъ высоко выправившись на мѣшкѣ. Онъ все время держалъ руку у шляпы и все поворачивалъ голову, то направо, то налево. Наконецъ онъ почувствовался и шелнулъ мельнику Фоссу:

— Фоссъ! Эта встрѣча заставляетъ меня забыть про триумфальныя ворота.

Старый мельникъ все время не спускалъ глазъ съ господина засѣдателя и дѣлалъ то же самое что тотъ. Онъ отвѣтилъ моему дядѣ:

— А я, сударь, забылъ теперь и про Ицига.

Камердинеръ раскланивался на свою сторону и совсѣмъ извертѣлъ свою шляпу. А на другой сторонѣ старикъ Виттъ какъ ни въ чемъ не бывало перекакивался со знакомыми:

— Здравствуй, отецъ! Здравствуй, Боннъ! Ну что, какъ твоя слина? Здравствуй, Иванъ! здравствуй, дочка! Здоровы ли всѣ? Ну что, какъ наши свиньи?

Когда повозки выѣхали на площадь, тетушка Герзе замала изъ окна бѣлою занавѣской и это подняло цѣлую бурю въ сердцѣ моего дяди. Чувства его заколыхались волнами и

даже слезы брызнули изъ его глазъ. „Тетя!“ сказалъ онъ вполголоса—онъ называлъ свою жену „тетя“, а она называла его за это „дядя“—тетя, я не могу зайти теперь домой. Въ продолженіи этихъ дней я дѣйствовалъ какъ общественное, а не какъ частное лицо, какъ ставенгагенскій засѣдатель, а не какъ простой человекъ. Нужно довести дѣло до конца.—Хлѣбникъ Виттъ! воскликнулъ онъ и нахлобучилъ свою треугольную шляпу,—въ ратушу!—Засѣдатель одержалъ въ семь дядѣ побѣду надъ супругомъ.

И что же за прекрасный вечеръ насталъ теперь въ ратушѣ! Все что было припрятано отъ Французовъ на погребѣ или въ кладовой явилось теперь на свѣтъ Божій, а чего не достало то привесли изъ замка. Маша Винкенъ накрыла длинный, длинный столъ; къ нему начали приставлять все маленькіе столики, а когда и этихъ оказалось недостаточно, намъ, дѣтямъ, накрыли, наконецъ, приборы на стульяхъ. Дѣвица Вестфаленъ стояла около большого угольнаго шкафа, выжимала лимоны на сахаръ и лила что-то въ миску изъ различныхъ бутылокъ. Чайникъ съ горячею водою постоянно путешествовалъ изъ комнаты въ кухню и обратно, а господинъ президентъ, покачивая головой, все пробовалъ и также что-то поддывалъ. Наконецъ онъ кивнулъ и сказалъ:

— Мамзель Вестфаленъ! вотъ теперь хорошо! Вотъ это настоящее дѣло.

Потомъ президентъ обернулся къ моей матушкѣ:

— Дружокъ! луншъ буду разливать я. Пожалуста, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе.

Отецъ мой хлопоталъ со штопоромъ, а Луть разносилъ стаканы. Камердинеръ стоялъ у печи и все качалъ головой. Онъ хотѣлъ показать Луту какъ нужно держать подносъ, но когда Луть сдѣлалъ по указанному, то немедленно же пролилъ стаканъ лунша на кояѣни дѣвицы Вестфаленъ. Да, вечеръ былъ прекрасный! Фридрихъ стоялъ въ двери, вытянувшись гочно гренадеръ; онъ не шевелился и только пилъ; возлѣ него стоялъ Фрицъ Бессердихъ и тоже не шевелился, и также пилъ; онъ только повременамъ выходилъ высморкаться въ ѣвни. Фихенъ Фоссъ сидѣла около моей матушки; матушка держала ея руки въ своихъ и гладила ее по головѣ. Когда я подошелъ къ ней, она спросила меня:

— Будешь ли ты такъ любить меня, какъ Фихенъ любить своего отца?

Господинъ президентъ отозвалъ Генриха въ уголь и потихоньку разговаривалъ съ нимъ. Про что было ему шептаться съ Генрихомъ и зачѣмъ онъ все похлопывалъ его по плечу? Старый мельникъ Фоссъ также задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Когда онъ узналъ что рѣчь шла про тяжбу, онъ сказалъ хлѣбнику Витту:

— Отецъ, съ тяжбой мы теперь локончили. Остается одинъ Жидъ. Ну, а Жиды мы сегодня обмокнемъ въ лужу.

— Ты вотъ сейчасъ подалъ мнѣ мысль, сказалъ хлѣбникъ и вышелъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился. Въ одной рукѣ у него была корзина, другой онъ велъ свою дочь.

— Господинъ бургомистръ! извольте принять и мою долю въ угощеніи. Вотъ тутъ сахарные крендели, а это вотъ, сударыня, моя дочка. Не обезсудьте, ужъ очень ей хотѣлось посмотрѣть какъ мы тутъ пируемъ.

Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ блескомъ и тѣмъ почестями которые достались на долю моего дяди Герзе. Онъ снялъ свой плащъ и стоялъ въ мундирѣ среди комнаты. Всѣ благодарили его. Отецъ мой благодарилъ за то что онъ взялъ его подъ защиту своего плаща; матушка благодарила за то что онъ чрезъ это помогъ моему отцу спастись; дѣвица Вестфалемъ три раза присѣла и сказала что она не позабудетъ что онъ для нея сдѣлалъ; мельникъ Фоссъ сказалъ что собственно они всѣ выбрались изъ Бранденбурга только благодаря господину засѣдателю, а когда старый хлѣбникъ подтвердилъ это, то его дочь тутъ же дала себѣ слово излечь для господина засѣдателя большой сладкій пирогъ. Лицо моего дяди Герзе свѣтилось и сіяло отъ счастья и удовольствія. Онъ наклонился къ моей матушкѣ и сказалъ что теперь ему недостаетъ только „тети“ и что онъ удивляется почему она такъ долго не идетъ. При словахъ мельника онъ вспомнилъ о порученіи французскаго полковника и обратился къ господину президенту:

— Господинъ президентъ! мнѣ нужно сказать вамъ по секрету нѣсколько словъ.

И дядя Герзе увелъ президента въ уголь. Мы знаемъ въ чемъ состоялъ секретъ; но еслибъ уголь могъ разказать все что говорилъ въ немъ дядя, мы должны были бы сознаться что намъ мичего неизвѣстно. Наконецъ мой отецъ освободилъ господина президента. Онъ взялъ дядю за руку и посадилъ

его за столъ на почетное мѣсто. И это было сдѣлано какъ разъ вовремя. Едва успѣлъ дядя занять свое кресло, какъ дверь отворилась и вошла тетушка Герзе въ черномъ шелковомъ платьѣ. За нею шелъ старикъ Мецъ и телерешнй богачъ Иосифъ Каспаръ который въ то время былъ еще молодымъ Жидкомъ. Тетушка Герзе держала въ рукахъ вѣнокъ изъ зеленыхъ лавровыхъ листьевъ. Старикъ Мецъ нарывалъ ихъ со своего лавроваго дерева съ котораго онъ обыкновенно давалъ только листикъ-другой своей женѣ въ кушанье. Вѣнокъ былъ связанъ длиною розовою лентой; ее пожертвовалъ Иосифъ Каспаръ, и за это тетушка Герзе взяла его съ собою. Тетушка подошла къ дядѣ, поцѣловала его и сзади надѣла ему на голову вѣнокъ, такъ что розовыя ленты висѣли у него вдоль по спинѣ. Она произнесла при этомъ нѣсколько прекрасныхъ словъ, но никто не могъ ихъ разслышать потому что хлѣбникъ Виттъ слишкомъ рано закричалъ *ура!* а мельникъ Фоссъ *виватъ!* и затѣмъ всѣ также начали кричать и чокаться стаканами.

Да! это былъ прекрасный вечеръ. И еще долго послѣ этого я всегда вспоминалъ дядю Герзе когда мнѣ приходилось видѣть изображеніе Юлія Цезаря. Лавровый вѣнокъ былъ надѣтъ на немъ совершенно также какъ на римскомъ императорѣ, съ тою только разницею что дядя Герзе былъ гораздо полнѣе и имѣлъ гораздо болѣе ласковое лицо нежели художавый, угрюмый Римлянинъ. Я также долго вспоминалъ про сахарные крендели хлѣбника Витта когда видѣлъ предъ собою самые изысканныя пироги. Крендели эти милы мнѣ еще и теперь. Ихъ можно было ѣсть сколько угодно и они никогда не дѣлали никакого вреда для желудка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Почему мельникъ опять смотрѣлъ на свои салоги.—Почему изъ гарнца сдѣлался четверикъ.—Почему Генрихъ распрощался, а Фридрихъ пришелъ къ заключенію что женщины дешевы.

Когда на другое утро мельникъ Фоссъ проснулся на своей Гиловской мельницѣ, онъ сѣлъ и подперши голову рукой задумчиво началъ смотрѣть на свои салоги.

— Жена, спросилъ онъ наконецъ,—что я вчера взаправду поссорился съ Генрихомъ или это мнѣ только приснилось?

— Господь съ тобой, отецъ, сказала мельничиха, ты вчера все цѣловался съ Генрихомъ и называлъ его своимъ любезнымъ сыномъ. Фридриху ты обѣщалъ дать много денегъ когда сдѣлаешься богатымъ, а богатымъ хотѣлъ сдѣлаться скоро.

— Жена! значить, я наговорилъ много пустяковъ.

— Я тебѣ говорила это вчера вечеромъ. Но ты не хотѣлъ мнѣ позволить слово тебѣ сказать.

— Господи помилуй! воскликнулъ мельникъ. Да что же это со мною творится? Что же это я все гаупости-то дѣлаю?

Вошелъ Фридрихъ.

— Здравствуйте, хозяинъ! здравствуйте хозяйка! Я пришелъ сказать вамъ, мельникъ, что я вотъ что надумалъ: пусть деньги которыя вы обѣщали мнѣ вчера вечеромъ лежать у васъ пока за проценты; мнѣ они пока не нужны.

— Гмъ! забормоталъ старыи мельникъ и заворочался на стулѣ.

— Да! сказалъ Фридрихъ. У меня къ вамъ есть еще и другая просьба. Не отпустите ли вы меня къ Святой Недѣлѣ, хотя мнѣ еще и не вышелъ срокъ?

— Зачѣмъ? что ты задумалъ?

— Хочу жениться.

— Что? жениться? ты?

— Да, хозяинъ. Я женюсь на Софьѣ, на дочери старосты Бессердихъ, которая служить въ замкѣ. И если Генрихъ женится на нашей Фихенъ и родители ничего не будутъ имѣть противъ этого, то мы можемъ отпраздновать наши свадьбы въ одинъ день.

Мельникъ не могъ долѣе терпѣть:

— Враль ты безсовѣстный! воскликнулъ онъ, вскочилъ и замахнулся на Фридриха салогомъ.

— Постойте, хозяинъ! Такія слова вамъ не слѣдъ говорить, а мнѣ слушать. Насчетъ моего сватовства я знаю что я говорю; а насчетъ Фихенъ и Генриха я все узналъ вчера; я лежалъ сзади въ ловозкѣ и слышалъ весь ихъ разговоръ.

— Отецъ! воскликнула мельничиха,—это бы и хорошее дѣло!

— Ты этого не понимаешь! воскликнулъ старыи мельникъ и сталъ озираться по сторонамъ.

— Хозяинъ, сказалъ Фридрихъ, подхѣвая къ двери и обернувшись на порогъ, поразмыслите объ этомъ дѣлѣ. Мой тесть тоже раздумываетъ съ третьяго дня.

— Ты можешь получить твой расчетъ, крикнулъ ему мельникъ, только не ближе Иванова ддя.

Почему мельникъ такъ разсердился? Генрихъ ему нравился. Онъ самъ часто думалъ за послѣднiе дни что Генрихъ и Фихенъ будутъ хорошая пара, онъ самъ наканунѣ называлъ Генриха своимъ „любезнымъ сыномъ“. Но наканунѣ луншъ заставилъ его вообразить себя богатымъ человѣкомъ, а сегодня онъ проснулся бѣднякомъ, и если Ицигъ и согласился бы сдѣлать отсрочку до Святой Недѣли, то все-таки бѣда была неминучая.

— Отецъ! сказала мельничиха, чего же еще лучше желать для нашей Фихенъ?

— Жена, сказалъ старикъ и непремѣнно бы затопалъ ногами еслибы на нихъ были уже видѣты сапоги,—говорять тебѣ что ты этого не понимаешь! Чтобъ я отдалъ сыну Йохена Фосса который ведетъ со мною тяжбу, да ходитъ съ полною кошмою денегъ—мою дочь? мою любимую дочь? Да чтобъ я еще сказалъ бы ему: вотъ тебѣ она, но приданого я ей дать не могу потому что у меня ничего не осталось? Нѣтъ, жена, этому не бывать! Чтобъ я сталъ занимать платье въ которомъ Фихенъ будетъ стоять подъ вѣнцомъ? Нѣтъ! Сначала я долженъ опять разжиться!

Въ свѣтѣ часто бываетъ такъ. Счастье находится прямо предъ человѣкомъ, а когда онъ хочетъ протянуть къ нему руку, рука оказывается связанною цѣлями. Цѣли эти скованы исподоволь въ теченiе долгаго времени; онѣ скованы незамѣтно и прикрѣплены сзади, такъ что ихъ невозможно достать. Мельника сковала тяжба и прежнее плохое веденiе дѣла. Теперь, когда счастье было предъ нимъ, онъ не могъ его достать и тщетно волновался и сердился. Онъ могъ бы, пожалуй, войти въ новые долги, но тогда бы ему пришлось всю жизнь какъ каторжнику водочить за собою цѣль, а этого не допускала его честь.

На мельника жаль было смотрѣть. Онъ сторонился отъ всѣхъ и одинъ возился на мельницѣ и по хозяйству какъ будто стараясь навѣрстать въ одинъ день то что было улучшено въ теченiе многихъ лѣтъ. Наконецъ ему сдѣлалось легче: къ нему явился мой дядя Герзе.

— Здравствуйте, Фоссъ! Ну, наше дѣло въ порядкѣ.

Но старика не легко было увѣрить.

— Не вѣрится мнѣ что-то, господинъ засѣдатель.

— Когда я говорю, мельникъ Фоссъ, сказалъ господинъ за-
сѣдатель, досталь связку бумагъ и вошелъ въ комнату,—тог-
да слѣдуетъ вѣрить. Сегодня я у васъ какъ *notarius pu-*
blicus.

— Жена, сказалъ мельникъ, оставь насъ однихъ, а ты, Фи-
хель, зажги-ка намъ свѣчу.

Зажигать свѣчу было совсѣмъ не нужно; на дворѣ былъ бѣ-
лый день. Но старикъ видалъ какъ у президента въ присут-
ствіи всегда горѣла восковая свѣча и рѣшилъ что если за-
жечь свѣчу, то дѣло будетъ вѣрнѣе потому что будетъ болѣе
сходства съ присутствіемъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ шка-
фу, вынулъ очки и надѣлъ ихъ себѣ на носъ. Это было
олять лишнее: мельникъ не умѣлъ читать по писанному.
Но ему казалось что въ очкахъ онъ лучше все увидитъ и
пойметъ. Онъ поставилъ посреди комнаты столъ и два стула,
и они усѣлись.

Господинъ засѣдатель весьма явственно прочелъ бумагу
изъ которой оказалось что Ицигъ велѣдствіе поручительства
его, засѣдателя, соглашался оторочить уплату долга до Свя-
той Недѣли. Прочитавъ бумагу, господинъ засѣдатель сложилъ
ее, положилъ возлѣ себя и посмотрѣлъ на мельника съ та-
кимъ выраженіемъ какъ будто спрашивалъ его: „ну что ска-
жешь теперь“? Но старый мельникъ только кряхтѣлъ и че-
салъ себѣ голову.

— Мельникъ Фоссъ, гнѣвно сказалъ мой дядя, что значитъ
ваше кряхтѣнье? Вотъ тутъ приложена моя печать—смотри-
те: вотъ вокругъ написана моя должность: *Not. pub. im. saes.*,
а это вотъ подпись Ицига. Что написано, то написано.

— Это говоритъ и господинъ президентъ, сказалъ мель-
никъ и лицо его просвѣтлѣло.—Ужь что, говоритъ, написано,
то и написано.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того что говоритъ прези-
дентъ, мельникъ Фоссъ. Я поставленъ на то чтобы утвер-
ждать моею печатью всякія бумаги. И вотъ эта бумага избав-
ляетъ васъ отъ всякихъ затрудненій вплоть до самой Святой
Недѣли.

— Покорно васъ благодарю, сударь. Ну а потомъ-то что?
Мой дядя крякнулъ теперь въ свою очередь.

— Гмъ! Что потомъ? Потомъ.... слушайте мельникъ
Фоссъ!—дядя Герзе внезапно отложилъ въ сторону всю свою
важность и ласково посмотрѣлъ на стараго мельника—я

устроилъ вамъ отсрочку до Святой, устрою что-нибудь и по-слабъ. Я пришелъ сюда чтобы привести все въ ясность. Но для этого нужно чтобы вы разказали мнѣ все ваши дѣла и показали бы все бумаги.

Мельникъ согласился и началъ разказывать. Отъ его разказа у всякаго другаго помутилось бы въ головѣ и всякій не на шутку испугался бы, глядя на то какой ворохъ бумагъ онъ выложилъ на столъ. Но мой дядя Герзе любилъ распутывать узлы и разгадывать загадки. Онъ терпѣливо слушалъ и терпѣливо перечиталъ все бумаги, но все-таки ничего не понялъ.

— Мельникъ Фоссъ, спросилъ онъ наконецъ, больше у васъ ничего нѣтъ?

— Ничего нѣтъ, сударь, сказалъ мельникъ и весь поникъ, точно зелень которую хватало морозомъ. — Вотъ еще мое условіе со Ставенгагенскимъ окружнымъ правленіемъ.

Мой дядя взялъ условіе и разсѣянно началъ читать его. Онъ видимо также упалъ духомъ. Но вдругъ онъ подскочилъ на своемъ стулѣ.

— Что это такое? Мельникъ! да вы черезъ два года будете милліонеромъ! Весь Ставенгагенскій округъ и самый городъ Ставенгагенъ обязаны молоть муку только на вашей мельницѣ. Это сказано въ параграфѣ четвертомъ. А вотъ параграфъ пятый: „за каждую четверть смодотаго зерна, мельникъ имѣетъ право требовать себѣ четверть какъ вознагражденіе за трудъ“.

— Гарнецъ, господинъ засѣдатель! воскликнулъ старый мельникъ и тоже вскочилъ со своего мѣста. — Отъ каждой четверти одинъ гарнецъ!

— Нѣтъ, четверть! Вотъ здѣсь написано: за каждую четверть—четверть. А что написано, то написано, мельникъ. Господинъ президентъ внизу и печать свою приложилъ.

— Господинъ засѣдатель, у меня голова пошла кругомъ. Это вѣроятно ошибка.

— Кто ошибся, тотъ и платись, а что написано, то написано. Вѣдь самъ же президентъ говоритъ это.

— Говорить, сударь, сказалъ мельникъ. Я даже лобожиться готовъ что это его слова.

Предъ старымъ мельникомъ открылась надежда на избавленіе отъ жидовскихъ даянъ и на полученіе несмѣтнаго количества четвертей зерна и денегъ. Весь округъ обязанъ былъ молоть у него, никто не могъ миновать его мельницы.

— Господинъ засѣдатель, воскликнулъ онъ,—это дѣло значитъ все поправится. Только одно вотъ....

— Фоссъ! сердито сказалъ мой дядя,—перестанете ли вы сомнѣваться? Говорятъ вамъ что дѣло совершенно ясно.

— Такъ-то такъ, сударь, да мнѣ вотъ что пришло въ голову: что же мнѣ дѣлать съ мѣшками?

— Съ какими мѣшками?

— А въ которыхъ привозятъ зерно. Зерно-то все пойдетъ въ мою пользу, ну а мѣшки-то кому же должны достаться?

— Гмъ! сказалъ мой дядя, это трудный юридическій вопросъ, мельникъ, я о немъ еще не думалъ, а въ условіи о немъ ничего не сказано. Но если вы хотите знать мое мнѣніе, то я совѣтовалъ бы вамъ пока удерживать мѣшки у себя. Что говоритъ Любское право? *heati possidentes*, то-есть что кому попало въ руки, то каждый и держи въ рукахъ. Ну, мельникъ, теперь я васъ во всемъ выручилъ. Но помните только одно условіе: молчите! Не говорите про это дѣло ни съ однимъ человѣкомъ—слышите!—Съ Ицигомъ я перетолкую чтобъ онъ вмѣсто денегъ бралъ у васъ уплату зерномъ. Къ Святой Недѣлѣ все Богъ дастъ уладится и затѣмъ....

— А что же затѣмъ-то будетъ, господинъ засѣдатель?

— А затѣмъ пойдетъ уже чистая прибыль. Только помните, мельникъ: никому ни слова!

Мельникъ обѣщалъ молчать и господинъ засѣдатель уѣхалъ. Генрихъ и Фихенъ видѣли какъ онъ, сѣвъ въ повозку, кивалъ мельнику и прикладывалъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.

— Фихенъ, сказалъ Генрихъ,—я не умѣю скрывать, а люблю дѣлать все напрямки. Пойду къ твоему отцу и поговорю съ нимъ.

— Стулай, сказала Фихенъ.—Но еслибъ она знала что произошло со старикомъ, она посовѣтовала бы Генриху подождать.

И дѣйствительно, съ мельникомъ Фоссомъ происходили удивительныя дѣла. Утромъ онъ считалъ себя бѣднякомъ и не хотѣлъ отдавать свою единственную дочь безъ приданого. Вечеромъ онъ вообразилъ себя богатымъ человѣкомъ и говорилъ что его дочери нѣтъ надобности выходить замужъ за перваго встрѣчнаго, что она можетъ сдѣлаться мадамой не хуже другихъ. Перемѣна обстоятельствъ произошла слыш-

комъ скоро. Мельникъ самъ не зналъ хорошо что съ нимъ дѣлается и втайнѣ боялся и безпокоился о томъ что все что онъ хочетъ предпринять будетъ неправильно и не такъ какъ бы оно должно быть.

„Впрочемъ, утѣшалъ онъ самъ себя, — президентъ самъ сказалъ: что написано, то написано. А что законъ и что нѣтъ—это засѣдатель долженъ знать лучше моего.“

Мельнику даже и въ спокойномъ состоянiи трудно бывало придти къ какому-нибудь рѣшенiю. Теперь это сдѣлалось для него совсѣмъ невозможнымъ. Когда Генрихъ пришелъ къ нему просить руку Фихенъ, старикъ началъ говорить про свою тлѣбу и сказалъ чтобы Генрихъ не думалъ что онъ, мельникъ,—разорившiйся человекъ: какъ ни стараются добрые люди, а все не могутъ его потопить. Генрихъ возразилъ что онъ это очень хорошо знаетъ и что у него такой планъ: пусть мельникъ отдаетъ за него свою Фихенъ и живетъ у него на локоѣ вмѣстѣ со своею женой, а условiе на мельницу пусть онъ продастъ ему, Генриху. Но мельникъ заявилъ что его не скоро надуешь и что въ особенности онъ не допуститъ обмануть себя такому молокососу какъ Генрихъ. Условiе на мельницу! Шуточное дѣло! Разумѣется Генриху прiятно получить себѣ это условiе, да только нужно прежде спросить его, старика, согласенъ ли онъ будетъ его уступить. А ужъ если рѣчь пошла про условiе, то пусть Генрихъ знаетъ что условiе это онъ не продастъ даже и царю, елибы за его Фихенъ сталъ свататься царь. Генрихъ не ожидалъ такой рѣчи послѣ всего предшествовавшего. Онъ разгорячился въ свою очередь и сказалъ чтобы мельникъ прямо говорилъ: да или нѣтъ, хочетъ онъ отдать за него свою дочь или не хочетъ. Старикъ быстро отвернулся, началъ глядѣть въ окно и сказалъ: нѣтъ! Генрихъ также повернулся и пошелъ въ дверь, а черезъ полчаса Фридрихъ стоялъ на дворѣ мельницы съ запряженною повозкой Генриха и звалъ его. Генрихъ вышелъ съ Фихенъ изъ сада. Фихенъ была очень блѣдна, но совершенно спокойна. Она сказала: „Генрихъ, я сдержу слово которое я тебѣ сказала, а ты сдержи свое!“ Генрихъ кивнулъ головою и пожалъ ей руку. Потомъ онъ подошелъ къ мельничихѣ, стоявшей въ дверяхъ, простился съ нею, сѣлъ на повозку и шагомъ выѣхалъ съ мельницы.

Когда онъ услѣлъ уже нѣсколько отъѣхать, кто-то крикнулъ его имя. Онъ оглянулся и увидѣлъ Фридриха.

— Генрихъ! куда вы ѣдете?

— Въ Ставенгагенъ.

— Ночуете вы тамъ?

— Я думаю что ночую у хлѣбника Витта. Мнѣ нужно сначала поговорить съ господиномъ президентомъ.

— Это вы умно придумали, Генрихъ. Сегодня мнѣ также нужно быть по дѣлу въ замкѣ, и можетъ-быть нужно будетъ съ вами поговорить. Не уѣзжайте пока я не приду, а приду я полозднѣе, когда совсѣмъ управлюсь.

Генрихъ обѣщаль его подождать и поѣхаль въ Ставенгагенъ. На дорогѣ ему встрѣтился хлѣбникъ Виттъ который везъ зерно на мельницу.

— Генрихъ, сказалъ онъ,—заѣзжайте-ка ко мнѣ. Я къ сумеркамъ вернусь домой и мы съ вами потолкуемъ.

Вечеръ давно уже наступилъ и хлѣбникъ давно уже сдѣлалъ дома, а Генрихъ все еще былъ въ замкѣ у президента. Фридрихъ также пришелъ и тоже отправился въ замокъ.

— Дочка, говорилъ старикъ Виттъ,—на мельницѣ что-нибудь да случилось! Вотъ помани ты мое слово. Сама старуха сидитъ и реветъ. Это, положимъ, еще ничего: у нея глаза всегда были на мокромъ мѣстѣ. Но мнѣ не нравится что Фихенъ молчитъ и не говоритъ ни слова старику, какъ онъ ни бранится и ни шумитъ. А старика сегодня и не поймешь, точно на него что напало. Я говорю ему: отецъ, когда мнѣ прѣвзжать за мукой? а онъ отвѣчаетъ: мнѣ, говоритъ, сначала нужно объ этомъ справиться въ моемъ условіи. Я говорю что мнѣ мука нужна на будущей недѣлѣ, а онъ говоритъ что ему это все равно, что онъ дѣйствуетъ по своему условію. Я сталъ уже уѣзжать, а онъ кричитъ мнѣ вслѣдъ: если, говоритъ, съ твоею мукой случится какое чудо, такъ ты, говоритъ, сходи къ засѣдателю Герзе, онъ тебѣ растолкуетъ въ чемъ дѣло.

— Да, чудитъ старикъ, сказала дочь хлѣбника.

Въ это время вошелъ Генрихъ. Онъ былъ очень молчаливъ и озабоченъ. Когда хлѣбникъ началъ разказывать про мельника и про его странное обращеніе, Генрихъ перебилъ разговоръ:

— Хотите вы сдѣлать мнѣ одолженіе, Виттъ?

— Почему же не сдѣлать, сказалъ хлѣбникъ.

— У васъ бываетъ много народа а въ конюшнѣ у васъ есть мѣсто. Я хочу продать мою лошадь и повозку. Не можете ли вы мнѣ въ этомъ?

— Почему не помочь, сказалъ хлѣбникъ.—Только Генрихъ, прибавилъ онъ немного погодя и видно было какъ онъ собиралъ мысли въ одну нить къ которой можно было бы прицѣпить дальнѣйшій разговоръ,—только, Генрихъ, куда же вамъ слѣзть? Лошади теперь дешевы. Почему? А кто ихъ знаетъ! Должно-быть по той причинѣ что никто не можетъ поручиться что Французы не уведутъ ихъ какъ-нибудь ночью изъ стойла. Онѣ подорожаютъ, вотъ ты увидишь. Подожди еще нѣсколько дней. Всѣ пойдутъ противъ Французовъ, вотъ помани мое слово.

— Я это тоже слышалъ сейчасъ отъ человѣка который это дѣло знаетъ лучше насъ обоихъ, Виттъ. Но именно, поэтому я и хочу отдѣлаться отъ лошади и отъ ловозки.

— Да, сказалъ Фридрихъ который во время этого разговора вошелъ въ комнату,—да, лошади дорожаютъ, а женскій полъ сталъ ладать въ цѣнѣ. Если запахнетъ порохомъ, на лошадей будетъ большой запросъ, а на женщинъ—совсѣмъ его не будетъ. А когда дѣло кончится и половину молодыхъ парней перебьютъ, тогда и того меньше станутъ обращать вниманія на бабъ. Порохомъ залахнетъ, это вѣрно. Вчера въ Бранденбургѣ меня отвелъ въ сторону какой-то господинъ который бывалъ въ дѣлахъ, ужъ это сейчасъ видно по приемамъ: я, говорить, вижу что ты тоже изъ военныхъ, такъ, говорить, если хочешь, у меня сейчасъ для тебя есть олять мѣстечко. Я сказалъ что подумаю; ну, вчера еще мнѣ было о чемъ думать, а сегодня не о чемъ. Я точно ушелъ отъ Прусаковъ. Да вѣдь почему? стали меня заставлятъ дѣтей укачивать у нашего полковника! Я и вчера-то только потому хотѣлъ подумать что полагалъ какъ бы не пришлось, можетъ, своихъ дѣтей качать. Ну, а сегодня нечего мнѣ больше думать и я поступаю на службу противъ Французовъ. У меня, хлѣбникъ Виттъ, нѣтъ никого кто присмотрѣлъ бы за моимъ добромъ: если вы услышите что я ушелъ съ мельницы, возьмите къ себѣ мой сундукъ. Ну, а пока прощайте, мнѣ олять нужно идти домой.

Онъ ушелъ. Генрихъ пошелъ за нимъ.

— Фридрихъ! что это все значить?

— Что это значить? спросилъ Фридрихъ.—Я вамъ это скажу: два салага пара,—вотъ это что. Съ нами обоими случилось одно и то же, только ваша Фихенъ плачетъ, а моя Софья смѣется. Я, изводите видѣтъ, слшскомъ для нея старъ. Ну,

и это не бѣда! Въ Бранденбургѣ я не показался старымъ; что одному не съ руки, то другому въ самый разъ: на всѣхъ не угодишь.

— Фридрихъ, вполголоса отвѣтилъ Генрихъ, — не говори такъ громко. Ты хочешь поступить въ солдаты? Я тоже хочу надѣть красную шапку.

— Что? вы хотите идти въ солдаты?

— Тихе! да, я тоже хочу идти. У меня нѣтъ никого родныхъ и я одинокъ-одиношенекъ на бѣломъ свѣтѣ. Я говорилъ со старымъ президентомъ. Онъ обѣщалъ мнѣ наболюсти за моимъ имуществомъ. Мельницу свою я могу всегда сдать въ аренду, а лошадь и повозку продать.

— Ура! закричалъ Фридрихъ. — Давай руку, товарищъ! Я съ перваго же раза увидалъ что изъ тебя выйдетъ настоящій служивый.

— Да, сказалъ Генрихъ, это все хорошо: желаніе-то у меня есть, да какъ это дѣло одѣлать?

— Другъ, если у кого что дурное на умѣ, чортъ сейчасъ покажетъ ему дорогу. Господь Богъ тоже насъ не оставитъ, потому что мы идемъ за отечество. Вотъ видишь: мнѣ теперь нельзя ничего сдѣлать, я долженъ оставаться у мельника до Святой. А ты поѣзжай завтра прямо въ Бранденбургъ и спроси въ гостиницѣ, въ которой мы были, высокаго старика съ седыми усами и рубдомъ на правой щекѣ. Ты его скоро разыщешь. Ему ты скажешь про себя и про меня: Фридрихъ Шультъ желаетъ моль олять сражаться противъ врага и ужь служилъ де прежде въ военной службѣ. Про то что я сбѣжалъ изъ-за ребятъ можешь промолчать. Когда все будетъ устроено, дай мнѣ знать, я тогда явлюсь.

— Ладно! воскликнулъ Генрихъ. — Поклонись Фихень, Фридрихъ, и скажи ей чтобъ она не унывала, что я сдержу свое слово.

— Скажу. А пока—доброй ночи.

— Доброй ночи!

Фридрихъ пошелъ. Генрихъ остановился и сталъ прислушиваться къ звуку его шаговъ. Съ угла до него донесся голосъ Фридриха разговаривавшаго съ самимъ собою:

— Дюмурье! проклятые Французы!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

О томъ какая кутерьма произошла въ свѣтъ, въ Ставенгагенъ и на мельницѣ. Почему мельникъ и Фридрихъ поѣхали въ Ставенгагенъ, а Фихенъ отправилась вслѣдъ за ними.

Французы не показывались болѣе въ нашей сторонѣ; но отъ этого не сдѣлалось тише. Поднялось ополченіе. Господникъ президентъ былъ избранъ начальникомъ, а помощникомъ его состоялъ капитанъ Гришовъ. Ополченцы были вооружены ликами и только одинъ пасторъ Шаръ заказалъ себѣ у слесаря алебарду. Дядя Герзе сформировалъ особый корпусъ стрѣлковъ; онъ состоялъ изъ двадцати человекъ и всѣ они имѣли охотничьи ружья, а крестьянскіе парни ослѣдвали своихъ возовыхъ лошадей и ѣздили на нихъ верхомъ, навѣсивъ на себя преогромныя сабаи. Чтò за потѣха! скажутъ современные умники,—одинъ полкъ Французовъ разогналъ бы весь этотъ народъ!—Это очень возможно. Но духъ которымъ одушевлены были эти люди Французы не могли бы уничтожить; можно было смѣяться надъ частностями, но надъ общимъ движеніемъ, охватившимъ Германію, никто не смѣялся въ то время, не смѣялся даже самъ Бонапартъ.

Въ одинъ и тотъ же день по всей Нижней Германіи, отъ Вислы до Эльбы, отъ Нѣмецкаго моря до Берлина, пронеслась вѣсть: Французы идутъ! Теперь говорятъ что этотъ слухъ пущенъ былъ нарочно чтобы посмотреть что сдѣлаетъ Нижняя Германія. Можетъ это и правда; но Нижняя Германія показала что она готова постоять за себя. Всюду раздавался набатъ. Всѣ деревни поднялись разомъ, все задвигалось, все замаршировало. *Одинъ* Французскій полкъ долженъ былъ бы быть очень великъ еслибъ онъ вдумалъ вездѣ зажигать пожаръ.

Ставенгагенцы выступили по направленію къ сосѣднему городу; говорили что Французы тамъ. Сосѣднее ополченіе направилось къ Ставенгагену: до нихъ дошелъ слухъ что Французы у насъ. Да! завязалась кутерьма! На площади ополченцевъ дѣлили на роты и отдѣленія. Дѣло это поручено было гослодину Дрозу и Фридриху потому что они разумѣли кое-что въ военномъ искусствѣ; но обыватели не слушали ихъ за томъ основаніи что одинъ—Французъ, а другой—работ-

никъ. Никто не хотѣлъ становиться во второй рядъ. Саложникъ Даукертъ не соглашался на это потому что саложникъ Банкъ стоялъ въ первомъ ряду; сборщикъ податей не шелъ во второй рядъ оттого что ткачъ Сталь при командѣ: *впередъ!* щекоталъ его тупымъ концомъ своей пики, а онъ щекотки не могъ переносить. На выгонѣ мой дядя Герзе все время училъ своихъ стрѣлковъ, чрезвычайно горячился и постоянно велъ ученіе всему корпусу, то-есть всѣмъ двадцати человѣкамъ. Главная команда его была: „жарь его, жарь!“ и по этому слову всѣ должны были стрѣлять сразу, сначала холостыми зарядами, потомъ дробью. Боевые заряды были однако отбиты по второму же разу, послѣ того какъ застрѣлили нечаянно леструю корову доктора. Говорили что виноватъ былъ въ этомъ портной, но дѣло такъ и не разобрали. Наконецъ всѣ были поставлены по ранжиру; капитанъ Гришовъ скомандовалъ: *направо кругомъ!* и всѣ кучею замаршировали изъ города. За городскими воротами каждый сталъ однако искать гдѣ бы ему пройти посуше и олошечны потянулись одинъ за другимъ точно стадо гусей.

На горѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ города, олошечіе остановилось и начало поджидать господина президента. Господинъ президентъ былъ слишкомъ старъ чтобъ идти лѣшкомъ; верхомъ ѣздить онъ не умѣлъ; итакъ онъ лѣжалъ воевать въ коляжѣ. Онъ сидѣлъ чество чество въ своей огромной высокой коляскѣ, а предъ нимъ, на передней лавочкѣ, лежала его сабля... Когда президентъ подѣхалъ, войска его закричали ему *ура*, а онъ остановился и произнесъ къ нимъ рѣчь:

— Дѣти мои! мы не солдаты и навѣрное надѣлаемъ глупостей. Но это ничего. Кому на насъ смѣшно, тотъ пусть смѣется себѣ на здоровье. Мы будемъ исполнять нашъ долгъ, а долгъ нашъ состоитъ въ томъ чтобы показать Французамъ что каждый изъ насъ стоитъ готовымъ на своемъ мѣстѣ. Плохо только то что я ничего не смыслю въ военномъ искусствѣ и потому я заблаговременно присмотрѣлъ себѣ человѣка который это дѣло понимаетъ. Господинъ Дрозъ! садитесь ко мнѣ въ коляску и когда неприятель появится, скажите мнѣ что нужно дѣлать. Я, дѣти, васъ не покину. А теперь съ Богомъ впередъ за отечество!

— *Ура!* закричало олошечіе и всѣ тронулись впередъ на враговъ.

Изъ сосѣднихъ деревень явились лоденщики съ навозными вилами, цѣлами и также примкнули къ войску.

— Ванюша Геймцъ, сказалъ мой дядя Герзе своему адъютанту, лоденщики эти будутъ у насъ нерегулярнымъ войскомъ. Въ свое время и на своемъ мѣстѣ они очень могутъ пригодиться; примѣръ этому мы видѣли на казакахъ. Но отъ нихъ можетъ легко произойти замѣшательство въ регулярномъ войскѣ. Поэтому держитесь кучей и когда начнется сраженіе тогда помните только одно: *жарь!*

Кавалерію отправили впередъ на развѣдку. У старика управляющаго Николаи, да еще у лисаря, были листолеты. Время отъ времени они стрѣляли изъ нихъ на воздухъ, вѣроятно чтобы напугать Французовъ. Кавалерія скоро доѣхала до сосѣдняго города; но Французовъ тамъ не оказалось. Когда развѣдчики доложили объ этомъ господину президенту, онъ сказалъ:

— Дѣти, мнѣ кажется что на нынѣшній день съ насъ довольно. Вернемтесь-ка телерь назадъ чтобы засвѣтло поспѣть домой. А? не такъ ли?

Всѣ наши что это прекрасная мысль. Калитанъ Гришовъ скомандовалъ: направо кругомъ! и войско отправилось домой. Нѣсколько человѣкъ остановились по дорогѣ въ шпакѣ и оказали тамъ чудеса неустрашимости.

На возвратномъ лутѣ ткачъ Сталь подошелъ къ господину президенту:

— Съ вашего позволенія, господинъ президентъ: не позволите ли вы мнѣ положить къ вамъ въ коляску мою лику?

— Съ удовольствіемъ, мой милый.

Вслѣдъ за ткачомъ подошелъ саложникъ Даукертъ; за нимъ подошелъ портной; за портнымъ явилось еще нѣсколько человѣкъ и наконецъ всѣ обратились къ президенту съ одинаковою просьбой. Когда онъ вѣзжалъ въ Ставенгагенъ, его старинная коляска имѣла видъ военной колесницы изъ времянь персидскихъ и римскихъ войнъ.

На площади засѣдатель Герзе три раза скомандовалъ: *жарь!* и посѣвъ троекратнаго залпа всѣ разошлись по домамъ, весьма довольные собой. Недоволенъ былъ только одинъ мой дядя Герзе.

— Ванюша Геймцъ, сказалъ онъ своему адъютанту, у насъ никогда не будетъ никакого толку. Зачѣмъ старикъ президентъ не позволяетъ мнѣ зажечь вѣтрянныя мельницы?

Итакъ на бѣломъ свѣтѣ была кутерьма. На Гиловской мельницѣ дѣла шли еще чудше. Люди привозили зерно и не получали муки. Мельница не работала и зерно ссыпалось въ закромы. Жидъ Ицигъ прѣвзжалъ и увозилъ мѣшокъ за мѣшкомъ и каждый разъ когда онъ сѣвжалъ со двора, мельникъ говорилъ:

— Ну, слава Богу! я улаптилъ еще тридцать или сорокъ талеровъ!

Но мельникъ не былъ веселъ, а напротивъ все болѣе падалъ духомъ. Только когда къ нему являлся господинъ заседатель и ободрялъ его, мельникъ опять поднималъ голову и бралъ на словахъ города. Но когда его жена начинала плакать, а Фихенъ, будто нѣмая, молча двигалась по комнатѣ, у мельника опять становилось непокойно на душѣ и онъ громкими разговорами старался заглушить свой страхъ. Когда Фихенъ—а это случалось часто—брала его за руку или бросалась къ нему на шею и со слезами на глазахъ спрашивала: „отецъ! да что же это съ тобою? что значить все что ты дѣлаешь?“ тогда мельникъ бормоталъ ей въ отвѣтъ что-то непонятное. Если на него находилъ хорошій стихъ, онъ цѣловалъ свою дочь и говорилъ чтобъ она подождала, что ей будетъ хорошо. Если же у него очень ужъ щемило сердце, тогда онъ отстранялъ ее отъ себя и рѣзко объявлялъ что это не женское дѣло и что онъ лучше знаетъ что ему нужно дѣлать.

Всеобщее недоразумѣніе должно было наконецъ разъясниться когда хлѣбникъ Виттъ потребовалъ свою муку. Сначала онъ послалъ за нею работника, потомъ прислалъ залуску и наконецъ явился самъ. Поднялся шумъ, подвдвдлась брань. Увѣжая съ мельницы, хлѣбникъ выпалилъ въ мельника „мошеникомъ“ и пригрозилъ ему жалобой. Съ каждымъ днемъ пошли все новыя непріятности. Приближалась Святая Недѣля; множество зерна привозилось на мельницу изъ сѣдѣвшихъ деревень и отъ городскихъ обывателей. Дѣла мельника процвѣтали, но гроза надвигалась все ближе и ближе. На мельницу явился приставъ узнать въ чемъ дѣло; мельникъ наговорилъ ему что-то совершенно непонятное про свое условіе и про свои права. За день до Свѣтааго Воскресенья Ицигъ увезъ послѣднее зерно, и мельникъ за обѣдомъ сказалъ женѣ и дочери что теперь онъ развязался съ Жидомъ. Но жена и дочь промолчали и мельникъ не весело встрѣтилъ Свѣтаый Праздникъ потому что въ душѣ онъ самъ не вѣрилъ что въ

будущемъ все точно устроится для него благополучно. На третій день праздника опять прѣѣхалъ приставъ и сказалъ мельнику чтобъ онъ на завтра явился въ правленіе. То же самое онъ объявилъ и Фридриху.

— А какъ мнѣ вздумается, сказалъ Фридрихъ.—Хочу приду, не захочу—дома останусь.

Ему пришли на умъ слова президента: „я тебѣ помочу“ и онъ залѣтушился.

— Если ты не явишься, сказалъ ему приставъ, тебѣ за это придется отвѣчать.

— У васъ вотъ всегда такъ, отвѣтилъ Фридрихъ. Сами заваряютъ кашу, а другіе изволь ее расхлебывать. Ну да впрочемъ мнѣ завтра какъ ни какъ, а все нужно быть въ Ставенгагенѣ. Я отжилъ свой срокъ у мельника.

— Какъ же! сказалъ мельникъ.—Нѣтъ, братъ, я тебя напишамъ до Иванова дня.

На слѣдующій день мельникъ поѣхалъ съ Фридрихомъ въ Ставенгагенъ. Никто изъ нихъ не сказалъ по дорогѣ ни слова. Когда они прѣѣхали на площадь, Фридрихъ хотѣлъ заворачивать къ хлѣбнику Витту.

— Стой! воскликнулъ мельникъ, я у него не останавливаюсь. Стулай дальше.

— Слушайте, сказалъ Фридрихъ, соскочилъ съ повозки и кинулъ вожжи мельнику, поѣжайте-ка съ Богомъ куда знаете. Я пойду къ Витту.

И съ этими словами онъ ушелъ. Въ прежнее время мельникъ не потерпѣлъ бы такой выходки и отдѣлалъ бы какъ слѣдуетъ даже и самого Фридриха. Но на этотъ разъ онъ ничего не сказалъ. Это былъ уже не прежній мельникъ. Съ глубокимъ вздохомъ поѣхалъ онъ далѣе, оставилъ лошадь у другаго хлѣбника и пошелъ къ господину засѣдателю.

Повозка не успѣла еще выѣхать съ мельницы, какъ Фихенъ, приварядившись въ свое лучшее платье, вошла къ матери. Та сидѣла и плакала.

— Матушка, мнѣ нѣтъ покоя. Сегодня должно рѣшиться останемся ли мы на мельницѣ, или нѣтъ. Батюшка что-то надѣлалъ...

— Глулостей онъ надѣлалъ, вотъ что! воскликнула мельничиха.

— Я пойду за нимъ вслѣдъ. Я стану просить господина президента и его жену, или кого тамъ будетъ нужно, теперь я и сама не знаю. Господь наставитъ меня что мнѣ сказать.

— Стулай, Фихенъ, сказала мать.

Фихенъ пошла. Повозка мельника еще видѣлась впереди на дорогѣ. Въ Ставенгагенѣ Фихенъ по обыкновенію отправилась къ хлѣбнику Витту. Ей сказали что хлѣбника нѣтъ дома, что онъ ушелъ въ правленіе. Она вошла въ комнату. Здѣсь сидѣлъ Фридрихъ и разговаривалъ съ какимъ-то солдатомъ который сидѣлъ къ ней спиной. Увидавъ ее, Фридрихъ вскочилъ.

— Дюмурье! Фихенъ! вы это откуда?

Солдаты тоже вскочилъ. Господи! да что же это могло значить? Солдатомъ оказался Генрихъ. Онъ обнялъ ее:

— Фихенъ! милая моя Фихенъ! Развѣ ты меня не узнаешь?

Ахъ! Какъ она могла не узнать его! Она громко вскрикнула:

— Генрихъ! ты пошелъ въ солдаты!

— Помилуйте, воскликнулъ въ свою очередь Фридрихъ,—да что вы это? Чему вы удивляетесь? Что же теперь и дѣлать хорошему человѣку какъ не воевать?

Фихенъ не слышала его словъ. Ее все преслѣдовала одна мысль:

— Ахъ, Господи! и въ этомъ все виноватъ отецъ! Что съ нимъ? Что же это онъ дѣлаетъ?

— Фихенъ, сказалъ Генрихъ, — расчетъ меня ему нечего безлокоитья. Сначала я точно хотѣлъ только куда-нибудь уйти. Куда—это было для меня все равно. Но теперь дѣло другое. Теперь я знаю зачѣмъ я пошелъ въ солдаты и за что я буду сражаться. Теперь я понялъ что это значитъ когда товарищъ идетъ рука объ руку съ товарищемъ, что значитъ когда цѣлый полкъ несетъ за отечество свою жизнь на бранное поле. И вотъ что я тебѣ скажу. Ты знаешь какъ ты мнѣ дорога. Но еслибы ты сегодня отдала мнѣ свою руку, я не могъ бы ее взять. Я долженъ идти противъ врага. Но сердце твое я возьму съ собою.

— Вотъ какъ у насъ говорятъ настоящіе-то люди! воскликнулъ Фридрихъ.

— Хорошо, Генрихъ, сказала Фихенъ,—ты правъ. Иди. Но когда ты вернешься, не ищи насъ здѣсь. Надъ нами обрушилось несчастіе. Намъ скоро придется, можетъ-быть, покинуть мельницу.

— Полно тебѣ, Фихенъ, сказалъ Фридрихъ.—Старикъ точно накуралесилъ и по самую голову забрелъ въ воду. Да это еще

все не бѣда, у него еще есть друзья которые не дадутъ ему утонуть.

— Кто же можетъ ему помочь? сказала Фихенъ.— Она сѣла и уронила руки на колѣна.— Никто не знаетъ что онъ забралъ себя въ голову.

— Генрихъ кое-что знаетъ, сказалъ Фридрихъ. Сегодня къ нему прилетѣла утромъ лѣтка и что-то ему лѣла. Пусть онъ тебѣ пока это поразкажетъ, а я пойду. Мнѣ нужно въ правленіе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Почему мельникъ остался при томъ что разъ написанное такъ и остается написаннымъ.— Почему господинъ президентъ ухватилъ Фрица Зальмана за ухо, а мой дядя Герзе никакъ не могъ справиться съ мыслями.— Чѣмъ кончается вся эта исторія и какой у нея прекрасный конецъ.

Итакъ Фридрихъ ушелъ, а Фихенъ съ Генрихомъ остались одни. Старикъ президентъ сидѣлъ въ замкѣ посреди своей комнаты. На немъ былъ надѣтъ лудромантель; президентъ сидѣлъ и сердился.

— Гетхенъ, говорилъ онъ,— твой лудромантель меня душитъ.

— Что ты, Веберъ! Какъ онъ можетъ тебя душить?

— Гетхенъ, онъ меня душитъ. Я не турецкій паша. Это они только заранѣе пробуютъ каково имъ будетъ давиться шелковымъ снуркомъ.

— Ну, телерь хорошо?

— Гмъ! да телерь лучше. А все же это очень непріятно.

— Что непріятно, Веберъ?

— До вотъ эта исторія съ Гиловскимъ мельникомъ. Помогу старикъ сошелъ съ ума, хотя дѣло и похоже на мошенничество.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Да, поди вотъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ оставилъ у себя все зерно которое ему привозили молотъ и, говорятъ, продалъ его Ицигу. Ты что это смотришь въ окно, Гетхенъ?

— Да вотъ мельникъ самъ идетъ съ засѣдателемъ Герзе.

— Съ засѣдателемъ Герзе? воскликнулъ старикъ, всталъ и подошелъ къ окну.— Что же дѣлаетъ засѣдатель, Гетхенъ?

— Онъ разговариваетъ съ мельникомъ.

— Да еще какъ въ разговоръ-то углубился, Гетхенъ!

Лицо президента просвѣтлѣло и на немъ проявилась веселая улыбка.

— Слава Богу! теперь я увѣренъ что мельникъ не сдѣлалъ никакого мошенничества. Онъ просто натворилъ какихъ-нибудь глупостей которымъ научилъ его засѣдатель Герзе.

— Но вѣдь засѣдатель добрый и честный человекъ.

— Да, Гетхенъ. Только онъ все штуки строитъ, все строить штуки!

Съ этими словами господинъ президентъ пошелъ въ присутствіе. Въ передней стояли старикъ Роггенбомъ, хлѣбникъ Виттъ, староста Бессердихъ и еще человекъ двѣнадцать другихъ истцовъ. Всѣ они подали жалобы на мельника. Когда онъ вошелъ съ господиномъ засѣдателемъ и увидалъ что всѣ лучшіе его друзья идутъ противъ него и что всѣ отъ него сторонятся, сердце у него упало и въ глазахъ совсѣмъ помутилось. Онъ принужденъ былъ держаться за руку господина засѣдателя и слабымъ голосомъ проговорилъ:

— Мой милый господинъ засѣдатель, мой милый господинъ засѣдатель! мнѣ что-то очень дурно.

Такого рода вещи заразительны. Мой дядя Герзе также почувствовалъ себя дурно. Въ первый разъ съ того времени какъ начала разыгрываться эта исторія, онъ сталъ смутно сознавать что дѣло вѣроятно кончится плохо. Въ головѣ его совсѣмъ перепуталось все что онъ хотѣлъ говорить въ пользу мельника. Когда старика Фосса позвали въ присутствіе и онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, въ головѣ у него былъ совершенный хаосъ. Осталась только одна внушительная наружность. Но и эта внушительность значительно поколебалась когда старый президентъ съ серіознымъ видомъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Чему я обязанъ честью видѣть васъ, господинъ засѣдатель?

Мой дядя Герзе былъ очень силенъ въ надеющихся отвѣтахъ. Но ему всегда нужно было дать сначала время. Онъ всегда долженъ былъ сдѣлать сначала большой обходъ прежде нежели приступить къ самому дѣлу. Вопросъ президента былъ слишкомъ коротокъ и простъ, а лицо его было слишкомъ серіозно. Дядя Герзе пробормоталъ что-то про свои права въ качествѣ общественнаго нотариуса и про то что онъ явился защищать мельника.

— Защищать? спросилъ президентъ, и по лицу его пробѣжала

насмѣшливая улыбка.—Прекрасно, господинъ засѣдатель. Постарайтесь садиться и слушать.

Мой дядя Герзе съѣлъ. Онъ былъ радъ что его сейчасъ же усадили потому что сидя онъ лучше могъ собрать свои мысли и привести ихъ въ порядокъ. Итакъ онъ началъ олять обдумывать свою рѣчь и мало-по-малу оправляться.

— Мельникъ Фоссъ, спросилъ президентъ,—получалъ ты отъ такихъ-то и такихъ-то людей зерно для помола? А? получалъ? не такъ ли?

— Да, господинъ президентъ.

— Куда дѣлось это зерно?

— Я продалъ его Ицигу, а мѣшки и телерь лежатъ у меня, господинъ президентъ. Я ихъ представлю въ правленіе.

— Ну что же, представь, это очень мило съ твоей стороны. Знаешь ли ты, мельникъ Фоссъ, что ты поступилъ незаконно и что все это очень смахиваетъ на обманъ?

— Господинъ президентъ, сказалъ мельникъ,—я поступалъ по своему праву.— И говоря это онъ утиралъ рукою холодный потъ выступившій отъ страха у него на лбу.

— Да, сказалъ мой дядя Герзе и поднялся со своего мѣста,—мы....

— Господинъ засѣдатель, сказалъ президентъ, у меня въ присутствіи свои порядки. Садитесь и слушайте.

Дядя Герзе былъ самъ виноватъ. Зачѣмъ ему нужно было вставать? Телерь онъ снова растерялся и олять долженъ былъ сѣсть чтобы снова собраться съ мыслями.

— Мельникъ Фоссъ что ты тамъ говоришь про твое право?

— Да какъ же сударь? Вы сами говорили мнѣ: что написано, то написано. А въ моемъ прошлогоднемъ условіи написано что я долженъ получать за помоль четверть за четверть.

— Гдѣ твое условіе?

— Вотъ оно, сказалъ мельникъ и подалъ президенту бумагу.

Президентъ прочелъ условіе и покачалъ головой.

— Гмъ! гмъ! Это удивительное дѣло!

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ:

— Позвать ко мнѣ Фрица Зальмана.

Фрицъ явился.

— Поди-ка сюда поближе, Фрицъ!

Фрицъ подошелъ. Господинъ президентъ ухватилъ его за ухо и подвелъ къ столу на которомъ лежало условіе мельника.

— Фрицъ, что я тебѣ всегда говорилъ? Не говорилъ ли я тебѣ что ты еще надѣлаешь бѣдъ съ твоею невнимательностью? Такъ вотъ и вышло. По твоей милости двое пожилыхъ людей натворили глупостей за которыя они могли бы дорого заплатить, еслибъ я не зналъ что кромѣ вздора тутъ ничего нѣтъ. Возьми перо. Зачеркни вотъ тутъ слово „четверть“ и напиши сверху „гарнецъ“.

Фрицъ сдѣлалъ что было ему приказано. Господинъ президентъ взялъ условіе и отдалъ его обратно мельнику:

— Вотъ твое условіе, мельникъ Фоссъ. Теперь все въ порядкѣ.

— Господинъ президентъ! воскликнулъ мельникъ,—да что же мнѣ теперь...

— Мельникъ, перебилъ его президентъ,—я поговорю съ тѣми кто на тебя жаловались. Они дадутъ тебѣ недѣлю сроку. Въ это время ты долженъ будешь или отдать имъ зерно, или заплатить за него деньги. Тебѣ можетъ быть плохо если ты этого не сдѣлаешь.

— Однако, господинъ президентъ... воскликнулъ мой дядя Герзе и опять поднялся съ мѣста.

Господинъ президентъ посмотрѣлъ на него. Дядя снова растерялся.

— Господинъ засѣдатель! садитесь и слушайте, серьезно сказалъ старый президентъ. У васъ нѣтъ дѣтей. Вы хорошо можете прожить съ тѣми средствами которыя вы имѣете. Откажитесь отъ обязанности общественного нотаріуса, а если вы не можете этого сдѣлать, не являйтесь болѣе въ этомъ качествѣ ко мнѣ въ присутствіе. Добра изъ этого для насъ съ вами не выйдетъ.

Съ этими словами президентъ повернулся спиной къ господину засѣдателю, позвонилъ и сказалъ:

— Пусть войдетъ работникъ мельника, Фридрихъ Шультъ.

Старый мельникъ совсѣмъ уничтоженный вышелъ изъ дверей. За нимъ вышелъ и мой дядя Герзе и по лицу его было видно какая буря кипѣла въ немъ. Въ дверяхъ онъ остановился и протянулъ впередъ обѣ руки; онъ собирался что-то сказать, но въ это время входилъ Фридрихъ и нѣсколько огорчивъ его къ сторонѣ. Дядя мой быстро взглянулъ на Фрицъ

риха, сторожъ затворилъ въ эту минуту дверь—и юридическая дѣятельность дяди покончилась навсегда: съ этого дня онъ оставилъ должность общественнаго нотаріуса.

— Другъ мой, сказалъ господинъ президентъ Фридриху, — подойди-ка поближе! Это ты хочешь жевиться на моей Софьѣ Бессердихъ?

— Нѣтъ, не я, сказалъ Фридрихъ.

— Какъ не ты? спросилъ президентъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Фридриха.— Да вѣдь это ты служишь у мельника?

— Нѣтъ, не я, сказалъ Фридрихъ и не пошевельнулъ ни единымъ пальцемъ.

— Да развѣ ты не работникъ мельника, не Фридрихъ Шультъ которому я еще разъ сказалъ что я его помню? А? Не такъ ли?

— Я точно Фридрихъ Шультъ, сударь. Только я теперь ужъ не у мельника, я отъ него отошелъ. Жевиться на вашей работницѣ я тоже не хочу. Отъ мельника я *отказался*, а она *лишь* отказала. Работникомъ я теперь тоже не состою потому что сегодня утромъ опять поступилъ въ солдаты.

— И съ Богомъ, другъ мой. Мнѣ кажется что это твое настоящее занятіе. Но у меня еще есть съ тобой счеты. Вѣдь ты первый снялъ чемоданъ съ лошади стрѣлка?

— Да.

— Ты открылъ чемоданъ и вынулъ оттуда деньги? Ты первый узналъ что находится въ чемоданѣ?

— Да, я вынулъ деньги, сказалъ Фридрихъ смѣло, — я въ этомъ и не залираюсь.

— Не горячись и слушай что я тебѣ буду говорить. Деньги эти остались безъ хозяина. Французы отъ нихъ отказались. Деньги эти нашелъ ты, и ты вступилъ во владѣніе ими потому что ты взялъ себѣ извѣстную часть изъ нихъ. Ну, слушай: есть на свѣтѣ еще человекъ и называется онъ *фиска*. Это человекъ мудреный; онъ хватаетъ все что только попадетса ему подъ руку и помѣшанъ на такихъ вещахъ къ которымъ не находится хозяина. Чемоданъ Француза совсѣмъ было уже находился въ лапахъ у этого *фиска*, но иной разъ и на него находить кротость если онъ увидить дѣйствительную, настоящую честность и кто-нибудь представить ему эту честность въ надлежащемъ свѣтѣ. Представить постарался я, и господинъ *фиска* отказался отъ денегъ въ

твою лодку. Вотъ какіе у меня съ тобой счеты. А вотъ, мой другъ, и деньги.

Президентъ снялъ сукно которымъ былъ накрытъ чемоданъ Француза:

— Фридрихъ Шульть! чемоданъ и деньги принадлежать тебѣ.

Фридрихъ стоялъ и смотрѣлъ то на президента, то на чемоданъ. Наконецъ онъ началъ чесать у себя за ухомъ.

— Ну что же? сказалъ старый президентъ и положилъ руку ему на плечо.—Ну, Фридрихъ, что же ты скажешь?

— Покорно васъ благодарю, господинъ президентъ. Только мнѣ это не съ руки.

— Деньги-то тебѣ не съ руки?

— Деньги-то годятся, сударь; да теперь-то онѣ мнѣ не съ руки. Жениться я раздумалъ и поступилъ въ солдаты. Куда я ихъ теперь дѣву?

— Гмъ, сказалъ старый президентъ и началъ большими шагами ходить по комнатѣ,—это удивительное дѣло.

Черезъ нѣсколько мгновеній президентъ остановился предъ Фридрихомъ и съ особымъ выраженіемъ посмотрѣлъ ему въ глаза:

— Фридрихъ Шульть! теперь мало у кого есть чистыя деньги. Я знаю семьи въ которыхъ отцы изъ-за денегъ готовы идти въ петлю, а жены и дѣти льютъ горькія слезы.

Фридрихъ поднималъ голову. Онъ взглянулъ въ глаза президенту. Въ нихъ какъ будто блеснулъ лучъ который прямо упалъ ему въ сердце. И на сердцѣ у него вдругъ стало тепло.

— Дюмуре! воскликнулъ онъ и схватилъ чемоданъ.—Теперь я знаю что мнѣ дѣлать, господинъ президентъ. Прощайте, сударь!

Онъ хотѣлъ выходить. Старый президентъ проводилъ его до двери и здѣсь взялъ его за руку:

— Фридрихъ Шульть! другъ мой! когда ты вернешься съ войны, приходи ко мнѣ. Ты мнѣ расскажешь какъ что было.

Присутствіе олуствѣло. Господинъ президентъ отправился въ комнату своей жены.

— Гетхель, сказалъ онъ,—что за удивительный человекъ этотъ работникъ съ мельницы, этотъ Фридрихъ! Если онъ вернется съ войны и придетъ опять ко мнѣ, да право! я больше обрадуюсь ему чѣмъ еслибы ко мнѣ въ гости приходила какая-нибудь принцесса!

Вышедъ изъ замка, мельникъ и мой дядя Герзе пошли по дорогѣ, не говоря ни слова; но причины ихъ молчанія были совершенно различныя. Мельникъ молчалъ потому что совершенно ушелъ въ самого себя; дядя Герзе молчалъ потому что былъ внѣ себя и не могъ никакъ приискать словъ. Наконецъ онъ разразился:

— И это называется разборомъ! Это называется рѣшеніемъ! Ужь этотъ мнѣ президентъ, свѣдой старичиска! Не дасть сказать слова! Мельникъ Фоссъ, мы пойдемъ далѣе. Мы перенесемъ дѣло во вторую инстанцію.

— Господинъ засѣдатель, слабымъ голосомъ сказалъ мельникъ,—я дальше не пойду. Будетъ съ меня. Мнѣ ужъ и такъ конецъ.

— Отецъ, сказалъ хлѣбникъ Виттъ который шелъ сзади и слышалъ слова мельника,—не мучь себя ужъ очень-то, это все поправится. А теперь пойдемъ-ка ко мнѣ, твоя Фихенъ тоже у меня.

— Моя Фихенъ?

Но хлѣбникъ не далъ ему много разговаривать и старый мельникъ пошелъ за нимъ въ его домъ точно малое дидя. Не бѣдность угнетала его, нѣтъ; его клонилъ къ землѣ позоръ.

Мой дядя Герзе не вошелъ въ домъ хлѣбника; онъ началъ ходить взадъ и впередъ предъ дверью и въ головѣ его забродили разныя мысли. У моего дяди всегда бывало множество мыслей и обыкновенно онъ разгуливалъ въ его головѣ въ видѣ маленькихъ, веселыхъ и хорошенькихъ ребятшекъ со свѣтлыми голубыми глазами. Ребятишки эти часто гонялись другъ за другомъ, разбѣгались въ разныя стороны, кувыркались, играли въ жмурки и дѣлали разные пустяки; но они всегда были одѣты по-праздничному, всегда принаряжены, и на нихъ бывало пріятно смотрѣть. Теперь, предъ дверью хлѣбника Витта, въ головѣ дяди толпилась куча маленькихъ оборванныхъ нищихъ; онъ никакъ не могъ ихъ отогнать; они все протягивали руки и кричали: „господинъ засѣдатель, помогите мельнику! вы его завели въ болото, вы теперь и вытаскивайте!“

„Боже мой“, говорилъ мой дядя, „оставьте меня въ покоѣ, разумѣется я ему помогу; я заложу мой домъ; но кто дастъ денегъ? откуда взять деньги?“ А маленькіе нищіе все продолжали приставать и чтобъ уйти отъ нихъ дядя взмолился на дворъ хлѣбникова дома.

На дворѣ стоялъ Генрихъ и сѣдлалъ своихъ двухъ лошадей, которыхъ онъ еще не продалъ. Мой дядя едва успѣлъ распознать его—такъ измѣнили Генриха усы и обмундировка—какъ въ ворота вошелъ Фридрихъ съ чемоданомъ въ рукахъ. Онъ такъ швырнулъ его въ закрому что внутри чемодана все зазвенѣло.

— Генрихъ! воскликнулъ онъ — чортъ разъ взвалилъ себѣ на плеча жерновъ да и говорить: по началу-то, говорить, все кажется тяжело....

Онъ увидалъ господина засѣдателя и остановился.

— Доброе утро, господинъ засѣдатель. Не прогнѣвайтесь, у меня до васъ есть просьба. Вы можете сдѣлать мнѣ большое одолженіе. Вотъ видите ли: мельникъ нанималъ меня до Иванова дня и собственно мнѣ и нужно бы жить у него по этотъ срокъ. Только мнѣ ужъ очень хочется идти на войну. Скажите ему что если онъ меня отпустить, то я дамъ ему взаймы Французовы деньги. Пусть онъ владѣетъ ими пока я не вернусь. Сегодня въ присутствіи деньги эти присудили мнѣ, а теперь онъ лежатъ вотъ тутъ, въ закромѣ.

Маленькіе нищія въ одно мгновеніе исчезли изъ головы моего дяди. Ребятишки въ праздничныхъ плащахъ олять явились на ихъ мѣсто и начали кувыркаться черезъ головы, да и самъ дядя едва было не перекувырнулся черезъ протанутую на дворѣ веревку, когда онъ стремительно бросился къ Фридриху:

— Фридрихъ! Фридрихъ! ты—ты ангель!

— И все такіе-то старые бывають ангелы, сказалъ Фридрихъ.

— Фридрихъ! продолжалъ мой дядя,—мы это сейчасъ все сдѣлаемъ на бумагѣ.

— Нѣтъ, господинъ засѣдатель, сказалъ Фридрихъ,—этого мы дѣлать не будемъ. Пожалуй еще олять закрадется какая-нибудь описка, а потомъ олять изъ этого выйдетъ бѣда. Что сказано, то и свято.—Генрихъ, ты обо всемъ перетолковалъ съ Фихемъ?

Генрихъ стоялъ возлѣ своей лошади, положивъ руки на сѣдло. Онъ не могъ произнести ни слова и только кивнулъ головою.

— Ну, такъ съ Богомъ! воскликнулъ Фридрихъ и взялся за поводья старой лошади.

Но Генрихъ вырвалъ поводья у него изъ рукъ, вспрыгнулъ

на сѣдло и кинулъ ему поводья своего прекраснаго караковаго жеребца:

— Товарищъ! тебѣ если все отдать, такъ и то будетъ мало!

— Какъ! воскликнулъ мой дядя,—развѣ мельникъ и Фихенъ несогласны?...

— Все въ порядкѣ! воскликнулъ Фридрихъ.—Прощайте, господамъ засѣдатель!—И они поскакали въ Бранденбургскія ворота.

Мы, дѣти, стояли подлѣ этихъ воротъ и смотрѣли вслѣдъ уѣзжавшимъ.

— Это не Французы, сказалъ сынъ саложника Банка.

— Нѣтъ, это наши! сказалъ другой мальчуганъ, и мы почувствовали какую-то гордость.

— Дай Богъ чтобъ они вернулись олять! сказалъ старикъ Рикертъ.

И они вернулись. Черезъ два года во всей Германіи наступила весна. Дано было много сраженій, кровь оросила горы и долины, но дождь ее смылъ, солнце высушило, а земля зарастила травю. Надежда перевязала всѣ раны бальзамомъ которому имя было „освобожденіе“. Въ моемъ маленькомъ родимомъ городкѣ все зазеленѣло и зацвѣло. Люди глубоко вздохнули всею грудью: по всей землѣ насталъ миръ. Стрѣлковый корпусъ моего дяди Герзе поставилъ свои двадцать ружей по чуланамъ, а дядя превратилъ своихъ стрѣлковъ въ музыкантовъ и составилъ изъ „корпуса“ музыкальное общество которое онъ называлъ „капеллою“. Музыкантамъ весьма послужило на пользу то обстоятельство что дядя въ военное время пріучилъ ихъ всѣхъ стрѣлять разомъ; теперь скрипки, кларнеты и флейты сами собою начинали всѣ играть въ одно и то же время. По вечерамъ „капелла“ давала серенады, и я еще и теперь могу напѣть то что они играли, потому что играли они все одну и ту же лѣсу. Мой дядя говорилъ мнѣ въ послѣдствіи что это были варіаціи на лѣсню: „Вчера вечеромъ братецъ Михель былъ здѣсь“. Когда было выиграно сраженіе подъ Лейпцигомъ, на двухъ горахъ по близости города зажгли костры и самый городъ иллюминировали. Палить изъ лушекъ было нельзя, потому что у насъ лушекъ не было. Но лучечный громъ все-таки придумали устроить. Ванюша Гейницъ, адъютантъ господина засѣдателя, да еще старикъ Мецъ возымѣли счастливую мысль навалить нѣскольцо огромныхъ камней на навозную телѣгу и начали изо

всей силы кидать эти камни въ ворота старика Каспара. Ворота, правда, развалились, но гуль выходилъ совершенно такой же какъ отъ пушечнаго выстрѣла.

А что это была за радость, что это былъ за восторгъ когда одна мать разказывала другой: „мой-то также былъ въ дѣлѣ и лишеть что остался живъ и здоровъ“. Генрихъ тоже прислалъ письмо, а Фридрихъ приказалъ въ немъ всѣмъ кланяться. Когда въ Ставенгагенѣ узнали про это, всѣ начали говорить: „да, что вы думаете, Фридрихъ! Нѣтъ, онъ старый служака, совсѣмъ какъ слѣдуетъ быть военный человекъ!“ Каждый толковалъ про Фридриха и мало-по-малу въ моемъ родимомъ городѣ Ставенгагенѣ сложилось сказаніе что Лейпцигскую битву собственно выигралъ старикъ унтеръ-офицеръ Фридрихъ Шульцъ и что это дѣло было такъ: Фридрихъ сказалъ своему полковнику какъ нужно вести сраженіе; полковникъ сказалъ Блюхеру адъютанту; адъютантъ сказалъ старику Блюхеру, а старикъ Блюхеръ сказалъ: „да“, говорить, „Фридрихъ Шульцъ правъ“.

Но прошло и это время, время радости и сомнѣнія, страха и надежды. Наступила та весна про которую я говорилъ выше, и разъ утромъ въ замокъ пріѣхала прекрасная карета. Въ тотъ же день въ городѣ заговорили что въ замокъ идетъ лиръ горой. На другое утро явился Фрицъ Зальманъ и разказалъ что двѣицѣ Вестфаленъ вѣроятно скоро будетъ конецъ, что если ей придется хлопотать такимъ порядкомъ цѣлую недѣлю, то отъ нея останутся только кости да кожа, а гости намѣрены, кажется, пробыть въ замокъ дней восемь. На слѣдующій день онъ явился съ новымъ разказомъ: господинъ президентъ всталъ съ девяти часовъ утра, отворилъ окно и залѣлъ, да не какъ-нибудь, а въ голось; жена его стояла и только вслескивала руками. Ему, Фрицу Зальману, приказано кланяться господину бургомистру и его супругѣ и передать что ихъ просятъ въ замокъ, если можно—къ обѣду. На третій день меня приварили и послали въ замокъ: „скажи что отецъ и мать кланяются и просятъ господина президента, его супругу и пріѣзжихъ господъ пожаловать сегодня вечеромъ откушать чаю и поужинать. Просятъ также и двѣицу Вестфаленъ. Да смотри, не забудь: какъ можно будь учтивѣе съ пріѣзжею барыней“.

Когда я явился въ замокъ съ моимъ порученіемъ, господинъ президентъ сидѣлъ на диванѣ, а рядомъ съ нимъ

сидѣлъ какой-то старый баринъ у котораго было очень строгое лицо.

— Дружокъ, сказалъ ему господинъ президентъ,—это вотъ мой крестникъ, Фрицъ, сынъ бургомистра.

Старый баринъ сдѣлался ласковѣе, взялъ меня за руку и началъ спрашивать про то и про другое. Я еще стоялъ предъ нимъ, какъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ французскій полковникъ фонъ-Толль. Съ нимъ подъ руку шла молодая, очень красивая женщина, его жена. Лицо мое вѣроятно не имѣло въ эту минуту особенно умнаго выраженія, потому что всѣ расхохотались, замѣтивъ мое удивленіе. Я прошепталъ приглашеніе отъ моихъ родителей и всѣ сказали что пріѣдутъ, и молодая барыня погладила меня по головѣ и замѣтила что судя по волосамъ я долженъ быть очень упрямъ. А господинъ президентъ отвѣтилъ что она права и что мнѣ за это упрямство достанется.

Вечеромъ у насъ также былъ лиръ горой, но было не такъ весело какъ въ то время когда дядя Герзе былъ Юліемъ Цезаремъ. Пуншу также не было, но Маша Винкенъ должна была принести изъ подвала „ланкоркъ“, а въ то время это вино считалось самымъ лучшимъ и ни о какихъ „шато“ не имѣли еще понятія. Мущины говорили про войну, а женщины про свадьбу которая должна была праздноваться на слѣдующій день у мельника Фосса на Гиловской мельницѣ. Когда гости стали уѣзжать, полковникъ обратился къ моему отцу и сказалъ:

— Пожалуста, господинъ бургомистръ, постарайтесь чтобы были всѣ которые тогда участвовали въ этомъ дѣлѣ.

Отецъ обѣщаль что будутъ всѣ.

На слѣдующее утро подмазали олять ту коляску въ которой господинъ президентъ ѣздилъ въ походъ; онъ усѣлся въ нее со своимъ Ренатомъ фонъ-Толль и поѣхалъ на Гиловскую мельницу.

— Вѣрите ли хозяйка, разказывала потомъ дѣвица Вестфаленъ ткачихъ Сталь, они сидѣли въ коляскѣ точно два новорожденные близнеца, ну право! И видѣ-то у нихъ такой же былъ невинный и ласковый. А въ каретѣ ѣхали: молодая гослжа фонъ-Толль, супруга президента, жена господина бургомистра и я; мнѣ тоже эту честь оказали. Жена господина бургомистра взяла съ собою своего сынишку, Фрица, и онъ цѣлую дорогу все сидѣлъ у меня на колѣняхъ, такъ что

я отсидѣла себѣ ногу, и еслибы не Фридрихъ, такъ мнѣ ни за что и не вылѣзть бы изъ кареты. Вѣдь вотъ съ ребятами какое наказаніе!

На большой ловозкѣ сидѣли: хлѣбникъ Виттъ со своею дочерью, Лутъ, Софья Бессердикъ, Фрицъ Зальманъ и господинъ Дрой со всѣми своими маленькими французскими ребятушками. Мой отецъ и полковникъ ѣхали верхомъ.

— А гдѣ же господинъ засѣдатель? спросилъ полковникъ.

— Онъ явится, сказалъ мой отецъ,—только Богъ его знаетъ когда. Онъ что-то подмигивалъ мнѣ однимъ глазомъ и дѣлалъ такое лицо которое онъ иногда устраиваетъ въ особыхъ случаяхъ и которое я называю „секретнымъ“.

Когда господинъ президентъ пріѣхалъ на мельницу, мельникъ Фоссъ стоялъ въ дверяхъ и на головѣ у него была надѣта черная бархатная шалочка. Возлѣ него стояла жена въ шерстяномъ платкѣ. Мельникъ шаркалъ ногами, мельничиха присѣдала.

— Ну, мельникъ Фоссъ, какъ дѣла? спросилъ господинъ президентъ.

— Отлично идутъ, сказалъ мельникъ и откинулъ подножку у коляски.

— Дружокъ, сказалъ президентъ, нагибаясь къ уху Рената фонъ-Толль, у старика мельника теперь дѣйствительно все въ порядкѣ. Онъ взялся за умъ и предоставилъ хозяйничать своей Фихенъ.

Потомъ подѣхала карета и изъ нея вышли дамы, а мою матушку Фридрихъ на рукахъ внесъ въ комнату. Онъ не разъ нашивалъ ее и потомъ такимъ образомъ. Затѣмъ подкатали ловозка; всѣ выпрыгнули и вошли въ домъ. Только маленькіе Дрой прямо побѣжали въ садъ и начали обрывать тамъ зеленый крыжовникъ.

Въ домѣ уже находился господинъ пасторъ. Возлѣ него стояли Генрихъ и Фихенъ. Какъ прекрасна была Фихенъ! Какъ всегда прекрасна невеста! Господинъ пасторъ произнесъ рѣчь, самую лучшую изъ всѣхъ своихъ рѣчей на случай брака. Такихъ рѣчей онъ зналъ три, одну лучше другой; сообразно съ этимъ и цѣна имъ была различная. Рѣчь „о вѣнцѣ“ считалась самою прекрасною и была самая дорогая: она стоила одинъ талеръ и шестнадцать грошей. За нею слѣдовала рѣчь „объ оленѣ“, которая стоила ровно одинъ талеръ; третья рѣчь начиналась словами: „несчастное и жалкое

созданье": она стоила всего восемь грошей и предназначалась для бѣдныхъ людей. На этотъ разъ пасторъ говорилъ про „вѣнецъ“, потому что мельникъ потребовалъ непременно эту рѣчь. „Господинъ пасторъ“, сказалъ мельникъ, „моя Фихенъ хочетъ чтобы свадьба была тихая; пусть такъ и будетъ если ей этого уже очень хочется. Но все что относится до свадьбы должно быть перваго разбора.“

И дѣйствительно, все было какъ нельзя лучше. Когда вѣчаніе кончилось, пріѣзжая молодая барыня подошла къ Фихенъ, поцѣловала ее и надѣла ей на шею золотую цѣпочку. На цѣпочкѣ висѣлъ прекрасный медальйонъ, а на немъ были вырѣзаны число и день въ которые Фихенъ просила полковника за своего отца. Полковникъ подошелъ къ Генриху и пожалъ ему руку; старикъ фонъ-Толь такъ ласково посмотрѣлъ на Генриха въ это время что господинъ президентъ не утерпѣлъ, взялъ своего друга за руку и сказалъ:

— Дружокъ! А? не такъ ли?

Потомъ сѣли за обѣдъ. Дочь хлѣбника была приставлена разливать суль; Лутъ завѣдывала жаркимъ, а Софья Бессердихъ и двѣ работницы мельника служили гостямъ. Едва услѣвъ мельника очистить первую тарелку, какъ онъ всталъ и началъ говорить рѣчь гостямъ, но при этомъ глядѣлъ только на одного президента. Онъ говорилъ что пригласилъ всѣхъ на свадьбу безъ музыки, на самую простую свадьбу; онъ тутъ ни при чемъ; Фихенъ захотѣла чтобы это было такъ; онъ просить гостей не прогнѣваться; но хотя у него и нѣтъ музыки однако.... Тутъ рѣчь его прервалась, потому что вдругъ загремѣло: „Вчера вечеромъ братецъ Михель былъ здѣсь, братецъ Михель былъ здѣсь.“ Дверь растворилась и взорамъ гостей предстали дядя Герзе и вся его калелда. Дядя держалъ въ рукахъ лалку мельника и билъ ею тактъ по мѣшку съ мукой; мука столбомъ летѣла изъ мѣшка и казалось что музыканты сидятъ на облакахъ точно ангелы.

Вотъ поднялась радость-то! Полковникъ выскочилъ изъ-за стола, поздоровался съ моимъ дядей и посадилъ его возлѣ себя. Господинъ президентъ прошепталъ на ухо своему Ренату, но шелотъ этотъ слышенъ былъ на весь столъ:

— Дружокъ, это тотъ самый засѣдатель про котораго я сегодня утромъ разказывалъ тебѣ эту путаницу съ условіемъ. Онъ впрочемъ добрый, забавный человекъ.

Старый мельникъ втащилъ всю калелду въ комнату. Музыкантовъ помѣстили въ углу; за суломъ послѣдовалъ „бра-

тецъ Михель“, потомъ лошло жаркое, послѣ жаркаго опять „братецъ Михель“, и такъ далѣе, все поочередно. Когда наступилъ вечеръ, мой дядя Герзе опять напустилъ на себя таинственность и началъ что-то орудовать около сада вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Ванюшею Гейнци. Наконецъ насъ всѣхъ позвали изъ комнатъ и начался фейерверкъ. Онъ могъ быть очень хорошъ; но къ сожалѣнію однѣ штуки оказались слишкомъ слабы и ихъ нужно было поддувать, другія—сами влетали на воздухъ вмѣсто того чтобы горѣть на землѣ, и было милостію Божіей что Фридрихъ случился какъ разъ поаъ рукою и залилъ пожаръ который ужъ начинался на дворѣ; не будь Фридриха—дѣло могло бы кончиться плохо. Мой дядя Герзе хотѣлъ однако добиться своего и приступилъ было къ продолженію фейерверка. Но господинъ президентъ подошелъ къ нему и сказалъ что пора кончать, что фейерверкъ былъ очень хорошъ и что онъ, президентъ, очень благодаренъ господину засѣдателю. На слѣдующій же день старикъ разослалъ однако по всему Ставенгагенскому округу строжайшее запрещеніе пускать фейерверки.

Такъ кончилась этотъ день. Имъ оканчивается и мой разказъ. День этотъ былъ веселый и всѣ остались имъ довольны. Хотѣлось бы мнѣ чтобъ и мой разказъ оказался веселымъ и чтобы каждый остался имъ также довольнымъ.

Гдѣ они теперь, всѣ эти добрые и веселые люди которые участвовали въ моемъ разказѣ? Они всѣ умерли, всѣ сглатъ вѣчнымъ сномъ. Хлѣбникъ Виттъ сошелъ въ могилу первымъ, городской стражъ Луть—последнимъ. Кто же остался еще въ живыхъ? Фрицъ Зальманъ, Софья Бессердихъ, да я. Софья Бессердихъ вышла таки замужъ за бѣлоголоваго сына старика Фрейера и живетъ теперь прилѣваяючи въ Гюльцовѣ, въ первомъ домѣ съ лѣвой стороны. Изъ Фрица Зальмана вышелъ славный малый и мы съ нимъ остались навсегда пріятелями. Если онъ вздумаетъ обидѣться за то что я разказалъ здѣсь про него разныя исторіи, я протяну ему руку и скажу:

— Дружокъ! чтò написано, то написано; тутъ ужъ ничего нельзя перемѣнить. Но ты вѣдь не сердись на меня за это? А? не такъ ли?

К О Н Е Ц Ъ .

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Очерки Цейлона и Индіи. Изъ путешествъ залптовъ Русскаго. И. Минаева. Два тома.

Маколей въ своемъ превосходномъ очеркѣ дѣятельности лорда Клейва жаловался на то что Англичане, хотя и владѣютъ Индіей, очень мало знакомы какъ съ ея прошлыми судьбами, такъ и съ характеромъ, бытомъ и религіозными вѣрованіями ея народонаселенія. „Любому ученику у насъ извѣстно“, говорилъ онъ, „кто посадилъ въ темницу Монтезуму и удавилъ Атахуальпу, но между англійскими джентльмснами, даже обладающими высшимъ образованіемъ, едва ли можно найти изъ десяти одного, который имѣлъ бы точныя свѣдѣнія о томъ кто остался побѣдителемъ въ битвѣ при Бохарѣ, гдѣ царствовалъ Суджа Даула—въ Аудѣ или Траванкорѣ и былъ ли Голкаръ мусульмавиномъ или Индійцемъ.“ Не беремъ конечно рѣшить, распространены ли теперь въ англійскомъ обществѣ историческія свѣдѣнія объ Индіи въ такой степени какъ этого желалъ знаменитый писатель, но несомнѣнно что съ тѣхъ поръ какъ были начертаны приведенныя нами строки, знакомство Англичанъ по крайней мѣрѣ съ современнымъ положеніемъ страны сдѣлало огромный шагъ

впередъ. Безпрерывно появляются отдѣльныя о ней сочиненія, и почти въ каждой книжкѣ любого англійскаго журнала можно встрѣтить болѣе или менѣе подробную статью о томъ же предметѣ. Особенно сильно возбужденъ интересъ къ Индіи въ послѣднее время подъ вліяніемъ соображеній и заботъ о которыхъ мы скажемъ ниже. И русская публика начинаетъ относиться чутко къ тому что происходитъ въ Азіатской имперіи Англичанъ. Судьба рѣшила такъ что несмотря на нашу доходившую до крайности готовность не затрогивать интересовъ Англіи, мы не можемъ избѣжать борьбы съ нею, и борьба эта вслѣдствіе положенія которое добровольно заняла она сама, вслѣдствіе того что она стала лицомъ къ лицу съ нами въ Азіи, должна въ этой части свѣта произнести свое рѣшительное слово. Кто знаетъ, быть-можетъ Индіи суждено при этомъ играть важную роль. Но прежде чѣмъ составлять планы, нужно тщательно и всесторонне изучить почву на которой придется дѣйствовать. Въ какомъ положеніи находится Индія? Такъ ли прочно тамъ владычество Англичанъ какъ это кажется съ перваго взгляда? Есть ли у него слабыя стороны и въ чемъ заключаются онѣ? Принесла ли оно многочисленнымъ тамошнимъ народамъ такую пользу ради коей они готовы были бы забыть свои преданія, отказаться отъ всякихъ національных своихъ стремленій? Дѣйствительно ли оно знаменуетъ собою торжество цивилизаціи? Все это вопросы отвѣты на которые мы должны искать въ англійской или въ какой-либо другой европейской литературѣ, но отнюдь не въ нашей, ибо она, какъ извѣстно, далеко не изобилуетъ основательными сочиненіями объ Индіи. А между тѣмъ въ высшей степени желательно было бы прислушиваться въ этомъ случаѣ къ русскимъ голосамъ, руководиться наблюденіями сдѣланными нашими путешественниками и учеными. Потому всякій самостоятельный трудъ объ этомъ предметѣ появляющійся у насъ имѣетъ особую цѣну и именно къ трудамъ такого рода принадлежитъ книга г. Минаева. Авторъ ея профессоръ С.-Петербургскаго университета; несмотря на свою молодость онъ уже успѣлъ составить себѣ солидную извѣстность между нашими ориенталистами; онъ провель въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ около двухъ лѣтъ, объѣхалъ почти весь островъ и значительную часть сѣверной Индіи, отъ Калькутты до Лагора, побывавъ

въ Бихарѣ, Непалѣ, Камаонѣ, въ части Пенджаба и Ражлутаны и закончилъ свое путешествіе въ Бомбеѣ. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду исключительно ученые цѣли, занимаясь археологіей, филологіей и исторіей, знакомился на мѣстѣ съ религіозными вѣрованіями страны, но какъ человѣкъ умный и наблюдательный не упустилъ изъ виду и телерешаго ея положенія. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ между прочимъ: „не нужно думать чтобы возможно было изученіе англійскихъ порядковъ въ Индіи безъ знанія древней Индіи или Индіи не зараженной еще западною цивилизаціей; правильная оцѣнка созданнаго Англичанами возможна только при знакомствѣ съ національною, чисто индійскою точкой зрѣнія; для этого же необходимо знаніе старой Индіи, ключомъ къ уразумѣнію которой должна быть и ея странная и разнообразная религія.“ Всѣми этими условіями вполнѣ обладаетъ авторъ, и вотъ почему, хотя онъ и не ставилъ себѣ задачей изучать современную Индію съ точки зрѣнія отношеній ея туземнаго населенія къ Англичанамъ — въ замѣткахъ которыми пересылаемы въ вышней степени любопытныя его описанія разныхъ памятниковъ и храмовъ можно встрѣтить много поучительнаго и въ этомъ отношеніи.

Преимущественно интересуется насъ Индія, но несправедливо было бы не остановиться на Цейлонѣ, которому авторъ посвятилъ болѣе половины перваго тома издавшаго имъ сочиненія. Разказы о впечатлѣніяхъ его на этомъ островѣ служатъ краснорѣчивымъ введеніемъ къ тому что онъ встрѣтилъ потомъ въ странѣ Индусовъ. Здѣсь англійское владычество не стѣсняется ничѣмъ и носитъ вслѣдствіе того особый отпечатокъ. „Англичане“, говоритъ авторъ, „относятся къ туземному населенію на Цейлонѣ еще съ большимъ пренебреженіемъ нежели въ Индіи. Сингалезецъ кротокъ по природѣ и притомъ не имѣетъ въ настоящее время богатой и родовитой аристократіи, не помышляетъ объ отторженіи отъ Англіи, а потому Англичанинъ, чувствуя себя на Цейлонѣ вполнѣ безопаснымъ, позволяетъ себѣ на островѣ то что немыслимо на материкѣ Индіи.“ Изъ мѣткихъ, но лишенныхъ всякой предвзятой мысли наблюденій г. Минаева невольно выносятся одно заключеніе: для Англичанъ Цейлонъ не болѣе какъ страна которую они могутъ эксплуатировать самымъ безцеремоннымъ образомъ въ своихъ интересахъ;

никакой связи не установилось между ними и туземцами; господство ихъ процвѣтаетъ тамъ въ настоящее время, но если рухнетъ оно завтра, то не оставитъ по себѣ никакого слѣда; это два міра не имѣющіе между собою ничего общаго и связь между которыми держится лишь на томъ что одинъ изъ нихъ подчиненъ другому. Всякій разъ когда авторъ заводитъ рѣчь объ Англичанахъ, онъ останавливается на ихъ крайней исключительности, на безграничномъ пренебреженіи къ окружающей ихъ средѣ, и не встрѣчаемъ мы у него ровно ничего что указывало бы на желаніе или попытку правителей сдѣлать что-нибудь для возвышенія нравственнаго и умственнаго уровня своихъ подданныхъ, даже для матеріальнаго ихъ благосостоянія, насколько не замѣшаны въ немъ выгоды англійскаго общества. Сами туземцы сознаютъ это какъ нельзя лучше. „Объ островѣ никто не заботится, говорятъ они; здѣсь всякій Англичанинъ думаетъ только о наживѣ.“ Происходить это не оттого только что Англичане на островѣ Цейлонѣ считаютъ единственнымъ своимъ долгомъ обдѣлывать свои дѣла, а вовсе не просвѣщать туземцевъ и устраивать ихъ бытъ, но также и отъ безразличности ихъ въ отношеніи къ мѣстному населенію. „Они живутъ совершенно отдѣльно отъ туземцевъ“, замѣчаетъ авторъ, „и сносятся съ ними или официально, или по частнымъ дѣламъ; другаго рода сношеній нѣтъ, ибо британская исключительность, сказывающаяся всюду рѣзко, на Цейлонѣ, среди народа мирнаго и пугливаго, достигла крайняго предѣла. Здѣсь Англичанинъ не только владыка, но человекъ избранной высшей расы, и между нимъ и чернокожимъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго.“ Англичане отнюдь не заботятся о распространеніи своего языка; правительство ихъ на островѣ вовсе не считаетъ этого дѣломъ необходимости; по словамъ нашего автора, во многихъ городахъ приходилось ему встрѣчать даже полицейскихъ служителей, то-есть лицъ принадлежащихъ къ мѣстной администраціи, ни слова не говорящихъ по-англійски. „Мы сообщали“, говоритъ г. Минаевъ, „что въ послѣднее время Англичане стали даже тяготиться распространеніемъ своего языка; туземецъ, выучившись языку своихъ правителей, стремится выйти изъ своей среды, хлопочетъ объ официальном положеніи, хочетъ быть чѣмъ-нибудь въ администраціи“, а правительство не желаетъ

потворствовать подобнымъ притязаніямъ. Но не навязывая своего языка туземцамъ, правители въ свою очередь не интересуются ни ихъ языкомъ, ни ихъ вѣрованіями и ламятниками. Въ подтвержденіе этого приведено авторомъ много любопытныхъ примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. „Да не покажется читателю страннымъ“, говоритъ авторъ, „что громадное большинство Англичанъ, живя долго на островѣ, не выучиваются туземному языку и конечно не знаютъ даже о такомъ крупномъ мѣстномъ явленіи какъ буддизмъ. Вскорѣ по прѣздѣ въ Коломбо мнѣ пришлось отыскивать Government's Oriental Library. Объ этой библіотекѣ мнѣ много толковали въ Лондонѣ; о ней писалось даже въ европейскихъ газетахъ, и нѣтъ сомнѣнія что въ настоящее время библіотека дѣйствительно существуетъ. Но о томъ какова она была въ 1874 году можно судить по слѣдующему факту. Въ самомъ Коломбо никто не зналъ объ ея существованіи; на вопросы о библіотекѣ давались сбивчивыя указанія: одни положительно отрицали ея существованіе, другіе утверждали что библіотека будетъ собрана когда музей отстроится, а музей Богъ вѣсть когда отстроится. Но самый любопытный отвѣтъ дало лицо въ вѣдѣніи котораго состояла библіотека. Почтенный старикъ, проживъ тридцать саишкомъ лѣтъ на островѣ, не говорилъ ни на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ и недоумѣвалъ при вопросѣ о библіотекѣ.—Oriental library? говорилъ онъ, well, sir: вы увѣрены что она здѣсь?—Позванъ былъ мудіаръ для наведенія справокъ. Онъ оказался состоящимъ въ должности библіотекаря, а самая библіотека помѣщалась въ залѣ рядомъ съ той гдѣ мы бесѣдовали.“ Книгохранилище нашлось, но г. Минаевъ все-таки не тотчасъ же лопалъ въ него, потому что нужно было отыскать затерянный ключъ. Господишь, завѣдывавшій библіотекой и разыгравшій столь странную роль, вовсе не былъ ни глупцомъ, ни невѣждой, но, какъ замѣчаетъ авторъ, онъ былъ прежде всего Англичанинъ, а потому все что касалось туземцевъ, ихъ литературы и ихъ преданій, оставляло его совершенно равнодушнымъ. „Это не Русскій человекъ“, говоритъ авторъ, „беззаботный насчетъ всякой литературы, беззаботный въ силу того что учился на мѣдные гроши; въ равнодушіи къ туземной литературѣ зауряднаго просвѣщеннаго британскаго чиновника сказывается иное,—онъ не хочетъ этого знать не потому чтобы на

повималъ цѣны и значенія такого знанія, но ему непріятно, его отталкиваетъ все что хотя бы отдаленно напоминаетъ *черную кожу*, состоящую въ его олектъ. Туземцы это чувствуютъ, и конечно такое отношеніе большинства правителей къ ихъ родинѣ и старинѣ не можетъ возбуждать въ нихъ особой симпатіи.“

На каждомъ шагѣ туземецъ ощущаетъ до какой степени простирается презрѣніе къ нему его поведителей. На желѣзной дорогѣ его не пускаютъ въ первый классъ; никакихъ предписаній на этотъ счетъ не существуетъ, но таковъ обычай. Одинъ умный и ученый Сингалезецъ говорилъ автору объ Англичанахъ: „каждый изъ нихъ гордъ и презираетъ насъ потому только что мы black-niggers. На аукціонѣ казенныхъ земель всякій солдатъ, всякій рабочій бѣлой кожи сидитъ, а мы, которые вѣдь землевладѣльцы этой страны, должны стоять и не смѣемъ сѣсть.“ Какой-то англійскій судья приобрѣлъ большую популярность между туземцами только тѣмъ что не гнушался подавать нѣкоторымъ изъ нихъ руку. Авторъ разказываетъ что однажды онъ и Англичанинъ зашли, прогуливаясь, въ домъ Сингалезца. Хозяинъ былъ очень привѣтливъ и предложилъ завтракъ; гости не отказались, но тутъ возникъ вопросъ: Англичанинъ недоумѣвалъ слѣдуетъ ли пригласить и самого амфитриона къ участію въ трапезѣ? Вѣроятно подъ влияніемъ своего спутника Англичанинъ смѣловался, „и я видѣлъ картину“, разказываетъ г. Минаевъ, — „какъ гость, сѣвъ за столъ, упрашивалъ хозяина присѣсть вмѣстѣ съ нимъ и вкусить отъ своего же щедраго завтрака, а нужно замѣтить что хозяинъ былъ человекъ очень достаточный, принадлежалъ къ высшему туземному обществу и не былъ подчиненъ своему гостю“. Съ недавняго времени Лондонское правительство считаетъ не безполезнымъ, хотя и далеко не щедрою рукой, раздавать отличія нѣкоторымъ туземцамъ; во время пребыванія г. Минаева на островѣ двое даже были пожалованы баронетами и надо прочесть у него разказъ съ какою яростію отнеслось къ этому мѣстное англійское общество. „Всѣ негодовали“, говоритъ онъ, „въ газетахъ печатались ругательства—словомъ произошелъ скандалъ.“ Впрочемъ, даже и высокій титулъ не ограждаетъ туземца отъ презрительнаго съ нимъ обращенія. У автора находимъ мы анекдотъ о томъ какъ однажды баронетъ изъ

Бюргеровъ (т.-е. смѣшанной расы) явился за table d'hôte въ гостиницѣ и былъ выведенъ самимъ хозяиномъ, объяснившимъ ему все неприличіе подобнаго поступка. Несчастный имѣлъ право титуловаться „сэръ,“ но изъ этого еще не слѣдовало чтобъ онъ могъ пить и вѣсть за однимъ столомъ съ Англичанами.

Не слѣдуетъ думать однако чтобы неудовольствіе противъ Англичанъ на Цейлонѣ могло имѣть какія-нибудь опасныя для нихъ послѣдствія. Туземцы жалуются на свою судьбу, но только жалобами все и ограничивается. Быть-можетъ происходитъ это потому что отличаются они, какъ неоднократно замѣчаетъ авторъ, слишкомъ мирнымъ и покорнымъ характеромъ. Многіе хотя и ропщутъ, но усердно стараются подражать своимъ повелителямъ. Мы уже упоминали выше что Англичане не заботятся о распространеніи своего языка, а между тѣмъ это дѣлается само собою влѣдствіе того что какъ бы хорошо сами они ни говорили по-сингалезски, въ официальныхъ сношеніяхъ съ туземцами они употребляютъ только свой языкъ: по словамъ автора, въ каждомъ значительномъ мѣстечкѣ можно найти одного или нѣсколькихъ человекъ которые свободно объясняются по-англійски. Мало того, находятся между ними усвоившіе даже отчасти европейскіе нравы, очень заботящіеся о томъ чтобы походить на Европейцевъ. Въ Коломбо авторъ познакомился съ однимъ буддійскимъ монахомъ: „этотъ столбъ буддизма“, говоритъ онъ, „явился ко мнѣ съ визитомъ и оставилъ карточку, на которой значилось: Revd. H. Sumangala, high priest of Adam's Peak.“ Какъ и слѣдовало ожидать, эти вкусившее цивилизаціи туземцы представляютъ жалкое зрѣлище; они подражаютъ Англичанамъ во всемъ, даже въ такихъ вещахъ которыя ужъ никакъ не должны были бы вызывать подражанія: Англичане, напримѣръ, смотрятъ свысока на все мѣстное, относятся съ презрѣніемъ ко всякой древности, будь то рукопись или развалины, и обангличанавшіеся Сингалезцы пренебрегаютъ тѣмъ чѣмъ слѣдовало бы имъ гордиться. Вообще тилъ этихъ людей, одѣтыхъ въ полуевропейскій костюмъ, читающихъ кое-какія англійскія книжонки и газеты, очень любопытенъ и авторъ знакомитъ насъ съ нимъ въ слѣдующемъ разказѣ:

„Съ однимъ изъ такихъ туземцевъ мнѣ пришлось познакомиться въ Курунегалѣ. Сингалезецъ къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо состоялъ на англійской службѣ;

занималъ онъ мѣсто, какъ и всѣ туземцы на Цейлонѣ, очень не важное, но это не мѣшало ему называть себя высшимъ изъ туземцевъ въ городѣ и цѣлой провинціи. Человѣкъ уже не молодой, онъ былъ очень типичнымъ представителемъ Цейлона подъ гегемоніей Англо-Саксонцевъ. Его рѣчь, нарядъ, складъ убѣжденій, полуобразование—все бросалось въ глаза и было куріозно. Говорилъ онъ по-англійски бойко, но съ туземнымъ акцентомъ; одѣвался франтовски, но очень оригинально; весь костюмъ, начиная со шляпы и кончая башмаками, былъ европейскій; коротенькій фартучекъ едва напоминалъ національную юбку (камбой). Съ сингапурскимъ пучкомъ и гребнемъ онъ совершенно разстался... Подражая Англичанамъ, своимъ господамъ, онъ охотно толковалъ объ европейской политикѣ, но о географіи Европы имѣлъ очень смутныя понятія и постоянно смѣшивалъ Россію съ Турціей. Семья его была не менѣе оригинальна: онъ самъ былъ христианиномъ, жена—строгую буддисткой, хаживала по богомольямъ и вѣровала что устроеніе платья въ честь чертей издѣлывается отъ трудныхъ болѣзней; дочери исповѣдывали христіанскую религію; старшій сынъ былъ буддистомъ, воспитывался въ англійской школѣ и увѣрялъ что не знаетъ сингапурской азбуки.

„Разъ мой знакомецъ пригласилъ меня къ себѣ; жилъ онъ въ сторонѣ отъ главной улицы, около католической церкви, въ собственномъ домѣ; роскошный цвѣточный садъ окружалъ его жилище; садомъ онъ занимался съ любовью и знаніемъ дѣла. Цвѣтовъ было множество и разсажены они были съ большимъ вкусомъ. Такъ какъ я пришелъ къ нему рано утромъ, то вся семья была въ сборѣ. Хозяинъ и хозяйка гуляли по саду и оба были безъ башмаковъ и чулковъ. Хозяйка, кромѣ того, была одѣта въ національный сингапурскій костюмъ безо всякихъ европейскихъ затѣй.

„— Могу я васъ представить м-гс Ж? развязно познакомилъ меня хозяинъ съ супругою. М-гс протянула черную руку, растопыривъ пальцы.

„— Will you take something? A glass of cherry? допрашивалъ меня хозяинъ, зная по наслышкѣ что Англичане угощаютъ иногда хересомъ, только конечно не въ шесть часовъ утра, какъ было у м-г Ж. Въ домѣ, куда мы затѣмъ отправились и откуда неслись звуки фортепьяно (одна изъ миссъ упражнялась), все было устроено по англійскому образцу. Та же мебель и тѣ же украшенія какъ въ любомъ drawing room небогатыхъ Англичанъ. Хозяинъ хвастался плохими автографіями и дешевыми издѣліями англійской мануфактуры. Съ женой онъ разговаривалъ на родномъ языкѣ, такъ какъ м-гс другаго не знала, но съ миссъ и съ мистеромъ Ж. перекидывался англійскими словами. Младшій мистеръ, разодѣтый по туземному, иными словами совершенно голый, бѣгалъ тутъ же. Мальчикъ упрямялся и не хотѣлъ брать ванны, несмотря на увѣщанія няньки.

„— Go, sir, take your bath, уговаривалъ отецъ голыша...“

Конечно не отъ этого ничтожнаго меньшинства, усвоившаго внѣшній лоскъ европейской жизни, можно ожидать чего-нибудь для будущности острова. Англичане хвалятся тѣмъ что повсюду гдѣ возникаетъ ихъ господство, они вмѣстѣ съ тѣмъ пролагаютъ пути цивилизациа. Въ извѣстномъ смыслѣ это, пожалуй, справедливо. Конечно, на Цейлонѣ на примѣръ обезпеченъ порядокъ, требуется повиновеніе закону, проведены хорошія дороги, но все это прежде всего необходимо для самихъ Англичанъ, ибо безъ этихъ условій невозможно правильное движеніе ихъ промышленности и торговли. Интересы туземнаго населенія нисколько не принимаются тутъ въ расчетъ. Оно живетъ своею прежнею жизнью, осталось совершенно такимъ же какимъ застали его Англичане, когда впервые появились на островѣ. А между тѣмъ нельзя сказать чтобы Сингалезцы не были слобсны къ развитію; это даровитое племя: исторія, литература, архитектурные остатки, говорить нашъ авторъ, свидѣтельствуютъ о высококомъ культурномъ его развитіи, но оно не сдѣлало ни шагу впередъ съ тѣхъ поръ какъ мнимые цивилизаторы взяли его въ свои руки. Любопытно что на Цейлонѣ до сихъ поръ еще сохранилось въ первобытной своей дикости другое племя, другой немногочисленный народъ—такъ называемые Ведды, о которыхъ г. Минаевъ разказываетъ по истинѣ диковинныя вещи. Видѣть настоящихъ Веддовъ очень не легко; въ города по своей волѣ они не заходятъ, а бродятъ и охотятся въ лѣсной глуши; они избѣгаютъ даже сосѣднихъ съ ихъ лѣсною страной (Ведда-ратъ, то-есть страна Веддовъ) сингалезскихъ деревушекъ. Они не далеко ушли отъ того состоянія въ какомъ застала ихъ исторія за двѣ тысячи лѣтъ назадъ и похожи скорѣе на звѣрей чѣмъ на людей. Знатнымъ путешественникамъ стараются обыкновенно показать Веддовъ; такъ, на примѣръ, мѣстныхъ власти изловили нѣкоторыхъ изъ нихъ и представили герцогу Эдинбургскому: то были, говорить авторъ, казовые Ведды,—угрюмы на видѣ, косматы, грязны; молча продѣлали они разныя свои штуки предъ лицомъ важной особы, пострѣляли, поплясали и затѣмъ ушли къ себѣ унося, Богъ знаетъ какое представленіе о бѣломъ человѣкѣ. Г. Минаевъ предпринялъ поѣздку чтобы видѣть Веддовъ въ самой области, служащей ихъ мѣстопребываніемъ, и достигъ своей цѣли не безъ труда. Сначала показали ему цивилизованнаго Ведда, который уже почти забылъ свой

родной языкъ, женился на Сингалезкѣ и какъ будто сталъ совсѣмъ Сингалезцемъ; затѣмъ случилось ему видѣть настоящихъ Веддовъ, да и то не совсѣмъ. „То были“, говоритъ онъ, „образцы той части народа которая приходитъ въ сношеніе съ Сингалезцами, живущими въ окружныхъ деревняхъ; самими дикими Веддами ихъ нельзя было назвать. Они были малы ростомъ, косматы, угрюмы на видъ; носы имѣли плоскіе, губы толстыя, а голыя тѣла ихъ были до крайности грязны. Сингалезцы увѣряютъ что Ведды никогда не моются, опасаясь ослабѣть отъ мытья. Говорили они крикливымъ, очень громкимъ голосомъ, какъ бы съ нѣкоторою грустью и гнѣвомъ. Пониже живота слускалась небольшая трялочка, а не кусокъ древесной коры; замѣна коры трялочкой знаменовала прогрессъ и въ этомъ состояло все ихъ одѣяніе...—“

„Сколько у тебя пальцевъ на рукѣ?“ спросили одного изъ Веддовъ. — „Три,“ отвѣчалъ онъ хотя и не былъ безпалымъ. Другой боіко пересчиталъ пять пальцевъ на одной рукѣ, а на другой сбился и уловро называлъ девятый палецъ десятымъ, а десятый девятымъ. Когда Ведду что-либо не нравится, онъ произноситъ „те-те!“ Интересно что это восклицаніе вырывается у нихъ всякій разъ когда они взглянуть не себя въ зеркало, причѣмъ тотчасъ же отворачиваются отъ него. Позднѣе любознательный авторъ справедливо указываетъ на то какимъ важнымъ вкладомъ обогатилась бы этнографія еслибы составлено было подробное описаніе Веддовъ въ отношеніи ихъ языка, религіи и обычаевъ—ознакомился и съ такими образцами этого народа какихъ только могъ онъ желать. Предъ ними находились Ведды, уже насколько не тронутые цивилизаціею: „на видъ они были также грязны и косматы; у тѣхъ и другихъ были усы и бороды, тѣло было покрыто волосами, но далеко не въ обиліи; у самыхъ же дикихъ Веддовъ, у тѣхъ которыхъ называютъ Галведда, то-есть Веддами пещеръ, тѣло густо покрыто волосами.“ Авторъ предложилъ имъ денегъ, но они приняли ихъ неохотно, не зная что съ ними дѣлать. По разказамъ Сингалезцевъ, женятся они на младшихъ сестрахъ; старшую сестру почитаютъ наравнѣ съ матерью; случается что отецъ женится на дочери. Изъ религіозныхъ ихъ повѣрій сѣдуетъ упомянуть о томъ по которому отецъ и мать дѣлаются по смерти демонами. Мертвому ставшему, по ихъ помятіямъ, чортомъ, они приносятъ въ жертву обезьянъ. Г. Минасевъ

говорить что хотя материалы собранные имъ относительно языка этого народа недостаточны для совершенно точныхъ выводовъ, несомнѣнно однако что онъ принадлежитъ къ числу индо-европейскихъ.

Мы остановились на Цейлонѣ потому что ему, какъ уже было сказано, посвящена значительная часть сочиненія г. Минаева и потому что наблюдения сдѣланныя здѣсь авторомъ какъ нельзя лучше характеризуютъ тѣ порядки которыхъ придерживаются Англичане вообще въ своихъ колоніяхъ, но по весьма понятнымъ причинамъ читателя преимущественно должно интересовать то что говоритъ онъ объ Индіи. Прочно ли господство Англичанъ въ этой странѣ, и если угрожаетъ имъ опасность, то откуда именно? Вопросъ этотъ, на которомъ остановился нашъ почтенный авторъ настолько насколько это возможно въ бѣглыхъ замѣткахъ, отнюдь не принадлежитъ къ числу праздныхъ. Само англійское общество видимо озабочено имъ. Безпрерывно изъ среды его раздаются голоса указывающіе что рано или поздно можетъ случиться катастрофа, которая потрясетъ до основанія Остъ-Индскую имперію. Конечно, мы знаемъ что Англичане любятъ иногда умышленно преувеличивать опасности, они заранее стараются предвидѣть все что можетъ причинить имъ затрудненія, и поднимаютъ вопль когда бѣда еще далеко не наступила, но въ настоящемъ случаѣ тревоги ихъ едва ли слѣдуетъ отнести къ числу неосновательныхъ. Одно изъ доказательствъ этого мы готовы между прочимъ видѣть въ томъ что нашъ русскій путешественникъ пришелъ въ своей книгѣ къ совершенно такимъ же заключеніямъ какія высказываются въ англійской печати. Дѣло представляется сѣдовательно въ одинаковомъ видѣ и людямъ непосредственно заинтересованнымъ въ немъ, и тѣмъ которые наблюдаютъ его со стороны.

Недавно въ *Contemporary Review* прочли мы статью г. Сиднея Джемса Уона (The stability of our Indian Empire), который долго жилъ въ Индіи и хорошо знакомъ съ положеніемъ этой страны. Онъ прямо поставилъ вопросъ, можетъ ли Англія считать свое господство надъ нею вполне прочнымъ, и по этому поводу говоритъ между прочимъ слѣдующее: „съ одной стороны самый фактъ прибрѣтенія намъ такой обширной имперіи и продолжительное обладаніе ею среди столь разнообразныхъ и тажкихъ невзгодъ; быстрота и

энергія съ какимъ мы подавили возстаніе 1857 года; покорность обнаруженная во время этого мятежа значительнымъ большинствомъ населенія; содѣйствіе оказанное намъ многими изъ туземныхъ правителей и отсутствіе серьезныхъ затрудненій когда въ позднѣйшіе годы занялись мы организаціей этой страны — все это можетъ служить доказательствомъ что власть наша опирается на прочныя основы. Но съ другой стороны несомнѣнно что многія изъ выгодъ которыми мы пользовались въ прѣжнее время исчезли или готовы исчезнуть; что возникли и возникаютъ такіа оласности какихъ мы вовсе не знали въ прошломъ; что недовольство народа становится болѣе тревожнымъ чѣмъ когда-нибудь; что поголовное возстаніе противъ насъ отнюдь нельзя считать несбыточнымъ дѣломъ по мѣрѣ того какъ наши идеи и наши учрежденіе сглаживаютъ вѣковыя преграды существовавшія между различными племенами и классами общества, а туземная періодическая печать распространяетъ понятія о свободѣ и патріотизмѣ; что теперь туземные вожди, пользующіеся гораздо большимъ вліяніемъ и уваженіемъ чѣмъ Нана-Саибъ, сильно ролщутъ на правительство; что вслѣдствіе всего этого трудно будетъ намъ выдержать испытаніе въ родѣ того которое постигло насъ въ 1857 году, особенно если одновременно съ тѣмъ мы будемъ вовлечены въ европейскую войну; что еслибы мы нашли для этого деньги, то не найдемъ достаточно людей; что, наконецъ, вывѣшенная наша политика въ Индіи, основанная на уклоненіи отъ всякихъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, обнаруживаетъ что хотя много прошло времени съ тѣхъ поръ какъ Англичане, отстранивъ всѣхъ своихъ соперниковъ, совершенно подчинили себѣ Индію, но и теперь остаются они чужды этой странѣ, а происходитъ это отъ того что какъ замѣчаетъ г. Сидней Уозъ что лозунгомъ ихъ было всегда: „The English are in India, but not of India“. Англійскій авторъ замѣчаетъ что если въ прѣжнее время было очень сильно отчужденіе европейскаго общества отъ туземнаго, то оно приняло еще большіе размѣры съ тѣхъ поръ какъ отмѣнена была монополія Остъ-Индской компаніи. Когда управленіе страной находилось въ рукахъ этой компаніи, многочисленныя ея агенты почти всю жизнь свою не выѣзжали изъ Индіи, и хотя они глубоко презирали туземцевъ, не допускали ихъ въ свою среду, мало изучали ихъ бытъ, все-таки между

ними возникла нѣкоторая связь; въ настоящее же время, по выраженію г. Сиднея Уэна, „Британская имперія въ Индіи есть не что иное какъ громадная, могущественная, искусно устроенная бюрократія, органы коей заботятся съ одной стороны лишь о томъ чтобъ оправдать довѣріе правительства, а съ другой—какъ можно скорѣе нажиться и уѣхать на родину.“ Они не проникнуты никакимъ дѣйствительнымъ искреннимъ интересомъ къ населенію находящемуся въ непосредственной зависимости отъ нихъ; это совершенно особый міръ, стоящій лагеремъ среди другаго разнообразнаго и несравненно болѣе обширнаго міра. Точно такое же замѣчаніе дѣлаетъ и нашъ русскій авторъ. „Англичане“, говоритъ онъ, „когда-нибудь дорого заплатятъ за то что при всемъ своемъ желаніи не дѣлать зла Индійцамъ, они не знаютъ ихъ и не хотятъ уважать въ нихъ то что такъ высоко и часто совершенно несправедливо цѣнятъ въ своей средѣ. Для большинства Англичанъ не существуетъ между Индійцами того типа который на ономъ языкѣ они обозначаютъ словомъ „gentleman“ и, неуклонно проводя свои начинанія, они не хотятъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое въ Индіи все громче и громче заявляетъ свои права.“ Англичанинъ, продолжаетъ г. Минаевъ, всегда старается удалиться отъ туземца, выселиться куда-нибудь подальше отъ шума туземной жизни, занять отдѣльную колонію; если даже они и живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ, то каждою и совершенно непонятною другъ другу жизнью; социалью они какъ нельзя болѣе разобщены. И что можетъ быть общаго, спрашиваетъ авторъ, между Англичаниномъ и туземцомъ? „Одинъ изъ нихъ явился въ Индію чтобы было чѣмъ жить и во возможности нажиться; поскольку необходимо для обыденнаго исполненія обязанностей, онъ станетъ изучать Индію и Индійцевъ, но большаго нельзя отъ него и требовать; воспитанный въ преданіяхъ совершенно иной исторической жизни, онъ является въ Индію съ понятіями и привычками привитыми ему европейскою цивилизаціей и прямо противоположными тѣмъ которыя имѣетъ или которыхъ держится Индеецъ у себя на родинѣ. Индійскіе вопросы интересуютъ Англичанина лишь настолько насколько они касаются его личной жизни, — весьма часто интересъ къ нимъ опредѣляется количествомъ барыша; весь окладъ старой индійской жизни въ общемъ остается неизмѣннымъ, такимъ же какимъ онъ былъ цѣлый

вѣкъ тому назадъ; образованіе заводимое Англичанами не раскачало ни одного изъ вѣковыхъ индійскихъ предрасудковъ; касты, политеизмъ также сильны какъ и прежде, до англійскаго владычества; европейское образованіе привилось къ отдѣльнымъ лицамъ въ меньшинствѣ и не коснулось массъ, не проникло въ индійскую жизнь, а потому нигдѣ какъ въ Индіи не встрѣчается такой двойной жизни: въ одномъ предмѣствѣ живутъ люди среди всѣхъ удобствъ доставляемыхъ европейскою цивилизаціей—постройка домовъ, ихъ украшенія, весь складъ жизни европейскій, а пройдите двѣ или трѣ мили, и предъ вами иной міръ, иная древняя цивилизація, люди съ иными вѣрованіями "... Когда Индія находилась подъ властью мусульманъ, Индійцы не терпѣли ихъ, но все-таки кое-какъ ладили съ ними; происходило это потому что побѣдители смѣшивались съ побѣжденными. Развитие магометанства въ Индіи и порожденіе такого страннаго языка какъ „урду“ служить, по замѣчанію нашего автора, неопровержимымъ доказательствомъ что между мусульманами и Индійцами была возможна амальгамація. И все-таки владычество мусульманъ никогда не было мирнымъ. Безумно и ожидать конечно чтобы когда-нибудь могло произойти сліяніе между Англичанами и покореннымъ ими населеніемъ; Англичане къ этому и не стремятся, и сила ихъ основывается не на этомъ; они сильны громаднымъ превосходствомъ своей цивилизаціи, своею неприклонною энергіей, тѣмъ страхомъ который они умѣли внушить своимъ подданнымъ, но все это можетъ служить ручательствомъ ихъ безопасности лишь до поры до времени. Пусть только измѣнятся обстоятельства, пусть только какое-нибудь неожиданное событіе пробудитъ отъ усыпленія эти милліоны людей эксплуатаруемыхъ пришельцами, и катастрофа неизбежна. „Оптимисты“, говоритъ авторъ статьи въ *Contemporary Review*, „утѣшаютъ себя мыслью что какъ бы ни были многочисленны туземцы, они не въ состояніи бороться съ прекрасно организованною англійскою арміей. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ это дѣйствительно для нихъ почти невозможно. Но могутъ произойти двѣ случайности, а еще хуже если эти случайности совпадутъ—появленіе національнаго героя и трудная европейская война. Какъ ручаться что во главѣ мѣстнаго народонаселенія не станетъ когда-нибудь человекъ съ такою же предприимчивостью и энергіей какою обладалъ нѣкогда

Гайдеръ-Али, что онъ не сумѣетъ собрать вокругъ себя достаточное число отважныхъ приверженцевъ и не найдетъ руководителей даже въ иностранныхъ офицерахъ? Предположимъ что въ это же самое время Англія будетъ занята войною въ Европѣ: хватить ли у нея въ такомъ случаѣ силъ чтобъ отстоять свою Остъ-Индскую имперію?“ По твердому убѣжденію англійскаго автора, отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть несомнѣнно отрицательный. Англія могла бы не страшиться за будущее лишь въ томъ случаѣ еслибъ успѣла привязать къ себѣ населеніе, а удалось ли ей это?

Говорятъ что Англія подчинявъ себѣ Индію оказала ей великое благо вырвавъ ее изъ того состоянія анархіи, гнета и произвола отъ котораго она не переставала страдать въ прежнее время. Конечно, положеніе страны было въ высшей степени прискорбно, но, во первыхъ, то что давно миновало забывается, а во вторыхъ, туземцы понимаютъ очень хорошо что Англичане вовсе не имѣли въ виду оказывать услугу собственно имъ, а радѣли лишь о своихъ интересахъ. Даже гораздо позднѣе, на нашей памяти, населеніе областей еще не полавшихъ подъ власть Англіи, — населеніе которое испытывало крайне бѣдственную участь, вовсе не плѣнялось мыслію очутиться подъ благотворнымъ вліяніемъ англійскихъ порядковъ. Когда шла рѣчь о присоединеніи Ауда ко владѣніямъ Остъ-Индской компаніи, то народъ, которому худо жилось при своихъ правителяхъ, говорилъ: „мы несчастны, но да минуетъ насъ это большее изъ всѣхъ несчастій“. И онъ былъ вполне правъ. Въ сущности англійскіе порядки отнюдь не такъ благотворны какъ твердятъ объ этомъ сами Англичане. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ въ какой ужасающей нищетѣ живетъ тамъ народъ, какимъ невѣроятнымъ лишеніямъ подвергается онъ достаточно прочесть между прочимъ статью гжи Найтингаль въ послѣдней книжкѣ *Nineteenth Century*. Въ какой части Индіи, спрашиваетъ она, нужно искать того благосостоянія, на которое указываютъ многіе сравнивая телерешнее положеніе туземцевъ съ прежнимъ? Въ тѣхъ самыхъ провинціяхъ о которыхъ губернаторы представляютъ благопріятные отчеты, Индеецъ-крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ принужденъ довольствоваться для своей ежедневной пищи какою-либо горстью риса, свареннаго въ грязной водѣ; одежда его состоитъ изъ тряпокъ; хижина сооружена изъ грязи и соломы и нерѣдко не имѣетъ кровли.

„Народъ“, говоритъ въ свою очередь г. Минаевъ, „знаетъ Англичанъ только по тѣмъ податямъ которыя они наложили на землю, и врядъ ли подозрѣваетъ что Англичане пришли сюда для его же блага завести въ Индію порядокъ, приучить Индійцевъ къ самоуправленію; игнорируя гуманную цѣль своихъ предприимчивыхъ господъ, онъ роищеть на эти подати. Бѣдняга знаетъ Англичанина въ судѣ и твердо убѣждаетъ что сагибъ (такъ называется онъ его) душою не кривить, взятокъ не беретъ и расправу творитъ по-своему справедливо, весьма часто не зная ни народныхъ обычаевъ, ни народнаго міровоззрѣнія; но знаетъ также, бѣдняга, что въ судѣ около сагиба много ему родственнаго чернокожаго народа, голодныхъ писцовъ, и т. д., и коль хочешь не криваго суда—каждому изъ нихъ дай: туземецъ подаркомъ не гнушается. Сагибъ говоритъ на родномъ языкѣ; всѣ сагибы объясняются на ломаномъ урду, и рѣдкій умѣетъ читать какой-либо восточный алфавитъ, но за то у каждаго сагиба большой запасъ ругательства на чистѣйшемъ урду; это народъ конечно понимаетъ особенно если такое краснорѣчіе сопровождается толчкомъ, пинкомъ. Англичане гордые, свободолюбивые, преисполненные собственнаго достоинства—зачастую прибѣгаютъ къ ручной расправѣ... Видитъ народъ какъ сагибы, ихъ жены, дочери по вечерамъ играютъ въ крикетъ, бадмингтонъ, какъ тѣ и другіе ѣздятъ верхомъ, смѣются и разговариваютъ между собою, и далъ онъ своему просвѣтителю и господину клучку „бандара“, то-есть обезьяна... Выводитъ сагиба въ импровизованныхъ драматическихъ представленіяхъ — общелюбимая лотѣха. Глубокой сатиры тутъ конечно нѣтъ, но самый фарсъ поясняетъ отлично, каково взаимное пониманіе между побѣдителями и побѣжденными и какъ они другъ друга любятъ. Актеры обыкновенно натираютъ мѣломъ лицо и руки и предъ публику выходятъ: сагибъ, мэмъ-сагибъ (его жена) и бѣби. Сначала при громкомъ хохотѣ зрителей сагибъ начинаетъ разговаривать съ женой; произноситъ онъ бессмысленный наборъ звуковъ: есь, но, деисъ, нештъ, готъ, готъ, толъ, толъ! затѣмъ сагибъ и мэмъ начинаютъ танцовать по-англійски, а бѣби въ это время поетъ: „лала, мама енгиризи (english), мама, лала жолли (jolly)“. Представленіе заканчивается уродливимъ изображеніемъ англійскаго обѣда; башмаки на блюдахъ изображаютъ бифштекъ, появляется и необходимая бренди, и какъ финаль-драка сагиба съ поваромъ при звукахъ пѣсни: ревъ комъ инъ (rain come in), на базарѣ воды много; полицъ сайдъ (police said), нога поскользнулась доромъ—домъ. Поваръ въ концѣ концовъ повергаетъ сагиба на землю.“

Народъ только этимъ путемъ высказываетъ затаившееся въ немъ недоброжелательство къ повелителямъ, но тѣ изъ туземцевъ которые обладаютъ сравнительно большимъ развитіемъ и по общественному своему положенію претендуютъ

на какія-либо отличія, очень ясно и сознательно формулюють свои жалобы на англійское владычество. Англичане не прочь давать имъ мѣста на службѣ, но мѣста далеко не значительныя; самому знатному между ними всегда будетъ предпочтень любой англійскій чиновникъ; это естественно оскорбляетъ ихъ, ибо они не забываютъ что страна въ сущности принадлежитъ имъ, и что Англичане въ ней не болѣе какъ пришельцы. Судя по книгѣ г. Минаева неудовольствіе выражается особенно сильно между мусульманами, и это какъ нельзя болѣе понятно. Мусульмане когда-то владѣли Индіей, господство ихъ надъ этою страной длилось цѣлыхъ восемь столѣтій; не только у отдѣльныхъ личностей, но и вообще въ населеніи, исповѣдующемъ Исламъ, сохранились извѣстныя преданія, которымъ рѣзко противорѣчитъ телерешная дѣйствительность. Съ этою силой необходимо считаться, ибо численность мусульманъ въ Индіи простирается въ настоящее время болѣе чѣмъ до 40.882.000 (между прочимъ въ Бенгаліи 19.553.000, въ Пенжабѣ 9.337.000, въ Сѣверо-западныхъ провинціяхъ 4.190.000, въ Ассамѣ 1.104.000, и т. д.). Мусульманская аристократія лишена нынѣ всѣхъ тѣхъ средствъ которыя въ бывшее время доставляло ей богатство; сборъ имперскихъ налоговъ былъ когда-то ея монополіей; полицейская власть находилась въ ея рукахъ; она господствовала въ судахъ; ей открыта была военная карьера; о всемъ этомъ сохранились нынѣ лишь воспоминанія. Правительство Остъ-Индской Компаніи, точно также какъ телерешнее правительство предпочитало раздавать должности (разумеется дѣло идетъ лишь о значительныхъ второстепенныхъ должностяхъ, ибо всѣ другія составляютъ достояніе только Англичанъ) Индійцамъ, а мусульманъ оставляли, такъ - сказать, за штатомъ. Понятно что эти послѣдніе относятся въ высшей степени недоброжелательно къ своимъ правителямъ. Недовольство ихъ выражается между прочимъ въ томъ что они рѣшительно не хотятъ знать школъ учреждаемыхъ Англичанами, а между тѣмъ должны платить деньги на ихъ содержаніе. Но мусульмане жалуются не только на то что ихъ деньги идутъ на школы, которыми они не хотятъ пользоваться, но ропщутъ еще на большее зло, причиненное имъ Англійскимъ правительствомъ:

„Съ незапамятныхъ временъ“, говоритъ г. Минаевъ, „въ Индіи туземные правители имѣли обычай дарить землю храмамъ, монастырямъ, или отказывать ихъ на воспитаніе юношества. Съ этихъ земель не собирался въ казну налогъ и онѣ до сихъ поръ извѣстны подъ названіемъ *лакхиражъ*. Въ періодъ упадка Монгольской имперіи, при ослабленіи центральной власти, правомъ изыятія земель изъ общей повинности стали пользоваться также губернаторы отдаленныхъ провинцій и даже подчиненные послѣднимъ начальники отдѣльныхъ областей: поземельный налогъ былъ на откупѣ, губернаторъ, получивъ полное количество налога, причитавшееся съ отдѣльнаго округа, мало заботился о томъ какъ этого достигалъ подчиненный ему начальникъ того округа, была ли тамъ обложена налогомъ вся земля, или же часть ея была отчуждена въ пользу какого-нибудь храма или мечети. Такимъ образомъ случалось что весьма часто суровый сборщикъ податей замаливалъ предъ смертью грѣхи тѣмъ что отказывалъ часть подвѣдомственной ему земли въ пользу храма или мечети. Кромѣ того, при прежнихъ правительствахъ, предшествовавшихъ Англійскому, часть поземельнаго дохода нерѣдко отчуждалась правительствомъ въ пользу какого-нибудь лица, оказавшаго услуги государству, или приобрѣтшаго милость и благоволеніе верховнаго правителя. Земли отчуждались правительствомъ на различныхъ условіяхъ: иногда онѣ отдавались только въ пожизненное пользованіе, или же дарственная дѣлалась на вѣчныя времена съ правомъ передать землю по наслѣдству. Когда Бенгалія перешла во владѣніе Англичанъ, оказалось что одна четвертая всей провинціи была отчуждена такимъ образомъ отъ государства. Ни Гастингсъ, ни лордъ Корнваллисъ, не рѣшались на конфискацію отчужденнаго добра. Англичане признали законность такого рода землевладѣнія, и земли *лакхиражъ* оставались нетронутыми. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія Англійское правительство почувствовало что оно терпитъ отъ означенныхъ земель значительный ущербъ въ своихъ доходахъ. Столько добра отчуждено—и для какой же цѣли? Массы лѣвтяевъ и негодяевъ ведутъ праздную, полную довольства жизнь на счетъ государства, пользуются привилегіями въ ущербъ правительству и народу. Правительство признало это за скандалъ, за оскорбленіе общественной нравственности; нѣкоторые изъ чиновниковъ, проникнувшись воззрѣніемъ правительства, стали даже проводить параллель между Бенгаліей и до-революціонною Франціей; вслѣдствіе всѣхъ таковыхъ соображеній, вопросъ о конфискаціи земель *лакхиражъ* былъ поднятъ уже въ 1828 году. Отъ владѣтелей ихъ потребованы были документы, въ силу коихъ они владѣли этими землями. Требованіе правительства было конечно совершенно законно, и во всякой другой странѣ, но не въ Индіи, большинство владѣтелей могло бы удовлетворить ему безо всякихъ затрудненій; въ Индіи же, тамъ гдѣ дома такъ часто горятъ

разваливаются, гдѣ климатъ сырѣ, гдѣ массы бѣлыхъ муравьевъ и всякихъ другихъ насѣкомыхъ истребляютъ такъ много всякихъ рукописей, для большинства владѣтелей было совершенно невозможно отыскать старинные документы. Послѣ столькихъ лѣтъ законнаго пользованія отъ нихъ потребовали доказательствъ законности этого пользованія. Началось разсѣдованіе: съ одной стороны отбирались земли, и сотни семей повергались въ нищету; съ другой, многіе владѣтели прибѣгали къ обману и поддѣлкѣ... Это мѣропріятіе Англійскаго правительства доставило ему лишнихъ 300.000 ф. стерл. въ годъ, но приращеніе дохода было куплено дорогою цѣной. Ни для кого не тайна теперь что конфискація земель была мѣрой очень не политичною; противъ нея были раздражены одинаково Индусы и мусульмане, но въ Бенгаліи большинство пострадавшихъ семей было мусульманскія; тамъ бѣольшая часть земель *лакхипрафъ* принадлежала мечетямъ и была отдана въ пользу воспитанія мусульманскаго юношества. Понятно почему еще и теперь мусульмане жалуются что Англичане ихъ обобрали. Та же мѣра распространена была и на другія части Индіи, гдѣ потерпѣли собственники другихъ религій, но всего болѣе пострадали отъ нея мусульманскія аристократическія семьи и мусульманское воспитаніе.⁴

Жалобамъ мусульманъ, говорить авторъ, нѣтъ и конца. Они жалуются и на то что Англійское правительство дѣлаетъ и на то чего оно не дѣлаетъ. Съ 1863 года, напримѣръ, правительство отказалось назначать *кади* и предоставило самому обществу избирать изъ своей среды это полудуховное, полусвѣтское должностное лицо: новая причина для негодованія индійскихъ мусульманъ. По ихъ понятіямъ, кади непременно должны быть назначаемы верховною властью; они говорятъ что только при такомъ условіи Индія можетъ считаться „страной Ислама“; въ противномъ же случаѣ она становится, по толкованію ихъ законниковъ, „страной враждебною“. Словомъ, мусульманское населеніе настроено очень непріязненно къ Англичанамъ, и если до сихъ поръ движеніе обнаруживающееся въ его средѣ было искусно сдерживаемо ими, то происходить это оттого что между мусульманами и Индусами господствуетъ глубокая рознь. Индусъ, говорить г. Минаевъ, не можетъ сочувствовать мусульманину; все чтимое однимъ за святыню оскорбляетъ религиозное чувство другаго; мусульмане и Индусы, живя въ тѣсномъ сосѣдствѣ, говорятъ различными нарѣчіями, пишутъ различными азбуками, держатся разныхъ обычаевъ, одѣваются не одинаково и не ѣдятъ вмѣстѣ. При такихъ условіяхъ невозможна, конечно, общность

интересовъ. Тутъ обширное поприще для примѣненія извѣстнаго правила: *divide et impera*, и Англичане слѣдуютъ ему неуклонно. Не нужно впрочемъ заключать изъ сказаннаго вами выше что симпатіи ихъ въ этой распрѣ между приверженцами враждебныхъ религій склоняются въ пользу Индусовъ. Совершенно напротивъ. Они возбудили недоброжелательство со стороны мусульманъ, потому что подорвали ихъ матеріальное благосостояніе и лишили ихъ всякаго значенія, но Индусовъ презираютъ они несравненно болѣе. „Англичане“, замѣчаетъ нашъ авторъ, „стараятся быть безпристрастными, но до тѣхъ поръ пока распря (между Индусами и мусульманами) не перешла въ открытый и шумный безпорядокъ, ихъ симпатіи, конечно, на сторонѣ мусульманъ. Скорбь и жалобы Индуса имъ не могутъ быть понятны, и какъ на все нелюбимое, чуждое и далекое, такъ и на это у Англичанина одинъ отвѣтъ: *but how stupid или what a non sense!*“

Несмотря на все это, г. Минаевъ убѣждаетъ что опасность угрожаетъ английскому владычеству въ Индіи именно внутри страны, отъ населенія, которое осталось совершенно чуждо Англичанамъ и преклоняется предъ ними лишь потому что подавлено чувствомъ страха. По мнѣнію автора, которое совершенно сходно съ мнѣніями высказываемыми самими Англичанами, опасность съ этой стороны гораздо серіознѣе чѣмъ со стороны туземныхъ владѣній, сохранившихъ еще обманчивый призракъ независимости, хотя и ихъ положеніе далеко нельзя считать надежнымъ. Владѣнія эти (*Feudatory or native states*) занимаютъ цѣлую треть Индіи, то-есть 589.315 английск. квад. миль, съ населеніемъ въ 50.325.000; въ настоящее время насчитывается ихъ болѣе 460; они разсыяны повсюду и всюду окружены британскими землями. Отношенія къ намъ Англійскаго правительства опредѣлены различными трактатами, но опредѣлены весьма не точно, что вѣроятно сдѣлано съ умысломъ. Англичане заявляютъ при всякомъ удобномъ случаѣ что не хотятъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла этихъ государствъ, а между тѣмъ безпрерывно прибѣгаютъ ко вмѣшательству; они разрѣшили содержать туземныя войска, но не позволяютъ мѣстнымъ правителямъ пользоваться этими войсками; правители эти признаны независимыми государями, но генераль-губернаторъ издаетъ имъ приказы и требуетъ безусловнаго повиновенія; совокулность войскъ, находящихся въ ихъ распоряженіи,

простирается до 315.000, но войска эти вооружены плохо, не имѣють ружей новѣйшихъ системъ, олять-таки благодаря предусмотрительности Англичавъ: въ послѣднее время между прочимъ постановлено что всякое ружье, ввозимое въ Индію, подлежить оплатѣ 20 рупій (около 2 фунт. стерл.). Автономія туземныхъ владѣній существуетъ такимъ образомъ лишь на словахъ, но они остаются спокойны, зная съ какимъ врагомъ приходится имъ имѣть дѣло и выжидая, быть-можетъ, благоприятныхъ обстоятельствъ.

Большею независимостью пользуются туземныя владѣнія на сѣверной и сѣверо-западной границахъ Индіи. Г. Минаевъ посѣтилъ, между прочимъ, одно изъ нихъ—Непаль. Можно считать Непаль даже совершенно независимой страной, хотя Англичане и тутъ пользуются значительнымъ вліяніемъ. Изъ любопытныхъ разказовъ нашего путешественника можно составить себѣ ясное понятіе о томъ что такое правительство этой страны. Вотъ напримѣръ предъ нами самъ Непальскій царь при приѣмѣ англійскаго резидента:

„На дворцовомъ дворѣ выстраиваются шпалерами солдаты. Какъ только коляска вѣдетъ во дворъ, тотчасъ раздаются оглушительные звуки плохаго европейскаго оркестра вмѣстѣ съ безобразнымъ національнымъ лѣніемъ. У подъязда резидента встрѣчаютъ высшіе чины: главнокомандующій со свитой. По узенькой, темной, крутой лѣстницѣ чины ведутъ резидента и его свиту въ залу дарбара (дарбаръ—большой выходъ царя, торжественный приѣмъ). Зала дарбара—длинная, просторная комната, убранная по-европейски; въ противоположномъ отъ входа концѣ стоитъ тронъ, отъ котораго идутъ два ряда креселъ, занимаемыхъ исключительно военными; Непальцы не состоящіе на военной службѣ не допускаются въ дарбаръ. Его непальское величество Сурендра Викрамасахъ встрѣтилъ резидента стоя. Сдѣлавъ селамъ онъ ложалъ руку резиденту и его свитѣ. Несчастный Непальскій монархъ имѣеть совершенно европейскій типъ лица; его продолговатое блѣдное лицо было бы даже красиво еслибы не имѣло такого полоумнаго выраженія; онъ говорилъ быстро, заикаясь, припрыгивая на тронѣ. Онъ жаловался что его не пустили въ Калькутту, хотя онъ и желалъ любоваться тамъ. „Д.—сагибъ (то-есть г. Д.) уѣхалъ съ махаражей (то-есть съ „первымъ министромъ) не простившись со мною“, говорилъ немощное величіе. Аудиенція продолжалась недолго, къ великой вѣроятно радости окружавшихъ его величество, ибо неизвѣстно до чего могъ договориться Непальскій царь, находясь въ такомъ волненіи и почти въ состояніи невмѣняемости. При прощаніи, покротивъ какихъ-то духовъ въ платки резидента и его свиты, онъ одѣлилъ всѣхъ бетелемъ.“

Непальскій царь, по природной неспособности, пользуется впрочемъ только титуломъ, а вся дѣйствительная власть сосредоточена въ рукахъ его перваго министра Жанга Бахадуря. Это очень замѣчательная личность. Онъ былъ сынъ незначительнаго офицера, вступилъ на службу пользуясь покровительствомъ своего дяди, занимавшаго очень высокую должность при дворѣ, составилъ себѣ партію, вступилъ въ сдѣлку съ одной изъ царицъ, и въ благодарность своему покровителю убилъ его чтобы занять его мѣсто. Ободренный этимъ успѣхомъ, онъ вознамѣрился затѣмъ отстранить и самого царя, и на престолъ возвести его малолѣтняго сына. И этотъ планъ удался какъ нельзя лучше и, главное, какъ нельзя лучше: Жангъ Бахадуръ ворвался въ залу совѣта, перерѣзалъ до тридцати членовъ, убилъ перваго министра и принудилъ царя бѣжать въ Бенаресъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался всемогущимъ лицомъ въ Непалѣ. Онъ неограниченно управляетъ страной и всѣ важныя должности роздалъ ближайшимъ своимъ родственникамъ—сыновьямъ, братьямъ и племянникамъ. Непальцамъ очень хорошо извѣстно кровавое прошлое этого человѣка, но никто не дерзаетъ возставать противъ него, а между тѣмъ Англійское правительство ладитъ съ нимъ какъ нельзя лучше, возвелъ его въ званіе баронета, и первый министр называется теперь не просто Жангъ Бахадуръ, а сэръ-Жангъ Бахадуръ. Впрочемъ еще неизвѣстно въ какой мѣрѣ могутъ разчитывать Англичане на добрыя отношенія къ нимъ страны о которой мы говоримъ. Непалъ очень мало извѣстенъ Европейцамъ, правительство его какъ нельзя болѣе подозрительно и слѣдитъ за каждымъ шагомъ путешественниковъ старающихся проникнуть въ его предѣлы. Одно только несомнѣнно, говорить г. Минаевъ, что нѣтъ другой области въ которой Англичанъ такъ мало любятъ и такъ сильно боятся. По словамъ его, армія Непала не многочисленна, въ ней не болѣе 20.000 человѣкъ, но такъ какъ во всякое время дня по улицамъ встрѣчается множество солдатъ, то по всему вѣроятію численность ихъ гораздо болѣе. Англичане живущіе по границамъ увѣряютъ будто бы цѣлыя транспорты усовершенствованныхъ ружей привозятся тайкомъ въ Непалъ. Трудно слѣдовательно предугадать что можетъ случиться въ будущемъ. Г. Минаевъ прибылъ въ Непалъ изъ Патны. Объ этомъ городѣ дѣлаетъ онъ слѣдующее замѣчаніе, которое находится въ непосредственной связи съ

тѣмъ что было нами сейчасъ сказано: „Самое любопытное въ Патнѣ, это Вахабиты, съ которыми впрочемъ я не сходился и не видѣлся. Вахабиты, какъ извѣстно, явные враги Англичанъ. Они живутъ твердо уловая что пророкъ ихъ Сеидъ-Ахмедъ вернется и уничтожитъ всѣхъ невѣрныхъ; пока же, готовясь къ джихаду, они собираютъ особый фондъ на священную войну. Всякій богачъ вноситъ извѣстный процентъ со своихъ доходовъ въ этотъ фондъ. Земледѣлецъ жертвуетъ туда же два съ половиной процента съ каждой жатвы. Такимъ же налогомъ обложены мясники, ремесленники и даже нищія; послѣдніе жертвуютъ по одной пригоршнѣ отъ своей скудной пищи.“

Сѣверо-западная граница Индіи, какъ уже замѣчено выше, по справедливости возбуждаетъ особыя тревоги въ Англичанахъ. Здѣсь есть независимыя владѣнія на которыя положить нельзя; здѣсь въ горахъ, засѣла разбойничьи племена, поставленныя въ особенно выгодныя условія, ибо горы, служащія ихъ мѣстолребываніемъ, мало и плохо извѣстны Англичанамъ. Англійское правительство чувствуетъ опасность. Оно прибѣгаетъ къ различнымъ мѣрамъ, и еще въ недавнее время вице-король Индіи настаивалъ на необходимости обезоружить все пограничное населеніе.

Насколько интересны наблюденія, сдѣланныя г. Минаевымъ, настолько кажутся намъ не совсѣмъ ясными и опредѣленными тѣ общіе выводы къ которымъ онъ пришелъ на основаніи ихъ. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ онъ въ послѣдней главѣ своей книги *Молодая Индія и Брахмаисты*:

„Посторонній наблюдатель долженъ признать что общественная организація, созданная и поддерживаемая Англичанами, принесенная ими цивилизація нигдѣ не пустила глубокихъ корней въ индійскомъ обществѣ, ибо конечно нельзя назвать то общество цивилизованнымъ гдѣ грубое суевѣріе и общественная неправда вполнѣ господствуютъ. Въ Индіи дѣйствительно есть слой общества или вѣрнѣе *незначительное меньшинство* образованныхъ людей, не способныхъ водноваться изъ-за оскверненія священнаго пруда коровьею костью, или не усматривающихъ въ развратномъ учителѣ инкарнаціи бога, но это меньшинство, *искусственно созданное Англичанами, пока еще не сильно ни численностью, ни умственной производительностью и не вліятельно*. Масса народа, несмотря на всѣ усилія западныхъ цивилизаторовъ, осталась въ Индіи такою же какою она была до ихъ прішествія, а потому Англичане въ правѣ утверждать что

какъ скоро они оставятъ въ настоящій моментъ Индію и британскіе порядки погибнуть, то страна опять владеть въ ту же анархію въ какой застади ее Европейцы въ XVIII вѣкѣ“.

Все это совершенно согласно съ наблюденіями сдѣланными авторомъ, которыя изложилъ онъ въ своей книгѣ. Но едва ли согласимо съ ними то что говоритъ авторъ тотчасъ же вслѣдъ за приведенными нами словами:

„Заведя“, пишетъ онъ, „школы и стараясь о распространеніи образованія, Англичане принесли въ Индію высшіе дары цивилизаціи: научный методъ и критическій духъ; они открыли врата въ которыя хлынули потоки западнаго знанія. Столкновение съ Европой должно было сказаться на развитіи такого даровитаго и умнаго племени какъ Индусы. Толчокъ былъ данъ и движеніе началось. Духъ безлокойства сказывается и среди мусульманъ и среди Индусовъ. Старые боги и старыя вѣрованія не исчезли еще и полпрежнему дороги массамъ, но предъ вѣяніемъ новаго времени трелещутъ уже косность и невѣжество. А между тѣмъ юная Индія, Индія прошедшая чрезъ англійскія школы, хотя и медленно, но постоянно численно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ духъ отрицанія все болѣе и болѣе развивается и распространяется.“

А черезъ двѣ страницы читаемъ:

„Индія стремительно развивается. Едва ли въ жизни другой какой страны бывалъ такой быстрый переходъ изъ одного фазиса въ другой. Англичане настроили въ Индіи желѣзныхъ дорогъ прежде нежели сами Индійцы додумались до сознанія пользы и необходимости шоссейныхъ. Такой же прыжокъ они заставили Индійца сдѣлать съ его умственнымъ развитіемъ подъ вліяніемъ ихъ школы. Отъ гуранъ и тантръ онъ перешелъ прямо къ Дарвину и Боклю...“

Какое же изъ двухъ мнѣній автора мы должны считать болѣе справедливымъ? То ли что масса населенія въ Индіи нисколько не поддавалась европейской цивилизаціи, что она сохранила всѣ свои прежнія вѣрованія и обычаи, и что среди этой массы есть лишь незначительный кружокъ людей, образованіе коихъ проявляется въ ихъ не способности водноваться изъ-за оскверненія священнаго пруда коровьею костью, или другое согласно которому Индія развивается стремительно, дѣлаетъ на пути своего умственнаго преуслѣванія такіе прыжки какихъ никогда не дѣлала никакая другая страна въ мірѣ? Мы склоняемся къ первому изъ

этихъ мнѣній,—склоняемся къ нему на основаніи того что сообщаетъ намъ самъ же авторъ книги. Конечно, продолжительное господство Англичанъ въ Индіи не можетъ остаться безъ слѣда; оно произведетъ когда-нибудь переворотъ, но переворотъ этотъ не наступилъ и ожидать его придется еще очень долго. До тѣхъ поръ Англичане будутъ преспокойно эксплуатировать страну какъ эксплуатировали они ее до сихъ поръ. Да и наконецъ когда переворотъ обнаружится—мы говоримъ о переворотѣ во мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ—то нельзя ожидать отъ него ни малѣйшей пользы для народовъ Британской Индіи. „Англія заботилась и заботится въ этой странѣ лишь объ одномъ—построить прочную политическую систему“, замѣчаетъ г. Минаяевъ; „подъ защитой такой политической системы, по мнѣнію англійскихъ правителей, всѣ социальныя отношенія могутъ безопасно развиваться. Они забываютъ лишь только что всѣ азіатскія общества до сихъ поръ всегда слочивались религіей; только соединенные этимъ цементомъ они находили свой покой... Англія эмансипируетъ Индійца и не задаетъ себѣ вопроса о томъ что предприметъ этотъ индійскій умъ, вполнѣ освободившійся отъ всякихъ стѣснительныхъ узъ?“ Во всякомъ случаѣ этотъ умъ не произведетъ ничего хорошаго. Отъ своихъ луранъ и тантръ онъ отстанетъ, а Бокля и Дарвина не пойметъ, только окончательно потеряетъ подъ собою всякую почву. Вотъ почему намъ кажутся вполнѣ основательными замѣчанія высказанныя однимъ изъ англійскихъ авторовъ, полковникомъ Чеснеемъ въ февральской книжкѣ *Nineteenth Century* за нынѣшній годъ (въ статьѣ „Value of India to England“): „Образованные Индійцы, воспитанники учреждаемыхъ нами школъ и университетовъ, составляютъ еще крайне незначительное меньшинство (are still an extremely small minority), хотя правительство для увеличенія ихъ числа и держится системы дароваго обученія. Во всякомъ случаѣ этотъ классъ общества менѣе чѣмъ какой-либо другой способенъ замѣнить насъ въ управленіи страной. Правда, эти люди заставляютъ много говорить о себѣ, но лишь потому что, не имѣя возможности добиться мѣстъ на казенной службѣ, они издають революціонныя газеты, къ которымъ правительство относится съ презрительнымъ равнодушіемъ. И равнодушіе это какъ нельзя болѣе разумно, ибо въ революціонномъ настроеніи этихъ туземныхъ писакъ также мало

серіознаго какъ и въ полученномъ ими воспитаніи... Пусть же не думаютъ что мы стараемся воспитать такой классъ общества который могъ бы современемъ воспользоваться властью; управление Индіей или даже одною Бенгаліей посредствомъ европейски образованныхъ туземцевъ—совершенно невысказанная вещь. Вѣроятно всего что когда мы удалимся изъ этой страны, она сдѣлается снова, какъ это уже случилось съ нею не разъ, добычею пограничныхъ съ нею воинственныхъ народовъ. Власть очутится въ рукахъ такихъ классовъ общества которые воздвигнутъ гоненіе на всякое проявленіе цивилизаціи въ какой бы то ни было формѣ, преобладаеніе которыхъ будетъ ознаменовано разрушеніемъ шоссейныхъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, словомъ всего что будетъ наломанать объ англійскомъ владычествѣ...“

Едва ли можно произнести болѣе строгій приговоръ объ англійскомъ владычествѣ въ Индіи чѣмъ тотъ который содержится въ приведенныхъ нами словахъ. Вотъ уже болѣе столѣтія какъ страна эта находится подъ управленіемъ одной изъ наиболѣе цивилизованныхъ европейскихъ державъ, и что же оказывается въ результатъ? Управление это нисколько не измѣнило ее къ лучшему, оно оставляетъ многочисленныя ея народы такими же безпомощными какъ они были прежде, и если Англичане сегодня не будутъ въ состояніи эксплуатировать ихъ, то завтра же они сдѣлаются жертвою дикой анархіи. Очень понятно что такой порядокъ вещей не возбуждаетъ въ Индіи ничего кромѣ ненависти. Рано или поздно, она должна возбудить сильныя потрясенія, ибо не требуется особенныхъ стараній чтобы вызывать ихъ. Для этого не нужно даже приближенія чужеземныхъ войскъ: по границамъ Индіи и внутри ея, говоритъ Минаевъ, есть такіе элементы которые готовы вспыхнуть отъ простыхъ слуховъ, безъ дорого стоящихъ нашествій...

II.

Островъ Кипръ. Франца фонъ-Лёера. (Franz von Löher: *Cypern. Reiseberichte ueber Natur und Landschaft, Volk und Geschichte.* Stuttgart, Cotta, 1878.)

Событія послѣднаго времени обратили всеобщее вниманіе на островъ Кипръ. Книга Лёера является весьма кстати чтобы удовлетворить нашему любопытству относительно минувшихъ судебъ и настоящаго положенія Кипра. Лёеръ подробно ознакомился съ Кипромъ, несмотря на всѣ затрудненія которыя представляются въ этомъ отношеніи европейскому путешественнику: онъ пользовался особымъ покровительствомъ турецкихъ властей, благодаря содѣйствию германскаго и австрійскаго посланниковъ въ Константинополѣ. Независимо отъ этого, онъ явился на древнюю и живописную почву Кипра съ обильнымъ запасомъ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, съ живымъ чувствомъ пониманія красоты природы, съ привычнымъ глазомъ опытнаго путешественника, отъ котораго не укрываются живописныя подробности быта, нравовъ и мѣстности. Обиліе фактовъ и талантливое изложеніе дѣлаютъ книгу Лёера весьма интересною и мы воспользуемся ею чтобы представить очеркъ исторіи Кипра, его современнаго быта, населенія, климата и произведеній.

Въ то время когда Лёеръ путешествовалъ по Кипру, никто еще и не думалъ о возможности уступки этого острова Англичанамъ. Среди историческихъ воспоминаній, вызванныхъ Кипромъ и наблюденіями надъ его современнымъ положеніемъ, нѣмецкому путешественнику предносилась совершенно другая картина будущности знаменитаго острова, который, по его мнѣнію, легко можетъ снова достигнуть цвѣтущаго состоянія. Онъ полагаетъ что для возрожденія Кипра не нужны ни особыя денежныя затраты, ни особая духовная сила, ни крайнее физическое напряженіе, но что возрожденіе это не можетъ однако совершиться изнутри, а должно произойти извнѣ. Откуда же? Авторъ намекаетъ въ одномъ мѣствѣ на необходимость правильной системы германскихъ колоній для того чтобы открыть исходъ избытку населенія. Онъ не указываетъ прямо на Кипръ, но между строкъ не трудно прочесть что этотъ островъ былъ бы де весьма удобнымъ мѣстомъ для такой колонизаціи. Въ другомъ мѣствѣ Лёеръ прямо касается вопроса о будущности Турціи и о той роли которая

по его мнѣнію въ этомъ вопросѣ должна выпасть на долю Германіи и высказываетъ, съ точки зрѣнія германской политики сужденія не лишены интереса и весьма наставительныя.

„Предъ нами“, говоритъ онъ, „находятся двѣ возможности исхода. Турція можетъ просуществовать еще въ продолженіе столѣтій, или же судьба ея рѣшится ранѣе. Постараемся уяснить себѣ что вѣроятно произойдетъ въ томъ и другомъ случаѣ.

„Если Турціи опредѣлено существовать еще долго, то все что бы ни стали предпринимать Османы, хорошее и дурное, все должно вести къ конечному ихъ разложенію. Государство основанное исключительно на военномъ господствѣ сильнаго, но грубаго меньшинства населенія должно по необходимости распасться, или получить другую національную окраску какъ скоро всѣмъ его обитателямъ будутъ предоставлены равныя права и равная цивилизація. Процессъ этотъ долженъ совершиться тѣмъ скорѣе если господствующее меньшинство населенія такъ незначительно каково османское и если оно такъ слабо духовными силами и такъ бѣдно силой рабочею. Какой же народъ возьметъ въ свои руки бразды правленія, когда онѣ выпадутъ изъ рукъ Турціи? Народъ этотъ несомнѣнно будетъ Греческій. Въ мѣстности обнимающей собою Эпиръ, Фессалію, Македонію, Архилелагъ и побережье Фракіи и Малой Азіи Греки безо всякаго сравненія превосходятъ численностью Турокъ; по отношенію къ этой численности не можетъ быть принимаемо въ серіозное соображеніе ни количество Славянъ, ни количество Румынъ и Армянъ. Кромѣ того, Греки наиболѣе развитой и дѣятельный народъ, народъ наиболѣе одаренный по природѣ и постоянно подстрекаемый своими историческими воспоминаніями.

„Было бы слишкомъ смѣло подробнѣе говорить о томъ какъ можетъ произойти смѣна господства народовъ въ этой мѣстности. Турецкая имперія вѣроятно распадется на множество небольшихъ прибрежныхъ земель и государствъ; къ такому раздѣленію ведетъ вся природа этой страны, разрѣзанной линіями горъ и береговъ на нѣсколько отдѣльных областей. Государства лежація на греческой сторонѣ Балканскихъ горъ и по южнымъ ихъ отрокамъ должны будутъ рано или поздно вступить между собою въ союзъ требуемый общностью ихъ интересовъ. Гегемонія въ этомъ союзномъ государствѣ не можетъ миновать Греческаго народа. Турки знаютъ что дѣйствительные наследники ихъ суть Греки.

Какъ ни велико презрѣніе ихъ къ этому хитрому и измѣнчивому народу, но ихъ страхъ и ненависть къ нему еще сильнѣе.

„Возьмемъ другую возможность и предположимъ что Турецкая имперія въ Европѣ падетъ уже въ ближайшемъ будущемъ. Греки должны будутъ тогда вѣроятно довольно долго переносить на Босфорѣ и въ Греческомъ морѣ постороннее владычество. Весьма вѣроятно что благодаря своей переносливости и дѣятельности Греки переживутъ всякое иноземное господство, что они постоянно будутъ размножаться и богатѣть и наконецъ выдвигнутся впередъ точно также какъ они въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ постоянно выходили изъ величайшихъ опасностей и налостей и какъ они пережили четыреста лѣтъ турецкаго господства. Паденіе Турецкой имперіи можетъ быть вызвано только Россіей. Еслибы Россія великодушно уступила въ этомъ случаѣ Греціи Эпиръ и Фессалію и подъ какою бы то ни было формой взяла подъ свою власть остальную страну, развѣ европейскія державы не должны были бы прибѣгнуть къ постоянному вмѣшательству? Развѣ онѣ могли бы и стали бы переносить исключеніе ихъ изъ греко-русскихъ морей, исключеніе которое парализовало бы все теченіе европейскыхъ торговыхъ сношеній? Въ этомъ случаѣ легко могло бы повториться то же что совершилось на Востокѣ въ тринадцатомъ вѣкѣ. Владѣнія Турціи частію превратились бы въ небольшія княжества, или даже республики подъ защитой западныхъ государствъ, частію же были бы раздѣлены между европейскими державами, подобно тому какъ существовали нѣкогда императоръ Византіи, король Кипра, герцогъ Аѳинъ, князь Салоникъ, и т. д. Англичане и Французы легко могутъ снова играть на Востокѣ роль Генуезцевъ и Венеціанцевъ и уже давно готовятся къ этой роли. Поставленные подъ хорошее и энергическое управленіе, области Востока внезапно могутъ подняться до такого же процвѣтанія какое выпало на долю Кипра при Луизьянахъ.

„А Германія? Неужели она должна остаться бездѣятельною при такомъ оборотѣ вещей?

„Какъ бы ни сложилось положеніе дѣлъ въ средней Европѣ, не подлежитъ сомнѣнію что Германія не должна оставить Россіи Востока. Черезъ обладаніе имъ и его богатствами Россія стала бы сильнѣе Германіи. А между тѣмъ Востокъ составляетъ важнѣйшій рынокъ для германской отлускной

торговли, на Востокъ указываетъ теченіе Дуная и персть германской будущности. Германія не должна оласаться самаго крайняго напряженія силъ, прежде чѣмъ она позволитъ желѣзному поясу русской границы отрѣзать себя отъ этихъ странъ, подобно тому какъ закрытіе русской границы (*Grenzsperre*) почти наполовину парализуетъ Восточную и Западную Пруссію и Познань. Интересъ Германіи требуетъ, слѣдовательно, защиты Ново-Грековъ для того чтобъ они могли въ мирномъ развитіи исполнить свою задачу на Востокъ. Но какъ бы ни шли тамъ дѣла, Германія никогда не должна держаться совершенно въ сторонѣ чтобы не потерять право на участіе въ рѣшеніи Восточнаго вопроса. Если же бы дошло до общаго раздѣла Востока, то Германія имѣетъ на него такое же право какъ Россія, Англія, Италія и Франція. Германія въ десять разъ болѣе нежели какой-либо другой народъ содѣйствовала своею наукой и своимъ духомъ культурѣ древнегреческихъ областей въ Азіи и въ Европѣ.“

Таковы выводы и мысли автора о дѣлѣ турецкаго наслѣдства, на которое кажется всё, за исключеніемъ насъ конечно, оказываются имѣющими самую де неоспоримыя права,—выводы и мысли навѣянные на Лёера посвѣщеніемъ Кипра и ближайшимъ знакомствомъ съ его населеніемъ. Политика не мѣшаетъ, впрочемъ, книгѣ Лёера быть интереснымъ изображеніемъ исторіи и природы острова, на который съ постоянною завистью смотрѣли народы древняго міра и Среднихъ вѣковъ, и который, по видимому, продолжаетъ возбуждать эти чувства и въ наше время.

Приподнимая завѣсу прошедшаго, густою пеленой покрывающаго Кипръ, мы увидимъ огромный лѣсистый островъ, на южномъ побережѣ котораго находятся поселенія и стоитъ большой городъ. Маленькіе корабли съ длинными кормами дѣятельно снуютъ въ гавани и несутъ въ далекое море отважное племя, всюду ищущее золота и хорошо знакомое съ управленіемъ веслами и ларусами. Племя это—Фивикіане. а городъ называется Кити; по преданію онъ основанъ внуками Іафета. Сирійскіе народы съ противоположнаго берега явились на Кипръ чтобы воздѣлать его роскошныя долины, строить себѣ корабли изъ его громадныхъ лѣсовъ, искать металлы въ его почвѣ. Уже въ то время промышленность Кипра

пользовалась такою славой что Семирамида призвала на Евфратъ кораблестроителей изъ города Кити. Финикiяне принесли на островъ культъ сирiйской Астарты; жертвенники ея были воздвигнуты въ Павосъ, Амагунтъ, Идалионъ, и Кипръ сдѣлался наиболѣе знаменитымъ средоточiемъ этого культа.

Вскорѣ послѣ Троянской войны на Кипръ твердою ногой стали Греки. Сюда явился цѣлый рядъ вождей изъ всѣхъ почти греческихъ племенъ, Тевкръ, Демеоонъ, Агаленоръ, Праксандръ и множество другихъ. Они причалили къ берегу свои корабли, бросились въ лѣса, нарубили деревьевъ, устроили застѣки и, вооруженные щитами и копьями, ожидали нападенiя жителей. Вдоль всего прибрежья возникли одинъ за другимъ знаменитые греческiе города; пришельцы скоро поднялись вверхъ по теченiю рѣкъ и основали также и здѣсь поселенiя и небольшiя государства. Греки долго жили на Кипрѣ рядомъ съ Сирiйцами финикiйскаго и еврейскаго происхожденiя; они заимствовали многое отъ нихъ и затѣмъ, въ свою очередь, постепенно передали также и имъ свое нарѣчiе и свои нравы. Ученые долго не могли объяснить нѣкоторыя надписи найденныя на Кипрѣ и уже начинали возникать предположенiя о существованiи особаго народа, гораздо болѣе древняго нежели Финикiяне. Исслѣдованiя послѣдняго времени показали что надписи этѣ принадлежать особому, греко-кипрскому нарѣчiю. Подъ влiянiемъ Грековъ, Астарта превратилась въ Афродиту; греческая богиня въ свою очередь поселилась среди роскошныхъ садовъ и лѣсовъ острова. На Кипрѣ создались девять небольшихъ царствъ. Множество рѣчекъ и потоковъ, стекавшихъ съ горъ поросшихъ густыми лѣсами, распространяли по всему острову жизнь и изобилiе; при устьѣ каждаго потока лежалъ городъ, возникало поселенiе; корабли выплывали въ море изъ тридцати гаваней, и промышленность процвѣтала.

Между тѣмъ въ тѣхъ частяхъ свѣта среди которыхъ лежитъ островъ Кипръ, образовались великiя царства: Ассирiйское, Египетское, Персидское. Каждое изъ нихъ стремилось присвоить себѣ знаменитый островъ и за обладанiе имъ возникли продолжительныя войны. Чтобъ избавиться отъ постоянныхъ нападений и гражданскихъ междоусобiй, Кипръ въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. подчинился, наконецъ, добровольно египетскому владычеству. Когда оно сдѣлалось слишкомъ тягостнымъ, а имя великаго Кира покрыло своимъ блескомъ

всѣ другія имена, Кипріоты призвали Персидскаго царя къ себѣ на помощь и при переходѣ Кира черезъ Геллесловы предоставили въ его распоряженіе сто пятьдесятъ своихъ кораблей. Но вскорѣ Кипръ принялъ дѣятельное участіе въ національной борьбѣ Грековъ противъ персидскаго владычества. Въ водахъ Кипра происходили громадныя морскія битвы; во главѣ греческаго флота появились величавые образы Кимона и Эвагора; Кипръ десять лѣтъ отстаивалъ свою независимость и наконецъ долженъ былъ уступить численному превосходству персидскихъ силъ. Куртизанки Персеполиса гордились тѣмъ что могутъ въ одну ночь истратить на пиру дань платимую всѣми девятью греческими царями Кипра.

Александръ Македонскій собралъ всѣ греческія племена для втораго похода въ Азію. Когда онъ явился предъ Тиромъ, кипрскіе цари добровольно послали ему свой флотъ и осадныя машины. Они соперничали между собою въ роскоши торжественныхъ игръ, устроенныхъ въ честь побѣдъ Александра. Нѣкоторые изъ нихъ послѣдовали за нимъ до самаго Иида; корабли предназначенные везти по этой рѣкѣ войска великаго Македонянина, были построены кипрскими мастерами, а самъ Александръ носилъ мечъ выкованный въ мастерскихъ кипрскаго города Китіона: мечи эти славились своею остротой и тонкостію. Когда полководцы Александра сдѣлались въ свою очередь царями, за обладаніе Кипромъ снова закипѣла кровавая борьба. Причины ея понятны. Кто владѣетъ Кипромъ, тотъ держитъ въ своихъ рукахъ сосѣднія побережья, а кто владѣетъ этими побережьями и не обладаетъ въ то же время Кипромъ, тотъ постоянно долженъ опасаться нападенія съ этого острова. Кипръ сдѣлался, наконецъ, собственностію Птолемеевъ и двѣсти лѣтъ оставался подъ египетскимъ владычествомъ. Города и деревни Кипра платили Египту большую подать, девять кипрскихъ царей сохранили лишь призрачную власть, египетскій намѣстникъ въ Саламинѣ правилъ всѣмъ островомъ какъ неограниченный владетель.

Между тѣмъ Западъ готовился въ третій разъ къ походу на Востокъ. Изъ Италіи уже доносился грозный шумъ римскихъ когортъ стремившихся на приступъ. Вездѣ куда вступали этѣ когорты, роскошный цвѣтъ греко-азіатскихъ царствъ дрожа поникалъ на землю. Египетъ покорился Риму; египетскій

наместникъ Кипра смѣнился римскимъ проконсуломъ поселившимся въ Пафосъ. Система римскаго управленія провинціями мало отличалась отъ управленія турецкихъ лашей. Различіе было лишь въ томъ что Римляне давали своимъ подданнымъ высокую политическую культуру и твердое гражданское право, проводили въ странѣ дороги, строили въ ней гавани, предоставляли свободу торговлѣ. Во все продолженіе древней исторіи Кипръ остался знаменитымъ средоточіемъ промышленности, земледѣлія и горнаго дѣла. Онъ былъ въ то же время родиною всякаго чувственнаго сладострастія. Богатство острова было таково что его не могли истощить всѣ поборы Римлянъ. Но съ первыхъ же временъ христіанства сладострастный Кипръ сдѣлался однимъ изъ первыхъ послѣдователей новаго ученія. Многочисленные Евреи населявшіе островъ произвели страшное возстаніе, въ продолженіе котораго было, по преданію, избито 250.000 человекъ. Съ этого времени ни одинъ Еврей не смѣлъ болѣе жить на Кипрѣ и христіанство могло распространяться здѣсь тѣмъ быстрѣе. Въ короткое время на Кипрѣ было основано тридцать епископій, а *Житія* перечисляютъ цѣлый рядъ святыхъ подвизавшихся на этомъ островѣ.

За римскою эпохой послѣдовало Византійское владычество. Кипръ управлялся двумя правителями, гражданскимъ и военнымъ, но часто обѣ власти соединялись въ рукахъ одного лица, который назывался каталаянъ, „поставленный надъ всѣмъ“. Независимое положеніе острова, его богатство и изобиліе внутреннихъ средствъ вели къ тому что правитель обыкновенно старался сдѣлать сначала власть наследственной въ своемъ родѣ, а затѣмъ стать совершенно самостоятельнымъ. Самостоятельность эта продолжалась до той поры пока изъ Константинополя не являлся флотъ и не высаживалъ на берегъ войска, смирявшаго и наказывавшаго непокорнаго. Въ IV столѣтіи Кипръ посвященъ былъ великимъ бѣдствіемъ. Города гибли отъ землетрясеній, наступила страшная засуха, дождь, по преданію, не шелъ тридцать лѣтъ подъ рядъ. Населеніе бѣжало съ острова обреченнаго на погибель. Но явилась Св. Елена, дождь пошелъ по ея слѣдамъ, и жители снова возвратились. Съ половины VII и до X столѣтія Кипръ страдалъ отъ другой напасти. На морѣ показывались тысячи небольшихъ черныхъ парусовъ, морскіе разбойники быстро

приставали къ берегу, бросали зажженные факелы въ городъ и деревни, похищали плоды, скотъ, людей, тащили ихъ на свои корабли и исчезали также быстро какъ и появлялись. Преслѣдованіе было тщетно. Разбойники прятались на безчисленныхъ островахъ, въ безчисленныхъ заливяхъ Эгейскаго моря. За морскими пиратами на Кипрѣ явились Аравитяне, разрушавшіе по склонности и уводившіе жителей въ рабство цѣлыми караванами. Они принесли изъ своихъ песчаныхъ и знойныхъ степей ненависть ко всѣмъ художественнымъ памятникамъ древней культуры и старались сравнять ихъ съ землей. Имъ нужно было голую почву для введенія своей религіи, своего новаго государственнаго строя. На Кипрѣ лали всѣ древніе храмы и зданія стоявшія здѣсь еще со времянь греко-римскаго владычества. Въ Константинополѣ употреблялись всѣ усилія чтобы снова овладѣть богатымъ островомъ и удержать его за собою. Былъ даже отданъ приказъ чтобы всѣ жители покинули Кипрѣ. Наконецъ Аравитяне удалились, жители возвратились снова на островъ и онъ еще два столѣтія находился подъ владычествомъ Византіи. Кипрѣты нѣсколько разъ пытались, впрочемъ, сбросить съ себя оковы этого управленія, но каждый разъ попытки ихъ оказывались напрасными. Подобно всѣмъ другимъ византійскимъ провинціямъ, Кипрѣ осужденъ былъ на медленную смерть. „Если ознакомиться ближе съ системой грабительства, господствовавшею въ Западной Римской имперіи, и съ глубокою испорченностью Восточной; если припомнить что Греческій народъ въ продолженіе тринадцати вѣковъ принужденъ былъ сносить такое управленіе, и что въ теченіе этого времени цѣлые потоки Германцевъ, Славянъ, Аравитянъ и Туранцевъ разрушительно проносились по странѣ, то необходимо признать что въ Грекахъ сохранилась неустребимая основа добра. Нельзя не удивляться тому что столько вѣковъ угнетенія, несчастій и грабежа не испортили ихъ еще въ большей степени.“

Когда въ злоху Крестовыхъ походовъ образовалось Иерусалимское королевство съ ленными княжествами Триполисомъ, Эдессой и Антиохіею, когда Цезарей, Бейрутъ, Сидонъ, Тиръ стали самостоятельны, Кипрѣ одинъ оставался еще подъ владычествомъ Византіи. Ричардъ-Львиное Сердце овладѣлъ имъ совершенно внезапно, благодаря внутреннимъ раздорамъ господствовавшимъ на островѣ. На Кипрѣ было въ это время

три партіи. Одна стояла за князя изъ рода Комненовъ, объявившаго себя королемъ; другую партію составляли противники всего византійскаго; третья партія держала сторону византійскаго императора. Буря выбросила на берегъ Кипра нѣсколько англійскихъ кораблей; король приказалъ заковать въ цѣли всѣхъ кто на нихъ находился и не позволилъ пристать къ берегу кораблю на которомъ была вѣвста Ричарда. Ричардъ явился самъ, высадилъ войско, овладѣлъ послѣ приступа городомъ Лимасолемъ, разбилъ армію короля и быстро подчинилъ себѣ весь островъ. Только сдѣлавшись обладателемъ Кипра онъ увидѣлъ какъ богатъ этотъ островъ и до какой степени онъ удобенъ чтобы служить мѣстомъ для сбора и вооруженія всѣхъ христіанскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, являвшихся сражаться противъ Полумѣсяца. Ричардъ не могъ однако самъ удержать Кипръ и продалъ его за 100.000 дукатовъ прежнему королю Иерусалимскому, Гвидо Лузиньяну.

Прибывъ на Кипръ съ тремя стами рыцарей, Лузиньянъ нашелъ уже на островѣ феодальные порядки. Послѣ завладѣнія Кипромъ Ричардъ немедленно взялъ для себя и для своихъ рыцарей половину всей земли, а другую половину предоставивъ жителямъ. Изъ половины короля были выдѣлены имуществы для церквей и монастырей; остальная земля была раздѣлена на лены и раздана вассаламъ. Изъ всѣхъ христіанскихъ странъ приплывали на корабляхъ рыцари и оруженосцы и получали на Кипрѣ земли и титулы. Востокъ былъ въ то время такимъ же міромъ искателей приключеній, какимъ сдѣлались потомъ Америка и Индія. Черезъ семь лѣтъ послѣ взятія Кипра, рыцари овладѣли Константинополемъ и выкроили себѣ превосходныя княжества и бароніи изъ византійскихъ владѣній. Когда подъ напоромъ Турокъ христіане не могли болѣе держаться въ Аконѣ, главномъ христіанскомъ городѣ Сиріи, всѣ рыцари ночью переправились на Кипръ. Тамплиеры построили въ Лимасолѣ домъ своего ордена. Весь островъ былъ наполненъ французскими и итальянскими дворянами; въ англійскомъ и германскомъ дворянствѣ также не было недостатка. Для Кипра настала во второй разъ эпоха блеска на который съ завистью взирали всѣ государства по берегамъ Средиземнаго моря. Въ древности Кипръ былъ средоточіемъ культа Астарты и Афродиты; теперь здѣсь и на Родосѣ развернулся роскошный цвѣтъ рыцарства. Гвидо Лузиньянъ управлялъ Кипромъ только три

года; онъ употребилъ это время на то чтобы построить замки и крѣпости которые держали бы въ повиновеніи греческое населеніе острова и далъ жителямъ то чего они давно желали: законы и благоустройство. Когда на престоѣ вступилъ его братъ его и преемникъ Амальрихъ, рыцари собрались и рѣшили что Кипръ долженъ стать настоящимъ королевствомъ и получать свою корону въ день отъ высшаго защитника и покровителя христіанства. Съ этою цѣлью было отправлено посольство къ германскому императору Генриху VI. Императоръ согласился; онъ объявилъ что самъ пріѣдетъ на Кипръ и совершитъ коронованіе короля. Пріѣздъ этотъ затянулся, рыцари настаивали на коронованіи, и въ 1197 году на островъ явился имперскій канцлеръ, епископъ Гальдестеймскій. Отъ имени своего повелителя онъ принялъ клятву въ вѣрности отъ кипрскаго короля и вѣнчалъ его въ Никозіи. Подъ новымъ знаменемъ кипрскихъ королей начался долгій рядъ рыцарскихъ походовъ и завоеваній. Рыцари стремились къ одному: не выпускать изъ рукъ меча и совершать великіе подвиги на сушѣ и на морѣ. Почти въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ, съ 1285 по 1378 годъ, въ особенности же въ царствованіе королей Генриха II, Гуго IV и Петра I, продолжалась героическій періодъ кипрскаго рыцарства. Завоеваны были Смирна и Александрія, прибрежные эмиры платили подати кипрскому королю, и на головѣ его сверкала тройная корона. Послѣ коронованія въ Никозіи, главнымъ городъ своего государства, кипрскіе короли отправлялись вторично короноваться въ Лимасоль въ качествѣ королей іерусалимскихъ: королевство Іерусалимское считалось перенесеннымъ на Кипръ. Когда исчезло королевство Арменіи, корона его въ продолженіе вѣкотораго времени еще носилась надъ Кипромъ. Новая жизнь и кипучая дѣятельность распространились по всему острову. Всюду начали подниматься величественныя замки, богатыя аббатства, великолѣпныя готическіе соборы. Кипръ сдѣлался олотомъ христіанства; его государственное устройство и законы служили образцами для соседнихъ княжествъ и герцогствъ, для христіанскихъ владѣтелей Тира, Антиохіи, Лесбоса, Салоникъ, Морей. Королевство Кипрское сдѣлалось идеаломъ европейскаго рыцарства.

Въ то же время Кипръ былъ средоточіемъ восточной торговли. Здѣсь собирались все товары шедшіе изъ Индіи въ Египеть, изъ внутренней Азіи — на берега Сиріи, изъ Европы — на

Востокъ. Товары эти размѣнивались на Кипрѣ и отсюда направлялись далѣе. Чѣмъ большее количество городовъ доставалось въ руки мусульманъ, тѣмъ болѣе купцовъ и ремесленниковъ спѣшили переселиться на Кипрѣ, тѣмъ выше поднималось его торговое значеніе. Города Лимасоль, Пафосъ и Керинея были наполнены купцами изъ Константинополя, Дамаска, Бейрута, Александріи, Венеціи, Генуи, Пизы, Барселоны и Марсели. Фамагуста была самымъ важнымъ торговымъ пунктомъ на всемъ Средиземномъ Морѣ. Прибрежье Кипра, кромѣ того, постоянно оживлялось лаломниками, отправлявшимися во Святую Землю. Рядомъ съ промышленностью процвѣтало земледѣліе и садоводство; богатство, а вмѣстѣ съ нимъ и развратъ, возрасла до невѣроятной степени. До насъ дошло описаніе путешествія предпринятаго въ Святую Землю калланомъ Падерборнскаго епископа, Лудольфомъ фонъ-Судгеймъ. Это описаніе, *Liber de itinere terrae Sanctae*, издано было авторомъ въ 1350 году и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, любопытную картину Кипра въ Средніе вѣка. „Островъ Кипрѣ“, говоритъ почтенный калланъ, „есть самый благородный, знаменитый и богатый островъ; ему нѣтъ подобнаго во всѣхъ моряхъ, и ни одинъ другой островъ не можетъ сравниться съ нимъ по изобилію. Онъ отличается ото всѣхъ другихъ странъ своею величавою; всѣ приморскіе города Египта, Сиріи, Арменіи, Турціи и Греціи окружаютъ его точно поясомъ. Каждый изъ этихъ городовъ отстоитъ отъ Кипра не далѣе какъ на одинъ день пути по морю. Главный городъ Кипра называется Никозія и расположенъ въ самой срединѣ острова, въ мѣстности имѣющей самый здоровый воздухъ. Здѣсь живетъ кипрскій король; всѣ епископы и епископы государства, князья, графы, бароны и рыцари также живутъ въ Никозіи и каждый день занимаются турнирами и охотой. На Кипрѣ существуютъ горные бараны, которыхъ нѣтъ ни въ одной части свѣта; за ними охотятся съ леопардами, ибо иначе ихъ нельзя поймать. Князья, графы и бароны Кипра, равно какъ рыцари и граждане, богаче всѣхъ подобныхъ себѣ въ мірѣ. На того кто имѣетъ 3.000 гульденовъ дохода смотрятъ съ такимъ же презрѣніемъ съ какимъ въ другихъ мѣстахъ взираютъ на человѣка имѣющаго дохода только три марки. Но всѣ эти доходы тратятся на охоты. Я познакомился съ однимъ графомъ, который имѣлъ болѣе пятисотъ охотничьихъ собакъ; къ каждой парѣ ихъ былъ приставленъ

особый сауга для того чтобы содержать собакъ въ чистотѣ, мыть и натирать ихъ масломъ, что, говорятъ, совершенно необходимо на Килрѣ. Другой дворянинъ имѣлъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать сокольниковъ съ различными окладами жалованія. Я видѣлъ на Килрѣ многихъ дворянъ и рыцарей которымъ было бы дешевле содержать на свой счетъ двѣсти вооруженныхъ людей, нежели своихъ охотниковъ и сокольниковъ. Когда рыцари отправляются на охоту, они часто по цѣлымъ мѣсяцамъ живутъ въ палаткахъ среди дѣсовъ и горъ; они возятъ съ собою всѣ припасы на верблюдахъ и другихъ вычуженныхъ животныхъ. На Килрѣ собираются странники и купцы со всего свѣта; здѣсь можно съ утра до вечера слышать всѣ новости и слухи; на Килрѣ понимаютъ всѣ языки и учатъ имъ въ особыхъ школахъ. Самый богатый городъ есть Фамагуста. Одинъ изъ гражданъ этого города при мнѣ выдавалъ замужъ свою дочь; французскіе рыцари, смотрѣвшіе свадьбу вмѣстѣ со мною, одѣивали головной уборъ невѣсты дороже нежели всѣ клейноды французскаго короля. Пряности считаются на Килрѣ такою же обыкновенною вещью какъ у насъ хлѣбъ, и также дешево цѣнятся и продаются. Но я не смѣю говорить много про драгоценные камни, парчи и другія сокровища которыя я здѣсь видѣлъ; разказъ мой могъ бы показаться у насъ невѣроятнымъ и неправдоподобнымъ. Жители Килра по природѣ гораздо чувствительнѣе другихъ людей. Если положить подъ голову спящаго горсть килрской земли, въ особенности съ того мѣста на которомъ стоялъ храмъ Венеры, то земля эта цѣлую ночь будетъ возбуждать въ человѣкѣ вожделѣнія. Въ Фамагустѣ живетъ безчисленное количество куртизанокъ: всѣ онѣ чрезвычайно богаты, а нѣкоторыя имѣютъ болѣе 100.000 гульденовъ.“

Эта блестящая эпоха Килра продолжалась около двухъ столѣтій. Въ 1373 году Генуезцы внезапно овладѣли всѣмъ островомъ въ то время когда никто не былъ приготовленъ къ сопротивленію. Они разграбили и опустошили всѣ города, убили множество людей и разрушили все что не могли увести съ собою. Фамагуста превратилась въ генуезскую крѣпость; отсюда завоеватели угнетали весь островъ, а когда жители возстали противъ ихъ тиранинн, Генуезцы призвали на помощь мамелюковъ изъ Египта и съ этого времени Килрѣ принужденъ былъ платить мамелюкамъ дань. Началось нравственное разложеніе. Въ королевской семьѣ происходили безпрестанныя

слоры за престоль, бароны отказывали въ повиновеніи королю и сражались между собою, уладокъ нравовъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Каждый бралъ уроки въ употребленіи кинжала и яда. Хитрые Венеціанцы воспользовались этимъ положеніемъ дѣлъ и приобрѣли Кипръ. Они выдали замужъ за принца изъ королевскаго кипрскаго дома красавицу Катарину Корнаро, дочь одного изъ венеціанскихъ патриціевъ, и помогли принцу вступить на кипрскій престоль. Оставшись бездѣтною вдовой, Катарина Корнаро уступила свое королевство Венеціанской республикѣ. Венеціанскіе правители скоро возстановили на островѣ порядокъ и съ успѣхомъ занялись улучшеніемъ земледѣлія, садоводства и торговли. Но Венеція управляла Кипромъ лишь какъ огромнымъ помѣстьемъ которое должно было давать по возможности болѣе дохода. Населеніе утратило свой рыцарскій характеръ которому болѣе не суждено было возвратиться. За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, Кипръ ежегодно приносилъ Венеціи милліонъ талеровъ золотомъ, а для того чтобъ италянскіе правители не слишкомъ сближались съ населеніемъ, ихъ смѣняли черезъ каждые два года. Прошло не болѣе ста лѣтъ и въ 1571 году Турки овладѣли Кипромъ; только громадныя соборы, монастыри и замки свидѣтельствуютъ еще и теперь о прежнемъ богатствѣ и величіи. Но знаменитое нѣкогда Кипрокое королевство пало не безславно, и еслибы въ минуту роковой борьбы начальство принадлежало не Венеціанцамъ, Кипръ еще дороже продалъ бы Туркамъ свою независимость. Венеція владѣла бѣльшимъ количествомъ земель нежели она была въ состояніи защитить собственными силами. Она никогда не подумала о томъ чтобы дать населенію своихъ владѣній на Востокѣ возможность вооруженнаго сопротивленія противъ вѣнскихъ враговъ; напротивъ, политика Венеціи состояла въ томъ чтобы достигнуть совершенно противнаго, и политика эта съ успѣхомъ осуществляла свои цѣли. Когда могущество Турокъ страшно поднялось при Салиманѣ II, и турецкія полчища подошли къ самымъ стѣнамъ Вѣны, республикой овладѣлъ ужасъ и въ 1556 году было рѣшено укрѣпить по крайней мѣрѣ главный городъ Кипра. Изъ Венеціи получено было распоряженіе уменьшить въ три раза объемъ Накосіа, окружить ее стѣною, рвомъ и бастіонами и снести все что лежитъ за укрѣпленіями. Жители Кипра съ радостью пови-

новались. Они даже приняли на себя всѣ работы по укрѣпленію и всѣ издержки на нихъ, и сами помогали сравнять съ землею свои виллы и дома оказавшіеся внѣ защиты крѣпостныхъ стѣнъ. Разрушенъ былъ даже монастырь домини канцевъ въ которомъ покоились смертные останки кипрскихъ королей. Султанъ Селимъ II уже готовилъ между тѣмъ новаго короля острову Кипру. Преданіе разказываетъ что Селимъ очень любилъ кипрское вино. Вино это поставлялъ ему, его собутыльникъ и любимецъ, португальскій Еврей Мигуецъ Насси. Однажды вечеромъ Селимъ, ольпаненный виномъ поклонялся что его другъ будетъ королемъ Кипра и съ этого времени въ домѣ Еврея висѣлъ большой щитъ съ гербомъ Кипра и надписью: „Иосифъ, король Кипра“. Мигуецъ былъ скоро сдѣланъ герцогомъ острова Наксоса и не переставалъ побуждать Селима къ походу противъ Кипра. Наконецъ походъ этотъ былъ рѣшенъ и въ то же время арсеналъ Венеціи сдѣлался добычей пламени. Ходили слухи что онъ былъ подожженъ тайными посланцами Мигуеца. Вскорѣ послѣ этого событія, 1го іюня 1570 года, предъ городомъ Лимасолемъ появился турецкій флотъ. У Венеціанцевъ не было достаточнаго количества войска, а сельское населеніе они боялись призвать къ оружію, такъ какъ оно ненавидѣло ихъ за безжалостные налоги. Венеціанскій провекторъ, Николо Дандоло, хотѣлъ защищать только города Фамагусту и Никозію; онъ думалъ что турецкое войско погибаетъ отъ жаровъ и болѣзней. Турки высадились безпрепятственно и обложили Никозію стотысячною арміей. Осада длилась семь недѣль. Два приступа были со славой отбиты. Турки потребовали подкрѣпленій и взяли даже всѣхъ матросовъ со своихъ кораблей, а между тѣмъ съ самаго начала осады въ Никозію находилось едва десять тысячъ вооруженныхъ людей. 9го сентября началась третій приступъ, на который двинута была вся турецкая армія. Бастіоны были взяты и турецкія войска неудержимою волной хлынули въ городъ. Двадцать тысячъ жителей было умерщвлено. Женщины бросались съ крышъ, отцы и матери убивали сами своихъ дочерей чтобы сласти ихъ отъ позора. Убіиства и пожары продолжались цѣлую недѣлю. Гдѣ нѣкогда стояла Никозія, тамъ видѣлось теперь обширное поле покрытое черными, обгорѣлыми развалинами среди которыхъ одиноко возвышался соборъ. Послѣдній христіан-

скій городъ Востока исчезъ. Какъ дань султану, Турки повезли на трехъ корабляхъ безчисленныя сокровища и тысячу самыхъ красивыхъ дѣвушекъ изъ благородныхъ семей Кипра. По дорогѣ одна Гречанка нашла дорогу къ пороховому погребу—и главный корабль взлетѣлъ на воздухъ; два остальные также сдѣлались добычей пламени. Самъ султанъ Селимъ погибъ жертвой кипрскаго вина. Четыре года спустя послѣ взятія Кипра, онъ вошелъ въ новую башню построенную изъ мрамора. Ему показалось здѣсь холодно. Онъ приказалъ принести себѣ кипрскаго вина, жадно началъ его пить, ольягѣлъ, поскользнулся на гладкомъ мраморномъ полу, упалъ и раздробилъ себѣ черепъ. Такъ отомстилъ Кипръ побѣдителю.

Съ того времени какъ Кипръ былъ завоеванъ Турками, населеніе его начало уменьшаться; промышленность, торговля, земледѣіе, горное и соляное дѣло быстро стали упадать. Началось безжалостное истребленіе лѣсовъ; горы были обнажены, рѣки начали пересыхать, засухи распространялись все болѣе и болѣе. Три вѣка продолжалось это положеніе вещей, и каждый годъ былъ все тяжелѣе для острова. Въ настоящее время въ населеніи Кипра угасла всякая высшая духовная сила, подавлено всякое стремленіе къ подъему. Островъ приносить Турецкому правительству ничтожный доходъ сравнительно съ тѣмъ который онъ давалъ Венеціанцамъ.

А между тѣмъ почва Кипра осталась неизмѣнною и все также роскошна какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Между длинною и узкою горною цѣлью, которая вблизи самаго моря тянется по сѣверному берегу острова, и массивными горами, занимающими западную и южную часть Кипра, находится громадная низменность, покрытая тучною наносною землею на 10, 15, иногда на 20 футовъ. Двѣ рѣки, раздѣляющіяся на множество рукавовъ, пересѣкаютъ низменность и текутъ—одна по направленію къ востоку, другая—на западъ. Въ то время года когда на Кипрѣ наступаютъ дожди, рѣки этѣ выходятъ изъ своихъ береговъ и заливаютъ всю низменность; въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сообщеніе между деревнями возможно только на лодкахъ. Вода, испаряясь, оставляетъ на поляхъ илъ имѣющій по своимъ свойствамъ и химическому составу замѣчательное сходство съ осадками рѣки Нила. Почва Кипра никогда не знала удобренія. Неме-

денно послѣ вступленія водъ въ берега, земля покрывается роскошною растительностью; изобиліе ея вызывало въ древности и продолжаетъ вызывать теперь необходимость весьма тяжелой работы—выпалаыванія травы. Въ горахъ находится повсюду множество долинъ съ избыткомъ возвышающихся трудъ земледѣльца, а по широкимъ склонамъ горныхъ цѣпей и у подошвы ихъ тянутся полосы превосходной земли, орошаемой множествомъ рѣчекъ и потоковъ бѣгущихъ съ возвышенностей. Большая низменность Кипра искони была роскошною житницей острова. Всѣ растенія и деревья Европы, Малой Азіи и Египта развиваются и процвѣтають здѣсь, ибо природа Кипра соединяетъ въ себѣ свойства всѣхъ трехъ странъ свѣта, между которыми лежитъ этотъ островъ. Горы его напоминають помѣстамъ Германію, южный берегъ представляетъ сходство съ самыми благословенными мѣстностями Греціи, а въ великой низменности острова солнце жжетъ какъ при устьяхъ Нила. Одну треть года Кипръ орошается дождемъ; въ продолженіе второй трети на немъ господствуютъ благораствореніе и прохлада греческихъ побережій; въ послѣднюю треть царитъ удушасущій зной пустынь Сахары. На древнихъ кипрскихъ монетахъ встрѣчается изображеніе льва съ разинутою пастью; это олицетвореніе зноя пожирающаго лѣтомъ Кипръ: надъ фигурой льва часто изображено и самое солнце окруженное вѣнцомъ изъ лучей. Зимой идетъ, напротивъ, непрерывный дождь, который орошаетъ островъ съ октября по февраль. Затѣмъ наступаетъ удивительная весна и весь Кипръ наполняется благоуханіемъ цвѣтовъ. Въ половинѣ марта опять начинаются дожди, но уже не столь обильные какъ зимою; дожди эти, съ перерывами продолжающимися по нѣскольку дней, тянутся до половины мая и потомъ смѣняются сильною росой, падающею по ночамъ. Эта треть года самая лучшая на Кипрѣ. Въ началѣ іюня всякая влажность исчезаетъ въ воздухъ, а въ концѣ этого мѣсяца на всемъ островѣ наступаютъ жары увеличивающіеся съ каждымъ днемъ. На раскаленномъ небѣ не видно ни облачка, термометръ показываетъ 30 градусовъ въ тѣни. Лишь время отъ времени свѣжіи морской вѣтеръ пролетаетъ по острову и даетъ возможность вздохнуть холодною грудью. Но къ концу сентября замираетъ всякое малѣйшее движеніе вѣтра, атмосфера становится густою, воздухъ теряетъ свою прозрач-

ность и гоюячимъ гнетомъ съ каждымъ днемъ все тяжелѣе ложится на землю. Травы засыхаютъ до самаго корня, съ деревьевъ облетаютъ листья и обнаженныя вѣтви какими-то призраками высатся въ мутномъ воздухѣ. Изъ рѣкъ и ручьевъ исчезаетъ послѣдняя капля воды. Путешествовать и заниматься дѣломъ возможно только ночью, и все живущее на Кипрѣ жаждетъ только дождя. Въ Никозіи, главномъ городѣ острова, лѣтомъ бываетъ жарче нежели въ Каирѣ.

Хозяйственная обработка земли, а вмѣстѣ съ нею внѣшній видъ острова, мѣнялись съ различными народами владѣвшими Кипромъ. Хозяйственные расчеты часто заставляли насаждать новыя растенія и оставлять безъ вниманія тѣ которыя разводились до того времени; еще чаще случилось что тотъ или другой народъ старался по привычкѣ окружить себя на Кипрѣ тѣми произведеніями растительнаго царства, среди которыхъ онъ привыкъ видѣть себя на своей родинѣ. Семиты впервые поселились на южномъ берегу Кипра; здѣсь было мѣсто культа Астарты, здѣсь же находились древнѣйшія знаменитыя поля пшеницы и виноградники. Всѣ начатки земледѣлія, разведенія плодовъ и садоводства восходятъ на Кипрѣ къ эпохѣ заселенія его Семитами. Племя это одарено по природѣ стремленіемъ проникать въ законы естественнаго размноженія челоуѣка, животнаго и растенія и затѣмъ произвольно видоизмѣнять эти законы, испытывать и прилагать ихъ сообразно своимъ склонностямъ. Разведеніе различныхъ породъ домашнихъ животныхъ, смѣшеніе ихъ, скрещеніе видовъ, привитіе одного растенія къ другому искони составляли какъ бы предметъ изученія всего семитическаго племени и уже Плиній говорилъ что Сирія самая прилежная страна въ дѣлѣ разведенія садовъ. Для Кипра было весьма важно что съ самаго начала его исторіи прибрежныя полосы земли и широкіе горные склоны южнаго берега были превращены въ поля и сады. Множество культурныхъ растеній Кипра какъ, налпримѣръ, генна, кассія, корица, миртъ, кунжутъ и другія, указываютъ на сирійское или египетское происхожденіе ихъ. Семиты любили прохладную тѣнь смоковницы, питавшей ихъ своими сладкими плодами; Греки не могли жить безъ своего любимаго оливковаго дерева, символа мира и благословенія. Оливковое дерево не было туземнымъ на Кипрѣ, и до настоящаго времени его не видно тамъ въ формѣ дикорастущаго

кустарника. Афиняне утверждали даже что оливковыя рощи всего свѣта принадлежать имъ, ибо всѣ онѣ произошли отъ отводковъ одного древняго и священнаго оливковаго дерева, находившагося въ ихъ городѣ. Но оливковое дерево любитъ известковыя горы вблизи моря, и поэтому превосходно принялось расти на берегахъ вокругъ всего Кипра. По словамъ греческихъ повтовъ, Хариты умащали на Кипрѣ тѣло Афродиты безсмертнымъ масломъ боговъ и погружали ея одежды въ благовоніе безчисленныхъ весеннихъ цвѣтовъ. И дѣйствительно, на Кипрѣ цвѣтеть безчисленное множество крокусовъ, нарцисовъ и другихъ цвѣтовъ, въ толкованіи происхожденія которыхъ такъ неистощима греческая фантазія. Кипрѣ былъ страмою розъ; онѣ росли и благоухали на томъ мѣстѣ гдѣ земля впитала въ себѣ алую кровь Адониса. Изъ Кипра появились въ Грецію и Испанію бѣлые голуби. Они свободно летали по храмамъ Афродиты и даже невозбранно садились на самое изображеніе богини. Во всей Сиріи голубь былъ священной птицей Астарты и не подлежить сомнѣнію что бѣлое перо кипрскихъ голубей было искусственно произведено Семитами; на всѣхъ языкахъ голубь назывался „сѣрою“ птицей.

Кипрѣ получалъ свое полное экономическое значеніе только при римскомъ владычествѣ. Римскіе писатели и поэты часто упоминаютъ о Кипрѣ, и онъ постоянно предносится имъ какъ мѣстность вмѣщающая въ себѣ неисчерпаемыя богатства, наслажденія и роскошь. Цицеронъ называетъ Кипрѣ нѣжнымъ, *tenera*, Виргилій—тучнымъ, *optima Cyprus*, Валерій-Максимъ — обильнымъ радостями и наслажденіями, *fertilissima deliciarum*; Амміанъ Марцеллинъ говоритъ что на Кипрѣ можно выстроить корабль, сварядить его, наполнить всѣми сокровищами земли и спустить въ море, не заимствуя ничего внѣ самаго острова. Но въ то же время Марціалъ упоминаетъ о зноѣ иссушающемъ Кипрѣ и одной изъ заботъ римскаго управленія было противодѣйствовать пагубному вліянію лѣтняго жара посредствомъ системы искусственнаго орошенія. Еще и теперь на Кипрѣ, остались большія цистерны, желобы высѣченные въ скалахъ и долгія линіи построенныхъ изъ камня каналовъ. Все это остатки древней эпохи. Система древняго орошенія по настоящее время повсюду употребляется на Кипрѣ и ей обязанъ островъ тѣмъ что жизнь подерживается на немъ. На всемъ Кипрѣ вѣтъ рѣки или

потока изъ которыхъ не была бы проведена вода въ сады и на поля. Чѣмъ болѣе удаляется рѣка отъ своего истока, тѣмъ болѣе отводится изъ нея живительной влаги, и до моря доходить только слая и скудная нить воды. Послѣ металловъ и корабельнаго лѣса, главными предметами вывоза съ Кипра были пшеница, масло и вино. Особою славою пользовалась кипрская пшеница, хотя Плиніи и говорить что она было темна, и что хлѣбъ испеченный изъ нея имѣлъ черный цвѣтъ. Плиніи разказываетъ далѣе что на Кипрѣ приготавлиють хорошій уксусъ изъ плода *figus sycotoga*; дерево это стало теперь довольно рѣдко на островѣ. Древніе писатели упоминають еще о гранатовомъ деревѣ, которое, по преданію, было создано на Кипрѣ Афродитой, и о кипрскомъ тростникѣ (*саппа*), считавшемся въ древности самымъ лучшимъ. Кипрскіе сосны, дубы, платаны и орѣховыя деревья пользовались особою славою и употреблялись на построеніе храмовъ, дворцовъ и кораблей. Еще и теперь платаны достигаютъ на Кипрѣ необычайнаго развитія и всякій путешествовавшій по Востоку сохраняетъ благодарное воспоминаніе объ этомъ прекрасномъ деревѣ, этомъ „стражѣ источниковъ“, въ тѣни котораго съ наслажденіемъ отдыхаетъ истомленный своимъ странникъ. Тотъ кто видѣлъ и полюбилъ платанъ, легко пойметъ разказъ о Ксеркѣ, переданный намъ Геродотомъ. Во время своего похода на Грецію, Ксерксъ прибылъ къ городу Сардесу и вблизи его увидалъ платанъ. Красота этого дерева такъ поразила Ксеркса что онъ увѣшалъ его золотыми запястьями и цѣлами и навсегда приставилъ къ нему стражу для охраненія его отъ руки всякаго человѣка.

Во время римскаго владычества на Кипрѣ получили особое значеніе два растенія, которыя уже по самому имени напоминають названіе острова. Кипарисовое дерево издавна считалось у Иранцевъ священнымъ и они сажали его предъ входами во храмъ. Но оно имѣло много и другихъ приложений. Кипарисъ благоухалъ при горѣніи и противуетоля гнѣнію. Подобно дверямъ дома Одиссея на Итакѣ, врата храма Діаны Ефесской были сдѣланы изъ кипарисоваго дерева. Древніе любили употреблять его на драгоценныя гробы и для священныхъ изображеній. Горации упоминаетъ о томъ что рукописи стиховъ сохранялись въ легкихъ ящичкахъ изъ кипариса. Плиніи утверждаетъ что отецъ насадившій у себя кипарисы приготвилъ уже приданое дочери. Въ особенности

цѣнилася кипарисъ для построения кораблей, и Александръ Великій приказалъ для постройки флота доставлять съ Кипра совсѣмъ уже отесанныя бревна этого дерева на Евфратъ. Кипарисы росли на Кипрѣ въ такомъ изобиліи и были такъ хороши что по имени острова они получили названіе „кипрскихъ деревьевъ“. Другое растеніе, *кипрсъ*, дало названіе самому острову, подобно тому какъ Родосъ получалъ свое имя отъ розов, то-есть, мечеобразной лиліи. По мнѣнію Плинія, *кипрсъ* есть кустъ, емена котораго, будучи сварены въ маслѣ и выжаты, даютъ геллу, извѣстное красящее вещество служившее уже Египтянамъ для окрашивания ногтей у мумій и постоянно употребляемое въ настоящее время турецкими женщинами для окраски волосъ, бровей и даже кончиковъ пальцевъ. Но гораздо вѣроятнѣе что этимъ именемъ назывался ладонъ, благовонная смола, еще и въ настоящее время вывозимая съ Кипра. Помимо своего употребленія въ качествѣ ароматическаго вещества для куренія, ладонъ считался также средствомъ отъ чумы и зараженія: для этого нужно было носить его въ рукѣ и часто нюхать. Любопытно что способъ добыванія ладона до настоящаго времени остался на Кипрѣ такимъ же какимъ онъ представляется по разказамъ Геродота и Плинія. Геродотъ повѣствуетъ что ладонъ находятъ въ бородѣ козловъ; Плиній разказываетъ и причину этого мнѣнія: когда козы пасутся, ладонъ пристааетъ къ ихъ волосамъ съ цвѣтовъ люща. „По мнѣнію другихъ“, продолжаетъ Плиній, „существуетъ особая трава называемая *леда*; изъ нея выдѣляется жирное вещество которое пристааетъ къ нитямъ если двигать ими взадъ и впередъ по этой травѣ.“ Эта трава *леда* есть кипрскій ладонникъ, *cistus creticus*, покрывающій покатоности горъ на высотѣ отъ 2.000 до 4.500 футовъ, и растущій здѣсь въ формѣ небольшого вѣтвистаго куста. Вѣтви и листья его покрыты волосками выдѣляющими изъ себя смолистую жидкость, которая на воздухѣ сгущается и принимаетъ форму небольшихъ липкихъ капель. Это клейкое вещество пристааетъ къ бородамъ и косматымъ ногамъ пасущихся козъ; его соскабливаютъ отсюда или же обстригаютъ козамъ волосы и выталачиваютъ ладонъ надъ огнемъ изъ угольевъ. Другой способъ добыванія ладона состоитъ въ томъ что по кустамъ ладонника проводятъ граблями у которыхъ вмѣсто зубьевъ висятъ два ряда кожаныхъ ремешковъ; ремешки эти замѣняютъ собою волосы козъ.

Величайшее благодеяние было оказано Кипру введеніемъ шелководства. Монополія торговли шелковыми тканями принадлежала прежде персидскимъ купцамъ, которые получали эти ткани изъ Китая и Индіи и привозили ихъ на европейскіе рынки. Въ 557 году два монаха, отважившіеся проникнуть въ Индію, принесли императору Юстиніану яйца шелковичнаго червя. Онъ приказалъ раздать ихъ по провинціямъ и нигдѣ шелковичный червь не прижился такъ хорошо какъ на Кипрѣ. Ровный, тихій и теплый воздухъ острова, рѣдко возмущаемый бурями, повидимому, какъ нельзя лучше пришелся по нраву шелкопрядамъ. Южный берегъ Кипра и горные склоны его сѣвернаго побережья быстро были засѣяны тузовыми деревьями, и положено было начало знаменитому кипрскому шелководству. Въ эпоху Лузиньяновъ франкскіе рыцари и монахи принялись насаждать на Кипрѣ плодовые деревья своей родины. Яблоки, груши, сливы и кизиль принялись плохо; за то вишневыя, персиковыя и абрикосовыя деревья стали расти какъ нельзя лучше, а грецкіе орѣхи Кипра и теперь считаются превосходными. Въ садахъ разводились бананы; изъ Аравіи былъ выписанъ сахарный тростникъ, и скоро кипрскій сахаръ началъ вывозиться массама, ибо тростникъ давалъ превосходныя жатвы. Производство шелка и шелковыхъ тканей достигло уже на Кипрѣ высокой степени развитія, когда торговцы изъ Персіи привезли сюда сѣмена хлопчато-бумажника. Онъ такъ хорошо принялся что всѣ жители начали его разводить и засѣвать имъ поля на которыхъ до того времени сѣяли пшеницу. Хлопчато-бумажникъ получилъ на Кипрѣ названіе „золотой травы“, ибо онъ приносилъ жителямъ много золотыхъ дукатовъ. Въ Никозіи устроены были большія бумагопрядильни, и Кипрѣ началъ вывозить множество бумажныхъ тканей. Со времени турецкаго завоеванія на Кипрѣ не появилось ни одного новаго растенія которое имѣло бы экономическое значеніе. Турки развели быть-можетъ двѣ-три разновидности тюльпановъ и гиацинтовъ, насадили табакъ и финиковую пальму. Но табакъ воздѣлывается лишь для домашняго употребленія, а финиковая пальма рѣдко приноситъ плоды.

Кипрѣ занимаетъ весьма важное мѣсто въ растительной и торговой географіи. Въ Средніе вѣка онъ былъ большимъ полемъ для опытовъ, культурнымъ островомъ на которомъ

насаживались, акклиматизовались и улучшались туземныя растенія Индіи, Персіи, Аравіи и Египта. Отсюда они шли даље и развозились въ Грецію, Италію, южную Францію, Испанію, въ Америку и на Камарокіе острова. Условія климата и почвы остались тѣ же. Въ какомъ положеніи находится современное экономическое положеніе Кипра?

Со времени завоеванія Кипра Турками стали упадать всѣ отрасли промышленности, земледѣлія и садоводства; самое количество воздѣлываемой земли уменьшалось годъ отъ года. Умножались лишь олустошенія причиняемая саранчей и повальное истребленіе лѣса. Это послѣднее явленіе заслуживаетъ чтобы на немъ остановиться, ибо оно чрезвычайно важно для будущности Кипра.

Между всѣми локольными смѣнявшимися на Кипрѣ, настоящее оставить въ наслѣдство по себѣ зло, въ самомъ корнѣ подтачивающее благосостояніе острова. Зло это—истребленіе лѣсовъ. Греки, Персы, Египтяне, Римляне, Аравитяне, Византійцы пользовались лѣсными сокровищами Кипра, строили изъ нихъ корабли и цѣлыя флоты, воздвигали дворцы. Но сколько ни рубили они деревьевъ, лѣса все не рѣдѣли: деревья быстро вырастали вновь, благодаря климату и почвѣ. Явились Турки и все измѣнилось. Когда для верфей нужно было сотню деревьевъ, ихъ рубили тысячу чтобы удобнѣе было выбирать изъ множества; девятьсотъ деревьевъ оставались лежать и гнить на землѣ. Всякое несчастіе испытанное Турками на морѣ приносило новое олустошеніе кипрскимъ лѣсамъ. Паши, каймакамы и аги рубили каждый годъ столько лѣса сколько они могли продать, а остальное предоставляли на произвольное пользованіе каждаго. На Кипрѣ установилось убѣжденіе что подобно воздуху и водѣ лѣсъ составляетъ общее достояніе каждаго, и чѣмъ болѣе бѣднѣло населеніе, чѣмъ скуднѣе становились источники его дохода и литанія, тѣмъ болѣе старалось оно вознаграждать себя рубкой лѣса. Мегемедъ-Али, первый вице-король Египетскій, нанесъ окончательный ударъ мачтовому лѣсу Кипра, гдѣ таковой еще цѣлѣвалъ. Онъ приказалъ вырубить его, частію продать, частію улотребилъ для своего флота, но главнымъ образомъ вывезъ мачтовые деревья въ Египеть для устройства безчисленныхъ водяныхъ колесъ и каналовъ.

Въ настоящее время на Кипрѣ истребляются послѣдніе остатки лѣсовъ. Причинъ этого истребленія существуетъ нѣсколько. Продажа лѣса за море вредитъ лѣсамъ всего менѣе, ибо для этой продажи рубятъ только отдѣльныя деревья и то лишь въ томъ случаѣ когда они стоятъ недалеко отъ путей по которымъ ихъ можно дотащить до моря. Деревья обматываютъ за одинъ конецъ веревками, прикрѣпляютъ къ нимъ лошаковъ и ословъ и тащатъ ихъ по землѣ вплоть до берега, гдѣ ихъ грузятъ на корабли. Гораздо губительнѣе мелкія порубки внутри острова. Вокругъ каждаго поселенія, какъ бы ни было оно незначительно, лѣсъ непремѣнно вырубленъ на широкое пространство вокругъ, и замѣчательно что вырубаются подъ корень самыя молодыя деревья. У большихъ деревьевъ обрублены всѣ вѣтви которыя можно достать руками, а если дерево таково что на него удобно влѣзть, то у него остается лишь одинъ стволъ, а верхи и всѣ боковыя сучья непремѣнно обрублены. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ поселеній еще можно найти большія деревья, но нѣтъ почти ни одного дерева съ котораго бы не была содрана кора, которое бы не носило слѣдовъ огня или пилы. Деревья эти засыхаютъ и подгниваютъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и наконецъ падаютъ подъ напоромъ вѣтра и бури; когда они упадутъ, жители слѣзатъ обрубить вѣтви; самый же стволъ остается на землѣ и медленно гниетъ. Ни въ одной деревнѣ на цѣломъ Кипрѣ нѣтъ порядочнаго топора: для покулки его были бы нужны деньги, а для пользованія имъ — напряженіе и сила. Собирать топливо лежитъ на обязанности женщинъ и онѣ достаютъ его какъ умѣютъ. Онѣ прежде всего срубаютъ поэтому молодыя деревца, затѣмъ обрубаятъ вѣтви у среднихъ деревьевъ и наконецъ поджигаютъ большія. Муцины только тогда рѣшаются сами взяться за дѣло, когда нужны доски или бревна для домовъ. Они предпочитаютъ день и ночь скитаться по горамъ со своими небольшими стадами, и, праздно лежа за кострами, находятъ удовольствіе въ томъ чтобы поджигать большіе старыя деревья лѣсовъ. Если эта забава происходитъ лѣтомъ, то часто отъ одного подоженного дерева начинается лѣсной пожаръ, который скоро прекращается лишь потому что деревья находятся на далекомъ разстояніи одно отъ другаго, а почва совершенно обнажена вслѣдствіе жаровъ. Если такой пожаръ происходитъ по близости поселенія, онъ истребляетъ всѣ

кустарники и молодые деревья, и женщины принуждены ходить даѣе въ горы и тамъ рубить вѣтви и молодые побѣги. Лѣсъ могъ бы скоро вырости олять еслибы мѣста на которыхъ онъ вырубленъ оставался нетронутыми. Нельзя представить себѣ какая растительная сила заключается въ почвѣ кипрскихъ лѣсовъ. Безо всякой помощи человека деревья сами вырастаютъ на прежнемъ мѣстѣ, если только это мѣсто остается въ теченіе трехъ лѣтъ пощаженнымъ отъ луга и огня; яркая зелень молодыхъ хвойниковъ блеститъ даже на скалистыхъ и повидимому совершенно нагихъ выступахъ горъ. Но несчастіе въ томъ что скотъ, преимущественно овцы и козы, бродитъ всюду и оцилываетъ всѣ молодые побѣги; такимъ образомъ гибнутъ сосны, дубы, платаны, можжевельовыя деревья и тамариски, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяются пустыя пространства вокругъ деревень и поселеній. На отдаленныхъ и высокихъ гребняхъ горъ еще стоятъ громадныя сосны; было бы слишкомъ затруднительно и далеко брать оттуда дрова. Но въ этихъ соснахъ заключается смола и деготь которые кажутся кипрскому поселянину необходимыми для сохраненія его вина. Жители взбираются на горы и безжалостно губятъ самыя лучшія деревья. Они сдираютъ кору съ одной стороны дерева, насколько можно только достать руками. Смола вся собирается на это обнаженное мѣсто, и дерево загорается точно свѣчка если къ нему подложить огонь. Дерево падаетъ или настолько подгораетъ что его легко повалить. Вѣтви обрубаются, разрубается также и стволъ, насколько это удастся сдѣлать; все это кладется въ небольшую печь, сложенную изъ неотесанныхъ камней, и зажигается. Такимъ образомъ добываются деготь и смола. Когда лѣсъ сгубленъ въ одномъ мѣстѣ, жители Кипра взбираются на другую горную вершину и на ней повторяется то же самое. Половина дерева и смолы терлется вслѣдствіе совершенно первоначальныхъ приѣмовъ обработки. Но самый отвратительный видъ лѣсоистребленія состоитъ въ томъ что общины, вслѣдствіе зависти или злобы, нарочно разоряютъ и губятъ платаны, дубы, оливковыя и рожковыя деревья, растущія на землѣ той или другой общины. Сосѣднія общины по большей части находятся въ непріязненныхъ отношеніяхъ, особенно если жители ихъ принадлежатъ къ различнымъ исповѣданіямъ. Злоба вымещается на несчастныхъ деревьяхъ: ночью ихъ обдираютъ,

поджигаютъ или подливаютъ, и такимъ образомъ Кипръ ежегодно терять тысячи лѣсныхъ и фруктовыхъ деревьевъ. Турецкій паша, въ послѣднее время управлявшій Кипромъ самъ очень хорошо сознавалъ что вся будущность острова зависитъ отъ искусственнаго разведенія лѣсовъ, и что если оно не произойдетъ, то рѣки и ручьи съ каждымъ годомъ будутъ изсякать все болѣе и всѣ удобныя для воздѣлыванія земли частію пересохнутъ, частію же обратятся въ болото. Въ настоящее время спасеніе еще возможно: лѣсная земля еще въ достаточномъ количествѣ всюду лежитъ на горахъ.

Если не считать скалистыхъ мѣстностей, не допускающихъ вообще обработки, то окажется что большая половина всей остальной земли на Кипрѣ въ настоящее время не воздѣлывается и лежитъ въ запущеніи. Воздѣлываніе сахарнаго тростника совершенно оставлено. Хлопчато-бумажникъ воздѣлывается лишь въ немногихъ мѣстностяхъ; во времена Венеціанцевъ Кипръ вывозилъ ежегодно 30.000 тюковъ хлопчатой бумаги, теперь ихъ вывозятъ только 3.000. Еще въ началѣ XVII столѣтія на Кипрѣ добывалось ежегодно 150.000 ведеръ вина; въ началѣ настоящаго столѣтія количество это уменьшилось въ шесть разъ. Подъ вліяніемъ постоянныхъ притѣсненій и придирокъ, жители частію сами оставили воздѣлываніе своихъ виноградниковъ, частію же съ необыкновенною небрежностью относятся къ приготовленію нѣкогда столь знаменитаго кипрскаго вина. А между тѣмъ островъ могъ бы всего скорѣе открыть себѣ вѣрную статью дохода посредствомъ вывоза вина. Еще и въ настоящее время таможенная пошлина за вывозимое вино составляетъ $\frac{1}{10}$ долю всего дохода собираемаго Турецкимъ правительствомъ съ Кипра. На островѣ могло бы быть разведено въ пятьдесятъ разъ болѣе виноградниковъ нежели ихъ находится теперь. Новые виноградники заводятся весьма рѣдко, ибо можетъ случиться что сосѣднія общины изъ злобы разорять молодые насажденія. Одинъ несчастный не хочетъ допустить чтобы другой былъ счастливѣе его, и всѣ греческія общины Кипра постоянно враждуютъ между собою. Нельзя не удивляться что при настоящемъ способѣ добыванія вина, на Кипрѣ вообще еще встрѣчается хорошее вино. Жители не обращаютъ вниманія на то что весной ослы и козы бродятъ по виноградникамъ и огрызаютъ молодые лозы. Кисти винограда срываются безо всякаго разбора; онѣ бросаются въ кучи

на землю и остаются непокрытыми даже и подъ дождемъ. Когда виноградъ пролежитъ такимъ образомъ въ теченіе недѣли, изъ него выжимаютъ сокъ самымъ первобытнымъ способомъ и сливаютъ виноградное сусло въ большіе гайваные горшки, которые ставятся въ первый попавшійся сарай, или подъ навѣсъ гдѣ находится мука, прогорѣлое масло, смолы, сохнушіе плоды и листья. Среди этихъ предметовъ, испускающихъ самый разнообразный запахъ, совершается процессъ броженія, о которомъ почти никто изъ поселянъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. На сосуды съ виномъ кладется камень или деревянная крыша съ повернутымъ въ срединѣ отверстиемъ. Черезъ это отверстие пропускается время отъ времени тростниковая трубка черезъ которую пробуетъ вино; оно можетъ окиснуть, можетъ не окиснуть: это зависитъ отъ такъ-называемаго „кризиса“, который въ свою очередь долженъ быть названъ чистою случайностью. Когда являются покупатели, вино приготовленное каждымъ отдѣльнымъ поселяниномъ сливается вмѣстѣ въ бурдуки изъ козлиныхъ шкуръ покрытыхъ смолой и везется на берегъ. Здѣсь вино сливается въ бочки, слѣдовательно смѣшивается еще разъ. Можно ли послѣ этого удивляться что кипрское вино такъ часто привозится въ Европу совершенно испорченнымъ?

О разведеніи высшихъ сортовъ фруктовъ теперь на Кипрѣ нѣтъ и помину. Даже знаменитое нѣкогда воздѣлываніе овощей прекратилось совершенно и жители вездѣ обходятся дикорастущею спаржей, портулакомъ, крессомъ и артишоками. Повсюду воздѣлывается только оливковое дерево, если можно назвать воздѣлываніемъ насажденіе отводковъ, собираиіе оливокъ и выжиманіе ихъ. Пшеница, ячмень, овесъ и стручковые растенія также разводятся вездѣ, и хотя разведеніе это происходитъ самымъ грубымъ образомъ, но Кипръ тѣмъ не менѣе поставляетъ въ Константинополь въ хорошіе годы десять, въ плохіе годы—шесть милліоновъ кило пшеницы и ячменя. Одинъ человекъ можетъ съ помощью двухъ воловъ обработать пространство въ тридцать англійскихъ акровъ, и земля даетъ въ среднемъ выводѣ урожай въ самъ-тридцать разъ. Доказательствомъ того какъ щедро вознаграждается трудъ почвою Кипра, можетъ послужить воздѣлываніе крапа, тутоваго и рожковаго деревьевъ. Около сорока лѣтъ тому назадъ, Греки и Франки отважились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ острова основать довольно значительныя промышлен-

ныя предприятия для воздѣлыванія и обработки этихъ продуктовъ. Теперь красть идетъ на окраску миллионъ красныхъ фесокъ, тутовое дерево разводится во множествѣ садовъ. Что касается рожковъ, то Кипръ не можетъ наладиться ими; такъ великъ запросъ на нихъ со стороны спиртовыхъ заводовъ Франціи, Англіи и Россіи. Рожковое дерево сдѣлалось благодѣтелемъ острова. Плоды его служили въ прежнее время почти исключительно для октамливанія скота; изъ нихъ выжимался кромѣ того сиропъ употреблявшійся во время постоу. Лѣтъ тридцать тому назадъ было сдѣлано открытіе что изъ рожковъ можно гнать хорошую водку. Рожковое дерево искони было туземнымъ на Кипрѣ и развивалось здѣсь въ формѣ дикорастущаго кустарника; жители рѣшились заняться его облагороженіемъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они обрубаютъ вѣтви и верхушки и прививаютъ къ стволамъ черенки отъ деревьевъ дающихъ обильный сборъ плодовъ. Какъ ни груба операція прививки, но она всегда удается и въ короткое время дерево покрывается длинными красными стручьями. Это только одинъ изъ примѣровъ того какъ легко достигнуть снова процвѣтанія Кипра: золото какъ бы само дается въ руки.

Пользуясь книгой Лёера мы представили въ предыдущихъ главахъ очеркъ исторіи и природы Кипра, его современнаго экономическаго положенія и тѣхъ задатковъ для будущаго его развитія которые заключаются въ самой почвѣ и климатѣ острова. Мы познакоимъ теперь читателя съ бытомъ населенія и трехъ главныхъ городовъ острова, Ларнаки, Никозіи и Лимасоля. Картины которыя рисуетъ авторъ написаны такою мастерскою рукою что мы предоставимъ ему говорить прямо отъ своего лица.

Пароходъ изъ Бейрута привезъ путешественниковъ въ гавань Ларнаки утромъ, 21 апрѣля:

„Гавань выгнута широкимъ полукругомъ. За низкою желтою полосой берега тянулась равнина; на ней поднимался рядъ обвѣженныхъ, каменистыхъ холмовъ; въ голубой дали виднѣлись горы. Это была простая и строгая картина, но въ линіяхъ ея заключалось что-то характерное и величественное. Городъ лежалъ лѣтвомъ среди широкой, открытой мѣстности. Одно мѣсто въ полукругѣ образуемомъ гаванью было

застроено рядомъ домовъ надъ которыми развѣвались пестрые консульскіе флаги. Надъ домами высилась остроконечный минаретъ и новая колокольня, а надъ ними поднимались въ свою очередь пальмы, качавшіяся въ голубомъ воздухѣ надъ прибрежными садами.

„Собственный городъ лежитъ на четверть часа ходьбы отъ гавани. Улицы были оживлены, торговцы и ремесленники занимались своими дѣлами; всюду видѣлась грязь. Рядъ домовъ на берегу, за ними еще кое-гдѣ нѣсколько красивыхъ жилищъ, церкви и сады съ пальмами на берегу моря,—вотъ блестящая сторона города. Все остальное—Востокъ, то-есть грязь, лохмотья и жалкія постройки изъ дерева и гашы. Въ католической церкви молился одинокій монахъ, весь одѣтый въ черное; въ греческой церкви обращаетъ на себя вниманіе прекрасная рѣзба на иконостасѣ и на архіерейскомъ мѣстѣ. Въ постройкѣ этой послѣдней церкви употреблена капитель отъ античной колонны, и въ стѣнахъ домовъ можно часто замѣтить по мѣстамъ кусокъ античнаго мрамора; саркофаги употребляются въ домахъ какъ простыя вмѣстилища. О знаменитомъ древнемъ городѣ, служившемъ центромъ торговли и стоявшемъ нѣкогда на этомъ мѣстѣ, напоминаютъ только могильные локои, во множествѣ оставленные прежними жителями. Локои эти легко вырубались въ мягкомъ известковомъ камнѣ, слою котораго тянутся подъ землей и по мѣстамъ выступаютъ наружу въ формѣ холмовъ. Нѣкогда могилы были наполнены мраморными гробницами. Одно столѣтіе за другимъ извлекали ихъ на свѣтъ, разбивали въ куски и употребляли на постройки. Гробницамъ этомъ городъ обязанъ своимъ печальнымъ именемъ, ибо Ларнака значить „гробъ“. Древній городъ во всякомъ случаѣ занималъ въ этой мѣстности обширное пространство. Онъ назывался Кити, по-гречески—Китіонъ, и по имени его обитатели Кипра назывались въ Азіи Китійцами. Городъ этотъ былъ основанъ Финикіянами и постоянно оставался главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. Затѣмъ явились Греки и мало-по-малу все что было образованнаго приняло греческій языкъ и греческую окраску. Напротивъ, латинскій языкъ никогда не могъ проникнуть на Востокъ. Романскій элементъ господствовалъ на Кипрѣ въ теченіе четырехъ вѣковъ правленія Лузиньяновъ и Венеціанцевъ. И что же? Онъ исчезъ совершенно безслѣдно.

Новогреческій языкъ завладѣлъ всѣмъ Кипромъ; на этомъ языкѣ говорятъ въ большинствѣ турецкихъ домовъ, его понимаютъ вездѣ. Въ прибрежныхъ городахъ Малой Азіи утверждаютъ что греческій языкъ распространяется въ нихъ все болѣе и болѣе. Гдѣ поселились два Грека, туда вскорѣ является ихъ нѣсколько; но еще прежде нежели они сами, языкъ ихъ уже распространяется по всему городу. Нельзя пренебрегать этимъ фактомъ; онъ заключааетъ въ себѣ указанія для будущаго.

„Въ портовомъ городкѣ Ларнаки живутъ консулы всѣхъ европейскихъ народовъ. Ларнаки остался важнымъ городомъ Кипра, ибо здѣсь лучшая гавань острова; мель простирается впрочемъ отъ берега такъ далеко въ море что корабли должны оставаться внѣ порта. Въ Ларнаки находятъ при коланіи земли множество финикійскихъ и греческихъ древностей; весь Кипръ есть какъ бы громадное кладбище, и стоить только тронуть заступомъ его древнюю культурную почву чтобы сейчасъ же открыть остатки минувшихъ вѣковъ. Американскій консулъ, образованный и свѣтскій Италияецъ, первый приступилъ къ систематическимъ расколкамъ и составилъ себѣ огромную коллекцію древностей которую онъ продалъ въ Америку. Онъ приступилъ теперь къ собиранію второй коллекціи и у него уже было собрано множество утвари, при взглядѣ на которую можно составить себѣ понятіе о семейной жизни давно минувшихъ временъ.“

Лѣтеръ посѣтилъ въ Ларнаки греческаго епископа. „Нашъ разговоръ касался преимущественно греческихъ школъ, которыя распространяются на Кипрѣ съ изумительною быстротою. Тридцать лѣтъ тому назадъ Греки не смѣли еще и думать о школахъ. Теперь во всѣхъ большихъ мѣстечкахъ Кипра существуютъ народныя школы, а въ трехъ главныхъ городахъ, Ларнаки, Никозіи и Лимасолѣ, устроены высшія трехклассныя училища, въ которыхъ преподается географія, исторія, начатки антропологии и исторія греческой литературы; ученики читаютъ Гомера и Ксенофонта. Учащіеся платятъ, смотря по состоянію родителей, отъ ста до трехсотъ нѣмецкихъ марокъ въ годъ, а остальные расходы покрываются епископомъ и особымъ налогомъ на привозимые и отпускаемые товары. Многіе греческіе священники на Кипрѣ уже получили свое образованіе въ одной изъ этихъ трехъ школъ, или же въ Аѳинахъ.“

Въ Ларнаки находится церковь Св. Лазаря. Есть преданіе что Лазарь по воскресеніи своемъ отправился на Кипръ и

тамъ скончался. Онъ былъ похороненъ на островѣ, и путешестввеннику показываютъ еще и теперь простую гробницу изъ блага мрамора, украшенную высѣченною на ней розой. Но гробница эта не заключаетъ въ себѣ никакихъ останковъ. Венеціанцы увезли ихъ будто бы съ собою и неизвѣстно гдѣ они теперь находятся. По поводу греческихъ церквей, Лёеръ замѣчаетъ что въ нихъ весьма часто можно встрѣтить иконы Божіей Матери въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ на которыхъ виденъ Императорскій Русскій гербъ, свидѣтельствующій объ источникѣ пожертвованія. Россія, говоритъ Лёеръ, уже въ XVII вѣкѣ поставила себѣ за правило оказывать денежную поддержку греческимъ церквамъ и греческому духовенству въ Турціи. „Но народы всегда легко забываютъ благодѣянія. Когда Греки замѣтили что война противъ Турціи есть для Россіи священная, славянская война, они почувствовали къ русскимъ полное охлажденіе. Греки въ душѣ давно готовы сражаться противъ Россіи. Они питаютъ несокрушимую увѣренность что имъ принадлежитъ все то что мы называемъ Востокомъ, за исключеніемъ Сиріи и Египта. Они разчитываютъ что хотя медленно, но одержать побѣду. Кто захотѣлъ бы встать имъ поперекъ дороги, тотъ ихъ заѣхшій врагъ, и они никогда не перестанутъ тайно и явно сражаться противъ него пока не будутъ истреблены сами до послѣдняго чело-вѣка.“

Описаніе Никозіи принадлежитъ къ лучшимъ страницамъ всей книги. Авторъ необыкновенно образно рисуетъ картину восточной жизни, природы и быта Кипра.

„Мы были въ получасѣ разстоянія отъ Никозіи“, разсказываетъ Лёеръ, „когда я увидалъ турецкихъ солдатъ послѣшно выводившихъ своихъ лошадей изъ мызы стоявшей при дорогѣ. Они быстро вспрыгнули на сѣдла, съ обнаженными саблями понеслись къ намъ навстрѣчу, подѣхали, внезапно остановились и сдѣлали намъ салютъ. Не зная что это можетъ означать, я приказалъ также остановиться. Изъ толпы всадниковъ выдѣлился какой-то пожилой господинъ; онъ объяснилъ мнѣ что кипрскій паша послалъ его, своего драгомана и канцлера, привѣтствовать меня и торжественно ввести въ городъ. По случаю перестройки своего конака, паша не можетъ предложить мнѣ гостепріимство въ своемъ домѣ; но получивъ отъ каймакана изъ Ларнаки телеграмму о моемъ отъѣздѣ, паша призвалъ къ себѣ хозяина гостиницы della

Speranza, и тамъ теперь все приготовлено для моего пріема. Я понималъ кому я этимъ обязанъ. Нашъ посолъ былъ такъ любезенъ и въ Вѣнѣ представилъ меня турецкому посланнику Рещидъ-лашъ, тому самому который потомъ въ полномъ собраніи турецкихъ министровъ былъ убитъ рукою Гассана.

„Драгоманъ, Армянинъ католическаго исповѣданія, оказался весьма добродушнымъ старичкомъ. Разговаривая съ нимъ то по-французски, то по-итальянски, мы взбирались по широкой возвышенности которая еще скрывала отъ насъ главный городъ Кипра. Мало-по-малу изъ за холмовъ начали подниматься сотни пальмъ, потомъ стройные минареты, затѣмъ показался величественный соборъ, и внезапно предъ нами открылась роскошная картина восточнаго города. На зеленой равнинѣ, по которой сверкая протекала рѣка, лежалъ большой городъ окруженный бѣлыми башнями и стѣнами. Безчисленныя лалымы и бѣлыя минареты, нѣсколько колоколенъ и готическихъ церквей высоко поднимались надо всѣми остальными зданіями. Солнце начинало заходить и все небо было покрыто самымъ чистымъ желтымъ и пурпурнымъ цвѣтомъ который съ невыразимою мягкостью и нѣжностью наполнялъ теплый воздухъ. Каждая вершина пальмы, каждая оконечность башни была облита мягкимъ свѣтомъ. Массивный темносѣрый соборъ рѣзко выдѣлялся изъ этой роскошной картины Востока и невольно приковывалъ къ себѣ взоры. Еслибы форма собора не была такъ извѣстна, можно было бы подумать что это долженъ быть дворецъ короля.

„Когда мы подѣхали къ воротамъ города, предъ нами стояли прокаженные. Одинъ былъ отвратительнѣе другаго, и невольный ужасъ овладѣвалъ при видѣ этихъ несчастныхъ которымъ не позволено вступать въ Никозію. Всадники начали строиться; драгоманъ объяснилъ мнѣ что это такъ нужно. Во главѣ колонны помѣстились два залтія съ обнаженными саблями, за ними ѣхалъ начальникъ отряда, потомъ я, за мною оба драгомана и наконецъ наши погонщики и служители. Въ такомъ порядкѣ мы проскакали, насколько могли послѣвать наши лошаки, черезъ городъ и черезъ базаръ, среди толпы народа сбѣжавшагого смотрѣть на это зрѣлище. Мы свернули въ грязную боковую улицу и подѣхали къ локандѣ въ дверяхъ которой стоялъ хозяинъ со своими людьми. Онъ встрѣтилъ меня съ глубокими поклонами и провелъ къ дивану. Армянинъ простился и уѣхалъ, но начальникъ

отряда съ достоинствомъ занялъ подлѣ меня мѣсто на диванѣ. Я не говорилъ ни по-турецки, ни по-гречески, онъ не говорилъ ни по-итальянски, ни по-французки. Мы сидѣли нѣсколько времени другъ подлѣ друга, курили и молчали. Когда я наконецъ подумалъ что гость просидѣлъ достаточно долго и поднялся съ дивана, мой драгоманъ прошепталъ мнѣ на ухо: „два меджидіе“. Начальникъ стражи важно привалъ отъ меня деньги, затѣмъ явились залтіи, стали предо мною, поучили каждый по монетѣ, и тѣмъ окончилась эта комедія.

„Никозія называется у Грековъ Левкозія, у Турокъ—Лэфкоша. Быть-можетъ нигдѣ Востокъ такъ тѣсно не слѣвается съ Западомъ въ формѣ и внѣшности зданій, въ одеждѣ, нравахъ и языкѣ жителей. Рано утромъ меня разбудили звуки турецкихъ трубъ раздававшіеся по всему городу. Съ минаретовъ неслось торжественное, протажное пѣніе муззиновъ. Потомъ я слышалъ голоса безчисленныхъ воронъ и галокъ, пѣніе безчисленныхъ пѣтуховъ, нескончаемые крики ословъ и верблюдовъ. По воздуху носился звукъ колоколовъ перекакивавшихся между собою съ различныхъ башенъ. На слѣдующій день Греки праздновали Пасху, и колокольный звонъ начался уже съ полуночи. Онъ раздавался во всѣхъ концахъ города, большіе и маленькіе колокола гудѣли и звѣнѣли не умолая. Греки стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ, муззины напрягали всѣ усилія чтобы сдѣлать слышнымъ свой голосъ, и все это покрывалось криками и ревомъ животныхъ. Казалось что на каждомъ деревѣ, что въ каждомъ стоялѣ кто-то намѣренно пугаетъ и дразнитъ ихъ. Каждый старый Турокъ вѣроятно безъ сна ворочался на ложѣ своего гарема, проклиная колокольный звонъ и пистолетные выстрѣлы. Еслибы Греки попытались поднять такой шумъ лѣтъ тридцать тому назадъ, нѣтъ сомнѣнія что Турки бросились бы на нихъ съ саблями наголо и научили бы ихъ какъ нужно уважать спокойствіе ихъ поведителей.

„Въ каждой улицѣ черезъ стѣны домовъ и въ отворенныя ворота видѣлись цвѣтуція яблони и грушевыя деревья, темная зелень розмарина, большіе листья смоковницъ, бѣлые и красные цвѣты алеальсиновъ, лимоновъ, тутовыхъ и гранатныхъ деревьевъ. Но ни одна стѣна не была достаточно высока чтобы скрыть собою пальмы, платаны и минареты высоко поднимавшіеся среди голубаго неба. Половина Никозіи

состоитъ изъ садовъ, и всюду изъ трубъ плещеть вода для ихъ орошенія. Надо всѣмъ городомъ носится удивительный ароматъ отъ растеній и цвѣтовъ; едва заколышется вѣтерокъ гдѣ-нибудь въ уголѣ, и благоуханіе разносится еще сильнѣе и роскошнѣе. Безоблачное небо также сине, также чисто и кажется такимъ же неизмѣримо глубокимъ какъ надъ долиною Нила. Воздухъ такъ мягокъ, ласкающъ и упоителенъ что становится понятнымъ почему между всѣми греческими островами именно Кипръ покрылся рощами и святилищами Афродиты. На одно мгновеніе мнѣ пришла мысль какъ хорошо было бы прожить здѣсь полгода, перечитать и пере-чувствовать все лучшее въ древней греческой литературѣ. Но развѣ оказалось бы возможнымъ жить среди этихъ людей, въ этой безотраднѣйшей духовной пустынѣ? Греки только что начинаютъ находить интересъ въ другихъ предметахъ кромѣ вопросовъ о деньгахъ, о церкви, о національности и кромѣ своихъ безконечныхъ интригъ и партій. А Турки! Если взять каждаго изъ нихъ поочередно, вывернуть его, потрясти и выколотить, ни въ одномъ не оказалось бы все-таки ни одной художественной или исторической идеи, и каждый Турокъ остался бы все-таки исполненнымъ чувствомъ собственного достоинства и упорствомъ.

„Если заглянуть съ улицы въ сады, то можно подумать что это рядъ тихихъ приставищъ, гдѣ могли бы мирно поселиться музы. Всѣ порядочные дома расположены въ глубинѣ садовъ и окружены деревьями и цвѣтущими растеніями. Каждая семья живетъ въ сторонѣ отъ улицы, какъ бы замкнутая въ мирную и безмятежную домашнюю жизнь которая должна замѣнить отсутствующую на Востока жизнь общественную. Семейная жизнь особенно развита у Грековъ. Что касается турецкихъ домовъ, то ихъ сейчасъ же можно узнать потому что входъ въ домъ тщательно завѣшенъ коврами или заставленъ досками для того чтобы посторонній взглядъ не проникъ, какъ ястребъ, въ среду турецкихъ женщинъ. Весь свѣтъ составляетъ для турецкой женщины одну громадную, глухую пустоту, и въ свѣтѣ этомъ она не считается ни во что. Говорятъ что въ Никозіи Турки обращаются съ женщинами болѣе мирно и кротко, что здѣсь встрѣчаются даже браки по привязанности. Браки эти вѣроятно составляютъ исключеніе. Семейная жизнь большинства остается вѣрною турецкимъ преданіямъ; Турецкій народъ слишкомъ

твёрдо закаленъ отъ природы и мало мѣняется. Дни Османовъ и въ Никозіи таятся однообразною и мрачною чредой за высокими стѣнами садовъ: ихъ не освѣщаетъ золотистый и теплый свѣтъ любви. Но тамъ гдѣ женщина не любитъ, она неистощима въ интригахъ; такъ какъ турецкія женщины вообще умнѣе и хитрѣе мужчинъ, то изъ этого происходитъ что хотя женщины и находятся въ безпомощномъ заключеніи, онѣ являются въ свою очередь тиранками и мучительницами своихъ стражей. Въ Никозіи знатныя Турчанки не носятъ яркихъ красныхъ, синихъ и желтыхъ плащей которые постоянно встрѣчаются въ другихъ городахъ. Плащи ихъ постоянно бѣлаго цвѣта, а изъ-подъ нихъ выглядываютъ изящныя шелковыя платья. Никозія славится на всемъ Востокѣ красотою своихъ женщинъ, и слава эта ловидимому принадлежитъ не одѣмъ Гречанкамъ. Въ Никозіи встрѣчается гораздо болѣе стройныхъ женщинъ нежели въ Смирнѣ и Константинополѣ; походка ихъ сравнительно съ переваливаніемъ другихъ Турчанокъ отличается своею застѣнчивостію и онѣ вообще умѣютъ себя держать.

„Въ Никозіи едва ли болѣе 12.000 жителей, хотя нѣкоторые утверждаютъ что число это простирается до 18.000. Какъ рѣшить этотъ споръ въ странѣ въ которой считаются только дома? Турки говорятъ что для нихъ все равно сколько людей живутъ въ городѣ: дѣло все въ томъ есть ли у этихъ людей деньги или нѣтъ. По численности греческое населеніе почти равняется теперь турецкому; оставаясь въ цѣломъ разединенными, оба племени смѣшиваются здѣсь, однако, болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Въ греческихъ домахъ часто можно встрѣтить турецкую прислугу; есть примѣры что Гречанки переходятъ въ Исламъ чтобы выйти замужъ за красиваго молодаго турецкаго бега или агу, то-есть, землевладельца. Одежда греческихъ поселянъ полутурецкая: въ особенности любятъ они обвѣшиваться широкими платками. Турецкій пилавъ подается за каждымъ столомъ на всемъ Кипрѣ. Даже многіе мусульмане втайнѣ исповѣдуютъ христіанство, освѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ и крестятъ своихъ дѣтей. Это такъ называемые *линопамбаи*, то-есть: шерсть съ бумагою,—мѣшанные. Предки ихъ изъ страха предъ Турками вѣншимъ образомъ приняли Исламъ; еслибы потомки вздумали теперь открыто признать себя олятъ христіанами, имъ пришлось бы испытать различныя притѣсненія со

стороны Турокъ и платитъ *askerîs*, военную подать которую несутъ всѣ не служащіе сами въ рядахъ войска. Подать эта составляетъ ежегодно 27½ ліастровъ и платится за каждаго ребенка мужескаго пола съ самаго дня его рожденія.

„Со времени венеціанскаго владычества въ языкѣ кипрскихъ Грековъ осталось еще много италіанскихъ словъ; французскій языкъ совершенно исчезъ на Кипрѣ. Въ Никозіи Греки имѣютъ свое особое нарѣчіе; напротивъ Турки стараются говорить на особенно чистомъ и изысканномъ турецкомъ языкѣ; турецкій языкъ Никозіи считается лучшимъ послѣ Константинополя. Какъ чистота языка, такъ и сравнительная утонченность нравовъ составляютъ еще отголосокъ того времени когда Никозія была столицей Кипрскаго королевства. Время это наломали всѣ лучшіе дома, но только своими фундаментами и вѣздами. На высотѣ челоувѣческаго роста всѣ прежнія каменные стѣны разрушены, а на остаткахъ ихъ построены жалкія строенія изъ дерева и глины. Въ оправданіе себя жители говорятъ что не стоить строить хорошіе дома, ибо землетрясеніе можетъ ихъ олять разрушить. Но развѣ на Кипрѣ не бывало прежде землетрясеній?

„Въ Никозіи находится еще и теперь огромное число церквей и мечетей. Когда городъ стоялъ во всемъ блескѣ своей славы, въ немъ насчитывали, говорятъ, слѣшкомъ триста церквей и часовень. Прежде всего привлекаетъ на себя вниманіе Софійскій соборъ. Это величественное зданіе поздне-готическаго стила съ великолѣпными архитектурными украшеніями. Три портала ведутъ въ высокую, просторную внутренность собора, наполненную колоннами. Турки ограбили всѣ украшенія кромѣ высѣченныхъ изъ камня, и теперь всѣ внутреннія стѣны сплошь покрыты бѣлою краской. Чтобы хотя нѣсколько оживить этотъ могильный саванъ, завоеватели окрасили колонны и калителы въ красный, зеленый и желтый цвѣтъ. Прекрасныя готическія окна закрыты деревянными рѣшетками, а на остаткахъ двухъ колоколенъ насажены два необычайно высокіе минарета. Вблизи собора находится храмъ Св. Николая съ тремя величественными боковыми порталами: они служатъ въ настоящее время для складовъ зерна. Замѣчательна также архіеліскопская церковь; она очень проста по архитектурѣ, но всѣ внутреннія стѣны ея покрыты весьма древнею живописью. Въ прежнее время на Кипрѣ показывали гробницы многихъ

извѣстныхъ святыхъ. Островъ находится прямо противъ Си-
ріи и Палестины и на него бѣжали черезъ море первые хри-
стіане, когда на нихъ начались преслѣдованія; еще въ три-
надцатомъ вѣкѣ на Кипрѣ было четырнадцать епископій, и
основаніе каждой изъ нихъ было соединено съ именемъ ка-
кого-либо святаго. Нужно нѣсколько осмотрѣться въ Нико-
зіи чтобы привыкнуть видѣть рядомъ съ готическимъ собо-
ромъ минареты, турецкіе постоянные дворы подъ готически-
ми сводами и надъ всѣмъ этимъ высокія вершины пальмъ.
Дворецъ кипрскихъ королей также былъ построенъ въ готи-
ческо-норманскомъ стилѣ; теперь отъ него удѣлалъ только
сводъ вѣзда; на остаткахъ его фундамента поднимаются
голыя стѣны съ отверстиями вмѣсто оконъ и балконовъ, ко-
торые загорожены деревянными рѣшетками и прикрыты
легкими деревянными крышами. Это строеніе называется ко-
накъ или серай, и служитъ мѣстопребываніемъ папѣ. Паша
имѣетъ удовольствіе сознавать что подъ его помѣщеніемъ на-
ходятся темницы, въ изобиліи наполняемыя престулниками.
Большинство ихъ присылается изъ Сириіи чтобы отбывать на
Кипрѣ время своего заключенія. Что касается Кипріотовъ,
то возбудить ихъ страсти довольно трудно. Кипріотъ луч-
ше не будетъ дѣлать ничего нежели предпринять что-нибудь
опасное или трудное. На дворѣ серая стоитъ высокая ко-
лонна о которой идетъ молва что на нее должны были всхо-
дить осужденные чтобы услышать свой приговоръ. Мнѣ ка-
жется что это такая же колонна какъ и та которая стоитъ
на площади Св. Марка въ Венеціи и увѣнчана тамъ крыла-
тымъ львомъ. Такой крылатый левъ еще года два тому на-
задъ стоялъ надъ сводами вѣзда, но предшественникъ на-
стоящаго паши приказалъ разбить его на куски изъ чистой
страсти къ разрушенію. Турецкіе солдаты являющіеся изъ
внутренности Сириіи и Малой Азіи приносятъ съ собою не-
удержимое стремленіе разрушать всякое изображеніе кото-
рое они видятъ. Послѣдователямъ Ислама запрещено изобра-
жать какое бы то ни было живое твореніе; по словамъ Ко-
рана, оно могло бы потребовать душу отъ своего творца.“

Изъ всѣхъ городовъ Кипра, Лимасоль имѣетъ наиболѣе
европейскій видъ, хотя и здѣсь, особенно въ турецкихъ квар-
талахъ, преобладаютъ постройки изъ дерева и глины. Лѣеръ
посвятилъ монастырь францисканцевъ, базаръ и школы. Въ
вышемъ греческомъ училищѣ было двадцать учениковъ, въ

народной школѣ число ихъ доходило до ста, и число это умножается постоянно. Лимасоль имѣеть теперь около 6.000 жителей; одну треть изъ нихъ, и притомъ бѣднѣйшую, составляютъ Турки; между Греками находятся нѣсколько богатыхъ купцовъ. Европейскій характеръ города объясняется тѣмъ что Лимасоль подвигался только за послѣднее время; причиною этого явленія былъ умножившійся вывозъ кипрскаго вина.

Нѣмецкій консулъ сообщилъ Лёеру нѣсколько числовыхъ данныхъ о населеніи и доходахъ острова. Свѣдѣнія о количествѣ населенія весьма шатки. Турки считаютъ на Кипрѣ 200.000 жителей, Греки — нѣсколько болѣе половины этой цифры. Одинъ Европеецъ, долгое время живущій въ Кипрѣ, считаетъ на немъ 100.000 Грековъ, 40.000 Турокъ, 1.000 Маронитовъ и католиковъ. Всего ближе къ истинѣ будетъ, вѣроятно, предположеніе что Кипрѣ имѣеть 150.000 жителей, одну треть которыхъ, или даже менѣе, составляютъ Турки. Такая же неопредѣленность существуетъ относительно цифры дохода приносимаго островомъ, хотя Лёеръ и обращался за свѣдѣніями по этому вопросу къ такимъ лицамъ которыя по своему служебному положенію должны были знать положеніе дѣла. Одни опредѣляли этотъ доходъ, то-есть сумму налоговъ и таможенныхъ сборовъ, въ 35 милліоновъ піастровъ, другіе въ 30, третьи—въ 24 милліона. Лёеръ полагаетъ однако что нужно взять еще меньшую сумму, а именно 16.670.000 піастровъ.

Когда Лёеръ снова возвратился въ Ларнаки изъ своего объѣзда по острову и, готовясь покинуть Кипрѣ, отправился проститься со знакомыми, его вездѣ заставляли разказывать про свою поездку. „Удивленію не было конца и разговоръ обыкновенно кончался увѣреніемъ что я, пріѣзжій, сдѣлалъ въ нѣсколько дней то что не собрались сдѣлать люди цѣлые года живущіе на Кипрѣ.“ „Дѣйствительно“, говоритъ Лёеръ, „я почти увѣренъ что въ настоящее время на всемъ островѣ Кипрѣ нѣтъ человека который бы такъ много видѣлъ на немъ какъ я.“ Книга Лёера, изъ которой мы представили здѣсь только нѣсколько наблюденій и фактовъ, повидимому весьма заинтересовала нѣмецкихъ читателей. Въ то время какъ мы дописывали эти строки, газеты принесли намъ извѣстіе что она вышла уже вторымъ изданіемъ.

III.

Ученые труды Цёлльнера (Wissenschaftliche Abhandlungen von Friedrich Zöllner. II B. 1 Th. Leipzig. 1878).

Подъ этимъ заглавіемъ профессоръ Цёлльнеръ продолжаетъ во многихъ отношеніяхъ оригинальное изданіе своихъ статей, спеціальнаго и общенаучнаго интереса, отчасти напечатанныхъ уже авторомъ въ академическихъ мемуарахъ и спеціальныхъ журналахъ, большею же частью впервые издаваемыхъ въ сборникѣ, съ раздѣленіемъ на нумера напоминающемъ періодическія изданія. Въ только что выданной первой части втораго тома, включающей два нумера, помѣщены теоретическія разсужденія объ основныхъ законахъ электродинамики, опытыя изслѣдованія объ электрическихъ токахъ отъ тренія жидкихъ и твердыхъ тѣлъ, теорія возбужденія электричества отъ прикосновенія и тренія; далѣе небольшая статья о Кеплерѣ и, наконецъ, обширный трактатъ занимающій болѣе половины тома, названный *О метафизической дедукціи законовъ природы* и посвященный почти исключительно вопросу о спиритизмѣ. Съ воззрѣніями на спиритическія явленія ученаго лейпцигскаго профессора, сдѣлавшагося въ послѣднее время самымъ увлеченнымъ приверженцемъ медиумизма, читатели отчасти могли уже ознакомиться изъ статьи А. М. Бутлерова *О четвертомъ измѣреніи пространства*, помѣщенной въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. Новый трактатъ Цёлльнера безъ сомнѣнія надѣлаетъ еще болѣе шуму какъ въ лагерѣ приверженцевъ, такъ и въ лагерѣ противниковъ медиумизма, чѣмъ его первая статья въ которой онъ описалъ опытъ съ завязываніемъ узловъ на снуркѣ съ припечатанными концами, подъ его наблюденіемъ произведенный медиумомъ Сладомъ, и высказалъ свою рискованную гипотезу о существахъ способныхъ дѣйствовать въ четвертомъ измѣреніи пространства недоступномъ обыкновеннымъ людямъ. И дѣйствительно трактатъ Цёлльнера есть событіе заслуживающее вниманія съ какою бы точки ни смотрѣть на медиумическія явленія. Талантливый ученый, извѣстный физикъ и астрономъ, человекъ самостоятельно знакомый со строгими научными приѣмами есте-

ствоиспытателей,—хотя и способный къ крайнимъ увлеченіямъ фантазіи; изслѣдователь дорожащій научною истиной, хотя и не сдержанный въ своей раздражительности, недовольный, готовый объявлять войну направо и налево, придумавшій съ нѣкоторымъ самоуслажденіемъ слово *тиндаллизировать* (по аналогіи съ гальванизировать, фарадизировать, для выраженія „отдѣлать“ противника такъ какъ онъ отдѣлывается извѣстнаго англійскаго физика Тиндала,—такой человекъ рѣшительно и страстно объявляетъ себя убѣдившимся, послѣ внимательнѣйшаго научнаго изслѣдованія, въ существованіи тѣхъ явленій чудеснаго свойства которыми наполнена атмосфера спиритизма и къ которымъ онъ присоединяетъ еще новыя, самыя неожиданныя. Инструментомъ опытовъ Цѣльнера былъ знакомый Петербургу, извѣстный медиумъ Сладъ, котораго лейпцигскій профессоръ признаетъ за организмъ исключительнаго свойства, обладающій качествами недоступными обыкновеннымъ людямъ, но въ которомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывается видѣть обманщика или фокусника. Мистеръ Сладъ, по заявленію Цѣльнера, вполнѣ добросовѣстный человекъ, не приближающій ни къ какому обману, совершенно пристрастно осужденный англійскимъ судьей, приговорившамъ его за обманъ къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ со строгою принудительною работою: это мученикъ спиритизма, осужденіе котораго показываетъ де что намъ нечего кичиться предъ вѣками когда жгли вѣдьмъ и колдуновъ.

Спиритическіе опыты описываемые въ новомъ трактатѣ Цѣльнера происходили въ Лейпцигѣ въ декабрѣ истекающаго года. Въ сеансахъ, кромѣ Цѣльнера, почти постоянно участвовалъ профессоръ Шейбнеръ, во многихъ принималъ участіе знаменитый физикъ Вильгельмъ Веберъ, участвовалъ также Фехнеръ; на одномъ сеансѣ (вообще неудавшемся) была профессора Лудвигъ, Тиршъ, Вундтъ (было бы любопытно слышать личныя сужденія всѣхъ этихъ ученыхъ). Описывая удивительныя явленія, Цѣльмеръ въ новомъ трактатѣ своимъ почти не входитъ въ ихъ объясненіе; но можно замѣтить что въ увлеченіи спиритизмомъ имъ сдѣланъ новый, значительный шагъ. Въ статьѣ перваго тома опыты съ завязываніемъ узловъ приводился какъ подтвержденіе ученія о четвертомъ измѣреніи пространства и гипотезы о медиумахъ, которымъ будто бы это измѣреніе доступно. Въ трактатѣ все вниманіе поглощаемо

жиромъ невѣроятныхъ явленій обнаруженныхъ помощью Свѣда; о доступности Свѣду четвертаго измѣренія прямо не упоминается, а есть указаніе на существа которыми оно доступно, помощью которыхъ совершаются опыты, и которыя со Свѣдомъ находятся въ сообщеніи. Какъ бы впрочемъ ни относиться къ увлеченіямъ Цѣлльнера, самый фактъ такого увлеченія, нынѣ уже далеко не единичный, свидѣтельствуеть что можетъ - быть уже время ученымъ обществамъ обратять большее чѣмъ донынѣ вниманіе на кругъ явленій медиумизма и подвергнуть ихъ внимательному испытанію въ родѣ того какъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка были подвергнуты опыты съ животнымъ магнетизмомъ изсаждованію знаменитыхъ членовъ Парижской Академіи Наукъ: Балли, Франклина, Лавуазье и др.

Новые спиритическіе опыты, описанные въ книгѣ Цѣлльнера, относятся, во первыхъ, къ дѣйствию медиума на магнитную стрѣлку. Цѣлльнеръ приводитъ изъ небольшого сочиненія Фехнера *Воспоминанія о послѣднихъ дняхъ ученія объ одъ и его основателя* (1876) описаніе страннаго явленія, свидѣляема котораго покойный Рейхенбахъ сдѣлалъ Фехнера и хитика Эрмана. Изобрѣтатель теоріи *ода* представилъ этимъ ученымъ въ полѣ 1867 года одну женщину, гжу Руфъ, какъ обладающую способностію дѣйствовать на магнитную стрѣлку. Оба ученые были свидѣтелями какъ подъ вліяніемъ ладоней гжи Руфъ магнитная стрѣлка помѣщенная подъ стекляннымъ колпакомъ отклонялась отъ своего положенія равновоія и даже приходила во вращеніе.

Ни въ кождъ рукѣ, ни подъ ногтями не было признака какого-нибудь магнитнаго тѣла, и Фехнеръ пришелъ къ убѣжденію что явленія нельзя объяснить кускомъ магнита или желѣза спрятаннымъ въ ладонь. Цѣлльнеръ вспомнилъ объ этомъ случаѣ и испыталъ, можетъ ли Свѣдъ дѣйствовать на стрѣлку. Медиумъ оказался способнымъ отклонять стрѣлку компаса. Мало того, Цѣлльнеръ и Веберъ были свидѣтелями намагничивающей силы медиума. Нѣсколько ненамагниченныхъ шлоковъ оказались подъ вліяніемъ Свѣда пріобрѣтшими къ одному изъ концовъ магнетизмъ, обнаружившіеся притяженіемъ желѣзныхъ опилокъ. Еще куріознѣе описываемое Цѣлльнеромъ дѣйствіе медиума на поляризующія свѣтъ тѣла. Цѣлльнеръ взялъ два довольно большіе куски исландскаго шлата въ формѣ такъ-называемыхъ никелевыхъ призмъ и, помѣстивъ

ихъ одинъ за другимъ, повернувъ въ такое положеніе при которомъ, по законамъ поляризаціи, проходящій свѣтъ затмѣвается, такъ что наблюдатель ничего не можетъ видѣть сквозь совокупность двухъ кусковъ сами по себѣ прозрачныхъ: поле зрѣнія представляется темнымъ. Для медиума, оказалось, поляризаціи не существуетъ. Слѣдъ могъ читать черезъ такіа двѣ перекрестныя призмы, какъ бы обладая способностію произвольно поворачивать плоскость поляризаціи. Странно что Цёлльнеръ не испыталъ Слѣда на явленіяхъ цвѣтной поляризаціи,—о которыхъ спиритъ, конечно, не имѣетъ понятія,—и вообще только скользнулъ по такому удивительному опыту. Впрочемъ чудесныхъ вещей оказалось еще столько что магнитные и поляризаціонные опыты ушли на дальній планъ. Предъ Цёлльнеромъ и его товарищами обнаружались не только обыкновенныя спиритскіе стуки, писанія, игранія, но и были произведены оттиски невидимыхъ рукъ и ногъ на бумагѣ покрытой сажей и на латвѣ помощью слѣдковъ меда подставленнаго въ лоскомъ широкомъ сосудѣ подъ столомъ. Руки спирита всегда оказывались сухими и чистыми, подошвы сапоговъ обыкновенными, не отдѣляющимися. Оттискъ ноги былъ даже произведенъ на внутренней сторонѣ доски, на которой наклеена была покрытая копотью бумага и которая на шарнерѣ складывалась какъ книга. Сложенная такимъ образомъ доска лежала на козлахъ Цёлльнера, и въ моментъ образованія оттиска, онъ моментально чувствовалъ давленіе. Цёлльнеръ прилагаетъ къ своей прекрасно изданной книгѣ (украшенной портретами Гаусса, Вебера и Римана) нѣсколько изображеній спиритскаго писанія и оттискъ невидимой ноги.

Трактатъ Цёлльнера, какъ и всѣ его статьи съ полемическимъ характеромъ, переполненъ ссылками, цитатами, цѣлыми страницами выписокъ, стихами, столбцами сравнимыхъ мѣстъ—все, впрочемъ, безъ большой связи. Чтобы показать что невѣроятность явленія не должна подавляющимъ образомъ дѣйствовать на наше сужденіе, Цёлльнеръ пересказываетъ исторію вопроса о падающихъ на землю метеорныхъ камняхъ. Утвержденіе Ольберса что камни эти падаютъ на землю изъ небеснаго пространства было встрѣчено общимъ недоувѣріемъ; президентъ Парижской Академіи Лапласъ до 1802 года полагалъ что подобное предположеніе не можетъ даже саужить предметомъ серьезнаго обсужденія въ ученомъ

собраніи, но вынужденъ былъ перемѣнить мѣстѣе когда при последовавшемъ вѣкорѣ ладенію камней во Франціи ими были даже люди убиты. Цѣльнеръ предостерегаетъ ученыхъ отъ увлеченія невѣроятное считать невозможнымъ.

IV.

Исаія Тегнеръ по новѣйшимъ источникамъ. (Esaias Tegner nach den neuesten Quellen dargestellt, von Georg Brandes. Deutsche Rundschau № 8, 1878.)

Литературная слава скандинавскихъ писателей рѣдко переходитъ за предѣлы ихъ родины. Произведеніямъ писаннымъ на языкъ мало распространенномъ трудно достигнуть европейской извѣстности. Въ особенности трудно это для произведеній поэтическихъ, которыя, еслибы даже и были переведены, неизбежно теряютъ въ переводѣ ту форму, тотъ размѣръ и благозвучіе стиха, которыми въ значительной степени обуславливается ихъ красота. Однако одному изъ шведскихъ поэтовъ, Исаіи Тегнеру, удалось прославиться въ Европѣ и Америкѣ, болѣе можетъ-быть чѣмъ на родинѣ. Онъ не первый, не лучший между ними. До него Белманъ и послѣ него Рунсбергъ создавали болѣе яркіе, болѣе живые образы, но уступая имъ въ творческой фантазіи, Исаія Тегнеръ превосходитъ обоихъ силою духа, и въ немъ для иностранныхъ читателей воплотилась вся поэтическая жизнь Швеціи. Его произведенія соединяютъ въ себѣ національное содержаніе съ классическою красотой формы: въ нихъ оживаютъ предъ нами древнія саги сѣвера, возникаетъ картина быта норманскихъ героев викинговъ. Знаменитѣйшее изъ этихъ произведеній, *Фритіофъ-Сага*, переведенное на всѣ европейскіе языки, на англійскій и на нѣмецкій по восемнадцати разъ, сдѣлалось національною поэмою Шведскаго народа. Признательные соотечественники воздвигли Тегнеру статую на высокомъ пьедесталѣ, покрытомъ сверху до низу хвалебными рѣчами, стихотвореніями и жизнеописаніями.

Исаія Тегнеръ происходилъ и по отцу и по матери отъ шведскихъ крестьянъ. Отецъ его былъ пасторъ, мать—дочь пастора. Прозывались они по-настоящему Лукассовъ, а фамилія Тегнеръ образовалась оттого что отецъ поэта при поступленіи въ гимназію былъ названъ въ латинской гимназической книгѣ съ именами учениковъ, по родинѣ своей, селу Тегнаби, Tegnerus.

Исаія родился въ Киркерудѣ, 13 ноября 1782 года. Девяти лѣтъ онъ лишился отца. Наслѣдства не осталось никакого. Мать воспользовалась первымъ случаемъ чтобы помѣстить маленькаго Исаію лицомъ въ канцелярію форта Брантинга. Тутъ онъ прилежно упражнялся въ счетоводствѣ и письмѣ, а сопровождалъ начальника въ частыхъ разъѣздахъ для сбора податей, знакомился съ живописною красотой своей родины. Усердный за работою мальчикъ часто впадалъ въ разсѣянность и забывчивость; зачитывался какой-нибудь книги, грешилъ наяву, бормоталъ невнятные рѣчи. Онъ читалъ поэтовъ, историковъ; болѣе всего любилъ онъ старыя саги; между ними попала къ нему сага объ удаломъ Фритиофѣ. Впечатлѣнія природы и поэзіи сливались въ одно въ молодой душѣ. Часто, глядя изъ-за дорожной кареты на покрытыя снѣгомъ поляны, на темныя ущелья, на замерзшіе ручьи, повисшіе съ горъ, мальчикъ при мерцаніи луннаго свѣта видѣлъ предъ собою самого духа зимы: громадный, суровый, величественный образъ съ ивеемъ въ бородѣ, съ вѣнцомъ изъ сосенъ на головѣ. „Шведская поэзія“, говоритъ Тегнеръ, „въ истинномъ смыслѣ поэзія природы: источникъ ея—наши озера, наши скалы и водопады. Въ горномъ уединеніи вѣтъ могучимъ творчествомъ, и старые боги во очію являются въ свѣтлыя зимнія ночи. Тамъ я родился и выросъ, свободно и одиноко. Удивительно ли что во мнѣ съ дѣтства сложилась склонность къ громадному и чудесному, которая съ тѣхъ поръ никогда не покидала меня.“

Способности Тегнера не могли остаться незамѣченными. Было рѣшено дать ему высшее образованіе. Поводомъ къ этому послужилъ разговоръ въ которомъ мальчикъ передалъ фогту свѣдѣнія о законахъ движенія небесныхъ свѣтилъ почерпнутыя имъ изъ народной книжки. Подъ руководствомъ старшаго брата, учителя, Исаія сталъ заниматься латинскимъ, греческимъ и французскимъ языками, и самъ, безъ посторонней помощи, выучился англійскому на столько что могъ читать Оссіана. Съ этого времени онъ сталъ неразлученъ съ братомъ, сопровождалъ его на всѣ мѣста, какія онъ получалъ, и въ семействѣ Мирманъ, въ которое братъ поступилъ, домашнимъ учителемъ, нашель, четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ одной изъ дочерей свою будущую жену. Какъ многія талантливыя дѣти, онъ удалялся отъ шумныхъ игръ сверстниковъ, всего охотнѣе сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, читалъ Гомера,

и только силой удавалось товарищамъ принудить его бѣгать съ ними на конькахъ или кататься въ саняхъ, хотя онъ былъ ловокъ во всякихъ играхъ и упражненіяхъ. Въ 1799 году поступилъ онъ въ Лундскій университетъ, занимался древними языками, философіей и эстетикой, и въ 1802 году, по обычаю страны, былъ увѣнчанъ лавровымъ вѣнкомъ, какъ магистръ философіи. Онъ былъ тогда голубоглазымъ, румянымъ, крѣпко сложеннымъ юношей, съ длинными свѣтлорусыми выщипаными волосами, склоннымъ еще къ уединенію, задумчивости и мечтательности; но послѣ женитьбы склонность эта пропадаетъ и Тегнеръ дѣлается чрезвычайно веселымъ, разговорчивымъ, общительнымъ человѣкомъ, умѣющимъ цѣнить хорошей столъ и доброе вино, остроумнымъ, привлекательнымъ собесѣдникомъ. Исполняя въ одно и то же время должность профессора и пастора нѣсколькихъ приходоу, онъ долго читалъ лекціи о греческой литературѣ, имѣвшія большой успѣхъ, и наконецъ, въ 1826 году, былъ назначенъ епископомъ въ Вексію.

Въ произведеніяхъ Тегнера нѣтъ слѣда ни мрачной разочарованности, ни тревожной тоски, ни разлада съ самимъ собою, ни тиниственнаго романтизма, которыми отличалась поэзія того времени. Его идеалы не Манфредъ, не Фаустъ, не Поэза, не герои идеи и сомнѣнія, а силачи удалые, воители нелобѣдимые, добродушные и веселые. Сила, предприимчивая отвага лѣбняетъ его прежде всего. Силу и отвагу восхваляетъ онъ и въ Лютерѣ, и въ Густавѣ III, и въ Наполеонѣ, и въ Карлѣ XII. Романтическая реакція противъ разсудочнаго направленія, противорѣчащая природнымъ наклонностямъ Тегнера, въ одномъ только нашла у него сочувственный отзывъ—въ отрицаніи понятія пользы какъ мѣрилы для оцѣнки великихъ дѣлъ. „Въ исторіи, словно въ лавкѣ“, говоритъ онъ, „все цѣнили по приносимому барышу, и молатику ставили выше похода Александра въ Индію“. Этотъ походъ послужилъ Тегнеру темою поэмы, озаглавленной: *Александръ на Гидаспѣ*, въ которой онъ развиваетъ свою основную мысль. Поэтъ выбралъ ту минуту когда утомленное войско требуетъ чтобы царь не велъ ихъ далѣе, а повернулъ назадъ къ отечеству.—„Или вы думаете“, отвѣчаетъ Александръ насмѣшливо—„что я сошелъ съ македонскихъ горъ для того чтобы добыть вамъ золота и пурпурныхъ тканей? Славы ищу я, одной только славы!“—Послѣдствія геройскихъ подвиговъ

не имѣли значенія въ глазахъ Тегнера. Омѣльныя приключенія лѣзли на него сами по себѣ. Карль XII, истощившій силы Швеціи въ непрестанныхъ, бесполезныхъ войнахъ, представляется ему образцомъ геройскихъ доблестей. Онъ ставитъ его наряду съ Густавомъ Адольфомъ, въ которомъ хвалитъ также не глубокій политическій смыслъ, не гений военачальника, а любовь къ опасности, способность играть жизнью. Не менѣе отвѣта цѣнить Тегнеръ въ своихъ герояхъ прямодушіе. Онъ хотѣлъ бы чтобы всѣ и въ нравственномъ смыслѣ, какъ древніе берсерки во время боя, бросали себѣ щитъ за спину. Съ этой точки зрѣнія, тонкости политики, происки религіозныхъ сектъ и корпорацій ему противны. Но онъ онъ не принадлежитъ однако къ людямъ индифферентнымъ. Его письма полны самыхъ горячихъ отзывовъ о современныхъ событіяхъ, къ которымъ большинство тогдашнихъ романтиковъ въ Германіи и Даніи относились равнодушно и безучастно. Подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и классической литературы сложился у Тегнера здоровый гуманизмъ, враждебный всему скрытному, туманному, таинственному. Это отличительный характеръ всей его профессорской, пасторской и литературной дѣятельности. Какъ мистическое направленіе въ религіи, такъ и романтическую школу въ литературѣ онъ постоянно преслѣдовалъ опроверженіями и насмѣшками. И однако—странная черта времени—этотъ поклонникъ силы, удалы и бодрой, добродушной веселости кончаетъ также какъ кончили многіе извѣстные романтики — сумашествіемъ. Несоответствующее его наклонностямъ положеніе въ какое сталъ онъ сдѣлавшись епископомъ, утомительныя обязанности въ которыхъ часто не видѣлъ онъ пользы, все это раздражало, разстраивало его, колебало его здоровье. „Телерь предстоятъ экзамены“, пишетъ онъ, „приходится восемь дней кряду сидѣть въ гимназіи; потомъ пасторскіе экзамены и поставленіе пасторовъ; потомъ освященіе восьми церквей. При всемъ этомъ нужно говорить, и олять говорить, непрестанно переливать изъ лустаго въ порожнее. Слова! слова! слова! восклицаю я съ Гамлетомъ. Жалѣи меня. Я измученъ до смерти; зло беретъ. Никому не нужны мои рѣчи, никто не обращаетъ на нихъ вниманія, и самъ я менѣе чѣмъ кто-либо. Вотъ это поистинѣ бросать слова на вѣтеръ, тратить жизнь въ пустыхъ церемоніяхъ.“

Крайне демократическое настроеніе, необузданность журналистики, развившіяся въ Швеціи послѣ 1830 года, возмущали Тегнера, приводили его въ негодованіе. „Цвѣта Швеціи были синій и желтый“, пишетъ онъ, „въ нихъ облекалась сила и честь. Теперь грязь—нашъ національный цвѣтъ, ложь—наша богатырская лѣсня. Ругательство разнуздано, оно вторгается въ семейную жизнь каждаго дома, заглядываетъ въ каждую скважину, въ каждую щелку. О Шведы! Это ли ваша свобода?“ „Мои грезы о чести и здоровомъ смыслѣ шведскаго народа давно разлетѣлись“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Къ этимъ общественнымъ тревогамъ присоединились и домашнія невзгоды. Дѣла Тегнера были разстроены; его тяготили долги. Долго боролась его здоровая природа со враждебными ей вліяніями, но наконецъ не устояла. Въ 1840 году, на сеймѣ въ Стокгольмѣ, внезапно обнаружилось помѣшательство, частію дикими припадками буйства, частію невозможными проектами громаднхъ финансовыхъ операцій, народныхъ переселеній, всесвѣтныхъ завоеваній. Сохранились подлинныя слова которыми Тегнеръ описывалъ свое состояніе въ это время. „Вся бѣда“, говорилъ онъ другу бывшему при немъ въ больницѣ для умалишенныхъ, „вся бѣда произошла отъ проклятаго усердія, съ которымъ надѣли мнѣ на голову эту діадему. Штука-то сама по себѣ была славная. Миниатюрныя изображенія, не писанныя, а дѣйствительно живыя миниатюры четырнадцати славнѣйшихъ поэтовъ составляли вѣнецъ. Тутъ были Гомеръ и Пиндаръ, Тассъ и Виргилій, Шиллеръ, Петрарка, Гете и другіе. Между каждою парой горѣла звѣзда, не мишурная и не алмазная, а изъ настоящаго космическаго вещества. Прямо надо лбомъ лопамалась лира, занявшая частицу свѣта у солнца и такъ ярко озарявшая звѣздный вѣнецъ что я словно видѣлъ насквозь весь міръ. Пока эта лира стояла неподвижно, все шло благополучно. Но вдругъ она начала вертѣться, все скорѣй и скорѣй, такъ что всѣ нервы во мнѣ дрожали. Наконецъ вращеніе дошло до такой быстроты что лира обратилась въ какое-то солнце и все существо мое сокрушилось, потому что діадема обхватывала не голову, а самый мозгъ. Вдругъ она лопнула, и все кругомъ меня потемнѣло.“

Черезъ годъ припадки прекратились. Старый епископъ вернулся на родину. Онъ является сельскимъ патріархомъ, окруженнымъ почтительною ластвой. Нове долго остава-

лось ему уже пользоваться мирною тишиной. 2го ноября 1846 года Исаия Тегнеръ скончался, на 64 году отъ рожденія.

Прославившая его поэма *Фритюфъ*, оконченная въ 1825 году, обозначаетъ поворотъ въ его жизни. Съ этого года, начавшагося для Тегнера тяжкою болѣзною, появляются припад-ки унынія, раздраженія, приведшіе, какъ мы видѣли, къ сумашествію. Слѣды внутренняго разстройства обнаруживаются и въ поэмѣ *Фритюфъ*, какъ ни преобладаетъ въ ней бодрая, свѣтлая веселость. Содержаніе этой поэмы взято, какъ извѣстно, изъ стараго норвежскаго сказанія, но въ уда-ломъ викингѣ сказывается подъ часъ тотъ же внутренній раз-ладъ, то же затаенное горе которымъ отрадалъ самъ авторъ. Къ чему отыскивать съ біографомъ Тегнера сокрытыя причи-ны этого горя, этого разлада? Была ли склонность къ помѣ-шательству наследственна въ семействѣ Тегнера, или ум-ственное разстройство развилось подъ вліяніемъ несчастной страсти—не такъ для насъ интересно, какъ то невольное по-ражающее явленіе что въ разныхъ странахъ, при весьма различныхъ условіяхъ, одна и та же роковая участь постига-етъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія даровитыхъ поэтовъ.

Въ июльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ стихотвореніи Д. В. Аверкіева *Испытаніе* вкрадась ошѣбка, на стр. 512, въ 7 строкѣ сверху,

Напечатано:
поваленнаго

Слѣдуетъ:
повалаеннаго

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ТРИДЦАТЬ ШЕСТАГО.

І Ю Л Ъ.

	<i>Стр.</i>
Поль-Джонсъ. Разказъ изъ исторіи XVIII вѣка (1836—1872). <i>Н. Боева</i>	5
Въ Сербіи 1886—1877. Записки добровольца. Окончаніе. <i>В. В. Яшерева</i>	20
Воспитаніе Славянъ въ австрійскихъ школахъ. Изъ личныхъ воспоминаній. <i>Л. М. Л.</i>	65
Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Гл. LXVI—LXVIII. <i>А. Л. Зиссермана</i>	83
Англія въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. <i>Р.</i>	141
Разказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. VII (1806—1809).....	186
Изъ исторіи физическихъ ученій съ эпохи Декарта. <i>Н. А. Любилова</i>	211
Разказы изъ 1813 года. (Ut de Franzosentid.) Фрица Рейтера. Переводъ съ нижне-нѣмецкаго. Гл. XI—XVI.	286
Четверть вѣка назадъ. Гл. XXIX—XLL. <i>Б. М. Маркевича</i>	340
Камень Сизифа. Гл. XVI—XIX. <i>К. Н. Леонтьева</i>	410
Замѣтка читателя на статью А. М. Бутлерова „Четвертое измѣреніе и медиумизмъ“. <i>Н. А. Головкинскаго</i> .	448
Новости литературы.....	473
Испытаніе. <i>Д. В. Аверкіева</i>	512
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	514

А В Г У С Т Ъ.

	<i>Стр.</i>
Мнѣнія Посошкова о нравственности и воспитаніи. <i>А. Брикнера</i>	529
На горахъ. Разказъ. Гл. LXXV—LXXXIII. <i>Андрея Печерскаго</i> ..	550
Очерки герцеговинскаго возстанія. Гл. XIX—XXI. <i>Петра Петрова</i> ..	622
Четверть вѣка назадъ. Гл. XLII—LIII. <i>Б. М. Меркевича</i> .	647
Разказы бабушки изъ воспоминаній ляти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Гл. IX. (1810—1813).	716
Изъ недавняго прошлаго въ походѣ и въ битвѣ <i>В. П. Гамулеукаго</i>	760
Изъ дневника русской женщины въ Эрзерумѣ въ 1878 году. <i>В. Д—ской</i>	803
Камень Сизифа. Гл. XX—XXII. <i>К. Н. Леонтьева</i>	852
Изъ Гёте. <i>И. П.</i>	881
Разказы изъ 1813 года. (<i>Ut de Franzosentid.</i>) <i>Фрица Рейтера</i> . Переводъ съ ниже-нѣмецкаго. Окончаніе...	883
Новости литературы	929

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Брэддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сель-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фобланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ девольвичьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1878 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1878 въ Москвѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Молдавію, Валахію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты 18 р. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи; на Страстномъ Бульварѣ.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1878 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1878 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **четырнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **шестнадцать рублей 50 коп.**; съ доставкой и пересылкою **девятнадцать рублей 50 коп.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской Типографіи отъ городскихъ и въ конторѣ редакціи отъ иногороднихъ и заграничныхъ подписчиковъ, на Страстномъ бульварѣ.

—*—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ Бульварѣ.

MAY 27 1954

